

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ В ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

55 ЛЕТ
ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ
УрО РАН

Отделение
общественных наук

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

**ОСНОВНЫЕ ТRENДЫ В ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ**

Сборник научных статей

Екатеринбург
2026

Десятилетие науки и технологий в Российской Федерации

Сборник подготовлен в рамках государственного задания Минобрнауки РФ в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2024–2026 годы «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений» № 0327-2024-0009.

Редакторы: д-р экон. наук, проф. О.А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А.П. Багирова, д-р ист. наук, проф. Г.Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И.А. Кулькова, д-р филос. наук, проф. Б.Ю. Берзин, д-р экон. наук Н.В. Кривенко, канд. экон. наук Е.Б. Бедрина, канд. экон. наук Н.П. Неклюдова, О.А. Пышминцева

Рецензенты: д-р экон. наук Т.А. Коркина, д-р экон. наук В.А. Антропов

Основные тренды в демографических событиях: проблемы и решения [Текст]:

Г 54 сб. науч. ст. / ред. д-р экон. наук, проф. О.А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А.П. Багирова, д-р ист. наук, проф. Г.Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И.А. Кулькова, д-р филос. наук, проф. Б.Ю. Берзин, д-р экон. наук Н.В. Кривенко, канд. экон. наук Е.Б. Бедрина, канд. экон. наук Н.П. Неклюдова, О.А. Пышминцева; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. — Электрон. текст. дан. (9,41 Мб). — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2026. — 916 с. — 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). — Текст: электронный.

ISBN 978-5-94646-713-1

Сборник научных статей обобщает результаты исследований, посвящённых многогранным проблемам демографического развития и поиску путей их решения. В фокусе внимания авторов — историческая ретроспектива демографических процессов, их взаимосвязь с социально-экономическим развитием регионов, социологические и психологические аспекты естественного движения населения. Значительное место в издании занимают вопросы динамики рождаемости, факторы, определяющие репродуктивное поведение, и новые подходы к родителству в современной демографической политике. Отдельные разделы сборника освещают актуальные тренды в миграции и миграционной политике, а также роль системы здравоохранения в преодолении современных демографических вызовов. Издание адресовано широкому кругу специалистов: экономистам, демографам, социологам, психологам, историкам, работникам здравоохранения, представителям органов власти, а также преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется вопросами демографического развития.

УУДК 314
ББК 60.7 (2 Рос)

I. Демографические тренды в исторической ретроспективе

<i>Араловец Н. А.</i> Болезни мужчин в российских городах в середине XX в.	8
<i>Боброва А. Г.</i> Геноцид населения БССР и трансформация возрастно-половой структуры: оценка утраченного демографического потенциала	17
<i>Воронин С. А., Кабанов А. Е., Силуянова Л. Ю.</i> Взаимодействие трёх семейств Турлаповых в селе Пустошь Ивановской области: рождение, сфера деятельности и вероисповедание	27
<i>Гуляева Н. П.</i> Моделирование демографического поведения прихожан Троицкой церкви села Арейского по данным исповедной росписи 1785 года	41
<i>Жарков А. В.</i> Влияние уровня образования на рождаемость (на материалах Всесоюзной переписи населения 1979 г. по РСФСР).....	54
<i>Журавлева В. А., Мирошниченко М. И.</i> Источники роста населения Златоуста в 1945–1959 годах	61
<i>Ковалева О. А.</i> Динамика численности населения г. Тюмени в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны.....	72
<i>Корнилов Г. Е.</i> Городское население Урала (конец XIX — начало XXI вв.): историографический анализ и перспективы исследования	81
<i>Лыткина У. В.</i> Структура смертности населения Коми АССР в 1969–1989 годах	91
<i>Потанина Ю. А., Барашкова А. С.</i> Траектории изменения семейной структуры населения в Якутии за 1970–2020 годы: историко-демографический аспект	98
<i>Роднов М. И.</i> Роль демографических факторов в периодизации бизнеса (на примере купечества Уфы и Бирска XIX – начала XX веков).....	112
<i>Розанова Л. И.</i> Морально-нравственная позиция М.В. Ломоносова к проблеме народосбережения	119

II. Социально-экономическое развитие и демография: вопросы взаимосвязи

<i>Абдуллаева Г. И.</i> гызы. Влияние демографических и социально-экономических процессов на расселение в северных приграничных районах Азербайджана	126
<i>Андреева Н. О., Сачук Д. И., Фадеева Н. Л.</i> Оценка молодежью Республики Карелия социально-экономических проблем региона: результаты количественного исследования	137
<i>Антонова О. А., Масленникова Е. В.</i> Влияние демографических факторов на накопление человеческого капитала молодежи на региональном рынке труда	149
<i>Байрамов И. А.</i> Демографические тренды Карабахского экономического района: ретроспективный анализ и прогнозы	163
<i>Барсукова Т. И., Байрамкулова Д. Д.</i> Семейное благополучие как детерминанта самооценки женщинами репродуктивного возраста своего социального здоровья.....	173
<i>Белехова Г. В.</i> Материальное положение лиц старшего возраста как составляющая благополучной старости: оценка на основе социологических данных	183

<i>Бородинов А. А., Исаков В. Р., Родина П. И.</i> Особенности влияния стремительно развивающейся современной российской экономики на темп рождаемости	196
<i>Давыдова Н. Н., Симонова А. А., Новосадова Д. А.</i> Межпоколенческое взаимодействие в образовании в условиях социально-экономических трансформаций	205
<i>Долгушина А. В.</i> Демографическая политика как фактор обеспечения экономической безопасности Дальневосточного федерального округа: анализ и перспективы	217
<i>Дорошенко С. В., Соломатин Я. И.</i> Гендерный фактор развития малого предпринимательства в российских регионах	231
<i>Зотиков Н. З.</i> Социально-экономическое развитие и демография: их взаимосвязь	241
<i>Ковзалин Д. Е., Петров Ю. В.</i> Моделирование пространственно-временных изменений численности населения юга Тюменской области	254
<i>Косыгина К. Е., Гордиевская А. Н.</i> Цифровое неравенство старшего поколения в сфере потребления	269
<i>Луцкова И. Е.</i> Становление Союза русских общин Приднестровской Молдавской Республики: теоретико-социологический анализ	282
<i>Малинина К. О., Бlynская Т. А.</i> Демографический вызов российской Арктики: экономика и население.....	291
<i>Панарина И. А.</i> Смертность от внешних причин в северных регионах России: проблемы анализа.....	299
<i>Проворова А. А.</i> Влияние современных демографических тенденций на состояние трудовых ресурсов в Арктической зоне России	307
<i>Резникова О. С., Цёхла С. Ю.</i> Социально-экономическое развитие и демография: вопросы взаимосвязи	318
<i>Смирнов А. В.</i> Особенности демографического развития регионов мировой Арктики (по данным восьми стран).....	329
<i>Соловьева Т. С., Жданова А. Э.</i> Социальная активность лиц старшего возраста как составляющая благополучной старости	337
<i>Сорокина Н. Ю.</i> Стратегические приоритеты развития регионов: баланс демографии, экономики и инфраструктуры	350
<i>Тожиева З. Н., Усманова М. И.</i> Рост и размещение городского населения Бухарской области.....	358
<i>Фаузер В. В.</i> Связность расселения российского Севера — малые города и поселки городского типа	370
<i>Чжан И.</i> Взаимосвязь между имущественным неравенством и уровнем рождаемости	383

III. Естественное движение населения: социологический и психологический аспекты

<i>Алекперова С. О.</i> гызы. Основные тенденции естественного движения населения Азербайджана: проблемы и пути решения	392
<i>Шукина А. И., Шулунина О. В., Задорожнюк Н. В.</i> Временная перспектива и жизненные стратегии студентов-психологов из новых регионов и других территорий России..	403
<i>Латышев Д. М.</i> Школьники без аттестата в Свердловской области: миграционные установки и профессиональный выбор	417
<i>Петухова И. С., Ермолаева А. В.</i> Обзор мирового опыта в области ухода за пожилыми людьми	426

<i>Широкалова Г. С., Шкурин Д. В.</i> Гендерные аспекты исторической памяти	438
<i>Шматова Ю. Е.</i> Потребность в семье, детях и внуках через призму благополучной жизни и благополучной старости	453
<i>Юрасов И. А., Мордишева Л. Н.</i> Региональные аспекты репродуктивного поведения молодежи российской провинции: проблемы, парадоксы	464

IV. Динамика рождаемости: факторы, перспективы, возможности воздействия

<i>Архангельский В. Н.</i> Региональные различия поколенческих изменений показателей рождаемости	475
<i>Васильева Е. Н., Васильев Е. С.</i> Динамика рождаемости в Краснодарском крае за 2011–2024 гг.: основные тенденции и направления демографического роста.....	490
<i>Винокурова И. А.</i> Факторы откладывания рождения первенца в мегаполисах России: социологический анализ поколения миллениалов и зумеров	501
<i>Данилова С. В.</i> Рождаемость в воспроизводстве населения РФ и ее характеристика в ХМАО-Югре.....	512
<i>Домнич Е. Л.</i> Динамика рождаемости в крупнейших городах Дальнего Востока: межвременные взаимодействия	521
<i>Евграфова А. А., Кузнецова Е. А.</i> Репродуктивные установки студенческой молодёжи.....	529
<i>Захарова М. С., Колычева В. А.</i> Детерминанты рождаемости в Российской Федерации: факторный анализ методом градиентного бустинга	541
<i>Камарова Т. А., Тонких Н. В.</i> Экономические аспекты: «стоимость» ребенка и репродуктивные установки молодежи	551
<i>Ростовская Т. К., Пачин А. В.</i> Репродуктивные установки студенческой молодежи Северного Кавказа.....	563
<i>Ростовская Т. К., Рочева Я. С.</i> Представления о характеристиках демографического потенциала молодых мужчин с приобретенной инвалидностью	573

V. Ответственность за будущее: новые подходы к родительству в демографической политике

<i>Апальков Е. В., Колбасин Н. А., Быкова С. Е., Лопатина В. Р., Золотницкая Л. В.</i> Загородный детский отдых в работах отечественных исследователей	583
<i>Быкова С. Е., Золотницкая Л. В.</i> Детский загородный отдых в работах зарубежных исследователей.....	594
<i>Горожанкина К. И., Калашикова В. А.</i> Осознанное родительство как педагогический тренд: формы взаимодействия дошкольного образовательного учреждения с семьями нового поколения.....	605
<i>Молодец К. В.</i> Деинституционализация как стратегия демографического развития: внедрение профессиональной семейной заботы для подростков группы риска в Приднестровье.....	616
<i>Подковский Г. Ю., Шатунова А. А., Лохина С. Д., Минин Г. И., Шакирьянов Д. Р., Лопатина В. Р., Золотницкая Л. В.</i> Детский загородный отдых в Свердловской области: социологический мониторинг удовлетворенности родителей	627
<i>Пономаренко О. Н.</i> Родительский труд в социальных науках: синтез экономических и социологических аспектов исследований.....	637
<i>Чеботарев Д. Д.</i> Цифровое чайдлфри в Российской Федерации. Государственный метод кнута и пряника	645

<i>Шматова Ю. Е.</i> Родительские риски здоровью и развитию дошкольника: результаты когортного мониторинга в Вологодской области	654

VI. Новые тренды в миграции и миграционной политике

<i>Алимова Т. М.</i> Гибкие миграционные режимы как современный инструмент регулирования рынка труда	669
<i>Бедрина Е. Б., Алаи Е.</i> Феномен обратных трансграничных денежных переводов новой китайской миграции.....	685
<i>Буттаев Ш. Н., Бритвина И. Б., Шумилова П. А.</i> Ценностные ориентиры молодых таджиков в России.....	693
<i>Евтюгина А. А., Решетняк П. П.</i> Трудоустройство мигрантов в Свердловской области: проблемы и перспективы	706
<i>Козлова О. А., Пышминцева О. А.</i> Особенности миграционного поведения населения Свердловской области.....	718
<i>Кононова Д. С.</i> Актуальные тенденции возвратной миграции соотечественников, проживающих за рубежом, в Российскую Федерацию	732
<i>Куприна Т. В., Байрамова А. Д.</i> Влияние межкультурной миграции на результативность в бизнес-среде	744
<i>Найден С. Н., Курьян С. П., Бравок П. С.</i> Особенности трудовой миграции на Дальнем Востоке России	754
<i>Соловьев И. И.</i> Современные тренды миграции населения в городах России с числом жителей 100 и более тысяч человек	768
<i>Чернышев К. А.</i> Миграции и миграционные связи регионов Урала	778
<i>Шумилова П. А., Колчин Н. О.</i> Цифровые каналы адаптации молодых мигрантов в стране приема (на примере мигрантов из Таджикистана в России).....	785

VII. Развитие системы здравоохранения в контексте современных демографических событий: проблемы и решения

<i>Агиевец О. В., Романова А. П., Чернов Д. А.</i> Особенности групповой возрастной динамики смертности трудоспособного населения Республики Беларусь в 1990–2019 гг.	793
<i>Белик О. С.</i> Предикторы идиопатического мужского бесплодия в условиях промышленного Севера России: прогностическая модель на основе микроэлементного профиля	804
<i>Ванаева Э. И., Калугин Д. А., Палаухин А. С.</i> Реализация мероприятий по реабилитации и адаптации инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья через систему проектного управления и программно-целевой подход (на примере Пермского края).....	812
<i>Ерёмченко О. А.</i> Мировой и российский опыт патентных инноваций в сфере здравоохранения для удаленных и труднодоступных территорий.....	825
<i>Кузьмин К. В., Петрова Л. Е., Харченко В. С.</i> Анализ основных факторов «предрасположенности к увольнению» среднего медицинского персонала Свердловской области: по материалам прикладного социологического исследования.....	836

<i>Мирошниченко О. А., Ивашкина Ю. Ю.</i> Доступная среда: демографические тренды и потребности маломобильных групп населения	847
<i>Разварина И. Н.</i> Результаты медико-социологического исследования в прогнозировании перинатальных рисков.....	857
<i>Сморудова Н. И., Струин Н. Л.</i> Концепция «Салютогенного дизайна» и реальность ее применения в медико-социальных учреждениях Свердловской области.....	868
<i>Шарипова Э. Р., Большакова Н. Л.</i> Здоровоохранение в демографически изменяющемся обществе: от кризисных тенденций к устойчивым решениям	877
<i>Юодешко В. И., Богданович Е. А.</i> Актуальные направления охраны здоровья населения Беларуси с учетом особенностей жизненного цикла женщин и мужчин	890
<i>Степанов Д. В.</i> Современная российская демографическая ситуация в контексте наследия А. В. Чаянова.....	902

I. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 305, 314.4, 614.1

JEL classification: J11, I12, J17

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-1-1>

Болезни мужчин в российских городах в середине XX в.¹

Н. А. Араловец

Институт российской истории РАН (г. Москва, Россия).

Автор для корреспонденции: Н. А. Араловец (aralovetz@yandex.ru).

Аннотация. Изучение заболеваемости крайне важно для понимания состояния здоровья населения, включая социально демографические группы, в определенные исторические периоды. Однако эти проблемы недостаточно исследовались в историографии. В статье на основе архивных и опубликованных данных текущей и медицинской статистики, переписи населения 1959 г., проведенных обследований рассматриваются факторы, частота, динамика, структура заболеваемости мужчин в российских городах в 1950-е гг. Отмечается понижение у мужчин показателей заболеваемости традиционными инфекционными и паразитарными заболеваниями, а также болезнями органов пищеварения. Показывается увеличение распространения современных заболеваний системы кровообращения, злокачественных новообразований, эндокринных, психоневрологических. В городах РСФСР сокращение заболеваемости мужчин традиционными болезнями и увеличение современными подтверждало развитие эпидемиологического перехода. В то же время обращается внимание на сохранение высокого уровня заболеваемости мужчин болезнями органов дыхания, травм, в т. ч. производственных, и отравлений. Подчеркивается значительная роль мужчин, особенно пожилого возраста, в распространении современных болезней и повышении смертности населения от этих заболеваний. Статья адресована научным работникам, преподавателям, студентам и аспирантам.

Ключевые слова: РСФСР; города; мужское население; заболеваемость; здоровье.

Male Population Morbidity in Russian Cities in the 1950s

N. Aralovets

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Corresponding author: N. Aralovets (aralovetz@yandex.ru).

Abstract. Studying the incidence of diseases is crucial for understanding the health status of the population, including socio-demographic groups, in specific historical periods. However, these issues have not been sufficiently explored in historiography. Based on archival and published data from current and medical statistics, the 1959 population census, and surveys conducted, this article examines the factors, frequency, dynamics, and structure of male morbidity in Russian cities in the 1950s. It highlights the decline in traditional infectious and parasitic diseases, as well as digestive system disorders, among men. The article shows an increase in the prevalence of modern circulatory diseases, malignant neoplasms, endocrine diseases, and neuropsychiatric disorders. In the cities of the RSFSR, the decrease in the incidence of traditional diseases among men and the increase in modern diseases confirmed the development of the epidemiological transition. At the same time, attention is drawn to the continued high incidence of respiratory diseases, injuries, including occupational injuries, and poisoning among men. The article highlights the significant contribution of men, espe-

¹ © Араловец Н. А. Текст. 2026.

cially older men, to the spread of modern diseases and the resulting increase in mortality rates. The article is intended for researchers, professors, students, and postgraduate students.

Keywords: RSFSR; cities; male population; morbidity; health.

Введение

Заболеваемость населения показывает частоту, динамику, структуру болезней населения в определенные исторические периоды. Важную роль в этом играют сведения о характере заболеваемости, прежде всего, по возрасту и полу населения. Все эти данные необходимы для определения состояния здоровья населения, выработки научных методов противодействия болезням. В современных условиях заметно усиливаются проблемы, связанные с рождаемостью и репродуктивным поведением российского населения, здоровьем и продолжительностью жизни. Сложные демографические условия обуславливают важность ретроспективных исследований, в т. ч. социально-демографических групп: молодежи, мужчин и женщин среднего возраста, пожилых людей. Увеличение рождаемости, активной продолжительной жизни непосредственно связано с изучением заболеваемости мужчин. Однако исследователи уделяли этому вопросу недостаточное внимание. Подобное отношение объяснялось нехваткой источников, прежде всего, архивных. В конце XX в. ослабление запретов в российском обществе, связанное с рассекречиванием архивных данных, усилило научный интерес к демографической проблематике. В рамках этого интереса изучалась и заболеваемость населения. Об этом свидетельствует состояние историографии рассматриваемой проблемы.

Обзор литературы

В конце XX и в XXI вв. в РСФСР в связи с публикацией архивных данных демографического характера началось историческое изучение заболеваемости населения, включая мужское, в отдельные десятилетия. Однако исследователи рассматривали заболеваемость мужчин главным образом в хронологических рамках изучения демографических процессов, преимущественно смертности. Такое рассмотрение носило фрагментарный характер. Результаты проведенных исследований нашли отражение в обобщающих демографических монографиях (Рыбаковский, 1988; Жиромская, 2001; Римашевская, 2001; Вишневский, 2006). Аналогичный характер изучения заболеваемости мужчин отмечался и в региональных исследованиях (Исупов, 2017). Рассматривались отдельные заболевания мужчин, зафиксированные в 1950-е гг. На основе данных специально проведенных обследований стало очевидным влияние профессий, особенно нефтехимического производства, на состояние здоровья рабочих и их заболеваемость злокачественными заболеваниями (Смулевич, 2000). Обнаружилось воздействие алкоголизации на заболеваемость мужчин, раскрывались ее факторы, в т. ч. социально-психологические (Левин & Левин, 1988; Немцов, 2009). Таким образом, исследования заболеваемости мужчин в 1950-е гг. не получили самостоятельного изучения, рассматривались только отдельные аспекты, преимущественно связанные с демографической ситуацией в РСФСР в целом. Болезни мужчин, их изменения, влияние на состояние здоровья, в т. ч. репродуктивное, рождаемость и смертность раскрывались мало, особенно в отдельные десятилетия, включая 1950-е гг.

Материалы и методы

Рассматриваемая проблема исследуется преимущественно на архивных и опубликованных данных текущей и медицинской статистики, Всесоюзной переписи населения 1959 г., а также проведенных обследований. В статье используются разнообразные методы историко-демографического исследования, среди них исторические, статистические, демографические, ретроспективные. Применяемые в статье источники и методы исследования позволяют показать особенности заболеваемости мужского населения в 1950-е гг.

Результаты

Здоровье мужчин, как и всего населения РСФСР, зависело от разнообразных факторов и прежде всего от состояния окружающей среды, качества жизни, уровня здравоохранения, наследственных особенностей организма и др. Особое влияние на мужской организм оказывал социально-психологический фактор. Изучение этого фактора показало негативное влияние нервно-психического напряжения на состояние здоровья мужчин не только на работе, но и дома¹. Совокупность социальных, медицинских, санитарно-гигиенических и других факторов способствовала развитию у мужчин заболеваний органов дыхания, пищеварения, инфекционных и паразитарных, систем кровообращения, эндокринной, новообразований, особенно злокачественных, а также травм и т. д.²

В 1950-е гг., особенно в российских городах, в условиях повышения качества жизни заболеваемость мужского населения инфекционными болезнями сокращалась. Об этом явлении свидетельствует статистика распространения кори, скарлатины, коклюша, дифтерии, брюшного тифа и паратифа, полиомиелита, сыпного тифа. Тем не менее в 1956 г. по сравнению с 1955 г. не только в городах РСФСР, но и в сельской местности заметно небольшое увеличение дифтерии (Ленинградская область), коклюша (Кемеровская область), скарлатины (Свердловская область, без Свердловска), сыпного тифа (Краснодарский, Ставропольский края, Ленинград, Ленинградская область), явное возрастание полиомиелита (Ленинград, Ленинградская область, Москва, Московская область, Татарская АССР, Кемеровская, Свердловская области)³. Указанными инфекционными болезнями заболевали и женщины.

В конце 1950-х гг. в городах РСФСР среди мужчин были распространены инфекционные и паразитарные болезни: дифтерия, коклюш, скарлатина, брюшной тиф, паратиф А и В, бруцеллез, трахома и др. Фиксировались заболевания сибирской язвой, вирусным гепатитом, дизентерией, церебральным менингитом. Широкое распространение имели грипп и острые инфекции верхних дыхательных путей. Кроме того, мужчины болели активными формами туберкулеза, особенно органов дыхания. Тем не менее в конце 1950-х гг. в российских городах уровень заболеваемости населения туберкулезом, в т. ч. среди мужчин, снижался. С 1950-го по 1960-й гг. в СССР заболеваемость населения туберкулезом

¹ Эти факторы отмечались и в учебной литературе: Медик, В. А., Лисицин. В. И. (2016). Общественное здоровье и здравоохранение. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 496.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 927. Л. 5, 16–21 об.

³ Там же. Д. 316. Л. 35–38 об.

уменьшилась на 51 %¹. Мужчины значительно чаще женщин заболевали болезнями органов дыхания, особенно легких, плевры, трахей.

В 1950-е гг. чаще всего в крупных городах распространялись венерические заболевания. В сельской местности это явление широкого распространения не получило. Объяснялось это притоком мужчин и женщин в активном репродуктивном и брачном возрастах на работу и учебу в индустриально развитые административные города. Низкий уровень сексуальной культуры и санитарно-гигиенических знаний у населения в целом, в т. ч. у молодых людей, значительно способствовали развитию венерических болезней, особенно гонорей. Мужчины и женщины болели этими заболеваниями преимущественно в молодом трудоспособном возрасте.

Наиболее распространенным венерическим заболеванием являлась гонорея. В составе больных были и мужчины, и женщины. Данные городских кожно-венерологических учреждений выявили численное преобладание мужчин среди зарегистрированных больных острой гонореей и женщин — хронической².

Неудовлетворительные условия жизни, недостаточная санитарная культура населения способствовали развитию инфекционного заболевания глаз — трахомы³. Мужчины разных возрастов были подвержены этому заболеванию.

Неудовлетворительные жизненные условия в целом сказывались на заболеваемости мужчин болезнями органов пищеварения, особенно гастроэнтеритом и колитом. Однако в конце 1950-х гг. в городах РСФСР в условиях повышения качества жизни заболеваемость мужского населения инфекционными и паразитарными болезнями, а также органов пищеварения стала снижаться.

Таким образом, в конце 1950-х гг. в российских городах улучшение уровня жизни способствовало снижению инфекционной заболеваемости населения, что отмечалось и у мужчин. Сокращение заболеваемости мужского населения туберкулезом, другими опасными болезнями органов дыхания, пищеварения заметно влияло на понижение уровня заболеваемости населения инфекционными и паразитарными болезнями в целом.

Вместе с тем загрязнение атмосферы, почвы, воды преимущественно в городах воздействовало на организм человека, способствуя распространению болезней системы кровообращения и онкологических, в т. ч. злокачественных новообразований. Важно отметить, что эти заболевания в значительной степени были обусловлены внутренним состоянием организма, его индивидуальными особенностями. Тем не менее сохранялось и воздействие внешних факторов.

Заметное влияние на распространение болезней системы кровообращения и злокачественных новообразований оказывал возрастной состав населения. Тем более что количество этих заболеваний повышалось в пожилом возрасте. Из данных переписи населения 1959 г. следует, что в городах РСФСР в возрасте 60 лет и старше находилось — 7,6 % от численности городского населения: мужчин — 5,0 %, женщин — 9,7 %; в сельской местности соответственно 10,5 % от численности сельского населения: мужчин — 7,5 %, женщин — 12,9 %;

¹ Заболеваемость населения СССР туберкулезом и смертность от него: стат. сб. (1974). Москва: Б. и., 137.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 46. Д. 1684. Л. 126 – 126 об.

³ Там же. Оп. 27. Д. 944. Л. 10 (подсчеты автора).

в РСФСР — 9,0 % от общей численности российского населения: мужчин — 6,2 %, женщин — 11,2 %¹. В городах мужчин пожилого возраста было количественно меньше по сравнению с женщинами. Это явление фиксировалось и в сельской местности и в РСФСР в целом.

Нездоровое, несбалансированное питание с преобладанием углеводов, жиров, крахмала, сахара, злоупотребление алкоголем, курение, эмоциональное напряжение и другие факторы в совокупности и длительности влияния на организм развивают разнообразные серьезные патологии, в т. ч. вызывают заболевания системы кровообращения. В конце 1950-х гг. в городах у мужчин часто встречалась ишемическая болезнь сердца (хроническое заболевание, при котором из-за сужения или закупорки коронарных артерий миокард (сердечная мышца) не получает достаточное количество кислорода). Такое состояние артерий и миокарда вызывает стенокардию, инфаркт миокарда, постинфарктный кардиосклероз, а также ревматизм, гипертонию, атеросклероз, поражающий артериальные сосуды (артерии) по всему организму, и другие негативные явления.

Болезни системы кровообращения негативно сказывались на состоянии здоровья населения, часто приводили к инвалидности. Об этом явлении свидетельствовали проведенные обследования. Наиболее распространенными причинами инвалидности у мужчин были атеросклероз коронарных сосудов и дистрофия миокарда, гипертоническая болезнь, склероз сосудов головного мозга. Причины инвалидности у женщин также были связаны с болезнями системы кровообращения. Вместе с тем инвалидность у мужчин, обусловленная заболеваниями гипертонией, атеросклерозом коронарных сосудов и дистрофией миокарда, ревматизмом, была распространена меньше, чем у женщин. Подобное соотношение подтверждалось специальными обследованиями (Якобашвили, 1965).

В РСФСР загрязнение окружающей среды, нездоровые условия труда, быта, питания негативно влияли на организм человека, способствуя умножению злокачественных новообразований и онкологических болезней в целом. Эти болезни, как и сердечно-сосудистые заболевания, определялись высокими показателями в РСФСР людей пенсионного возраста. В 1959 г. в РСФСР мужчины пенсионного возраста составляли 6,2 %, женщин было значительно больше — 16,2 % (Мерабишвили, 2019).

Большие злокачественными новообразованиями количественно преобладали в российских городах. Тем не менее их число и в сельской местности было значительным. В 1950-е гг. в РСФСР больных, которым диагноз «рак» был поставлен впервые, немного увеличилось в городах и сократилось в сельской местности. В 1955 г. в РСФСР из их общего числа больных злокачественными новообразованиями городские жители составляли 55,4 %, сельские — 44,6 %; в 1959 г. соответственно 55,8 % и 44,2 %².

Мужчины заболевали злокачественными новообразованиями реже женщин: соответственно 41,5 % и 58,5 % от общего числа городского и сельского населения.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. (1962). Москва: Госстатиздат, 456.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 189. Л. 2 об.; Д. 944. Л. 12 об. (подсчеты автора). Распределение больных на городских и сельских жителей производилось по месту жительства, а не по месту обращения за медицинской помощью.

В РСФСР наиболее часто фиксировались злокачественные новообразования желудка, матки, кожи. В 1959 г., из данных сводного отчета Министерства здравоохранения РСФСР по онкологическим диспансерам и больницам, следует, что в городах (в процентном отношении от числа взятых на учет больных, которым впервые был поставлен такой диагноз) больные злокачественными новообразованиями желудка составляли 32,6 %, матки — 15,7 %, кожи — 13,4 %, бронхов, легких, плевры — 7,3 %, пищевода — 4,7 %, других органов — 10,3 %, прочие — 16,0 %¹.

В РСФСР из общей численности больных злокачественными новообразованиями количество мужчин, больных злокачественными новообразованиями желудка (49,0 %), было ниже по сравнению с женщинами (51,0 %). Однако мужчины, больные злокачественными новообразованиями полости рта, преобладали: их насчитывалось 52,0 %, женщин — 48,0 %. В возрасте 70 лет и старше ситуация менялась: число зарегистрированных мужчин, больных злокачественными новообразованиями желудка (мужчины — 45,6 %, женщины — 54,4 %) и полости рта (соответственно — 48,8 % и 51,2 %), было ниже по сравнению с женщинами².

Злокачественные новообразования у мужчин фиксировались практически во всех возрастных группах. В то же время с увеличением возраста число онкобольных мужчин повышалось, особенно в среднем возрасте. Но самое значительное их количество отмечалось в возрастах 50–59 и 60–69 лет.

В 1950-е гг. у мужчин отмечались эндокринные заболевания, главным образом связанные с увеличением щитовидной железы.

В конце 1950-х гг. в городах РСФСР распространились психоневрологические болезни, прежде всего, шизофрения, алкоголизм и алкогольные психозы. Из данных отчета за 1959 г. о деятельности в РСФСР самостоятельных городских и сельских психоневрологических учреждений следует, что больные шизофренией составляли 28,4 % (от численности всех больных, поступивших в эти учреждения), алкогольными психозами и хроническим алкоголизмом — 21,0 %, эпилепсией — 8,1 %, невротами, психоневротами, реактивными состояниями — 7,8 %. Заметно меньшее число больных было связано с диагнозами: психические напряжения при травме мозга — 5,2 %, церебральный артериосклероз и другие сосудистые болезни — 4,5 %, органические поражения центральной нервной системы — 4,5 % и др.³. Важно отметить, что у мужчин часто диагностировались шизофрения и алкогольные психозы.

В конце 1950-х гг. в российских городах алкоголизм среди мужского населения был широко распространен. Это негативное явление развивалось и в последующие годы. Изучение данных медвытрезвителей показало численное преобладание рабочих среди их клиентов. Так, в 1965 г. рабочие составляли 87,4 %, служащие, в т. ч. инженерно-технические работники — 9,2 %, учащиеся — 1,0 %, пенсионеры — 2,4 % (Левин & Левин, 1988).

В рассматриваемые годы в городах распространение имели и травмы, в т. ч. производственные, которые часто встречались у мужчин.

¹РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 937. Л. 1 об., 3–4 об. (подсчеты автора).

²РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 944. Л. 12–12 об. (подсчеты автора).

³Там же. Д. 933. Л. 3 об. (подсчеты автора).

Репродуктивное здоровье мужчин напрямую зависит от их болезней. Изучение мужского репродуктивного здоровья выявило его подверженность многим факторам, в т. ч. социально-психологическим, генетическим, профессиональным, экологическим и другим. В городах РСФСР у мужчин молодого репродуктивного возраста фиксировались такие болезни, как нефриты, заболевания эндокринной системы, сахарный диабет, отмечались также венерические болезни, алкоголизм, злокачественные новообразования. Все эти заболевания отражались на состоянии их здоровья в целом и воздействовали на репродуктивное здоровье, что наряду с другими факторами сказывалось на рождаемости. Следует также отметить, что здоровье биологических родителей определяет не только уровень рождаемости, но и жизнеспособность новорожденных, развитие и состояние здоровья ребенка, включая утробный период, продолжительность жизни.

Заключение

В 1950-е гг. в городах РСФСР у мужчин имелись заболевания как инфекционные и паразитарные, органов дыхания и пищеварения, — преимущественно связанные с внешним воздействием на организм человека, особенно с качеством жизни, так и органов кровообращения, онкологические, прежде всего злокачественные и др., — обусловленные особенностями внутреннего состояния организма. Однако в конце 1950-х гг. у горожан РСФСР в целом, в том числе и у мужчин, снижался уровень заболеваемости инфекционными и паразитарными болезнями, а также органов пищеварения. Наряду с этим усилилось распространение болезней системы кровообращения, злокачественных новообразований, эндокринных, психоневрологических. Сохранялись высокие показатели заболеваемости мужчин болезнями органов дыхания. Снижение уровня заболеваемости традиционными болезнями и увеличение современными свидетельствовало о развитии эпидемиологического перехода. Современные заболевания были связаны с высокой смертностью населения, в т. ч. мужского. Мужчины, особенно пожилого возраста, имели такие заболевания преимущественно, увеличивая их распространение и смертность населения.

Список источников

- Араловец, Н. А. (2023). *Здравоохранение и здоровье населения РСФСР в 1959–1989 гг.* Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 530. EDN: NRQHOС
- Вишневский, А. Г. (Ред.) (2006). *Демографическая модернизация России.* Москва: Новое изд-во, 599.
- Жиромская, В. Б. (Ред.) (2001). *Население России в XX веке: ист. очерки.* Т. 2. Москва: РОССПЭН, 414.
- Исупов, В. А. (Ред.) (2017). *Демографическая история Западной Сибири, конец XIX—XX вв.* Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 347.
- Левин, Б. М., Левин, М. Б. (1988). *Демографические штрихи к портрету пьеницы.* Москва: ИСИ АН СССР, 20.
- Мерабишвили, В. М. (2019). Аналитические показатели: анализ реального состояния динамики смертности населения России от злокачественных новообразований и изменения ее структуры. *Вопросы онкологии*, 65 (2), 205–219.
- Немцов, А. В. (2009). *Алкогольная история России: новейший период.* Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 320.

Римашевская, Н. М. (Ред.) (2001). *Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века: проект «Таганрок»*. Москва: ИСЭП, 314.

Рыбаковский, Л. Л. (Ред.) (1988). *Население СССР за 70 лет*. Москва: Наука, 215.

Смулевич, В. Б. (2000). *Профессия и рак*. М.: Медицина, 384.

Якобашвили, В. А. (1965). Сердечно-сосудистые заболевания как причина инвалидности рабочих и служащих в Краснодаре. *Здравоохранение Российской Федерации*, 9, 16–20.

References

Aralovets, N. A. (2023). *Zdravookhranenie i zdorove naseleniya RSFSR v 1959–1989 gg. [Healthcare and public health of the RSFSR in 1959–1989]*. Moscow; S-Peterburg: Tsentr humanitarnykh initsiativ, 530. (In Russ).

Isupov, V. A. (Ed.) (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoj Sibiri, konec XIX-XX v. [Demographic history of Western Siberia, the end of the XIX-XX centuries]*. Novosibirsk: Institute of history of the Russian Academy of Sciences, 347. (In Russ).

Levin, B.M. & Levin, M.B. (1988). *Demograficheskie shtrikhi k portretu pyanitsy [Demographic Details of a Drunkard's Portrait]*. Moscow: ISI of the USSR Academy of Sciences, 20. (In Russ).

Merabishvili, V. M. (2019). Analytical indicators: analysis of the real state of the dynamics of Russia's population mortality from malignant neoplasms and changes in its structure. *Voprosy onkologii [Issues of Oncology]*. Vol. 65, No. 2. 205-219 (In Russ.)

Nemtsov, A. V. (2009). *Alkogolnaya istoriya Rossii: noveishiy period [Alcoholic History of Russia: The Modern Period]*. Moscow: LIBROKOM Book House, 320. (In Russ).

Rimashevskaya, N. M. (Ed.) (2001). *Zhenshchina, muzhchina, sem'ya v Rossii: poslednyaya tret' XX veka: proekt «Taganrok» [A woman, a man, a family in Russia: the last third of the XX century: the taganrok project]*. Moscow: IPEP, 314. (In Russ).

Rybakovsky, L. L. (Ed.) (1988). *Muzhchina v menyashchimsya mire [The population of the USSR for 70 years]*. Moscow: Nauka, 215. (In Russ).

Smulevich, V. B. (2000). *Professiya i rak [Profession and Cancer]*. Moscow: Medicine, 384. (In Russ).

Vishnevsky, A. G. (Ed.) (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii [Demographic modernization of Russia]*. Moscow: New edition, 599. (In Russ).

Yakobashvili, V. A. (1965). Cardiovascular Diseases as a Cause of Disability among Workers and Employees in Krasnodar. *Zdravookhraneniya Rossiyskoi Federatsii [Health Care of the Russian Federation]*. No. 9. 16-20. (In Russ.)

Zhiromskaya, V. B. (Ed.) (2005). *Naselenie Rossii v XX veke: ist. ocherki [The population of Russia in the XX century: historical essays]*. T. 2. Moscow: ROSSPEN., 414. (In Russ).

Араловец Наталья Аркадьевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; e-mail: aralovetz@yandex.ru).

Natalia A. Aralovets — Dr. of Historical Sciences, Chief Scientific Officer, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanova str., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: aralovetz@yandex.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314

JEL classification: J11

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-1-2>

Геноцид населения БССР и трансформация возрастно-половой структуры: оценка утраченного демографического потенциала¹

А. Г. Боброва

Институт экономики НАН Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь)

<https://orcid.org/0000-0001-5054-2156>

Автор для корреспонденции: А. Г. Боброва (nastassiabobrova@mail.ru).

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки долгосрочных демографических последствий геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны для понимания современных вызовов: старения населения, дефицита трудовых ресурсов и устойчивости социально-экономического развития. Целью работы является ретроспективный анализ масштаба и структуры демографических потерь и их влияния на трансформацию возрастно-полового состава населения Беларуси вплоть до настоящего времени. Методология основывается на сравнительном анализе исторических демографических данных, ретроспективном моделировании гипотетической численности населения при отсутствии военных потерь и когортном анализе ключевых возрастных групп. Автором количественно оценен совокупный ущерб демографическому потенциалу. Установлено, что при сохранении довоенных трендов население Беларуси к 2024 г. могло бы составить 16,7 млн человек (на 81,5 % больше реального). Выявлены глубинные структурные деформации: во всех социально значимых возрастных группах (дети, молодежь, трудоспособное население) наблюдаются потери около 50–57 % от потенциальной численности, что формирует долгосрочное «демографическое эхо», подрывающее воспроизводство человеческого капитала и создающее повышенную нагрузку на социально-экономическую систему страны.

Ключевые слова: геноцид; демографический ущерб; возрастно-половая структура; ретроспективный прогноз; военные потери.

The Genocide of the BSSR Population and the Transformation of the Age-Gender Structure: Assessing the Lost Demographic Potential

A. Bobrova

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

<https://orcid.org/0000-0001-5054-2156>

Corresponding author: A. Bobrova (nastassiabobrova@mail.ru).

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to assess the long-term demographic consequences of the genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War in order to understand current challenges: population aging, labor force shortages, and the sustainability of socio-economic development. The aim of the work is a retrospective analysis of the scale and structure of demographic losses and their impact on the transformation of the age-sex composition of the population of Belarus up to the present. The methodology is based on a comparative analysis of historical demographic data, retrospective modeling of the hypothetical population size in the absence of wartime losses, and cohort analysis of key age groups. The author provides a quantitative assessment of the total damage to the demographic potential. It has been established that, had pre-war trends been maintained, the population of Belarus by 2024 could have reached 16.7 million people (81.5 % higher than the actual figure). Profound structural deformations have been iden-

¹ © Боброва А. Г. Текст. 2026.

tified: in all socially significant age groups (children, youth, working-age population), losses amount to approximately 50–57 % of the potential size. This creates a long-term «demographic echo,» undermining the reproduction of human capital and imposing an increased burden on the country's socio-economic system.

Keywords: genocide, demographic damage, age-sex structure, retrospective forecast, wartime losses.

Введение

Демографические последствия геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны остаются одним из ключевых факторов, определяющих современную структуру населения и долгосрочные траектории развития Республики Беларусь. Масштаб человеческих потерь, сочетание прямого и косвенного демографического ущерба, а также межпоколенческий характер их проявления обуславливают необходимость ретроспективного количественного анализа, позволяющего оценить глубину деформации демографической системы и ее влияние на социально-экономические процессы. В условиях старения населения, сокращения трудовых ресурсов и усиления нагрузки на системы социальной защиты осмысление «демографического эха» войны приобретает прикладное значение для разработки государственной демографической, семейной и социальной политики.

Традиционно демографические потери Беларуси в годы войны описывались в обобщенной форме, часто через одну усредненную оценку числа погибших, вошедшую в энциклопедические и справочные издания¹ (Иоффе, 2003а). Однако такие агрегированные показатели недостаточно отражают структурный характер потерь, пространственно-возрастные различия и масштаб нереализованного демографического потенциала. Настоящее исследование направлено на уточнение количественных оценок демографического ущерба путем сравнения фактической численности населения с гипотетическими сценариями естественного развития, а также на анализ последствий для возрастно-половой структуры, межпоколенческой ротации и устойчивости демографической системы Беларуси.

Проблематика людских потерь СССР и БССР в годы Великой Отечественной войны на протяжении десятилетий была в центре внимания историков, демографов и экономистов. Исследования Э. Иоффе, А. Литвина и других авторов показали, что официальные оценки долгое время занижали реальные масштабы потерь; позднейшие реконструкции с использованием архивных данных, методов демографического баланса и ретроспективного моделирования существенно скорректировали первоначальные цифры (Иоффе, 2003б; Литвин, 2002). При этом в белорусской научной литературе особое внимание уделялось не только количеству погибших и пропавших без вести, но и косвенным потерям вследствие снижения рождаемости, повышения смертности, депортаций и миграционных перемещений (Шахотько, 1975; Боброва, 2025).

Людские потери и разрушение семейных структур выступили одной из причин современных демографических проблем Беларуси — устойчивого уменьшения численности населения и ускоренного старения. Вместе с тем сравнительно меньше исследований опираются на системное сопоставление фактической и гипотетической численности населения на длинном временном интервале, позволяя оценить масштаб утраченного демографического потенциала в межпоколенческой

¹ Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 3. Мн.: БелЭн, 1996, 527

перспективе. Настоящая работа развивает этот подход, сочетая классические методы демографического анализа с ретроспективным прогнозированием и когортным разрезом ключевых возрастных групп.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили официальные данные Национального статистического комитета Республики Беларусь о численности, рождаемости и смертности населения, данные переписей населения, а также результаты расчетов, выполненных в рамках демографического анализа послевоенного периода. В качестве исходной точки сравнения использовались показатели довоенной численности населения БССР (1940–1941 гг.) и итоговые оценки численности на ключевые временные срезы — 1945, 1950, 1959 гг. и начало 2025 г.¹ (Равун, 1968).

Методологически исследование опирается на сочетание балансового метода, ретроспективного демографического моделирования и когортного анализа (Whelpton, 1928). На первом этапе была оценена фактическая численность населения БССР в 1945 г. и рассчитана величина прямых демографических потерь (погибшие, пропавшие без вести, умершие в условиях оккупации, депортированные) как разность между довоенной численностью и оценкой численности на момент окончания войны. На втором этапе использовались данные о рождаемости и смертности в 1946–1950 гг. для реконструкции численности населения к 1950 г. с учетом компенсаторного подъема рождаемости и оценки остаточного демографического дефицита относительно довоенного уровня.

На третьем этапе был построен ретроспективный прогноз гипотетической численности населения Республики Беларусь на начало 2024 г. при условии сохранения фактических демографических тенденций 1950–2019 гг., но без военного демографического шока. Сопоставление этой гипотетической траектории с реальной численностью позволило оценить масштаб утраченного демографического потенциала. Дополнительно была выполнена когортная декомпозиция по ключевым возрастным группам: 0–14 лет (пререпродуктивная группа), 15–17 лет (подростки), 18–29 лет (репродуктивно-активная молодежь), 18–26 лет (военнообязанное население), 18–60 лет (экономически активное население) и 61+ (пострепродуктивная группа). Для каждой когорты рассчитывались относительные и абсолютные отклонения фактической численности от гипотетических значений, что позволило количественно описать феномен «демографического эха» и структурные деформации возрастно-половой пирамиды.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ демографических данных для оценки последствий геноцида белорусского народа в 1941–1945 гг. показывает, что совокупные демографические потери существенно превосходят ранее используемые в научных публикациях оценки. По расчетам, численность населения БССР в 1945 г. составила

¹ Народное хозяйство БССР, 1990 год. — Госкомстат, 1991. — с. 7.; БССР в цифрах, 1985 год: краткий статистический сборник / ЦСУ БССР. — Минск: Беларусь, 1986. — с. 9, с. 13. ; Народное хозяйство БССР, 1980 год: краткий статистический сборник / ЦСУ БССР. — Минск: Беларусь, 1981. — с. 21–22.

6 862,5 тыс. человек, что на 2 230 тыс. меньше уровня 1941 г., причем речь идет не только о прямых боевых потерях, но и о результатах массовых казней мирных жителей, насильственных депортаций и иных форм насилия. Ранее нередко сравнение велось с данными переписи 1959 г., на фоне которых масштаб военных потерь визуально смягчался, поскольку к этому времени численность населения достигла 8 055 тыс. человек, фактически компенсировав часть утраченного за счет высокой послевоенной рождаемости.

Использование ретроспективных расчетов рождаемости и смертности в 1946–1950 гг. позволяет более корректно оценить послевоенную восстановительную динамику. На основе имеющихся и расчетных данных установлено, что к 1950 г. численность населения составила 7 709 тыс. человек, что все еще на 1 383 тыс. меньше уровня 1941 г., несмотря на интенсивный компенсаторный рост рождаемости. Особенно значительными оказались потери Витебской, Гомельской и Могилевской областей, где высокая интенсивность боевых действий и карательных операций обусловила глубокую депопуляцию и долговременные структурные сдвиги. В результате сложилась современная пространственная конфигурация населения Республики Беларусь, при которой северные и восточные территории остаются наиболее малонаселенными по сравнению с другими регионами.

Важной частью демографического ущерба стали не только прямые, но и косвенные потери, связанные с резким снижением рождаемости и повышением смертности во время войны и в первые послевоенные годы. Уже с 1942 г. война оказывает прямое воздействие на уровень рождаемости: если в 1940 г. в БССР родилось 243,4 тыс. детей, то в 1945 г. их число сократилось почти вдвое и составило 126,6 тыс. новорожденных. Несмотря на определенный рост рождаемости в 1946–1949 гг., количество родившихся так и не достигло довоенного уровня 200 тыс. человек в год, что сформировало устойчивый когортный дефицит, впоследствии проявившийся в возрастной структуре населения.

К началу 2025 г. половозрастная пирамида Республики Беларусь наглядно демонстрирует «эхо войны», фиксируя последствия военного времени уже в нескольких поколениях.

На рисунке 1 отчетливо видны сужения в возрастах 45–55 лет, соответствующие поколению детей «детей войны», а также провалы в возрасте до 30 лет, где проявляется дефицит внуков этого поколения. Тем самым военные события середины XX века продолжают определять конфигурацию населения в XXI веке, уменьшая численность репродуктивных и экономически активных когорт и усиливая нагрузку на систему социальной защиты.

Ретроспективный прогноз численности населения позволяет количественно оценить масштаб демографического ущерба. Расчеты показывают, что при сохранении фактических демографических тенденций 1950–2019 гг., но при отсутствии геноцида и связанных с ним потерь, численность населения Республики Беларусь на начало 2024 г. могла бы достичь 16,7 млн человек. Это значение на 81,5 % превышает реальную численность населения, что свидетельствует о глубокой трансформации демографического потенциала и огромном масштабе утраченного человеческого ресурса.

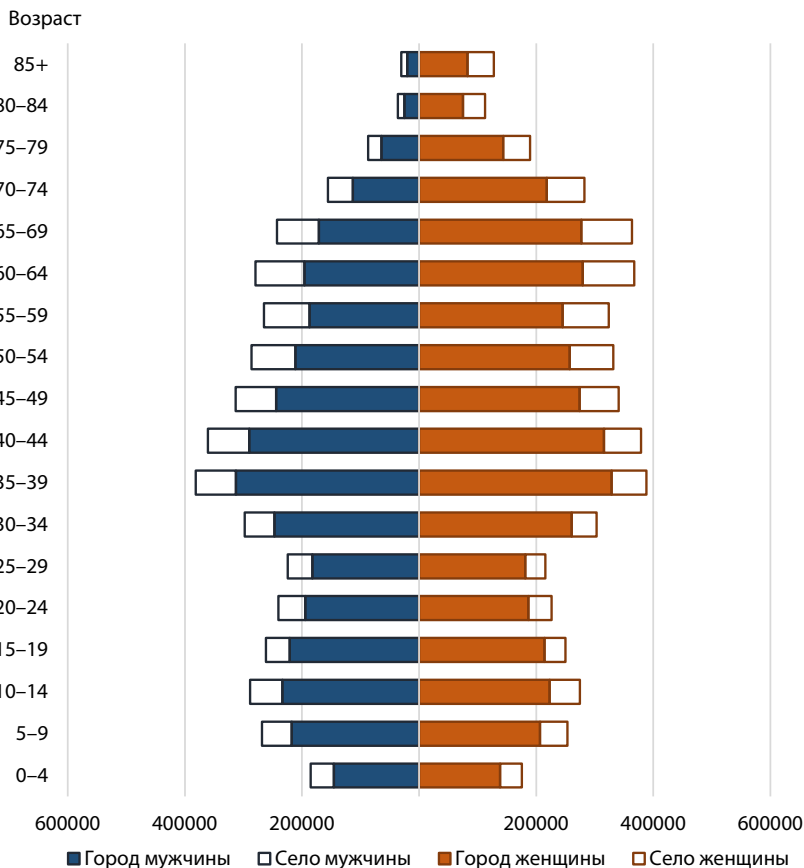

Рис. 1. Половозрастная пирамида Республики Беларусь на начало 2025 г., чел. (источник: сост. по Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации Национального статистического комитета Республики Беларусь. <http://dataportal.belstat.gov.by> (дата обращения: 10.07.2025)).

В рамках исследования выделены ряд ключевых возрастных когорт, обладающих особой социально-экономической значимостью: пререпродуктивная (0–14 лет), подростковая (15–17 лет), репродуктивно-активная молодежь (18–29 лет), военнообязанное мужское население (18–26 лет), экономически активное население (18–60 лет) и пострепродуктивная группа (60+) (рис. 2).

Сопоставление фактической и гипотетической численности населения по этим возрастным группам показало, что во всех когортных сегментах наблюдается примерно двукратное сокращение по сравнению с потенциально возможным уровнем. Тем самым война и последовавшие демографические диспропорции нарушили естественную возрастную пропорциональность и устойчивость межпоколенческой ротации.

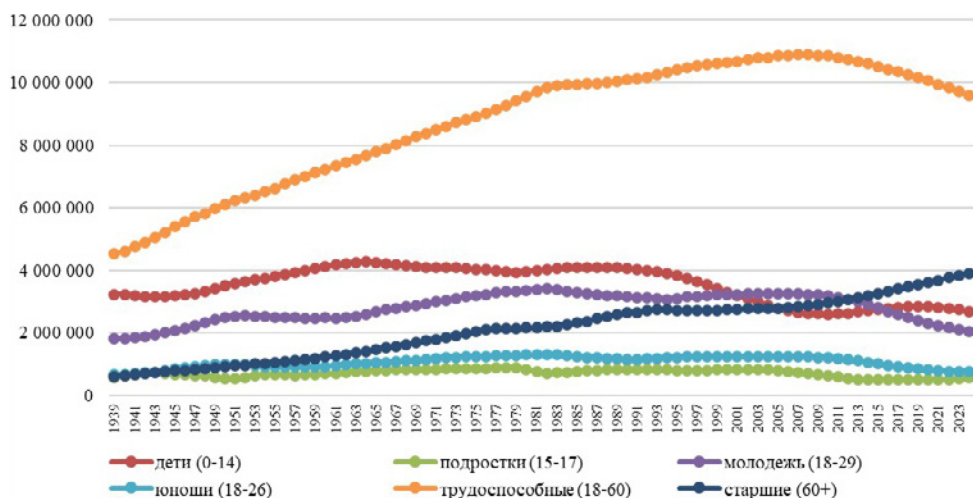

Рис. 2. Гипотетическая численность населения по возрастным группам
(источник: сост. по расчетам автора на основе данных¹).

Полученные данные подтверждают глубокую деформацию естественного демографического развития страны, которая проявляется в ряде взаимосвязанных структурных эффектов. Во-первых, нарушена естественная смена поколений: традиционный механизм, при котором новое поколение трудоспособных постепенно и количественно заменяет поколение пенсионеров, оказался дестабилизирован на фоне снижения рождаемости и старения населения. Это приводит к своеобразной инверсии возрастной пирамиды, при которой доля старших возрастов растет, а численность молодежных когорт сокращается, сужая основу для дальнейшего демографического и экономического воспроизводства.

Во-вторых, сформировался устойчивый демографический провал, когда рождаемость в течение длительного периода остается ниже уровня простого воспроизводства населения. Речь идет не о краткосрочном шоке, а о затяжном процессе, при котором каждое последующее поколение оказывается менее многочисленным, чем предыдущее, что закрепляет когортный дефицит и подрывает демографический резерв. В таких условиях даже отдельные периоды повышения рождаемости не приводят к структурному перелому, поскольку узкие когорты детского и молодежного возраста не способны компенсировать накопленную естественную убыль.

В-третьих, искаженные возрастно-пространственные пропорции создают повышенную нагрузку на экономическую и социальную инфраструктуру. Рост доли пожилого населения требует увеличения расходов на пенсионное обеспечение,

¹Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, Белорусская ССР: стат. сб. Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. — 148 с.; Итоговые данные переписей населения Республики Беларусь. <https://census.belstat.gov.by> (дата обращения: 06.12.2025); Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации Национального статистического комитета Республики Беларусь. <http://dataportal.belstat.gov.by> (дата обращения: 10.12.2025); Human mortality database. MPIDR. <https://www.mortality.org/> (дата обращения: 10.11.2025); Human fertility database. MPIDR.

здравоохранение и долгосрочный уход, тогда как сокращение числа трудоспособных снижает объем налоговых и страховых поступлений, необходимых для финансирования этих обязательств. Возникает эффект «переточной нагрузки», когда значительная часть ресурсов перераспределяется с инвестиционных и инновационных направлений на поддержание текущего социального воспроизводства, что сдерживает экономический рост и модернизацию.

Сопоставление фактической и прогнозной численности населения в 2024 г., а также сравнение с уровнем 1939 г. наглядно демонстрируют, что потери населения во время войны продолжают оказывать негативное влияние не только через абсолютное сокращение, но и через долговременные структурные сдвиги (рис. 3).

Вместо ожидаемого увеличения молодежных когорт фиксируется их значительное уменьшение, особенно в возрастных группах 15–17 и 18–29 лет, что подрывает основы будущего воспроизводства населения и формирования человеческого капитала.

Так, молодежь 18–29 лет недосчитывает около 950 тыс. человек, что соответствует 53,6 % от расчетной численности. Это означает не только количественный дефицит, но и существенное снижение потенциала рождения следующего поколения, оказывая непосредственное влияние на долгосрочные показатели рождаемости и устойчивости демографического развития. Военнообязанная мужская часть населения (18–26 лет) демонстрирует еще более тревожную картину: из расчетной когорты 760 987 юношей в наличии осталось лишь 428 013, что свидетельствует о потере 332 974 человек, или 56,2 %. Подобное снижение численности юношей призывного возраста одновременно отражает демографический кризис и формирует системную угрозу для национальной безопасности, обороноспособности, технологического развития и социального прогресса.

Особое внимание привлекает подростковая группа 15–17 лет, где относительный уровень потерь достигает 57 %. Более половины потенциальной численности подростков отсутствует в возрастной период, критически важный для социализации, получения среднего образования и профессиональной ориентации, что негативно влияет на формирование навыков и установок, необходимых для успешной интеграции во взрослую жизнь и рынок труда. Детская популяция 0–14 лет также претерпела значительное сокращение: дефицит составляет около 1,23 млн человек, или 54 % от потенциальной численности, что проявляется в ярко выраженном феномене «демографического эха».

Это «демографическое эхо» означает, что дефицит детских когорт формирует ослабленный фундамент для будущих поколений, снижая резервы репродуктивного и трудового потенциала на горизонте нескольких десятилетий. Таким образом, потери в каждой возрастной когорте не только превышают критические пороговые значения в половину от исходных оценок, но и порождают каскад последствий, выходящих далеко за рамки собственно демографии. Они подрывают механизмы воспроизводства человеческого капитала, трансформируют социальные институты и ограничивают возможности устойчивого экономического развития.

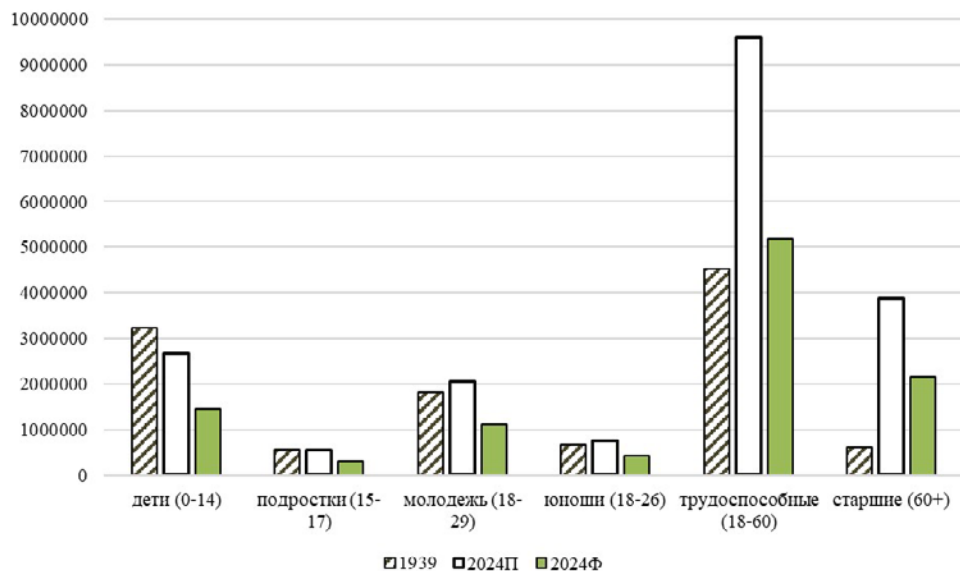

Рис. 3. Различия между фактической и прогнозной численностью населения Республики Беларусь в 2024 г. (источник: сост. по расчетам автора на основе данных¹).

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что демографические последствия геноцида населения БССР в годы Великой Отечественной войны носят долгосрочный и системный характер. Геноцид белорусского народа в годы войны должен рассматриваться не только как трагедия, приведшая к многомиллионным человеческим жертвам, но и как источник глубокой, до сих пор не исчерпанной демографической деформации, радикально изменившей траекторию развития населения страны.

Массовые человеческие потери и вызванные ими структурные деформации возрастно-половой пирамиды до сих пор отражаются на демографической динамике Беларуси, определяя параметры старения населения, дефицит трудовых ресурсов и уязвимость системы социальной защиты. Сокращение численности трудоспособного населения в послевоенный и последующие периоды замедлило экономическое восстановление, ограничило возможности индустриального и технологического развития и продолжает сдерживать адаптацию экономики к современным вызовам.

¹Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года, Белорусская ССР : стат. сб. Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. — 148 с.; Итоговые данные переписей населения Республики Беларусь. <https://census.belstat.gov.by> (дата обращения: 06.12.2025); Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации Национального статистического комитета Республики Беларусь. <http://dataportal.belstat.gov>. (дата обращения: 10.12.2025); Human mortality database. MPIDR <https://www.mortality.org/> (дата обращения: 10.11.2025); Human fertility database. MPIDR. <https://www.humanfertility.org/> — (дата обращения: 10.11.2025)

Осознание масштабов демографического ущерба от геноцида имеет не только научное, но и важное общественно-политическое значение. Оно способствует укреплению исторической памяти и формированию социальной солидарности.

Список источников

Боброва, А.Г. (2025). Оценка экономического ущерба от демографических потерь населения в результате геноцида белорусского народа. В *Геноцид белорусского народа в годы ВОВ. Часть 1.* (с.79–105). Минск: Колорград, 224.

Иоффе, Э.Г. (2003а). *История Беларуси XVIII–XX вв. Учебно-методическое пособие.* Минск: БГУ, 80.

Иоффе, Э.Г. (2003б). Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945. Минск: [б. и.], 428.

Литвин, А.М. (2022). Геноцид: истребление белорусского народа в годы нацистской оккупации (июнь 1941 — июнь 1944). *Беларуская думка*, 4, 68–77.

Равун, И. И. (1968). *Национальный доход Белоруссии: опыт исчисления производства, распределения и использования нац. дохода предреволюционной и Советской Белоруссии.* Минск: Наука и техника, 148.

Шахотько, Л. П. (1975). *Рождаемость в Белоруссии (Социально-экономические вопросы).* Минск: «Наука и техника», 167.

Whelpton, P.K. (1928). Population of the United States, 1925 to 1975. *The American Journal of Sociology*, 34 (2), 253–270.

References

Bobrova, A.G. (2025), Assessment of the economic damage caused by demographic losses of the population as a result of the genocide of the Belarusian people. In *Genotsid belorusskogo naroda v gody VOV. Chast 1. [Genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War. Part 1.]* (pp.79–105). Minsk: Kolorgrad, 174. (In Russ.)

Ioffe, E.G. (2003a). *Istoriia Belarusi XVIII–XX vv. Uchebno-metodicheskoe posobie [History of Belarus of the XVIII–XX centuries. Educational and methodical manual].* Minsk: BSU, 80. (In Russ.)

Ioffe, E.G. (2003b). *Belorusskie evrei: tragediia i geroizm: 1941–1945 [Belarusian Jews: Tragedy and Heroism: 1941–1945].* Minsk: [s. nI.], 428. (In Russ.)

Litvin, A.M. (2022). Genocide: the extermination of the Belarusian people during the Nazi occupation (June 1941 — June 1944). *Belarusskaya dumka*, 4, 68–77. (In Russ.)

Ravun, I. I. (1968). *Natsionalnyi dokhod Belorussii: opyt ischisleniia proizvodstva, raspredeleniia i ispolzovaniia nats. dokhoda predrevoliutsionnoi i Sovetskoi Belorussii [National income of Belarus: the experience of calculating the production, distribution and use of national income in pre-revolutionary and Soviet Belarus].* Minsk: Science and Technology, 148. (In Russ.)

Shakhotko, L. P. (1975). *Rozhdaemost v Belorussii (Sotsialno-ekonomicheskie voprosy) [Birth rate in Belarus (Socio-economic issues)].* Minsk: «Science and Technology», 167. (In Russ.)

Whelpton, P.K. (1928). Population of the United States, 1925 to 1975. *The American Journal of Sociology*, 34 (2), 253 — 270.

Боброва Анастасия Григорьевна — кандидат экономических наук, доцент, руководитель центра человеческого развития и демографии, Институт экономики НАН Беларуси; <https://orcid.org/0000-0001-5054-2156> (Республика Беларусь, 220076, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2; e-mail: nastassiabobrova@mail.ru).

Anastacia Bobrova — Cand. Sci. (Econ.), Associative Professor, Head of department of human development and demography, Institute of Economics of NAS of Belarus; <https://orcid.org/0000-0001-5054-2156> (1/2, Surganova st., Minsk, 220076; Republic of Belarus; e-mail: nastassiabobrova@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.172

JEL classification: J11, J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-1-3>

Взаимодействие трех семейств Турлаповых в деревне Пустошь Ивановской области: рождение, сфера деятельности и вероисповедание¹

С. А. Воронин^а, А. Е. Кабанов^б, Л. Ю. Силуянова^в

^а Ташкентский филиал РЭУ имени Г.В. Плеханова,
Институт бюджетно-налоговых научных исследований (г. Ташкент, Узбекистан).

<https://orcid.org/0000-0003-2288-8365>

^б Независимый исследователь (г. Москва, Россия)

^в Независимый исследователь (г. Павловский Посад, Россия)

Автор для корреспонденции: С.А. Воронин (sergey_voronin63@yahoo.com).

Аннотация. В статье рассматриваются демографические тренды в исторической ретроспективе на примере родственной ветви Турлаповых, проживавших в деревне Пустошь и г. Шуя Владимирской губернии (ныне — Ивановская область) в XVIII — начале XX вв. Актуальность исследования состоит в том, что в нем выявлено взаимодействие трех семейств Турлаповых в процессе реформ государственного устройства, развития религий, повышения уровня жизни и действия других факторов. Цель исследования — изучить формирование трех родственных ветвей Турлаповых и сформулировать предложения по укреплению связей между гражданами различных вероисповеданий на местном уровне. Задачи исследования — изучить демографические тренды на местном уровне, выявить доминирующие веры в соответствующем населенном пункте, определить родственные связи между ветвями Турлаповых в селе Пустошь. В ходе исследования доказано, что три ветви Турлаповых начинаются от одного родоначальника рода — Матвея Турлапова (купеческая, крестьянская и ремесленническая). На практике представители этих ветвей не считали себя родственниками. Даны предложения о необходимости принятия мер по сближению вер по фундаментальным вопросам, продолжения исследований жизни рода Турлаповых, увековечивания их памяти в музеях д. Пустошь и г. Шуя, наведения порядка на их фамильных захоронениях, проведения чтений, конференций и круглых столов с целью укрепления исторической памяти, усиления патриотизма и повышения уровня духовно-нравственного самосознания среды местного населения, особенно среди молодежи.

Ключевые слова: историческая память; православие; старообрядцы; единоверцы; устойчивость рода; крестьяне; купцы; ремесленники; шубники; родственные ветви.

The Interactions of Three Turlapov Families in the Village of Pustosh, Ivanovo Oblast: Birth, Occupation, and Religion

S. Voronin^a, A. Kabanov^b, L. Siluyanov^a

^a Tashkent branch of the Plekhanov Russian University of Economics,
Institute of budgetary and tax scientific Research. <https://orcid.org/0000-0003-2288-8365>
(Tashkent, Republic of Uzbekistan).

^b Independent researcher (Moscow, Russian Federation)

^в Independent researcher (Pavlovsky Posad, Russian Federation)

Corresponding author: S. Voronin (sergey_voronin63@yahoo.com).

¹ © Воронин С. А., Кабанов А. Е., Силуянова Л. Ю. Текст. 2026.

Abstract. *This article examines demographic trends in historical retrospect using the example of a related branch of the Turlapov family who lived in the village of Pustosh and the town of Shuya in the Vladimir province (now the Ivanovo region) in the 18th — early 20th centuries. The relevance of the study lies in its identification of the interactions of three Turlapov families in the process of government reforms, the development of religions, the improvement of the standard of living, and the influence of other factors. The purpose of the study is to examine the formation of three related branches of the Turlapov family and formulate proposals for strengthening ties between citizens of different faiths at the local level. The objectives of the study are to examine demographic trends at the local level, identify the dominant faiths in the relevant locality, and determine the kinship ties between the Turlapov branches in the village of Pustosh. The study proved that the three branches of the Turlapov family (merchant, peasant, and artisan) originate from a single ancestor, Matvey Turlapov. In practice, members of these branches did not consider themselves related.*

Proposals were made regarding the need to take measures to harmonize faiths on fundamental issues, continue research into the life of the Turlapov family, perpetuate their memory in museums in the village of Pustosh and the city of Shuya, restore order to their family graves, and hold readings, conferences, and roundtables to strengthen historical memory, foster patriotism, and raise the level of spiritual and moral self-awareness among the local population, especially among young people.

Keywords: historical memory, Orthodoxy, Old Believers, coreligionists, family stability, peasants, merchants, artisans, fur makers, related branches.

Введение

На территории Ивановской области Российской Федерации проживает ряд династий, представители которых оставили большой след в истории. Среди них — ветвистая династия Турлаповых из д. Пустошь Шуйского уезда Владимирской губернии (в настоящее время — село Пустошь Шуйского района Ивановской области).

Наши встречи с жителями села Пустошь и г. Шуя (ближайший крупный город) показали, что люди хотят больше знать о событиях, которые происходили в этих местах в разные исторические годы, а также о людях, которые здесь жили. Эту потребность озвучили сотрудники литературно-краеведческого музея имени Константина Бальмонта (Екатерина Ставровская), Шуйского историко-художественного и мемориального музея имени Михаила Фрунзе (Наталья Позднякова) и обычные жители этих мест. Участники встреч согласились, что в настоящее время представляется особенно актуальным исследование истории социально-экономического, культурного, духовного-нравственного развития региона через историю конкретных людей, реальных исторических личностей.

Обзор литературы

Решению демографических проблем посвящены труды многих ученых, в частности, таких как А. Смит, Д. Рикардо, Э. Равенштейн и других специалистов. Методологические вопросы демографии также исследованы зарубежными специалистами, среди них выделяются работы Дж. М. Кейнса и Дж. Харриса. Методологические и практические проблемы демографии в отечественной историографии исследовались В. Ионцевым, Ю.А. Яновским, В.Б. Супяном, А.В. Пыжиковым. В последние годы в научной сфере был опубликован ряд работ, в которых рассматриваются отдельные актуальные демографические проблемы. Среди трудов, посвященных особенностям демографического, культурного, социально-экономического развития на территории исследуемого региона, выделяются работы В.А. Борисова (Борисов, 1851), В.В. Рыжова (Рыжов, 1930),

Ю. А. Иванова (Иванов, 2003), В. И. Баделина (Баделин, 2024), А. Е. Кабанова (Кабанов, 2010) и других авторов.

Отдельные факторы демографического, культурного и духовного развития на примере села Пустошь Ивановской области рассмотрены в публикации С. А. Воронина (Воронин, 2025).

Некоторые аспекты функционирования местных органов власти, церкви и общества во второй половине XIX — начале XX вв. на территории Российской Федерации рассмотрены в трудах Ю. А. Иванова (Иванов, 2003).

Материалы и методы

В процессе исследования использованы методы логического анализа и синтеза, экспертной оценки, индукции и дедукции, хронологического анализа, исторического материализма, диалектики и другие инструменты. В качестве научной базы исследования использованы документы центральных и региональных архивов РФ (РГАДА, РГИА, ГАИО, архив г. Шуя), а также частные и семейные архивы наследников рода Турлаповых.

Период исследования — XVIII — начало XX вв. (до революции 1917 г.).

Результаты

Род Турлаповых происходит из д. Пустошь. Сейчас это небольшое село. На 1 января 2010 г. население Пустоши составляло 662 человека¹. До революции деревня Пустошь была относительно крупным населенным пунктом. В 1863 г. в 107 дворах здесь проживали 336 мужчин и 468 женщин. В основном население придерживалось старой веры. О самой деревне говорили, что она «выстроена очень красиво и прочно, все живут в ней исправно, и есть капиталисты значительные. Народ трудолюбив»².

Со временем часть представителей рода Турлаповых переехали из Пустоши в расположенный неподалеку (в 15 км) уездный г. Шуя. В середине XIX в. представители разных ветвей уже не считали друг друга родственниками. Среди Турлаповых были старообрядцы, единоверцы и представители официальной (синодальной) церкви, что также не способствовало их семейной общности. В разные годы представители семьи занимались овчинно-шубным промыслом, торговлей, крестьянским трудом. Одни представители Турлаповых называли себя шуйскими, а другие — пустошенскими.

Авторы провели собственное исследование демографических тенденций в семье Турлаповых. Нами установлено, что общим родоначальником всех Турлаповых является Матвей, который, по нашим расчетам, родился в 1704 г.

У Матвея в браке (имя супруги неизвестно) родились Игнатий, Михаил (1726–1798), Степан (1729–1798). Также, возможно, были другие дети. Игнатий, по всей видимости, являлся самым старшим ребенком в семье. По линии Игнатия стала развиваться родственная линия «Матвей — Игнатий — Илья — Наталья — Галактион»

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года, том 1. Численность и размещение населения Ивановской области. Дата обращения: 30 марта 2021.

² РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 528. Л. 13.

(ветвь № 1), по линии Михаила — «Матвей — Михаил — Иван — Селиверст — Савелий — Иван — Иван — Параскева» (ветвь № 2), а по линии Степана — «Матвей — Степан — Трифон — Аврам — Павел — Мария» (ветвь № 3). Сам Матвей и его ближайшие потомки были крепостными крестьянами помещицы княгини Е.А. Куракиной. Лишь в 1850–1854 гг. правнукам Матвея по одной из линий удалось освободиться от крепостной зависимости.

Рассмотрим подробнее демографические тренды семьи Турлаповых по трем сыновьям-наследникам (трем ветвям): Игнат Матвеевич, Михаил Матвеевич, Степан Матвеевич.

Ветвь № 1 — старший сын Игнат Матвеевич. В процессе изучения метрических книг выявлено, что у Игната были сыновья Илья (1757 г. р.) и Савелий (1761 г. р.). Дочь Ильи Игнатовича Наталья в 1802 г. вышла замуж за крестьянина Василия Дмитриевича из д. Кудряково¹. После регистрации брака молодая семья осталась жить в д. Пустошь в доме отца — Ильи Турлапова. Василий принял фамилию супруги. Следовательно, Василий Дмитриевич проживал в доме своего тестя в качестве «примака» и стал носителем фамилии Турлапов. У Василия и Натальи родились шестеро детей: Антон (1804 г. р.), Косьма (1805 г. р.), Василий (1808 г. р.), Галактион (1809 г. р.), Александр (1812 г. р.), Никита². Впоследствии Галактион и Александр благодаря своей предприимчивости в 1850 г. смогли освободиться от крепостной зависимости и стали купцами 3-й гильдии³. Занимались они шубным промыслом. В документах фонда муниципализированных строений по Афанасьевской волости имеется запись о муниципализации в с. Пустошь каменной палатки, которая до 1921 г. принадлежала братьям Турлаповым⁴.

Галактион Васильевич Турлапов (1809 г. р.) женился на Ирине Николаевне (1807 г.р.), и в их семье родились шестеро детей: Андреан (1831 г. р.), Онисим (1833 г. р.), Михаил (1834 г. р.), Аграфена (1838 г. р.), Наталья (1842 г. р.) и Анна (1846 г. р.).

Известно, что Галактион Турлапов был крещен в православии. Андреан, сын Галактиона, был рожден и крещен в православии 22 августа 1830 г., а его жена Евфимия Гаврилова крещена 5 декабря 1833 г. в Городце Нижегородской губернии в старообрядческой часовне. Сын Онисим крещен в православии 7 февраля 1833 г. Его жена Евдокия Дмитриевна рождена в 1835 г., крещена в старообрядчестве в Городце Нижегородской губернии. Венчаны они в Москве на Рогожском кладбище. Младшие дети Галактиона и Ирины — Аграфена, Михаил, Наталья, Анна, Никита «крещены в разных местах раскольническими лицами»⁵.

Галактион Васильевич в 1860 г. был избран ратманом Шуйского городского магистрата и сиротского суда. Он активно занимался предпринимательством и благотворительностью. У его сына Онисима (Анисима) Галактионовича

¹ ГАИО. Ф. 842. Оп. 1. Д. 1. Л. 9

² ГАИО. Ф. 842. Оп. 1. Д. 1. Л. 144 об. — 145.

³ Ревизия № 10 — 1857 года. ГАИО. Ф. 47. Оп. 1 д. № 93 стр. 603 об. 604; прилагаются документы о вступлении их в купечество. Ф. 21. Оп. 1. Д. 4214

⁴ ГАИО. Ф. Р-2416. Оп. 1 Д. 111. Л. 33 — 34.

⁵ РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 528. Л. 4.

(1833 г. р.) также была высокая должность в «Уездном Податном Присутствии», что свидетельствует о его большом авторитете в местном сообществе.

Иван, сын Онисима, занимался семейным делом — шубным промыслом. Он заработал значительный капитал, вел большую общественную и благотворительную работу, входил в состав городской знати г. Шуя. 14 марта 1907 г. Иван Онисимович на заседании Городской Думы в г. Шуя был избран в состав комиссии по устройству Заречного водопровода. Также известно, что он был большим любителем лошадей и инициатором устройства шуйского ипподрома. Иван и его супруга Анастасия Ивановна участвовали в открытии ипподрома в 1910 году.

Следует сказать несколько слов и о другом сыне Василия и Натальи Турлаповых — Александре (1812 г. р.). Семья Александра Васильевича — это его жена Евдокия (Авдотья) Петровна (1811 г. р.), их дочь Матрена (1831 г. р.), сын Иван (1834 г. р.) с женою Маврой Андреевной, второй сын Фотий (1836 г. р.) с женою Марьей Викторовной, третий сын Тарас (1842 г. р.), четвертый сын Яков (1844 г. р.) и Антонина.

Александр Васильевич был крещен в Дуниловской старообрядческой часовне в доме купца Балина. Его жена Евдокия Петровна крещена в православии 26 февраля 1811 г. Дочь Матрена крещена в православии 26 марта 1831 г., а остальные дети — Иван, Фотий, Тарасий, Яков и Антонина — «крещены в разных раскольных часовнях»¹.

Иван (1834 г. р.), сын Александра, со своей женою Маврой Андреевой, были повенчаны в единоверческой церкви с. Дунилово. Другой сын Александра Фотий с женою Марьей Викторовной были венчаны в собственном доме тайным священником-старообрядцем. При этом родители невесты, шуйский купец Виктор Герасимович Колесов и его жена Дарья, православные по вероисповеданию, отпустили «дочь свою как по своему собственному, так и ее самой желанию и при том зная наперед, что брак будет совершен по их обряду, иначе без согласия их они брак бы не совершили».

Имя сына Александра Турлапова Якова Александровича (1845 г. р.), купца 2-й гильдии, было окружено большим авторитетом. Как и все в его роду он был старообрядцем, занимался шубным промыслом. В годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. его рабочие выполняли важный и доходный правительственный заказ на пошив полушубков для армии. «Благодаря его денежным пожертвованиям и влиянию на жителей окрестных деревень, работавших на него, старообрядцы-поповцы оставались самыми многочисленными и сплоченными в уезде», — писал исследователь Ю. А. Иванов (2003). Довольно часто Я. А. Турлапов устраивал поминальные обеды, раздавал милостыню в виде платков, отрезков ситца и денег.

Дети Якова Александровича Турлапова — Александр (1878 г. р.), Ефим (1868 г. р.), Николай (1907 г. р.), Сергей (1913 г. р.), Надежда — продолжили бизнес своих родителей (сыновья) или вышли замуж (дочь), занялись домашним хозяйством и растили детей.

В архивных данных имеется информация о дочерях Тараса Александровича Турлапова: Татьяне, Евдокии и Матрене. Татьяна Тарасовна Турлапова (1857–1937)

¹РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 528. Л. 4 об.

вышла замуж в г. Меленки за сына городничего Василия Зайцева. Их сын Александр Васильевич Зайцев (1889–1956) преподавал в Московском старообрядческом богословском институте в Рогожском поселке. Мать с сыном похоронены в Москве на Рогожском кладбище (их общая могила сохранились). Сестра Татьяны Евдокия Тарасовна вышла замуж за представителя старообрядческой семьи Кузнецовых-фарфорозаводчиков, еще одна сестра Матрена Тарасовна вышла замуж за ивановского купца Василия Ивановича Куражева.

Ветвь № 2 — Михаил Матвеевич, 1726 г. р. По архивным документам известны дети Михаила Матвеевича, среди которых Семен (1753 г. р.) и Иван (1756 г. р.).

В семье Ивана Михайловича родились Никифор (1792–1851 гг.), Селиверст (1791 г. р.), Петр (1770 г. р.), Ефим (1782–1844 гг.). В архивном фонде Шуйского уездного казначейства Владимирской губернии в ревизской сказке 7-й ревизии по д. Пустошь от марта 1818 г. «полковницы кн. Е.А. Куракиной» значатся крепостные крестьяне, среди которых: два родных брата — Ефим (1782 г. р.) и Сильвестр (Селиверст), 1791 г. р. У Ефима и его супруги Федоры был сын Федор (1801 г. р.)¹. В семье Селиверста в браке с Марфой Григорьевной родились Надежда (1809 г. р.), Афанасий (1812 г. р.) и Савелий (1815 г. р.). Они проживали в деревне Пустошь и занимались крестьянским трудом. В 1842 г. Сильвестр Турлапов был сослан на поселение².

В семье Савелия в браке с Анной Андреевной родились 11 детей: близнецы Василий и Антоний (1835 г. р.), Гавриил (1836 г. р.), Борис (1837 г. р.), Анна (1838 г. р.), Иван (1842 г. р.), Матрена (1844 г. р.), Венидикт (1846 г. р.), Петр (1847 г. р.), Пелагея и Тихон.

В семье Ивана Савельевича и Татьяны Михайловной родились Евдокия (1866 г. р.), Андрей (1873 г. р.), Дарья (1876 г. р.), Ирина (1878 г. р.), Иван (1879 г. р.), Прасковья (1881 г. р.), Василий (1884 г. р.), Павел (1886 г. р.) и Агафья.

В архиве Ивановской области имеется информация о бракосочетании 22 октября 1900 г. в деревне Пустошь крестьянского сына Ивана Ивановича Турлапова (1879 г. р.) и крестьянской девицы Евдокии Захаровны Юловой. Оба православные. Поручителями при регистрации брака Ивана и Евдокии выступили по жениху крестьяне Михаил и Константин Юловы, а по невесте — крестьяне д. Пустошь Дмитрий Юлов и д. Теплякова Дорофей Рекин.

В семье Ивана и Евдокии Турлаповых родилось шестеро детей: Параскева (1901 г. р.), Николай (1903 г. р.), Борис (1905 г. р.), Мария (1910 г. р.), Василий (1912 г. р.) и Александр (1914–1978 гг.). Восприемниками рождения Параскевы Турлаповой стали крестьянские дети села Пустошь — Порфирий Юлов и девица Дарья Ивановна Турлапова. Восприемниками рождения Александра Турлапова стали крестьяне села Пустошь Павел Турлапов и крестьянская дочь Прасковья Ивановна Турлапова, его родная сестра³.

У Евдокии Юловой были родные братья: Василий Захариевич, Дмитрий Захариевич и Парфирий Захариевич, а также другие близкие родственники—

¹ Архивная справка ГАИО от 25.08.2021 г. № 1097/927-06.

² Ревизская сказка 9-ой ревизии от 21 сентября 1850 г. помещицы А. В. Бутурлиной.

³ ГАИО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 65. Л. 34 об. — 35.

Михаил Васильевич, Константин Симеонович. Маму Евдокии Юловой звали Анастасия Ивановна.

Когда и при каких обстоятельствах умер отец большого семейства Иван Иванович Турлапов, пока не известно. Из шести детей семьи Ивана Ивановича и Евдокии Юловой четверо умерли в младенчестве. Прасковья Турлапова 15 июня 1918 г. вышла замуж за Воронина Ивана Карповича (1900 г. р.) и продолжила род Ворониных и Турлаповых¹.

Последний сын Ивана Ивановича Александр (1914 г. р.) не захотел заниматься сельским хозяйством. В 1930-х годах он переехал в Московскую область на учебу. В годы Великой отечественной войны он воевал, а после переехал в г. Мценск и жил там до конца жизни (1978 г.).

Ветвь № 3 — Степан Матвеевич, 1729 г. р. В семье Степана Матвеевича и Марии Степановны было 11 детей², среди которых Селиверст, Устинья, Владимир, Петр, Анна, Трифон (1786 г. р.), Косьма, Яков, Андрей, Прасковья и Тихон. У Трифона с супругой Марией Сидоровной (1785 г. р.) родилось также 11 детей. Среди них — Симеон (1812 г. р.), Евдокия (1821 г. р.), Аграфена (1826 г. р.), Варвара (1827 г. р.), Агрипина, Аврам (в некоторых источниках — Абрам) (1815 г. р.), Кузьма (1804 г. р.), Антон (1805 г. р.), Екатерина (1806 г. р.), Анастасия (1807 г. р.) и Ларион (1810 г. р.). В свою очередь, у Аврама Трифоновича и его супруги Акилины Даниловны на свет также появилось 11 детей, среди которых — Харлампий (1835 г. р.), Исидор (1837 г. р.), Иван (1839 г. р.), Кузьма (1840 г. р.), Глафира (1843 г. р.), Дмитрий (1845 г. р.), Иван (1847 г. р.), Ефросинья (1849 г. р.), Павел (1851 г. р.), Андрей (1856 г. р.), Наум (Прил. 2).

У сына Аврама Трифоновича Павла и его супруги Евгении Константиновны было пятеро детей (по которым есть данные) — Иван (1871 г. р.), Мария (1875 г. р.), Александра (1880 г. р.), Василий (1882 г. р.) и Ефимий (1886 г. р.).

В дальнейшем Мария Павловна Турлапова (1875 г. р.) вышла замуж за Горева Николая Львовича. В их семье родились 14 детей, среди которых Александр (1899 г. р.), Екатерина (1900 г. р.), Анна (1902 г. р.), Михаил (1904 г. р.), Иван (1906 г. р.), Александр (1908 г. р.), Татьяна (1910 г. р.), Иван (1911 г. р.), Павел (1914 г. р.), Василий и Евдокия (1916 г. р., двойняшки), Иосиф и Георгий (1918 г. р., двойняшки), Вера (1920 г. р.). После замужества Екатерина Николаевна Горева стала Мулиной. В семье Екатерины и ее мужа Василия Григорьевича появились на свет Николай (1923 г. р.), Ольга (1926 г. р.) и Юрий Васильевич Мулин (1933 г. р.), дочь которого Любовь Юрьевна Мулина (в замужестве Силуянова) родилась 7 марта 1958 года.

Предпринимательская деятельность Турлаповых

Исследователь В. А. Борисов отмечал, что выделка овчины в Шуйском крае занимала первое место среди промыслов как по объему производства, «так и по капиталам, в ней обращаемым» (Борисов, 2005. С. 236–244). В. В. Рыжов сообщал, что шубное производство является самым старинным занятием на территории

¹ Архивная справка ГАИО от 11.05.2021 года №349/344-06 по актовой записи № 41.

² Дети Степана Матвеевича записаны из метрических книг в графе о воспитанниках.

Шуйского уезда. Оно, вероятно, существовало уже в конце XV века, а процветало в XVI и XVII вв. (Рыжов, 1930). В военное время спрос на шубный товар существенно возрастал. Выгодными были заказы в Крымскую, Русско-турецкую, Русско-японскую, Первую мировую, а также в Великую Отечественную войну. Готовую продукцию отправляли в Москву, Санкт-Петербург, Владимир, Ярославль, Старую Руссу, Новгород, Ригу и другие города (Рыжов, 1930).

В 1861 г. в Шуе работали крупные овчинно-шубные заводы братьев Турлаповых — Ивана и Василия. В конце XIX в. крупными овчинно-шубными заведениями являлись завод Онисима Галактионовича Турлапова в Шуе (60 рабочих) и фабрика Якова Турлапова в Пустоши (110 рабочих). Помимо заводов по выделке и дублению шуб, также выполнялись работы скорняжниками из окрестных деревень в собственных избах¹.

Духовная и благотворительная деятельность Турлаповых

До революции 1917 г. в д. Пустошь конкурировали два вероисповедания: официальная церковь и старообрядческая «по Рогожскому кладбищу». Священники из деревни Пустошь регулярно отчитывались о переходе отдельных жителей из раскола к господствующей церкви. В то же время богатые купцы-старообрядцы, обеспечивающие работой всю округу, оказывали значительное влияние на местное общество.

В 1895 г. в д. Пустошь была открыта церковно-приходская школа, приписанная к приходу с. Афанасьевского. При этом открытие школы сопровождалось скандалом². Местный купец-старообрядец Онисим (Анисим) Галактионович Турлапов (1833–1907) препятствовал ее открытию. В самый канун ее освящения он назначил свадьбу своего сына (Ивана Онисимовича). Сход православных запретил жителям Пустоши идти на старообрядческую свадьбу, а женщинам и детям не разрешили даже смотреть под угрозой штрафа в пользу церкви (два рубля с каждого). Поэтому ни один человек не явился на свадьбу, все отправились к «всенощному бдению» и освящению храма.

Начиная с 1905 г. в России стала происходить легализация старообрядческих центров, что связано с выходом в свет манифеста «Об укреплении начал веротерпимости», опубликованного 17 апреля 1905 года. В Шуйском уезде функционировали три старообрядческих центра — в Иваново-Вознесенске, Шуе и Пустоши³. До официального разрешения строительства старообрядческих храмов местные старообрядцы проводили службы в домашних молельнях⁴. В 1907 г. в Пустоши была открыта деревянная Троицкая старообрядческая церковь-молельня (перестроена из обычной избы). Официально Свято-Троицкая старообрядческая

¹ К истории старообрядческих храмов Шуйского уезда. <https://molitva-ivanovo.narod.ru/churchs/old-shuya.htm> (дата обращения: 01.02.2026).

² Московские церковные ведомости, 1 октября 1895 г., № 40. С. 378; Тамбовские епархиальные ведомости, 20 октября 1895 г., № 42, С. 1085-1087.

³ К истории старообрядческих храмов Шуйского уезда. <https://molitva-ivanovo.narod.ru/churchs/old-shuya.htm> (дата обращения: 01.02.2026).

⁴ Черниховский Д.М. К истории Преображенской церкви села Пустошь Шуйского района. https://xn----dtbfcrcpdogfbz5a.xn--p1ai/k_istorii_preobrachenskoj_cerkvi (дата обращения: 01.02.2026).

община в Пустоши была зарегистрирована 18 января 1914 г. Ее посещали прихожане деревень Кудряково, Марково, Тепляково и Макашево Афанасьевской волости, а также деревень Липняки, Ломы и Высоково Дуниловской волости. За общиной не было закреплено духовных лиц (для справки: 11 января 1941 г. старообрядческая церковь была закрыта решением Ивановского облисполкома)^{1,2}.

Самым большим благодеянием старообрядцев Турлаповых стала постройка в г. Шуя храма во имя иконы Шуйско-Смоленской Божьей матери. В 1907 г. уполномоченный шуйских старообрядцев купеческий брат Иван Онисимович (Анисимович) Турлапов обратился к городовому и губернскому начальству за разрешением постройки старообрядческого храма при старообрядческом кладбище. После многочисленных согласований разрешение на строительство было получено. В 1912 г. храм был построен, и старообрядцы встречали в новом храме высокого гостя — владыку Кирилла Одесского и Бессарабского. 15 февраля 1912 г. им была совершена святая Литургия Преждеосвященных Даров и панихида по страдальцу патриарху Гермогену. За богослужением было много молящихся и зрителей других исповеданий, именуемых «неокружниками», и последователей господствующей церкви. По окончании литургии владыка с причтом отбыл в дом местных благотворителей Ивана и Якова Турлаповых, где была предложена скромная трапеза.

В 1912 г. в Пустоши построили каменный Преображенский храм официальной церкви (архитектор — С. Н. Фёдоров)³ (для справки: в 1940 г. церковь была закрыта. В 2006 г. храм возвращен верующим)⁴.

Память о Турлаповых

После революции 1917 г. жизнь Турлаповых сложилась по-разному: кто-то был раскулачен, репрессирован и даже расстрелян, кто-то эмигрировал. Некоторые из пустошенских Турлаповых были отправлены на специальное поселение в г. Магнитогорск Челябинской области и другие города бывшего СССР. В их числе: Иван Иванович (1879 г. р.) со своей супругой Евдокией Захаровной Юловой, Александр Яковлевич (1878 г. р.), Александра Александровна (1878 г. р.), Ефим Яковлевич (1868 г. р.), Владимир Ефимович (1903 г. р.), Николай Ефимович (1907 г. р.), Сергей Ефимович (1913 г. р.), Надежда Ефимовна (1917 г. р.)

На кладбище в д. Пустошь сохранился участок семейного захоронения купцов Турлаповых. Лучше других уцелел черный мраморный саркофаг с могилы Галактиона Васильевича и его жены Ирины Николаевны. По бокам можно прочитать соответствующие надписи: «Под сим камнем погребено тело раба Божия шуйского купца Галактиона Васильевича Турлапова, родившегося 23 октября 1809 года, скончавшегося 30 января 1894 года. Жития его было 84 года 3 мес 7 д. День ангела 5 ноября», с другой стороны — «Здесь же погребено тело рабы

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 444.

² Ставровский Е. С. Храмы Шуйской округи: Краткая история и списки священнослужителей. — Шуя, 2015. — с. 31.

³ Свод памятников, с. 612.

⁴ Черниховский Д. М. К истории Преображенской церкви села Пустошь Шуйского района. https://xn---dtbfcprpdogfbz5a.xn--p1ai/k_istorii_preobrachenskoj_cerkvi (дата обращения: 01.02.2026).

Божией супруги его шуйской купчихи Ирины Николаевны Турлаповой, родившейся 5 апреля 1808 года, скончавшейся 20 июля 1889 года. Жития ее было 81 год 3 мес и 15 д. День ангела 16 апреля», на торце — «Дражайшим родителям от признательного сына Онисима Галактионовича Турлапова».

Неплохо сохранился памятник Фотию Александровичу Турлапову (сын Александра Васильевича) — гранитная голгофа для могильного креста с надписями: «Под сим камнем погребено тело раба Божия Фотия Александровича Турлапова скончавшегося 15 марта 1870 года. Жития его было 29 лет... (неразборчиво)», на обороте — «Поставлен сей памятник родителями его Александром Васильевым и Евдокией Петровой Турлаповами». Надписи на других надгробиях прочитать невозможно.

Обсуждение

Представители рода Турлаповых оставили заметный след в демографическом, социально-экономическом, духовном и культурном развитии д. Пустошь и г. Шуя современной Ивановской области.

Изучая историю семьи Турлаповых от родоначальника Матвея (1704 г. р.) можно увидеть, что представители ветви № 1 — Илья Игнатьевич (1757 г. р.), ветви № 2 — Иван Михайлович (1756 г. р.) и ветви № 3 — Трифон Степанович (1786 г. р.) — являются двоюродными братьями.

Представители ветви № 1 — Галактион (1809 г. р.), Александр (1812 г. р.) и другие дети Василия Дмитриевича (1786 г. р., зять Ильи Игнатовича) и Натальи Турлаповой (1786 г. р.), рожденные по линии Игнатия Матвеевича, являются дальними родственниками Афанасия (1812 г. р.), Савелия (1815 г. р.), Надежды (1809 г. р.), детей из крестьянской ветви № 2 — Селиверста Ивановича Турлапова (1791 г. р.), рожденные по линии Михаила Матвеевича (1726 г. р.), а также детей ветви № 3 Трифона Степановича Турлапова (1786 г. р.) — Лариона (1810 г. р.), Симеона (1812 г. р.), Аврама (1815 г. р.), рожденных по линии Степана Матвеевича Турлапова (1729 г. р.)¹. Все родственные связи подтверждаются архивными справками из метрических книг за 1801–1814 гг.

При венчании крестьянина Ивана Михайловича Турлапова его сына Никифора с девицей Катериной Владимировной в 1811 г. в качестве поручителей были Трифон Степанович Турлапов, Селивестор Степанович, Савин Петрович, Тихон Савельевич, Василий Дмитриевич и Егор Владимирович. В этих списках присутствуют представители всех трех ветвей Турлаповых.

При рождении у Галактиона Васильевича и Ирины Николаевны сына Онисима (1833 г. р.) среди восприемников были Аврам Трифионович и Пелагея Савинова². Эта информация свидетельствует о тесных связях между Турлаповыми по Игнатию и Степану.

Павел Абрамович (ветвь № 3), Савелий Селиверстович (ветвь № 2) и Галактион Васильевич (ветвь № 1) являются четвероюродными братьями. Прабабушка Любови Юрьевны Мария Павловна Турлапова (после замужества — Горева) и Иван

¹ Ревизия №6-1811 г. и Метрические книги за 1801–1814 гг.

² ГАИО. Ф. 842. Оп. 1. Д. 3. Л. 179.

Савельевич (прапрадед Сергея Александровича Воронина) были племянниками Галактиону Васильевичу Турлапову. Фотография купца, которая имеется в семейном архиве у Любови Юрьевны и доставшаяся ей по наследству от ее бабушки Екатерины, тоже подтверждает этот факт. На этой фотографии представлен чиновник Российской империи XIX в. в форме служащего. На шее у него имеются две царские медали. Одна из них — «Медаль за усердие» Александра II. Такими медалями награждали купцов, городских служащих, оказывающих благотворительную помощь и поддержку церквям. Такой деятельностью как раз и занимался купец Галактион Васильевич Турлапов.

Можно с уверенностью сказать, что родственная линия Турлаповых №1 «Матвей — Игнатий — Илья — Наталья (ее муж — примак Василий Дмитриевич)» и их потомки, рожденные до 1917 г., — были хранителями старообрядчества. В свою очередь ветвь №2 «Матвей — Михаил — Иван — Селиверст — Савелий — Иван — Иван» и их потомки в большей степени были представителями официального православия. Родственная линия №3 «Матвей — Степан — Трифон — Аврам — Павел» и их потомки также были представителями официальной церкви¹. В то же время имелись случаи, когда отдельные представители меняли свое вероисповедание, к примеру, во время бракосочетания их детей или чтобы получить разрешение на благотворительную деятельность.

При жизни многие Турлаповы не считали себя связанными родством и жили независимо друг от друга. Как и во всех семьях, время от времени между ними возникали конфликты и недоразумения как по бытовым, так и по мировоззренческим причинам.

В результате исследования выявлено взаимодействие трех семейств Турлаповых в процессе реформ государственного устройства, развития религий, повышения уровня жизни и других факторов.

Большим барьером на пути развития связей между этими тремя семействами Турлаповых являлось различие в вероисповедании. Доминирующая часть населения села Пустошь была представителями официальной церкви и меньшая часть — старообрядчества. В ходе исследования доказано, что три ветви Турлаповых начинаются от одного родоначальника рода — Матвея Турлапова (купеческая, крестьянская и ремесленная) и являются родственниками.

Заключение

На основе изучения демографических трендов в исторической ретроспективе потомков Матвея Турлапова, проживавших в деревне Пустошь и в г. Шуя Ивановской области, за период с 1704 по 1917 гг., исследования их вклада в предпринимательство, культурное и духовное развития, предлагается:

- продолжить исследование функционирования и деятельности родовой общины Турлаповых;
- увековечить память о судьбах Турлаповых в виде подготовки тезисов, статей и монографий, а также, по возможности, создать в их честь музей в д. Пустошь

¹ Аналогичная ситуация замечена исследователями и у купцов Морозовых. Из этой династии две родственные линии проходят через «староверов», а другие две ветви — через «единоверцев». Источник: телеканал ТВЦ, «Культура», 12.01.2026.

или в г. Шуя (возможно сформировать отдельный выставочный зал в одном из действующих музеев, например, в Музее имени К. Бальмонта или в Музее им. М. В. Фрунзе в г. Шуя);

- продолжить работу по поддержке духовно-нравственного воспитания населения, создавая благоприятные условия для проявления религиозных чувств у верующих, учитывая, что и официальная, и старая вера в течение столетий формировали у населения патриотизм, терпимость, пропагандировали здоровый образ жизни, повышали уровень национального самосознания;

- принимать меры по формированию доброжелательных отношений между представителями различных вероисповеданий, созданию обстановки согласия и взаимопомощи, обогащению культур проживающих вместе народов высокими человеческими ценностями;

- навести порядок на захоронениях Турлаповых в деревне Пустошь и г. Шуя (восстановить надписи на плитах и памятниках, организовать уход за надгробиями и близлежащими площадками на кладбищах);

- организовать проведение научных конференций, семинаров, круглых столов для поиска новой информации по роду Турлаповых и других известных общин, привлекая всех неравнодушных к изучению истории Шуйского края.

В целях реализации вышеперечисленных мер предлагаем определить источники финансирования, разработать план мероприятий и дорожную карту. Несомненно, что укрепление исторической памяти позволит повысить уровень самосознания и патриотизма среди населения Российской Федерации (прежде всего среди молодежи), а также на пространстве СНГ и в других регионах. Это особенно актуально в условиях нарастания международной нестабильности и ослабления действия многих ключевых положений международного права.

Список источников

Баделин, В. И. (2024). *Шуя дворянская, купеческая, советская*. Иваново: ИД «Наша Родина», 272.

Борисов, В. А. (1851). *Описание города Шуя и его окрестностей*. М.: [б.и.], 477.

Борисов, В. А. (2005). *Собрание трудов (материалов)*. В 3 т. Т. 3. Иваново: ОАО Ивановская областная тип., 783. EDN: QORUMF

Воронин, С. А. (2025). Решение актуальных демографических проблем на примере села Пустошь Ивановской области: исторический аспект. В *Факторы и механизмы демографического развития: сборник научных статей (с. 41–53)*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 832. <http://doi.org/10.17059/udf-2025-1-4>

Иванов, Ю. А. (2003). *Уездная Россия: Местные власти, церковь и общество во второй половине XIX — начале XX века*. Иваново: [б. и.], 268.

Кабанов, А. Е. (2010). *Старообрядцы владимирских и костромских земель*. Иваново, ИПК «ПресСто», 220. EDN: QVQCYF

Лядов, И. М. (1876). *Рукоделия, ремесла, промыслы и торговля жителей города Шуи и Шуйского уезда (Владимирской губернии)*. Владимир: Типография Губернской земской управы, 1876.

Пыжиков, А. В. (2016). *Грани русского раскола: тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года*. Москва: Концептуал, 536.

Рыжов, В. В. (1930). *Город Шуя и Шуйский округ. Географическое, историческое и экономическое описание*. Шуя: Типография М. В. Фрунзе Ивполиграфтреста, 327.

Ставровский, Е. С. (2015). *Храмы Шуйской округи: Краткая история и списки священнослужителей*. Шуя: [б.и.], 74.

References

Badelin, V.I. (2024). *Shuia dvorianskaia, kupecheskaia, sovetaskaia [Shuya is noble, merchant, and Soviet]*. Ivanovo: Publishing house «Our Motherland», 272. (In Russ.)

Borisov, V.A. (1851). *Description of the city of Shuya and its environs*. Moscow: [s. n.], 477. (In Russ.)

Borisov, V.A. (2005). *Sobranie trudov (materialov) [Collected works (materials)]*. In 3 volumes. Vol. 3. Ivanovo: JSC Ivanovo regional tip., 783. EDN: QORUMF (In Russ.)

Ivanov, Yu.A. (2003). *Uezdnaia Rossiia: Mestnye vlasti, tserkov i obshchestvo vo vtoroi polovine XIX — nachale KhKh veka [County Russia: Local authorities, the Church, and society in the second half of the 19th and early 20th centuries]*. Ivanovo: [s. n.], 268. (In Russ.)

Kabanov, A.E. (2010). *Staroobriadtsy vladimirskikh i kostromskikh zemel [The Old Believers of the Vladimir and Kostroma lands]*. Ivanovo, IPK «PresSto», 220. EDN: QVQCYP (In Russ.)

Lyadov, I.M. (1876). *Rukodeliia, remesla, promysly i trgovlia zhitelei goroda Shui i Shuiskogo uезда (Vladimirskoi gubernii) [Handicrafts, crafts, crafts and trade of the inhabitants of the city of Shuya and Shuisky district (Vladimir province)]*. Vladimir: Printing house of the Provincial Zemstvo Council, 1876. (In Russ.)

Pyzhikov, A.V. (2016). *Grani russkogo raskola: tainaia rol staroobriadchestva ot 17 veka do 17 goda [The Facets of the Russian Schism: the secret role of the Old Believers from the 17th century to the 17th year]*. Moscow: Conceptual, 536. (In Russ.)

Ryzhov, V.V. (1930). *Gorod Shuia i Shuiskii okrug. Geograficheskoe, istoricheskoe i ekonomicheskoe opisanie [Shuya city and Shuya district. Geographical, historical, and economic description]*. Shuya: Printing House of M.V. Frunze And Polygraphrest, 327. (In Russ.)

Stavrovsky, E.S. (2015). *Khramy Shuiskoi okrug: Kratkaia istoriia i spiski sviashchennosluzhitelei [Temples of the Shuisky district: A brief history and lists of priests]*. Shuya: [s. n.], 74. (In Russ.)

Voronin, S.A. (2025). Solution of Current Demographic Problems on the Example of the Village of Pustosh Ivanovo Region: Historical Aspect. In *Faktery i mekhanizmy demograficheskogo razvitiia: sbornik nauchnykh statei [Factors and mechanisms of demographic development: a collection of scientific articles]* (pp. 41–53). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 832. <http://doi.org/10.17059/udf-2025-1-4> (In Russ.)

Воронин Сергей Александрович — доктор экономических наук, старший научный сотрудник, Ташкентский филиал РЭУ имени Плеханова; главный специалист, Институт бюджетно-налоговых исследований; <https://orcid.org/0000-0003-2288-8365> (Республика Узбекистан, 100164, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, массив Ялангач, улица Шахриобод, 3; г. Ташкент, 1-й проезд Янгитарнов, 7; e-mail: sergey_voronin63@yahoo.com).

Кабанов Андрей Евгеньевич — кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Москва, Российская Федерация; e-mail: andrei_kab@mail.ru).

Силуянова Любовь Юрьевна — независимый исследователь (г. Павловский Посад, Российская Федерация, e-mail: siluyanova.lyubov@yandex.ru).

Sergey A. Voronin - Dr. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Tashkent branch of Plekhanov Russian University of Economics; Chief Specialist, Institute of Budget and Tax Research; <https://orcid.org/0000-0003-2288-8365>

org/0000-0003-2288-8365 (3, Shakhriobod st., Yalangach area, Mirzo Ulugbek district, Tashkent 100164; 7, 1st Yangitarnov Passage, Tashkent, Uzbekistan, e-mail: sergey_voronin63@yahoo.com).

Andrey E. Kabanov — Cand. Sci. (Hist.), Independent researcher (Moscow, Russian Federation; e-mail: andrei_kab@mail.ru).

Lyubov Y. Siluyanova — Independent researcher (Pavlovsky Posad, Russian Federation, e-mail: siluyanova.lyubov@yandex.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.148

JEL classification: J10

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-1-4>

Моделирование демографического поведения прихожан Троицкой церкви села Арейского (по данным исповедной росписи 1785 года)¹

Н. П. Гуляева

Независимый исследователь (г. Дивногорск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-9802-7647>

Автор для корреспонденции: Н.П. Гуляева (carnivora@list.ru).

Аннотация. *Представлены результаты анализа исповедной росписи Троицкой церкви села Арейского 1785 года с использованием разработанной автором методики расчетов. Моделируется половозрастной состав и демографическое поведение населения, в том числе рассчитываются показатели демографической нагрузки, параметры брачного и репродуктивного поведения (возраст вступления в брак, повторные браки, разница в возрасте супругов, возраст первого деторождения, число детей у женщин разных возрастов, интергенетические интервалы). Показано отсутствие ранних браков и ранних родов, что заметно отличает исследуемую совокупность от случаев, реконструированных для ряда других регионов России, и позволяет выделить особенности модели демографического поведения прихожан Троицкой церкви.*

Ключевые слова: исповедная роспись; возрастно-половая структура; брак; рождаемость; демографическое поведение.

Modeling the Demographic Behavior of the Parishioners of the Trinity Church in the Village of Areyskoye based on the Confession Register, 1785

N. Gulyaeva

Independent researcher (Divnogorsk, Russian Federation).

<https://orcid.org/0000-0001-9802-7647>

Corresponding author: N. Gulyaeva (carnivora@list.ru).

Abstract. *The results of the analysis of the confessional register of the Trinity Church in the village of Areyskoye (1785) are presented using a calculation methodology developed by the author. The age-sex composition and demographic behaviour of the population are modelled, including calculations of demographic burden indicators and parameters of nuptiality and reproductive behaviour (age at first marriage, remarriages, age difference between spouses, age at first birth, number of children among women of different ages, inter-birth intervals). The absence of early marriages and early childbearing is demonstrated, which clearly distinguishes the population under study from cases reconstructed for a number of other regions of Russia and makes it possible to identify specific features of the demographic behaviour model of the parishioners of the Trinity Church.*

Keywords: confessional register; age-sex structure; fertility; demographic behaviour

Введение

В работе приведены результаты анализа исповедной росписи Троицкого храма села Арейского. Этот документ является частью исповедной росписи церковью Красноярского заказа за 1785 год и хранится в фондах Красноярского краеведческого музея.

Высокий потенциал исповедных росписей как источника историко-демографических исследований неоднократно отмечался в работах различных

¹ © Гуляева Н. П. Текст. 2026.

авторов (Боярченков, В. В. (2019); Васина, Т. А. (2009); Маркова, М. А., (2020); Миронов, Б. Н. (1998). Исповедные росписи используются для построения возраст-но-половых пирамид, структуры домохозяйств, распределений по социальным группам. Автор полагает, что применение предлагаемых в данной работе методов позволяет получить сведения о возрастах вступления в брак, возрастах деторождения, выявить маркеры повторных браков, оценить демографическую нагрузку.

Цель данной публикации — демонстрация применения авторской методики изучения исповедных росписей на примере прихода села Арейского. Результатом расчетов является модель демографического поведения жителей прихода.

Материалы и методы

В исповедных росписях, в том числе, в исследуемом документе, отмечается все население по приходам. В составе прихода жители перечисляются по домохозяйствам с учетом сословной принадлежности от наиболее привилегированных к наименее. Для каждого прихожанина указывается возраст и семейное положение.

Росписи не отражают возрастов деторождения и вступления в брак, не указывают очередность браков, не содержат сведений о членах семьи умерших, или отделившихся от домохозяйства. Извлечь эти данные для каждого конкретного человека без сопоставления с другими документами не представляется возможным.

Автор полагает, что сопоставляя показатели возраста и брачного статуса можно отследить, на какие именно возрастные интервалы приходился переход от статусов холостой/девица к статусам женат/замужем с учетом пола.

Возраст деторождения несложно вычислить, рассчитав разницу возрастов родителей и детей. При наличии нескольких детей можно рассчитать интергенетические интервалы. Этот расчет не будет учитывать детей, не проживающих на момент составления росписи с родителями (умерших и отселившихся). Однако анализ продолжительности интервалов в сочетании с расчетом демографической нагрузки позволяет сделать умозаключения о режиме воспроизводства населения.

Кроме того, выявление слишком большой или слишком маленькой разницы в возрастах детей и одного из родителей (больше 60 и меньше 16 лет) может служить маркером повторного брака. С некоторой долей осторожности к маркерам повторного брака можно отнести и большую разницу в возрасте супругов.

Для систематизации данных сведения о прихожанах (пол, возраст, социальный статус, семейное положение, место проживания, наличие детей) занесены в специально разработанную базу данных на основе СУБД Access. Группировка проводилась созданием запросов в базе данных, для расчетов информация конвертировалась в таблицы Excel.

Результаты

Основные социально-демографические характеристики

В первую очередь проведена группировка прихожан по населенным пунктам и социальному статусу (табл. 1).

Большинство населения составляют крестьяне. Самым крупным населенным пунктом является не село Арейское, а деревни Емельянова и Новозаледеева.

Таблица 1

Распределение прихожан по населенным пунктам и социальному статусу

	с. Арейское	дер. Болыкем-чугская	дер. Дрокино	дер. Еланская	дер. Емельянова	дер. Крутинская	дер. Малокем-чугская	дер. Новозаледева	дер. Творогово	дер. Установа	дер. Яловская
военный	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
казак	17	0	10	0	3	5	0	0	0	7	0
крестьянин	73	153	142	37	258	189	179	293	17	65	92
мещанин	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1
священнослужитель	13	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
ясачный	0	0	3	0	0	0	0	0	0	32	0
дети боярские	2	0	0	0	4	0	0	0	0	0	0
чиновники	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0
купцы	23	0	0	0	13	6	0	0	0	0	27
Всего	131	177	155	37	281	206	183	293	17	104	120

Источник: Исповедная роспись Красноярского заказа, 1785 год. Красноярский краевой краеведческий музей. Номер временного хранения 928.

Таблица 2

Распределение мужчин по возрасту и социальному статусу

Возраст, лет	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	священно-служители	ясачные	купцы	дети боярские	чиновники
от 0 до 5	78	2	0	73	0	1	0	1	0	0
от 6 до 10	121	3	0	107	0	1	1	5	0	0
от 11 до 15	84	4	0	73	0	0	2	5	0	0
от 16 до 20	71	1	0	60	0	0	4	5	1	0
от 21 до 25	68	2	0	52	2	1	4	4	0	2
от 26 до 30	72	2	0	59	0	3	2	3	1	0
от 31 до 35	56	0	0	49	0	0	1	5	0	0
от 36 до 40	42	0	0	40	0	0	1	1	0	0
от 41 до 45	45	1	0	42	0	0	0	1	0	0
от 46 до 50	27	0	0	26	0	0	0	0	0	0
от 51 до 55	34	1	0	29	0	0	2	0	0	0
от 56 до 60	30	2	0	26	0	0	0	1	0	0
от 61 до 65	29	2	0	23	0	0	0	3	0	0
от 66 до 70	20	1	1	16	0	0	0	0	0	0
от 71 до 75	26	0	3	22	0	0	1	0	0	0
от 76 до 80	12	0	0	11	0	0	0	0	0	0
старше 80	10	0	0	9	0	0	0	0	0	0
Всего	825	21	4	717	2	6	18	34	2	2

Источник: Исповедная роспись Красноярского заказа, 1785 год. Красноярский краевой краеведческий музей. Номер временного хранения 928.

Однако именно в Арейском наблюдается наибольшая социальная дифференциация. Учитывая особенности географического расположения населенных пунктов, можно предположить, что социальное разнообразие Арейского, Емельяновой и Крутинской определяется близостью к городу Красноярску и/или тракту.

По всей совокупности наблюдается сравнительно небольшая доля детей. В возрастах старше 30 лет прослеживается умеренное сокращение численности обоих полов, до 65 лет у женщин и 75 — у мужчин (табл. 2, табл. 3). Малая доля населения в детских возрастах и большая в пожилых считаются нехарактерным для традиционного общества (Миронов, 1990).

По Европейской России и Уралу доля пожилых фиксируется почти в два раза больше, чем по исследуемому приходу (Авдеев, 2015; Васина, 2016; Голикова, 2006; Сакало, 2010). Однако по Северу России (Мацук, 2019) и по г. Томску (Щеглов, Меженина, 2016) данные вполне сопоставимы.

При расчете демографической нагрузки (табл. 4) выявлено, что общая составляет чуть более единицы на человека в трудоспособном возрасте, причем нагрузка пожилыми в два раза ниже нагрузки детьми. На женщину фертильного возраста приходится 1,4 ребенка, что не обеспечивает простого воспроизводства и намного меньше, чем наблюдается по Европейской России (Стрекалов, Стрекалова, 2018).

Таблица 3

Распределение женщин по возрасту и социальному статусу

Возраст, лет	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	священно-служители	ясачные	купцы	дети боярские	чиновники
от 0 до 5	94	1	0	87	0	1	1	3	0	0
от 6 до 10	124	1	1	114	0	1	1	2	0	0
от 11 до 15	111	4	1	101	0	0	1	3	1	0
от 16 до 20	80	5	0	71	0	0	1	2	1	0
от 21 до 25	76	4	0	63	0	0	3	5	0	0
от 26 до 30	87	2	0	72	0	4	2	5	1	1
от 31 до 35	59	1	0	52	0	0	0	4	0	0
от 36 до 40	47	0	0	43	0	0	2	2	0	0
от 41 до 45	43	3	0	39	0	0	1	0	0	0
от 46 до 50	36	2	0	33	0	1	0	0	0	0
от 51 до 55	47	2	0	39	0	0	2	2	1	0
от 56 до 60	28	3	0	23	0	0	0	2	0	0
от 61 до 65	31	1	0	23	0	0	1	4	0	0
от 66 до 70	8	0	0	5	1	0	0	0	0	0
от 71 до 75	10	0	1	8	0	0	0	0	0	0
от 76 до 80	3	0	0	2	0	0	1	0	0	0
старше 80	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Всего	886	29	3	776	1	7	16	34	4	1

Источник: Исповедная роспись Красноярского казача, 1785 год. Красноярский краевой краеведческий музей. Номер временного хранения 928.

Таблица 4

Демографическая нагрузка

	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	священно- служители	ясачные	купцы	дети боярские	чиновники
девочек (1–15 лет)	329,0	6,0	2,0	302,0	0,0	2,0	3,0	8,0	1,0	0,0
женщин (16–50 лет)	428,0	17,0	0,0	373,0	0,0	5,0	9,0	18,0	2,0	1,0
пожилых женщин (старше 50 лет)	129,0	6,0	1,0	101,0	1,0	0,0	4,0	8,0	1,0	0,0
Всего женщин	886,0	29,0	3,0	776,0	1,0	7,0	16,0	34,0	4,0	1,0
девочек на женщину фертильного возраста	0,8	0,4	—	0,8	—	0,4	0,3	0,4	0,5	0,0
детей на женщину фертильного возраста	1,4	0,9	0,0	1,5	0,0	0,8	0,7	1,1	0,5	0,0
мальчиков (1–15 лет)	283,0	9,0	0,0	253,0	0,0	2,0	3,0	11,0	0,0	0,0
мужчин (16–50 лет)	381,0	6,0	0,0	328,0	2,0	4,0	12,0	19,0	2,0	2,0
пожилых мужчин (старше 50 лет)	161,0	6,0	4,0	136,0	0,0	0,0	3,0	4,0	0,0	0,0
Всего мужчин	825,0	21,0	4,0	717,0	2,0	6,0	18,0	34,0	2,0	2,0
всего детей	612,0	15,0	2,0	555,0	0,0	4,0	6,0	19,0	1,0	0,0
всего взрослых	809,0	23,0	0,0	701,0	2,0	9,0	21,0	37,0	4,0	3,0
всего пожилых	290,0	12,0	5,0	237,0	1,0	0,0	7,0	12,0	1,0	0,0
нагрузка детьми	0,8	0,7	—	0,8	0,0	0,4	0,3	0,5	0,3	0,0
нагрузка пожилыми	0,4	0,5	—	0,3	0,5	0,0	0,3	0,3	0,3	0,0
общая нагрузка	1,1	1,2	—	1,1	0,5	0,4	0,6	0,8	0,5	0,0

Источник: Исповедная роспись Красноярского казача, 1785 год. Красноярский краевой краеведческий музей. Номер временного хранения 928.

Это можно объяснить тем, что в исповедной росписи отсутствуют дети младше одного года, хотя детская смертность до начала XX века составляла до 50 % именно на первом году жизни. Однако исследование интергенетических интервалов (см. ниже) заставляет сомневаться в данной гипотезе.

Брачное поведение

По всему приходу не прослеживается раннее вступление в брак по обоим полам (табл. 5, табл. 6).

Смена брачного статуса с холостого на женатый и с девичьего на замужний преимущественно сосредоточена в интервалах от 16 до 25 лет для обоих полов. Самым юным супругам по 17 лет (один мужчина и две женщины). В возрастах от 18 до 20 лет включительно зафиксировано 9 женатых мужчин против 31 холостого и 5 замужних женщин против 34 девиц (табл. 7).

Таблица 5

Распределение холостых, женатых и вдовых мужчин по возрастам

	от 0 до 5	от 6 до 10	от 11 до 15	от 16 до 20	от 21 до 25	от 26 до 30	от 31 до 35	от 36 до 40	от 41 до 45	от 46 до 50	от 51 до 55	от 56 до 60	от 61 до 65	от 66 до 70	старше 70
холост	104	109	85	60	33	9	5	2	3	1	0	0	3	2	5
женат	0	0	0	10	35	58	46	42	38	23	36	28	20	13	23
вдов	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	1	2	2	6	14

Источник: Исповедная роспись Красноярского заказа, 1785 год. Красноярский краевой краеведческий музей. Номер временного хранения 928.

Таблица 6

Распределение девиц, замужних и вдовых женщин по возрастам

	от 0 до 5	от 6 до 10	от 11 до 15	от 16 до 20	от 21 до 25	от 26 до 30	от 31 до 35	от 36 до 40	от 41 до 45	от 46 до 50	от 51 до 55	от 56 до 60	от 61 до 65	от 66 до 70	старше 70
девицы	126	112	112	60	26	12	2	2	1	0	0	0	2	0	0
замужние	0	0	0	7	64	61	53	38	37	37	24	24	12	3	6
вдовы	0	0	0	1	1	1	0	2	3	5	5	5	10	5	8

Источник: Исповедная роспись Красноярского заказа, 1785 год. Красноярский краевой краеведческий музей. Номер временного хранения 928.

Таблица 7

Модальные возрасты смены брачного статуса

Возраст, лет	мужчины		женщины	
	холост	женат	девица	замужем
17	15	1	11	2
18	10	2	15	0
19	10	3	12	4
20	11	4	7	1
21	9	2	12	12
22	8	3	7	1
23	6	9	4	15
24	8	8	3	12
25	2	13	0	24

Источник: Исповедная роспись Красноярского заказа, 1785 год. Красноярский краевой краеведческий музей. Номер временного хранения 928.

Для женщин переломным возрастом становятся 21–23 года, тогда как для мужчин 22–25 лет. В возрастах старше 30 лет количество холостяков и девиц незначительно, но устойчиво до пожилых возрастов.

Самой молодой вдове 20 лет. В более старших возрастах вдовы постоянно присутствуют, но до 35 лет их единицы. Число вдов возрастает после 45 лет и для возраста старше 70 лет составляет более половины.

Самому молодому из овдовевших мужчин 46 лет, при этом только после 65-летнего возраста доля вдовцов возрастает и становится заметной.

Это можно объяснить разным положением вдов и вдовцов на брачном рынке. Женщине до 35 лет, часто обремененной детьми, труднее было найти нового спутника жизни, чем овдовевшему ровеснику-мужчине, но до 45 лет шансы вдов на повторный брак сохранялись. Вдовы старше этого возраста возможность выйти замуж повторно практически утрачивали.

В документе не содержится сведений о том, какой по счету брак у каждого из супругов. Однако одним из маркеров повторного брака может быть большая разница в возрасте супругов.

В целом характерно преобладание браков, где разница в возрасте мужа и жены не превышает пяти лет (табл. 8, табл. 9). Как правило, старше муж, но количество пар, в которых возраст жены больше на 1–5 лет, значительно. Данная ситуация аналогична наблюдаемым по иным регионам России. (Васина, 2015; Маркова, 2013; Сарафанов, 2016; Хабарова, 2013).

Если сравнивать пары с разницей в возрасте от 6 до 10 лет, заметно, что слушаев, где старше мужчина, в семь раз больше, чем тех, где старше женщина. При разнице более 10 лет супруга старше только в одной семье, преобладание возраста мужа фиксируется 60 раз.

Выраженной зависимости значения данного параметра от социального статуса и места жительства не прослеживается.

Самая большая разница в возрастах супругов зафиксирована в семье крестьянина Василия Петрова. Он старше на 35 лет, причем с ними проживают дети 10 и 7 лет. Учитывая, что главе домохозяйства 71 год, логично предположить, что это дети жены от предыдущего брака.

Таблица 8

Разница в возрасте супругов с учетом места жительства

	жена старше > 10 лет	жена старше от 6 до 10 лет	жена старше от 1 до 5 лет	ровесники	муж старше от 1 до 5 лет	муж старше от 6 до 10 лет	муж старше > 10 лет
с. Арейское	0	1	5	5	9	6	6
дер. Большекемчугская	0	0	6	7	16	8	6
дер. Дрокино	0	1	11	3	10	5	5
дер. Еланская	0	1	3	0	3	0	1
дер. Емельянова	0	2	20	8	20	7	4
дер. Крутинская	0	0	12	9	19	1	6
дер. Малокемчугская	0	1	3	3	10	9	16
дер. Новозаледеева	1	1	12	10	17	14	6
дер. Творогово	0	0	1	0	1	1	1
дер. Установа	0	0	0	3	4	3	7
дер. Яловская	0	1	3	4	12	2	2
Всего	1	8	76	52	121	56	60

Источник: Исповедная роспись Красноярского казачьего войска, 1785 год. Красноярский краевой краеведческий музей. Номер временного хранения 928.

Другим примером может служить семья Андрея Семеновича Потылицына, крестьянина 76 лет. Его супруге 42 года, а женатым сыновьям 38 и 25 лет. Очевидно, что быть матерью старшего сына жена Андрея Семеновича не могла. Следовательно, у главы семейства — это второй брак.

Всего насчитывается 13 случаев, где разница в возрасте между матерью и детьми составляет менее 16 лет (табл. 10). Их можно однозначно интерпретировать как маркеры повторного брака мужа.

Таблица 9

Разница в возрасте супругов с учетом социального статуса

	жена старше > 10 лет	жена старше от 6 до 10 лет	жена старше от 1 до 5 лет	ровесники	муж старше от 1 до 5 лет	муж старше от 6 до 10 лет	муж старше > 10 лет
военные	0	0	0	1	0	0	0
дети боярские	0	0	0	0	1	0	0
казаки	0	0	3	1	4	1	2
крестьяне	1	8	68	45	102	52	54
купцы	0	0	2	2	11	1	0
священно- служители	0	0	1	1	2	0	0
чиновник	0	0	1	0	0	0	0
ясачные	0	0	2	1	1	1	0

Источник: Исповедная роспись Красноярского заказа, 1785 год. Красноярский краевой краеведческий музей. Номер временного хранения 928.

Таблица 10

Разница в возрастах матерей и детей (количество случаев)

Разница в возрастах матерей и детей, лет	с. Арейское	дер. Больше- кемчугская	дер. Дрокино	дер. Еланская	дер. Емельянова	дер. Крутинская	дер. Малокем- чугская	дер. Новоза- ледеева	дер. Творогово	дер. Установа	дер. Яловская
меньше 6	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0
от 6 до 10	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
от 11 до 15	1	1	0	0	0	0	5	2	0	1	0
от 16 до 20	4	5	10	3	11	3	2	14	0	14	3
от 21 до 25	14	8	23	6	36	21	19	33	5	14	17
от 26 до 30	16	8	23	6	48	32	18	34	2	11	20
от 31 до 35	16	10	18	2	32	26	12	25	0	14	15
от 36 до 40	6	14	13	1	20	21	17	24	0	5	10
от 41 до 45	3	12	4	1	16	7	9	12	0	0	7
от 46 до 50	0	6	1	1	3	1	5	6	0	2	0
больше 50	0	6	0	0	1	0	1	3	0	0	0

Источник: Исповедная роспись Красноярского заказа, 1785 год. Красноярский краевой краеведческий музей. Номер временного хранения 928.

Деторождение

Исповедная роспись не указывает, в каком возрасте у супругов появились дети. Его можно вычислить по разнице в возрастах матерей и детей. Предметом рассмотрения является родственная связь «родитель — ребенок», а не соотношение взрослых и несовершеннолетних членов семьи. Соответственно, в анализ включаются все матери, совместно проживающие с детьми, включая взрослых сыновей и дочерей.

По всему приходу прослеживается преобладание случаев, где разница в возрасте матери и ребенка составляет 21–25 лет. Сокращение этого показателя начинается с разницы в 40 лет и более. Таким образом, нижняя граница совпадает с данными, полученными при анализе смены брачного статуса, а верхняя — с естественным пределом фертильности.

Данные расчеты подтверждаются анализом соотношения возрастов матерей и количества детей (табл. 11).

У матерей в возрасте 21–25 лет не более трех детей, причем однодетный вариант абсолютно преобладает.

У матерей в возрасте 26–35 лет появляются четвертый и пятый ребенок. В возрасте 35–50 лет зафиксированы женщины, у которых шесть и семь детей, но такие случаи единичны. В возрастах старше 50 лет количество детей у женщин последовательно сокращается. Так, у 56–60-летних матерей не более 6 детей, в следующей возрастной группе — не более 5 и т. д. С матерями, чей возраст превышает 70 лет проживают 1–2 ребенка. Вероятнее всего, данное явление объясняется не меньшей рождаемостью у предыдущих поколений и не утратой детей по мере старения матерей, а отделением детей по мере взросления.

Изучение интергенетических интервалов подкрепляет приведенные выше наблюдения. Модальными являются интервалы в два и три года (131 и 100 случаев соответственно), что соответствует биологической норме. Интервалов, равных году, 89, что превышает количество равных 4 и 5 годам (71 и 61 случай).

Таблица 11

Соотношение возрастов матерей и количества детей

возраст матери, лет	количество матерей в возрасте	Количество детей у матери в данном возрасте						
		1	2	3	4	5	6	7
21–25	32	24	6	2	0	0	0	0
26–30	49	22	16	6	4	1	0	0
31–35	45	10	11	12	8	4	0	0
36–40	40	5	7	8	8	8	2	2
41–45	34	7	3	8	8	6	1	1
46–50	38	1	10	9	6	9	2	1
51–55	39	9	10	8	8	1	3	0
56–60	28	5	6	5	9	2	1	0
61–65	17	10	4	1	1	1	0	0
66–70	7	2	2	0	3	0	0	0
старше 70	8	4	3	0	0	0	1	0

Источник: Исповедная роспись Красноярского заказа, 1785 год. Красноярский краевой краеведческий музей. Номер временного хранения 928.

Подчеркнем, что в документ не попали дети уже скончавшиеся или отселившиеся в другое домохозяйство. Следовательно, можно предположить, что преобладание 1–3-летних интервалов в реальности имело более выраженный характер, чем показывает источник. Значит, выше была частота родов, что делает сомнительным гипотетическое увеличение доли детских возрастов, о чем говорилось выше.

Итак, по прихожанам Троицкой церкви села Арейского не наблюдается не только ранних браков и ранних деторождений, но и количество детей на женщину значительно ниже, чем зафиксировано исследователями по Европейской России и Западной Сибири (Исупов В. А., 2020; Араловец Н. А., 2019; Черкасова М. С., 2023)

Заключение

При изучении исповедной росписи Троицкой церкви села Арейского получены следующие результаты:

1. Не выявлено существенных различий демографического поведения в зависимости от социального статуса и места проживания.

2. Зафиксирована сравнительно небольшая доля детей и значительная доля пожилых людей. Показатели демографической нагрузки и числа детей на женщину не соответствуют режиму простого воспроизводства населения.

3. Модальный возраст изменения брачного статуса для мужчин 22–25 лет, для женщин — 21–23 года.

4. Возможности повторного брака для женщин значительно сужаются в более молодых возрастах по сравнению с мужчинами.

5. Модальный возраст первого деторождения 21–25 лет. Количество матерей, имеющих более четырех детей, невелико. Наиболее распространен вариант 1–2 детей.

6. Вычисление интергенетических интервалов показывает, что увеличение доли детских возрастов, ссылаясь на особенности источника, является малообоснованным.

Таким образом, построена описательная модель демографического поведения прихожан Троицкой церкви села Арейского. Сравнение с иными приходскими Красноярского заказа в первом приближении не выявило заметных различий (Гуляева, 2022, 2024). При этом наблюдается существенное расхождение с данными, полученными исследователями по другим регионам России.

Список источников

Авдеев, А. А., Ульянова, Г. Н., Троицкая, И. А. (2015). Сословные различия в структурах домохозяйств в XIX в.: Москва и ее окрестности. *Демографическое обозрение*, 2 (2), 74–91. EDN: VBTETP

Араловец, Н. А. (2019). *Городская семья в России 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект*. Москва-Берлин: ООО «Директмедиа Паблишинг», 271. <http://doi.org/10.23681/501111>

Боярченко, В. В. (2019). Исповедные росписи Сапожковского уезда второй четверти XVIII в.: историкодемографические наблюдения. В *Актуальные вопросы истории, философии, права и педагогики: сб. ст. Национальной научно-практической конференции с международным участием (25–26 марта 2019 г.)* (с. 11–15). Рязань: Рязанская региональная общественная организация Союз социально активной молодежи «Созвездие», 186. EDN: ZHVRBZ

Васина, Т. А. (2015). Духовные росписи как источник по истории семьи населения Пудемского завода конца XVIII — начала XIX в. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*, (12), 67–73. EDN: VKAYDL

Васина, Т. А. (2016). Духовные росписи как источник по истории семьи (на примере Бемьшевского завода конца XVIII — начала XIX в.). В *Демографическая история России и регионов. Вып. I: Проблемы источников* (с. 39–48). Новосибирск: Институт истории СО РАН, 304.

Голикова, С. В. (2006). Демографический потенциал крестьянского хозяйства Зауралья (на примере Баклановской волости Шадринского уезда конца XVIII века). *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, (6), 188–195. EDN: JWODWJ

Гуляева, Н. П. (2022). Семейно-брачная структура города Красноярска, 1785 г. История и современность, (2(44)), 27–74. <http://doi.org/10.30884/iis/2022.02.02>

Гуляева, Н. П. (2024). Структура населения деревень окрестностей Красноярска по данным исповедной росписи 1785 года. В *Гришаевские чтения: материалы VI Междунар. науч. конф.* (с. 297–301). Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 468. EDN: ANSDWB

Исупов, В. А. (2020). Демографическая модернизация Западной Сибири в первой половине XX в. *Исторический курьер*, 1 (9), 154–168.

Маркова, М. А. (2013). Брачное поведение сельского населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизского и церковно-приходского учета). *Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании*, 2 (4), 80–85. EDN: RUIOJL

Мацук, М. А. (2019). Купечество города Усть-Сысольска по ревизии 1795 г.: демографические аспекты. *Историческая демография*, (2), 10–13. <http://doi.org/10.19110/2304-5922-2019-2-10-13>

Миронов, Б. Н. (1998). О достоверности метрических ведомостей — важнейшего источника по исторической демографии России XVIII — н. XX веков. В *Россия в XIX–XX веках* (с. 41–47). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 389. EDN: WJRJYX

Миронов, Б. Н. (1990). *Русский город в 1740–1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие*. Ленинград: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 271. EDN: VIKMTT.

Сакало, А. Е. (2011). Документы церковного происхождения XVIII в. как источники историко-демографических исследований: исповедные ведомости. *Историческая демография*, (2), 72–75. EDN: WERROP

Сарафанов, Д. Е. (2016). Разница в возрасте супругов как показатель брачного поведения населения Барнаула во второй половине XIX — начале XX вв. (анализ базы данных по материалам метрических книг). *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер»*, (45), 71–73. EDN: XHNKDY

Стрекалов, Д. В., Стрекалова, Н. В. (2018). Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII — первой половине XIX века (на материалах Тамбова). *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 23(172), 119–130. <http://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130>

Хабарова, О. В. (2013). Динамика показателей брачного поведения жителей Севастополя в XIX в.: анализ базы данных, созданной по материалам метрических книг. *Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании*, 2 (4), 86–100. EDN: RUIOJV

Черкасова, М. С. (2023). *Человек в зеркале исторической демографии, XVI — начало XVIII в.* Вологда: Древности Севера, 383.

Щеглов, С. Г., Меженина, О. В. (2016). Половозрастной состав в мещанском сословии в городах Томской губернии в первой половине XIX в. *Известия Алтайского государственного университета*, 4(92), 155–160. [http://doi.org/10.14258/izvasu\(2016\)4-27](http://doi.org/10.14258/izvasu(2016)4-27)

References

Avdeev, A. A., Ulyanova, G. N., & Troitskaya, I. A. (2015). Class differences in household structures in the 19th century: Moscow and its surroundings. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 2(2), 74–91. EDN: VBTETP (In Russ.)

Aralovets, N. A. (2019). *Gorodskaya semia v Rossii 1897–1926 gg.: istoriko-demograficheskii aspekt [Urban family in Russia 1897–1926: historical and demographic aspect]*. Moscow-Berlin: Directmedia Publishing LLC, 271. <http://doi.org/10.23681/501111> (In Russ.)

Boyarchenkov, V. V. (2019). Confessional murals of the Sapozhkovsky district of the second quarter of the XVIII century: source observations. In *Aktualnye voprosy istorii, filosofii, prava i pedagogiki: sb. st. Natsionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (25–26 marta 2019 g.) [Current issues of history, philosophy, law and pedagogy: collection of articles of the National Scientific and Practical Conference with International participation (March 25–26, 2019)]* (pp. 11–15). Ryazan: Ryazan regional public organization Union of socially active Youth “Constellation”, 186. EDN: ZHVRBZ (In Russ.)

Vasina, T. A. (2015). Spiritual murals as a source on the family history of the population of the Pudemsky factory in the late XVIII — early XIX centuries. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Herald of Vyatka State University]*, (12), 67–73. EDN: VKAYDL (In Russ.)

Vasina, T. A. (2016). Spiritual murals as a source for family history (on the example of the Bemyshevsky factory of the late XVIII — early XIX centuries). In *Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov. Vyp. I: Problemy istochnikov [Demographic history of Russia and the regions. Vol. I: Problems of sources]* (pp. 39–48). Novosibirsk: Institute of History SB RAS, 304. (In Russ.)

Golikova, S. V. (2006). Demographic potential of the Trans-Urals peasant economy (on the example of the Baklanovsky volost of Shadrinsky uyezd at the end of the XVIII century). *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*, (6), 188–193. EDN: JWODWJ (In Russ.)

Gulyaeva, N. P. (2022). Marriage and family structure of the town of Krasnoyarsk, 1785. *Istoriia i sovremennost [History and modernity]*, (2(44)), 27–74. <http://doi.org/10.30884/iis/2022.02.02> (In Russ.)

Gulyaeva, N. P. (2024). The population structure of villages in the vicinity of Krasnoyarsk according to the confessional painting of 1785. In *Grishaevskie chteniia: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. [Grishaev Readings: Proceedings of the VI International Scientific Conference]* (pp. 297–301). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 468. EDN: ANSDWB (In Russ.)

Isupov, V. A. (2020). Demographic modernization of Western Siberia in the first half of the 20th century. *Istoricheskii kurer [Historical Courier]*, 1(9), 154–168. (In Russ.)

Markova, M. A. (2013). Marital behavior of the rural population of St. Petersburg-St. Petersburg province in the XVIII — the first half of the XIX century (based on the materials of the audit and parish accounting). *Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniiax i obrazovanii [Historical Information Science. Information Technology and Quantitative Methods in Historical Research and Education]*, 2(4), 80–85. EDN: RUOJL (In Russ.)

Matsuk, M. A. (2019). Merchants of the city of Ust-Sysolsk according to the revision of 1795: demographic aspects. *Istoricheskaya demografiia [Historical Demography]*, (2), 10–13. <http://doi.org/10.19110/2304-5922-2019-2-10-13> (In Russ.)

Mironov, B. N. (1998). On the reliability of the metric gazette, the most important source on the historical demography of Russia in the 18th and early 20th centuries. In *Rossia v XIX–XX vekakh [Russia in the 19th–20th centuries]* (pp. 41–47). Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 389. EDN: WJRJYX (In Russ.)

Mironov, B. N. (1990). *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: Demograficheskoe, sotsialnoe i ekonomicheskoe razvitiye* [The Russian city in the 1740s and 1860s: Demographic, social and economic development]. Leningrad: Federal State Unitary Enterprise Academic Scientific Publishing, Production, Printing and Book Distribution Center Nauka, 271. EDN VIKMTT. (In Russ.)

Sakalo, A. E. (2011). Documents of church origin of the XVIII century. as sources of historical and demographic research: confessional bulletin. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], (2), 72–75. EDN: WERROP (In Russ.)

Sarafanov, D. E. (2016). The age difference between spouses as an indicator of marital behavior of the Barnaul population in the second half of the 19th — early 20th centuries. (analysis of the database based on the materials of metric books). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Newsletter of the Association “History and Computer”], (45), 71–73. EDN: XHHKDY (In Russ.)

Strekalov, D. V. & Strekalova, N. V. (2018). Structure and typology of the provincial urban family in the late XVIII — first half of the XIX century (based on the materials of Tambov). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review: Series Humanities], 23(172), 119–130. <http://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130> (In Russ.)

Khabarovsk, O. V. (2013). Dynamics of indicators of marital behavior of Sevastopol residents in the 19th century: analysis of a database based on the materials of metric books. *Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii* [Historical Information Science. Information Technology and Quantitative Methods in Historical Research and Education], 2(4), 86–100. EDN: RUIOJV (In Russ.)

Cherkasova, M. S. (2023). *Chelovek v zerkale istoricheskoi demografii, XVI — nachalo XVIII v.* [The man in the mirror of historical demography, XVI — early XVIII century]. Vologda: Antiquities of the North, 383. (In Russ.)

Shcheglov, S. G. & Mezhenina, O. V. (2016). The age and gender composition of the bourgeois class in the cities of Tomsk province in the first half of the 19th century. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 4(92), 155–160. <http://doi.org/10.14258/izvasu> (2016)4-27 (In Russ.)

Гуляева Наталья Павловна — кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь, <https://orcid.org/0000-0001-9802-7647> (Российская Федерация, 663090, г. Дивногорск, ул. Бочкина, д. 18; e-mail: carnivora@list.ru).

Natalya P. Gulyaeva — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, independent researcher, <https://orcid.org/0000-0001-9802-7647> (18, Bochkina St., Divnogorsk, 663090, Russian Federation; e-mail: carnivora@list.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи средства генеративного искусственного интеллекта использовались только при оформлении списка источников.

Use of AI tools declaration

The author declare generative artificial intelligence tools were used only for formatting the list of references.

УДК 94 (470+571) "1979"

JEL classification: I21, J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-1-5>

Влияние уровня образования на рождаемость (по материалам Всесоюзной переписи населения 1979 г. в РСФСР)¹

А.В. Жарков

Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский государственный университет путей сообщения
(г. Екатеринбург, Российская Федерация).

<https://orcid.org/0000-0002-7401-3854>

Автор для корреспонденции: А.В. Жарков (alessandro2017@mail.ru).

Аннотация. Исследование посвящено оценке взаимосвязи среднего числа рождений на одну женщину и уровня образования в 1979 г. в РСФСР по материалам Всесоюзной переписи населения. В качестве основного метода выступает регрессионный анализ. Выявлена сильная отрицательная зависимость между показателями (повышение уровня образования способствует снижению рождаемости). Утверждается, что в полученном уравнении не учитывается действие других факторов, оно отражает ситуацию только на 1979 г. Поэтому результат следует оценивать с осторожностью.

Ключевые слова: уровень образования; рождаемость; РСФСР; регрессионный анализ.

The Impact of Educational Level on Fertility (Based on the 1979 All-Union Population Census for the RSFSR)

A. Zharkov

Institute of History and Archeology of the UB of the RAS; Ural State University of Railway Transport
(Yekaterinburg, Russian Federation).

<https://orcid.org/0000-0002-7401-3854>

Corresponding author: A. Zharkov (alessandro2017@mail.ru)

Abstract. The study is devoted to assessing the relationship between the average number of births per woman and the level of education in 1979 in the RSFSR based on the materials of the All-Union Population Census. Regression analysis is the primary method. A strong negative relationship between these indicators is found (an increase in the level of education contributes to a decrease in the birth rate). It is argued that the resulting equation does not account for other factors and reflects the situation only in 1979. Therefore, the results should be treated with caution.

Keywords: educational level; fertility; RSFSR, regression analysis.

Введение

Изучение влияния уровня образования на рождаемость является очень актуальным на данный момент в связи с непростой демографической ситуацией как в мире, так и в России. В ряде развитых и развивающихся стран естественный прирост населения практически прекратился либо даже стал отрицательным в рамках процесса демографического перехода.

В России в рамках проведения демографической переписи населения вопрос о количестве рожденных детей впервые был задан в 1979 г. Агрегированные как по Союзу в целом, так и по отдельным союзным республикам (в том числе по РСФСР), данные материалы позволяют произвести оценку возможного влияния уровня образования на рождаемость почти полвека тому назад.

¹ © Жарков А. В. Текст. 2026.

Обзор литературы

Данный вопрос нашел свое отражение в научной литературе, как отечественной, так и зарубежной. Главным образом влияние образования на рождаемость изучалось экономистами и демографами. Это работы В.Н. Архангельского (Архангельский, 2006; Архангельский и др., 2020), А.О. Тындик (Тындик, 2012), Т.М. Малевой, О.В. Синявской (Малева & Синявская, 2006), Я.М. Рощиной, А.В. Бойкова (Рощина & Бойков, 2005), А.В. Смирнова (Смирнов, 2014). Источниками в их работах выступают демографические переписи населения, социологические исследования, материалы текущей статистики. Однако интересующий нас аспект ими рассматривается преимущественно на современном этапе (последние 25–35 лет). В более ранних работах влияние образования на рождаемость не получило должного освещения, хотя в трудах советских демографов утверждалось, что с повышением уровня образования рождаемость падает (Урланис, 1963, Р. 54; Валентей, 1974, Р. 305). Среди зарубежных исследований можно выделить работы В. Лутца и его коллег (Lutz et al., 2007; Lutz et al., 2014), позиция которых состоит в том, что уровень образования следует считать одной из важнейших демографических характеристик населения. В одной из наших работ уже поднимался вопрос о связи рождаемости и уровня образования (Жарков, 2025). Однако в настоящем исследовании сделана попытка применить иные методы для анализа имеющихся сведений.

Материалы и методы

Опубликованные материалы Всесоюзной переписи населения 1979 года — основной источник для исследования. Поскольку в них, с одной стороны, имеются данные о количестве детей у женщин разного возраста, а с другой — сведения об уровне образования населения (с разбивкой по полу и возрасту), они обладают необходимой репрезентативностью.

В работе применялись две группы методов: исторические (историко-сравнительный) и статистические (метод группировки, метод получения относительных статистических показателей, линейный регрессионный анализ). Применение статистических методов осуществлялось с использованием компьютерных программ Microsoft Excel и STATISTICA 10.

Результаты и обсуждение

В упомянутом выше исследовании (Жарков, 2025, Р. 57) уже было выявлено наличие значимой связи между показателем «среднее число рождений на женщину» и долей женщин без образования, с начальным, средним образованием, а также общей долей женщин, получивших какое-либо образование. Коэффициент корреляции в представленных случаях для двенадцати возрастных когорт (пятилетних, с 15 до 69 лет включительно, а также для группы 70 лет и старше) составил соответственно 0,970, 0,692, –0,930 и –0,970. Значимая связь отсутствовала между числом рождений и долей женщин с неполным средним образованием, а в случае с высшим образованием она присутствовала только для одиннадцати возрастных когорт, без учета лиц 15–19 лет, среди которых не было получивших высшее образование (–0,736). Тем не менее, наличие корреляции не дает возможности

утверждать о зависимости одного показателя от другого. Выявить ее может регрессионный анализ.

При проведении анализа выяснялось влияние на среднее число рождений доли женщин со средним общим, специальным, незаконченным высшим и высшим образованием (таблица 1). Этот обобщенный показатель был выбран из-за того, что получение полного среднего образования в конце 1970-х гг. было обязательным. Следовательно, для того чтобы учесть всех его обладателей, необходимо учитывать и тех, кто получил образование более высоких ступеней. Всеобщее обязательное полное среднее образование было установлено рядом постановлений и законов, среди которых постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы» 1972 г.¹ и Конституция СССР 1977 г.² Из таблицы 1 следует, что среднее число рождений на одну женщину в 1979 г. среди лиц 20 лет и старше увеличивалось постепенно, достигая максимума в возрастной когорте 70 лет и старше. Удельный вес обладательниц образования указанных выше ступеней был наибольшим в группе 20–24 года (815 на 1 000 чел.), и наименьшим — в группе 70 лет и старше (70 на 1 000 чел.).

Было получено следующее уравнение регрессии:

$$y = 3,203 - 0,003x, \quad (1)$$

где y — среднее число рожденных детей на одну женщину; x — удельный вес женщин со средним общим, специальным, незаконченным и законченным высшим образованием.

По критерию Фишера (при доверительной вероятности в 95 %) полученное уравнение подтвердило свою значимость. Коэффициент детерминации R^2 составил 0,85, что выше критического значения 0,362 для 11 измерений и одной переменной (Бараз, 2005, Р. 99). Это свидетельствует о наличии статистической значимости для данного уравнения. Проверка коэффициентов уравнения b_0 (со значением 3,203) и b_1 (со значением $-0,003$) по t -критерию Стьюдента также подтвердила их значимость. Зависимость y от x , исходя из полученного уравнения, принимает следующий характер: увеличение доли женщин со средним и высшим образованием на 1 % приводит к сокращению среднего числа рождений на одну женщину примерно на 0,003. Стандартизированный коэффициент b_1 для показателя уровня образования составил $-0,923$. То есть данный показатель на 92 % объясняет изменение среднего числа рождений на женщину.

Таким образом, полученные результаты подтверждают наличие связи между средним числом рождений на женщину и уровнем образования. Они показывают обратную зависимость между наличием образования от полного среднего и выше и числом рождений. Вместе с тем данные результаты необходимо воспринимать

¹ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 гг. / Сост.: А.А. Абакумов и др. М., 1974. С. 236–240.

² Конституция СССР в редакции от 7 октября 1977 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации: сайт. https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/?ysclid=16qbvcy9ng749760281 (дата обращения: 15.01.2026).

Таблица 1

Среднее число рожденных детей на одну женщину и показатели образования у женщин на 1 000 чел. в РСФСР в 1979 г.

Возраст, лет	Среднее число рожденных детей на одну женщину	Доля женщин со средним общим, специальным, незаконченным высшим и высшим образованием
20–24	0,586	815
25–29	1,220	758
30–34	1,554	722
35–39	1,896	542
40–44	2,029	436
45–49	2,171	258
50–54	2,232	246
55–59	2,266	262
60–64	2,588	144
65–69	2,952	85
70 и старше	3,679	70

Составлено по данным: Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения СССР и союзных республик по возрасту и уровню образования. РСФСР // Приложение Демоскопа Weekly. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_edu_79.php?reg=2 (дата обращения: 25.01.2026); Всесоюзная перепись 1979 года. Женщины отдельных национальностей по возрасту и числу рожденных детей, РСФСР // Приложение Демоскопа Weekly. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_chi_79.php (дата обращения: 25.01.2026)

с осторожностью по нескольким причинам. Во-первых, при проведении множественного регрессионного анализа, с учетом нескольких переменных, полученный вклад уровня образования в изменение числа рождений существенно поменяется в зависимости от того, какие переменные будут учитываться в модели. В представленном случае не берется в расчет изменение возраста, не учитывается материальный достаток и многое другое, что также объективно влияет на число рождений. Во-вторых, полученный результат может так или иначе отражать ситуацию только на момент проведения Всесоюзной переписи населения 1979 г. Его нельзя экстраполировать на другие временные срезы, ибо в 1959, 1970, 1989, 2002 гг. и т. д. характеристики населения (в том числе уровень образования) будут иными, следовательно, проведение аналогичного исследования может дать существенно отличающийся результат. Представляется, что для более надежных выводов относительно влияния образования на число рождений необходимо проводить анализ по нескольким временным срезам одновременно. Однако для проведения такого анализа может не быть достаточно надежных сопоставимых источников.

Заключение

Таким образом, исследование подтвердило наличие обратной зависимости среднего числа рожденных детей на одну женщину от удельного веса женщин со средним и высшим образованием в 1979 г. Однако к данному результату следует относиться с большой осторожностью, так как в проведенном анализе не учитывались другие факторы, влияющие на рождаемость, и полученная величина зависимости отражает ситуацию только на 1979 г. Поэтому тема требует дальнейших исследований.

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения госзадания ИИиА УрО РАН; тема «Модернизационные трансформации России Нового и Новейшего времени: общестрановые тенденции и региональная специфика», рег. номер 124032100050-2

Acknowledgements

The study was funded by a subsidy for financial support for the implementation of a state assignment to the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS; the topic was «Modernization Transformations of Russia in the Modern and Contemporary Times: National Trends and Regional Specifics», registration number 124032100050-2.

Список источников

- Архангельский, В. Н. (2006). *Факторы рождаемости*. Москва: ТЕИС, 399.
- Архангельский, В. Н., Шульгин, С. Г., Зинькина, Ю. В. (2020). Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 20(3), 546–559.
- Бараз, В. Р. (2005). *Корреляционно-регрессионный анализ связи показателей коммерческой деятельности с использованием программы Excel: учебное пособие*. Екатеринбург: ГОУ ВПО «УГТУ–УПИ», 102.
- Валентей, Д. И. (ред.) (1974). *Марксистско-ленинская теория народонаселения*. Москва: Мысль, 415.
- Жарков, А. В. (2025). Рождаемость и уровень образования женщин в РСФСР в 1979 г.: связь между показателями. В *Факторы и механизмы демографического развития: сборник научных статей* (с. 54–60) Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 832.
- Малева, Т. М., Синявская, О. В. (2006). Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике. *SPERO. Социальная политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры*, 5, 70–98.
- Рощина, Я. М., Бойков, А. В. (2005). *Факторы фертильности в современной России*. Москва: EERC, 64.
- Смирнов, А. В. (2014). Институт образования как фактор региональных демографических процессов. В *Институты развития демографической системы общества: V Уральский демографический форум: сборник материалов* (с. 504–508) Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 517.
- Тындик, А. О. (2012). *Образовательный фактор репродуктивного поведения населения России: автореф. дис. ... канд. экон. наук*. Москва, 27.
- Урланис, Б. Ц. (1963). *Рождаемость и продолжительность жизни в СССР*. Москва: Гостатиздат, 136.
- Lutz W., Butz W. P., KC S. (2014). *World Population & Human Capital in the Twenty-First Century*. New York: Oxford University Press, 1072.
- Lutz W., Goujon A., KC S., Sanderson W. (2007). Reconstruction of populations by age, sex and level of educational attainment for 120 countries for 1970–2000. *Vienna Yearbook of Population Research*, 5, 193–235.

References

- Archangelsky, V. N. (2006). *Faktery` rozhdaemosti. [Fertility factors]*. Moscow: TEIS, 399. (In Russ.)
- Archangelsky, V. N., Shulgin, S. G., & Zinkina, Yu. V. (2020). Reproductive behavior of Russian women depending on educational status. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov*.

Seriya: Sociologiya. [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 20(3), 546–559. (In Russ.)

Baraz, V. R. (2005). *Korrelyacionno-regressionny`j analiz svyazi pokazatelej kommercheskoj deyatel`nosti s ispol`zovaniem programmy` Excel: uchebnoe posobie. [Correlation and regression analysis of the relationship between indicators of commercial activity using the Excel program: a tutorial].* Yekaterinburg: SEI of HPE «USTU-UPI», 102. (In Russ.)

Valentej, D. I. (ред.) (1974). *Marksistsko-leninskaya teoriya narodonaseleniya. [Marxist-Leninist population theory]* Moscow: Mysl, 415. (In Russ.)

Zharkov, A.V. (2025). Fertility and Education Level of Women in the RSFSR in 1979: the Relationship between the Indicators. In *Fakty` i mehanizmy` demograficheskogo razvitiya: sbornik nauchny`h statej [Factors and mechanisms of demographic development: a collection of scientific articles]* (pp. 54–60) Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the RAS, 832. (In Russ.)

Maleva, T. M., Sinyavskaya, O. V. (2006). Socio-economic factors of fertility in Russia: empirical measurements and challenges to social policy. *SPERO. Social`naya politika: E`kspertiza. Rekomendacii. Obzory`. [SPERO. Social Policy: Expertise. Recommendations. Reviews]*, 5, 70–98. (In Russ.)

Roshhina, Ya. M. & Bojkov, A. V. (2005). *Fakty` fertil`nosti v sovremennoj Rossii. [Fertility factors in modern Russia].* Moscow: EERC, 64. (In Russ.)

Smirnov, A. V. (2014). The Institute of Education as a Factor in Regional Demographic Processes. In *Institut` razvitiya demograficheskoy sistemy` obshhestva: V Ural`skij demograficheskij forum: sbornik materialov. [Institutions for the development of the demographic system of society: V Ural demographic forum: collection of materials]* (pp. 504–508) Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the RAS, 517. (In Russ.)

Tyndik, A. O. (2012). *Obrazovatel`ny`j faktor reproduktivnogo povedeniya naseleniya Rossii: avtoref. dis. ... kand. e`kon. nauk. [Educational factor of reproductive behavior of the population of Russia: abstract. dis. ... cand. econ. sci.].* Moscow, 27. (In Russ.)

Urlanis, B. Cz. (1963). *Rozhdaemost` i prodolzhitel`nost` zhizni v SSSR [Fertility and life expectancy in the USSR].* Moscow: Gosstatizdat, 136. (In Russ.)

Lutz, W., Butz, W. P., & KC S. (2014). *World Population & Human Capital in the Twenty-First Century.* New York: Oxford University Press, 1072.

Lutz, W., Goujon, A., KC S., & Sanderson, W. (2007). Reconstruction of populations by age, sex and level of educational attainment for 120 countries for 1970–2000. *Vienna Yearbook of Population Research*, 5, 193–235.

Жарков Александр Владимирович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; старший преподаватель, Уральский государственный университет путей сообщения <https://orcid.org/0000-0002-7401-3854> (Российская Федерация, 620108, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16; 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66; e-mail: alessandro2017@mail.ru).

Alexander V. Zharkov — Candidate of historical sciences, junior researcher, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Science; senior lecturer, Ural State University of Railway Transport <https://orcid.org/0000-0002-7401-3854> (16, Kovalevskoy St., 620108, Ekaterinburg; 66, Kolmogorova St., 620034, Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: alessandro2017@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.148(470.55)«1945/1959»

JEL classification: J11

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-1-6>

Источники роста населения Златоуста в 1945–1959 годах¹

В. А. Журавлева ^а, М. И. Мирошниченко ^б

^а Филиал Южно-Уральского государственного университета
(национального исследовательского университета) (г. Златоуст, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-1915-913X>

^б Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет) (г. Челябинск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-0545-2359>

Автор для корреспонденции: В. А. Журавлева (zhuravlvera@yandex.ru).

Аннотация. В статье на основе статистических данных рассмотрены источники роста населения Златоуста в 1945–1959 гг. — естественный и механический прирост. В результате исследования авторы пришли к выводу, что миграции в обозначенный период постепенно снижали свое значение в пополнении населения. Важную роль в увеличении численности жителей Златоуста играл естественный прирост. Он был обеспечен изменениями в режимах рождаемости и смертности горожан, прежде всего вследствие развития здравоохранения в городе.

Ключевые слова: Златоуст; миграции; рождаемость; смертность; естественный прирост.

Sources of Zlatoust population growth in 1945–1959

V. Zhuravleva ^а, M. Miroshnichenko ^б

^а The branch of South Ural State University (Zlatoust, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-1915-913X>

^б South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).

<https://orcid.org/0000-0003-0545-2359>

Corresponding author: V. Zhuravleva (zhuravlvera@yandex.ru).

Abstract. The article, based on statistical data, examines the sources of population growth in Zlatoust in 1945–1959 — natural and mechanical increase. As a result of the study, the authors concluded that migrations during the specified period gradually decreased its significance in replenishing the population. Natural growth played an important role in the increase in the population of Zlatoust. It was ensured by changes in the birth and death rates of city residents, primarily due to the development of healthcare in the city.

Keywords: Zlatoust; migration; birth rate; mortality; natural increase.

Введение

В современный период фиксируется сокращение населения целого ряда городов. В связи с чем приобретает особую актуальность проблема изучения источников роста жителей городов на разных этапах российской истории. Тяжелые испытания, выпавшие на долю страны в годы Великой Отечественной войны и после нее, не могли не сказаться на численности ее населения. Но ситуация с дальнейшим формированием контингентов горожан в разных по размеру населенных пунктах имела свою специфику. Цель статьи — проанализировать на основе

¹ © Журавлева В. А., Мирошниченко М. И. Текст. 2026.

демографической статистики источники роста населения Златоуста, третьего по величине города Челябинской области, в 1945–1959 гг.

Обзор литературы

Городское население России в послевоенный период, динамика его численности и источники роста являются объектом изучения различных ученых. Демографы Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова (Андреев и др., 1998) исследовали естественное движение российского населения и миграции в 1946–1959 гг.; в коллективной монографии под редакцией А.Г. Вишневского и А.Г. Волкова (Вишневский & Волков, 1983) анализировалось воспроизводство населения СССР в указанный период. В процесс изучения демографического развития страны после Великой Отечественной войны включились и историки. В.Б. Жиромская (Жиромская, 2012) и В.А. Исупов (Исупов, 2000) на общероссийском материале проследили изменения в режимах смертности и рождаемости, что повлияло на численность населения. Анализ демографической динамики в стране, пережившей войну, представлен во втором томе «Население России в XX веке» (Жиромская, 2001).

Региональная историография по проблеме источников роста городского населения в послевоенный период значительно уступает общероссийской. Эта тема рассматривается на общеуральском материале в коллективной монографии екатеринбургских историков и демографов «Население Урала. XX век. История демографического развития» (Кузьмин и др., 1996). Роль миграций, естественного прироста населения как источников увеличения численности горожан Челябинской области в 1945–1959 гг., а тем более отдельных городов региона, пока не стала предметом специального изучения. Данная статья — попытка восполнить пробел.

Материалы и методы

Основным источником изучения послужила государственная статистика естественного и механического движения населения. Этот материал в виде ежегодных отчетов статистических органов Златоуста находится в региональном архиве (Архив Златоустовского городского округа). Документы по динамике рождаемости, заболеваемости и смертности и о мероприятиях по их снижению, развитию сети лечебно-профилактических учреждений и их штатам, санитарному состоянию Златоуста, его коммунальному благополучию представлены в фондах органов здравоохранения города. Для изучения предмета исследования были использованы как общенаучные и общеисторические методы (историко-генетический, компаративный, историко-динамический методы), так и специальные, статистико-демографические. Они применялись при работе с данными текущей статистики. При проведении расчетов использовался упрощенный вариант системы коэффициентов рождаемости, смертности, в том числе младенческой, естественного прироста. Общие коэффициенты позволили проследить основные изменения в демографической сфере города. Материалы текущего учета горожан, сведенные в таблицы на основе метода описательной статистики, дали возможность систематизировать процессы развития населения Златоуста.

Результаты

После окончания Великой Отечественной войны продолжился рост населения Златоуста. За двадцать лет, прошедших между переписями 1939 и 1959 гг., численность жителей увеличилась с 99 415 до 161 342 чел., или на 62 %¹. При этом темпы прироста населения были ниже, чем за предыдущий межпереписной период: за 1926–1939 гг. численность горожан выросла с 48 219 до 99 415 чел., или на 106 % (Мотревич, 2002, с. 232).

Население Златоуста, по данным таблицы 1, пополнялось за счет естественного и механического прироста. Однако в послевоенный период вплоть до переписи 1959 г., в отличие от крупных областных центров, к примеру, Свердловска, где контингент горожан формировался благодаря миграционному притоку (Корнилов, 2022, с. 139), прирост жителей Златоуста осуществлялся в равной степени этими двумя способами, о чем свидетельствуют данные таблицы 1. При этом в 1946, 1947, 1954 и 1959 гг. отмечено отрицательное saldo миграции. В 1946 и 1947 гг. из города выехало больше людей, чем прибыло, в связи с эвакуацией предприятий и учреждений; в 1954 г. златоустовские добровольцы отправились на освоение целинных земель, а осенью 1959 г. начался организованный переезд Специального конструкторского бюро по созданию ракет дальнего действия № 385 из Златоуста в Миасс. За 1945–1959 гг. удельный вес мигрантов в пополнении населения Златоуста составил 44 %, в то время как в 1928–1939 гг. он был почти в два раза выше — 84 % (Журавлева & Мирошниченко, 2019, 48, 99). Таким образом, в послевоенный период в увеличении населения Златоуста все более значимую роль играл естественный прирост.

Во второй половине 1940-х — 1950-е гг. произошли существенные изменения в динамике естественного движения населения Златоуста. Данные таблицы 2 свидетельствуют о резком росте рождаемости в 1945–1946 гг. В первый послевоенный год в городе было 2 577 младенцев, в следующем уже 3 893, тогда как в 1944 г. всего 1 029 чел. (Журавлева & Мирошниченко, 2020, с. 37). В 1945 г. появилось в 2,5 раза больше новорожденных, чем в 1944 г., а в 1946 г. абсолютные данные рождаемости превысили аналогичные показатели предыдущего года в 1,5 раза. Увеличение рождаемости свидетельствовало о вступлении Златоуста в послевоенную компенсаторную волну, обусловленную реализацией вынужденно отложенных в военные годы рождений. Но достичь предвоенного уровня рождаемости не удалось: в 1939 г. в Златоусте коэффициент рождаемости составил 43,4 ‰ (Журавлева & Мирошниченко, 2019, с. 48).

Одновременно в 1945–1946 гг. сократилась смертность жителей Златоуста как в абсолютных, так и относительных величинах (табл. 1, табл. 2). Для сравнения: в городе в 1939 г. скончалось 2 343 чел., или 23,6 ‰ (Журавлева & Мирошниченко, 2019, с. 48). В итоге в благополучном в демографическом отношении 1946 г. коэффициент естественного прироста жителей превысил аналогичные показатели по городу в 1939 г. (19,8 ‰) (Журавлева & Мирошниченко, 2019, с. 48) и городам Челябинской области в 1940 г. (14,7 ‰) (Косяков и др., 1972, с. 73).

¹Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. Москва: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. С. 36.

Таблица 1

Естественное и механическое движение населения Златоуста в 1945–1959 гг.

Год	Естественное движение, чел.			Механическое движение, чел.			Доля в приросте населения, %	
	родилось	умерло	естественный прирост	прибыло	убыло	механический прирост/убыль	естественный прирост	механический прирост
1945	2577	1427	1150	9533	5674	3859	23	77
1946	3893	1476	2417	13759	13480	–279	100	0
1947	3701	2235	1466	9957	11803	–1846	100	0
1948	3013	1395	1618	11169	8206	2963	35	65
1949	4447	1321	3126	12066	8761	3305	49	51
1950	4196	1330	2866	11594	9526	2068	58	42
1951	4446	1364	3082	13100	10455	2645	54	46
1952	4352	1075	3277	13910	10534	3376	49	51
1953	3954	1049	2905	13403	12205	1198	71	29
1954	4313	1019	3294	11114	12015	–901	100	0
1955	3748	1056	2692	11671	11550	121	96	4
1956	3514	1237	2277	14014	11770	2244	50	50
1957	3610	1149	2461	15726	12082	3644	40	60
1958	3825	1036	2789	15964	14085	1879	60	40
1959	3644	1046	2598	11014	13033	–2019	100	0

Источник: Архив Златоустовского городского округа (Архив ЗГО). Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–1 об.; Д. 14. Л. 1, 11, 30–31, 35, 42, 55, 59, 71, 83, 88, 98; Д. 17. Л. 3, 26–27, 34, 43, 48, 56, 91, 99, 111; Д. 21. Л. 5, 9, 13, 68, 75, 89, 95; Д. 27. Л. 1, 6–16; Д. 35а. Л. 6, 12, 31, 38, 47, 54, 62, 69, 75, 83; Д. 42. Л. 7, 9–17, 29; Д. 52. Л. 14–25; Д. 58. Л. 1; Д. 64. Л. 15–26; Д. 70. Л. 16–18, 37–45; Д. 188. Л. 68–72.

Таблица 2

Динамика естественного движения населения Златоуста в 1945–1959 гг., ‰

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1945	22,5	12,4	10,1
1946	32,5	12,3	20,2
1947	30,4	18,4	12,0
1948	24,7	11,4	13,3
1949	42,9	12,8	30,1
1950	37,9	12,0	25,9
1951	38,3	11,7	26,6
1952	35,7	8,8	26,9
1953	30,7	8,1	22,6
1954	32,7	7,7	25,0
1955	27,9	7,8	20,1
1956	25,6	9,0	16,6
1957	25,5	8,1	17,3
1958	25,9	7,0	18,9
1959	23,9	6,9	17,0

Источник: Архив ЗГО. Р-242. Оп. 2. Д. 64. Л. 15–26; Д. 70. Л. 16–18, 37–45; Д. 78. Л. 22–33; Д. 188. Л. 68–72.

Тяжелейшая засуха 1946 г., породившая продовольственный кризис, создала в Златоусте неблагоприятную демографическую ситуацию: в 1947 г. снизилась рождаемость, она продолжила падать и в следующем году, составив 77,4 % от уровня 1946 г. (табл. 1). Упавшая рождаемость не соответствовала демографической компенсации.

Вместе со снижением рождаемости повысилась смертность, достигнув в 1947 г. 18,4 %, самого высокого уровня за весь рассматриваемый период (табл. 2). В обозначенный год естественный прирост населения упал до 12 %. Коэффициент смертности златоустовцев начал сокращаться с 1948 г. и в период 1948–1951 гг. не выходил за пределы 11,4–12,8 % (табл. 2). В 1950-е гг. уровень смертности горожан опустился до 7–9 %. Но в Златоусте на 1 000 чел. умирало чуть больше населения, чем в городах Челябинской области: в 1950 г. 12 чел. против 11, 2 по городам региона, а в 1958 г. — 7 против 6, 4 (Косяков и др., 1972, с. 73).

Рождаемость, преодолев спад в 1947–1948 гг., в 1949 г. достигла наивысшего уровня в рассматриваемый период (42,9 %), налицо была демографическая компенсация. В дальнейшем она проявила тенденцию к замедлению. Коэффициент рождаемости по Златоусту в 1950 г. превышал аналогичный показатель по городам Челябинской области как в 1950 г. (37, 9 против 33,3 %), так и в 1958 г. (25,9 против 23,7 %) (Косяков и др., 1972, с. 73).

Важную роль в уровне смертности населения играет младенческая смертность. Накануне войны, в 1939 г., ее коэффициент составил в Златоусте 210,1 %, в 1940 г. — 228 % (Журавлева & Мирошниченко, 2019, с. 88), что было меньше аналогичных показателей по городам Челябинской области — соответственно 218,1 и 238, 2 %¹. Таким образом, накануне войны умирал примерно каждый пятый родившийся златоустовец.

В послевоенный период уровень младенческой смертности в Златоусте сократился, но в неблагоприятном демографическом отношении 1947 г. он резко вырос, составив 167, 8 %, что было в два раза выше, чем в предыдущем году (81,2 %)², и превысил коэффициент младенческой смертности по городам Челябинской области (166 %³). В последующие годы уровень убыли детей до года снизился до 107,7 % в 1948 г. и 88,8 % в 1949 г., но в 1950 г. он вновь повысился до 118,1 %. Удельный вес младенцев в общей смертности горожан составил в 1946 г. 21,4 %; в 1947 г. — 27,8 %; в 1948 г. — 20,2 %; в 1949 г. — 25,3 %; поднявшись до 32 % в 1950 г.⁴ Но этот показатель был значительно ниже предвоенного уровня: в 1939 и 1940 гг. он равнялся 38,6 % (Журавлева & Мирошниченко, 2019, с. 88).

Златоустовский горздравотдел выявил причины повышенной смертности младенцев в 1947 г. Во-первых, суровая зима, но из-за нехватки транспорта не удалось полностью обеспечить население дровами. В результате температурный режим в домах не соответствовал установленным нормам. Во-вторых,

¹ Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year (дата обращения: 07.10.2025).

² Архив ЗГО. Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 177. Л. 7 об.

³ Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year (дата обращения: 07.10.2025).

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 223. Л. 3–4; Д. 246. Л. 4.

длительное отсутствие в продаже ваты лишило младенцев ватных одеял, вследствие чего они часто переохлаждались. В-третьих, долгое время на молочные кухни города не поступало молоко, что затруднило ранний докорм детей и отразилось на их здоровье. В-четвертых, не хватало квалифицированных медиков. В-пятых, были проблемы с обеспечением горожан лекарствами. Не хватало пенициллина, а сульфамидные препараты плохо помогали при пневмонии; ощущался недостаток глюкозы, рыбьего жира и проч.¹ В целом бытовые трудности, недостатки медицинской и фармацевтической помощи влияли на величину смертности детей до одного года.

Сохранившиеся статистические данные позволяют определить основные причины заболеваемости и смертности младенцев. Чаще всего дети до одного года болели острыми детскими инфекциями, болезнями органов дыхания и пищеварения. Эти заболевания были обусловлены неблагоприятными климатическими условиями (резкими перепадами температуры, большим количеством осадков) и недостаточным коммунальным благоустройством города. Златоуст в рассматриваемый период не имел общегородской канализации, а действовавшая была построена в 1930 г. и обслуживала всего 12 % населения и не более 5 % домовладений. Кроме того, город испытывал серьезные проблемы с водоснабжением. Водопровод обеспечивал 30 % населения в 1940-е гг. и 40 % в 1950-е гг. Остальные жители пользовались колодцами².

Особенно высокой летальностью младенцев отличались токсическая диспепсия (от нее скончалось в 1948 г. 26,6 % всех заболевших детей до одного года, в 1949 г. — 21,2 %, в 1950 г. — 29 %), пневмония (умерло соответственно — 23,1 %; 17,9 %; 12,6 %), скарлатина (12,5 %; 3,1 %; 0,4 %), коклюш (10,9 %; 4 %; 3 %), дизентерия (4 %; 2,1 %; 10 %), дифтерия (4 %; 2,1 %; 3,7 %), корь (2 %; 4,2 %; 2 %)³. То есть младенцы в послевоенный период по-прежнему погибали прежде всего от экзогенных причин, что свидетельствовало о незавершенности эпидемиологического перехода.

Нередкими были случаи смерти новорожденных в родильных домах: в 1947 г. в них скончалось 2,8 % родившихся, в 1948 г. — 1,6 %, в 1949 г. — 1,5 %, в 1950 г. — 1,8 %. Умирали в основном недоношенные дети. Они рождались у матерей, ослабленных перенесенными лишениями. В 1947 г. скончалось 23,3 % недоношенных детей и 0,65 % доношенных, в 1948 г. соответственно — 12,6 % и 0,22 %, в 1949 г. соответственно — 14,5 % и 0,5 %, в 1950 г. соответственно — 21,3 % и 0,5 %⁴.

В послевоенный период в Златоусте были приняты меры к снижению заболеваемости и смертности горожан. Уже в 1945 г. стала восстанавливаться и расширяться лечебно-профилактическая сеть для населения. Вновь были открыты заводские больницы, что увеличило коечную сеть города. Если в 1940 г. на 1 000 горожан приходилось 5,7 койки, то в 1945 г. — 9,8. В каждом районе функционировала поликлиника. В 1946 г. в Златоусте насчитывалось семь

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 177. Л. 7 об. — 8.

² Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 128. Л. 122-124; Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 223. Л. 2.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 223. Л. 8; Д. 246. Л. 5.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 223. Л. 8; Д. 246. Л. 24.

больниц на 1 100 мест, восемь поликлиник, восемь детских и женских консультаций. Во второй половине 1950-х гг. были сданы в эксплуатацию две больницы на 150 и 200 коек, достраивалась еще одна¹.

Огромной проблемой для здравоохранения Златоуста была нехватка медицинских кадров. Перелом наступил в 1948 г., когда в город прибыло большое число врачей. Если на начало 1948 г. в Златоусте работало 96 врачей, то на конец 1949 г. — уже 148. Однако и в 1950-е гг. в городе не хватало медицинских работников. В 1954 г. из 348 требовавшихся врачей работало всего 179, в 1958 г. числилось 223 специалиста вместо 388. Врачи вынуждены были трудиться на 1, 5–2 ставки, что сказывалось на качестве обслуживания населения².

Особое внимание в городе уделялось охране материнства и младенчества. В трудный послевоенный период была проделана большая работа по обеспечению беременных женщин и кормящих матерей доброкачественными продуктами и дополнительным питанием. На заводе № 66 беременные женщины прикреплялись к диетстоловой, переводились на более легкую работу³. Подобные меры характерны и для других предприятий города.

В связи с ростом рождаемости в Златоусте увеличилось количество родильных коек, к концу 1945 г. в городе функционировали два роддома и два родильных отделения в больницах, а в 1948 г. — уже три роддома на 170 коек, из которых 47 были гинекологическими. В итоге в 1950 г. на 1 000 златоустовцев приходилась одна родильная койка⁴. Увеличение количества родильных коек способствовало росту больничного родовспоможения в городе. В 1945 г. в стационаре было принято 92 % родов против 85 % в 1940 г. Однако не все роженицы были обеспечены родовспоможением в роддомах из-за отсутствия у медучреждения своего транспорта, удаленности рожениц от роддомов из-за большой территориальной разбросанности городских районов. Кроме того, по причине гористого пересеченного рельефа местности к домам не могли подъехать не только машины, но и лошади. Тем не менее охват родовспоможением в 1949 г. составил уже 93 %⁵.

Рождение ребенка в условиях стационара под наблюдением врачей способствовало снижению смертности среди рожениц и родильниц: если в 1948–1949 гг. она составила 0,2 %, то в 1950 г. снизилась до 0,1 %. Все случаи материнской летальности тщательно разбирались на совещаниях акушеров-гинекологов города и на совете родовспоможения при областном отделе здравоохранения. В результате во второй половине 1950-х гг. златоустовским акушерам-гинекологам удалось свести до минимума материнскую смертность в роддомах, а в 1956–1957 гг. не было зафиксировано ни одного случая летальности у рожениц и родильниц. Смертность новорожденных в роддомах составила менее одного процента⁶.

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 63. Л. 135; Д. 155. Л. 140; Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 134. Л. 5.

² Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 99. Л. 22; Д. 127. Л. 138; Д. 155. Л. 138.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 256. Л. 16 об.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 205. Л. 200; Д. 246. Л. 23

⁵ Архив ЗГО. Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 134. Л. 24; Д. 205. Л. 201; Д. 223. Л. 6.

⁶ Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 171. Л. 62; Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 223. Л. 6; Д. 246. Л. 23.

С 1948 г. все палаты новорожденных в роддомах стали обслуживаться врачами, что позволило усилить уход за недоношенными детьми. Роддома были объединены с женскими и детскими консультациями, в которых стали принимать врачи и узкие специалисты. В женских консультациях был организован патронаж беременных, в детских — новорожденных. Благодаря этим положительным изменениям врачи роддомов стали выписывать новорожденных под наблюдение врачей детских консультаций. В результате на первом месяце жизни под наблюдением были 98,5 % младенцев. Неполный охват новорожденных объяснялся тем, что недоношенные дети задерживались в роддоме. Зато на первом году жизни врачебным наблюдением были охвачены абсолютно все младенцы. Медики обязаны были посетить доношенного ребенка в среднем не менее 1–3 раз в первый месяц его жизни, а недоношенного — 3–5 раз. Среднее число посещений детских консультаций на первом году жизни младенца исчислялось от 4,5 в Ленинском районе города до 9,9 в Новозлатоустовском.

Под медицинским контролем были и беременные женщины. В 1950-е гг. каждая из них должна была посетить женскую консультацию не менее пяти раз. Значительно вырос патронаж беременных на дому, полагалось не менее трех патронажных посещений на одну будущую мать¹. Все это способствовало сбережению здоровья матери и младенца в очень ответственный период вынашивания и рождения ребенка.

В связи со значительной летальностью младенцев от токсической диспепсии в послевоенный период особое внимание уделили правильному вскармливанию новорожденных. Тем более что значительное число детей находилось на раннем прикорме — 11,5 % младенцев до трехмесячного возраста². С конца 1940-х гг. в Златоусте при роддомах и детских консультациях были организованы школы материнства, в 1948 г. в них подготовили 1 809 женщин, а в 1950 г. — 2 707. Были созданы заочные курсы для беременных женщин и кормящих матерей на 150 человек. В школах и на курсах обучали женщин уходу за младенцами, вскармливанию их грудью³. В городе работали пять молочных кухонь на 2 396 порций и четыре пищевые станции на 3 890 порций. Но не раз возникали проблемы со снабжением их молоком⁴.

В послевоенный период сохраняла свое значение вакцинация горожан как средство борьбы с инфекциями. Уже в роддоме всем новорожденным ставили предохранительные прививки против туберкулеза. Вакцинировали детей от оспы, скарлатины, кори, дифтерии. Но не все дети охватывались предохранительными прививками, что создавало основу для вспышек инфекций. Так, в 1945 и 1949 гг. увеличилась заболеваемость дифтерией. Несмотря на принятые меры, в следующем году произошла новая вспышка: если в 1949 г. ею болело 432 ребенка и умерло 4,1 % заболевших, то в 1950 г. соответственно — 704 чел. и 6,4 %. Высокую летальность сохраняла и пневмония. В 1949 г. ею болело 1 686 детей,

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 205. Л. 98, 202; Д. 223. Л. 7–8; Д. 246. Л. 24.

² Архив ЗГО. Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 246. Л. 27.

³ Архив ЗГО. Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 205. Л. 205; Д. 223. Л. 46; Д. 246. Л. 36–37.

⁴ Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 127. Л. 139; Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 134. Л. 24.

в 1950 г. — 2 833, а скончалось от нее соответственно — 9,1 % и 7,1 % заболевших. В 1954 г. произошла новая вспышка инфекционной заболеваемости детей. Она была настолько сильной, что пришлось ряд детских медицинских учреждений перепрофилировать под инфекционные, что ухудшило стационарное обслуживание малышей. Основной причиной вспышки по-прежнему оставалось санитарное неблагополучие Златоуста¹. Таким образом, к началу 1960-х гг. в городе решить проблему с детскими инфекционными заболеваниями не удалось.

Благодаря развитию здравоохранения в Златоусте, как показывают данные таблицы 2, в 1950-е гг. проявилась тенденция к сокращению смертности горожан. При этом удельный вес убыли детей до года в общей смертности златоустовцев сократился в 1955 г. до 22,5 %, в 1956 г. — до 11,8 %. Коэффициент младенческой смертности в эти годы составил 63,7 ‰ и 49,9 ‰². Данные по Златоусту приближались к аналогичным показателям по городам Челябинской области: на 1 000 родившихся умерло в 1955 г. 64,2 младенца, в 1956 г. — 50,8³.

Заключение

В послевоенный период продолжился рост населения Златоуста за счет естественного и механического прироста. Однако миграции постепенно снижали свое значение в пополнении жителей города. Важную роль играл естественный прирост, он был отмечен изменениями в режимах рождаемости и смертности. Златоуст пережил период повышенной компенсаторной рождаемости, который был прерван голодом 1947 г., но достичь довоенного уровня рождаемости не удалось. С середины 1950-х гг. рождаемость начала снижаться. Но и смертность также проявила тенденцию к постепенному уменьшению благодаря развитию здравоохранения. Все это обеспечило рост населения Златоуста.

Список источников

- Андреев, Е. М., Дарский, Л. Е., Харьковская, Т. Л. (1998). *Демографическая история России: 1927–1959*. Москва: Информатика, 187.
- Вишневский, А. Г., Волков, А. Г. (Ред.) (1983). *Воспроизводство населения СССР*. Москва: Финансы и статистика, 303.
- Жиромская, В. Б. (Ред.) (2001). *Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 2. 1940–1959*. Москва: РОССПЭН, 416.
- Жиромская, В. Б. (2012). *Основные тенденции демографического развития России в XX веке*. Москва: Кучково поле, Союз семей военнослужащих России, 320.
- Журавлева, В. А., Мирошниченко, М. И. (2019). *Златоуст в 1920–1930-е гг.* Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 167.
- Журавлева, В. А., Мирошниченко, М. И. (2020). Население Златоуста в годы Великой Отечественной войны. Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. 20(4), 37–42. <https://doi.org/10.14529/ssh200405>

¹ Архив ЗГО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 99. Л. 23; Д. 127. Л. 140–141; Ф. Р-112. Оп. 8. Д. 134. Л. 63; Д. 246. Л. 27.

² Архив ЗГО. Р-242. Оп. 2. Д. 58. Л. 14.

³ Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year (дата обращения: 07.10.2025).

Исупов, В. А. (2000). *Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 244.

Корнилов, Г. Е. (2022). Свердловск в период демографического благополучия (1959–1989 гг.). В *Глобальные вызовы демографическому развитию: сборник статей, в 2 т. Т. 1* (с. 132–145). Екатеринбург: Издательство Института экономики УрО РАН, 449. <https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-12>

Косяков П. О., Кузовлев П. М., Гаврилова Л. И. (1972). *Население Уральского экономического района: статистический справочник*. Свердловск: Институт экономики УНЦ АН СССР, 184.

Кузьмин, А. И., Оруджиева, А. Г., Корнилов, Г. Е., Алферова, Е. Ю., Голикова, С. В. (1996). *Население Урала. XX век. История демографического развития*. Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 212.

Мотревич В. П. (2002). *Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сборник материалов*. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 372.

References

Andreev, E. M., Darskiy, L. E., Harkov, T. L. (1998). *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959 [Demographic history of Russia: 1927–1959]*. Moscow: Informatika, 187. (In Russ.)

Vishnevskiy, A. G. & Volkov, A. G. (Eds.) (1983). *Vosпроизводство naseleniya SSSR [Population Reproduction in the USSR]*. Moscow: Finance and Statistics, 303. (In Russ.)

Isupov, V. A. (2000). *Demograficheskiye katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: Istoriko-demograficheskiye ocherki [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the 20th century: Historical and demographic essays]*. Novosibirsk: Sibirsky khronograph, 244. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2022). Свердловск in the period of demographic well-being (1959–1989). In *Global'nyye vyzovy demograficheskomu razvitiyu: sbornik statey [Global challenges to demographic development: a collection of articles]*, in 2 vols. Vol. 1 (pp. 132–145). Yekaterinburg: Publishing House of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Publ, 449. <https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-12> (In Russ.)

Kosyakov P. O., Kuzovlev P. M., & Gavrilova L. I. (1972). *Naseleniye Ural'skogo ekonomicheskogo rayona: statisticheskiy spravochnik [Population of the Ural economic region: statistical handbook]*. Sverdlovsk: Institute of Economics, Ural Scientific Center, USSR Academy of Sciences, 184. (In Russ.)

Kuzmin, A. I., Orudzhieva, A. G., Kornilov, G. E., Alferova, E. Yu., & Golikova, S. V. (1996). *Naseleniye Urala. XX vek. Istoriya demograficheskogo razvitiya [Population of the Urals. XX century. History of demographic development]*. Ekaterinburg: Ekaterinburg Publishing House, 212. (In Russ.)

Motrevich V. P. (2002). *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skiy region: sbornik materialov [All-Union Population Census of the USSR 1939: Ural Region: Collection of Materials]*. Ekaterinburg: Publishing House of the Humanitarian University, 372. (In Russ.)

Zhiromskaya, V. B. (Ed.) (2001). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: v 3 t. T. 2. 1940–1959. [The population of Russia in the twentieth century: Historical essays: in 3 volumes. Vol. 2. 1940–1959]*. Moscow: ROSSPEN, 416. (In Russ.)

Zhiromskaya, V. B. (2012). *Osnovnyye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke [The Main Trends of Demographic Development of Russia in the 20th Century]*. Moscow: Kuchkovo Pole, Union of Military Families of Russia, 320. (In Russ.)

Zhuravleva, V. A. & Miroshnichenko, M. I. (2019). *Zlatoust v 1920–1930-ye gg. [Zlatoust in the 1920s–1930s]*. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center, 167. (In Russ.)

Zhuravleva, V. A. & Miroshnichenko, M. I. (2020). The population of Zlatoust during the Great Patriotic War. *Vestnik YUUrGU. Seriya Sotsial'no-gumanitarnyye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities]*, 20(4), 37–42. <https://doi.org/10.14529/ssh200405> (In Russ.)

Журавлева Вера Анатольевна — доктор исторических наук, доцент, филиал Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте; <https://orcid.org/0000-0002-1915-913X> (Российская Федерация, 456209, г. Златоуст, ул. Тургенева, 16; e-mail: zhuravlvera@yandex.ru).

Мирошниченко Мария Ильинична — доктор исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0003-0545-2359> (Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76; e-mail: mmi74@yandex.ru).

Vera A. Zhuravleva — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, The branch of South Ural State University; <https://orcid.org/0000-0002-1915-913X> (16, Turgenev str., Zlatoust, 456209, Russian Federation; e-mail: zhuravlvera@yandex.ru).

Maria I. Miroshnichenko — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, South Ural State University; <https://orcid.org/0000-0003-0545-2359> (76, Lenin ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; e-mail: mmi74@yandex.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.82

JEL classification: O15

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-1-7>

Динамика численности населения г. Тюмени в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны¹

О.А. Ковалева ^a

^a Нижневартровский государственный университет

(г. Нижневартовск, Россия). <https://orcid.org/0009-0001-1313-2809>

Автор для корреспонденции: О.А. Ковалева (koa94-72@mail.ru).

Аннотация. В статье исследован малоизученный вопрос региональной истории — изменение численности населения г. Тюмени в 1937–1945 гг. и факторы, повлиявшие на этот процесс. Актуальность исследования определяется необходимостью уточнения данных о демографическом состоянии города и, как следствие, вклада его жителей в достижение Победы в Великой Отечественной войне. На основании документов центральных и региональных архивов, данные которых впервые вводятся в научный оборот, автором сделан вывод о существенном росте городского населения за счет массовой эвакуации и подвергнуты сомнению оценки его численности в региональной историографии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; западносибирский тыл; эвакуация; городское население.

Population Dynamics of Tyumen in the Pre-War Period and During the Great Patriotic War

O. Kovaleva ^a

^a Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia).

<https://orcid.org/0009-0001-1313-2809>

Corresponding author: O. Kovaleva (koa94-72@mail.ru).

Abstract. This article examines a little-studied issue in regional history: population change in Tyumen from 1937 to 1945 and the factors that influenced this process. The study's relevance stems from the need to clarify data on the city's demographic status and, consequently, the contribution of its residents to achieving Victory in the Great Patriotic War. Based on documents from central and regional archives, whose data is being introduced into scholarly circulation for the first time, the author concludes that the city's population grew significantly due to mass evacuation and questions estimates of its size in regional historiography

Keywords: Great Patriotic War; West Siberian rear; evacuation; urban population

Введение

В советской и современной отечественной историографии накоплен обширный материал о деятельности советского тыла в годы Великой Отечественной войны. Исследованы вопросы промышленного развития региона, эвакуационно-резвакуационных процессов, оказания добровольной помощи фронту. При этом демографическая ситуация в тылу исследована неоднородно. Научно-исследовательскими центрами этой проблемы в Западной Сибири выступают Новосибирск (Алексеев, Исупов, 1986; Исупов, 2008) и Томск (Снегирева, 2005; Снегирева, 2015), на Урале — Екатеринбург (Корнилов, 1993; Корнилов, 2010). Анализ историографии показал, что оперирование большими данными в пределах одной или нескольких областей

¹ © Ковалева О. А. Текст. 2026.

не позволяет выявить численность населения в отдельных населенных пунктах, в том числе и Тюмени.

Исходя из этого цель настоящей статьи — выявить динамику численности населения г. Тюмени в 1937–1945 гг. Объектом изучения выступает городское население, предметом — изменение численности населения г. Тюмени. Исследованы факторы, влияющие на динамику числа жителей города. К ним относятся мобилизация, эвакуация, изменение жизненных условий тюменцев в годы войны. Нижней хронологической границей выступает год проведения Всесоюзной переписи населения СССР, верхней — год окончания Великой Отечественной войны.

Материалы и методы

Демографическая история г. Тюмени в XX в. не становилось предметом специального изучения историками. Фрагментарные данные о числе горожан в 1920-е гг. приведены в статье В.М. Кружинова (2005, с. 89). Общие сведения о динамике численности городского населения в годы первых пятилеток даны В.С. Плохотниковым (2014, с. 126). Для характеристики послевоенной городской повседневности информация о числе горожан в 1945–1953 гг. приведена в работе А.В. Мордвинцевой (2007, с. 165–172). В контексте исследования городской среды затронуты численные показатели населения Тюмени в 1950–1960-е гг. А.В. Скочиным (2015, с. 34–40). Оценки численности городского населения в годы Великой Отечественной войны в исследовательской литературе будут приведены ниже.

Изучение населения г. Тюмени в 1941–1945 гг. автором осуществлялось на основе архивных документов. Поисково-аналитическая работа произведена в региональных и центральных архивах. Для реконструкции численности и состава населения Тюмени накануне войны привлечены материалы Российского государственного архива экономики и, в частности, Паспорт г. Тюмени 1940 г.¹. Документы Государственного архива Российской Федерации² позволили конкретизировать порядок и масштаб эвакуации. В документах региональных архивов — Государственного архива Тюменской области и Государственного архива социально-политической истории Тюменской области — содержатся статистические данные о численности и возрастном составе населения Тюмени, а также сведения о его естественном и механическом движении (въезде, выезде, числе рождений и смертей)³.

Из опубликованных источников использованы материалы Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг., осуществлен их сравнительный анализ.

Первичные методы сбора информации — библиографический и архивный поиск — стали первым этапом работы при подготовке статьи. Изучение выявленных данных подразумевало использование общенаучных и специальных методов. К первой группе относятся анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение. Ко второй — историко-генетический и историко-системный методы. Кроме того, был востребован метод статистического анализа, позволивший составить

¹РГАЭ, Ф. 1562

²ГА РФ, Ф. Р-6822

³ГАТО, Ф. 5, 698; ГАСПИТО, Ф. П124

сколько-нибудь целостное представление о населении г. Тюмени и его динамике на протяжении военных лет.

Результаты

До войны Тюмень представляла собой небольшой провинциальный город, районный центр в составе Омской области (1934–1944 гг.), которая являлась преимущественно сельскохозяйственной. В четырех городах Омской области (Омск, Тюмень, Ялуторовск, Ишим) проживало всего 506 025 чел., в то время как в селах — 1 872 385 чел.¹ Несмотря на небольшие размеры, Тюмень была вторым после Омска городом в области по величине.

Источником статистических данных в этом случае выступает Всесоюзная перепись населения 1939 г., к которой сложилось критическое отношение в исследовательской среде. Как известно, двумя годами ранее в СССР провели перепись, результаты которой не удовлетворили руководство страны и, в частности, И.В. Сталина, т. к. не соответствовали его оптимистическим прогнозам относительно роста численности населения. В итоге материалы переписи объявили дефектными, а ее организаторов — «врагами народа». Поэтому в 1939 г. в стране повторно провели перепись под руководством В.М. Молотова, показавшую «правильные» результаты — 170,5 млн чел. По оценкам же историков-демографов, более реалистичная цифра в 167,3 млн чел.² Приписки в численности населения, включая «спецконтингент», были распределены по всем регионам страны. Сравнение показателей переписей 1937 и 1939 гг. представлено в таблице 1.

В национальном составе населения Тюмени большую часть составляли русские (73 150 чел.; 92,6 %), намного меньше проживало татар (2 715 чел.; 3,4 %) и украинцев (1 018 чел.; 1,3 %)³.

Возрастной состав городского населения по состоянию на 1939 г. представлен в таблице 2.

Как видно, в основу распределения Центральным управлением народно-хозяйственного учета Госплана СССР был положен экономический принцип, т. е. выявление количества младенцев и лиц младшего возраста, которых государству необходимо обеспечить детскими садами и школами; трудоспособного населения, активно участвующего в экономике страны, и людей старше трудоспособного возраста, нуждающихся в поддержке государства. При таком подходе государство получает необходимые данные для планирования деятельности сфер образования, здравоохранения и пенсионной системы. Однако выявление укрупненных возрастных групп не позволяло уделить внимание психологическому и социальному состоянию людей. Более половины населения г. Тюмени относились к возрастной страте 16–54 лет, при этом в экономике города было занято лишь 25 216 чел.⁴ По состоянию на 1940 г. в качестве рабочих на промышленных предприятиях города трудились 7 870 чел.⁵

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1992. С. 24.

² Там же. С. 8.

³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1045. Л. 111.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 698. Оп. 1. Д. 115. Л. 121.

Таблица 1

Численность населения по результатам Всероссийской переписи 1937 и 1939 гг.

	1937 г.	1939 г.
Омская область	2 166 500 чел.	2 378 410 чел.
Омск	270 542 чел.	288 855 чел.
Тюмень	76 478 чел.	79 205 чел.

Источник: сост. по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / Сост. Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1992. С. 24; Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. С. 31, 64.

Таблица 2

Распределение населения г. Тюмени по возрастным группам в 1939 г.

Возраст	Число горожан (чел.)
До 1 года	2 631
От 1 года до 7 лет	10 250
От 8 до 15 лет	14 398
От 16 до 54 лет	45 033
От 55 лет	6 891

Источник: сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1045. Л. 111.

Несмотря на то, что Тюмень находилась в глубоком тылу, жизнь города с началом Великой Отечественной войны кардинально изменилась. 22 июня на городской площади состоялся митинг, по сообщению местной газеты, собравший более 20 тыс. тюменцев¹. Только за первый день войны, до объявления мобилизации, в военкомат было подано около 500 заявлений добровольцев (Иваненко, с. 225). Всего с 1941 по 1945 гг. на фронт ушли более 11 752 тюменцев, не вернулось домой 5 175 чел.; из них погибли в ходе боевых действий 2 745 чел., пропали без вести — 1 930 чел., умерли от ран и болезней — 477 чел., погибли в плену — 23 чел.². Тринадцать тюменских воинов стали Героями Советского Союза и один (Хабибулла Хайруллович Якин) — полным кавалером Ордена Славы.

В первые дни войны началась масштабная эвакуация населения и промышленных предприятий в глубокий тыл. Уже 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации³. Процесс переселения подлежал регламентации, в частности, определялось число эвакуированных в каждый тыловой регион. Во избежание путаницы краевые и областные исполкомы должны были обеспечить учет прибывающего населения в соответствии с утвержденной формой⁴. Однако на практике организовать учет большого числа людей оказалось непросто. Как отмечалось Советом по эвакуации, на 30 июля 1941 г. удалось получить списки всего на 132 934 чел.⁵.

¹ Редакция. Б/н. Красное знамя. 24 июня 1941 г. С. 1.

² Память. Тюменская область. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1994, Т. 1. С. 12.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 659. Л. 67.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 541. Л. 20–23 об.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 510. Л. 35.

Дать точную оценку численности эвакуированного населения в регион проблематично. Большинство исследователей сходятся на том, что в 1941–1942 гг. в Западную Сибирь было эвакуировано около 1 млн чел. (Алексеев & Исупов, 1986; Васильев, 1965; Докучаев, 1968; Снегирева, 2005). При этом имело место расхождение запланированного и фактического количества эвакуированных. Так, план размещения в Омской области составлял 100 тыс. чел.¹, однако фактически здесь приняли 272,6 тыс. эвакуантов (Снегирева, 2015).

Сведения о динамике численности населения г. Тюмени в связи с эвакуацией разнятся. Некоторые авторы — историк В.П. Южаков (2014), краевед В.А. Чупин (2021) — указывают, что население города за военные годы выросло почти в два раза, составив 150 тыс. чел. При этом архивные данные свидетельствуют, что численность населения города увеличилась не так значительно. Если накануне войны в городе проживало 79 205 чел.², то в начале 1944 г. — 93 500 чел.³. С учетом числа мобилизованных можно заключить, что в ходе волн эвакуации 1941 и 1942 гг. Тюмень приняла 26 047 чел.

В первую очередь эвакуировались квалифицированные рабочие, инженеры и служащие, годная к военной службе молодежь, ответственные советские и партийные работники. При этом численность населения не была статичной, т. к. для военного времени были характерны постоянные перемещения людских контингентов. Немаловажную роль в колебании численности играли естественные факторы — число рождений и смертей. Показательна статистика, приведенная городским инспектором статистического управления во второй половине 1943 г.

Обращает внимание рост числа смертей в 1942 и 1943 гг., превышающий показатели числа рождений. Предположим, что это было связано с ухудшением условий жизни значительного числа горожан, включая недоступность ряда продуктов питания и снижение качества медицинской помощи, а также изнурительный труд на заводах.

Результаты исследования позволили выявить динамику общей численности населения Тюмени (1941–1945 гг.).

Данные таблицы 4 показывают, как менялось количество проживающих в Тюмени во время войны. Рост числа горожан 1941 и 1942 гг. вызван масштабной эвакуацией, некоторый спад численности в 1945 г. — реэвакуационными процессами. При этом численность населения не вернулась на довоенный уровень, что объясняется, во-первых, демобилизацией, а во-вторых, превращением Тюмени в областной центр⁴, что повлекло за собой формирование областных органов власти и приток в город населения. Кроме того, ряд предприятий, эвакуированных в Тюмень (Московский химико-фармацевтический завод им. Л.Я. Карпова, Подольский аккумуляторный завод, Киевский завод «Цепи Галля» и другие) решено было оставить здесь, что способствовало закреплению их работников на данной территории. Увеличение числа жителей Тюмени коррелирует с общей тенденцией

¹ ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 543. Л. 29.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / Сост. Ю.А. Поляков. М.: Наука, 1992. С. 24.

³ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П124. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

⁴ Тюменская область была образована 14 августа 1944 г.

Таблица 3

Показатели миграции и воспроизводства населения г. Тюмени в 1941–1943 гг.

	1 января 1941 г.	1 января 1942 г.	1 января 1943 г.
	83 152	93 181	93 802
Прибыло	4,620	9,121	4,222
Выбыло	3359	7,841	3,794
Родилось	1,034	1,030	1047
Умерло	764	2012	1537
В т. ч. детей до 1 г.	288	419	110
	1 июля 1941 г.	1 июля 1942 г.	1 июля 1943 г.
	84753	93482	

Источник: ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 435. Л. 27.

Таблица 4

Общая численность населения Тюмени (1941–1945 гг.)

Дата	Число горожан
1941 г.	84 753 чел.
1942 г.	93 482 чел.
1943 г.	93 164 чел.
1944 г.	93 500 чел.
1945 г.	89 669 чел.

Источник: сост. по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / Сост. Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1992. С. 24; ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 387. Л. 37; ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 435. Л. 27; ГАСПИТО. Ф. П124. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

в западносибирском тылу: по данным В.А. Исупова, с 1 января 1941 г. до 1 сентября 1945 г. численность городского населения Западной Сибири выросла почти на 728 тыс. человек (на 26 %) (Исупов, 2008, с. 98).

Заключение

Великая Отечественная война повлекла за собой изменение численности и состава городского населения. Несмотря на массовую мобилизацию, численность населения г. Тюмени увеличилась вследствие эвакуации. В результате в 1944 г. в Тюмени проживало на 18 % больше, чем в 1939 г. Некоторый отток населения произошел на завершающем этапе войны. Увеличение населения связано исключительно с механическим движением. При этом, как свидетельствуют данные за первый период войны, естественное движение характеризовалось отрицательным приростом населения. В возрастном составе тюменцев большую часть составляли люди трудоспособного возраста, от 16 до 54 лет. В этом одна из причин преодоления тягот военного времени и выполнения фронтовых заданий жителями тылового города.

Список источников

Алексеев, В. В., Исупов, В. А. (1986). *Население Сибири в годы Великой Отечественной войны*. Новосибирск: Наука, 230. EDN: RZXEYL

Васильев, Ю. А. (1965). *Сибирский арсенал. Деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышленности в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 384.

Докучаев, Г. А. (1968). *Сибирский тыл в Великой Отечественной войне*. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 332.

Иваненко, А. С. (2004). *Четыре века Тюмени. Очерки живой истории старинного сибирского города*. Тюмень: Изд-во «Радуга-Т», 367.

Исупов, В. А. (2008). *Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)*. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 375. EDN: TMVBGP

Корнилов, Г. Е. (1993). *Уральское село и война. Проблемы демографического развития*. Екатеринбург: ТОО «Уралагропресс», 174. EDN: RRWYDB

Корнилов, Г. Е. (2010). Население Свердловска в военные годы. *Российская история*, 4, 94–106. EDN: MSNRYP

Кружинов, В. М. (2005). Тюмень и тюменцы в 1920-е гг. *Вестник Тюменского государственного университета*, 2, 88–96. EDN: HRUNOD

Мордвинцева, А. В. (2007). Городская среда Тюмени: развитие в послевоенный период (1945–1953 гг.). *Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Сборник материалов молодежной научной конференции* (с. 165–172). Новосибирск: Параллель, 320.

Плохотников, В. С. (2014). Трудовая активность рабочих г. Тюмени в годы первых пятилеток (1928–1941 гг.). *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 6, 125–128. EDN: AOXDIN

Скочин, А. В. (2015). Роль дорожно-транспортной системы во взаимосвязи городского пространства Тюмени в середине 1950-х — середине 1960-х гг. *Вестник Томского государственного университета. История*, 1, 34–40. EDN: TIWEBZ

Снегирева, Л. И. (2005). К вопросу об учете эвакуированного населения в Западной Сибири и его численности. В *Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне (12–13 мая 2005 г.)* (с. 103–108). Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета (ТГПУ), 211.

Снегирева, Л. И. (2015). Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 2, 38–43. EDN: TKHYTF

Снегирева, Л. И. (2015). Социально-экономические последствия реэвакуации в западносибирском тылу (1942–1948 гг.). *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 9, 188–195. EDN: ULYZWR

Чупин, В. А., Иванова Н. В. (2021). Историко-архивная справка «Тюмень в годы Великой Отечественной войны». URL: <https://gorod-t.info/projects/001/> (дата обращения: 05.01.2026).

Южаков, В. П. (2014). Деятельность органов власти Тюменской области по обустройству эвакуированных граждан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*, 4, 98–101. EDN: TEYLGf

References

Alekseev, V.V. & Isupov, V.A. (1986). *Naselenie Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The population of Siberia during the Great Patriotic War]*. Novosibirsk: Nauka Publ., 230. EDN: RZXEYL (In Russ.)

Vasiliev, Yu.A. (1965). *Sibirskii arsenal. Deiatelnost partiinykh organizatsii Sibiri po razvitiu promyshlennosti v period Velikoi otechestvennoi voiny 1941–1945 gg [The Siberian Arsenal. The activities of Siberian party organizations for the development of industry during the Great Patriotic War of 1941–1945]*. Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House, 384. (In Russ.)

- Dokuchaev, G.A. (1968). *Sibirskii tyl v Velikoi Otechestvennoi voine* [The Siberian rear in the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka Publ. Siberian branch, 332. (In Russ.)
- Ivanenko, A.S. (2004). *Chetyre veka Tiumeni. Ocherki zhivoi istorii starinnogo sibirskogo goroda* [Four centuries of Tyumen. Essays on the living history of an ancient Siberian city]. Tyumen: Raduga-T Publishing House, 367. (In Russ.)
- Isupov, V.A. (2008). *Glavnyi resurs Pobedy. Liudskoi potentsial Zapadnoi Sibiri v gody Vtoroi mirovoi voyny (1939–1945 gg.)* [The main resource of Victory. The human potential of Western Siberia during the Second World War (1939–1945)]. Novosibirsk: Sova Publishing House, 375. EDN: TMBGPB (In Russ.)
- Kornilov, G.E. (1993). *Uralskoe selo i voina. Problemy demograficheskogo razvitiia* [The Ural village and the war. Problems of demographic development]. Yekaterinburg: Uralagropress LLP, 174. EDN: RRWYDB
- Kornilov, G.E. (2010). The population of Sverdlovsk during the war years. *Rossiiskaia istoriia* [Russian History], 4, 94–106. EDN: MSNRYP (In Russ.)
- Kruzhinov, V.M. (2005). Tyumen and the Tyumen people in the 1920s. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 2, 88–96. EDN: HRUNOD (In Russ.)
- Mordvintseva, A.V. (2007). The urban environment of Tyumen: development in the post-war period (1945–1953). In *Istoricheskie issledovaniia v Sibiri: problemy i perspektivy. Sbornik materialov molodezhnoi nauchnoi konferentsii* [Historical research in Siberia: problems and prospects. Collection of materials of the youth scientific conference] (pp. 165–172). Novosibirsk: Parallel, 320. (In Russ.)
- Plokhonnikov, V.S. (2014). Labor activity of Tyumen workers during the first five-year plans (1928–1941). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [The Surgut State Pedagogical University Bulletin], 6, 125–128. EDN: AOXDIN (In Russ.)
- Skochin, A.V. (2015). The role of the traffic system in interconnecting the urban space of Tyumen in mid 1950–1960-s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Tomsk State University Journal of History], 1, 34–40. EDN: TIWEBZ (In Russ.)
- Snegireva, L.I. (2005). On the issue of accounting for the evacuated population in Western Siberia and its number. In *Aktualnye problemy istorii Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.): materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 60-letiiu Pobedy SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine (12–13 maia 2005 g.)* [Actual problems of the history of the Great Patriotic War (1941–1945): proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the Victory of the USSR in the Great Patriotic War (May 12–13, 2005)] (pp.103–108). Tomsk: Publishing House of Tomsk State Pedagogical University (TSPU), 211. (In Russ.)
- Snegireva, L.I. (2015). The composition of the population evacuated to the West Siberian rear during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2, 38–43. EDN: TKHYTF (In Russ.)
- Snegireva, L.I. (2015). Socio-economic consequences of re-evacuation in the West Siberian rear (1942–1948). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 9, 188–195. EDN: ULYZWR (In Russ.)
- Chupin, V.A. & Ivanova N.V. (2021). *Istoriko-arkhivnaia spravka «Tiumen v gody Velikoi Otechestvennoi voyny»* [Historical and archival information «Tyumen during the Great Patriotic War»]. URL: <https://gorod-t.info/projects/001/> (date of access: 05.01.2026).
- Yuzhakov, V.P. (2014). Activities of the authorities of the Tyumen region on the settlement of evacuated citizens during the Great Patriotic War of 1941–1945. *Izvestiia vysshihkh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiia. Ekonomika. Politika* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics], 4, 98–101. EDN: TEYLGf (In Russ.)

Ковалева Ольга Александровна — аспирант кафедры истории России и зарубежных стран, Нижневартковский государственный университет; <https://orcid.org/0009-0001-1313-2809> (Российская Федерация, 625048, г. Тюмень, ул. Холодильная, 136; e-mail: koa94-72@mail.ru).

Olga A. Kovaleva — postgraduate student at the Department of History of Russia and Foreign Countries, Nizhnevartovsk State University; <https://orcid.org/0009-0001-1313-2809> (Russian Federation, 625048, Tyumen, Kholodilnaya St., 136; e-mail: koa94-72@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 33(09): 314(09): 94(470.57)

JEL classification: N9, R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-1-8>

Городское население Урала (конец XIX — начало XXI вв.): историографический анализ и перспективы исследования¹

Г. Е. Корнилов

Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-6916-4439>

Автор для корреспонденции: Г.Е.Корнилов (genakorn@mail.ru)

Аннотация. *Историографический анализ изучения городского населения Урала с конца XIX по начало XXI вв. является актуальной проблемой. Цель статьи — систематизировать основные направления, этапы и методологические подходы в исследованиях демографических процессов, урбанизации и социальной структуры уральского города. На основе анализа выявлены ключевые научные школы и тематические приоритеты, существовавшие в дореволюционной, советской и постсоветской историографии. Особое внимание уделено дискуссионным вопросам, в том числе проблеме квазиурбанизации и специфике демографического перехода в регионе. Выявлены основные этапы накопления знаний, и предложена периодизация формирования городского населения в регионе. Сделан вывод о наличии лакун в изучении темы, главной из которых является отсутствие комплексного исследования эволюции демографических структур городского населения Урала на протяжении длительного периода. Сформулированы задачи дальнейшего анализа в контексте модернизационных процессов.*

Ключевые слова: историография; Урал; городское население; демография; урбанизация; историческая демография; периодизация; модернизация; демографический переход.

Urban Population of the Urals (Late 19th — Early 21st Centuries): Historiographical Analysis and Research Prospects

G. Kornilov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-6916-4439>

Corresponding author: G. Kornilov (genakorn@mail.ru)

Abstract. *Historiographic analysis of the study of the urban population of the Urals from the late 19th to the early 21st centuries is a pressing issue. The purpose of this article is to systematize the main trends, stages, and methodological approaches in research on demographic processes, urbanization, and the social structure of the Ural city. This analysis identifies key scholarly schools and thematic priorities that existed in pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet historiography. Particular attention is paid to controversial issues, including the problem of «quasi-urbanization» and the specifics of the demographic transition in the region. The main stages of knowledge accumulation are identified, and a periodization of the formation of the urban population in the region is proposed. It is concluded that there are gaps in the study of this topic, the main one being the lack of a comprehensive study of the evolution of the demographic structures of the urban population of the Urals over a long period. The objectives of further analysis are formulated in the context of modernization processes.*

Keywords: historiography, Urals, urban population, demography, urbanization, historical demography, periodization, modernization, demographic transition.

¹ © Корнилов Г. Е. Текст. 2026.

Введение

История формирования и развития городского населения Урала является одной из ключевых тем в региональной историографии. Урал, как уникальный горнозаводской и индустриальный центр России, на протяжении более чем столетие демонстрировал специфические модели демографического поведения, урбанизационных процессов и социальной стратификации. Изучение накопленного историографического опыта необходимо для определения степени разработанности темы, выявления методологических подходов и постановки новых исследовательских задач. Цель данного обзора — систематизировать основные направления и этапы изучения городского населения Урала с конца XIX по начало XXI вв., а также определить перспективы дальнейшего комплексного анализа.

Результаты

Периодизация и основные этапы историографии

Анализ литературы позволяет выделить несколько качественно различающихся этапов в накоплении знаний по теме, каждый из которых характеризовался своей источниковой базой, проблематикой и идеологическим контекстом.

Первый этап (конец XIX в. — 1920-е гг.): становление и накопление эмпирического материала. Для данного периода характерно преобладание работ статистиков, врачей, земских деятелей и краеведов. Исследования носили прикладной, описательный характер и были направлены на решение конкретных социальных проблем, таких как высокая смертность и неудовлетворительное санитарное состояние городов.

В центре внимания дореволюционных авторов находились проблемы детской и младенческой смертности. Так, в трудах Е.Н. Карнаузовой (1912), Н.А. Русских (1910), А.И. Смородинцева (1895), М.Т. Керстина (1906), А. Штейнфельд (1906) и Р. Егоровской (1916) проводился сравнительный анализ рождаемости и смертности в зависимости от вероисповедания. Значительный вклад в изучение городских поселений внес В.П. Семёнов-Тян-Шанский (1910), предложивший типологию поселений и выделивший особый горнозаводской тип заселения. Комплексные статистические обзоры Пермской губернии были подготовлены П.А. Голубевым (1905) и И.Я. Кривощёковым (1910).

В постреволюционный период (1920-е гг.) появляются новые темы, связанные с легализацией абортов. В работах В.Г. Перетца (1922) и Н.К. Накорякова (1929) доказывалось, что разрешение абортов не является прямой причиной снижения рождаемости. Важнейшую роль сыграло проведение первых советских переписей 1920, 1923 и 1926 гг. Особо выделяется уральская статистическая школа во главе с Ф.Н. Лебедевым (1927), который на основе математических расчетов изучал динамику численности, естественного движения и миграции населения. В этот же период Ф. Фиельструп (1926) заложил основы изучения этнического состава региона.

Второй этап (1930-е — середина 1950-х гг.): свертывание демографических исследований. В условиях усиления идеологического контроля демография как наука практически исчезает. Данные переписей 1937 и 1939 гг. были засекречены, а исследования носили фрагментарный характер. Проблемы материнской и детской смертности рассматривались исключительно в узком медицинском контексте — К.П. Гаврилов

(1947). Сведения о численности населения приводились лишь в работах по истории отдельных городов и часто носили оценочный характер — А.Г. Козлов (Козлов, 1950; Пятницкий, 1947).

Третий этап (середина 1950-х — середина 1980-х гг.): возрождение интереса и расширение тематики. Наступление «оттепели» позволило исследователям вновь обратиться к демографической тематике, хотя и под жестким контролем. Демография развивалась преимущественно в рамках историко-партийной тематики или экономической географии.

В.Т. Селезнёва (1955) ввела в научный оборот демографические показатели дореволюционного периода через историю медицины. Экономисты М. Прокофьева (1959) и В.Н. Пешков (1969) проанализировали состав населения по переписи 1897 г. Географ Е.Г. Анимича (1975) дал характеристику городским поселениям и их населению. Вопросы народонаселения изучались через призму истории рабочих и крестьянства (Кузьмин, 1987; Рафики, 1989; Корнилов, 1990, 1993).

Четвертый этап (конец 1980-х — 2000-е гг.): методологический прорыв и комплексные исследования. Открытие архивов и отказ от идеологических догм привели к качественному скачку. В общероссийском контексте публикуются фундаментальные труды по истории населения СССР таких авторов, как Е.М. Андреева, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова, В.Б. Жиромская (2001). Активно разрабатываются теории демографического (Вишневский, 1998; 2006) и урбанизационного (Сенявский, 2003) переходов.

В уральской историографии ключевым событием стал выход коллективного труда «Население Урала. XX век», где впервые к региональному материалу была применена теория демографического перехода (Кузьмин и др., 1996). Появляются специальные работы по демографии дореволюционного города (Алфёров, 1991) и горнозаводскому населению (Голикова, 2001; 2012). Различные аспекты темы активно разрабатывали — воспроизводство населения (Журавлёв, 2012), демографические процессы (Баранов, 2010), расселение (Мазур, 2003), структуру населения, этнический состав и этническую историю (Чагин, 2013; Черных, 2007; Каменских, 2025). Появляются исследования по истории отдельных городов (Тараканов, 2008; Мокеров & Суслопаров, 1996), а также работы, анализирующие Уральскую область как уникальный экономический эксперимент (Зубков, & Побережников, 2003). Появились первые зарубежные исследования, рассматривающие уральские города в контексте повседневности и сталинизма, — С. Коткина (1995), Л. Самуэльсона (2010), Дж. Р. Харриса (1999).

Дискуссионные вопросы и нерешенные задачи

Несмотря на значительные успехи, историографический обзор выявляет ряд проблем и дискуссионных моментов. Особого внимания заслуживает проблема квазиурбанизации. Тезис В.А. Исупова (2018) о квазиурбанизации в Сибири в годы индустриализации вызывает дискуссию применительно к Уралу. На наш взгляд, ускоренное промышленное строительство в регионе в 1920–1930-е гг. было не квази-, а форсированной урбанизацией, характерной для первого этапа индустриализации. Отставание социокультурной инфраструктуры от промышленного роста является не признаком ложной урбанизации, а спецификой советской

модернизации, где производственные задачи доминировали над социальными. Требуется дальнейшее изучение качественных характеристик этой модели.

Анализ историографии также выявляет существенные хронологические и тематические лакуны:

1. Отсутствует комплексное исследование, прослеживающее эволюцию демографических структур (рождаемость, смертность, брачность, миграция) городского населения Урала на всем протяжении выбранного периода 1897–1939 гг. Большинство работ либо ограничены дореволюционным временем, либо 1920–1930-ми гг.

2. Недостаточно изучена связь демографических процессов с социальными трансформациями (изменение сословной структуры на классовую, влияние коллективизации и раскулачивания на город, влияние войн и революций на динамику и состав населения региона).

3. Требуется углубленный сравнительный анализ демографического поведения в разных типах городских поселений (областные центры, заводские города, малые города).

Задачи дальнейшего исследования

Исходя из проведенного историографического анализа, комплексное исследование городского населения Урала конца XIX — начала XXI вв. может быть направлено на решение следующих задач:

1. Систематизация и критический анализ источниковой базы (материалы переписей населения 1897, 1920, 1923, 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010, 2020 гг., текущий статистический учет, делопроизводственная документация).

2. Реконструкция динамики численности и половозрастной структуры городского населения Урала с учетом административно-территориальных изменений.

3. Анализ естественного движения населения: выявление тенденций рождаемости, смертности и брачности, определение этапов демографического перехода и его региональной специфики.

4. Изучение миграционных процессов как основного источника формирования городского населения в периоды индустриализации.

5. Характеристика социальной и этнической трансформации городского социума под влиянием модернизационных процессов.

6. Проверка гипотезы о специфике уральской урбанизации как форсированной модели, выявление ее этапов и последствий для демографического развития.

Заключение

Историографический обзор свидетельствует о том, что история городского населения Урала прошла длительный путь накопления знаний: от статистических описаний врачей и краеведов до современных комплексных исследований с применением теорий модернизации. К настоящему времени создана солидная база для изучения отдельных аспектов темы.

Однако тема развития городского населения, трансформации его воспроизводственных и социальных структур с конца XIX до первой четверти XXI вв.

до сих пор не получила всестороннего комплексного изучения. Отсутствует обобщающая работа, рассматривающая данный отрезок времени как единый этап урбанизационного и демографического перехода, в ходе которого традиционное общество сменялось индустриальным. Необходимо преодолеть фрагментарность исследований, объединив усилия историков, демографов, социологов для создания целостной картины становления городского общества на Урале в эпоху великих потрясений и социальных экспериментов.

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИА УрО РАН, рег. номер темы 124032100050-2.

Acknowledgements

The study was carried out using funds from a subsidy for financial support for the implementation of a state assignment to the Institute of Archaeology and Astronomy of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, topic registration number 124032100050-2.

Список источников

- Андреев, Е. М., Дарский, Л. Е., Харькова, Т. Л. (1990). *История населения СССР, 1920–1950 гг.* М.: Наука, 143.
- Анимца, Е. Г. (1975). *Города Среднего Урала*. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 303.
- Баранов, Е. Ю. (2010). Демографические процессы на Урале в 1920–1930-е годы: проблемы теоретических подходов и источниковедческой базы исследования. В *История как ценность и ценностное отношение к истории. / сб. науч. трудов. Ч. 2.* (с. 33–40). Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. Ун-т», 306.
- Вишневский, А. Г. (1998). *Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР*. Москва : Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 421.
- Вишневский, А. Г. (Ред.) (2006). *Демографическая модернизация России, 1900–2000*. Москва: Новое изд-во, 599.
- Гаврилов, К. П. (1947). *Ранняя детская смертность и меры борьбы с ней*. Свердловск: Свердлов. отд-ние Медгиза, 64.
- Голикова С. В. (2012). *Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.): источниковедческий и методологический анализ*. Екатеринбург: УрО РАН, 174.
- Голикова, С. В. (2001). *Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков*. Екатеринбург Изд-во УрО РАН, 195.
- Голубев, П. А. (1905). *Историко-статистические поуездные таблицы по Пермской губернии. В Материалы по изучению Пермского края. Вып. II. Пермь* (с. 3–212). Пермь : изд. Музея, 288.
- Егоровская, Р. (1916). *Обзор движения населения в Пермской губернии за 1914 г. В Санитарный обзор Пермской губернии за 1914 г.* Пермь: [б.и.], 97.
- Жиромская, В. Б. (2001). *Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное*. Москва : Издательство «Российская политическая энциклопедия», 279.
- Журавлёва, В. А. (2012). *Городское население Урала в 1920–1930-е гг.* Челябинск: Издат. Центр ЮУрГУ, 219.
- Зубков, К. И., Побережников, И. В. (2003). *Реформы административно-территориального устройства восточных районов России (XVIII–XX вв.)*. Екатеринбург : Издательство АМБ, 93.
- Исупов, В. А. (2018). Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка. *ЭКО*, 7, 7–22.
- Каменских, М. С. (2025). *Национальная политика на Урале в 1920–1930-е годы: этничность и власть в условиях советской модернизации*. Санкт-Петербург: Маматов, 372.

Карнаухова, Е. Н. (1912). К вопросу о детской смертности в Пермской губернии. *Врачебно-санитарные хроника Пермской губернии*, 6–9, 96–108.

Керстин, М. Т. (1906). О детской смертности. Существующие и желательные методы изучения детской смертности. *Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбургe*, 1–18.

Козлов, А. Г. (1950). О населении Екатеринбурга во второй половине 1916 и в начале 1917 гг. В *Материалы II научной конференции по истории Екатеринбурга* (с. 239–244). Свердловск: 5-я тип. Главполитграфиздата, 253.

Корнилов, Г. Е. (1988). Демографическая структура сельского населения Урала (по данным Всесоюзной переписи населения 1926 и 1939 гг.). В *Социально-демографическое развитие уральского села*. (с. 37–44). Свердловск : УрО АН СССР, 142.

Корнилов, Г. Е. (1993). *Уральское село и война. Проблемы демографического развития*. Екатеринбург: Уралагропресс, 175.

Кузьмин, А. И., Оруджиева, А. Г., Корнилов, Г. Е., и др. (1996). Население Урала. XX век. *История демографического развития*. Екатеринбург: [б.и.], 209.

Лебедев, Ф. Н. (1927). Население Урала (Первые итоги переписи 1926 г.). *Хозяйство Урала*, 1, 136–141.

Мазур, Л. Н. (2003). *Сёла и деревни Среднего Урала в XX веке. Статистико-этнографическое описание*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 160.

Моколов, И. П., Суслопаров, Д. Г. (1996). *Демографические процессы в Екатеринбурге (прошлое, настоящее, будущее)*. Екатеринбург: [б.и.], 25 .

Накоряков, Н. К. (1929). Статистические данные об абортах в г. Перми. *Уральский медицинский журнал*, 3, 81–94.

Перетц, В. Г. (1922). Статистика абортaв по Екатеринбургскому повивально-гинекологическому институту за 1920–1921 гг. *Уральское медицинское обозрение*, 1, 64–72.

Пешков, В. Н. (1969). *Народонаселение Урала в 1867–1917 гг. В Научная сессия по проблемам многоукладности Российской экономики в период империализма* (с. 168–169). Свердловск: [б.и.], 204.

Прокофьева, М. (1959). *Документы о переписи 1897 г. (по материалам государственного архива)*. Вечерний Свердловск, 12, 3. <https://elibrary.ru/bitstream/123456789/102459/1/0088324.pdf> (дата обращения: 24.02.2026).

Пятницкий А. Н. (1947) К истории Екатеринбурга — Свердловска периода 1917–1941 гг. В *Материалы первой научной конференции по истории Екатеринбурга — Свердловска* (с. 62–108). Свердловск: тип. изд-ва «Урал. рабочий», 200.

Русских, Н.А. (1910). О борьбе с детской смертностью в Пермской губернии. В *Труды X съезда врачей Пермской губернии*. Ч. 2. Вып. 2. (с. 270–280). Пермь, Электро-Типография Губернского Земства, 336.

Самуэльсон, Л. (2010). *Танкоград: Секреты русского тыла. 1917–1953*. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 375.

Селезнёва, В. Т. (1955). *Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале*. Молотов: Кн. изд-во, 216.

Семёнов-Тян-Шанский В. П. (1910). *Город и деревня в Европейской России: очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами*. Санкт-Петербург: тип. В. Ф. Киришбаума, 212.

Сенявский, А. С. (2003). *Урбанизация России в XX в.: роль в историческом процессе*. Москва : Наука, 285.

Сморodinцев, А. И. (1895). К вопросу о причинах детской смертности на Урале. *Записки Уральского медицинского общества в Екатеринбургe*. IV год, 1, 11.

Тараканов, М. Ю. (2008). Население Нижнего Тагила в конце XIX — первой половине XX века. *Уральский исторический вестник*, 1 (18), 26–29.

Фиельstrup, Ф. (1926). *Этнический состав населения Приуралья*. Ленинград: Акад. наук СССР, 37.

Чагин, Г. Н. (2013). *Очерки по истории и этнографии коми-пермяков*. Кудымкар: Коми-Пермяцкий этнокультурный центр, 152.

Черных, А. В. (2007). *Народы Пермского края. История и этнография*. Пермь: Пушка, 295.

Штейнфельд, А. (1906). Движение населения. В *Санитарный обзор Пермской губернии за 1905 г.* Пермь: Электро-тип. Губ. земства, 117.

Harris, J.R. (1999). *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 235.

Kotkin, S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 639.

References

Andreev, E.M., Darsky, L.E., Harkov, T.L. (1990). *Istoriia naseleniia SSSR, 1920–1950 gg.* [History of the population of the USSR, 1920–1950]. Moscow: Nauka, 143. (In Russ.)

Animica, E.G. (1975). *Goroda Srednego Urala [Cities of the Middle Urals]*. Sverdlovsk: Wednesday-Ural. publishing house, 303. (In Russ.)

Baranov, E.Y. (2010). Demographic processes in the Urals in the 1920s and 1930s: problems of theoretical approaches and the research source base. In *Istoriia kak tsennost i tsennostnoe otnoshenie k istorii. / sb. nauch. trudov. Ch. 2 [History as a value and value relation to history. / collection of scientific works. Part 2.]* (pp. 33–40). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. un-t», 306. (In Russ.)

Chagin, G.N. (2013). *Ocherki po istorii i etnografii komi-permyakov [Essays on the history and ethnography of Komi-Permyaks]*. Kudymkar: Komi-Permyak Ethnocultural Center, 152. (In Russ.)

Chernykh, A.V. (2007). *Narody Permskogo kraia. Istoriia i etnografiia [The peoples of the Perm Region. History and ethnography]*. Perm: Pushka, 295. (In Russ.)

Egorovskaya, R. (1916). *Obzor dvizheniia naseleniia v Permskoi gubernii za 1914 g.* [An overview of the population movement in the Perm province in 1914]. Sanitary review of the Perm province in 1914. Perm: [b.i.], 97. (In Russ.)

Fielstrup, F. (1926). *Etnicheskii sostav naseleniia Priuralia [The ethnic composition of the population of the Urals]*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 37. (In Russ.)

Gavrilov, K.P. (1947). *Ranniia detskaia smertnost i mery borby s nei [Early childhood mortality and measures to combat it]*. Sverdlovsk: Sverdlovsk branch of Medgiz, 64. (In Russ.)

Golikova S.V. (2012). *Detskaia smertnost v Permskoi gubernii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.): istochnikovedcheskii i metodologicheskii analiz [Infant mortality in the Perm province (the second half of the 19th — early 20th centuries): a source-based and methodological analysis]*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 174. (In Russ.)

Golikova, S. V. (2001). *Semia gornozavodskogo naseleniia Urala XVIII–XIX vekov [A family of the mining population of the Urals of the XVIII–XIX centuries]*. Yekaterinburg Publishing House of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 195. (In Russ.)

Golubev, P. A. (1905). Historical and statistical county tables for the Perm province. In *Materialy po izucheniiu Permskogo kraia [Materials on the study of the Perm region. Issue II. Perm]* (pp. 3–212). Perm: ed. Museum, 288. (In Russ.)

Harris, J. R. (1999). *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 235.

Isupov, V. A. (2018). The urbanization of Western Siberia: a historian's view. *ECO*, 7, 7–22. (In Russ.)

Kamenskikh, M. S. (2025). *Natsionalnaia politika na Urale v 1920–1930-e gody: etnichnost i vlast v usloviakh sovetskoi modernizatsii [National Policy in the Urals in the 1920s and 1930s: Ethnicity and Power in the context of Soviet Modernization]*. St. Petersburg: Mamatov, 372. (In Russ.)

Karnaukhova, E. N. (1912). On the issue of infant mortality in the Perm province. *Vrachebno-sanitarnye khronika Permskoi gubernii [Medical and sanitary Chronicle of the Perm province]*, 6–9, 96–108. (In Russ.)

Kerstin, M. T. (1906). About child mortality. Existing and desirable methods for studying child mortality. *Zapiski Uralskogo meditsinskogo obshchestva v g. Ekaterinburge [Notes of the Ural Medical Society in Yekaterinburg]*, 1–18. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (1988). Demographic structure of the rural population of the Urals (according to the All-Union population censuses of 1926 and 1939). In *Sotsialno-demograficheskoe razvitie uralskogo sela. [Socio-demographic development of the Ural village]* (pp. 37–44). Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 142. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (1993). *Uralskoe selo i voina. Problemy demograficheskogo razvitiia [The Ural village and the war. Problems of demographic development]*. Yekaterinburg: Uralagropress, 175. (In Russ.)

Kotkin, S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 639.

Kozlov, A. G. (1950). About the population of Yekaterinburg in the second half of 1916 and the beginning of 1917. In *Materialy II nauchnoi konferentsii po istorii Ekaterinburga [Proceedings of the II Scientific Conference on the history of Yekaterinburg]* (pp. 239–244). Sverdlovsk: 5th type. Glavpolitgrafizdata, 253. (In Russ.)

Kuzmin, A. I., Orudzhieva, A.G., Kornilov, G.E., et al. (1996). *Naselenie Urala. XX vek. Istoriia demograficheskogo razvitiia [Population of the Urals. 20th century. History of demographic development]*. Ekaterinburg: [b.i.], 209. (In Russ.)

Lebedev, F. N. (1927). The population of the Urals (The first results of the 1926 census). *Khoziaistvo Urala [Economy of the Urals]*, 1, 136–141. (In Russ.)

Mazur, L. N. (2003). *Sela i derevni Srednego Urala v XX veke. Statistiko-etnograficheskoe opisanie [Villages and villages of the Middle Urals in the XX century. Statistical and ethnographic description]*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 160. (In Russ.)

Mokero, I. P., Susloparov, D.G. (1996). *Demograficheskie protsessy v Ekaterinburge (proshloe, nastoiashchee, budushchee) [Demographic processes in Yekaterinburg (past, present, and future)]*. Ekaterinburg: [B.I.], 25. (In Russ.)

Nakoryakov, N. K. (1929). Statistical data on abortions in Perm. *Uralskii meditsinskii zhurnal [Ural Medical Journal]*. 3, 81–94. (In Russ.)

Peretz, V.G. (1922). Statistics of abortions at the Yekaterinburg Midwifery and Gynecology Institute for 1920–1921. *Uralskoe meditsinskoe obozrenie [Ural Medical Review]*, 1, 64–72. (In Russ.)

Peshkov, V.N. (1969). The population of the Urals in 1867–1917. In *Nauchnaia sessiia po problemam mnogoukladnosti Rossiiskoi ekonomiki v period imperializma [Scientific session on the problems of the complexity of the Russian economy during the period of imperialism]* (pp. 168–169). Sverdlovsk: [B.I.], 204. (In Russ.)

Prokofiev, M. (1959). Documents on the 1897 census (based on the materials of the State Archive). *Vechernii Sverdlovsk [Evening Sverdlovsk]*, 12, 3. <https://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/102459/1/0088324.pdf> (Accessed: 24.02.2026). (In Russ.)

Pyatnitsky, A.N. (1947). On the history of Yekaterinburg — Sverdlovsk in the period 1917–1941 In *Materialy pervoi nauchnoi konferentsii po istorii Ekaterinburga — Sverdlovsk* [Proceedings of the first scientific conference on the history of Yekaterinburg — Sverdlovsk] (pp. 62–108). Sverdlovsk: Ural. rabochy Publishing House, 200. (In Russ.)

Russian, N.A. (1910). On the fight against child mortality in the Perm province. In *Trudy X s'ezda vrachei Permskoi gubernii. Ch.2. Vyp. 2.* [Proceedings of the X Congress of Doctors of the Perm province. Part 2. Issue 2] (pp. 270–280). Perm, Electro-Printing House of the Provincial Zemstvo, 336. (In Russ.)

Samuelson, L. (2010). *Tankograd: Sekrety russkogo tyla. 1917–1953* [Tankograd: Secrets of the Russian rear. 1917–1953]. Moscow: Publishing house «Political Encyclopedia», 375. (In Russ.)

Selezneva, V.T. (1955). *Ocherki po istorii zdravookhraneniia na dorevoliutsionnom Urale* [Essays on the history of healthcare in the pre-revolutionary Urals]. Molotov: Publishing House, 216. (In Russ.)

Semenov-Tyan-Shansky V.P. (1910). *Gorod i derevnia v Evropeiskoi Rossii: ocherk po ekonomicheskoi geografii s 16 kartami i kartogrammami* [City and Village in European Russia: an essay on Economic geography with 16 maps and cartograms]. St. Petersburg: V.F. Kirshbaum Publishing House, 212. (In Russ.)

Senyavsky, A.S. (2003). *Urbanizatsiia Rossii v XX v.: rol v istoricheskom protsesse* [Urbanization of Russia in the 20th century: its role in the historical process]. Moscow: Nauka Publ., 285. (In Russ.)

Smorodintsev, A.I. (1895). On the issue of the causes of child mortality in the Urals. *Zapiski Uralskogo meditsinskogo obshchestva v Ekaterinburge* [Notes of the Ural Medical Society in Yekaterinburg]. IV year, 1, 11. (In Russ.)

Steinfeld, A. (1906). Population movement. In *Sanitarnyi obzor Permskoi gubernii za 1905g* [Sanitary review of Perm province for 1905]. Perm: Electro-type. Gubernatorial zemstvo, 117. (In Russ.)

Tarakanov, M.Y. (2008). The population of Nizhny Tagil in the late 19th — first half of the 20th century. *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], 1 (18), 26–29. (In Russ.)

Vishnevsky, A.G. (1998). *Serp i rubl: konservativnaia modernizatsiia v SSSR* [Sickle and Ruble: Conservative modernization in the USSR]. Moscow: Publishing House of the State University of Higher School of Economics, 421. (In Russ.)

Vishnevsky, A.G. (Ed.) (2006). *Demograficheskaia modernizatsiia Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow: New Publishing House, 599. (In Russ.)

Zhiromskaya, V.B. (2001). *Demograficheskaia istoriia Rossii v 1930-e gg. Vzglia d v neizvestnoe* [Demographic history of Russia in the 1930s A look into the unknown]. Moscow: Publishing House «Russian Political Encyclopedia», 279. (In Russ.)

Zhuravleva, V.A. (2012). *Gorodskoe naselenie Urala v 1920–1930-e gg.* [The urban population of the Urals in the 1920s and 1930s]. Chelyabinsk: Izdat. SUSU Center, 219. (In Russ.)

Zubkov, K.I., Berezhnikov, I.V. (2003). *Reformy administrativno-territorialnogo ustroistva vostochnykh raionov Rossii (XVIII–XX vv.)* [Reforms of the administrative-territorial structure of the eastern regions of Russia (XVIII–XX centuries)]. Ekaterinburg: Publishing House AMB, 93. (In Russ.)

Корнилов Геннадий Егорович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. центром экономической истории, Институт истории и археологии УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-6916-4439> (Российская Федерация, 450054, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; e-mail: genakorn@mail.ru)

Gennady E. Kornilov— Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Economic History, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-6916-4439> (16, Kovalevskaya str., Yekaterinburg, 620108, Russian Federation; e-mail: genakorn@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.148(470.13) «1969/1989»

JEL classification: J11

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-1-9>

Структура смертности населения Коми АССР в 1969–1989 годах¹

У. В. Лыткина

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация)

<https://orcid.org/0000-0002-4875-6929>

Автор для корреспонденции: У. В. Лыткина (ulytkina@yandex.ru)

Аннотация. Через трансформацию структуры смертности рассматривается эпидемиологический переход в Коми АССР в 1969–1989 гг. По данным Российской базы данных по рождаемости и смертности рассчитаны вероятности смерти и средний возраст смерти от различных причин в Коми АССР и РСФСР. Выявлена специфика структуры смертности в Коми АССР: более высокая вероятность смерти от внешних причин и более низкая — от новообразований; меньший средний возраст смерти от большинства классов причин; более поздний и ускоренный эпидемиологический переход. Показано, что к концу советского периода эпидемиологический переход в Коми АССР не был завершен, сохранялся высокий потенциал дальнейшего снижения смертности в трудоспособном возрасте. Результаты исследования обогащают концепцию эпидемиологического перехода новыми данными, отражающими региональную специфику северной полиэтнической республики.

Ключевые слова: продолжительность жизни; причины смерти; средний возраст смерти; Коми АССР.

Mortality structure of the Komi ASSR population in 1969–1989

U. Lytkina

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS" (Syktvykar, Russian Federation).

<https://orcid.org/0000-0002-4875-6929>

Corresponding author: U. Lytkina (ulytkina@yandex.ru).

Abstract. The article examines the epidemiological transition in the Komi ASSR from 1969 to 1989 through the transformation of the mortality structure. Using data from the Russian Fertility and Mortality Database, the probabilities of death from various causes and the average age at death for various causes in the Komi ASSR and the RSFSR are calculated. The author identifies specific features of the mortality structure in the Komi ASSR: a higher probability of death from external causes and a lower probability of death from neoplasms, a lower average age at death from most causes, and a later and more accelerated epidemiological transition. The article demonstrates that by the end of the Soviet period, the epidemiological transition in the Komi ASSR was not complete, but there remained high potential for further reduction of mortality in working age. The results of the study enrich the concept of epidemiological transition with new data reflecting regional specifics of the northern multi-ethnic republic.

Keywords: life expectancy, causes of death, age at death, Komi ASSR.

Введение

Процессы долговременной эволюции структуры смертности по причинам смерти и роста продолжительности жизни часто рассматривают в рамках концепции

¹ © Лыткина У. В. Текст. 2026.

эпидемиологического перехода (Омран, 2019). Применительно к России эпидемиологический переход наиболее системно изучался А. Г. Вишневым (Вишневский, 2014) с соавторами (Вишневский и др., 2006). В частности, ими показано, что начиная с 1970-х гг. в СССР снижение смертности тормозилось из-за недостаточного финансирования здравоохранения, слабого просвещения в области здорового образа жизни и правильного отношения к здоровью, недостаточного алкогольного и табачного регулирования (Школьников, 2021). В. А. Исупов показал негативное воздействие факторов не демографического характера на динамику процесса эпидемиологического перехода в России (Исупов, 2017).

Республика Коми — регион, интересный для исследований закономерностей смертности из-за смешанного этнического состава, преобладания добывающей промышленности и пространственной удаленности от основных центров расселения страны. Эволюция продолжительности жизни в Коми АССР уже довольно подробно изучена (Фаузер и др., 2001; Фаузер, 2023; Безносова, 2014). Детально рассмотрена младенческая смертность (Безносова, 2013). Выделены ведущие причины смерти в разные годы (Лыткина, 2025). Однако недостаточно изучены возрастные закономерности смертности — различия в возрасте смерти от разных причин. Данное исследование нацелено на выявление таких закономерностей, а также на анализ различий между Коми АССР и РСФСР в структуре причин смерти.

Методы исследования и данные

В статье применяется подход к анализу структуры смертности, предложенный в работе Е. М. Андреева, А. Г. Вишневого и К. Ю. Шабурова (Андреев и др., 1986). Он заключается в распределении всего прожитого поколением периода по времени, прожитому умирающими от крупных классов (групп) причин смерти. С помощью таблиц смертности рассчитывается вероятность смерти от каждого класса причин и средний ожидаемый возраст смерти для гипотетического поколения. Завершение эпидемиологического перехода статистически отражается в том, что исчезает четкая связь продолжительности жизни и вероятности смерти от той или иной причины, снижается до минимума разница в среднем возрасте смерти от разных причин. В результате этого процесса ликвидация отдельных причин смерти уже не может изменить ожидаемую продолжительность жизни (Вишневский, 2020).

Источником данных о смертности по причинам в Коми АССР послужила Российская база данных по рождаемости и смертности (РосБРИС) Центра демографических исследований Российской экономической школы. Региональные данные советского периода в ней доступны за годы проведения трех последних переписей и смежные с ними годы: 1969–1970, 1978–1979, 1988–1989. В данной статье будут рассматриваться только переписи 1970 и 1989 гг. Причины смерти за эти годы в базе данных приведены к единой номенклатуре, включающей 175 причин смерти и основанной на Международной классификации болезней девятого пересмотра. Будут рассматриваться шесть важнейших в контексте эпидемиологического перехода классов причин смерти: 1) инфекционные и паразитарные болезни, 2) новообразования, 3) болезни системы кровообращения, 4) болезни органов дыхания, 5) болезни органов пищеварения, 6) внешние причины. Прочие причины объединены в одну группу.

Эволюция причин смерти в Коми АССР

Ведущим классом причин смерти мужчин в Коми АССР в 1969–1970 гг. уже были болезни системы кровообращения — 45,0 % от ожидаемых смертей (табл. 1). Вклад инфекционных и паразитарных болезней составлял всего 3,2 %. Это свидетельствует о том, что общество уже не находилось в начальных стадиях эпидемиологического перехода. В сравнении с РСФСР мужское население Коми АССР отличалось более высокой вероятностью смерти от внешних причин (18,4 % против 14,5 %), что свидетельствует о социальном неблагополучии, характерном для большинства регионов Севера России. Также выделяется более низкий вклад новообразований в смертность мужчин Коми АССР (13,7 % при среднем уровне по РСФСР 17,4 %). Вероятно, это связано с более ранней смертностью мужчин в Коми АССР от внешних причин, а также с недостаточной диагностикой онкологических заболеваний из-за периферийности региона, отсутствия крупных медицинских центров. Разброс между максимальным и минимальным средним возрастом смерти от разных классов причин среди мужчин в Коми АССР составлял 27,8 года. Если от болезней системы кровообращения ожидаемый возраст смерти составлял 71,0 года, то от прочих причин — 43,2, а от внешних — 43,6 года. Наибольшее различие с РСФСР в классе причин от органов пищеварения. Смертность в Коми АССР по этому классу более молодая (на 3,6 года).

Структура смертности женщин в Коми АССР за 1969–1970 гг. характерна для еще более поздней стадии эпидемиологического перехода (табл. 2). Вероятность смерти от болезней системы кровообращения выше, чем у мужчин (65,0 %), а от инфекционных и паразитарных болезней — ниже (1,2 %). Главные отличия между Коми АССР и РСФСР в вероятности смерти женщин похожи на те, что отмечались у мужчин. В республике была выше вероятность смерти от внешних причин и ниже — от новообразований. Однако региональная специфика среди женщин была менее выражена, чем среди мужчин. Разброс среднего возраста смерти женщин Коми АССР составил 29,8 года — между внешними причинами (48,5 года) и болезнями системы кровообращения (29,8 года). Женщины Коми АССР от российских отличались более поздним средним возрастом смерти от прочих причин и более ранним возрастом смерти от болезней органов

Таблица 1

Структура смертности мужчин Коми АССР и РСФСР по причинам, 1969–1970 гг.

Группа причин смерти	Вероятность умереть от данной причины		Средний ожидаемый возраст смерти, лет	
	Коми АССР	РСФСР	Коми АССР	РСФСР
Все причины	1,000	1,000	61,3	63,0
Инфекционные и паразитарные болезни	0,032	0,035	55,0	53,6
Новообразования	0,137	0,174	63,7	63,9
Болезни системы кровообращения	0,450	0,456	71,0	72,5
Болезни органов дыхания	0,117	0,116	60,3	62,7
Болезни органов пищеварения	0,030	0,026	54,7	58,3
Внешние причины	0,184	0,145	43,6	42,2
Прочие и неустановленные причины	0,049	0,047	43,2	41,7

Источник: расчеты автора по данным РосБРИС.

Таблица 2

Структура смертности женщин Коми АССР и РСФСР по причинам, 1969–1970 гг.

Группа причин смерти	Вероятность умереть от данной причины		Средний ожидаемый возраст смерти	
	Коми АССР	РСФСР	Коми АССР	РСФСР
Все причины	1,000	1,000	72,1	73,4
Инфекционные и паразитарные болезни	0,012	0,012	49,6	49,6
Новообразования	0,107	0,135	64,1	65,7
Болезни системы кровообращения	0,650	0,656	78,3	79,2
Болезни органов дыхания	0,099	0,096	68,6	69,7
Болезни органов пищеварения	0,022	0,021	63,2	66,1
Внешние причины	0,063	0,040	48,5	49,9
Прочие и неустановленные причины	0,047	0,040	53,3	46,9

Источник: расчеты автора по данным РосБРИС.

пищеварения. Последнее наблюдалось также и у мужчин. Можно сделать вывод, что в 1969–1970 гг. имелся еще довольно большой потенциал для улучшения структуры причин смерти в части роста среднего возраста смерти от отдельных классов причин. У мужчин же потенциал улучшения был в большей степени связан с уменьшением вероятности смерти от внешних причин и инфекционных болезней.

К концу советского периода (1988–1989 гг.) структура причин смерти у мужчин трансформировалась, хотя и не кардинальным образом (табл. 3). Более чем втрое снизилась вероятность смерти от инфекционных и паразитарных болезней. Увеличился вклад новообразований и болезней системы кровообращения. До 14,1 % уменьшилась вероятность смерти от внешних причин, что отчасти было связано с реализацией антиалкогольной кампании 1980-х гг. Вместе с тем вероятность смерти от внешних причин оставалась главным различием в структуре смертности Коми АССР и РСФСР, где она составляла 12,7 %. Средний возраст смерти от большинства классов причин в сравнении с 1969–1979 гг. увеличился. Особенно выделяются болезни системы кровообращения (увеличение на 8,0 года) и болезни органов дыхания (на 5,9 года). Однако почти не изменился средний возраст смерти от внешних причин (на 0,7 года), а средний возраст смерти от инфекционных, паразитарных болезней и болезней системы кровообращения даже несколько уменьшился. Обращает на себя внимание чрезвычайно большая разница в среднем возрасте смерти от инфекционных и паразитарных болезней между Коми АССР и РСФСР. Вероятно, она объясняется особенностями региональных практик кодирования причин смерти в Коми АССР.

Структура смертности женщин в сравнении с 1969–1970 гг. тоже изменилась (табл. 4). Снизилась вероятность смерти от инфекционных и паразитарных болезней (до 0,5 %), от болезней органов дыхания (до 4,0 %), внешних причин (до 5,2 %). Увеличился вклад новообразований, болезней системы кровообращения и органов пищеварения. Существенные различия со структурой смертности в РСФСР сохранялись по доле новообразований, которые хуже выявлялись в Коми АССР. По большинству классов причин увеличился средний возраст смерти женщин: болезни органов пищеварения (на 5,3 года), внешние причины (на 4,5 года), инфекционные и паразитарные болезни (на 3,9 года), болезни органов дыхания

Таблица 3

Структура смертности мужчин Коми АССР и РСФСР по причинам, 1988–1989 гг.

Группа причин смерти	Вероятность умереть от данной причины		Средний ожидаемый возраст смерти, лет	
	Коми АССР	РСФСР	Коми АССР	РСФСР
Все причины	1,000	1,000	63,4	63,0
Инфекционные и паразитарные болезни	0,011	0,014	53,8	45,5
Новообразования	0,189	0,197	64,6	64,7
Болезни системы кровообращения	0,518	0,516	70,1	72,0
Болезни органов дыхания	0,069	0,072	66,2	65,9
Болезни органов пищеварения	0,026	0,027	62,7	63,6
Внешние причины	0,141	0,127	44,3	43,2
Прочие и неустановленные причины	0,046	0,047	39,4	40,2

Источник: расчеты автора по данным РосБРИС.

Таблица 4

Структура смертности женщин Коми АССР и РСФСР по причинам, 1988–1989 гг.

Группа причин смерти	Вероятность умереть от данной причины		Средний ожидаемый возраст смерти	
	Коми АССР	РСФСР	Коми АССР	РСФСР
Все причины	1,000	1,000	73,1	73,4
Инфекционные и паразитарные болезни	0,005	0,005	53,5	38,1
Новообразования	0,121	0,135	66,3	66,8
Болезни системы кровообращения	0,722	0,711	77,9	79,4
Болезни органов дыхания	0,040	0,044	71,0	70,4
Болезни органов пищеварения	0,025	0,022	68,5	70,0
Внешние причины	0,052	0,043	53,0	53,0
Прочие и неустановленные причины	0,036	0,040	35,6	44,7

Источник: расчеты автора по данным РосБРИС.

(на 2,4 года), новообразования (на 2,2 года). В то же время значительно снизился средний возраст смерти от прочих и неустановленных причин, но их вклад составлял всего около 3,6 %.

Заключение

Анализ структуры смертности в Коми АССР и РСФСР за 1969–1970 и 1988–1989 гг. позволил выявить некоторые особенности эпидемиологического перехода в Коми АССР. Во-первых, в 1970-е и 1980-е гг., несмотря на замедление перехода, продолжалось сокращение смертности от внешних причин и инфекционных болезней, особенно среди мужчин. Во-вторых, на протяжении всего периода у обоих полов в Коми АССР была повышенной вероятность смерти от внешних причин. Даже позднесоветская антиалкогольная кампания не смогла полностью нивелировать эти различия. В-третьих, к концу советского периода в Коми АССР эпидемиологический переход не был завершен, о чем свидетельствуют как распределение вероятности смерти от различных причин, так и средний возраст смерти по причинам. Полученные результаты обогащают понимание эпидемиологического перехода в России особенностями перехода в северной полиэтнической ресурсодобывающей республике.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме № FUUU-2025-0026 «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX вв.».

Acknowledgements

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic “State policy for the development of the European North of Russia: actual problems of socio-political, economic, socio-cultural and demographic history in the XVI–XX centuries” (No. FUUU-2025-0026).

Список источников

Андреев, Е. М., Вишневский, А. Г., Шабуров, К. Ю. (1986). Продолжительность жизни и причины смерти. В *Демографические процессы и их закономерности* (с.110–130). Москва: «Мысль», 191.

Безносова, Н. П. (2013). Динамика и размеры младенческой смертности в Республике Коми в 1921–1990 гг. *Историческая демография*, 2 (12), 37–40.

Безносова, Н. П. (2014). Население Республики Коми в годы Второй мировой войны (1939–1945). Саарбрюкен : LAP LAMBERT, 75.

Вишневский, А. Г. (2014). Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция. *Демографическое обозрение*, 1 (4), 5–40. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1801>

Вишневский, А. Г. (2020). Эпидемиологический переход и его интерпретации. *Демографическое обозрение*, 7 (3), 6–50. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11635>

Вишневский, А. Г. и др. (2006). *Демографическая модернизация России: 1900–2000*. Москва: Новое издательство, 601.

Исупов, В. А. (2017). Эпидемиологический переход в России: взгляд историка. *Демографическое обозрение*, 3 (4), 82–92. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3207>

Лыткина, У. В. (2025). Ведущие причины смерти населения Коми АССР в 1940–1980-е годы. *Факторы и механизмы демографического развития* (с. 93–103). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 832. <https://doi.org/10.17059/udf-2025-1-9>

Омран, А. Р. (2019). Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя. *Демографическое обозрение*, 6 (1), 177–216. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i1.9117>

Фаузер, В. В. (2023). *Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение*. Ижевск: ООО «Принт», 308.

Фаузер, В. В., Рожкин, Е. Н., Загайнова Г. В. (2001). Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 124.

Школьников, В. М. (2021). Анатолий Григорьевич Вишневский и его демографическая система. *Демографическое обозрение*, 8 (1), 6–15. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i1.12391>

References

Andreev, E. M., Vishnevsky, A. G., & Shaburov, K. Yu. (1986). Life expectancy and causes of death. In *Demograficheskie processy i ih zakonomernosti [Demographic processes and their patterns]* (pp. 110–130). Moscow: Mysl, 191. (In Russ.)

Beznosova, N. P. (2013). Dynamics and sizes of infant mortality in the Komi Republic in 1921–1990. *Istoricheskaya demografiya [Historical demography]*, 2 (12), 37–40. (In Russ.)

Beznosova, N. P. (2014). *Naselenie Respubliki Komi v gody Vtoroj mirovoj vojny (1939–1945) [Population of the Komi Republic during the Second World War (1939–1945)]*. Saarbrücken: LAP Lambert, 75. (In Russ.)

Fauzer, V. V. (2023). *Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie [The Komi Republic at the Turn of the Century: demography, migration, settlement system]*. Izhevsk: OOO «Print», 308. (In Russ.)

Fauzer, V. V., Rozhkin, E. N., & Zagaynova G. V. (2001). *Respublika Komi v XX veke: demografiya, rasselenie, migratsiya [The Komi Republic in the 20th century: demography, settlement, migration]*. Syktyvkar: Komi SC UB RAS, 124. (In Russ.)

Isupov, V. A. (2017). The epidemiological transition in Russia: historical sight. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 3(4), 82–92. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3207> (In Russ.)

Lytkina, U. V. (2025). [The leading causes of death of the population of the Komi ASSR in the 1940s–1980s. In *Faktory i mekhanizmy demograficheskogo razvitiya [Factors and Mechanisms of Demographic Development]* (pp. 93–103). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 832. <https://doi.org/10.17059/udf-2025-1-9> (In Russ.)

Omran, A. R. (2019). The epidemiologic transition theory revisited thirty years later. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 6(1), 177–216. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i1.9117> (In Russ.)

Shkolnikov, V. M. (2021). Anatoly Grigorievich Vishnevsky and his demographic system. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 8(1), 6–15. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i1.12391> (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (2014). Mortality in Russia: the second epidemiologic revolution that never was. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 1(4), 5–40. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1801> (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (2020). Epidemiologic transition and its interpretations. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 7(3), 6–50. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11635> (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. et al. (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii: 1900–2000 [Demographic modernization of Russia: 1900–2000]*. Moscow: New Publishing House, 601. (In Russ.)

Лыткина Ульяна Владимировна — младший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-4875-6929> (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: ulytkina@yandex.ru).

Uliana V. Lytkina — Junior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS”; <https://orcid.org/0000-0002-4875-6929> (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: ulytkina@yandex.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.624.067

JEL classification: J12, R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-1-10>

Траектории изменения семейной структуры населения в Якутии за 1970–2020 годы: историко-демографический аспект¹

Ю.А. Потанина^а, А.С. Барашкова^б

^а Московский государственный университет (г. Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-0072-3183>

^б Северо-Восточный федеральный университет (г. Якутск, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-3397-5547>

Автор для корреспонденции: Ю.А. Потанина (yu_potanina@mail.ru)

Аннотация. Трансформационные процессы семьи в период между переписями 1970 и 2020 годов расширяют круг исследовательских задач. Среди них особую значимость приобретает изучение структурных характеристик семей, которые представляются результатом переплетения исторических и демографических процессов. В статье с использованием историко-демографического подхода рассматриваются сдвиги и основные причины изменения семейной структуры населения в региональном разрезе. Приоритетной целью стал анализ ситуации в Якутии в сравнении с другими территориями Российской Федерации. В сочетании методов анализа и синтеза, сравнения и обобщения делается вывод, что специфика количественных и качественных показателей семейной структуры населения Якутии является следствием наложения черт традиционной и современной поведенческих моделей населения на фоне ограниченного человеческого ресурса. По мнению авторов, меняющаяся структура семей потребует внесения изменений в семейную политику в интересах развития традиционной модели. Выводы могут быть использованы при реализации мер национального проекта «Семья». Дальнейшие исследования будут направлены на поколенческий и этнический аспекты в территориальном разрезе.

Ключевые слова: семейная структура населения; дети; многодетность; тип семьи; Якутия.

Changing Trajectories of Population Family Structure in Yakutia between 1970 and 2020 Censuses: Historical and Demographic Aspect

^а Yu. Potanina, ^б A. Barashkova

^а Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-0072-3183>

^б North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-3397-5547>

Corresponding author: Yu. Potanina (yu_potanina@mail.ru)

Abstract. The transformations occurred to the family between 1970 and 2020 censuses expand the boundaries of family research. A special importance is given to structural characteristics of families which seem to result from interlacing of historical and demographic processes. In the article we apply historical and demographic approach to consider the shifts and basic reasons of family structural change based on regional analysis. The priority consideration is given to the situation in Yakutia, which is compared with that in other territories of the Russian Federation. Based on the combination of the analysis and synthesis, comparison and generalization we conclude that quantitative and quality indicators of family structure in Yakutia have been resulted from combined traditional and modern behavioral family models. The changing family structure will

¹ © Потанина Ю. А., Барашкова А. С. Текст. 2026.

require making necessary changes to family policy taking into account the development of traditional model. Family policy recommendations can be used for implementing the measures of the National Family Project. Future research will focus on territorial peculiarities of intergenerational and ethnic aspects.

Keywords: population family structure, children, number of children, family type, Yakutia.

Введение

В современных условиях, когда решение демографических проблем в России обретает статус общенациональной задачи, поддержка семей с детьми признана как фундаментальный нравственный выбор¹. Тем более что именно семья оказалась наиболее стабильной общностью людей в нашей стране (Голод, 2012), основные характеристики которой выдержали испытание и прошли неизменными через призму всех исторических событий. Накопление, нарастание неблагоприятных демографических тенденций в течение жизни последних трех-четырёх поколений вне зависимости от места их проживания — следствие кризисных явлений в семье. Для вектора семейной трансформации большое значение имеет определение нормы в семейных отношениях, а от условий жизнедеятельности семьи зависят скорость и степень ее трансформационных изменений. Изучение количественных структурных характеристик отражает качественные изменения, произошедшие в семейной структуре за последние полвека.

Обзор литературы

В исследовательских работах, посвященных демографическим и социологическим аспектам семейных отношений, признается, что семья — это «своеобразный ступок, поле взаимодействия демографических процессов» (Волков, 1986), в свою очередь зависящих от силы влияния элементов внешней и внутренней среды семьи (Кузьмин, 1996). Среди них — баланс отношений между государством и семьей (Харчев, Мацковский, 1978), отчуждение поколений в самих семьях (Попов, Попов, 1988), степень адаптации семей к переменам (Чернейко и др., 1996; Римашевская, 2004). Не последнюю роль играет, видимо, неприкрытое внедрение неолиберальных моделей поведения в сферу брачно-семейных отношений (Антонов, 2020; Синельников, 2018).

Существенное влияние на жизнедеятельность семьи оказало и такое противоречие, как проблема возможности гармоничного совмещения профессиональной и семейной деятельности женщин. Современные ориентиры в этой сфере, на которые опираются семьи в своем выборе, могут приводить к ослаблению контроля за поведением детей и ухудшением их воспитания, являясь одной из основных причин снижения рождаемости. Они создают также ряд других проблем в жизнедеятельности современной, особенно городской семьи. Под влиянием этих факторов неизбежно ослаблялись те силы, которые обеспечивали прочность и незыблемость старой семьи (Лапин, 2010). Силы же, призванные скрепить новую семью, — любовь, долг, ответственность — далеко не всегда и везде успевали заполнить тот вакуум, который создавался в результате уничтожения или отступления старого (Мареева, 2013). В конечном итоге

¹Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 года. Сайт Президента России <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 29.02.2024)

происходило размывание традиционных и, прежде всего, структурных характеристик семьи как необходимого ориентира для человека. Возврат базового ориентира возможен при возрождении идеала семьи на государственном уровне, но в современной оболочке, для этого необходимо отходить от попыток изменить или подменить традиционные отношения, приспособив их к современным реалиям. В данном контексте поиск ответа на вопрос «Какими были семьи хотя бы полвека тому назад»? находится в исторической демографии.

Материалы и методы

Методологической основой нашего видения истории демографического развития семей является их тесная взаимосвязь с демографическими процессами в регионах страны. Целью статьи является определение траекторий и ключевых причин динамики семейной структуры населения в разных регионах России. Сравнительный анализ проведен на материалах переписей населения 1970 и 2020 годов. С историко-демографической позиции 1970 г. — в аккумулированном виде временной срез жизнедеятельности условного поколения прародителей, 2020 г. — условного поколения внуков. На материалах переписей населения 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 и 2020 годов прослежена ситуация в Якутии — субъекта Российской Федерации, в котором, особенно в сельской местности, сохранились скрепы семейного образа жизни и, как результат, очаги многодетности. Интерес к предмету исследования обусловлен также отсутствием публикаций, посвященных данной структурной характеристике населения Якутии за полувековой период.

Результаты

На примере общих показателей рассмотрим реакцию семей на неоднократно изменявшиеся условия жизни на протяжении полувекового периода. Из данных таблицы 1 видно, что в среднем по России число семей за 1970–2020 гг. увеличилось на 17,8 %. Из литературных источников известно, что за 1959–1978 гг. этот прирост составлял 28,7 % (Волков, 1986, с. 53), т. е. налицо спад показателя и прежде всего за счет неблагоприятной ситуации в российских селах. Особенности динамики числа семей касаются не только различий в общих темпах их роста (снижения), но и перераспределения семей между городом и селом. В ряду выбранных территорий наиболее высокие темпы роста наблюдались в Якутской АССР, где в те времена шло активное очаговое промышленное освоение.

Сводным показателем произошедших изменений семейной структуры населения является средняя величина семьи. Ожидаемая тенденция — снижение среднего размера семьи. Примечателен факт абсолютного сходства данного количественного показателя по России в целом и Дальнему Востоку за полувековой период: 3,5 человека в 1970 г., 3,1 — в 2020 г. Причем для рассматриваемых территорий средняя величина семьи одинакова как по городской (3,4), так и по сельской семье (3,8), соответственно по годам. Анализ данных показывает, что если в 1970 г. наблюдался большой разброс показателя: от 3,2 человека в Москве до 4,7 человека в сельских семьях Якутской АССР, то к 2020 г. произошло заметное сближение показателя. Крайние величины таковы: 3,0 (городские семьи Российской Федерации и Дальневосточного ФО) и 3,8 (вновь сельская семья Якутии).

Таблица 1

Динамика общих показателей семейной структуры населения за 1970—2020 гг.

Территория*	Все население	Городское население	Сельское население
Темпы прироста (убыли) числа семей, ±%			
РСФСР	17,8	39,3	–19,6
Москва и городские поселения, подчиненные Московскому горсовету	54,0	54,0	—
Дальневосточный район	46,4	48,2	41,6
Якутская АССР	67,5	84,0	40,3
Темпы прироста (убыли) численности семейного населения, ±%			
РСФСР	2,6	23,1	–29,5
Москва и городские поселения, подчиненные Московскому горсовету	56,4	56,4	—
Дальневосточный район	28,2	30,6	22,4
Якутская АССР	46,8	72,9	14,8

*Здесь и далее название территории дано в формулировке программы Всесоюзной переписи населения 1970 г.

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Том VII (1974). Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях. Москва: Статистика. С. 206–207, 208–209, 218–219. Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 8: Число и состав домохозяйств. Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 20.01.2025).

Выявленная общая траектория динамики среднего размера семьи расценивается нами как следствие сдвигов в числе семей и численности семейного населения. За рассматриваемый период повсеместно наблюдается прирост как числа семей, так и численности семейного населения (табл. 1). Отличия темпов по территориям зависят от исходной численности населения и семей в них, в частности, слабой заселенности в 1970 г. Дальнего Востока в целом, Якутии, в частности. Характер наблюдаемых сдвигов численности семейного населения определяется уровнем урбанизации, что говорит о привлекательности городов для жизни семей. Яркий пример тому — г. Москва. Темпы прироста численности городских семейных жителей в Дальневосточном регионе (включая Якутию) также превышают темпы прироста численности сельского семейного населения. Учет динамики численности всего населения данных субъектов, в силу активного участия одиноких в миграционных процессах, возможно, привел бы к иным результатам. Отсутствие полной достоверной информации не позволяет определить и роль брачности как главного фактора создания семьи, условия прироста численности семейного населения.

Изучение изменений семейного состава населения регионов вызывает необходимость оценки семей по их величине. Анализ динамики распределения семей по числу членов в них показал, что полвека тому назад повсеместно в условном поколении прародителей (1970 г.), численно преобладали семьи, в составе которых совместно проживали три человека (рис. 1). Порядок распределения семей последующих размеров имел некоторые расхождения. В результате произошедших разнонаправленных изменений структура семей условного поколения внуков по числу

членов в них стала выглядеть иначе. Произошел резкий рост числа двучленных семей, и в результате в 2020 г. пальма первенства в семейной структуре стала принадлежать именно этой группе семей. Затем по нисходящей следуют семьи последующих размеров.

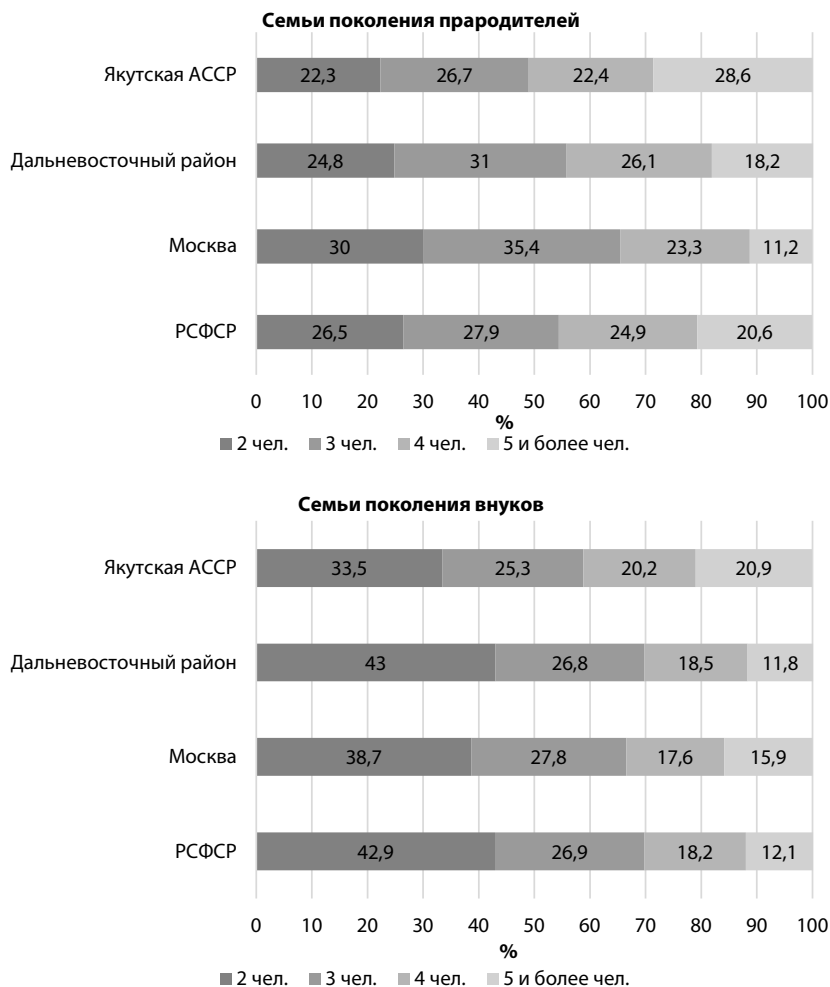

Рис. 1. Распределение семей поколений прародителей и внуков по числу совместно проживающих в них членов, % (источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. VII (1974).

Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях. Москва: Статистика. С. 206–207, 208–209, 218–219. Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 8: Число и состав домохозяйств. Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozajstv (дата обращения: 20.01.2025))

Полагаем, что выявленное общее распределение и сдвиги в относительной численности семей разной величины за 1970–2020 гг. характерны и для городских семей. Имеющаяся информационная база позволяет выявить беспрецедентный прирост абсолютной численности больших семей в Москве за 1970–2020 гг. Данный феномен может быть объяснен активным притоком семейных групп из других субъектов страны и ближнего зарубежья, в которых сбережены традиции многодетности. Скачок без сомнения произошел на фоне малой исходной численности больших семей.

Отдельного рассмотрения заслуживают сельские семьи, которые, несмотря на весьма долговременную неблагоприятную ситуацию, воспринимаются нами как база укрепления демографического потенциала страны в будущем, плацдарм успешной реализации мер национального проекта «Семья». Оптимизм такого мнения основан на результатах исследований в России, в которых подчеркивается, что именно в сельских семьях кроются истоки выхода нашей страны из демографического кризиса, в них сохранены семейные традиции и ценность детей, поддерживаются межпоколенческие отношения (Пациорковский, 2008; Римашевская и др., 2015, с. 87–94; Сукнева & Барашкова, 2016).

В 1970 г. в сельской местности проживало 37,9 % постоянного населения РСФСР, 28,6 % жителей Дальнего Востока и 43,6 % якутян, в 2020 г. — 25,2 %, 26,4 % и 33,2 %¹ соответственно. Приведенные выше сдвиги по сельским семьям (табл. 1) вызваны убылью больших семей и накоплением малых по размеру семей. Из данных таблицы 2 видна практически одинаковая траектория изменения доли сельских семей, состоящих из двух человек в среднем по стране и Дальнему Востоку. Между тем темпы прироста их абсолютной численности существенно различаются от сравнительно умеренных по стране до 1,5-кратного роста в Дальневосточном районе и Якутской АССР. Четко видно, что сходство ограничивается лишь траекторией и масштабами роста как абсолютного, так и относительного числа двучленных семей, что вызвано сознательным или вынужденным регулированием деторождений, процессом нуклеаризации семей. Демографические факторы данного явления в Якутии — высокий уровень разводимости и внебрачной рождаемости. Вместе с тем здесь же наблюдается положительная динамика в численности крупных по размеру семей, что свидетельствует о сохранении черт традиционной семьи. Полагаем, что в распределении семей поколения внуков отразилось и косвенное влияние миграции, которая по интенсивности не сопоставима с притоком мигрантов-одиночек или членов малых по размеру семей в советский период.

Основой динамики числа семей по их величине является число детей. По данным переписи населения 1970 г., условно в поколении прародителей, 20,4 % семей РСФСР, состоящих из двух и более человек, не имели детей в возрасте 18 лет и моложе, в том числе 19,7 % городских и 21,8 % сельских семей. В условном поколении внуков, т. е. в 2020 г., значительно возрос удельный вес бездетных семей, соответственно и число членов в них. В данную группу семей в Москве входит каждая вторая (56,3 %): в контексте вышесказанного можно предположить, что многие семьи

¹ Составлено авторами по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Том VII (1974). Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях. Москва: Статистика. С. 186, 194; https://rosstat.gov.ru/vpn_popul. (дата обращения: 20.01.2025)

Таблица 2

Динамика относительного и абсолютного числа сельских семей по их величине за 1970–2020 гг.

	Число членов семьи (человек)				Прирост (убыль) числа семей, состоящих из (человек), 2020 г./1970 г.±%			
	2	3	4	5+	2	3	4	5+
РСФСР	<u>26,5</u> 42,9	<u>27,9</u> 26,9	<u>24,9</u> 18,2	<u>20,6</u> 12,1	90,4	13,3	–13,9	–31,1
Дальневосточный район	<u>24,8</u> 43,0	<u>31,0</u> 26,8	<u>26,1</u> 18,5	<u>18,2</u> 11,8	153,8	26,7	3,6	–5,2
Якутская АССР	<u>22,3</u> 33,5	<u>26,7</u> 25,3	<u>22,4</u> 20,2	28,6 20,9	151,7	58,7	51,5	22,5

*В числителе дроби — распределение семей в поколении прародителей, в знаменателе — распределение семей в поколении внуков.

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. VII (1974). Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях. Москва: Статистика. С. 206–207, 208–209, 218–219. Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 8: Число и состав домохозяйств. Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domochozajstv (дата обращения: 20.01.2025)

мигрантов переехали в столицу с совершеннолетними детьми. Уровень бездетности в Дальневосточном ФО близок к среднему показателю по стране: 44,9 % и 48,3 % соответственно, а в Якутии 33,8 %. Нужно учитывать и тот факт, что бездетность фиксируется для данной семьи на момент переписи, а ведь могли быть и другие состояния этой же семьи. Феномен бездетности ученые связывают с регулированием деторождений в семьях и временем «существования самой семьи. Дети вырастают, и многие уже в достаточно молодом возрасте покидают родительскую семью» (Ростовская & Кучмаева, 2024, с. 66). Полагаем, что среди бездетных преобладают молодые супруги, в жизненных планах которых рождение первенца отложено на неопределенный срок. Влияние сдвигов в календаре деторождений у супругов, а также частое проживание детей старше 18 лет с родителями без создания собственной семьи (Прокофьева & Корчагина, 2023, с. 14–16) отражаются, видимо, в представленности крупных по размеру бездетных семей.

Более детальный анализ бездетности по территориям не входит в предмет исследования данной статьи, отметим лишь, что процесс роста числа бездетных семей РФ к 2020 г. закономерно вызвал почти двукратное снижение доли семей с детьми моложе 18 лет. При этом 65,2 % семей страны с несовершеннолетними детьми имели только одного ребенка, двух детей — 28,2 %, трех и более детей — менее 7 % семей. В столице России доля однодетных семей равна 72,5 %, двухдетных — 24,1 % и лишь 3,4 % семей являются многодетными. Как и предполагалось, исходя из предыдущего анализа, структура семей по числу детей Дальневосточного ФО наиболее близка общему распределению, а Республики Саха (Якутия) — наоборот. Итак, современные российские семьи преимущественно однодетные. Однако расклад числа детей по семьям разной величины выявляет как сходные, так отличные черты по регионам (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение семей разной детности в зависимости от их доли
в семьях различной величины в 2020 г.**

	Число детей	Из общего числа семей — семьи, состоящие из (человек)				
		2	3	4	5	6 и более
Российская Федерация	один	14,8	50,1	23,8	8,5	2,8
	два	0,4	9,5	63,2	16,1	10,8
	три и более	0,0	0,8	6,6	40,8	51,7
г. Москва	один	17,4	41,0	27,5	10,1	4,0
	два	0,4	10,4	55,3	19,6	14,3
	три и более	0,0	1,3	9,3	36,6	52,8
Дальневосточный федеральный округ	один	17,2	55,3	19,8	6,1	1,7
	два	0,6	11,9	65,8	14,3	7,5
	три и более	0,0	1,2	8,3	44,7	45,9
Республика Саха (Якутия)	один	17,7	52,9	19,2	7,3	2,9
	два	0,3	11,1	62,1	16,3	10,3
	три и более	0,0	0,3	5,9	42,1	51,7

Источник: Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 8: Число и состав домохозяйств. Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации. <https://rosstat.gov.ru/folder/179476> (дата обращения: 20.01.2025).

Предложенное сочетание числа детей и семей разного размера позволяют определить демографический тип семьи. Для примера рассмотрим двухдетные семьи Дальневосточного ФО. Цифра 65,8 % по ряду на пересечении со столбцом, объединяющим семьи, состоящие из четырех человек, показывает, что в данной ячейке расположены полные нуклеарные семьи. В ячейках по ряду, расположенных слева от 65,8 %, размещены неполные нуклеарные семьи, а в ячейках справа — сложные семьи с разными вариациями по составу членов. Удельный вес двухдетных полных нуклеарных семей в Якутии чуть ниже (62,1 %), зато здесь выше доля семей большего размера и сложного состава.

Обсуждение

В этой связи последующий краткий анализ будет посвящен изменениям количественного и качественного состава семей Якутии. Численное преимущество однодетных городских семей на все моменты переписей населения позволяет семьям указанной детности занимать пальму первенства на республиканском уровне. Из данных рис. 2 можно наблюдать траектории изменения числа семей разной детности. Видно, что наименьшие перепады относительного числа характерны для городских семей с двумя детьми, наиболее заметные — для сельских многодетных семей. За полувековой период доля сельских семей с тремя и более детьми сократилась с 50,8 % до 32,2 %, т. е. если в 1970 г. каждая вторая сельская семья Якутии была многодетной, то в 2020 г. — только каждая третья.

За полвека на фоне ограниченного человеческого ресурса произошел спад не только доли, но и абсолютной численности сельских многодетных семей (на 42,0 %). Ранее было показано, что коренной перелом в перераспределении

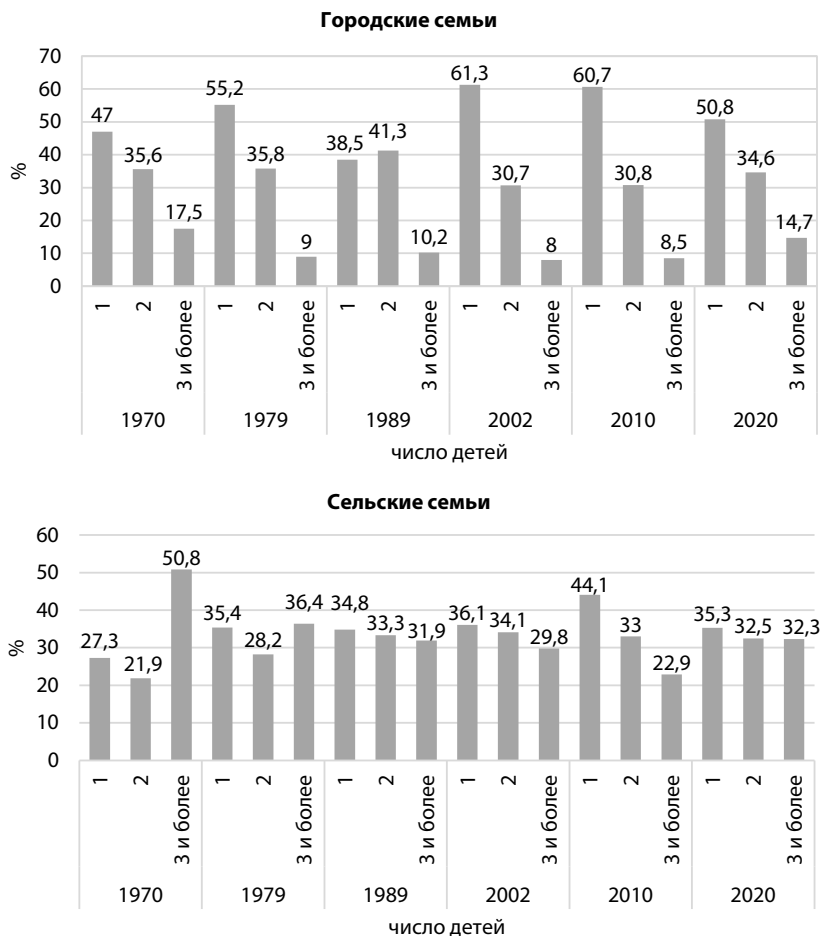

Рис. 2. Динамика числа семей с детьми в Якутии за 1970–2020 годы, %
(составлено авторами по данным переписей населения 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 и 2020 гг.)

числа семей с детьми в Якутии — переход к малодетности — произошел в 70–80-х годах первоначально в городах и с временным лагом примерно в 20 лет — на селе (Барашкова & Винокурова, 1994, с. 21–22), т. е. это был вполне прогнозируемый процесс, расширяющийся по территории, углубляющийся по сути. В условиях перехода экономики Якутии к рыночным отношениям модель малодетности стала привлекательна и для сельских жителей.

Заметим, что присвоение семье с четырьмя и более детьми статуса многодетной в 1993 г.¹ в демографическом отношении не имело эффекта даже

¹ Указ Президента Республики Саха (Якутия) «О статусе многодетной семьи» от 14 октября 1993 года № 576. Портал правовой информации <https://www.legislation.su/ru/r14/id17711/> (дата обращения: 20.01.2026)

в сельской местности. В то же время наши немногочисленные исследования, результаты которых еще не опубликованы, свидетельствуют о непринятии отдельных технологий ювенальной юстиции, они воспринимаются социумом как навязывание модели малодетности, даже чайдфри. В целом на фоне общей ситуации в стране можно предположить, что Якутия на данный момент — регион, в котором сосуществуют три семейных типа: традиционный, детоцентристский и супружеский (Голод, 2012, с. 20).

Абсолютное большинство многодетных семей объективно сконцентрировано в составе крупных по современным представлениям семей, состоящих из пяти и более человек (табл. 4). При этом ситуация по всем семьям и семьям с несовершеннолетними детьми разного демографического типа несколько различается. Лишь 16,3 % городских и 31,0 % сельских семей являются членами крупных семейных ячеек, а среди многодетных — 88,0 % и 93,5 %.

Для всех нуклеарных полных семей характерно почти такое же соотношение, в то же время многодетные семьи данного демографического типа полностью живут в составе крупных по размеру семей, хотя процент всех семей с детьми, особенно в городских поселениях, относительно мал. Представленный расклад многодетных семей косвенно свидетельствует об аккумуляции разноплановых проблем именно в этой группе семей, требующих решения.

В целом Республика Саха (Якутия) относится к регионам сравнительно активной семейной политики, результаты которой стали более очевидными в последнее десятилетие, когда особое внимание стало уделяться всем сферам жизни

Таблица 4

**Распределение семей с детьми, входящих в состав крупных семейных ячеек
разного демографического типа, в Якутии, 2020 г., %**

Демографический тип семьи	Городские	Сельские	Демографический тип семьи	Городские	Сельские
Все семьи	16,3	31,0	в том числе многодетные	100,0	100,0
из них с детьми моложе 18 лет	22,9	50,6	Нуклеарная неполная	2,0	5,8
в том числе многодетные	88,0	93,5	из них с детьми моложе 18 лет	3,1	9,9
Нуклеарная полная	16,9	36,8	в том числе многодетные	26,6	39,2
из них с детьми моложе 18 лет	28,1	58,4	Сложная неполная	20,8	37,6
в том числе многодетные	100,0	100,0	из них с детьми моложе 18 лет	24,4	46,2
Сложная полная	87,7	95,0	в том числе многодетные	100,0	100,0
из них с детьми моложе 18 лет	100,0	100,0	—	—	—

Источник: Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 8: Число и состав домохозяйств. Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации. <https://rosstat.gov.ru/folder/179476> (дата обращения: 20.01.2025).

семей, проживающих не только в сельских, но и в городских поселениях¹. На наш взгляд, для успешной реализации направлений национального проекта «Семья» необходим учет моделей развития традиционной семьи на базе комплексных научных исследований в районах, где проживает большинство многодетных семей и незначителен миграционный отток. При этом важно опираться на опыт, знания старшего поколения, учитывать устремления молодых.

Заключение

Выявлено, что траектории изменения показателей семейной структуры двух условных поколений в исследуемых регионах за полувековой период в целом сходны, отличия касаются масштабов динамики. Акцент был сделан на анализе ситуации в Якутии. Определено, что количественные сдвиги в семейной структуре населения республики вызваны ростом числа однодетных городских и сельских семей. Установлен временной рубеж перехода к малодетности (70–80-е гг.): первоначально в городах и с временным лагом примерно в 20 лет — на селе. Подчеркнута предсказуемость современных, в некотором смысле нежелательных для малонаселенной республики поведенческих моделей населения, распространенный характер которых со временем проявился по территориям. Подчеркнуто, что для успешной реализации направлений национального проекта «Семья» необходим учет моделей развития традиционной семьи на базе комплексных научных исследований в районах, где проживает большинство многодетных многопоколенных семей и незначителен миграционный отток. Возможные направления дальнейших исследований касаются поколенческого и этнического аспектов трансформации семьи в территориальном разрезе.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FSRG-2026-0009).

Acknowledgements

The research was carried out as part of a state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project № FSRG-2026-0009).

Список источников

Антонов, А. И. (2020). Крах объяснительных схем демографического перехода. В *Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности: Десятые Валентеевские чтения: Сборник докладов* (с. 16–23). М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 880.

Барашкова, А. С., Винокурова, Т. З. (1994). Современная семья в Республике Саха (Якутия). Якутск: Якутский филиал издательства СО РАН, 128.

Волков, А. Г. (1986). Семья — объект демографии. М.: Мысль, 271.

Голод, С. И. (2012). Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15 (2), 20–38.

Кузьмин, А. И. (1996). Концептуальные подходы к исследованию жизнедеятельности семьи. *Семья в России*, 1, 14–30.

¹ Николаев А.С. Семья — это главная ценность в жизни человека и важнейший оплот государства. <https://yakutsk.bezformata.com/listnews/yakutii-semya-eto-glavnaya/131543635/> (дата обращения: 04.02.2026)

Лапин, Н. И. (2010). Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов. *Социологические исследования*, 1, 28–36.

Мареева, С. В. (2013). Динамика норм и ценностей россиян. *Социологические исследования*, 7, 120–130.

Пациорковский, В. В. (2008). Многопоколенная семья — основа демографического развития. *Россия и современный мир*, 3(60), 194–209.

Попов, Б. Н., Попов, В. Б. (1988). Современные проблемные ситуации при создании семьи. *Семья у народов Северо-Востока СССР: сборник научных статей* (с. 51–65). Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 105.

Прокофьева, Л. М., Корчагина, И. И. (2023). Демографическая структура семей и домохозяйств в России, ее динамика по данным переписей населения. *Демографическое обозрение*, 10(2), 4–17, <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17763>

Римашевская Н. М. и др. (2015). *Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. Коллективная монография*. М.: Экон-Информ, 318.

Римашевская, Н. М. (2002). Семья в странах с переходной экономикой. *Народонаселение*. 4, 5–18.

Ростовская, Т. К., Кучмаева, О. В. (2024). Демографическая структура семьи: генезис методологического подхода. *Женщина в российском обществе*, 1, 56–74. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.4>

Синельников, А. Б. (2018). Семья и брак: кризис или модернизация? *Социологический журнал*, 24(1), 95–113, <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>.

Сукнёва, С. А., Барашкова, А. С. (2016). Семья и дети в системе жизненных ценностей населения Якутии. *Регион: Экономика и Социология*, 3(91), 98–117, <https://doi.org/15372/REG20160305>

Харчев, А. Г., Мацковский, М. С. (1978). Современная семья и ее проблемы (социально-демографическое исследование). М.: Статистика, 223.

Чернейко, Д. С., Клупт, М. А., Перекрест, В. Т., Хачатурова, Т. В. (1996). Адаптация к переменам: семья и рынок труда. *Российский демографический журнал*, 1, 40–45.

References

Antonov, A. I. (2020). Krakh ob“iasnitel’nykh skhem demograficheskogo perekhoda [The collapse of explanatory schemes of demographic transition]. In *Strategicheskie zadachi demograficheskogo razvitiia: priority i regional’nye osobennosti: Desiatye Valenteevskie chteniia: Sbornik dokladov [Strategic tasks of demographic development: Priorities and regional features: Tenth Valentei Readings: Collection of reports]* (pp. 16–23). Moscow: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 880. (In Russ.)

Barashkova, A. S., & Vinokurova, T. Z. (1994). *Sovremennaiia sem’ia v Respublike Sakha (Iakutiia) [Modern family in the Republic of Sakha (Yakutia)]*. Yakutsk: Yakutsk branch of the Publishing House SB RAS, 128. (In Russ.)

Chernelko, D. S., Klupt, M. A., Perekrst, V. T., & Khachaturova, T. V. (1996). Adaptation to changes: Family and labor market. *Rossiiskii demograficheskii zhurnal [Russian Demographic Journal]*, (1), 40–45. (In Russ.)

Golod, S. I. (2012). The family: procreation, hedonism, homosexuality. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 15(2), 20–38. (In Russ.)

Kharcher, A. G., & Matskovskii, M. S. (1978). *Sovremennaiia sem’ia i ee problemy (sotsial’no-demograficheskoe issledovanie) [The modern family and its problems (A socio-demographic study)]*. M.: Statistics, 223. (In Russ.)

- Kuz'min, A. I. (1996). Conceptual approaches to the study of family life activity. *Sem'ia v Rossiia [Family in Russia]*, (1), 14–30. (In Russ.)
- Lapin, N. I. (2010). Functionally orienting clusters of basic values of the population of Russia and its regions. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (1), 28–36. (In Russ.)
- Mareeva, S. V. (2013). Dynamics of norms and values of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (7), 120–130. (In Russ.)
- Patsiorkovskii, V. V. (2008). Multi-generation family as a base for demographic growth. *Rossii i sovremennyi mir [Russia and the Contemporary World]*, 3 (60), 194–209. (In Russ.)
- Popov, B. N., & Popov, V. B. (1988). Contemporary problem situations in family formation. In *Sem'ia u narodov Severo-Vostoka SSSR: sbornik nauchnykh statei [The family among the peoples of the North-East of the USSR: Collection of scientific articles]* (pp. 51–65). Yakutsk: Yakutsk Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 105. (In Russ.)
- Prokof'eva, L. M., & Korchagina, I. I. (2023). Demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population census data]. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 10(2), 4–17. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17763> (In Russ.)
- Rimashevskaiia, N. M. (2002). Family in countries with economies in transition. *Narodonaselenie [Population]*, (4), 5–18. (In Russ.)
- Rimashevskaiia, N. M., et al. (2015). *Nastoiashchee i budushchee sem'i v meniaiushchemsya mire: Kollektivnaia monografiia [The present and future of the family in a changing world: Collective monograph]*. Moscow: Ekon-Inform, 318. (In Russ.)
- Rostovskaiia, T. K., & Kuchmaeva, O. V. (2024). Demographic structure of the family: Genesis of the methodological approach. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve [Woman in Russian Society]*, (1), 56–74. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.4> (In Russ.)
- Sinel'nikov, A. B. (2018). Family and marriage: Crisis or modernization?. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, 24(1), 95–113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715> (In Russ.)
- Sukneva, S. A., & Barashkova, A. S. (2016). Family and children in the system of life values of the population of Yakutia. Region: Ekonomika i Sotsiologiia [Region: Economics and Sociology], 3(91), 98–117. <https://doi.org/10.15372/REG20160305> (In Russ.)
- Volkov, A. G. (1986). *Sem'ia — ob'ekt demografii [The family — Object of demography]*. Moscow: Mysl, 271. (In Russ.)

Барашкова Анастасия Спиридоновна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, <https://orcid.org/0000-0002-3397-5547> (Российская Федерация, 677013, г. Якутск, ул. Ойунского, 27; e-mail: anabar_sp22@mail.ru).

Потанина Юлия Аркадьевна — магистр государственного управления, ведущий специалист, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, <https://orcid.org/0000-0002-0072-3183> (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д.1; e-mail: yu_potanina@mail.ru)

Anastasia S. Barashkova - Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of Population Economics and Demography, North-Eastern Federal University in the name of M.K.Ammosov, <https://orcid.org/0000-0002-3397-5547> (27, Oyunsogo Str., Yakutsk, Russian Federation, 677013; e-mail: anabar_sp22@mail.ru)

Yulia A. Potanina — MPA, Leading Specialist, Lomonosov Moscow State University, <https://orcid.org/0000-0002-0072-3183> (1, Leninskiye gory, MSU, Moscow, Russian Federation, 119991; e-mail: yu_potanina@mail.ru)

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 33(09): 314(09): 94(470.57)

JEL classification: R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-1-11>

Роль демографических факторов в периодизации бизнеса (на примере купечества Уфы и Бирска XIX – начала XX веков)¹

М. И. Роднов

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия)

<https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

Автор для корреспонденции: М. И. Роднов (rodnov@ufacom.ru)

Аннотация. Изучение купечества Уфы и Бирска, городов на реке Белой, экономика которых базировалась на торговом судоходстве, позволяет установить цикличность в развитии среднего и крупного провинциального бизнеса. Примерно через каждые двадцать лет происходила смена лидеров местной торговли. Старые семейные кланы сходили со сцены, вперед выдвигались предприниматели из следующих поколений. Началом этого процесса можно считать 1830-е гг., когда стали использоваться коноводные машины (кабестаны) и начался вывоз на верхнюю Волгу дешевых массовых хлебных грузов. На цикличность влиял комплекс факторов, а наибольшая корреляция обнаруживается с развитием технического прогресса — от парового судоходства до финансовых инструментов. Эта цикличность четко просматривается в демографическом поведении купечества, которое полностью отражает смену поколений предпринимателей (от рождаемости, заключении брачных союзов до смертности).

Ключевые слова: демография; экономика; речное судоходство; купечество; Бирск; Уфа; Южный Урал.

The Role of Demographic Factors in the Periodization of Business (Based on the Example of the Merchants of Ufa and Birsik 19th – Early 20th Centuries)

M. Rodnov

Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia)

<https://orcid.org/0000-0001-7654-4782>

Corresponding author: M. Rodnov (rodnov@ufacom.ru)

Abstract. A study of the merchant classes of Ufa and Birsik, towns on the Belaya River whose economies were based on merchant shipping, reveals a cyclical pattern in the development of medium and large provincial businesses. Approximately every twenty years, local trade leaders shifted. Old family clans faded from the scene, and entrepreneurs from subsequent generations came to the fore. The beginning of this process can be considered the 1830s, when horse-drawn machines (capstans) came into use and cheap, bulk grain cargoes began to be exported to the upper Volga. A complex set of factors influenced this cyclical pattern, with the strongest correlation found with technological progress, from steamship shipping to financial instruments. This cyclical pattern is clearly evident in the demographic behavior of the merchant class, which fully reflects the succession of entrepreneurs (from birth and death rates to marriages).

Keywords: demography; economy; river navigation; merchants; Birsik; Ufa; Southern Urals

Введение

В мировой экономической науке давно признается цикличность процессов в историческом времени, различные теоретические концепции (длинные циклы конъюнктуры Н.Д. Кондратьева и другие) (Кондратьев, 1991) используются как удобный инструмент при изучении развития народного хозяйства. Много-

¹ © Роднов М. И. Текст. 2026.

факторность, как система в познании прошлого, предполагает комбинации различных факторов (Дьячков, 2002; Нефедов, 2005). Очевидно, что для анализа макропроцессов и исследований по микроистории желательнее применять разный инструментарий. В основе которого обязательно должно находиться накопление фактического материала.

Многолетнее изучение купечества двух соседних городов Уфимской губернии — столицы Уфы и уездного центра Бирска (Назмутдинова, 2012; Роднов, 2024) примерно с первой трети XIX и до начала XX вв. создало основу для теоретических обобщений, определения комбинации факторов, влиявших на развитие бизнеса, предпринимательских слоев (средних и крупных).

Признавая важность географии (оба города лежат на реке Белой, по которой шло движение товарных масс), общелокальной экономики (вывозной характер, отправка хлеба и леса), трансформации самого Российского государства, выделяются два в общем слабо изученных компонента — технический прогресс и демографическое поведение купечества.

Если материалы по Уфе опубликованы, то итоговая работа по бирскому купечеству к моменту подачи статьи находилась в процессе публикации, хотя ряд данных уже издан.

Материалы и методы

Основными материалами (источниками) для выводов стали коллекции метрических книг в уфимском архиве (Национальный архив Республики Башкортостан), где просмотрены сплошь все книги церковей Уфы и Бирска с конца 1830-х гг. и по 1916 г. (НА РБ. Архангельский собор; Пророко-Ильинская церковь; Свято-Троицкий собор; Михайло-Архангельская церковь), дополненные данными отчетности из фондов РГИА по Волжско-Камскому коммерческому и Государственному банкам.

В ходе исследований выявлен примерный начальный этап ускоренного развития купечества Уфы и Бирска — 1830-е гг. (в диапазоне с конца 1820-х и по начало 1840-х гг.). Именно с этого момента по реке Белой начался массовый вывоз зерна на Волгу. До этого, по данным Н.А. Кореевой за 1820 и 1822 гг., ни одного судна с хлебом с бельских пристаней не прошло мимо Казани, где находилась дистанция МПС с обязательной регистрацией всех мимопроходящих судов (Кореева, 2025, с. 88–91).

Именно начало массового вывоза хлебных грузов привело к быстрому росту численности купечества обоих городов. Сюда хлынули предприниматели со всей России, в Уфе доминировали уроженцы Ярославской губернии, в Бирске — Владимирской губернии (знаменитые вязниковские офени). Формируется значительный слой предпринимателей.

Суда с хлебом сплавлялись вниз по течению до устья Камы, где (в Лаишевском уезде) их брали на буксир. Раньше проводка барок вверх по течению Волги осуществлялась исключительно бурлацкой тягой, которые тянули суда с неглубокой осадкой вблизи берега и, соответственно, небольшой грузоподъемности. Перевозка массовых и дешевых грузов, в первую очередь зерна и муки, была нерентабельной (Истомина, 1982, 1991).

Но в 1823 г. французский механик Пуадебар предложил идею кабестана, конной машины. Лошади на кабестане крутили вал, к которому по канату

подтягивалось судно. Якорь с канатом забрасывался впереди на глубину. Кабестан, в отличие от бурлаков, шел по фарватеру, по глубине, и тянул баржи большой грузоподъемности. Теперь за кабестанами караваны судов с зерном шли вверх по Волге к Рыбинску, Нижнему Новгороду и другим речным пристаням.

С 1830-х гг. основной поток хлебных грузов из северной части Оренбургской (с 1865 г. Уфимской) губернии, который ранее гужевым транспортом отправлялся на север, на горные заводы Пермской губернии, теперь хлынул на Волгу.

Мощная вывозная (экспортная) торговля стала основой для формирования купечества Уфы и Бирска, а вторым направлением бизнеса были привоз в основном с Нижегородской ярмарки потребительских товаров, которые закупало преимущественно сельское население (только крестьяне окрестностей Бирска ежегодно зарабатывали на хлебной торговле до миллиона рублей).

С конца 1850-х гг. по Белой пошли паровые суда. Буксирное пароходство к 1880-м гг. вытеснило бурлаков и кабестаны. На речном флоте происходит стремительный технический прогресс, возрастают мощности двигателей, скорость доставки, от дров переходят к нефтяному топливу (почти проскочив стадию угля).

Эти факторы ускорили формирование многочисленного купечества Уфы и Бирска, который фактически стал своеобразной купеческой столицей края.

Результаты

Создание полноценной фактической картины развития купечества Уфы и Бирска привело к эмпирическим наблюдениям за сменой лидеров бизнеса, купеческих кланов, соотношений аборигенного и пришлого бизнеса. Например, в Уфе, после появления в 1888 г. железной дороги, с 1892 г. лидерами по обороту капиталов по безналичным счетам в Волжско-Камском банке становятся иногородние компании (филиалы крупнейших общероссийских фирм чаеоторговцев и металлургов).

В иной форме, на более «низком» уровне доминирование пришлых предпринимателей фиксируется и в Бирске. Бирск полностью подтверждает выделенную еще в трудах французских историков школы «Анналов» особую роль «меньшинств» в экономике, как «угнетенных» (евреи, старообрядцы, протестанты, мусульмане), так и приезжих (мигранты, беженцы). Оказавшиеся в новой обстановке, лишенные родственной поддержки, выходцы из Муромы и Вязников начинали «с нуля», упорным трудом пробивали дорогу наверх.

Накопленный фактический материал позволяет увидеть цикличность процессов. По моим наблюдениям, примерно через каждые 20 лет происходит смена лидеров бизнеса, новые семьи (кланы) купцов становятся крупнейшими экспортерами (хлеба и леса), открывают «передовые» магазины для горожан и сельчан.

Прослеживается такой ряд циклов: 1) 1830-е — 1860-е гг.: в судоходстве доминируют кабестаны, первый массовый наплыв «мигрантов» с кошельками, 2) 1860-е — начало 1880-х гг.: переход к паровому судоходству, создание современной банковской системы обслуживания бизнеса, 3) 1880-е — 1900-е гг.: «золотое Виттевское десятилетие», с 1895 по 1906 гг. — подъем экономики, включение железнодорожного транспорта в географию товарных потоков, теперь купцам из Бирска проще было закупить товар в соседней Уфе и сплавить вниз по течению (расстояние в пределах ста верст). И даже последний четвертый период (цикл) продлился примерно

такой же срок, итоги которому подвели большевики (1900–1920 гг.). Гражданская война как раз и закончилась в крае в 1920 г.

В эти циклы укладываются демографические факторы, которые хронологически примерно совпадают. Проанализируем ситуацию в Бирске, который можно рассматривать как «чистый» вариант русского провинциального города (до начала XX в. купцы из евреев, старообрядцев и магометан почти отсутствовали). Так, продолжительность жизни, отменное здоровье главы купеческой фамилии, патриарха, лидера семьи были одним из главных факторов успешности бизнеса. В условиях сравнительно медленного оборота капитала, накопления быстро не возникали.

Из главных «капитанов» бирского купечества второй половины XIX в. меньше 50 лет прожили единицы, остальные преодолели 60-летний рубеж. Наум Афанасьевич Чирков прожил (данные по метрикам) 62 года, Тимофей Савватиевич Позолотин — 63, Тихон Лазаревич Ромадин — 64, Андрей Дмитриевич Позолотин — 65, Мария Петровна Капустина — 70, Иван Иванович Галанов — 71 год, Даниил Артемьевич Балаев — 76 лет. Долгожителями являлись успешные лесопромышленники Беловы.

Именно за столь длительный период складывалось значительное состояние, выстраивались внушительные усадьбы. Это поколение бирских предпринимателей (около 1820-х годов рождения) как раз вступило в активную жизнь в сороковые, когда Бирск превратился в важный центр хлебной торговли. В зрелом возрасте они встретили начало пароходства. Основного успеха добились во втором цикле.

Кончина в более молодом возрасте приводила к краху семейного бизнеса. Николай Асегкритович Галанов умер в 42 года, Иван Иванович Кутузов — в 58 лет, и обе фамилии вышли из рядов успешных предпринимателей. В подобных случаях наследники по мужской линии обычно еще молодые парни, если не подростки, успешные вдовы составляли редкое исключение. Накопленные капиталы просто проедались, бизнес закрывался. Если не появлялся талантливый наследник, как в случае с Уткиными. Алексей Петрович Уткин (1822–1880) прожил 58 лет. К моменту кончины, Василий Алексеевич Уткин, его сын, уже крепко держал бразды правления семейным делом.

Вообще в сохранении преемственности купеческого бизнеса наличие долгожителя-патриарха не являлось решающим фактором. Наследник мог умереть при жизни родителя, как у Балаевых. Самым главным становилось наличие среди детей обладателя предпринимательского таланта. А это вообще было редкостью, воспитанием суровые купцы обычно не увлекались.

В купеческих династиях действовал жестокий естественный отбор. Младшие (и не только) братья, племянники, сыновья, зятья безжалостно «выбраковывались». Безынициативные, смирные, тихие, бестолковые, послушные исполнители, любители книжек или горячительных напитков, не считавшие поклонение мамоне главным в жизни, исключались из бизнеса. Это хорошо прослеживается на примере семьи Уткиных, очень многие скатились в мещанство, где осели навсегда.

Собранные по метрикам данные показывают огромную детскую смертность у купцов Бирска, уровень гигиены даже в самых богатых семьях оставался очень низким, купцы мало отличались от мещан и крестьян. Профессиональная медицина только начинала складываться в Бирске.

На взрослую смертность сильно влияла наследственность. Так, Галановы имели предрасположенность к туберкулезу. Талантливый купец Николай Асегкритович Галанов умер в 42 года, как и его родные, от чахотки. Фактор смертности являлся своего рода основой предыдущего. За все циклы существенного снижения смертности не произошло.

Высокую смертность в традиционном обществе перекрывает такая же высокая рождаемость. Лишь к концу столетия в ряде семей она падает, братья Капустины оба были бездетными (официально). В семьях же большинства бирских купцов сохранялся сельский (аграрный) двухлетний цикл рождений.

Традиционный русский аграрно-религиозный цикл супружеской жизни, к примеру, у бирских купцов Позолотиных, четко соблюдался. Купцы свято берегли православную веру. Ни одного зачатия в декабре (Рождественский пост), всего два весной (сроки Великого поста двигаются) и никаких зачатий в период летних полевых работ, на которые также приходятся два небольших поста — Петров и Успенский (примерно установлено по метрикам).

Казалось, бирские купцы не занимались сельским хозяйством, кроме огородов. Но именно летние месяцы для торговцев — период сплава леса и вывоза хлеба. Д.А. Позолотин отправлял грузы в Царицын и Астрахань, Нижний и Рыбинск, дома скорее всего почти не бывал.

Безусловное господство православных традиций подчеркивает «имянный» метрических книг обоих бирских храмов. Среди купцов за многие десятилетия ни одна дочь не получила имя Светлана, придуманное литераторами начала XIX в. и не признававшееся официальной православной церковью. А имя Виктория носила единственная супруга купца П.С. Капустина, офицерская дочь из Уфы (см.: Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024).

Рождаемость была чрезвычайно высокой, но смертность уравнивала ее, и у каждого из братьев купцов Позолотиных в итоге взрослых лет достиг лишь единственный сын-наследник. Это позитивно влияло на судьбу семейного бизнеса: не случалось разделов, дочери получали только приданое. Впрочем, и в случаях с несколькими сыновьями бирские купцы чаще выбирали наследника не по старшинству, а «с головой».

Последний фактор четко ложится на хронологию предложенных циклов. Наследник как раз к двадцати годам вступал в реальное участие в делах. И за прошедший цикл он должен был овладеть инновациями, двигать бизнес вперед в следующем периоде. Кто торговал по старинке — быстро скатывался в мещанство.

Важнейшим институтом в судьбах бирского купечества являлись матримониальные связи. Купцы очень часто женились на купеческих же дочерях (Маслова, 2010). Буквально по каждой купеческой семье есть факты брачных союзов предпринимателей. Балаевы состояли в родстве с Напалковыми, Галановыми, сарапульскими Ехлаковыми и, видимо, вятскими Мухачёвыми, также прибывшими в Бирск Гашевыми. Уткины женились на Галановых, Гирбасовых из Елабуги, знаменитых по всей Уфимской губернии Софроновых, Чирковых.

Снова прямая связь с цикличностью. Кто в начале нового периода уговорил невест из богатых семей, которые, очевидно, приносили крупные капиталы с приданым, тот в выигрыше. Если же почивавшие на лаврах богатеи позволяли своим

детьми жениться по любви на предпринимателях средней руки или на представителях «антиллегенции» с «жеребьячим сословием», то история купеческой семьи на этом и заканчивалась. Тем более что часто щеголи-обольстители были приезжими и увозили семейные капиталы на сторону.

Заключение

Таким образом, комбинация демографии и технического прогресса создавала очевидную цикличность в развитии бизнеса и судеб купеческих семейств Уфы и Бирска. Двадцатилетние циклы напрямую коррелируются с развитием техники (от транспорта до банков), а собственно демографические процессы удобно рассматривать как раз в указанном хронологическом диапазоне.

Список источников

- Абдрахманова Е. Н., Бурлукская Е. В., (2024). *Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге второй половины XIX — начала XX в.* Оренбург: ООО «Издательство Оренбургская книга», 496. EDN: JQXWJV
- Дьячков, В. Л. (2002). Природно-демографические циклы как факторы российской истории, XIX — первая половина XX вв. В *Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX в. (с. 17–31)*. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 531.
- Истомина, Э. Г. (1982). *Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века*. Москва: Наука, 277. EDN: SOADDB
- Истомина, Э. Г. (1991). *Водный транспорт в России в дореформенный период: Историко-географические исследования*. Москва: Наука, 264.
- Кондратьев, Н. Д. (1991). *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции*. Москва: Наука, 487.
- Кореева, Н. А. (2025). Некоторые сведения о поставках товаров в Нижний Новгород и Рыбинск с пристаней реки Белой в первой половине XIX в. В *Река времени. (с. 77–91)*. Уфа: Книга-принт, 120. EDN: WGVQZN
- Маслова, И. В. (2010). *Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX — начала XX в.* Москва: Флинта: Наука, 352. EDN: KZVVAR
- Назмутдинова, О. Р. (2012). *Бирское купечество конца XVIII — первой половины XIX века: автореферат дис. ... канд. ист. наук*. Екатеринбург, 29. EDN: Q1HKFD
- Нефедов, С. А. (2005). *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века*. Екатеринбург: Издательство УГГУ, 542. EDN: PVEDVF
- Роднов, М. И. (2024). *Уфимское купечество во второй половине XIX века*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 362. <http://doi.org/10.31833/248-7.2024>

References

- Abdrakhmanova E. N., Burlutskaya E. V., (2024). *Rebenok na rubezhe stoletii. Detskaia povsednevnost v Orenburge vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [A child at the turn of the century. Children's daily life in Orenburg in the second half of the 19th — early 20th century]*. Orenburg: Orenburg Book Publishing House, 496. EDN: JQXWJV (In Russ.)
- Dyachkov, V. L. (2002). Natural and demographic cycles as factors of Russian history, XIX — the first half of the XX century. In *Sotsial'noy istorii russkoy gubernii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVIII–XX vekakh [Social history of the Russian province in the context of modernization of agrarian society in the XVIII–XX centuries]* (pp. 17–31). Tambov: Publishing house of TSU named after G. R. Derzhavin, 53. (In Russ.)

Istomina, E. G. (1982). *Vodnye puti Rossii vo vtoroi polovine XVIII — nachale XIX veka* [Waterways of Russia in the second half of the 18th — early 19th centuries]. Moscow: Nauka, 277. EDN: SOADDB (In Russ.)

Istomina, E. G. (1991). *Vodnyi transport v Rossii v doreformennyi period: Istoriko-geograficheskie issledovaniia* [Water transport in Russia in the pre-reform period: Historical and geographical studies]. Moscow: Nauka, 264. (In Russ.)

Kondratiev, N. D. (1991). *Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremia voyny i revoliutsii* [The Bread Market and Its Regulation During War and Revolution]. Moscow: Nauka, 487. (In Russ.)

Koreeva, N. A. (2025). Some information on the supply of goods to Nizhny Novgorod and Rybinsk from the piers of the Belaya River in the first half of the 19th century. In *Reka vremeni* [The River of Time] (pp. 77–91). Ufa: Kniga-print, 120. EDN: WGVQZN (In Russ.)

Maslova, I. V. (2010). *Mentalitet kupechestva uездных gorodov Viatskoi gubernii XIX — nachala XX v.* [The mentality of the merchants of the district towns of the Vyatka province in the 19th — early 20th centuries]. Moscow: Flinta: Nauka, 352. EDN: KZVVAR (In Russ.)

Nazmutdinova, O. R. (2012). *Birskoe kupechestvo kontsa XVIII — pervoi poloviny XIX veka* [Birk merchants of the late 18th — first half of the 19th century]: abstract of a dissertation by Cand. of History. Ekaterinburg, 29. EDN: QIHKFD (In Russ.)

Nefedov, S. A. (2005). *Demograficheski-strukturnyi analiz sotsialno-ekonomicheskoi istorii Rossii. Konets XV — nachalo XX veka* [Demographic and structural analysis of the socio-economic history of Russia. Late 15th — early 20th century]. Ekaterinburg: UGMU Publishing House, 542. EDN: PVEDVF (In Russ.)

Rodnov, M. I. (2024). *Ufinskoye kupechestvo vo vtoroy polovine XIX veka* [Ufa merchants in the second half of the 19th century]. Ufa: Institute of Linguistics, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 362. <http://doi.org/10.31833/248-7.2024>

Роднов Михаил Игоревич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН; <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782> (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, 71; e-mail: rodnov@ufacom.ru).

Mikhail I. Rodnov — Dr. Sci. (Hist.), Leading Research Associate, Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-7654-4782> (71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: rodnov@ufacom.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК: 314.3;314.5

JEL classification: J12, J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-1-12>

Морально-нравственная позиция М.В. Ломоносова к проблеме сбережения российского народа¹

Л.И. Розанова

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Россия, г. Петрозаводск)

<https://orcid.org/0009-0003-5760-5625>

Автор для корреспонденции: Л.И. Розанова (e-mail: lirazanova@mail.ru)

Аннотация. В современном транзитивном обществе меняется не только экономическая система, но и социокультурное пространство, духовно-нравственная среда, отношения между людьми, в том числе в семье. В этой связи актуализируется проблема деморализации и дегуманизации человеческих и общественных отношений, что приводит к разрушительным тенденциям. Бракоразводные процессы в отдельные годы по количеству почти равны заключенным бракам. Поэтому одним из условий народосбережения является сохранение и укрепление семьи. В статье проводится ретроспективный анализ морально-нравственной позиции российских ученых на решение проблемы приумножения российского народа, где рассматриваются отдельные аспекты семейных отношений, на которые обращал внимание великий российский ученый М.В. Ломоносов. В нашем исследовании сделан акцент на позиции ученого касательно морально-нравственной стороны супружества, что представляет интерес как в науке, так и в практике реализации государственных программ поддержки семей с детьми, улучшении демографической ситуации.

Ключевые слова: приумножение народа; семья; неравный брак; рождаемость, духовно-нравственная среда; семейные ценности.

The Moral Position of M. V. Lomonosov towards the Problem of Saving the Russian People

L. Rozanova

Institute of Economy of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, (Russia, Petrozavodsk).

<https://orcid.org/0009-0003-5760-5625>

Corresponding author: L. Rozanova (e-mail: lirazanova@mail.ru)

Abstract. In a modern transitive society, not only the economic system is changing, but also the socio-cultural, spiritual and moral environment, and relationships between people, including in the family. In this regard, the problem of demoralization and dehumanization of human and social relations is becoming relevant, which leads to destructive trends. The number of divorce proceedings in some years is almost equal to the number of marriages. Therefore, one of the conditions for saving people is the preservation and strengthening of the family. The article provides a retrospective analysis of the moral position of Russian scientists on solving the problem of the multiplication of the Russian people, which examines certain aspects of family relations, which drew the attention of the great Russian scientist M. V. Lomonosov. Our study focuses on the position of a scientist regarding the moral side of marriage, which is of interest both in science and in the practice of implementing government programs to support families with children and improve the demographic situation.

Keywords: multiplication of the people; family; unequal marriage; birth rate, spiritual and moral environment, family values

¹ © Розанова Л. И. Текст. 2026.

Введение

На развитие современного общества серьезное влияние оказывают такие факторы, как высокая турбулентность социально-экономических процессов, существенные различия в развитии экономики регионов, быстрота происходящих технологических трансформаций, прежде всего в цифровом пространстве. Это влечет за собой дифференциацию населения по уровню доходов, возможностям самореализации в тех или иных условиях жизни, что, безусловно, отражается и на демографии, в том числе и на планировании создания семьи и планах деторождения. Семейные ценности, несомненно, становятся в ряд необходимых предпосылок народосбережения и приумножения населения России.

В нашем исследовании сделан акцент не на основополагающие факторы, влияющие на демографические процессы, — качество жизни населения, уровни развития системы здравоохранения и образования, материальное обеспечение и ряд других, а прежде всего на морально-нравственную сторону человеческих отношений, ценностные ориентиры.

Методологический подход основан на сравнительном анализе позиций ученых в вопросах народосбережения. Базой для исследования служат труды российских и зарубежных ученых, статистические данные и аналитические обзоры ВЦИОМ.

Целью исследования является обозначение основных морально-этических постулатов при создании семьи, которые формируют исконно народные человеческие ценности.

В ряде научных трудов можно увидеть созвучность взглядов ученых — как в исторической ретроспективе, так и в современных исследованиях — по проблемам морального характера и вопросам взаимосвязи интеллектуального потенциала человека и духовности, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие страны и гуманизацию общества. Ценностные ориентиры в семейных отношениях также являются важной составляющей в данном контексте. Особое внимание уделяется взглядам великого русского ученого М.В. Ломоносова на проблему сбережения народа. Еще со школьных лет нам известен масштаб мировоззренческих позиций великого гения российской науки. Многогранность научных знаний проявилась в разных областях — географии, астрономии, металлургии, химии, физике, истории, а также в литературном творчестве (Лебедев, 1990). Но до сих пор мы открываем все новые горизонты его познаний не только как ученого, но и активного гражданина, проявляющего интерес к общественному устройству нашего Отечества. Эти знания обогащают современные подходы к решению проблем развития общества и остаются весьма актуальными до наших дней.

Так, российский ученый М.В. Ломоносов в письме И.И. Шувалову «О сохранении и размножении русского народа» (Советов, 1986), датированном 1 ноября 1761 года, систематизировал свои старые записки и мысли разных временных периодов по следующим главам:

1. О размножении и сохранении русского народа.
2. О истреблении праздности.
3. О исправлении нравов и большем народе просвещении.
4. О исправлении земледелия.
5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.

6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей государственной экономии.
8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира.

Как характеризует сам ученый эти направления, считая их важными в государственных делах и полезными обществу, — невозможно их «оставить под спудом», поэтому они требуют глубокого понимания и «долговременного <...> искусства к изъяснению и предосторожной силы к произведению в действо». Причем М.В. Ломоносов полагает приоритетным и «самым важным делом: сохранение и размножение российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей». Анализируя данный подход, разве не задаемся мы вопросом об актуальности выдвинутых ученым приоритетов, когда современная экономическая и демографическая политика фактически реализуется по тем же направлениям?

В этой связи изучение исторического наследия российской науки является одной из актуальных задач современности. Ведь пространственные аспекты развития России остаются до сих пор актуальными, поскольку за годы рыночных реформ во многих отдаленных регионах и территориях потеряна значительная часть населения. Поэтому крепость семейных отношений, создание условий для развития человеческого капитала становятся важными ориентирами в социальном развитии и гуманизации общества, первичной ячейкой которого и является семья. Наша оценка морально-нравственной позиции М.В. Ломоносова касательно сохранения и сбережения российского народа и сделанный вывод о приоритетности формирования духовно-этического самосознания являются основным результатом исследования.

Семья — важный социальный институт во все времена

Проблемам демографии в наше время уделяется серьезное внимание и в научном сообществе, и в практике государственного управления. Наряду с такими показателями, как сокращение смертности, укрепление здоровья, повышение образовательного уровня населения как первичных факторов улучшения демографической ситуации, актуальной остается проблема малодетности семей. Сохранение населения и увеличение рождаемости — это первейшая задача, решение которой будет способствовать социально-экономическому развитию страны. В исследованиях основное внимание уделяется анализу причин снижения рождаемости и условий, стимулирующих молодые семьи к увеличению количества детей.

Вместе с тем в последние годы стали обращать внимание и на коммуникации в семейных отношениях, морально-нравственные и психологические аспекты укрепления семьи. Детальный анализ положительных и негативных коммуникаций (Павленко, 2024) дает обширное представление о важности многих факторов, на которые часто не обращают внимания. К примеру, неравные браки между людьми разного социального положения или находящимися на разных уровнях определенных жизненных параметров, включая существенную разницу в возрасте, нередко препятствуют установлению бесконфликтных семейных коммуникаций. Часто разрушение браков происходит и из-за незнания или игнорирования

элементарных правил здоровых взаимоотношений. Об этом свидетельствуют и данные опросов о причинах разводов, проводимых ВЦИОМ, где прослеживается тенденция снижения роли материальных факторов и доминирования морально-этических. Автор аналитического обзора «Развод по-русски»¹ констатирует, что в общей совокупности ответов превалируют в большей мере не экономические ограничения, а варианты, касающиеся эмоционального отчуждения. Из чего делается вывод, что «в целом эмпатия и диалог в браке играют большую роль, чем жизненные проблемы, обстоятельства и неустроенность».

В то же время нельзя игнорировать влияние внешней среды, формирующей новые социальные параметры и в целом коммуникации между людьми. Стираются границы между добром и злом, преданностью и предательством, уважением и пренебрежением, справедливостью и насилием, солидарностью и разобщенностью. Свобода часто воспринимается как вседозволенность. Таким образом, общество сталкивается с проблемами морального характера, на что обращают внимание авторы исследования влияния духовно-нравственных факторов на формирование личности в современных условиях развития новой информационной цивилизации (Павловская и др. 2011). Однако соглашаясь с авторами работы в плане необходимости развития духовно-нравственного потенциала, способствующего духовному обогащению и облагораживанию человека в век цифровой отчужденности, что отразится и на поступательном движении социальной системы в сторону гуманизации, хотелось бы провести некоторую параллель в историческом срезе с разницей более чем в 2,5 века.

Рассмотрим, на какие факторы 265 лет назад обращал внимание великий российский ученый М.В. Ломоносов, задаваясь вопросом приращения народа российского в письме И.И. Шувалову, опубликованному в книге «Жажда познания...» (Советов, 1986). Какие препятствия в создании благоприятных условий для благополучных браков и рождения детей он видел? На первом месте ученый рассматривает проблему разновозрастных браков. Обычным явлением, особенно в деревнях, стала женитьба малых ребят на «девках взрослых», когда мальчик еще не способен на нормальные супружеские отношения. Такое супружество вредно, поскольку «после женитьбы лета проходят бесплодны». Либо супруга идет на измену мужу, что может привести к детоубийству еще не рожденного младенца. Также считает неблагоприятным брак, когда мужчина намного старше женщины. Видя в неравных возрастных браках явление, «вредное приумножению и сохранению народа», ученый предлагает «неравенство супружества запретить и в умеренные пределы заключить должно». По мнению М.В. Ломоносова, «невеста жениха не должна быть старше разве только двумя годами, а жених старше может быть 15 годами», объясняя это причиной разного детородного возраста мужчин и женщин.

На втором месте стоит брак не по любви. Считая, что «где любви нет, ненадежно и плодородие», ученый полагает закрепить за священниками право отказа в венчании «под опасением лишения чина», если обнаруживается «невольное

¹Смак Т. (2025) Развод по-русски: За высокой статистикой разводов скрываются не только демографические тренды, но и ценностные сдвиги в обществе. ВЦИОМ. Опрос россиян о разводах. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvod-po-russki> (дата обращения: 02.02.2026).

сочетание». Причем надо не под венцом спрашивать жениха и невесту о принуждении или согласии на брак, а заранее, до прихода в церковь.

Далее приводятся аргументы в пользу снятия определенных количественных ограничений (допускалось три бракосочетания) на повторные браки в случае смерти третьей жены. Касательно служителей церкви, также не должно быть строгих ограничений для вдовых молодых попов и дьяконов и зачисления их в чернцы (монахи, давшие обет безбрачия), заключая при этом «что надобно клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет».

Рассматривает М. В. Ломоносов в своих заметках не только вопросы, касающиеся людей «обильнейшего плодородия родящих», но и сохранения рожденных, уменьшения детской смертности от болезней и «детского душегубства», имевшего место в неравных браках. Выделенный нами во введении план, которого придерживался в изложении ученый, касался и важности для государства доступного образования для народа, в том числе в области медицины, использования зарубежного опыта; развития ремесел, защиты народа от разбойничьих набегов и ряд других. Затрагивались и вопросы миграции в приграничных местах, что наряду с болезнями, несчастьями, убийствами также влияли на уменьшение российского народа, когда «уходят люди в чужие государства».

В нашем исследовании более интересны взгляды ученого на супружество, поскольку, живя в XXI веке, мы нередко сталкиваемся с теми же проблемами неравных браков. Молодые люди иногда делают свой выбор на избраннике (избранницах), ставя на первое место богатство. И часто от молодых девушек приходится слышать вывод о разочаровании таким выбором — «жила в золотой клетке» без свободы выбора личных предпочтений. Но самое негативное в таких браках, когда богатый муж отбирает детей и разлучает их с матерью. Вместе с тем и браки по любви не всегда оказываются крепкими: накопление проблем, а также сложные взаимоотношения нередко приводят к разводам.

Морально-нравственная сторона вопроса в проблемных семьях становится одним из первичных факторов в ряду причин разводов. В недавнем опросе ВЦИОМ (октябрь 2024 г.) названы три наиболее часто отмечаемые респондентами причины разводов: материальные сложности, отклоняющееся поведение и проблемы в коммуникации¹. В век цифровизации последняя из причин — семейные коммуникации — становится все актуальней, что отмечают многие авторы (Павленко, 2024; Бурова, 2024; Топчиев, 2019). Также утрачиваются традиционные семейные ценности, умение налаживать атмосферу семейного общения (Маркова и др., 2025; Щетинина, 2022; Ахметьянова, 2020).

Таким образом, проведя анализ отдельных морально-нравственных причин, которые могут служить препятствием для приумножения российского народа в исторической ретроспективе с учетом позиции М. В. Ломоносова, а также взглядов современных исследований на проблему создания благополучной семьи, мы приходим к выводу о том, что, несмотря на временные различия условий и качества жизни и трансформацию ценностных ориентиров, эмпатия

¹ Разводы в России: мониторинг. Октябрь 2024. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 04.02.2026).

и взаимопонимание, забота и любовь, поддержка и ответственность являются основными критериями брачных союзов, а семья остается важным социальным институтом во все времена. Сохранение народа и приумножение зависит от крепости семьи.

Список источников

- Ахметьянова, Л. Х. (2020). Основные нарушения коммуникации в семье и семейная коммуникативная психотерапия. *Вестник магистратуры*, 2–4 (101), 54–56. EDN: QLJGAE
- Бурова, Е. А. (2024). Современная семья и ее проблемы. *Молодой ученый*, 14 (513), 306–308. EDN: PVDTHU
- Лебедев, Е. Н. (1990) Ломоносов. Жизнь замечательных людей. Москва: Молодая гвардия, 602.
- Маркова, А. В. & Горина, П. А. (2025). Особенности семейных коммуникаций в современной семье. В *Материалы XVII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»*. <https://scienceforum.ru/2025/article/2018038305> (дата обращения: 04.02.2026).
- Павленко, Е. А. (2024). Коммуникации в современной семье: актуальные направления исследований. *Личность: ресурсы и потенциал*, 3 (23), 74–84.
- Павловская, О. А., Старостенко, В. В., Владыковская, Л. Н., и др. (2011). *Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека*. Издательство «Белорусская наука», 452. EDN: RAZZRP
- Советов, Н. (1986). *Жажда познания. Век XVIII: Вознося главу!.. Век просвещения: документы, мемуары, литературные памятники*. Москва: Молодая гвардия, 669.
- Топчиев, М. С. (2019). Влияние виртуализации общества на формирование ценностей современной молодой семьи. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1 (58), 117–123. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-58-1-117-123>
- Щетинина, Е. С. (2022). Представления о семье у современной молодежи. *Молодой ученый*, 3 (398), 392–395. EDN: WAMWFH

References

- Akhmetianova, L. Kh. (2020). The main communication disorders in the family and family communication psychotherapy. *Vestnik magistratury*, 2–4 (101), 54–56. EDN: QLJGAE (In Russ.)
- Burova, E. A. (2024). The modern family and its problems. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*, 14 (513), 306–308. EDN: PVDTHU (In Russ.)
- Lebedev, E.N. (1990). *Lomonosov. Zhizn zamechatelnykh liudei [Lomonosov. The lives of wonderful people]*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 602. (In Russ.)
- Markova, A. V., & Gorina, P. A. (2025). Features of family communications in the modern family. In *Materialy XVII Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii «Studencheskii nauchnyi forum» [Proceedings of the XVII International Student Scientific Conference «Student Scientific Forum»]*. <https://scienceforum.ru/2025/article/2018038305> (Accessed: 04.02.2026). (In Russ.)
- Pavlenko, E. A. (2024). Communication in a modern family: current research. *Lichnost': resursy i potentsial [Personality: Resources and Potential]*, 3 (23), 74–84. (In Russ.)
- Pavlovskaya, O. A., Starostenko, V. V., Vladyskovskaya, L. N., et al. (2011). *Dukhovno-nravstvennye tsennosti v formirovaniy sovremennogo cheloveka [Spiritual and moral values in the formation of modern man]*. Minsk: Publishing house «Belarusian Science», 452. EDN: RAZZRP (In Russ.)
- Sovetov, N. (1986). *Zhazhda poznaniia. Vek XVIII: Voznosia glavu!.. Vek prosveshcheniia: dokumenty, memuary, literaturnye pamiatniki [Thirst for knowledge. The 18th century: Raising the head!.. The Age of Enlightenment: documents, memoirs, literary monuments]*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 669. (In Russ.)

Topchiev, M. S. (2019). The effect of virtualization of society on the formation of values of the modern young family. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]*, 1(58), 117–123. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-58-1-117-123> (In Russ.)

Розанова Людмила Ивановна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Карельский научный центр РАН; <https://orcid.org/0009-0003-5760-5625> (Российская федерация, 185030 г. Петрозаводск, Проспект Александра Невского, 50; e-mail: lironanova@mail.ru).

Lyudmila I. Rozanova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0009-0003-5760-5625> (50, Alexander Nevsky Pr., Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: lironanova@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declares that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

УДК 314.1

JEL classification: J11

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-1>

Влияние демографических и социально-экономических процессов на расселение в северных приграничных районах Азербайджана¹

Г.И. Абдуллаева

Институт географии Министерства науки и образования Азербайджана
(г. Баку, Азербайджан)

<https://orcid.org/0009-0004-9418-189X>

Автор для корреспонденции Г.И. Абдуллаева (gulnare-78@mail.ru)

Аннотация. В статье на основе научных подходов анализируются демографические и социально-экономические процессы в северных приграничных регионах Азербайджана. Эти регионы отличаются как этнокультурным разнообразием страны, так и ее потенциалом в сфере туризма. Однако в последние десятилетия изменения в демографической структуре, активизация миграционных процессов, ограниченность возможностей трудоустройства и неравномерное развитие социальной инфраструктуры создали в этих регионах серьезные социально-экономические проблемы. Цель статьи всесторонне проанализировать данные проблемы, существующие в упомянутых регионах. Исследуются структура населения, миграция, половозрастной состав и аспекты безопасности приграничных регионов.

Ключевые слова: демография; приграничные регионы; население; естественный рост; миграция.

Impact of demographic and socio-economic processes on settlement in the northern border regions of Azerbaijan

G. Abdullayeva

Institute of Geography at the Ministry of Science and Education of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan)

<https://orcid.org/0009-0004-9418-189X>

Corresponding author: G.I. Abdullayeva (gulnare-78@mail.ru)

Abstract: The article analyzes demographic and socio-economic processes in the northern border regions of Azerbaijan based on scientific approaches. These regions are distinguished both by their ethnic-cultural diversity and their tourism potential. However, in recent decades, changes in the demographic structure, intensification of migration processes, limited employment opportunities, and uneven development of social infrastructure in these regions have created serious socio-economic problems. The purpose of this article is to comprehensively analyze the existing problems in the mentioned regions. The population structure, migration, age-gender composition, and security aspects of the border regions are studied.

Keywords: demography; border regions; population; natural increase; migration.

Введение

В современных условиях демографические процессы являются одними из ключевых факторов, оказывающих непосредственное влияние не только

¹ © Абдуллаева Г. И. Текст. 2026.

на социально-экономическое развитие государств, но и на обеспечение их национальной и региональной безопасности. Особенно в приграничных регионах ослабление темпов роста населения и нарушение половой структуры ставят под угрозу устойчивое развитие данных территорий. Приграничная (пограничная) зона понимается как территория, расположенная по периметру всей государственной границы той или иной страны и опоясывающая внутренние районы последней. Приграничная (пограничная) зона имеет ряд отличий от внутренних районов, обусловленных ее двойственным положением. С одной стороны, проживающее в ней население, как и население внутренних районов, является носителем исторических, культурных, экономических и других особенностей данного государства. С другой стороны, именно в приграничной зоне осуществляется большая часть реальных контактов с соседними странами, размещена обеспечивающая их основная инфраструктура (Левчук, 2009). В странах, обладающих геостратегическим положением, таких как Азербайджан, демографическое состояние приграничных регионов приобретает особую значимость. Северные приграничные районы являются территориями стратегического значения для Азербайджанской Республики. Регион, граничащий с Российской Федерацией на севере и с Грузией на северо-западе, включает восемь административных районов — Загатала, Балакен, Гах, Шеки, Габала, Огуз, Хачмаз и Гусар. В указанных районах насчитывается 9 городов, 20 поселков и 561 сельский населенный пункт. Площадь региона составляет 11,4 тыс. км², численность населения — 907,2 тыс. человек (по состоянию на начало 2025 года). Исследование демографических процессов в этих регионах важно не только для региональной, но и национальной безопасности. Если судить по общей характеристике демографической ситуации, то темпы роста населения северных приграничных регионов ниже, чем в среднем по стране. Особенно миграция молодежи создает дисбаланс в возрастной структуре населения. Трудовая миграция преимущественно наблюдается в направлении Российской Федерации (Насибов, 2014). Этот процесс влияет на структуру и устойчивость сельских поселений.

Формирование населенных пунктов, расположенных на приграничных территориях, обеспечение их развития в различных направлениях являются одними из наиболее актуальных современных вопросов, выступают гарантом не только геополитической, но и геовойсечной стабильности. С этой точки зрения следует рассмотреть научные исследования, проводимые в других областях, таких как присвоение приграничных территорий, формы систем расселения, демографическая ситуация и миграционные факторы, динамика экономического развития. При исследовании процессов освоения приграничных территорий и динамики развития систем расселения были использованы фундаментальные научные труды и результаты исследований ведущих зарубежных специалистов в данной области, таких как Ю.В. Савельев, О.В. Толстогузов, О.А. Зотова, Т.А. Терещенко, Д.И. Валентей, А.Я. Кваша, А.Н. Новиков, М.С. Новикова, В.А. Колосов и т. д.

Ключевым фактором, определяющим специфику приграничного региона, является его географическое положение (Савельев & Толстогузов, 2014). При анализе систем расселения особое внимание должно уделяться специфике расселения в приграничных регионах, поскольку государственная граница на различных

участках территории выполняет разные функции — барьерные либо контактные. В первую очередь необходимо учитывать роль границы в формировании приграничного сотрудничества с соседними государствами, а также степень взаимозависимости экономических, социальных и культурных связей. Именно совокупность указанных факторов формирует особую систему расселения, характерную для приграничных регионов, которую в научной литературе принято определять как приграничную систему расселения (Зотова & Терещенко, 2020).

Изучение демографического развития и расселения населения в Азербайджанской Республике началось в середине прошлого века и продолжалось различными исследователями. Н.Г. Эюбов и З.Н. Еминов отмечают, что на систему расселения в первую очередь влияют природно-географические условия, а затем социально-экономические факторы (Эюбов, 2011; Еминов, 2008). Каждый из этих компонентов был нами изучен отдельно и использован при исследовании приграничных районов. В настоящем исследовании также использованы материалы собственных полевых и аналитических исследований автора (Абдуллаева, 2023).

Материалы и методы

При исследовании северных приграничных районов Азербайджана были использованы полевые исследования, наблюдение, статистический анализ, сравнительный метод и данные официальных источников. В ходе исследования проанализированы научные труды ученых, методические рекомендации, а также результаты собственных научно-исследовательских работ автора. При изучении освоенности приграничных территорий особое внимание было уделено анализу системы расселения.

Результаты

Результаты исследования показывают, что в административных районах Балакен, Загатала, Гах, Огуз, Габала, Шеки, Гусар и Хачмаз демографические и социально-экономические проблемы имеют во многом схожий характер. В период 1995–2024 годов в северных приграничных районах Азербайджана зафиксировано снижение показателей естественного прироста и рождаемости населения при одновременном росте уровня смертности. Так, если в 1995 году относительный показатель естественного прироста составлял 15,5 человека, то в 2024 году он сократился до 4,2 человека. Данная тенденция наблюдается во всех районах исследуемого региона. Снижение отмечалось во всех районах, но наиболее существенным оно было в Огузском, Шекинском, Балакенском и Габалинском районах. В Огузе численность населения сократилась на 15,9 человека на 1 000 человек, в Шеки — на 12,1, в Балакане — на 11,8, в Габале — на 11,7.

Установленные демографические изменения свидетельствуют о высокой вероятности возникновения в будущем серьезных социально-демографических проблем, что указывает на дальнейшее углубление депопуляционных процессов и требует разработки и реализации целевых программ социально-экономического развития.

Ограниченность возможностей занятости и инфраструктурные проблемы являются одними из ключевых факторов, способствующих усилению миграционных

процессов. Для устранения данных проблем необходимо реализовывать региональные стратегии развития с учетом местных социально-экономических и территориальных особенностей. Сокращение численности населения в приграничных регионах повышает риски социальной безопасности и требует применения особого подхода в государственной политике.

В северных приграничных районах обеспечение демографической стабильности возможно лишь при реализации комплексных программ регионального развития. Несмотря на осуществление в Азербайджане с 2004 года ряда государственных программ, в социально-экономическом развитии регионов республики сохраняется неравномерность. В отличие от Бакинско-Абшеронской зоны, в других регионах по-прежнему наблюдаются серьезные проблемы в социально-экономической сфере. Данная ситуация способствует росту безработицы и бедности в районах, а также усиливает миграцию населения в город Баку. Учитывая стратегическую значимость приграничных регионов для государства, вопросам обеспечения занятости населения в этих территориях должно уделяться особое внимание. Необходимо развивать промышленное производство и стимулировать развитие различных отраслей экономики. В противном случае рост безработицы и уровня бедности приведет к вынужденному оттоку населения с мест постоянного проживания в поисках источников дохода, что, в свою очередь, вызовет сокращение численности населения в сельской местности. Особенно в приграничных селах должна проводиться целенаправленная политика по закреплению населения. В противном случае в перспективе это может привести к еще более сложным и необратимым социально-экономическим последствиям.

Расселение населения на определенной территории, наряду с природно-географическими условиями и природными ресурсами, тесно взаимосвязано с демографическим развитием. Это объясняется тем, что демографическое развитие региона сопровождается, соответственно, социально-экономическим развитием, приводя к значительным изменениям в системе расселения населения (Эюбов, 2011). Одной из основных особенностей демографической ситуации в северных приграничных районах Азербайджанской Республики является сокращение численности населения. Естественный прирост — это демографический процесс, формирующийся за счет рождаемости и смертности, который носит нестабильный характер и обладает различной интенсивностью. Поэтому для определения естественного прироста используются общее число случаев рождений и смертей за определенный период, а также относительные показатели. Нельзя забывать и тот факт, что за счет естественного прироста населения обновляются не только численность и структура населения, но также меняются и демографические стандарты (Валентей & Кваша, 1989). Эти процессы часто обладают своеобразными локальными и региональными особенностями. Одна из них связана с особенностями демографического развития населения, проживающего в приграничных районах. Поскольку они ведут особый образ жизни (в большинстве случаев проживая вдали от районных центров, в горных территориях, поэтому лишены минимального сервисного обслуживания, а также здравоохранения и дорожной инфраструктуры в зимний период), специфика их демографического развития несколько отличается от других регионов страны. Под приграничными регионами

следует понимать территории государства, прилегающие к государственной границе, выполняющие особые приграничные функции и обладающие в связи с этим специфическими особенностями. Главным фактором, обуславливающим специфику приграничья, является его географическое положение (Савельев & Толстогузов, 2014). Приграничное расселение, или расселение населения в приграничных районах, — приоритетное направление современного территориального планирования и проектирования и новый объект изучения географии населения (Зотова & Терещенко, 2020).

Демографическую основу расселения населения в Азербайджанской Республике всегда составлял высокий естественный прирост, который в основном формировался на базе высокой рождаемости и средней смертности (Абдуллаева, 2023). Анализ естественного прироста населения в северных приграничных районах Азербайджана за период 1995–2024 годов показывает устойчивую тенденцию к снижению. Если в 1995 году относительный показатель естественного прироста в этих районах составлял 15,5 человека на 1 000 населения, то к 2024 году данный показатель значительно сократился и был зафиксирован на уровне 4,2 человека на 1 000 населения (рис. 1, рис. 2).

Тенденция к снижению началась примерно с 2000 года и продолжалась до 2005 года; в последующие годы наблюдался некоторый рост, однако после 2015 года вновь было зарегистрировано сокращение (рис. 3). За исследуемый период (1995–2024 гг.) естественный прирост населения в северных приграничных районах Азербайджана в расчете на 1 000 человек снизился приблизительно в 4 раза (с 15,5 до 4,2 человека). Причины данного явления главным образом связаны с экономическими факторами. Эти факторы оказывают

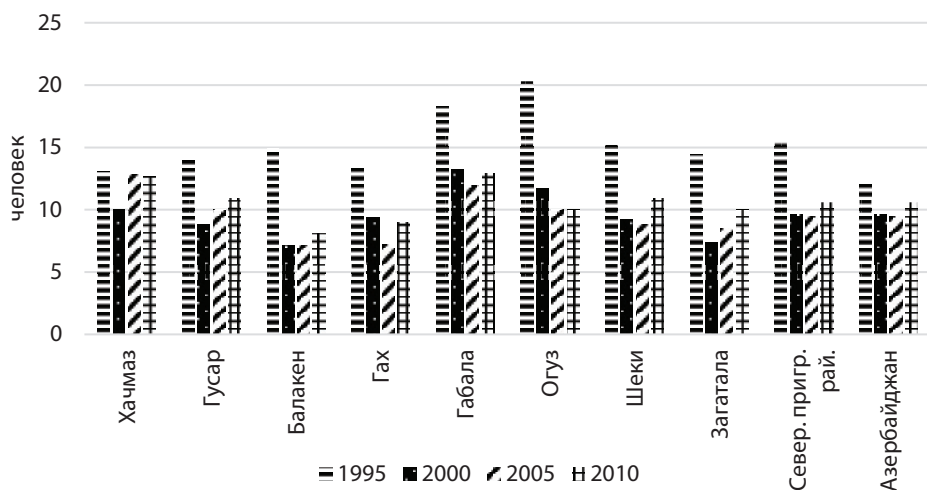

Рис. 1. Естественный прирост населения в северных приграничных районах Азербайджана (на 1 000 человек). (Источник: составлен автором по Демографические показатели Азербайджана — 2025. Государственный Комитет Статистики Азербайджана. Дата обращения: 09.01.2026)

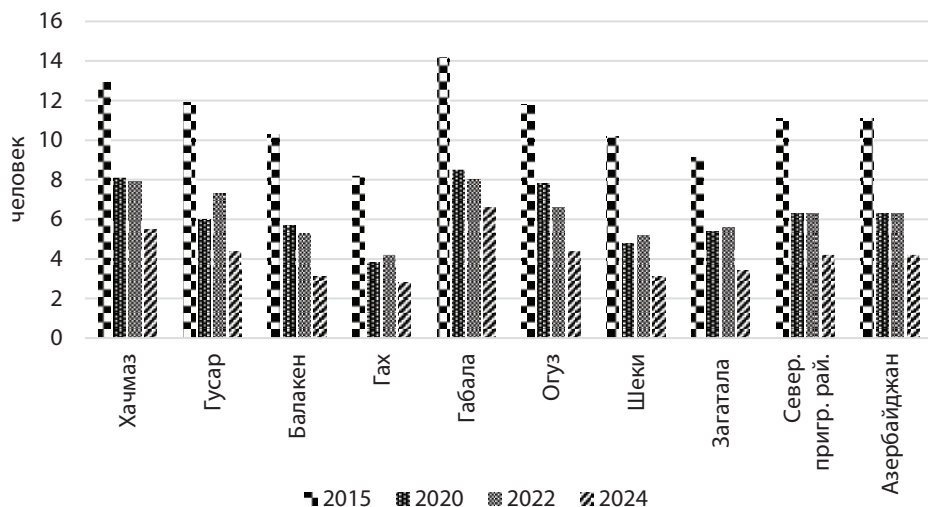

Рис. 2. Естественный прирост населения в северных приграничных районах Азербайджана (на 1000 человек). (Источник: составлен автором по: Демографические показатели Азербайджана — 2025. Государственный Комитет Статистики Азербайджана. Дата обращения: 09.01.2026)

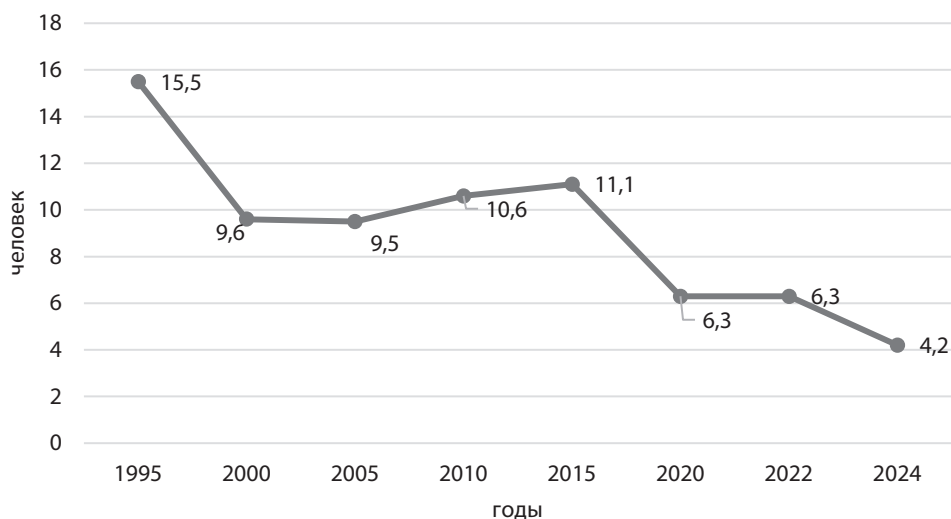

Рис. 3. Тенденция естественного прироста населения в северных приграничных районах Азербайджана (на 1 000 человек). (Источник: составлен автором по: Демографические показатели Азербайджана — 2025. Государственный Комитет Статистики Азербайджана. Дата обращения: 09.01.2026).

влияние на уровень жизни населения, доступность образования, высокие расходы на здравоохранение, возникновение проблемы безработицы, занятость женщин и другие аспекты.

Снижение естественного прироста характеризуется падением уровня рождаемости и относительным ростом показателей смертности. Так, анализ показателей рождаемости и смертности в северных приграничных районах за 2024 год показывает, что численность родившихся составила 9 217 человек, тогда как число умерших — 5 396 человек (табл. 1).

Что касается половой структуры, то в 2024 году среди новорожденных наблюдалось преобладание мальчиков (53 % мальчиков и 47 % девочек). Данная тенденция более отчетливо выражена в сельской местности. Изменение соотношения полов в пользу мальчиков во многом связано со следующими факторами:

- гендерные стереотипы;
- селективные аборты;
- социально-экономическое неравенство.

Продолжение естественного прироста в таком формате в перспективе вызовет нежелательные последствия в демографической структуре. В долгосрочной перспективе этот процесс может привести к нежелательным демографическим последствиям, в частности, нарушить половой баланс среди мужчин и женщин молодого возраста, готовых к бракосаключению, а также постепенному изменению национально-этнического состава, нехватке женских трудовых ресурсов в некоторых отраслях социального обслуживания и материальной

Таблица 1

Естественный прирост населения, рождаемость и смертность по полу в северных приграничных районах в 2024 году, в чел.

Административные районы	Естественный прирост			Рождаемость			Смертность		
	Всего:	Из них		Всего:	Из них		Всего:	Из них	
		мужчины	женщины		мальчики	девочки		мужчины	женщины
Хачмаз	967	475	492	1999	1058	941	1032	583	449
Гусар	451	220	231	1022	544	478	571	324	247
Балакен	312	124	188	898	448	450	586	324	262
Гах	167	48	119	568	270	298	401	222	179
Габала	721	332	389	1267	668	559	546	336	210
Огуз	197	101	96	474	258	216	277	157	120
Шеки	563	285	278	1479	946	803	1186	661	525
Загатала	443	196	247	1240	649	591	797	453	344
Северные приграничные р-ны	3821	1781	2040	9217	4841	4376	5396	3060	2336
Азербайджанская Республика	43401	21785	21616	102310	54221	48089	58909	32436	26473

Источник: составлен автором по: Население Азербайджана — 2025. Государственный Комитет Статистики Азербайджана. (Дата обращения: 09.01.2026).

инфраструктуры и т. д. Данная тенденция в последние периоды стала причиной изменений и в половой структуре населения северных приграничных районов.

Каждая территория обладает своими уникальными и отличительными характеристиками. К этим характеристикам относятся природно-географические условия, экономический потенциал и уровень развития, сеть социальной инфраструктуры, экономико-географическое положение, обеспечение природными ресурсами, их использование, демографические показатели. Они влияют на возникновение и развитие населенных пунктов на региональном уровне и определяют направления формирования системы поселений (Эминов, 2008). В восьми исследуемых нами административных районах население в основном характеризуется сельским типом расселения. В последние годы наличие ряда проблем в данном регионе привело к нарушению демографического баланса. Обобщив указанные проблемы, нами была разработана следующая модель для северных приграничных районов (рис. 4).

Предложенная модель отражает механизм влияния демографических процессов, сформировавшихся в условиях горного рельефа и социально-экономической изолированности северных приграничных районов, на устойчивость системы расселения. Согласно модели, региональная социально-экономическая изоляция и слабое развитие инфраструктуры усиливают миграцию сельского населения. Данные процессы приводят к снижению естественного прироста и нарушению возрастной структуры населения, в результате чего наблюдаются постепенное опустошение приграничных населенных пунктов и рост рисков социальной безопасности.

Факторы, представленные в модели, посредством механизма взаимного воздействия обуславливают ослабление процессов расселения. В частности, миграция молодежи приводит к сокращению численности трудоспособного населения, дефициту рабочей силы в сельском хозяйстве и ослаблению института семьи. Миграция молодого поколения в поисках новых рабочих мест и самореализации в связи с экономической ситуацией также приводит к утечке мозгов из страны

Демографические изменения и эрозия человеческого капитала	Ослабление экономической активности и бедность	Деградация социальной инфраструктуры
— Массовая миграция молодого поколения в города и за рубеж. — Нарушение структуры населения (демографическое старение, нарушение гендерного баланса). — Снижение естественного прироста до критического уровня	— Сужение рынка труда и рост безработицы. — Снижение доходности основных видов экономической деятельности (сельское хозяйство). — Углубление регионального разрыва в уровне доходов	— Недостаток социальных услуг: закрытие учреждений здравоохранения, образования, культуры. — Ограничение доступа к транспортным и коммуникационным средствам. — Физическая изоляция: неудовлетворительное состояние транспортных путей в горных населённых пунктах

Рис. 4. Основные факторы риска снижения социальной безопасности в системе сельского расселения. (Источник: составлен автором)

(Насибов, 2014). В северных приграничных районах основными видами экономической деятельности являются сельское хозяйство и туризм. Сезонный характер занятости, ограниченное количество промышленных предприятий и широкое распространение неформальной занятости препятствуют формированию устойчивых источников доходов в районах. Особенно в горных территориях, вследствие ограниченности возможностей занятости, среднемесячные доходы населения остаются низкими, углубляется социальное неравенство и возрастает зависимость от государственных социальных пособий. Анализ социальной инфраструктуры региона показывает, что во многих населенных пунктах материально-техническая база образовательных и медицинских учреждений находится на низком уровне, а в ряде случаев такие учреждения отсутствуют вовсе. Это, в свою очередь, приводит к ограничению доступа к качественному образованию и сокращению возможностей получения медицинских услуг. Успешное развитие приграничных территорий важно еще и потому, что граница — витрина государства. Она не только определяет контуры территории, на которую распространяется государственный суверенитет и служит рубежом национального экономического, социального, политического и культурного пространства, но и представляет собой социальный конструкт, элемент национальной идентичности и одновременно мощный инструмент ее формирования (Колосов & Володина, 2019).

Для решения существующих проблем необходимо проведение мероприятий по следующим направлениям:

1. Поддержка малого и среднего предпринимательства в регионах.
2. Внедрение инновационных технологий в сельском хозяйстве.
3. Сбалансированное развитие туризма во всех районах.
4. Расширение возможностей занятости для молодежи.
5. Модернизация социальной инфраструктуры.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о необходимости реализации специальных демографических и социальных программ для приграничных регионов в рамках государственной политики Азербайджанской Республики.

Список источников

Абдуллаева, Г. И. (2023). Демографическое развитие сельского населения и его регулирование в северных приграничных районах Азербайджана. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География, Геоэкология*, 3, 35–41. <https://doi.org/10.17308/geo/1609-0683/2024/3/35-41>

Валентей, Д. И., Кваша, А. Я. (1989). *Основы демографии*. Москва: «Мысль», 286 с.

Зотова, О. А., Терещенко, Т. А. (2020). Приграничное расселение как междисциплинарная тема научных исследований. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология*, 3(31), 43–56 <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2020-3-45-58>

Колосов, В. А., Володина, А. Б. (2019). *Российское пограничье: проблемы развития в новых геополитических условиях*. Москва: Институт географии РАН и авторы статей «Типография ООО «САМ Полиграфист»», 180. <https://doi.org/10.15356/Rusborder2019>

Левчук, Е. (2009). Проблемы развития приграничных и трансграничных районов Польши. *Проблемы современной экономики*, 3(31), 307–312.

Насибов, Е. М. (2014). *Основы миграции: миграционная физиология, миграционные процессы, мировые миграционные центры*. Баку: Наука и Образование, 240.

Новиков, А. Н., Новикова, М. С. (2008). Региональные особенности приграничного положения юго-восточного Забайкалья. *Ученые записки Казанского Государственного Университета. Естественные науки*, Т. 150, кн. 3, 229–240.

Савельев, Ю. В., Толстогузов, О. В. (2014). *Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 490.

Эминов, З. Н. (2008). Региональные проблемы использования трудовых ресурсов. *Труды Географического общества*, 12, 312–317.

Эюбов, Н. Г. (2011). Особенности развития демографической базы расселения в Азербайджанской Республике. *Новости НАНА. Серия «Науки о Земле»*, 1, 99–103.

References

Abdullaeva, G. I. (2023). Demographic development of rural population and its regulation in the northern border regions of Azerbaijan. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya. Geoekologiya [Proceedings of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology]*, (3), 35–41. <https://doi.org/10.17308/geo/1609-0683/2024/3/35-41> (In Russ.)

Eminov, Z. N. (2008). Regional problems of labor resource utilization. *Trudy Geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Geographical Society]*, 12, 312–317.

Eyubov, N. G. (2011). Features of the development of the demographic settlement base in the Republic of Azerbaijan. *Novosti NANA. Seriya: Nauki o Zemle [News of ANAS. Earth Sciences Series]*, (1), 99–103.

Kolosov, V. A., & Volodina, A. B. (2019). *Rossiiskoe pogranich'ye: problemy razvitiya v novykh geopoliticheskikh usloviyakh [Russian borderlands: Development problems under new geopolitical conditions]*. Moscow: Institut geografii RAN. (In Russ.)

Levchuk, E. (2009). Problems of development of border and transboundary regions of Poland. *Problemy sovremennoi ekonomiki [Problems of Modern Economics]*, (3), 307–312. (In Russ.)

Nasibov, E. M. (2014). *Osnovy migratsii: migratsionnaya fiziologiya, migratsionnye protsessy, mirovye migratsionnye tsentry [Fundamentals of migration: Migration physiology, migration processes, global migration centers]*. Baku: Nauka i obrazovanie.

Novikov, A. N., & Novikova, M. S. (2008). Regional features of the border position of south-eastern Transbaikalia. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki*, 150(3), 229–240. (In Russ.)

Savel'ev, Yu. V., & Tolstoguzov, O. V. (2014). *Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i modernizatsii prigranichnogo regiona [Features of socio-economic development and modernization of a border region]*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 490. (In Russ.)

Valentei, D. I., & Kvasha, A. Ya. (1989). *Osnovy demografii [Fundamentals of demography]*. Moscow: Mysl', 286 (In Russ.)

Zotova, O. A., & Tereshchenko, T. A. (2020). Border settlement as an interdisciplinary research topic. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya i geoekologiya [Herald of Tver State University. Series: Geography and Geoecology]*, 3(31), 43–56. <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2020-3-45-58> (In Russ.)

Абдуллаева Гюльнара Ислам — кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт географии Министерства науки и образования Азербайджана. <https://orcid.org/0009-0004-9418-189X> (Азербайджанская Республика, AZ1143, г. Баку, пр-т Г. Джавида, 115; e-mail: gulnare-78@mail.ru).

Gulnara I. Abdullayeva— PhD (Geogr), researcher, Institute of Geography at the Ministry of Science and Education of Azerbaijan. <https://orcid.org/0009-0004-9418-189X> (G. Javid Ave., Baku, AZ1143, Republic of Azerbaijan e-mail: gulnare-78@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declares that she has not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 316.34

JEL classification: I31, J11

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-2>

Оценка молодежи Республики Карелия социально-экономических проблем региона: результаты количественного исследования¹

Н. О. Андреева^a, Д. И. Сачук^b, Н. Л. Фадеева^c,

Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Россия)

^a <https://orcid.org/0009-0003-5824-3283>

^b <https://orcid.org/0000-0002-1992-5228>

^c <https://orcid.org/0000-0002-9856-4677>

Автор для корреспонденции: Н.Л. Фадеева (nata84fa@mail.ru)

Аннотация. Авторами представлены результаты социологического исследования молодежи Республики Карелия. Анализ показал, что молодежные группы в регионе в первую очередь оценивают проблемы развития республики через призму своих собственных проблем: возможность приобретения жилья, выход на рынок труда и восприятие социально-экономической ситуации как в регионе, так и в целом в стране. В своей реализации молодые люди рассчитывают, прежде всего, на свои личные качества (амбиции), поддержку семьи и друзей, а также использование личных связей. Значимые различия по исследуемым характеристикам были обнаружены в зависимости от территории проживания (столица и районы), гендерной принадлежности, возраста молодежи и оценки своего благосостояния.

Ключевые слова: молодежь; северный регион; безработица; жилищные проблемы; жизненные планы.

Youth Assessment of the Socio-Economic Problems of the Republic of Karelia: Results of a Quantitative Study

N. Andreeva^a, D. Sachuk^b, N. Fadeeva^c,

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

^a <https://orcid.org/0009-0003-5824-3283>

^b <https://orcid.org/0000-0002-1992-5228>

^c <https://orcid.org/0000-0002-9856-4677>

Corresponding author: N.L. Fadeeva (nata84fa@mail.ru)

Abstract. The authors present the results of a sociological study of the youth of the Republic of Karelia. The analysis showed that youth groups in the region primarily assess the problems of the republic's development through the prism of their own problems: the possibility of purchasing housing, entering the labor market and the perception of the socio-economic situation, both in the region and in the country as a whole. In their realization, young people rely primarily on their personal qualities (ambitions), the support of family and friends, as well as the use of personal connections. Significant differences in the studied characteristics were found depending on the territory of residence (capital and districts), gender, age of young people and assessment of their well-being.

Keywords: youth, northern region, unemployment, housing problems, life plans

Введение

Социально-экономическое развитие регионов России в условиях выраженной территориальной дифференциации остается одной из ключевых проблем

¹ © Андреева Н. О., Сачук Д. И., Фадеева Н. Л. Текст. 2026.

современной социологии и региональных исследований. В научных работах, посвященных анализу регионального неравенства, показано, что различия в уровне экономического развития, структуре занятости и доступе к социальным ресурсам формируют неодинаковые условия жизнедеятельности населения и задают различающиеся возможности социальной и профессиональной самореализации (Зубаревич, 2010). Наиболее остро данные различия проявляются в северных и периферийных регионах, где экономические ограничения сочетаются с демографическими вызовами и сужением региональных рынков труда, усиливая зависимость индивидуальных жизненных траекторий от территориального контекста.

В этом отношении Республика Карелия представляет собой регион европейского севера России, характеризующийся совокупностью социально-экономических и демографических проблем. В структуре населения региона фиксируется сокращение численности молодых возрастных групп: доля населения в возрасте 14–35 лет составляет менее четверти (22,3 %) общей численности и демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению в динамике последних лет (Карелиястат, 2024). Демографические процессы в регионе тесно связаны с состоянием экономики и структурой занятости, определяя ограниченность рабочих мест и уровень доходов, что непосредственно влияет на трудовые и профессиональные перспективы молодежи (Рудаков, 2020). Совокупность указанных факторов позволяет рассматривать Республику Карелия как показательный кейс для анализа влияния региональных социально-экономических условий на жизненные стратегии молодежи.

Обзор литературы

В российской социологической литературе накоплен значительный массив исследований, посвященных анализу положения молодежи, ее ценностных ориентаций, а также социальных настроений и жизненных планов. В работах, основанных на многолетних эмпирических исследованиях, представлен развернутый социологический портрет российской молодежи, включая особенности ее трудового поведения, ожиданий и социального самочувствия (Горшков & Шереги, 2020; Константиновский и др., 2014). Здесь показано, что молодежь выступает активным субъектом социальных процессов, а ее жизненные планы формируются во взаимосвязи с объективными условиями социальной среды.

Особое направление исследований связано с анализом жизненных стратегий молодежи. В рамках данного подхода жизненные стратегии рассматриваются как совокупность ожиданий, установок и практик, направленных на достижение социально значимых целей, реализация которых обусловлена воспринимаемыми возможностями и социально-экономическими условиями (Зубок & Чупров, 2020). Подчеркивается, что степень реализации жизненных ожиданий молодежи тесно связана с ее социальными настроениями и субъективной оценкой доступности ресурсов, что актуализирует обращение к анализу субъективного измерения социально-экономических процессов.

Исследования, выполненные как на российском, так и на международном эмпирическом материале, указывают на значимость территориального контекста для формирования образовательных, трудовых и жизненных траекторий

молодежи. Молодые возрастные группы, находящиеся на этапе выбора образовательной и профессиональной траектории, особенно чувствительны к региональным различиям в уровне социально-экономического развития и качестве рынков труда (Кашницкий и др., 2016; Karachurina & Mkrtchyan, 2020). В условиях экономической неопределенности и ограниченных региональных возможностей происходит пересмотр жизненных планов и откладывание ключевых жизненных решений, включая профессиональную и семейную самореализацию (Aassve et al., 2013). Вместе с тем в ряде исследований региональный контекст анализируется преимущественно через объективные социально-экономические показатели, тогда как субъективные оценки и интерпретации молодежи остаются недостаточно систематизированными.

Региональная специфика указанных процессов отражена в исследованиях, выполненных на материале Республики Карелия. Так, образовательная миграция выпускников школ рассматривается молодежью как один из способов расширения жизненных возможностей в условиях ограниченного регионального рынка труда, что в дальнейшем оказывает влияние на их профессиональные и жизненные планы (Simakova & Stepus, 2023). Эти результаты указывают на значимость субъективных представлений молодежи о социально-экономических условиях региона, однако данные представления в региональных исследованиях, как правило, анализируются фрагментарно и не всегда соотносятся с жизненными стратегиями молодых людей.

Теоретическое осмысление факторов, влияющих на реализацию жизненных планов молодежи, предполагает обращение к концепции различных форм капитала. В рамках экономико-социологического подхода показано, что наряду с экономическими и образовательными ресурсами значимую роль играют социальные связи, обеспечивающие доступ к информации и возможностям, а также конвертацию одних форм капитала в другие (Радаев, 2002). В условиях регионального рынка труда с ограниченными возможностями социальные связи нередко рассматриваются молодежью как важный ресурс достижения жизненного и профессионального успеха, что усиливает значимость анализа субъективных представлений о доступных ресурсах и барьерах.

Актуальность обращения к субъективному измерению социально-экономических проблем региона подтверждается и результатами общероссийских социологических исследований. По данным ВЦИОМ, значительная доля молодых специалистов выражает неудовлетворенность уровнем заработной платы и ориентируется на более высокие доходы, чем те, которые характерны для большинства региональных рынков труда; материальные ограничения при этом рассматриваются как один из ключевых барьеров реализации жизненных планов (ВЦИОМ, 2022; 2023). Указанные данные свидетельствуют о наличии разрыва, который приобретает особую значимость в регионах с ограниченными возможностями рынка труда, между ожиданиями молодежи и объективными социально-экономическими условиями.

Таким образом, несмотря на наличие фундаментальных исследований, посвященных положению молодежи и проблемам регионального развития, субъективное восприятие социально-экономических условий конкретных территорий и его

связь с жизненными планами и стратегиями молодежи остаются недостаточно раскрытыми на региональном уровне. В существующих работах преобладает анализ объективных социально-экономических показателей, тогда как интерпретации и оценки самой молодежи как активных субъектов формирования жизненных стратегий представлены ограниченно.

Методология

Социологическое исследование реализовано научно-исследовательским коллективом преподавателей кафедры политических и социальных наук под руководством доцента, кандидата социологических наук Ю.А. Петровской и сотрудниками лаборатории социологических исследований ПетрГУ (руководитель доцент, кандидат социологических наук О.В. Федосеева).

Целью настоящего исследования является выявление основных черт восприятия социально-экономических проблем региона молодежью Республики Карелия и установление их связи с жизненными планами и стратегиями молодых людей в условиях регионального рынка труда.

Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих задач:

- выявить факторы, которые молодежь рассматривает как ресурсы реализации жизненных планов в социально-экономических условиях региона;
- определить ключевые барьеры, препятствующие реализации жизненных и профессиональных планов молодежи в Республике Карелия;
- охарактеризовать представления молодежи о наиболее перспективных сферах занятости в региональном контексте;
- определить роль социальных связей и неформальных ресурсов в представлениях молодежи о достижении жизненного и профессионального успеха.

Сроки проведения исследования — октябрь 2025 года.

Методы исследования: анкетирование молодежи ($n = 3024$) в возрасте от 16 до 35 лет, проживающей на территории Республики Карелия. Выборочная совокупность: квотная, репрезентативная по критериям места проживания молодежи — город Петрозаводск и районы Республики Карелия; пола, вида занятости молодежи — учащаяся (по уровням образования) и работающая молодежь. Основой для расчета выборки послужили количественные данные Карелиястата, отражающие демографические характеристики молодежи в регионе за 2024 г.

Результаты

Структура ценностей и проблем, которые оценивает молодежь, напрямую связана с текущей социально-экономической ситуацией в регионе и возможностью улучшать свои жизненные условия. Результаты опроса показывают, что молодежь в первую очередь отмечает невозможность приобретения собственного жилья (рис. 1). Прежде всего, эта проблема становится актуальной для молодежи старше 23 лет, которая начинает жить самостоятельно от родителей и может оценить свои возможности реально.

Второй по частоте упоминания проблемой среди молодежи стала безработица. Анализ официальных статистических данных показал, что на начало 2025

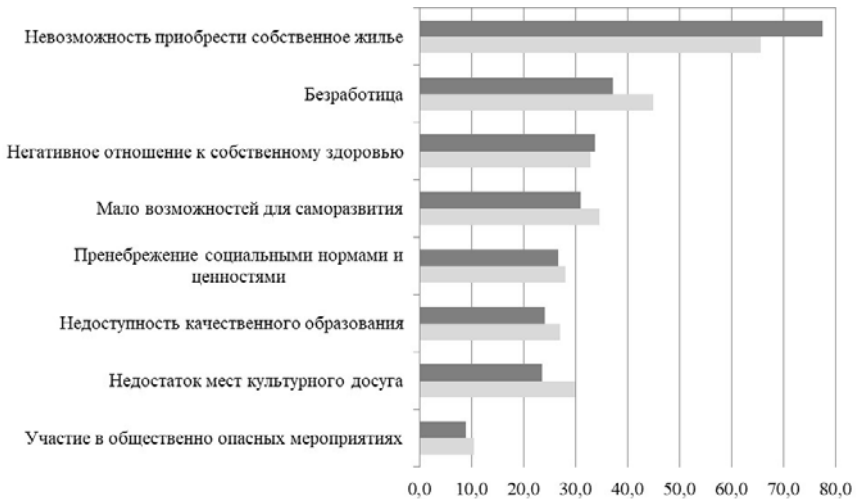

Рис. 1. Проблемы, наиболее остро стоящие перед молодежью Республики Карелия, в % в зависимости от территории

года Республика Карелия занимала 73-е место из 85 возможных в рейтинге регионов по уровню безработицы¹. Несмотря на уменьшение уровня безработицы в республике за последние несколько лет, все равно существует разрыв между предлагаемыми специальностями и направлениями на рынке труда и желанием молодежи работать в той или иной профессиональной сфере. При этом проблема безработицы стоит перед молодежью районов острее, по сравнению со столицей Карелии, ввиду ограничений предложений от работодателей.

Вопросы, связанные с возможностью самореализации и проведением культурного досуга замыкают тройку лидеров, среди молодежи, проживающей в районах республики. Прежде всего, это связано с отсутствием или недостаточным количеством мест, где молодежь разного возраста может проводить свободное время, заниматься в кружках и секциях.

В исследовании респондентами наиболее перспективными сферами занятости для работы молодежи были выделены ИТ и цифровые технологии, здравоохранение и медицина, торговля, промышленное производство и строительная отрасль. Следует сказать, что существенной разницы в выделении сфер занятости между «столичной» и «районной» молодежью не выявлено, за исключением сельского хозяйства. Данный вариант ответа выбрал каждый пятый житель муниципального района республики.

Если сравнивать ответы по гендерному признаку, то здесь отчетливо видно разделение на предпочитаемые так называемые мужские и женские сферы работы, — мужчины выбирают промышленность, строительство и транспорт, а среди женщин пользуются популярностью общественное питание, здравоохранение и медицина, образование и наука, культура и искусство (рис. 2).

¹ Уровень безработицы определен как отношение численности безработных (по стандартам МОТ) к численности рабочей силы в возрасте 15 лет и старше.

В рамках опроса респондентам было предложено указать факторы, способствующие и препятствующие реализации жизненных планов. Интерес представляют прежде всего гендерные различия в вопросе оценки способствующих факторов (табл. 1). При общих схожих характеристиках преобладает предпочтение женщинами значимости поддержки со стороны семей/друзей, а также государственной помощи. Мужчины в свою очередь в большей степени выделяют значимость полезных связей и доступа к информации.

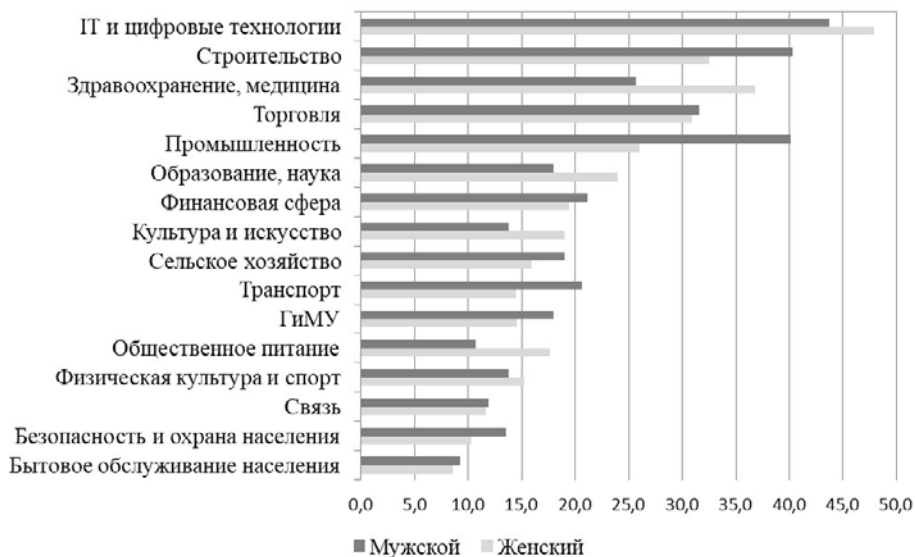

Рис. 2. Представления о наиболее перспективных сферах для работы молодежи в Республике Карелия, в % в зависимости от гендерной принадлежности

Таблица 1

Гендерные различия в оценке факторов реализации жизненных планов

	Мужчины	Женщины
Финансовая поддержка близких, друзей, знакомых	56,2 %	53,5 %
Качественное образование и доступ к информации	45,5 %	45,9 %
Наличие карьерных возможностей и программ стажировок	32,8 %	37,0 %
Поддержка семьи и друзей	43,0 %	49,7 %
Личные качества (амбиции, трудолюбие)	60,7 %	60,8 %
Полезные связи и знакомства	42,1 %	36,4 %
Доступ к информации	21,3 %	15,8 %
Государственные программы поддержки молодежи	15,9 %	22,9 %
Здоровье и личное благополучие	24,8 %	27,0 %
Другое	1,0 %	0,2 %

Основными факторами, мешающими молодежи Карелии воплощать свои жизненные планы стали, прежде всего, незнание, где и как применить свои силы (45 %), невостребованность молодежи на рынке труда (36,3 %) и ее дискриминация со стороны старших поколений (38 %). Оценка социально-экономических условий, в том числе и меры государственной политики в области молодежи, как неблагоприятных для развития и реализации в регионе и стране, отходят на второй план.

В данном вопросе особенно важным представляется возрастное распределение ответов (рис. 3). Обращают на себя внимание оценки самой молодой группы опрошенных — 16–17 лет, которые акцентируют внимание на факторе образования, однако в меньшей степени говорят о социально-экономической ситуации в стране/регионе, что соответствует реалиям возрастных характеристик этой группы.

В рамках исследования респондентам было предложено оценить суждение в следующей формулировке: «Для успеха необходимы полезные знакомства». Мы предположили, что существуют значимые отличия между представителями различных социально-демографических групп. Гендерная разность в этом суждении представлена на рис. 4.

Значение критерия хи-квадрат 18,906 при четырех степенях свободы показывает, что между переменными существует значимая связь с конкретным направлением связи (что подтверждается непараметрическим критерием Краскала-Уоллиса — уровень значимости стремится к нулю). Поэтому можно сказать, что определенные гендерные различия присутствуют: мужчины чаще склонны признавать значение личных связей — 82,2 %, женщины в меньшей степени — 75,8 %.

Возрастные различия по этому вопросу не столь значимы, однако несколько выделяется первая, младшая возрастная группа (табл. 2). Прежде всего сказывается

Рис. 3. Возрастное распределение по сдерживающим факторам реализации жизненных планов, в %

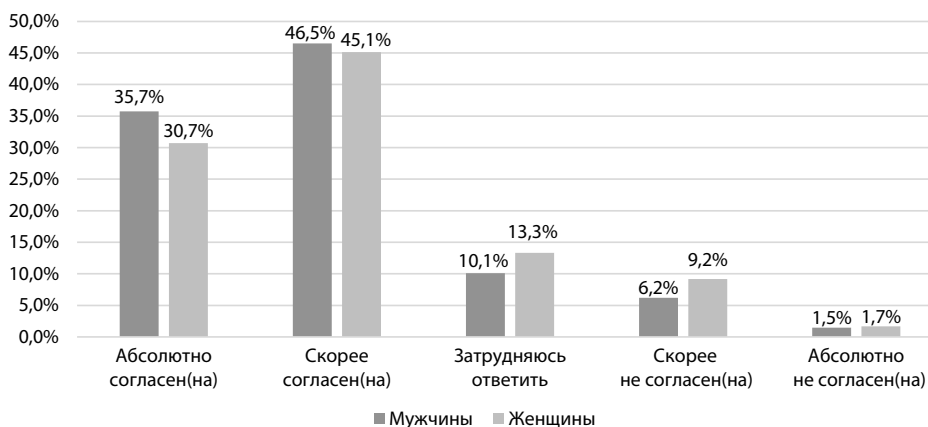

Рис. 4. Гендерные различия по уровню согласия с высказыванием
«Для успеха необходимы полезные знакомства», в %

Таблица 2

**Возрастные различия в вопросе по уровню согласия с высказыванием
«Для успеха необходимы полезные знакомства», в %**

Вариант ответа	16–17 лет	18–22 года	23–29 лет	30–35 лет
Абсолютно согласен(на)	30,10 %	35,70 %	30,60 %	31,10 %
Скорее согласен(на)	42,40 %	46,70 %	51,40 %	43,80 %
Затрудняюсь ответить	17,30 %	10,60 %	6,60 %	12,50 %
Скорее не согласен(на)	8,10 %	5,90 %	10,50 %	10,40 %
Абсолютно не согласен(на)	2,10 %	1,10 %	0,90 %	2,20 %

отсутствие опыта на рынке труда. Этим можно объяснить высокий процент сомневающихся (различия значимые, в соответствии со значение критерия хи-квадрат 63,344 при 12 степенях свободы) среди этой группы. Косвенно это показывает, что категория успеха мыслится респондентами как успех на профессиональном поприще. Также любопытно, что наименьшее согласие с приведенным высказыванием демонстрируют представители старшей молодежи, очевидно, в большей степени нашедшие свое место на рынке труда.

По аналогичным социально-демографическим группам был рассмотрен вопрос, посвященный самооценке уровня своего материального благополучия. Распределение по гендеру показало интересную особенность: мужчины демонстрируют полярные оценки, чаще выбирая крайние, с точки зрения шкалы, оценки (рис. 5).

Соответственно, женщины чаще выбирают средние оценки своего материального положения, фиксируя значимые различия в общем восприятии уровня своей обеспеченности (значение критерия хи-квадрат 53,195 при шести степенях свободы). Мужчины в целом выше оценивают свое материальное положение (три верхних варианта ответа выбрали 49 % мужчин и 42,7 % женщин), что, учитывая реальные статистические данные о невысоком общем уровне материального

благополучия в Республике Карелия, скорее свидетельствует о фрагментарно сохраняющемся в мужской среде феномене социальной желательности и необходимости соответствовать существующим гендерным стереотипам.

Возрастное распределение по данному вопросу самооценки уровня своей материальной обеспеченности показало значимую (значение критерия хи-квадрат 281,605 при 18 степенях свободы, направление связи подтверждается непараметрическим критерием Краскелла-Уоллиса) и объективно невысокую компетентность наименее возрастных групп (рис. 6).

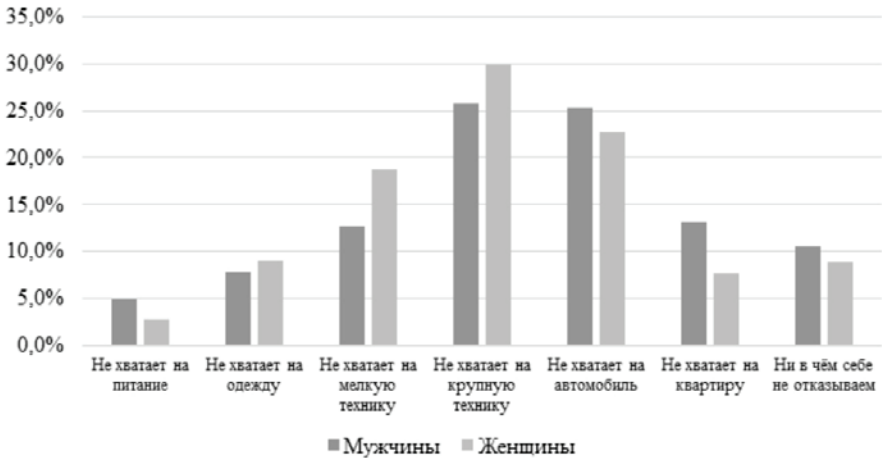

Рис. 5. Гендерные различия в самооценке своего материального положения, в %

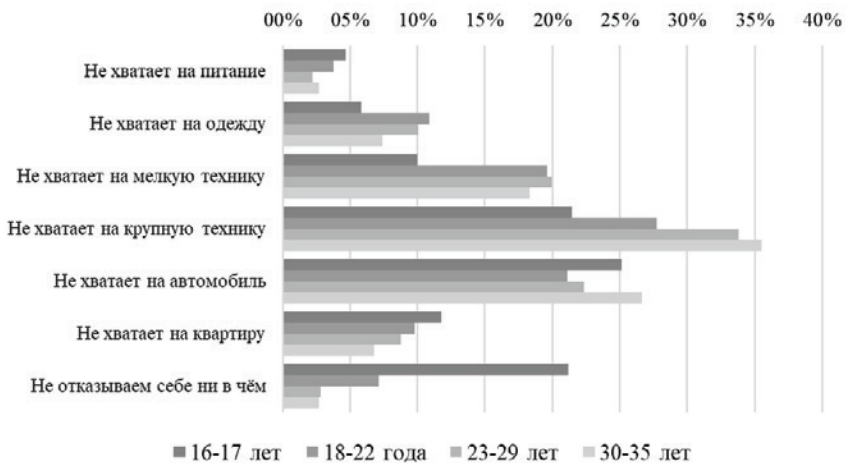

Рис. 6. Возрастные различия в самооценке своего материального положения, в %

Учитывая общие данные по всей выборочной совокупности, можно предположить, что значительная часть респондентов из группы 16–17 лет имеет весьма смутное представление об уровне материальной обеспеченности своей семьи, а также, очевидно, не являются социально и экономически самостоятельными личностями. Представители старших возрастных групп, частично или полноценно вышедшие на рынок труда, оценивают свои материальные возможности гораздо скромнее. Промежуточное положение, как видно, из полученных данных, занимает группа 18–22-летних респондентов, частично экономически зависимая, в какой-то степени столкнувшаяся с реалиями рынка труда Республики Карелия.

Можно зафиксировать сохраняющиеся гендерные различия в вопросах оценки как своего положения в социально-экономической стратификации общества, так и факторов, способствующих и препятствующих жизненному успеху. С точки зрения возраста, заметно отличается младшая группа молодежи 16–17 лет, не находящаяся на рынке труда и в меньшей степени социально самостоятельная.

Заключение

Социологическое исследование, проведенное в Республике Карелии, показало, что молодежь региона обладает как типичными характеристиками, свойственными для всей российской молодежи, так имеет и свои особенные черты, присущие приграничной территории с глубокой социально-экономической дифференциацией. «Столичная» и «районная» молодежь выделяет схожие социально-экономические проблемы, с которыми ей приходится сталкиваться. Существенные различия в оценке были обнаружены между разными возрастными группами исследуемой молодежи. Так, более взрослая молодежь оценивает необходимые ресурсы и существующие барьеры для реализации своих жизненных планов уже столкнувшись с ними, в то время как младшая часть молодежи судит о них через систему своих представлений, не имея реального социального опыта. Значимыми остаются гендерные различия: мужчины в большей степени склонны выделять значение личных связей, а также радикальнее оценивают уровень своей материальной обеспеченности в отличие от женщин. Три четверти молодежи в той или иной степени согласны, что в современном обществе социальные связи (полезные знакомства) имеют достаточно высокое значение для достижения успеха, в том числе и в профессиональной сфере.

Благодарность

Исследование проведено в рамках программы «Регион для молодых» национального проекта «Молодежь и дети» при поддержке Управления по молодежной политике Республики Карелия.

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the «Region for Young» program of the national project «Youth and Children» with the support of the Department for Youth Policy of the Republic of Karelia.

Список источников

Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. (2020). *Молодёжь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований*. Москва: ФНИСЦ РАН, 688. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020>

Зубаревич, Н. В. (2010). *Регионы России: неравенство, кризис, модернизация*. Москва: Независимый институт социальной политики, 160.

Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2020). Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 13–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.

Кашницкий, И., Мкртчян, Н., Лешуков, О. (2016). Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики. *Вопросы образования*, 3, 169–203. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203>

Константиновский, Д. Л., Вознесенская, Е. Д., Чередниченко, Г. А. (2014). *Молодёжь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие*. Москва: ЦСП и М, 548.

Радаев, В. В. (2002). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. *Экономическая социология*, 3(4), 20–32. EDN: OYUVFF

Рудаков, М. Н. (2020) Региональный рынок труда: демография и экономика Республики Карелия. *Российский экономический журнал*, 5, 52–63. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-5-52-63>

Симакова, А. В., Степуть, И. С. (2023). Образовательная миграция выпускников Карелии: арктическая специфика. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 16(3), 247–264. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.13>

Aassve A., Cottini, E., Vitali, A. (2013). Youth prospects in a time of economic recession. *Demographic Research*, 29(36). 949–962. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.36>

Karachurina, L. & Mkrtchyan, N. (2020). Age-specific Migration in Regional Centres and Peripheral Areas of Russia. *Comparative Population Studies*, 44, 413–446. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12>

References

Aassve A., Cottini E., Vitali A. (2013). Youth prospects in a time of economic recession. *Demographic Research*, 29(36). 949–962. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.36>

Gorshkov, M.K. & Sheregi, F.E. (2020). *Molodej Rossii v zerkale sociologii: kitogam mnogoletnih issledovanii [Young people of Russia in the mirror of sociology: to the results of many years of research]*. Moscow: FNIS RAS, 688. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020> (In Russ).

Karachurina, L. & Mkrtchyan, N. (2020). Age-specific Migration in Regional Centres and Peripheral Areas of Russia. *Comparative Population Studies*, 44, 413–446. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12>

Kashnitsky, I., Mkrtchyan, N., Leshukov, O. (2016). Interregional youth migration in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies Moscow]*, 3, 169–203. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203> (In Russ.)

Konstantinovskiy, D. L., Voznesenskaya, E. D., Cherednichenko, G. A. (2014). *Molodej Rossii na rubeje XX–XXI vekov: obrazovanie, trud, socialnoe samochuvstvie [Youth of Russia at the turn of the XX–XXI centuries: education, work, social well-being]*. Moscow: CSP and M, 548. (In Russ.)

Radaev, V.V. (2002). The concept of capital, forms of capital and their conversion. *Economicheskaya sociologiya [Economic Sociology]*, 3(4), 20–32. EDN: OYUVFF (In Russ.)

Rudakov, M.N. (2020) Regional labor market: demography and economy of the Republic of Karelia. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal]*, 5, 52–63. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-5-52-63/>. (In Russ.)

Simakova, A.V. & Stepus, I.S. (2023). Educational migration of school leavers from Karelia: Arctic specifics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16 (3), 247–264. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.13> (In Russ.)

Zubarevich, N.V. (2010). *Regioni Rossii: neravenstvo, krizis, modernizaciya [Regions of Russia: inequality, crisis, modernization]*. Moscow: Independent Institute for Social Policy, 160. (In Russ.)

Zubok, J. A. & Chuprov, V. I. (2020) Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 3, 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. (In Russ.)

Андреева Наталья Олеговна — социолог лаборатории социологических исследований, Петрозаводский государственный университет; <https://orcid.org/0009-0003-5824-3283> (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, просп. Ленина, д. 33; e-mail: natandreeva.01@gmail.com).

Сачук Денис Игоревич — старший преподаватель, кафедра политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-1992-5228> (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, просп. Ленина, д. 33; e-mail: sachuk_ptz@mail.ru).

Фадеева Наталья Леонидовна — старший преподаватель, кафедра политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-9856-4677> (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, просп. Ленина, д. 33; e-mail: nata84fa@mail.ru).

Natalya O. Andreeva — Sociologist of the Laboratory of Sociological Research, Petrozavodsk State University; <https://orcid.org/0009-0003-5824-3283> (33, Lenina Ave., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: natandreeva.01@gmail.com).

Denis I. Sachuk — Senior Lecturer, Department of of Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University; <https://orcid.org/0000-0002-1992-5228> (33, Lenina Ave., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; sachuk_ptz@mail.ru).

Natalya L. Fadeeva — Senior Lecturer, Department of of Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University; <https://orcid.org/0000-0002-9856-4677> (33, Lenina Ave., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: nata84fa@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 331.5

JEL classification: J01, J11, J24

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-3>

Демографические факторы и условия обеспечения накопления человеческого капитала молодежи на рынке труда¹

О.А. Антонова^а, Е.В. Масленникова^б

^а Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (г. Челябинск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-0050-7883>

^б Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-2469-5057>

Автор для корреспонденции: О.А. Антонова (antonova.aa@uiec.ru).

Аннотация. Демографические факторы и условия являются основой накопления человеческого капитала молодежи, от которых зависит трудовой потенциал экономики в будущем. Цель исследования заключается в уточнении демографических факторов и условий, которые обеспечивают накопление человеческого капитала молодежи на рынке труда. Объектом исследования является рынок труда молодежи, предметом — демографические факторы и условия для накопления человеческого капитала молодежи как основы предложения на рынке труда. Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что демографические факторы, негативно влияющие на накопление человеческого капитала молодежи, можно компенсировать благоприятными региональными условиями, которые обеспечивают накопление человеческого капитала и предложение на молодежном рынке труда, отражаясь на метриках молодежной занятости и безработицы. Результаты исследования могут быть использованы для разработки и совершенствования социально-экономических государственных программ в сфере демографии и молодежной политики занятости.

Ключевые слова: демографические факторы; условия; молодежная занятость; молодежь; рынок труда; накопление человеческого капитала.

Demographic Factors and Conditions for Ensuring the Accumulation of Human Capital of Young People in the Labor Market

O. Antonova^a, E. Maslennikova^b

^a Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Chelyabinsk, Russia).

<https://orcid.org/0000-0003-0050-7883>

^b Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

<https://orcid.org/0000-0003-2469-5057>

Corresponding author: O. Antonova (antonova.aa@uiec.ru).

Abstract. Demographic factors underlie the accumulation of youth human capital, which influences the future labor potential of the economy. The purpose of this study is to clarify the demographic factors and conditions that ensure the accumulation of youth human capital in the labor market. The object of this study is the youth labor market, and the subject is the demographic factors and conditions for the accumulation of youth human capital as the basis for labor market supply. The study's hypothesis is that demographic factors negatively impacting the accumulation of youth human capital can be offset by favorable regional conditions that

¹ © Антонова О. А., Масленникова Е. В. Текст. 2026.

ensure the accumulation of human capital and supply in the youth labor market, reflecting in youth employment and unemployment metrics. The study's results can be used to develop and improve socioeconomic state programs in the areas of demography and youth employment.

Keywords: demographic factors, conditions, youth employment, youth, labor market, human capital accumulation

Введение

Укрепление молодежного сегмента человеческого капитала становится критически важным для экономического развития, технологического суверенитета и социальной трансформации общества. В долгосрочной перспективе эффективность экономики во многом будет определяться качеством и количеством инвестиций в человеческий капитал молодежи, превращая ресурсы знаний, здоровья и мотивации в реальный экономический эффект. Актуальность исследования, посвященного накоплению молодежного человеческого капитала, обусловлена целями и задачами, стоящими перед страной, а также негативными демографическими тенденциями, влияющими на величину и качество трудовых ресурсов страны.

По мнению ряда ученых, человеческий капитал — это совокупность инвестиций в образование, здоровье, профессиональную подготовку и другие характеристики человека, которые могут использоваться в трудовой деятельности для производства товаров и услуг, повышения производительности труда и экономического роста (Shultz, 1960; Becker, 1964). Молодежь в этом контексте рассматривается как особая социально-демографическая группа, имеющая трудовой потенциал роста накопления человеческого капитала, ключевой ресурс для развития экономики в будущем.

На рынке труда человеческий капитал молодежи проявляется через ее способность к реализации трудового потенциала, который приносит доход. В процессе реализации трудового потенциала молодежи приходится постоянно адаптироваться к изменениям условий труда в различных отраслях и организациях, осваивать новые технологии, создавать инновации и вносить вклад в экономическое развитие. Однако у этой группы есть и специфические особенности: отсутствие опыта работы, недостаток практических навыков, иногда завышенные ожидания относительно должности и зарплаты, что может снижать ее конкурентоспособность и возможности вовлечения в трудовую деятельность.

Накопление человеческого капитала осуществляется в сфере производства в отношении уже сформированного человеческого капитала. Это постоянный процесс приращения его стоимости в процессе производственной деятельности, развития качеств, навыков и способностей, повышения профессионального уровня молодежи при соблюдении критерия экономической целесообразности, отражающего возможность дальнейшего возврата вложенных средств (Хафизова, 2010).

На накопление человеческого капитала влияет множество факторов — демографические, социально-экономические, институциональные, информационные и другие. К демографическим факторам можно отнести: численность, половозрастную структуру, темпы прироста населения, среднюю продолжительность жизни населения и др. Продолжительность жизни также способствует усилению человеческого капитала во временном измерении, поскольку в течение всего

времени жизни человек саморазвивается, приобретает новые знания, инвестирует в свое образование и развитие; возникают и развиваются различные формы социального участия (Моисеев и др., 2022).

Анализ демографической ситуации в Российской Федерации показывает, как сокращается количество молодых людей, выходящих на рынок труда, что в перспективе ведет к ограничению экономического роста (Масленникова & Антонова, 2025) (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, за период с 2013 по 2024 гг. численность рабочей силы по возрастным группам среди молодежи сократилась на 7 164 тыс. чел. По нашим допущениям, из-за демографического фактора потери человеческого капитала за исследуемый период составили приблизительно 9,95 %.

К усилению конкуренции на рынке труда и обострению среди молодежи проблемы безработицы, уровень которой является высоким (выше среднего значения по другим возрастным группам), ведут увеличение средней продолжительности жизни, а также рост миграции. Существует дисбаланс между выпускниками учебных заведений и их востребованностью. Все это ведет к сложностям вовлечения молодых людей в трудовую деятельность, невостребованности их человеческого капитала, его обесцениванию.

Цель исследования заключается в уточнении демографических факторов и условий, которые обеспечивают накопление человеческого капитала молодежи на рынке труда. Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что демографические факторы, негативно влияющие на накопление человеческого капитала молодежи, можно компенсировать благоприятными региональными условиями, которые обеспечивают накопление человеческого капитала и предложение на молодежном рынке труда, отражаясь на метриках молодежной занятости и безработицы.

Таблица 1

Динамика численности рабочей силы по возрастным группам за 2013–2024 гг., тыс. чел.

Год	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет	Всего
2013	686	6 972	10 779	9 927	28 364
2014	578	6 387	10 983	10 204	28 152
2015	611	5 871	11 197	10 615	28 294
2016	612	5 411	11 217	10 925	28 165
2017	540	4 779	11 103	11 081	27 503
2018	521	4 419	10 557	11 461	26 958
2019	474	4 257	9 756	11 575	26 062
2020	467	4 134	8 882	11 481	24 964
2021	465	4 107	8 184	11 582	24 338
2022	415	3 817	7 479	11 390	23 101
2023	506	3 796	7 152	10 873	22 327
2024	455	3 946	6 708	10 091	21 200

Источник: составлено авторами по: Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 01.01.2026).

Обзор литературы

Исследования российских ученых в области определения демографических факторов для накопления человеческого капитала молодежи можно разделить на две группы.

Первая группа включает в себя работы, авторы которых изучают влияние демографических факторов на накопление человеческого капитала в целом (Ионцев & Магомедова, 2015; Мабиала и др., 2024; Моисеев и др., 2022; Пухова и др., 2019), фиксируя негативные тенденции, происходящие в этой сфере. Демографические процессы, происходящие в настоящее время в России, сопровождаются снижением численности населения по причине низкой рождаемости и старения населения, невысокой ожидаемой продолжительности жизни, высокой смертности (особенно в трудоспособном возрасте). Общее сокращение численности населения и особенно трудоспособной его части отрицательно влияет на формирование рынка труда, сокращая его потенциал (Пухова и др., 2019).

Социально-демографический кризис, сложившийся в России за последние два десятилетия, представляет собой один из наиболее систематических рисков, угрожающих обеспечению человеческого потенциала, воспроизводству, накоплению и развитию человеческого капитала. Это создает реальные риски, тормозящие общие тренды устойчивого социально-экономического развития страны и ее регионов. Демографические тенденции за период 2010–2021 гг. в стране характеризуются тем, что естественная убыль населения ускоряется, миграционный прирост не успевает ее компенсировать. В связи с этим сокращается доля населения в трудоспособном возрасте на 1,6 % (Мабиала и др., 2024).

Вторая группа исследователей изучает человеческий капитал молодежи и влияние на него различных факторов, в том числе и демографических (Бондаренко, 2025; Гайдукова, 2025). Исследователи отмечают, что человеческий капитал молодежи отличается от капитала взрослого поколения, поскольку молодые люди находятся на стадии активного накопления знаний и навыков, что делает их важным ресурсом для экономического роста и инноваций. Кроме того, молодежь, обладая высокой адаптивностью и способностью к накоплению знаний, выступает катализатором изменений, а ее социально-трудовой потенциал формирует основу для экономического роста (Бондаренко, 2025).

В целом человеческий капитал молодежи характеризуется сочетанием высокой способности к обучению, цифровых и инновационных компетенций с дефицитом опыта, ресурсов и устойчивых социальных связей. Это делает молодое поколение одновременно главным двигателем преобразований и наиболее уязвимой группой к структурным дисбалансам на рынке труда (Гайдукова, 2025).

Актуальность проблемы накопления человеческого капитала у молодого поколения вызывает серьезное беспокойство. Современная молодежь сталкивается с напряженной обстановкой на рынке труда, прибегает к тактическим стратегиям: продлению обучения, получению дополнительного образования без четкого плана, отсрочке экономической самостоятельности. Несмотря на более высокий уровень профессиональной подготовки по сравнению с предыдущими поколениями, трудовые риски растут — молодые специалисты по-прежнему испытывают возрастную дискриминацию; наличие диплома перестает быть гарантией успешной

интеграции в экономику, а вопрос эффективного использования молодежного человеческого капитала остается открытым (Гайдукова, 2025).

Еще одной острой проблемой молодежного рынка труда, с точки зрения накопления человеческого капитала, становится рост численности экономически неактивной (неработающей и необучающейся) молодежи, которая в международной статистике получила название NEET (Not in Employment, Education or Training) и характеризует ее неиспользуемый трудовой потенциал. Молодежь NEET испытывает наибольшие трудности на рынке труда, что объясняется невысоким уровнем образования большей части представителей данной категории. В России 23 % населения, которое не входит в число экономически активного населения, составляют молодые люди (Митрофанова & Митрофанова, 2021).

В последнее десятилетие феномен российской NEET-молодежи стал особенно актуален вследствие сложной демографической ситуации — снижением рождаемости и уменьшением численности трудоспособного населения. По данным обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) Росстата, за период 1995–2015 годов тенденция к постоянному снижению экономической активности наблюдалась как у 15–19-летних (с 22,5 % до 8,7 %), так и у 20–24-летних (с 77 % до 58 %) (Буланова, Артамонова, 2020).

Для большинства NEET-молодежи характерен незавершенный переход «учеба — работа». Молодежь NEET часто имеет минимальный трудовой опыт, полученный на нестабильных низкоквалифицированных местах. Также молодые люди, имеющие проблемы со здоровьем, практически исключены из занятости и ограничены в получении образования, что в совокупности обуславливает низкий трудовой потенциал NEET-молодежи в России. Поэтому актуальным является разработка программ, расширяющих возможности для получения профессионального образования, прохождения переобучения и последующего трудоустройства для данной группы молодежи (Варшавская, 2016).

В зарубежных исследованиях акцентируется внимание на различных аспектах демографических факторов, связанных с накоплением человеческого капитала молодежи на рынке труда: изучается влияние старения населения на занятость молодежи (Xiao и др., 2024); прогнозируются последствия для рынка труда и общества в целом при увеличении численности молодежи и роста средней продолжительности жизни населения, что при прочих равных условиях увеличивает риск невостребованности человеческого капитала молодежи и сокращает возможность молодых людей занять достойные рабочие места (Inayatullah, 2016); анализируется влияние демографических изменений на рынок труда с точки зрения потенциального предложения рабочей силы, рассматривая как положительное, так и отрицательное давление на рынок труда, обусловленное изменениями демографической структуры населения (Vasile, V. и др., 2015).

Что касается исследований, связанных с созданием условий для накопления человеческого капитала молодежи, то существует точка зрения, что управление человеческим капиталом региона будет эффективным, прежде всего, при условии прогрессивных структурных изменений в экономике, тесно увязанных с существенными качественными изменениями жизненной инфраструктуры, создающей привлекательность региона (Абилова и др., 2024).

Обзор российской и зарубежной научной литературы показал, что требуется уточнение демографических факторов и условий, которые способствуют накоплению человеческого капитала молодежи, так как существует некоторая неопределенность в их обозначении.

Материалы и методы

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам экономики труда, теории человеческого капитала, рынка труда и занятости, молодежной безработицы и т. д.

В процессе исследования применялись общенаучные и специальные методы, такие как системный подход, анализ и синтез, индукция и дедукция, статистический анализ, метод группировок, сравнения и обобщения.

Эмпирическая база исследования представлена официальными статистическими данными Федеральной службы государственной статистики РФ, результатами исследований российских и зарубежных ученых, представленными в монографических, периодических изданиях.

Результаты, обсуждение

На обсуждение научной общественности выносятся следующие результаты исследования.

Под накоплением человеческого капитала молодежи понимается осознанный процесс формирования трудового потенциала, который включает профессиональные знания, навыки, здоровье, мотивацию, ценностные установки и модели поведения, определяющие потенциальное предложение рабочей силы. Процесс накопления человеческого капитала зависит от взаимовлияния демографической ситуации и создаваемых институциональных условий.

Проведенный анализ литературы позволил выделить следующие основные демографические факторы, способствующие накоплению человеческого капитала молодежи, которые можно разделить на три группы.

В первую группу демографических факторов, являющихся базой для накопления человеческого капитала, относятся: 1) численность и доля молодежи в населении региона; 2) половозрастная структура молодежи разных возрастов; 3) естественное движение населения; 4) миграционные потоки молодежи.

1.1. Численность и доля молодежи в населении региона определяют масштаб его человеческого капитала: «молодые» регионы (например, Северный Кавказ, Тыва) получают демографический дивиденд, но несут повышенную нагрузку на образование и занятость, тогда как регионы со стареющим населением (Центральная Россия, Северо-Запад) сталкиваются с дефицитом молодежи, снижением накопления человеческого капитала и ростом нагрузки на социальную систему.

По состоянию на 1 января 2024 г., численность и доля молодежи в общей численности населения субъектов УрФО представлена на рис. 1 и рис. 2.

Как видно из рисунков, самая высокая доля молодежи в общей численности населения среди субъектов УрФО находится в ЯНАО (24,4 %), а самая низкая — в Курганской области (19,3 %).

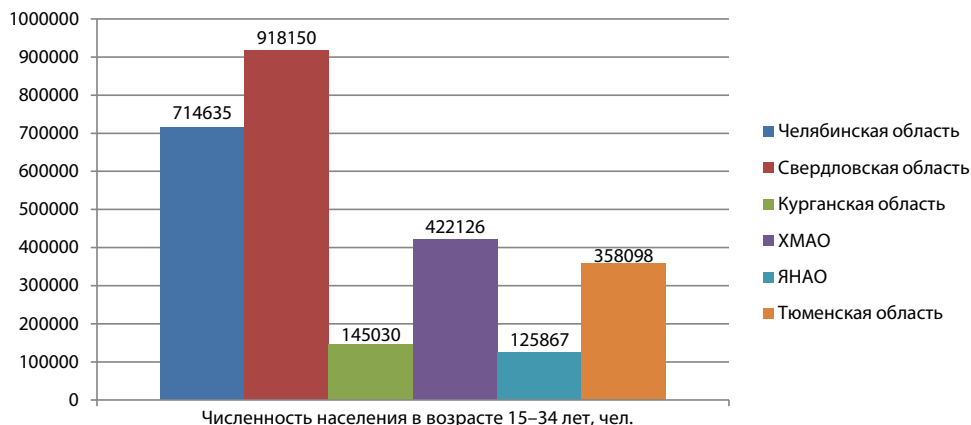

Рис. 1. Численность населения в возрасте 15–34 лет, чел., по состоянию на 01.01.2024 г., в УрФО (источник: Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 01.01.2026))

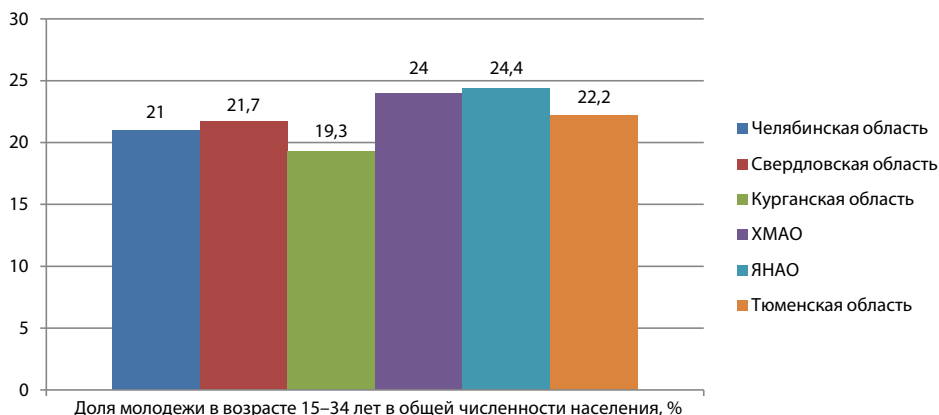

Рис. 2. Доля молодежи в возрасте 15–34 лет в общей численности населения, % по состоянию на 01.01.2024 г., в УрФО (источник: Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 01.01.2026))

1.2. Половозрастная структура молодежи разных возрастов (15–19, 20–24, 25–29, 30–34 лет) означает разные этапы накопления человеческого капитала (обучение, старт карьеры, профессионализация).

1.3. Естественное движение населения (рождаемость, смертность): высокая рождаемость через 15–20 лет создает волну давления на рынок труда в качестве роста предложения и потребности в рабочих местах. Высокая смертность и заболеваемость среди молодежи (например, из-за социальных проблем, ДТП) напрямую сокращает накопление человеческого капитала.

1.4. Миграционные потоки молодежи можно разделить на внутреннюю миграцию, которая отражает отток амбициозной и образованной молодежи в столицы («утечка мозгов и талантов»), что истощает накопление человеческого капитала донорских регионов (село → город, малые города → областные центры, периферия → агломерации); въездную миграцию, когда приток молодежи из других регионов или стран может компенсировать потери, но требует адаптации, признания квалификаций и несет риски социальной напряженности. Благодаря этому регион может компенсировать естественную убыль и оживить рынок труда. В тоже время студенты, приезжающие на учебу, временно увеличивают накопление человеческого капитала, но ключевой вопрос — останутся ли они в регионе после выпуска из образовательных учреждений.

Во вторую группу демографических факторов накопления человеческого капитала относят то, какими компетенциями, здоровьем и мотивацией обладает молодежь.

2.1. Здоровье и качество жизни молодежи — это фундамент накопления человеческого капитала. Высокая заболеваемость, распространенность деструктивных поведенческих моделей снижают качество накопленного человеческого капитала.

2.2. Образовательная и профессиональная структура характеризуется уровнем образования родителей (межпоколенческая передача капитала), их примером, определяющим образовательные и карьерные стремления молодежи; доступностью и качеством образовательной инфраструктуры, профилями подготовки, их соответствием потребностям региональной экономики.

2.3. В семейные установки и структуру включают средний возраст вступления в брак и рождения детей; раннее родительство (особенно для женщин) часто прерывает или осложняет процесс образования и профессионального старта; распространенность неполных семей и семейного неблагополучия, что может ограничивать инвестиции в образование детей и формировать негативные социально-трудовые установки.

Третья группа демографических факторов включает характеристики территориального распределения и использования накопленного человеческого капитала молодежи.

3.1. Трудовая миграция, связанная с выбором места жительства и работы, определяемая социально-экономическим положением и привлекательностью региона для молодежи.

3.2. Демографическая нагрузка как соотношение молодежи и лиц пенсионного возраста — ее высокий уровень способствует росту налогового бремени на работающую молодежь и ограничивает накопление человеческого капитала.

3.3. Урбанизация и неравномерность расселения характеризуются концентрацией молодежи в городах, создавая благоприятные условия для накопления человеческого капитала. Концентрация молодежи в региональном центре при деградации малых городов и сел создает дисбаланс: в центре — высокая конкуренция и развитая инфраструктура, на периферии — дефицит кадров и ограниченный доступ к качественным услугам по накоплению человеческого капитала.

Для снижения вышеназванных негативных демографических тенденций необходимо создавать в регионах более благоприятные институциональные условия для накопления человеческого капитала молодежи, в формировании которых

участвуют региональные власти, бизнес, общественность. С этой целью необходимо формировать и реализовывать более благоприятные условия в рамках следующих четырех групп.

Первая группа условий связана с образовательной сферой накопления человеческого капитала молодежи:

- адаптацией системы СПО и вузов на основе тесного сотрудничества с работодателями для формирования актуальных образовательных программ, внедрения дуального обучения, создания центров компетенций;
- развитием цифровых и гибких навыков (*soft skills*) и интеграцией их в программы на всех уровнях образования;
- поддержкой непрерывного обучения (*lifelong learning*) посредством доступных программ переподготовки, курсов, онлайн-платформ для обновления знаний.

Вторая группа — это условия на рынке труда, которые предполагают создание «точек роста» с помощью развития современных отраслей (ИТ, креативные индустрии, биоэкономика), которые создают спрос на высококвалифицированную молодежь. Поддержка молодежного предпринимательства, которая должна быть основана на предоставлении грантов, участии молодых предпринимателей в бизнес-инкубаторах, акселераторах. По данным Минэкономразвития РФ, за период с 2021 по 2025 гг. число предпринимателей в возрасте до 25 лет выросло более чем в 1,5 раза. Однако пока их долю, около 6 %, нельзя назвать существенной в общей численности предпринимателей до 34 лет¹.

Накопление человеческого капитала молодежи зависит от эффективной работы служб занятости и рекрутинговых агентств. Необходимо не только регистрировать безработных в службах занятости, но и осуществлять профориентационное и карьерное консультирование, организацию стажировок, ярмарок вакансий нового формата с целью сокращения сроков поиска работы молодежью (рис. 3).

По данным, представленным на рис. 3, видно, что за 12 лет во всех группах среднее время поиска работы сократилось на 1,5–2,3 месяца в зависимости от возраста, что положительно влияет на накопление человеческого капитала в трудовой сфере. Это говорит об общем улучшении ситуации на рынке труда, о большей мобильности и адаптивности соискателей. За последние три года ситуация улучшилась, особенно в группе 30–34 года, где продолжительность поиска сократилась максимально — с 7,6 до 5,4 месяца. Рынок стал не только быстрее, но и гибче относительно возрастной группы 15–19 лет. Максимальный поиск в этой группе составлял 5 месяцев в 2016 г., а в 2024 г. стал занимать минимальное значение — 3,5 месяца, что говорит о гибкости рынка труда, а также о возможном влиянии реализуемых государственных программ развития стажировок и снижения требований к этой категории работников.

На рис. 4 представлена численность безработных и уровень безработицы по возрастным группам в Челябинской области за 2024 г.

Из данных рис. 4 видно, что в возрастной группе 15–19 лет безработица составила 5,4 %, в группе 20–29 лет уровень безработицы 4,3 %. По сравнению с другими возрастными группами указанные имеют самые высокие уровни безработицы

¹ Контур <https://kontur.ru/articles/1137?ysclid=ml92dxw8zx600977050> (дата обращения: 01.01.2026). (In Russ.)

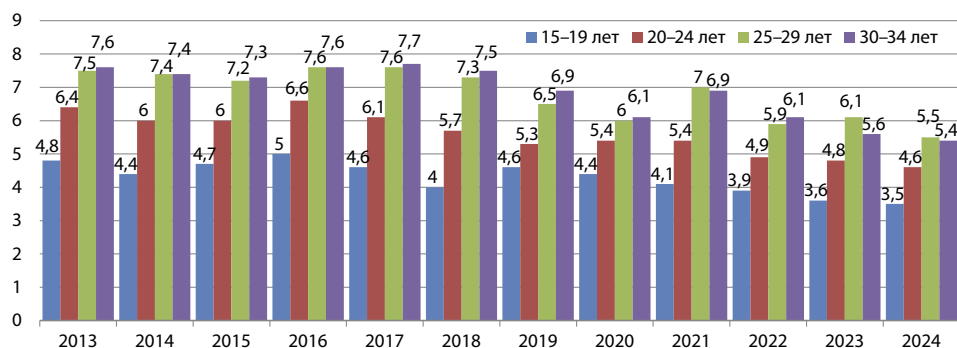

Рис. 3. Динамика средней продолжительности поиска работы безработными РФ по возрастным группам за 2013–2024 гг., мес. (источник: Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 01.01.2026))

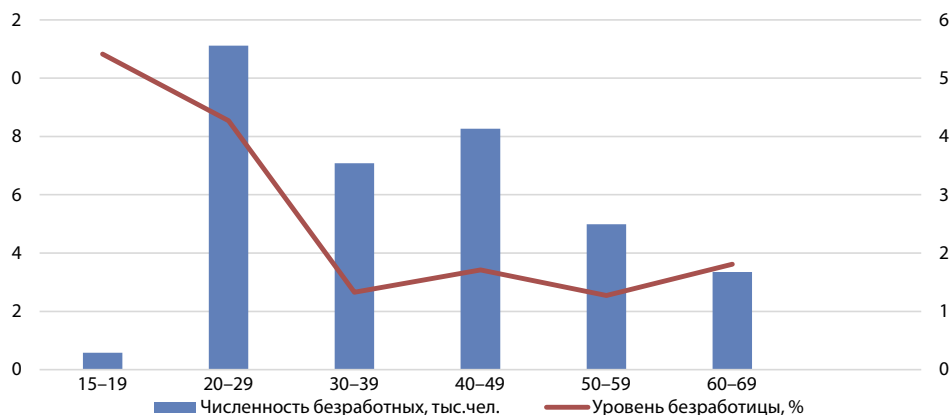

Рис. 4. Численность безработных и уровень безработицы по возрастным группам в Челябинской области за 2024 г., % (источник: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. <https://74.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 01.01.2026))

в Челябинской области. Это говорит о том, что, несмотря на беспрецедентно низкий уровень безработицы, наблюдаемый по регионам УрФО за период с 2000 г., молодежная безработица остается достаточно высокой, что в определенной степени снижает накопленный человеческий капитал.

На рис. 5 представлена динамика численности занятых по возрастным группам в Челябинской области, тыс. чел. за 2014–2024 гг.

За период с 2014 по 2024 гг. наблюдается снижение численности занятых в возрастной группе 20–29 лет с 390 тыс. чел. до 249 тыс. чел., т. е. на 141 тыс. чел. Такое сокращение численности занятых связано как в целом с небольшой численностью этой возрастной группы, так и ростом уровня безработицы, внутренней миграцией, связанной с учебой в других регионах, с увеличением численности экономически неактивной молодежи и т. п. В остальных возрастных группах за представленный период наблюдается рост численности занятых.

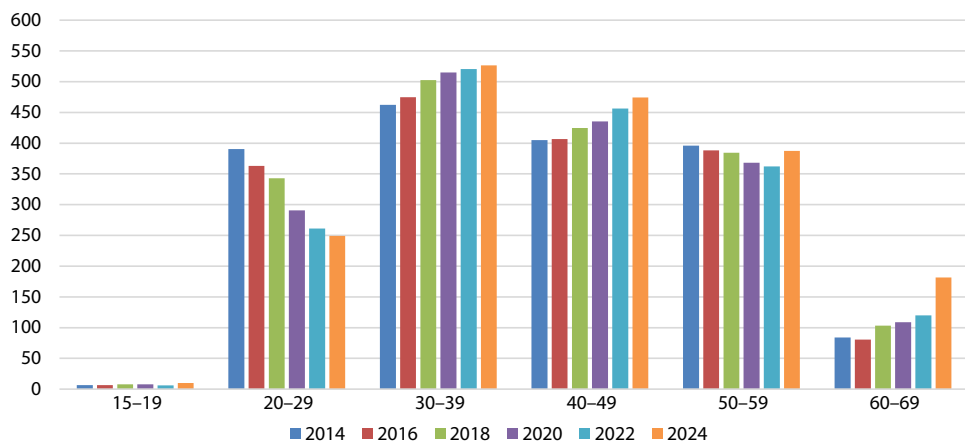

Рис. 5. Динамика численности занятых по возрастным группам в Челябинской области, тыс. чел. за 2014–2024 гг. (источник: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. <https://74.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 01.01.2026).

Важным условием накопления человеческого капитала молодежи становится борьба с дискриминацией и обеспечение достойных труда и зарплаты на стартовых позициях, соблюдение трудовых прав, ясные карьерные траектории.

Третья группа охватывает социально-инфраструктурные условия накопления человеческого капитала молодежи, а именно: доступное жилье, транспорт, качественную городскую среду, поддержку молодых семей (пособия, дошкольное образование), современную социокультурную и досуговую инфраструктуру (спорт, культура, коворкинги), повышающую привлекательность региона для жизни.

Четвертая группа условий для накопления человеческого капитала молодежи состоит из институциональных и управленческих возможностей и рисков:

- региональной политики в сфере воспроизводства человеческого капитала: наличия стратегии развития человеческого капитала с четкими целями, индикаторами и координацией между департаментами (образование, экономика, труд, спорт);

- партнерства «власть — бизнес — образование — НКО», которое заключается в создание советов по кадрам, отраслевых кластеров для совместного решения проблем занятости молодежи;

- обеспечения системы мониторинга с регулярными исследованиями потребностей рынка труда, траекторий трудоустройства выпускников, миграционных настроений молодежи для принятия взвешенных решений.

Таким образом, процесс накопления человеческого капитала молодежи на рынке труда — это результат преодоления демографических, в большей части негативных, вызовов через создание комплексных институциональных факторов и условий. Успешным будет не тот регион, где много молодежи, а тот, который создаст благоприятные условия для удержания талантливой молодежи, привлечения извне, а также качественного обучения в соответствии с потребностями

экономики и эффективного использования ее накопленного человеческого капитала, создавая возможности для развития и самореализации.

Заключение

В современных условиях рынка труда ключевым становится переход от пассивного реагирования на негативные демографические тенденции к активному формированию условий для накопления человеческого капитала молодежи, где знания, здоровье и мотивация молодого поколения превращаются в главный драйвер экономического развития страны.

Полученные результаты исследования позволили уточнить демографические факторы и условия для накопления человеческого капитала молодежи на рынке труда, что дает возможность определить направления улучшения качества трудовых ресурсов и предложить меры по стимулированию молодежного рынка труда на уровне государства. На основании проведенного анализа литературы были установлены три группы демографических факторов и четыре группы условий для накопления человеческого капитала молодежи на рынке труда. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для проектирования региональных стратегий развития человеческого капитала, разработки и совершенствования социально-экономических государственных программ в сфере демографии и молодежной занятости.

Для подтверждения гипотезы необходимы дополнительные исследования.

Список источников

Абилова, Е. В., Алпацкая, Е. Г., Васюков, А. Н., и др. (2024). *Управление трансформацией человеческого капитала в социально-экономических системах*. Челябинский государственный университет, 249. EDN: TDUKIV

Бондаренко, А. С. (2025). Молодежь как компонент трудового ресурса мегаполиса: теоретико-методологический аспект. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, 15(-1), 626–632. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.74.60.062>

Буланова, М. Б. (2020). NEET-молодежь: европейский контекст и российские реалии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 20(1), 64–72.

Варшавская, Е. Я. (2016). Российская NEET-молодежь: характеристики и типология. *Социологические исследования*, 9(389), 31–39. EDN: WMAEID

Гайдукова, Г. Н. (2025). Человеческий капитал студенческой молодежи как предмет маркетинга персонала. *Социология и управление*, 11(3), 243–262. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-4>

Ионцев, В. А., & Магомедова, А. Г. (2015). Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах. *Экономика региона*, 3(43), 89–102. <https://doi.org/10.17059/2015-3-8>

Мабиала, Ж., Маслич, Е. А., Амирова, Э. Ф., Сувилех, А. М., & Кальмус, А. В. (2024). Аспекты развития человеческого капитала и влияющие на него демографические факторы. *ЦИТИСЭ*, 1, 707–726. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2024.1.61>

Масленникова, Е. В., & Антонова, О. А. (2025). Демографические вызовы и их влияние на рынок труда Челябинской области: риски и возможности. В *Факторы и механизмы демографического развития* (с. 324–342). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 832/ <https://doi.org/10.17059/udf-2025-2-13>

Митрофанова, Е. А., & Митрофанова, А. Е. (2021). Молодежь на рынке труда. *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*, 10(6), 72–78.

Моисеев, В. В., Колесникова, Ю. С., Боженов, С. А., и др. (2022). Ключевые факторы формирования человеческого капитала России. *Человеческий капитал*, 5–1(161), 128–136. EDN: JKTKSH

Пухова, А. Г., Беляева, Т. К., Толкунова, С. Г., & Курбатова, А. С. (2019). Влияние демографического фактора на региональный рынок труда. *Государственный советник*, 1(25), 33–39. EDN: ZBAKAP

Хафизова, Г. С. (2010). Накопление и потребление человеческого капитала. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*, 1, 3. EDN: RUHZVJ

Becker, G. S. (1964). *Human capital*. Columbia University Press, 216.

Inayatullah, S. (2016). Youth bulge: Demographic dividend, time bomb, and other futures. *Journal of Futures Studies*, 21(2), 21–34. [https://doi.org/10.6531/JFS.2016.21\(2\).A21](https://doi.org/10.6531/JFS.2016.21(2).A21)

Schultz, T. (1960). Capital formation by education. *Journal of Political Economy*, 68(6), 571–583.

Vasile, V., Pisciă, S., & Dobre, A. M. (2015). Demographic perspective of qualitative youth employability on Romanian labour market. *Procedia Economics and Finance*, 22, 55–63. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00226-9](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00226-9)

Xiao, F., Wang, J., Li, H., & Yang, J. (2024). Population aging and corporate human capital restructuring. *Finance Research Letters*, 67(Part A), 105832. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.105832>

References

Abilova, E. V., Alpatskaya, E. G., Vasyukov, A. N., et al (2024). *Upravlenie transformatsiei chelovecheskogo kapitala v sotsialno ekonomicheskikh sistemakh [Management of human capital transformation in socio-economic systems]*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 249. EDN: TDUKIV (In Russ.)

Becker, G. S. (1964). *Human capital*. Columbia University Press, 216.

Bondarenko, A. S. (2025). Youth as a component of labor resource of megacity: theoretical and methodological aspect. *Ekonomika: vchera, segodnia, zavtra [Economics: yesterday, today, tomorrow]*, 15(11), 626–632. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.74.60.062> (In Russ.)

Bulanova, M. B. (2020). NEET youth: the European context and Russian realities. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]*, 20(1), 64–72. (In Russ.)

Gaidukova, G. N. (2025). Human capital of student youth as a subject of personnel marketing. *Sotsiologiya i upravlenie [Research Result. Sociology And Management]*, 11(3), 243–262. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-4> (In Russ.)

Inayatullah, S. (2016). Youth bulge: Demographic dividend, time bomb, and other futures. *Journal of Futures Studies*, 21(2), 21–34. [https://doi.org/10.6531/JFS.2016.21\(2\).A21](https://doi.org/10.6531/JFS.2016.21(2).A21)

Iontsev, V. A., & Magomedova, A. G. (2015). Demographic aspects of human capital development in Russia and its regions. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, (3), 89–102. <https://doi.org/10.17059/2015-3-8> (In Russ.)

Khafizova, G. S. (2010). The accumulation of human capital and consumption. *Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy [Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts]*, (1), 3. EDN: RUHZVJ (In Russ.)

Mabiala, J., Maslich, E. A., Amirova, E. F., Suvilekh, A. M., & Kalmus, A. V. (2024). Aspects of human capital development and demographic factors affecting it. *TsITISE [CITISE]*, 1, 707–726. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2024.1.61> (In Russ.)

Maslennikova, E. V., & Antonova, O. A. (2025). Demographic challenges and their impact on the Chelyabinsk region labor market: risks and opportunities. In *Faktory i mekhanizmy demograficheskogo razvitiia [Factors and mechanisms of demographic development]* (pp. 324–342).

Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 832/ <https://doi.org/10.17059/udf-2025-2-13> (In Russ.)

Mitrofanova, E. A., & Mitrofanova, A. E. (2021) Youth in the labor market. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii [HR and Intellectual Resources Management in Russia]*, 10(6), 72–78. (In Russ.)

Moiseev, V. V., Kolesnikova, Iu. S., Bozhenov, S. A., et al. (2022). Key factors in the formation of Russia's human capital. *Chelovecheskii kapital [Human Capital]*, 5-1(161), 128–136. EDN: JKTKSH (In Russ.)

Pukhova, A. G., Belyaeva, T. K., Tolkunova, S. G., & Kurbatova, A. S. (2019). The influence of the demographic factor on the regional labor market]. *Gosudarstvennyi sovetnik [The State Counsellor]*, 1(25), 33–39. EDN: ZBAKAP (In Russ.)

Schultz, T. (1960). Capital formation by education. *Journal of Political Economy*, 68(6), 571–583.

Varshavskaya, E. Ya. (2016). Russian NEET youth: characteristics and typology. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 9(389), 31–39. EDN: WMAEID (In Russ.)

Vasile, V., Pisciă, S., & Dobre, A. M. (2015). Demographic perspective of qualitative youth employability on Romanian labour market. *Procedia Economics and Finance*, 22, 55–63. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00226-9](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00226-9)

Xiao, F., Wang, J., Li, H., & Yang, J. (2024). Population aging and corporate human capital restructuring. *Finance Research Letters*, 67(Part A), 105832. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.105832>

Антонова Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0003-0050-7883> (Российская Федерация, 454011, г. Челябинск, ул. Свободы, д. 155; e-mail: antonova.oa@uiec.ru).

Масленникова Елена Васильевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры инноватики и управления, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»; <https://orcid.org/0000-0003-2469-5057> (Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129; e-mail: evm26@mail.ru).

Olga A. Antonova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0003-0050-7883> (155, Freedom st., Chelyabinsk, 454011, Russian Federation, e-mail: antonova.oa@uiec.ru).

Elena V. Maslennikova - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Innovation and Management of the Chelyabinsk State University; <https://orcid.org/0000-0003-2469-5057> (129 Br. Kashirinykh str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation; e-mail: evm26@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.1:911.3(479.24)

JEL classification: J11, O18, R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-4>

Демографические тренды Карабахского экономического района: ретроспективный анализ и прогнозы¹

И. А. Байрамов ^a^a Бакинский государственный университет (г. Баку, Азербайджанская Республика)<https://orcid.org/0000-0001-5922-6870>

Автор для корреспонденции: И.А. Байрамов (imranbayramov2003@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу демографических трендов Карабахского экономического района Азербайджанской Республики в ретроспективе и в прогнозном аспекте. Предметом исследования являются изменения численности населения, поселенческой структуры и урбанизации региона в условиях конфликтных и постконфликтных трансформаций. Цель работы заключается в выявлении основных закономерностей демографической динамики и оценке перспектив ее развития. Гипотеза исследования состоит в том, что постконфликтное восстановление и процессы репатриации формируют предпосылки для устойчивого демографического роста региона. Методологической основой исследования послужили статистический, сравнительно-географический и ретроспективный анализы данных переписей населения и официальной статистики. В результате выявлены этапы демографического развития, установлены территориальные различия роста населения и обоснованы прогнозные оценки до 2035 года. Результаты исследования могут быть использованы в региональном планировании и демографической политике. Ограничения связаны с продолжающимся процессом восстановления и уточнения статистических данных.

Ключевые слова: демографические тренды; численность населения; поселенческая структура; постконфликтное развитие; Карабахский экономический район.

The Demographic Trends of the Karabakh Economic Region: Retrospective Analysis and Forecasts

I. Bayramov ^a^a Baku State University (Baku, Azerbaijan).<https://orcid.org/0000-0001-5922-6870>

Corresponding author: I. Bayramov (imranbayramov2003@mail.ru).

Abstract. The article analyzes demographic trends in the Karabakh Economic Region of the Republic of Azerbaijan from both retrospective and predictive perspectives. The subject of the study is changes in population size, settlement structure, and urbanization under conditions of conflict and post-conflict transformation. The aim of the research is to identify the main patterns of demographic dynamics and assess prospects for their future development. The research hypothesis is that post-conflict recovery and repatriation processes create prerequisites for sustainable demographic growth in the region. The methodological framework is based on statistical, comparative geographical, and retrospective analysis of population census data and official statistics. As a result, stages of demographic development are identified, territorial differences in population growth are revealed, and population forecasts up to 2035 are substantiated. The findings may be applied in regional planning and demographic policy. The limitations of the study are related to the ongoing recovery process and the refinement of statistical data.

Keywords: demographic trends; population size; settlement structure; post-conflict development; Karabakh Economic Region

¹ © Байрамов И. А. Текст. 2026.

Введение

Карабахский экономический район — один из 14 экономических районов Азербайджанской Республики, сформированный в ходе территориально-экономических реформ в условиях постконфликтной ситуации в 2021 году. Он охватывает значительную часть освобожденных территорий. Этот район является крупнейшим по площади, занимая 9,99 тыс. км², что составляет 11,54 % территории страны. В состав Карабахского экономического района входит наибольшее количество административно-территориальных единиц, включая как сельские районы, так и города.

По численности населения экономический район уступает только Бакинской городской агломерации, а также Абшерон-Хызынскому экономическому району, второму по демографическому потенциалу в городском населении страны, и Ленкорань-Астариному экономическому району. Согласно статистическим данным за 2025 год, численность населения Карабахского экономического района 747,5 тыс. человек, что составляет 7,31 % от общего населения страны. Плотность населения района насчитывает 75 человек на квадратный километр.

Обзор литературы и степень изученности проблемы

Проблема изучения демографических закономерностей и динамики населения Карабахского экономического района представляет собой актуальную задачу не только с точки зрения устойчивого социально-экономического развития региона, но и как яркий пример динамичного преобразования серой зоны в постконфликтный период, с учетом новых и неоднородных геополитических реалий. Это исследование важно как для понимания текущих демографических изменений в регионе, так и для разработки стратегий его восстановления и развития в долгосрочной перспективе.

Вопросы демографического развития Карабахского региона изучались и в советский, и в постсоветский периоды. Современные исследования посвящены парадигме Великого возвращения, акцентируя внимание на процессах возвращения переселенных лиц, а также на миграции и изменении социально-демографической структуры региона. К числу ключевых исследователей, внесших значительный вклад в изучение различных аспектов Карабахского региона, можно отнести работы Т.Ф. Мусаева (2019–2025 гг.), К.Р. Гусейновой (2018–2025 гг.), Р.Р. Бахишовой (2014–2024 гг.), Г.А. Маммедзаде (2012–2022 гг.), Б.К. Гасанова (2006–2018 гг.), Г.И. Алиевой (2012–2018 гг.), А.Х. Мустафаева (2004–2017 гг.), Дж.В. Гасановой (2013–2017 гг.), С.М. Сейидовой (2005–2017 гг.), Х.И. Аббаслы (2005–2014 гг.), З.А. Гаджиевой (2003–2013 гг.), а также ряда других исследователей, чьи труды посвящены историографическим и культурно-этнографическим аспектам региона.

Отдельно стоит отметить исследования в области международного права и юриспруденции, проводимые С.А. Гарамоллаевой (2009–2012 гг.), Н.У. Гаджиевой (2021–2024 гг.) и другими. Эти работы рассматривают правовые основы и международные аспекты, связанные с конфликтом и его последствиями для Карабаха. В области литературных и лексико-филологических исследований важный вклад внесли Г.М. Маммедов (2013–2025 гг.), А.А. Гаджиева (2008–2023 гг.), З.М. Аслан (2004–2023 гг.), М.А. Наджафова (2003–2018 гг.), А.В. Набиева (2001–2012 гг.),

Э.А. Мехралиев (1999–2012 гг.), А.У. Алиев (1997–2012 гг.) и другие авторы, чьи работы охватывают культурное наследие и литературу Карабахского региона.

Исследования, посвященные международным отношениям и урегулированию конфликта, также играют ключевую роль в понимании динамики региона. Среди таких экспертов стоит выделить У.Г. Мустафаева (2022–2024 гг.), С.А. Махбалиеву (2014–2017 гг.), М.М. Гурбанлы (2015–2017 гг.), Г.А. Пашаеву (2013–2015 гг.) и других, чьи исследования освещают проблемы постконфликтного восстановления и дипломатических усилий по урегулированию конфликта.

Вопросы природно-географического и социально-демографического развития Карабахского региона нашли отражение в трудах ряда современных исследователей. В частности, данные аспекты рассматривались в работах Э.Р. Аллахвердиева (2003–2022 гг.), Ч.Н. Исмаилова (2020–2025 гг.), А.А. Ибрагимова (2022–2025 гг.), С.К. Нагиева (2020–2025 гг.), Э.С. Бадалова (2020–2025 гг.), З.Т. Имрани (2020–2025 гг.), В.С. Даргахова (2020–2025 гг.), И.А. Байрамова (2022–2025 гг.) и других авторов. Их исследования охватывают широкий спектр проблем, связанных с природно-ресурсным потенциалом территории, территориальной организацией населения и хозяйства, демографическими процессами и особенностями социально-экономического развития региона в постконфликтный период.

Несмотря на наличие обширной научной литературы по различным аспектам региона, вопросы демографической динамики и долгосрочных прогнозов остаются недостаточно исследованными, что подчеркивает необходимость проведения глубокого анализа и разработки новых подходов к изучению демографических трендов Карабахского экономического района.

Результаты исследования

Демографические тренды: ретроспективно-географический анализ

Карабахский экономический район, расположенный на стыке исторических, культурных и природно-географических факторов, имеет уникальные демографические характеристики, которые изменялись под влиянием разных исторических событий, включая войны, миграцию и административно-политические реформы (Нагиев, 2024). Проведенный ретроспективно-географический анализ позволяет выявить основные тренды в демографическом развитии региона (Алиев, 1989).

Важнейшими факторами, определяющими демографические тренды в Карабахе, являются исторические события, в том числе вооруженные конфликты, которые значительно повлияли на численность населения. До начала 1990-х годов регион демонстрировал устойчивый рост населения, что было связано с улучшением социально-экономической ситуации, развитием сельского хозяйства и промышленности. Однако последствия военных конфликтов конца 1980-х и начала 1990-х гг. привели к значительным потерям в численности населения, миграции и перемещению людей как внутри региона, так и за его пределы (Nagiyev & Bayramov, 2025).

За последние 50 лет в Азербайджанской Республике было проведено пять всеобщих переписей населения — в 1979, 1989, 1999, 2009 и 2019 годах. Первые две переписи проводились в советский период, тогда как переписи 1999, 2009 и 2019 годов

учитывали бывших вынужденных переселенцев, временно проживавших в других регионах страны, как население их исконных территорий.

Согласно данным переписей, в период с 1979 по 2019 годы численность населения Карабахского экономического района увеличилась на 35,1 % (табл. 1). Данный показатель существенно уступает среднереспубликанскому темпу роста, отставая от него примерно на 30 %. Это свидетельствует о специфической демографической динамике региона, обусловленной длительным воздействием конфликтных и миграционных факторов.

В период с 1979 по 2019 годы доля населения Карабахского экономического района в общей структуре населения Азербайджанской Республики претерпела заметные изменения. Так, в 1979 году данный показатель составлял 8,76 %, в 1999 году достиг максимального значения — 9,57 %, после чего к 2019 году снизился до 7,16 %. Такая динамика отражает влияние долгосрочных демографических и миграционных процессов. Сравнительный анализ указанных показателей представлен на рис. 1.

Карабахский экономический район пережил значительные миграционные процессы как до, так и после конфликта. Массовое переселение населения в начале 1990-х годов изменило этническую и возрастную структуру населения. В послевоенные годы в регион вернулись беженцы и внутренне перемещенные лица, что оказало значительное влияние на демографическую картину.

Географическое положение Карабахского экономического района, его природные условия и доступ к важным ресурсам также определяют демографические

Таблица 1

Динамика изменения численности населения Карабахского экономического района и его доли в структуре населения страны в 1979–2019 гг. (население в тыс. чел.)

№	Административно-территориальная единица	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.	2019 г.	Динамика с 1979 по 2019 гг.
1.	г. Ханкенди	38,90	57,80	54,50	55,10	4,30	–88,95%
2.	Агджабединский р-н	65,90	85,60	107,80	121,70	132,30	100,76%
3.	Агдамский р-н	113,00	132,20	153,30	175,60	174,80	54,69%
4.	Бардинский р-н	85,10	107,20	129,60	141,60	153,10	79,91%
5.	Фузулинский р-н	76,00	88,70	136,50	115,50	127,40	67,63%
6.	Ходжалинский р-н	20,10	20,90	23,70	26,00	11,00	–45,27%
7.	Ходжавендский р-н	42,50	43,00	39,60	41,60	9,20	–78,35%
8.	Шушинский р-н	16,00	20,60	24,30	28,60	21,90	36,88%
9.	Тартарский р-н (вместе с Агдеринским р-ном)	70,30	81,00	92,20	97,30	79,00	12,38%
Карабахский ЭР Общее		527,80	637,00	761,50	803,00	713,00	35,09%
	Городское	166,00	215,30	250,60	274,90	236,70	42,60%
	Урбанизация	31,45%	33,80%	32,91%	34,23%	33,20%	1,75 п.п.
	Сельское	361,80	421,70	510,90	528,10	476,30	31,65%
Доля населения КЭР в структуре населения страны		8,76%	9,07%	9,57%	9,00%	7,16%	–1,60 п.п.

Источник: ГСК АР, 2025.

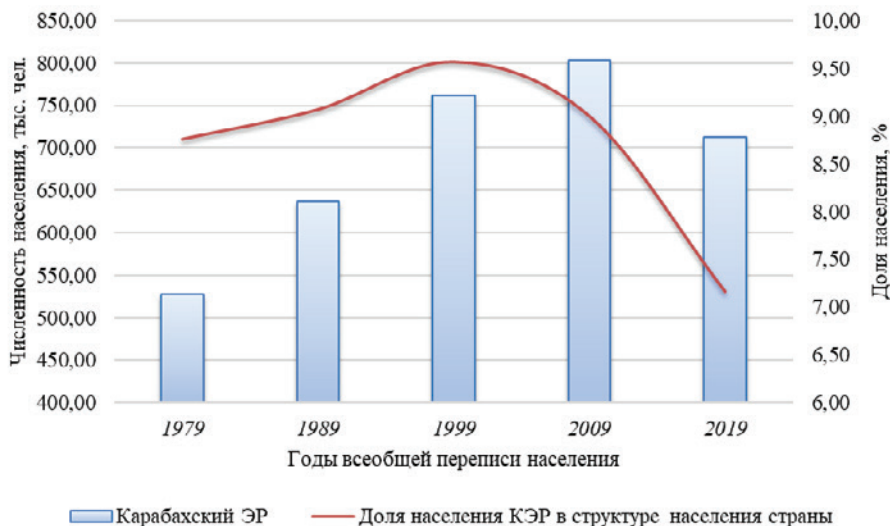

Рис. 1. Динамика изменения численность населения Карабахского экономического района (тыс. чел.) и его доли в структуре населения страны (в %) в 1979–2019 гг. (источник: ГСК АР, 2025).

тренды. Плотность населения в разных частях региона варьируется, что связано с доступностью сельскохозяйственных земель, наличием инфраструктуры и уровнем урбанизации. Центральные и более крупные населенные пункты региона имеют более высокую плотность населения, в то время как периферийные районы, особенно постконфликтные зоны, сохраняют более низкие показатели плотности.

Современная поселенческая структура Карабахского экономического района включает 9 административных районов, 11 городов, 37 поселков и 621 сельский населенный пункт. Вместе с тем указанные количественные показатели отражают лишь текущее, уточняемое состояние административно-территориальной организации региона в постконфликтный период. В настоящее время продолжается процесс инвентаризации населенных пунктов, подлежащих восстановлению, а также определения территорий, предназначенных для возвращения и расселения бывших вынужденных переселенцев.

С учетом официальных данных о формировании 252 сельских административно-территориальных округов, в состав которых входят сельские населенные пункты, можно предположить, что в среднесрочной перспективе на территории Карабахского экономического района будут функционировать 11 городов (из которых восемь уже полностью или частично заселены), 37 поселков (18 из них заселены полностью или частично) и 252 сельских административных округа (115 из которых на данный момент полностью или частично заселены).

Таким образом, по состоянию на начало 2026 года уровень фактической заселенности Карабахского экономического района оценивается примерно в 47,3 % с учетом территорий, которые не находились под оккупацией. Данный показатель наглядно отражает незавершенность процесса восстановления поселенческой

сети региона и одновременно указывает на значительный демографический и территориальный потенциал его дальнейшего развития.

Согласно последним данным, региональные показатели плотности населения в Карабахском экономическом районе варьируются от 7–8 человек на квадратный километр в Агдеринском и Ходжавендском административных районах до 440 человек на квадратный километр в городе Ханкенди. Средний показатель плотности населения внутри региона составляет около 124 человек на квадратный километр. Основными центрами концентрации населения являются города Ханкенди, Агдам, Барда и Шуша, которые играют ключевую роль в урбанизации и социально-экономическом развитии региона.

Ретроспективный анализ также включает изучение изменений в этническом составе и возрастной структуре населения. Демографические изменения, связанные с миграционными потоками, значительно изменили эти структуры. Возрастная пирамида Карабахского региона в различные исторические периоды была сильно подвержена внешним и внутренним факторам, что отразилось как на демографическом росте, так и на социальной стабильности региона.

Кроме того, ретроспективный анализ включает исследование взаимодействия демографических трендов и социально-экономического развития. Экономический рост в различные исторические периоды, развитие инфраструктуры, а также изменения в сельском и городском населении оказывали влияние на рождаемость, смертность, миграцию и уровень урбанизации. Постконфликтный процесс восстановления региона и интеграция его в национальную экономику способствуют улучшению социально-экономической ситуации и, как следствие, позитивно влияют на демографическую картину (Алиев, 2022).

На основе ретроспективного анализа можно попытаться спрогнозировать демографические тренды в Карабахском экономическом районе. Учитывая текущие процессы восстановления, улучшение инфраструктуры и возможные экономические преобразования, можно ожидать умеренный рост численности населения, улучшение его возрастной и этнической структуры. Однако эти прогнозы будут зависеть от стабильности социально-экономической ситуации и продолжающейся миграционной динамики.

Современные демографические тренды

Современные демографические тренды наиболее наглядно отражают текущее социально-демографическое состояние Карабахского экономического района. В целях более детального анализа данный период целесообразно рассматривать в разрезе трех этапов: I — среднесрочный (2005–2015 гг.), II — краткосрочный (2015–2020 гг.) и III — современный, или постконфликтный (2021–2025 гг.).

В течение среднесрочного периода с 2005 по 2015 годы численность населения Карабахского экономического района увеличилась на 10,03 % (Нагиев, 2005; ГСК АР, 2025). Уровень урбанизации за данный период изменился незначительно — с 33,48 % до 33,60 %, что в абсолютном выражении соответствует приросту городского населения примерно на 27,2 тыс. человек. Это свидетельствует об относительной стабильности поселенческой структуры региона в указанный период (Ибрагимов, 2018).

В краткосрочной перспективе (2015–2020 гг.) численность населения экономического района сократилась на 16,67 %. Данное снижение носило преимущественно статистико-административный характер и было связано с исключением из учетных данных лиц, незаконно заселенных на территориях, находившихся под оккупацией, в ходе проведения Всеобщей переписи населения 2019 года. К концу 2020 года уровень урбанизации в регионе составил 33,2 %.

Современный постконфликтный этап (2021–2025 гг.) характеризуется возобновлением положительной демографической динамики. По состоянию на 2025 год, численность населения Карабахского экономического района достигла 747,5 тыс. человек, увеличившись на 3,49 %. В то же время уровень урбанизации за указанный период несколько снизился — с 33,17 % до 32,90 %. Данный феномен обусловлен относительно более высоким приростом сельского населения, а также начальным этапом репатриации и расселения сельских населенных пунктов, восстанавливаемых в рамках постконфликтного развития региона.

В таблице 2 представлены соответствующие показатели, характеризующие демографическую динамику Карабахского экономического района в рамках вышеуказанных этапов. На основе текущего роста численности населения даны прогнозы на следующие 10 лет, до 2035 г.

Представленный на рисунке 2 график наглядно отражает динамику численности населения Карабахского экономического района в разрезе этапов демографического развития, а также прогнозные изменения на период 2025–2035 гг. В ретроспективной части (I–III этапы) прослеживается неравномерная демографическая динамика, обусловленная как естественными процессами воспроизводства населения, так и последствиями конфликтных и постконфликтных геополитических трансформаций.

Таблица 2

**Демографические показатели Карабахского экономического района
по этапам развития (2005–2025 гг.)**

№	Административно-территориальная единица	I этап (2005–2015 гг.)			II этап (2015–2020 гг.)		III этап (2021–2025 гг.)			IV этап (2025–2035 гг.)	
		2005	2015	Рост, %	2020	Рост, %	2021	2025	Рост, %	2030	2035
1.	г. Ханкенди	54,7	55,5	1,5	4,3	–92,3	4,3	4,4	2,3	5,0	5,5
2.	Агджабединский р-н	114,7	130,3	13,6	132,6	1,8	133,2	136,8	2,7	156,3	178,6
3.	Агдамский р-н	165,1	191,7	16,1	175,2	–8,6	176,4	175,7	–0,4	182,7	189,9
4.	Бардинский р-н	136,1	151,2	10,9	153,4	1,5	154,1	157,8	2,4	177,7	200,0
5.	Фузулинский р-н	123,4	125,4	1,6	127,8	1,9	128,6	131,5	2,3	147,3	165,1
6.	Ходжалинский р-н	24,9	27,5	10,4	11,1	–59,6	11,2	15,6	39,3	17,0	18,6
7.	Ходжавендский р-н	40,7	42,9	5,4	9,4	–78,1	10,4	12,4	19,2	12,9	13,4
8.	Шушинский р-н	26,0	32,1	23,5	22,3	–30,5	24,6	25,2	2,4	28,4	31,9
9.	Тартарский р-н	94,5	101,8	7,7	79,2	–22,2	79,5	76,0	–4,4	77,9	79,9
10.	Агдеринский р-н						...	11,1	...	11,6	12,1
	Карабахский ЭР	780,1	858,4	10,0%	715,3	–16,7%	722,3	747,5	3,5	816,8	895,0

Источник: ГСК АР, 2025.

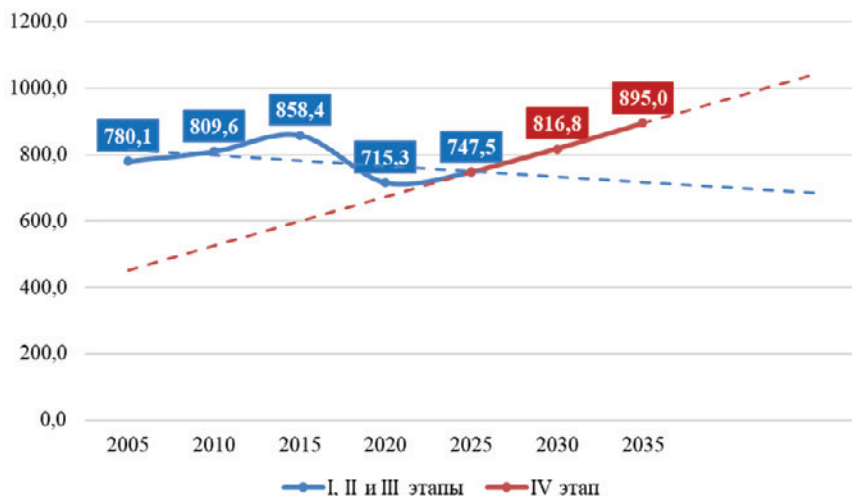

Рис. 2. Динамика численности населения Карабахского экономического района по этапам демографического развития в 2005–2035 гг. (источник: ГСК АР, 2025).

Прогнозный IV этап (2025–2035 гг.), выделенный на рисунке отдельной траекторией, демонстрирует устойчивый рост численности населения Карабахского экономического района — до 816,8 тыс. человек к 2030 году и до 895,0 тыс. человек к 2035 году. Наиболее высокие темпы прогнозируемого роста ожидаются в Агджабединском (до 178,6 тыс. чел.), Бардинском (до 200,0 тыс. чел.) и Фузулинском районах (до 165,1 тыс. чел.). Восстановительный рост также прогнозируется в Ходжалинском и Ходжавендском районах, где ожидается стабилизация демографической ситуации после резкого спада предыдущего периода.

Таким образом, прогнозная часть рисунка отражает переход Карабахского экономического района от фазы демографической депрессии к этапу устойчивого восстановления, при этом пространственная структура прироста населения остается неоднородной и во многом зависит от темпов восстановления инфраструктуры, расселения возвращающегося населения и социально-экономического освоения территории.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые демографические тренды Карабахского экономического района в ретроспективном и прогнозном разрезе. Установлено, что демографическая динамика региона формировалась под значительным влиянием конфликтных и миграционных факторов, что обусловило неравномерность территориального распределения населения и изменение поселенческой структуры. Научная новизна работы заключается в комплексной периодизации демографического развития региона и обосновании прогнозных оценок численности населения до 2035 года с учетом постконфликтного восстановления и репатриационных процессов. Полученные

результаты могут быть использованы при разработке региональных программ социально-экономического развития, территориального планирования и демографической политики. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются анализ возрастно-половой структуры населения, оценка миграционных потоков и изучение влияния инфраструктурного восстановления на демографическое поведение населения.

Список источников

Алиев Т. Н. (2022). Восстановление экономики Карабаха и Восточного Зангезура на основе концепций устойчивого и инклюзивного развития. *The Scientific Heritage*, 82–4, 19–33. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2022-82-4-19-33>

Алиев, И. Г. (1989). *Нагорный Карабах: История. Факты. События.* — Баку: «Элм», 104.

Демографические показатели Азербайджана (2025). Государственный Статистический Комитет Азербайджанской Республики (ГСК АР), Баку, 644. <https://www.stat.gov.az/source/demography/ap/?lang=en&ysclid=ml6i92cf5p289923143> (дата обращения: 22.01.2026).

Ибрагимов, А. Г. (2018). Нагорно-Карабахский конфликт: предыстория, развитие, последствия. *Постсоветские исследования*, 1 (2), 150–157. <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2018-00026>

Melikova, L., & Aliyev, S. (2023). Economic-historical aspects of the development of Karabakh (18–21 centuries). *Scientific Collection «InterConf+»*, (39), 38–46. <https://doi.org/10.51582/interconf.19-20.11.2023.003>

Нагиев, С. К. (2005). Демографическая ситуация в Азербайджане. *Известия Русского географического общества*, 137(6), 71–77.

Нагиев, С. К. (2024). Влияние политических и социально-экономических процессов на миграцию населения Азербайджана. В *Демография и глобальные вызовы: материалы международной научной конференции (23–25 мая 2024 г., Воронеж)* (с. 755–759). Воронеж: ООО «Цифровая полиграфия», 1095.

Nagiyev, S. G., & Bayramov, I. A (2025). Urban Settlement Patterns and Socio-Economic Development of Cities in the Republic of Azerbaijan. *BSUJ Earth Sciences and Environment*, Vol. 2, № 3, pp. 1–11. <https://doi.org/10.30546/209805.2025.2.3.1018>

References

Aliyev, T. N. (2022). Restoring the economy of Karabakh and eastern zangesur on the basis of sustainable and inclusive development concepts. *The Scientific Heritage*, (82–4), 19–33. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2022-82-4-19-33>

Aliyev, I. G. (1989). *Nagornyy Karabakh: Istoriya. Fakty. Sobytiya [Nagorno-Karabakh: History. Facts. Events]*. Baku: Elm, 104.

Demograficheskie pokazateli Azerbaydzhana [Demographic indicators of Azerbaijan] (2025). Baku, 644. <https://www.stat.gov.az/source/demography/ap/?lang=en&ysclid=ml6i92cf5p289923143> (Accessed: 22.01.2026).

Ibragimov, A. G. (2018). Nagorno-Karabakh conflict: background, development, consequences. *Postsovetские issledovaniya*, 1 (2), 150–157. <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2018-00026>

Melikova, L., & Aliyev, S. (2023). Economic-historical aspects of the development of Karabakh (18–21 centuries). *Scientific Collection “InterConf+”*, (39), 38–46. <https://doi.org/10.51582/interconf.19-20.11.2023.003>

Nagiyev, S. K. (2005). Demographic situation in Azerbaijan. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva [Bulletin of the Russian Geographical Society]*, 137(6), 71–77.

Nagiyev, S. K. (2024). The impact of political and socio-economic processes on population migration in Azerbaijan. In *Demografiya i globalnye vyzovy: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Demography and Global Challenges: Proceedings of the International Scientific Conference]* (May 23–25, 2024, Voronezh) (pp. 755–759). Voronezh: Digital Polygraphy LLC, 1095.

Nagiyev, S. G., & Bayramov, I. A. (2025). Urban settlement patterns and socio-economic development of cities in the Republic of Azerbaijan. *BSUJ Earth Sciences and Environment*, 2(3), 1–11. <https://doi.org/10.30546/209805.2025.2.3.1018>

Байрамов Имран Азер оглы — докторант, Бакинский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0001-5922-6870> (Азербайджанская Республика, г. Баку, e-mail: imranbayramov2003@mail.ru).

Imran A. Bayramov — Ph.D student in Economic Geography, Lecturer, Baku State University; <https://orcid.org/0000-0001-5922-6870> (Republic of Azerbaijan, Baku, e-mail: imranbayramov2003@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 316.4

JEL classification: J12

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-5>

Семейное благополучие как детерминанта самооценки женщинами репродуктивного возраста своего социального здоровья¹

Т. И. Барсукова ^а, Д. Д. Байрамкулова ^б

^а Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-3966-6216>

^б Ставропольский кооперативный техникум (г. Ставрополь, Россия).

[https:// orcid: 0009-0009-8756-0679](https://orcid.org/0009-0009-8756-0679)

Автор для корреспонденции: Т.И. Барсукова (ti94@yandex.ru).

Аннотация. Статья построена на материалах сравнительного анализа двух эмпирических исследований самооценки женщинами Ставропольского края, находящимися в репродуктивном возрасте, своего социального здоровья. Предметом исследования выступает семейное благополучие женщин репродуктивного возраста как элемент их социального здоровья. Цель исследования состоит в выявлении зависимости самооценки социального здоровья в аспекте семейного благополучия в зависимости от группы факторов субъективно-личностного и социоструктурного характера. Основу анализа составляют данные панельного исследования, проведенного методом анкетирования в 2018 и 2024 годах. Научный вклад исследования состоит в приращении социологического знания о социальном здоровье женщин репродуктивного возраста и формировании теоретических основ изучения данного явления с позиции его обусловленности социальным. В ходе исследования выявлено влияние на семейное благополучие разного рода социоструктурных факторов.

Ключевые слова: женщины репродуктивного возраста; социальное здоровье; семейное благополучие; социально-психологический климат; семейные коммуникации.

Family Well-Being as a Determinant of Self-Esteem of Women of Reproductive Age Regarding Their Social Health

T. Barsukova ^а, D. Bayramkulova ^б

^аNorth Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation).

<https://orcid.org/0000-0003-3966-6216>

^бStavropol Cooperative College (Stavropol, Russian Federation).

[https:// orcid: 0009-0009-8756-0679](https://orcid.org/0009-0009-8756-0679)

Corresponding author: T. Barsukova (ti94@yandex.ru).

Abstract. This article is based on a comparative analysis of two empirical studies of self-assessment of social health by women of reproductive age in Stavropol Krai. The subject of the study is the family well-being of women of reproductive age as an element of their social health. The aim of the study is to identify the dependence of self-assessment of social health in terms of family well-being on a group of subjective-personal and socio-structural factors. The analysis is based on data from a panel study conducted using questionnaires in 2018 and 2024. The scientific contribution of the study consists of increasing sociological knowledge about the social health of women of reproductive age and the formation of a theoretical foundation for studying this phenomenon from the perspective of its social determinacy. The study identified the influence of various socio-structural factors on family well-being.

¹ © Барсукова Т. И., Байрамкулова Д. Д. Текст. 2026.

Keywords: women of reproductive age; social health; family well-being; socio-psychological climate; family communications.

Введение

Социальное здоровье представляет собой одну из интегральных характеристик личности, группы, социальной категории, общности и социума в целом, детерминирующую в определенной мере социальное самочувствие данных социальных субъектов, среди которых категория женщин репродуктивного возраста является наиболее значимой в контексте решения социально-демографических проблем общества. В Российской Федерации количество женщин репродуктивной возрастной группы с каждым годом уменьшается, эта социальная категория отличается устойчивой тенденцией к снижению, что предстает крайне отрицательным фактором, влекущим депопуляцию.

Потребность в проведении исследований социального здоровья женщин репродуктивного возраста обосновывается тем, что в них отражаются не только физические, психологические и нравственные показатели, но и тем, что результаты представляют собой важнейшую характеристику определенной социально-демографической категории населения в контексте изучения социально-слоевой структуры общества, а также с позиции влияния факторов здоровья и нездоровья разных социальных групп на социальные отношения.

Вышеприведенные аргументы доказывают актуальность проведения социологического исследования самооценки женщинами репродуктивного возраста своего социального здоровья как одной из детерминант их социального самочувствия и с позиции его обусловленности социоструктурными и субъективно-личностными детерминантами.

Социальная проблема, актуализирующая исследования данной темы, обусловлена объективно существующим противоречием между оценками социального здоровья женщин репродуктивного возраста, предлагаемых официальной статистикой, в том числе медицинской, и его самооценкой женщинами данной категории, формирующейся под влиянием социоструктурных и субъективно-личностных факторов. «В настоящее время, помимо традиционных показателей, существуют социальные характеристики здоровья, включая субъективное отношение личности к своему здоровью, социальные установки и самосохранительное поведение людей» (Ходакова & Кошечая, 2019).

К числу социоструктурных факторов (детерминант), обуславливающих уровень самооценки социального здоровья женщин репродуктивного возраста, отнесены следующие:

- 1) социально-демографические характеристики исследуемой категории женщин, выступающие одновременно факторами, позволяющими выявить их влияние на уровень социального здоровья женщин репродуктивного возраста, в котором, в соответствии с классификацией репродуктивного возраста, различают ранний, оптимальный и поздний;
- 2) социально-демографические факторы фамилистического характера (семейное положение, число детей, внуков);
- 3) социально-территориальная принадлежность;

- 4) уровень образования (высшее, неоконченное высшее, среднее специальное, общее среднее);
- 5) жилищно-бытовые условия;
- 6) трудовая занятость.

Семейное благополучие отнесено авторами исследования к социоструктурным факторам наряду с социотерриториальными, социопрофессиональными, образовательными и другими детерминантами, обуславливающими уровень самооценки женщинами репродуктивного возраста. «Исследование традиционных и современных основ российской семьи сегодня имеет высокую и устойчивую актуальность в научном сообществе России, что объясняется пониманием семьи и ее благополучия как основы российской государственности и общественного устройства» (Ростовская, 2024).

Обзор литературы

В научной литературе отмечается определенный интерес к проблеме самооценки разными группами населения своего здоровья, в том числе и социального. С.В. Рязанцев, А.Е. Иванова на основе эмпирического исследования осуществили анализ самооценки здоровья и самосохранительного поведения населения трудоспособного возраста Тюменской области (Рязанцев & Иванова, 2023). Самооценка здоровья среди пожилых людей Томской области представлена в статье Е. А. Таран, В.А. Маланиной и Е.И. Клемашевой (Таран & Маланина & Клемашева, 2022); Ю.Е. Шматовой осуществлено социологическое исследование самооценки здоровья старшего поколения Вологодской области (Шматова, 2024); С.Н. Черкасов, И.Л. Сопова исследовали влияние уровня образования на самооценку здоровья женщин репродуктивного возраста (Черкасов & Сопова, 2020).

Необходимо отметить, что в 1996 году Всемирная организация здравоохранения подготовила рекомендацию об использовании самооценки здоровья для мониторинга качества жизни населения. «В настоящее время, — отмечают Е.С. Скворцова и Н.П. Лушкина, — метод самооценки состояния здоровья как интегральный показатель достаточно часто используется для оценки здоровья населения и за рубежом, и у нас в стране. Этот метод прост, малозатратен и, несмотря на некоторые ограничения, как считает ВОЗ, достаточно надежен и достоверно коррелирует с таким показателем здоровья, как смертность. Чаще всего этот метод применяется для изучения здоровья взрослого населения» (Скворцова & Лушкина, 2024).

Семейное благополучие исследуется ведущими отечественными учеными, специалистами в области демографии и социологии семьи, такими как Т.К. Ростовская, А.Б. Синельников (Ростовская & Синельников, 2025).

Ученые исследуют благополучие российской семьи в самооценках населения (Танатова & Королев, 2025); выявляют оценку социального благополучия семей в российских регионах (Ростовская & Кучмаева & Золотарева, 2021).

Материалы и методы

Авторами было проведено исследование самооценки социального здоровья женщинами репродуктивного возраста с позиции социоструктурных и субъективно-личностных факторов: в 2018 г., $n = 588$, 2024 г., $n = 577$ респондентов

из числа женщин, проживающих в Ставропольском крае. В качестве факторных признаков использовались: социально-психологический климат в семье, влияние места проживания респондента на социально-психологический климат в семье, коммуникации в семье, уровень образования женщин, принимавших участие в опросе. Были выявлены такие социоструктурные детерминанты семейного благополучия, как самооценка женщинами репродуктивного возраста своего социального здоровья — семейный статус, наличие детей, жилищные условия, материальное благополучие.

Результаты

В данном исследовании под социальным здоровьем понимается специфическая интегральная характеристика репродуктивного возраста, включающая показатели физического здоровья, обусловленные нормальным функционированием всех органов и систем; репродуктивного здоровья — состоянием полного физического благополучия репродуктивной системы и ее функций и процессов; психического, социально-психологического и нравственного.

При этом уровень самооценки женщинами основных элементов, составляющих их социальное здоровье, обусловлен социоструктурными и субъективно-личностными детерминантами.

В данной статье отражены результаты анализа одного фактора, влияющего на самооценку респондентами своего социального здоровья, а именно, уровня семейного благополучия. Согласно позиции Д.К. Танатовой и И.В. Королева, «благополучие семьи — это совокупность объективных показателей экономического, социального и психологического состояния, удовлетворяющих основные потребности, и субъективных показателей, определяющих взаимоотношения и атмосферу в семье. При этом субъективные показатели имеют превалирующее значение для определения благополучия» (Танатова & Королев, 2025).

Семейное благополучие сказывается в желании и возможности иметь детей, однако препятствием к осуществлению этих желаний может стать жилищная проблема. Из-за отсутствия своей жилплощади рождение детей откладывается на перспективу, что может также рассматриваться как определенный показатель семейного неблагополучия. Поэтому при выявлении социально-демографических характеристик женщин исследуемой категории были включены такие показатели, как семейное положение (табл. 1) и наличие детей (табл. 2). Это обусловлено тем,

Таблица 1

Распределение респондентов в соответствии с их семейным статусом, %

Распределение респондентов в соответствии с их семейным статусом, %	2018 год	2024 год
Замужем (состою в зарегистрированном браке)	39,6	37,0
Не замужем	39,3	48,0
Состою в отношениях или незарегистрированном браке	10,2	5,0
Разведена	6,3	6,0
Вдова	4,6	2,0
Итого	100,0	100,0

Источник: сост. авторами.

что данные показатели значительно влияют на самооценку своего социального здоровья женщинами репродуктивного возраста. В силу этого анкета для женщин включала вопросы, касающиеся семейного положения и наличия детей у опрашиваемых и их мнения о том, может ли считаться хорошим социальное здоровье женщины, если у нее нет детей.

В опросе представлены респонденты с разным семейным статусом. Как можно заметить, в 2024 году в опросе приняло участие больше незамужних женщин репродуктивного возраста по сравнению с 2018 годом. Также наблюдается небольшое снижение по остальным группам семейных статусов.

Все участницы опроса, как в 2018, так и в 2024 году (несмотря на то, что имеется перевес незамужних женщин), разделились на практически равные группы: чуть менее, чем у половины респондентов, есть дети; немногим более половины респондентов не имеют детей. Второй факт обусловлен в определенной мере включенностью в группу респондентов раннего репродуктивного возраста (до 20 лет).

Важным условием возможности родить детей и обеспечить их содержание, которое требуется гигиеническими нормами, является наличие у респондентов жилья (табл. 3).

Данные опроса 2018 года показывают, что большинство его участниц — две трети — проживает в комфортабельных условиях (собственный дом или собственная квартира), что в целом говорит о благоприятных жилищных условиях для семейной жизни и рождения детей. Треть респондентов на момент опроса не имели собственного жилья и вынуждены проживать в неблагоприятных жилищных условиях: снимать квартиру, жить в общежитии или коммунальной квартире, проживать в квартире с родителями или родственниками и др. Таким образом, можно проводить сегментацию информации о состоянии социального здоровья женщин репродуктивного возраста и об отношении к данной проблеме в зависимости от наличия или отсутствия собственного жилья.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Есть ли у вас дети?», %

Варианты ответов	2018 год	2024 год
Да	48,6	45
Нет	51,4	55
Итого	100,0	100

Источник: сост. авторами.

Таблица 3

Распределение респондентов в соответствии с наличием жилья, %

Распределение респондентов в соответствии с наличием жилья, %	2018 год	2024 год
В квартире с родителями	14,1	14
В коммунальной квартире	2,0	0
В общежитии	3,6	9
В отдельной собственной квартире	27,4	32
В собственном доме	40,3	33
В съемной квартире	12,6	12
Итого	100,0	100

Источник: сост. авторами.

Данные за 2024 год демонстрируют небольшое смещение в сторону общежития по сравнению с 2018 годом, что совокупно со снижением количества проживающих в собственном доме указывает не только на перевес в возрастных категориях, но и на рост цен на недвижимость.

Социальное благополучие в семье складывается из многих факторов, не последним среди которых оказывается материальное положение (табл. 4).

На момент проведения исследования в 2018 году, значительная доля респондентов жила на уровне низкой материальной обеспеченности: всего порядка 40 % участниц опроса. Удовлетворительное материальное положение свое или своих семей (при условии состояния в браке) отметили около половины респондентов. Только каждую двадцатую из респондентов можно отнести к высокообеспеченным, имеющим возможность позволить себе дорогие покупки. Не вызывает сомнения, что уровень дохода, материальное положение женщины репродуктивного возраста или ее семьи (при наличии) является существенным фактором, влияющим на репродуктивное благополучие и социальное здоровье в целом. Интересно, что в момент исследования в 2024 году в ходе опроса удалось установить увеличение числа респондентов практически по всем группам материального положения. Это не свидетельствует о снижении уровня бедности и не говорит о серьезном улучшении уровня жизни респондентов, так как в идеале для такого вывода наибольшее значение должно наблюдаться в группе, способной без затруднений позволить себе приобретение квартиры. Это значение по-прежнему остается низким. К тому же ранее установленное увеличивающееся значение незамужних женщин совокупно с ростом спроса на жилье в начале 2020-х годов позволяет доказывать, что респонденты скорее перераспределили необходимость затрат в сторону недвижимости, нежели на организацию свадебных мероприятий, которые конвенционально не являются низкозатратными.

Результаты показывают, что преимущественно у респондентов преобладает благоприятный социально-психологический климат в семье (89 % положительных

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы вы оценили свое материальное положение или своей семьи (при ее наличии)?», %		
Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы вы оценили материальное положение своей семьи?»	2018 год	2024 год
Мы едва сводим концы с концами, денег хватает на продукты, но покупка одежды вызывает затруднения	10,9	3
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является проблемой	32,4	33
Могу/можем без труда приобретать товары длительного пользования, но для нас затруднительно делать дорогие покупки — квартира, автомобиль	44,7	56
Могу/можем позволить себе дорогие покупки — квартиру, дачу и другое	5,4	7
Затрудняюсь ответить	6,6	1
Итого	100,0	100

Источник: сост. авторами.

ответов). Общая оценка социально-психологического климата в семье респондентов положительная, процент неблагоприятного климата достаточно низкий. Далее мы углубили изучение, попросив респондентов ранжировать социально-психологический климат в семье по 5-балльной шкале. По ранжированию социально-психологический климат в семьях респондентов интерпретируется как удовлетворительный из-за разброса значений. Женщины раннего репродуктивного возраста имеют наибольший процент среди других групп, оценивая социально-психологический климат в своей семье на пять баллов (50,4 %). При этом наименьшие значения по этому варианту ответа наблюдаются у женщин старше 45 лет (29,4 % ответов) и женщин оптимального репродуктивного возраста (40 % ответов). Налаживание социально-психологического климата в семье происходит с запаздыванием до 10 лет от требуемого оптимума.

Наибольшая степень удовлетворенности коммуникацией в семьях наблюдается у респондентов, находящихся в декретном отпуске. Коммуникация и самооценка непосредственно связаны с уровнем психологической поддержки внутри семьи. Анализ демонстрирует падение оценки психологической поддержки по строке в пять баллов между основными группами репродуктивного возраста (от 58,3 % к 43,7 %). Наиболее высокая оценка по всей совокупности наблюдается в семьях женщин старше 45 лет — 60,3 % респондентов оценивают поддержку в семье на пять баллов.

Данные о том, что наилучшее состояние психологической поддержки в семье наблюдается в семьях респондентов, обладающих высшим образованием (60,1 % ответов оценили поддержку в пять баллов, 26,9 % — в четыре балла). При этом устанавливается закономерность, где по мере увеличения степени образованности наблюдается также и более высокая оценка психологической поддержки в семье по положительным баллам. В то же время снижается удовлетворительная оценка (от 18,9 % к 4,8 %), но варьируются негативные оценки (от 8,6 % ответов к 5,2 %, затем — к 7,8 %; от 0 % — к 3,4 % и 0,4 %). Полученные данные позволяют отметить значимость образования в развитии психологической поддержки внутри семьи, поскольку для нее необходимы не только внутренние человеческие качества, позволяющие проявлять искреннюю заботу, но и соответствующие знания, чтобы оказываемая поддержка была корректна.

Было исследовано то, как место проживания влияет на социально-психологический климат в семье. Результаты анализа свидетельствуют о разнице в темпе жизни и развитии инфраструктуры в зависимости от типа населенного пункта. Так, в краевом центре — городе Ставрополе — не наблюдается респондентов, которые оценивают свой социально-психологический климат ниже четырех баллов. Эти значения увеличиваются и в других городах, и в селах. При этом, надо отметить, более высокие значения в строке с пятью баллами в селе по сравнению с краевым центром. Более крупные и развитые города нередко оказывают давление на прочность социальных и межличностных связей, что реже наблюдается в селах ввиду более спокойного темпа жизни.

Заключение

По итогам исследования можно сделать вывод, что семейное благополучие женщин репродуктивного возраста, которое влияет на уровень их самооценки

социального здоровья в целом, в свою очередь зависит от целого ряда социоструктурных факторов, от их изменения в лучшую или худшую сторону.

Социальное здоровье женщин репродуктивного возраста традиционно рассматривается с позиции объективной оценки состояния его физической, в том числе репродуктивной, и психической составляющих. Новизна данного исследования состоит в том, что авторы пытаются заполнить исследовательскую лакуну в изучении данной категории женщин с позиции обнаружения их субъективных оценок основных элементов собственного социального здоровья и показать, как на них влияют социоструктурные и субъективно-личностные факторы.

Список источников

Ростовская, Т. К. (Ред). (2024). *Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия: монография*. Иваново: Иван. гос. ун-т, 472.

Ростовская, Т. К., Кучмаева, О. В., Золотарева, О. А (2021). Оценка социального благополучия семей в российских регионах: социологический анализ. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 21 (4), 805–824. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-805-824>

Ростовская, Т. К., Синельников, А. Б. (2025). Ценности брака как основа благополучия российских семей. *Вопросы управления*. 19(2), 6–16. EDN: BRNKHT

Рязанцев, С. В., Иванова, А. Е. (2023). Самооценка здоровья и самосохранительное поведение населения трудоспособного возраста Тюменской области. *Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*, 16 (4), 7–24. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-7-24>

Скворцова, Е. С., Лушкина, Н. П. (2024). Особенности самооценки своего здоровья подростками. *Социальные аспекты здоровья населения*, 70(3), 10. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2024-70-3-10>

Танатова, Д. К., Королев, И. В. (2025). Благополучие российской семьи в самооценках населения. *Уровень жизни населения регионов России*, 21 (1), 100–111. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_7_100_111

Таран, Е. А., Маланина, В. А, Клемашева, Е. И. (2022). Самооценка здоровья среди пожилых людей Томской области. *Вестник Томского государственного университета*, 485, 226–232. <https://doi.org/10.17223/15617793/485/25>

Ходакова, О. В. Кошечкина, Н. В. (2019). Самооценка здоровья как элемент самосохранительного поведения и приверженности к диспансеризации взрослого населения. *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*, 4, 310–326. <https://doi.org/10.24411/2312-2935-2019-10099>

Черкасов, С. Н., Сопова, И. Л. (2020). Влияние уровня образования на самооценку здоровья женщин репродуктивного возраста. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова*, 4, 67–71. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2020.21.4.009>

Шматова, Ю. Е. (2024). Самооценка здоровья старшим поколением (опыт социологического исследования в Вологодской области). В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы: Сборник научных статей*. (с. 638–650). Екатеринбург, Институт экономики УрО РАН, 651. <https://doi.org/10.17059/udf-2024-6-7>

References

Cherkasov, S. N., Sopova, I. L. (2020). The influence of education level on self-reported health of women of reproductive age. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta imeni M. K. Ammosova*

[*Vestnik of North-Eastern Federal University. Medical Sciences*], 4, 67–71. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2020.21.4.009> (In Russ.)

Khodakova, O. V. & Koshevaya, N. V. (2019). Self-assessment of health as an element of self-preserving behavior and addition to depersonalization of adults. *Sovremennye problemy zdoravookhraneniia i meditsinskoi statistiki* [Current problems of health care and medical statistics], 4, 310–326. <https://doi.org/10.24411/2312-2935-2019-10099> (In Russ.)

Rostov, T. K. (Ed.). (2024). *Studencheskaia semia v Rossii: barery i vozmozhnosti blagopoluchiiia: monografiia* [Student family in Russia: barriers and opportunities for well-being: a monograph]. Ivanovo: Ivan. State University, 472. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K. & Sinelnikov, A. B. (2025). The values of marriage as the basis for the well-being of Russian families. *Voprosy upravleniia* [Management Issues]. 19(2), 6–16. EDN: BRNKH (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., & Zolotareva, O. A. (2021). Assessment of the social well-being of families in Russian regions: a sociological analysis. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Sotsiologiiia* [Rudn Journal of Sociology]. 21(4), 805–824. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-805-824> (In Russ.)

Ryazantsev, S. V. & Ivanova, A. E. (2023). Self-assessment of health and self-preservation behavior of the population of the Tyumen region of working age. *Vestnik IuRGU (NPI). Serii: Sotsialno-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences], 16(4), 7–24. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-7-24> (In Russ.)

Shmatova, Yu. E. (2024). Self-assessment of health by the older generation (experience of sociological research in the Vologda oblast). In *Ustoichivost demograficheskogo razvitiia: determinanty i resursy: Sbornik nauchnykh statei*. [Sustainability of demographic development: determinants and resources : A collection of scientific articles]. (pp. 638–650). Yekaterinburg, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651. <https://doi.org/10.17059/udf-2024-6-7> (In Russ.)

Skvortsova, E. S. & Lushkina, N. P. (2024). Features of self-rated health among teenagers. *Sotsialnye aspekty zdorovia naseleniia* [Social Aspects of Population Health], 70(3), 10. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2024-70-3-10> (In Russ.)

Tanatova, D. K. & Korolev, I.V. (2025). Russian family well-being in the self-assessments of the population. *Uroven zhizni naseleniia regionov Rossii* [Living Standarts of the Population in the Regions of Russia], 21(1), 100–111. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_7_100_111 (In Russ.)

Taran, E. A., Malanina, V. A., & Klemasheva, E. I. (2022). Self-perceived health among older adults in Tomsk oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 485, 226–232. <https://doi.org/10.17223/15617793/485/25> (In Russ.)

Барсукова Татьяна Ивановна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных инноваций, Высшая школа креативных индустрий, Северо-Кавказский федеральный университет; <https://orcid.org/0000-0003-3966-6216> (Российская Федерация, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, e-mail: ti94@yandex.ru)

Байрамкулова Динара Далхатовна — старший преподаватель, Ставропольский кооперативный техникум; <https://orcid.org/0009-0009-8756-0679> (Российская Федерация, 000000, 355031 г. Ставрополь, ул. Серова, д. 278, e-mail: by_dinara@list.ru)

Tatyana I. Barsukova — Dr. Sci. (Sociolog), Professor, Professor of the Department of Sociology and Social Innovation, Higher School of Creative Industries, North Caucasus Federal University; <https://orcid.org/0000-0003-3966-6216> (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation, e-mail: ti94@yandex.ru).

Dinara D. Bayramkulova — Senior Lecturer, Stavropol Cooperative College; [https:// orcid: 0009-0009-8756-0679](https://orcid.org/0009-0009-8756-0679) (278, Serova St., Stavropol, 355031, Russian Federation, e-mail: by_dinara@list.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.143, 316.346.3

JEL classification: J14

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-6>

Материальное положение лиц старшего возраста как составляющая благополучной старости: оценка на основе социологических данных¹

Г. В. Белехова ^a

^a Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-6373-9043>

Автор для корреспонденции: Г. В. Белехова (belek-galina@yandex.ru).

Аннотация. Исследование посвящено анализу специфики материального положения лиц старшего возраста (65+ лет) и его влияния на восприятие благополучия. На материалах авторского социологического опроса совершеннолетнего населения Вологодской области, проведенного в 2025 году, изучены различия в самооценке покупательных возможностей, структуре расходов, характеристиках сберегательной активности, практиках финансовой подготовки к старости и уровне удовлетворенности аспектами материального положения в группах лиц старшего возраста и в сравнении с другими возрастными группами. Показано, что уровень доходов и особенности потребления являются ограничивающим фактором достижения субъективного благополучия для лиц старшего возраста. Несмотря на характерные для них более высокие сберегательную активность, удовлетворенность жилищными условиями и обеспеченностью товарами длительного пользования, негативное влияние возрастной динамики проявляется в невысоком абсолютном уровне доходов, сужении потребительских запросов и переориентации на траты, связанные со здоровьем. Полученные результаты подчеркивают необходимость дальнейшего совершенствования мер социальной политики, направленных на поддержку материального положения и повышение благополучия лиц старшего возраста.

Ключевые слова: лица старшего возраста; материальное положение; уровень дохода; сбережения.

Financial situation of older people as a component of prosperous old age: sociological assessment

G. V. Belekhoa ^a

^a Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-6373-9043>

Corresponding author: G.V. Belekhoa (belek-galina@yandex.ru).

Abstract. This study analyzes the specific of financial situation of older people (65+ years) and its impact on their perception of well-being. Using data from a 2025 sociological survey of adults in the Vologda Oblast, we examined differences in self-assessed purchasing power, spending patterns, savings activity characteristics, financial preparation practices for old age, and satisfaction with aspects of financial situation across older age groups and in comparison with other age groups. It is shown that income level and consumption patterns are limiting factors in achieving subjective well-being for older adults. Despite their higher savings activity and satisfaction with housing conditions and availability of durable goods, the negative impact of age dynamics is manifested in low income level, a narrowing of consumer needs, and a shift toward health-related spending. The results highlight the need for further improvement of social policy measures aimed at supporting the financial situation of older adults.

Keywords: older people; financial situation; income level; savings.

¹ © Белехова Г. В. Текст. 2026.

Введение

Демографическое старение населения выступает одним из ключевых вызовов современного общества, актуализируя задачу обеспечения достойного качества жизни на ее поздних этапах. Реализация стратегических приоритетов Российской Федерации в отношении лиц старшего возраста, закреплённых в Федеральном проекте «Старшее поколение», «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2030 года» и других программных документах, предполагает комплексный подход, важной частью которого является достижение высокого материального положения и финансового благополучия пожилых людей. Несмотря на растущее внимание к концепциям агентности (Cavazzoni et al., 2021), благополучного/успешного старения (Rowe & Kahn, 1987) и активного долголетия (Видясова, 2023; Sidorenko & Zaidi, 2013), а также на очевидную значимость здоровья для поддержания хорошего самочувствия в старшем возрасте, материальные возможности пожилых (доход, накопленный капитал, товарная обеспеченность и т. д.) остаются важными ресурсами, напрямую влияя на особенности потребления, спрос на медицинские услуги и возможности социальной включённости. Соответственно, экономические ограничения, с которыми сталкиваются пожилые люди после выхода на пенсию, зачастую становятся одними из главных барьеров в достижении благополучной старости. В частности, согласно официальным статистическим данным, в 2024 г. средний размер назначенных пенсий в России составлял 20 964 руб., или меньше четверти (23,5 %) от размера средней зарплаты¹. Такое низкое значение коэффициента замещения существенно отстает от уровня многих стран Европы и Азии, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), где коэффициент замещения составляет в среднем 65 %², и свидетельствует о невозможности приемлемой компенсации потерянного трудового дохода пенсией. При этом, как отмечают некоторые эксперты, «пенсия в России все же выше прожиточного минимума, и, как правило, пожилые люди имеют собственное жилье и не сталкиваются с расходами на аренду, что частично снижает их финансовую нагрузку»³. В то же время, по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения — 2022, почти каждому десятому россиянину старше 60 лет (8 %) не хватает денег на жизненно необходимые лекарственные препараты, и примерно столько же людей старшего возраста (9 %) едва сводят концы с концами и с затруднением могут оплатить все необходимые ежедневные расходы⁴.

¹ Уровень и динамика среднего размера назначенных пенсий пенсионеров, состоящих на учете в системе Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, в номинальном и реальном выражении (Росстат — Официальная статистика — Население — Уровень жизни — Социальное обеспечение и социальная помощь — Основные показатели пенсионного обеспечения). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 02.02.2026).

² Pensions at a Glance 2025: OECD and G20 Indicators. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/11/pensions-at-a-glance-2025_76510fe4/e40274c1-en.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

³ За последние 30 лет «граница старости» в России сдвинулась на три года вперед. URL: <https://tochno.st/materials/za-poslednie-30-let-granica-starosti-v-rossii-sdvinulas-na-tri-goda-vpered-i-eto-xorosaia-novost-no-smertnost-liudei-starse-65-let-vse-eshhe-vysokaia> (дата обращения: 02.02.2026).

⁴ Комплексное наблюдение условий жизни населения — 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 02.02.2026). За последние 30 лет «граница старости»

Особую значимость проблема материального положения лиц старшего возраста приобретает в региональном разрезе, поскольку диспропорции в уровне жизни, доступности товаров и услуг, возможностях занятости и пр. для пожилых людей здесь могут быть выражены острее, чем в среднем по стране. При этом важным моментом становится не только объективное материальное положение, но и его субъективное восприятие как элемент общего благополучия (Леонтьев, 2020). В этой связи цель настоящего исследования состоит в выявлении особенностей материального положения лиц старшего возраста и определении его влияния на восприятие благополучия в контексте достижения благополучной старости. Исследование опирается на данные авторского социологического опроса, проведенного в 2025 году в Вологодской области. В качестве гипотезы предполагается, что материальное положение лиц старшего возраста выступает ограничивающим фактором для достижения высокого субъективного благополучия, при этом его негативное влияние заключается не только в низком абсолютном уровне доходов, но и в сужении потребительских запросов и повышении расходов на поддержание здоровья. В ходе исследования проанализированы как объективные количественные характеристики (уровень дохода, сумма накоплений), так и субъективные оценки материального положения и покупательных возможностей, в том числе в сравнении лиц старшего возраста с другими возрастными группами.

Обзор литературы

В научной литературе материальное положение признается одной из ключевых составляющих качества жизни и благополучия в старшем возрасте. Проблематика материального положения и уровня жизни пожилых достаточно разнообразна и затрагивает следующие вопросы: достаточность доходов, практики пенсионного и потребительского поведения, удовлетворенность материальными возможностями, влияние социально-демографических факторов на уровень жизни пожилых и т. д.

Проводимые исследования в основном указывают как на устойчивость негативных ожиданий относительно материальных условий жизни в старости, так и на сохранение проблемы ограниченных финансовых ресурсов жизни на пенсии, несмотря на реформы пенсионной системы и изменения в финансовом поведении населения (Бобков & Одинцова, 2025; Карева & Кузина, 2021). Учитывая замедление роста среднего размера пенсионных выплат на фоне высокой инфляции последних лет, постоянного повышения цен на медицинские услуги и тарифов коммунальных услуг (Садыков, 2024), необходимость преодоления невысокого уровня жизни и плохих материальных возможностей пожилых по-прежнему входит в число актуальных задач научного и управленческого дискурса.

Помимо констатации низкого уровня материальной обеспеченности лиц старшего возраста, отмечается влияние состава домохозяйств с пожилыми людьми на уровень их жизни. В частности, доходы одиноких пожилых ниже по сравнению с семейными пожилыми людьми, причем одинокие женщины старшего возраста чаще оказываются беднее мужчин (Воронин и др., 2018). С проблемами

низкой покупательной способности имеющих доходов и затруднениями в оплате обязательных платежей чаще сталкиваются неработающие пенсионеры, а также пожилые, проживающие в домохозяйствах широкого состава (например, с детьми, внуками или другими родственниками) (Бобков & Одинцова, 2025). В последней группе пожилых также остро стоит вопрос улучшения жилищной обеспеченности, поскольку большинство из них (90 %) имеют плохие или ниже средних жилищные условия (Бобков & Одинцова, 2021). Как подчеркивается в исследованиях, ограниченность ресурсов обостряет у старшего поколения чувство одиночества, снижает социальную активность и возможности удовлетворения социально значимых потребностей в покупке необходимых продовольственных и непродовольственных товаров, оплате лекарств и медицинских услуг (Воронин и др., 2018; Бобков & Одинцова, 2025). Напротив, высокий и стабильный располагаемый доход способствует росту субъективного благополучия пожилых (Lai et al., 2020).

Особое внимание уделяется изучению стратегий и практик поведения, которые пожилые люди используют для поддержания и улучшения своего материального положения. В большинстве работ однозначно указывается, что основной стратегией лиц старшего возраста по обеспечению собственного благосостояния является продолжение трудовой деятельности, хотя в большинстве своем это вынужденная практика по причине недостаточности размера государственных пенсий (Бобков & Одинцова, 2025; Карева & Кузина, 2021; Щанина, 2021). Активные финансовые стратегии, связанные с формированием сбережений или созданием пассивного дохода, в том числе с помощью накопительной пенсии, распространены слабо, хотя охват ими в последние годы немного растет (Карева & Кузина, 2021; Щанина, 2021).

Потребительское поведение старшего поколения характеризуется избирательностью и снижением общего объема трат. В связи с сокращением доходов и изменением потребностей и предпочтений в старших возрастах потребительские расходы монотонно сокращаются до 75 лет, а далее стабилизируются на относительно низком уровне. При этом структура потребления заметно упрощается по сравнению с тратами лиц молодого и среднего возраста, и на первый план выходят базовые категории расходов, а именно: питание дома, одежда, оплата коммунальных услуг и связи, лекарства (Карева и др., 2025). Исследователи отмечают, что наблюдаемые изменения в потреблении лиц старшего возраста объясняются не только величиной доходов, но и возрастными особенностями, уровнем образования и активности, общим стилем жизни (Карева и др., 2025; Иванкина и др., 2021).

Таким образом, существующие исследования указывают на значимость материального положения для качества жизни пожилых людей, а также на важную роль потребительских и финансовых практик в обеспечении благополучной жизни в старости. В то же время актуальными исследовательскими вопросами остаются выявление особенностей материального положения лиц старшего возраста на микроуровне с учетом региональной специфики и понимание влияния материальных возможностей на воспринимаемое благополучие в старости.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили данные социологического опроса «Благополучие населения», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН при непосредственном участии автора на территории Вологодской области в 2025 году. Метод — раздаточное анкетирование на территории двух крупных городов (Вологда, Череповец) и восьми муниципальных округов области. Объем выборки — 1 500 респондентов в возрасте от 18 лет и старше. Выборка репрезентативная, квотированная по полу, возрасту (18–24 года, 25–34 года, 35–44 года, 45–54 года, 55–64 года, 65–74 года, 75+ лет), экономической активности населения. Ошибка выборки — не более 3 %.

В рамках данного исследования основное внимание сосредоточено на выборке лиц старшего возраста, в которой выделены две подгруппы: 1) пожилой возраст (пожилые) — лица в возрасте 65–74 года ($n = 226$, 15,1 % от общей выборки); 2) старческий возраст (старые) — лица в возрасте 75 лет и старше ($n = 93$, 6,2 %). Важным обстоятельством является различный уровень экономической активности данных подгрупп: на момент опроса работали 12 % респондентов из первой и 1 % из второй подгруппы.

Для анализа субъективного благополучия населения, в том числе его материальной составляющей, в исследовании, наряду с качественными показателями, применялся интегральный индекс субъективного благополучия, разработанный на предыдущих этапах работы (Соловьева и др., 2025). Данный индекс агрегирует пять субиндексов, характеризующих ключевые сферы жизни человека: физическое, психологическое, деятельностное, социальное и материальное благополучие. Каждый субиндекс измеряется через субъективную оценку (удовлетворенность) и объективные показатели фактической ситуации. Диапазон значений индексов — от 1 (min) до 3 (max) баллов. Субиндекс материального благополучия, представляющий особый интерес в рамках данного исследования, оценивает текущий уровень потребления и устойчивость материального положения, и рассчитывается как среднее арифметическое следующих показателей: удовлетворенность уровнем дохода и обеспеченностью предметами длительного пользования, самооценка покупательных возможностей, достаточность дохода для формирования сбережений.

В ходе анализа данных использованы методы дескриптивной статистики и частотных распределений, а также индексный метод. Расчеты выполнены в программе SPSS Statistics.

Результаты

Согласно проведенным расчетам, индекс субъективного благополучия с возрастом снижается: от 2,377 балла в группе 18–24 лет до 2,109 балла среди лиц 65–74 года и 1,973 балла среди лиц от 75 лет и старше (табл. 1). В группе лиц старшего возраста (65 лет и старше) наименьшие значения зафиксированы по компонентам физического (1,907 балла) и материального благополучия (1,973 балла), что вполне ожидаемо и скорее всего связано с возрастными изменениями здоровья и сокращением доходных возможностей в контексте выхода на пенсию и прекращения трудовой деятельности.

Для детализации роли материального фактора проанализирован относительный вклад каждого субиндекса в интегральную оценку благополучия в разных возрастных группах (рис. 1). Анализ, основанный на расчете отклонений значений субиндексов от общего индекса, выявил особую динамику материальной компоненты.

Материальная компонента демонстрирует устойчивый отрицательный вклад в общее восприятие собственного положения населением во всех возрастах, выступая таким образом сдерживающим фактором субъективного благополучия. При этом абсолютная величина отрицательного вклада постепенно уменьшается с возрастом: с $-0,420$ балла в группе 18–24 лет до $-0,127$ балла в группе 65–74 года и до $-0,020$ балла в группе 75+ лет. Однако данное сокращение нельзя однозначно интерпретировать как позитивную тенденцию. Оно происходит на фоне общего снижения значений интегрального индекса субъективного благополучия в старших возрастных группах. Сохранение материальной компоненты в зоне отрицательных значений применительно к лицам старшего возраста может быть связано с сужением финансовых возможностей и сокращением доходов в связи с переходом на фиксированные пенсионные выплаты при одновременном росте высокозатратных статей расходов (например, на медицинские услуги и лекарства). Для проверки данных предположений рассмотрим отдельные характеристики материального положения лиц старшего возраста.

Анализ источников доходов показывает, что у преобладающей доли респондентов пожилого (65–74 лет) и старческого (75+ лет) возрастов они формируются из разнообразных социальных выплат, прежде всего пенсии (97 % и 100 %). Для подгруппы пожилых значимым дополнением выступает заработная плата по основному месту работы (12 % против 1 %), что соотносится с их большей экономической активностью по сравнению со второй подгруппой. Заметную роль играет материальная помощь от родственников, которая несколько выше в подгруппе старых (17 % против 14 %), что в целом сопоставимо с другими

Таблица 1

Индекс субъективного благополучия и отдельные субиндексы в разрезе возрастных групп, баллы

Возраст, лет	Интегральный индекс	Субиндексы благополучия				
		Физическое	Психологическое	Деятельностное	Социальное	Материальное
18–24	2,377	2,646	2,575	2,316	2,390	1,956
25–34	2,363	2,548	2,519	2,347	2,387	2,013
35–44	2,326	2,479	2,451	2,268	2,377	2,053
45–54	2,291	2,417	2,401	2,288	2,313	2,035
55–64	2,178	2,176	2,266	2,204	2,241	2,002
65–74	2,109	1,974	2,222	2,192	2,175	1,981
75+	1,973	1,740	2,033	2,143	1,996	1,953
Среднее	2,250	2,320	2,371	2,256	2,292	2,011

Источник: Рассчитано автором по данным опроса «Благополучие населения», 2025. ВолНЦ РАН. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025624921 RU.

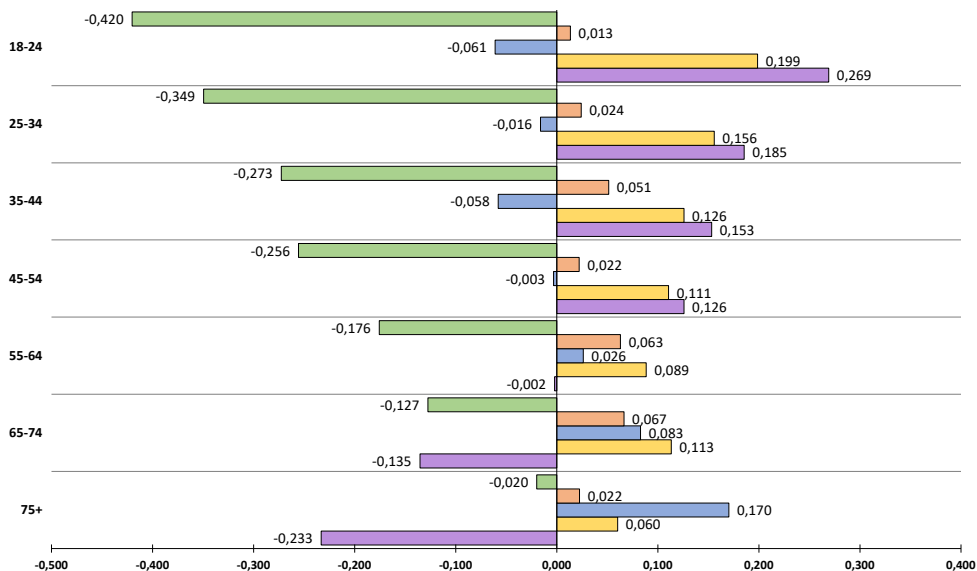

Рис. 1. Вклад отдельных компонентов в общий индекс субъективного благополучия в разных возрастных группах, в баллах (Источник: рассчитано автором по данным опроса «Благополучие населения», 2025. ВолНЦ РАН. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025624921 RU)

возрастными группами, кроме молодежи (18–24 года — 54 %). Такой источник, как доходы от собственности (проценты по вкладам, доход от сдачи недвижимости в аренду), указывает гораздо меньшая доля лиц старшего возраста (8 %), что ниже, чем среди респондентов 35–64 лет (12–14 %). Следовательно, прослеживается закономерно высокая зависимость старшего поколения от государственной и внутрисемейной финансовой поддержки при одновременно низкой распространенности среди них пассивных источников дохода.

Ключевой проблемой выступает уровень доходов. Среднемесячный доход как пожилых (24 922 руб.), так и старых (24 007 руб.) сопоставим с доходом самой молодой группы (18–24 года, 24 532 руб.) и на 30–40 % ниже, чем в группах лиц среднего возраста (32–35 тыс. руб.). Другими словами, фиксируемый у лиц старшего возраста доход совпадает с уровнем, характерным для начала трудового пути. С учетом изменяющихся потребностей лиц старшего возраста и критически низкой компенсации трудового заработка это подчеркивает проблему ограниченных материальных возможностей старшего поколения.

Теоретически ситуацию могла бы смягчить традиционно более высокая сберегательная активность лиц старшего возраста. Действительно, согласно данным опроса, доля лиц со сбережениями среди старшего поколения несколько выше (в среднем 26 %), чем в средних возрастах (в среднем 21 %). Однако качественные параметры сбережений указывают на их недостаточность для выполнения страховой функции. Средний размер накоплений у лиц старшего возраста (230 тыс.руб.) существенно ниже, чем у молодежи (360 тыс. руб.) и лиц среднего

возраста (330 тыс. руб.), причем наименьшие суммы сбережений фиксируются в самой старшей возрастной группе (199 тыс. руб. у лиц 75+ лет по сравнению с 257 тыс. руб. у лиц 65–74 лет). Горизонт дожития на имеющиеся сбережения (по самооценке респондентов) составляет у старшего поколения пять месяцев против в среднем семи месяцев в других возрастных группах. Это говорит о более ограниченной финансовой подушке безопасности.

Примечательно, что небольшие суммы накоплений и достаточно однообразные источники доходов соседствуют с широко распространенными среди респондентов пессимистичными ожиданиями относительно достаточности пенсии. Так, почти половина опрошенных во всех возрастах (50–55 % среди лиц 18–64 года, 44–47 % среди лиц 65+ лет) указывает, что пенсионных выплат безусловно будет недостаточно для нормальной жизни в старости. При этом, как показывает анализ практик, направленных на материальную подготовку к старости (табл. 2), наиболее распространенной практикой является ориентация на официальное трудоустройство с белой зарплатой (ее отмечают 44–58 % респондентов в возрасте 25–64 лет). Меньшая часть населения отмечает латентную практику, связанную с трудовой деятельностью, — получение государственных наград, дающих право на будущие льготы. В отличие от этих действий, опосредованных трудовым статусом, активные финансовые практики, связанные с накоплениями и формированием пассивного дохода, распространены не столь широко: их использует порядка трети лиц молодого и среднего возраста и лишь 11–23 % представителей старшего поколения. Полученные распределения ответов свидетельствуют как об осознании остроты проблемы финансовой незащищенности в старшем возрасте, особенно после выхода на пенсию, так и об ограниченной распространенности соответствующих адаптационных

Таблица 2

Использование практик, связанных с материальной подготовкой к старости, доля выбравших варианты «4 балла» (более-менее соответствует) и «5 баллов» (полностью соответствует) (100 % по столбцу)

Вариант ответа*	Возрастные группы, лет							Среднее по опросу
	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65–74	75+	
Стараюсь работать официально, с белой зарплатой	37,3	57,6	58,6	52,3	44,0	19,4	21,5	45,0
Стремлюсь к получению гос. наград, гарантирующих льготы и прибавки к пенсии	30,5	35,4	38,0	36,9	24,7	21,3	21,5	31,0
Коплю деньги на жизнь в пожилом возрасте	19,5	36,3	32,1	21,4	28,4	23,1	20,0	27,3
Создаю собственные источники пассивного дохода (недвижимость для сдачи в аренду, ценные бумаги)	21,7	27,2	30,0	24,3	20,8	15,7	10,8	23,0

*Формулировка вопроса: Что вы делаете в настоящее время для того, чтобы достичь благополучной старости? (оцените по шкале от «1» — совсем не соответствует, до «5» — полностью соответствует)

Источник: Составлено автором по данным опроса «Благополучие населения», 2025. ВолНЦ РАН. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025624921 RU.

практик материальной подготовки к жизни в старости, способных компенсировать недостатки действующей системы пенсионного обеспечения.

Прямым свидетельством низкого уровня текущих материальных возможностей лиц старшего возраста является их самооценка покупательной способности. В среднем порядка 40 % респондентов — представителей старшего поколения, по сравнению с 25–30 % в остальных возрастных группах, указывают на существенно ограниченные возможности покупки даже самых базовых вещей — продуктов и одежды («денег хватает только на продукты питания» и «денег не хватает даже на продукты питания, приходится залезать в долги»). Одновременно с этим доля полярной группы — тех, кто не испытывает заметных ограничений в потреблении — минимальна среди лиц старшего возраста (10 % против в среднем 20 % в других возрастах). При этом основная доля респондентов (более половины) во всех возрастных группах указывает, что им «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом».

В структуре расходов лиц старшего возраста достаточно ярко проявляется логика жизненного цикла. Согласно результатам опроса, в данной группе наименее востребованными (менее 20–25 %) являются траты, связанные с инвестициями и активным досугом: оплата образования (как собственного профессионального, так и других родственников), расходы на спорт и туризм, платежи по кредитам. Основные траты связаны с поддержанием текущего уровня и качества жизни: питание (89 % отметивших данные траты в обеих рассматриваемых подгруппах), одежда и парикмахерские услуги (87 % у пожилых и 81 % у старых), культурные мероприятия (44 % и 35 % соответственно), хобби (61 % и 59 %), формирование сбережений (71 % в обеих группах). В лидерах повседневных трат также ожидаемо оказались расходы на лекарства (95 % и 93 %), медицинские (85 % в обеих группах) и стоматологические (80 % в обеих группах) услуги, на товары длительного пользования (89 % и 87 %). При этом проблемы с оплатой чаще всего отмечаются по отношению к важным для старшего поколения медицинским услугам и лекарственным средствам (порядка 20 % респондентов в обеих рассматриваемых подгруппах лиц старшего возраста указывают на недостаточность имеющихся доходов для оплаты этих статей).

На этом фоне интерес представляют данные об удовлетворенности аспектами материального положения. Несмотря на отмеченные выше сложности, общий уровень удовлетворенности материальным положением (уровнем дохода) в старших возрастных группах значимо не отличается от других возрастов, а по таким аспектам, как жилищные условия и обеспеченность товарами длительного пользования, даже немного превышает (табл. 3). Отсутствие различий может объясняться рядом причин: адаптацией потребностей и снижением ожиданий в старшем возрасте, эффектом накопленного имущества (например, решенный жилищный вопрос), смещением системы ценностей с материальных благ на другие составляющие жизни. Однако фиксируемая относительная удовлетворенность не отменяет наличие проблем в материальном обеспечении лиц старшего возраста, ограничивающих возможности для полноценной и благополучной жизни.

Таблица 3

**Удовлетворенность аспектами материального положения в разрезе возрастных групп, %
(100 % по столбцу)**

Вариант ответа	Возрастные группы, лет						
	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65–74	75+
Удовлетворенность уровнем дохода							
Не удовлетворены	35,0	38,2	40,6	37,6	34,5	39,2	40,0
Затруднились ответить	30,1	25,8	19,4	23,0	26,6	17,5	26,7
Удовлетворены	35,0	36,0	39,9	39,4	38,9	43,4	33,3
Удовлетворенность жилищными условиями							
Не удовлетворены	33,0	23,7	28,6	26,3	18,3	18,5	17,3
Затруднились ответить	17,5	25,3	17,0	21,1	24,0	20,1	30,7
Удовлетворены	49,5	51,1	54,4	52,6	57,6	61,4	52,0
Удовлетворенность качеством и разнообразием питания							
Не удовлетворены	17,5	16,7	12,7	16,4	13,1	14,8	14,7
Затруднились ответить	25,2	24,2	23,7	25,4	24,0	25,4	28,0
Удовлетворены	57,3	59,1	63,6	58,2	62,9	59,8	57,3
Удовлетворенность обеспеченностью товарами длительного пользования							
Не удовлетворены	21,4	20,4	15,2	23,0	17,0	10,6	9,3
Затруднились ответить	16,5	22,0	25,1	21,1	20,1	28,6	28,0
Удовлетворены	62,1	57,5	59,7	55,9	62,9	60,8	62,7

Примечание: критерий хи-квадрат Пирсона принимает значения больше 0,1, следовательно, статистически значимой разницы в уровне удовлетворенности аспектами материального положения между возрастными группами нет.

Источник: Составлено автором по данным опроса «Благополучие населения», 2025. ВолНЦ РАН. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025624921 RU.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что материальное положение является как ресурсным, так и ограничивающим фактором в отношении ощущения благополучия в старшем возрасте. Фиксированные пенсионные доходы и небольшие сбережения влияют на потребление представителей старшего поколения, зачастую ограничивая его расходами на базовые нужды и медицинские услуги, что объективно сужает возможности для активной и разнообразной жизни в соответствии с идеями благополучной старости. Интересно, что одновременно с этими объективными ограничениями фиксируется достаточно высокий уровень удовлетворенности отдельными аспектами материального положения, что может указывать на адаптацию ожиданий или переоценку жизненных приоритетов лицами старшего возраста. Полученные результаты подчеркивают, что эффективная социально-демографическая политика должна учитывать эту двойственность, сочетая меры по повышению финансовой устойчивости пожилых домохозяйств с созданием доступной среды и услуг, позволяющих компенсировать экономические ограничения.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-78-10128, <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>).

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Scientific Foundation, the project No. 23-78-10128 (<https://rscf.ru/en/project/23-78-10128/>).

Список источников

Бобков, В. Н., Одинцова, Е. В. (2021). Материальное благосостояние россиян: межпоколенная дифференциация. *Мир новой экономики*, 15(2), 16–28. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28>

Бобков, В. Н., Одинцова, Е. В. (2025). Уровень жизни российских пенсионеров и его динамика при введении базового пенсионного дохода. *Социологические исследования*, 11, 110–122. <https://doi.org/10.7868/S3034577X25110091>

Видясова, Л. А. (2023). Активное и отложенное старение в оценках пожилых (по данным пилотного исследования в Санкт-Петербурге). *Журнал исследований социальной политики*, 21(3), 485–502. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-3-485>

Воронин, Г. Л., Захаров, В. Я., Козырева, П. М. (2018). Одинокие пожилые: доживают или активно живут? *Социологический журнал*, 24(3), 32–55. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5992>

Иванкина, Л. И., Клемашева, Е. И., Кашапова, Э. Р., Аникина, Е. А. (2021). Потребительские стратегии пожилых людей. *Мир экономики и управления*, 21(1), 42–58. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-1-42-58>

Карева, Д. Е., Кузина, О. Е. (2021). Динамика пенсионных стратегий и пенсионного поведения россиян в 2005–2020 гг. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4, 139–164. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.766>

Карева, Д. Е., Синявская, О. В., Миронова, А. А. (2025). Особенности потребительского поведения людей старшего возраста в России: снижение расходов и упрощение структуры потребления. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 36–60. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2901>

Леонтьев, Д. А. (2020). Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты. *Психологический журнал*, 41(6), 86–95. <https://doi.org/10.31857/S020595920012592-7>

Садыков, Р. М. (2024). Оценка уровня жизни пожилых людей и их самочувствия в условиях изменения социальной среды. *Вестник университета*, 1, 184–191. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-1-184-191>

Соловьева, Т. С., Нацун, Л. Н., Шматова, Ю. Е., Белехова, Г. В. (2025). Возрастной спектр субъективного благополучия: специфика положения пожилых людей. *Успехи геронтологии*, 6, 802–809. <https://www.doi.org/10.34922/AE.2025.38.6.001>

Щанина, Е. В. (2021). Практики поведения пожилых людей, направленные на повышение своего благосостояния, в современном российском обществе. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, 138–161. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1702>

Cavazzoni, F., Fiorini, A., & Veronese, G. (2021). How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. *Social Indicators Research*, 159, 1125–1153. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02791-8>

Lai, E. T., Yu, R., Woo, J. (2020). The associations of income, education and income inequality and subjective well-being among elderly in Hong Kong — a multilevel analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(4): 1271. <https://doi.org/10.3390/ijerph17041271>

Rowe, J. W., Kahn, R. L. (1987). Human aging: usual and successful. *Science*, 237(4811), 143–149.

Sidorenko, A., Zaidi, A. (2013). Active ageing in CIS countries: semantics, challenges, and responses. *Current Gerontology and Geriatrics Research*, 1, 1–17. <https://doi.org/10.1155/2013/261819>

References

Bobkov, V. N. & Odintsova Ye. V. (2025). The Russian pensioners standard of living and its dynamics with the introduction of basic pension income. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 11, 110–122. <https://doi.org/10.7868/S3034577X25110091> (In Russ.)

Bobkov, V. N. & Odintsova, Ye. V. (2021). The material well-being of Russians: intergenerational differentiation. *Mir novoi ekonomiki [The World of New Economy]*, 15(2), 16–28. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28> (In Russ.)

Cavazzoni, F., Fiorini, A., & Veronese, G. (2021). How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. *Social Indicators Research*, 159, 1125–1153. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02791-8>

Ivankina, L. I., Klemasheva, E. I., Kashapova, E. R., & Anikina, E. A. (2021). Consumer behavior of the elderly. *Mir ekonomiki i upravleniya [World of Economics and Management]*, 21(1), 42–58. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-1-42-58> (in Russ.)

Kareva, D. E. & Kuzina, O. E. (2021). Dynamics of pension strategies and pension behavior of Russians in 2005–2020. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 4, 139–164. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.766> (In Russ.)

Kareva, D. E., Sinyavskaya, O. V., & Mironova, A. A. (2025). Features of consumer behavior of older people in Russia: reduction of expenses and simplification of consumption structure. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 3, 36–60. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2901> (In Russ.)

Lai, E. T., Yu, R., & Woo, J. (2020). The associations of income, education and income inequality and subjective well-being among elderly in Hong Kong—a multilevel analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(4): 1271. <https://doi.org/10.3390/ijerph17041271>

Leontiev, D. A. (2020). Quality of life and well-being: objective, subjective and agentic aspects. *Psikhologicheskij zhurnal [Psychological journal]*, 41(6), 86–95. <https://doi.org/10.31857/S020595920012592-7> (In Russ.)

Rowe, J. W. & Kahn, R. L. (1987). Human aging: usual and successful. *Science*, 237(4811), 143–149.

Sadykov, R. M. (2024). Assessment of the living standard of elderly people and their well-being in a changing social environment. *Vestnik universiteta*, 1, 184–191. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-1-184-191> (In Russ.)

Shchanina, E. V. (2021). Behavioral practices of senior citizens aimed at improving their well-being in contemporary Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 2, 138–161. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1702> (In Russ.)

Sidorenko, A. & Zaidi, A. (2013). Active ageing in CIS countries: semantics, challenges, and responses. *Current Gerontology and Geriatrics Research*, 1, 1–17. <https://doi.org/10.1155/2013/261819>

Soloveva, T. S., Natsun, L. N., Shmatova, Yu. E., & Belekhova, G. V. (2025). Age spectrum of subjective well-being: the specifics of the elderly. *Uspekhi gerontologii [Advances in Gerontology]*, 6, 802–809. <https://www.doi.org/10.34922/AE.2025.38.6.001> (In Russ.)

Vidiasova, L. A. (2023). Active and delayed aging in the assessments of the elderly (according to a pilot study in St. Petersburg). *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki [The Journal of Social Policy Studies]*, 21(3), 485–502. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-3-485-502> (In Russ.)

Voronin, G. L., Zakharov, V. Y., Kozyreva, P. M. (2018). Lonely old aged: surviving or living an active life? *Sotsiologicheskii Zhurnal [Sociological Journal]*, 24(3), 32–55. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5992> (In Russ.)

Белехова Галина Вадимовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Вологодский научный центр Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0002-6373-9043> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Galina V. Belekova — Cand. Sci. (Econ.), senior researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-6373-9043> (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.17

JEL classification: J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-7>

Особенности влияния стремительно развивающейся современной российской экономики на темп рождаемости¹

А.А. Бородинов^а, В.Р. Исаков^б, П.И. Родина^в

^а Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия).
<https://orcid.org/0009-0001-3776-7286>

^б Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия).
<https://orcid.org/0009-0000-2163-8650>

^в Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия).
<https://orcid.org/0009-0002-0972-3937>

Автор для корреспонденции: А.А. Бородинов (BorodinovAnso@yandex.ru).

Аннотация. В настоящей работе авторы рассматривают особенности влияния стремительно развивающейся современной российской экономики на динамику рождаемости в России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания механизмов воздействия макроэкономических трансформаций на репродуктивное поведение населения и демографическую ситуацию в стране. В рамках исследования проведен комплексный анализ нормативно-правовой базы, регулирующей брачно-семейные отношения и вопросы деторождения. Рассмотрены положения действующего федерального и регионального законодательства РФ, а также проведен сравнительный анализ с нормами советского периода. Особое внимание уделено изучению зарубежного опыта в области демографической политики. На основе анализа международной практики выявлены как позитивные, так и негативные аспекты регулирования рождаемости.

Ключевые слова: демография; демографическая политика; семейно-брачные отношения; социально-экономическая поддержка семей; экономические показатели.

The Impact of the Rapidly Developing Modern Russian Economy on the Birth Rate

A. Borodinov^a, V. Isakov^b, P. Rodina^c

^a Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).
<https://orcid.org/0009-0001-3776-7286>

^b Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).
<https://orcid.org/0009-0000-2163-8650>

^c Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).
<https://orcid.org/0009-0002-0972-3937>

Corresponding author: A. Borodinov (BorodinovAnso@yandex.ru).

Abstract. In this paper, the authors examine the impact of the rapidly developing modern Russian economy on the birth rate in Russia. The relevance of the study lies in the need to understand the mechanisms of the impact of macroeconomic transformations on the reproductive behavior of the population and the demographic situation in the country. The study provides a comprehensive analysis of the legal framework governing marriage and family relations and issues related to childbirth. It examines the provisions of the current federal and regional legislation of the Russian Federation and conducts a comparative analysis with the norms of the Soviet period. Special attention is given to studying foreign experience in the field

¹ © Бородинов А. А., Исаков В. Р., Родина П. И. Текст. 2026.

of demographic policy. Based on an analysis of international practice, both positive and negative aspects of birth control have been identified.

Keywords: demographics; demographic policy; family and marriage relations; socio-economic support for families; economic indicators.

Введение

В условиях стремительных макроэкономических преобразований в Российской Федерации демографическая ситуация, а именно спад рождаемости, является одним из ключевых факторов, влияющих на долгосрочное экономическое развитие страны. Сохраняющийся низкий уровень среднего коэффициента суммарной рождаемости (1,4–1,45) при выраженной региональной дифференциации и тенденции к повышению среднего возраста становления матерью — подтверждение сложной системы взаимодействия экономических, социальных и правовых механизмов. Таким образом, О.В. Морозова подчеркивает, что главным условием успешной демографической политики любого государства является, прежде всего, создание достойных социальных и материальных условий жизни его граждан (Морозова, 2017). Актуальность работы заключается в необходимости понимания воздействия макроэкономических показателей на репродуктивное поведение населения и темп деторождения в условиях стремительно развивающейся российской экономики. Так, целью данной работы является исследование проблемы влияния экономических факторов на демографическую ситуацию в Российской Федерации через анализ правового регулирования семейно-брачных отношений, активной государственной демографической политики. Подход включает в себя комплексное изучение федерального и регионального законодательств, международной практики по стимулированию рождаемости, а также сравнение с советскими мерами, что позволяет выявить наиболее успешные и контролируемые механизмы для стабильной успешной демографической политики РФ.

Современные тенденции рождаемости и механизмы государственной политики

По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), численность населения Российской Федерации на 1 января 2025 года составила 146 028 325 человек. За 2024 год показатель сократился на 0,08 % — со 146 150 789 человек по состоянию на начало 2024 года. При этом в процентном выражении темп сокращения численности населения в 2024 году оказался минимальным за последние пять лет. Средний коэффициент суммарной рождаемости (СКР) в стране находится в диапазоне 1,4–1,45, что значительно ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения (2,1). Это свидетельствует об устойчиво низком уровне рождаемости.

Анализ региональных показателей за 2024 год демонстрирует существенную дифференциацию по коэффициенту суммарной рождаемости. Наиболее высокие значения зафиксированы в Республике Дагестан (1,9–2,0), Республике Тыва (2,1–2,2) и Чеченской Республике (2,6–2,7). В то же время наименьшие показатели отмечены в Ленинградской области (менее 0,9), Республике Мордовия (0,99) и городе Севастополе (0,99).

Статистические данные также отражают тенденцию к повышению среднего возраста матери при рождении детей. В настоящее время женщина в среднем

рожает первенца в 26,2 года, второго ребенка — в 29,7 года, третьего — в 32,0 года. Сопоставление с данными 1995 года показывает, что за прошедший период возраст матерей вырос: при рождении первенца — на 3,5 года, второго ребенка — на 2,8 года, третьего ребенка — на 2,1 года.

А.А. Черкасов, В.С. Белозёров, Н.А. Щитова, Н.В. Сопнев отмечают, что высокий уровень СКР характерен для Северо-Кавказского федерального округа в связи с его культурной особенностью. Так как в нем около 1 % браков заключается до достижения у женщин совершеннолетия, а при достижении ими возраста от 18 до 24 лет уже 54 % (Черкасов и др., 2020).

В свою очередь ранние браки способствуют рождению детей в более молодом возрасте. Согласно статье 13 Семейного кодекса РФ брачный возраст в Российской Федерации устанавливается в восемнадцать лет. Также в данной норме разъясняется, что при наличии уважительных причин, например, беременность девушки, органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по их просьбе разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста шестнадцати лет. Однако шестнадцатилетний возраст не является нижним пределом для лиц, желающих вступить в брак. Семейное законодательство разъясняет, что порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения шестнадцати лет, могут быть установлены законами субъектов Российской Федерации.

Возрастной ценз на вступление в брак был также закреплён в нормах советского законодательства. В июне 1968 года были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье. Статья 10 вышеуказанного нормативно-правового акта закрепляет, что общий минимальный брачный возраст устанавливается в 18 лет, при этом законодательством союзных республик могло быть предусмотрено снижение брачного возраста, но не более чем на 2 года. Аналогичные правила были введены и в Белорусской ССР. Возможность снижения брачного возраста не более чем на один год предусматривалась кодексами о браке и семье в Азербайджанской ССР, Грузинской ССР, Киргизской ССР, Литовской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР, Узбекской ССР, Украинской ССР, Эстонской ССР. Снижение брачного возраста только для женщин и не более чем на один год предусматривали кодексы о браке и семье в Армянской ССР, Казахской ССР, Латвийской ССР, Молдавской ССР.

Между тем Уголовный кодекс Российской Федерации, а именно статья 134, закрепляет уголовную ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Однако в примечаниях к вышеуказанной статье разъяснено, что лицо, впервые совершившее данное преступление, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим).

Помимо законодательной возможности раннего брака, предусмотрены стимулирующие рождаемость меры. В рамках программы «Молодая семья», действующей до 2030 года, супругам до 35 лет вне зависимости от количества детей

в семье либо одиноким родителям с несовершеннолетними детьми можно получить безвозмездную субсидию на приобретение жилья в размере до 35 % его стоимости. Вдобавок к федеральным методам поддержки семей в Российской Федерации действуют региональные. Среди них можно выделить программу «Вологодская семейная ипотека», реализующую скидку в размере 4,5 % к ставке по ипотеке для родителей возрастом не более 35 лет. Следует отметить, что настоящая программа способна действовать вкупе с федеральной программой поддержки, позволяя приобрести квартиру по ставке 1,5 % годовых. Аналогичный подход действует и в Пензенской области в отношении родителей с детьми 2018–2023 годов рождения. В рамках региональной поддержки осуществляется выплата единовременного пособия при рождении ребенка в Республике Калмыкия, Сахалинской и Нижегородской областях. В свою очередь, в Республике Татарстан 160 супругам в возрасте, не превышающем 35 лет, проживающим на территории субъекта не менее трех лет, в рамках социального проекта «Грант молодым женам» была предоставлена единовременная выплата в размере 100 000 рублей. Отметим, что Нижегородская область являлась лидером по региональным выплатам за рождение детей. Так, поддержка за рождение первого ребенка в семье составляет 360 тысяч рублей, второго — 800 тысяч рублей, третьего — миллион рублей. Между тем, согласно постановлению правительства ЯНАО №10-П от 20 января 2025 года, родители новорожденных детей могут получить выплату, равную трем миллионам рублей за первенца, если маме при этом до 30 лет.

Как подчеркивает Е.А. Долгих, для оценки степени влияния регионального фактора на рождаемость рассчитаны коэффициенты детерминации. Процент влияния регионального фактора в 2021 г. — 25,5 %, при этом возникает высокий уровень трудоспособного населения, которое из-за фактического отсутствия рабочих мест начинает активную трудовую миграцию в близлежащие регионы и ЦФО. Более высокий уровень влияния у экономического фактора, а именно среднемесячной номинальной начисленной заработной платы сотрудников (Долгих, 2024).

Таким образом, значение рангового коэффициента корреляции Спирмена составил 0,29 в 2021 г. Согласно статистическим данным, уровень рождаемости прямо пропорционален уровню заработной платы. Эта взаимосвязь четко прослеживается в группировке субъектов РФ по данным за 2021 год, где в регионах с невысоким уровнем заработной платы низкая, либо ниже среднего, рождаемость. Однако Ленинградская и Архангельская области являются исключениями, так как при значительном уровне дохода населения рождаемость невысокая.

Необходимо также проанализировать международный опыт социальной поддержки рождаемости. Так, в Норвегии реализован комплексный механизм поддержки, начинающийся с автоматического начисления детского пособия (Barnetrygd) через налоговую систему, — без необходимости подачи заявления родители ежемесячно получают 1 350 NOK на каждого ребенка до 18 лет. Дополнительно при рождении ребенка выплачивается единовременное пособие (Foreldrepenger) в размере 84 700 NOK, причем размер дохода семьи на эту выплату не влияет. Существенным элементом поддержки является родительский отпуск, который может быть оформлен на 59 недель с сохранением 80 % заработной платы либо на 49 недель со 100-процентной оплатой. При этом

законодательно закреплено обязательное распределение отпуска — минимум 15 недель для матери и только 15 недель для отца («папина квота»), а максимальная ежемесячная выплата ограничена 72 000 NOK. Особая забота проявляется в отношении одиноких родителей: им полагается ежемесячная доплата в 3 000 NOK, приоритетное право на место в детском саду и бесплатная юридическая помощь при взыскании алиментов.

В Китае акцент сделан на стимулировании рождаемости через финансовые механизмы: введена ежегодная субсидия в размере 3 600 юаней на каждого ребенка до 3 лет, рожденного до 1 января 2025 года, при этом сумма рассчитывается пропорционально количеству месяцев, за которые полагается выплата; кроме того, семьи получают освобождение от НДС/Л. Значимым шагом стала отмена в 2016 году политики «одна семья — один ребенок», которая ранее ограничивала число детей в городских семьях одним ребенком, а в сельских — двумя (при условии, что первенец — девочка).

Японская модель поддержки сочетает единовременные и периодические выплаты с учетом страхового покрытия. При родах выплачивается единовременное пособие в размере 500 000 иен (ранее — 420 000 иен), покрывающее основные расходы. В период декрета (месяц до родов и два месяца после) работающие женщины получают 70 % от заработной платы, а после этого возможен отпуск по уходу за ребенком до одного года с выплатой 1/3 от заработной платы — однако эти меры доступны только при наличии полиса государственного медицинского страхования. Важным изменением стало снятие лимита дохода родителей для получения ежемесячных детских пособий до 18 лет, что существенно расширило охват поддержки.

Сопоставление этих практик позволяет выделить ключевые акценты: норвежская система ориентирована на автоматизацию выплат и равное распределение родительских обязанностей, китайская — на финансовое стимулирование рождаемости и снятие количественных ограничений, а японская — на сочетание единовременных выплат с длительными периодами оплачиваемого отпуска при условии наличия страхового покрытия. Такой разноплановый опыт представляет ценность для разработки и совершенствования национальных программ поддержки семей с детьми.

Научные деятели имеют различные точки зрения относительно анализа влияния экономических показателей на демографические. Так, ввиду отсутствия ретроспективных данных статистических взаимосвязей расходов с основными показателями рождаемости в рамках реализации национального проекта «Демография» в отношении поддержки тенденции стабильного роста репродуктивных показателей В.А. Петров указывает на возможность анализа лишь прогноза ВВП и проекта бюджетных расходов при прогнозировании суммарного коэффициента рождаемости (Петров, 2018). Однако мы считаем, что в текущий период на демографические показатели, помимо вышеуказанного, влияет множество иных социально-экономических факторов. К ним следует отнести высокую инфляцию в Российской Федерации, вдобавок совокупность причин ее образования, таких как санкционные и торговые ограничения, увеличение стоимости импортируемых товаров и технологий, недостаточно эффективное использование инструментов

денежно-кредитной политики. Кроме того, на колебания данных о приросте населения способны влиять следующие обстоятельства: ухудшение условий доступности недвижимого имущества, высокий уровень женской занятости и соответствующий показатель безработицы, отсутствие государственной поддержки. Отметим факт присутствия не каждого из вышеперечисленных параметров в Российской Федерации, между тем проанализируем действующие на данный момент и обозначим их взаимосвязь.

Высокие затраты на жилье в пределах настоящего десятилетия обусловлены шоком спроса на недвижимость, утверждает Н. С. Никитина (Никитина, 2023). Мы считаем, что одним из катализаторов расширения спроса недвижимого имущества является реализация государственной льготной программы по ипотеке 2021 года в качестве антикризисной меры. Ввиду увеличения спроса на недвижимость посредством осуществления названной программы наблюдается непрекращающаяся по настоящее время тенденция резкого повышения цен на него. В связи с этим молодые семьи не стремятся заводить детей, считая наиболее необходимой реализацию комфортных условий для ухода за ребенком, крайне сложно осуществимую в текущих обстоятельствах.

В научной среде активно обсуждаются различные подходы к стимулированию рождаемости, в том числе — обращение к опыту советского периода. Среди предлагаемых мер фигурируют, к примеру, частичный или полный запрет, а также введение специального фискального механизма — налога на бездетность, либо иных форм экономического стимулирования создания семьи и рождения детей.

Ранее в истории нашего государства существовал официальный запрет абортов. Летом 1945 года в городе Москве в наркомате здравоохранения состоялось заседание по вопросу о мероприятиях по борьбе с абортами, на которое были приглашены ведущие акушеры-гинекологи страны, представители прокуратуры, наркомата юстиции, наркомата здравоохранения, социально-правовые работники. На заседании рассматривался вопрос, который «очень волновал Наркомздрав, органы здравоохранения на местах, советскую общественность и все государство в целом — это вопрос об аборте». Участниками заседания отмечалось, что за годы войны количество абортов по республикам снизилось, однако все еще оставалось достаточно высоким: по городам Российской Федерации в 1944 г. на 100 беременных было 46,2 аборта, а в среднем по Союзу — 30,5; однако в Москве по некоторым месяцам 1944 г. — 73, в Свердловске, Саратове, Горьком — 40 и чуть больше 40. Целью совещания было выработать рекомендации по эффективной борьбе с абортами, а также пересмотреть показания для разрешения такой операции (Шаповалова, 2011).

Нередко в заявлениях против «убийства плода» используется религиозный аргумент — каждый человек получает право на жизнь от Бога, следовательно, никто не может пойти против божественного решения. Таким образом, проведение аборта — это лишение жизни ни в чем неповинного человека, которое противоречит заповедям Бога и самой его воле, что для человека верующего недопустимо (Тормышев и др., 2024).

В свою очередь Я. А. Бондаренко считает, что запрет на подобные операции (аборты) влечет опасность роста подпольных абортов и поездок женщин в заграничные клиники. Из истории известно, что после запрета абортов в СССР

количество женщин, умерших в результате подобной операции, резко возросло, так как все проводилось в подпольных помещениях, зачастую в антисанитарных условиях, при отсутствии необходимых препаратов (Бондаренко, 2019).

Существует также мнение о необходимости налогообложения бездетных граждан. Инициаторы нововведения в обоснование необходимости введения налога на бездетность приводят довод о том, что такой налог в ближайшем будущем обеспечит положительную динамику рождаемости, а в перспективе повлияет и на повышение уровня рождаемости в стране (Белоус & Борода, 2021). В то же время С. Н. Грошев подчеркивает, что введение налога на бездетность будет восприниматься как дискриминация и вызовет негативный отклик у населения.

Мы же считаем такие кардинальные изменения противоречащими Конституции Российской Федерации и недопустимыми при современном уровне правового прогресса.

Заключение

Значимость реализации программ федерального и регионального уровней по стимулированию рождаемости в Российской Федерации, как ведущих практик, способствующих поддержанию темпов роста численности населения страны, чрезвычайно важна. Впрочем, мы считаем, что демографические показатели требуют новаторских подходов, содействующих их росту. В связи с чем предлагаем создание воспитательных детских учреждений на базе существующих высших учебных заведений с целью обеспечения благоприятных условий для получения качественного образования молодыми семьями и многофункциональной цифровой платформы поддержки. В рамках последнего из указанных нововведений возможно консультирование молодых семей по различным вопросам, удобный доступ к использованию социальных мер поддержки, психологическая помощь, а также осуществление мониторинга образовательных программ и иных предложений для детей.

Список источников

Белоус, А. В., Бородаенко, Н. В. (2021). Целесообразность введения налога на бездетность в Российской Федерации. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 6–2 (57), 125–127. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-6-2-125-127>

Бондаренко, Я. А. (2019). Регулирование аборт. *Научное обозрение. Педагогические науки*, 4–2, 10–12. EDN: XDSJXB

Грошев, С. Н. (2022). Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в СССР. К вопросу о правах мужчин. *Вестник Московского университета МВД России*, 4, 68–71. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-68-71>

Долгих, Е. А., Давлетшина, Л. А. (2024). Статистический анализ региональных различий рождаемости населения в Российской Федерации. В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы: сборник научных статей* (с. 374–382). Институт экономики УрО РАН, 651. <https://doi.org/10.17059/udf-2024-3-2>

Морозова, О. В. (2017). Поможет ли налог на бездетность решению демографической проблемы? *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4 (53), 81–87. EDN: YSJKBX

Никитина, Н. С. (2023). Анализ факторов, влияющих на динамику цен на жилую недвижимость в России. *Финансы: теория и практика*, 1, 208–219. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-208-220>

Петров, В. А. (2018). Экономические детерминанты суммарного коэффициента рождаемости. *Форум молодых ученых*, 12–3(28), 712–723.

Тормышев, Д. А., Качкуркина, С. С., Ананьева, Е. О. (2024). Проблема аборт в современном мире: юридический и медицинский аспект. *Право и государство: теория и практика*, 9(237), 329–332. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_329

Черкасов, А. А., Белозёров, В. С., Щитова, Н. А., Сопнев, Н. В. (2020). Геоинформационный мониторинг демографических процессов в регионах юга Европейской России. *ИнтерКарто. ИнтерГИС*, 26(1), 127–140. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-127-140>

Шаповалова, Я. А. (2011). Государственная политика в отношении аборт в послевоенный период. *Теория и практика общественного развития*, 5, 246. EDN: OYMCGL

References

Belous, A. V., & Borodaenko, N. V. (2021). Feasibility of introducing a publicity tax in the Russian Federation. *Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]*, 6-2(57), 125–127. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-6-2-125-127> (In Russ.)

Bondarenko, Ya. A. (2019). Regulation of abortions. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki [Scientific Review. Pedagogical Sciences]*, (4-2), 10–12. EDN: XDSJXB (In Russ.)

Cherkasov, A. A., Belozero, V. S., Shchitova, N. A., & Sopnev, N. V. (2020). Geoinformation monitoring of demographic processes in the regions of the south of European Russia. *InterKarto. InterGIS [InterCarto. InterGIS]*, 26(1), 127–140. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-127-140> (In Russ.)

Dolgikh, E. A., & Davletshina, L. A. (2024). Statistical analysis of regional fertility differences in the Russian Federation. In *Ustoichivost' demograficheskogo razvitiia: determinanty i resursy: sbornik nauchnykh statei [Sustainability of demographic development: Determinants and resources: Collection of scientific articles]* (pp. 374–382). Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651. <https://doi.org/10.17059/udf-2024-3-2> (In Russ.)

Groshev, S. N. (2022). Ax on bachelors, single and small-family citizens in the USSR. On the issue of men's rights. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, (4), 68–71. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-68-71> (In Russ.)

Morozova, O. V. (2017). Will small-family tax help to solve the demographic problem? *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]*, 4(53), 81–87. EDN: YSJKBX (In Russ.)

Nikitina, N. S. (2023). Analysis of factors affecting the dynamics of residential real estate prices in Russia. *Finansy: teoriia i praktika [Finance: Theory and Practice]*, 27(1), 208–219. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-208-220> (In Russ.)

Petrov, V. A. (2018). Economic determinants of the total fertility rate. *Forum molodykh uchenykh [Forum of Young Scientists]*, (12-3(28)), 712–723. (In Russ.)

Shapovalova, Ya. A. (2011). State policy concerning abortions in postwar period (1945–1950-ies). *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia [Theory and Practice of Social Development]*, (5), 246. EDN: OYMCGL (In Russ.)

Tormyshev, D. A., Kachkurkina, S. S., & Anan'eva, E. O. (2024). The problem of abortion in the modern world: legal and medical aspects. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika [Law and State: Theory and Practice]*, (9(237)), 329–332. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_329 (In Russ.)

Бородинов Артем Алексеевич — студент 3 курса Межрегионального юридического института, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» <https://orcid>.

org/0009-0001-3776-7286 (Российская Федерация 410056, Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н. Г., зд. 104, стр. 3. e-mail: BorodinovAnso@yandex.ru).

Исаков Владислав Романович — студент 1 курса Межрегионального юридического института, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» <https://orcid.org/0009-0000-2163-8650> (Российская Федерация 410056, Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н. Г., зд. 104, стр. 3. e-mail: Isakov1vlad5@yandex.ru).

Родина Полина Игоревна — студент 1 курса Межрегионального юридического института ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» <https://orcid.org/0009-0002-0972-3937> (Российская Федерация 410056, Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н. Г., зд. 104, стр. 3. e-mail: rodinapolina47@gmail.com).

Artem A. Borodinov — 3rd year student of the Interregional Law Institute, Saratov State Law Academy <https://orcid.org/0009-0001-3776-7286> (104 Chernyshevsky str., building 3, Saratov, 410056, Saratov region, Russian Federation. e-mail: BorodinovAnso@yandex.ru).

Vladislav V. Isakov — 1st year student of the Interregional Law Institute, Saratov State Law Academy <https://orcid.org/0009-0000-2163-8650> (104 Chernyshevsky St., building 3, Saratov, 410056, Saratov region, Russian Federation. e-mail: Isakov1vlad5@yandex.ru).

Polina I. Rodina — 1st year student of the Interregional Law Institute, Saratov State Law Academy <https://orcid.org/0009-0002-0972-3937> (104 Chernyshevsky St., building 3, Saratov, 410056, Saratov region, Russian Federation. e-mail: rodinapolina47@gmail.com).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 37.01, 37.07, 314.17

JEL classification: A20

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-8>

Межпоколенческое взаимодействие в образовании в условиях социально-экономических трансформаций¹

Н. Н. Давыдова^а, А. А. Симонова^б, Д. А. Новосадова^с

Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0002-6211-6370>

^б <https://orcid.org/0000-0002-7785-2776>

^с <https://orcid.org/0000-0002-5932-0936>

Автор для корреспонденции: Д.А. Новосадова (pogadaeva_darya@mail.ru).

Аннотация. Старение населения представляет собой ключевой демографический вызов XXI века, повышая актуальность эффективного использования профессионального потенциала людей третьего возраста для экономики и общества. В этом контексте цель исследования — анализ механизмов сохранения компетенций педагогов старшего поколения в условиях цифровой трансформации образования. Методология основана на интеграции акмеологического и социально-цифрового подходов и включает сравнительный и контент-анализ научной литературы, а также анкетирование 320 педагогов с помощью платформы «Яндекс.Формы». Результаты показали, что синергия институциональных, неформальных и информальных практик формирует среду для профессионального развития и межпоколенческого взаимодействия учителей 50+ и поколения Z, способствуя адаптации, предотвращению выгорания и созданию интегрированных профессиональных сообществ. Ограничением исследования является его фокус на влиянии указанных практик в условиях формирующейся новой социально-образовательной реальности.

Ключевые слова: межпоколенческое взаимодействие; учителя старшего поколения; молодые педагоги; институциональные, неформальные, информальные практики в образовании.

Intergenerational Interaction in Education in the Context of Socioeconomic Transformations

N. Davydova^a, A. Simonova^b, D. Novosadova^c

Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

^a <https://orcid.org/0000-0002-6211-6370>

^b <https://orcid.org/0000-0002-7785-2776>

^c <https://orcid.org/0000-0002-5932-0936>

Corresponding author: D. Novosadova (pogadaeva_darya@mail.ru).

Abstract. The aging of the population is a key demographic challenge of the 21st century, increasing the relevance of the effective use of the professional potential of people of the «third age» for the economy and society. In this context, the purpose of the study is to analyze the mechanisms of preserving the competencies of teachers of the older generation in the context of the digital transformation of education. The methodology is based on the integration of acmeological and socio-digital approaches and includes comparative and content analysis of scientific literature, as well as a survey of 320 teachers using the Yandex.Forms platform. The results showed that the synergy of institutional, informal and informative practices forms an environment for professional development and intergenerational interaction between teachers of 50+ and Generation Z, contributing to adaptation, prevention of burnout and the creation of integrated professional communities. The limitation of the research is its focus on the impact of these practices in the emerging new socio-educational reality.

¹ © Давыдова Н. Н., Симонова А. А., Новосадова Д. А. Текст. 2026.

Keywords: intergenerational interaction; teachers of the older generation; young educators; institutional, informal, informative practices in education.

Введение

Старение населения является одним из главных демографических вызовов XXI века для большинства развитых и развивающихся стран. По прогнозам ООН, в большинстве стран и регионов численность пожилых людей старше 60 лет возрастет к 2050 г. с 962 млн до 2,1 млрд, а к 2100 г. увеличится в три раза (ООН, 2019). Следует отметить, что рост численности данной возрастной группы, прежде всего, обусловлен увеличением продолжительности жизни, важным следствием которого является серьезное изменение возрастной структуры населения. Например, А.А. Шабунова считает, что «изменение возрастной структуры в сторону увеличения доли населения старших возрастных групп опосредованно влияет на все сферы жизнедеятельности общества» (Шабунова, 2014). Данная тенденция является характерной и для системы образования многих стран мира. Virtanen A., De Bloom J., Kinnunen U. и Chin-Shan H. отмечают, что группа педагогов старшего возраста становится одной из самых многочисленных в рамках педагогической профессии и продолжает увеличиваться (Cameron & Harrison, 2012). Вопросы изменения возрастной структуры подробно рассмотрены К.Г. Abraham, J. Mallatt и Е.А. Михель (Михель, 2016; Abraham & Mallatt, 2022). С.В. Бейдин подчеркивает, что проблематика занятости населения третьего возраста прямо связана с повышением эффективности реализации человеческого капитала как важнейшего фактора экономического роста, социальной стабильности и в целом национальной безопасности (Бейдин, 2015).

По мнению В.Г. Доброхлеб и В.Н. Барсукова, в России — стране с сокращающейся долей населения в трудоспособном возрасте — относительно высокая занятость пожилых людей обеспечивает достаточную укомплектованность многих отраслей экономики (Доброхлеб, 2017). Особенно актуально это для сферы образования, в которой в последние годы сложилась достаточно непростая ситуация с кадрами как в системе общего, так и профессионального образования, причем педагоги пенсионного и предпенсионного возраста в последние годы являются важнейшим ресурсом сохранения и развития системы в целом. А.Н. Джуринский подчеркивает особую роль образования в третьем возрасте для развития экономики (Джуринский, 2018).

Трудовая занятость пожилых людей не только увеличивает их покупательную способность и пенсионный капитал, способствует сохранению социальных связей, но и может оказывать существенное влияние на функционирование крупных общественных институтов.

В этой связи сложившаяся в РФ демографическая ситуация и перспективы ее развития ставят новые цели и задачи перед экономикой, государством и обществом. Эти задачи направлены не только на обеспечение основных потребностей граждан старшего поколения для поддержания высокого качества их жизни, но и на создание условий для их активного участия в политической, социальной и иных сферах деятельности общества.

Целью работы является анализ механизмов сохранения профессионального потенциала педагогов старшего поколения в контексте трансформации

образовательной среды. Исследование сфокусировано на изучении влияния институциональных, неформальных и информальных практик на поддержание и развитие их профессиональной компетентности, адаптацию к цифровизации и обеспечение устойчивости в условиях формирующейся новой социально-образовательной реальности.

Обзор литературы

Известно, что пролонгация эффективной профессиональной деятельности педагогов старшего поколения представляет собой мультифакторный процесс, успешность которого определяется диалектическим взаимодействием внутренних ресурсов личности и внешних условий, создаваемых институциональной средой через организационную поддержку, обеспечение возможностей для непрерывного образования и благоприятный социально-психологический климат.

В рамках исследования профессиональной деятельности педагогов старшего возраста была выполнена концептуализация и идентификация моделей их поведения и взаимодействия (практик) в образовательной среде, которые можно систематизировать в три взаимосвязанные, но гетерогенные категории. Отметим, что анализ практик профессионального развития педагогов старшего возраста целесообразно осуществлять в рамках организационной педагогики, изучающей образовательные процессы в контексте организационных структур и управленческих отношений (Кичерова & Трифонова, 2023; Cameron & Harrison, 2012; Вершловский, 2008; Denkowska и др., 2020).

Анализ приведенных выше источников свидетельствует о том, что системное включение данной категории педагогов в комплекс институциональных, неформальных и информальных практик способствует формированию гибкой среды для их профессиональной самореализации (Parziale & Scotti, 2016). Этот процесс выполняет двойную функцию: он выступает фактором профилактики профессионального выгорания и в то же время обеспечивает условия для превращения педагогов в активные субъекты образовательной деятельности, способные к трансформации существующих профессиональных норм.

Данные выводы хорошо согласуются с концепцией деятельности позиции А.В. Петровского (Петровский, 1996), где активность субъекта рассматривается как движущая сила развития, и теорией социального поля П. Бурдьё (Бурдьё, 1993), в рамках которой активное участие агентов (в нашем случае педагогов) в практиках является основным условием изменения структуры социального поля.

Институциональные практики рассматриваются в научных источниках как формализованные и регламентированные образовательной организацией способы профессиональной деятельности. Их концептуализация позволяет выявить, каким образом педагоги старшего поколения адаптируют формальные требования к организационным изменениям (Кичерова & Трифонова, 2023).

Неформальные практики можно представить как профессиональные действия, которые складываются стихийно на основе межличностных отношений и групповых норм. Их идентификация как организационно-педагогической категории важна для понимания реальных механизмов функционирования педагогического коллектива (Илакавичус, 2018; Шуклина и др., 2020; Давыдова и др., 2025).

Информальные практики определяются как индивидуальные стратегии и тактики профессионального поведения, которые педагоги вырабатывают самостоятельно для решения повседневных задач; они более вариативны, отражают личный опыт, убеждения и компетенции педагога. Концептуализация данного вида практик позволяет легитимизировать уникальный индивидуальный опыт как значимый ресурс организации.

Отметим, что идентификация описанных видов практик в качестве организационно-педагогических категорий предполагает, что они рассматриваются в контексте структуры, культуры и процессов образовательных организаций, анализируются с точки зрения их влияния на достижение поставленных педагогических целей и эффективность образовательного процесса и изучаются во взаимосвязи, когда, к примеру, индивидуальные стратегии со временем могут институционализироваться или, напротив, вступить в конфликт с установленным порядком (Симонова & Давыдова, 2024).

Данная триада может выступать многоуровневым аналитическим инструментом для системного анализа механизмов поддержания компетентности, мотивации и инклюзии педагогов старшего возраста. Его применение раскрывает ряд возможностей для изучения конкретных управленческих и педагогических ситуаций, например, для выявления корреляций между формальными условиями труда и неформальными механизмами мотивации, а также поиска способов, с помощью которых неформальные взаимодействия компенсируют институциональные дефициты (Желязкова-Тея, 2018; Симонова & Давыдова, 2024).

С помощью институциональных практик можно оценивать влияние изменений в пенсионном законодательстве на стратегии педагогов по прекращению трудовой деятельности. Неформальные практики способствуют выявлению роли наставничества и развития профессиональных альянсов в процессах адаптации к новым технологиям, неформальные — фокусируются на спонтанном обмене опытом и методиками (Shala & Grajcevc, 2016).

Данный инструментарий позволяет также критически оценить степень согласованности формальных программ с неформальным опытом и логиками поведения педагогических сообществ, что является ключевым условием успешности реформ (Илакавичус, 2018; Barabasz и др., 2021).

Материалы и методы

Методологическая основа исследования построена на принципах интегративного подхода. В качестве фундаментальных были избраны два взаимодополняющих подхода: акмеологический (А.А. Деркач) и социально-цифровой (А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатова). Систематический поиск и отбор релевантных научных публикаций проводились с использованием методов сравнительного и контент-анализа. Работа велась на платформах eLIBRARY.RU, Scopus, Google Scholar и ResearchGate. Отбор публикаций осуществлялся по метаданным с использованием ключевых слов, описывающих концепты человеческого капитала, профессионального потенциала педагогов старшего возраста, а также институциональных и неформальных практик в образовании. Инструментальная база исследования — структурированный опросник, размещенный на веб-платформе «Яндекс.Формы». Целью

анкетирования являлась диагностика дефицитов в профессиональной подготовке и оценка уровня готовности педагогов старшего поколения к эффективному выполнению трудовых функций в условиях современных социально-экономических трансформаций. Объем фактической выборочной совокупности составил 320 респондентов. В рамках методологического обеспечения исследования был разработан гайд глубинного интервью для сбора детализированных качественных данных, касающихся проблемных аспектов, деструктивных факторов и влияния институциональных, неформальных и информальных практик на сохранение профессионального потенциала педагогов старшего возраста.

Результаты

В ходе исследования выявлено, что поведенческие модели педагогов старшего возраста систематизируются в три взаимосвязанные категории социально-педагогических практик: институциональные (формализованные способы деятельности, обеспечивающие адаптацию к формальным требованиям); неформальные (стихийно складывающиеся профессиональные действия на основе межличностных отношений и групповых норм); информальные (индивидуальные вариативные стратегии, вырабатываемые на основе личного опыта для решения повседневных задач). Анализ эмпирических данных, полученных в ходе анкетирования педагогов ($N = 320$), направленный на выявление эффективных форм профессионального взаимодействия в образовательных организациях позволяет структурировать приоритеты респондентов в контексте их соответствия используемым социально-педагогическим практикам, под которыми понимаются институционализированные или неформализованные способы организации совместной деятельности, влияющие на профессиональное развитие и укрепление корпоративной культуры педагогического сообщества. Результаты демонстрируют устойчивую иерархию востребованности различных форм, где доминируют традиционные коллективные социально-педагогические практики:

- методические объединения (55,0 %) подтверждают свою роль базовой институциональной платформы для совместных решений педагогических задач рефлексии и трансляции методического опыта, выступая ключевым элементом формализованной профессиональной социализации;

- высокий рейтинг педагогических советов (42,2 %) и системы наставничества (41,3 %) отражает диверсификацию потребностей в административно-управленческих формах интеграции и согласования стратегий с одной стороны, а с другой — в персонализированных межличностных практиках поддержки и адаптации, что является сущностной характеристикой социально-педагогического сопровождения профессионального сохранения и развития личности педагога.

Значительный блок предпочтений связан с практиками, сочетающими профессиональную и социально объединяющую функции:

- неформальные мероприятия (выезды и туристические слеты, 39,1 %) выступают как важная часть социально-педагогической практики командообразования, способствующей формированию доверительных отношений и неформальных коммуникативных сетей внутри коллектива;

— участие в профессиональных конкурсах и дискуссиях (32,5 %) реализует функцию социального признания и публичной профессиональной идентификации.

Сетевые формы (неформальные профессиональные и интернет-сообщества (26,6 % и 23,1 % соответственно) представляют собой современную социально-педагогическую практику расширения профессионального поля за пределы организации, способствуя формированию независимой экспертизы.

Менее распространенные, но значимые формы (работа на кафедрах, проектные группы, 14,1 % и 15,9 %) указывают на избирательную востребованность практик углубленного проблемно-ориентированного сотрудничества.

Исследование мотивационных факторов выявило следующую структуру, во многом детерминированную характером социально- педагогических взаимодействий в организации:

— абсолютный приоритет успехов учеников (76,3 %) в качестве ключевого мотиватора прямо коррелирует с базовой целью педагогической деятельности и поддерживается социально-педагогическими практиками, фокусирующими внимание на образовательных результатах;

— высокая значимость хороших отношений с коллегами (50,9 %) является показателем эффективности социально-педагогического климата в коллективе и связана как с неформальными, так и формальными практиками, формирующими чувство профессиональной общности и взаимной поддержки;

— сопоставимая роль материального фактора (49,4 %) указывает на рациональный компонент мотивации, частично связанный с влиянием фактора возраста респондентов.

Полученные данные позволяют констатировать, что профессиональное взаимодействие и мотивация педагогов старшего возраста формируются под определяющим влиянием социально-педагогических практик, действующих на нескольких уровнях:

— институциональном (методические объединения, педсоветы), обеспечивающем нормативную и методическую интеграцию;

— межличностном/наставническом, обеспечивающим поддержку, адаптацию и трансляцию опыта;

— социально спланирующем (неформальные мероприятия), укрепляющем корпоративную идентичность и доверие;

— сетевом/экстернальном, расширяющем профессиональный контекст.

Доминирование профессионально значимых и социальных мотиваторов над негативными (7,8 %) подтверждает, что сложившийся в исследуемой среде комплекс (триада) социально-педагогических практик способствует сохранению и развитию зрелой, внутренне ориентированной и социально подкрепленной профессиональной позиции педагога. Отметим, что триада социально-педагогических практик выполняет системообразующую и развивающую функцию, создавая гибкую среду для профессиональной самореализации, предотвращения выгорания и перевода педагогов в статус активных субъектов, способных к обновлению профессиональных норм. Особую актуальность для современной образовательной системы приобретает взаимодействие между педагогами старшего поколения (бэби-бумеры и поколение X) и представителями поколения Z (центениалы).

Ценностные установки и цифровая социализация последних обладают высокой степенью конгруэнтности с профилем современного школьника, что формирует потенциал для синергии, но одновременно может порождать ценностные и коммуникативные диссонансы (Вяткин и др., 2022; Симонова & Давыдова, 2024). В рамках теории социального обмена (G.C. Homans, 1961) такое взаимодействие можно интерпретировать как взаимовыгодный обмен ресурсами между поколениями, при этом непрерывное обучение выступает неотъемлемым элементом профессиональной практики. Оптимизация данного взаимодействия требует реализации комплекса социально-педагогических практик (институциональных, неформальных и информальных). В качестве ключевых принципов его организации могут быть выделены: принцип взаимодополняющей коллаборации и обмена ресурсами. Известно, что, согласно взглядам П. Бурдьё (Бурдьё, 1993), поколенческие группы обладают асимметричным, но взаимодополняющим капиталом. Педагоги старшего возраста являются носителями предметного и методического опыта, педагогической интуиции и понимания институционального контекста, а представители поколения Z обладают компетенциями в области цифровой грамотности, навыками работы в условиях информационной перегрузки, пониманием цифрового этикета и актуальных молодежных субкультурных трендов, что облегчает их взаимодействие с учащимися и способствует созданию новых институциональных практик, например, в формате совместного проектирования уроков. Принцип взаимности и развития горизонтальных коммуникаций, эффективность которого связана с моделью взаимного (реверсивного) наставничества, когда обмен знаниями и опытом происходит в обоих направлениях. Реализация данного принципа возможна через проведение формализованных сессий взаимного обучения (институциональная практика) и формирование смешанных проектных групп для решения поставленных задач (неформальная практика). Принцип ценностного трансфера. Поколение Z характеризуется прагматизмом, клиповым мышлением и ориентацией на быстрый результат, что может вступать в противоречие с классическими парадигмами педагогического процесса. Это обуславливает необходимость выстраивания взаимодействия поколений на основе смысловой коммуникации и диалога, чему способствуют такие практики, как организация дискуссионных клубов и информальных разборов педагогических кейсов. Принцип переосмысления аналоговых методов при переносе в цифровой вариант заключается в адаптации традиционных педагогических методов к цифровой среде через организацию цифровых стажировок для педагогов старшего поколения и консультативную поддержку молодых коллег в освоении новых цифровых сервисов. Принцип институционализации неформальных и информальных практик предполагает легитимацию и публичное признание администрациями образовательных организаций успешных смешанных инициатив, что способствует их закреплению в профессиональной культуре.

Таким образом, взаимодействие педагогов разных поколений представляет собой значимый ресурс развития образовательных организаций. Его эффективность основывается на признании взаимодополняемости профессиональных капиталов, переходе к горизонтальным моделям взаимного (реверсивного) наставничества и целенаправленном использовании всего спектра социально-педагогических

практик — институциональных, неформальных и информальных. Научно обоснованное управление этим процессом позволяет сформировать интегрированную профессиональную общность, обладающую повышенной адаптивностью и способностью гибко реагировать на изменения внешней среды.

Заключение

Триада социально-педагогических практик выполняет системообразующую и развивающую функцию, создавая гибкую среду для профессиональной самореализации, предотвращения выгорания и перевода педагогов в статус активных субъектов, способных к обновлению профессиональных норм, что хорошо согласуется и развивает идеи Е.Н. Динова (Динов, 2019), Rafatpanah M., Seif D., Alborzi S., Khosravan (Rafatpanah и др., 2016), Е.О. Ивановой и И.М. Осмоловской (Иванова & Осмоловская, 2017). Синергия триады формирует основу для личностно-профессионального развития и реализации потенциала педагогов старшего возраста как носителей ценного опыта через межпоколенческое взаимодействие педагогов 50+ и представителей поколения Z. В процессе анализа путей оптимизации межпоколенческого взаимодействия сформулированы ключевые принципы, требующие использования триады социально-педагогических практик: принцип взаимодополняющей коллаборации поколений на основе обмена разными видами ресурсов; развитие горизонтальных коммуникаций через модели реверсивного наставничества; принцип ценностного трансфера для преодоления межпоколенческих диссонансов через смысловой диалог; переосмысление аналоговых методик в ходе их адаптации к цифровой среде; институционализация успешных неформальных и информальных практик в образовательные процессы. Таким образом, научно обоснованное управление взаимодействием педагогов разных поколений на основе интеграции трех типов социально-педагогических практик позволяет сформировать в образовательных организациях интегрированную профессиональную общность с повышенной адаптивностью.

Благодарности

Финансирование: исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда №25-28-01164, <https://rscf.ru/project/25-28-01164/>

Благодарности: авторы выражают благодарность рецензентам, чьи комментарии помогли улучшить структуру и содержание статьи.

Acknowledgements

Financing: «The research is carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No.25-28-01164, <https://rscf.ru/project/25-28-01164/>

Acknowledgements: The authors express their gratitude to the reviewers whose comments helped to improve the structure and content of the article.

Список источников

- Бейдин, С. В. (2015). Политика занятости как политический институт, обеспечивающий региональную безопасность. *Вестник Забайкальского государственного университета*, (1), 66–73.
- Бурдье, П. (1993). *Социология политики*. Socio-Logos, 333
- Вершловский, С. Г. (2008). *Непрерывное образование: Историко-теоретический анализ феномена* (Монография). СПбАППО, 151.

Вяткин, Б. А., Хотинец, В. Ю., & Кожевникова, О. В. (2022). Межпоколенная трансмиссия ценностей в современном поликультурном мире. *Образование и наука*, 24(1), 135–162. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-1-135-162>

Давыдова, Н. Н., Симонова, А. А., Мазурчук, Е. А., & Погадаева, Д. А. (2025). Социальные, психологические и педагогические детерминанты профессионального долголетия педагогов: мнения и смыслы. *Образование и наука*, 27(6), 55–97. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2025-6-55-97>

Джуринский, А. Н. (2018). Образование в «третьем возрасте» в России. *Образование и наука*, 20(10), 156–175. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-10-156-175>

Динов, Е. Н. (2019). Исследование психологических факторов самореализации в системе общественных взаимоотношений. *Мир науки. Педагогика и психология*, (4), 38.

Доброхлеб, В. Г. (2017). Демографические теории и региональный аспект старения населения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 10(6), 89–103. <https://doi.org/10.15838/esc/2017.6.54.6>

Желязкова-Тя, Т. К. (2018). Модели дифференциации формального, неформального и информального образования. *Педагогика и психология образования*, (4), 20–36.

Иванова, Е. О., & Осмоловская, И. М. (2017). Проблема дидактического анализа инновационных образовательных практик. *Образование и общество*, (4), 34–39.

Илакавичус, М. Р. (2018). Организация взаимодействия формального и неформального образования как направление подготовки педагогических кадров. *Научный диалог*, (5), 278–289. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-5-278-289>

Кичерова, М. Н., & Трифонова, И. С. (2023). Неформальное образование: обзор современных исследований. *Образование и наука*, 25(2), 46–67. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-46-67>

Михель, Е. А. (2016). Международный опыт институционализации занятости населения третьего возраста. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*, (23), 51–59.

Петровский, А. В. (1996). *Личность в психологии: парадигма субъектности*. М: Феникс, 509.

Симонова, А. А., & Давыдова, Н. Н. (2024a). Роль научно-образовательной коллаборации в формировании готовности педагогических коллективов к инновационной деятельности. *Вопросы управления*, 91(6), 60–73. <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2024-6-60-73>

Симонова, А. А., Давыдова, Н. Н. (2024b). Трансформация педагогической науки в условиях новой нормальности. *Образовательные ресурсы и технологии*, (3), 25–34. <https://doi.org/10.21777/2500-2112-2024-3-25-34>

Шабунова, А. А. (2014). Общественное развитие и демографические вызовы современности. *Проблемы развития территории*, (2), 7–17.

Шуклина, Е. А., Певная, М. В., & Широкова, Е. А. (2020). Адаптационный потенциал преподавателей «серебряного возраста» в условиях трансформации высшего образования. *Образование и наука*, 22(1), 146–169. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-1-146-169>

Abraham, K. G., & Mallatt, J. (2022). Measuring human capital. *Journal of Economic Perspectives*, 36(3), 103–130. <https://doi.org/10.1257/jep.36.3.103>

Barabasch, A., Bohlinger, S., & Wolf, S. (2021). Policy transfer in vocational education and training and adult education. *Research in Comparative and International Education*, 16(4), 335–338. <https://doi.org/10.1177/17454999211063250>

Cameron, R., & Harrison, J. L. (2012). The interrelatedness of formal, Non-formal and informal learning: Evidence from labour market program participants. *Australian Journal of Adult Learning*, 52(2), 277–309.

Chin-Shan, H. (2018). Effects of Aging Education Training on Elementary and Secondary Teachers Toward Aging. *Jiaoyu Kexue Yanjiu Qikan*, 63(2), 73–98. [https://doi.org/10.6209/JORIES.201806_63\(2\).0004](https://doi.org/10.6209/JORIES.201806_63(2).0004)

Denkowska, S., Fijorek, K., & Węgrzyn, G. (2020). Formal and non-formal education and training as an instrument fostering innovation and competitiveness in EU member countries. *Journal of Competitiveness*, 12 (3), 82–98. <https://doi.org/10.7441/joc.2020.03.05>

Kalenda, J., & Kočvarová, I. (2020). Participation in non-formal education in risk society. *International Journal of Lifelong Education*, 41 (2), 146–167. <https://doi.org/10.1080/02601370.2020.1808102>

Parziale, F., & Scotti, I. (2016). Education as a resource of social innovation. *SAGE Open*, 6 (3), 1–9. <https://doi.org/10.1177/2158244016662691>

Rafatpanah, M., Seif, D., Alborzi, S., & Khosravan, M. (2016). Prediction of Self-actualization Based on Personality Traits and Self-Awareness among Gifted Students. *Journal of Health Sciences and Surveillance System*, 4 (4), 174–180. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.10858.21443>

Shala, A., & Grajevci, A. (2016). Formal and non-formal education in the new era. *Action Researcher in Education*, (7), 119–130.

Souto-Otero, M. (2021). Validation of non-formal and informal learning in formal education: Covert and overt. *European Journal of Education*, 56 (1), 1–15. <https://doi.org/10.1111/ejed.12464>

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2019). *World Population Prospects 2019: Ten Key Findings*. United Nations. https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_10KeyFindings.pdf

Virtanen, A., De Bloom, J., & Kinnunen, U. (2020). Relationships between recovery experiences and well-being among younger and older teachers. *International Archives of Occupational and Environmental Health*, 93 (2), 213–227. <https://doi.org/10.1007/s00420-019-01475-8>

References

Abraham, K. G., & Mallatt, J. (2022). Measuring human capital. *Journal of Economic Perspectives*, 36 (3), 103–130. <https://doi.org/10.1257/jep.36.3.103>

Barabasch, A., Bohlinger, S., & Wolf, S. (2021). Policy transfer in vocational education and training and adult education. *Research in Comparative and International Education*, 16 (4), 335–338. <https://doi.org/10.1177/17454999211063250>

Beidin, S. V. (2015). Employment policy as a political institution providing regional security. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Transbaikal State University Journal]*, (1), 66–73. (In Russ.)

Bourdieu, P. (1993). *Sotsiologiya politiki [Sociology of politics]*. Socio-Logos, 333. (In Russ.)

Cameron, R., & Harrison, J. L. (2012). The interrelatedness of formal, Non-formal and informal learning: Evidence from labour market program participants. *Australian Journal of Adult Learning*, 52 (2), 277–309.

Chin-Shan, H. (2018). Effects of Aging Education Training on Elementary and Secondary Teachers Toward Aging. *Jiaoyu Kexue Yanjiu Qikan*, 63 (2), 73–98. [https://doi.org/10.6209/JORIES.201806_63\(2\).0004](https://doi.org/10.6209/JORIES.201806_63(2).0004)

Davydova, N. N., Simonova, A. A., Mazurchuk, E. A., & Pogadaeva, D. A. (2025). Social, psychological and pedagogical determinants of professional longevity of teachers: Opinions and meanings. *Obrazovanie i nauka [The Education and Science Journal]*, 27 (6), 55–97. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2025-6-55-97> (In Russ.)

Denkowska, S., Fijorek, K., & Węgrzyn, G. (2020). Formal and non-formal education and training as an instrument fostering innovation and competitiveness in EU member countries. *Journal of Competitiveness*, 12 (3), 82–98. <https://doi.org/10.7441/joc.2020.03.05>

Dinov, E. N. (2019). The study of psychological factors of self-realization in the system of social relations. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya [World of Science. Pedagogy and Psychology]*, (4), Article 38. (In Russ.)

- Dobrokhleb, V. G. (2017). Demographic theories and the regional aspect of population aging. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 10(6), 89–103. <https://doi.org/10.15838/esc/2017.6.54.6> (In Russ.)
- Dzhurinskii, A. N. (2018). Education in the «third age» in Russia. *Obrazovanie i nauka [The Education and Science Journal]*, 20(10), 156–175. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-10-156-175> (In Russ.)
- Ilakavichus, M. R. (2018). Organization of interaction of formal and non-formal education as direction of teacher training. *Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]*, (5), 278–289. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-5-278-289> (In Russ.)
- Ivanova, E. O., & Osmolovskaia, I. M. (2017). The problem of didactic analysis of innovative educational practices]. *Obrazovanie i obshchestvo [Education and Society]*, (4), 34–39. (In Russ.)
- Kalenda, J., & Kočvarová, I. (2020). Participation in non-formal education in risk society. *International Journal of Lifelong Education*, 41(2), 146–167. <https://doi.org/10.1080/02601370.2020.1808102>
- Kicherova, M. N., & Trifonova, I. S. (2023). Non-formal education: A review of modern research. *Obrazovanie i nauka [The Education and Science Journal]*, 25(2), 46–67. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-46-67> (In Russ.)
- Mikhel', E. A. (2016). International experience of institutionalization of employment of the third age population. *Finansovaia analitika: problemy i reshenia [Financial Analytics: Science and Experience]*, (23), 51–59. (In Russ.)
- Parziale, F., & Scotti, I. (2016). Education as a resource of social innovation. *SAGE Open*, 6(3), 1–9. <https://doi.org/10.1177/2158244016662691>
- Petrovskii, A. V. (1996). *Lichnost' v psikhologii: paradigma sub'ektnosti [Personality in psychology: The paradigm of subjectivity]*. M: Feniks, 509. (In Russ.)
- Rafatpanah, M., Seif, D., Alborzi, S., & Khosravan, M. (2016). Prediction of Self-actualization Based on Personality Traits and Self-Awareness among Gifted Students. *Journal of Health Sciences and Surveillance System*, 4(4), 174–180. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.10858.21443>
- Shabunova, A. A. (2014). Social development and modern demographic challenges. *Problemy razvitiia territorii [Problems of Territory's Development]*, (2), 7–17. (In Russ.)
- Shala, A., & Grajevci, A. (2016). Formal and non-formal education in the new era. *Action Researcher in Education*, (7), 119–130.
- Shuklina, E. A., Pevnaia, M. V., & Shirokova, E. A. (2020). Adaptive potential of «silver age» teachers in the context of higher education transformation. *Obrazovanie i nauka [The Education and Science Journal]*, 22(1), 146–169. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-1-146-169> (In Russ.)
- Simonova, A. A., & Davydova, N. N. (2024a). The role of scientific and educational collaboration in forming the readiness of teaching staff for innovative activities. *Voprosy upravleniia [Management Issues]*, 91(6), 60–73. <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2024-6-60-73> (In Russ.)
- Simonova, A. A., & Davydova, N. N. (2024b). Transformation of pedagogical science in the context of the new normality. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii [Educational Resources and Technologies]*, (3), 25–34. <https://doi.org/10.21777/2500-2112-2024-3-25-34> (In Russ.)
- Souto-Otero, M. (2021). Validation of non-formal and informal learning in formal education: Covert and overt. *European Journal of Education*, 56(1), 1–15. <https://doi.org/10.1111/ejed.12464>
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2019). *World Population Prospects 2019: Ten Key Findings*. United Nations. https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_10KeyFindings.pdf
- Vershlovskii, S. G. (2008). *Nepreryvnoe obrazovanie: Istoriko-teoreticheskii analiz fenomena [Continuing education: Historical and theoretical analysis of the phenomenon]*. Saint Petersburg: SPbAPPO, 151. (In Russ.)

Viatkin, B. A., Khotinets, V. Iu., & Kozhevnikova, O. V. (2022). Intergenerational transmission of values in the modern multicultural world. *Obrazovanie i nauka [The Education and Science Journal]*, 24 (1), 135–162. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-1-135-162> (In Russ.)

Virtanen, A., De Bloom, J., & Kinnunen, U. (2020). Relationships between recovery experiences and well-being among younger and older teachers. *International Archives of Occupational and Environmental Health*, 93 (2), 213–227. <https://doi.org/10.1007/s00420-019-01475-8>

Zheliaskova-Teia, T. K. (2018). Models of differentiation of formal, non-formal and informal education. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniia [Pedagogy and Psychology of Education]*, (4), 20–36. (In Russ.)

Давыдова Наталия Николаевна — кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Управления научных исследований и проектной деятельности, заместитель главного редактора журнала «Образование и наука», ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»; <https://orcid.org/0000-0002-6211-6370> (Россия, 620091, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: edscience@mail.ru).

Симонова Алевтина Александровна — доктор педагогических наук, профессор, главный аналитик Управления научных исследований и проектной деятельности, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»; <https://orcid.org/0000-0002-7785-0936> (Россия, 620091, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: saa0555@mail.ru).

Новосадова Дарья Александровна, аспирант первого года обучения Института психологии, аналитик II категории отдела подготовки и аттестации кадров высшей квалификации, ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» <https://orcid.org/0000-0002-5932-0936> (Россия, 620091, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: pogadaeva_darya@mail.ru).

Natalia N. Davydova — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Department of Scientific Research and Project Activities, Deputy Editor-in-Chief of the journal «Education and Science», Ural State Pedagogical University; <https://orcid.org/0000-0002-6211-6370> (26, Kosmonavtov Ave., Yekaterinburg, 620091, Russia; e-mail: edscience@mail.ru).

Alevtina A. Simonova — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chief Analyst of the Department of Scientific Research and Project Activities, Ural State Pedagogical University; <https://orcid.org/0000-0002-7785-2776> (26 Kosmonavtov Ave., Yekaterinburg, 620091, Russia; e-mail: saa0555@mail.ru).

Darya A. Novosadova — 1st year postgraduate student at the Institute of Psychology, 2nd category analyst at the Department of Training and Certification of Highly Qualified Personnel, Ural State Pedagogical University <https://orcid.org/0000-0002-5932-0936> (26, Kosmonavtov Ave., Yekaterinburg, 620091, Russia e-mail: pogadaeva_darya@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 332.1

JEL R58

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-9>

Демографическая политика как фактор обеспечения экономической безопасности Дальневосточного федерального округа: анализ и перспективы¹

А. В. Долгушина

Московский ордена Почета университет МВД России им. В.Я. Кикотя, (Москва, Россия).

<https://orcid.org/0009-0003-9749-7577>

Автор для корреспонденции: А.В.Долгушина (an14145na@yandex.ru)

Аннотация. Демографический кризис, вызванный сокращением численности населения и его старением, становится важнейшим фактором экономической безопасности многих стран. Дальневосточный федеральный округ находится в критической демографической ситуации, обусловленной значительным неравенством численности населения и площади территории. Эта ситуация тормозит его социально-экономическое и культурное развитие. Стимулирование роста населения Дальнего Востока посредством повышения качества жизни и реализации конкретных государственных мер поддержки населения является ключевой геополитической задачей для России. В данной статье с использованием таких методов исследования, как анализ теоретических данных, официальных статистических данных и сравнительный анализ, рассматриваются основные демографические тенденции на Дальнем Востоке с 2020 по 2024 гг. Результаты исследования показали, что основной проблемой региона является сокращение численности населения. Для ее решения необходимо развивать меры по поддержке семей, улучшению системы здравоохранения и высшего образования.

Ключевые слова: демографическая политика; экономическая безопасность; рождаемость; миграция; государственное регулирование.

Demographic Policy as a Factor in Ensuring Economic Security in the Far Eastern Federal District: Analysis and Prospects

A. Dolgushina

Moscow Order of Honor at the V.Ya. Kikot

University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia)

Corresponding author: A. Dolgushina (an14145na@yandex.ru)

Abstract. The demographic crisis caused by population decline and aging is becoming a crucial factor in the economic security of many countries. The Far Eastern Federal District is in a critical demographic situation due to a significant imbalance between population size and territorial area. This situation hinders its socio-economic and cultural development. Stimulating population growth in the Far East by improving the quality of life and implementing specific state support measures is a key geopolitical task for Russia. Using research methods such as the analysis of theoretical data, official statistics, and comparative analysis, this article examines the main demographic trends in the Far East from 2020 to 2024. The results of the study showed that the main problem of the region is population decline. To solve it, it is necessary to develop measures to support families, improve the healthcare system, and enhance higher education.

Keywords: demographic policy, economic security, birth rate, migration, government regulation.

¹ © Долгушина А. В. Текст. 2026.

Введение

В последние годы развитие Дальнего Востока, имеющего важное экономическое значение, признано приоритетным для России на государственном уровне. Дальневосточный федеральный округ является крупнейшим федеральным округом страны. Перспективы развития данной территории обусловлены многочисленными преимуществами по сравнению с другими округами страны, включая огромный природный потенциал, близость к постоянно растущим рынкам Азиатско-Тихоокеанского региона и разнообразный климат, благоприятный для различных видов бизнеса. Несмотря на эти преимущества, развитие Дальневосточного федерального округа идет не так быстро, как могло бы. Основной причиной этого является демографическая ситуация, так как человеческий потенциал все больше становится основным ресурсом развития.

Цель исследования — анализ демографической политики как фактора обеспечения экономической безопасности Дальневосточного федерального округа.

Материал и методы исследования

В работе были использованы следующие методы: изучение, обобщение, измерение, сравнение, анализ, метод графической интерпретации статистической информации. Основной метод, применяемый при анализе демографической политики, — анализ статистических показателей. Федеральная служба государственной статистики занимается сбором и публикацией в открытых источниках статистических данных о развитии регионов РФ. Автором проведена оценка изменения таких показателей, как численность населения, естественный и миграционный прирост, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, уровень безработицы и др. Горизонт анализа — 2020–2024 гг.

Результаты исследования и их обсуждение

Экономический рост, инвестиционная активность, рынок труда, поступление налогов, положение и роль страны на мировой арене зависят от демографической ситуации, подготовки и качества рабочей силы.

Демографическая безопасность является компонентом экономической безопасности.

На экономическую безопасность влияют такие демографические факторы, как численность, естественный и миграционный прирост населения, структура населения, уровень безработицы, наличие квалифицированных кадров (Лысенко & Сергутина, 2022).

В настоящее время Россия сталкивается со следующими демографическими вызовами, угрожающими экономике страны и уже создавшими угрозу экономической безопасности: сокращение численности населения, деградация института семьи, нерегулируемая миграция и старение населения (Кулаков и др., 2024; Симагин, 2021; Авдеев & Ушакова, 2023). Растущие демографические проблемы обусловлены политической ситуацией, социально-экономическими проблемами, а также экологическими и климатическими условиями.

Государственные органы и социальные институты отвечают за регулирование демографических процессов. Демографическая политика представляет собой систему административно-правовых, экономических и идеологических мер, призванных регулировать процесс воспроизводства населения в стране (Абдулхаерова, 2024).

В РФ разработан ряд стратегических документов в области демографического развития. Например, в Стратегии национальной безопасности РФ¹ подчеркивается важность демографического развития для соблюдения национальных интересов.

Реализация Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики координирует усилия по обеспечению благоприятных условий для семей, включая социальную поддержку и создание инфраструктуры.

Национальный проект «Семья»², вступивший в силу 1 января 2025 года, направлен на рост числа семей с детьми и укрепление семейных ценностей. Для решения демографических проблем страны реализуются такие меры, как пособия семьям с детьми, материнский капитал, поддержка малообеспеченных семей, льготное ипотечное кредитование, медицинские осмотры и т. д. (Мотрич, 2022).

Демографическая ситуация различается по регионам страны.

Дальневосточный федеральный округ богат природными ресурсами, расположен между Европой и Азией, что обеспечивает огромный потенциал для социально-экономического развития. Однако демографическая ситуация в округе является серьезным вызовом для устойчивого развития региона. Территория отличается низкой плотностью населения.

Федеральные и местные органы власти принимают меры по улучшению демографической ситуации на Дальнем Востоке.

В 2017 году была разработана «Концепция демографической политики Дальнего Востока»³. Она направлена на повышение рождаемости, сокращение оттока населения, создание условий и стимулов для проживания молодежи и привлечение молодых специалистов на дальневосточные территории (Дракунова, 2024).

Стимулирование экономической активности является ключевым фактором привлечения и удержания населения. С этой целью в Дальневосточном федеральном округе созданы территории опережающего развития, на которых предоставляются инвесторам различные льготы и инфраструктура для реализации их планов. Создан Свободный порт Владивосток — зона беспошлинной торговли, охватывающая основную акваторию порта на побережье Японского и Охотского морей.

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». <https://docs.cntd.ru/document/607148290?ysclid=mp6de3fig3943881990> (дата обращения: 14.05.2026).

² Паспорт Национального проекта «Семья». <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/5b/f9/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F.docx> (дата обращения: 14.05.2026).

³ Распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 №1298-п «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218765/ (дата обращения: 14.05.2026).

Разработаны программы по привлечению и удержанию талантливых специалистов. Например, программа «Муравьев-Амурский 2030»¹ направлена на подготовку госслужащих, призвана стимулировать приток молодых специалистов на восточные территории страны.

Программа «Дальневосточная и арктическая ипотека»² позволяет получать ипотечные кредиты по льготным процентным ставкам до 2 % на покупку или строительство жилой недвижимости, что способствует привлечению и удержанию жителей региона. В рамках программы «Дальневосточный гектар»³ каждый гражданин имеет право на бесплатное упрощенное получение земельного участка площадью один гектар в Дальневосточном федеральном округе для освоения, проживания и ведения бизнеса. Многодетные семьи, у которых в период с 01.01.2023 г. по 31.12.2025 г. родился третий или последующий ребенок, могут рассчитывать на 1 млн рублей на погашение ипотеки.

Рассмотрим демографическую обстановку в Дальневосточном федеральном округе.

В последние годы численность населения снизилась как в целом по стране, так и по Дальневосточному федеральному округу (табл. 1).

Из всех регионов округа выросла численность населения только в Якутии. Максимальное снижение показателя было зафиксировано в Еврейской автономной области, наименьшее — в Бурятии. По численности населения в округе самым большим регионом является Приморский край — там проживает почти 1,8 млн чел.

Рассмотрим данные по движению населения в Дальневосточном федеральном округе и сравним их со средними показателями по стране. Естественное движение населения в округе за период 2020–2024 гг. имеет отрицательную направленность и повторяет общероссийскую тенденцию. Однако показатели в округе на всем протяжении 5-летнего периода были лучше среднероссийских. Максимальная убыль населения в округе отмечалась в 2021 г. В целом за анализируемый период показатель ухудшился во всех рассматриваемых регионах, за исключением Амурской области. Единственным регионом в округе, где ежегодно наблюдался естественный прирост, была Якутия. Наихудшая ситуация за последние годы складывалась в Приморском крае, Хабаровском крае и Амурской области. Таким образом, Дальневосточный федеральный округ переживает состояние естественной депопуляции (табл. 2).

В миграционной сфере ситуация за последние годы улучшилась как в целом по стране, так и в Дальневосточном федеральном округе (табл. 3).

Миграционная убыль населения в округе наблюдалась в 2020, 2022 и 2023 гг. Максимального значения миграционная убыль достигла в 2022 году (–33 690 человек). Если рассматривать отдельные регионы, то ситуация ухудшилась только в Якутии. Регионом с самым высоким миграционным приростом населения

¹ Программа «Муравьев-Амурский 2030». <https://xn---2030-3veapa3a9amlwf2dgs3ah8p.xn--p1ai/#home> (дата обращения: 14.05.2026).

² Программа «Дальневосточная и арктическая ипотека». <https://minfin.gov.ru/ru/performance/govsupport/dvostok/uslovie/> (дата обращения: 14.05.2026).

³ Программа «Дальневосточный гектар». <https://xn--80aafec4alewcma0birg3gydl.xn--p1ai/> (дата обращения: 14.05.2026).

Таблица 1

Динамика численности населения на 1 января 2020–2024 гг., тыс. чел.

Показатель	Период, годы					Темп прироста 2024 г. к 2020 г., %
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	
РФ	146 171	145 558	146 447	146 151	146 028	–0,1
Дальневосточный федеральный округ	8 124	8 091	7 904	7 866	7 854	–3,3
Республика Бурятия	985	983	975	972	971	–1,5
Республика Саха (Якутия)	982	992	998	1 002	1 007	2,6
Забайкальский край	1 054	1 043	992	984	983	–6,7
Камчатский край	312	313	289	289	288	–7,6
Приморский край	1 878	1 863	1 820	1 806	1 798	–4,2
Хабаровский край	1 301	1 299	1 284	1 278	1 273	–2,2
Амурская область	782	773	756	750	751	–4,0
Магаданская область	139	138	134	133	134	–3,5
Сахалинская область	486	484	461	458	457	–5,9
Еврейская авт. область	157	154	147	146	144	–7,7
Чукотский авт. округ	50	50	48	48	48	–3,2

Источник: составлена автором по данным Федеральной службы государственной статистики. Демография <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.10.2025).

Таблица 2

Динамика естественного прироста населения за январь–ноябрь 2020–2024 гг., на 1000 чел. населения

Показатель	Период, годы					Абсолютное изменение 2024 г. к 2020 г.
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	
РФ	–4,3	–7,1	–4,1	–3,3	–4,1	0,2
Дальневосточный федеральный округ	–2,2	–4,7	–3,1	–2,7	–3,8	–1,6
Республика Бурятия	1,4	–1,3	–0,9	–1,1	–2,2	–3,6
Республика Саха (Якутия)	4,0	1,7	3,4	3,5	2,5	–1,5
Забайкальский край	–1,4	–4,1	–2,4	–2,9	–4,2	–2,8
Камчатский край	–1,8	–4,7	–2,6	–1,4	–3,2	–1,4
Приморский край	–4,9	–7,5	–6,3	–5,2	–5,8	–0,9
Хабаровский край	–4,2	–6,2	–4,4	–4,0	–5,3	–1,1
Амурская область	–5,4	–8,5	–5,6	–4,6	–5,3	0,1
Магаданская область	–2,7	–6,2	–3,7	–3,9	–5,1	–2,4
Сахалинская область	–1,7	–4,3	–3,0	–3,1	–4,4	–2,7
Еврейская авт. область	–5,2	–7,7	–5,4	–5,3	–7,2	–2,0
Чукотский авт. округ	0,3	–0,1	0,2	1,0	0,2	–0,1

Источник: составлена автором по данным Федеральной службы государственной статистики. Демография <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.10.2025).

Таблица 3

Динамика миграционного прироста населения за январь–ноябрь 2020–2024 гг., чел.

Показатель	Период, годы					Абсолютное изменение 2024 г. к 2020 г.
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	
РФ	91122	371424	–806	195057	452 885	361 763
Дальневосточный федеральный округ	–16430	5505	–33690	–10812	18 789	35 219
Республика Бурятия	–993	–1554	–1387	–1263	1 104	2 097
Республика Саха (Якутия)	6673	7647	–4678	1171	3 120	–3 553
Забайкальский край	–3487	–4912	–4756	–4753	2 029	5 516
Камчатский край	–228	1933	–2766	650	5	233
Приморский край	–5417	–728	–9207	–3284	2 472	7 889
Хабаровский край	–6859	5663	–2434	–22	2 251	9 110
Амурская область	–2623	–2149	–2432	–988	5 607	8 230
Магаданская область	–589	–504	–834	–344	1 399	1 988
Сахалинская область	–1414	835	–3827	–1247	1 286	2 700
Еврейская авт. область	–748	–1315	–1159	–832	–342	406
Чукотский авт. округ	–745	589	–210	100	–142	603

Источник: составлена автором по данным Федеральной службы государственной статистики. Демография <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения:01.10.2025).

в 2024 г. стала Амурская область, а наибольшая миграционная убыль была зафиксирована в Еврейской автономной области. Демографическая ситуация в округе зависит от многих факторов, в первую очередь рассмотрим динамику заработной платы.

Как в целом по стране, так и в Дальневосточном федеральном округе за последние четыре года вырос уровень заработной платы — на 70 % и 63 % соответственно. Однако темп прироста показателя значительно различается по регионам. Самое значительное увеличение наблюдалось в Забайкальском крае и Бурятии — выше среднероссийского значения, а наименьшее — в Сахалинской и Магаданской областях — 42 % и 49 % соответственно. Практически во всех регионах уровень заработной платы превышает среднероссийские значения. В 2024 г. наибольшую заработную плату получали в Хабаровском крае (148 тыс. руб.), а наименьшую — в Еврейской автономной области (70 тыс. руб.) (рис. 1).

Несмотря на высокий уровень заработной платы, уровень цен в округе намного выше среднего по стране. За анализируемый период времени в Дальневосточном регионе стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг была выше среднероссийского показателя на 11–13 %. Наиболее высокие цены были зафиксированы в таких регионах, как Чукотский край, Якутия и Камчатский край. Самые низкие цены были в Бурятии, Забайкальском крае и Амурской области (рис. 2).

Важным фактором демографической ситуации является занятость и безработица. В целом по стране уровень безработицы с 2020 по 2024 гг. снизился с 6,1 %

до 2,3 %, а в Дальневосточном федеральном округе — с 6,6 % до 2,8 %. Уровень безработицы в регионе превышал среднероссийские показатели в течение всего анализируемого периода. Положительным фактом является то, что во всех регионах показатель за четыре года снизился. Однако ситуация с работой значительно отличается по округу. Например, в 2024 г. был очень высокий уровень безработицы в Якутии и Забайкальском крае — 5,2 % и 4,5 % соответственно, а самый низкий показатель был в Амурской области — 1 % (рис. 3).

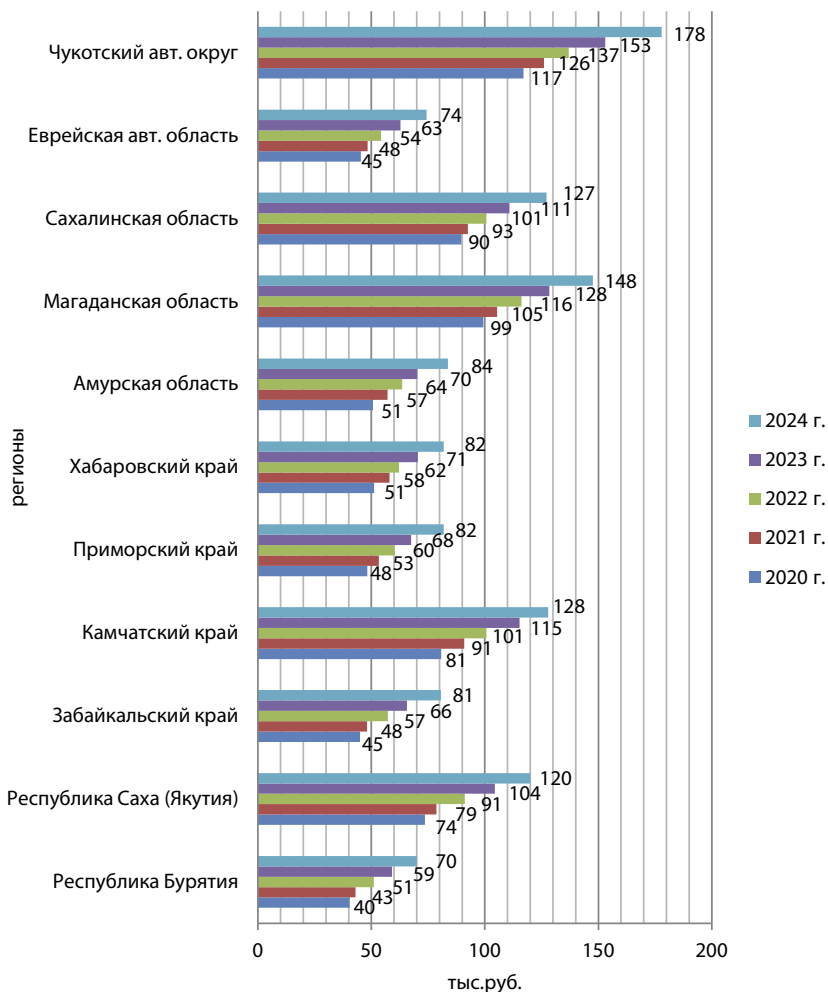

Рис. 1. Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций (источник: сост. автором по данным Федеральной службы государственной статистики. Социально-экономическое положение России. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 01.10.2025)).

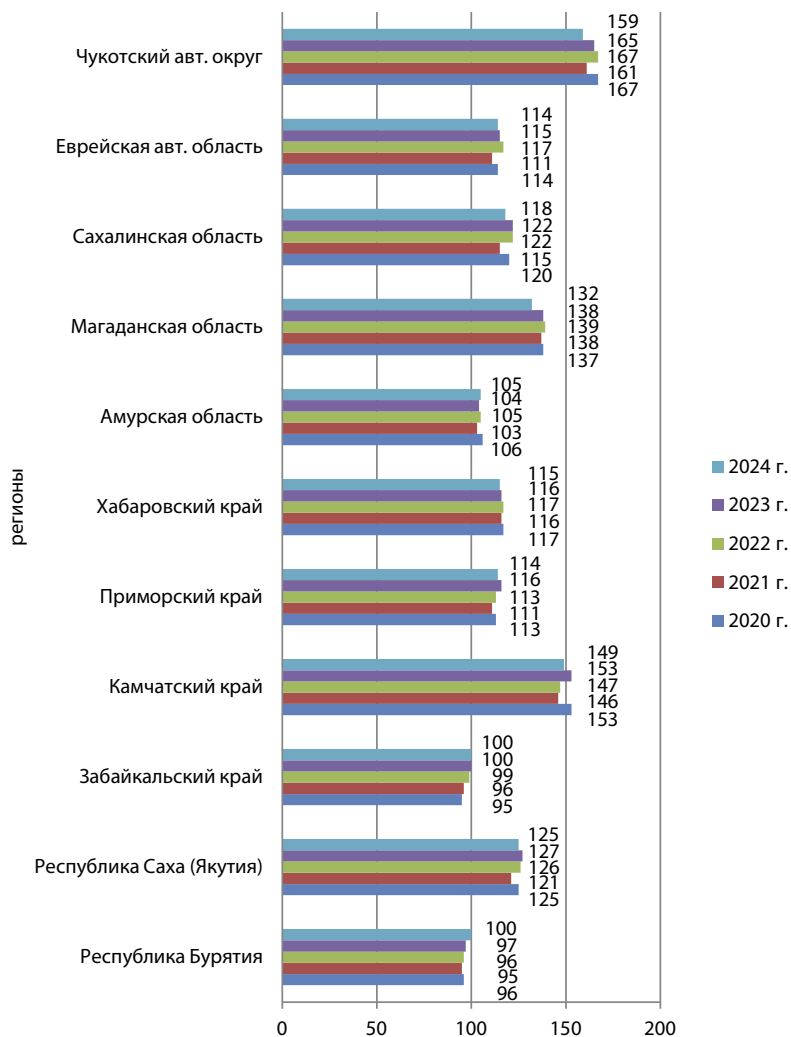

Рис. 2. Динамика стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, % от среднероссийского уровня (источник: сост. автором по данным Федеральной службы государственной статистики. Социально-экономическое положение России. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 01.10.2025)).

Отрицательным фактом можно назвать снижение потенциальной рабочей силы в округе с 133,6 тыс. чел. в 2020 г. до 79,9 тыс. чел. — в 2024 г. Изменение показателя повторяет общероссийскую тенденцию: в 2020 г. он составлял 1 676,5 тыс. чел., а в 2024 снизился до 771,8 тыс. чел. Среди регионов наибольшее снижение показателя наблюдалось в Приморском крае — на 13,1 тыс. чел., а наименьшее на Чукотке — 0,1 тыс. чел. (рис. 4.).

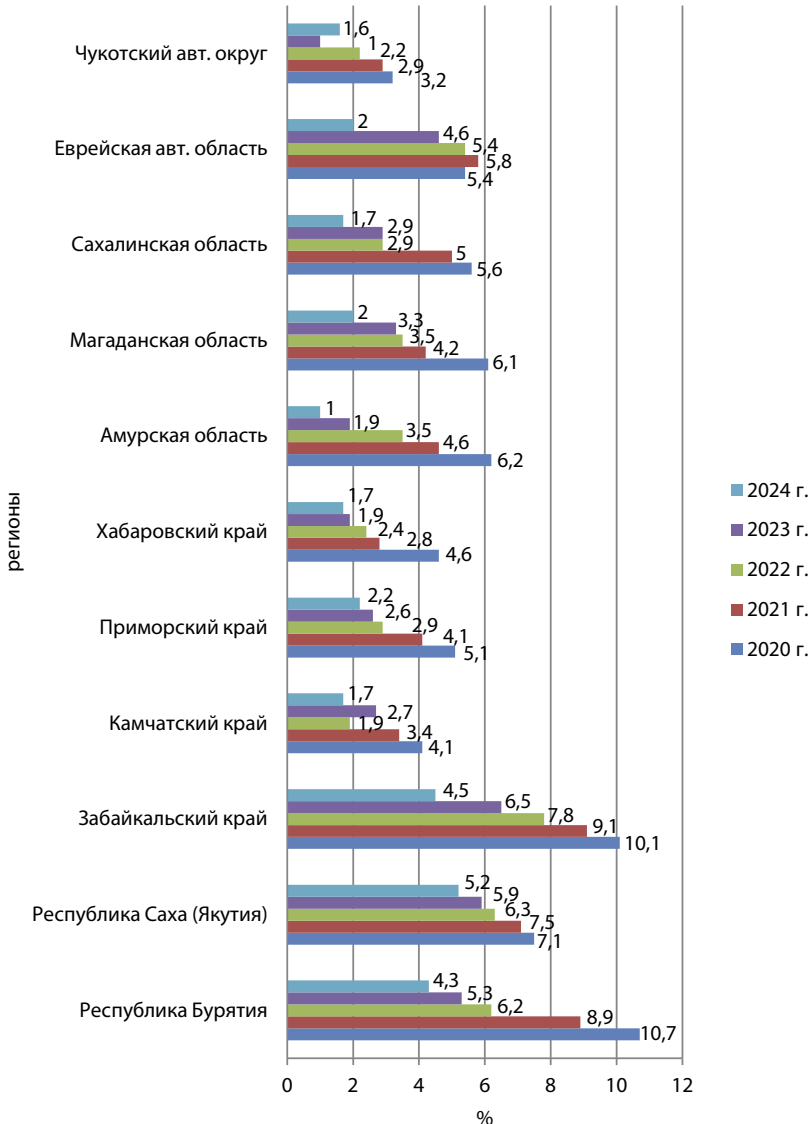

Рис. 3. Динамика уровня безработицы, % (источник: сост. автором по данным Федеральной службы государственной статистики. Социально-экономическое положение России. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 01.10.2025)).

Для решения демографических проблем важным является развитие жилищно-го строительства. Согласно данным статистики, в Дальневосточном федеральном округе в 2020 г. снижались, а с 2021 по 2024 гг. увеличивались объемы строительства жилья. Максимальный темп роста показателя был в 2025 г. (125,6 %). Однако

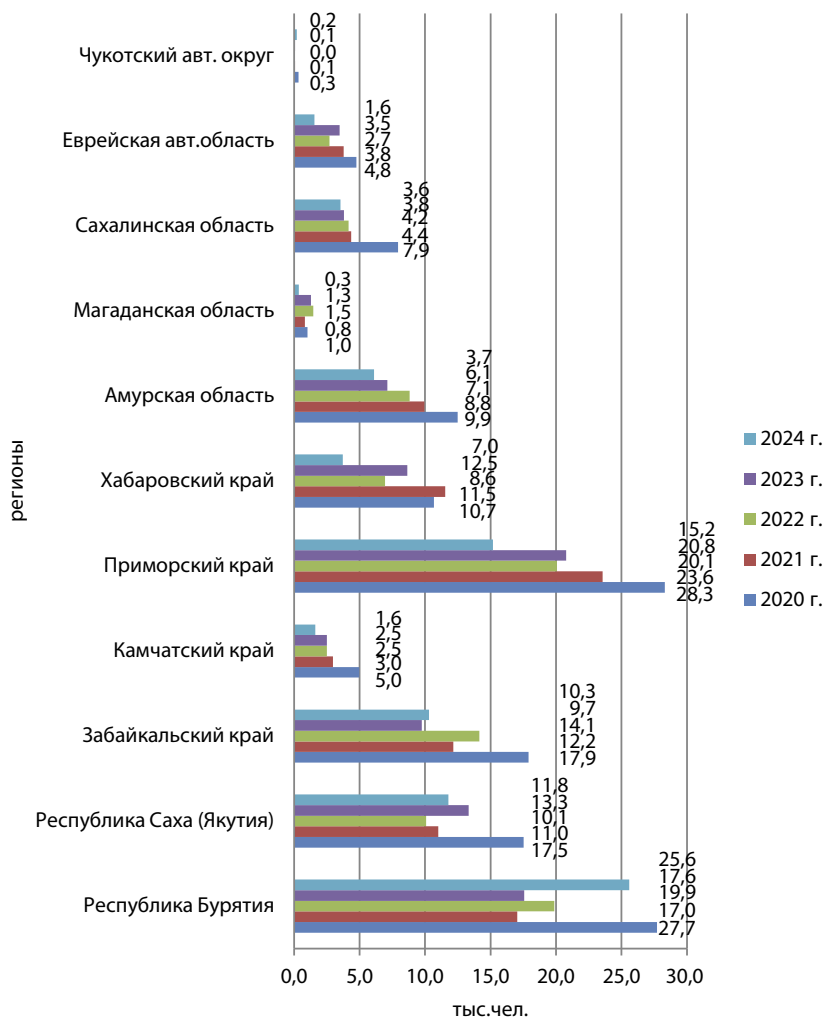

Рис. 4. Динамика потенциальной рабочей силы, тыс. чел. (источник: сост. автором по данным Федеральной службы государственной статистики. Потенциальная рабочая сила. https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 01.10.2025).

темпы прироста жилищного строительства значительно различаются по регионам округа. Ежегодно росло строительство только в Бурятии и Приморском крае. Темпы роста показателя существенно снизились за четыре года в Магаданской и Сахалинской областях, в Камчатском и Приморском краях и на Чукотке. В 2024 г. лидером по росту жилищного строительства в округе стала Еврейская автономная область (151,7 %), а самый низкий показатель был зафиксирован в Магаданской области (79,5 %) (рис. 5).

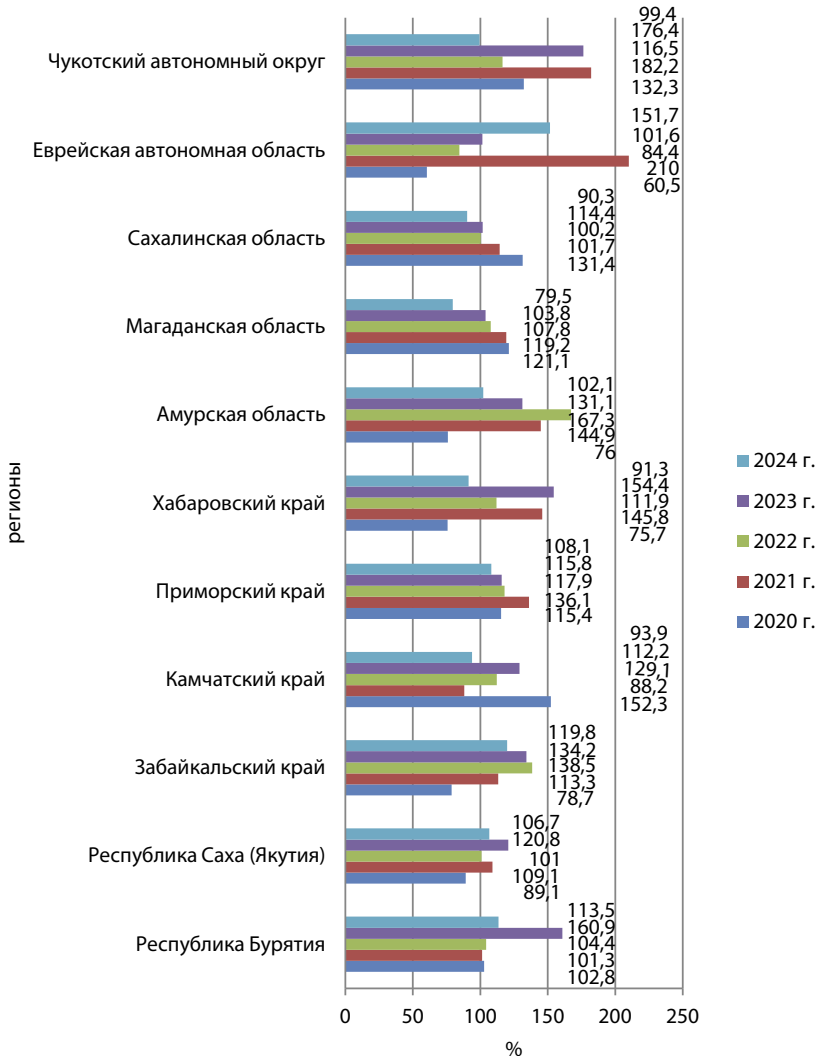

Рис. 5. Темпы роста строительства жилых домов, % (источник: сост. автором по данным Федеральной службы государственной статистики. Социально-экономическое положение России. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 01.10.2025).

Таким образом, анализ демографических показателей Дальневосточного федерального округа выявил, что уровень заработных плат и уровень цен в округе превышает среднероссийские показатели. Из положительных тенденций можно назвать снижение по округу уровня безработицы, рост строительства жилья, улучшение миграционных показателей в целом по округу. Из негативных — снижение численности населения. Основным фактором этого являются естественная убыль, снижение

потенциальной рабочей силы, неравномерность развития регионов в округе (в отдельных регионах снизились показатели по строительству и миграции).

Существуют различные точки зрения на решение демографических проблем на Дальнем Востоке.

Е.Л. Мотрич рекомендует устанавливать надбавки к заработной плате работников за выслугу лет в округе и обеспечить постоянное транспортное сообщение между восточными и центральными регионами (Мотрич, 2022).

В.А. Дракунова с соавторами рекомендуют реализовать меры по поддержке молодых семей, привлечению рабочей силы, улучшению качества и доступности медицинских услуг (Дракунова, 2024)

По мнению автора, необходимо развивать меры поддержки студенческих, сельских, неполных семей, содействовать повышению доходов населения, улучшению доступности жилья, расширять возможности получения высшего образования в пределах макрорегиона. Это будет способствовать повышению экономической безопасности региона.

Заключение

В результате анализа демографической ситуации в Дальневосточном федеральном округе было выявлено состояние затяжного периода депопуляции, несмотря на меры, принимаемые властями, в том числе на разработанную Концепцию демографической политики Дальнего Востока, на оказываемую поддержку семьям, льготные ипотечные программы, стимулирование деловой активности. Для улучшения сложившейся демографической ситуации необходимо обеспечить круглогодичную транспортную доступность восточных регионов, развивать поддержку молодых, студенческих и неполных семей, повышать качество системы здравоохранения, доступность жилья и улучшать возможности для молодежи к получению образования.

Список источников

Абдулхаерова, Д. Р. (2024). Демографическая политика государства: проблемы и пути их решения. *Инновационная наука*, 9–2, 121–123. EDN: SEIVLQ

Авдеев, А. Ю., Ушакова, В. Л. (2023) Демографические вызовы, или Почему демографическая политика Дальнего Востока не ведет к желаемому результату. *Уровень жизни населения регионов России*, 19(1), 9–24. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_9_24

Алиев, Д. Ф., Гонтмахер, Е. Ш., Трубин, В. В. (2024). Социальная поддержка семьи, материнства и детства: Россия и мировой опыт. *Уровень жизни населения регионов России*, 3, 322–338. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_1_322_338

Дракунова, В. А., Комелькова, А. В., Санников, А. Л., Спирин, И. А., Диденко, Г. В. (2024). Характеристика демографических процессов Дальневосточного федерального округа на примере Приморского края. *Международный научно-исследовательский журнал*, 1(139), 65. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.139.68>

Кулаков, В. В., Ярунина, А. Г., Власова, Н. Е. (2024). Совершенствование демографической политики для обеспечения устойчивости системы экономической безопасности Российской Федерации. *Региональные проблемы преобразования экономики*, 8(166), 296–307. <https://doi.org/10.26726/rppe2024v8idpt>

Лысенко, А. Н., Сергутина, Т. Э. (2022). Роль демографической составляющей в обеспечении экономической безопасности региона. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*, 2, 257–269. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.2.17>

Мотрич, Е. Л. (2022). Современные демографические процессы на Дальнем Востоке России. *Власть и управление на Востоке России*, 4, 59–68. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68>

Симагин, Ю. А. (2021). Демографическая безопасность дальневосточных геостратегических территорий России. *Уровень жизни населения регионов России*, 7 (2), 228–234. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.6>

References

Abdulkhaerova, D. R. (2024). State demographic policy: problems and ways to solve them. *Innovacionnaja nauka [Innovation Science]*, 9–2, 121–123. EDN: SEIVLQ (In Russ.)

Aliev, D. F., Gontmakher, E. Sh., & Trubin, V. V. (2024). Social support for family, motherhood and childhood: Russia and the world experience. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, (3), 322–338. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_1_322_338 (In Russ.)

Avdeev, A. Yu., & Ushakova, V. L. (2023). Demographic challenges or why the demographic policy of the far east does not lead to the desired result. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 19 (1), 9–24. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24 (In Russ.)

Drakunova, V. A., Komelkova, A. V., Sannikov, A. L., Spirin, I. A., & Didenko, G. V. (2024). Characterization of demographic processes in the far Eastern federal district on the example of Primorsky Krai. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]*, 1 (139), 65. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.139.68> (In Russ.)

Kulakov, V. V., Yarunina, A. G., & Vlasova, N. E. (2024). Improving demographic policy to ensure the sustainability of the economic security system of the Russian Federation. *Regional'nye problemy preobrazovaniya jekonomiki*, 8 (166), 296–307. <https://doi.org/10.26726/rppe2024v8idpt> (In Russ.)

Lysenko, A. N. & Sergutina, T. E. (2022). Role of demographic component in economic security of the region. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehničeskogo universiteta. Social'no-èkonomičeskie nauki [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]*, (2), 257–269. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.2.17> (In Russ.)

Motrich, E. L. (2022). Modern demographic processes in the Russian Far East. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii [Power and Administration in the East of Russia]*, (4), 59–68. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68> (In Russ.)

Simagin, Yu. A. (2021). Demographic security of the Far Eastern geostrategic territories of Russia. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 7 (2), 228–234. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.6> (In Russ.)

Долгушина Анна Владимировна — преподаватель, Московский ордена Почета университет МВД России им. В. Я. Кикотя (Российская Федерация, 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12; e-mail: an14145na@yandex.ru).

Anna V. Dolgushina — Lecturer, Moscow Order of Honor at the V. Ya. Kikot University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (12 Akademika Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation; e-mail: an14145na@yandex.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 332.1

JEL classification: R11, O15

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-10>

Гендерный фактор развития малого предпринимательства в российских регионах¹

С. В. Дорошенко ^а, Я. И. Соломатин ^б

^а Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-8282-6062>

^б Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0009-0003-0694-079X>

Автор для корреспонденции: С. В. Дорошенко (doroshenkos@mail.ru).

Аннотация. Цель исследования — оценить влияние гендерного и ряда других демографических факторов на развитие малого предпринимательства в российских регионах. Зависимой переменной, характеризующей развитие малого предпринимательства, было выбрано количество малых предприятий (включая микропредприятия), соотнесенное с численностью рабочей силы в регионе. Информационной базой для оценки послужили данные Росстата и ЕМИСС за период 1996–2023 гг. В выборку были включены 82 российских региона. Оценивалась модель с фиксированными эффектами методом Дрисколла – Крэя с учетом фиксированных эффектов времени. Результаты оценки подтвердили гипотезу о том, что простое преобладание женского населения над мужским в российских регионах не дает эффекта роста предпринимательской активности. Однако следует учитывать преобладание женщин в возрасте старше трудоспособного, жизненный опыт которых, компетенции, желание попробовать новое могут положительно сказаться на развитии предпринимательства.

Ключевые слова: женщины; разводы; демографическая нагрузка; оценка; метод Дрисколла – Крэя.

The Gender Factor of Small Business Development in Russian Regions

S. Doroshenko ^а, Ya. Solomatin ^б

^а Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-8282-6062>

^б Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

<https://orcid.org/0009-0003-0694-079X>

Corresponding author: S. Doroshenko (doroshenkos@mail.ru).

Abstract. The purpose of the study is to assess the impact of gender and a number of other demographic factors on the development of small business in Russian regions. The number of small enterprises (including microenterprises), correlated with the number of workers in the region, was chosen as the dependent variable characterizing the development of small business. The 82 Russian regions data from Rosstat and EMISS for the period 1996–2023 served as the information base for the assessment. A model with fixed effects was evaluated using the Driscoll-Cray method, taking into account fixed time effects. The evaluation results confirmed the hypothesis that the mere predominance of the female population over the male in Russian regions does not have the effect of increasing entrepreneurial activity. However, one should take into account the predominance of women over the age of able-bodied, whose life experience, competencies, and desire to try new things can positively affect the development of bickering.

Keywords: women; divorces; demographic burden; assessment; Driscoll-Kraay method

¹ © Дорошенко С. В., Соломатин Я. И. Текст. 2026.

Введение

Активное развитие малого и среднего предпринимательства является одним из ключевых направлений реализации национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика», который включает в себя федеральный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»¹. Однако последние несколько лет стали непростыми для российских предпринимателей. Они сопровождались серьезными кризисами разной природы: и пандемия COVID-19, и начало специальной военной операции, и усиление санкционного давления. Все это сказалось на ресурсном потенциале и самих предпринимателей, и внешней среды.

Попытки оценить определенное влияние социально-демографических факторов в России наблюдаются в рамках «Мониторинга предпринимательской активности», который сегодня выполняется преподавателями Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета на основании методологии проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства» (Global Entrepreneurship Monitor, GEM). И хотя после 2022 года Россия вышла из данного международного проекта, но поскольку актуальность информации о самочувствии бизнеса нисколько не снижается, а подобных исследований больше никто пока не проводит, то работы на российской выборке остаются востребованы, они продолжаются, о чем выходят регулярные отчеты.

Исследования в рамках указанного проекта показали, что для России характерно преобладание мужчин-предпринимателей. Исключением был 2019 г., когда гендерная структура качнулась в пользу женщин-предпринимателей, составив 54,4 %, но уже в 2020 г. распределение стало снова в пользу мужчин — 57,4 %, в 2022 г. «мужская» доля уже составляла 63 %, но в 2024 г. она заметно снизилась — до 55,9 %. Это является следствием того, что уровень предпринимательских намерений традиционно у российских мужчин выше, чем у женщин. И в последние годы он только растет. Так, в 2023 г. соотношение было 32,2 % против 28,5 %, а в 2024 г. 33,3 % против 24,7 %². Сохраняется у мужчин и более высокий уровень ранней предпринимательской активности (рис. 1).

Графики на рис. 1 свидетельствуют о существенном росте за период 2009–2024 гг. уровня ранней предпринимательской активности как у российских мужчин, так и у женщин. Нет возможности привести данные за 2015 и 2017 гг. по причине отсутствия таковых в используемых отчетах GEM. За рассматриваемый период показатель увеличился и у мужчин, и у женщин примерно в три раза. При этом динамика у женщин выглядит более неравномерной: наблюдаются и более глубокие спады, например, в 2014, 2018, 2021 гг., и более резкие скачки вверх, например, в 2019 г. Таким образом, российские женщины более осторожно принимают решения об открытии своего дела в менее благоприятные экономические периоды, откладывая решение до более устойчивой ситуации.

¹Правительство Российской Федерации. Национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика». <http://government.ru/rugovclassifier/921/about/> (дата обращения: 01.02.2026).

²Мониторинг предпринимательской активности. https://gsom.spbu.ru/research/research_statistics/gem/ (дата обращения: 14.01.2025).

Следует отметить, что преобладание ранней предпринимательской активности среди мужчин является характерной чертой большинства стран, при этом сравнительно больший разрыв наблюдается в развитых европейских государствах с высоким уровнем дохода. Другими словами, гендерное равенство в новом предпринимательстве более свойственно для стран с низким уровнем среднедушевых доходов.

Мужчины преобладают и в устоявшемся предпринимательстве (табл. 1).

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что еще в период по 2011 г. наблюдалось практически равное соотношение новых и старых предпринимателей между

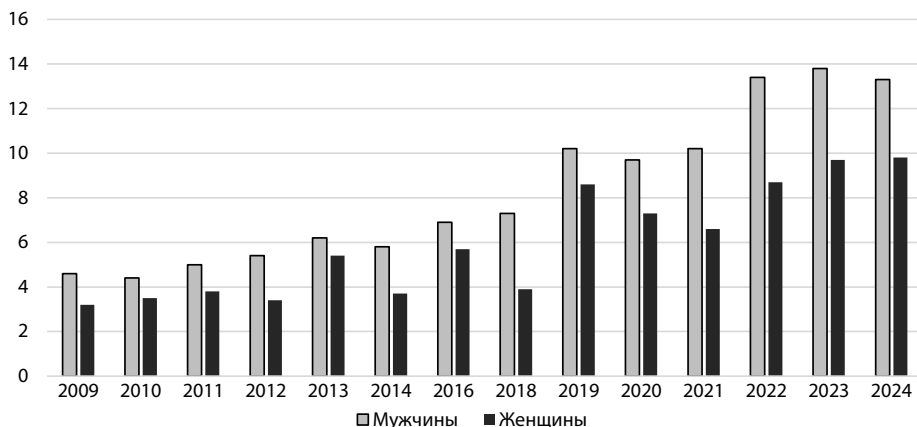

Рис. 1. Динамика ранней предпринимательской активности российских мужчин и женщин за 2009–2024 гг. (источник: сост. авторами по: Национальным отчетам «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2020/2021. Россия 2022/2023. Россия 2024/2025. (Global Entrepreneurship Monitor, GEM). https://gsom.spbu.ru/research/research_statistics/gem/ (дата обращения: 01.02.2026).

Таблица 1

Соотношение ранней и устоявшейся предпринимательской активности российских мужчин и женщин в период 2011–2024 гг., %

Годы	Мужчины		Женщины	
	Ранние предприниматели	Устоявшиеся предприниматели	Ранние предприниматели	Устоявшиеся предприниматели
2011	63	37	61	39
2012	72	28	64	36
2013	58	42	71	29
2014	56	44	52	48
2016	53	47	55	45
2018	59	41	47	53
2019	61	39	70	30
2020	64	36	67	33
2021	73	27	69	31
2022	68	32	82	18
2023	63	37	71	29
2024	57	43	77	23

Источник: Мониторинг предпринимательской активности. URL: https://gsom.spbu.ru/research/research_statistics/gem/ (дата обращения: 14.01.2026).

мужчинами и женщинами — 63 % против 61 % и 37 % против 39 %. Однако затем ситуация стала меняться, более того, она заметно варьировалась по годам. Но у мужчин при этом всегда выше доля нового предпринимательства. Для женщин тоже характерно такое соотношение, исключение составил 2018 г., когда доля старых предпринимателей возросла до 53 %. При этом очевидно, что с 2019 г. у женщин заметно увеличивается доля новых предпринимателей, и она достаточно стабильно выше, чем у мужчин, хотя и наблюдаются колебания значений, например, в 2021 г. Однако в период 2022–2024 гг. наблюдается заметное снижение доли новых предпринимателей у мужчин при одновременном росте этой доли у женщин.

Одновременно в российских регионах существует определенная гендерная неоднородность населения. Практически во всех субъектах наблюдается преобладание численности женщин над мужчинами, особенно в возрастных категориях после 25–30 лет, но разброс значений соотношения женщин и мужчин составляет от 5 до 25 %. Анализ данных за 1996–2023 годы показал, что в начальный период времени были исключения среди регионов, например, Ненецкий автономный округ и Камчатский край, где в период с 1996 по 2004 годы мужчин было больше женщин, однако с 2005 года ситуация стала меняться, а в Чукотском автономном округе преобладало мужское население в период с 1996 по 2010 годы.

Таким образом, в нашей стране очень важно учитывать демографические аспекты развития предпринимательства, обращая при этом внимание не только на возрастные параметры населения, но и гендерное соотношение.

Обзор литературы

Демографические показатели стали все чаще встречаться в зарубежных и отечественных исследованиях при оценке влияния факторов на развитие предпринимательства. Используются, например, возрастные показатели, такие как численность молодежи (Дорошенко & Шеломенцев, 2019). Гендерный признак, наряду с возрастной структурой населения, справедливо рассматривать в качестве одного из факторов предложения для малого предпринимательства, которые выделены вместе с факторами спроса в рамках эклектической концепции предпринимательства, предложенной Verheul I. et al, 2002, и оцениваются как ресурсы развития предпринимательской активности.

Установлено, что увеличение числа женщин на рынке труда в значительной степени способствуют росту ВВП. Их вклад отражает эффективное использование человеческого капитала (Han & Lee, 2020; Sever, 2023). Например, по мнению исследователей, в Китае женское предпринимательство сегодня играет ключевую роль в социальном и экономическом прогрессе. За последние десятилетия китайские женщины-предприниматели оказали значительное влияние не только на национальную, но и на мировую экономику (Yiqi Jiang et al, 2024).

Справедливо считается, что гендерная идентичность формируется под влиянием географии, исторического и политического контекста, культурных норм, а также институциональных практик и политики в образовательных учреждениях, правовых системах и религиозных организациях (Foss et al, 2019). И поскольку женский опыт по-разному формируется в обществе под влиянием культурных и исторических контекстов, социализации и гендерных ролей, женщины могут

привнести на рынок различные точки зрения и уникальные идеи (Byrne et al, 2019; Brush et al, 2019; Brush et al, 2022). С другой стороны, существует множество доказательств того, что женщины сталкиваются с большими трудностями, чем мужчины при получении стартового и инвестиционного капитала, особенно венчурного (Brush et al, 2014). Это часто становится барьером для предпринимательского проекта женщины. Кроме того, им важнее поддержка членов семьи, поскольку они вынуждены сочетать предпринимательскую активность с ролью жены, матери. Хотя, как показывают исследования, даже у женщин-иммигранток в России это неплохо получается (Леденева & Мишук, 2023).

Но в целом российских исследований в этой области пока немного. Цель нашей работы — оценить на основе имеющейся региональной статистики влияние гендерного и ряда других демографических факторов на развитие малого предпринимательства.

В современных зарубежных исследованиях часто выдвигают гипотезы о положительной вероятности влияния на занятия предпринимательством со стороны женской рабочей силы (Alkharafi, 2024). Однако обзор теоретических источников и российских отчетов GEM позволил нам предположить, что увеличение общей численности женского населения в регионах оказывает обратное влияние на число малых и микропредприятий, при этом рост демографической нагрузки в части населения старше трудоспособного возраста может оказать прямое влияние на число малых и микропредприятий в субъектах России.

Материалы и методы

Информационной базой для оценки послужили данные Росстата и ЕМИСС. Был выбран достаточно большой временной период 1996–2023 гг. Однако в выборку были включены только 82 региона России. Семь регионов (г. Севастополь, Республика Крым, Чеченская Республика, Херсонская и Запорожская области, Луганская Народная Республика и Донецкая Народная Республика) не попали в выборку по причине отсутствия полного набора данных за анализируемый период.

Зависимой переменной, характеризующей развитие малого предпринимательства, было выбрано количество малых предприятий (включая микропредприятия), соотнесенное с численностью рабочей силы в регионе. Объясняющей переменной послужила численность женщин, соотнесенная с численностью мужчин. Также была использована переменная демографической нагрузки, рассчитанная относительно численности лиц старше трудоспособного возраста. Переменные безработицы и уровня разводимости послужили контрольными переменными в модели. Описание переменных представлено в таблице 2.

Описательная статистика выбранных переменных содержится в таблице 3.

Модель является сбалансированной. Общее число наблюдений составляет 2 296. Среднее значение за анализируемый период зависимой переменной *smel000ean* составляет 18 малых предприятий на 1 000 человек рабочей силы, что примерно соответствует среднему значению Калужской области.

Результаты VIF-теста представлены в таблице 4.

Все значения VIF переменных меньше трех, что говорит об отсутствии мультиколлинеарности в модели.

Таблица 2

Описание используемых переменных модели	
Переменные	Содержание
sme1000ean	Количество малых предприятий, включая микропредприятия на 1 000 человек рабочей силы в регионе, ед.
wom	Отношение числа женщин на 1 000 мужчин в регионе, чел.
div	Отношение числа разводов на 1 000 браков в регионе, ед.
unepl	Уровень безработицы в регионе, %
old	Численность населения старше трудоспособного возраста на 1 000 человек населения трудоспособного возраста, чел.

Источник: составлено авторами на основе: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 11.01.2026).

Таблица 3

Описательная статистика переменных модели					
Переменная	Число наблюдений	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
sme1000ean	2296	18.02621	11.446630	0.6493506	80.52435
wom	2296	1143.90500	55.521410	901.0000000	1249.00000
div	2296	640.60280	178.862100	35.0000000	3528.00000
unepl	2296	8.45649	5.796857	0.8000000	63.10000
old	2296	363.55840	101.863500	64.0000000	601.00000

Источник: составлено авторами по расчетам в пакете Stata.

Таблица 4

Результаты VIF-теста переменных		
	VIF	1/VIF
wom	2.77	0.360525
div	2.44	0.410222
unepl	1.41	0.709851
old	1.19	0.842355
Mean VIF	1.95	—

Источник: составлено авторами по расчетам в пакете Stata.

Предварительная оценка методом Pooled OLS и последующий тест Хаусмана показали, что обоснованно использовать модель с фиксированными эффектами. Кроме того, тест Песарана показал наличие межпространственной зависимости данных. Поэтому было принято решение применить метод Дрисколла — Крэя, который используется в случаях гетероскедастичности (также была подтверждена тестом Уайта) и кросс-секционной зависимости данных. Размер выборки стал основанием для определения оптимального количества лагов, которое равно трем. Помимо фиксированных эффектов регионов, были учтены фиксированные эффекты времени, что позволяет выявить влияние фактора времени на зависимую переменную относительно первого года анализируемого периода — 1996 г. Таким образом, фиксированные эффекты регионов учитывают ненаблюдаемую неоднородность, которая постоянна в пределах каждого субъекта, но при этом варьируется в пределах каждого субъекта. Их важно учитывать для того, чтобы изолировать влияние переменных результата, в частности, гендера. Фиксированные во времени эффекты отражают

тенденции и события, которые одновременно влияют на все регионы, но меняются с течением времени, например, мировой финансовый кризис, пандемия COVID-19, начало специальной военной операции и т. п. Сюда можно отнести технологические и цифровые достижения, изменения в государственной политике, которые также влияют на все регионы страны. Контролируя временные эффекты, мы изолируем влияние на оценочные результаты тенденций, связанных со временем.

Результаты моделирования и их обсуждение

Результаты оценки модели представлены в таблице 5. Результаты показали, что все выбранные факторы оказались статистически значимы на уровне 1 %

Таблица 5

Результаты модели методом Дрисколла — Крэя

Переменные	Значения коэффициентов
wom	-0.028*** (0.006)
div	-0.003** (0.001)
unepl	0.385*** (0.076)
old	0.062*** (0.005)
1997	-1.063*** (0.219)
1998	-1.506*** (0.32)
1999	-1.399*** (0.289)
2000	0.752*** (0.155)
2001	1.599*** (0.247)
2002	2.696*** (0.373)
2003	2.677*** (0.329)
2004	3.289*** (0.328)
2005	3.457*** (0.329)
2006	4.311*** (0.353)
2007	5.626*** (0.388)
2008	7.660*** (0.332)
2009	9.637*** (0.191)
2010	10.936*** (0.183)
2011	10.936*** (0.183)
2012	14.108*** (0.245)
2013	14.345*** (0.237)
2014	13.836*** (0.255)
2015	13.384*** (0.286)
2016	16.450*** (0.286)
2017	15.179*** (0.365)
2018	13.990*** (0.392)
2019	14.447*** (0.321)
2020	12.582*** (0.303)
2021	13.878*** (0.272)
2022	13.215*** (0.33)
2023	14.884*** (0.413)
cons	17.752** (5.746)
R2 within	0,780
N	2296,000

Примечание: *** $p < 0,001$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$

Источник: составлено авторами по расчетам в пакете Stata.

и 5 %. При этом увеличение соотношения мужчин и женщин в пользу последних оказывает обратное влияние на число малых предприятий в регионе с коэффициентом $-0,028$. Однако рост соотношения населения старше трудоспособного возраста к населению трудоспособного возраста в регионе оказывает положительное влияние на число малых предприятий с коэффициентом $0,062$, что перекрывает снижение от увеличения численности женщин.

Контрольные переменные уровня разводов и безработицы оказывают противоположное влияние на зависимую переменную. Так, рост разводов по отношению к бракам снижает предпринимательскую активность с коэффициентом $-0,003$. Однако рост безработицы оказывает заметное положительное влияние на предпринимательство с коэффициентом $0,385$, что может перекрыть негативный эффект от факторов wom и div .

Временные эффекты во все годы оказались значимы на высоком однопроцентном уровне. При этом в 1997–1999 гг. наблюдалось снижение числа малых предприятий по сравнению с 1996 г. Происходило это независимо от выбранных нами факторов. Просто малый бизнес не пережил реформы 1990-х гг. Но с 2000 г. происходит постепенно увеличение количества малых предприятий, что видно по изменению значений коэффициентов. Одновременно постоянный рост с 2014 г. меняется на скачкообразный тренд, что отражает влияние событий и кризисов, происходивших с этого момента.

Заключение

Таким образом, полученные результаты позволили нам подтвердить выдвинутые гипотезы. Действительно, преобладание женского населения над мужским в российских регионах не дает эффекта роста предпринимательской активности. Однако следует учитывать, что преобладание женщин в возрасте старше трудоспособного, их жизненный опыт, компетенции, желание попробовать новое могут положительно сказаться на предпринимательской активности в регионе. Этот момент необходимо учитывать в различных социальных проектах, в том числе обучающих предпринимательству. Положительное влияние безработицы на рост числа малых предприятий часто говорит скорее о вынужденном предпринимательстве населения, чем о добровольном, что тоже необходимо принимать во внимание в различных программах и стратегиях. Дальнейшие исследования гендерных аспектов предпринимательской активности нам видятся в сборе и анализе микроданных, в том числе через опросы и интервью с предпринимателями.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №25-28-01367).

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Scientific Foundation, the project No 25-28-01367.

Список источников

Дорошенко, С. В. & Шеломенцев, А. Г. (2019). Эконометрическая оценка численности молодежи в составе факторов развития малого предпринимательства в регионе. *Экономика региона*, 15(4). 1115–1128. <http://doi.org/10.17059/2019-4-12>

Леденева В. Ю. & Мишук С.Н. (2023). Семья и деловая активность женщин, иммигрировавших в Россию. *Уровень жизни населения регионов России*, 19(1). 25–35. http://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_2_25_35

Alkharafi, N. (2024). *The role of women in driving national innovation and entrepreneurship through entrepreneurial ecosystems*. *Journal of Innovation & Knowledge*. 9. 100550. <http://doi.org/10.1016/j.jik.2024.100550>

Brush, C., & Edelman, L. F., & Manolova, T., & Welter, F. (2019). *A gendered look at entrepreneurship ecosystems*. *Small Business Economics*, 53(2), 393–408. <http://doi.org/10.1007/s11187-018-9992-9>.

Brush, C. G. (2014). Exploring the concept of an entrepreneurship education ecosystem. In *Innovative pathways for university entrepreneurship in the 21st century* S. Hoskinson & D. F. Kuratko (Eds.). (pp. 25–39). Emerald Group Publishing. <http://doi.org/10.1108/S1048-473620140000024000>

Brush, C. G., Eddleston, K. A., Edelman, L. F., Manolova, T. S., McAdam, M., & Rossi-Lamastra, C. (2022). Catalyzing change: Innovation in women's entrepreneurship. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 16(2), 243–254. <http://doi.org/10.1002/sej.1435>

Byrne, J., Fattoum, S., & Diaz Garcia, M. C. (2019). Role models and women entrepreneurs: Entrepreneurial superwoman has her say. *Journal of Small Business Management*, 57(1), 154–184. <http://doi.org/10.1111/jsbm.12426>

Foss, L., Henry, C., Ahl, H., & Mikalsen, G. H. (2019). Women's entrepreneurship policy research: A 30-year review of the evidence. *Small Business Economics*, 53(2), 409–429. <http://doi.org/10.1007/s11187-018-9993-8>

Han, J. S., & Lee, J. W. (2020). *Demographic change, human capital, and economic growth in Korea*. *Japan and the World Economy*, 53, 100984. <http://doi.org/10.1016/j.japwor.2019.100984>

Jiang, Yiqi, Jiang, Zhou & Chen, Zhijun, (2024). Women entrepreneurship in China: A bibliometric literature re-view and future research agenda,» *Journal of Business Research*, Elsevier, 179 (C):114688. <http://doi.org/10.1016/j.jbusres.2024.114688>

Sever, C. (2023). Gendered laws and labour force participation. *Applied Economics Letters*, 30(19), 2681–2687. <http://doi.org/10.1080/13504851.2022.2103078>

Verheul, I. et al (2002). An eclectic theory of entrepreneurship: policies, institutions and culture. In *Entrepreneurship: Determinants and Policy in a European-US Comparison*. (pp. 11–81). Springer, Boston, MA, 27. https://doi.org/10.1007/0-306-47556-1_2

References

Alkharafi, N. (2024). *The role of women in driving national innovation and entrepreneurship through entrepreneurial ecosystems*. *Journal of Innovation & Knowledge*. 9. 100550. <http://doi.org/10.1016/j.jik.2024.100550>

Brush, C. G. (2014). Exploring the concept of an entrepreneurship education ecosystem. In *Innovative pathways for university entrepreneurship in the 21st century* S. Hoskinson & D. F. Kuratko (Eds.). (pp. 25–39). Emerald Group Publishing. <http://doi.org/10.1108/S1048-473620140000024000>

Brush, C. G., Eddleston, K. A., Edelman, L. F., Manolova, T. S., McAdam, M., & Rossi-Lamastra, C. (2022). Catalyzing change: Innovation in women's entrepreneurship. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 16(2), 243–254. <http://doi.org/10.1002/sej.1435>

Brush, C., & Edelman, L. F., & Manolova, T., & Welter, F. (2019). *A gendered look at entrepreneurship ecosystems*. *Small Business Economics*, 53(2), 393–408. <http://doi.org/10.1007/s11187-018-9992-9>.

Byrne, J., Fattoum, S., & Diaz Garcia, M. C. (2019). Role models and women entrepreneurs: Entrepreneurial superwoman has her say. *Journal of Small Business Management*, 57(1), 154–184. <http://doi.org/10.1111/jsbm.12426>

Doroshenko, S.V. & Shelomentsev, A.G. (2019). Econometric assessment of the number of youth as a factor of the development of small business in regions. *Economika regiona [Economy of Regions]*, 15 (4). 1115–1128. <http://doi.org/10.17059/2019-4-12>. (In Russ.)

Foss, L., Henry, C., Ahl, H., & Mikalsen, G. H. (2019). Women's entrepreneurship policy research: A 30-year review of the evidence. *Small Business Economics*, 53 (2), 409–429. <http://doi.org/10.1007/s11187-018-9993-8>

Han, J. S., & Lee, J. W. (2020). *Demographic change, human capital, and economic growth in Korea*. Japan and the World Economy, 53, 100984. <http://doi.org/10.1016/j.japwor.2019.100984>

Jiang, Yiqi, Jiang, Zhou & Chen, Zhijun, (2024). Women entrepreneurship in China: A bibliometric literature re-view and future research agenda,» *Journal of Business Research*, Elsevier, 179 (C):114688. <http://doi.org/10.1016/j.jbusres.2024.114688>

Ledeneva V.Yu. & Mishchuk S.N. (2023). Family and business activities of women who immigrated to Russia *Uroven`zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standarts of the Population in the Regions of Russia]*, 19 (1). 25–35. http://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_2_25_35. (In Russ.)

Sever, C. (2023). Gendered laws and labour force participation. *Applied Economics Letters*, 30 (19), 2681–2687. <http://doi.org/10.1080/13504851.2022.2103078>

Verheul, I. et al (2002). An eclectic theory of entrepreneurship: policies, institutions and culture. In *Entrepreneurship: Determinants and Policy in a European-US Comparison*. (pp. 11–81). Springer, Boston, MA, 27. https://doi.org/10.1007/0-306-47556-1_2

Дорошенко Светлана Викторовна — доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором исследований адаптации региональных систем, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: doroshenkos@mail.ru).

Соломатин Ярослав Игоревич — младший научный сотрудник, Институт экономики УРО РАН; <https://orcid.org/0009-0003-0694-079X> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: yas8@mail.ru).

Svetlana V. Doroshenko — Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Research Sector of Adaptation of Regional Systems, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062> (29, Moskovskaya str., Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: doroshenkos@mail.ru).

Yaroslav I. Solomatin — Junior researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0009-0003-0694-079X> (29, Moskovskaya str., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation, e-mail: yas8@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК[330.341:316.4+314]-043.

JEL classification: J1

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-11>

Социально-экономическое развитие и демография: их взаимосвязь¹

Н. З. Зотиков

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (Чебоксары, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-5631-9123>

Автор для корреспонденции: Н.З. Зотиков (Zotikovcontrol@yandex.ru)

Аннотация. Актуальность исследования взаимосвязи социально-экономического развития и демографии обусловлена наличием между ними взаимосвязей и взаимозависимостей. Предмет исследования — процессы социально-экономического развития, анализ показателей, отражающих динамику экономического роста, занятости, воспроизводства населения. Цель исследования — установить и проанализировать, как взаимно влияют друг на друга показатели экономики и демографии. Исходные данные — данные Росстата, рейтингового агентства «РИА Рейтинг». Гипотеза — связь демографии с уровнем экономического развития, влияние экономических условий на темпы роста населения путем увеличения рождаемости. Методология — комплексный, демографический анализ показателей экономики и демографии с применением методов: анализ и синтез, группировка, обобщение, табличный и т. п. Исследованием установлено ухудшение демографической ситуации в регионах УФО, что подтверждается отставанием регионов в рейтинге качества жизни от занимаемых ими мест в рейтинге социально-экономического развития.

Ключевые слова: ВРП; численность населения; коэффициент демографической нагрузки; суммарный коэффициент рождаемости; брачность и разводимость.

Socio-Economic Development and Demography: Their Interrelationship

N. Zotikov

Chuvash State University named after I.N. Ulyanov (Cheboksary, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-5631-9123>

Corresponding author: N. Zotikov (Zotikovcontrol@yandex.ru).

Abstract. The relevance of studying the relationship between socio-economic development and demography is determined by the existence of interrelations and interdependencies between them. The subject of the study is socio-economic development processes, analysis of indicators reflecting the dynamics of economic growth, employment, and population reproduction. The objective of the study is to establish and analyze the mutual influence of economic and demographic indicators. The initial data are data from Rosstat and the RIARating rating agency. The hypothesis is the relationship between demography and the level of economic development, the influence of economic conditions on population growth rates through increased birth rates. The methodology is a comprehensive demographic analysis of economic and demographic indicators using the following methods: analysis and synthesis, grouping, generalization, tabulation, etc. The study has established a deterioration in the demographic situation in the regions of the Ural Federal District, which is confirmed by the regions lagging behind their places in the quality of life ratings in the ranking of socio-economic development.

Keywords: GRP, population size, dependency ratio, total fertility rate, marriage and divorce rate

¹ © Зотиков Н. З. Текст. 2026.

Введение

Взаимосвязь экономики и демографической ситуации проявляется в различных аспектах: демографические изменения влияют на темпы роста экономики, а состояние экономики предопределяет демографическую ситуацию в регионе.

Влияние экономического развития на демографические процессы:

- формирование благоприятных условий для укрепления института семьи и повышения рождаемости;
- стимулирование рождаемости материальной поддержкой материнства государством;
- спад экономики снижает рождаемость, реальные денежные доходы населения, увеличивается безработица.

Влияние демографических процессов на экономическое развитие:

- с увеличением рождаемости растет доля трудоспособного населения;
- с изменением возрастной структуры населения меняется экономическая активность населения;
- с увеличением доли населения пожилого возраста возрастают затраты на здравоохранение;
- старение населения влияет на финансовую устойчивость пенсионной системы.

Меры регулирования:

- демографическая политика должна учитывать взаимосвязь демографических процессов с экономическими факторами;
- экономическая политика должна учитывать демографическую тенденцию;
- урбанизация должна сочетаться с проведением обоснованной политики пространственного развития.

Практическая значимость исследования заключается в следующем: на основании официальных данных Росстата проанализированы показатели экономического развития регионов УФО (с применением показателей ВРП, ВРП на душу населения), их влияние и взаимосвязь с показателями демографии (численность населения, в том числе занятых, коэффициент демографической нагрузки, коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста населения и др.). На основании данных рейтинга качества жизни исследованы показатели демографической ситуации, используемые при ранжировании регионов по качеству жизни, их влияние на экономическое развитие регионов.

Обзор литературы

Исследуемая тема не является новой, она постоянно обсуждается, дискутируется.

Исследователи подчеркивают: «Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России не распределены равномерно, а сгруппированы в кластерные паттерны, отличающиеся по интенсивности, направленности и плотности взаимосвязей» (Безвербный и др., 2025).

П. Абдулманапов отмечает связь спроса на товары на ВВП — «увеличение спроса побуждает компании расширять производство, что создает новые рабочие места и повышает доходы населения, формируя положительный цикл экономического роста» (Абдулманапов, 2025).

Как указывают Н. Степаненкова и М. Степаненкова, динамика естественной убыли населения выглядит пугающе, в связи с чем обеспечение естественного прироста населения и развитие человеческого капитала заложены в качестве критериев эффективности государственной политики сохранения народонаселения (Степаненкова & Степаненкова, 2022).

По мнению других авторов — «стимуляция деторождения не может самостоятельно компенсировать ситуацию, поэтому меры, направленные на стабилизацию демографии, должны быть комплексными» (Хомутова и др., 2020).

М. Леденева отмечает, что меры по поддержанию материнства «должны приниматься и в отношении регионов ЮФО, УФО и ДФО, также демонстрирующих естественную убыль» (Леденева, 2023).

По мнению других аналитиков: «В некоторых регионах Дальнего Востока, Сибири, Урала, юга России рождаемость выше, но продолжается естественная убыль по причине пожилой возрастной структуры населения и низкой ожидаемой продолжительности жизни» (Безвербный и др., 2023).

И. Баранова и Д. Липухин указывают: «Для внутренней миграции в России характерна концентрация населения в мегаполисах и снижение его численности в малых городах. Для Свердловской области притягательным для мигрантов пунктом является областной центр Екатеринбург» (Баранова & Липухин, 2024).

По мнению авторов Е. Анимы и Н. Власовой, «процессы трансформации урбанистической структуры регионов УФО находятся в целом в русле общероссийских трендов и при их сохранении в долгосрочной перспективе могут приводить к достаточно серьезным диспропорциям и проблемам. Из пространственного каркаса все в большей степени выпадают сельские поселения и малые города» (Анимы & Власова, 2022).

«Качество жизни определяется комплексом показателей, относительные оценки которых могут существенно различаться. Вместе с тем выделение ключевых составляющих интегральной оценки позволяет проводить дифференцированную политику в области повышения качества жизни, акцентируя внимание на тех сферах, которые в наименьшей степени развиты в том или ином регионе» (Орешников & Низамутдинов, 2023).

Материалы и методы

Исследование основывается на официальных данных Росстата за 2010, 2015, 2020–2023 гг., данных рейтинга качества жизни, проводимого рейтинговым агентством «РИА Рейтинг». Используются методы: статистический, математические, общенаучные — анализ, синтез. Уровень социально-экономического развития регионов УФО исследован с применением показателей ВРП, ВРП на душу населения. С применением сравнительного метода проанализировано их влияние на демографические процессы в регионах, в частности, рассмотрена динамика показателей: коэффициента демографической нагрузки, коэффициента миграционного прироста, брачности, разводимости. На основании данных «РИА Рейтинг» проанализировано влияние показателей экономического развития, демографии на рейтинги регионов по качеству жизни населения.

Результаты исследования, их обсуждение

Исследование начнем с анализа показателей, характеризующих экономическое развитие регионов (таблицы 1, 2, 3).

Согласно данным таблицы 1, в 2023 г. в сравнении с 2010 г. ВВП по РФ увеличился в 4,17 раза, ВРП по УФО в 4,5 раза, в связи с чем доля ВРП УФО в ВВП по РФ увеличилась с 13,6 % до 14,7 %; ВРП на душу населения увеличился по РФ в 4,07 раза, по УФО — в 4,43 раза; показатель по УФО превышает значение показателя по РФ: в 2010 г. — на 60,5 %, в 2023 г. — на 75,1 %.

Как следует из данных таблицы 2, ВРП на душу населения по УФО повысился в 4,5 раза, в том числе по Курганской области в 3,2 раза, в ЯНАО в 6,87 раза; соотношение между максимальным значением показателя (по ХМАО-Югра)

Таблица 1

Валовый региональный продукт, млрд руб.

Годы	ВВП, ВРП, млрд руб.			ВРП на душу населения, тыс. руб.		
	РФ	УФО	Доля УФО, %	РФ	УФО	УФО в % к РФ
2010	37687,8	5118,9	13,6	263,8	423,5	160,5
2015	65750,6	9063,1	13,8	447,4	737,6	164,9
2020	94410,2	11636,0	12,4	639,2	943,3	147,6
2021	122199,0	16914,0	13,8	830,0	1374,8	165,6
2022	139504,0	19917,0	14,2	950,9	1623,0	170,7
2023	157074,0	23044,0	14,7	1073,6	1879,5	175,1
2023/ 2010, %	416,8	450,2	108,1	407,0	443,8	109,1

Источник: Валовый региональный продукт по субъектам РФ http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s_... дата обращения: 20.01.2026.

Таблица 2

ВРП в регионах УФО, млрд руб. Доля регионов в ВРП по УФО (%)

Годы	Показатели	УФО	Курганская обл.	Свердловская обл.	ХМАО-Югра	ЯНАО	Тюменская обл.	Челябинская обл.
2010	ВРП	5118,9	117,9	1046,6	1971,9	782,2	547,4	652,9
	%	100,0	2,3	20,4	38,6	15,3	10,7	12,7
2015	ВРП	9063,1	179,4	1822,8	3154,0	1791,8	905,6	1209,2
	%	100,0	2,0	20,1	34,8	19,8	10,0	13,3
2020	ВРП	11636,0	240,0	2512,0	3342,0	2767,0	1171,0	1602,0
	%	100,0	2,1	21,6	28,7	23,7	10,1	13,8
2021	ВРП	16914,0	272,0	3084,0	5700,0	4219,0	1573,0	2064,0
	%	100,0	1,6	18,2	33,8	24,9	9,3	12,2
2022	ВРП	19917,0	336,0	3443,0	6880,0	5305,0	1723,0	2228,0
	%	100,0	1,7	17,3	34,6	26,6	8,6	11,2
2023	ВРП	23044,0	380,0	4128,0	8629,0	5379,0	1938,0	2589,0
	%	100,0	1,6	18,0	37,5	23,3	8,4	11,2
2023/ 2010, %	ВРП	450,2	322,3	394,4	437,6	687,7	354,0	396,5

Источник: Валовый региональный продукт по субъектам РФ http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s_... дата обращения: 04.01.2026; дата обращения: 20.01.2026.

Таблица 3

ВРП на душу населения, тыс. руб.

Регионы	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2023/2010, %
УФО	423,5	737,6	943,3	1374,8	1623,0	1879,5	443,8
Курганская обл.	129,0	210,5	302,4	348,8	438,4	502,4	389,5
Свердловская обл.	243,3	421,1	584,4	721,1	810,0	975,7	401,0
ХМАО-Югра	н/д	1942,0	1976,0	3341,3	3995,4	4945,3	—
ЯНАО	н/д	3450,8	5433,1	8272,9	10366,2	10462,2	—
Тюменская обл.	н/д	619,4	739,2	985,8	1073,1	1202,4	—
Челябинская обл.	187,7	345,5	463,6	601,4	652,8	761,2	405,5

Источник: Валовый региональный продукт по субъектам РФ http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s_... дата обращения: 20.01.2026.

и минимальным значением (Курганская область) увеличилось с 16,7 до 22,7 раза; в ВРП по УФО доля ХМАО-Югра уменьшилась с 38,6 % до 37,5 %, доля Свердловской области — с 20,4 % до 18,0 %, доля Тюменской области — с 10,7 % до 8,4 %, Челябинской области — с 12,7 % до 11,2 %, увеличилась доля ЯНАО с 15,3 % до 23,3 %, незначительной остается доля Курганской области (1,6 %).

ВРП на душу населения повысился по УФО в 4,43 раза, показатель по всем регионам, за исключением ХМАО-Югра и ЯНАО, меньше значения показателя по округу; ВРП на душу населения превышает среднее значение по округу по ЯНАО в 4,6 раза в 2015 г., в 5,5 раза — в 2023 г., по ХМАО-Югра — в 2,6 раза; показатель по Курганской области составляет 30,5 % в 2010 г. и 26,7 % в 2023 г. от показателя по УФО. Данные о численности населения, трудовых ресурсах приведены в таблице 4.

Согласно данным таблицы 4, в 2023 г. в сравнении с 2010 г. численность населения РФ увеличилась на 2,2 %, по УФО на 1,5 %, при этом доля населения УФО в численности населения по РФ уменьшилась с 8,5 % до 8,4 %; численность населения в Курганской области понизилась на 17,2 %, по ХМАО-Югра повысилась на 14,4 %, в Тюменской области — на 20,3 %. Темп прироста численности населения в 2023 г. имеет отрицательное значение в РФ, УФО, в том числе в Курганской, Свердловской, Челябинской областях.

Численность населения в трудоспособном возрасте уменьшилась по РФ на 5,7 %, в УФО — на 7,6 %, в том числе в Курганской области — на 10,7 %, ХМАО-Югра — на 10,5 %, в Тюменской области — на 10,7 %. Среднегодовая численность занятых увеличилась по РФ на 2,0 %, по УФО уменьшилась на 0,2 %, в том числе в Курганской области — на 19,4 %, по ХМАО-Югра увеличилась на 7,6 %, в ЯНАО — на 5,5 %. Коэффициент демографической нагрузки повысился по РФ на 15,8 %, по УФО — на 22,0 %, в том числе по Курганской области — на 29,5 % (в 2023 г. по Курганской области на 1 000 чел. работающих приходилось 905 чел. неработающих), по ХМАО-Югра — на 37,5 %, в Тюменской области — на 31,2 %, ЯНАО — на 29,7 %. Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел. уменьшился по РФ с 19 до 14, увеличился по УФО с (–12) до 22, ХМАО — с 8 до 121. Уровень безработицы понизился по РФ с 4,0 % до 0,6 %, по УФО — с 4,3 % до 0,5 %, во всех регионах округа в 2023 г. показатель менее 0,6 %.

Как указывают И. Безбородов и Н. Кремлев, «проблема медленно снижающейся безработицы актуальна для экономики Курганской области, она усугубляется в связи

Таблица 4

Численность населения, показатели занятости, демографической нагрузки

Регионы	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2023/ 2010, %
Численность населения, тыс. чел.							
РФ	142865,0	147182,0	147455,0	146980,0	146447,0	146150,0	102,2
УФО	12087,0	12302,0	12319,7	12285,3	12259,1	12262,3	101,5
Курганская область	908,8	846,8	788,4	772,3	751,6	753,0	82,8
Свердловская область	4297,3	4329,7	4289,4	4263,7	4239,1	4222,7	98,3
ХМАО-Югра	1537,2	1632,0	1698,2	1713,8	1730,4	1759,4	114,4
ЯНАО	524,9	514,3	508,8	511,2	512,4	516,0	98,3
Тюменская область	1343,2	1477,2	1589,4	1602,7	1608,5	1615,4	120,3
Челябинская область	3475,8	3502,0	3445,5	3421,6	3407,1	3395,8	97,7
Население в трудоспособном возрасте (в % от общей численности населения)							
РФ	61,5	57,5	56,2	57,4	57,0	58,0	94,3
УФО	62,3	57,7	56,0	57,0	56,6	57,6	92,4
Курганская область	58,8	53,0	50,6	51,8	51,3	52,5	89,3
Свердловская область	60,9	56,4	55,1	56,3	55,9	56,9	93,4
ХМАО-Югра	68,8	63,8	60,6	61,5	60,9	61,6	89,5
ЯНАО	70,1	66,6	63,9	64,5	63,8	64,3	91,7
Тюменская область	63,0	58,0	55,3	56,2	55,7	56,5	89,7
Челябинская область	60,7	56,4	55,1	56,2	55,9	56,9	93,7
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.							
РФ	71493,1	72424,9	69550,3	70817,9	71216,9	72911,8	102,0
УФО	6458,3	6425,9	6177,7	6310,9	6256,7	6448,6	99,8
Курганская область	383,1	359,8	309,8	302,8	306,1	308,6	80,6
Свердловская область	2174,7	2137,9	1954,9	2024,0	2017,4	2095,2	96,3
ХМАО-Югра	1023,5	1037,4	1066,1	1086,9	1070,6	1101,9	107,6
ЯНАО	387,7	393,8	417,2	424,1	416,2	409,2	105,5
Тюменская область	758,8	778,6	712,7	726,5	725,5	747,4	98,5
Челябинская область	1730,5	1718,3	1717,0	1746,8	1720,9	1786,3	103,2
Коэффициент демографической нагрузки (на 1 000 чел. трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособного возраста)							
РФ	626	739	778	742	756	725	115,8
УФО	604	734	787	753	767	737	122,0
Курганская область	699	886	975	932	951	905	129,5
Свердловская область	641	774	814	776	790	758	118,3
ХМАО-Югра	453	581	650	625	643	623	137,5
ЯНАО	428	501	565	549	568	555	129,7
Тюменская область	586	725	807	780	796	769	131,2
Челябинская область	648	774	816	780	790	757	116,8

Окончание табл. 4 на след. стр.

Окончание табл. 4

Регионы	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2023/ 2010, %
Коэффициент миграционного прироста на 10 000 чел. населения							
РФ	19	28	13	39	4,00	14	—
УФО	–12	2	7	24	–1,00	22	—
Курганская область	–76	–100	–59	–86	–88,00	–29	—
Свердловская область	–17	3	7	19	–12,00	3	—
ХМАО-Югра	8	–5	37	60	50,00	121	—
ЯНАО	–88	–307	–99	–19	–54,00	–5	—
Тюменская область	43	154	66	102	32,00	36	—
Челябинская область	–8	10	–4	9	0,05	6	—
Уровень безработицы, %							
РФ	4,0	4,0	3,2	1,0	0,8	0,6	—
УФО	4,3	3,3	2,5	1,0	0,7	0,5	—
Курганская область	7,6	6,3	4,7	1,9	1,3	0,5	—
Свердловская область	4,1	3,5	2,4	1,1	0,8	0,6	—
ХМАО-Югра	2,6	2,0	1,8	0,5	0,4	0,3	—
ЯНАО	2,1	1,6	1,5	0,5	0,4	0,3	—
Тюменская область	4,4	4,0	3,1	0,5	0,4	0,3	—
Челябинская область	4,9	3,1	2,4	1,1	0,8	0,6	—

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. Р 32 Стат. сб. / Росстат, — М. 2024, — 1081 demoscope.ru/weekly/2025/01061/biblio03.php; дата обращения: 20.01.2026.

с недостающими дотациями государства и преобладанием сельскохозяйственной специализации» (Безбородов & Кремлев, 2024).

На численность населения влияют показатели рождаемости, смертности (табл. 5). Как следует из данных таблицы 5, в 2023 г. в сравнении с 2010 г.:

— коэффициент рождаемости уменьшился по РФ с 12,5 до 8,6, по УФО — с 14,1 до 9,6 (УФО занимало третье место в 2023 г.); уменьшение показателя имеет место во всех регионах округа, в том числе по ХМАО-Югра с 16,4 до 10,8, (11 место в 2023 г.), Свердловской области — с 13,4 до 9,1 (26 место);

— коэффициент смертности уменьшился по РФ с 14,2 до 12,1, УФО с 13,0 % до 11 %, в том числе увеличился по Курганской области с 16,0 до 16,4; коэффициент естественного прироста населения в 2023 г. имеет отрицательное значение: по РФ (–3,5), УФО (–1,9 — второе место в 2023 г.), в Курганской области (–8,5), Свердловской (–4,2), Челябинской (–3,9);

— суммарный коэффициент рождаемости составил по РФ в 2023 г. 1,410, уменьшился на 10,0 %, по УФО — на 7,2 %, в том числе в Челябинской области на 11,0 %, повысился лишь в ЯНАО на 9,0 %; коэффициент младенческой смертности уменьшился по РФ с 7,5 до 4,2, по УФО — с 6,7 до 4,0 (третье место в 2023 г.), в том числе по ЯНАО — с 12,2 до 4,1 (35 место), по ХМАО-Югра — с 4,3 до 3,0 (шестое место); ожидаемая продолжительность жизни увеличилась по РФ до 73,4 года, по УФО — до 72,88 (пятое место в 2023 г.), в том числе в ХМАО-Югра — до 76,32 года (6 место), Курганской области — до 69,79 (76 место).

Таблица 5

Общий коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, коэффициент естественного прироста населения (на 1 000 чел. населения)

Регионы	коэффициент	2010	2015	2020	2021	2022	2023
РФ	рождаемости	12,5	13,20	9,70	9,5	8,9	8,6
	смертности	14,2	13,00	14,50	16,6	12,9	12,1
	ест. прирост	−1,7	0,20	−4,80	−7,1	−4,0	−3,5
УФО	рождаемости	14,1	14,80	10,60	10,5	9,8	9,6
	смертности	13,0	12,50	13,90	15,7	12,1	11,5
	ест. прирост	1,1	2,30	−3,30	−5,2	−2,3	−1,9
Курганская область	рождаемости	12,9	13,60	9,40	9,3	8,2	7,9
	смертности	16,0	16,40	18,00	21,3	16,4	16,4
	ест. прирост	−3,1	−2,80	−8,60	−12,0	−8,2	−8,5
Свердловская область	рождаемости	13,4	14,40	10,20	10,1	9,4	9,1
	смертности	14,3	14,10	15,70	18,0	13,9	13,3
	ест. прирост	−0,9	0,30	−5,50	−7,9	−4,5	−4,2
ХМАО-Югра	рождаемости	16,4	16,50	12,20	11,5	11,1	10,8
	смертности	6,8	6,40	7,60	8,5	6,5	6,2
	ест. прирост	9,6	10,10	4,60	3,0	4,6	4,6
ЯНАО	рождаемости	15,8	17,20	13,80	13,6	13,2	12,9
	смертности	5,5	5,40	6,50	6,8	5,5	5,5
	ест. прирост	10,3	11,80	7,30	6,8	7,7	7,4
Тюменская область	рождаемости	15,8	16,50	11,90	11,6	11,1	10,7
	смертности	12,9	11,40	11,90	13,5	10,7	9,9
	ест. прирост	2,9	5,10	0,04	−1,9	0,4	0,8
Челябинская область	рождаемости	13,4	13,90	9,60	9,7	9,1	8,9
	смертности	14,4	13,90	15,90	17,6	13,3	12,8
	ест. прирост	−1,0	0,02	−6,30	−7,9	−4,2	−3,9
Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину)							
РФ	1,567	1,777	1,505	1,505	1,416	1,410	90,0
УФО	1,714	1,965	1,626	1,643	1,594	1,590	92,8
Курганская область	1,787	2,123	1,631	1,629	1,684	1,642	91,9
Свердловская область	1,668	1,945	1,598	1,617	1,557	1,551	93,0
ХМАО-Югра	1,814	2,073	1,785	1,737	1,669	1,659	91,4
ЯНАО	1,785	2,188	1,903	1,894	1,916	1,946	109,0
Тюменская область	1,819	2,064	1,770	1,784	1,720	1,716	94,4
Челябинская область	1,652	1,843	1,475	1,533	1,468	1,471	89,0

Окончание табл. 5 на след. стр.

Регионы	коэффициент	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Коэффициент младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми)							
РФ	7,5	6,5	4,5	4,6	4,4	4,2	Место в 2023 г.
УФО	6,7	5,8	4,0	4,0	4,2	4,0	3
Курганская область	8,7	5,7	6,2	5,2	6,2	4,6	58
Свердловская область	6,1	5,5	4,1	4,0	4,7	4,2	41
ХМАО-Югра	4,3	5,0	3,6	3,8	3,2	3,0	6
ЯНАО	12,2	7,3	3,6	4,6	3,5	4,1	35
Тюменская область	6,1	6,0	3,7	3,1	3,8	3,8	29
Челябинская область	7,6	6,5	4,0	4,3	4,2	4,5	51
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)							
РФ	68,84	71,39	71,54	70,06	72,73	73,4	Место в 2023 г.
УФО	68,82	70,38	70,81	69,61	72,41	72,88	5
Курганская область	67,66	69,03	69,94	68,29	69,88	69,79	76
Свердловская область	68,21	69,83	70,15	68,79	71,31	71,84	50
ХМАО-Югра	70,30	72,58	72,87	72,01	75,41	76,32	6
ЯНАО	70,05	71,70	71,91	71,70	74,82	75,30	12
Тюменская область	68,12	70,58	71,34	70,14	73,59	74,39	18
Челябинская область	68,41	69,90	70,29	69,16	72,16	72,43	39

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024 Р 32 Стат. сб. / Росстат, — М. 2024, — 1081 demoscope.ru/weekly/2025/01061/biblio03.php; дата обращения: 20.01.2026.

Согласно данным таблицы 6, в 2023 г. в сравнении с 2010 г. коэффициент брачности уменьшился по РФ с 8,5 до 6,5, по УФО — с 9,4 до 7. Показатель снижается во всех регионах округа.

Коэффициент разводимости увеличился по РФ с 4,5 до 4,7, по УФО уменьшился с 5,3 до 5,2, в том числе увеличился в Курганской области с 5,0 до 5,2; Свердловской области — с 4,7 до 5,1. Если в 2010 г. на 1 000 браков приходилось по РФ 526 разводов, то в 2023 г. — 723 развода, по УФО соответственно 562 и 746, в том числе по Курганской области — 552 и 881 ед., ХМАО-Югра — 625 и 855 ед. Причем соотношение браков и разводов увеличивается во всех регионах УФО.

Показатели демографии в числе других учитываются агентством «РИА Рейтинг» при проведении рейтинга по качеству жизни. Как показывают данные таблицы 7,

места Курганской области в рейтинге по показателям демографии соответствуют позициям области в рейтинге качества жизни (места в восьмом десятке).

По показателю «коэффициент естественного прироста населения» ХМАО-Югра, ЯНАО, Тюменская область занимают лучшие позиции, чем в рейтинге качества жизни в целом, при этом по показателю «миграционный прирост населения» ХМАО-Югра переместился с 46 места в 2020 г. на 10 место в 2023 г., ЯНАО остался на прежнем уровне (47 место).

По миграционному приросту лучшие показатели имеют Тюменская и Свердловская области.

Позиции Свердловской, Челябинской областей в рейтинге качества жизни более высокие, чем в рейтинге по показателям демографии.

Таблица 6

Общие коэффициенты брачности, разводимости (на 1 000 чел. населения)

Регионы	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Общие коэффициенты брачности						
РФ	8,5	7,9	5,2	6,3	7,2	6,5
УФО	9,4	8,4	5,5	6,7	7,7	7,0
Курганская область	9,0	7,5	5,0	5,8	6,8	5,9
Свердловская область	9,0	8,5	5,6	6,9	8,1	7,2
ХМАО-Югра	11,3	9,2	5,8	7,2	7,4	6,7
ЯНАО	9,8	9,2	6,0	7,5	8,3	7,4
Тюменская область	10,5	8,4	5,5	6,7	7,9	7,4
Челябинская область	8,7	7,9	5,4	6,4	7,4	6,8
Общие коэффициенты разводимости						
РФ	4,5	4,2	3,7	4,4	4,7	4,7
УФО	5,3	4,8	4,4	5,2	5,1	5,2
Курганская область	5,0	4,8	4,6	5,3	5,1	5,2
Свердловская область	4,7	4,5	4,4	5,2	5,1	5,1
ХМАО-Югра	7,1	5,7	4,3	5,1	5,3	5,7
ЯНАО	6,7	5,9	5,0	5,6	5,4	5,9
Тюменская область	4,9	4,7	4,1	4,4	4,9	5,0
Челябинская область	5,2	4,6	4,6	5,3	5,1	5,0
Соотношение браков и разводов (на 1 000 браков количество разводов)						
РФ	526	527	733	698	648	723
УФО	562	573	802	765	667	746
Курганская область	552	643	918	909	799	881
Свердловская область	524	536	776	757	629	713
ХМАО-Югра	625	613	746	710	716	855
ЯНАО	682	647	828	743	645	795
Тюменская область	470	554	743	655	617	681
Челябинская область	599	581	863	835	696	732

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. Р 32. Стат. сб. /Росстат, — М. 2024, — 1081 demoscope.ru/weekly/2025/01061/biblio03.php; дата обращения: 20.01.2026.

Таблица 7

Места регионов УФО в рейтинге качества жизни по показателям демографии

Показатель	Годы	Курган- ская обл.	Свердлов- ская обл.	ХМАО- Югра	ЯНАО	Тюменская обл.	Челябин- ская обл.
Коэффициент естественного прироста (убыли) населения	2020	66	42	6	5	15	50
	2021	64	46	6	5	13	45
	2022	63	41	6	5	11	34
	2023	74	38	6	5	12	35
Миграционный прирост (убыль) населения	2020	68	19	46	48	6	60
	2021	71	17	19	44	9	31
	2022	73	19	16	49	8	48
	2023	71	19	10	47	8	26
Изменение численности населения за 3 года	2020	81	31	14	15	5	41
	2021	80	30	11	13	5	43
	2022	84	33	9	13	10	39
	2023	85	35	4	13	9	32
Место региона в рейтинге качества жизни (в целом)	2020	79	15	9	11	14	25
	2021	77	13	8	15	16	25
	2022	77	14	9	17	16	24
	2023	77	15	8	21	16	20

Источник: Рейтинг регионов по качеству жизни — 2024 | Инфографика [riarating.ru](http://riarating.ru/infografika/20250217/630276667.html)
infografika/20250217/630276667.html дата обращения: 20.01.2026.

Заключение

Проведенное исследование показало значительную долю регионов УФО в показателях по РФ: при доле в численности населения 8,4 % доля округа в ВВП составляет 14,7 % в 2023 г., ВРП на душу населения в УФО выше показателя по РФ более чем на 60 %. В ВРП округа значительна доля ХМАО-Югра (около 40 %), ЯНАО (15–23 %), Свердловской области (около 20 %), незначительна доля Курганской области (менее 2,0 %).

ВРП на душу населения по ЯНАО выше значения по УФО почти в пять раз, ХМАО-Югра — почти в три раза, по Курганской области — не более 30 %.

Демографическая ситуация в УФО неблагоприятная: численность населения снижается (кроме ХМАО, Тюменской области), уменьшается численность населения в трудоспособном возрасте, увеличивается коэффициент демографической нагрузки, коэффициент смертности превышает коэффициент рождаемости, уменьшается суммарный коэффициент рождаемости, увеличивается соотношение браков и разводов.

Все это приводит к тому, что места регионов в рейтинге качества жизни уступают их позициям в рейтинге социально-экономического развития.

Список источников

Абдулманапов, П. Г. (2025). Взаимосвязь демографического и социально-экономического развития региона. В *Факторы и механизмы демографического развития: сборник научных статей* (с. 189–200). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 832. <http://doi.org/10.17059/udf-2025-2-1>

Анимица, Е. Г., Власова, Н. Ю. (2022). Тенденции трансформации урбанистической структуры Урала. В *Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования: материалы Международной научной конференции (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО), Тюмень, 12–17 сентября 2022 года.* (с. 518–523). Тюмень: ТюмГУ-Press, 770. EDN: CNNMLQ

Баранова, И. С., Липухин, Д. Н. (2024). Динамика медико-демографических процессов на территории Свердловской области. В *III-й международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»: Материалы форума, Воронеж, 23–25 мая 2024 года.* (с. 55–60). Воронеж: Цифровая полиграфия, 2024. EDN: KFNIMR

Безбородов, И. А., Кремлев Н. Д. (2024). Безработица как отражение активности трудового поведения населения в условиях современных вызовов. *Национальная Ассоциация Ученых*, 98(1), 63–70. <http://doi.org/10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.98.853>

Безвербный, В. А., Микрюков Н. Ю., Мирязов Т. Р., Лукашенко Е. А. (2023). Естественное движение населения в российских регионах: факторы, динамика, перспективы регулирования. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 3(4), 37–58. EDN: RLXMVR

Безвербный, В. А., Ростовская Т. К., Ситковский А. М., Рославцев С. В. (2025). Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России. *Уровень жизни населения регионов России*, 21(4), 602–617. http://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617

Леденева, М. В. (2023). Состояние демографической ситуации в регионах России: рейтинговый анализ. *Парадигмы управления, экономики и права*, 2(8), 44–53. EDN: PTCPLL

Орешников, В. В., Низамутдинов, М. М. (2023). Оценка качества жизни населения в регионах Российской Федерации. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*, 9(3(35)), 192–213. <http://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-3-192-213>

Степаненкова, Н. М., Степаненкова, М. А. (2022). Оценка влияния социально-экономических факторов на демографические процессы в Российской Федерации. *Креативная экономика*, 16(2), 771–786. <http://doi.org/10.18334/ce.16.2.114233>

Хомутова, А. А., Давыденко, Н.Б., Башмакова, Н. В., Мальгина, Г. Б., Репалова, Е. Ю., Денисов А. А. (2020). Демографические тенденции в Уральском федеральном округе на современном этапе. *Уральский медицинский журнал*, 6(189), 5–11. <http://doi.org/10.25694/URMJ.2020.06.18>

References

Abdulmanapov, P. G. (2025). Interrelationship between demographic and socio-economic development of the region. In *Faktozy i mexanizmy demograficheskogo razvitiya: sbornik nauchnyx statej [Factors and mechanisms of demographic development: a collection of scientific articles]* (pp. 189–200). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 832. <http://doi.org/10.17059/udf-2025-2-1> (In Russ.)

Animitsa, E. G. & Vlasova, N. Y. (2022). Trends of the Urals urban structure transformation. In *Tendencii prostranstvennogo razvitiya sovremennoj Rossii i priority ego regulirovaniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (XIII Ezhegodnaya nauchnaya Assambleya ARGO), Tyumen', 12–17 sentyabrya 2022 goda [Trends of spatial development of modern Russia and the priorities of its regulation: proceedings of the International Scientific Conference (XIII Annual Scientific Assembly of ARGO), Tyumen, September 12–17, 2022].* (pp. 518–523). Tyumen: TSU-Press, 770. EDN: CNNMLQ (In Russ.)

Baranova, I. S. & Lipukhin, D. N. (2024). Dynamics of medical and demographic processes in the Sverdlovsk region. In *III-j mezhdunarodnyj demograficheskij forum Demografiya i global'ny'e*

vy`zovy`: *Materialy` foruma, Voronezh, 23–25 maya 2024 goda [III International Demographic Forum “Demography and Global Challenges”: Proceedings of the Forum, Voronezh, May 23–25, 2024]*. (pp. 55–60). Voronezh: Digital polygraph, 943. EDN: KFNIMR (In Russ.)

Bezborodov, I. A. & Kremlev, N. D. (2024). Unemployment as a reflection of the active labor behavior of the population in the context of modern challenges. *Nacionalnaya Associaciya Uchenyx [National Association of Scientists]*, 98(1), 63–70. <http://doi.org/10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.98.853> (In Russ.)

Bezverbny, V. A., Mikryukov N. Yu., Miryazov T. R., & Lukashenko E. A. (2023). Natural population change in Russian regions: factors, dynamics, prospects. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]*, 3(4), 37–58. EDN: RLXMVR (In Russ.)

Bezverbny, V.A., Rostovskaya T.K., Sitkovsky A.M., & Roslavtsev S.V. (2025). THE interrelationship of demographic and socio-economic indicators of regional development in Russia. *Uroven zhizni naseleniia regionov Rossii [Living Standarts of the Population in the Regions of Russia]*, 21(4), 602–617. http://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617 (In Russ.)

Ledeneva, M. V. (2023). The state of the demographic situation in the regions of Russia: rating analysis. *Paradigmy upravleniia, ekonomiki i prava [Paradigms of management, economics and law]*, 2(8), 44–53. EDN: PTCPLL (In Russ.)

Oreshnikov, V. V. & Nizamutdirov, M. M. (2023). Assessment of the quality of life in the regions of the Russian Federation. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research]*, 9(3(35)), 192–213. <http://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-3-192-213> (In Russ.)

Stepanenkova, N. M. & Stepanenkova, M. A. (2022). Assessment of the socio-economic factors impact on demographic processes in the Russian Federation. *Kreativnaia ekonomika [Creative Economy]*, 16(2), 771–786. <http://doi.org/10.18334/ce.16.2.114233> (In Russ.)

Khomutova, A.A., Davydenko, N.B., Bashmakova, N.V., Malgina, G.B., Repalova, E.Yu., & Denisov A.A. (2020). Demographic background in the Ural Federal district. *Uralskii meditsinskii zhurnal [Ural Medical Journal]*, 6(189), 5–11. <http://doi.org/10.25694/URMJ.2020.06.18> (In Russ.)

Зотиков Николай Зотикович — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и экономической безопасности, ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»; <https://orcid.org/0000-0001-5631-9123> (Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 15 e-mail: Zotikovcontrol@yandex.ru).

Nikolay Z. Zotikov, PhD (Econ.), Associate Professor, Department of Finance, Credit, and Economic Security, I.N. Ulyanov Cheboksary State University; <https://orcid.org/0000-0001-5631-9123> (15, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russian Federation, e-mail: Zotikovcontrol@yandex.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 311.314

JEL classification: Y91, R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-12>

Моделирование пространственно-временных изменений численности населения юга Тюменской области¹

Д. Е. Ковзалин^а, Ю. В. Петров^б

^а Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия).

<https://orcid.org/0009-0007-2648-6490>

^б Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-2443-9750>

Автор для корреспонденции: Ю. В. Петров (petrov19811201@gmail.com)

Аннотация. *Гипотеза: на юге Тюменской области наблюдается неравномерное распределение населения в крупных центрах и на периферии региона. Предмет исследования — пространственно-временной анализ населения. Исходные данные — статистические данные Федеральной службы государственной статистики и материалы NextGIS. Цель работы — выявить закономерности в распределении населения на юге Тюменской области на протяжении 11 лет. Научный вклад заключается в использовании современных геоинформационных картографических систем для анализа динамики населения в конкретной части Тюменской области и за конкретный период времени. Методикой работы является пространственно-временной анализ с построением карты горячих и холодных точек. Область применения результатов — возможное составление прогноза демографической ситуации на территории изучаемого региона, а также предложение рациональных вариантов решений в области социально-экономического планирования. Результат работы — карта «Изменение численности населения юга Тюменской области в период с 2012 по 2023 гг.». В выводах обращается внимание на зависимость численности населения от географической доступности населенных пунктов, а также на неравномерное развитие южной части Тюменской области в целом.*

Ключевые слова: изменение численности населения; юг Тюменской области; демографическая ситуация; динамика населения; Уватский район.

Modeling of Spatio-Temporal Changes in the Population of the South of the Tyumen Region

D. Kovzalin^а, Yu. Petrov^б

^а Tyumen State University (Tyumen, Russia).

<https://orcid.org/0009-0007-2648-6490>

^б Tyumen State University (Tyumen, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-2443-9750>

Corresponding author: Yu. Petrov (petrov19811201@gmail.com)

Abstract. *Hypothesis — In the southern Tyumen region, there is an uneven population distribution between major centers and the region's outskirts. The study's subject is a spatial-temporal population analysis. The initial data are statistical data from the Federal State Statistics Service and NextGIS data. The aim of this study is to identify patterns in population distribution in the southern Tyumen region over an 11-year period. The method of work is a spatio-temporal analysis with the construction of a map of "hot" and "cold" spots. The results can be used to forecast the demographic situation in the region under study and propose rational solutions for socioeconomic planning. The resulting map is «Population changes in the southern Tyumen region from 2012 to 2023.» The conclusions draw attention to dependence of population size on the geographical accessibility of settlements, as well as the uneven development of the southern part of Tyumen region as a whole.*

¹ © Ковзалин Д. Е., Петров Ю. В. Текст. 2026.

Keywords: population change; south of Tyumen region; demographic situation; population dynamics; Uvatsky district.

Введение

Население в целом является основополагающим компонентом любого региона или государства. Изучение движения населения, его численности и размещения необходимо для планирования стратегий политического и социально-экономического развития страны. Исследование населения следует выполнять в разрезе пространства и времени, так как население является территориально динамичным и подвержено значительным изменениям во времени. Выявление закономерностей посредством пространственно-временного анализа динамики населения позволит составить прогноз демографической ситуации на будущее и предложить рациональные варианты решений в области социально-экономического планирования.

Актуальность исследования обуславливается важностью для любой территории такого компонента, как население, и его постоянно меняющейся динамикой, которую необходимо регулярно исследовать. Одной из быстро развивающихся и требующих грамотного планирования территорий является юг Тюменской области, на примере которого и будет проводиться данное исследование. Кроме этого, единственным муниципальным образованием субъекта Российской Федерации, в котором осуществляется добыча нефти, является именно Тюменская область (как вся в целом, так и отдельно ее южная часть). Активная добыча ведется с начала XXI в. и по сегодняшний день, что приводит к трансформации селитебной структуры, изменения которой необходимо систематически отслеживать. Также внимание будет уделено Уватскому району, который является главным нефтеносным муниципальным объектом юга Тюменской области.

Целью данной статьи является попытка объяснить зависимость между численностью населения и разными областями изучаемой территории с 2012 по 2023 гг.

Задачами исследования являются:

1. Выявление основных особенностей демографической ситуации на территории юга Тюменской области и составление характеристики населения изучаемого региона.
2. Оценка методик картографирования динамики численности населения, а также сбор и организация данных, необходимых для картографирования численности населения изучаемой территории.
3. Построение модели изменения численности населения юга Тюменской области посредством создания карты «Изменение численности населения юга Тюменской области в период с 2012 по 2023 гг.» и выполнение анализа возникновения горячих и холодных точек.

Обзор литературы

Выявлением причин и анализа демографической ситуации регионов России и других государств занимаются множество авторов. Каждый из них подбирает собственные методики, изучает предпосылки демографической ситуации, характерной для региона, получает разные результаты исследований. Из отечественных работ можно выделить «Геоинформационное картографирование динамики

населения региона» А. Н. Воробьева, в которой проводился пространственно-временной анализ Иркутской области методами расчета плотности населения по ареалам расселения в сочетании с ночной космической съемкой (Воробьев, 2019). Данная методика не в полной мере доступна для реализации по причине отсутствия достаточного количества информационных ресурсов. А. В. Шелудков в своем исследовании «Трансформация сельского расселения Тюменской области в постсоветский период» изучал динамику сельского населения Тюменской области с помощью методов кластерного и сетевого анализа (Шелудков, 2020). Была предпринята попытка реализации данной методики, но полученный результат оказался не удовлетворительным. В работе «Особенности пространственного развития Байкальского региона: демографический аспект» за авторством Л. Р. Слепнёвой, З. Б. Д. Дондокова, А. В. Шангиной производился анализ данных социально-экономических показателей, влияющих на развитие Байкальского региона (Слепнёва и др., 2025). Такими показателями являлись ВРП, коэффициент Джини, естественный и миграционный приросты, уровень безработицы. Данный подход подразумевает выявление причин изменения, в первую очередь, именно экономической ситуации в регионе, что не совсем применимо к тематике текущей статьи. Другим примером подобных исследований является статья П. В. Дружинина «Влияние динамики населения периферии регионов на экономический рост: пространственные особенности», в которой производилось нахождение возможной связи между показателями ВРП и показателями, характеризующими столицу и периферию регионов России (численность населения, удельное количество студентов, уровень инновационной активности, средняя зарплата, расположение самого региона, миграционные процессы, структура экономики региона и другие) путем построения регрессионных уравнений и графиков (Дружинин, 2025). Результаты получились статистически обоснованным, однако объединение нескольких регионов в макрорегионы несколько обобщило их, что не сочетается с изучением конкретной территории — юга Тюменской области. В исследовании Н. М. Межевича, Д. И. Олифира «Сравнительный анализ территориального опорного каркаса расселения в приморских регионах (на примере Санкт-Петербургского региона и Калининградской области)» с помощью программного комплекса Golden Software Surfer 20 оцифровывались контуры исследуемых регионов, а потом на основе абсолютных значений численности населения в городских населенных пунктах построены картографические модели с изолиниями, отражающими поля пространственной структуры городского расселения (Межевич & Олифир, 2023). Также рассчитывались коэффициенты Энгеля и Гольца, которые продемонстрировали степень развития транспортных сетей Ленинградской и Калининградской областей и возможность для преодоления их моноцентричности. В работе Д. И. Олифира «Сравнительный анализ пространственных структур Московской и Санкт-Петербургской агломераций» строились похожие картографические модели с изолиниями, но уже для городских агломераций Москвы и Санкт-Петербурга, находились причины изменения численности населения и количества городов путем анализа, соответствующих статистических данных и построения гистограмм (Олифир, 2022). Методики этих двух работ вполне применимы к текущему исследованию, за исключением того, что в них

не учитываются крупные сельские населенные пункты. Это может повлиять на конечный результат исследования, особенно на территории юга Тюменской области, где присутствуют исключительно сельские муниципальные районы.

Что касается зарубежных работ, то в статье «Изменение пространственных паттернов в динамике населения Германии: горячие и холодные точки на местнo-уровневом уровне, 1990–2019» авторы Tim Leibert и Manuel Wolff рассмотрели исторические предпосылки развития демографической ситуации в Германии на местном уровне, провели пространственно-временной анализ и нанесли результаты на карту методом горячих и холодных точек (Leibert & Wolff, 2022). Заявлено, что исследователями были получены данные на местном уровне, доступ к которым ограничен. По этой причине в текущей работе задействованы только отдельные компоненты этой методики.

Материалы и методы исследования

В ходе работы была составлена общая характеристика населения юга Тюменской области для контекстного понимания демографической ситуации в регионе. Так как Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ являются равноправными субъектами Федерации, то они должны полноценно изучаться отдельно. По этой причине исследование проводилось исключительно в пределах юга Тюменской области.

Для построения картографической модели были получены полигональные, линейные и точечные данные (пространственные объекты) с официального сайта NextGIS в формате shape-файлов. В проекте ArcGIS Pro была добавлена базовая карта «Light Gray Base», а пространственные данные помещены в заранее созданную базу геоданных. Так как объекты представлялись в общем виде, то сначала проводилось их редактирование (генерализация, выбор наиболее подходящей базовой цветовой схемы). После произведен перенос данных по численности населения Федеральной службы государственной статистики в таблицу атрибутов слоя с поселениями юга Тюменской области. В этой же таблице была создана колонка, в которой в последующем использован инструмент «Вычислить поле» для расчета изменений численности населения для каждого поселения по формуле (1).

$$(\text{Нас}_{2023} - \text{Нас}_{2012}) / \text{Нас}_{2012} \cdot 100, \quad (1)$$

где Нас_{2023} — численность населения за 2023 год; Нас_{2012} — численность населения за 2012 год.

Далее в настройках слоя на основе встроенной в ArcGIS Pro красно-пурпурной цветовой схемы была создана собственная, которая наглядно и интуитивно понятно показывала рассчитанный результат на карте. В завершение подписаны водные объекты и крупные населенные пункты, оформлена легенда, на которой отображены основные картографические элементы (масштаб, название, условные обозначения, надписи-сноски).

Для проверки статистической значимости полученного результата использовался инструмент «Анализ горячих точек (Getis-Ord Gi*)» в составе ArcGIS Pro. У инструмента есть тонкая настройка под различные ситуации. Было проведено

несколько вариаций процесса с различными параметрами. Результат с наилучшей z-оценкой (оценкой значимости) отмечается в методе «Полоса фиксированных расстояний», который и был использован для проведения анализа.

Результаты

В состав юга Тюменской области входят 22 района и 6 городских округов. Плотность населения юга Тюменской области составляет 10,1 чел. на 1 км². Территория характеризуется средней заселенностью с большой контрастностью вблизи крупных центров (городских округов), автодорог федерального, регионального и областного значений, а также железнодорожных путей. Общая картина размещения населения по югу Тюменской области представлена в таблице 1.

Таблица 1

Размещение населения юга Тюменской области в 2012, 2016, 2020 и в 2023 гг.

Наименование городских округов и районов	Всё население, человек				% к общей численности			
	2012	2016	2020	2023	2012	2016	2020	2023
Юг Тюменской области	1361642	1454626	1601940	1608494	100	100	100	100
Городские округа								
Голышмановский	—	—	23634	23429	—	—	1,48	1,46
Заводоуковский	46079	46760	47626	47461	3,38	3,21	2,97	2,95
Ишим	64883	65521	67614	67317	4,77	4,50	4,22	4,19
Тобольск	102042	102019	103709	103175	7,49	7,01	6,47	6,41
Ялуторовск	37024	39399	38853	38882	2,72	2,71	2,43	2,42
Тюмень	632587	720575	847488	855618	46,46	49,54	52,90	53,19
Муниципальные районы								
Абатский	18631	17303	19057	18783	1,37	1,19	1,19	1,17
Армизонский	9771	9274	9513	9353	0,72	0,64	0,59	0,58
Аромашевский	11799	10957	10648	10350	0,87	0,75	0,66	0,64
Бердюжский	11211	10907	11034	10877	0,82	0,75	0,69	0,68
Вагайский	21870	21092	18275	17943	1,61	1,45	1,14	1,12
Викуловский	16059	15579	15082	14843	1,18	1,07	0,94	0,92
Голышмановский	26379	26056	—	—	1,94	1,79	—	—
Исетский	25819	25770	26154	26041	1,90	1,77	1,63	1,62
Ишимский	30826	30026	28780	28364	2,26	2,06	1,80	1,76
Казанский	22240	21955	20181	20047	1,63	1,51	1,26	1,25
Нижнетавдинский	23165	23109	26968	27046	1,70	1,59	1,68	1,68
Омутинский	19368	18819	18657	18444	1,42	1,29	1,16	1,15
Сладковский	11863	10904	10993	10860	0,87	0,75	0,69	0,68
Сорокинский	10052	9954	9542	9391	0,74	0,68	0,60	0,58
Тобольский	21869	21282	22133	21864	1,61	1,46	1,38	1,36
Тюменский	108972	117986	137329	140102	8,00	8,11	8,57	8,71
Уватский	19419	19100	18686	18622	1,43	1,31	1,17	1,16
Упоровский	20514	20783	19475	19348	1,51	1,43	1,22	1,20
Юргинский	12008	11703	11244	11138	0,88	0,80	0,70	0,69
Ялуторовский	14468	14679	15970	15967	1,06	1,01	1,00	0,99
Ярковский	22724	23114	23295	23229	1,67	1,59	1,45	1,44

Источник: сост. автором по: База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst71/DBInet.cgi> (дата обращения: 18.05.2025).

Следует отметить, что до 2018 года Голышмановский городской округ являлся муниципальным районом, поэтому данные за 2012 и 2016 гг. указаны в строке с муниципальным районом, а за 2020 и 2023 гг. — в строке с городским округом.

Дальше была выполнена и оценена динамика населения юга Тюменской области. Результат представлен на рис. 1.

В соответствии с рис. 1, общая численность населения юга Тюменской области выросла с 1 361 642 человек в 2012 году до 1 608 494 человек в 2023 году. В процентном соотношении это прирост на 15,35 процента. Несмотря на отмеченные события, которые напрямую влияют на численность населения, видно, что демографическая ситуация складывается благоприятная и характеризуется положительной динамикой. И даже разграничив Тюменский городской округ и Тюменский район, можно увидеть стабильный рост численности населения. В Тюменском городском округе произошло изменение численности населения с 632 587 в 2012 году до 855 618 человек в 2023 году, что равняется приросту в 26,07 процента, тогда как население Тюменского района увеличилось с 108 972 до 140 455 человек, или на 22,42 процента.

Однако, если говорить о динамике изменения численности населения в других крупных центрах, то ситуация складывается комплексная и неоднозначная. Остальные городские округа юга Тюменской области имеют индивидуальную динамику роста или убыли численности населения. Это может говорить о развитии городских округов, как самостоятельных единиц, что требует более глубокого

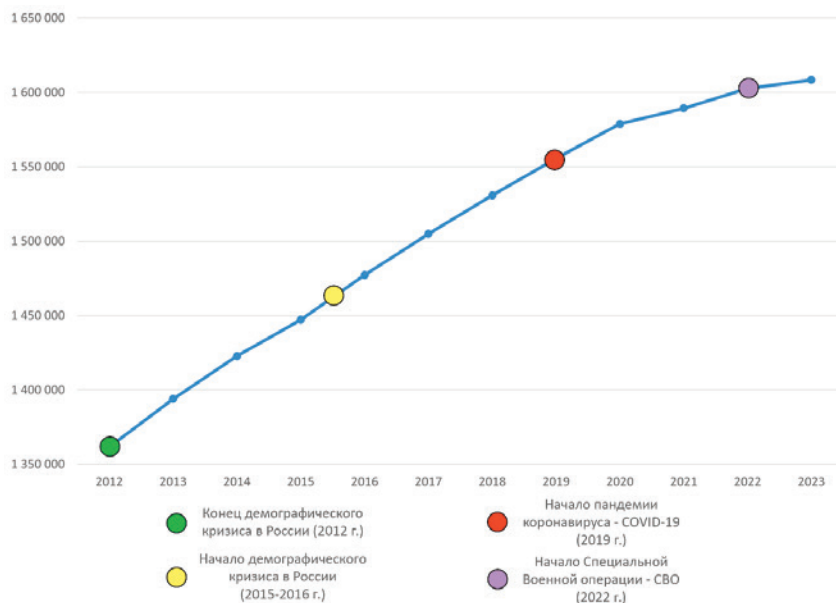

Рис. 1. Численность населения юга Тюменской области с 2012 по 2023 гг. (сост. автором по: База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst71/DBlnet.cgi> (дата обращения: 18.05.2025).

анализа и тщательного исследования данной проблемы. Поэтому в данном исследовании не выявлялись связи в изменениях численности населения городских округов юга Тюменской области. Динамика численности населения городских округов представлена на рисунках 2, 3, 4, 5.

Отдельно рассмотрим ситуацию в Уватском районе, который является основным нефтеносным субъектом юга Тюменской области. Несмотря на перспективную специализацию района и потенциальную экономическую привлекательность для жителей и рабочих кадров, численность населения Уватского района имеет тренд на постоянное снижение с 2012 года с одиночными годами резкого роста (рис. 6), что в теории может объясняться миграциями внутрь региона. В итоге с 2012 по 2023 гг. численность населения Уватского района уменьшилась с 19 419 до 18 622 человек, что равняется убыли в 4,1 процента.

Рассматривая структуру изменения численности населения, приведенную на рис. 7, можно проследить, что с 2012 года медленный, но стабильный естественный прирост закончился и сменился естественной убылью. Лишь к 2021 году произошел резкий скачок естественного прироста, который сменился более плавной, но положительной динамикой. Однако вместе с этим роль миграционного прироста, который раньше являлся второстепенным, в демографической ситуации заметно увеличилась в последние годы. Стоит отметить, что увеличение роли миграционного прироста наблюдается не только на юге Тюменской области, но и по всей России в целом. Это относится как к внутренней миграции

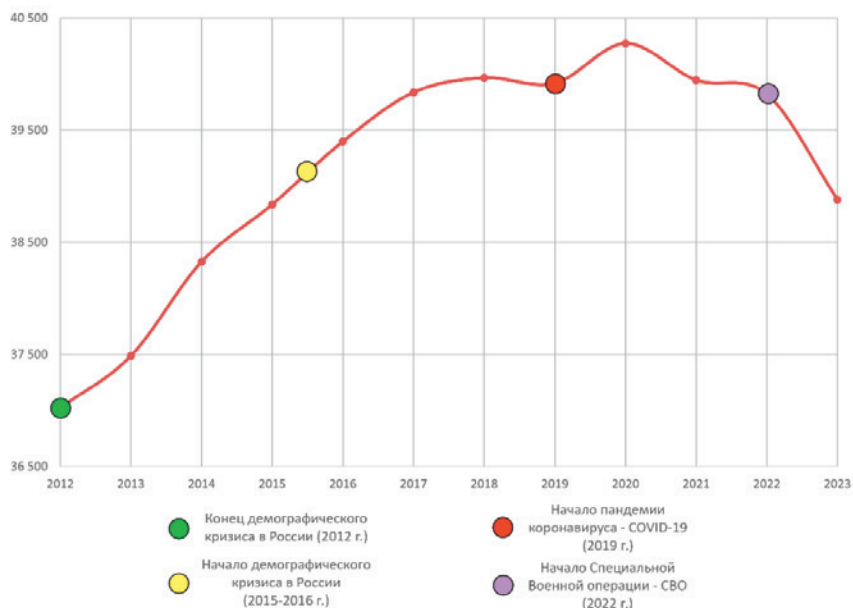

Рис. 2. Численность населения Ялutorовского городского округа с 2012 по 2023 гг. (сост. автором по: База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst71/DBlnet.cgi> (дата обращения: 18.05.2025).

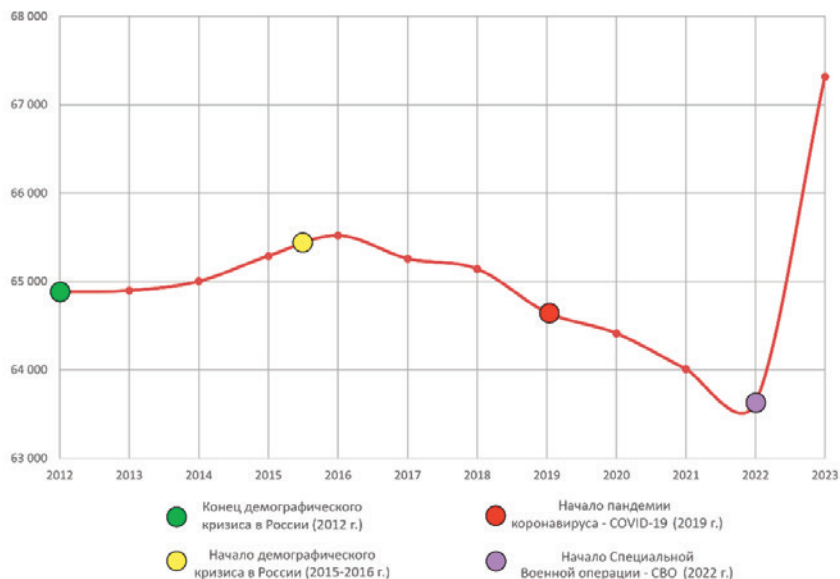

Рис. 3. Численность населения Ишимского городского округа с 2012 по 2023 гг. (сост. автором по: База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst71/DBInet.cgi> (дата обращения: 18.05.2025).

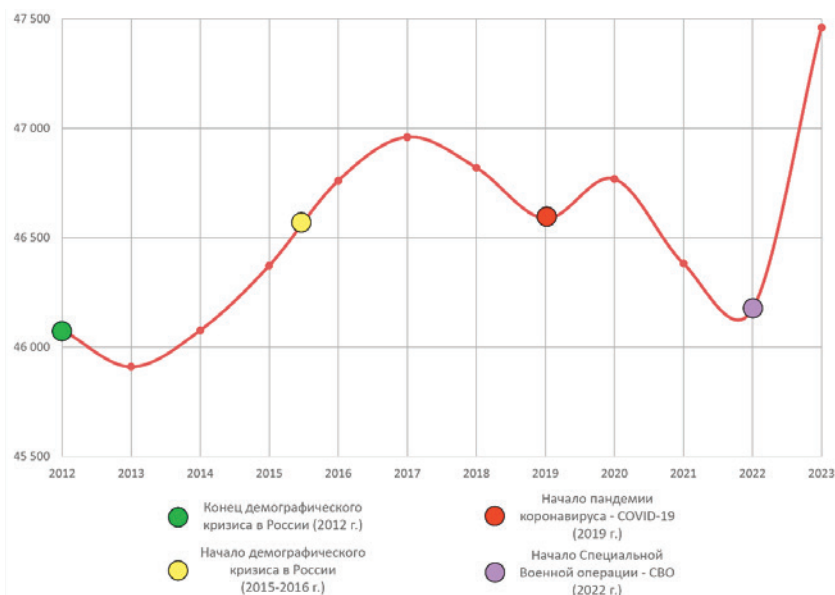

Рис. 4. Численность населения Заводоуковского городского округа с 2012 по 2023 гг. (сост. автором по: База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst71/DBInet.cgi> (дата обращения: 18.05.2025).

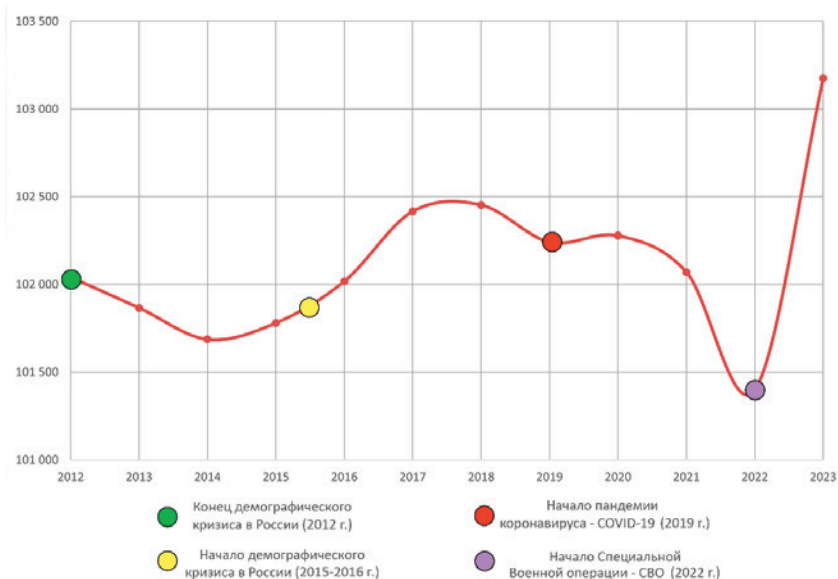

Рис. 5. Численность населения Тобольского городского округа с 2012 по 2023 гг. (сост. автором по: База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst71/DBInet.cgi> (дата обращения: 18.05.2025).

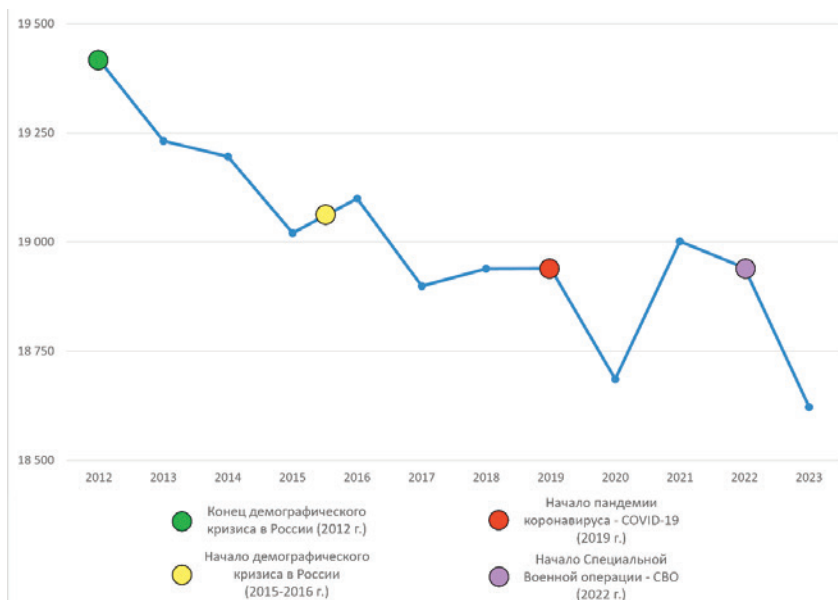

Рис. 6. Численность населения Уватского муниципального района с 2012 по 2023 гг. (сост. автором по: База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst71/DBInet.cgi> (дата обращения: 18.05.2025).

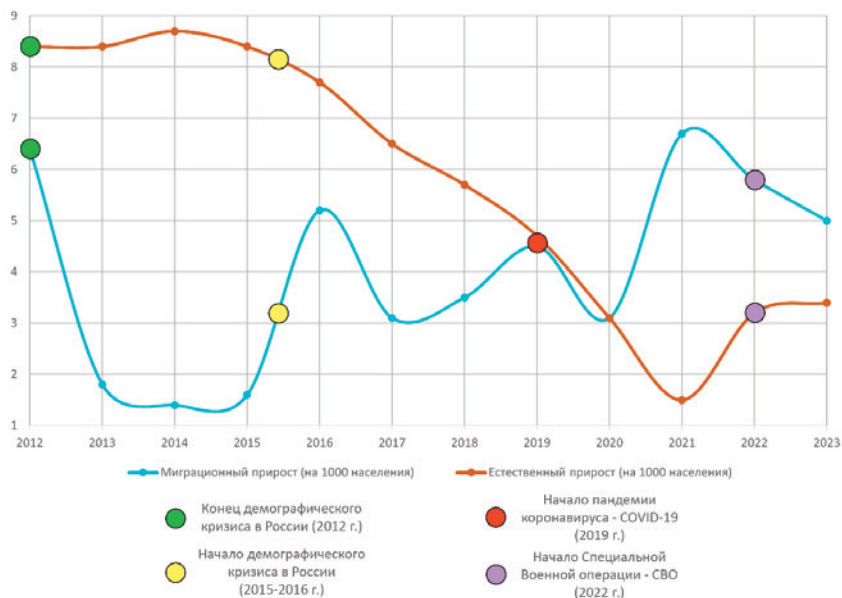

Рис. 7. Сравнение естественного и миграционного прироста юга Тюменской области с 2012 по 2023 гг. (сост. автором по: База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst71/DBInet.cgi> (дата обращения: 18.05.2025).

(из сельской местности в города), так и к внешней (из других стран и регионов) (Попкова и др., 2025).

Завершив анализ структуры населения юга Тюменской области, на основе ранее полученных данных была построена карта изменений численности населения юга Тюменской области. Результат представлен на рис. 8.

Для наглядного подтверждения статистической значимости объектов и выявления тенденций их распределения использовался инструмент «Анализ горячих точек (Getis-Ord Gi*)». На приведенном ниже рис. 9 видно, что красные (горячие) точки означают положительную тенденцию роста значений объектов (численности населения) с достоверностью статистического обоснования выше 90 %. Синие и светло-зеленые (холодные) точки, наоборот, показывают статистически обоснованные убывающие значения с достоверностью выше 90 %. Довольно заметна зона роста численности населения вокруг города Тюмень и Тюменского района в целом, а также место убыли населения вблизи Голышмановского рабочего поселка, что соответствует информации, показанной на карте ранее.

Выводы. В целом, картина изменения численности населения представлена, как стабильная убыль (преимущественно до -25 %, реже — -50 %). Однако некоторые поселения образуют активные зоны роста, достигающие до 150 % прироста населения (например, Тюменский, Ялуторовский, Нижнетавдинский районы) или же, наоборот, сильные зоны спада с показателями до -100 % (среди которых Голышмановский район).

Линия роста проходит по дорожным или железнодорожным путям: Тюмень — Нижняя Тавда — Тобольск; Тюмень — Ярково — Тобольск; Тюмень — Ялуторовск — Заводоуковск; Ишим — Абатское; Ишим — Большое Сорокино. Это показывает, что рост населения обусловлен наличием развитой транспортной сети. На примере Вагайского или Уватского районов можно увидеть, что отсутствие главных железнодорожных или автомобильных путей негативно влияет на рост населения. В то же время отсутствие железной дороги в Исетском районе не вызывает такого сильного сокращения жителей в этом районе; здесь отмечается рост населения. Это обуславливается близким расположением к Тюменскому району. Также стоит отметить, что рост населения, как правило, более выражен в административных центрах районов Тюменской области, что показывает централизованный рост больших поселений и отток жителей с периферии. Отдельно стоит рассмотреть ситуацию в Тюменском, Уватском районах, а также Голышмановском городском округе.

В Тюменском районе наблюдается резкий рост численности населения (показатели могут достигать 150 % от значений 2012 года). Это можно объяснить тем, что город Тюмень является крупным центром притяжения инвестиций, с развитой транспортной сетью и инфраструктурой, что в свою очередь является стимулом

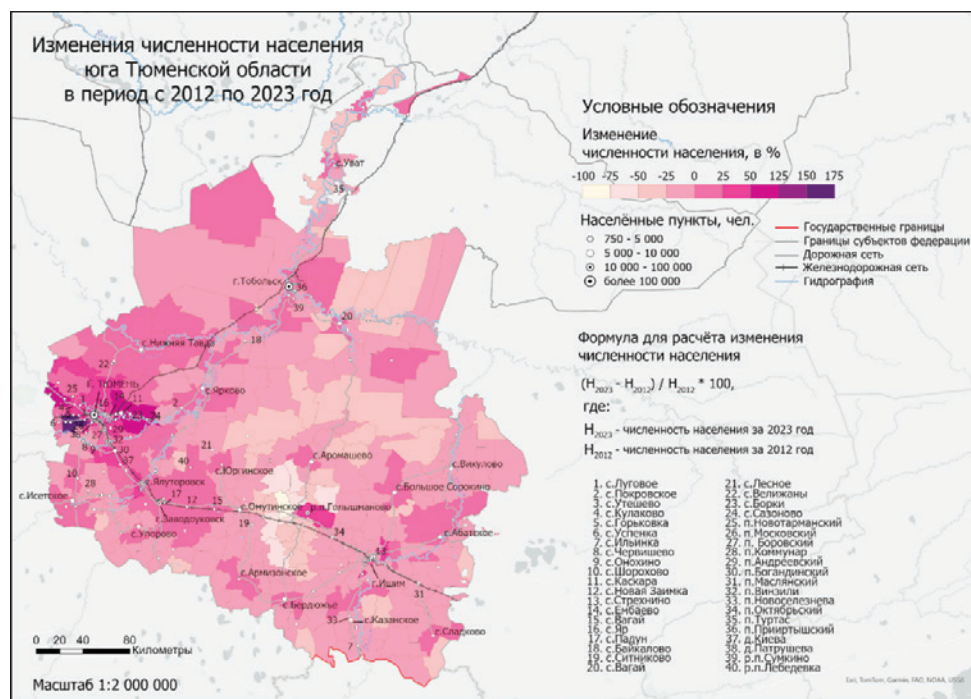

Рис. 8. Изменения численности населения юга Тюменской области в период с 2012 по 2023 гг. (сост. автором по: База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst71/DBlnet.cgi> (дата обращения: 18.05.2025).

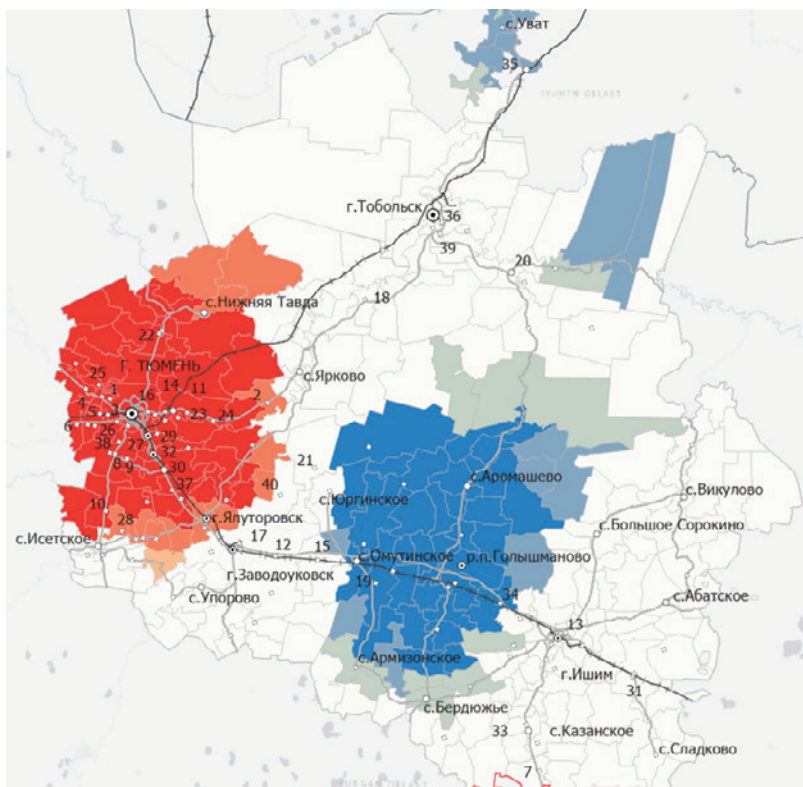

Рис. 9. Карта горячих и холодных точек (сост. автором).

для жителей выбирать данный район в качестве постоянного места жительства. Кроме того, в Тюменском районе происходит активное строительство жилплощади для постоянно растущего населения. Это привлекает не только людей для заселения, но и рабочие кадры, используемые для строительства. Как следствие, рабочие кадры с большей вероятностью останутся в регионе из-за вышеописанных причин. Стоит отметить, что районы, прилегающие к Тюменскому, также испытывают эффект увеличения численности населения, что в совокупности создает активную зону роста.

Ранее уже было показано, что убыль населения в Уватском районе составляет чуть больше четырех процентов в период с 2012 по 2023 гг. Труднодоступность района, конечно, влияет на низкий прирост населения, но, вероятно, основная проблема кроется не в этом. Основной отраслью экономики района является добыча углеводородов. В северных районах работа в такой отрасли обычно осуществляется вахтовым методом, то есть постоянно происходят миграции населения. Это частично может объяснить некоторые скачки в численности населения в определенные годы, но если бы все объяснялось только этим, то отчетливо отмечались бы периоды активного роста (приезда населения), чего не наблюдается. Возможным объяснением может служить не только современный общероссийский

демографический кризис, но и малая привлекательность региона по сравнению с другими. Плохо развитая инфраструктура (в том числе и транспортные сети), общая малая заселенность района и отсутствие разнаправленности экономического сектора могут негативно влиять на привлечение новых жителей и удержание старых. И не факт, что повышенная заработная плата в нефтегазовой отрасли положительно скажется на привлечении населения, если в районе не будет оптимально развитой дорожной сети. Для решения этой проблемы необходимо активно развивать инфраструктуру региона и другие возможные секторы экономики, например, деревообработку и деревозаготовку, что объясняется наличием значительных незадействованных лесных ресурсов на территории Уватского района, которые в перспективе способны создать второй значительный сектор экономики, привлекающий население в район.

Теперь рассмотрим Голышмановский городской округ. Здесь наблюдается существенная убыль населения (за исключением районного центра — рабочего поселка Голышманово). Отсутствие развитой авто- и железнодорожной сети в данном случае не учитывается, так как таковые в районе имеются. Поэтому данный фактор не является основной причиной убыли населения. Большинство поселений в Голышмановском районе представлены сельскими с малоразвитыми хозяйствами. По этой причине идет постоянный отток населения в более крупные и развитые поселения (а конкретно в рабочий поселок Голышманово). Основная причина притяжения к районному центру — рабочие места. Являясь самым развитым населенным пунктом в муниципалитете, рабочий поселок предоставляет больше всего рабочих мест в более технологически развитых сферах, чем остальные. Здесь наблюдается современная тенденция тяготения к крупным центрам развития и переселения населения в центровые населенные пункты. Для преодоления этой проблемы необходимо развивать сектор малого бизнеса, который снижает процент безработицы и бедности населения, что в свою очередь ведет к развитию экономического сектора региона, а также способствует созданию семей и увеличению численности населения в сельской местности и снижению миграций из нее (Соколов, 2019). Кроме того, трудовая миграция из сельской местности приводит к усилению нагрузки на города и крупные центры (Хунафина и др., 2023). Данный процесс вызовет увеличение роли миграций в общей демографической ситуации региона, что уже отмечалось ранее в исследовании.

Заключение

В ходе данного исследования было выявлено, что с 2012 по 2023 гг. численность населения на юге Тюменской области увеличилась на 15,35 процента. Первоочередным процессом в структуре демографической ситуации региона является естественный прирост, хотя все большее значение имеет и миграционный прирост. Остальные городские округа юга Тюменской области развиваются больше индивидуально, имея собственную динамику численности населения.

По результатам анализа построенных карт выявлено, что с 2012 года идет отток населения от периферии к районным центрам и крупным городам. Город Тюмень, будучи крупнейшей точкой притяжения, имеет тенденцию к активному росту численности населения, что отражается на прилегающих к нему населенных

пунктах, — более слабый, но стабильный рост количества жителей. Линии автодорог и железнодорожного полотна также имеют влияние на численность населения: вдоль дорог, отходящих от Тюмени, рост населения более выражен, что говорит о заселении преимущественно доступных населенных пунктов. Этот вывод был сделан на основе данных по изменению численности населения в Голышмановском районе.

Список источников

Воробьев, А. Н. (2019). *Геоинформационное картографирование динамики населения региона*: диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. Иркутск, 165. EDN:TKBEBE.

Дружинин, П. В. (2025). Влияние динамики населения периферии регионов на экономический рост: пространственные особенности. *Проблемы развития территории*, 29(5), 177–193. <https://doi.org/10.15838/ptd.2025.5.139.10>

Межевич, Н. М., Олифир, Д. И. (2023). Сравнительный анализ территориального опорного каркаса расселения в приморских регионах (на примере Санкт-Петербургского региона и Калининградской области). *Балтийский регион*, 15(2), 23–40. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-2>

Олифир, Д. И. (2022). Сравнительный анализ пространственных структур Московской и Санкт-Петербургской агломераций. *Пространственная экономика*, 18(1), 73–100. <https://doi.org/10.14530/se.2022.1.073-100>

Попкова, М. В., Хорошилова, К. Л., Попкова, Е. А. (2025). Проблема демографии (на примере России и США). *Общество и цивилизация*, 7(2), 105–109. EDN: NTLHLJ

Слепнёва, Л. Р., Дондоков, З. Б. Д., Шангина, А. В. (2025). Особенности пространственного развития Байкальского региона: демографический аспект. *Вестник Академии знаний*, 2(67), 546–550. EDN: KERWPR

Соколов, Н. А. (2019). Демография сельских поселений: проблемы и пути решения. *Никоновские чтения*, 24, 36–39. EDN: FOYQQA

Хунафина, Е. А., Ахмадиева, А. Ф., Атажанова, А. А. (2023). Демография и мировая продовольственная безопасность. *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*, 4(61), 123–129. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-123-129>

Шелудков А. В. (2020). Трансформация сельского расселения Тюменской области в постсоветский период: диссертация ... кандидата географических наук. М.: Институт географии Российской академии наук, 173.

Leibert, T., Wolff, M. & Haase A. (2022). Shifting spatial patterns in German population trends: local-level hot and cold spots, 1990–2019. *Geographica Helvetica*, 77(3), 369–387. <https://doi.org/10.5194/gH-77-369-2022>

References

Vorobyov, A. N. (2019). *Geoinformatsionnoe kartografirovanie dinamiki naseleniia regiona [Geoinformation mapping of the population dynamics of the region]*: dissertation for the degree of Candidate of Geographical Sciences. Irkutsk, 165. EDN:TKBEBE (In Russ.)

Druzhinin, P. V. (2025). Influence of population dynamics in the regions' periphery on economic growth: spatial features. *Problemy razvitiia territorii [Problems of Territory's Development]*, 29(5), 177–193. <https://doi.org/10.15838/ptd.2025.5.139.10> (In Russ.)

Mezhevich, N. M. & Olifir, D. I. (2023). Comparative analysis of the territorial support frame of settlement in coastal areas: the case of St. Petersburg and Kaliningrad regions. *Baltiiskii region [Baltic Region]*, 15(2), 23–40. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-2> (In Russ.)

Olifir, D. I. (2022). Comparative analysis of the spatial structures of the Moscow and St. Petersburg agglomerations. *Prostranstvennaia ekonomika [Spatial Economics]*, 18(1), 73-100. <https://doi.org/10.14530/se.2022.1.073-100> (In Russ.)

Popkova, M. V., Khoroshilova, K. L. & Popkova, E. A. (2025). The problem of demography (in the example of Russia and the USA). *Obshchestvo i tsivilizatsiia [Society and Civilization]*, 7(2), 105-109. EDN: NTLHLJ (In Russ.)

Slepneva, L. R., Dondokov, Z. B. D., Shangina, A.V. (2025). Features of the spatial development of the Baikal region: demographic aspect. *Vestnik Akademii znaniy [Bulletin of the Academy of Knowledge]*, 2(67), 546-550. EDN: KERWPR (In Russ.)

Sokolov, N. A. (2019). Demography of rural settlements: problems and solutions. *Nikonovskie chteniia [Nikon readings]*, 24, 36-39. EDN: FOYQQA (In Russ.)

Khunafina, E. A., Akhmadieva, A. F. & Atazhanova, A. A. (2023). Demography and global food security. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsialnykh tekhnologii) [Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]*, 4(61), 123-129. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-123-129> (In Russ.)

Sheludkov, A.V. (2020). *Transformatsiia selskogo rasseleniia Tiimenskoi oblasti v postsovetiskii period [Transformation of rural settlement in the Tyumen region in the post-Soviet period]*: dissertation ... Candidate of Geographical Sciences. Moscow: Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 173. (In Russ.)

Ковзалин Данил Евгеньевич — магистрант Экологического мониторинга и управления качеством экосистем, Школа естественных наук; Тюменский государственный университет; <https://orcid.org/0009-0007-2648-6490> (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Перекопская улица, 15а; e-mail: danil.kovzalin@gmail.com).

Петров Юрий Владимирович — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры геоэкологии и природопользования; Тюменский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-2443-9750> (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Перекопская улица, 15а; e-mail: petrov19811201@gmail.com).

Danil E. Kovzalin — Master's student in the Department of Ecological Monitoring and Ecosystem Quality Management, School of Natural Sciences, Tyumen State University; <https://orcid.org/0009-0007-2648-6490> (15a, Perekopskaya Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: danil.kovzalin@gmail.com).

Yuriy V. Petrov— Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Geoecology and Environmental Management, Tyumen State University; <https://orcid.org/0000-0002-2443-9750> (15a, Perekopskaya Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: petrov19811201@gmail.com).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

Author declares that he has not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК: 316.4

JEL classification: D19, J19

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-13>

Цифровое неравенство старшего поколения в сфере потребления¹

К. Е. Косыгина^а, А. Н. Гордиевская^б

^{а, б} ФГБУН Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>

^б <https://orcid.org/0000-0001-7777-3456>

Автор для корреспонденции: К. Е. Косыгина (sene4ka.87@mail.ru).

Аннотация. Исследуется проблема цифрового неравенства внутри поколения 50+ лет в сфере потребления. Цель работы заключается в выявлении социально-демографических детерминант цифровой включенности и практик онлайн-потребления среди лиц старшего возраста. Гипотеза исследования предполагает наличие структурного цифрового неравенства, обусловленного возрастом и комплексом социально-демографических факторов. Методология основана на данных массового опроса (n=1000) населения Вологодской области, обработанных методами логистической регрессии и кросс-табулирования. Результаты подтвердили гипотезу, выявив следующие факторы: наличие профессионального цифрового опыта, статус занятости, возраст и тип местности. Установлена наиболее уязвимая группа в сфере цифрового потребления: неработающие сельские жители старше 65 лет без профессионального цифрового опыта. Научный вклад заключается в эмпирической верификации структурного цифрового неравенства внутри старшей возрастной когорты. Выводы работы могут быть использованы для разработки адресной региональной политики в сфере цифровой инклюзии. Исследование ограничено рамками одного региона, перспективным направлением является сравнительный межрегиональный анализ.

Ключевые слова: старение; лица старшего возраста; цифровое потребление; неравенство; благополучие; интернет; цифровая включенность.

Digital Inequality of the Older Generation in the Sphere of Consumption

K. Kosygina^а, A. Gordievskaya^б

^{а, б} Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>

^б <https://orcid.org/0000-0001-7777-3456>

Corresponding Author: K. Kosygina (sene4ka.87@mail.ru)

Abstract. The problem of digital inequality within the 50+ generation in the sphere of consumption is investigated. The purpose of the study is to identify socio-demographic determinants of digital inclusion and online consumption practices among older adults. The research hypothesis posits the existence of structural digital inequality, determined by age and a complex of socio-demographic factors. The methodology is based on data from a mass survey (n=1000) of the population of the Vologda Oblast, processed using logistic regression and cross-tabulation methods. The results confirmed the hypothesis, identifying key predictors: professional digital experience, employment status, age, and type of locality. The most vulnerable group in the sphere of digital consumption was identified: non-working rural residents over 65 years old without professional digital experience. The scientific contribution lies in the empirical verification of structural digital inequality within the senior age cohort. The conclusions of the study can be used to develop targeted regional policies in the field of digital inclusion. The research is limited to one region; a comparative interregional analysis is a promising direction for further work.

¹ © Косыгина К. Е., Гордиевская А. Н. Текст. 2026.

Keywords: aging, older adults, digital consumption, inequality, well-being, internet, digital inclusion

Введение

Население развитых и развивающихся стран, включая Россию, неуклонно стареет. Динамика данного процесса характеризуется значительным увеличением доли лиц старше трудоспособного возраста: если в 1990 году этот показатель составлял 21 %, то к 2024 году он достиг 30 %. Позитивным трендом являются изменения продолжительности жизни, которая увеличилась с 65 лет в 2000 году до 73 — в 2023 году¹. Параллельно происходит ускоренная цифровая трансформация экономики и социальной сферы: государственные услуги переводятся в электронный формат, потребительский рынок смещается в онлайн, а доступ к информации, финансовым и коммуникационным сервисам опосредуется цифровыми платформами. В этих условиях способность эффективно использовать цифровые технологии становится не просто дополнительным навыком, а социальным ресурсом и условием полноценного участия в общественной жизни. Исследование того, как старшее поколение осваивает этот ресурс, в частности в контексте потребления, приобретает особую актуальность (Горошко & Пацала, 2021).

При этом цифровизация потребления несет в себе неоднозначный эффект. Так, декларируя всеобщую доступность и удобство, она может углублять традиционные формы социального неравенства (Юдина, 2020) и воспроизводить цифровое неравенство, которое имеет множество форм проявления (Карапетян и др., 2021). Исключение части граждан более старшего возраста из цифровых потоков товаров, услуг и информации имеет последствия ущемления социальных прав, экономических потерь, снижения качества жизни (Helsper & Reisdorf, 2016; Neves et al., 2018). Напротив, использование цифровых технологий пожилыми людьми связано с повышением субъективного благополучия, снижением уровня депрессии и одиночества (Chopik, 2016).

В научной литературе преобладают работы о цифровой включенности, рассматривающие старшее поколение как монолитную группу в противовес молодежи и людям трудоспособного возраста (Варламова, 2022; Груздева, 2022). Однако внутри самой когорты существуют различия, определяемые не столько хронологическим возрастом, сколько социальным статусом, занятостью, уровнем образования, местом жительства и другими факторами (Kampens et al., 2024). Исследование потребления как наиболее повседневной сферы взаимодействия с цифровой средой позволяет выявить эти внутренние различия.

Кроме того, в России проблема цифрового неравенства приобретает особую остроту на фоне значительной межрегиональной дифференциации по уровню социально-экономического развития, доходов, качества инфраструктуры и человеческого капитала (Басова, 2021; Груздева, 2020). Проблема требует изучения не в усредненном по стране разрезе, а через призму конкретных региональных условий, где сочетаются урбанизированные центры и обширные сельские

¹ «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года» утверждена распоряжением Правительства РФ от 7 апреля 2025 года № 830-р.

территории. Вологодская область с двумя крупными городами с промышленным и культурно-историческим центром (г. Череповец, Вологда) и обширной сельской периферией выступила модельным регионом для настоящего исследования.

Основная гипотеза заключается в следующем: внутри поколения 50+ существует структурное цифровое неравенство в сфере потребления, которое детерминировано возрастом и комплексом прочих социально-демографических факторов (статус занятости, тип населенного пункта и другими).

Материалы и методы

Информационная база исследования включает в себя результаты массового опроса населения старших возрастов Вологодской области «Цифровое благополучие населения», проведенного в октябре-ноябре 2025 года. Генеральная совокупность — население Вологодской области в возрасте от 50 до 84 лет. Были опрошены 1 000 человек в городах Вологде и Череповце, а также в восьми муниципальных округах (Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Сокольский, Тотемский, Устюженский и Шекснинский). Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением условий пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры населения области старше 50 лет. Метод опроса — раздаточное анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3 %.

На первом этапе в качестве метода анализа использовалась бинарная логистическая регрессия, предназначенная для моделирования вероятности дихотомического события. Зависимая переменная — факт использования интернета старшим поколением (50+) в повседневной жизни (1 — «пользуюсь», 0 — «не пользуюсь»). На основе корреляционного анализа с использованием критерия V Крамера для оценки силы связи между номинальными признаками были отобраны пять потенциальных факторов (занятость, опыт применения цифровых технологий и сети Интернет в профессиональной деятельности, возраст, образование, тип местности). Для интерпретации полученных значений критерия V Крамера о силе связи между признаками использовалась принятая шкала (табл. 1).

На втором этапе применялся метод кросс-табулирования (таблиц сопряженности) с применением критерия V Крамера, что позволило проанализировать

Таблица 1

Интерпретация значений критерия V Крамера

Значение критерия V Крамера	Сила взаимосвязи
<0,1	Несущественная
0,1 — <0,2	Слабая
0,2 — <0,4	Средняя
0,4 — <0,6	Относительно сильная
0,6 — <0,8	Сильная
0,8 — 1,0	Очень сильная

взаимосвязь между социально-демографическими характеристиками респондентов и опытом цифрового потребления товаров и услуг.

Результаты исследования

1. Использование интернета старшим поколением как условие и среда для цифрового потребления товаров и услуг

Использование интернета в повседневной жизни в большей мере зависит от занятости респондента — среди тех, кто не работает, пользуются интернетом 54,5 % респондентов, в то время как среди работающих практически все являются пользователями сети Интернет. Кроме того, полученные значения V Крамера соответствуют относительно сильной взаимосвязи между двумя переменными (V Крамера = 0,434).

Возможность продолжения трудовой деятельности в пожилом возрасте во многом обусловлена характером труда — физический или умственный, что в свою очередь определяется уровнем образования. Поэтому кроме занятости, возраста и территории проживания были рассмотрены еще два фактора — образование и наличие опыта применения цифровых и интернет-технологий в профессиональной деятельности. Их использование в профессиональной деятельности в настоящее время или наличие подобного опыта в прошлом является вторым по силе взаимосвязи фактором, влияющим на применение интернета в повседневной жизни (V Крамера = 0,403). Третьим по значимости фактором является возраст респондента: если среди лиц 50–64 лет пользуются интернетом 90 %, то среди тех, кто старше 65 лет таких уже 56 % (V Крамера = 0,386, что свидетельствует о средней силы связи). Также факт пользования интернетом зависит от уровня образования — среди респондентов, имеющих среднее профессиональное или высшее образование 82 % пользуются интернетом, в то время как среди населения с образованием не выше среднего общего — уже 61 %. Территория проживания также оказывает влияние на факт пользования интернетом, но в меньшей степени, чем обозначенные выше факторы (связь слабая, V Крамера = 0,113; табл. 2).

Таблица 2

Социально-демографические факторы использования интернета в повседневной жизни населением старшего возраста

Пользуетесь ли Вы интернетом?	Занятость		Опыт применения в профессиональной деятельности		Возраст		Образование		Территория — тип местности	
	не работаю	работаю	нет	да	50...64	старше 65 лет	среднее общее и ниже	среднее проф., высшее	город	село
Не пользуюсь	45,5	7,4	38,1	0,3	10,6	44,6	39,2	18,5	22,4	33,0
Пользуюсь	54,5	92,6	61,9	99,7	89,5	55,5	60,8	81,5	77,6	67,0
V Крамера	0,434 ($p < 0,001$)		0,403 ($p < 0,001$)		0,386 ($p < 0,001$)		0,227 ($p < 0,001$)		0,113 ($p < 0,001$)	

Анкета не содержала вопроса, который мог бы охарактеризовать характер труда (умственный или физический), в то же время вопрос о наличии опыта применения цифровых технологий или интернета в прошлом или в настоящее время в профессиональной деятельности лучше характеризует работу респондента, чем уровень образования. Сравнение нескольких альтернативных моделей показало, что модель, включающая занятость, профессиональный цифровой опыт, возраст и тип местности, демонстрирует наилучшие характеристики: в данной модели все коэффициенты статистически значимы на уровне $p < 0,001$, полученная модель верно предсказывает 79 % общего числа анализируемых респондентов, R-квадрат Нэйджелкерка¹ составил 0,45. Переменные уравнения логистической регрессии представлены в таблице 3.

Анализируя экспонированное значение шансов ($\text{Exp}(B)$), которое показывает во сколько раз изменится шанс возникновения изучаемого события, если значение одного из факторов изменится на единицу при фиксированных значениях прочих, можно сделать вывод о том, что наибольшее влияние оказывает фактор «опыт применения интернета или цифровых технологий в профессиональной сфере»: наличие подобного опыта увеличивает шанс использования интернета в повседневной жизни в 112 раз; занятость увеличивает отношение шансов в 3,8 раз; возраст старше 65 лет уменьшает отношение шансов пользования интернетом на 39 %; для респондентов, проживающих в сельской местности, вероятность того, что они будут пользоваться интернетом, уменьшается на 63 %.

Полученные результаты согласуются с концепцией, согласно которой практический опыт взаимодействия с технологиями является более значимым ресурсом для их повседневного использования, чем общий уровень образования. Сильное влияние профессионального контекста указывает на важность рабочей среды как основного канала социализации в цифровую эпоху для населения старшего возраста. Фактор занятости, помимо возможного доступа к технологиям на рабочем месте, может выступать индикатором более широкой социальной вовлеченности и мотивации к освоению новых навыков.

Таким образом, цифровое неравенство старшего поколения в сфере потребления опосредовано использованием интернета в повседневной жизни. Наибольшему риску цифровой эксклюзии подвержены неработающие жители сельской местности в возрасте старше 65 лет, не имеющие опыта использования цифровых технологий в профессиональной деятельности. Ограниченный доступ к интернету как таковому автоматически исключает их из растущего числа онлайн-сервисов, рынков и информационных потоков, что ведет к сужению потребительского выбора, потенциальному росту расходов (из-за недоступности онлайн-сравнения и заказа) и, как следствие, к снижению качества жизни и благополучия.

¹ Значение R-квадрата Нэйджелкерка лежит в диапазоне от 0 до 1. Чем ближе значение к 1, тем лучше соответствие модели. Интерпретация значений: 0,2 и меньше — слабая связь между предикторами и результатом; 0,2–0,4 — умеренная связь; 0,4 и выше — сильная связь.

Таблица 3

Переменные в уравнении

Переменные в уравнении	В	Среднеквадратичная ошибка	Вальд	ст.св.	Знач.	Ехр (В)	95 % доверительный интервал для ЕХР(В)	
							Нижняя	Верхняя
Занятость	1,326	0,236	31,466	1	0,000	3,764	2,369	5,982
Опыт применения в профессиональной деятельности	4,718	1,008	21,904	1	0,000	111,895	15,517	806,884
Возраст старше 65	-0,936	0,217	18,628	1	0,000	0,392	0,256	0,600
Сельская местность	-0,460	0,182	6,386	1	0,012	0,632	0,442	0,902
Константа	0,809	0,220	13,521	1	0,000	2,246	—	—

2. Цифровое потребление населения старшего возраста: влияние факторов

Результаты проведенного опроса и оценки силы связей (V Крамера) свидетельствуют, что наличие у респондента опыта применения цифровых технологий и использования сети Интернет в профессиональной деятельности является главным из рассматриваемых факторов включенности старшего населения в цифровое потребление товаров ($V = 0,345$). Возможно предположить, что профессиональная цифровая социализация служит ключевым ресурсом, формирующим не только базовые навыки, но и устойчивую практику цифрового потребления в повседневной жизни после окончания трудовой деятельности. Вторым по значимости фактором выступает статус занятости ($V = 0,327$). Работающие респонденты значительно чаще совершают онлайн-покупки: только 15 % из них не делали этого за последний год против 35 % неработающих. Работа, таким образом, выступает не только источником дохода, но и каналом, поддерживающим актуальность цифровых навыков и мотивацию к их использованию. Третье место занимает возрастной фактор ($V = 0,292$). Разрыв между возрастными подгруппами (50–64 года и 65+ лет) существенен: среди 50–64-летних доля не совершавших покупки почти в 2,5 раза ниже. Однако, как показал предыдущий анализ, влияние возраста тесно переплетено с фактором занятости. Территориальный фактор (в разрезе город/село) также демонстрирует статистически значимую, но несколько более слабую связь ($V = 0,248$). Жители сельской местности реже совершают частые онлайн-покупки (ежедневно или несколько раз в неделю) и чаще ограничиваются несколькими покупками в год или не пользуются этой возможностью вовсе. Выявленные зависимости отражают сохраняющееся инфраструктурное и, возможно, логистическое неравенство.

Наименьшее влияние на частоту цифрового потребления оказывает уровень образования ($V = 0,162$). Хотя респонденты с профессиональным и высшим образованием проявляют несколько большую активность в цифровом потреблении, разрыв не является значительно выраженным, как для предыдущих факторов (табл. 4).

Таблица 4

Покупка товаров с использованием интернета в различных категориях респондентов

	Проживание в сельской местности		Возраст		Занятость		Опыт применения в проф. дея- тельности		Наличие среднего проф. или высшего образования	
	нет (города)	да (село)	50...64	старше 65 лет	не ра- ботаю	рабо- таю	нет	да	среднее и ниже	среднее проф. и выс- шее
Как часто за последние 12 месяцев вы покупали различные товары с использованием интернета?										
Ежедневно	10,5	2,7	10,6	3,6	3,0	11,1	3,3	14,6	3,7	10,2
Несколько раз в не- делю	16,5	3,7	16,3	5,6	2,6	18,3	10,0	16,2	10,5	13,6
Несколько раз в ме- сяц	30,7	30,6	32,6	26,8	29,8	31,1	26,0	36,8	27,4	31,9
Несколько раз в год	23,6	32,9	25,9	27,2	29,4	24,6	28,3	23,7	28,3	25,5
Не поку- пал(а)	18,8	30,1	14,7	36,8	35,1	14,9	32,4	8,7	30,1	18,8
<i>V Крамера</i>	<i>0,248 (p < 0,001)</i>		<i>0,292 (p < 0,001)</i>		<i>0,327 (p < 0,001)</i>		<i>0,345 (p < 0,001)</i>		<i>0,162 (p < 0,001)</i>	

Чаще всего старшее поколение (50+ лет) с помощью интернета приобретает одежду и обувь (37 %), товары для дома (28 %), бытовую химию (26 %). Около 20 % респондентов покупают товары и игрушки для детей (22 %), билеты на культурные мероприятия (21 %), товары для хобби и саморазвития (21 %), билеты на поезд или самолет (21 %), электронику и бытовую технику (18 %). Реже всего приобретают цветы, домашние растения и рассаду, а также дорогостоящие товары — ювелирные украшения, валюту, акции и ценные бумаги, автомобиль и недвижимость (табл. 5).

Наименьший разрыв между способами приобретения наблюдается в категории авиа- и ж/д билеты — 21 % респондентов приобретает их с использованием интернета, в местах продаж (магазин, аптека, касса) покупает 23 %. Наибольший разрыв в способах приобретения существует в выборе способа покупки продуктов питания — традиционный способ приобретения в магазине предпочитают 98 %, а с использованием интернета покупают продукты всего 10 % респондентов. Эти данные подтвердил и открытый вопрос «Есть ли товары, которые вы бы никогда не стали приобретать в интернете?», наиболее популярный ответ — продукты питания, так ответили 25 %.

Самая покупаемая через интернет категория «одежда, обувь» больше всего взаимосвязана с занятостью (V Крамера = 0,421). Проживание в сельской местности взаимосвязано с приобретением через интернет таких товаров, как билеты на различные виды транспорта, культурные мероприятия (V Крамера = 0,2–0,27, что соответствует средней силе связи). Возраст является значимым фактором

Таблица 5

Использование интернета для покупок товаров (в % от числа ответивших на вопрос)

№	Категории товаров	%
1	Одежда, обувь	37,4
2	Товары для дома (постельное белье, шторы, посуда)	28,0
3	Бытовая химия	25,8
4	Товары и игрушки для детей	22,1
5	Билеты на культурные мероприятия (концерты, музеи, театры, выставки, кино)	21,3
6	Товары для хобби и саморазвития	21,2
7	Авиа-, ж/д билеты	20,9
8	Электроника и бытовая техника	18,4
9	Спортивные товары	16,4
10	Билеты в городском общественном транспорте	16,2
11	Декоративная косметика	15,8
12	Медикаменты и медицинские изделия	15,0
13	Зоотовары	13,3
14	Книги, журналы, газеты	11,6
15	Продукты питания	10,4
16	Украшения, аксессуары	10,0
17	Мебель и предметы интерьера	10,0
18	Цветы, домашние растения, рассада	6,7
19	Ювелирные украшения (золото, серебро, драгоценные камни)	4,3
20	Валюта, акции, ценные бумаги	3,4
21	Автомобиль	1,9
22	Недвижимость	1,8
23	Другие товары	0,5

*Формулировка вопроса: «Каким способом вы приобретаете следующие категории товаров?»

Вариант ответа: «Приобретаю с использованием интернета».

практически для всех товаров, за исключением медикаментов и медицинских товаров, печатной продукции (книги, газеты, журналы), билетов в городском транспорте, взаимосвязь с покупкой данных товаров слабая. Для этой категории онлайн-услуг при рассмотрении фактора территории проживания, необходимо учесть, что в данном случае большое значение играет размер городской агломерации, а не сам факт проживания в городской или сельской местности, что вполне логично.

Занятость респондента взаимосвязана с опытом приобретения через интернет практически всех рассматриваемых категорий товаров, причем значения критерия V Крамера соответствуют средней силе связи. Кроме категорий «одежда, обувь» — относительно сильная связь, и «медикаменты, книги» — слабая связь. Уровень образования показал взаимосвязь средней силы только с покупкой билетов на поезд или самолет, а также на культурные мероприятия, с остальными категориями взаимосвязь либо слабая, либо вовсе отсутствует (табл. 6).

Доля респондентов, имеющих опыт приобретения различных товаров с помощью сети Интернет*

Таблица 6

Категории товаров	Проживание в сельской местности		Возраст		Занятость		Опыт применения в профессиональной деятельности		Наличие среднего проф. или высшего образования	
	нет (города)	да (село)	50...64	старше 65 лет	не работаю	работаю	нет	да	среднее и ниже	среднее проф. и выше
Продукты питания	14,0	3,1	12,8	7,5	5,3	15,2	7,1	17,4	6,7	12,5
V Крамера	0,168 ($p < 0,001$)		0,085 ($p = 0,007$)		0,161 ($p < 0,001$)		0,158 ($p < 0,001$)		0,092 ($p = 0,004$)	
Одежда, обувь	38,6	34,9	54,1	17,1	16,5	57,2	24,8	64,0	26,1	43,7
V Крамера	0,037 ($p = 0,248$)		0,381 ($p < 0,001$)		0,421 ($p < 0,001$)		0,379 ($p < 0,001$)		0,174 ($p < 0,001$)	
Медикаменты и мед. изделия	18,3	8,3	19,7	9,3	9,1	20,6	9,7	26,1	10,0	17,8
V Крамера	0,132 ($p < 0,001$)		0,144 ($p < 0,001$)		0,162 ($p < 0,001$)		0,214 ($p < 0,001$)		0,105 ($p = 0,001$)	
Электроника и бытовая техника	21,7	11,6	28,6	6,0	5,6	30,5	9,7	36,6	10,0	23,2
V Крамера	0,122 ($p < 0,001$)		0,290 ($p < 0,001$)		0,322 ($p < 0,001$)		0,325 ($p < 0,001$)		0,163 ($p < 0,001$)	
Книги, газеты, журналы	14,0	6,7	16,9	5,1	5,1	17,7	5,8	23,9	6,4	14,6
V Крамера	0,106 ($p = 0,001$)		0,184 ($p < 0,001$)		0,196 ($p < 0,001$)		0,265 ($p < 0,001$)		0,122 ($p < 0,001$)	
Товары для хобби и саморазвития	25,0	13,5	30,4	10,0	9,7	32,1	11,1	42,5	12,8	25,8
V Крамера	0,132 ($p < 0,001$)		0,249 ($p < 0,001$)		0,274 ($p < 0,001$)		0,360 ($p < 0,001$)		0,153 ($p < 0,001$)	
Авиа-, ж/д билеты	26,9	8,6	31,9	7,5	7,6	33,5	8,1	47,8	8,9	27,5
V Крамера	0,212 ($p < 0,001$)		0,298 ($p < 0,001$)		0,318 ($p < 0,001$)		0,456 ($p < 0,001$)		0,221 ($p < 0,001$)	
Билеты в городском общественном транспорте	23,2	1,8	20,9	10,4	7,4	24,5	9,3	30,7	13,9	17,5
V Крамера	0,272 ($p < 0,001$)		0,142 ($p < 0,001$)		0,232 ($p < 0,001$)		0,272 ($p < 0,001$)		0,047 ($p = 0,134$)	
Билеты на культурные мероприятия	29,1	5,2	31,5	8,9	6,8	35,0	9,3	46,6	8,6	28,3
V Крамера	0,274 ($p < 0,001$)		0,275 ($p < 0,001$)		0,345 ($p < 0,001$)		0,426 ($p < 0,001$)		0,231 ($p < 0,001$)	
Спортивные товары	18,7	11,6	26,0	4,7	4,1	28,0	8,6	32,9	10,0	20,0
V Крамера	0,090 ($p = 0,004$)		0,287 ($p < 0,001$)		0,323 ($p < 0,001$)		0,307 ($p < 0,001$)		0,130 ($p < 0,001$)	
Товары и игрушки для детей	25,1	15,9	32,4	9,5	7,6	35,8	15,0	37,0	15,6	25,8
V Крамера	0,104 ($p = 0,001$)		0,274 ($p < 0,001$)		0,340 ($p < 0,001$)		0,247 ($p < 0,001$)		0,119 ($p < 0,001$)	

Окончание табл. 6 на след. стр.

Окончание табл. 6

Категории товаров	Проживание в сельской местности		Возраст		Занятость		Опыт применения в профессиональной деятельности		Наличие среднего проф. или высшего образования	
	нет (города)	да (село)	50...64	старше 65 лет	не работаю	работаю	нет	да	среднее и ниже	среднее проф. и выше
Бытовая химия	28,2	20,8	36,4	12,9	11,9	38,9	16,8	44,7	20,8	28,6
Товары для дома (посуда, постельное белье, шторы)	V Крамера		0,080 (p = 0,012)		0,308 (p < 0,001)		0,298 (p < 0,001)		0,086 (p = 0,007)	
	30,3		23,2		14,4		40,9		21,7	
Декоративная косметика	V Крамера		0,074 (p = 0,019)		0,279 (p < 0,001)		0,261 (p < 0,001)		0,105 (p = 0,001)	
	19,0		9,2		4,5		8,0		10,0	
Украшения, аксессуары	V Крамера		0,127 (p < 0,001)		0,255 (p < 0,001)		0,312 (p < 0,001)		0,120 (p < 0,001)	
	12,3		5,2		15,7		3,1		4,7	
Мебель и предметы интерьера	V Крамера		0,112 (p < 0,001)		0,208 (p < 0,001)		0,231 (p < 0,001)		0,305 (p < 0,001)	
	11,9		6,1		16,9		1,6		5,3	
Зоотовары	V Крамера		0,090 (p = 0,004)		0,255 (p < 0,001)		0,237 (p < 0,001)		0,227 (p < 0,001)	
	14,4		11,0		19,9		5,3		20,8	
Зоотовары	V Крамера		0,047 (p = 0,137)		0,213 (p < 0,001)		0,228 (p < 0,001)		0,234 (p < 0,001)	
	0,047		11,0		19,9		5,3		20,8	

* Формулировка вопроса: «Каким способом вы приобретаете следующие категории товаров?». Вариант ответа: «Приобретаю с использованием интернета».

Таким образом, во-первых, практики онлайн-потребления носят стратифицированный характер: наиболее технологически сложные и ситуативные сервисы остаются наименее доступными для неработающих сельских жителей старше 65 лет, не имеющих профессионального цифрового опыта, что приводит к углублению существующих форм социально-экономического и территориального неравенства в цифровую эпоху. Во-вторых, цифровое потребление поколения 50+ носит избирательный и утилитарный характер: онлайн-канал осваивается для товаров и услуг с очевидной выгодой (выбор, сравнение цен, доставка) и отвергается для категорий с высоким воспринимаемым риском (качество, безопасность, необходимость личной проверки). Разрыв между онлайн- и офлайн-покупками максимален для продуктов питания, лекарств.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило исходную гипотезу о наличии структурного цифрового неравенства внутри поколения 50+, проявляющегося в сфере потребления и детерминированного комплексом социально-демографических факторов. Анализ данных массового опроса населения Вологодской области позволил выявить набор факторов, определяющих как сам факт использования интернета, так и интенсивность и характер цифрового потребления среди старшего поколения. Основными факторами цифрового неравенства выступают: профессиональный цифровой опыт, статус занятости, возраст, территория проживания. Исследование также показало, что практики цифрового потребления среди старшего поколения носят стратифицированный и утилитарный характер.

Полученные результаты подчеркивают необходимость адресной региональной политики, направленной не только на развитие цифровой инфраструктуры, но и на создание специальных программ обучения и поддержки, учитывающих дифференциацию внутри самой возрастной когорты 50+ лет. Особое внимание следует уделять наиболее уязвимым группам — неработающим пожилым сельским жителям, для которых преодоление цифрового разрыва является важным условием сохранения социальной включенности и качества жизни в условиях всеобщей цифровизации.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01422 «Концептуальные основы и практики достижения цифрового благополучия старшего поколения в сфере потребления», <https://rscf.ru/project/25-28-01422/>

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Science Foundation № 25-28-01422 (<https://rscf.ru/project/25-28-01422/>)

Список источников

- Басова, Е. А. (2021). Цифровое неравенство российских регионов: современные проблемы и пути преодоления. *Вопросы территориального развития*, 9(4), 4. <https://doi.org/10.15838/tdi.2021.4.59.4>
- Варламова, Ю. А. (2022). Межпоколенческий цифровой разрыв в России. *Мир России*, 31(2), 51–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74>

Горошко, Н. В., Пацала С. В. (2021). «Серебряная экономика» как новый тренд мирового развития в условиях глобального старения населения. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*, 2, 198–218. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.2.15>.

Груздева, М. А. (2020). Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 13(5), 90–104. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.5>

Груздева, М. А. (2022). Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 15(4), 228–241. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.14>

Карапетян Р. В., Лебедева Е. В., Титаренко Л. Г. (2021). Техноэйджизм и техноповедение пожилых горожан: результаты российских и белорусских исследований. *Успехи геронтологии*, 34(2), 311–318. <https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.2.019>

Юдина М. А. (2020). Влияние цифровизации на социальное неравенство. *Уровень жизни населения регионов России*, 16(1), 97–108. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.1.10>

Chopik, V. (2016). The benefits of social technology use among older adults are mediated by reduced loneliness. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 19(9). <https://doi.org/10.1089/cyber.2016.0151>.

Helsper, E. & Reisdorf, B. (2016). The emergence of a “digital underclass” in Great Britain and Sweden: Changing reasons for digital exclusion. *New Media & Society*, 19(8), 1253–1270. <https://doi.org/10.1177/1461444816634676>

Kampens, J., Vercruyssen, A., Schirmer, W. et al. (2024). Inequalities in internet use among older people between 2004 and 2021: Examining the cumulative impact of sociodemographic characteristics on internet non-use. *Journal of Digital Social Research*, 6(3), 93–111. <https://doi.org/10.33621/jdsr.v6i3.27424>.

Neves, B., Waycott, J., & Malta, S. (2018). Old and afraid of new communication technologies? Reconceptualising and contesting the ‘age-based digital divide’. *Journal of Sociology*, 54(2). <https://doi.org/10.1177/1440783318766119>

References

Basova, E. A. (2021). Digital inequality in Russian regions: current problems and ways to overcome them. *Voprosy territorial'nogo razvitiya [Territorial Development Issues]*, 9(4). <https://doi.org/10.15838/tdi.2021.4.59.4> (In Russ.)

Chopik, V. (2016). The benefits of social technology use among older adults are mediated by reduced loneliness. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 19(9). <https://doi.org/10.1089/cyber.2016.0151>

Goroshko, N.V. & Patsala, S.V. (2021). «Silver Economy» as a new trend in global development in the context of global population aging. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Sotsial'noekonomicheskiye nauki [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]*, 2, 198–218. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.2.15>. (In Russ.)

Gruzdeva, M.A. (2022). The age factor in the digital divide: dimensions of inequality. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 15(4), 228–241. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.14> (In Russ.)

Gruzdeva, M.A. (2020). Population engagement in the digital space: global trends and inequality in Russian regions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 13(5), 90–104. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.5> (In Russ.)

Helsper, E. & Reisdorf, B. (2016). The emergence of a “digital underclass” in Great Britain and Sweden: Changing reasons for digital exclusion. *New Media & Society*, 19(8), 1253–1270. <https://doi.org/10.1177/1461444816634676>

Kampens, J., Vercruyssen, A., Schirmer, W. et al. (2024). Inequalities in internet use among older people between 2004 and 2021: Examining the cumulative impact of sociodemographic characteristics on internet non-use. *Journal of Digital Social Research*, 6(3), 93–111. <https://doi.org/10.33621/jdsr.v6i3.27424>

Karapetyan, R.V., Lebedeva, E.V., Titarenko, L.G. (2021). Technoageism and technobehavior of older urban residents: findings from Russian and Belarusian studies. *Uspekhi gerontologii [Advances in Gerontology]*, 34(2), 311–318. <https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.2.019> (In Russ.)

Neves, B., Waycott, J., & Malta, S. (2018). Old and afraid of new communication technologies? Reconceptualising and contesting the ‘age-based digital divide’. *Journal of Sociology*, 54(2). <https://doi.org/10.1177/1440783318766119>

Varlamova, Yu. A. (2022). The intergenerational digital divide in Russia. *Mir Rossii [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]*, 31(2), 51–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74> (In Russ.)

Yudina, M.A. (2020). The impact of digitalization on social inequality. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 16(1), 97–108. <https://doi.org/10.19181/lspr.2020.16.1.10> (In Russ.)

Косыгина Ксения Евгеньевна — кандидат экономических наук, заведующий центром социокультурных и политических исследований, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН; <https://orcid.org/0000-0001-5875-8912> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru).

Гордиевская Александра Николаевна — научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН; <https://orcid.org/0000-0001-7777-3456> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: alessu85@mail.ru).

Kseniya E. Kosygina — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Center for Sociocultural and Political Research, Leading Research Fellow, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0001-5875-8912> (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, e-mail: sene4ka.87@mail.ru).

Aleksandra N. Gordievskaya — Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0001-7777-3456> (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: alessu@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 316.3/4

JEL classification: Z13, I31, R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-14>

Становление Союза русских общин Приднестровской Молдавской Республики: теоретико-социологический анализ¹

И.Е. Луцкова

Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь, Приднестровье).

<https://orcid.org/0009-0003-7151-5394>

Автор для корреспонденции: И.Е. Луцкова (i.lutskova@bk.ru).

Аннотация. В статье анализируется роль Союза русских общин Приднестровской Молдавской Республики как субъекта общественной консолидации. Цель — выявить теоретические основания и практические механизмы его деятельности в полиэтническом регионе. Методология включает синтез классических социологических теорий (Э. Дюркгейм, М. Вебер), конвенционального подхода и анализ эмпирических данных. Результаты показывают, что Союз выполняет двойную функцию: сохраняет этнокультурную идентичность и укрепляет общегражданскую солидарность. Его работа базируется на ценностно-рациональном действии, поддержании коллективного сознания и добровольной интеграции через общие символы и практики. Научный вклад заключается в применении классического теоретического аппарата к анализу современной региональной организации. Выводы свидетельствуют об эффективности модели, сочетающей культурную автономию с общественной интеграцией.

Ключевые слова: Союз русских общин; социальная солидарность; культурное действие; конвенциональный подход; культурная идентичность; Приднестровье.

The Formation of the Union of Russian Communities of the Pridnestrovian Moldavian Republic: a Theoretical and Sociological Analysis

I. Lutskova

Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko (Tiraspol, Pridnestrovie).

<https://orcid.org/0009-0003-7151-5394>

Corresponding author: I. Lutskova (i.lutskova@bk.ru).

Abstract. The article analyzes the role of the Union of Russian Communities of the Pridnestrovian Moldavian Republic as a subject of public consolidation. The aim is to identify the theoretical foundations and practical mechanisms of its activities in a multi-ethnic region. The methodology includes a synthesis of classical sociological theories (E. Durkheim, M. Weber), a conventional approach, and an analysis of empirical data. The results show that the Union performs a dual function: preserving ethno-cultural identity and strengthening civil solidarity. Its work is based on value-rational action, maintaining collective consciousness, and voluntary integration through shared symbols and practices. The scientific contribution lies in the application of classical theoretical apparatus to the analysis of a modern regional organization. The findings indicate the effectiveness of a model that combines cultural autonomy with social integration.

Keywords: Union of Russian Communities; social solidarity; cultural action; conventional approach; cultural identity; Pridnestrovie.

Введение

Настоящая статья посвящена теме изучения роли и деятельности Союза русских общин Приднестровской Молдавской Республики (СРО ПМР) как субъекта

¹ © Луцкова И. Е. Текст. 2026.

общественной консолидации в полиэтничном регионе. Сущность проблемы сводится к необходимости выявления и анализа социальных механизмов, посредством которых национально-культурное объединение способствует укреплению социальной сплоченности в условиях культурного многообразия. Актуальность исследования обусловлена важностью общественных институтов, поддерживающих культурную идентичность и межнациональный диалог в сложных социополитических условиях. Гипотеза исследования заключается в том, что деятельность СРО ПМР может быть адекватно проанализирована через синтез классических социологических теорий (солидарности и социального действия) и современных конвенциональных подходов, что позволит раскрыть его двойственную функцию.

Статья представляет собой обобщение теоретико-концептуальных оснований и социально-культурного анализа деятельности данной организации. В статье излагаются ключевые направления, механизмы и результаты работы Союза, а также дается оценка его влияния на формирование культурной идентичности и общественной стабильности в Приднестровье.

Наша основная цель заключается в том, чтобы, опираясь на теоретический аппарат и фактические данные, показать, как СРО ПМР выполняет функции института социальной интеграции и культурной репродукции. Для достижения данной цели решаются следующие задачи: 1) рассмотреть деятельность Союза в рамках теорий социальной солидарности Э. Дюркгейма и социального действия М. Вебера; 2) проанализировать его роль с позиции конвенционального подхода; 3) охарактеризовать основные направления и эмпирические масштабы деятельности организации; 4) оценить ее вклад в формирование культурной идентичности и общественной консолидации в Приднестровье.

Обзор литературы

Теоретической основой для анализа выступают классические социологические концепции. Э. Дюркгейм рассматривал социальную солидарность как основу интеграции общества, выделяя механическую и органическую ее формы (Дюркгейм, 1996). В современных сложных обществах, по Дюркгейму, доминирует органическая солидарность, основанная на взаимозависимости и разделении труда. М. Вебер ввел понятие социального действия, выделив целерациональный, ценностно-рациональный, аффективный и традиционный типы (Вебер, 1990). Его подход позволяет анализировать деятельность общественных организаций как осмысленную, направленную на достижение ценностных целей.

Важным контекстом для понимания роли общинных структур в современном обществе являются исследования общенациональных ценностей и исторических форм самоорганизации. В работах, посвященных российским общенациональным ценностям, подчеркивается их роль как скреп национального единства, способных объединять этническое многообразие на основе таких ориентиров, как мир, справедливость, правда, единство, солидарность и соборность (Савин & Касабучкая, 2019). Эти ценности, формируя базис политической культуры и исторического сознания, выступают основой для формирования гражданской нации в полиэтничном обществе. Особый интерес в данном контексте представляет социоисторический анализ русской общины, который

раскрывает ее как общественно-производственное объединение на началах самоуправления, самоорганизации, взаимопомощи и совместного владения, где приоритет духовно-нравственных установок и принципа уравнительности исторически доминировал над сугубо материальными интересами (Масликов, 2019). Традиционная община (мир) выступала не только хозяйственной единицей, но и носителем латентных социокультурных механизмов, воспроизводящих фундаментальные нормы и обеспечивающих устойчивость общества даже в условиях внешнего давления.

В современной литературе проблематика национально-культурных общин и их роли в интеграции общества активно разрабатывается. Так, А.Н. Поляков рассматривает общину как одну из форм социальной организации, сохранившую актуальность в различных видах (Поляков, 2004). Исследователи подчеркивают, что в условиях поликультурности идентичность формируется не только сверху, через государственные институты, но и снизу, через гражданские инициативы и практики (Дымченко, 2015; Голубь, 2018). Общины рассматриваются как медиаторы, создающие пространство для добровольных соглашений и воспроизводства разделяемых культурных норм. Особое значение имеет современный научный дискурс, в котором община рассматривается как эффективный социальный инструмент для комплексного решения общественных проблем, включая демографические, воспитательные и криминогенные (Набиева, 2020). Именно в этом контексте, опираясь на исторический опыт и актуальные ценности, анализируется деятельность СРО ПМР в данной статье, что позволяет преодолеть ограничения чисто институционального подхода и учесть агентский компонент в процессах культурной интеграции.

Важным теоретическим дополнением к анализу деятельности Союза русских общин ПМР является концепция коммуникативного действия Ю. Хабермаса, согласно которой социальная интеграция в современном обществе достигается не через принуждение, а посредством диалога, согласования позиций и добровольного участия акторов в публичной сфере (Хабермас, 2001). В этом контексте национально-культурные объединения могут рассматриваться как элементы гражданского общества, формирующие пространство общественного согласия и гражданской солидарности.

Подход В.А. Тишкова к анализу гражданской нации в условиях этнокультурного многообразия позволяет рассматривать деятельность СРО ПМР как механизм интеграции, основанный на сочетании культурной автономии и общей гражданской идентичности. По мнению исследователя, устойчивость полиэтнических обществ обеспечивается не унификацией, а признанием культурного разнообразия в рамках общих ценностей и институтов (Тишков, 2011).

Современные политико-социологические исследования подчеркивают, что национально-культурные объединения выступают медиаторами между государством и обществом, способствуя снижению социальной фрагментации и укреплению региональной идентичности (Семененко, 2017; Киреева, 2016). Указанные положения позволяют расширить интерпретацию деятельности СРО ПМР как фактора общественной консолидации не только этнического, но и общегражданского характера.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют принципы системного и сравнительного анализа, а также синтез теоретических подходов. Основными методами выступили:

1. Теоретический анализ и синтез научной литературы по социологии интеграции, социальной солидарности, общенациональным ценностям, истории общины и деятельности общественных организаций.

2. Анализ документов: программных документов, уставных положений (Устав Союза русских общин Приднестровья¹), официальных отчетов и публикаций Союза русских общин ПМР.

3. Контент-анализ информационных материалов (анонсы, новости, отчеты о мероприятиях) на официальных ресурсах организации за период 2020–2024 гг.

4. Количественный анализ данных о масштабах деятельности (количество, типология и география проводимых мероприятий), предоставленных организацией.

Выбор указанных методов обусловлен необходимостью сочетания макроуровневого теоретического осмысления функций общественного объединения, укорененного в системе национальных ценностей и исторической традиции, с микроуровневым анализом его конкретной практической деятельности. Такой комплексный подход позволяет получить целостное представление о СРО ПМР как о социальном феномене, продолжающем и адаптирующем исторические формы самоорганизации.

Результаты

Теоретико-концептуальный анализ деятельности СРО ПМР

С позиции теории социальной солидарности Э. Дюркгейма, СРО ПМР выступает институтом, поддерживающим органическую солидарность в приднестровском обществе. Он способствует интеграции русской общности через развитие взаимодополняемости ее социальных ролей с другими этническими группами, а также поддерживает коллективное сознание, основанное на общих нормах и ценностях (Дюркгейм, 1996). В рамках теории социального действия М. Вебера деятельность Союза представляет собой преимущественно ценностно-рациональное и традиционное действие (Вебер, 1990). Его мероприятия (праздники, фестивали, образовательные проекты) ориентированы на сохранение и воспроизводство таких ценностей, как русский язык, историческая память, православные традиции, что формирует осмысленное социальное поведение участников.

Конвенциональный подход, развитый в работах Н. Дымченко и Н. Голубь, позволяет детализировать механизмы этой деятельности. СРО ПМР выполняет роль конвенционального центра, где через систему добровольных соглашений и символических практик формируется и транслируется культурная идентичность. Анализ деятельности Союза позволяет выделить пять ключевых компонентов его влияния (Дымченко, 2015; Голубь, 2018):

¹ Устав Союза русских общин Приднестровья. URL: <https://ruscom-pmr.ru/ustav-soyuza-russkikh-obshhin-pridnestrovya/?ysclid=mkmg9ng54f464259974> (дата обращения: 20.01.2026).

- 1. Символический (организация праздников, памятных дат, ритуалов).
- 2. Языковой (поддержка русскоязычного пространства, просветительские проекты).
- 3. Исторический (актуализация коллективной памяти, патриотические мероприятия).
- 4. Ценностный (трансляция норм, традиций, моральных ориентиров).
- 5. Коммуникативный (создание социальных связей, платформы для совместной деятельности).

Деятельность Союза русских общин ПМР является практическим воплощением идеи о современной общине как социальном инструменте преобразования общества (Набиева, 2020), а также актуализацией исторического опыта русской общины, где духовно-нравственные и соборные начала превалировали над узкоутилитарными (Масликов, 2019). Как и традиционный мир, СРО ПМР ориентирован не только на решение конкретных задач, но и на поддержание скреп общности, к которым в современном российском ценностном дискурсе относятся мир, справедливость, правда, единство и солидарность (Савин & Касабучкая, 2019). Подобно махалле в Узбекистане или киббуцу в Израиле, СРО ПМР демонстрирует потенциал добровольного общественного объединения, укорененного в системе ценностей, для решения комплекса социальных и культурных задач.

Эмпирический анализ масштабов и направлений деятельности

Практическая деятельность СРО ПМР подтверждает его роль как активного субъекта общественной жизни, действующего в русле выявленных общенациональных ценностей. За один календарный год организация проводит в среднем 50–60 мероприятий различного масштаба. За последние пять лет было реализовано более 200 проектов. Для наглядности структура мероприятий за отчетный год представлена в таблице 1.

Данные таблицы показывают, что наибольший удельный вес имеют традиционные праздничные и молодежные мероприятия (суммарно около 33 %),

Таблица 1

Структура мероприятий Союза русских общин ПМР за отчетный год (2024)

Тип мероприятия	Количество	Доля, %
Традиционные праздничные мероприятия	12	18.8
Молодежные концерты, фестивали русской культуры	9	14.1
Памятные патриотические мероприятия	8	12.5
Детский отдых и новогодние праздники	8	12.5
Культурно-образовательные и просветительские проекты	8	12.5
Лечение, реабилитация, поставка медтехники	7	10.9
Конкурсы, фестивали творчества	5	7.8
Международные форумы российских соотечественников	4	6.3
Мероприятия православной направленности	2	3.1
Материальная помощь ветеранам войны и труда	1	1.6
Итого	64	100

Источник: составлено автором по данным отчетных материалов СРО ПМР.

что подчеркивает ориентацию на межпоколенческую преемственность и актуализацию культурного кода, созвучную общинному принципу передачи традиций. Значительная доля мероприятий патриотической и просветительской направленности (около 25 %) свидетельствует о работе с исторической памятью и формированием ценностных ориентиров, выступающих, по аналогии с исторической общиной, основой коллективного сознания. Важно отметить наличие социально-практического компонента (помощь, реабилитация, гуманитарные проекты), который составляет около 13 % деятельности и демонстрирует комплексный подход к укреплению социальных связей и принцип взаимопомощи, унаследованный от традиционной общины.

Анализ Устава СРО ПМР¹ позволяет конкретизировать институциональные основы этой деятельности. Ключевыми целями Союза, согласно Уставу, являются: консолидация русской общины; сохранение и развитие русской культуры, языка, православных традиций и исторической памяти; укрепление межнационального согласия и содействие социальной стабильности; защита законных прав и интересов российских соотечественников; развитие связей с Российской Федерацией. Цели напрямую коррелируют с задачами поддержания общенациональных ценностей (таких как мир, единство, солидарность) и воспроизводства общинного духа на новых основаниях. Организационная структура (общее собрание, координационный совет, председатель) обеспечивает демократическое управление и представительство интересов местных общин, продолжая традиции мирского самоуправления. Таким образом, организационное оформление и уставные цели Союза непосредственно коррелируют с его реальной социально-культурной практикой, уходящей корнями в ценностную систему и исторический опыт общинности.

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что Союз русских общин ПМР является эффективным примером общественной организации, выполняющей интеграционные функции в поликультурной среде, и его деятельность может быть осмыслена в контексте исторической преемственности и системы общенациональных ценностей. С одной стороны, в рамках теории Дюркгейма, он выступает как институт, укрепляющий органическую солидарность приднестровского общества через интеграцию конкретной этнокультурной группы. С другой стороны, веберианский подход позволяет интерпретировать его деятельность как постоянный поток ценностно-рациональных действий, направленных на сохранение культурных смыслов, в число которых входят и ключевые российские ценности, такие как мир, правда и справедливость (Савин & Касабучкая, 2019).

Конвенциональный подход дает ключ к пониманию конкретных механизмов представленной работы. СРО ПМР не навязывает идентичность, а создает пространство для ее добровольного принятия и воспроизводства через систему соглашений (языковых, символических, ценностных). Что отличает его деятельность от жестких

¹ Устав Союза русских общин Приднестровья. URL: <https://ruscom-pmr.ru/ustav-soyuza-russkikh-obshhin-pridnestrovya/?ysclid=mkmg9ng54f464259974> (дата обращения: 20.01.2026).

форм культурной политики сверху и делает ее более устойчивой и адаптивной, сближая с принципами традиционной общинной самоорганизации. Данный вывод согласуется с позицией З.Р. Набиевой (2020), которая видит в современной общине, основанной на добровольных началах, действенный инструмент для комплексного решения социальных проблем; а также с историческим анализом, показывающим, что устойчивость русской общины зиждилась на приоритете духовно-нравственных скреп над узкоэкономическими интересами (Масликов, 2019).

Эмпирические данные подтверждают теоретические выводы. Ориентация на праздники, работу с молодежью, образовательные и социальные проекты показывает, что Союз работает не только с прошлым (историческая память), но и с настоящим (социальная поддержка) и будущим (воспитание новых поколений), реализуя тем самым комплексный подход, унаследованный от функций традиционного мира. Такой подход, закрепленный в уставных документах, является его сильной стороной и объясняет устойчивость влияния организации. СРО ПМР выступает не просто как этнокультурное объединение, но и как фактор общественной стабильности, способствующий снижению социальной фрагментации и укреплению гражданского согласия в Приднестровье, реализуя тем самым потенциал общины как социального инструмента преобразования, основанного на разделяемых ценностях.

Заключение

Деятельность Союза русских общин Приднестровской Молдавской Республики представляет собой сложный социальный феномен, который может быть продуктивно проанализирован на пересечении классических и современных социологических теорий, а также в контексте исторического опыта общинности и системы общенациональных ценностей. Он успешно выполняет двойственную миссию: способствует сохранению этнокультурной идентичности русской общности и одновременно укрепляет общеприднестровскую гражданскую солидарность через механизмы органической интеграции, ценностно-рационального действия и добровольных конвенциональных соглашений.

Основными практическими механизмами этой работы являются культурно-просветительские, патриотические, молодежные и социальные проекты, что обеспечивает межпоколенческую преемственность и комплексное воздействие на общество, продолжая в адаптированной форме традиции взаимопомощи и коллективного сознания исторической общины. Институциональное оформление Союза, его уставные цели, направленные на поддержку культуры, языка, традиций и межнационального согласия, и демократическая структура управления создают прочную основу для его деятельности в русле таких общенациональных ориентиров, как мир, единство и справедливость. Опыт СРО ПМР подтверждает актуальность тезиса о значимости добровольных общественных объединений (общин), укорененных в системе ценностей и исторической памяти, как действенных субъектов социальной консолидации и культурного развития в современных условиях. Перспективными направлениями для дальнейших исследований представляются углубленные эмпирические исследования с применением качественных методов (интервью, наблюдение) для изучения восприятия деятельности Союза

его участниками и оценки долгосрочных эффектов на формирование гражданской идентичности в Приднестровье.

Список источников

- Вебер, М. (1990). *Избранные произведения*. Москва: Прогресс, 808.
- Голубь, Н. А. (2018). *Культурная идентичность и роль национальных общин*. Кишинёв: Штиинца, 145.
- Дымченко, Н. В. (2015). *Консолидация общества в условиях культурного многообразия*. Тирасполь: Изд-во Приднестровского университета, 210.
- Дюркгейм, Э. (1996). *О разделении общественного труда*. Москва: Канон, 432.
- Киреева, Н. В. (2016). *Национально-культурные объединения как институты гражданского общества в постсоветских обществах: дис. ... канд. социол. наук*. Москва, 186.
- Масликов В. А. (2017). Социоисторический анализ проблем и преимуществ Русской общины. *Материалы Афанасьевских чтений*, 1 (18), 116–125. EDN: XXWNLR
- Набиева, З. Р. (2020). Современная община как социальный инструмент преобразования российского общества. *Siberian Socium*, 4 (1), 59–68. <http://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-1-59-68>
- Поляков, А. Н. (2004). Община как форма социальной организации. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 6 (31), 17–20. EDN: JRGTXF
- Савин, С. Д., Касабучкая, М. С. (2019). Общениональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 12 (1), 82–97. <http://doi.org/10.21638/spbu12.2019.106>
- Семененко, И. С. (2016). Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *Полис. Политические исследования*, 4, 8–28. <http://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
- Тишков В. А. (Ред.). (2011). *Российская нация: становление и этнокультурное многообразие*. Москва: Наука, 462.
- Хабермас Ю. (2001). *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. Санкт-Петербург: Наука, 419.

References

- Durkheim, E. (1996). *O razdeleni iobshchestvennogo truda* [The Division of Labour in Society]. Moscow: Kanon, 432. (In Russ.).
- Dymchenko, N. V. (2015). *Konsolidatsiya obshchestva v usloviyakh kulturnogo mnogoobraziya* [Consolidation of Society in Conditions of Cultural Diversity]. Tiraspol: Izd-vo Pridnestrovskogo universiteta, 210. (In Russ.).
- Golub, N. A. (2018). *Kulturnaya identichnost i rol natsionalnykh obshchin* [Cultural Identity and the Role of National Communities]. Chisinau: Shtiintsa, 145. (In Russ.).
- Habermas, J. (2001). *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [Involving the other. Essays on political theory]. Saint Petersburg: Nauka, 419. (In Russ.).
- Kireeva, N. V. (2016). *Nacional'no-kul'turny'e ob`edineniya kak instituty` grazhdanskogo obshchestva v postsovetskikh obshchestvax* [National cultural associations as institutions of civil society in post-Soviet societies]: dis. ... kand. social sciences. Moscow, 2016.
- Maslikov, V. A. (2017). Sociohistorical analysis of the problems and benefits of the russian community. *Materialy` Afanas'evskix chtenij*, 1 (18), 116–125. EDN: XXWNLR (In Russ.).
- Nabieva, Z. R. (2020). Contemporary community as a social tool for transforming society. *Siberian Socium*, 4 (1), 59–68. <http://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-1-59-68> (In Russ.).

Polyakov, A. N. (2004). Community as a form of social organisation. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6(31), 17–20. EDN: JRGTXF (In Russ.).

Savin, S. D., & Kasabutskaya, M. S. (2019). Russian national values in terms of the development of collective identity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]*, 12(1), 82–97. (In Russ.).

Semenenko, I. S. (2016). Politics of Identity and Identity in Politics: Ethno-National Perspectives in the European Context. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, 4, 8–28. <http://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03> (In Russ.).

Tishkov, V. A. (Ed.). (2013). *Rossiyskaya naciya: stanovlenie i e`tnkul`turnoe mnogoobrazie [Russian Identity and Ethnicity: Historical and Political Dimensions]*. Moscow: Sage, 492. (In Russ.).

Weber, M. (1990). *Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]*. Moscow: Progress, 808. (In Russ.).

Луцкова Ирина Евгеньевна — старший преподаватель кафедры социологии, Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко. <https://orcid.org/0009-0003-7151-5394> (Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 128). E-mail: i.lutskova@bk.ru.

Irina E. Lutskova — Senior Lecturer, Department of Sociology, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko. <https://orcid.org/0009-0003-7151-5394> (128, 25 Oktyabrya St., Tiraspol, 3300, Pridnestrovie). E-mail: i.lutskova@bk.ru.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of ai tools declaration

The author declares that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.1

J11

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-15>

Демографический вызов российской Арктики: экономика и население¹

К. О. Малинина ^а, Т. А. Блынская ^б,

^а Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук; Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-3113-1241>

^б Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук; Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-9675-4688>

Автор для корреспонденции: Т.А. Блынская (t_blynskaya@mail.ru)

Аннотация. *Взаимосвязь между социально-экономическим развитием и демографическими процессами в российской Арктике является сложной, часто противоречивой. Преимущественно сырьевая экономика определяет миграционные волны, но не создает условий для естественного воспроизводства и долгосрочного закрепления населения. Демографическая ситуация в арктических регионах остается неоднородной: в то время как отдельные субъекты демонстрируют рост, большинство продолжает терять население. Исследователи выделили основные группы проблем, которые жители субъективно воспринимают как причины для отъезда: природно-климатические условия, качество жизни, перспективы развития города. Отток населения из арктических городов — следствие не только объективных сложных условий, но и субъективного восприятия жителями низкого качества жизни и отсутствия перспектив. Ключевое решение состоит в создании условий, при которых люди смогут построить карьеру и при этом захотят создавать семьи и растить детей, чувствуя всестороннюю поддержку.*

Ключевые слова: Арктика; демография; население; миграция; качество жизни.

The Demographic challenge of the Russian Arctic: Economy and Population

K. Malinina ^а, T. Blynskaia ^б,

^а N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia).

<https://orcid.org/0000-0003-3113-1241>

^б N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-9675-4688>

Corresponding author: T. Blynskaya (t_blynskaya@mail.ru)

Abstract. *The relationship between socio-economic development and demographic processes in the Russian Arctic is complex and often contradictory. The predominantly resource-based economy determines migration waves, but does not create conditions for natural reproduction and long-term population retention. The demographic situation in the Arctic regions remains heterogeneous: while some regions are experiencing growth, most continue to lose population. Researchers have identified the main groups of problems that residents perceive as reasons for leaving: natural and climatic conditions, quality of life, and urban*

¹ © Малинина К. О., Блынская Т. А. Текст. 2026.

development prospects. The outflow of people from Arctic cities is a consequence not only of the objective difficult conditions, but also of the subjective perception of low quality of life and lack of prospects by the residents. The key solution is to create conditions under which people can build a career and at the same time want to start families and raise children, feeling comprehensive support.

Keywords: Arctic; demographics; population; migration; quality of life

Введение

Изменения в численности и возрастном составе населения неразрывно связаны с экономической сферой, уровнем жизни, социальной политикой, формируя вызовы для экономики, оказывая влияние на экономический рост, на пенсионную систему, здравоохранение, представленность рабочей силы. В свою очередь качество жизни влияет на демографическое поведение, повышение уровня образования может приводить к снижению рождаемости и более позднему созданию семьи, качество здравоохранения повышает продолжительность жизни, а социальная политика и экономические условия являются ключевыми драйверами миграционных потоков.

Понимание этой взаимозависимости критически важно для государственного планирования. Эффективная политика в области занятости, пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования и миграции должна учитывать демографические тренды (старение, низкую рождаемость), чтобы обеспечить устойчивое развитие (Ахрамочкин & Натробина, 2025).

Российская Арктика обладает исключительной геополитической и экономической значимостью по нескольким причинам:

- Богатые ресурсы: здесь сосредоточено около 25 % мировых запасов нефти и газа, а также крупные месторождения алмазов, золота, никеля и других полезных ископаемых.

- Стратегические пути: Северный морской путь является ключевой транспортной артерией, а таяние льдов открывает новые перспективы для судоходства и добычи ресурсов.

- Геополитическое соперничество: на арктические территории претендуют не только восемь прибрежных государств, но и более 40 стран, не имеющих прямого выхода в регион, что ведет к его активному переделу.

Все это делает Арктический вектор одним из приоритетных направлений социально-экономического развития и внешней политики Российской Федерации в XXI веке (Данилова, 2020).

Арктическая зона Российской Федерации занимает 30 % площади территории нашей страны, здесь проживает 1,6 % населения, а в регионах, входящих в АЗРФ, производится более 15 % совокупного ВРП¹.

Взаимосвязь между социально-экономическим развитием и демографическими процессами в российской Арктике является сложной, зачастую противоречивой и ключевой для устойчивого развития этого стратегически важного макрорегиона. Преимущественно сырьевая экономика определяет миграционные волны, но не создает условий для естественного воспроизводства и долгосрочного закрепления населения.

¹Инвестиционный портал Арктической зоны России <https://arctic-russia.ru/about/?ysclid=ml7xw5eu14290882030> (дата обращения: 25.12.2025); Люди Арктики. Как менялась численность населения в регионах АЗРФ? <https://murmansk.ru/36977?ysclid=ml7z7rp9he783611423> (дата обращения: 25.12.2025).

Демографические процессы в Арктической зоне РФ

Заселять или осваивать арктические территории — вопрос актуальный по сей день. В мировом сообществе сложились два пути решения — американский и скандинавский. Первый основан на вахтовом методе, второй, невзирая на сложные для жизнедеятельности условия, позволяет обеспечивать местному населению высокий уровень качества жизни (Данилова, 2020).

Исследователи выделяют ресурсный и пространственный подходы к изучению демографических процессов в Арктике. Первый подход связывает изменение численности населения АЗ с промышленным освоением. При экономическом подъеме растет спрос на рабочую силу и соответственно увеличивается численность населения, в противном же случае, например, при истощении месторождений, происходит отток населения (Смирнов, 2020). Второй подход, пространственный, изучает демографические процессы с позиции расположения населенных пунктов (Замятина & Пилясов, 2017), влияния агломерационного эффекта (Киселева и др., 2016), транспортной связи (Бадина и др., 2020) и систем расселения (Кузеванова & Колясников, 2014).

Оценивая динамику ключевых показателей и резервы развития демографического и социального ландшафта регионов Арктической зоны в рамках экспертной сессии «От здоровой семьи, детей и молодежи — к здоровому долголетию в Арктике», директор Института социальной политики Лилия Овчарова представила следующие данные:

1. Структура населения Арктики в среднем моложе, чем в России в целом. Структура населения моложе общероссийской (больше детей, меньше лиц 60+), но средний возраст населения все же непрерывно увеличивается. После выхода на пенсию многие уезжают из региона.

2. Естественный прирост vs миграционная убыль: в арктических регионах сохраняется положительный естественный прирост (рождаемость выше средней, материнство моложе, высока доля третьих и последующих детей, особенно в районах проживания КМНС). Однако это перечеркивается хронической миграционной убылью, ведущей к сокращению доли арктического населения в общероссийском.

3. Здоровье и уровень жизни: ожидаемая продолжительность жизни ниже среднероссийского уровня, хотя и растет. Уровень бедности неоднороден: в богатых сырьевых регионах он низок, в других высок. Реальная покупательная способность даже при высоких номинальных зарплатах часто ниже средней, что является выталкивающим фактором.

На 2024 год демографическая ситуация в арктических регионах России выглядела следующим образом: население всех субъектов АЗРФ составило 7,31 млн человек, но в целом за год сократилось более чем на 11 тысяч (рис. 1).

Лидеры:

— Якутия (Республика Саха) — единственный регион с положительным естественным приростом и миграционным притоком. Наибольший прирост в абсолютных числах. В 2023 году здесь родился миллионный житель.

— Ямало-Ненецкий АО показал значительный естественный прирост, который перекрыл миграционную убыль. Общее увеличение населения — +3,5 тыс. человек.

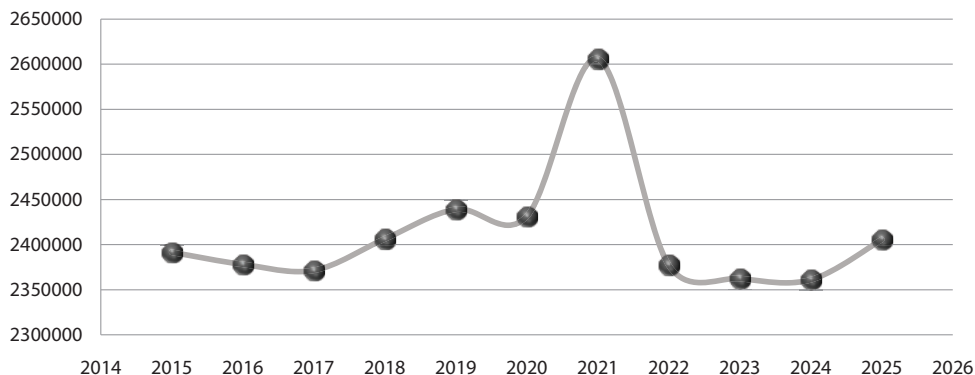

Рис. 1. Численность населения АЗРФ 2015–2025 гг./чел. (источник: сост. по: Росстат http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok_80_Calendar1_2025.xlsx (дата обращения: 25.01.2026).

Аутсайдеры:

- Архангельская область: наибольшая убыль — 8,4 тыс. человек. Рискует потерять статус региона-миллионника даже вместе с НАО.
- Республика Коми: общая убыль — 5 824 человека.
- Республика Карелия: сокращение численности населения на 4 тыс. человек из-за высокой естественной убыли, которую не компенсирует миграция.

Смешанные и позитивные тенденции:

- Красноярский край: небольшой общий прирост (+575 чел.) благодаря миграционному притоку, который немного перекрыл естественную убыль.
- Ненецкий АО (НАО): впервые с пандемии зафиксирован прирост населения (+841 человек), несмотря на общую негативную динамику в Архангельской области, в состав которой входит.
- Мурманская область: хотя общая тенденция к сокращению (население 656,4 тыс. чел.) сохраняется, в 2023 году впервые отмечен небольшой миграционный прирост (+664 чел.). Однако низкая рождаемость не позволила выйти в плюс (табл. 1).

Таким образом, демографическая ситуация в арктических регионах остается неоднородной: в то время как отдельные субъекты демонстрируют рост, большинство продолжает терять население.

Социологи, исследовавшие проблему убывающих городов, выявили ключевые причины оттока населения из арктических городов России, опираясь на статистику и анализ общественного мнения на примере Мурманской области.

Анализ публичного дискурса позволил исследователям выделить три основные группы проблем, которые жители субъективно воспринимают как причины для отъезда:

1. Природно-климатические условия: сложный климат, долгая зима, полярная ночь.
2. Качество жизни: состояние жилищного фонда, ЖКХ, доступность и качество социальных услуг (медицина, образование), транспортная доступность.

Таблица 1

Динамика численности населения в Арктическом регионе

	Численность населения на 01.01.2024	Общий прирост/убыль	Естественный прирост/убыль	Миграционный прирост/убыль
Архангельская область	955848	–8456	–6421	–2035
Красноярский край	2846120	575	–9081	9656
Мурманская область	656438	–2260	–2924	664
Ненецкий автономный округ	42224	841	70	771
Республика Карелия	523856	–4024	–4439	415
Республика Коми	720610	–5824	–3405	–2419
Республика Саха (Якутия)	1001664	4099	3346	753
Чукотский автономный округ	48029	189	39	150
Ямало-Ненецкий автономный округ	515960	3573	3829	–256

Источник: Арктический обозреватель. <https://murmansk.ru/36977?ysclid=ml7z7rp9he783611423> (дата обращения: 01.02.2026).

3. Перспективы развития города: ощущение стагнации, отсутствие видимых улучшений и возможностей для личностного и профессионального роста.

Исследователи делают вывод, что отток населения из арктических городов — это следствие не только объективных сложных условий, но и субъективного восприятия жителями низкого качества жизни и отсутствия перспектив. Эти факторы формируют устойчивую миграционную установку, особенно у молодого и экономически активного населения (Недосека и др., 2016).

Рассмотрим некоторые аспекты взаимовлияния социально-экономических факторов и демографической ситуации:

1. Перекосы сырьевой экономики.

«Обилие ресурсов приводит к закреплению недоразвитости институтов или даже к еще большему ухудшению их качества» (Полтерович и др., 2007), поэтому решающее значение имеет улучшение качества институтов (Жилина, 2009). Создаются высокодоходные рабочие места, есть возможность финансирования социальных программ и льгот, развивается временная (вахтовая) трудовая миграция.

Однако вахтовый метод не способствует формированию постоянного населения. Цикличность экономики приводит к волнообразной миграции: при освоении нового месторождения — приток, при истощении или кризисе — резкий отток и заброшенные поселения.

При слабом развитии несырьевых отраслей и сферы услуг ограничивается занятость для женщин и молодежи, что снижает привлекательность территорий для семей.

2. Качество жизни и социальная инфраструктура.

Высокая стоимость строительства, износ жилого фонда в старых городах, отсутствие современного комфортного жилья для постоянного проживания становятся мощным фактором оттока населения.

Деградация социальной инфраструктуры в малых городах и селах Арктики становится одной из основных причин отъезда молодежи и семей с детьми.

Экологические проблемы, связанные с промышленностью, снижают привлекательность для постоянного проживания.

3. Старение и сокращение населения ведут к дефициту кадров, особенно квалифицированных, вне сырьевого сектора, что тормозит диверсификацию экономики.

4. Отток молодежи подрывает инновационный потенциал и ведет к деградации социальной сферы.

5. Депопуляция сельских и традиционных поселений создает угрозу для сохранения культур и традиционного природопользования КМНС, что является не только социальной, но и экологической проблемой.

Выделяемые направления устойчивого развития включают комплексную политику, направленную:

- на качество жизни: инвестиции в современное жилье, социальную инфраструктуру (здравоохранение, образование), транспорт;

- диверсификацию экономики: создание новых, в т. ч. высокотехнологичных, рабочих мест вне добывающего сектора, особенно для молодежи и женщин;

- закрепление населения: сдвиг от вахтового метода к созданию комфортной среды для постоянного проживания семей;

- поддержку коренных народов и малых поселений: сохранение культурного наследия и традиционного уклада как основы устойчивости.

Для стимулирования устойчивого роста населения, по мнению экспертов¹, требуются комплексные меры, включающие:

- заботу о здоровье через популяризацию здорового образа жизни, ответственного отношения к себе;

- поддержку репродуктивного здоровья;

- создание комфортной среды через развитие инфраструктуры для жизни, систем здравоохранения и образования, улучшения условий труда;

- социальную ответственность бизнеса, направленную на сохранение здоровья сотрудников и поддержку семей с детьми;

- укрепление ценности семьи и родительства в обществе.

Заключение

Таким образом, ключевое решение вопросов устойчивого развития территорий состоит не столько в стимулировании собственно рождаемости, а в создании условий, при которых люди смогут полноценно заботиться о своем здоровье, строить карьеру и при этом захотят создавать семьи и растить детей, чувствуя всестороннюю средовую поддержку.

Демографическое будущее Арктики зависит от способности перейти к интенсивному развитию человеческого капитала и социальной среды. Без этого стратегически важный регион продолжит терять население, что ставит под угрозу его долгосрочное развитие и безопасность.

¹ Стратегический проект «Социальная политика устойчивого развития и инклюзивного экономического роста» <https://stratpro.hse.ru/social-policy/news/927512655.html?ysclid=ml7x5ppj23859222446> (дата обращения: 01.02.2026).

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания по теме НИР «Теоретико-методологические основы комплексного управления ресурсами развития территорий в современных условиях (на примере западной части Арктической зоны Российской Федерации)» № гос. регистрации 125021902597-5

Acknowledgements

The article was prepared as part of the state assignment for the research project «Theoretical and Methodological Foundations of Comprehensive Management of Territorial Development Resources in Modern Conditions (on the Example of the Western Part of the Arctic Zone of the Russian Federation)» No. of state registration 125021902597-5

Список источников

Ахрамочкин, Д. А., Натроби́на, О. В. (2025). Взаимосвязь демографических и социально-экономических процессов. *Вестник науки*, 2(4(85)), 602–614.

Бадина, С. В., Панкратов, А. А., Янков, К. В. (2020). Проблемы транспортной доступности изолированных населенных пунктов европейского сектора Арктической зоны России. *ИнтерКарто. ИнтерГИС*, 26(1), 305–318. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-305-317>

Данилова, Е. В. (2020). Население Российской Арктики: численность, процессы, прогнозы. *Инновации и инвестиции*, 12, 260–265. EDN SWZSMY.

Жилина, И. Ю. (2009). Сырьевая экономика и экономический рост. *Экономические и социальные проблемы России*, 1, 81–108. EDN KLTKHR.

Замятина, Н. Ю., Пилясов, А. Н. (2017). Концепция близости: зарубежный опыт и перспективы применения в России. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 3, 8–21. <https://doi.org/10.7868/S037324441703001X>

Киселева, Н. Н., Бавина, К. В., Каратунов, А. В. (2016). Методологические подходы к исследованию природы агломерационных процессов. *Фундаментальные исследования*, 12–2, 422–426. EDN XIITDD.

Кузеванова, Т. А., Колясников, В. А. (2014). Формирование систем расселения на основе инфраструктуры высокоскоростного транспорта. *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*, 4, 21–26. EDN RLFDGN

Недосека, Е. В., Шарова, Е. Н., Шорохов, Д. М. (2024). Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения. *Арктика и Север*, 54, 169–189. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169>

Полтерович, В., Попов, В., Тонис, А. (2007). Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика. *Вопросы экономики*, 6, 4–27. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-6-4-27>

Смирнов, А. В. (2020). Население мировой Арктики: динамика численности и центры расселения. *Арктика и Север*, 40, 270–290. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.270>

References

Akhramochkin, D. A., & Natrobina, O. V. (2025). Interrelation of demographic and socio-economic processes. *Vestnik nauki [Science Bulletin]*, 2(4(85)), 602–614. (In Russ.)

Badina, S. V., Pankratov, A. A., & Yankov, K. V. (2020). Problems of transport accessibility of isolated settlements in the European sector of the Russian Arctic. *InterKarto. InterGIS [InterCarto. InterGIS]*, 26(1), 305–318. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-305-317> (In Russ.)

Danilova, E. V. (2020). Population of the Russian Arctic: size, processes, forecasts. *Innovatsii i investitsii [Innovation and Investment]*, 12, 260–265. EDN SWZSMY. (In Russ.)

Zhilina, I. Yu. (2009). Raw materials economy and economic growth. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii [Economic and Social Problems of Russia]*, 1, 81–108. EDN KLTKHR. (In Russ.)

Zamiatina, N. Yu., & Piliasov, A. N. (2017). Concept of proximity: foreign experience and prospects of application in Russia. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*

[*Regional Research of Russia*], 3, 8–21. <https://doi.org/10.7868/S037324441703001X> (In Russ.)

Kiseleva, N. N., Bavina, K. V., & Karatunov, A. V. (2016). Development of settlement sistem based on the high-speed transport. *Fundamental'nye issledovaniia [Fundamental Research]*, 12-2, 422–426. (In Russ.)

Kuzevanova, T. A., & Kolyasnikov, V. A. (2014). Formation of settlement systems based on high-speed transport infrastructure. *Akademicheskii vestnik UralNIIproekt RAASN*, 4, 21–26. (In Russ.)

Nedoseka, E. V., Sharova, E. N., & Shorokhov, D. M. (2024). Shrinking cities in the Russian Arctic: Statistical trends and public discourse on the causes of population outflow. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 54, 169–189. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169> (In Russ.)

Polterovich, V., Popov, V., & Tonis, A. (2007). Mechanisms of the «resource curse» and economic policy. *Voprosy ekonomiki*, 6, 4–27. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-6-4-27> (In Russ.)

Smirnov, A. V. (2020). Population of the global Arctic: Population dynamics and settlement centers. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 40, 270–290. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.270> (In Russ.)

Малинина Кристина Олеговна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук; доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; <https://orcid.org/0000-0003-3113-1241> (Российская Федерация, 163020, г. Архангельск, пр-т Никольский, д.20, e-mail: malinina.ciom@gmail.com)

Блынская Татьяна Анатольевна — кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук; доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; <https://orcid.org/0000-0002-9675-4688> (Российская Федерация, 163020, г. Архангельск, пр-т Никольский, д.20, e-mail: t_blynskaya@mail.ru)

Kristina O. Malinina — PhD in Sociology, leading researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (20, Nikolsky ave., Arkhangelsk, 163020, Russian Federation, e-mail: malinina.ciom@gmail.com).

Tatiana A. Blynskaia — PhD in agricultural science, senior researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (20, Nikolsky ave., Arkhangelsk, 163020, Russian Federation, e-mail: malinina.ciom@gmail.com).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314(470.1/.2+571)

JEL classification: J11

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-16>

Смертность от внешних причин в северных регионах России: проблемы анализа¹

И. А. Панарина

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация).

<https://orcid.org/0009-0005-8681-2791>

Автор для корреспонденции: И.А. Панарина (i.a.panarina@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена проблеме неудовлетворительного качества статистических данных по смертности населения от внешних причин в России и ее северных регионах в частности. Выявлено, что на Севере, где проблема травматической смертности является весомой, практически повсеместно значительна доля неопределенных внешних причин. На основе сведений Российской базы данных по рождаемости и смертности показано, что реальные уровни смертности от социально значимых причин смерти, а конкретно от случайных отравлений алкоголем, могут быть значительно занижены. Отмечено, что на северных территориях возможен общий недоучет смертности от внешних причин, что требует специальных исследований. Сделан вывод об искажении реальной картины смертности от внешних причин, что препятствует правильному выбору приоритетов снижения смертности, а, следовательно, и увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения.

Ключевые слова: северные регионы России; ожидаемая продолжительность жизни; внешние причины смерти; качество статистики смертности; алкогольная смертность.

Mortality from External Causes in the Northern Regions of Russia: Problems of Analysis

I. Panarina

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, FRC Komi SC UB of RAS
(Syktvykar, Russian Federation).

<https://orcid.org/0009-0005-8681-2791>

Corresponding author: I. Panarina (i.a.panarina@yandex.ru).

Abstract. This article examines the poor quality of statistical data on mortality from external causes in Russia, particularly its northern regions. It is found that in the North, where traumatic mortality is a significant problem, the proportion of «uncertain» external causes is virtually universal. Using data from the Russian Birth and Mortality Database, it is shown that actual mortality rates from socially significant causes of death, specifically accidental alcohol poisoning, may be significantly underestimated. It is noted that in the northern regions, mortality from external causes may be generally underreported, requiring specialized research. It is concluded that the «real picture» of mortality from external causes is distorted, which hinders the appropriate prioritization of mortality reduction and, consequently, an increase in life expectancy.

Keywords: Northern regions of Russia; life expectancy; external causes of death; quality of mortality statistics; alcohol-related mortality.

Введение

В 2023 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) в России достигла своего исторического максимума — 73,4 года. Объявленные задачи государственной политики Российской Федерации по увеличению ОПЖ

¹ © Панарина И. А. Текст. 2026.

до 78 лет к 2030 г. и до 81 года — к 2036 г., а также по снижению к 2036 г. дифференциации ее показателей не менее чем на 25 % в сравнении с уровнем 2023 г.¹ (разница между наименьшим и наибольшим значениями в регионах составляла более 13 лет) делают необходимым поиск резервов и путей сокращения смертности населения на каждой из территорий страны.

Одним из главных препятствий, сдерживающих рост ОПЖ в России в настоящее время, исследователи называют высокий уровень смертности населения от внешних причин (Вишневский, 2017) и указывают на то, что резервы, которые могут быть сформированы за счет его уменьшения, являются одним из основных резервов стабилизации и увеличения численности России (Рязанцев и др., 2016). В то же время изучение проблемы высокой смертности от внешних причин осложняется проблемой неудовлетворительного качества статистики смертности от этой группы причин (Юмагузин & Винник, 2017).

Динамика и структура смертности от внешних причин в северных регионах России

В числе отстающих от среднего по стране уровня ОПЖ — большинство северных регионов России². Уменьшение смертности от внешних причин признается учеными одним из основных резервов роста продолжительности жизни на этих территориях (Пьянкова & Фаттахов, 2020; Попова, 2021).

Период с 2003 по 2019 гг. ознаменовался значительным снижением уровня смертности в России, за который самым существенным по сравнению с другими основными классами причин смерти было снижение смертности от внешних причин — на 59,8 % (с 233,5 до 93,8 умерших на 100 тыс. человек населения). Значительным оно было и во всех северных регионах: от 32,5 % — в Магаданской области до 68,7 % — в Республике Карелия. Несмотря на столь позитивную тенденцию, проблема так называемой травматической смертности на Севере остается очень существенной. Если в структуре смертности по причинам по России в целом внешние причины поменялись местами с новообразованиями, опустившись со второго места на третье в 2006 г., то в северных регионах это произошло позднее, а в двух регионах — Республике Тыва и в Чукотском автономном округе (АО) в указанный период внешние причины так и продолжали занимать вторую позицию³.

На протяжении 2015–2022 гг. доля числа смертей от внешних причин в общем числе смертей в большинстве северных регионов была больше, чем по России в целом. Особо по этому показателю выделяются уже упомянутые Чукотский АО и Республика Тыва, в которых на протяжении анализируемого периода

¹ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. №309. Правительство России: <http://government.ru/docs/all/153176/> (дата обращения: 15.12.2025).

² Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 15.12.2025); в работе рассматриваются регионы России, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям: республики Карелия, Коми, Саха (Якутия), Тыва; Камчатский край; Архангельская, Магаданская, Мурманская, Сахалинская области; Ханты-Мансийский — Югра, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

³ Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчете на 100 000 населения за год. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/31270> (дата обращения: 15.12.2025).

практически каждая четвертая-пятая смерть в регионе наступила от внешних причин (табл. 1).

В статистических сборниках в группе внешних причин смерти выделяются отдельные причины, такие как убийства, самоубийства, все виды транспортных несчастных случаев, случайные отравления алкоголем, случайные падения и прочие случайные происшествия. Особое внимание привлекает такая причина смерти, как «повреждения с неопределенными намерениями» (ПНН) — эта причина с 2007 г. занимает в России первое место в группе внешних причин по числу смертей, причем доля смертей от данной причины к 2022 г. практически удвоилась — с 16,2 % до 30,5 %. Согласно определению, к ПНН относят случаи смерти, когда доступной информации недостаточно, чтобы медицинские и юридические эксперты смогли сделать вывод о том, является ли данный инцидент несчастным случаем, самоповреждением или насилием с целью убийства или нанесения повреждений¹.

Если показатели смертности от ПНН по России в целом ранее публиковались Росстатом регулярно, то в разрезе регионов страны — только с 2020 по 2022 гг.², исходя из чего в таблице 1 мы ограничились данными за 2022 г.

Так, по России в целом в 2020–2022 гг. неопределенной для статистики оставалась практически каждая третья смерть от внешних причин (30,5–32,8 %). В то же время в шести северных регионах доля смертей от ПНН в числе всех смертей от внешних причин превышала 40,0 %. Наихудшее положение по данному показателю ежегодно занимала Сахалинская область, в 2021 г. показатель достигал 77,7 %. Минимальные значения регистрировались в Республике Коми — 6,5–9,6 % (табл. 2).

Информацию о том, какие конкретно причины могут попадать в блок причин ПНН можно посмотреть на примере Сахалинской области, статистическая служба которой ранее размещала такую информацию на своем сайте³.

Исследователи отмечают, что анализ рубрик блока ПНН отчасти позволяет прояснить вопрос о том, к каким внешним причинам определенного рода они могут быть отнесены. Относительно такой причины смерти как «отравление и воздействие алкоголем с неопределенными намерениями» они сходятся во мнении, что такой способ смерти, как отравление алкоголем, обычно встречается среди несчастных случаев и даже самоубийств (Вишневский, 2017), а что касается убийства таким способом, то «последняя ситуация применительно к взрослым встречается столь редко, что даже в МКБ-10, где рассмотрены все возможные причины смерти, она, как специальная единица, отсутствует» (Андреев, 2016а). Также ряд специалистов разделяют позицию, что все алкогольные отравления должны учитываться как несчастные случаи (Семенова и др., 2021).

¹ МКБ-10 — Международная классификация болезней 10-го пересмотра. <https://mkb-10.com/> (дата обращения: 15.01.2026).

² Естественное движение населения Российской Федерации. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 15.01.2026).

³ Смертность населения по основным классам 2022. Сахалинстат. <https://65.rosstat.gov.ru/folder/26479> (дата обращения: 15.01.2026).

Таблица 1

Доля смертей от внешних причин в общем числе смертей в 2015–2022 г. (%)*

Территория	Год							
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Республика Карелия	9,1	8,3	7,7	7,3	7,4	6,9	5,8	6,8
Мурманская область	10,8	10,6	10,8	9,8	9,9	8,1	6,1	7,2
Архангельская область	11,0	10,7	10,4	10,0	9,1	8,6	7,0	7,4
Российская Федерация	9,3	8,9	8,4	7,9	7,7	6,5	5,7	7,7
Камчатский край	11,2	11,5	11,2	11,1	9,3	9,2	8,3	9,0
Ханты-Мансийский АО — Югра	13,0	12,3	12,4	11,4	12,1	9,7	7,4	9,4
Республика Коми	13,0	12,9	11,2	11,2	11,2	10,3	7,7	10,0
Сахалинская область	13,9	12,3	13,2	13,3	12,9	11,7	10,3	11,7
Магаданская область	14,7	16,1	12,9	11,8	14,9	12,5	10,3	12,5
Республика Саха (Якутия)	17,0	16,2	16,4	15,6	14,0	13,3	10,4	13,5
Ненецкий АО	19,1	16,6	19,3	13,7	14,2	13,6	9,2	14,6
Ямало-Ненецкий АО	20,5	21,6	19,9	18,4	17,2	14,2	14,1	16,4
Чукотский АО	17,1	21,7	25,1	22,9	20,5	22,8	21,5	22,0
Республика Тыва	27,8	26,6	24,8	23,4	25,2	20,7	22,8	26,9

*Ранжировано по 2022 г. в порядке возрастания.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата. Естественное движение населения Российской Федерации: стат. бюлл. <https://www.rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 01.12.2025).

Таблица 2

Доля смертей от ПНН в числе смертей от внешних причин в 2020–2022 г. (%)*

Территория	Год		
	2020	2021	2022
Республика Коми	8,9	6,5	9,6
Республика Саха (Якутия)	17,0	17,8	18,6
Ненецкий АО	31,1	14,3	20,0
Архангельская область	17,6	19,2	24,4
Российская Федерация	32,4	32,8	30,5
Ямало-Ненецкий АО	31,3	30,1	30,5
Республика Тыва	12,5	22,1	31,6
Чукотский АО	50,4	37,1	32,4
Ханты-Мансийский АО — Югра	47,5	44,5	41,8
Республика Карелия	55,5	46,7	47,3
Камчатский край	58,4	47,5	47,8
Магаданская область	44,3	43,0	50,7
Мурманская область	71,1	69,7	58,3
Сахалинская область	77,4	77,7	73,1

*Ранжировано по 2022 г. в порядке возрастания.

Источник: составлено автором на основе данных ЕМИСС. Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти за год. <https://www.fedstat.ru/indicator/31620> (дата обращения: 01.10.2025).

Обратившись к Российской базе данных по рождаемости и смертности (РосБРИС) Центра демографических исследований Российской экономической школы¹, мы рассмотрели, как в целом за период 2015–2021 гг. (данные ограничены 2021 г.) в северных регионах были статистически отражены случаи смерти, наступившие от отравления алкоголем. Территории разделились на две группы: где число умерших от случайных отравлений превысило число умерших от отравлений с неопределенными намерениями, и наоборот. Северные регионы разделились практически поровну. В Республике Коми при значительном числе случайных отравлений алкоголем зафиксированы единичные неопределенные случаи, а в Сахалинской области — наоборот. Мурманская и Магаданская области, а также Камчатский край также оказались в числе регионов, где число неопределенных алкогольных отравлений значительно превышает случайные. В Ненецком и Ханты-Мансийском АО отравления распределялись практически поровну (табл. 3).

Мы так же считаем, что отравления алкоголем — это в подавляющем большинстве случайные происшествия, но отметим, что за период 2015–2021 гг. в России было зарегистрировано 14 случаев «преднамеренного самоотравления и воздействия алкоголем», два из которых — в регионах Севера: один — в 2016 г. в Архангельской области и один — в 2018 г. в Ханты-Мансийском АО².

Необходимо учитывать, что блок ПНН является не единственным коллектором внешних причин смерти, часть из них может попадать в другой класс причин — «симптомы, признаки, отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях, не классифицированные в других рубриках» (Васин, 2015), обычно не привлекающий никакого внимания ни властей, ни общественности. По крайней мере, в России с потерями от этого класса ассоциирована смертность от внешних причин в трудоспособных возрастах (Семенова и др., 2021). Если другие блоки этого класса своим названием дают понять, например, о какой системе организма человека идет речь, то блок «неточно обозначенные и неизвестные причины смерти» не дает никаких указаний. Если исключить из него причину «внезапная смерть грудного ребенка», то остаются причины, попадающие в статистику как «другие виды внезапной смерти, смерть без свидетелей». От причин под этой формулировкой за 2015–2022 гг. на Севере в целом умерло 17 037 человек, в то время как от внешних причин — 72 819. Учитывая сведения, имеющиеся в научной литературе (Иванова и др., 2013; Андреев, 2016б), есть основания полагать, что какая-то неопределенная часть внешних причин в северных регионах может быть недоучтена, что требует отдельных специальных исследований.

Заключение

Таким образом, настоящая работа демонстрирует, что неудовлетворительное качество статистических данных по смертности от внешних причин значительно препятствует проведению анализа смертности. Тот факт, что в большинстве северных регионов имеется искажение на уровне причин смерти одного класса,

¹ Российская база данных по рождаемости и смертности (РосБРИС). Российская экономическая школа. <https://www.nes.ru/demogr-fermort-data?ysclid=ly78dg66uw147964290> (дата обращения: 15.10.2025).

² Российская база данных по рождаемости и смертности (РосБРИС). Российская экономическая школа. <https://www.nes.ru/demogr-fermort-data?ysclid=ly78dg66uw147964290> (дата обращения: 15.10.2025).

Таблица 3

Число умерших от отравлений алкоголем в северных регионах России за 2015–2021 гг. (человек)

Территория	Число умерших от отравлений и воздействий алкоголем	
	случайных	с неопределенными намерениями
Число умерших от случайных отравлений алкоголем превышает число умерших от отравлений и воздействий алкоголем с неопределенными намерениями		
Республика Коми	1254	2
Архангельская обл. без НАО	1793	75
Республика Тыва	378	35
Республика Саха (Якутия)	629	102
Российская Федерация	81 971	22 368
Ямало-Ненецкий АО	266	107
Республика Карелия	236	150
Ненецкий АО	21	17
Число умерших от отравлений и воздействий алкоголем с неопределенными намерениями превышает число умерших от случайных отравлений алкоголем		
Ханты-Мансийский АО — Югра	423	445
Чукотский АО	13	20
Мурманская область	81	148
Камчатский край	35	207
Магаданская область	16	267
Сахалинская область	1	727

*Ранжировано по соотношению числа умерших от случайных отравлений (воздействий) алкоголем к числу умерших от случаев с неопределенными намерениями от наибольшего к наименьшему.

Источник: составлено автором на основе данных РосБРИС. Российская экономическая школа. <https://www.nes.ru/demogr-fermort-data?ysclid=ly78dgg66uw147964290> (дата обращения: 15.10.2025).

внешних причин, в части недоучета случайных алкогольных отравлений, не снижает общие масштабы потерь от указанного класса причин, но препятствует пониманию масштабов проблемы алкогольной смертности. Кроме того, опираясь на научную литературу и статистические данные, можно полагать, что на Севере возможно искажение статистики и на уровне различных классов за счет отнесения некоторой части внешних причин к классу «симптомы и признаки». Искажение «реальной картины» смертности от внешних причин, в свою очередь, препятствует правильному выбору приоритетов снижения смертности, а, следовательно, и увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект №24-78-10061. — URL: <https://rscf.ru/project/24-78-10061/>.

Acknowledgements

The reported study was funded by RSF, project No. 24-78-10061. URL: <https://rscf.ru/project/24-78-10061/>.

Список источников

Вишневский, А. Г. (Ред.). (2017). *Смертность от внешних причин в России с середины XX века*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 448. <http://doi.org/10.17323/978-5-7598-1397-2>

Рязанцев, С. В., Храмова М., Н., Гришин, А. С. (2016). Возможности сокращения смертности населения от внешних причин как резерв демографического развития России. В *Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2: Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений* (с. 253–259). Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 444.

Юмагузин, В. В., Винник, М. В. (2017). Оценка уровня смертности от внешних причин (на примере Республики Башкортостан). *Проблемы прогнозирования*, 1, 125–138.

Пьянкова, А. И., Фаттахов, Т. А. (2020). Резервы роста ожидаемой продолжительности жизни в северных регионах России. *Профилактическая медицина*, 23(2), 89–96. <http://doi.org/10.17116/profmed20202302189>

Попова, Л. А. (2021). Продолжительность жизни населения северных регионов России: тенденции и резервы роста. *Север и рынок: формирование экономического порядка*, 4, 157–171. <http://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2021.74.012>

Андреев, Е. М. (2016а). Правильно ли считают умерших от случайных отравлений алкоголем? *Демоскоп Weekly*. 2016, 673–674. <http://demoscope.ru/weekly/2016/0673/tema01.php> (дата обращения: 15.11.2025).

Семенова, В. Г., Иванова, А. Е., Сабгайда, Т. П., Зубко, А. В., Запороженченко, В. Г., Гаврилова, Н. С., Евдокушкина, Г. Н., Чижикина, И. О. (2021). Потери российского населения от внешних причин. *Социальные аспекты здоровья населения: сетевое издание*, 67(2):7. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2021-67-2-7>

Васин, С. А. (2015). Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах. *Демографическое обозрение*, 2(1), 89–124. <http://doi.org/10.17323/demreview.v2i1.1790>

Иванова, А. Е., Сабгайда, Т. П., Семенова, В. Г., Запороженченко, В. Г., Землянова, Е. В., Никитина, С. Ю. (2013). Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России. *Социальные аспекты здоровья населения: сетевое издание*, 4(32):1. <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30/lang,ru/> (дата обращения: 17.01.2026).

Андреев, Е. М. (2016б). Плохо определенные и точно не установленные причины смерти в России. *Демографическое обозрение*, 3(2), 103–142. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1755>

References

Vishnevsky, A. G. (Ed.). (2017). *Smernost ot vneshnix prichin v Rossii s serediny XX veka [Mortality from External Causes in Russia since the mid-20th Century]*. Moscow: HSE Publishing House, 448. <http://doi.org/10.17323/978-5-7598-1397-2> (In Russ.)

Ryazantsev, S. V., Khramova, M. N. & Grishin, A. S. (2016). The possibility of reducing mortality from external causes as a reserve demographic development of Russia. In *Dinamika i inercionnost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokolenij v Rossii i SNG. T. 2: Demograficheskii potencial regionov Rossii i SNG: dinamika rosta i inercionnost izmeneniy [Dynamics and Inertia of Population Reproduction and Generation Replacement in Russia and the CIS. Vol. 2: Demographic Potential of Regions of Russia and the CIS: Growth Dynamics and Inertia of Changes]* (pp. 253–259). Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 444. (In Russ.)

Yumaguzin, V. V. & Vinnik, M. V. (2017). Assessing data on mortality from external causes: case study of the republic of Bashkortostan. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development.]*, 1, 125–138. (In Russ.).

Pyankova, A. I. & Fattakhov, T. A. (2020). Potential of the increase of life expectancy in the northern regions of Russia. *Profilakticheskaya medicina [Russian Journal of Preventive Medicine and Public Health]*, 23 (2), 89–96. <http://doi.org/10.17116/profmed20202302189> (In Russ.).

Popova, L. A. (2021). Life expectancy of population of the northern regions in the Russian Federation: Tendencies and potential for growth. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka [The North and the Market: Forming the Economic Order]*, 4, 157–171. <http://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2021.74.012> (In Russ.).

Andreev, E. M. (2016a). Are deaths from accidental alcohol poisoning considered correct? *Demoskop Weekly*. 2016, 673–674. <http://demoscope.ru/weekly/2016/0673/tema01.php> (Accessed: 15.11.2025). (In Russ.).

Semyonova, V. G., Ivanova, A. E., Sabgayda, T. P., Zubko, A. V., Zaporozhchenko, V. G., Gavrilova, N. S., Evdokushkina, G. N. & Chizhikova, I. O. (2021). Mortality from external causes among the Russian population and specifics of its registration. *Social'nye aspekty zdorov'a naselenia: setevoe izdanie [Social aspects of population health]*, 67 (2):7. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2021-67-2-7> (In Russ.).

Vasin, S. A. (2015). Mortality from undetermined causes of death in Russia and in a selected set of countries. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 2 (1), 89–124. <http://doi.org/10.17323/demreview.v2i1.1790> (In Russ.).

Ivanova, A. E., Sabgayda, T. P., Semenova, V. G., Zaporozhchenko, V. G., Zemlyanova, E. V. & Nikitina S. Yu. (2013). Factors distorting the structure of death causes in working-age population in Russia. *Social'nye aspekty zdorov'a naselenia: setevoe izdanie [Social aspects of population health]*, 4 (32):1. <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30/lang,ru/> (Accessed: 17.01.2026). (In Russ.).

Andreev, E. M. (2016b). Ill-defined and unspecified causes of death in Russia. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 3 (2), 103–142. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1755> (In Russ.).

Панарина Ирина Александровна — младший научный сотрудник, аспирант, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; <https://orcid.org/0009-0005-8681-2791> (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: i.a.panarina@yandex.ru).

Irina A. Panarina — Research Assistant, Graduate Student, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, FRC Komi SC UB of RAS; <https://orcid.org/0009-0005-8681-2791> (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: i.a.panarina@yandex.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declares that no generative Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.1, 331.5

JEL classification: J11, J21

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-17>

Влияние современных демографических тенденций на состояние трудовых ресурсов в Арктической зоне России¹

А. А. Проворова

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н. П. Лаверова УрО РАН (г. Архангельск, Российская Федерация).

<https://orcid.org/0000-0002-4573-2761>Автор для корреспонденции: А. А. Проворова (aashirikova@mail.ru).

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе демографических тенденций, возникших в период воздействия внешних шоков последнего десятилетия в регионах российской Арктики и анализе их влияния на состояние трудовых ресурсов. Гипотеза состоит в том, что реакция регионов, выражаемая в динамике демографических процессов, может быть дифференцирована по регионам. Предметом исследования являются демографические процессы, происходящие на территории субъектов, полностью или частично входящих в состав Арктической зоны Российской Федерации. На основе анализа официальных статистических данных получены результаты, которые свидетельствуют о возрастающей роли миграционного фактора в обеспечении регионов Арктики трудовыми ресурсами на фоне снижения потенциала естественного воспроизводства населения. Снижение численности населения в трудоспособном возрасте как основа формирования трудовых ресурсов сопровождается также трансформацией социально-демографической структуры трудовых ресурсов регионов Арктики. Полученные результаты позволяют выявить степень устойчивости региональной системы к внешним вызовам и угрозам, а также оценить ресурсы и возможности будущего развития.

Ключевые слова: демографические тенденции; трудовые ресурсы; регионы российской Арктики.

Impact of Current Demographic Trends on the Labor Force in Russia's Arctic Zone

А. А. Provorova

N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch
of the Russian Academy of Science (Arkhangelsk, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-4573-2761>Corresponding author: A. Provorova (aashirikova@mail.ru).

Abstract. The objective of this study is to analyze demographic trends during the impact of external shocks in the Russian Arctic regions over the past decade and their impact on the labor force. The hypothesis is regional responses as a demographic dynamics, may be differentiated by region. This study examines demographic processes in the regions are fully or partially part of the Russian Federation Arctic zone. The results, based on official statistical data analysis, demonstrate the increasing role of migration in providing the Arctic regions with labor resources, against the backdrop declining natural reproduction potential. The decline in the working-age population as a base of forming the labor force, is also accompanied by a transformation of the socio-demographic structure of the Arctic regions' labor force. The results allow to identify the degree of resilience of the regional system to external challenges and threats, as well as to assess the resources and opportunities for future development.

Keywords: demographic trends; labor force; regions of the Russian Arctic

¹ © Проворова А. А. Текст. 2026.

Ведение

Современные экономические и демографические процессы разворачиваются в сложный период кризисов и трансформаций. Воздействие внешних шоков последнего десятилетия нашло отражение во всех сферах социально-экономического развития России и ее регионов. Одним из явных негативных проявлений влияния пандемии коронавирусной инфекции, кризиса 2014–2015 гг. и резкой смены экономической ситуации в 2022 г. стала трансформация траектории демографического развития, которая в свою очередь оказала влияние на динамику социально-трудовой сферы, количественно-качественный состав трудовых ресурсов, масштабы предложения труда, создав определенные риски перспективному экономическому развитию.

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) как особая геостратегическая территория должна сохранять и приумножать накопленный демографический и трудовой потенциал, который будет способствовать реализации экономической, инфраструктурной, оборонной функций данного региона в обеспечении национальных интересов страны.

Гипотеза исследования заключается в том, что реакция регионов на внешние шоки и воздействия, выражаемая в динамике и характере демографических процессов, может быть дифференцирована по регионам. Предметом нашего исследования являются демографические процессы, происходящие на территории субъектов страны, полностью или частично входящих в состав Арктической зоны Российской Федерации. Цель настоящего исследования заключается в выявлении демографических тенденций и особенностей, возникших в период воздействия внешних шоков в регионах российской Арктики, а также в анализе их влияния на состояние трудовых ресурсов.

Обзор литературы

Исследование влияния демографических факторов на состояние трудовых ресурсов и рынок труда рассматривается в основном в двух аспектах: количественном и качественном. Количественное измерение влияния демографических последствий на рынок труда исследуется с позиции изменения численности рабочей силы, обеспечивающей предложение труда. Неблагоприятные демографические прогнозы свидетельствуют о значительном сокращении численности населения в трудоспособном возрасте в нашей стране, что предполагает снижение численности рабочей силы. Качественное измерение последствий демографических процессов предполагает изучение влияния трансформации структуры рабочей силы на предложение труда. Не только общероссийской, но уже и общемировой тенденцией становится старение населения, оказывающее влияние на рынок труда, пенсионное обеспечение, инвестиционную активность, характер потребления. Другой особенностью современного рынка труда является возрастание доли населения с высшим образованием, которая порождает проблему поиска работников низкой квалификации на менее оплачиваемые рабочие места (Гимпельсон и др., 2020). Современный парадокс рынка труда заключается в значительном дисбалансе между спросом и предложением на рынке труда на фоне минимальной безработицы (Мирзабалаева & Антонова, 2023).

Беспрецедентным по масштабам демографического влияния на состояние трудовых ресурсов в России стала пандемия Covid-19. По данным Росстата, от COVID-19 умерли в 2020 г. 144 691 человек (6,8 % от общего числа умерших в 2020 г.), в 2021 г. — 465 525 человек (19,1 %), в 2022 г. — 139 289 человек (7,3 %), в 2023 г. — 14 843 (0,8 %) (Смирнов, 2025). Другим внешним шоком стала вторая волна санкционного кризиса, начало специальной военной операции (СВО) и частичная мобилизация населения, которые вызвали миграционный отток рабочей силы, а также выбытие и профессиональную переориентацию части рабочей силы. По отдельным оценкам, существующие демографические тенденции, пандемия COVID-19 и СВО уменьшили рынок труда на четыре миллиона человек (Подвойский & Прокудин В.А, 2024). Об изменении базовых параметров рынка труда на фоне кризисов в своих исследованиях отмечает Р.И. Капелюшников, говоря о переходе от режима ограниченного спроса на рабочую силу к режиму ограниченного предложения, обусловленного прежде всего влиянием демографических факторов (Капелюшников, 2023). В отношении качества трудовых ресурсов всплеск эмиграции 2022 г. играл негативную роль, поскольку уезжали в основном специалисты с высоким уровнем образования и компетенций (Кашепов, 2024).

Исследованию демографических детерминант в обеспечении ресурсов труда на Севере и в Арктике посвящен большой массив научных исследований. Значительный блок исследований отведен анализу влияния миграции на обеспеченность ресурсами труда ввиду исторической обусловленности формирования трудового потенциала арктических регионов от миграционного фактора (Скуфьина и др., 2021; Шеломенцев, 2018). Арктические субъекты являются лидерами по количеству лиц, вовлеченных в территориальные перемещения, которые поддерживаются внутрорегиональной миграцией сельского населения в города, кочевой миграцией коренных малочисленных народов, вахтовой трудовой миграцией, оттоком населения трудоспособного и старше трудоспособного возраста в наиболее освоенные регионы страны. Значительную роль с точки зрения условий формирования трудовых ресурсов играет внешняя для региона, безвозвратная миграция. На межрегиональную миграцию приходится 86,3 % убыли населения и 60,7 % миграционного оборота (Фаузер, Смирнов, 2020). В.В. Фаузер в своих исследованиях отмечает, что регионы Севера дифференцированы по демографической динамике, имеют разную историю освоения и заселения, этнический состав, что отличает их по уровню сформированности демографического потенциала и трудообеспеченности. При этом автор говорит, что Север в новейшей истории испытывает нехватку человеческих ресурсов (Фаузер, 2025). Проблема старения населения, сокращение численности трудоспособного населения, изменение структуры рабочей силы по половому признаку, высокий уровень преждевременной смертности мужского населения также рассматриваются исследователями в качестве современных демографических тенденций, оказывающих влияние на состояние трудовых ресурсов (Соболева и др., 2020; Кондратьева, Тарасова-Сивцева, 2023). Учитывая интенсивность воздействия внешних шоков и воздействий, а также значительную инерционность демографических процессов, исследование их влияния на развитие социально-трудовой сферы арктических регионов приобретает особую актуальность.

Материалы и методы

В качестве основных методов исследования использованы общенаучные методы, анализ научной литературы, статистических данных Федеральной службы государственной статистики, Единой межведомственной информационно-статистической системы, графические методы представления и анализа статистической информации.

Результаты и обсуждение

Арктическую зону РФ в целом следует рассматривать как территорию убыли населения — с 2010 г. по 2024 гг. население в среднем сократилось на 8 % (рис. 1). Вместе с тем демографические процессы внутри арктического региона неоднозначны. К примеру, Республика Саха (Якутия) характеризуется планомерным ростом численности населения. В регионах добычи углеводородного сырья в последние годы также наблюдается рост численности населения: с 2023 г. — в Ненецком автономном округе и с 2022 г. — в Ямало-Ненецком автономном округе. Наибольшие демографические потери традиционно несут староосвоенные регионы западного сектора Арктики, население которых за период исследования сократилось на 17–20 %: Мурманская область, Архангельская область, республики Коми и Карелия.

Анализ естественного и миграционного движения населения показывает, что потенциал естественного воспроизводства населения резко снизился уже в 2019 г. и достиг минимума в 2021 г., что, возможно, было вызвано сверхсмертностью населения в период коронавирусной инфекции (рис. 2). Внутри Арктической зоны существует значительная дифференциация по характеру и динамике демографического ответа на вызовы и угрозы. Естественное воспроизводство населения Арктики в настоящее время вытягивают Ямало-Ненецкий, Ненецкий, Чукотский автономные округа, Республика Саха (Якутия). В данных субъектах

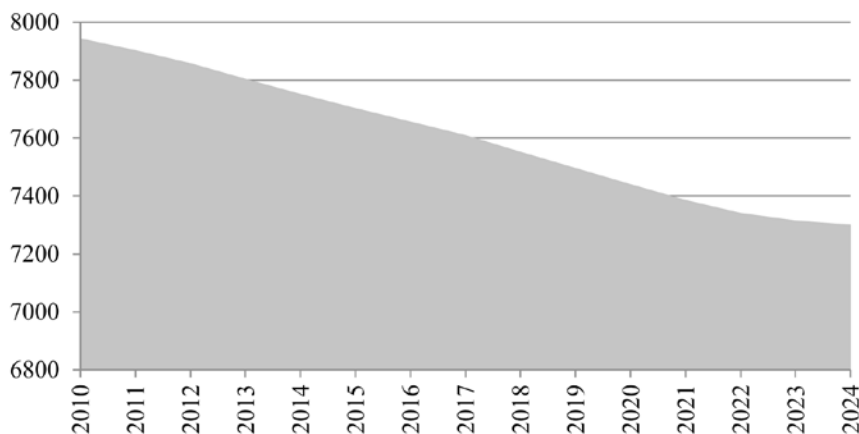

Рис. 1. Динамика численности населения в регионах российской Арктики в среднем за год, 2010–2024 гг., тыс. чел. (источник: составлено по: Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://www.fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 15.01.2026).

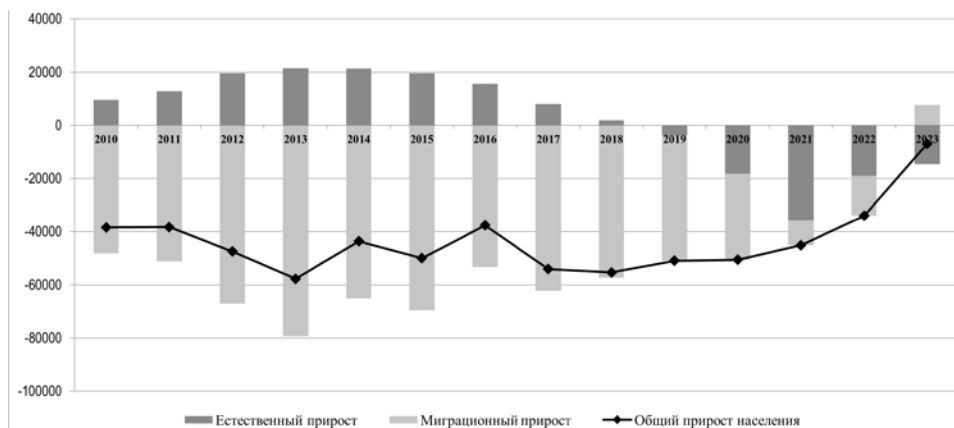

Рис. 2. Вклад естественного и миграционного движения в общий прирост населения в Арктической зоне РФ, 2010–2023 гг., чел. (источник: составлено по: Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

наблюдается естественный прирост населения, однако с 2017 г. масштабы его сокращаются. В период пандемии большую устойчивость показал Ямало-Ненецкий автономный округ, в Чукотском автономном округе в 2021 г. отмечался отрицательный естественный прирост. Резко снизился в 2021 г., но быстро восстановился естественный прирост в Якутии. Группа староосвоенных, наиболее заселенных регионов западного сектора Арктики и Красноярский край демонстрируют естественную убыль населения. Если в Республике Коми, Мурманской области и Красноярском крае процессы депопуляции начались с 2016–2018 гг., то в Карелии и Архангельской области данные тенденции отмечались за весь период наблюдения, усилившись в 2020–2023 гг.

Арктика как зона территориальной мобильности населения в настоящее время испытывает сокращение миграционного оттока, а в ряде регионов миграционный прирост. Снижение миграционного оттока в постпандемийный период испытывают все субъекты. В Республике Карелия в 2022–2023 гг., Мурманской области в 2023 г., в Ненецком автономном округе в 2023 г. фиксируется миграционный прирост. В Красноярском крае, Республике Саха (Якутия) с 2020 г. также отмечается миграционный прирост, в Чукотском автономном округе — в 2021 и 2023 гг. Оценивая динамику миграционного и естественного прироста в настоящее время (2020–2023 гг.), более устойчив в этом отношении Ямало-Ненецкий автономный округ, в котором миграционная убыль компенсируется естественным воспроизводством населения. И в меньшей степени Чукотский автономный округ, в котором процессы миграции населения отличаются большей динамичностью, которые по силе своего проявления перекрывают показатели естественного воспроизводства населения. К примеру, в 2020 г. в период начала пандемии этот арктический регион столкнулся с беспрецедентным миграционным оттоком населения.

Рассматривая миграционную активность населения в регионах Арктики для целей формирования трудовых ресурсов, важно учитывать структуру прибывающего/

убывающего населения. В целом в структуре миграционного движения выделяется население трудоспособного возраста. Население старших возрастов в основном уезжает из Арктики, исключение составляют Республика Карелия с 2020 г. и Красноярский край. Миграционно привлекательными регионами российской Арктики для населения моложе трудоспособного возраста являются Карелия, Красноярский край, Чукотский автономный округ. Неблагоприятные демографические условия для формирования существующих и потенциальных трудовых ресурсов создаются в Архангельской области и Республике Коми ввиду значительного оттока населения трудоспособного возраста и младше трудоспособного возраста.

Изменение миграционных тенденций в ряде субъектов Арктики, например, в Карелии и Мурманской области, в последние несколько лет стало также неким результатом влияния внешних воздействий. Более 90 % прибывающих мигрантов в эти регионы — население из регионов Российской Федерации, в том числе из новых регионов.

Оценивая период с 2020 по 2023 гг., охвативший последствия эпидемии коронавирусной инфекции и второго санкционного кризиса, в структуре убыли населения преобладают естественные причины, а не миграционный отток. Это свидетельствует о возрастающей роли миграционного фактора в формировании трудовых ресурсов. Вместе с тем, важно отметить, что сложившаяся демографическая ситуация снижает возможности формирования трудовых ресурсов.

Анализ динамики численности населения в трудоспособном возрасте, составляющем основу трудовых ресурсов, позволяет говорить, что на фоне общего сокращения населения, реакция регионов в отдельные периоды внешних воздействий была различной (табл. 1). В качестве сравниваемых периодов были определены

Таблица 1

**Динамика численности населения в трудоспособном возрасте в России
и в регионах Арктической зоны РФ**

Показатель	Численность населения в трудоспособном возрасте, на конец года, тыс. чел.				Среднегодовой темп прироста (убыли) населения в трудоспособном возрасте, п. п.			
	2010	2015	2020	2023	2014/ 2010	2019/ 2015	2023/ 2020	2023/ 2010
Республика Карелия	392,5	353,2	292,1	293,0	-2,0	-4,1	0,1	-2,2
Республика Коми	580,1	505,4	427,2	421,4	-2,7	-3,6	-0,5	-2,4
Архангельская область	725,3	634,0	539,9	538,0	-2,7	-3,4	-0,1	-2,3
Ненецкий АО	26,5	25,7	24,0	25,4	-0,6	-1,6	1,9	-0,3
Мурманская область	518,5	461,6	398,4	398,1	-2,4	-3,0	-0,02	-2,0
Ямало-Ненецкий АО	367,6	353,5	324,9	331,7	-0,2	-1,8	0,7	-0,8
Красноярский край	1782,6	1683,9	1629,8	1670,1	-1,1	-0,6	0,8	-0,5
Республика Саха (Якутия)	611,9	571,8	581,0	608,4	-1,4	0,1	1,5	-0,04
Чукотский АО	33,9	32,1	30,2	31,2	-0,8	-0,9	1,0	-0,6
РФ	87847,5	84198,8	82926,1	84711,5	-0,7	-0,2	0,7	-0,3
АЗРФ	5038,9	5038,9	4247,6	4317,3	-1,7	-1,7	0,5	-1,2

Источник: Численность населения в трудоспособном возрасте. Федеральная служба государственной статистики (дата обращения: 15.01.2026).

2010–2014 гг. (базовый), 2015–2019 гг., охватывающий последствия первого санкционного кризиса, и 2020–2023 гг., который затронули последствия пандемии, СВО и второй санкционный кризис.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько групп выводов. Во-первых, трудоспособное население в российской Арктике в целом сокращается большими темпами, чем в России. Это может свидетельствовать о высокой уязвимости арктических социально-экономических систем к воздействию внешних факторов. Во-вторых, выделяются группы регионов, которые характеризуются масштабами сокращения, превышающими среднероссийские и среднеарктические значения во все периоды — Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская и Мурманская области. В-третьих, реакции регионов в кризисные периоды была различной. Анализ показывает, что подавляющая часть регионов имели больший спад численности трудоспособного населения в период 2015–2019 гг., охвативший последствия первого санкционного кризиса, чем в 2020–2023 гг., который вместил в себя пандемию, санкции, трудовые потери, вызванные эмиграцией и мобилизацией населения. С одной стороны это можно объяснить началом пенсионной реформы и увеличением в этой связи доли населения трудоспособного возраста. С другой стороны — увеличением численности трудоспособного населения в ряде регионов за счет положительной трудовой миграции. К примеру, в Ненецком автономном округе отмечался значительный миграционный приток трудоспособного населения в 2023 г. Красноярский край на фоне оттока населения в 2021, 2022 и 2023 гг. увеличивает численность населения трудоспособного возраста за счет миграции. Положительные тенденции в этом отношении имеет Республика Саха (Якутия), которая с 2020 г. (за исключением 2022 г.) характеризуется как положительным миграционным приростом за счет притока населения в трудоспособном возрасте, так и естественным восполнением трудовых ресурсов.

Изменение динамики демографических процессов накладывает отпечаток на социально-демографическую структуру трудовых ресурсов (табл. 2). Общероссийскими тенденциями за период исследования с 2011 по 2024 гг. являются повышение доли иностранных граждан в структуре трудовых ресурсов, повышение доли старших возрастов и снижение доли населения в трудоспособном возрасте.

Регионы Арктики частично повторяют негативные российские тенденции, однако чаще идут по своей траектории развития. Замещение части собственных трудовых ресурсов трудовыми мигрантами в большей степени характерно для приграничных регионов — Мурманской области и Республики Карелия. Повышение доли населения старших возрастов в структуре трудовых ресурсов в большей степени выражено в регионах нефтедобычи (Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа), Карелии и Якутии. Особенно в этом отношении выделяется Ненецкий автономный округ, что может быть обусловлено активными процессами старения населения. В Мурманской области снижение доли населения старших возрастов в структуре трудовых ресурсов — ввиду активного оттока из региона населения старше трудоспособного возраста. Чукотский автономный округ благодаря территориальной мобильности населения в трудоспособном возрасте имеет в общей структуре трудовых ресурсов меньшую долю населения старших возрастов.

Таблица 2

**Трансформация социально-демографической структуры трудовых ресурсов
российской Арктики, % от среднегодовой численности трудовых ресурсов**

Регион АЗРФ	Иностранные граждане		Лица старших возрастов		Население трудоспособного возраста		Подростки	
	2011	2024	2011	2024	2011	2024	2011	2024
Республика Карелия	0,8	2,2	6,0	7,4	93,0	91,3	0,02	0,01
Республика Коми	0,8	0,8	6,0	6,4	92,7	92,7	0,07	0,08
Архангельская область	0,3	0,4	6,4	6,1	93,3	93,4	0,04	0,04
Ненецкий АО	2,9	1,2	13,8	17,5	83,0	81,3	0,28	0,02
Мурманская область	0,9	3,6	7,1	5,7	91,9	90,7	0,12	0,02
Ямало-Ненецкий АО	6,9	4,2	2,8	3,9	90,3	91,9	0,00	0,01
Красноярский край	2,2	2,2	5,8	5,5	91,9	92,3	0,05	0,02
Республика Саха (Якутия)	2,9	2,2	5,1	6,3	91,9	91,4	0,00	0,03
Чукотский АО	6,6	4,0	9,8	7,1	83,6	88,9	0,08	0,00
РФ	2,3	4,0*	6,4	6,5*	91,2	89,4*	0,08	0,03*

Источник: рассчитано автором по: Среднегодовая численность трудовых ресурсов (значение показателя за год). Единая межведомственная информационно-статистическая служба <https://www.fedstat.ru/indicator/36730#> (дата обращения: 1.02.2026).

Примечание: данные по РФ рассчитаны за 2023 г.

Проблема сокращения доли населения в трудоспособном возрасте, даже с учетом повышения пенсионного возраста, для Арктики, как и для России в целом, остается актуальной. Важно отметить, что пенсионная реформа, реализуемая с 2019 г., значительно нивелировала показатели доли населения трудоспособного возраста. В 2019 г. по сравнению с 2011 г. доля населения трудоспособного возраста в структуре трудовых ресурсов выросла только в Ямало-Ненецком и Чукотском автономном округах, в остальных субъектах снижение варьировалось от –1,4 п. п. в Красноярском крае — до –4,8 п. п. в Якутии и –5,9 п. п. — в Ненецком автономном округе. В настоящее время ситуация более стабильна в Архангельской области, Республике Коми, Якутии и продолжает снижаться в Карелии, Ненецком автономном округе, Мурманской области. Доля населения незначительно возросла в Красноярском крае, Ямало-Ненецком автономном округе и в Чукотском автономном округе, чему способствуют не только институциональные изменения, но прежде всего демографические причины.

Заключение

Сохраняющееся противоречие между стратегической ролью Арктической зоны Российской Федерации в обеспечении национальных интересов страны и наблюдаемыми процессами депопуляции и миграционного оттока из арктических территорий еще раз определяют необходимость комплексного взгляда на проблему сохранения народонаселения на данных геостратегических территориях. Исследования показывают, что кризисы и внешние воздействия в еще большей степени усугубляют протекающие демографические процессы в тех регионах, которые изначально испытывают большее напряжение. Существующие

демографические тенденции находят отражение в изменении численности и структуры трудовых ресурсов. Исследование реакций регионов на вызовы и угрозы дает возможность понять уровень устойчивости региональной системы, выявить степень трансформационных изменений трудовых ресурсов, обеспечивающих качественное и количественное предложение рабочей силы на рынке труда, оценить ресурсы и возможности перспективного развития, скорректировать стратегии и программы социально-экономического развития.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках НИР № 125021902573-9 «Адаптация арктических социо-эколого-экономических систем к условиям динамично меняющейся среды как основа повышения инвестиционной привлекательности регионов российской Арктики».

Acknowledgements

This study was conducted as part of the FNIR project titled “Adaptation of Arctic Socio-Ecological Economic Systems to the Conditions of a Dynamically Changing Environment as a Basis for Increasing the Investment Attractiveness of the Russian Arctic Regions,” No. 125021902573-9

Список источников

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. и др. (2020) Российский рынок труда через призму демографии. М.: Высшая школа экономики, 436 с.

Мирзабалаева Ф. И., Антонова Г. В. (2023) Структурные диспропорции спроса и предложения на рынке труда в отраслевом и профессионально-квалификационном разрезе. *Экономика труда*, 10(8), 1145–1168. <http://doi.org/10.18334/et.10.8.118938>

Смирнов А. В. (2025) Демографические и экономические последствия пандемии COVID-19 в Российской Федерации ДЕМИС. *Демографические исследования*, 5(2), 22–39. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.2>

Подвойский Г. Л., Прокудин В. А. (2024) Дефицит работников в новых условиях развития национальной экономики. *Социально-трудовые исследования*, 55(2), 41–53. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-55-2-41-53.

Капелюшников Р. И. (2023) Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов. М.: Высшая школа экономики, 78 с.

Кашепов А. В. (2024) Рынок труда и занятость в России в 2020–2024 гг. *Социально-трудовые исследования*. 57(4), 43–52. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-43-52.

Скуфьина Т. П., Самарина В. П., Баранов С. В., Бажутова Е. А. (2021). Социально-демографические процессы в российской Арктике в статистических оценках и опросах населения. *Арктика и Север*, 45, 127–149. DOI 10.37482/issn2221-2698.2021.45.127.

Шеломенцев А. Г., Воронина Л. В., Смиреникова Е. В., Уханова А. В. (2018) Факторы миграции в Арктической зоне Российской Федерации *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 10(3), 396–418.

Фаузер В. В., Смирнов А. В. (2020). Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты *Арктика: экология и экономика*, 4(40), 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18

Фаузер В. В. (2025). Ресурсы труда: фактор роста или ограничения экономического развития северных территорий России. В сб. XVI Уральского демографического форума

«Факторы и механизмы демографического развития» (4–6 июня 2025) (с. 406–419). Екатеринбург: Институт экономики Уро РАН, 832.

Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. (2020). Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития. ЭКО, 8. 48–65. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-8-48-65.

Кондратьева В. И., Тарасова-Сивцева О. М. (2023) Воздействие демографических факторов на трудовые ресурсы северных регионов ресурсного типа. *Север и рынок: формирование экономического порядка*, 2, 146–159. doi:10.37614/2220-802X.2.2023.80.010.

References

Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. et al. (2020) *Rossiyskiy rynek truda cherez prizmu demografii*. [The Russian labor market through the prism of demography]. Moscow: Higher School of Economics, 436. (In Russ.)

Mirzabalayeva F.I., Antonova G.V. (2023). Structural imbalances in labor market supply and demand at the sectoral and occupational qualification levels. *Ekonomika truda*, 10(8), 1145–1168. <http://doi.org/10.18334/et.10.8.11893> (In Russ.)

Smirnov A. V. (2025) Demographic and economic consequences of the Covid-19 pandemic in the Russian Federation. DEMIS. *Demograficheskiye issledovaniya*, 5(2), 22–39. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.2>. (In Russ.)

Podvoyskiy G.L., Prokudin V.A. (2024) *Labor shortage in new conditions of national economy development*. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya*, 55(2), 41–53. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-55-2-41-53. (In Russ.)

Kapelyushnikov R. I. (2023) *Rossiyskiy rynek truda: statisticheskiy portret na fone krizisov*. [Russian labor market: a statistical portrait against the backdrop of crises]. M.: Higher School of Economics, 78 s. (In Russ.)

Kashepov A.V. (2024) Labor market and employment in Russia in 2020–2024. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya*. 57(4), 43–52. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-43-52. (In Russ.)

Skuf'ina T.P., Samarina V.P., Baranov S.V., Bazhutova Ye.A. (2021). Socio-Demographic Processes in the Russian Arctic in Statistical Assessments and Population Surveys. *Arktika i Sever*, 45, 127–149. DOI 10.37482/issn2221-2698.2021.45.127 (In Russ.)

Shelomentsev A. G., Voronina L. V., Smirennikova Ye. V., Ukanova A. V. (2018) Migration factors in the Arctic zone of the Russian Federation. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, 10(3), 396–418. (In Russ.)

Fauzer V. V., Smirnov A. V. (2020). Migration of the Russian Arctic population: models, routes, results. *Arktika: ekologiya i ekonomika*, 4(40), 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18 (In Russ.)

Fauzer V. V. (2025) *Resursy truda: faktor rosta ili ogranicheniya ekonomicheskogo razvitiya severnykh territoriy Rossii*: sb. XVI Ural'skogo demograficheskogo foruma «Fakty i mekhanizmy demograficheskogo razvitiya», Ekaterinburg, 4–6 iyunya. 2025 g. [Labor resources: a factor of growth or limitations of economic development of the northern territories of Russia; Report for the XVI Ural Demographic Forum «Factors and mechanisms of demographic development», Ekaterinburg, June 4–6, 2025]. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 832. (In Russ.)

Soboleva S. V., Smirnova N. Ye., Chudayeva O. V. (2020). Demographic problems of Siberia in the context of spatial development. ЭКО, 8. 48–65. DOI: 10.30680/YESO0131-7652-2020-8-48-65

Kondrat'yeva V. I., Tarasova-Sivtseva O. M. (2023). The effect of demographic factors on the workforce in Northern resource-based region. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poriyadka*, 2, 146–159. doi:10.37614/2220-802X.2.2023.80.010

Проворова Анна Андреевна — научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова Уральского отделения РАН; <https://orcid.org/0000-0002-4573-2761> (Российская Федерация, 163020, г. Архангельск, пр. Никольский, 20; e-mail: aashirikova@mail.ru).

Anna A. Provorova — researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Science; <https://orcid.org/0000-0002-4573-2761> (40, Nikolsky Av., Archangelsk, 163020, Russian Federation; e-mail: aashirikova@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declares that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.1; 330.1

JEL classification: J11, O11, R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-18>

Социально-экономическое развитие и демография: вопросы взаимосвязи¹

О. С. Резникова^а, С. Ю. Цёхла^б

^а Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-8715-224X>

^б Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Россия).

<https://orcid.org/000-0001-6485-3019>

Автор для корреспонденции: О.С. Резникова (os@crimea.com).

Аннотация. В статье анализируются демографические показатели Российской Федерации и Южного федерального округа, предметом исследования является уровень жизни населения, цель — проанализировать демографические показатели уровня жизни населения РФ. Основная гипотеза исследования заключается во взаимосвязи демографических изменений, влияющих на экономическое развитие и наоборот: социально-экономические процессы, в свою очередь, могут оказывать влияние на демографию, и это взаимообусловлено. Авторы рассматривают практические подходы к исследованию демографических и социально-экономических процессов, используя различные методы: анализ динамических рядов, индексный метод, сравнения, обобщения методологии проведения работы, основанной на методическом подходе взаимосвязи демографии и социально-экономического развития к практической реализации в России и Южном федеральном округе.

Ключевые слова: взаимосвязь; демография; естественный прирост; продолжительность жизни; реальные денежные доходы; социально-экономическое развитие.

Socio-Economic Development and Demography: Issues of Interrelationship

O. Reznikova^a, S. Tsohla^b

^a V.I. Vernadsky Crimean Federal University, (Simferopol, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-8715-224X>

^b V.I. Vernadsky Crimean Federal University, (Simferopol, Russia).

<https://orcid.org/000-0001-6485-3019>

Corresponding author: O. Reznikova (os@crimea.com).

Abstract. This article analyzes demographic indicators for the Russian Federation and the Southern Federal District. The research focuses on the standard of living of the population, and aims to analyze demographic indicators of living standards in the Russian Federation. The main hypothesis of the study is the relationship between demographic changes influencing economic development and vice versa: socioeconomic processes, in turn, can influence demography, and these processes are interdependent. The authors examine practical approaches to studying demographic and socioeconomic processes using various methods: time series analysis, index methods, comparisons, and generalizations. A methodology based on this methodological approach to the relationship between demography and socioeconomic development is applied to practical implementation in Russia and the Southern Federal District.

Keywords: interrelation; demography; natural increase; life expectancy; real monetary income; socio-economic development.

¹ © Резникова О. С., Цёхла С. Ю. Текст. 2026.

Введение

Современное российское общество характеризуется динамичными социально-экономическими процессами, связанными с изменением системы трудовых отношений, развитием неформальных форм занятости в цифровой экономике. А также с социальной поддержкой демографических процессов, происходящих под эгидой реализованного до 2024 года Национального проекта «Демография». Эти изменения происходили на фоне существенной социальной и экономической дифференциации структуры социума, влекущей за собой рост экономического развития страны и региона. В связи с кардинальными изменениями в сфере цифровизации все большее значение стали приобретать как вопросы демографии, так и социально-экономического развития. Социально-экономическое развитие и демография тесно связаны и влияют друг на друга. Понимание взаимосвязи этих процессов необходимо для адекватного анализа и прогнозирования развития страны или региона.

Социально-экономическое развитие содержит комплексный процесс, включающий улучшение экономических условий и повышение качества жизни населения. Развитие измеряется не только ростом валового внутреннего продукта (ВВП), но и изменениями в социальной сфере, такими как уровень образования, здравоохранения и социального обеспечения.

Демография изучает изменения в численности, структуре и распределении населения. Она анализирует такие процессы, как рождаемость, смертность, миграция и семейные отношения, а также их влияние на численность и состав населения.

Актуальность исследования обусловлена сохраняющимися межрегиональными диспропорциями в демографической динамике (естественное движение, миграция, структура возрастов) и их влиянием на экономики регионов; необходимостью перехода от анализа отдельных детерминант к системной оценке связей «демография — социально-экономическое развитие».

Обзор литературы

Анализом взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России занимаются ряд ученых, таких как В.А. Безвербный, Т.К. Ростовская, А.М. Ситковский, С.В. Рославцев (2025), взаимосвязью демографии в рамках социально-экономического развития общества, экономики занимаются В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова (2025).

Влияние социально-экономических детерминант на продолжительность жизни населения показано в статье К.Б. Борисовой, Л.М. Дворецкого и А.А. Федотова. Авторы отмечают, что высокий уровень безработицы, бедности негативно отражается на уровне ожидаемой продолжительности жизни, тогда как рост денежных доходов населения оказывает положительное воздействие (Борисова и др., 2021). Так, О.А. Козлова, Н.М. Макарова, В.Н. Архангельский интегрируют официальные региональные ряды и микроданные Росстата, выделяя вклад социально-экономических факторов в целевые показатели рождаемости (Козлова и др., 2024). Р.В. Маньшин и Е.М. Моисеева выявили значимую положительную связь между плотностью населения и уровнем транспортной инфраструктуры, что укрепляет демографический потенциал территорий (Маньшин & Моисеева, 2022). Р.В. Фаттахов,

М.М. Низамутдинов и В.В. Орешников предложили интегральные индексы социальной инфраструктуры и определили, что развитая инфраструктура положительно связана с демографическими показателями и может служить инструментом оценки регионов (Фаттахов, 2020).

Материалы и методы

В работе использовались статистические данные Росстата РФ по количеству населения, численности рабочей силы в возрасте 15 лет и старше, продолжительности жизни, естественного прироста/убыли населения на 1 000 чел. населения в Южном федеральном округе и в России и другие демографические показатели. Кроме того, был проведен обзор научных статей и литературы отечественных ученых, занимающихся вопросами изучения демографии и социально-экономического развития, а также обзор интернет-источников демографических показателей населения РФ.

Были использованы такие методы, как статистический (демографические и социально-экономические показатели в динамике), сравнительно-аналитический, индексный метод, графический, обобщения и др.

Результаты

Различия в показателях уровня жизни предопределяются не только объективными экономическими факторами, но и зависят от особенностей социально-демографического состава и других социально значимых обстоятельств. Некоторые показатели демографической ситуации и социально-экономического развития представлены на рис. 1.

Взаимосвязь демографических изменений, влияющих на экономическое развитие и социально-экономические процессы в свою очередь, также могут оказывать влияние на демографию, это показано на рис. 2.

Демографические изменения влияют на экономическое развитие через изменение структуры и качества трудовых ресурсов, потребительский спрос, инвестиционные возможности и другое.

Социально-экономические процессы, в свою очередь, могут оказывать влияние на демографию. Экономический рост, уровень жизни, доступность образования, здравоохранения и жилья влияют на рождаемость, миграцию и продолжительность жизни.

В странах с высокоразвитыми экономиками часто наблюдается тенденция к снижению рождаемости — это связано с улучшением условий жизни, ростом занятости женщин и развитием карьеры.

В странах с низким уровнем экономического развития, напротив, рождаемость часто остается высокой, что связано с ограниченным доступом к медицинским услугам, образованию и слабой социальной защитой.

Разберем эту взаимосвязь показателей в России и Южном федеральном округе.

Основные демографические показатели населения России представлены в таблице 1 и на рис. 3.

Анализируя основные демографические показатели населения России, можно отметить, что произошло снижение численности постоянного населения России со 146,3 млн чел. в 2015 г. до 146,03 млн чел. — в 2024 году. В связи

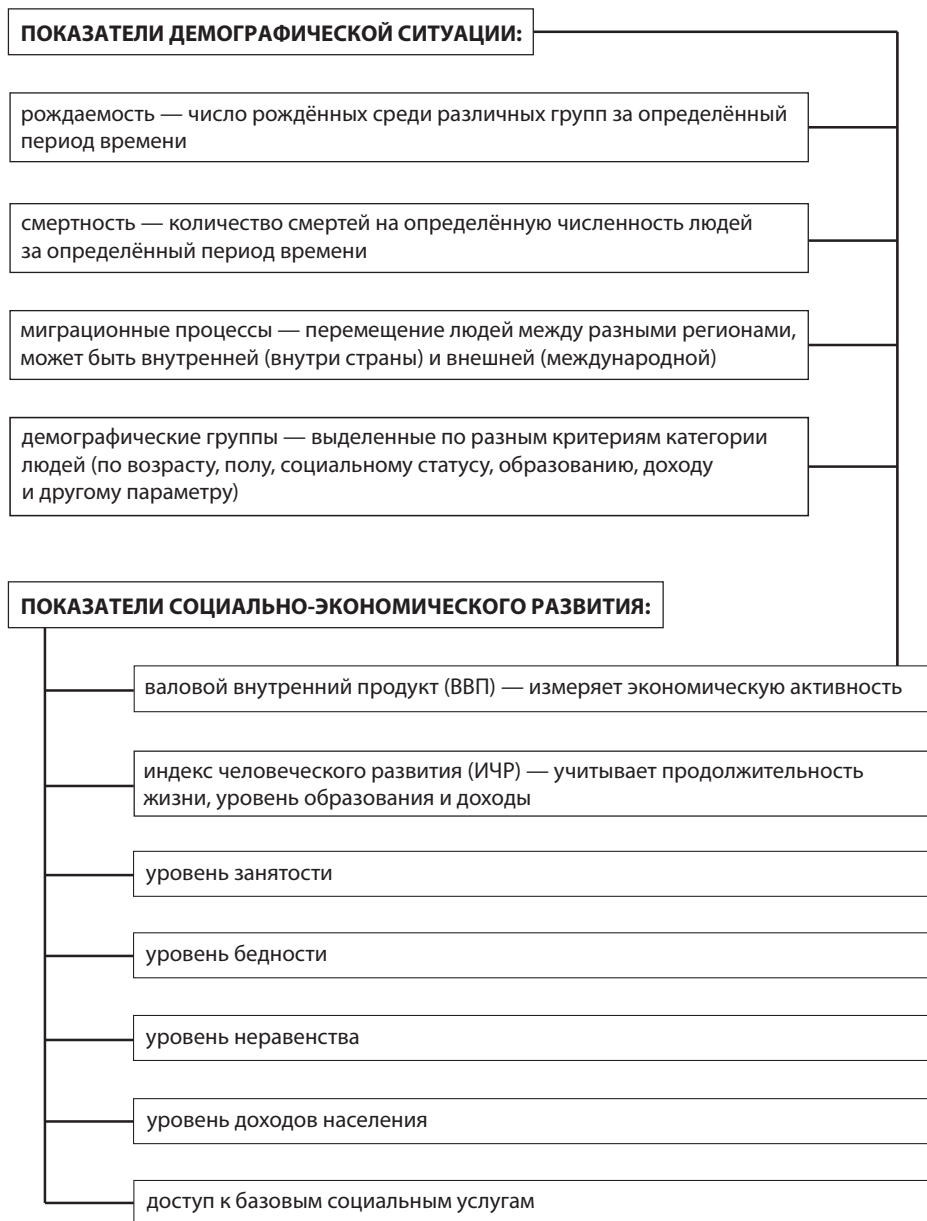

Рис. 1. Показатели демографической ситуации и социально-экономического развития
(источник: сост. авторами)

Рис. 2. Взаимосвязь влияния демографических изменений на экономическое развитие и влияние социально-экономических процессов на демографию (источник: сост. авторами)

Рис. 3. Естественный прирост/убыль населения на 1 000 чел. населения России с 2015 по 2024 гг. (источник: Демографический ежегодник России. Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 01.02.2026).

Таблица 1

Основные демографические показатели населения России с 2015 по 2024 гг.

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Численность постоянного населения, млн чел.	146,3	146,50	146,90	146,80	146,80	146,80	146,50	146,40	146,20	146,03
Численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше, тыс. чел.	76762,0	76933,00	76659,00	76630,00	75880,00	75466,00	75969,00	75632,00	76037,00	76300,00
Продолжительность жизни при рождении (число лет)	71,4	71,87	72,70	72,91	73,34	71,54	70,06	72,73	73,41	72,84
Естественный прирост / убыль населения на 1 000 чел. населения	0,3	-0,01	-0,90	-1,60	-2,20	-4,80	-7,10	-4,00	-3,50	-4,10

Источник: Демографический ежегодник России. Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 01.02.2026); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. (2024) / Росстат. М., 1081; Социально-экономическое положение России 2023. Москва. (2024). // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) минэкономразвития России. <http://соц.экон.е%20россии%202023/osn-05-2024.pdf> (дата обращения: 22.01.2026); Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения 30.01.2026); Уровень жизни. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/13597> (дата обращения: 03.02.2026).

с этим произошло падение численности рабочей силы в возрасте 15 лет и старше до 76 300 тыс. чел. в 2024 году, в 2015 году она составляла 76 762 тыс. чел. Падение естественного прироста/убыли населения на 1 000 чел. населения представлено на рис. 3.

Естественная убыль населения на 1 000 чел. населения России с 2015 по 2024 гг. увеличилась и составила — 4,1 на 1 000 чел. населения. Это негативная тенденция наблюдается на протяжении 10 исследовательских лет. Ожидаемая продолжительность жизни представлена в таблице 2 и на рис. 4.

Ожидаемая продолжительность жизни в России увеличилась с уровня 71,4 года в 2015 г. до 72,84 года — в 2023 г.

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни в России Южном федеральном округе, лет

Федеральный округ	годы									
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2023/ 2015
Россия	71,4	71,87	72,7	72,91	73,34	71,54	70,06	72,73	73,41	102,8
Южный федеральный округ	72,1	72,29	73,16	73,54	73,73	72,09	70,21	72,65	73,60	102,1

Источник: Продолжительность жизни в субъектах Российской Федерации. <https://ru.ruwiki.ru/wiki/>; Ожидаемая продолжительность жизни в России ozhid_life_pr_2023.xlsx — Яндекс Документы https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUfoewruGJq0RaPJaxD691A2AvbmjY4C2jMBU9pMW7zK-AVaDjqSCH1Li63T_zNZKbOptEsFteB-Tqpsp4JEo6napUhgZ-ppJe-6OAFfCkA6-4qM5cTm3KSxG3-ps6rXrDiCUGgbg%3D%3D%3Fsign%3DHtfQbdwKS928VuhUz0bj-jPLYIX58aYkPinUCaIT8w%3D&name=ozhid_life_pr_2023.xlsx&nosw=1; (дата обращения: 02.02.2026).

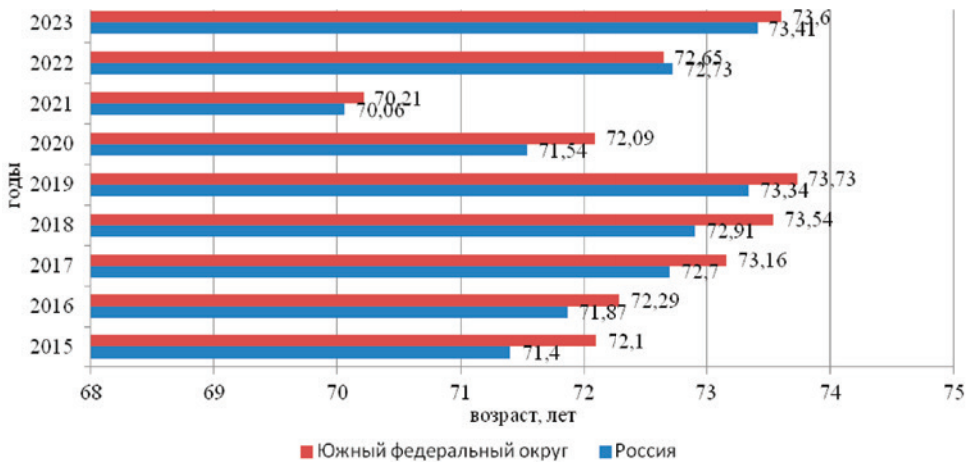

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни в России и Южном федеральном округе, лет (источник: Продолжительность жизни в субъектах Российской Федерации. <https://ru.ruwiki.ru/wiki/>; Ожидаемая продолжительность жизни в России ozhid_life_pr_2023.xlsx — Яндекс Документы https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUfoewruGJq0RaPJaxD691A2AvbmjY4C2jMBU9pMW7zK-AVaDjqSCH1Li63T_zNZKbOptEsFteB-Tqpsp4JEo6napUhgZ-ppJe-6OAFfCkA6-4qM5cTm3KSxG3-ps6rXrDiCUGgbg%3D%3D%3Fsign%3DHtfQbdwKS928VuhUz0bj-jPLYIX58aYkPinUCaIT8w%3D&name=ozhid_life_pr_2023.xlsx&nosw=1 (дата обращения: 02.02.2026)

Реальные денежные доходы в РФ и Южном федеральном округе (ЮФО), в % к предыдущему году представлены в таблице 3 и на рис. 5.

Индексы роста реальных денежных доходов в Южном федеральном округе выше, чем в целом по России. На протяжении исследуемых десяти лет наблюдается рост денежных доходов населения.

Обсуждение

В качестве меры регулирования взаимосвязи демографических изменений, влияющих на экономическое развитие и социально-экономические процессы предлагаем эффективную государственную политику, которая должна основываться на комплексном подходе, учитывающем взаимозависимость демографических и экономических процессов. Меры демографической политики должны

Таблица 3

Реальные денежные доходы в РФ и ЮФО, в % к предыдущему году

Федеральный округ	годы										Темп роста, %
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Россия	96,4	95,5	99,8	101,7	101,9	98,6	103,9	104,0	106,5	108,4	112,4
Южный федеральный округ	97,2	97,7	99,9	102,2	100,9	99,2	105,5	102,6	105,2	109,1	112,2

Источник: Реальные денежные доходы в РФ. Федеральная служба государственной статистики. https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPrrJRXIUFoewruKaLL-MIRQYWaQpKaXv459VrBmPzZ2nBsXlxPPN8Q11RziBDvJOy7_bzRBKc7mqfWnRmlMxOHZL265jZiXCMPZu-aILWTHMiNPwN7fW60tS6UUnBqizdJFSHeXfo6cYlw%3D%3D%3Fsign%3D1G8hQLPgD8PMxdWjmbc72CnVkkCSqhiWr c84tGZv9Do%3D&name=urov_11subg-nm.xlsx&nosw=1 (дата обращения: 01.02.2026).

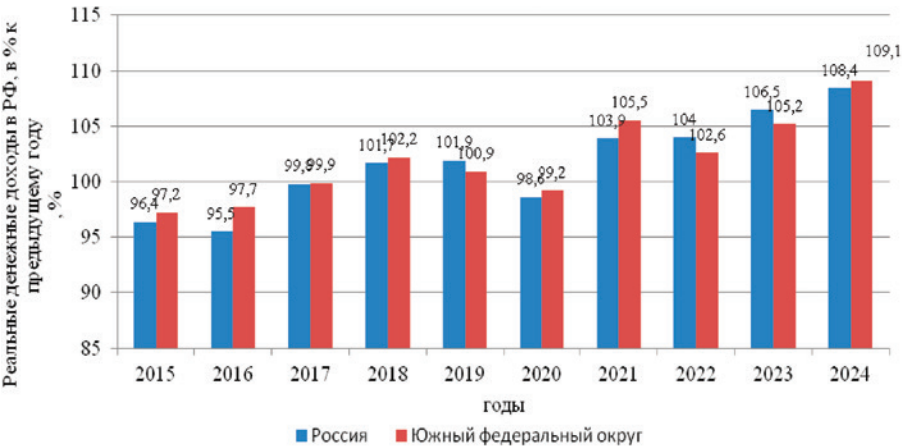

Рис. 5. Реальные денежные доходы в РФ и Южном федеральном округе в % к предыдущему году (источник: Реальные денежные доходы в РФ. Федеральная служба государственной статистики. https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPrrJRXIUFoewruKaLL-MIRQYWaQpKaXv459VrBmPzZ2nBsXlxPPN8Q11RziBDvJOy7_bzRBKc7mqfWnRmlMxOHZL265jZiXCMPZu-aILWTHMiNPwN7fW60tS6UUnBqizdJFSHeXfo6cYlw%3D%3D%3Fsign%3D1G8hQLPgD8PMxdWjmbc72CnVkkCSqhiWr c84tGZv9Do%3D&name=urov_11subg-nm.xlsx&nosw=1 (дата обращения: 01.02.2026)

сопровождаться соответствующими экономическими мерами. Только в этом случае возможно достижение устойчивого демографического и экономического развития. В рамках социальной политики хорошо реализовываются программы поддержки семей — налоговые льготы способствуют увеличению рождаемости и прочее.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей в пространстве России носят сложный, многомерный характер, формируя устойчивые типы регионов.

В рамках реализации целей развития Российской Федерации на период до 2030 года :

а) повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 году и до 1,8 — к 2036 году;

б) увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году и до 81 года — к 2036 году, в том числе опережающий рост показателей ожидаемой продолжительности здоровой жизни;

в) обеспечение не ниже среднероссийских темпов повышения к 2030 году суммарного коэффициента рождаемости в субъектах Российской Федерации.

В Южном федеральном округе РФ и в целом по России за десять лет исследования происходит небольшое снижение демографических показателей населения России по таким показателям, как постоянная численность населения, численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше, естественного прироста/убыли населения на 1 000 чел. населения.

Ожидаемая продолжительность жизни в России увеличилась с уровня 71,4 года в 2015 г. до 72,84 года — в 2023 году.

Список источников

Безвербный, В. А., Ростовская, Т. К., Ситковский, А. М., Рославцев, С. В. (2025). Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России. *Уровень жизни населения регионов России*, 21(4), 602–617. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617

Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Одинцова Е. В. (2025). *Мониторинг доходов и уровня жизни населения России — 2024 год: Ежегодник. Вып. 3* (204). М.: ИЭ РАН, 170.

Борисова, К. Б., Дворецкий, Л. М., Федотов, А. А. (2021). Ожидаемая продолжительность жизни в России: региональный разрез и воздействующие факторы. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 10 — 1(61), 203–209. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-10-1-203-209>

Козлова, О. А., Макарова, Н. М., Архангельский, В. Н. (2024). Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России. *Уровень жизни населения регионов России*, 20(1), 76–90. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90

Маньшин, Р. В., Моисеева, Е. М. (2022). Влияние инфраструктуры на размещение населения и развитие регионов России. *Экономика региона*, 18(3), 727–741. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-8>

Фаттахов, Р. В., Низамутдинов, М. М., Орешников, В. В. (2020). Ранжирование регионов России по демографической ситуации с учетом уровня развития социальной инфраструктуры. *Мир новой экономики*, 14(4), 96–109. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-4-96-109>

References

- Bezverbnyi, V. A., Rostovskaia, T. K., Sitkovskii, A. M., & Roslavtsev, S. V. (2025). The interrelationship of demographic and socio-economic indicators of regional development in Russia. *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 21 (4), 602–617. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617 (In Russ.)
- Bobkov, V. N., Guliugina, A. A., & Odintsovo, E.V. (2025). *Monitoring dokhodov i urovnia zhizni naseleniia Rossii — 2024 god: Ezhegodnik. Vypusk 3(204)* [Monitoring of income and living standards of the population of Russia — 2024: Yearbook. Issue 3(204)]. M: IE RAN, 170. (In Russ.)
- Borisova, K. B., Dvoretiskii, L. M., & Fedotov, A. A. (2021). Life expectation in Russia: regional section and influencing factors. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]*, 10-1(61), 203–209. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-10-1-203-209> (In Russ.)
- Fattakhov, R. V., Nizamutdinov, M. M., & Oreshnikov, V. V. (2020). Ranking of regions of Russia by the demographic situation considering the level of development of social infrastructure. *Mir novoi ekonomiki [The World of New Economy]*, 14 (4), 96–109. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-4-96-109> (In Russ.)
- Kozlova O.A., Makarova M.N., & Arkhangel'skiy V.N. (2024). Methodological Approach to Assessing Factor Influence on Fertility in Russia. *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 20(1):76–90. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90 (In Russ.)
- Manshin, R. V. & Moiseeva, E. M. (2022). Influence of infrastructure on population distribution and socio-economic development of Russian regions. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, 18 (3), 727–741. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-109-122> (In Russ.)

Резникова Ольга Сергеевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента предпринимательской деятельности, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»; <https://orcid.org/0000-0001-8715-224X> (Российская Федерация, 295015, г. Симферополь, пр. Академика В.И. Вернадского д. 4, корпус А, каб. 407 А, e-mail: os@crimea.com).

Цёхла Светлана Юрьевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента предпринимательской деятельности, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»; <https://orcid.org/000-0001-6485-3019> (Российская Федерация, 295015, г. Симферополь, пр. Академика В.И. Вернадского д. 4, корпус А, каб. 407 А, e-mail: s.tsohla@yandex.ru).

Olga S. Reznikova — Dr. Sci. (Econ.), Professor at the Department of Entrepreneurial Management, Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; <https://orcid.org/0000-0001-8715-224X> (4, Akademika V.I. Vernadskogo Ave., Building A, Office 407 A, Simferopol, 295015, Russian Federation, e-mail: os@crimea.com).

Svetlana Y. Tsokhla — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Management, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, <https://orcid.org/000-0001-6485-3019> (4, Akademika V.I. Vernadskogo Ave., Building A, Office 407 A, Simferopol, 295015, Russian Federation, e-mail: s.tsohla@yandex.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.18(98)

JEL classification: J11

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-19>

Особенности демографического развития регионов мировой Арктики (по данным восьми стран)¹

А. В. Смирнов ^a

^a Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
(г. Сыктывкар, Российская Федерация).

<https://orcid.org/0000-0001-6952-6834>

Автор для корреспонденции: А. В. Смирнов (av.smirnov.ru@gmail.com)

Аннотация. Рассматриваются различия демографических процессов между северными странами и их арктическими регионами. Путем анализа статистики по восьми странам и 25 регионам показано, что во всех северных странах мира арктические регионы демонстрируют худшие показатели динамики численности населения. Арктические территории отличаются также более высокими показателями рождаемости и более низкими значениями ожидаемой продолжительности жизни, что отчасти связано со спецификой этнического состава, незавершенностью демографического перехода у населения ряда территорий. Показано, что после 2010 г. происходит быстрое сближение территорий мировой Арктики по показателям естественного прироста населения. В будущем демографическая динамика будет все в большей степени зависеть от миграции, что следует учитывать при разработке пространственной и демографической политики.

Ключевые слова: население; рождаемость; смертность; миграция; Арктика.

Features of the Demographic Development of the Arctic Regions (According to Data from Eight Countries)

A. Smirnov ^a

^a Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS" (Syktvykar, Russian Federation).

<https://orcid.org/0000-0001-6952-6834>

Corresponding author: A. Smirnov (av.smirnov.ru@gmail.com).

Abstract. The article examines the differences in demographic indicators between northern countries and their Arctic regions. By analyzing statistics for eight countries and 25 regions, the author demonstrates that, across all northern countries, Arctic regions exhibit the worst population dynamics. Arctic territories also have higher total fertility rates and lower life expectancy, which is partly due to the specific ethnic composition and the incomplete demographic transition of the populations of some territories. The article demonstrates that, since 2010, the Arctic regions have been rapidly converging in terms of natural population growth. In the future, demographic dynamics will increasingly depend on migration, which should be taken into account when developing spatial and demographic policies.

Keywords: population, fertility, mortality, migration, Arctic.

Введение

Арктический мегарегион вызывает большой исследовательский интерес из-за его геополитической и транспортной значимости, наличия огромных запасов природных ресурсов, культурного многообразия. В демографических исследованиях обычно рассматривают северные страны мира целиком или отдельные регионы,

¹ © Смирнов А. В. Текст. 2026.

относящиеся к Арктике. Однако остается недостаточно изученным вопрос — насколько арктические территории отличаются от прочих территорий северных стран по демографическим показателям?

В данной статье объектом изучения является мировая Арктика, а именно восемь арктических стран и 25 арктических регионов. Цель статьи — выявить различия между арктическими и неарктическими территориями по показателям рождаемости, продолжительности жизни и демографической динамики. Для этого используются наиболее базовые демографические показатели: численность населения, коэффициент суммарной рождаемости и ожидаемая продолжительность жизни. Кроме того, в статье оценивается вклад арктических территорий в экономику восьми северных стран: России, США, Канады, Дании, Исландии, Норвегии, Швеции и Финляндии. Источниками данных послужили сайты и базы данных статистических ведомств этих стран, а также международных организаций — ООН и Всемирного банка.

Население и экономика мировой Арктики

В современном мире продолжают глобальное сокращение рождаемости (Кишенин, 2024) и рост продолжительности жизни (Olshansky et al., 2024). Причем рождаемость быстрее сокращается в странах с высокими значениями показателя, а ожидаемая продолжительность жизни ускоренно растет в странах с низкими значениями. Таким образом, происходит сближение стран и регионов по показателям естественного движения населения. Ситуация с миграцией населения более вариативна. В ряде развитых стран мира уже на протяжении нескольких десятилетий снижается миграционная активность населения, а в других она растет (Мкртчян, 2025). Привлекательность направлений миграции в современном мире сильнее связана с уровнем человеческого развития и качества жизни, чем с климатическими особенностями (Niva et al., 2023). Поэтому преимущество получают крупные центры расселения с развитой инфраструктурой и диверсифицированными рынками труда (Вакуленко, 2019).

В арктических странах наблюдаются те же тенденции. Даже страны Северной Европы, считавшиеся еще недавно благополучными по уровню рождаемости, потеряли за 2015–2022 гг. свое преимущество (Heleniak, 2024). Это касается даже территорий, где проживают коренные малочисленные народы Севера. Вестернизация традиционных обществ приводит к распространению новых моделей семьи и рождаемости иногда даже раньше, чем формируются экономические основания для демографического перехода (Frantsuz, 2025). Специфика Арктики в уровне смертности может быть обусловлена как социально-экономическими факторами, так и природно-климатическими. Эпигенетические исследования показывают, что жители Якутии быстрее стареют из-за адаптации организма к холодным температурам (Kalyakulina et al., 2023), а колебания температуры воздуха коррелируют с уровнем смертности (Timonin, 2025). В данной статье в фокусе внимания находятся различия между арктическими и неарктическими территориями восьми северных стран.

Российскую Арктику будем рассматривать в границах Арктической зоны Российской Федерации. На 2025 г. она включает 77 муниципальных образований

в десяти регионах России. Зарубежную Арктику рассмотрим в границах, которые установлены в ряде исследований и международных докладах об Арктике (Смирнов, 2023). Из штатов США арктическим считается только Аляска. К арктическим регионам Канады будем относить Юкон, Северо-Западные территории и Нунавут. Гренландия и Фарерские острова — автономные арктические территории Дании. Исландия — единственная страна, входящая в Арктику целиком. Из регионов стран Северной Европы в Арктику будем включать также Нурланн, Тромс, Финнмарк, Шпицберген и Ян-Майен (Норвегия), Норботтен и Вестерботтен (Швеция), Лапландию, Северную Остроботнию и Кайнуу (Финляндия).

Таким образом, мировая Арктика включает 362 муниципальных образований, что составляет всего 5,2 % от числа всех муниципалитетов северных стран (табл. 1). Если в Исландии в Арктику входят все 100 % муниципальных образований, то в Канаде — всего 3,4 %, в России — 3,3 %, США — 0,9 %. В странах Фенноскандии к числу арктических отнесены от 10 % до 23 % муниципальных образований. Общая площадь территорий мировой Арктики составляет около 14 млн км², или 9,3 % от площади земной суши. В России к Арктике отнесены 32,6 % территорий, в Дании — 98,1 %, Финляндии — 47,3 %, Норвегии — 45,5 %, Канаде — 39,3 %, Швеции — 34,1 %, в США — 17,5 %.

На мировую Арктику приходится 0,36 % валового регионального продукта планеты. Наибольший вклад вносят Арктическая зона России (41,1 %) и Аляска (18,2 %). Если посмотреть на вклад арктических территорий в экономику северных стран, то, за исключением полностью арктической Исландии, он наивысший в Финляндии (10,7 %), Норвегии (7,0 %), России (6,6 %) и Швеции (5,3 %). Более низкие значения у Дании (1,7 %), Канады (0,5 %) и США (0,3 %).

Таблица 1

Состав, площадь территории и валовой региональный продукт северных стран и их арктических территорий

Территория	Количество МО и зон переписи, 2025 г.		Площадь, тыс. км ² , 2025 г.		Валовой региональный продукт, млрд долларов США, 2022 г.	
	Арктическая территория страны	Страна в целом	Арктическая территория страны	Страна в целом	Арктическая территория страны	Страна в целом
Мировая Арктика / мир	362	—	13989,6	149939,1	364,9	102435,0
Россия	77	2318	5585,2	17125,2	150,1	2266,0
США	30	3244	1723,3	9833,5	66,3	26006,9
Канада	10	293	3921,7	9984,7	10,5	2161,5
Дания	13	111	2167,5	2210,6	6,8	408,8
Исландия	62	62	103,1	103,1	28,8	28,8
Норвегия	82	357	175,1	385,2	41,8	593,7
Швеция	29	290	153,4	450,3	30,7	579,9
Финляндия	59	308	160,2	338,5	30,0	280,2

Источник: национальные статистические ведомства арктических стран, Департамент труда и развития трудовых ресурсов Аляски, Всемирный банк, ООН.

Методы и данные

Исследование опирается на сведения, собранные на сайтах и в базах данных статистических ведомств арктических стран. Это Росстат, Statistics Canada, Statistics Denmark, Statistics Greenland, Statistics Faroe Islands, Statistics Iceland, Statistics Norway, Statistics Sweden и Statistics Finland. Сведения по Аляске получены на сайте Департамента труда и развития трудовых ресурсов Аляски. Также использовались данные на уровне стран Организации Объединенных Наций (демографические показатели) и Всемирного банка (валовой продукт).

Из статистических баз данных были выгружены следующие показатели за 2010–2025 гг.: валовой региональный продукт, общая численность населения, коэффициент суммарной рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин и женщин. Выбранный набор показателей является базовым для экономических и демографических исследований. Несмотря на некоторые недостатки отобранных показателей воспроизводства населения в сравнении с когортными при анализе долгосрочных тенденций, они хорошо отражают текущую ситуацию и доступны по большинству стран и регионов мира.

Специфика арктических территорий по демографическим показателям

Численность населения мировой Арктики за 2010–2025 гг. сократилась на 208,7 тыс. человек, или на 3,7 %, из-за миграционного оттока из Арктической зоны Российской Федерации. Во всех остальных странах наблюдался прирост численности арктического населения (табл. 2). Во всех северных странах, включая Россию, увеличилась общая численность населения, но темпы прироста численности в их арктических частях были ниже средних по стране. Так, в Норвегии

Таблица 2

Численность населения северных стран и их арктических территорий, 2010 и 2025 гг.

Территория	Население, тыс. человек *			
	Арктическая территория страны		Страна в целом	
	2010 г.	2025 г.	2010 г.	2025 г.
Мировая Арктика / мир	5675,4	5466,7	7021732,0	8231613,0
Россия	2799,0	2405,8	142856,5	146119,9
США	710,2	741,1	308745,5	340110,0
Канада	109,9	133,6	33809,0	41528,7
Дания	105,0	111,1	5639,7	6103,9
Исландия	317,6	389,4	317,6	389,4
Норвегия**	467,7	491,7	4858,2	5594,3
Швеция	507,6	529,8	9345,1	10588,0
Финляндия	658,5	664,1	5351,4	5640,4

Примечания: *Россия — по переписи 2010 г. и на начало 2025 г.; США и Канада — на середину 2009 и 2024 гг., остальные территории — на начало 2010 и 2025 гг.; **население без учета российских поселений Баренцбург и Пирамида на Шпицбергене (420 человек в 2010 г. и 297 — в 2025 г.).

Источник: национальные статистические ведомства арктических стран, Департамент труда и развития трудовых ресурсов Аляски, ООН.

и Швеции разница составила три раза, а в Финляндии — более шести. Можно сделать вывод, что даже относительно привлекательные арктические регионы зарубежной Арктики уступают по миграционной привлекательности неарктическим частям тех же стран. Наименьшие различия в динамике численности арктического и неарктического населения зафиксированы в Канаде.

Коэффициент суммарной рождаемости за 2013–2023 гг. снизился во всех арктических странах мира (табл. 3). Если рассматривать только арктические территории, то наибольшее сокращение было в Финляндии (на 0,69 рождения на одну женщину), а наименьшее — в России (на 0,26). Во всех странах, кроме Швеции, рождаемость в арктических регионах ниже, чем в целом по стране. Наибольшая разница (на 0,34) — в Канаде, благодаря высокой доле коренных идентичностей, представителей «первых наций», инуитов и метисов. Однако и в районах проживания коренных народов Севера, как в Канаде, так и в России, быстро сокращается уровень рождаемости. Простое воспроизводство не достигается ни в одной из арктических стран, хотя еще в 2013 г. в арктических регионах США, Канады, Дании и Финляндии рождаемость была выше 2,1 ребенка на одну женщину.

Ожидаемая продолжительность жизни населения обоих полов за 2012–2022 гг. выросла во всех арктических странах и регионах (табл. 4). Наибольшее увеличение зафиксировано в российской Арктике, но Россия по-прежнему занимает последнее место по этому показателю. В арктических регионах всех стран показатели ожидаемой продолжительности жизни населения ниже, чем в среднем по стране. Наименьшие различия (по 0,2 года у мужчин и женщин) в Финляндии, а наибольшие — в Канаде (6,4 года — у мужчин и 5,4 года — у женщин). В районах проживания коренных народов Канады крайне высока смертность от внешних причин.

Таблица 3

**Коэффициент суммарной рождаемости населения северных стран
и их арктических территорий, 2013 и 2023 гг.**

Территория	2013 г.		2023 г.	
	Арктическая территория страны	Страна в целом	Арктическая территория страны	Страна в целом
Мировая Арктика / мир	1,94	2,57	1,57	2,25
Россия	1,83	1,70	1,57	1,41
США	2,22	1,86	1,83	1,66
Канада	2,13	1,61	1,60	1,26
Дания	2,29	1,67	1,81	1,50
Исландия	2,00	2,00	1,59	1,59
Норвегия	1,80	1,78	1,45	1,40
Швеция	1,86	1,89	1,39	1,45
Финляндия	2,12	1,75	1,43	1,26

Источник: национальные статистические ведомства арктических стран, Департамент труда и развития трудовых ресурсов Аляски, ООН.

Таблица 4

**Ожидаемая продолжительность жизни населения северных стран
и их арктических территорий, 2012 и 2022 гг.**

Терри- тория	Мужчины				Женщины			
	2012 г.		2022 г.		2012 г.		2022 г.	
	Арктическая территория страны	Страна в целом	Арктическая территория страны	Страна в целом	Арктическая территория страны	Страна в целом	Арктическая территория страны	Страна в целом
Мировая Арктика / мир	70,9	68,3	72,7	70,0	78,8	73,4	79,8	75,4
Россия	63,9	64,6	66,2	67,6	75,0	75,8	76,8	77,8
США	75,7	76,4	74,6	74,8	80,4	81,2	79,4	80,2
Канада	73,8	79,6	72,9	79,3	78,1	83,8	78,4	83,8
Дания	73,4	78,9	74,6	79,6	77,7	82,0	78,6	83,4
Исландия	80,7	80,7	81,1	81,1	83,8	83,8	83,9	83,9
Норвегия	78,9	79,7	80,6	81,4	83,3	83,7	84,2	84,7
Швеция	79,0	79,9	80,7	81,4	83,2	83,7	84,1	84,8
Финлян- дия	77,1	77,5	78,7	78,9	83,6	83,6	83,9	84,1

Примечание: США — 2010 и 2022 гг., Норвегия — 2013 и 2022 гг.; Канада и Фарерские острова — среднее за два года, Финляндия — за три, Норвегия и Швеция — за пять лет.

Источник: национальные статистические ведомства арктических стран, Департамент труда и развития трудовых ресурсов Аляски, ООН.

Заключение

Хотя мировая Арктика занимает огромную площадь и имеет большое геостратегическое значение, ее вклад в численность населения Земли измеряется в сотых долях процента. Экономический вес Арктики на порядок выше, благодаря запасам природных ресурсов. Проведенное исследование позволило по данным восьми арктических стран системно рассмотреть специфику демографических процессов в арктических регионах. Отмечено, что во всех северных странах демографическая динамика арктических регионов хуже, чем в неарктических. При этом почти везде (кроме Швеции) в Арктике выше уровень рождаемости, но ниже ожидаемая продолжительность жизни населения.

Было показано, что со временем различия между территориями сглаживаются. Это важно в контексте разработки мероприятий демографической и пространственной политики. Можно ожидать, что демографическая динамика в будущем все больше будет зависеть от миграции, поскольку показатели естественного движения населения будут различаться между территориями незначительно. Из этого также следует, что нельзя ожидать долгосрочного сохранения высоких показателей рождаемости в территориях компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. Одновременно с демографическими изменениями будет меняться и их образ жизни. В будущих исследованиях следует обратить внимание на такие вопросы, как обеспеченность сокращающегося населения арктической периферии социальной инфраструктурой, возможность получения образования и поиск работы жителями Арктики.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-78-10061, <https://rscf.ru/project/24-78-10061/>

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation grant, project no. 24-78-10061 (<https://rscf.ru/project/24-78-10061/>).

Список источников

Вакуленко, Е. С. (2019). Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? *Прикладная эконометрика*, 55 (3), 113–138. <http://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013>.

Кишенин, П. А., Зинина, А. И., Максимова, Т. А. (2024). Темпы снижения рождаемости возрастают по всему миру: ловушка низкой рождаемости всё вероятнее? *Демографическое обозрение*, 11 (4), 4–43. <http://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288>.

Мкртчян, Н. В. (2025). Динамика внутренней миграции в развитых странах: обзор исследований. *Демографическое обозрение*, 12 (3), 4–28. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i3.28495>.

Смирнов, А. В. (2023). *Демография российской Арктики в цифровую эпоху*. Москва: Экон-Информ, 239.

Frantsuz, Yu. (2025). A. In Search for the Best-Fitting Theoretical Model for Explaining Demographic Dynamics. *Population and Economics*, 9 (1), 108–128. <https://doi.org/10.3897/popecon.9.e128817>.

Heleniak, T. (2024). Fertility decline in the Nordic region. In: *State of the Nordic Region 2024*. Stockholm, Nordregio. <https://doi.org/10.6027/R2024:13.1403-2503>.

Kalyakulina, A., Yusipov, I., Kondakova, E. et al. (2023). Epigenetics of the far northern Yakutian population. *Clinical Epigenetics*, 15, 189. <https://doi.org/10.1186/s13148-023-01600-y>.

Niva, V., Horton, A., Virkki, V. et al. (2023). World's human migration patterns in 2000–2019 unveiled by high-resolution data. *Nature Human Behaviour*, 7, 2023–2037. <https://doi.org/10.1038/s41562-023-01689-4>.

Olshansky, S. J., Willcox, B. J., Demetrius, L., Beltrán-Sánchez, H. (2024). Implausibility of radical life extension in humans in the twenty-first century. *Nature Aging*, 4, 1635–1642. <https://doi.org/10.1038/s43587-024-00702-3>.

Timonin, S., Shartova, N., Wen, B. et al. (2025). The differential effect of ambient temperature on age-specific and sex-specific mortality in the 300 largest cities of Russia, 2000–19: a first national time-series study. *The Lancet Planetary Health*, 9 (5), e410–e420. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(25\)00084-1](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(25)00084-1).

References

Frantsuz, Yu. (2025). A. In Search for the Best-Fitting Theoretical Model for Explaining Demographic Dynamics. *Population and Economics*, 9 (1), 108–128. <https://doi.org/10.3897/popecon.9.e128817>.

Heleniak, T. (2024). Fertility decline in the Nordic region. In: *State of the Nordic Region 2024*. Stockholm, Nordregio. <https://doi.org/10.6027/R2024:13.1403-2503>.

Kalyakulina, A., Yusipov, I., Kondakova, E. et al. (2023). Epigenetics of the far northern Yakutian population. *Clinical Epigenetics*, 15, 189. <https://doi.org/10.1186/s13148-023-01600-y>.

Kishenin, P. A., Zinina, A. I., Maksimova, T. A. The intensity of fertility decline is increasing worldwide: Is a low fertility trap increasingly likely? *Демографическое обозрение [Demographic Review]*, 2024, vol. 11, no. 4, pp. 4–43. <http://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288>. (In Russ.).

Mkrtchyan, N. V. (2025). Dynamics of internal migration in developed countries: a review of studies. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 12 (3), 4–28. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i3.28495> (In Russ.).

Niva, V., Horton, A., Virkki, V. et al. (2023). World's human migration patterns in 2000–2019 unveiled by high-resolution data. *Nature Human Behaviour*, 7, 2023–2037. <https://doi.org/10.1038/s41562-023-01689-4>.

Olshansky, S. J., Willcox, B. J., Demetrius, L., Beltrán-Sánchez, H. (2024). Implausibility of radical life extension in humans in the twenty-first century. *Nature Aging*, 4, 1635–1642. <https://doi.org/10.1038/s43587-024-00702-3>.

Smirnov, A. V. (2023). *Demografiya rossiiskoi Arktiki v tsifrovuyu epokhu [Demography of the Russian Arctic in the Digital Age]*. Moscow: Econ-Inform, 239. (In Russ.).

Timonin, S., Shartova, N., Wen, B. et al. (2025). The differential effect of ambient temperature on age-specific and sex-specific mortality in the 300 largest cities of Russia, 2000–19: a first national time-series study. *The Lancet Planetary Health*, 9(5), e410–e420. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(25\)00084-1](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(25)00084-1).

Vakulenko, E. S. Motives for internal migration in Russia: What has changed in recent years? *Prikladnaya ekonometrika [Applied Econometrics]*, 55 (3), 113–138. <http://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013>. (In Russ.).

Смирнов Андрей Владимирович — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0001-6952-6834> (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com).

Andrey V. Sminrov — PhD in Economics, Senior Researcher, Head of the Laboratory, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS”; <https://orcid.org/0000-0001-6952-6834> (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 316.346; 314.06

JEL classification: J14

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-20>

Социальная активность лиц старшего возраста как составляющая благополучной старости¹

Т. С. Соловьева^а, А. Э. Жданова^б

^{а, б} ФГБУН Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0003-1770-7566>

^б <https://orcid.org/0000-0002-4526-3571>

Автор для корреспонденции: А.Э.Жданова (angelinazhdanova99@mail.ru).

Аннотация. Исследование направлено на изучение социальной активности лиц старшего возраста как компонента благополучной старости. На данных социологического опроса населения Вологодской области (2025 г.) показаны возрастные различия в социальной активности, восприятии благополучия и его самооценке, удовлетворенности различными сторонами жизни пожилых людей. Определено, что с увеличением возраста социальная включенность в различные практики активности, в том числе цифровые, снижается. Наиболее важными источниками поддержки для лиц старших возрастов являются семья, родственники и друзья. Выявлено, что уровень социального доверия к обществу в целом среди пожилых людей низкий, а наиболее выраженной формой гражданской активности является участие в выборах. Полученные результаты могут быть использованы в практике государственного управления на различных уровнях для разработки мероприятий в рамках социальной и демографической политики, а также в деятельности организаций частного и некоммерческого сектора для создания и реализации эффективных проектов в области социальной активности пожилых людей с целью повышения их благополучия.

Ключевые слова: старение; лица старшего возраста; социальная активность; социальная включенность; благополучная старость.

Social Activity of the Elderly as a Component of a Prosperous Old Age

T. Soloveva^а, A. Zhdanova^б

^{а, б} Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0003-1770-7566>

^б <https://orcid.org/0000-0002-4526-3571>

Corresponding author: A. Zhdanova (angelinazhdanova99@mail.ru).

Abstract. The study aims to investigate the social activities of older people as part of a successful old age. Based on the data from a sociological survey conducted among the population of the Vologda Oblast in 2025, the article presents age-related differences in social activity, perceptions of well-being, self-esteem and satisfaction with various aspects of life among older people. The article reveals that as people get older, their social involvement in various activities, including digital ones, tends to decrease. It also shows that family, relatives, and friends are the most significant sources of support for older people. The study found that the level of social trust among the older people in society is generally low, with the most common form of civic engagement being participation in elections. The results obtained can be applied in the practice of public administration at various levels to develop measures within the framework of social and demographic policy. They can also be used by private and non-profit organizations to create and implement effective projects aimed at improving the well-being of older people through social activism.

Keywords: aging, older people, social activity, social inclusion, prosperous old age

¹ © Соловьева Т. С., Жданова А. Э. Текст. 2026.

Введение

Демографическое старение является одним из глобальных системных вызовов для социально-экономического развития многих стран мира, в т. ч. и России. Согласно данным Росстата, доля населения старше трудоспособного возраста в РФ выросла с 20,4 % в 2002 г. до 23,7 % в 2024 г. и составила порядка 35 млн человек¹. По среднему варианту прогноза к 2050 году этот показатель достигнет отметки в 27 %. С одной стороны, это влечет за собой увеличение социальных расходов, с другой — эффективное использование ресурсного потенциала старшего поколения может внести определенный вклад в экономический рост. Сложившаяся ситуация и понимание важности сохранения и повышения благополучия пожилых людей привело к принятию ряда значимых программных документов и реализации национальных проектов (национальные проекты «Демография» и «Семья», федеральный проект «Старшее поколение», Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2030 года и др.). В 2025 году стартовал новый национальный проект «Продолжительная и активная жизнь», где в качестве целевого ориентира установлено увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 81 года к 2036 году². Он призван стать комплексной программой, которая охватывает широкий круг вопросов, связанных не только со здоровьем людей, но и с питанием, здоровым образом жизни, физкультурой и спортом.

Поскольку переход к новому жизненному этапу в пожилом возрасте зачастую сопровождается сужением социальных контактов на фоне завершения периода трудовой деятельности, потери близких людей, ухудшения состояния здоровья (Courtin & Knapp, 2017), усиление внимания к активности населения старших возрастов является весьма своевременным. Это актуально не только с точки зрения их роли в социально-экономических процессах (например, в плане трудовой и волонтерской деятельности), но и в контексте влияния на физическое и психическое здоровье³, замедления физиологического старения (Scommegna et al., 2024) и др.

К тому же с течением времени меняется и представление о жизни на пенсии. Все больше людей, по данным ВЦИОМ, отмечают, что пенсия является счастливым временем, а не тяжелым периодом (40 % в 2025 г. против 27 % в 2010 г.)⁴. Согласно результатам опроса, проведенного аналитическим центром НАФИ в 2023 году, более половины россиян, достигших пенсионного возраста, считают себя ведущими активный образ жизни (57 %): посещают культурные мероприятия, путешествуют, занимаются физкультурой и т. д.⁵. К ним чаще относятся женщины с высшим образованием и удовлетворительным материальным по-

¹ Росстат. Официальная статистика. Демография. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 04.02.2026).

² Продолжительная и активная жизнь. <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/prodolzhitelnaya-i-aktivnaya-zhizn/> (дата обращения: 04.02.2026).

³ Психическое здоровье пожилых людей. <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-of-older-adults> (дата обращения: 04.02.2026).

⁴ Я только жить начинаю: на пенсию перехожу! <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ja-tolko-zhit-nachinaju-na-pensiju-perekhozhu> (дата обращения: 04.02.2026).

⁵ 57 % пенсионеров говорят, что ведут активный образ жизни. <https://nafi.ru/analytics/57-pensionerov-govoryat-cto-vedut-aktivnyy-obraz-zhizni/> (дата обращения: 04.02.2026).

ложением. В то время как среди тех, кто считает свой образ жизни пассивным, преобладают люди со средним образованием и плохим материальным благополучием. Среди самых популярных занятий у россиян старше 60 лет выделяются уход и присмотр за детьми и внуками (62 %), хобби вне дома (рыбалка, огород, посещение кружков — 58 %), занятия физкультурой и спортом (36 %), домашнее времяпрепровождение (чтение книг, рисование, моделирование — 27 %), посещение культурных мероприятий в музеях, театрах и т. д. (24 %)¹.

Таким образом, актуальность обращения к проблемам социальной активности пожилых людей, с одной стороны, обусловлена ростом доли населения старше трудоспособного возраста и вытекающими из этого негативными последствиями, которые необходимо нивелировать, а также возможностями, которые важно эффективно использовать. С другой стороны, существует запрос на выявление и осмысление практик социальной активности людей старших возрастов в контексте реализации национальных проектов и достижения целей, обозначенных в стратегических документах. Так, Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ на период до 2030 года стимулирует организацию интересного досуга, участие пожилых людей в творческой и спортивной деятельности, реализацию личностного потенциала и содействие занятости.

В связи с этим цель настоящей работы заключается в анализе особенностей социальной активности лиц старшего возраста как составляющей благополучной старости. Ключевой исследовательский вопрос состоит в выявлении различий в практиках социальной активности пожилых людей с учетом оценки собственного благополучия. Для достижения этой цели мы рассмотрели аспекты, связанные с восприятием категории «благополучия», оценкой своего текущего состояния благополучия, удовлетворенности различными сторонами жизни, особенностями свободного времяпрепровождения и общения с людьми, социального участия.

Обзор литературы

Повышение внимания к активной жизни пожилых людей в управленческом и научном дискурсе характеризует значимость вовлеченности старшего поколения в общественные процессы. Если в более ранние периоды чаще всего акцент делался на здоровье и материальной поддержке данной категории населения, то в последние годы все чаще говорится о необходимости включенности пожилых людей в различные взаимодействия, развитие социальной активности, расширение круга контактов. Во многом это связано со становлением ряда научных направлений и концепций, которые фокусируются на позитивных аспектах в представлениях о старении. Так, теория агентности (Cavazzoni et al., 2021; Сорокин, 2023) подчеркивает ценность субъектности, когда человек сам берет на себя ответственность за то, что с ним происходит, а также за возможные последствия своих действий, которые могут трансформировать окружающую его социальную реальность. Концепция активного старения (долголетия) предполагает оптимизацию возможностей для поддержания здоровья, участия

¹ Активная жизнь на пенсии. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aktivnaja-zhizn-na-pensii> (дата обращения: 04.02.2026).

в жизни общества, обеспечения безопасности в контексте повышения качества жизни населения в процессе старения¹ (Васильева, 2022; Парфенова & Галкин, 2023). Теория благополучного (успешного) старения выдвигает на первый план не только отсутствие хронических заболеваний, но и возможность эффективного участия в процессах жизнедеятельности (Rowe & Kahn, 1987). Еще ряд теорий также акцентирует внимание на позитивных эффектах старости и максимизации использования потенциала старшего поколения — теории оптимального, позитивного, продуктивного старения и др. (Белехова и др., 2024).

Исследования показывают, что снижение социальной активности среди пожилых людей сопряжено с усилением одиночества и снижением социальной поддержки (Zhao & Wu, 2022). Особенно это проявилось в период пандемии коронавируса и более всего отразилось на тех из них, кто ранее был социально и физически активен (Киенко, 2023). Для многих людей пенсионного возраста продолжение трудовой деятельности является не только средством поддержания уровня своего благосостояния, но и возможностью общаться с другими людьми, быть полезным, реализовать себя (Барков и др., 2022). При этом пожилые люди чаще склонны активно отдыхать (заниматься спортом, туризмом), чем посещать культурные или спортивные мероприятия (Кучмаева, 2018).

Представителям старшего поколения, стремящимся поддерживать активный образ жизни, с возрастом присущ более высокий уровень благополучия, нежели тем, для которых характерен пассивный жизненный уклад (Teh & Teu, 2019). Сохранение и развитие активности в старших возрастах напрямую связано с экономическим, социальным и физическим благополучием человека (Marzo et al., 2023), улучшением самочувствия и благосостояния (Monteiro et al., 2025). Таким образом, пожилые люди уже во многом рассматриваются не как субъекты, о которых нужно заботиться, а как активные члены общества, реализующие свой потенциал в различных сферах жизнедеятельности.

Материалы и методы

В данном исследовании под пожилыми людьми понимается население старше 65 лет, что с одной стороны связано с тем, что границы старости в настоящее время все больше перемещаются вверх по причине роста ожидаемой продолжительности жизни и возраста выхода на пенсию в процессе пенсионной реформы. С другой стороны, эти рамки чаще всего применяются при статистическом анализе и прогнозировании процессов старения в международной практике.

Эмпирической основой работы являются результаты социологического опроса населения Вологодской области, проведенного в 2025 году ФГБУН ВолНЦ РАН методом раздаточного анкетирования в городах Вологда и Череповец, а также восьми муниципалитетах области. Общий объем выборки составил 1 500 человек, применительно к решению задач настоящего исследования — 319 человек (население старше 65 лет). Ошибка выборки — не более 3–4 %. Выборка репрезентативная, квотная по полу, возрасту и экономической активности населения.

¹Active Ageing: A Policy Framework. <https://extranet.who.int/agefriendlyworld/active-ageing-a-policy-framework/> (дата обращения: 04.02.2026).

Большинство опрошенных состоят в зарегистрированном браке (49 %), чуть более трети (36 %) — вдовых. Доля бездетных составляет 3 %, среди остальных 51 % имеет двух детей, 28 % — трех и более детей, 18 % — одного ребенка. В основном проживают с супругом(ой) — 54 %, либо одни — 38 %. Большая часть респондентов имеет среднее специальное образование (техникум) — 40 % и полное среднее образование (11 классов школы, ПТУ) — 26 %.

Для оценки восприятия категории «благополучия» и своего текущего состояния благополучия и удовлетворенности своей жизнью использовались вопросы: «Что лично для вас означает «благополучие», «благополучная жизнь?» и «Скажите, пожалуйста, как вы оцениваете свою жизнь?», «Оцените, насколько вы удовлетворены следующими сторонами вашей жизни» (по пятибалльной шкале). Для оценки частоты различных вариантов свободного досуга применялись вопросы: «Укажите, пожалуйста, как часто вы проводите свое свободное время следующим образом?» (по пятибалльной шкале), «Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных мероприятий и как часто вы участвовали за последний год?» (по четырехбалльной шкале), «Какими ресурсами интернета и как часто вы пользуетесь?» (по четырехбалльной шкале). Также рассматривались вопросы, связанные с близким окружением пожилых людей, межличностным доверием, ощущением полезности и значимостью различных источников поддержки в старости. Обработка и анализ данных проводились с помощью программы IBM SPSS Statistics (ver.22.0). Выявление различий в практиках социальной активности пожилых людей с учетом оценки собственного благополучия осуществлялось с применением методов дескриптивной статистики и сравнительного анализа.

Результаты

В данном исследовании социальная активность будет рассмотрена с различных сторон: хобби и досуг, удовлетворенность семейными и дружескими отношениями, посещение культурных мероприятий. С точки зрения удовлетворенности некоторыми аспектами социальной активности, население старших возрастов в большей степени довольно неформальным общением с друзьями и знакомыми. Такой вариант ответа выбирали больше половины опрошенных: 58 % в возрасте 65–74 года и 51 % тех, кто старше 75 лет (табл. 1). Общение в кругу семьи также является важным фактором в жизни пожилых людей, и такой формой активности удовлетворены в основном респонденты в возрасте 65–74 лет (56 %). Можно отметить, что с возрастом снижается уровень удовлетворенности своим настроением, наличием досуговых практик, а также отношениями внутри семьи. Последнее зачастую может быть следствием отсутствия первого круга родственников (жены/мужа) в связи с их утратой. Треть пожилых людей удовлетворены своей вовлеченностью в деятельность волонтерских и благотворительных организаций, что в целом примерно соответствует среднему уровню по населению.

Наиболее заметные различия с региональным срезом видны в оценке своего настроения и эмоционального фона у населения старше 75 лет (разница 26 %). В целом такое более негативное восприятие может быть связано с целым рядом причин, таких как социальная изоляция, потеря статуса и цели (отсутствие трудовой деятельности), финансовые трудности, ухудшение здоровья и физического

состояния, усиление ощущения «заката жизни». Чем старше становится человек, тем сильнее эти проблемы могут быть выражены.

Значимым фактором социальной вовлеченности и психологического благополучия пожилых людей является их окружение. Большинство опрошенных имеют человека, с которым они могут обсудить вопросы личного характера: респонденты от 65 до 74 лет — 83 %, старше 75 лет — 71 % (в среднем по населению — 80 %). Этими людьми могут быть как члены семьи, друзья, так и социальные работники. В случае необходимости попросить помощи у человека, который не является родственником, могут 54 % пенсионеров в возрасте 65–74 лет, 47 % людей старше 75 лет (61 % респондентов в целом). Также среди пожилых людей наблюдается более низкий уровень доверия к окружающим: только 20–26 % в зависимости от возрастной группы считают, что большинству людей можно доверять. Это обусловлено как накопленным жизненным опытом, так и рядом психологических, когнитивных и ситуационных факторов.

Ощущение своей полезности также выступает важным предиктором эмоционального состояния лиц старшего возраста. Как показали данные опроса, восприятие своей нужности для семьи с возрастом снижается (51 % в возрасте 75+ против 63 % в возрасте 65–74 года (табл. 2). Следует подчеркнуть, что пожилые

Таблица 1

Удовлетворенность пожилых людей различными социальными аспектами жизни (вариант ответа «удовлетворен»), в % от опрошенных

Вариант ответа	Возраст по выборке		Справочно
	65–74 лет	75+ лет	Население в целом
Дружеские связи, неформальное общение	58,0	50,6	61,0
Семейные отношения	56,2	44,1	59,0
Настроение, общий эмоциональный фон	43,8	30,1	56,0
Наличие досуга (хобби, увлечений)	49,1	41,9	54,6
Участие в деятельности общественных организаций; волонтерство, благотворительность	30,9	30,2	35,2

Источник: составлено авторами по данным опроса общественного мнения — 2025 «Благополучие населения». ВолНЦ РАН.

Таблица 2

Ощущение пожилыми людьми чувства личной полезности, в % от опрошенных

Вариант ответа	Возраст по выборке		Справочно
	65–74 лет	75+ лет	Население в целом
Государству, обществу в целом			
Да	32,3	18,3	38,5
Нет	46,5	57,0	34,6
Семье (родственникам, детям, внукам)			
Да	63,3	50,5	67,3
Нет	23,0	28,0	16,1
Окружающим людям (друзья, коллеги, соседи)			
Да	43,4	44,1	52,1
Нет	36,3	29,0	23,0

Источник: составлено авторами по данным опроса общественного мнения — 2025 «Благополучие населения». ВолНЦ РАН.

люди отмечали низкую личную полезность для государства и общества, также имеющую нисходящую динамику с увеличением возраста. При этом в межличностном общении с друзьями и коллегами они ощущают гораздо большую востребованность (43–44 %), сохраняющуюся на стабильном уровне.

Семья и родственники выступают наиболее важным источником поддержки в старости, как для старшего поколения — 89 % и 91 %, так и для населения в целом — 88 % (рис. 1). Также весьма значимыми ресурсами являются медицинские учреждения (76–78 %) и пенсионные страховые фонды (74–76 %). Однако население региона в данном аспекте на второе место ставит знакомых и друзей (77 %), в то время как для пожилых людей их значимость несколько менее выражена (72 %). Наименее востребованными для лиц старшего возраста являются работодатели и коллеги (34–38 %) в силу прекращения трудовой деятельности в большинстве случаев, а также некоммерческие и благотворительные организации (37–41 %).

Окружение пожилых людей во многом создает возможности для реализации социальной активности, а она, в свою очередь, расширяет социальное окружение. Тем не менее чаще всего у старшего поколения преобладают виды досуга, не требующие социального взаимодействия (табл. 3). Наиболее распространенными ежедневными практиками среди лиц старшего возраста выступают: просмотр телевизора (93–94 %), хозяйственные дела по дому (88–89 %), а также прогулки на свежем воздухе (81–82 %). Для населения в целом также характерны данные занятия, однако третью позицию занимает общение с родственниками (78 %). Реже всего пожилые люди путешествуют (4–8 %), ходят на концерты (4–7 %), а также играют в игры на компьютере или телефоне (2–7 %). Также интересно отметить,

Рис. 1. Наиболее важные источники поддержки в старости (вариант ответа «важен и скорее важен, чем нет», в % от опрошенных (источник: составлено авторами по данным опроса общественного мнения — 2025 «Благополучие населения». ВолНЦ РАН)

Таблица 3

Частота проведения пожилыми людьми свободного времени по видам досуга (варианты ответа «каждый день» и «несколько раз в неделю»», в % от опрошенных

Вариант ответа	Возраст по выборке		Справочно
	65–74 лет	75+ лет	Население в целом
Просмотр телевизора	93,3	93,5	88,0
Хозяйственные дела по дому	89,3	88,0	85,1
Общение с родственниками, друзьями	70,2	73,9	78,1
Интернет	45,8	25,0	73,8
Прогулки на свежем воздухе	81,8	81,4	73,7
Просто отдых, расслабление	75,0	75,0	72,6
Музыка, видео, фильмы, сериалы	52,7	54,3	65,9
Любимое дело, хобби	51,6	60,5	54,3
Чтение книг, журналов	69,3	71,7	48,6
Дача, огород (в сезон)	52,4	44,0	41,4
Игры (на компьютере, в телефоне)	7,2	2,2	29,6
Физкультура, спорт	15,2	13,1	27,7
Общественная деятельность, волонтерство	16,9	9,8	14,2
Кафе, бары, рестораны	8,1	4,4	10,0
Музеи, театры, кинотеатры	9,4	7,7	9,8
Путешествия, туристические поездки	8,4	4,4	9,6
Концерты, квизы, творческие вечера	7,1	4,4	7,6

Источник: составлено авторами по данным опроса общественного мнения — 2025 «Благополучие населения». ВолНИЦ РАН.

что с увеличением возраста повышается интерес к хобби (65–74 года — 52 %, старше 75 лет — 61 %). В то же время респонденты в возрасте от 65 до 74 лет больше времени проводят в интернете (46 %), чем респонденты 75 лет и старше (25 %).

Исходя из данных социологического опроса можно определить включенность лиц старших возрастов в цифровые практики потребления: так, 72 % людей в возрасте 65–74 лет пользуются интернетом, однако удельный вес интернет-пользователей среди лиц старше 75 лет значительно ниже — 47 % (по населению в целом — 88 %). Чаще всего старшее поколение пользуется услугами новостных ресурсов, онлайн-банков, поисковых систем и социальных сетей (табл. 4). Самыми невостребованными формами цифровых ресурсов среди пожилых людей 65–74 лет являются образовательные платформы (14 %), онлайн-кинотеатры и музыкальные сервисы (16 %), а также использование электронной почты (19 %). Можно отметить, что среди населения старше 75 лет цифровая активность низкая по всем заявленным формам. Чаще всего они пользуются новостными ресурсами (33 %) и услугами онлайн-банков (27 %).

Чаще всего старшее поколение, как и население в целом, на регулярной основе участвует в выборах (табл. 5), причем для них это более распространенная форма социальной активности, чем для жителей региона (71–78 % против 69 % соответственно). Такая популярность обусловлена не только выражением гражданской позиции, но и ожиданием того, что они могут повлиять на формирование политики, которая будет учитывать их потребности и интересы (размер пенсий,

Таблица 4

**Виды и частота использования интернет-ресурсов пожилыми людьми
(варианты ответа «ежедневно» и «несколько раз в неделю»), в % от опрошенных**

Вариант ответа	Возраст по выборке		Справочно
	65–74 лет	75+ лет	Население в целом
Новостные ресурсы	52,0	33,3	73,2
Социальные сети и мессенджеры	41,3	17,2	69,4
Поисковые системы (Яндекс и т. п.)	36,4	16,1	68,8
Онлайн-банки (платежи, переводы)	42,0	26,9	65,9
Электронная почта	18,6	10,8	51,0
Интернет-магазины (Вайлдберрис, Авито, Озон)	24,9	11,9	48,2
Госуслуги, другие сервисы госучреждений и ведомств	25,8	12,9	45,6
Онлайн-кинотеатры и музыкальные сервисы	16,0	10,8	39,4
Платформы для образования и удаленной работы	14,3	8,6	31,6

Источник: составлено авторами по данным опроса общественного мнения — 2025 «Благополучие населения». ВолНЦ РАН.

Таблица 5

**Частота участия пожилых людей в различных общественных мероприятиях
за последний год, в % от опрошенных**

Вариант ответа	Возраст по выборке		Справочно
	65–74 лет	75+ лет	Население в целом
Выборы	77,7	71,0	68,8
Коллективное благоустройство, субботники	40,6	27,9	36,4
Участие в самоуправлении домом, подъездом	27,8	20,5	25,0
Благотворительность (денежные пожертвования, сбор вещей и пр.)	17,5	9,8	22,0
Экологическое движение/акции (раздельный сбор мусора, сохранение зеленых насаждений, защита животных, сбор средств и т. п.)	16,5	11,9	20,4
Проведение массовых мероприятий (городские праздники и т. п.)	14,9	9,7	18,8
Работа родительского комитета (в школе, детском саду)	9,4	4,3	16,7
Донорство крови	12,5	4,3	15,4
Волонтерская работа	12,1	6,5	12,4
Деятельность профсоюзной организации	9,8	6,5	11,1
Публичные слушания, отчеты местной власти	9,3	3,2	10,8
Проведение избирательной кампании	11,7	7,5	10,6
Территориальное общественное самоуправление (ТОС)	9,5	6,5	10,1
Религиозные службы, приходская работа	11,1	9,7	9,4
Подписание обращений, петиций в органы власти	7,1	3,2	8,6
Деятельность некоммерческой (общественной) организации	7,6	3,2	8,5
Наблюдение за порядком (народные дружины)	7,6	6,5	8,1
Ликвидация последствий стихийных бедствий (наводнения, пожары)	6,7	3,2	7,5
Протестные акции (забастовки, пикеты, митинги)	5,3	3,2	7,1
Деятельность политической партии	5,8	3,3	6,0

Источник: составлено авторами по данным опроса общественного мнения — 2025 «Благополучие населения». ВолНЦ РАН.

льготы, доступность медицинского обслуживания и социальные программы). Вторыми по значимости выступают общественные практики коллективного благоустройства и субботников, особенно характерные для людей 65–74 лет (41 %), и участие в самоуправлении домом и подъездом (21–28 %). Менее всего пожилые люди заинтересованы в деятельности политических партий и участии в протестных акциях (3–5 %). В данном вопросе также прослеживается снижение социальной активности с увеличением возраста по всем заявленным практикам.

Каждый десятый пожилой человек отметил, что включенность в общественную жизнь и широкий круг общения входят в его представления о благополучной жизни (табл. 6). При этом самым важным компонентом благополучия для старшего поколения является крепкое здоровье (среди лиц 65–74 лет — 74 %, старше 75 лет — 71 %), счастливая семья (70 % и 65 % соответственно), а также материальный достаток (67 % и 61 % соответственно), что соотносится с содержательным наполнением благополучия и среди населения в целом.

В большинстве случаев оценка пожилыми людьми своего благополучия носит позитивный характер: среди респондентов в возрасте 65–74 лет удельный вес положительных оценок составляет 62 %, среди тех, кто старше 75 лет — 60 %, в среднем по населению показатель несколько выше — 68 %. Среди старшего поколения,

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Что лично для вас означает «благополучие», «благополучная жизнь»?», в % от опрошенных

Вариант ответа	Возраст по выборке		Справочно
	65–74 лет	75+ лет	Население в целом
Счастливая семья	70,4	64,5	74,7
Крепкое здоровье	73,9	71,0	70,3
Материальный достаток	67,3	61,3	69,3
Наличие близких друзей	33,6	32,3	42,0
Душевное равновесие и спокойствие	36,7	40,9	31,3
Полноценный отдых и досуг	23,5	20,4	25,3
Стабильность, уверенность в завтрашнем дне	25,7	23,7	24,0
Интересная работа, профессиональная самореализация	7,5	4,3	20,9
Социальная защищенность	20,8	28,0	18,5
Самореализация и уверенность в себе	15,0	14,0	17,9
Развитая инфраструктура в месте проживания (доступная медицина и образование, качественное городское благоустройство и т. д.)	17,3	18,3	15,1
Включенность в общественную жизнь и широкий круг общения	10,6	12,9	12,3
Благоприятная экологическая обстановка в месте проживания	8,8	10,8	11,7
Социальный статус (положение в обществе)	5,8	8,6	11,0
Свобода и независимость	7,5	5,4	8,9
Духовное развитие	7,1	10,8	7,9
Соблюдение законов и общественная безопасность	4,4	10,8	4,0
Другое	0,4	0,0	0,9

Источник: составлено авторами по данным опроса общественного мнения — 2025 «Благополучие населения». ВолНЦ РАН.

включенного в общественную жизнь и имеющего широкий круг общения, которого им хватает, доля оценивающих свою жизнь как благополучную выше среди лиц 65–74 лет — 64 %, старше 75 лет — 73 %, в целом по населению — 45 %.

Заключение

Исследование показало, что пожилые люди в целом выражают высокую степень удовлетворенности жизнью, что отражает положительное восприятие личного благополучия. Важнейшими ценностями для них являются семья, здоровье и материальный достаток. Эти факторы формируют основу их жизненных установок и социальной активности. Несмотря на невысокое доверие к обществу в целом, старшее поколение сохраняет значительный уровень взаимодействия с членами семьи и родственниками, что подчеркивает важность семейных отношений. Социальная активность пожилых людей в основном сосредоточена на неформальном общении, при этом пассивный досуг преобладает над активным. Также было выявлено, что ощущение полезности и благополучие во многом связаны с социальной включенностью, которая с возрастом снижается, как и активность в интернет-пространстве. В связи с этим необходимо развивать различные социальные программы и соответствующую инфраструктуру, чтобы стимулировать повышение социальной активности, особенно в более старших возрастных группах.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10128).

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Scientific Foundation, the project No 23-78-10128.

Список источников

- Барков, С. А., Маркеева, А. В., Колодезникова, И. В. (2022). Жизненные и трудовые стратегии пенсионеров в современной России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 22 (4), 828–843. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843>
- Белехова, Г. В., Нацун, Л. Н., Соловьева, Т. С. (2024). Благополучная старость: от научных теорий к основам ее программирования. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 17 (2), 220–238. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.12>
- Васильева, Е. В. (2022). *Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 190.
- Киенко, Т. С. (2023). Люди старшего возраста и пандемия: социальная эксклюзия, гетерогенность геронтогруппы и интерсекциональность возрастных неравенств. *Социологические исследования*, 2, 115–124. <https://doi.org/10.31857/S013216250021521-6>
- Парфенова, О. А., Галкин К. А. (2023). Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26 (1), 200–223. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.8>
- Сорокин, П. С. (2023). Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития. *Социологические исследования*, 3, 103–114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2>
- Cavazzoni, F., Fiorini, A., & Veronese, G. (2021). How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. *Social Indicators Research*, 159, 1125–1153. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02791-8>

Courtin, E. & Knapp, M. (2017). Social Isolation, Loneliness and Health in Old Age: A Scoping Review. *Health & Social Care in the Community*, 25(3), 799–812. <https://doi.org/10.1111/hsc.12311>

Kuchmaeva, O.V. (2018). Social activity of elderly Russians and prospects of implementation of the «active ageing» policy. *Population and Economics*, 2(4), 47–84. <https://doi.org/10.3897/popecon.2.e36060>

Marzo, R.R., Khanal, P., Shrestha, S., Mohan, D., Myint, P.K. et al. (2023). Determinants of active aging and quality of life among older adults: systematic review. *Frontiers in Public Health*, 11, 1193789. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1193789>

Monteiro, J.M., Gonçalves, R., Bastos, A., & Barbosa, M.R. (2025). Social engagement and wellbeing in late life: a systematic review. *Ageing and Society*, 45(7), 1327–1354. <https://doi.org/10.1017/S0144686X24000011>

Rowe, J.W. & Kahn, R.L. (1987). Human aging: usual and successful. *Science*, 237(4811), 143–149.

Scommegna, P., Mather, M. & Elliott, D. (2024). More Than a Feeling: How Social Connection Protects Health in Later Life. *Today's Research on Aging*, 44, 1–16.

Teh, J. K. L. & Tey, N. P. (2019). Effects of Selected Leisure Activities on Preventing Loneliness Among Older Chinese. *SSM — Population Health*, 9, 100479. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2019.100479>

Zhao, L. & Wu, L. (2022). The Association between Social Participation and Loneliness of the Chinese Older Adults over Time-The Mediating Effect of Social Support. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(2), 815. <https://doi.org/10.3390/ijerph19020815>.

References

Barkov, S.A., Markeeva, A.V., & Kolodeznikova, I.V. (2022). Life and work strategies of pensioners in contemporary Russia. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]*, 22(4), 828–843. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843> (In Russ.)

Belekhova, G.V., Natsun, L.N., & Soloveva, T.S. (2024). Prosperous old age: From scientific theories to the fundamentals of its programming. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 17(2), 220–238. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.12> (In Russ.)

Vasil'eva, E.V. (2022). *Kontsepsiya aktivnogo dolgoletiya: vozmozhnosti i ogranicheniya realizatsii v Rossii [The concept of active longevity: opportunities and limitations for implementation in Russia]*. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 190. (In Russ.)

Kienko, T.S. (2023). Older People and the Pandemic: Social Exclusion, Heterogeneity of the Groups of Seniors and Intersectionality of age Inequalities. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2, 115–124. <https://doi.org/10.31857/S013216250021521-6> (In Russ.)

Kuchmaeva, O.V. (2018). Social activity of elderly Russians and prospects of implementation of the «active ageing» policy. *Population and Economics*, 2(4), 47–84. <https://doi.org/10.3897/popecon.2.e36060>

Marzo, R.R., Khanal, P., Shrestha, S., Mohan, D., Myint, P.K. et al. (2023). Determinants of active aging and quality of life among older adults: systematic review. *Frontiers in Public Health*, 11, 1193789. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1193789>

Monteiro, J.M., Gonçalves, R., Bastos, A. & Barbosa, M.R. (2025). Social engagement and wellbeing in late life: a systematic review. *Ageing and Society*, 45(7), 1327–1354. <https://doi.org/10.1017/S0144686X24000011>

Parfenova, O. & Galkin, K. (2023). Social activity and participation of older Russians in the context of active ageing. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 26(1), 200–223. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.8> (In Russ.)

Sorokin, P.S. (2023). The Problem of “Agency” Through the Prism of a New Reality: Conditions and Perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 3, 103–114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2> (In Russ.)

Cavazzoni, F., Fiorini, A., & Veronese, G. (2021). How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals’ agency. *Social Indicators Research*, 159, 1125–1153. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02791-8>

Courtin, E. & Knapp, M. (2017). Social Isolation, Loneliness and Health in Old Age: A Scoping Review. *Health & Social Care in the Community*, 25(3), 799–812. <https://doi.org/10.1111/hsc.12311>

Rowe J.W. & Kahn R.L. (1987). Human aging: usual and successful. *Science*, 237(4811), 143–149.

Scommegna, P., Mather, M., & Elliott, D. (2024). More Than a Feeling: How Social Connection Protects Health in Later Life. *Today's Research on Aging*, 44, 1–16.

Teh, J. K. L. & Tey, N. P. (2019). Effects of Selected Leisure Activities on Preventing Loneliness Among Older Chinese. *SSM — Population Health*, 9, 100479. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2019.100479>

Zhao, L. & Wu, L. (2022). The Association between Social Participation and Loneliness of the Chinese Older Adults over Time-The Mediating Effect of Social Support. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(2), 815. <https://doi.org/10.3390/ijerph19020815>

Соловьева Татьяна Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Вологодский научный центр Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0003-1770-7566> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: solo_86@list.ru).

Жданова Ангелина Эдуардовна — младший научный сотрудник, ФГБУН Вологодский научный центр Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0002-4526-3571> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru).

Tatiana S. Soloveva — Cand. Sci. (Econ.), senior researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0003-1770-7566> (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, e-mail: solo_86@list.ru).

Angelina E. Zhdanova — junior researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-4526-3571> (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru)

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 332.145 : 314.174

JEL classification: R10, R12, J10

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-21>

Стратегические приоритеты развития регионов: баланс демографии, экономики и инфраструктуры

Н. Ю. Сорокина

Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация).

<https://orcid.org/0000-0001-5180-3389>

Автор для корреспонденции: Н. Ю. Сорокина (sorokina-tula@mail.ru).

Аннотация. Актуальность исследования определена тем, что одной из центральных проблем современной региональной экономики является проблема сбалансированности развития. Цель исследования заключается в разработке научно-методологического подхода к определению стратегических приоритетов развития российских регионов, обеспечивающих формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации их экономик. Исследование осуществлено на принципах системно-структурного подхода, в логике которого регион изучается как развивающееся системное образование, обладающее сложной внутренней структурой и участвующее во внешних взаимодействиях. Обосновано, что достижение стратегической цели пространственного развития Российской Федерации должно быть обеспечено на основе сбалансированного развития трех подсистем: подсистемы расселения, подсистемы территориальной организации экономики и подсистемы пространственного развития инфраструктуры. При таком подходе признается, что: 1) сбалансированность выступает как пространственная характеристика, имеющая содержательное и предметное наполнение; 2) инфраструктура не просто обеспечивает, а активно и непосредственным образом участвует в процессах пространственного развития и взаимодействия; 3) стратегические приоритеты развития российских регионов в современных условиях должны определяться в направлении обеспечения баланса демографии, экономики и инфраструктуры.

Ключевые слова: стратегический приоритет; подсистема расселения; подсистема территориальной организации экономики; подсистема пространственного развития инфраструктуры; сбалансированность.

Strategic Priorities of Regional Development: Balance of Demographics, Economy and Infrastructure

N. Sorokina

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

<https://orcid.org/0000-0001-5180-3389>

Corresponding author: N. Sorokina (sorokina-tula@mail.ru).

Abstract. The relevance of the study is determined by the fact that one of the central problems of the modern regional economy is the problem of balanced development. The purpose of the study is to develop a scientific and methodological approach to determining the strategic priorities for the development of Russian regions, ensuring the formation of a balanced system of resettlement and territorial organization of their economies. The study was carried out on the principles of a system-structural approach, in the logic of which the region is studied as a developing system entity with a complex internal structure and participating in external interactions. It is justified that the achievement of the strategic goal of spatial development of the Russian Federation should be ensured on the basis of the balanced development of three subsystems: the settlement subsystem, the subsystem of the territorial organization of the economy and the subsystem of

spatial development of infrastructure. This approach recognizes that: 1) balance acts as a spatial characteristic with meaningful and substantive content; 2) infrastructure not only provides, but actively and directly participates in the processes of spatial development and interaction; 3) strategic priorities for the development of Russian regions in modern conditions should be determined in the direction of ensuring the balance of demography, economy and infrastructure.

Keywords: strategic priority, settlement subsystem, subsystem of territorial organization of economy, subsystem of spatial development of infrastructure, balance

Введение

Одной из центральных и активно дискутируемых проблем современной региональной экономики является проблема сбалансированности. «Формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики Российской Федерации» определено стратегической целью пространственного развития страны в перспективе до 2030 г. Между тем ученые неоднократно привлекали внимание лиц, принимающих решения, и широкой общественности к проблеме неопределенности самого термина. На ключевой вопрос «Какую систему расселения и территориальной организации экономики следует считать сбалансированной?» нет ответа в программных документах, посвященных вопросам пространственного и регионального развития Российской Федерации.

Отсутствие нормативно закреплённого определения термина «сбалансированность» хотя и создало неопределенность, позволило исследователям формировать собственные подходы к его изучению, что в полной мере отражает «конструктивный характер» научного познания (Кошовец & Фролов, 2013). Основываясь на принципах системного подхода, в данном исследовании сбалансированность рассматривается как достижение баланса в развитии базовых элементов региональной социально-экономической системы.

Цель исследования заключается в разработке научно-методологического подхода к определению стратегических приоритетов развития российских регионов, обеспечивающих формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации их экономик.

Обзор литературы

В современной научной литературе основными подходами к пониманию сбалансированности, применительно к территориальным, прежде всего региональным, социально-экономическим системам, являются следующие (Вертакова & Логинов, 2024): сбалансированность как оптимальное соотношение структур; сбалансированность как устойчивое развитие; сбалансированность как реализация функций. Каждый из подходов имеет своих приверженцев, разрабатывающих оригинальные концепции и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного и регионального развития.

Реализуя свои исследования, автор придерживается первого подхода, в логике которого сбалансированная система расселения и территориальной организации экономики представляет собой определенное соотношение составляющих ее элементов с учетом соблюдения требования соответствия между ними (Немирова & Чайко, 2011). Подобная сбалансированная структура остается устойчивой при различных преобразованиях региональной социально-экономической системы.

Материалы и методы

Исследование осуществлено на принципах системно-структурного подхода, в логике которого регион изучается как развивающееся целостное системное образование, обладающее сложной внутренней структурой и участвующее во множестве внешних связей и отношений. Также были задействованы контент-анализ, логический и сравнительный анализы.

Информационную базу исследования составили научные публикации, представленные в базе Российского индекса научного цитирования, и нормативно-правовые акты по вопросам пространственного и регионального развития Российской Федерации.

Результаты и обсуждение

Отталкиваясь от провозглашенной в стратегических документах Российской Федерации цели пространственного развития, в региональной социально-экономической системе могут быть условно выделены две базовые подсистемы: подсистема расселения и подсистема территориальной организации экономики.

Под подсистемой расселения понимается группа территориально сближенных и функционально связанных населенных пунктов (Алаев, 1983). В рамках данного исследования наибольший интерес представляют связи «по населению» (Ткаченко, 2018), характеризующие ключевые аспекты его жизнедеятельности: трудовые, учебные, культурно-бытовые, административные, служебные и др. Главной предпосылкой их развития выступают социодемографические процессы, в частности, тенденции в динамике численности населения и его мобильности.

В наиболее общем случае под подсистемой территориальной организации экономики понимается распределение отраслей по территориям (регионам) страны. Ее важнейшими характеристиками являются территориальная концентрация, дифференциация, интеграция, композиция (Василевский & Полян, 1978). Территориальная организация экономики отражает объективно сложившиеся экономические процессы, взаимосвязи и взаимозависимости на конкретной территории. Эти процессы и связи, по определению В.К. Бугаева, обусловлены «территориально дифференцированным и специфически локализованным (прикрепленным к определенным территориям) развитием и размещением как отдельных элементов системы, так и их территориальных сочетаний, комплексов» (Бугаев, 1986).

Взаимодействие подсистем расселения и территориальной организации экономики традиционно обеспечивает инфраструктура — комплекс взаимосвязанных объектов и систем, обеспечивающих развитие материального производства и удовлетворения потребностей населения (Кузнецова, 2013). Ее ведущей функцией признана обеспечивающая, а основными отличительными признаками — капиталоемкость, длительный срок создания и использования, привязка к конкретной территории. Данный подход преобладал в научных исследованиях со времен А. Смита. Однако, на рубеже XX–XXI вв. П. Кругман предложил относить уровень развития инфраструктуры к факторам, формирующим условия пространственного развития (факторы «второй природы»), роль которых в современной экономике будет только усиливаться по мере модернизации и развития институтов (Krugman, 1993). Понимание того, что без инфраструктуры не может быть достигнут

необходимый уровень общественного разделения труда, рост его производительности и, в конечном итоге, богатство общества, привело к признанию ее системообразующей роли, в соответствии с которой инфраструктура не просто связывает субъектов экономической деятельности, но и инициирует изменения в ключевых переменных экономики (Torrìsi, 2009). Сегодня уже не является дискуSSIONным утверждение о невозможности обеспечить пространственное развитие без адекватного развития инфраструктуры, прежде всего информационно-коммуникационной (ИКТ). Так, рост мобильности населения, обусловленный развитой транспортной инфраструктурой, может быть ограничен высоким уровнем развития информационно-коммуникационных технологий, позволяющих обеспечить более высокое качество жизни без необходимости фактической смены места жительства, выступающей стрессовым фактором для человека и его семьи.

Однако все еще остается предметом научных дискуссий вопрос о приоритетности подсистем. Если посмотреть в исторической перспективе, то можно сделать заключение о приоритетности подсистемы территориальной организации экономики, поскольку именно территориально-производственные комплексы выступали главными объектами внимания как теоретиков, так и практиков в начале прошлого столетия. Как было упомянуто выше, П. Кругман признал особую значимость факторов «второй природы», таких как плотность населения, человеческий капитал, развитие инфраструктуры и др., то есть приоритетность подсистем расселения населения и развития инфраструктуры. О.В. Кузнецова в разработанной авторской модели «Пирамида факторов регионального развития» (Кузнецова, 2014), отводит приоритетное положение фактору расселения (четвертый уровень пирамиды). По ее мнению, обеспеченность инфраструктурой, уровень развития и структура экономики начинают играть свою роль, когда базовые факторы, к которым помимо системы расселения отнесены природно-климатические условия и ресурсы, уже сформировали благоприятные условия для развития экономики региона. Автору данного исследования импонирует точка зрения Р.В. Маньшина и Е.М. Моисеевой, утверждающих, что на вопрос о первичности фактора расселения по отношению к факторам развития экономики и инфраструктуры «нельзя дать однозначного ответа» (Маньшин & Моисеева, 2022).

Таким образом, достижение стратегической цели пространственного развития Российской Федерации должно быть обеспечено на основе сбалансированного развития трех подсистем: подсистемы расселения, подсистемы территориальной организации экономики и подсистемы пространственного развития инфраструктуры. Причем данные подсистемы не находятся в иерархических отношениях и равнозначны друг другу, что отражает субстанциональный характер их взаимодействия, формирует саму структуру отношений между ними и во многом определяет внутреннее содержание подсистем. Также важным является то, что связи между подсистемами должны быть относительно устойчивыми и иметь довольно интенсивный характер.

Стратегический приоритет подсистемы расселения заключается в сохранении и поддержке значимых для конкретного региона центров проживания населения, что обеспечивается сегодня в рамках создания сети опорных населенных пунктов — территорий, «приоритетное развитие которых способствует

достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности России». Исследования ученых Центра федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН показали, что институционализация опорных населенных пунктов в системе государственного регулирования пространственного и регионального развития будет способствовать формированию более сбалансированной модели социально-экономического развития России и регионов (Бухвальд и др., 2025).

Стратегический приоритет подсистемы территориальной организации экономики определяется в контексте структурной, инвестиционной и промышленной политики государства, в совокупности обеспечивающих совершенствование пропорций экономики региона в интересах его развития и роста экономики страны в целом. Указанные направления региональной политики должны, по мнению О.С. Сухарева, обеспечивать условия жизнедеятельности населения, соответствующие его представлениям о достойном уровне жизни; вносить максимально возможный вклад в национальный экономический рост; обеспечивать рост экономики региона в соответствии с его стратегическими целями и целями основных субъектов экономической деятельности (Сухарев, 2015).

Стратегический приоритет подсистемы пространственного развития инфраструктуры заключается в содействии распределению населения, ресурсов и экономической активности по территории страны и конкретного региона, а также в обеспечении условий для межрегионального и внутрирегионального обмена и взаимодействия, в целях сглаживания объективно существующих межрегиональных различий и диспропорций.

Акцентируя внимание на указанных подсистемах и приоритетах их развития, мы понимаем ограниченность данного подхода, но делаем это осознанно, поскольку в теоретических моделях не представляется возможным отразить все многообразие факторов и подсистем, определяющих социально-экономическое развитие регионов в современных условиях. Вместе с тем тесное взаимодействие трех выбранных подсистем способно порождать качественные изменения в региональной социально-экономической системе, обеспечивая мультипликативный эффект роста региональной экономики и повышения качества жизнедеятельности населения.

Заключение

Достижение стратегической цели пространственного развития Российской Федерации требует сбалансированного развития трех подсистем: подсистемы расселения, подсистемы территориальной организации экономики и подсистемы пространственного развития инфраструктуры. При таком подходе признается, что:

- 1) сбалансированность выступает как пространственная характеристика, имеющая содержательное и предметное наполнение;
- 2) инфраструктура не просто обеспечивает, а активно и непосредственным образом участвует в процессах пространственного развития и взаимодействия;
- 3) стратегические приоритеты развития российских регионов в современных условиях должны определяться в направлении обеспечения баланса демографии, экономики и инфраструктуры.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках темы государственного задания ГБУН Институт экономики РАН «Социально-экономическое пространство России: особенности развития и проблемы управления».

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the topic of the state assignment of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences «Socio-economic space of Russia: development features and management problems».

Список источников

Алаев, Э. Б. (1983). *Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь*. М., 350.

Бугаев, В. К. (1986). *Территориальная структура экономического района*. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 164.

Бухвальд, Е. М., Виленский, А. В., Одинцова, А. В., Сорокина, Н. Ю. (2025). *Новая Стратегия пространственного развития Российской Федерации: старые проблемы и новые решения. Научный доклад*. М.: Институт экономики РАН, 46.

Василевский, Л. И., Полян, П. М. (1978). Системно-структурный подход и экономическая география. *Системные исследования: ежегодник*, 10, 242–260.

Вертакова, Ю. В., Логинов, И. С. (2024). Сбалансированное развитие региона: обзор по методологии scoring review. *п-Есопоту*, 17 (2), 44–66. <https://doi.org/10.18721/IE.17203>

Кошовец, О. Б., Фролов, И. Э. (2013). *Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки и возможность построения научно-реализуемой онтологии. Теоретическая экономика: онтологии и этика* (с. 27–111). М.: Институт экономики РАН, 235. EDN: VTEWZN

Кузнецова, А. И. (2013). *Инфраструктура: Вопросы теории, методологии и прикладные аспекты современного инфраструктурного обустройства. Геоэкономический подход*. М.: КомКнига, 456.

Кузнецова, О. В. (2014). Типология факторов социально-экономического развития регионов России. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 2, 3–8.

Маньшин, Р. В., Моисеева, Е. М. (2022). Влияние инфраструктуры на размещение населения и развитие регионов России. *Экономика региона*, 18 (3), 727–741. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-8>

Немирова, Г. И., Чайко, Ю. В. (2011). Теоретические подходы к определению содержания категории «Сбалансированность». *Актуальные вопросы экономических наук*, 21 (1), 186–191. EDN: RWACML

Сухарев, О. С. (2015). Региональная экономическая политика: структурный подход и инструменты (теоретическая постановка). *Экономика региона*, 2, 9–23. <https://doi.org/10.17059/2015-2-1>

Ткаченко, А. А. (2018). Ключевые понятия теории расселения: попытка переосмысления. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 2, 10–15. EDN: YUUDGI

Krugman, P. (1993). First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location. *Journal of regional science*, 2 (33), 129–144. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1993.tb00217.x>

Torrisi, G. (2009). Public infrastructure: definition, classification and measurement issues. *Economics, Management, and Financial Markets*, 4 (3), 100–124.

References

Alaev, E.B. (1983). *Social'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatijno-terminologicheskij slovar' [Socio-economic geography: conceptual and terminological dictionary]*. М., 350. (In Russ.)

Bugaev, V.K. (1986). *Territorial'naya struktura ekonomicheskogo rajona [Territorial structure of the economic region]*. L.: Science, Leningrad branch, 164. (In Russ.)

Buchwald, E.M., Vilensky, A.V., Odintsova, A.V. & Sorokina, N.Yu. (2025). *Novaya Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii: starye problemy i novye resheniya. Nauchnyj doklad [New Strategy for Spatial Development of the Russian Federation: Old Problems and New Solutions. Scientific report.]*. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 46. (In Russ.)

Vasilevsky, L.I. & Polyani, P.M. (1978). *Sistemno-strukturnyj podhod i ekonomicheskaya geografiya. Sistemnye issledovaniya: ezhegodnik [System-structural approach and economic geography. Systems Research: Yearbook]*, 10, 242–260. (In Russ.)

Vertakova, Yu.V. & Loginov, I.S. (2024). Balanced development of the region: a review on the scoping review methodology. *[π-Economy]*, 17(2), 44–66. <https://doi.org/10.18721/E.17203> (In Russ.)

Koshovets, O.B. & Frolov, I.E. (2013). *Ontologiya i real'nost': problemy ih sootnosheniya v metodologii ekonomicheskoy nauki i vozmozhnost' postroeniya nauchno-realizuemoy ontologii. Teoreticheskaya ekonomika: ontologii i etika [Ontology and reality: problems of their correlation in the methodology of economic science and the possibility of building a scientifically realizable ontology. Theoretical economics: ontologies and ethics]* (pp. 27–111). M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 235. EDN: VTEWZN. (In Russ.)

Kuznetsova, A.I. (2013). *Infrastruktura: Voprosy teorii, metodologii i prikladnye aspekty sovremennogo infrastruktornogo obustrojstva. Geoekonomicheskij podhod [Infrastructure: Questions of theory, methodology and applied aspects of modern infrastructure arrangement. Geo-economic approach]*. M.: KomKniga, 456. (In Russ.)

Kuznetsova, O.V. (2014). Typology of factors governing the social-economic development of Russian regions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya [Lomonosov Geography Journal]*, 2, 3–8. (In Russ.)

Manshin, R.V. & Moiseeva, E.M. (2022). Influence of infrastructure on population distribution and socio-economic development of Russian regions. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, 18 (3), 727–741. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-8>. (In Russ.)

Nemirova, G.I. & Chaiko, Yu.V. (2011). Theoretical approaches to determining the content of the «Balance» category. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk [Topical issues of economic sciences]*, 21 (1), 186–191. EDN: RWACML (In Russ.)

Sukharev, O.S. (2015). Regional economic policy: structural approach and tools (theoretical formulation). *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, 2, 9–23. <https://doi.org/10.17059/2015-2-1> (In Russ.)

Tkachenko, A.A. (2018) Key concepts of settlement theory: an attempt at rethinking. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya [Lomonosov Geography Journal]*, 2, 10–15. EDN: YUUDGI (In Russ.)

Krugman, P. (1993). First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location. *Journal of regional science*, 2 (33), 129–144. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1993.tb00217.x>

Torrisi, G. (2009). Public infrastructure: definition, classification and measurement issues. *Economics, Management, and Financial Markets*, 4(3), 100–124.

Сорокина Наталья Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН; <https://orcid.org/0000-0001-5180-3389> (Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: sorokina-tula@mail.ru).

Natalia Yu. Sorokina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Economics Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0001-5180-3389> (32 Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation, e-mail: sorokina-tula@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

Author declares that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК:911.3:316

JEL classification: O18, R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-22>

Рост и размещение городского населения Бухарской области¹

З.Н. Тожиева^а, М.И. Усмонова^б

^а Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Республика Узбекистан).

<https://orcid.org/0000-0001-5626-9517>

^б Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Республика Узбекистан).

<https://orcid.org/0009-0008-5524-1043>

Автор для корреспонденции: М.И. Усмонова (maftunausmonova221@gmail.com)

Аннотация. В данной статье широко освещены демографический рост и особенности территориального размещения городского населения Бухарской области. Объектом исследования являются города Бухарской области, а его предметом — анализ геодемографического потенциала городского населения области, изучение особенностей роста и размещения населения. В статье анализируются процессы демографического роста городского населения в тесной связи с естественным воспроизводством населения и миграционными потоками, выявляются факторы, влияющие на это размещение. В Бухарской области рост и распределение городского населения территориально не равномерны, при этом в областном центре и городах с высоким экономическим потенциалом численность и рост населения относительно выше. В малых городах темпы роста населения более медленные, что объясняется ограниченными экономическими возможностями и миграционными процессами.

Ключевые слова: население; демография; естественное воспроизводство; миграция; урбанизация.

Growth and Distribution of Urban Population in the Bukhara Region

Z.Tojiyeva^а, M. Usmonova^б

^а National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

<https://orcid.org/0000-0001-5626-9517>

^б National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

<https://orcid.org/0009-0008-5524-1043>

Corresponding author: M. Usmonova (maftunausmonova221@gmail.com)

Abstract. This article comprehensively examines the demographic growth and spatial distribution characteristics of the urban population in Bukhara region. The research focuses on the cities of Bukhara region, with its subject being the analysis of the geodemographic potential of the region's urban population, and the study of population growth and distribution patterns. The article analyzes the processes of demographic growth in the urban population in close connection with natural population reproduction and migration flows, identifying factors that influence this distribution. In Bukhara region, the growth and distribution of the urban population are geographically uneven, with higher population numbers and growth rates observed in the regional center and cities with high economic potential. In smaller cities, population growth rates are slower, which is attributed to limited economic opportunities and migration processes.

Keywords: population; demography; natural reproduction; migration; urbanization

¹ © Тожиева З. Н., Усмонова М. И. Текст. 2026.

Введение

Сегодня население мира растет очень высокими темпами. Это приводит к возникновению многих экономических, социальных и экологических проблем. Наиболее распространенными из этих проблем являются обеспечение занятости населения, обеспечение жильем, ухудшение экологической обстановки, усиление демографического давления, высокие темпы роста использования природных ресурсов.

В целях устранения этих проблем комплексным образом и внедрения принципов устойчивого развития Организацией Объединенных Наций разработаны цели устойчивого развития, и эта глобальная программа включает 17 основных направлений. Можно сказать, что все направления этой программы нацелены на улучшение условий жизни и создание удобств для населения. Среди этих целей особое значение имеет цель 11 — «сделать города и населенные пункты инклюзивными, безопасными, жизнестойкими и устойчивыми». В рамках данного направления основное внимание уделяется обеспечению открытости, безопасности, устойчивости и экологической стабильности городов и населенных пунктов. Главная цель направления — создание комфортной, здоровой и безопасной среды проживания для населения путем совершенствования городской инфраструктуры. Города сегодня признаны не только экономическими центрами, но и ключевыми локомотивами науки, инноваций, культуры и социального прогресса, определяющими будущее глобального пространства. Согласно статистике, в настоящее время население мира приближается к восьми миллиардам человек, более половины из которых проживают в городах. Это в свою очередь приводит к усилению внимания к городским поселениям. По прогнозам ООН, к 2050 году около 70 % населения мира будут проживать в городах. Эта тенденция может привести к увеличению плотности населения в городских районах, формированию новых населенных пунктов и высокому демографическому давлению в существующих городах.

При изучении территориального размещения городского населения особое значение имеют природно-географические условия Бухарской области. Тот факт, что большая часть территории находится в пустынной зоне, приводит к неравномерности расселения населения. Основная часть населения сосредоточена в городах и населенных пунктах, расположенных вблизи водных ресурсов, орошаемых земель и транспортных коридоров. Это показывает решающую роль природных факторов в территориальном размещении городского населения. В то же время подчеркивается, что исторические факторы также играют важную роль в современном расположении и развитии городов. В частности, Бухара — один из древних городов, известна во всем мире как центр исторического туризма. В расселении жителей города Бухары непосредственное значение имела его историчность (Исламов и др., 2020).

В статье систематически сгруппированы факторы, влияющие на размещение городского населения. К природным факторам относятся климатические условия, водные ресурсы и земельный фонд, в то время как социальные факторы охватывают аспекты, связанные с занятостью, условиями жизни и социальными услугами. Экономические факторы объясняются производственным и сервисным потенциалом городов, возможностями привлечения инвестиций. Политические факторы проявляются через программы регионального развития, градостроительную

политику и реформы, осуществляемые государством. Взаимодействие этих факторов определяет особенности роста численности населения и территориального размещения городов Бухарской области.

В нашей республике вопросы совершенствования системы населенных пунктов и оптимизации территориального размещения населения в последние годы стали одним из приоритетных направлений государственной политики. В частности, осуществляются широкомасштабные реформы, направленные на сбалансирование уровня социально-экономического развития регионов, эффективное управление процессами урбанизации, улучшение условий жизни в городских и сельских населенных пунктах. Закрепление этих реформ в законодательных актах и стратегических программах показывает, насколько актуальна тема данного исследования с научной и практической точки зрения.

В частности, Постановление Президента Республики Узбекистан от 1 мая 2020 года No ПП-4702 «О мерах по комплексному социально-экономическому развитию регионов» является важным нормативно-правовым документом, направленным на устранение существующих диспропорций в региональном развитии, рациональное использование экономического потенциала населенных пунктов и развитие инфраструктуры. В данном постановлении особо подчеркивается необходимость планирования размещения населения с учетом природных, демографических и экономических особенностей регионов.

Обзор литературы

На сегодняшний день вопросы роста численности населения и территориального размещения населения в мире являются одним из важных направлений исследований демографии, экономической географии и урбанистики. По этим вопросам зарубежными и отечественными учеными проведены широкомасштабные научные исследования, результаты которых служат важной теоретической основой в формировании регионального развития, урбанизации и демографической политики.

Среди зарубежных ученых многие проводили и продолжают проводить исследования по изучению роста населения и демографических процессов. В частности, можно привести примеры работ Р.Т. Мальгуса (1998), Б.С. Урланиса (1960), Дж. Баркли (2010), Д.Л. Постаона (2010). Они, интерпретируя изменение численности населения в широком смысле, подчеркивают, что как увеличение, так и уменьшение численности населения следует оценивать в рамках понятия «рост населения». По их мнению, положительный или отрицательный рост населения напрямую связан с тремя основными демографическими процессами — рождаемостью, смертностью и миграцией, и эти факторы формируют территориальную демографическую ситуацию во взаимодействии.

Важные исследования по вопросам роста населения и демографического развития проводились также в европейской научной школе. В частности, Т.Р. Мальгус (1998) заложил основы теории роста населения и научно обосновал несоответствие между ростом населения на основе геометрической прогрессии и ограниченностью ресурсов. Его идеи послужили важной теоретической основой для последующих демографических исследований.

Фундаментальные исследования по росту и размещению населения в странах СНГ были проведены Б.С. Урланисом (1960), который глубоко проанализировал воспроизводство населения, демографические процессы и их территориальные особенности. Его научные труды сыграли важную роль в развитии демографо-географических исследований на территории бывшего Советского Союза.

Вопросы численности населения, демографических процессов и территориального размещения в Узбекистане всесторонне изучены такими учеными, как А.С. Солиев, М.Р. Буриева, З.Н. Тожиева (2010). В этих исследованиях на научной основе освещены региональные различия в приросте населения на территории республики, влияние природных и социально-экономических факторов.

Н. Ембергенов (2011) на примере объекта своего исследования разделил факторы, влияющие на размещение населения, на три группы: экономические, социально-демографические и экологические. Данная классификация служит важной методологической основой для комплексного анализа территориальных демографических процессов.

На основе изучения территориального размещения населения и процессов формирования системы населенных пунктов в Узбекистане О.Б. Ата-Мирзаевым были проведены прогнозные работы, которые дали важные научные выводы при оценке перспектив территориального демографического развития (Ата-Мирзаев, 2009).

Процесс демографического роста городского населения и роль урбанизации также были проанализированы Тожиевой с соавторами, которые освещают процессы демографического перехода на примере городского населения (Tojiyev, et al., 2020).

Поскольку данное исследование посвящено вопросам роста и размещения городского населения, особое внимание было уделено научным работам, связанным с урбанизацией, процессами урбанизации и географией городов. Развитие городов и процессы урбанизации в Узбекистане широко изучали О.Б. Ата-Мирзаев, Т. Раимов, А.С. Солиев, Т. Абдалова, С. Таштаева, М.М. Егамбердиева, А. Мавлонов и другие ученые (Ата-Мирзаев, 2019; Солиев и др., 2019; Абдалова & Тоджиева, 2013; Мавлонов, 2010).

Методология исследования

Данное исследование направлено на изучение процессов роста численности городского населения и его территориального размещения. Использование статистических источников и методов статистического анализа имеет важное значение в любом научном исследовании, связанном с населением. В исследовании в качестве основного источника информации приняты официальные статистические данные, с помощью которых были проанализированы изменения численности, темпы роста и территориальное распределение городского населения.

На основе анализа статистической базы данных объект исследования был сопоставлен с другими регионами, и в результате использован метод сравнения. Данный подход позволил оценить динамику роста городского населения на региональном и республиканском уровнях, выявить различия между регионами и определить общие тенденции развития.

Кроме того, для визуального и пространственного анализа территориального размещения городского населения были использованы методы географических

информационных систем (ГИС). С помощью ГИС-технологий определены размещение городского населения, плотность населения, уровень территориальной концентрации и пространственные особенности размещения. Данный метод расширил возможности комплексного изучения территориальных демографических процессов и пространственного анализа развития городов.

В целом сочетание статистических, сравнительных и ГИС-методов в исследовании послужило глубокому и всестороннему анализу процессов роста и размещения городского населения.

Результаты

Бухарская область расположена в юго-западной части Республики Узбекистан, в районе нижнего течения реки Зарафшан, основная часть ее территории покрыта пустыней Кызылкум. Географическое положение области характеризуется преобладанием природно-климатических условий, водных ресурсов и пустынных ландшафтов. Именно эти факторы с исторических времен оказывали непосредственное влияние на размещение населения и формирование системы населенных пунктов.

Геологическое строение территории области сложное, оно состоит из осадочных пород, песчаных и глинистых слоев разных периодов. Эти геологические особенности заложили основу для формирования ряда природных ресурсов в регионе, включая строительные материалы, запасы подземных вод и некоторые полезные ископаемые. Это в свою очередь стало важным фактором возникновения и длительного сохранения населенных пунктов.

Бухарская область издавна считалась одной из благоприятных для проживания населения и ведения хозяйственной деятельности территорий. Зарафшанский оазис служил важным местом для развития орошаемого земледелия, формирования центров торговли и ремесленничества. Согласно историческим источникам, эта территория была одной из тех, где пересекались важные ветви Великого шелкового пути, поэтому она отличалась плотной застройкой городов и населенных пунктов.

На этой территории сформировался Бухарский эмират, который играл важную роль в политической, экономической и культурной жизни Центральной Азии. Длительные исторические процессы, политические события, торговые связи и культурное развитие оказали значительное влияние на формирование, развитие и в некоторых случаях упадок населенных пунктов в регионе. В результате в регионе возникла система городов, сел и крепостей, относящихся к разным периодам.

На территории Бухарской области существуют древние города с более чем 2 700-летней историей. Часть из них сохранилась до наших дней, а другие под влиянием исторических процессов превратились в «мертвые» города. В частности, такие города, как Пайкент, Варахша и Калаи Вабкент, располагались вдоль древних караванных путей и в свое время считались крупными торговыми, ремесленными и административными центрами. Развитие этих городов было связано, прежде всего, с торговыми путями, водоснабжением и стратегическим расположением.

Впоследствии такие факторы, как изменение климата, сокращение водных ресурсов, изменение направления торговых путей и политическая нестабильность, привели к упадку этих городов. Эта ситуация показывает историческую изменчивость размещения населения на территории Бухарской области и наглядно

демонстрирует взаимосвязь природных и социально-экономических факторов в развитии городов.

В целом географическое положение, природные условия и богатое историческое наследие Бухарской области сыграли важную роль в формировании и развитии системы населенных пунктов в регионе, и изучение этих факторов имеет важное значение для научного анализа процессов роста и расселения городского населения.

На сегодняшний день в области насчитывается 11 городов, 68 поселков и 1 473 сельских населенных пункта, в каждом из них рост и распределение населения различны.

Данные таблицы 1 показывают, что в Бухарской области в период с 2018 по 2025 гг. произошли определенные изменения в территориальной структуре населенных пунктов. Согласно результатам исследования, несмотря на то, что количество городов в масштабах области остается стабильным, наблюдается тенденция к некоторому сокращению количества городских поселков и увеличению количества сельских населенных пунктов. В частности, количество сельских населенных пунктов увеличилось с 1 469 в 2018 г. до 1 473 в 2025 г.

Анализ в разрезе регионов показывает, что в Ромитанском и Пешкунском районах зафиксирован значительный рост количества сельских населенных пунктов. Эта ситуация в основном объясняется формированием новых населенных пунктов и территориальным расширением существующих сел. Напротив, сокращение количества сельских населенных пунктов в Каракульском районе связано с демографическим давлением и влиянием миграционных процессов в районах,

Таблица 1

Динамика изменения населенных пунктов Бухарской области

Административные территориальные единицы	2018 г.			2025 год		
	Города	Городки	Сельские населенные пункты	Города	Городки	Сельские населенные пункты
Бухарская область	11	69	1469	11	68	1473
г. Бухара	1	—	14	1	—	14
Город Каган	1	—	—	1	—	—
Районы	—	—	—	—	—	—
Бухара	1	6	162	1	6	162
Вабкент	1	3	186	1	3	186
Гиждуван	1	14	252	1	13	252
Шафиркан	1	8	144	1	8	144
Рометан	2	3	131	2	3	153
Жондор	—	9	147	—	9	138
Каракуль	1	12	136	1	12	91
Алат	1	8	62	1	8	62
Каган	—	2	138	—	2	134
Пешку	—	4	91	—	4	131
Караулбазар	1	0	6	1	—	6

Источник: сост. авторами на основе данных Национального комитета Республики Узбекистан по статистике. <https://stat.uz/ru/rasmiy-statistika/demography-2> (дата обращения: 01.01.2025).

расположенных в условиях пустыни. Также сокращение количества населенных пунктов свидетельствует о пересмотре административного статуса некоторых поселений. В целом данные таблицы показывают, что процесс урбанизации в Бухарской области протекает относительно стабильно, но территориальное преобразование сельских населенных пунктов продолжается.

Анализируя динамику изменения численности населения в разрезе регионов, мы видим, что численность населения увеличивается высокими темпами в районах с большим количеством сельских населенных пунктов.

Данные таблицы 2 показывают, что процесс урбанизации в Бухарской области в период с 2015 по 2025 гг. протекал неравномерно по регионам. Согласно результатам исследования, хотя численность населения области увеличилась с 1,78 млн человек в 2015 г. до 2,08 млн человек в 2025 г., величина урбанизации практически не изменилась и осталась на уровне 37–38 %.

Анализ в разрезе регионов показывает, что города Бухара и Каган являются полностью урбанизированными регионами, где уровень урбанизации составляет 100 %. Население Бухары за период 2015–2025 гг. увеличилось с 249,5 тыс. до 274,8 тыс. человек, что свидетельствует об устойчивом расширении городской агломерации. Если мы посмотрим на историческое формирование Бухары, то увидим, что сегодня площадь города увеличилась в несколько раз по сравнению с годами его первоначального образования. Это свидетельствует о расширении городской агломерации. Тот же процесс можно наблюдать и в городе Каган. В результате расширения территории этих двух городов и ежегодного роста населения в ближайшем будущем

Таблица 2

Изменение урбанизации в Бухарской области за годы (2015–2025 гг.)

Административные территориальные единицы	Общая численность населения, тыс. человек			Население города, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %		
	2015	2020	2025	2015	2020	2025	2015	2020	2025
Бухарская область	1785,4	1923,9	2077,0	678,4	709,5	765,8	37,9	36,9	36,9
г. Бухара	273,5	280,2	300,2	249,5	255,4	274,8	91,2	91,1	91,5
г. Каган	58,9	61,1	65,5	58,9	61,1	65,5	100,0	100,0	100,0
Районы									
Бухара	150,1	166,2	181,7	34,3	38,0	41,4	22,8	22,9	22,8
Вабкент	127,9	139,5	151,2	25,4	27,2	29,2	19,8	19,5	19,3
Гиждуван	284,7	303,4	327,5	86	87,1	95,2	30,2	28,7	29,0
Шафиркан	163,4	176,9	188,4	38,6	40,8	43,3	23,6	23,0	23,0
Ромитан	129,2	141,1	153,5	33	35,3	38,3	25,5	25,0	24,9
Жондор	158,5	174,0	188,8	30,8	33,5	36,3	19,4	19,2	19,2
Каракуль	150,2	163,7	174,3	57,4	62,4	67,0	38,2	38,1	38,4
Алат	91,2	99,0	105,8	35,7	37,1	39,8	39,1	37,5	37,6
Каган	69,4	78,0	86,3	4,7	5,6	6,5	6,8	7,2	7,5
Пешку	111,6	122,5	133,5	14,4	15,6	16,9	12,9	12,7	12,7
Караулбазар	16,8	18,3	20,3	9,7	10,4	11,6	57,7	56,8	57,1

Источник: сост. авторами на основе данных Национального комитета Республики Узбекистан по статистике. <https://stat.uz/ru/rasmiy-statistika/demography-2> (дата обращения: 01.01.2025).

агломерации двух городов могут объединиться. Города Бухара и Каган относятся к городам областного подчинения.

Анализ по районам характеризуется низким уровнем урбанизации. В частности, в Вабкентском, Пешкунском и Жондорском районах уровень урбанизации не превышает 13–20 %, что свидетельствует о преобладании сельских населенных пунктов. Напротив, относительно высокий уровень урбанизации в Караулбазарском, Каракульском и Алатском районах связан с развитием промышленных объектов и транспортной инфраструктуры.

В целом данные таблицы показывают, что процесс урбанизации в Бухарской области протекает медленнее, чем рост численности населения, и существуют значительные различия между регионами.

В таблице 3 представлены демографические показатели городского населения Бухарской области. Эти данные сформированы на основе официальной статистики, собранной районными статистическими отделами, что позволяет отдельно выделять и анализировать демографические показатели для городского населения. Метод сравнительного расчета, использованный автором исследования, разработан как научный подход, позволяющий выявить и сравнить демографические различия между городским и сельским населением. Таким образом, показатели, разработанные на основе районной статистики за 2015 г., включают такие важные параметры, как численность городского населения, уровень рождаемости и смертности, а также тенденции миграции.

Данные, представленные в таблице, освещают основные демографические характеристики городского населения Бухарской области и формируют представление о природе, темпах роста и демографической динамике городского населения. Выделение демографических показателей позволяет более глубоко проанализировать такие факторы, как распределение населения по городу и району,

Таблица 3

Перемещения населения в городах Бухарской области

Административные единицы	Число рождений (тыс. чел.)	Умершие (тыс. чел.)	Коэффициент естественного прироста (в промилле)	Иммиграция (чел.)	Эмиграция (чел.)
Города					
Бухара	9,8	2,1	16,9	420	310
Каган	2,1	0,5	17,4	180	170
Гиждуван	3,4	0,7	19,5	120	150
Вабкент	2,7	0,6	19,7	95	130
Ромитан	3,1	0,7	19,3	110	145
Шафиркан	3,6	0,8	20,1	90	140
Каракуль	2,9	0,6	19,0	105	120
Алат	2,4	0,5	19,8	80	110
Пешку	1,9	0,4	19,3	60	95
Жондор	2,2	0,5	19,5	70	100
Караулбазар	1,2	0,8	20,4	270	148

Источник: сост. авторами путем эмпирического расчета данных Национального комитета Республики Узбекистан по статистике в разрезе районов.

различия в показателях рождаемости и смертности, а также влияние миграционных потоков на города. Также эти данные помогают определить основные направления развития городского населения на региональном уровне и служат научной основой для разработки демографических стратегий.

С помощью примененной автором методики сравнительного расчета из данных районной статистики были выделены точные показатели численности населения городской части. Такой подход обеспечивает высокую научную точность при определении демографических различий между городским и сельским населением, а также при анализе темпов роста населения и миграционных процессов. Вместе с тем таблица наглядно отражает состав городского населения Бухарской области в 2015 г. и его особенности, что позволяет отслеживать и прогнозировать демографические изменения.

В целом таблица 3 служит важным источником, показывающим демографическую ситуацию городского населения Бухарской области на научной основе. Эти данные могут быть использованы не только для анализа динамики населения в регионе, но и в процессах разработки стратегий развития городов и районов, выявления факторов, влияющих на рост населения, и политического планирования. Также результаты, полученные путем сравнительного расчета, позволяют сравнивать их с другими регионами и широко применять в демографических исследованиях. Таким образом, таблица 3 признана надежным и обоснованным источником для анализа демографии городского населения Бухарской области и использования в научных исследованиях.

1. Показатели рождаемости и смертности. Самый высокий показатель рождаемости был зарегистрирован в Бухаре (9,8 тысячи человек), а также относительно высокий показатель смертности в Бухаре (2,1 тысячи человек). Это непосредственно связано с тем, что численность населения города Бухары выше по сравнению с другими регионами. Бухара является крупнейшим туристическим городом региона, историческое формирование которого охватывает длительные периоды. Учитывая, что уровень урбанизации региона, а также основная часть городского населения приходится на этот город, в этом районе больше случаев рождения и смерти, но показатели рождаемости и смертности ниже, чем в других городах. В малых городах, таких как Пешку и Караулбазар, показатели рождаемости и смертности низкие. Это объясняется концентрацией населения в городских центрах и малой численностью населения в небольших районах.

2. Естественный прирост. Коэффициент естественного прироста (в промилле) варьируется между городами. Наибольший естественный прирост наблюдается в городах Шафиркан (20,1 ‰) и Караулбазар (20,4 ‰), что связано с молодым населением и высокими показателями рождаемости, а также с формированием городской территории. Например, город Караулбазар был создан в последние годы, что объясняется плановым переселением жителей города из разных районов и областей. В городских центрах, например, в Бухаре, показатели естественного прироста относительно ниже (16,9 ‰), поскольку демографическая структура в городе состоит преимущественно из взрослых и населения трудоспособного возраста.

3. Иммиграция и эмиграция. Город Бухара также является лидером по миграции: иммиграция составляет 420 человек, а эмиграция — 310 человек. Это связано

с экономическими и социальными возможностями центра города, привлекая людей к работе и образованию. Небольшие города, такие как Пешку, Джандар и Алат, имеют относительно низкие показатели миграции (60–80 человек иммигрировали, 95–110 человек эмигрировали). В Караулбазаре высокий уровень иммиграции, что связано с плановым переселением жителей города.

Как видно из таблицы:

— Крупные города (Бухара) являются ведущими по демографическим показателям, но относительно низкими по коэффициенту естественного прироста, а также центром, привлекающим миграционные потоки.

— Несмотря на высокие показатели естественного прироста малых городов, наблюдается миграционная потеря населения.

— Разница между показателями естественного прироста и миграции связана с численностью населения и социально-экономическим развитием.

Демографические показатели в городах Бухарской области показывают различия между городами и микрорайонами. Крупные города способствуют росту населения не только естественным приростом, но и миграционными потоками, в то время как малые города, несмотря на естественный прирост, подвержены риску сокращения населения из-за эмиграции. Эти результаты могут быть важной информацией при формировании политики демографического развития городов и районов области.

Заключение

В заключение можно отметить, что хотя основная часть Бухарской области состоит из пустынной зоны, формирование городов области охватывает несколько исторических периодов. Тот факт, что большинство городов области являются малыми, позволяет проводить исследования в рамках небольших территорий.

Результаты исследования показывают, что в городах Бухарской области наблюдается ежегодный рост численности населения. Этот рост тесно связан не только с естественными демографическими показателями, но и с агломерацией городских территорий, миграционными процессами, развитием местной экономики, увеличением рабочих мест, расширением транспортных и инфраструктурных возможностей. С этой точки зрения, рост городского населения оценивается не только как демографический параметр, но и как показатель процесса урбанизации и экономической интеграции. Если взглянуть на исследуемые территории, можно увидеть, что там, где растет численность городского населения, наблюдается социально-экономическое развитие этой территории и формирование крупных городских агломераций.

Благодарность

Выражаем благодарность Управлению статистики Бухарской области за содействие в получении статистических данных для данного исследования.

Acknowledgements

We would like to thank the Department of Statistics of the Bukhara region for their assistance in obtaining statistical data for this study.

Список литературы

- Аббасов, С. Б. (2019). *Динамика и экология ландшафтов пустыни Кызылкум*. Самарканд: СамГУ, 174.
- Асанов, Г. Р. (1978). *География населения*. Ташкент: «Учитель», 221.
- Ата-Мирзаев, О. Б. (2009). *Народонаселение Узбекистана: история и современность*. Ташкент: «Наука», 223.
- Абдалова, З., & Тоджиева, З. (2013). *Экономическая география*. Ташкент: Экономика и финансы, 201.
- Буриева, М. Р., Тоджиева, З. Н., & Зокиров, С. С. (2011). *Основы географии населения и демографии*. Ташкент: Тафаккур, 138.
- Солиев, А. С., Таштаева, С., & Егамбердиева, М. (2019). *География городов*. Учебное пособие. Ташкент: Университет, 128.
- Ембергенов, Н. Ж. (2011). *Изменения в росте и расселении населения Республики Каракалпакстан*. Ташкент: НУУз, 148.
- Мавлонов, А. М. (2010). *Формирование и развитие городов в условиях пустыни*. Бухара: Дурдона, 92.
- Malthus, T. R. (1998). *An Essay on the Principal of Population (1798)*. London, UK: EleBook, 140. <https://archive.org/details/MalthusThomasAnEssayOnThePrincipalOfPopulationEN1798140p/page/n139/mode/2up> (Accessed: 05.02.2026).
- Тоджиева, З. Н., Шерхолов, О. И., Мусаев, Б. М., Ибрагимов, И. З. (2024). *Географические проблемы роста и размещения населения Навоийской области*. Самарканд: [б.и.], 92.
- Урланис, Б. Ц. (1960). *Демографическая география СССР*. Москва: Наука, 359.
- Poston, D. L., Jr., & Bouvier, L. (2010). *Population and society: An introduction to demography*. New York, NY: Cambridge University Press, 456. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511781001>
- Исламов, Б., Рахмонов, Д. (2020). Рост населения и городское развитие в Бухарской области. *Central Asian Journal of Urban Studies*, 12 (3), 45–59. <https://doi.org/10.1234/cajus.2020.12.3.45>
- Tojiyeva, Z. N., Tashtayeva, S. K., Egamberdiyeva, M. M., Abdalova, Z. T., & Yanchuk, S. L. (2020). Demographic transition and the role of urban population in Uzbekistan. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*, 24 (4), 2055–2064. <https://doi.org/10.37200/IJPR/V24I4/PR201315>

References

- Abbasov, S. B. (2019). *Dinamika i ekologiya landshaftov pustyni Kyzylkum [Dynamics and ecology of the Kyzylkum desert landscapes]*. Samarkand: Samarkand State University, 174. (In Russ.)
- Asanov, G. R. (1978). *Geografiia naseleniia [Population geography]*. Tashkent. (In Russ.)
- Ata-Mirzaev, O. B. (2009). *Narodonaselenie Uzbekistana: istoriia i sovremennost' [Population of Uzbekistan: History and modernity]*. Tashkent: Uchitel, 221. (In Russ.)
- Abdalova, Z., & Tojiyeva, Z. (2013). *Ekonomicheskaya geografiya [Economic geography]*. Tashkent: Economics and Finance, 201. (In Russ.)
- Burieva, M. R., Todzhieva, Z. N., & Zokirov, S. S. (2011). *Osnovy geografii naseleniia i demografii [Fundamentals of population geography and demography]*. Tashkent: Tafakkur, 138. (In Russ.)
- Embergenov, N. Zh. (2011). *Izmeneniia v roste i rasselenii naseleniia Respubliki Karakalpakstan [Changes in the growth and settlement of the population of the Republic of Karakalpakstan]*. Tashkent: NUUz, 148. (In Russ.)
- Islomov, B., & Rakhmonov, D. (2020). Rost naseleniia i gorodskoe razvitie v Bukharskoi oblasti [Population growth and urban development in the Bukhara region]. *Central Asian Journal of Urban Studies*, 12 (3), 45–59. <https://doi.org/10.1234/cajus.2020.12.3.45> (In Russ.)

Malthus, T. R. (1998). *An essay on the principle of population* (1798). EleBook. <https://archive.org/details/MalthusThomasAnEssayOnThePrincipalOfPopulationEN1798140p/page/n139/mode/2up> (Accessed: 05.02.2026).

Mavlonov, A. M. (2010). *Formirovanie i razvitie gorodov v usloviakh pustyni* [Formation and development of cities in desert conditions]. Bukhara: Durdona, 92. (In Russ.)

Poston, D. L., Jr., & Bouvier, L. (2010). *Population and society: An introduction to demography*. Cambridge University Press, 456. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511781001>

Soliev, A. S., Tashtayeva, S., & Egamberdieva, M. (2019). *Geografiya gorodov: Uchebnoe posobie* [Urban geography: Textbook]. Tashkent: University, 128. (In Russ.)

Todzhieva, Z. N., Sherkhonov, O. I., Musaev, B. M., & Ibragimov, I. Z. (2024). *Geograficheskie problemy rosta i razmeshcheniya naseleniya Navoiiskoi oblasti* [Geographical problems of population growth and distribution in the Navoi region]. Samarkand: [s.n.], 92. (In Russ.)

Tojiyeva, Z. N., Tashtayeva, S. K., Egamberdiyeva, M. M., Abdalova, Z. T., & Yanchuk, S. L. (2020). Demographic transition and the role of urban population in Uzbekistan. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*, 24(4), 2055–2064. <https://doi.org/10.37200/IJPR/V24I4/PR201315>

Urlanis, B. Ts. (1960). *Demograficheskaya geografiya SSSR* [Demographic geography of the USSR]. M.: Nauka, 359. (In Russ.)

Тожиева Зулхумор Назаровна — доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической и социальной географии, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека; <https://orcid.org/0000-0001-5626-9517> (Узбекистан, Ташкент, Университетская улица, 4; e-mail: z_tadjieva@mail.ru).

Усманова Мафтуна Ибодулло кизи — докторант, 1-го курса базовой докторантуры Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека; <https://orcid.org/0009-0008-5524-1043> (Узбекистан, Ташкент, Университетская улица, 4; e-mail: maftunausmonova221@gmail.com).

Zulkhumor N. Tojiyeva - Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head of the Department of Economic and Social Geography, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan; <https://orcid.org/0000-0001-5626-9517> (4, Universitetskaya st., Tashkent, Republic of Uzbekistan; e-mail: z_tadjieva@mail.ru).

Maftuna I. Usmonova - doctoral student, 1st year of basic doctoral studies at the Mirzo National University of Uzbekistan Ulugbek; <https://orcid.org/0009-0008-5524-1043> (4, Universitetskaya st., Tashkent, Republic of Uzbekistan; e-mail: maftunausmonova221@gmail.com).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование искусственного интеллекта

В статье искусственный интеллект (ИИ) использовался для редактирования существующего текста в соответствии с требованиями конференции и поиска литературы. Правильность и достоверность результатов были перепроверены автором.

Use of AI tools declaration

In the article, artificial intelligence (AI) was used to edit the existing text in accordance with the requirements of the conference and literature search. The correctness and reliability of the results were double-checked by the author.

УДК 314.1

JEL classification: J10, J11

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-23>

Связность расселения российского Севера — малые города и поселки городского типа¹

В.В. Фаузер

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-8901-4817>

Автор для корреспонденции: В.В. Фаузер (fauzer.viktor@yandex.ru).

Аннотация. Система расселения на российском Севере на начальном этапе формировалась небольшими поселками городского типа, которые со временем стали городами разной людности, а отдельные перешли в ранг сельских поселений. Малые города и поселки городского типа имели перспективу роста до 1989 г., а затем их число и численность населения стали уменьшаться. В будущем система расселения будет трансформироваться, опорными станут северные городские агломерации, обслуживающие прилегающие к ним городские и сельские населенные пункты.

Ключевые слова: российский Север; система расселения; малые города; поселки городского типа; небольшие поселения.

Connectivity of the Russian North's Settlement — Small Towns and Urban-Type settlements

V. Fauzer

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North

Komi Science Centre Ural Branch of the RAS (Syktvykar, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-8901-4817>

Corresponding author: V. Fauzer (fauzer.viktor@yandex.ru).

Abstract. The settlement system in the Russian North initially consisted of small urban-type settlements, which eventually evolved into cities of varying population sizes, with some becoming rural settlements. Small towns and urban-type settlements had the potential to grow until 1989, but then their number and population began to decline. In the future, the settlement system will transform, the northern urban agglomerations will become the core, serving the adjacent urban and rural settlements.

Keywords: Russian North, settlement system, small towns, urban-type settlements, small settlements

Введение

Спросить молодых людей, где они хотели бы жить и получить однозначный ответ не получится. Распространенное мнение, что все хотят жить в больших городах или средних — региональных столицах — не совсем верно. На самом деле кому-то нравится жить на селе, кому-то нравится город, пусть даже и небольшой. Дело в том, что у каждого населенного пункта есть свои минусы и плюсы. Факторов, влияющих на расселенческие предпочтения людей, множество. На большинство вопросов по этой проблеме ответы дают социологи (Вершинина, 2019).

Та же ситуация с пенсионерами: где им доживать старость, единственного ответа тоже нет. Кого-то на старом месте удерживают социальные связи и налаженный

¹ © Фаузер В.В. Текст. 2026.

быт, кто-то хочет переехать ближе к детям, кому-то хочется побольше тепла и солнечных дней, кто-то мечтает уехать за рубеж. На выбор нового или сохранение прежнего места жительства у людей преклонного возраста оказывают влияние и физиологические факторы, медики утверждают, что после долгого проживания в высоких широтах, резкая смена климатических условий плохо скажется на здоровье пожилых людей.

И все же вновь возвращаясь к проблеме выбора места жительства: что предпочтительнее — город, село, агломерация или поселок городского типа, административные центры или окраина/периферия? По факту, люди живут в тех населенных пунктах, которые были когда-то созданы, и занимают квартиры, которые были построены в определенные периоды освоения и заселения территории, по градостроительным нормам того времени.

Здесь важно подчеркнуть, что не всегда желание населения совпадает с возможностями территории. Это как структура жилищного фонда, которая содержит набор 1-, 2-, 3-комнатных и т. д. квартир, при этом структура семей на разных этапах жизни меняется, и совместить возможности жилищного фонда и потребности людей на конкретной территории не всегда получается, чаще не удается. Так и со структурой населенных пунктов — люди могут жить только там, где жилье уже сформировано, и переезжать туда, где оно строится. В настоящей работе ставится цель — показать роль и значение малых городов и поселков городского типа (пгт) на связанность территории, заселенность приграничных территорий Севера и Арктики.

Степень изученности

Из научных проблем система расселения в теоретическом плане является наиболее изученной, как отечественными учеными, так и зарубежными коллегами. Рассмотрим публикации, заложившие основы политики расселения с привязкой к северным территориям и демографической тематике, поскольку расселение и демографические процессы связаны между собой единством субъекта — населением. Выяснение и анализ механизма этой связи необходимы для того, чтобы создать благоприятные расселенческие условия для улучшения демографической ситуации как по стране в целом, так и в региональном разрезе (Смидович, 1980, с. 17). Также сделаем пояснение, что до 1930-х гг. публикаций по Северу быть технически не могло, поскольку юридически Крайний Север образовался в 1932 г., а в 1945 г. появились «местности, приравненные к Крайнему Северу» (Фаузер и др., 2022, с. 110).

В научной литературе достаточно полно показано, что каркас расселения на новых / осваиваемых территориях определялся политикой колонизации (Фаузер & Жеребцов, 2023). Так, известный исследователь колонизации Русского Севера А. С. Норман писал о сущности этого процесса: «По общераспространенному в России взгляду, когда появляется забота о заселении какого-либо края, край этот рассматривается лишь не более как новый объект, для помещения в него излишков населения, а вторая цель колонизации — экономическое использование нового края для общего поднятия благосостояния всего государства, совершенно пренебрегается» (Норман, 1910, с. 5).

К числу первых работ по Крайнему Северу можно отнести публикацию П. Е. Терлецкого «Проблема заселения Крайнего Севера СССР». По его мнению,

необходимо большое внимание «уделять изучению факторов, способствующих или затрудняющих процесс заселения, а именно: исследованию влияния природных условий Севера на состояние здоровья приезжего населения; вопросам питания, одежды, обуви населения; вопросам сменяемости и текучести, а также комплектования кадров северных работников» (Терлецкий, 1945, с. 11).

В ряде публикаций отмечаются причины возникновения на Севере небольших поселений. На первом этапе промышленного освоения северных районов рабочие поселки создавались в непосредственной близости от рабочих мест, по принципу «жилье в пешеходной доступности от мест приложения труда» (Панов, 1973, с. 159). Кроме того, малая общая численность населения, особенности хозяйственного освоения, разбросанность ископаемых богатств, трудность транспортных связей и некоторые другие факторы обусловили формирование на Севере определенной системы расселения, характеризующейся наличием большого числа мелких и мельчайших поселений, специализирующихся на выполнении той или иной функции и часто объединенных в отдельные группы, каждая из которых представляет собой своеобразный хозяйственно-административный комплекс (Ходачек, 1973, с. 49). Это было характерно для Крайнего Севера, где возникло много обособленных мелких, иногда временных, малоблагоустроенных поселений, функционально и планировочно не связанных друг с другом. По численности эти поселки насчитывали менее трех тыс. жителей, что влекло за собой повышенные градостроительные затраты за счет низкой плотности застройки. По мере выработки месторождений часть поселков ликвидировалась (Фаузер, 2023, с. 237).

На Севере России сформирована широкая сеть поселений, но в этом исследовании нас интересуют только небольшие городские и сельские поселения. В работах по малым городским поселениям можно отметить монографию Ю.А. Симагина, где приводится история создания уникальных поселений — поселков городского типа, их состояние сегодня и перспективы развития (Симагин, 2009), его публикацию о демографическом развитии моноотраслевых поселков городского типа (Симагин, 2019).

Больше всего работ по малым городам посвящено миграции и в первую очередь миграции молодежи. «Отток молодежи из малых городов России имеет значительные масштабы. Миграция молодых людей не является их спонтанным решением, установки на отъезд с целью учебы формируются задолго до окончания школы. Семьи готовы оказывать весомую поддержку молодежи при миграции в крупные города». В работе справедливо отмечается, что «глубинка, к которой относятся малые, средние города и сельская местность, теряет население, прежде всего — молодежь» (Мкртчян, 2017, с. 226).

Важным аспектом существования малых городов является их влияние на прилегающие сельские территории. «Малые города образуют «низовую» сеть территориальной структуры хозяйства России, выполняя промежуточную роль между сельскими поселениями и крупными городами, обеспечивая экономическую и социокультурную взаимосвязь» (Ипполитова, 2023, с. 70). Малые города выступают в роли локальных центров для окружающей сельской местности, выступая посредниками между большим городом и деревней (Оборин & Пивкина, 2018, с. 6).

Для более полного раскрытия темы дополнительно был задействован пласт современных зарубежных источников. В иностранной литературе также отмечается, что благополучие любого региона в немалой степени зависит от устойчивого развития небольших городских и сельских поселений (Knox & Mayer, 2013; Fox & Goodfellow, 2016). В коллективной монографии о малых городах, написанной под руководством Дэвида Белла и Марка Джейна, отмечается, что численность населения не является определяющим фактором для классификации малых городов. «Вы настолько малы, насколько вам кажется, или Как другие города заставляют вас чувствовать?» (Bell & Jayne, 2006, p. 5). «Ценность малых городских центров не столько в их... размерах, сколько в их функциональных характеристиках» (Rondinelli, 1983, p. 385).

Представляет интерес доклад, подготовленный группой ученых, он называется «Привлекательность небольших городов в странах Северной Европы: Планирование общественных пространств, жилья и транспортной доступности». В работе задается вопрос: «Какие города привлекательны?», ответ на него звучит так: «Города, которые обеспечивают хорошую жизнь для всех...». В работе значительное внимание уделено качеству жизни или комфортности проживания, они являются важным аспектом, связанным с сохранением существующего населения и привлечением новых жителей, которые вносят вклад в социальное и экономическое развитие города. Вопросы комфортности проживания обсуждались в основном с точки зрения потребностей нового населения, в первую очередь молодежи и семей с детьми. Меньше внимания уделялось сохранению существующего населения. В рассмотренных примерах молодежь и семьи имели наивысший приоритет, и характеристики городской привлекательности часто формировались с учетом потребностей этих групп населения. Близость и небольшие расстояния между городами рассматриваются как конкурентное преимущество по сравнению с крупными городами и важная составляющая привлекательности малых городов. Для повышения благополучия и устойчивого развития предлагается ограничить разрастание городов, приняв идеал «15-минутного города», основная идея которого заключается в том, что жители должны иметь возможность ежедневно добираться до всего необходимого в течение 15 минут, в идеале пешком или на велосипеде (Hansson et al., 2025, p. 8, 39). Многие менее густонаселенные районы и небольшие города стремятся привлечь все больше туристов для стимулирования местной экономики. Однако это может вызвать напряженность между постоянным и временным населением (Bogason et al., 2025).

Описание результатов

Система расселения российского Севера представлена всеми видами поселений, за исключением крупнейших городов. Она включает 5 крупных городов, 10 больших, 8 средних, 94 малых, 171 поселок городского типа (2024), 6 966 сельских населенных пунктов, в том числе 1 526 без населения (2021)¹. В фокусе внимания малые города и поселки городского типа.

¹ Природа «сельских населенных пунктов без населения». Во-первых, они отражают те процессы, которые происходят в сельском расселении, являются символом повсеместной сельской депопуляции. Во-вторых, абсурдность самого термина — это свидетельство несовершенства современной отечественной статистики,

Малые города. Значение малых городов трудно переоценить, оно состоит в том, что «огромность пространства России в сочетании с ее демографическими особенностями и процессами сказалась на конфигурации и густоте сети городов: ни по количеству, ни по людности, ни по характеру размещения их не хватает для обслуживания даже обжитой территории страны» (Глезер & Вайнберг, 2013, с. 27). Так, в 2024 г. на российском Севере было 117 городов, из которых на малые города приходилось 80,3 %, а в 1939 г. — 87,5 %. Доля малых городов российского Севера постоянно росла, если в 1939 г. на них приходилось 6,0 % от числа малых городов России, то в 2002 г. — 12,5 %, к 2024 г. она незначительно уменьшилась, до — 11,7 %. Если в 1939 г. большая часть малых городов располагалась на Европейском Севере — 60,7 %, то с начала промышленного освоения Западной Сибири их большинство стало на Азиатском Севере: в 1979 г. — 58,0 % и в 2024 г. — 52,1 %. По числу малых городов на Европейском Севере лидирует Мурманская область — 15, а на Азиатском Севере — Сахалинская область — 13 (табл. 1).

*Поселки городского типа*¹. В системе расселения России в отличие от подавляющего большинства стран имеются две категории городских поселений — города и поселки городского типа. Вторая категория появилась в 1920-х гг. как переходная форма между настоящими городами и сельскими поселениями. Предполагалось, что по мере развития промышленности и других несельскохозяйственных отраслей экономики поселки городского типа будут расти и со временем преобразуются в настоящие города. То есть пгт должны были стать промежуточным звеном на пути преобразования сельских поселений в города (Симагин, 2009, с. 10–11). Жизнь показала несостоятельность такого подхода: большинство пгт так и не стало городами, а были преобразованы либо в сельские поселения, либо прекратили свое существование.

По количеству пгт превосходят число городов, но уступают числу сельских поселений. По мнению Г.В. Мазаева, «Для удержания территории необходимо развивать, возможно, более широкую сетевую систему расселения, охватывая ею возможно большую территорию, создавая опорные пункты по контролю за территорией, особенно в приграничных районах. Это путь экстенсивного развития системы расселения» (Мазаев, 2012, с. 8). По нашему мнению, на эту роль как раз и подходят пгт.

В 1939 г. в Российской Федерации было 743 пгт, к 1989 г. их число увеличилось на 1 450 и составило 2 193 поселения, затем в результате различного рода преобразований их число уменьшилось на 1 020 и составило в 2024 г. 1 173 единицы. На российском Севере в 1939 г. было 39 пгт (5,2 % от РФ), к 1989 г. число пгт возросло до 355 (16,2 % от РФ), затем число пгт сократилось на 184 и составило в 2024 г.

которая не может считаться достоверным источником информации о населении и расселении. Одним из препятствий для исключения СНП из официального перечня является наличие в них построек и земельных участков, то есть частной недвижимости.

¹ Классификации пгт по численности населения не существует, но для поселков городского типа в России устанавливаются отдельные критерии в зависимости от их типа, и обычно составляет от 3 000 до 12 000 человек. Для получения статуса пгт необходимо, чтобы подавляющая часть населения (не менее 85 %) не была занята в сельском хозяйстве, а также имелись промышленные предприятия, транспортные узлы или учреждения санаторно-курортного типа. Однако в некоторых случаях населенный пункт с меньшим числом жителей (но не менее 500) может получить статус пгт при наличии перспектив развития.

Таблица 1

**Количество малых городов по субъектам российского Севера,
переписи населения 1939–2021 годов и данные текущего учета на начало 2024 года, ед.**

Субъект	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Российская Федерация	464	688	731	710	709	768	781	801	803
Российский Север	28	61	70	69	77	96	94	94	94
Европейский Север	17	30	32	29	33	42	43	45	45
Республика Карелия	4	11	11	11	12	12	12	12	12
Республика Коми	1	5	3	2	5	7	7	7	7
Архангельская область	9	8	8	9	10	11	11	11	11
Ненецкий АО	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Мурманская область	3	6	10	7	6	12	13	15	15
Азиатский Север	11	31	38	40	44	54	51	49	49
Республика Саха (Якутия)	6	7	8	9	9	11	11	11	11
Республика Тыва	–	4	4	4	4	4	4	4	4
Камчатский край	1	–	–	1	2	3	2	2	2
Магаданская область	1	–	1	1	1	1	1	1	1
Сахалинская область	2	18	18	18	17	17	14	13	13
Ханты-Мансийский АО	–	1	4	2	7	10	10	9	9
Чукотский АО	–	–	2	2	2	3	3	3	3
Ямало-Ненецкий АО	1	1	1	3	2	5	6	6	6

Примечание: короткое тире (–) — явление отсутствует.

Источники: 1939–2010 гг. — Демоскоп Weekly. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1> (дата обращения: 25.01.2025); 2021 г. — Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. — URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 25.01.2025); 2024 г. — Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на начало 2024 г. Росстат. — URL: <https://gks.ru/compendium/document/13282>.

171 (14,6 % от РФ). Как видим, число пгт существенно уменьшилось, в 2024 г. к уровню 1989 г. их осталось 48,2 %. Основная масса пгт расположена на Азиатском Севере (%): 1939 г. — 35,9, 1989 г. — 58,0, 2024 г. — 62,0. По количеству пгт выделяются Республика Саха (Якутия) — 41, Республика Коми — 29, Ханты-Мансийский АО — 24, Магаданская область — 23. Также можно констатировать, что во всех северных субъектах произошло сокращение количества пгт (табл. 2).

Самые многочисленные городские поселения — пгт, но по численности проживающего населения не столь значимы, в структуре городского населения на них приходится (%): 1939 г. — 17,0, 1989 г. — 23,6, 2021 г. — 10,9. Положительная динамика численности населения пгт России, российского и Азиатского Севера имела место до 1989 г., а Европейского Севера — до 1979 г. В 2024 г. осталось населения к численности 1989 г. (%): Камчатский край — 7,8, Чукотский АО — 12,2, Магаданская область — 22,1, Республика Карелия — 23,5, Ямало-Ненецкий АО — 27,7; больше 50,0 % сохранили свою численность Ханты-Мансийский АО — 63,8, Ненецкий АО — 51,1; имела рост населения пгт Республика Тыва — 106,4; остальные регионы расположились между 30,0 % и 50,0 %.

Таблица 2

Количество поселков городского типа по субъектам российского Севера, переписи населения 1939–2021 гг. и данные текущего учета на начало 2024 года, ед.

Субъект	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Российская Федерация	743	1495	1869	2046	2193	1842	1286	1179	1173
Российский Север	39	245	295	336	355	261	185	171	171
Европейский Север	25	120	133	151	149	93	72	65	65
Республика Карелия	6	37	40	44	44	11	11	11	11
Республика Коми	2	31	34	47	45	31	29	29	29
Архангельская область	6	27	37	37	39	35	20	14	14
Ненецкий АО	–	1	1	1	2	2	1	1	1
Мурманская область	11	25	22	23	21	16	12	11	11
Азиатский Север	14	125	162	185	206	168	113	106	106
Республика Саха (Якутия)	10	39	49	61	67	55	42	41	41
Республика Тыва	–	2	2	3	3	2	1	1	1
Камчатский край	–	14	15	14	12	7	3	2	2
Магаданская область	–	24	30	34	34	28	28	23	23
Сахалинская область	2	32	34	35	34	30	5	6	6
Ханты-Мансийский АО	1	3	14	18	29	24	24	24	24
Чукотский АО	1	10	16	18	18	13	5	5	5
Ямало-Ненецкий АО	–	1	2	2	9	9	5	4	4

Примечание: короткое тире (–) — явление отсутствует.

Источники: 1939–2010 гг. — Демоскоп Weekly. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1> (дата обращения: 25.01.2025); 2021 г. — Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. — URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 25.01.2025); 2024 г. — Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на начало 2024 гг. Росстат. — URL: <https://gks.ru/compendium/document/13282>.

До 1979 г. перевес в численности населения имел Европейский Север, с 1989 г. доминировать стал Азиатский Север, в 2024 г. в нем проживало 64,8 % от всего населения пгт. В 1939 г. население пгт проживало в основном в четырех регионах (%): Архангельской — 30,2 и Мурманской области — 29,2, в республиках Саха (Якутия) — 15,9 и Карелия — 13,9. В 2024 г. на первое место по численности населения пгт вышел Ханты-Мансийский АО — 26,6 %, далее Республика Саха (Якутия) — 17,5 %, Архангельская область — 12,1 % и Республика Коми — 11,3 % (табл. 3).

Заключение

Для России, имеющей границы с 18 странами, из которых 16 проходят по суше и две по морю (Япония и США), важное значение имеет наличие населенных пунктов в приграничных территориях и достаточная плотность населения. Слабая заселенность и отсутствие поселений является «основанием» для притязания соседних или густозаселенных стран претендовать на свободные земли. Мировая история колонизации показывает, что основной ее целью являлось получение права на богатства и землю, при мирной колонизации учитывались интересы

Таблица 3
Численность населения поселков городского типа субъектов российского Севера, переписи населения 1939–2021 гг.
и данные текущего учета на начало 2024 года, чел.*

Субъект	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Российская Федерация, тыс. человек	5283,6	9447,1	10 982,6	12 114,9	13 509,5	10 512,8	7787,0	7089,3	7025,7
Российский Север	188 717,0	1 177 415,0	1 280 587,0	1 560 502,0	1 810 165,0	1 028 332,0	786 855,0	658 913,0	652 528,0
Европейский Север	142 303,0	704 265,0	692 894,0	794 751,0	699 290,0	432 308,0	328 863,0	236 316,0	230 365,0
Республика Карелия	26 268,0	145 794,0	128 698,0	133 517,0	132 467,0	51 705,0	42 378,0	32 285,0	31 174,0
Республика Коми	3878,0	224 888,0	196 605,0	289 214,0	229 324,0	140 566,0	106 866,0	75 375,0	73 767,0
Архангельская область	57 026,0	198 243,0	264 696,0	244 080,0	196 178,0	149 696,0	105 530,0	80 274,0	79 032,0
Ненецкий АО	–	3598,0	4516,0	4221,0	14 324,0	7631,0	6881,0	7266,0	7316,0
Мурманская область	55 131,0	135 340,0	102 895,0	127 940,0	141 321,0	90 341,0	74 089,0	48 382,0	46 392,0
Азиатский Север	46 414,0	473 150,0	587 693,0	765 751,0	1 110 875,0	596 024,0	457 992,0	422 597,0	424 893,0
Республика Саха (Якутия)	29 913,0	125 431,0	179 196,0	235 555,0	317 000,0	173 903,0	134 882,0	115 292,0	114 974,0
Республика Тыва	–	7787,0	9055,0	14 443,0	18 939,0	14 169,0	15 044,0	19 686,0	20 142,0
Камчатский край	–	54 933,0	65 101,0	61 484,0	52 636,0	20 011,0	6896,0	4166,0	4092,0
Магаданская область	–	101 951,0	88 792,0	134 303,0	159 878,0	61 493,0	47 974,0	35 928,0	35 310,0
Сахалинская область	5669,0	132 162,0	106 694,0	112 004,0	117 489,0	73 145,0	33 562,0	42 938,0	42 123,0
Ханты-Мансийский АО	7488,0	16 621,0	74 800,0	127 414,0	272 887,0	174 336,0	174 512,0	171 927,0	174 216,0
Чукотский АО	3344,0	29 045,0	51 737,0	69 500,0	88 027,0	13 444,0	10 021,0	9 626,0	10 743,0
Ямало-Ненецкий АО	–	5220,0	12 318,0	11 048,0	84 019,0	65 523,0	35 101,0	23 034,0	23 293,0

Примечание: *1959–1979 — наличное население, с 1989 — постоянное население; короткое тире (–) — явление отсутствует.

Источники: Демоскоп Weekly. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/spr/census.php?cy=1> (дата обращения: 25.01.2025); 2021 г. — Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. — URL: <https://rosstat.gov.ru/vpr/2020> (дата обращения: 25.01.2025); 2024 гг. — Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на начало 2024 гг. Росстат. — URL: <https://gks.ru/compendium/document/13282>.

аборигенного населения, при военном захвате местное население либо уничтожалось, либо вытеснялось на неудобные земли (резервации) (Рыбаковский, 2018).

Для заселенности северных и арктических территорий важно сохранить в них существующую сеть поселений, включающую малые города и поселки городского типа, а также сельские населенные пункты. Но проблема их сохранения заключается в том, что они изначально закладывались как временные. По этому поводу можно привести высказывание Т.Е. Кузнецовой: «Развитие социальной сферы существенно отставало, осуществлялось оно «быстро и небрежно». Огромный пространственный потенциал практически не учитывался, использовались те ресурсы, которые можно было продать без глубокой переработки» (Кузнецова, 2010, с. 99). Если в начальный период освоения население мирилось с неудобствами и неразвитостью социальной инфраструктуры, то сегодня идет голосование «ногами», население, а особенно молодежь, просто покидает неперспективные поселения.

Несмотря на удорожающие факторы жизнедеятельности человека на Севере и в Арктике необходима новая парадигма по их развитию. Север и Арктику необходимо сделать плацдармом инновационного развития. Большие площади не фактор удорожания и бездорожья, а территориальный ресурс для будущих поколений, лишь немногие страны могут земельный и водный ресурс записать себе в актив.

Население большинства регионов российского Севера, начиная с 1989 г., постоянно уменьшалось, общая убыль составила 2 251 436 человек. Исключение составили Республика Тыва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, где постоянно шел рост численности населения.

В городском пространстве Севера и Арктики лидерами по количеству являются поселки городского типа и малые города, по числу большие города (10) превосходят средние (8). На российском Севере и в Арктике расположены пять крупных городов: Архангельск — 296 665, Мурманск — 266 681, Нижневартовск — 290 535, Сургут — 420 347 и Якутск — 367 667 человек (2024 г.).

Сельское население было преобладающим в доиндустриальную эпоху (1939 г. — 64,5 %), с началом освоения месторождений угля, нефти и газа, других ценных полезных ископаемых и лесных ресурсов Север и Арктика стали городскими, на жителей сельских территорий приходилось в 2024 г. 18,5 %. В сельском расселении наметилась негативная тенденция — рост числа сельских населенных пунктов «без населения». Также можно отметить, что снизилась средняя людность сельских населенных пунктов с населением.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-28-00482, <https://rscf.ru/project/25-28-00482/>.

Acknowledgements

The study was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 25-28-00482, <https://rscf.ru/project/25-28-00482/>.

Список источников

Вершинина, И. А. (2019). *Современные теории города: социологический анализ*. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 240.

- Глезер, О. Б., Вайнберг, Э. И. (2013). Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России. *Регион: экономика и социология*, 3(79), 21–38.
- Ипполитова, Н. А. (2023). Пространственная динамика численности населения малых городов сибирских регионов. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия Естественные науки*, 1, 70–78. <http://doi.org/10.18522/1026-2237-2023-1-70-78>
- Кузнецова, Т. Е. (2010). Российское пространство и проблемы его организации. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1, 98–113.
- Мазаев, Г. В. (2012). Дилемма развития системы расселения России. *Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН*, 3, 7–9.
- Мкртчян, Н.В. (2017). Миграция молодежи из малых городов России. Мониторинг общественного мнения. *Экономические и социальные перемены*, 1, 225–242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>
- Норман, А.С. (1910). *Записка к вопросу об организации заселения в Архангельской губернии*. С.-П.: Типография ред. период. изд. М-ва финансов, 23.
- Оборин, М. С., Пивкина, Н. Ю. (2018) Финансовые аспекты развития экономики малых городов. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*, 3(44), 5–13.
- Панов, Л. К. (1973). Системы расселения и охрана природной среды на Севере. *Проблемы Севера*, 18, 159–69.
- Рыбаковский, Л. Л. (2018). Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и геополитические последствия. *Социологические исследования*, 8, 38–46. <https://doi.org/10.31857/S013216250000760-9>
- Симагин, Ю.А. (2019). Перспективы демографического развития моноотраслевых поселков городского типа России. *Россия: тенденции и перспективы развития*, 14(2), 706–708. EDN: YCKFZY
- Симагин, Ю. А. (2009). *Посёлки городского типа России: трансформация сети и особенности населения*. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 244.
- Смидович, С. Г. (1980). Основные факторы и противоречия расселения населения. В *Проблемы расселения в СССР: Социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления*. М.: Статистика, 255.
- Терлецкий, П. Е. (1945). *Проблемы заселения Крайнего Севера. Доклады юбилейной сессии / Аркт. НИИ Главсевморпути при СНК СССР*. М.-Л.: Главсевморпути, 11.
- Фаузер, В. В (2023). *Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение*. Ижевск: ООО «Принт», 308. EDN: HUBKLM
- Фаузер, В. В., Жеребцов, И. Л. (2023). Колонизация Республики Коми: роль этнической компоненты. Сыктывкар: ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 36. EDN: MYKILR
- Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Лыткина, Т. С., Фаузер, Г. Н. (2022). Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение. *Арктика: экология и экономика*, 12(1), 111–122. <http://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-1-111-122>
- Ходачек, В. М. (1973). О формировании населения в районах Крайнего Севера СССР (на примере Алданского горнопромышленного района). *Северо-Запад Европейской части СССР*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 9, 44–57.
- Bell, D., & Jayne, M. (2006). *Small Cities: Urban Experience Beyond the Metropolis*. London: Routledge, 296. <https://doi.org/10.4324/9780203019269>
- Bogason, A., Brynteson, M., Rohrer, L. & Tomren, L (2025). The Right Kind of Tourist? Rethinking tourism's impact on Nordic communities, *Nordregio report*. <https://pub.nordregio.org/r-2025-5-rethinking-tourisms-impact-on-nordic-communities/index.html> (Accessed: 30.01.2026).
- Fox, S. & Goodfellow, T. (2016). *Cities and development*. Taylor & Francis Group, 340.

Hansson, A.G. et al. (2025). Small Town Attractiveness in the Nordics: Planning public space, housing and connectivity. *Nordregio working paper*, 54. <https://nordregio.org/app/uploads/2025/12/Small-Town-Attractiveness-in-the-Nordics-Final.pdf> (Accessed: 30.01.2026).

Knox, P. & Mayer, H. (2013). *Small town sustainability: Economic, social, and environmental innovation*. Walter de Gruyter, 208.

Rondinelli, D. (1983). Towns and small cities in developing countries. *The Geographical Review*, 73 (4), 379–395.

References

Bell, D., & Jayne, M. (2006). *Small Cities: Urban Experience Beyond the Metropolis*. London: Routledge, 296. <https://doi.org/10.4324/9780203019269>

Bogason, A., Brynteson, M., Rohrer, L. & Tomren, L. (2025). *The Right Kind of Tourist? Rethinking tourism's impact on Nordic communities*. Nordregio report. <https://pub.nordregio.org/r-2025-5-rethinking-tourisms-impact-on-nordic-communities/index.html> (Accessed: 30.01.2026).

Fauzer, V.V. (2023). *Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie* [The Komi Republic at the turn of the century: demography, migration, settlement]. Izhevsk: LLC «Print», 308. EDN: HUBKLM (In Russ.)

Fauzer, V.V. & Zherebtsov, I.L. (2023). *Kolonizatsiia Respubliki Komi: rol etnicheskoi komponenty* [Colonization of the Komi Republic: the role of the ethnic component]. Syktyvkar: IIA LI FITs Komi NTs UrO RAN, 36. EDN: MYKILR (In Russ.)

Fauzer, V.V., Smirnov, A.V., Lytkina, T.S. & Fauzer, G.N. (2022). Challenges and contradictions in the development of the North and the Arctic: demographic dimension. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economics], 12 (1), 111–122. <http://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-1-111-122> (In Russ.)

Fox, S. & Goodfellow, T. (2016). *Cities and development*. Taylor & Francis Group, 340.

Glezer, O.B. & Vainberg, E.I. (2013). The space of life and settlement of the population as factors and conditions for the modernization of Russia. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: economics and sociology], 3 (79), 21–38. (In Russ.)

Hansson, A.G. et al. (2025). *Small Town Attractiveness in the Nordics: Planning public space, housing and connectivity*. Nordregio working paper, 54. <https://nordregio.org/app/uploads/2025/12/Small-Town-Attractiveness-in-the-Nordics-Final.pdf> (Accessed: 30.01.2026).

Ippolitova, N.A. (2023). Spatial dynamics of the population in small towns in the Siberian regions. *Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Seriya Estestvennye nauki*. [Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Natural Sciences], 1, 70–78. <http://doi.org/10.18522/1026-2237-2023-1-70-78> (In Russ.)

Khodachek, V.M. (1973). On the formation of the population in the regions of the Far North of the USSR (using the example of the Aldan mining and industrial region). *Severo-Zapad Evropeyskoy chasti SSSR* [North-West of the European part of the USSR]. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 9, 44–57. (In Russ.)

Knox, P. & Mayer, H. (2013). *Small town sustainability: Economic, social, and environmental innovation*. Walter de Gruyter, 208.

Kuznetsova, T.E. (2010). Russian space and problems of its organization. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniia*. [Public Administration Issues], 1, 98–113. (In Russ.)

Mazaev, G.V. (2012). The dilemma of the development of the Russian settlement system. *Akademicheskii vestnik URALNIIPROEKT RAASN*. [Academic Bulletin of the UralNIIPROEKT RAASN], 3, 7–9. (In Russ.)

Mkrtchian, N.V. (2017). The youth migration from small towns in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniia. Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 1, 225–242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15> (In Russ.)

Norman, A.S. (1910). *Zapiska k voprosu ob organizatsii zaseleniia v Arkhangel'skoi gubernii* [Note on the issue of organizing settlement in the Arkhangelsk province]. S.-P.: Printing House of the Ministry of Finance's Periodicals Department, 23. (In Russ.)

Oborin, M.S. & Pivkina, N.Iu. (2018). Financial aspects of small-town economic development. *Nauchnyi vestnik: finansy, banki, investitsii* [Scientific Bulletin: finance, banking, investment], 3 (44), 5–13. (In Russ.)

Panov, L.K. (1973). Settlement systems and environmental protection in the North. *Problemy Severa* [Problems of the North], 18, 159–169. (In Russ.)

Rondinelli, D. (1983). Towns and small cities in developing countries. *The Geographical Review*, 73 (4), 379–395.

Rybakovskii, L.L. (2018). Colonization of the Asian part of Russia: implementation features and geopolitical consequences. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 8, 38–46. <https://doi.org/10.31857/S013216250000760-9> (In Russ.)

Simagin, Iu.A. (2019). Prospects for the demographic development of single-industry urban-type settlements in Russia. *Rossii: tendentsii i perspektivy razvitiia* [Russia: trends and development prospects], 14 (2), 706–708. EDN: YCKFZY (In Russ.)

Simagin, Iu.A. (2009). *Poselki gorodskogo tipa Rossii: transformatsiia seti i osobennosti naseleniia* [Urban-type settlements in Russia: network transformation and population characteristics]. M.: Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, 244. (In Russ.)

Smidovich, S.G. (1980). The main factors and contradictions of the population settlement. In *Problemy rasseleniia v SSSR: Sotsialno-demograficheskii analiz seti poselenii i zadachi upravleniia* [Problems of settlement in the USSR: Socio-demographic analysis of the settlement network and management tasks]. M.: Statistika, 255. (In Russ.)

Terletskii, P.E. (1945). *Problemy zaseleniia Krainego Severa* [Problems of settlement of the Far North]. *Doklady iubileinoi sessii / Arkt. NII Glavsevmorputi pri SNK SSSR*. M.-L.: Glavsevmorputi, 11. (In Russ.)

Vershinina, I.A. (2019). *Sovremennye teorii goroda: sotsiologicheskii analiz* [Modern theories of the city: sociological analysis]. M.: Kanon+ROOI «Reabilitatsiia», 240. (In Russ.)

Фаузер Виктор Вильгельмович — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (Российская Федерация, 167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, Коммунистическая ул., 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vvfauzer.ru/>).

Viktor V. Fauzer — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Associate, Honored worker of science of the Russian Federation, Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS; <https://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vvfauzer.ru/>).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declares that he has not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.172

JEL classification: J13, D63, O15

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-2-24>**Взаимосвязь между имущественным неравенством и уровнем рождаемости¹**

И. Чжан

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).<https://orcid.org/0009-0007-8839-5156>

Автор для корреспонденции: И. Чжан (chzhan.ifan@urfu.ru).

Аннотация. С начала XXI века рождаемость как в развитых, так и в развивающихся странах снижается — в одних сильнее, в других меньше. При этом разрыв в уровне благосостояния между людьми продолжает расти. Непонятно, связаны ли эти два процесса напрямую. Поэтому Бэнбэн решил разобраться в этом вопросе, проанализировав данные по развитым и развивающимся экономикам с 1950 по 2023 гг. Цель — понять, влияет ли уровень дохода и благосостояния на решение людей о рождении детей. В статье выдвигаются гипотезы о том, как неравенство в доходах и богатстве может сказываться на рождаемости. Результаты показывают, что имущественное неравенство действительно влияет на рождаемость, а уровень дохода ограничивает готовность людей становиться родителями. Получается, что падение рождаемости — это не просто рациональный выбор людей в условиях социального давления, а скорее закономерный результат текущей ситуации.

Ключевые слова: уровень рождаемости; имущественное неравенство; неравенство доходов; демографический переход; социальная стратификация.

Relationship Between Wealth Inequality and Fertility Rates

Y. Zhang

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0009-0007-8839-5156>

Corresponding author: Yifan Zhang (chzhan.ifan@urfu.ru).

Abstract. Since the beginning of the 21st century, fertility rates have generally declined at different speeds in the northern and southern economies, and the wealth inequality among countries has worsened day by day. Whether the two are related or not remains unclear. Benben hopes that through the analysis of panel data of developed and emerging economies for the period from 1950 to 2023, whether income levels and wealth influence fertility rates can be studied. This article attempts to analyze the effects of income and wealth inequality on fertility rates. The results show that wealth equality affects fertility, and income levels restrict people's willingness to have children. Therefore, the decrease in fertility rates is not only due to people's rational choices under social pressure but is also an inevitable trend.

Keywords: fertility rate; wealth inequality; income inequality; demographic transition; social stratification.

Introduction

In recent decades, global fertility rates have continued to fall, and low fertility has spread from developed nations to middle-income countries and developing economies, becoming a shared phenomenon (Aitken, 2022). At the same time, when the world was ravaged by COVID-19 and people lost their jobs, the velocity at which money flew into the coffers of the powerful and privileged class also became extremely rapid, rendering

¹ © Чжан И. Текст. 2026.

the distribution of social wealth increasingly unfair. The growing income and wealth gaps, combined with declining social mobility, further exacerbated class differentiation. When people perceive such inequality, they are guided in making decisions about their lives, including whether or not to have children. Having children represents a significant choice for a modern family model, because the reproductive and childbearing behaviors of modern family models can both directly reflect the actions and economic situations of individuals and families, and indirectly verify the macroeconomic structure and certain aspects of social consciousness.

For example, in the classical paradigm of population economics, fertility is regarded as a rational choice made by the individual based on economic standing, income levels, educational attainment, and the costs of childbearing. From here, we can see that this paradigm considers human production and life activities as rational choices (Friedman, 1953). But in the actual context of reality, human production and life are constrained by social existence, and this cannot be overlooked. The notion of inequality refers only to a single individual's income gap, deliberately neglecting the unequal structure of social rights and wealth. The former is a type of structural social variable. In short, all the above-mentioned factors act together on people's behavior, such as fertility, risk perception, intergenerational decision-making, etc., so when people live in a highly unequal society, even if the economic growth rate is very high, the uncertainty and lack of security (economic) experienced by people are also very high, making it likely that people will try to lower their willingness to have children as much as possible, so as to avoid the risk to themselves or their family. Therefore, this paper adopts a socio-economic inequality perspective to analyze how wealth inequality affects fertility rates through various mechanisms.

Literature review

Declining fertility rates are due to social development, which is the view of traditional population economics. From the standpoint of economic advancement, increased educational attainment among women, individualism (Kim, 2023), are all the reasons for these results. But from a realistic perspective, we can clearly see that all economies, both developed and emerging, are now seeing a decrease in the TFR (Aitken, 2022). The situation is even more serious, especially in the downward cycle of the social economy. There was a certain distortion between the interpretation and reality of some classic frameworks at the time. Just like how government policies are often not based on people's actual needs, Claudia Goldin's research found that if the government does not adjust family support policies in a timely manner, it will add to the burden on individuals (Goldin, 2025). In terms of housing wealth, Atalay et al. (2021) also pointed out that with the rise in house prices, the fertility willingness of legal holders of houses increased, while the fertility willingness of the group living by renting houses decreased; in the research on income inequality, it was found that when people perceived income inequality, their willingness to have children decreased (Lin & Luo, 2025). Therefore, it can be seen that when housing prices are high and people feel that the income is extremely unfair, there is a high possibility of mutual suppression of the willingness to have children, which affects families, imposes a huge economic burden on the reproduction and raising of children, makes people unwilling to have children, and then systematically

and structurally restrains the overall fertility rate of society. The reason behind this may be due to the problems existing at the systemic level caused by the unequal social structure, the wealth distribution mechanism, and the rigidity of social mobility.

Theoretical framework and hypotheses

Income Inequality: Short-term Suppressive Effects.

From an income perspective, this factor primarily affects fertility decisions via the pathway of economic stability and security expectations for families. That is, when the distribution of labor remuneration is unfair, the labor income that workers obtain is much less than the labor they put in. As a result, middle and low-income families are subject to larger income fluctuations. Meanwhile, in economic downturns, job uncertainties arise, and social security benefits decrease accordingly, leading to increased fear of all kinds of risks (Mansour, 2018). The continuous growth of the social economy (increase in GDP) will indirectly raise the cost of living (high prices of raw materials and labor costs), thereby further increasing the direct expenditure on raising children (healthcare, child care, education) and indirect costs (women's career interruption, opportunity costs, etc.), due to sustained socioeconomic development plus wealth concentration in the upper echelons of society, especially under economic downturns.

Compared with income, wealth inequality has even longer-lasting and more structural impacts on reproductive decisions. As a factor indicator, it not only reflects a family's current consumption capacity, but also affects housing choices, educational investment, and intergenerational inheritance. Thus, when the wealth distribution of a society is extremely unfair, there is rarely any fairness left in any aspect. When this occurs, reproduction is deformed from what it originally was into a reproductive and population-reproduction activity that parasitizes on asset selection, instead of being a simple idea. At this point, only households possessing substantial capital can relatively afford the costs of raising and educating children and the long-term investments required for social competition (Colleran et al., 2015).

Research Hypotheses

According to the above theoretical analysis, this article puts forward the following research hypotheses:

Hypothesis H1: The higher the inequality in social income, the lower the total fertility rate.

Hypothesis H2: Wealth inequality has more influence on fertility rates compared to income inequality.

Hypothesis H3: In societies with high levels of wealth inequality, reproductive behaviour shows aspects of social stratification.

Materials and methods

Research Design

In this paper, we use panel data analysis to examine how income and wealth inequality influence the total fertility rate, in order to uncover how long-term distributional structures affect fertility rates.

Sample and Data Sources

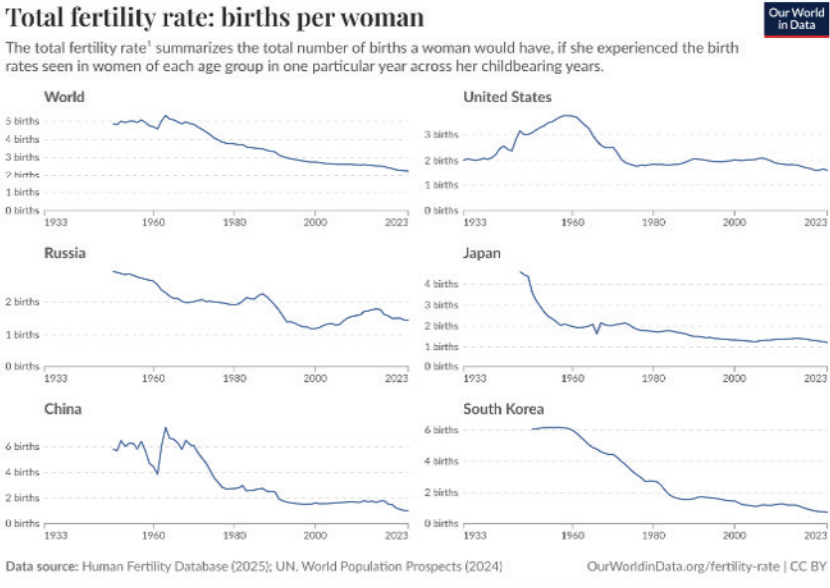
The main research data used in this article mainly involves two types of economies: developed economies and emerging economies, mainly including the United States, Japan, South Korea, China, Russia, etc. The time span is from 1950 to 2023 (depending on the availability of variables), and the sample type is imbalanced panel data. The choice of these countries is because the United States is an established capitalist country that can serve as a reference for comparison with other countries, and China, Japan, South Korea, and Russia are all countries with very prominent characteristics regarding fertility problems.

Data indicators were mainly selected as follows: (1) The total fertility rate (TFR): The World Bank and United Nations population database; (2) Income inequality indicators: Gini coefficient and income share of the top 1 %; (3) Indicators of wealth inequality: The Gini coefficient of wealth and the top 1 % share of wealth.

Results

Long-term Trends in Fertility and Inequality

After mankind’s society entered the Industrial Revolution era, the total fertility rate has steadily declined, and income and wealth inequality appeared at the beginning of the mature stage of industrialization (see Figure 1). Since 1980, the income

1. **Fertility rate** The total fertility rate is a period metric; it summarizes data from one particular year. For a given year, the total fertility rate represents the total number of children born to a hypothetical woman on average, if she (1) lived to the end of her childbearing years, and (2) experienced the same age-specific fertility rates throughout her whole reproductive life as the age-specific fertility rates seen in that particular year. It is different from the average number of children born to women that eventually have across their childbearing years, which is the cohort fertility rate.

¹ Read more in our article: [Why the total fertility rate doesn't necessarily tell us the number of births women eventually have](#) and on our page on the [Fertility Rate](#).

Fig. 1. Long-term Global Fertility Rate Trends (Source: compiled by author based on World Bank World Development Indicators. Retrieved from <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN> (Accessed: 01.02.2025))

and wealth accumulation rate of the 1 % group has sharply increased among the main economies, and at the same time, the fertility rate has started to decrease, dropping below the replacement level.

The appearance of such a synchronous phenomenon might suggest that the decline in the fertility rate could very probably be not only due to economic growth and/or industrialization, but also more closely related to how and where distribution takes place, so that when societies shift an increasing share of economic risks towards the household level, fertility behavior is one of the first long-term decisions to be squeezed.

Case studies of representative countries

Japan and South Korea: Japan and South Korea are okay on income inequality, but there are still old issues of wealth distribution imbalance. Japan had a serious real estate bubble problem once, but housing prices in Tokyo are still very high. And it's not much different in South Korea. Investment in education has been rising year after year, and costs have continued to expand. Although the labor markets of the two countries are relatively stable, there has long been a trend toward pessimism in terms of families' control and hope for the future, eventually resulting in very low social fertility rates (South Korea's TFR dropped to 0.72 in 2023, Japan to 1.26) (World Bank, 2024). The phenomenon that appeared in Japan and South Korea also verifies Hypothesis H2.

This is even more pronounced in China. After entering a phase of rapid economic growth in the latter half of the 20th century, China saw the breakdown of its previously relatively fair society in terms of income and wealth. The income and wealth growth rate of the top 1 % of households surpassed that of national economic income. This was accompanied by the marketization of housing, education, and medical care, without corresponding social security in place, leaving families having to bear the risks of childbirth and facing a sudden rise in living costs. The combination of this increase in income and wealth inequality with rising living costs caused the societal total fertility rate to plummet precipitously from above 2.0 in the 1990s to just 1.0 by 2023 (World Bank, 2024). This confirms hypotheses H1 and H2.

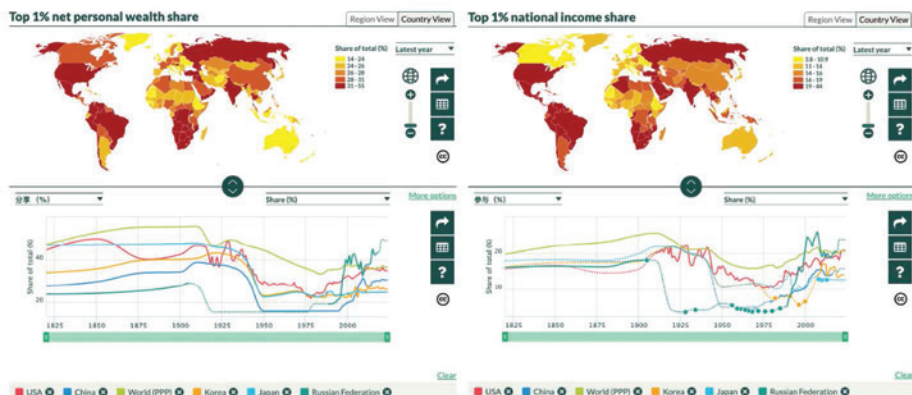

Fig. 2. Comparison of Income and Wealth Share Trends in Representative Countries (Source: compiled by author based on World Inequality Database. Retrieved from <https://wid.world> (Accessed: 01.02.2025))

The United States and Russia have a relatively high imbalance in income and wealth sets, however, they differ in the results for the fertility rate. On the one hand, the USA has buffered the decline in the overall fertility rate by maintaining the TFR between 1.6 and 1.8 due to immigration inflows and a multi-level social structure. On the other hand, in Russia (where wealth is highly concentrated), there was significant volatility in the fertility rate (World Bank, 2024), which could be due to policy stimulus.

Cross-national verification of hypotheses

H1: Systematic inhibitory effect of income inequality. As can be seen from the above data, there exists a negative correlation between income inequality and TFR. Will the TFR rise to a certain extent if the distribution is relatively rational and fair? Thus, this article chooses the Nordic countries with relatively fair income distribution for comparison. The Gini coefficient of the five Nordic countries is mostly kept in the range of 0.25–0.28, and their TFR is maintained at 1.7–1.9. Such data is much higher than the century average level (World Bank, 2024). In addition, the fertility rate of the United States, whose Gini coefficient is 0.41, stays at 1.6 to 1.8, indicating that the fertility rate of countries with greater distribution inequality has declined even more.

In this period, the Gini coefficient rose in many countries at the same time, and the fertility rates in those areas fell accordingly. Similarly, the UK, the first industrialized society, saw its total fertility rate drop from 1.9 in 1980 to 1.6 in 2000 over the course of 20 years. In this period, income inequality in society also worsened (World Bank, 2024). Therefore, in a society where labor remuneration is concentrated in the hands of a few, low- and middle-income families are under pressure in three ways. First, employment instability is on the rise. Second, wages hardly increase. Third, social security coverage is declining overall (George, 2025). These pressures turn the act of having children into a high-risk decision made based on consideration of the economic situation, since people's income cannot support the cost of having children and raising them. If H1 is empirically confirmed.

H2-structure lock-in effect test of wealth inequality. Japan and South Korea show this in the context of social wealth enrichment, but their Gini coefficients are both relatively low, at about 0.33 to 0.35. In fact, their wealth concentration is much higher than their income concentration; the top 1 % owns more than 50 % of national wealth, and this phenomenon is particularly evident in South Korea. The giant enterprises controlled by South Korea's chaebols run everything in society—from clothing, food, housing, and transportation to everything else—and there are no exceptions. Young people hope to work for such enterprises, the enterprises pay them salaries, and people use their salaries to buy the products of the enterprises. On the other hand, the enterprises also produce products and can set their own prices, forming a virtuous circle. This has resulted in an unimaginable degree of wealth concentration unprecedented in history, coupled with high housing and education costs, leading to intergenerational barriers in people's fertility (Choi & Shim, 2025).

South Korea may be the clearest example of this problem. Homes in Seoul are worth over 20 times the average family's annual income, and have been for some time. Imagine what it feels like to be that family, saving every penny of your earnings for twenty years to afford a house. Housing isn't merely expensive in that case; it's a real

barrier to having kids. And at the same time, there is the cultural expectation that parents will spend vast sums on private tutoring, cram schools, etc.

In contrast, consider that the Nordic countries have maintained low levels of wealth inequality (Gini coefficients around 0.65–0.75), invested in public housing, and provided education free. As a consequence, people can have kids without needing to be wealthy first. China also provides an interesting example: when housing became privatized and wealth gaps grew, their fertility rate crashed from 2.0 to 1.0 over three decades. These results are consistent with our Hypothesis H2.

But for H3, a class split seems to be happening. In the US, only the richest 20 % of families have enough children to replace themselves (about 2.1 kids per family); the middle class is at around 1.5–1.6. In Seoul, the contrast is sharper still—rich Gangnam has a fertility rate of 0.6 versus 0.4 in most other neighborhoods. What this implies is bleak: you now have to be above some minimum level of wealth in order to raise children without reducing your quality of life.

Nordic policies may have compressed this gap (the gap being reduced to 0.3–0.4 children), but social mobility has hardened in transitioning economies; in China's Tier 1 cities, the “complete chain” of educational investment needed to produce a “success” is almost exclusively available to high-income groups. This evidence firmly supports H3: fertility patterns are stratifying by class.

Discussion

The implications of this are huge: in highly unequal societies, childbearing is no longer a universal life stage, but instead is becoming a luxury good defined by class.

Decline in fertility is not merely about changing cultural values, but also about being rational—protecting oneself against systemic risk. In an environment with uncertain incomes and a winner-takes-all wealth structure, more and more families choose self-preservation rather than reproduction.

In other words, wealth inequality (the hoarding of resources by the top 1 %) may be a stronger contraceptive than simple income disparity, because it creates such high intergenerational walls that it fundamentally changes the answer to “who can ‘afford’ to be a parent,” which in turn reproduces a rigid social structure reminiscent of pre-modern hierarchies, where what matters most for a family's future is inherited assets rather than individual effort.

Conclusion

Using cross-national data, this paper asks whether wealth and income gaps directly suppress fertility rates. The evidence suggests two main drivers.

That is, falling birth rates are caused by economic anxiety, not changing values; when inequality widens, families perceive having children as a financial risk to their social standing, implying that low fertility is a rational survival strategy in an unequal system rather than merely a lifestyle choice.

Second, the concentration of wealth—specifically in housing, education, and health-care—is also a kind of contraceptive. When basic needs become prohibitively expensive assets, families can be forced to lower their long-term economic expectations and limit family size. Fertility is now being determined by class and wealth.

Reversing this trend, however, will mean that governments have to do more than simply provide baby bonuses; rather, they need to change the nature of what they focus on (creating a fairer playing field) by doing things such as stabilizing housing costs, ensuring equal access to public services, and using tax systems to check extreme wealth concentration.

We admit that our study is based on macro data; therefore, there are deficiencies in the time dimension and individual households. In future studies, we hope to make up for the shortcomings mentioned above and connect the macroeconomic background with individual families from two aspects.

Therefore, the core of the general phenomenon of low fertility rates in society is actually a general problem of social loss of fairness. Therefore, if a country or region hopes to solve the problem of low fertility, they cannot do so merely through population policies, but must build a society that allows individuals and families to grow up with peace of mind.

Благодарности / Acknowledgements

This research received no specific grant from any funding agency in the public, commercial, or not-for-profit sectors.

References

- Aitken, R. J. (2022). The changing tide of human fertility. *Human Reproduction*, 37(4), 629–638. <https://doi.org/10.1093/humrep/deac011>
- Aitken, R. J. (2024). What is driving the global decline of human fertility? Need for a multidisciplinary approach to the underlying mechanisms. *Frontiers in Reproductive Health*, 6, 1364352. <https://doi.org/10.3389/frph.2024.1364352>
- Atalay, K., Li, A., & Whelan, S. (2021). Housing wealth, fertility intentions and fertility. *Journal of Housing Economics*, 54, 101787. <https://doi.org/10.1016/j.jhe.2021.101787>
- Choi, I., & Shim, E. (2025). Housing–fertility interdependencies in South Korea: A dynamic analysis across regional disparities and temporal shifts. *Asian Journal of Social Science*, 53(4), 100221. <https://doi.org/10.1016/j.ajss.2025.100221>
- Colleran, H., Jasienska, G., Nenko, I., Galbarczyk, A., & Mace, R. (2015). Fertility decline and the changing dynamics of wealth, status and inequality. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 282(1806), 20150287. <https://doi.org/10.1098/rspb.2015.0287>
- Friedman, M. (2009). In: The methodology of positive economics (1953). In *The Methodology of Positive Economics: Reflections on the Milton Friedman Legacy* (pp. 3–44). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511581427.002>
- George, A. S. (2025). The silent economic crisis: How middle-class stress threatens India's growth trajectory (2025–2030). *Partners Universal International Research Journal*, 4(2), 34–47. <https://doi.org/10.5281/zenodo.15655938>
- Goldin, C. (2025). Babies and the macroeconomy. *Economica*. <https://doi.org/10.1111/ecca.12585>
- Kim, J. (2023). Female education and its impact on fertility. *IZA World of Labor*. <https://doi.org/10.15185/izawol.228.v2>
- Lin, S., & Luo, N. (2025). Widening income inequality and the decline in fertility intentions: Micro evidence from Chinese households. *International Review of Economics & Finance*, 104, 104723. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2025.104723>
- Mansour, F. (2018). Economic insecurity and fertility: Does income volatility impact the decision to remain a one-child family? *Journal of Family and Economic Issues*, 39(2), 243–257. <https://doi.org/10.1007/s10834-017-9559-y>

World Bank. (2024). *World development indicators*. Retrieved from <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN> (Accessed: 01.02.2025)

Чжан Ифань — аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Школа государственного управления и предпринимательства; <https://orcid.org/0009-0007-8839-5156> (Россия, 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13б; e-mail: chzhan.ifan@urfu.ru).

Zhang Yifan — PhD student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, School of Public Administration and Entrepreneurship; <https://orcid.org/0009-0007-8839-5156> (13b, Lenin Ave., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: chzhan.ifan@urfu.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

III. ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

УДК 911.3; 911.6; 911.7

JEL classification: J1, J21, J01

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-3-1>

Основные тенденции естественного движения населения Азербайджана: проблемы и пути решения¹

С. О. Алекперова

Институт географии Министерства науки и образования Азербайджанской Республики
(г. Баку, Азербайджан).

<https://orcid.org/0000-0001-9138-3403>

Автор для корреспонденции: С.О.Алекперова (alakbarovasamira@hotmail.com)

Аннотация. Статья посвящена исследованию основных тенденций естественного движения населения Азербайджана, выявлению демографических проблем и определению путей их решения. Целью исследования является комплексный анализ динамики рождаемости, смертности и миграции населения, а также оценка влияния социологических и психологических аспектов, включая уровень занятости, на демографическое поведение населения. В работе последовательно рассмотрены теоретические основы естественного движения населения, проанализированы официальные статистические данные по экономическим районам страны и применен метод анализа иерархий. Результаты исследования показали, что снижение рождаемости при относительной стабильности смертности приводит к неравномерному формированию естественного прироста по регионам, что обусловлено уровнем социально-экономического развития, занятости, урбанизации и социально-психологическими факторами. На основе полученных данных аргументирована необходимость реализации комплексной демографической и социальной политики, что обеспечивает поддержку и соответствие действующей государственной стратегии в области демографического развития.

Ключевые слова: естественное движение; демографические проблемы; миграция; урбанизация.

Main Trends of the Natural Population Movement in Azerbaijan: Problems and Solutions

S. Alakbarova

Institute of Geography of the Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan,
(Baku, Azerbaijan)

<https://orcid.org/0000-0001-9138-3403>

Corresponding author: S.Alakbarova (alakbarovasamira@hotmail.com)

Abstract. The article is devoted to the study of the main trends in the natural population movement of Azerbaijan, the identification of demographic problems, and the determination of possible solutions. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the dynamics of birth rates, mortality, and population migration, as well as an assessment of the influence of sociological and psychological factors, including the level of employment, on demographic behavior. The work systematically examines the theoretical foundations of natural population movement, analyzes official statistical data across the country's economic regions, and applies the Analytical Hierarchy Process method. The results of the study indicate that a decline in birth rates, combined with relatively stable mortality rates, leads to an uneven formation

¹ © Алекперова С. О. Текст. 2026.

of natural population growth across regions, which is determined by the level of socio-economic development, employment, urbanization, and socio-psychological factors. Based on the obtained data, the necessity of implementing a comprehensive demographic and social policy is substantiated, ensuring support for and alignment with the current state strategy in the field of demographic development.

Keywords: natural population movement; demographic problems; migration; urbanization

Введение

Движение населения и демографическое развитие Азербайджана являются одними из стратегических приоритетов социально-экономической политики страны. Движение населения — показатели рождаемости, смертности и миграции — определяет не только численность населения, но и его структуру, распределение по регионам, а также перспективы социально-экономического развития. В последние годы демографическая ситуация в стране претерпела различные изменения: показатели рождаемости и смертности, а также процессы внутренней и внешней миграции оказали значительное влияние на возрастную структуру населения, уровень урбанизации и региональный баланс.

Социальные и психологические аспекты играют важную роль в анализе движения населения. Решения людей в области размера семейного хозяйства и планирования рождаемости формируются не только под воздействием экономических и демографических факторов, но и социальных и психологических условий. Кроме того, выбор места проживания в городе или сельской местности также определяется влиянием этих факторов. Следовательно, движение населения необходимо изучать не только через статистические показатели, но и в контексте индивидуального и коллективного поведения, социальных и психологических мотивов. Уровень жизни населения определяется степенью обеспеченности материальными благами и услугами, уровнем их потребления и удовлетворения рациональных потребностей (Захарова, 2019).

Демографическое движение населения Азербайджана является актуальной проблемой, требующей комплексного анализа для обеспечения социально-экономической стабильности и устойчивого развития страны.

Цель исследования

В настоящем исследовании ставится цель проведения системного анализа основных тенденций естественного движения населения Азербайджана с учетом социальных и психологических факторов. В работе рассматриваются возникающие проблемы, включая региональные демографические различия, уровень урбанизации и старение населения, а также влияние социальных и психологических факторов на решение людей относительно размера семейного хозяйства, планирования рождаемости и выбора места проживания. На основе полученных данных предлагаются меры по повышению эффективности демографической политики и обеспечению устойчивого развития страны.

Методы и материалы

В работе реализован комплексный методологический подход, основанный на статистической обработке данных, аналитическом и сравнительном анализе и системном осмыслении демографических процессов. Для анализа использован метод анализа иерархий (МАИ) (АНР — *Analytical Hierarchy Process*).

В исследовании использованы официальные статистические данные о естественном движении населения Азербайджана, в частности, ежегодные отчеты Государственного комитета по статистике Азербайджана. Анализ был сосредоточен на показателях рождаемости, смертности и миграции, а также на возрастной структуре населения по регионам. В качестве основного метода применялся статистический анализ: рассчитывались показатели рождаемости и смертности, прироста населения, демографического баланса и региональные различия (Аббасов, 2005). Для изучения социальных и психологических аспектов использовались аналитический и сравнительный подходы, включая оценку размера семейного хозяйства, планирования рождаемости и выбора места проживания (Эйюбов, 2008). Кроме того, исследование построено на принципе системного подхода, который позволяет связывать статистические показатели естественного движения населения с социально-психологическими факторами, выявлять основные проблемы и предлагать эффективные пути их решения.

В данном исследовании для анализа основных тенденций естественного движения населения Азербайджана был использован метод анализа иерархий (МАИ) (*AHP — Analytical Hierarchy Process*) (Saaty & Vargas 2001). Для оценки демографической ситуации были выбраны следующие критерии — рост населения, уровень рождаемости и смертности, возрастная структура, миграция, а также социологические и психологические аспекты (Эйюбов, 2011). Социологические аспекты, такие как социальное обеспечение, безработица и урбанизация, а также психологические аспекты, включающие качество жизни населения, стресс и социальную обеспокоенность, были учтены при анализе. Метод МАИ позволил рассчитать весовые коэффициенты для каждого из критериев и получить Индекс Демографического Развития (ИДР) на основе парных сравнений. Этот индекс использовался для оценки демографической ситуации, а также для выявления влияния социальных и психологических факторов на естественное движение населения. Результаты исследования предоставляют информацию для идентификации демографических проблем и улучшения социальной политики в различных регионах.

Результаты и обсуждение

В Азербайджанской Республике демографическую основу расселения населения на протяжении длительного времени преимущественно формировал высокий естественный прирост. Он складывался за счет высокой рождаемости и среднего уровня смертности. В отдельные исторические периоды значительную роль в формировании демографической базы расселения играли миграционные процессы. Несмотря на это, решающее значение в расселении населения по всей территории страны, его территориальной дифференциации плотности населения принадлежало естественному приросту. Показатели естественного прироста в различные периоды отличались в зависимости от уровня социально-экономического развития, степени урбанизации, условий занятости, возрастно-половой структуры населения и воздействия социально-психологических факторов.

В таблице 1 представлен сопоставительный анализ статистических данных за период 1995–2025 гг., который свидетельствует о том, что в Азербайджане в рассматриваемый период отмечается рост общей численности населения, прослеживается

динамика естественного движения населения, наблюдаются структурные сдвиги в распределении населения между городскими и сельскими территориями, а также изменения уровня урбанизации (табл. 1).

Сравнительный анализ статистических данных, представленных Государственным комитетом по статистике за период с 2000 по 2025 гг., а также результаты проведенных исследований показывают, что динамика движения населения определяется не только естественным приростом, но и уровнем занятости (рис. 1), поскольку неработающее население либо мигрирует в поисках работы, либо испытывает социологические и психологические потрясения, которые проявляются в структуре семей. Отток молодежи из сельской местности в города привел к старению и депопуляции сельского населения (Добровольская & Покотильская, 2023). Эта

Таблица 1

Основные показатели численности населения Азербайджана (1995–2025 гг.)

Годы	Общая численность населения (тыс. чел.)	Годовой общий прирост		Население		Доля населения		Изменение уровня урбанизации, % (1995–1995 г.)
		(тыс. чел.)	(%)	город (тыс. чел.)	село (тыс. чел.)	город (%)	село (%)	
1995	7643,5	82,7	1,1	4005,6	3637,9	52,4	47,6	0,0
2000	8032,8	81,5	1,0	4107,3	3925,5	51,1	48,9	–1,3
2010	8997,6	976,4	10,9	4774,9	4222,7	53,1	46,9	0,7
2020	9974,0	250,9	2,5	5476,8	4497,2	54,9	45,1	2,5
2025	10224,9	44,5	0,9	5562,9	4662,0	54,4	45,6	2,0

Источник: Перепись населения АР — 2009, Баку 2010; Перепись населения АР — 2019, Баку 2022; Демографические показатели АР, 2025. Государственный Статистический Комитет, Баку, 2026.

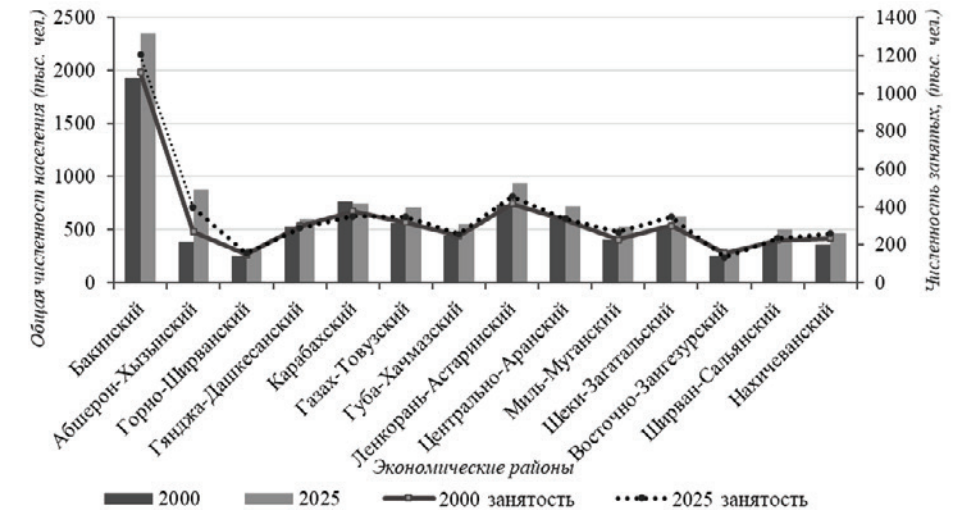

Рис. 1. Изменения численности населения и уровня занятости в Азербайджане (2000–2025 гг.). (Источник: Перепись населения АР — 2009, Баку 2010; Перепись населения АР — 2019, Баку 2022; Демографические показатели АР, 2025. Государственный Статистический Комитет, Баку, 2026).

тенденция отражает значительное влияние различий между городом и деревней, а также экономических и социальных различий на демографические показатели.

Наивысшие показатели занятости и роста населения наблюдаются в городе Баку. Это связано с его ведущей позицией в области урбанизации и экономического развития. Рост возможностей трудоустройства и улучшение качества жизни способствуют ускорению процесса социальной адаптации и оказывают положительное влияние на психологические факторы.

В 2000–2025 гг. внутренний миграционный поток из сельских районов в города увеличился на 1,4 тыс. человек, что способствовало росту численности городского населения (табл. 2).

Временной и пространственный анализ этих изменений позволяет выявить ключевые тенденции и разработать целевые меры для улучшения демографической ситуации и оптимизации миграционных потоков на региональном уровне (рис. 2).

Данный анализ демонстрирует, что динамика численности населения и миграции в Азербайджане имеет выраженную региональную специфику. Семейная

Таблица 2

Миграционное движение населения Азербайджана в 2000–2025 гг. (тыс. человек)

Годы	Прибывшие в страну на постоянное место жительства	Выбывшие из страны на постоянное место жительства	Миграционный прирост (убыль)	в том числе	
				городское население	сельское население
1995	6,2	16,0	−9,8	−9,5	−0,3
2000	4,4	9,9	−5,5	−5,0	−0,5
2010	2,2	0,8	1,4	1,2	0,2
2020	1,7	0,6	1,1	0,2	0,9
2025	3,0	2,3	0,7	−0,2	0,9

Источник: Государственный Статистический Комитет, Баку, 2000, 2010, 2026.

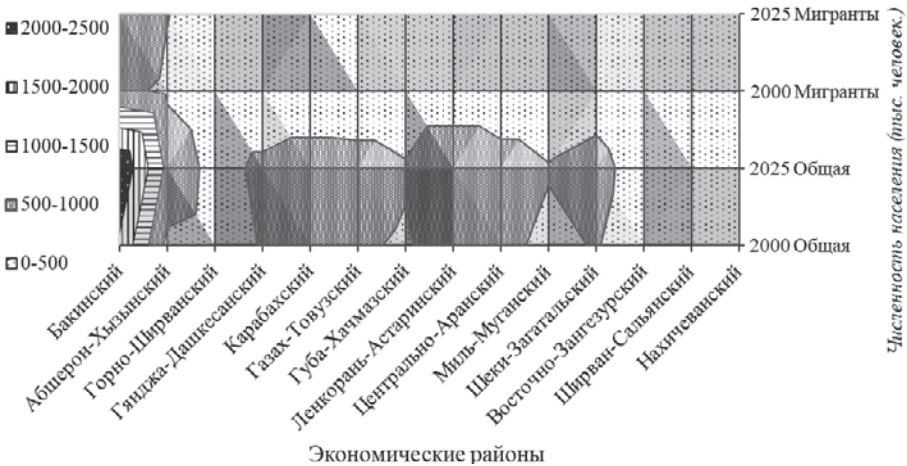

Рис. 2. Временной и пространственный анализ динамики численности населения и миграции в Азербайджане (2000–2025). (Источник: Демографические показатели АР, 2000, 2025. Государственный Статистический Комитет, Баку, 2000, 2026).

структура в Азербайджане также претерпела значительные изменения. Согласно данным Государственного статистического комитета, в 2000 году средний размер семьи составлял 5,6 человека, а к 2020 году он снизился до 4,4 человека. Прогнозируется, что в 2025 году средний размер семьи в Азербайджане будет составлять 4,2 человека. Этот процесс связан с урбанизацией, изменением социально-экономической структуры и изменением семейных ценностей.

Применение метода анализа иерархий – МАИ (АНР – Analytical Hierarchy Process)

В данном исследовании для определения основных тенденций естественного движения населения Азербайджана был использован метод анализа иерархий – МАИ. Оценив рост населения, показатели рождаемости и смертности, возрастную структуру и другие демографические факторы, стало возможно определить, какие тенденции преобладают в естественном приросте населения. В дополнение к этому был проведен анализ социальных и психологических аспектов, влияющих на естественное движение населения.

Перед применением МАИ для анализа естественного движения населения Азербайджана были выбраны следующие критерии: рост населения – разница между рождаемостью и смертностью; возрастная структура – распределение населения по возрастным группам; показатель рождаемости – число рождений на 1 000 человек; показатель смертности – число смертей на 1 000 человек; миграция – внутренняя и внешняя.

Матрица попарных сравнений

В методе анализа иерархий для вычислений используется матрица попарных сравнений, которая выглядит следующим образом: каждый критерий сравнивается с другими, и устанавливаются коэффициенты сравнения (табл. 3).

После того как составлена матрица попарных сравнений, проведены нормализация и расчет весовых коэффициентов, что является важной частью МАИ. В процессе анализа были сравнены и исследованы такие ключевые критерии, как рост населения, возрастная структура, показатель рождаемости, показатель смертности и миграция. В результате расчетов по каждому критерию были получены следующие весовые коэффициенты (табл. 4).

В результате нормализации для каждого из этих критериев были вычислены весовые коэффициенты, отражающие их значимость для оценки демографической ситуации в различных экономических районах Азербайджана. Результаты нормализации приведены ниже, где представлены нормализованные значения для каждого критерия в расчете общей оценки по МАИ. Эти значения позволяют объективно оценить влияние каждого из критериев на демографические процессы в регионах, а также определить, какие из них оказывают наибольшее влияние на естественное движение населения.

В данном исследовании демографическое развитие оценивалось с учетом различных социальных и психологических факторов, таких как безработица, социальные услуги и уровень стресса. В соответствии с мировой практикой, все показатели были нормализованы в пределах диапазона от 0 до 1 для упрощения анализа и обеспечения сопоставимости данных.

Таблица 3

Критерии и коэффициенты сравнительных весов демографических показателей

Критерии	Рост населения	Возрастная структура	Показатель рождаемости	Показатель смертности	Миграция
Рост населения	1	3	5	7	6
Возрастная структура	1/3	1	2	3	2
Показатель рождаемости	1/5	1/2	1	3	2
Показатель смертности	1/7	1/3	1/3	1	2
Миграция	1/6	1/2	1/2	1/2	1

Таблица 4

Критерии и нормализованные значения демографических показателей

Критерии	Рост населения	Возрастная структура	Показатель рождаемости	Показатель смертности	Миграция	Нормализованные значения (Весовые коэффициенты)
Рост населения	0,04545	0,3600	0,6494	1,6027	1,7836	0,6764
Возрастная структура	0,01515	0,1200	0,2597	0,4810	0,4727	0,2703
Показатель рождаемости	0,00909	0,0600	0,1299	0,4810	0,4727	0,2309
Показатель смертности	0,00612	0,0360	0,0430	0,2293	0,4727	0,1578
Миграция	0,00776	0,0600	0,1299	0,2293	0,2364	0,1627

Расчет Индекса Демографического Развития (ИДР)

Метод анализа иерархий (МАИ) был использован для расчета Индекса Демографического Развития (ИДР) по следующей формуле (1):

$$\text{ИДР} = (I_B \cdot B_1) + (I_C \cdot B_2) + (I_{\text{стр}} \cdot B_3) \quad (1)$$

Где:

I_B — индекс безработицы. Показатель, измеряющий влияние уровня безработицы на население. Это свидетельствует о том, что социальные и психологические проблемы, связанные с безработицей, негативно влияют на демографическое развитие.

I_C — индекс социальных услуг. Измеряет качество социальных услуг и уровень благосостояния населения. Также в регионах с хорошим доступом к социальным услугам уровень миграции имеет тенденцию к снижению.

$I_{\text{стр}}$ — индекс стресса. Отражает психологическое состояние населения. Между индексом стресса и демографическим ростом существует обратная связь, так как высокий уровень стресса связан с тревогой населения о будущем и отсутствием уверенности в будущем.

B_1, B_2, B_3 — веса, рассчитанные с применением МАИ.

Эти статистические результаты подчеркивают важность социальных и психологических факторов для оценки демографического развития. Высокая

безработица, низкие социальные услуги и высокий уровень стресса ухудшают качество жизни населения и приводят к демографическим проблемам. Напротив, развитие социальных услуг и снижение уровня стресса положительно влияют на демографический рост (табл. 5).

Сначала были оценены показатели каждого экономического района Азербайджана за период с 2000 по 2025 гг., в частности, такие критерии, как экономическое развитие, рост населения и инфраструктура. Эти оценки были умножены на соответствующие весовые коэффициенты с использованием МАИ, и на основе этого был вычислен общий рейтинг. В таблице учтены рост населения, экономическое развитие, возрастная структура и показатели инфраструктуры, а также влияние социальных и психологических факторов. В результате была проведена

Таблица 5

Социально-экономические показатели районов Азербайджана (2000–2025)

Экономические районы и административные единицы	2000	2025	МАИ	ИДР	Основные показатели
Бакинский	1806,4	2351,3	0,365	0,365	Безработица: 0,15, Социальные услуги: 0,68, Психологический (Стресс): 0,17
Абшерон-Хызынский	389,8	878,4	0,701	0,751	Безработица: 0,18, Социальные услуги: 0,65, Психологический (Стресс): 0,17
Горно-Ширванский	252,1	322,5	0,587	0,607	Безработица: 0,7, Социальные услуги: 0,85, Психологический (Стресс): 0,8
Гянджа-Дашкесанский	529,9	599,2	0,662	0,712	Безработица: 0,25, Социальные услуги: 0,50, Психологический (Стресс): 0,25
Карабахский	763,9	747,5	0,616	0,646	Безработица: 0,12, Социальные услуги: 0,70, Психологический (Стресс): 0,18
Газах-Товузский	562,3	680,6	0,651	0,691	Безработица: 0,20, Социальные услуги: 0,60, Психологический (Стресс): 0,2
Губа-Хачмазский	445,4	550,3	0,616	0,646	Безработица: 0,10, Социальные услуги: 0,75, Психологический (Стресс): 0,15
Ленкорань-Астаринский	738,4	943,8	0,691	0,741	Безработица: 0,15, Социальные услуги: 0,80, Психологический (Стресс): 0,5
Центрально-Аранский	606,8	724,2	0,651	0,691	Безработица: 0,10, Социальные услуги: 0,80, Психологический (Стресс): 0,10
Миль-Муганский	405,8	527,5	0,631	0,661	Безработица: 0,12, Социальные услуги: 0,72, Психологический (Стресс): 0,16
Шеки-Загатайский	524,0	629,0	0,662	0,702	Безработица: 0,22, Социальные услуги: 0,55, Психологический (Стресс): 0,23
Восточно-Зангезурский	259,6	302,2	0,587	0,607	Безработица: 0,13, Социальные услуги: 0,70, Психологический (Стресс): 0,17
Ширван-Сальянский	389,6	497,5	0,616	0,646	Безработица: 0,30, Социальные услуги: 0,45, Психологический (Стресс): 0,25
Нахичеванский	358,8	470,9	0,587	0,617	Безработица: 0,18, Социальные услуги: 0,60, Психологический (Стресс): 0,22

Источник: Демографические показатели Азербайджанской Республики — 2020, 2025, Государственный Статистический Комитет, Баку, 2026; Показатели безработицы и рынка труда Азербайджана — 2025, Баку, 2026; Макроэкономические показатели и анализ социально-экономической ситуации — 2025, Баку, 2026.

сравнительная оценка экономического развития и роста населения в разных районах. На основе общего рейтинга был проведен их порядок. Ниже представлены общие оценки экономических районов Азербайджана и результаты, рассчитанные с использованием МАИ. Далее был рассчитан ИДР, который отражает стабильность населения, принимая во внимание показатели рождаемости, смертности, миграции и другие демографические факторы для более комплексной оценки ситуации в различных районах.

При планировании расселения населения на территории, освоения земель и обеспечения устойчивого функционирования хозяйственных объектов необходимо учитывать возможные природные катастрофы, а также природно-техногенные риски и другие угрозы (Бабаханов, 2013; Алакбарова, 2025). Игнорирование этих факторов может привести к угрозе жизни населения, разрушению инфраструктуры и экономическим потерям. Одновременно увеличение плотности населения и неравномерное социально-экономическое развитие усиливают психологические и социальные стресс-факторы, способствуя росту социальной напряженности и интенсификации миграционных процессов. В этой связи необходимо реализовывать превентивные меры, включая системы раннего оповещения, геологический и гидрологический мониторинг, зонирование территорий с учетом риска, а также разработку программ социальной поддержки.

Кроме того, устойчивое развитие регионов напрямую зависит от управления миграционными потоками, плотностью населения и социально-психологическими факторами (Нуриев, 2017; Будагов & Бабаханов, 2002). Ключевые меры включают укрепление инфраструктуры в зонах риска, подготовку планов эвакуации, а также адаптацию экономических проектов и социальных программ к местным природно-техногенным и психосоциальным условиям. Такой подход обеспечивает сбалансированное развитие демографических процессов, освоения земель, безопасного и устойчивого проживания населения, а также социально-психологического благополучия.

С целью минимизации существующих проблем могут быть предложены следующие пути решения:

- разработка дифференцированных региональных мер демографической поддержки с учетом возрастной структуры населения и социально-экономических условий;
- стимулирование социально-экономического развития сельских районов, создание рабочих мест и улучшение условий жизни вне крупных городов;
- интеграция социально-психологических аспектов в демографическое планирование и оценку эффективности реализуемых мер;
- развитие научно обоснованных методов прогнозирования с использованием статистических данных и анализа социально-психологических факторов;
- укрепление инфраструктуры в зонах риска и подготовка планов эвакуации для защиты населения и минимизации экономических потерь.

Заключение

Ниже приведены основные результаты исследования, отражающие главные тенденции естественного движения населения в Азербайджане.

Проведенное исследование показало, что естественное движение населения Азербайджана формируется под воздействием совокупности демографических, социально-экономических, социологических и психологических факторов. Снижение рождаемости, неравномерность миграционных потоков и рост уровня урбанизации усиливают региональные различия в демографическом развитии. Эти процессы приводят к структурному дисбалансу между городскими и сельскими территориями.

Установлено, что демографическое поведение населения не ограничивается экономическими условиями. Решения о месте проживания и трудовой активности в значительной степени зависят от уровня занятости, качества жизни и социально-психологической среды. Это подтверждает необходимость комплексного подхода к анализу естественного движения населения.

Список источников

Аббасов, Дж. Р. (2005). *Экономическая и социальная география Азербайджанской Республики*. Баку: БГУ, 123.

Alakbarova, S. O. (2025). Integrating spatial risk analysis into sustainable territorial development: A complex approach in the context of the Shaki-Zagatala economic region. *Journal of the Bulgarian Geographical Society*, 53, 157–186. <https://doi.org/10.3897/jbgs.e159882>

Бабаханов, Н. А. (2013). Стихийные бедствия: их проявления в Азербайджане, наносимые ущербы, меры защиты от них. Баку: ЭЛМ, 256.

Будагов, Б. А., Бабаханов, Н. А. (2002). Природные разрушительные явления и их экономические последствия (на примере Республики Азербайджан). В *Стихийные природные процессы: географические, экологические и социально-экономические аспекты* (с. 168–78). Москва: Изд-во НЦ ЭНАС, 214.

Добровольская, Э. В., Покотильская, Н. В. (2023). Тенденции природного движения населения как фактора обеспечения демографической устойчивости. *Tendencies of natural population movement as a factor for ensuring demographic stability. Section 3. Management*, 2, 17–20. <https://doi.org/10.29013/EJEMS-23-2-17-20>

Нуриев, А. (2017). Устойчивое и сбалансированное региональное развитие. Баку: Европа, 242.

Saaty T. L. & Vargas L. G. (2001) The Seven Pillars of the Analytic Hierarchy Process. In: *Models, Methods, Concepts & Applications of the Analytic Hierarchy Process. International Series in Operations Research & Management Science*, 34:27–46. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-1665-1_2

Эйюбов, Н. Г. (2008) Стратегическая и геополитическая необходимость управления расселением населения. *Труды Азербайджанского географического общества. Том XII* (с. 301–306.). Баку: Элм, 327.

Эйюбов, Н. Г. (2011). Особенности развития демографической базы расселения в Азербайджанской Республике. *Новости АНАС, серия «Науки о Земле»*, 1, 99–103.

Захарова, С. Г. (Ред.) (2019). *Управление качеством жизни населения*. Нижний Новгород: НИЦ «Открытое знание», 157.

References

Abbasov, J. R. (2005). *Ekonomicheskaya i sotsial'naya geografiya Azerbaydzhanskoy Respubliki*. [Economic and social geography of the Azerbaijan Republic]. Baku: BSU, 123. (In Russ.)

Alakbarova, S. O. (2025). Integrating spatial risk analysis into sustainable territorial development: A complex approach in the context of the Shaki-Zagatala economic region. *Journal of the Bulgarian Geographical Society*, 53, 157–186. <https://doi.org/10.3897/jbgs.e159882>

Babakhanov, N. A. (2013). *Stikhiynnye bedstviya: ikh proyavleniya v Azerbaydzhane, nanosimyye ushcherby, mery zashchity ot nikh* [Natural disasters: their manifestations in Azerbaijan, damage caused, measures of protection against them]. Baku: ELM, 256. (In Russ.)

Budagov, B. A. & Babakhanov, N. A. (2002). Natural destructive phenomena and their economic consequences (on the example of the Republic of Azerbaijan). In *Stikhiynnye prirodnnye protsessy: geograficheskiye, ekologicheskkiye i sotsial'no-ekonomicheskkiye aspekty* [Natural disasters: geographical, ecological and socio-economic aspects] (pp. 168–178). Moscow: Publishing House of NC ENAS, 214. (In Russ.)

Dobrovolskaya, E. V. & Pokotilskaya, N. V. (2023). Tendencies of natural population movement as a factor for ensuring demographic stability. *Section 3. Management*. 17–20. <https://doi.org/10.29013/EJEMS-23-2-17-20> (In Russ.)

Nuriyev, A. (2017). *Ustoichivoe i sbalansirovannoe regionalnoe razvitiye* [Sustainable and Balanced Regional Development]. Baku: Europa, 242. (In Russ.)

Saaty T. L. & Vargas L. G. (2001) The Seven Pillars of the Analytic Hierarchy Process. In: Models, Methods, Concepts & Applications of the Analytic Hierarchy Process. *International Series in Operations Research & Management Science*, 34:27–46. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-1665-1_2

Eyyubov, N. G. (2008). Strategic and geopolitical necessity of population settlement management. In *Trudy Azerbaydzhanskogo geograficheskogo obshchestva. Tom XII* (s. 301–306.) [Proceedings of the Azerbaijan Geographical Society. Vol. XII.] (pp. 301–306). Baku: Elm, 327. (In Russ.)

Eyyubov, N. G. (2011). Features of the development of the demographic settlement base in the Republic of Azerbaijan. *Novosti ANAS, seriya «Nauki o Zemle», [ANAS News, Earth Sciences Series]*, 1, 99–103. (In Russ.)

Zakharova, S. G., (Ed.). (2019). *Upravlenie kačestvom žizni naseleniâ*. [Population Quality of Life Management]. Nizhny Novgorod: NITS «Open Knowledge», 157.

Алекперова Самира Отгай — кандидат географических наук, доцент, заведующая лабораторией География населения, Институт географии Министерства науки и образования Азербайджанской Республики, <https://orcid.org/0000-0001-9138-3403> (Азербайджан, AZ1073, г. Баку, пр. Г. Джавида, 117, e-mail: alakbarovasamira@hotmail.com).

Samira O. Alakbarova — PhD (Geography), associate professor, head of the Population geography laboratory, Institute of Geography of the Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan, <https://orcid.org/0000-0001-9138-3403> (117, H.Javid Ave., Baku, AZ1073 Azerbaijan, e-mail: alakbarovasamira@hotmail.com)

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 316.61

JEL classification: A13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-3-2>

Временная перспектива и жизненные стратегии студентов-психологов из новых регионов, мигрантов и коренных жителей РФ¹

А. И. Шукина ^а, О. В. Шуленина ^б, Н. В. Задорожнюк ^в

^а ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет» (Россия, г. Херсон).

<https://orcid.org/0009-0007-1756-3159>

^б ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет».

<https://orcid.org/0009-0008-7309-9028>

^в ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет» (Россия, г. Херсон).

<https://orcid.org/0009-0001-1007-2046>

Автор для корреспонденции: А. И. Шукина (9266502699@mail.ru)

Аннотация. Исследование посвящено анализу временных перспектив и жизненных стратегий студентов-психологов из новых регионов РФ и мигрантов, а также студентов — коренных жителей РФ. На основании эмпирических данных выявлены отличия в ценностных ориентациях, целеустремленности и гибкости между двумя группами. Результаты исследования выявили, что обе группы демонстрируют преобладание позитивной временной ориентации: конструктивное отношение к прошлому как источнику опыта, высокую концентрацию на текущих задачах и умеренную ориентацию на будущее. При этом студенты-мигранты и жители новых регионов характеризуются более высокими показателями по навыкам планирования и готовности к неопределенности, что может быть связано с опытом адаптации к новым территориальным условиям. Уровень выраженности жизненного проекта не выявил различий в обеих группах. Полученные данные свидетельствуют о высокой психологической адаптивности обеих групп в условиях социальной нестабильности и подчеркивают роль временной перспективы как ресурса личностного и профессионального развития.

Ключевые слова: временная перспектива; жизненные стратегии; студенты-психологи; региональные особенности; психологическая адаптация.

Time Perspective and Life Strategies of Psychology Students from New Regions, Migrants, and Native Residents of the Russian Federation

A. Shchukina ^а, O. Shulenina ^б, N. Zadorozhnyuk ^в

^а FGBOU VO «Kherson State Pedagogical University» (Russia, Kherson)

<https://orcid.org/0009-0007-1756-3159>

^б FGBOU VO «Kherson State Pedagogical University» (Russia, Kherson)

<https://orcid.org/0009-0008-7309-9028>

^в FGBOU VO «Kherson State Pedagogical University» (Russia, Kherson)

<https://orcid.org/0009-0001-1007-2046>

Corresponding author: A. Shchukina (9266502699@mail.ru)

Abstract. This study analyzes the time perspectives and life strategies of psychology students from new regions of the Russian Federation, migrants, and native Russian students. Based on empirical data, differences in value orientations, goal-directedness, and flexibility were identified between the two groups. The results of the study revealed that both groups exhibit a predominantly positive time orientation: a constructive attitude

¹ © Задорожнюк Н. В., Шукина А. И., Шуленина О. В. Текст. 2026.

toward the past as a source of experience, a high focus on current tasks, and a moderate orientation toward the future. Moreover, migrant students and residents of new regions are characterized by higher scores on planning skills and readiness for uncertainty, which may be related to their experience adapting to new territorial conditions. The level of expression of life plans revealed no differences between the two groups. The obtained data indicate a high level of psychological adaptability in both groups in conditions of social instability and emphasize the role of time perspective as a resource for personal and professional development.

Keywords: time perspective; life strategies; psychology students; regional characteristics; psychological adaptation

Введение

Современные условия развития российского общества характеризуются высокой динамичностью, неопределенностью и постоянными изменениями. В этих условиях особое значение приобретает понимание индивидуальных стратегий адаптации, восприятия временных перспектив и жизненных ориентиров у студентов, готовящихся к профессиональной деятельности в области психологии. Особенно актуально изучение различий между студентами-мигрантами и студентами из новых (преимущественно недавно присоединенных территорий) регионов, а также студентами — коренными жителями России, их психологические модели, ценностные ориентации и стратегии достижения целей. Осмысление различий и сходств между указанными группами по соответствующим аспектам способствует более эффективной интеграции студентов, недавно приобретших гражданство Российской Федерации, а также обеспечивает рациональный подбор методов и методик, направленных на ускорение их адаптации к новым социальным и культурным условиям.

Временные перспективы и жизненные стратегии студентов-психологов: теоретический анализ

Изучение временных перспектив и жизненных стратегий приобретает особую значимость в условиях трансформации социально-экономической и геополитической реальности. В своей работе Д.А. Леонтьев подчеркивает важность понимания динамики смысловой реальности личности, где временная перспектива выступает как ключевой компонент личностной ориентации, отражая отношение человека к прошлому, настоящему и будущему. Она создает основу для формирования жизненных стратегий, определяющих поведение и мотивацию (Леонтьев, 2019).

Близкой по мысли, по мнению Е.В. Черного и О.Р. Тучиной, к смысловой реальности личности, описанной Д.А. Леонтьевым, выступает жизненный проект личности, он обозначает внутреннюю программу или стратегию, которую каждый психически здоровый человек формирует сознательно или подсознательно для построения своей жизни. Этот термин охватывает широкий диапазон проявлений, включая ранние бессознательные цели, которые формируются в детском возрасте, и более зрелые стратегии, характерные для взрослых (Черный & Тучина, 2020).

В работах Ю.А. Зубок и Н.А. Селиверстовой большой акцент сделан на смысловых компонентах постсоветской Украины и социокультурных барьерах, связанных с языковыми особенностями, которые влияют на жизненные стратегии и перспективы студентов из разных регионов. В работе делается акцент на роль смысловых компонентов образа будущего для молодежи, связывая их с личностной

идентичностью и социализацией. В условиях региональных различий, этот образ может приобретать специфические характеристики, влияющие на жизненные стратегии (Зубок & Селиверстова, 2022).

И.С. Морозова в своей статье делает вывод, что успех и удовлетворение жизнью зависят от постановки и реализации определенных целей. Положительные стратегии связывают с достижением моральных ценностей, а негативные — с низкими показателями благосостояния, самооценки и высоким уровнем тревоги и депрессии (Морозова & Евсеенкова, 2017).

Стратегии — это системы способов реагирования и поведения человека в различных ситуациях, определяющие его адаптацию и успех. Т.В. Примаков в исследовании анализировала целеустремленность, гибкость и поддержку, как одни из важных компонентов. Она считала, что жизненная перспектива, которая связывалась с видением будущего, неразрывно связана с жизненной стратегией, с осознанно выбранным человеком жизненным курсом, основанным на его убеждениях, ценностях и целях (Примаков, 2008).

Анализ данных, представленных в исследованиях, посвященных молодежи XXI века и студентам-психологам, показывает, что студенты сталкиваются с большей степенью неопределенности и вызовами адаптации, в том числе в связи с региональной спецификой, социальной нестабильностью и культурной дивергенцией. Так, в статье С.В. Андреевой, акцент сделан на влияние личностных черт и свойств по отношению индивидов к неопределенности, особенно в молодежной среде (Андреева, 2017). М.О. Головань, подчеркивает необходимость комплексного подхода к обучению, включая развитие эмоциональных, познавательных и технологических компетенций студентов-психологов (Головань, 2017). О необходимости системного развития профориентационной и психологической поддержки студентов на всех этапах профессионального становления пишут В.В. Катунова, Н.И. Дунаева, А.В. Барсуков (Катунова и др., 2018). Исследуя вопрос неопределенности, было выявлено, что студентов пугает не сама неопределенность, а то, что ситуация кажется запутанной и непонятной. А также было установлено, что чем яснее и привычнее обстановка, тем охотнее такой человек готов воспринимать неопределенные ситуации как что-то интересное или даже желательное (Лазюк, 2020).

В статье Т.В. Левченко и Я.В. Шевцовой сделан акцент на важности привития ценностно-смыслового ориентира в воспитании будущих специалистов в области психологии, а именно укреплению и популяризации традиционных семейных и культурных ценностей, реализации творческого, духовного, научного, политического, культурного потенциала (Левченко & Шевцова, 2024).

В статье И.В. Самаркиной и соавторов, было выявлено, что большинство подростков не строят долгосрочные планы из-за неопределенности и экзистенциальных угроз, связанных с военными действиями. Молодежь связывает личное будущее с геополитическими процессами. В краткосрочной перспективе подростки ориентируются на учебу и профессиональное развитие, но с сильной привязкой к России (Самаркина и др., 2024).

Е.А. Шанц выделяет инициативу как важную составляющую социальной активности личности, что способствует формированию более гибких и устойчивых

жизненных стратегий у студентов, живущих в новых региональных условиях (Шанц, 2011).

На основе анализа концепции стратегии жизни, К.А. Абульханова-Славская подчеркивала, что у молодых людей формируются различные временные установки, связанные с ориентацией на будущее или сохранением текущего состояния. В условиях региональной неопределенности преобладают стратегии ориентации на перспективу и развитие, что подтверждается данными исследований о психологической зрелости и профессиональной идентичности студентов-психологов. (Абульханова-Славская, 1991).

По данным исследований Н.Б. Карабущенко и М.В. Стефанишина, у студентов наблюдается повышенный уровень стресса, где важную роль играют психологические механизмы (Карабущенко & Стефанишина, 2018), а также использование защитных стратегий и инициативы, которые позволяют студентам формировать адаптивные жизненные стратегии в условиях повышенной социальной и профессиональной неопределенности (Сергеев, 2023).

На наш взгляд, особое значение имеет развитие профессиональной рефлексии, включающее осмысление будущего вокруг профессиональной деятельности и личных целей. Данного мнения придерживается и Т.М. Щеголева, она пишет, что развитие рефлексии способствует более глубокому овладению знаниями и профессиональными навыками, которые в дальнейшем смогут использоваться студентами в работе (Щеголева & Тетерина, 2008).

Таким образом, мы заключаем, что развитие временной перспективы у студентов-психологов предполагает формирование стратегий, ориентированных на достижение профессиональных целей, личностного роста и социальной активности. Важно создать условия для формирования смыслообразующих ценностей, способных мотивировать к активной личности и инициативе, что подтверждается данными о ценностных ориентациях и жизненных стратегиях.

Методы

Нами было проведено исследование временных перспектив и жизненных стратегий студентов-психологов из новых регионов и мигрантов, а также других территорий России (коренные жители).

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие студенты-психологи очного и очно-заочного отделений, бакалавры 1–4 курсов, а также магистры 1–3 курсов Херсонского государственного педагогического университета, всего объем выборки составил $N = 135$ респондентов, часть из которых составляли коренные жители — 72,59 %, родившиеся в Российской Федерации (включая Крым), вторая часть мигранты — 6,67 %, сменившие место жительства на РФ (не более пяти лет назад), и жители новых территорий — 20,74 % (проживают на территории, вошедшей в состав РФ после февраля 2022 г.), всего вторая группа составляет 27,41 % от общей выборки. Инструментом выступила разработанная к исследованию авторская анкета, включающая 33 пункта, сформулированных на основе теоретического анализа концепций временной перспективы (Леонтьев, 2019) и жизненных стратегий (Абульханова-Славская, 1991). Ответы оценивались по пятибалльной шкале Лайкерта (1 — «полностью не согласен», 5 — «полностью согласен»).

Данная анкета была разделена на три основных блока и дополнительные вопросы.

Первый блок выявляет отношение к прошлому, к этому блоку относятся вопросы с 1 по 6. Второй блок направлен на ориентацию на настоящее, к нему относятся вопросы с 7 по 10. Третий блок позволяет оценить ориентацию на будущее, к этому блоку относятся вопросы с 11 по 16. Дополнительно были заданы вопросы на навыки планирования: вопросы 17–22. Эти показатели показывают навыки, влияющие на эффективность управления будущим. Вопросы к категории «Жизненный проект» — 23–27. Эти вопросы связаны с общей уверенностью в планах и долгосрочном развитии. Также нам было важно выявить готовность к неопределенности — ответы на вопросы 28–30. Данные вопросы позволяли оценить уровень принятия риска и изменений, что в свою очередь отражает адаптивность респондентов. Вопрос 31 был направлен на ресурсы. Этот показатель важен для оценки потенциала успешного достижения целей. Также мы создали открытые вопросы для возможности описать будущее респондентам. К этим вопросам относятся номера 32, 33. Здесь мы смогли оценить образность и реалистичность представлений о будущем.

Для сравнения результатов студентов-психологов первой группы, состоящей из мигрантов и жителей новых регионов РФ, и второй группы, включающей студентов — коренных жителей РФ, по ключевым аспектам анкеты нами были рассчитаны средние показатели по отдельным блокам. В частности, для первого блока были выделены вопросы с 1 по 6; для каждого вопроса определялся средний ответ у каждой из двух групп, после чего осуществлялось объединение данных путем суммирования и последующего деления на количество вопросов, что позволяло получить средний показатель по первому блоку.

Аналогично выполнена обработка данных для второго блока, включающего вопросы с 7 по 10, а также третьего блока, содержащего вопросы с 11 по 16.

Результаты

Анализ данных, представленный в таблице 1, свидетельствует о том, что обе группы характеризуются высокими показателями восприятия прошлого и настоящего, восприятие будущего имеет наименьший средний балл, что указывает на меньшую уверенность или неопределенность в отношении будущих событий. Различия между группами касаются восприятия прошлого и настоящего, тогда как будущее воспринимается примерно одинаково обеими группами. Высокая позитивная оценка прошлого у студентов-мигрантов и студентов из новых регионов может свидетельствовать не о благополучии прошлого опыта как такового, а о когнитивной стратегии его переосмысления как ресурса для дальнейшего личностного роста.

Мы можем сделать вывод о более высоком уровне адаптивности студентов из новых регионов, проявляющийся через их позитивное отношение к прошлому и сосредоточенность на текущем моменте, это хорошо видно на рис. 1. Такая психологическая конституция может служить важным фактором успешной интеграции в условиях динамично меняющейся среды.

В ходе исследования были выделены наиболее положительно выраженные (высокие) и наименее выраженные (низкие) ответы по каждому вопросу в пределах соответствующих блоков. В таблице 2 представлены средние показатели

временных перспектив для двух групп респондентов: студентов-мигрантов и жителей новых регионов Российской Федерации, а также студентов, являющихся коренными жителями страны.

Анализ данных, отраженных в таблице 2, показал различия в выраженности временных ориентаций (прошлое, настоящее, будущее) у коренных жителей. В блоке, отражающем **ориентацию на прошлое**, наиболее низкие средние значения были зафиксированы по следующим утверждениям: *«Мои прошлые неудачи часто мешают мне действовать в настоящем»* (2,35) и *«Мне трудно отпустить негативные события из прошлого»* (2,59), что указывает на относительно слабую выраженность негативной ретроспективной фокусировки. В то же время положительная ориентация на прошлое была выражена значительно сильнее: утверждение *«Мне важно учитывать полученный в результате ошибок опыт для развития»* получило самое высокое значение в этом блоке (4,18).

В блоке **ориентации на настоящее** наименьший уровень согласия был зафиксирован по утверждению *«От будущего мало что зависит, поэтому я не строю далеко идущих планов»* (2,56), что может свидетельствовать о склонности к планированию, несмотря на фокус на текущем моменте. Наиболее высокий балл в этом блоке получен по утверждению *«Обычно я сосредоточен на текущих делах и задачах»* (3,96), что подчеркивает выраженную приверженность участниками повседневной активности и актуальным задачам.

Таблица 1

Средний показатель временных перспектив у студентов-психологов
(группа 1 — студенты-мигранты и жители новых регионов РФ,
группа 2 — студенты, относящиеся к коренным жителям РФ)

Параметр	Группа 1	Группа 2
Прошлое (средний балл)	3,56	3,32
Настоящее (средний балл)	3,56	3,38
Будущее (средний балл)	3,16	3,15

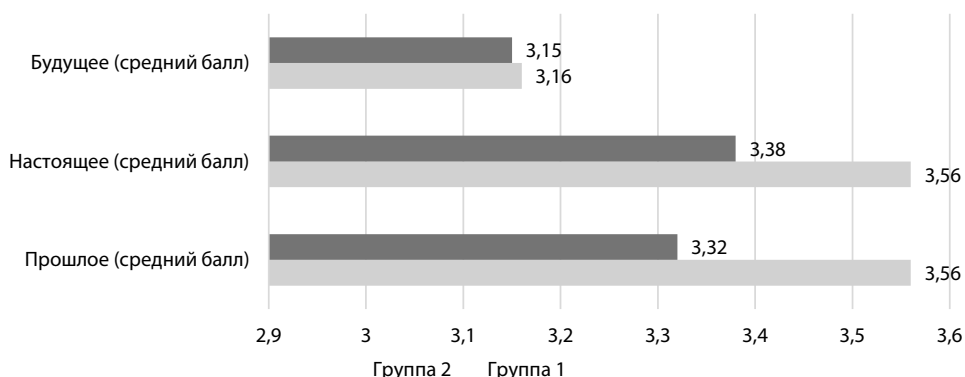

Рис. 1. Средний показатель временных перспектив у студентов-психологов
(группа 1 — студенты-мигранты и жители новых регионов РФ группа, 2 — студенты,
относящиеся к коренным жителям РФ)

Таблица 2

**Средний показатель временных перспектив у студентов-психологов
(группа 1 — студенты-мигранты и жители новых регионов РФ,
группа 2 — студенты, относящиеся к коренным жителям РФ)**

Утверждение	Группа 1	Группа 2
Блок № 1. Ориентации на прошлое		
Мои прошлые неудачи часто мешают мне действовать в настоящем	2,68 Низкий показатель	2, 35 Низкий показатель
Мне трудно отпустить негативные события из прошлого	X	2, 59 Низкий показатель
Мне важно учитывать полученный в результате ошибок опыт для развития	4,16 Высокий показатель	4,18 Высокий показатель
Мне важно учиться на своих ошибках	2,05 Высокий показатель	X
Блок № 2. Ориентации на настоящее		
От будущего мало что зависит, поэтому я не строю далеко идущих планов	X	2,56 Низкий показатель
Я предпочитаю жить сегодняшним днем и не думать о далеких последствиях	3,35 Низкий показатель	X
Обычно я сосредоточен на текущих делах и задачах	4,03 Высокий показатель	3,96 Высокий показатель
Блок № 3. Ориентации на будущее		
Мысль о необходимости планировать будущее вызывает у меня стресс	2,51 Низкий показатель	2,31 Низкий показатель
Я часто сомневаюсь, что мои планы на будущее реализуются	2,57 Низкий показатель	2,39 Низкий показатель
У меня есть ясные и конкретные планы на будущее	3,67 Высокий показатель	3,85 Высокий показатель

Что касается **ориентации на будущее**, то наименьшие значения были получены по утверждениям, отражающим тревожное или неуверенное отношение к будущему: «Мысль о необходимости планировать будущее вызывает у меня стресс» (2,31) и «Я часто сомневаюсь, что мои планы на будущее реализуются» (2,39). В то же время позитивная и целенаправленная ориентация на будущее была выражена достаточно четко: утверждение «У меня есть ясные и конкретные планы на будущее» получило высокий средний балл (3,85).

Таким образом, у коренных жителей наблюдается преобладание позитивной временной ориентации как в отношении прошлого, так и будущего, при одновременно высокой концентрации на настоящем. Негативные аспекты временной перспективы выражены слабо.

Анализ показателей временной перспективы у студентов-мигрантов и студентов, проживающих в новых регионах, выявил характерные особенности их отношения к прошлому, настоящему и будущему.

В блоке **ориентации на прошлое** наиболее высокие средние значения были получены по утверждениям, отражающим конструктивное отношение к прошлому опыту: «Мне важно учитывать полученный в результате ошибок опыт для развития» (4,16) и «Мне важно учиться на своих ошибках» (4,05). Это свидетельствует

о склонности участников к рефлексии и использованию прошлого как ресурса личностного роста. В то же время наименьший уровень согласия был зафиксирован по утверждению *«Мои прошлые неудачи часто мешают мне действовать в настоящем»* (2,68), что указывает на слабую выраженность негативной ретроспективной фокусировки и отсутствие значимого влияния прошлых неудач на текущую активность.

По шкале **ориентации на настоящее** наибольшее значение получило утверждение *«Обычно я сосредоточен на текущих делах и задачах»* (4,03), что подчеркивает высокий уровень вовлеченности респондентов в повседневную деятельность. Наименьший балл в этом блоке был зафиксирован по утверждению *«Я предпочитаю жить сегодняшним днем и не думать о далеких последствиях»* (3,35), что может интерпретироваться как надежда в большинстве случаев на светлое будущее.

В блоке ориентации на будущее наиболее низкие значения наблюдались по утверждениям, связанным с тревогой и неуверенностью: *«Мысль о необходимости планировать будущее вызывает у меня стресс»* (2,51) и *«Я часто сомневаюсь, что мои планы на будущее реализуются»* (2,57). Наибольшее количество баллов по шкале вызвали утверждения *«Мысли о будущем вызывают у меня скорее спокойствие и уверенность, чем тревогу»* (3,76) и *«У меня есть ясные и конкретные планы на будущее»* (3,67). Это указывает на наличие у студентов-мигрантов и лиц, адаптирующихся к новым регионам, четкой целеполагающей стратегии и оптимистичного взгляда на будущее.

Таким образом, у данной группы респондентов наблюдается преобладание конструктивных временных установок: позитивное и обучающее отношение к прошлому, несмотря на то, что респондентов волнует вопрос допущенных ошибок в прошлом, высокая концентрация на текущих задачах при одновременном осознанном подходе к будущему, сформулированному через конкретные цели и эмоциональное спокойствие.

Представленные в таблице 2 результаты анализа первых трех блоков анкетирования позволяют констатировать, что первая группа демонстрирует более высокие показатели навыков планирования (3,77) в отличие от второй группы, где аналогичный показатель ниже (3,49). Это означает, что студенты-мигранты и жители новых регионов отличаются лучшей способностью планировать свое будущее, ставить цели и разрабатывать стратегии их достижения. Жизненный проект — практически одинаковый уровень обеих групп (3,78 — у первой группы и 3,76 — у второй группы). Этот показатель отражает общие взгляды на собственную жизнь и карьеру, демонстрируя отсутствие значительных различий между двумя группами. Показатель готовности к неопределенности у первой группы (3,52) незначительно

Таблица 3

Средний показатель жизненных стратегий студентов-психологов (группа 1 — студенты-мигранты и жители новых регионов РФ, группа 2 — студенты, относящиеся к коренным жителям РФ)

Стратегия	Группа 1	Группа 2
Навыки планирования	3,77	3,49
Жизненный проект	3,78	3,76
Готовность к неопределенности	3,52	3,38

выше, чем у второй группы (3,38). Это указывает на большую гибкость и устойчивость к изменениям у студентов-мигрантов и жителей новых регионов.

На рис. 2 видно, что студенты из первой группы (мигранты и жители новых регионов) обладают более высокими показателями по навыкам планирования и готовности к неопределенности, что может быть связано с их опытом адаптации и необходимостью справляться с новыми вызовами. В то же время обе группы демонстрируют схожие представления о жизненном проекте, что указывает на отсутствие значительных различий в их взглядах на будущее.

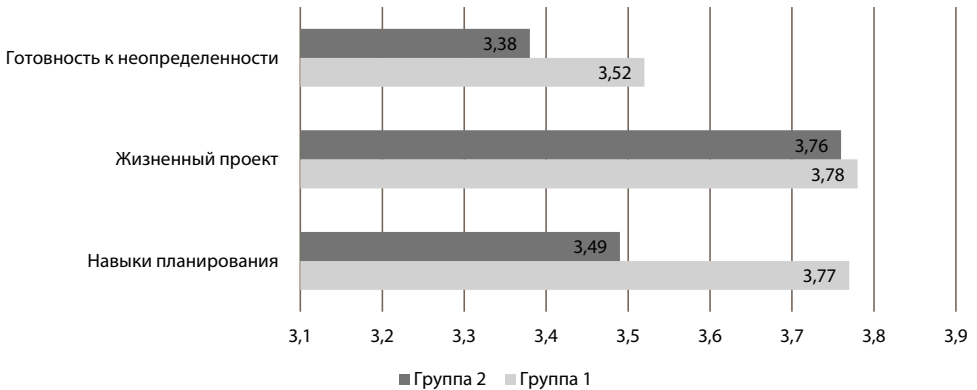

Рис. 2. Средний показатель жизненных стратегий студентов-психологов (группа 1 — студенты-мигранты и жители новых регионов РФ, группа 2 — студенты, относящиеся к коренным жителям РФ).

Таблица 4

Средний показатель жизненных стратегий студентов-психологов (группа 1 — студенты-мигранты и жители новых регионов РФ, группа 2 — студенты, относящиеся к коренным жителям РФ)

Утверждение	Группа 1	Группа 2
Блок № 1. Навык планировать		
Я умею ставить перед собой конкретные, измеримые цели	4,24 Высокий показатель	3,97 Высокий показатель
У меня есть список целей на ближайший год	3,13 Низкий показатель	2,23 Низкий показатель
Блок № 2. Жизненный проект		
Я предпринимаю конкретные шаги для реализации своих долгосрочных целей	3,92 Высокий показатель	Х
Мои планы на будущее или стратегия действий четко сформулированы и осознаны мной	Х	3,67 Низкий показатель
Я строю планы или мечты, связанные с развитием своей профессиональной деятельности	3,64 Низкий показатель	3,91 Высокий показатель
Блок № 3. Готовность к неопределенности		
Если планы рушатся, я быстро могу найти новый путь	3,95 Высокий показатель	3,77 Высокий показатель
Неопределенность будущего меня скорее пугает, чем вдохновляет	2,78 Низкий показатель	2,69 Низкий показатель

Эмпирический анализ данных, отображающийся в таблице 4, показывает, что в блоке **«Навык планировать»** по студентам-мигрантам и жителям новых регионов РФ обнаружен наиболее высокий балл (4,24), зафиксирован по утверждению *«Я умею ставить перед собой конкретные, измеримые цели»*. Это свидетельствует о развитой способности видения планов в практической реализации деятельности. Мы можем предположить, что испытуемые четко представляют желаемый исход, что позволяет им строить эффективные программы поведения.

Однако значительно ниже оценка утверждения *«У меня есть список целей на ближайший год»* (3,13). Это указывает на слабую выраженность временной структуризации жизненного проекта. Мы можем предположить, что студенты способны формулировать цели, они не всегда интегрируют их в устойчивую временную матрицу. Возможно, это связано с нестабильностью внешних условий (миграционный статус, адаптация к новому региону), что затрудняет долгосрочное планирование.

В блоке **«Жизненный проект»** наблюдается незначительная разница в ответах, однако здесь выявляются важные тенденции. Наибольшую положительную оценку получило утверждение *«Я предпринимаю конкретные шаги для реализации своих долгосрочных целей»* (3,92), что говорит о высокой степени поведенческой вовлеченности в реализацию жизненного проекта. В то же время незначительно, но наименьший балл в блоке (3,64) получен по утверждению *«Я строю планы или мечты, связанные с развитием своей профессиональной деятельности»*. Результаты могут указывать на разрыв между общей жизненной активностью и профессиональной идентичностью. Возможно, студенты еще не адаптировались к профессиональным возможностям РФ, так как на данный момент еще являются студентами и испытывают сложности в прогнозировании, опираясь на свой прошлый жизненный опыт.

Результаты блока **«Готовность к неопределенности»** показал, что наиболее выраженным качеством является утверждение *«Если планы рушатся, я быстро могу найти новый путь»* (3,95). Это свидетельствует о высокой пластичности, способности к перестройке программы поведения при изменении условий. Такая гибкость может быть результатом развитой за последние годы, в связи с глобальными изменениями в геополитике, адаптивной способностью и является критически важной для лиц, находящихся в ситуации социальной и географической мобильности. Напротив, утверждение *«Неопределенность будущего меня скорее пугает, чем вдохновляет»* получило самый низкий балл (2,78), что указывает на преобладание конструктивного отношения к неопределенности. Мы можем сделать вывод, что это не просто отсутствие тревоги, но и потенциальная готовность использовать неопределенность как пространство для поиска новых решений, возможность для роста и совершенствования себя.

Результаты исследования блока **«Навык планировать»** у студентов-психологов, относящихся к коренным жителям РФ, показал наиболее высокий балл (3,97) по утверждению *«Я умею ставить перед собой конкретные, измеримые цели»*. Это может показывать, как и в первой группе, на развитую способность к практической, измеримой деятельности. С небольшой разницей, но по данному блоку наиболее низкую оценку получило утверждение *«У меня есть список целей на ближайший год»* (3,23). Во второй группе наиболее низкий результат у того же

утверждения, как и в первой группе, однако показатель незначительно выше. Это может быть свидетельством неуверенности в будущем, провоцируемым фактором нестабильности в государстве.

Блок **«Жизненный проект»** выявил небольшой разброс показателей, однако и здесь выявляются важные акценты. Наибольшую оценку получило утверждение *«Я строю планы или мечты, связанные с развитием своей профессиональной деятельности»* (3,91). Это говорит о том, что профессиональная сфера выступает в качестве доминирующего мотива для студентов-психологов, проживающих на постоянной основе в РФ. В то же время наименьший балл (3,67) зафиксирован по утверждению *«Мои планы на будущее или стратегия действий четко сформулированы и осознаны мной»*. Низкий показатель по данному вопросу может указывать на недостаточную интеграцию мотива с программой действия. Возможно, студенты-психологи не видят ясно будущего из-за политических проблем в стране.

Результаты последнего блока **«Готовность к неопределенности»** во второй группе выявил схожие результаты с первой группой, так, наиболее значимым выражением является *«Если планы рушатся, я быстро могу найти новый путь»* (3,77). Это свидетельствует о высокой способности к адаптации в новых условиях. Мы можем заключить, что студенты-психологи РФ, обладают высокими показателями адаптивности, вне зависимости от места проживания или длительности. Что скорее всего обусловлено положением в стране. Как и утверждение *«Неопределенность будущего меня скорее пугает, чем вдохновляет»*, практически идентично первой группе, набрало наиболее низкий показатель (2,69), что указывает на преобладание конструктивного отношения к неопределенности.

Студенты-мигранты и жители новых регионов проявляют более развитые навыки планирования и повышенную готовность к неопределенности, что, вероятно, обусловлено необходимостью адаптации к новым социальным, культурным и правовым условиям. Выявлено, что обе группы одинаково слабо используют годовое планирование, что может отражать общую нестабильность внешней среды и снижение уверенности в долгосрочных прогнозах. Тем не менее способность ставить конкретные цели и оперативно перестраивать планы при изменении обстоятельств остается высокой у всех участников.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что современные студенты-психологи, независимо от места рождения и продолжительности проживания в регионе, обладают высоким уровнем адаптивности и рефлексивности, что позволяет им эффективно строить жизненные стратегии даже в условиях неопределенности.

Результаты исследования частично подтверждают гипотезу о том, что опыт миграции и адаптации к новым условиям способствует формированию более гибкой и ресурсной временной перспективы, особенно в аспектах, связанных с планированием и принятием неопределенности. Такие результаты могут служить основой для дальнейшего исследования и разработки программ поддержки студентов, учитывая политические особенности государства, способствующие более эффективной социализации и профессиональной реализации.

Список источников

- Абульханова-Славская, К. А. (1991). *Стратегия жизни*. М.: Мысль, 299. EDN: SGBTRN
- Андреева, С. В. (2017). Теоретико-методологические аспекты исследования темных и светлых черт личности. В *Материалы 67-й научно-практической конференции преподавателей и студентов: В 2-х частях, Благовещенск, 19 апреля 2017 года. Часть I* (с. 12–16). — Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 356. EDN: YPLDYN
- Головань, М. А. (2017). Жизненные стратегии в юношеском возрасте как объект профессиональной деятельности психолога сферы образования. В *Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания : XIV Международная научная конференция: в 2-х частях, Москва, 14–16 декабря 2017 года. Том Часть 1*. (pp. 263–269). Москва: Московский гуманитарный университет, 597. EDN: KZHWWD
- Карабущенко, Н. Б., Стефанишина, М. В. (2018). Особенности преодоления стресса студентами-психологами. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2(214), 77–83. EDN: XWIYOT
- Катунова, В. В., Дунаева, Н. И., & Барсуков, А. В. (2018). Мотивы выбора и образ профессии как факторы профессиональной ориентации (на примере профессии психолога). В *Развитие высшего профессионального психолого-педагогического образования: тенденции и перспективы* (с. 88–94). Ялта: Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», 236. EDN: XUXZTV
- Лазюк, И. В. (2020). Исследование толерантности к неопределенности у студентов. *Reflexio*, 13(1), 21–31. <http://doi.org/10.25205/2658-4506-2020-13-1-21-31>
- Левченко, Т. В., Шевцова, Я. В. (2024). Ценностные ориентации студентов-психологов в современных реалиях российского общества (на примере студентов ХГПУ). В *Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация: материалы XIII Международной научно-практической конференции, Владимир, 28–29 марта 2024 года* (с. 283–287). Владимир: Транзит-ИКС, 398. EDN: LXOIME
- Леонтьев, Д. (2019). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. М: Смысл, 582.
- Морозова, И. С., Евсеенкова, Е. В. (2017). Жизненные стратегии студентов-психологов. *Общество: социология, психология, педагогика*, (6), 20–24. <http://doi.org/10.24158/spp.2017.6.3>
- Примаков, Т. В. (2008). Жизненные стратегии в системе жизненного ориентирования личности: социологический аспект. *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Ч. 1*. (с. 72–75). Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 327.
- Самаркина, И. В., Башмаков, И. С., Колозов, Д. П. (2024). Образ будущего в субъективном пространстве политики новых граждан РФ: опыт эмпирического исследования молодежи новых регионов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(2), 373–388. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-373-388>
- Сергеев, В. Д. (2023). Взаимосвязь копинг-стратегий и типов психологических защит у студентов-психологов. *CETERIS PARIBUS*, 9, 93–97. EDN: OVXKQW
- Черный, Е. В., Тучина, О. Р. (2020). Исследование жизненных проектов молодежи Крыма. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, 6(3), 127–148.
- Шанц, Е. А. (2011). Характеристика инициативы как формы социальной активности личности. *Наука и школа*, (6), 100–102. EDN: OOFZVZ

Щеголева, Т. М., Тетерина, Н. А. (2008). Профессиональное мышление будущих психологов и роль рефлексии в его развитии. В *Профессиональном становлении будущих психологов* (с. 22–32). Иркутск: Иркутский государственный университет, 124. EDN: DRFFQE

References

Abulkhanova-Slavskaya, K. A. (1991). *Strategiya zhizni [Life Strategy]*. Moscow: Izdatelstvo Mysl, 299. EDN: SGBTRN (In Russ.)

Andreeva, S. V. (2017). Theoretical and Methodological Aspects of the Study of «Dark» and «Light» Personality Traits. In *Materialy` 67-j nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej i studentov: V 2x chastyax, Blagoveshchensk, 19 aprelya 2017 goda. Tom Chast` I [Proceedings of the 67th Scientific and Practical Conference of Teachers and Students: In 2 Parts, Blagoveshchensk, April 19, 2017. Vol. Part I]* (pp. 12–16). — Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 356. EDN: YPLDYN (In Russ.)

Cherny, E. V., & Tuchina, O. R. (2020). A Study of Life Projects of Crimean Youth. *Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni VI Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psixologiya [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]*, 6(3), 127–148. (In Russ.)

Golovan, M. A. (2017). Life Strategies in Adolescence as an Object of Professional Activity of an Educational Psychologist. In *Vy`shee obrazovanie dlya XXI veka: problemy` vospitaniya : XIV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya: v 2-x chastyax, Moskva, 14–16 dekabrya 2017 goda. Tom Chast` 1 [Higher Education for the 21st Century: Problems of Education: XIV International Scientific Conference: in 2 parts, Moscow, December 14–16, 2017. Volume Part 1]* (pp. 263–269). Moscow: Moscow University for the Humanities, 597. EDN: KZHWWD (In Russ.)

Karabushchenko, N. B., & Stefanishina, M. V. (2018). Peculiarities of overcoming stress by students-psychologists. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik Orenburg State University]*, 2(214), 77–83. EDN: XWIYOT (In Russ.)

Katunova, V. V., Dunaeva, N. I., & Barsukov, A. V. (2018). Motives for Choice and Profession Image as Factors in Career Orientation (using the Profession of Psychologist as an Example). In *Razvitie vy`shego professional`nogo psixologo-pedagogicheskogo obrazovaniya: tendencii i perspektivy` [Development of Higher Professional Psychological and Pedagogical Education: Trends and Prospects]* (pp. 88–94). Yalta: Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education «V. I. Vernadsky Crimean Federal University», 236. EDN: XUXZTV (In Russ.)

Laziuk, I. V. (2020). A Study of Uncertainty Tolerance in Students. *Reflexio*, 13(1), 21–31. <http://doi.org/10.25205/2658-4506-2020-13-1-21-31> (In Russ.)

Leontyev, D. (2019). *Psixologiya smy`sla: priroda, stroenie i dinamika smy`slovoj real`nosti [The Psychology of Meaning: The Nature, Structure, and Dynamics of Meaningful Reality]*. Moscow: Smysl, 582. (In Russ.)

Levchenko, T. V., & Shevtsova, Ya. V. (2024). Value Orientations of Psychology Students in the Modern Realities of Russian Society (on the Example of Students of KSPU). In *Molodyozh` i budushhee: professional`naya i lichnostnaya samorealizaciya: materialy` XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Vladimir, 28–29 marta 2024 goda [Youth and the Future: Professional and Personal Self-Realization: Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference, Vladimir, March 28–29, 2024]* (pp. 283–287). Vladimir: Transit-ICS, 398. EDN: LXOIME (In Russ.)

Morozova, I. S., & Evseenkova, E. V. (2017). Life Strategies of Students Majoring in Psychology. *Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy]*, (6), 20–24. <http://doi.org/10.24158/spp.2017.6.3> (In Russ.)

Primak, T. V. (2008). Life Strategies in the System of Personality Life Orientation: A Sociological Aspect. In *Kul`tura, lichnost`, obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opy`t e`mpiricheskogo*

issledovaniya. Ch. 1. [Culture, Personality, and Society in the Modern World: Methodology and Empirical Research Experience. Part 1.] (pp. 72–75). Yekaterinburg: A. M. Gorky Ural State University, 327. (In Russ.)

Samarkina, I. V., Bashmakov, I. S., & Kolozov, D. P. (2024). The Image of the Future in the Subjective Space of Politics of New Citizens of the Russian Federation: Experience of Empirical Research of Youth in New Regions. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Politologiya [RUDN Journal of Political Science]*, 26(2), 373–388. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-373-388> (In Russ.)

Sergeev, V. D. (2023). Relationship of Coping Strategies and Types of Psychological Defense in Psychology. *CETERIS PARIBUS*, 9, 93–97. EDN: OVXQW

Shants, E. A. (2011). The Initiative Characteristic As The Form Of The Social Activity of the Personality. *Nauka i shkola [Science and School]*, (6), 100–102. EDN: OOFZV (In Russ.)

Shchegoleva, T. M., & Teterina, N. A. (2008). Professional Thinking of Future Psychologists and the Role of Reflection in Its Development. In *Professional`nom stanovlenii budushhix psixologov [Professional Development of Future Psychologists (pp. 22–32). Irkutsk: Irkutsk State University]*, 124. EDN: DRFFQE (In Russ.)

Щукина Алёна Ивановна — студент, кафедра прикладной психологии и развития личности, Институт психологии, ФГБОУ ВО «ХГПУ»; <https://orcid.org/0009-0007-1756-3159> (Российская Федерация, г. Херсон, ул. Университетская, 27, e-mail: 9266502699@mail.ru).

Шуленина Оксана Вячеславовна — студент, кафедра прикладной психологии и развития личности, Институт психологии, ФГБОУ ВО «ХГПУ»; <https://orcid.org/0009-0008-7309-9028> (Российская Федерация, г. Херсон, ул. Университетская, 27).

Задорожнюк Надежда Владимировна — преподаватель, кафедра общей и социальной психологии, Институт психологии, ФГБОУ ВО «ХГПУ»; <https://orcid.org/0009-0001-1007-2046> (Российская Федерация, г. Херсон, ул. Университетская, 27).

Alyona I. Shchukina — Student, Department of Applied Psychology and Personality Development, Institute of Psychology; Kherson State Pedagogical Univ.; <https://orcid.org/0009-0007-1756-3159> (27, Universitetskaya Str., Kherson, Russian Federation, e-mail: 9266502699@mail.ru).

Oksana V. Shulenina — Student, Department of Applied Psychology and Personality Development, Institute of Psychology; Kherson State Pedagogical Univ.; <https://orcid.org/0009-0008-7309-9028> (27, Universitetskaya Str., Kherson, Russian Federation)

Nadezhda Vladimirovna Zadorozhnyuk — Lecturer, Department of General and Social Psychology, Institute of Psychology; Kherson State Pedagogical Univ.; <https://orcid.org/0009-0001-1007-2046> (27, Universitetskaya Str., Kherson, Russian Federation).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 376.6+377.2+ 37.013.78+316.45

JEL classification: I21, J44, J61

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-3-3>

Школьники без аттестата в Свердловской области: миграционные установки и профессиональный выбор¹

Д. М. Латышев^a

^a Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-6756-6557>

Автор для корреспонденции: Д.М.Латышев (dimlatysh@gmail.com).

Аннотация. В статье представлено исследование миграционных установок специфической младшей молодежной группы — школьников без аттестата. Благодаря программе «Первая профессия» они получают профессиональное обучение и, в отличие от многих сверстников, быстрее оказываются на рынке труда. В силу быстрого выхода на рынок труда и специфического социально-экономического состояния часть их потребностей выражается в миграционных настроениях, касающихся отходничества. Для подробного анализа их специфики было проведено анкетирование доступной части социальной группы. По итогам изыскания установлено, что большая часть из них склонна к трудовой мобильности, при этом готовы к релокации больше девушки, чем юноши. Однако наиболее вероятна она для юношей, большая часть которых уже имела опыт миграции в прошлом и может использовать полученный опыт для отходничества в более крупные города. Выявлена рыхлость миграционных установок школьников без аттестата. Обусловлена она слабой информированностью о крупных компаниях региона и несформированностью четких образовательных и карьерных траекторий, что упирается в слабую базовую подготовку. С одной стороны, результаты исследования могут применяться для управленческих решений в образовательной политике региона, совершенствования программы «Первая профессия»; с другой стороны, они также требуют дополнительных исследований в сфере профессиональных интересов школьников без аттестата и профессиональных ожиданий работодателей.

Ключевые слова: профессиональное обучение; миграционные установки; отходничество; школьники без аттестата; первая профессия.

Schoolchildren without a certificate in the Sverdlovsk region: migration attitudes and professional choice

D. Latyshev^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-6756-6557>

Corresponding author: D. Latyshev (dimlatysh@gmail.com).

Abstract. The article presents a study of migration attitudes of a specific younger youth group — schoolchildren without a certificate. Thanks to the First Profession program, they receive vocational training and, unlike many of their peers, find themselves on the labor market faster. Due to the rapid entry into the labor market and the specific socio-economic situation, some of their needs are expressed in migration attitudes regarding otkhodnichestvo. For a detailed analysis of their specifics, a survey of the available part of the social group was conducted. According to the results of the survey, it was found that most of them are prone to labor mobility, while girls are more likely to relocate than boys, however, it is most likely for boys, most of whom have already had migration experience in the past and can use the experience gained for retreating to larger cities. The looseness of migration

¹ © Латышев Д. М. Текст. 2026.

attitudes of schoolchildren without a certificate has been revealed, it is due to poor awareness of large companies in the region and the lack of clear educational and career trajectories, which is based on poor basic training. On the one hand, the results of the study can be applied to managerial decisions in the educational policy of the region, improving the «First Profession» program, on the other hand, they also require additional research in the field of professional interests of students without a certificate and professional expectations of employers.

Keywords: vocational training, migration attitudes, labor migration, schoolchildren without a certificate, First profession.

Введение

В 2024 г. Правительством Свердловской области был запущен социально значимый проект, направленный на раннюю профессиональную социализацию школьников, которые не получили аттестатов. Эти школьники не получили аттестат в 9 классе по результатам государственной итоговой аттестации (ГИА). В том же году в апробационном режиме в трех крупных городских агломерациях региона — Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Каменске-Уральском — с расчетом на охват в 1 000 несовершеннолетних была запущена программа «Первая профессия». Стоит отметить, что в пробном режиме программа для старопромышленного региона, рассчитанная в том числе на закрытие кадровой потребности массовых профессий, востребованных в регионе (Буглак & Козлова, 2025), была рассчитана лишь на треть школьников, не получивших аттестата (всего без аттестата в регионе было выпущено 4 302 человека, 7,8 % от старшеклассников). С 2025 г. программа реализуется с той же квотой по всем муниципалитетам субъекта РФ. Программы профессиональной подготовки (укороченный трек) реализуются в течение трех месяцев (256 часов), школьники занимаются несколько раз в неделю (в среднем четыре раза в неделю по шесть часов в неделю для возможности совмещения с повторным обучением в школе). При этом стоит заметить, что практики мобильности младших молодежных групп вносят свои коррективы в достижение задач программы. Эти практики мобильности могут быть как по причине отходничества, так и по причине того, что миграционные настроения более свойственны молодежным группам, чем взрослым.

Как видим, в силу слабой подготовки школьники, не получившие аттестата, будут в большей степени склонны к миграционным настроениям, в том числе по причине отходничества. В этой связи возникает вопрос: какова специфика миграционных настроений школьников без аттестата? Данная исследовательская задача предполагает изучение социального портрета школьника без аттестата, его миграционных установок и профессиональных ожиданий.

На протяжении нескольких десятилетий советскими и российскими учеными рассматривались различные аспекты общего и среднего образования, при этом каких-либо исследований, которые бы освещали непосредственно поведенческие данные и ценностные ориентации школьников, которые не получили аттестата, нами не были обнаружены. При этом есть ряд общих социологических выкладок по младшим молодежным группам, которые позволяют в некоторой степени реконструировать имеющиеся пробелы характеристики изучаемой социальной группы.

Опубликованные социологические результаты анализа всероссийских опросов позволяют выявить качественные характеристики, присущие младшим молодежным группам (14–18 лет). Согласно экспертным комментариям, молодые

люди ориентированы на ряд установок, которые предполагают образовательную миграцию (в большей степени) и отходничество:

- 1) быстрое получение образования и быстрое трудоустройство, что обусловлено материальным положением их семьи;
- 2) поиск «комфортной» работы и ориентация на гедонизм;
- 3) высокий зарплатный «аппетит»;
- 4) поиск профессий с «легким» входом, получение быстрого образования;
- 5) социальную защищенность и гарантированный минимум рабочего стажа.

При этом, заглядывая в день нынешний, стоит отметить, что школьники обладают следующими ценностными установками, которые далее отражаются и на их самооценке образования и дальнейшем трудоустройстве:

- высокой самоуверенностью и слабо развитыми установками на самодеятельность;
- слабой мотивацией к «тяжелому» (нагруженному) обучению, слабой базовой подготовкой;
- нерыночными ориентациями на трудовую деятельность (Горшков & Шереги, 2020).

По результатам обзора научной литературы, сделанного социологами Алтайского университета (Шашкова Я. Ю. и др., 2023), было установлено, что в отечественных и зарубежных исследованиях акценты в изучении миграционных процессов младших молодежных групп обычно ставятся в различных комбинациях над миграционными установками жителей (Garcia-Arias et al., 2021), социокультурной идентичностью, социально-экономическим статусом и целевыми установками их территориальной мобильности (Gunkov & Medvedev, 2018). Для нашего исследования острее интереса было направлено на связку миграционных установок и трудовых миграционных процессов как наиболее естественных и привлекательных для школьников без аттестата, однако сама миграционная ориентация на труд по отношению к большинству школьников и старшеклассников является нетипичной и достаточно специфичной для данной социальной группы. Региональные исследователи отмечают, что до 15 % школьников области имеют опыт миграции из городов-сателлитов, около 12 % — из других субъектов РФ (Попов Д. С., 2012). Основными причинами миграции школьники заявляют социально-экономические: карьерные перспективы, трудоустройство по специальности, качество жизни и нужные профили подготовки (Захарова, И. В., 2021).

Материалы и методы

В ноябре — декабре 2025 года было осуществлено социологическое исследование школьников, не получивших аттестата (N=466), отбор доступных случаев (ошибка выборки колеблется от 2,28 % до 4,47 % для долей признака от 10 % до 50 %, достижение выборки — 80,3 %). Полученные данные были поправлены и взвешены в соответствии со стандартами ОИРОМ, что позволяет экстраполировать данные исследования на изучаемую социальную группу.

Результаты и обсуждение

Распределение школьников по полу составило 54,4 % юношей и 45,6 % девушек в возрасте 16–17 лет. Большая часть школьников происходила из Екатеринбурга (52 %) и других областных городов (48 %). Девушки и юноши выбирали себе специальности из перечня, адаптированного к востребованным на рынке труда профессиям. В итоге девушки выбрали сервисные профессии — они пожелали учиться на поваров (14,8 %), кондитеров (5,7 %), парикмахеров (8,2 %), мастеров маникюра, пекарей и кассиров торгового зала (по 3,3 %). Юноши выбрали обучение по техническим профессиям: слесарь по обслуживанию и ремонту оборудования (9,8 %), оператор электронно-вычислительных машин (9 %). Полученные данные частично совпадают и с тенденциями медиапотребления молодежи. В частности, по данным ВЦИОМ, девушки активнее следят за темами здоровья, семьи, культуры и кулинарии, в то время как юноши чаще выбирают технологии, политику и киберспорт (Смак Т., 2025).

На момент проведения замера большая часть школьников не работала (59,6 %), часть занималась подработкой (28,3 %), лишь небольшая доля обученных была уже трудоустроена на полный или неполный рабочий день (9 %). Это объясняется тем, что анкетирование проводилось в период окончания профобучения, и были трудоустроены те школьники, которые уже прошли практику и на месте практики получили оффер. Впоследствии небольшая их часть (более 19 % обученных) трудоустраивается, около 39 % обучаются в колледжах и техникумах. Остальные (42 %) зачисляются в школы и планируют повторно сдать экзамены с лучшими результатами, поступать в вузы они не планируют, хотя и имеют некоторые шансы сделать это. В целом данная ситуация согласуется с жизненными планами школьников без аттестата: еще в начале 9 класса часть из них планировала работать (43 %), часть — поступать в колледжи и техникумы с целью быстро выучиться и начать зарабатывать (40 %). Малая доля будущих школьников без аттестата планировала служить в Вооруженных силах РФ. Еще более меньшая доля планировала поступить в вуз (5 %).

Что касается практик мобильности, то стоит отметить, что часть респондентов уже имела опыт образовательной миграции в центры обучения по программе, но данная практика носила локальный характер и была ограничена рамками муниципалитета или агломерации, например, окрестностями Екатеринбурга (29,5 %). Более длительная образовательная миграция наблюдалась в отношении школьников из небольших населенных пунктов — поселки и деревни (например, трансфер Сабик — Екатеринбург). Доля таких школьников, которые прибыли в образовательные центры из других муниципалитетов, в том числе из других регионов (Белгородская и Архангельская области), составляет всего 7 %. В гендерном аспекте можно подчеркнуть, что про опыт образовательной миграции короткой дистанции заявили больше юноши (58,3 %), чем девушки (41,7 %). Миграция более длительной дистанции характерна чаще для школьниц (79 %). В результате по окончании обучения было выяснено, что те, кто получил опыт образовательной миграции короткой дистанции, преимущественно имели основные рабочие статусы — «не работаю» и «занимаюсь подработкой». Не работали на момент

проведения опроса в большинстве юноши (37,5 %), чем девушки (18,8 %), последние же больше заявляли, что они подрабатывают (22,9 % против 18,8 %).

В целом полученные результаты демонстрируют, что в основном школьники без аттестата настроены на трудовую миграцию: 42,7 % опрошенных готовы переехать в другой город на работу, 26,5 % указали, что они не готовы переезжать в другое место, 30 % еще не приняли решения и затруднились с ответом. Данные ответы могут объясняться тем обстоятельством, что миграционные настроения более свойственны молодежи и постепенно угасают по мере дальнейшего их взросления (Карачурина, Л. Б., 2019). С незначительной разницей более ориентированы на трудовую миграцию девушки (22,8 %) по сравнению с юношами (20,1 %). Последние, вероятно, настроены более скептически к миграции и, предположительно, имеют больше шансов для профессиональной самореализации (14,1 % не намерены уезжать) в родном регионе в силу повышенной самооценки, которая характерна для представителей младших молодежных групп (Кон И. С., 1989). Показательно, что из тех, кто заявил о готовности к переезду, некоторую часть составляют те, кто уже имел опыт миграции (32,9 %). По гендерной структуре эта социальная группа отличается небольшим преобладанием юношей (17,7 %) над девушками (15,2 %).

Для детализации отходнических настроений далее респонденты отвечали на вопросы, связанные с желаемым городом для трудовой миграции и избранной компанией. Составление данных вопросов было направлено на выявление в том числе знаний школьников о программах корпоративной мобильности, которые практикуются уральскими работодателями. Полученные данные показали, что для школьников такая потребность, по всей вероятности, сформирована и, возможно, даже спланирована, но детально не проработана. Стоит отметить, что в аналогичном отношении для школьников «сформулированы» наметки образовательной и карьерной траектории — указываются общие институты (например, вуз/колледж), но решения о конкретных факультетах, направлениях и сферах деятельности формируются намного позже, ближе к началу экзаменов или приемной кампании. Также и школьники без аттестата в большинстве своем (68,4 %) заявили о желании переехать по корпоративным программам мобильности, 31,6 % указали, что не стремятся к релокации. Из ответивших утвердительно 21,5 % уже имели опыт релокации на близкой дистанции, это вдвое больше, чем та численность респондентов, которые, предположительно, уже стали оседлыми (11,4 %). В разрезе по гендерной специфике выяснилось, что более склонными ко второй волне мобильности оказались с небольшим отрывом больше юноши (40 %), чем девушки (34 %). Мобильнее оказались юноши, которые обучались на специальности слесарного дела (44,4 %). Девушки, которые высказали готовность к релокации по спецпрограмме, как было установлено, обучались на поваров и парикмахеров (40,7 %).

Среди опрошенных школьников без аттестата 18 % еще не определились с компанией, в которой они планируют работать после переезда, соответственно, имеют неточное представление о своей карьерной траектории. Лишь небольшая часть (8,7 %) имеет четкое планирование своей карьеры (пусть даже и приблизительное). Ребята ориентированы на трудовую миграцию в крупные компании — ПАО Газпром, ОАО «Российские железные дороги». Часть из них слышана о местных

производствах и в ответах указала, что хочет трудоустроиться на Уралмашзавод, ВСМПО «Ависма» и Волковский ГОК. Примечательно, что опрошенные, по всей видимости, слабо информированы о других, не менее крупных предприятиях региона, которые формируют потребность в массовых профессиях: НТМК «Евраз», УПП «Вектор», ПАО «Машиностроительный завод им. Калинина», Уральской горнопромышленной компании, АО «Русский хром 1915», АО «НПК Уралвагонзавод им. Ф.Э. Дзержинского» и других. Девушки предпочли для себя карьеру в ООО «Восточная» (рестораны «Рататуй»). Малая часть опрошенных выбрала для себя работу в сфере IT, желая тем самым поменять свои профессии повара или делопроизводителя на «более престижные», и в сфере образования, отметив свой центр обучения. Часть опрошенных указала вместо названия компании обобщенные названия специальностей — «механик», «айтишник» и «кадровое делопроизводство».

В числе чаще избираемых городов для релокации школьники без аттестата отметили Екатеринбург (29,1 %), следом за ним оказались старая (22,8 %) и новая столицы нашей страны (11,4 %). Последнее явление, стоит отметить, нетипично для старшеклассников. По данным других социологических исследований, доля ответов обычных школьников на подобный вопрос не превышает 2–3 % (Захарова, И. В., 2021), применительно к данному случаю отображается специфика социальной группы школьников без аттестата. 13,9 % опрошенных избрали для трудовой миграции ряд городов Свердловской области, в их числе — Нижний и Верхний Тагил, Реж, Полевской и другие. 22,6 % школьников указали в ответах другие города в субъектах Российской Федерации, не относящихся к Уральскому федеральному округу, в их числе, например, Липецк, Чёрмоз, Сочи, Ижевск

Таблица 1

Образовательная и трудовая мобильности школьников без аттестата

Учились в школе	Прошли обучение	Готовы уехать на работу в	% от всех
Екатеринбург	Екатеринбург	Санкт-Петербург	18%
Екатеринбург	Екатеринбург	Иные субъекты РФ	15%
Екатеринбург	Екатеринбург	Москва	13%
Красноуральск	Красноуральск	Екатеринбург	10%
Кушва	Красноуральск	Екатеринбург	6%
Кушва	Баранчинский	Екатеринбург	6%
Верхняя Салда	Верхняя Салда	Свердловская область	5%
Верхняя Салда	Верхняя Салда	Екатеринбург	3%
Красноуральск	Красноуральск	Санкт-Петербург	3%
Кушва	Баранчинский	Свердловская область	3%
Красноуральск	Красноуральск	Иные субъекты РФ	3%
Сысерть	Сысерть	Екатеринбург	3%
Кушва	Баранчинский	Иные субъекты РФ	3%
Екатеринбург	Екатеринбург	Екатеринбург	3%
Екатеринбург	Екатеринбург	Свердловская область	2%
Красноуральск	Екатеринбург	Свердловская область	2%
Красноуральск	Красноуральск	Свердловская область	2%
Сухой Лог	Сухой Лог	Екатеринбург	2%

и другие. Вероятно, что эти города были выбраны опрошенными или по причине проживания там их родственников/знакомых, или случайным образом.

По данным таблицы 1 можно наблюдать примерные пропорции «центростремительных» и «центробежных» сил миграционных установок школьников без аттестата. В региональную столицу, следуя тенденции урбанизации, стремятся приехать на работу около 33 % школьников без аттестата, в то же время заявляют о переезде из нее в Москву (22,8 %) и Санкт-Петербург (11,4 %), суммарно почти треть опрошенных несовершеннолетних. В этой связи также любопытен миграционный скачок молодежи Красноуральска в Санкт-Петербург, который можно объяснить стремлением найти большее карьерное пространство и улучшить свои финансовые возможности. Показательно также и соотношение 3:1, с которым коренные школьники Екатеринбурга (15 %) и школьники из области (5 %) стремятся построить карьеру в других регионах, за пределами Урала. Оставшиеся 14 % респондентов, вероятно, не имеют больших возможностей для трудовой мобильности на далекие расстояния и предпочитают строить карьеру в других городах области.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования можно отметить, что высокие притязания школьников без аттестата ярко выразились в их миграционных настроениях: значительная часть склонна к трудовой мобильности, при этом к релокации больше готовы девушки, но наиболее вероятна она, по нашему предположению, для юношей, основная часть которых уже имела опыт миграции в прошлом и полученный опыт может использовать для отходничества в более крупные города. В целом миграционные настроения школьников без аттестата можно назвать пока нечеткими, так как более отчетливые контуры их прорисуются чуть позже, об этом говорит и слабая информированность школьников о крупных компаниях региона и несформированность ясных образовательных и карьерных траекторий. Последние процессы легко объясняются недостаточной профориентационной работой в школах Свердловской области.

Благодарности

Работа выполнена по госзаданию № 11Г6710000000000001100001

Acknowledgements

The work was performed according to state assignment № 11Г6710000000000001100001

Список источников

- Буглак, Д. В., Козлова, О. А. (2025) Перспективы развития рынка труда Свердловской области в условиях демографического старения. В *Факторы и механизмы демографического развития* (с. 233–243). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 565. <https://doi.org/10.17059/udf-2025-2-5>.
- Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. (2020) *Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: монография*. Москва: ФНИСЦ РАН, 688.
- Захарова, И. В. (2021). Профессиональное самоопределение старшеклассников: социальные факторы и личные мотивы. *Образование и саморазвитие*, 16(4), 120–135. <http://doi.org/10.26907/esd.16.4.10>

Карачурина, Л. Б. (2019). Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, 6, 82–89. EDN XZQZSR.

Кон И. С. (1989). *Психология ранней юности: книга для учителя. Серия «Психологическая наука — школе»*. Москва: Просвещение, 255.

Попов, Д. С. (2012). Миграция и социальная дистанция от этнических групп в оценках уральских школьников и родителей. *Российский журнал исследований национализма*, 1, 68–79. EDN YFQVMB.

Смак Т. (2025). Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи. *ВЦИОМ: аналитические обзоры*. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения: 19.01.2026).

Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю., Казанцев Д. А. (2023). Эмиграционные установки и образ патриота в сознании школьников СФО. *Южно-российский журнал социальных наук*, 24(1), 50–64. <http://doi.org/10.31429/26190567-24-1-50-64>

Garcia-Arias, M. A., Tolon-Becerra, A., & Torres-Parejo, U. (2021). The Out-migration of Young People from a Region of the “Empty Spain”: Between a Constant Slump Cycle and a Pending Innovation Spiral. *Journal of Rural Studies*, 87, 314–326. <http://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.09.008>

Gunko, M., & Medvedev, A. (2018). Dull Place or Green Idyll: Local Identity and Migration Intentions of Small City Youth. *Journal of Economic and Human Geography*, 109(5), 661–676. <http://doi.org/10.1111/tesg.12336>

References

Buglak, D.V., & Kozlova, O.A. (2025) Prospects for the development of the labor market in the Sverdlovsk region in the context of demographic aging. In *Faktory i mekhanizmy demograficheskogo razvitiia [Factors and mechanisms of demographic development]* (pp. 233–243). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 565. <https://doi.org/10.17059/udf-2025-2-5> (In Russ.)

Garcia-Arias, M. A., Tolon-Becerra, A., & Torres-Parejo, U. (2021). The Out-migration of Young People from a Region of the “Empty Spain”: Between a Constant Slump Cycle and a Pending Innovation Spiral. *Journal of Rural Studies*, 87, 314–326. <http://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.09.008>

Gorshkov, M. K., & Sheregi, F. E. (2020) *Molodezh Rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnikh issledovani: monografiia [The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research: a monograph]*. Moscow: FNISC RAS, 688. (In Russ.)

Gunko, M., & Medvedev, A. (2018). Dull Place or Green Idyll: Local Identity and Migration Intentions of Small City Youth. *Journal of Economic and Human Geography*, 109(5), 661–676. <http://doi.org/10.1111/tesg.12336>

Karachurina, L. B. (2019) migration intentions of school graduates in small and midsize towns of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 5: Geografiia [Lomonosov Geography Journal]*, 6, 82–89. EDN XZQZSR (In Russ.)

Kon I. S. (1989). *Psikhologiya rannei iunosti: kniga dlia uchitelia. Serii «Psikhologicheskaiia nauka — shkole» [Psychology of early youth: a book for teachers. The series «Psychological science — school»]*. Moscow: Prosveshchenie, 255. (In Russ.)

Popov, D. S. (2012) Migration and social distance from ethnic groups in the assessments of Ural schoolchildren and parents. *Rossiiskii zhurnal issledovani natsionalizma [Russian Journal of Nationalism Studies]*, 1, 68–79. EDN YFQVMB (In Russ.)

Shashkova Ya. Yu., Aseev S. Yu., Kazantsev D. A. (2023). Emigration attitudes and the image of a patriot in the minds of students of the Siberian Federal District. *Iuzhno-rossiiskii zhurnal sotsialnykh nauk [South Russian Journal of Social Sciences]*, 24(1), 50–64. <http://doi.org/10.31429/26190567-24-1-50-64> (In Russ.)

Zakharova, I. V. (2021) Professional self-determination of school graduates: social and personal factors. *Obrazovanie i samorazvitie [Education and Self-development]*, 16(4), 120–135. <http://doi.org/10.26907/esd.16.4.10> (In Russ.)

Латышев Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, аспирант; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-6756-6557> (Российская Федерация, 620078, г. Екатеринбург, пр. Мира, 19; e-mail: dimlatysh@gmail.com).

Dmitrii M. Latyshev — Cand. Sci. (Soc.), graduate student; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; <https://orcid.org/0000-0002-6756-6557> (117, Malysheva St., Ekaterinburg, 620078; Russian Federation, e-mail: dimlatysh@gmail.com).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

Authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 336.018304

JEL classification: I38

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-3-4>

Обзор мирового опыта в области ухода за пожилыми людьми¹

И. С. Петухова^а, А. И. Ермолаева^{а, б}

^а Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-5218-6658>

^б ГБУ РК «Ресурсный центр развития социальных технологий»

(г. Петрозаводск, Россия).

<https://orcid.org/0009-0008-0531-2712>

Автор для корреспонденции: И. С. Петухова (irini-ptz@yandex.ru).

Аннотация. В этой статье представлен обзор международного опыта в области ухода за пожилыми людьми. Авторы рассматривают ключевых поставщиков услуг по уходу — государство, семью, коммерческий и некоммерческий секторы и сообщества. Их инициативы и действия в отношении пожилых людей взаимосвязаны, в итоге образуются различные режимы ухода. Организация ухода за пожилыми людьми зависит от культурных, экономических и политических условий. Распределение ответственности за уход между основными лицами, оказывающими помощь, определяется типом социальной политики, уровнем семейственности и культурными особенностями. На примерах США и Финляндии авторы демонстрируют, как формируются режимы ухода в разных странах и меняется уход за пожилыми людьми в демографическом и социальном аспектах. Мы сравниваем полученные результаты с тем, как организован уход за пожилыми людьми в России.

Ключевые слова: пожилые люди; режимы заботы о пожилых; сравнение режимов заботы о пожилых.

A Review of Global Experience in Caring for the Older People

I. Petukhova^а, A. Ermolayeva^{а, б}

^а Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-5218-6658>

^б Resource Center for the Development of Social Technologies (Petrozavodsk, Russia) (Petrozavodsk, Russia).

<https://orcid.org/0009-0008-0531-2712>

Corresponding author: I. Petukhova (irini-ptz@yandex.ru).

Abstract. This article provides an overview of international experience in the field of elderly care. The authors consider the key providers of care services — the government, family, commercial and non-profit sectors, and communities. Their initiatives and actions in relation to the elderly are interconnected, forming different modes of care. The organization of care for the elderly depends on cultural, economic and political conditions. The distribution of responsibility for care among the main care providers is determined by the type of social policy, the level of nepotism and cultural characteristics. Using the examples of the USA and Finland the authors demonstrate how care regimes are formed in different countries and how care for elderly people is changing in demographic and social aspects. We compare the results obtained with the way care for the elderly is organized in Russia.

Keywords: elderly people, modes of care for the elderly, comparison of modes of care for the elderly

¹ © Петухова И. С., Ермолаева А. В. Текст. 2026.

Введение

В научной литературе можно встретить различные варианты осмысления концепта заботы, основной смысл которых сводится к трем значениям: 1) забота как понятие, связанное с описанием специфического женского опыта в выполнении тех или иных обязанностей; 2) забота как специфический тип отношений, возникающий между объектом и субъектом заботы; 3) забота как особый вид работы, выполняемый в рамках определенных социальных и экономических отношений (Чернова, 2011). Мы будем опираться на третий способ концептуализации заботы, представленный преимущественно в исследованиях социальной политики. В фокусе исследований находится процесс институционализации труда по уходу (заботе) за зависимыми категориями населения (дети, пожилые, лица с инвалидностью), инициируемый социальной политикой. Важными в этом контексте являются формы и механизмы, посредством которых забота структурируется в систему социальных практик, а также переплетение инициатив и действий разных агентов заботы (государства, семьи, коммерческого и некоммерческого секторов), с образованием особых режимов заботы (Kremer, 2007). Моник Кремер изучает заботу как социальную и культурную практику и анализирует, кем, на каких условиях и в отношении кого она может осуществляться.

Изучение режимов заботы позволяет группировать страны по типам со схожими или различающимися инициативами в отношении тех, кто нуждается в заботе. Основой для большинства современных классификаций служит работа Г. Эспинг-Андерсена «Три мира капитализма благосостояния», в которой выделяются и характеризуются три типа моделей социальной политики: 1) социал-демократическая модель (с низким уровнем коммодификации и активным прямым вмешательством государства — Швеция, Норвегия, Дания); 2) либеральная (англосаксонская) модель (с высоким уровнем коммодификации и косвенным участием государства — Великобритания, США, Канада, Австралия); 3) консервативно-корпоративистская (континентальная) модель (смешанные характеристики при посредничестве корпоративных структур — Германия, Франция, Австрия, Италия, Бельгия) (Esping-Andersen, 1990).

На основе этой типологии исследователи предлагают различные классификации режимов ухода, например, конкретизируя уход через призму формализации и/или коммерциализации отношений, выделяя формальный (профессиональный, организованный) и неформальный (неорганизованный, хаотичный), оплачиваемый и неоплачиваемый уход. Франческа Беттио и Яннеке Плантенга, исследуя взаимодействие семьи и государства в заботе о пожилom человеке подразделяют европейские страны на четыре основных кластера: 1) страны с делегированием ухода семье, высоким уровнем неформального ухода и слабым развитием формальных механизмов ухода (Италия, Греция, Испания); 2) страны со смешанной моделью, где забота о детях принадлежит семье, но государственным вмешательством в заботу о пожилom человеке (Великобритания, Нидерланды); 3) страны с преимущественно частным уходом, компенсируемым коллективными договорами (Австрия, Германия); 4) страны с высоким уровнем формальных ресурсов и широким спектром государственных услуг, охватывающим большую часть населения (Скандинавские страны) (Bettio, Plantenga, 2004).

В последующем итальянские авторы предложили разделить страны в зависимости от уровня фамилиализма — степени перекладывания государством ответственности за заботу и поддержку членов семьи на саму семью, а не на государственные и общественные институты (Saraceno, Keck, 2010). Первая группа стран — страны с низкой степенью фамилиализма (государственно ориентированная модель), где государственные и общественные институты берут на себя основные обязанности по уходу за пожилыми, а семья играет вспомогательную роль (Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия). Вторая группа стран — страны умеренного (поддерживаемого) фамилиализма, где семейная ответственность сочетается с активной государственной поддержкой, при этом государство ограничивает прямые услуги, но активно, в том числе финансово, поддерживает семью и гражданское общество (Великобритания, Франция, Германия, Нидерланды, Канада). Третья группа стран — страны с высокой степенью фамилиализма (фамилиализм по умолчанию), где государственная поддержка минимальна, а основная ответственность по заботе лежит на семье (Италия, Испания, Греция, Португалия). Однако старение населения и постоянно увеличивающийся запрос на улучшение качества жизни, в том числе жизни в старости, запрос на старение на месте (жизнь дома, в знакомой и освоенной среде так долго, как это возможно) меняет структуру распределения обязанностей (режимов заботы) между основными агентами заботы. Современные тенденции свидетельствуют о растущей роли комбинирования усилий государственного, частного и неформального секторов. Наблюдается возрастающая потребность в интегрированных и гибких моделях заботы, способных адаптироваться к индивидуальным потребностям пожилых людей в условиях продолжающихся демографических и социальных трансформаций.

Таким образом, ключевыми агентами заботы о пожилых выступает семья (в широком смысле, включая всех родственников), государство в виде социальных сервисов, негосударственные социальные сервисы (коммерческие и некоммерческие) и представители сообщества, в котором стареет пожилой человек (соседство, комьюнити). Их действия переплетаются, образуя разные варианты режимов заботы. В своей работе мы остановились на обзоре заботы в развитых и развивающихся странах, выбирая страны по принципу ключевой роли одного из агентов заботы — государства, семьи, гражданского общества, рынка. Опираясь на классификацию моделей социальной политики, предложенную Эспинг-Андерсеном, но с опорой на степень фамилиализма, мы анализируем заботу о пожилых в США, Финляндии и России. Таким образом, наши ключевые исследовательские вопросы звучат так: как именно организована забота о пожилых в США, Финляндии и России и распределяются обязанности по уходу между основными агентами, и кто берет на себя основную роль в заботе о пожилых?

Материалы и методы

Основным методом нашего анализа является классический анализ текстов. Нашими материалами выступили научные статьи, анализирующие заботу в той или иной стране (или в нескольких странах), опубликованные за последние пять лет (с 2020 г.). Мы намеренно выбрали пятилетний период, поскольку организация и распределение заботы очень быстро меняются в связи со старением населения,

влиянием пандемии, миграции, экономических и др. процессов. При этом мы опираемся и на более ранние теоретические публикации для представления наиболее полной информации. В поиске статей мы использовали систему Google Scholar. Анализировали только тексты на английском языке, к которым был свободный доступ для русскоязычного читателя. Также для анализа мы использовали материалы, размещенные на официальных сайтах департаментов, сервисов, организаций, организующих или предоставляющих заботу пожилым в выделенных нами странах. Все материалы анализировались двумя исследователями независимо друг от друга, впоследствии результаты анализа обсуждались.

Результаты

США

Забота о пожилых в Соединенных Штатах организована по смешанной модели: сочетаются государственные программы, частные услуги и семейный уход, причем значительная часть услуг предоставляется на коммерческой основе. В США государство создает законодательную базу, финансирует программы ухода, регулирует качество и доступ к услугам ухода, координирует общественные инициативы. На государственном уровне важную роль в организации заботы о пожилых играет Министерство здравоохранения и социальных служб (Administration for Community Living (ACL)). С 2012 года оно объединяет программы, направленные на различные аспекты поддержки пожилых и инвалидов. Основная цель Министерства в последние годы — расширить доступ пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями к поддержке и социальным услугам, что особенно важно с точки зрения максимизации независимости, благополучия и здоровья пожилого человека и ухаживающей семьи. На уровне штатов реализуются гранты и кооперативные соглашения с целью расширения поддержки ухаживающих семей. В ведении государства, но при финансовой поддержке частного сектора реализуется модель долговременного ухода за пожилыми. Долговременный уход в США организован по гибридной модели, где значительная часть услуг финансируется через программы Medicaid и Medicare, при этом существенная доля расходов ложится на самих пожилых людей и их семьи. В США существует система государственных сервисов, включающая программы помощи пожилым и лицам с инвалидностью, однако при этом государство не рассматривается как основной поставщик услуг, основная его задача заключается в помощи самым уязвимым группам населения, а также в координировании и финансировании некоторых программ.

Семья обеспечивает основной уход за пожилым человеком. Согласно данным государственной статистики, за последние несколько лет, число ухаживающих семей резко выросло: около 63 миллионов американцев предоставляют уход взрослым или детям с потребностями¹. В США не существует жесткого социального давления на семьи, чтобы они обязательно ухаживали за пожилыми родственниками. Многие семьи выбирают помощь профессиональных служб

¹ National Academy for State Health Policy. National Strategy to Support Family Caregivers Progress and Impact Report 2024. State and Community Actions. Report/ 10-07-24. Available from: <https://nashp.org/national-strategy-to-support-family-caregivers-progress-and-impact-report-2024/>. (Accessed: 30.01.2026).

или размещение в домах престарелых, если самостоятельный уход невозможен. Традиционная семейная модель ухода самими семьями и полисмейкерами признается устаревшей и несправедливой с точки зрения равенства и автономии. При традиционном принципе семейной поддержки, значительная часть нуждающихся в уходе остается без должного внимания и необходимой поддержки (Bhandary, 2016), а основной уход остается за женщинами, что усиливает гендерное неравенство. Стратегия умеренного (поддерживаемого) фамилиализма, характерная для Соединенных Штатов, реализуется через поддержку федеральным правительством программ для ухаживающих семей. Одной из самых распространенных является программа National Strategy to Support Family Caregivers¹, представляющая собой национальную стратегию поддержки ухаживающих семей, независимо от условий и характера ухода.

Роль некоммерческого сектора заключается в предоставлении услуг, которые ориентированы на нужды пожилых людей и их семей, особенно в тех случаях, когда коммерческие услуги недоступны для менее обеспеченных слоев населения. НКО часто играют ключевую роль в предоставлении долгосрочного ухода, поддержки на дому, а также в обучении и информировании семей о возможностях ухода. Государство активно развивает возможности привлечения гражданского общества. Например, программа Community Care Corps, инициированная Министерством здравоохранения и социальных служб, работает через гранты с привлечением волонтеров к уходу за пожилыми. В 2024 году помощь от волонтеров получили 24 000 пожилых и более 6 700 ухаживающих семей. В Соединенных Штатах действует широкий спектр некоммерческих организаций, ориентированных на предоставление социальных услуг пожилым людям. НКО часто играют ключевую роль в предоставлении долгосрочного ухода, поддержки на дому, а также в обучении и информировании семей о возможностях ухода за пожилыми людьми. Некоммерческий сектор реализуется как на уровне конкретных организаций, так и программ, взаимодействует с государственными структурами, чтобы обеспечить необходимые ресурсы для ухода и поддержки, в том числе в контексте кризисных ситуаций или экстренных нужд. Распространенными в последние годы оказываются программы по предоставлению специализированных медицинских услуг и оборудования для ухода на дому, оздоровительные и реабилитационные программы, программы компаньонства, а также программы, направленные на повышение социальной активности пожилых. Помимо этого, в США существуют программы, направленные на развитие соседской помощи и помощи со стороны сообществ (комьюнити). Одним из примеров является программа Neighborhood Connection Fund², которая поддерживает инициативы в отношении нуждающихся, общественные собрания и мероприятия на уровне местных сообществ с целью укрепления связей между соседями и создания условий для взаимопомощи. Такие программы часто реализуются на муниципальном уровне и вовле-

¹ National Academy for State Health Policy. National Strategy to Support Family Caregivers Progress and Impact Re-port 2024. State and Community Actions. Report/ 10-07-24. Available from: <https://nashp.org/national-strategy-to-support-family-caregivers-progress-and-impact-report-2024/>. (Accessed: 30.01.2026).

² City of Boulder. Neighborhood Connection Fund. Available from: <https://bouldercolorado.gov/services/neighborhood-connection-fund>. (Accessed: 30.01.2026).

кают волонтерские организации, местные некоммерческие структуры и жителей с общими интересами.

Сектор коммерческих услуг в США достаточно крупная и динамично-развивающаяся индустрия, обеспечивающая разнообразные и качественные услуги по уходу за пожилыми людьми, но доступность этих услуг часто ограничена финансовыми возможностями клиентов. В отличие от традиционных социальных услуг, предоставляемых семьей и общественными организациями, многие услуги и товары для пожилых людей, предлагаемые бизнес-организациями, ориентированы на получение прибыли. Часто они оказываются доступными лишь тем, кто может себе это позволить, что создает определенные социальные неравенства как на индивидуальном уровне, так и на уровне штатов, особенно если речь идет о специализированных услугах. Частные компании и организации обеспечивают услуги по проживанию в стационарах, специально оборудованном жилье, а также услуги по уходу на дому: помощь с гигиеной, стиркой, транспортом, организацией культурных мероприятий, досуга и реабилитацией.

Таким образом, уход за пожилыми в США построен на смешанной модели, сочетающей государственные программы, коммерческие услуги и семейный уход. Государство формирует законодательство, финансирует и регулирует сервисы, координирует поддержку через Министерство здравоохранения и социальные службы и реализует программы для уязвимых групп и ухаживающих семей. Основную часть ухода обеспечивают семьи, при этом государство поддерживает их программами, стимулируя умеренный фамилиализм. Некоммерческий сектор играет важную роль в обеспечении доступных услуг, обучении и волонтерской поддержке, включая инициативы развития соседской помощи. Коммерческий сектор предлагает широкий спектр качественных услуг, но их доступ ограничен финансовыми возможностями клиентов, что порождает социальное неравенство. В целом система ухода характеризуется гибридностью с акцентом на поддержке независимости пожилых и равномерном вовлечении различных секторов общества.

Финляндия

Уход за пожилыми людьми в Финляндии организован по принципу поддержания активного и независимого образа жизни, с акцентом на индивидуализацию и интеграцию различных форм поддержки. Государство выступает основным координатором, регулятором и финансистом системы ухода за пожилыми. На данный момент сама система заботы находится на этапе активного реформирования. С 2023 года государством введена новая организационная структура управления социальными и медицинскими услугами — «21 новая зона благополучия» (Hyvinvointialueet)¹. Каждая зона объединяет несколько муниципалитетов и отвечает за организацию и предоставление услуг здравоохранения и социальной защиты для своего региона (Forma et al., 2023). Государство также задает рамки качества и количества услуг: в ходе беседы с клиентами, его близкими родственниками и специалистами по уходу, сервис определяет потребности

¹ Wellbeing services counties will be responsible for organising health, social and rescue services. Ministry of Social Affairs and Health. Available from: <https://stm.fi/en/wellbeing-services-counties>. (Accessed: 30.01.2026).

в тех или иных услугах. Сам механизм оценки понятен и прозрачен, универсален по всей стране. При этом система финансируется преимущественно из налогов и взносов, а пользователи услуг платят клиентские взносы (примерно 18 % затрат домашнего ухода). Что касается непосредственного предоставления услуг пожилому человеку, то основная обязанность уже лежит на муниципалитете. Муниципалитеты отвечают за практическое предоставление услуг: домашний уход, адаптацию жилья, организацию социальных центров, питание и вспомогательное жилье. Они имеют право собирать налоги для финансирования этих услуг и могут адаптировать их под местные потребности. Муниципалитеты также заключают договоры с частными организациями и ухаживающими родственниками, определяя объем и условия компенсации. Такой подход позволяет обеспечить гибкость и учет местных особенностей, но может приводить к различиям в качестве и доступности услуг между регионами.

Финляндия относится к группе стран с низкой степенью фамилиализма, где государственные институты берут на себя основные обязанности по уходу за пожилыми, а семья играет вспомогательную роль. Семья не несет юридической обязанности по уходу, но моральная и культурная норма поддерживает участие родственников. Семья часто берет на себя организацию бытовых вопросов, сопровождение на медицинские приемы и оказание эмоциональной поддержки. При этом государство поощряет семью в ее заботливой функции. Так, на уровне законодательства и в практике предусмотрена непрофессиональная (семейная) карьера: например, если член семьи оказывает постоянную помощь пожилому человеку, он может заключить с муниципалитетом договор на «домашнюю заботу» (informal care) и получать соответствующее вознаграждение («omaishoidontuki») (Ilmarinen et al., 2024). В Хельсинки, например, реализуется пилотный проект семейной заботы, где пожилой человек получает уход либо в доме опекуна, либо дома; город оценивает, насколько этот формат удачен в дополнение к традиционным услугам. Семьи, таким образом, рассматриваются как часть системы, но с четкими рамками, с договором, оценкой нужд, а не как автономный ресурс.

В Финляндии некоммерческий сектор играет важную роль в обеспечении заботы о пожилых людях, дополняя государственные и муниципальные услуги. Некоммерческие организации, фонды и волонтерские объединения активно участвуют в создании альтернативных форм ухода, поддержке социальной интеграции и улучшении качества жизни пожилых людей. Реформа 2023 года коснулась и работы третьего сектора, в связи с выявленными проблемами с финансированием и доступностью в разных регионах страны¹. Некоммерческие организации часто работают в партнерстве с муниципалитетами, получая финансирование и поддержку для реализации проектов по уходу за пожилыми. Распространенными направлениями работы некоммерческого сектора в Финляндии являются: развитие моделей семейного патронажа, в том числе приемных семей для пожилых, развитие специализированных домов престарелых (для пожилых с особыми потребностями

¹ Tiilikainen E., Seppänen M. Social Participation Considered as Meaningful in Old Age: A Qualitative Study with Finnish Older Adults. *J Aging Stud.* 2023, [Article in Press]. <https://link.springer.com/article/10.1007/s12126-023-09522-z> (Accessed: 30.01.2026).

или ориентированных на особые группы — русскоязычных, православных etc.), социальные и культурные программы, волонтерство и соседская помощь.

В условиях стремления государства поддержать максимально долгое самостоятельное проживание пожилых людей в собственных домах и квартирах, государство и муниципалитеты занимаются активизацией коммунитарной социальной работы (поддержка пожилых от сообщества, соседства). Многие развиваемые модели сочетают в себе государственную поддержку и инициативу местных сообществ, что обеспечивает их большую гибкость, индивидуальность и доступность в сельских и отдаленных территориях. Как правило, развитие соседской заботы происходит посредством проектов и программ. Одной из наиболее известных является программа «Age- and memory-friendly housing» (2024–2025), стремящаяся создавать в жилых комплексах пространства для общения, поощрять встречи и взаимодействия соседей, помощь пожилым. Тем не менее с развитием соседской взаимопомощи в Финляндии все еще много проблем ввиду большого количества отдаленных территорий и изолированного жилья, культурной и языковой гетерогенности.

Коммерческий сектор в Финляндии является важным и динамично развивающимся элементом системы ухода за пожилыми людьми, обеспечивая разнообразные и качественные услуги, которые дополняют государственные меры. Наиболее распространенные коммерческие предложения включают в себя частные пансионаты, дома престарелых с комплексом специализированных услуг, вспомогательное жилье (tuettu asuminen), человек получает поддержку и помощь в быту, но сохраняет максимальную самостоятельность. Такое жилье может быть как собственной квартирой, так и арендованной, и предназначено для тех, кто в принципе справляется с основными бытовыми задачами, но нуждается в дополнительной помощи или поддержке. Коммерческие структуры предлагают как базовые, так и высокотехнологичные решения, включая использование инновационных средств коммуникации и вспомогательных технических устройств для повышения качества жизни пожилых людей. Коммерческие поставщики услуг могут как конкурировать с муниципалитетами, так и дополнять муниципальные услуги.

Таким образом, финская модель ухода за пожилыми демонстрирует продуманный баланс между государственным управлением и участием муниципалитетов, более ориентированных на индивидуальные потребности. Финляндия характеризуется низким уровнем фамилиализма: семья не несет юридической обязанности по уходу, но государство поощряет участие родственников в заботе через возможность получения компенсации. Некоммерческий сектор активно развивает альтернативные формы поддержки, включая семейный патронаж и специализированные дома престарелых, а коммерческий сектор предлагает разнообразные услуги. Активно развиваются формы соседской взаимопомощи.

Россия

В настоящее время в России забота о пожилых организована по принципу многоуровневой системы ухода, которая включает как государственные, так и семейные и общественные формы ухода. В официальном и общественном дискурсе государственная забота о пожилых в России именуется социальным обслуживанием (Петухова, 2022). Государственная система социального обслуживания начала

оформляться еще в конце 80-х гг. Постепенно, шаг за шагом, с принятием нормативных документов и организацией различных форм помощи гражданам складывалась устойчивая система социального обслуживания пожилых. Современный государственный уход за пожилыми представлен разными типами обслуживания: срочным, полустационарным, стационарным и надомным. Самой распространенной формой государственного обслуживания является надомная, именно для оказания надомных услуг ориентирована инфраструктура государственного социального сервиса. Для получения социальных услуг пожилой человек признается нуждающимся в социальном обслуживании. Это определяется на основании медицинских, социальных и бытовых критериев. После подачи заявления и прохождения обследования специалистами соцзащиты составляется индивидуальная программа предоставления услуг (ИППСУ), которая учитывает конкретные потребности гражданина. Авторы отмечают, что государственным центрам социального обслуживания присущ бюрократизированный, негибкий характер взаимодействия с клиентом, а также решение только ограниченного круга проблем клиентов, предусмотренного программой оказания услуг (Парфенова, 2018). В 2018 году в качестве пилотного проекта государство запустило систему долгосрочного ухода за маломобильными гражданами, в том числе пожилыми. С 2019 года пилотный проект стал частью федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография» и постепенно охватывал все больше регионов. Планируется, что с января 2027 года система долгосрочного ухода интегрируется в современную систему социального обслуживания и будет доступна во всех субъектах Российской Федерации.

В 2015 году государством был принят новый закон о социальном обслуживании населения, предусматривающий возможность предоставления социальных услуг не только государственными, но и некоммерческими организациями (НКО) и коммерческими сервисами. Сегодня поле негосударственных организаций (коммерческих и некоммерческих), оказывающих услуги пожилым, варьируется в зависимости от региона. В России некоммерческий сектор преимущественно ориентирован на предоставление активизирующих услуг, направленных на вовлечение пожилых людей в социальную деятельность и поддержание их активности. В последние годы наблюдается динамичное развитие услуг, нацеленных на поддержку семей, особенно в условиях специальных потребностей пожилых, включая консультационную, психологическую и практическую помощь. Коммерческий сектор в свою очередь развивается в направлении предоставления специализированных услуг по уходу, в том числе медицинского и социального характера, а также активно формируются частные стационары, нередко позиционируемые как пансионаты для пожилых людей.

В России семья выступает традиционным субъектом ухода за нетрудоспособными членами, в первую очередь детьми и пожилыми. Форма ухода за родственниками сегодня во многом определяется типом проживания. При совместном проживании, как правило, члены семьи обеспечивают необходимую заботу о пожилom человеке. Конечно, при совместном проживании могут возникать сложности. Например, исследователи отмечают повышение нагрузки на женщин, конфликты между поколениями, сложности с организацией пространства

в квартире. Государству необходимо поддерживать семью в ее заботливой функции, а сочетание семейной заботы и профессиональной помощи обеспечивает наиболее инклюзивный вариант обслуживания пожилого.

Забота в отношении пожилых может исходить также от соседства, местного сообщества, в котором проживает человек. Такое участие основано на связях долговременного знакомства, многочисленных профессиональных, соседских, дружеских или родственных связях. Подобная забота может частично компенсировать недостаток формальных услуг и семейной поддержки. В России эти формы участия анализируются исследователями на примере сельских территорий. Для такой заботы характерен эффект самоотбора, что обеспечивает ее эффективность и невысокую затратность. Однако разные типы сред могут обладать различными, в том числе и сокращенными возможностями для ее предоставления.

Таким образом, современная российская система заботы о пожилым имеет многоуровневый характер, объединяя государственные, семейные, общественные и коммерческие формы поддержки. Однако в территориальном и региональном контексте ситуация сильно разнится: структура и доступность государственных и негосударственных сервисов, наличие семейных форм поддержки, развитость местного сообщества. Чем дальше территория от крупных центров, тем меньше выбор и количество агентов заботы. Государственная система социального обслуживания постепенно развивается, интегрируя новые практики (например, долговременный уход), но ее охват и характер услуг по регионам существенно варьируются.

Заключение и дискуссия

Анализ международного опыта заботы о пожилых показывает, что современные системы ухода все чаще строятся на принципе «микса заботы» — сочетании усилий государства, семьи, коммерческого и некоммерческого сектора, а также сообщества. В разных странах распределение обязанностей между этими агентами определяется моделью социальной политики, уровнем фамилиализма и культурными особенностями. Опираясь на классификацию моделей социальной политики, предложенную Эспинг-Андерсеном, мы проанализировали заботу о пожилых в США, Финляндии и России. Россию мы бы отнесли к группе стран с высокой степенью фамилиализма, поскольку основная обязанность по заботе о пожилым все еще лежит на родственниках. Современные тенденции заключаются в постепенном переходе от традиционных моделей ухода к более гибким и интегрированным системам, способным адаптироваться к индивидуальным потребностям пожилых людей. Рост числа пожилых, урбанизация, изменение структуры семей и увеличение продолжительности жизни требуют пересмотра распределения обязанностей между агентами заботы. Важным вызовом остается обеспечение равного доступа к качественным услугам, особенно в условиях ограниченных ресурсов и растущего социального неравенства.

В дискуссии о будущем заботы о пожилых актуализируются вопросы о роли государства, необходимости поддержки ухаживающих семей, развития коммерческого и некоммерческого секторов, а также поддерживать инициативы соседской заботы. В условиях глобального старения населения и трансформации

социальных институтов дальнейшее развитие систем заботы должно быть направлено на создание инклюзивных, гибких и устойчивых моделей, способных отвечать на вызовы XXI века.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-78-10118 (<https://rscf.ru/project/24-78-10118/>).

Acknowledgements

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation №24-78-10118 (<https://rscf.ru/project/24-78-10118/>).

Список источников

Парфенова, О. А. (2018). Трансформация социального обслуживания пожилых в региональном контексте современной России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21 (2), 165–186. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.6>

Петухова, И. С. (2022). *Взаимодействие государства и социальных институтов в обслуживании пожилых*. Диссертация. Санкт-Петербург, 429.

Чернова, Ж. В. (2011). Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики. *Журнал исследований социальной политики*, 9 (3), 295–318.

Bhandary, A. (2016). Liberal dependency care, *Journal of Philosophical Research*, 41 (1), 43–68. <https://doi.org/10.5840/jpr201662767>

Bettio, F. & Plantenga, J. (2004). Comparing care regimes in Europe, *Feminist economics*, 10 (1), 85–113. <https://doi.org/10.1080/1354570042000198245>

Esping-Andersen, G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 264.

Forma, L., Aaltonen, M., Teräväinen, P., & Pulkki, J. (2023). What pays and who pays? Costs and financing of care for older people a pilot study. *Helsinki: Finnish Institute for Health and Welfare (THL)*, 56, 81.

Ilmarinen, K.M., Aalto, A.M., & Muuri, A.L. (2024). Unmet need for and barriers to receiving health care and social welfare services in Finland, *Scandinavian Journal of Public Health*, 53 (1). <https://doi.org/10.1177/14034948241299019>

Kremer, M. (2007). How welfare states care: Culture, gender and parenting in Europe, *Amsterdam University Press*, 300. <https://doi.org/10.5117/9789053569757>

Saraceno, C. & Keck, W. (2010). Can we identify intergenerational policy regimes in Europe?, *European Societies*, 12 (5), 675–696. <https://doi.org/10.1080/14616696.2010.483006>

References

Bettio, F. & Plantenga, J. (2004). Comparing care regimes in Europe, *Feminist economics*, 10 (1), 85–113. <https://doi.org/10.1080/1354570042000198245>

Bhandary, A. (2016). Liberal dependency care, *Journal of Philosophical Research*, 41 (1), 43–68. <https://doi.org/10.5840/jpr201662767>

Chernova, J. V. (2011). Who should take care of whom and under what conditions? Gender analysis of care regimes and family policy. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoi politiki [Journal of Social Policy Research]*, 9 (3), 295–318. (In Russ.)

Esping-Andersen, G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 264.

Forma, L., Aaltonen, M., Teräväinen, P., & Pulkki, J. (2023). What pays and who pays? Costs and financing of care for older people a pilot study. *Helsinki: Finnish Institute for Health and Welfare (THL)*, 56, 81.

Ilmarinen, K.M., Aalto, A.M., & Muuri, A.L. (2024). Unmet need for and barriers to receiving health care and social welfare services in Finland, *Scandinavian Journal of Public Health*, 53(1). <https://doi.org/10.1177/14034948241299019>

Kremer, M. (2007). How welfare states care: Culture, gender and parenting in Europe, *Amsterdam University Press*, 300. <https://doi.org/10.5117/9789053569757>

Parfenova, O.A. (2018). Transformation of social services for the elderly in the regional context of modern Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 21 (2), 165–186. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.6> (In Russ.)

Petukhova, I.S. (2022). *Vzaimodeistvie gosudarstva i sotsialnykh institutov v ob-sluzhivanii pozhilykh [The interaction of the state and social institutions in the service of the elderly]*. Dissertation. St. Petersburg, 429. (In Russ.)

Saraceno, C. & Keck, W. (2010). Can we identify intergenerational policy regimes in Europe?, *European Societies*, 12(5), 675–696. <https://doi.org/10.1080/14616696.2010.483006>

Петухова Ирина Сергеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0002-5218-6658> (Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25, e-mail: irini-ptz@yandex.ru).

Ермолаева Анастасия Ивановна — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН; ГБУ РК «Ресурсный центр развития социальных технологий»; <https://orcid.org/0009-0008-0531-2712> (Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25, e-mail: ermolaevaanastasia@mail.ru).

Petukhova Irina S. — PhD in Sociology, Senior Research Fellow, Sociological Institute of the RAS — Branch of the FNIISC RAS; <https://orcid.org/0000-0002-5218-6658> (25, 7th Krasnoarmeiskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation, e-mail: irini-ptz@yandex.ru).

Ermolaeva Anastasia I. — Junior Research Fellow, Sociological Institute of the RAS — Branch of the FNIISC RAS; GBU RK “Resource Center for the Development of Social Technologies”; <https://orcid.org/0009-0008-0531-2712> (25, 7th Krasnoarmeiskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation, e-mail: ermolaevaanastasia@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 316.34

JEL classification: J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-3-5>

Гендерные аспекты исторической памяти¹

Г. С. Широкалова^а, Д. В. Шкурин^б

^а Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.
(г. Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0003-4089-5446>

^б Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия)

Автор для корреспонденции: Г. С. Широкалова (shirokalova@list.ru)

Аннотация. *Гендерные роли мужчинам и женщинам задаются при рождении и корректируются в процессе социализации, поэтому степень их сходства/различия важно учитывать в процессе интеграции в социуме. Одна из координат матрицы стабильности общества — историческая память, поэтому «знание о знаниях» социальных групп о прошлом и отношение к нему — условие моделирования образа будущего. Социологические исследования позволяют получать такую информацию, которая может быть использована как для приращения научного знания, так и в процессе практической работы с разными социальными акторами.*

Ключевые слова: гендерные особенности; дифференциация и интеграция; историческая память.

Gender Aspects of Historical Memory

G. Shirokalova^а, D. Shkurin^б

^а The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS — FCTAS RAS).

<https://orcid.org/0000-0003-4089-5446>.

^б Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Corresponding author: G. Shirokalova (shirokalova@list.ru).

Abstract. *Gender roles for men and women are set at birth and adjusted during the process of socialization, so it is important to take into account the degree of their similarities/differences in the process of integration into society. One of the coordinates of the stability matrix of society is historical memory, therefore, the «knowledge of knowledge» of social groups about the past and attitudes towards it is a condition for modeling the image of the future. Sociological research allows us to obtain such information that can be used both for the increment of scientific knowledge and in the process of practical work with various social actors.*

Keywords: gender characteristics, differentiation and integration, historical memory.

Введение

В 2025 году мы праздновали юбилей Дня Победы в Великой Отечественной войне. В 2026 году отмечаем 85 лет с начала этой войны. Эти даты актуализировали работу по сохранению исторической памяти: в России и СНГ были приняты специальные федеральные и региональные программы, прежде всего в сферах образования, культуры, в СМИ, формирующих информационное пространство

¹ © Широкалова Г. С., Шкурин Д. В. Текст. 2026.

России, но эффективность этих программ зависит от многих факторов, в том числе социально-демографических.

Цель данной статьи — проанализировать особенности исторической памяти юношей и девушек, получающих высшее образование, с целью выявления взаимосвязи факторов, определяющих ее содержание.

Обзор литературы

Исследованиям исторической памяти последних лет были посвящены специальные конференции, в сборниках которых представлена обширная география России. В публикациях отражены как итоги масштабных исследований, так и семейные воспоминания (Саралиева, 2025).

Прежде всего остановимся на содержании понятия «историческая память». Плодотворным, на наш взгляд, является подход В.Э. Бойкова, выделяющего три ключевых аспекта, обуславливающих ее функции:

1. Общеразделяемая система ценностей и символов, формирующая отношение к событиям отечественной истории. Исторические представления о победах и поражениях (предостерегают от повторения ошибок) выступают ориентирами, регулирующими поведение людей.

2. Осознание своего «я» в семейной и сословной родословной, а «мы» — в социальной среде, культурной общности края, страны, общечеловеческой цивилизации. Оно определяет гражданское самосознание и культурно-этническую самоидентификацию.

3. Исторический опыт, знания, идеи, верования, убеждения, стандарты семейных и других отношений, народные обычаи, обряды и др. (Бойков, 2011).

Уточним лишь один момент: «общеразделяемость» исторической памяти недостижима была в прошлом и тем более сейчас, что неоднократно подтверждали результаты анализа публикаций (Широкалова, 2021).

В большей или меньшей степени эти три аспекта учитываются всеми исследователями исторической памяти, но конкретизация зависит от объекта и предмета исследования. Значительное влияние на выбор жизненных приоритетов, а следовательно, на оценки прошлого, оказывают как объективные, так и личностные факторы. Среди них и гендерный признак, редко становящийся предметом исследования исторической памяти. Исключением, которое нам удалось найти, является статья З.М. Саралиевой и С.А. Судьина. На основе масштабного исследования 2020 г. они пришли к выводу, что женщины в процессе формирования исторических образов в большей степени концентрируются на эмоциональных, а не фактических моментах. Другими словами, творчество военных лет может отложиться в их памяти гораздо отчетливее, нежели даты основных сражений или имена полководцев; хронологию войны им легче отслеживать по событиям семейной истории, нежели по нарративам из школьных учебников (Саралиева и др., 2020, с. 106). В связи с этим напомним о принятом Минпросвещения РФ предложении К. Шахназарова включить в информационный пул отечественной литературы и истории лучшие советские фильмы¹. Важно и еще одно заключение

¹ Шахназаров рассказал, как будут внедрять изучение кино в школах. <https://tass.ru/obschestvo/24982027> (дата обращения: 21.01.2025).

З.М. Саралиевой и С.А. Судьина: первокурсники более вовлечены в тему Великой Отечественной войны, чем четверокурсники и магистры (Саралиева и др., 2020, с. 112), что свидетельствует о недостаточной глубине знаний и эмоциональной памяти о них, получаемой в школе и вузе в курсах истории. Введение в учебный процесс кинопродукции в какой-то степени поможет в решении и этой проблемы.

Анализируя программы/отчеты о работе по сохранению исторической памяти, уральские авторы фиксируют: «Попытки рассматривать историческую память в отрыве от социальной жизнедеятельности порождают акцент исключительно на статистических трендах — количество мероприятий, масштабность акций, статус вовлекаемых в процесс лиц, объемы затраченных средств и др. Качество реализуемых программ также оперирует количественными категориями (в основном текущими процентами и процентными соотношениями)» (Вишневский, 2025. С. 64). Такой подход очень удобен для мифотворчества: он скрывает многообразие отношения к событиям, а следовательно, недооценивает «войну смыслов», неизбежную при разномыслии, что таит риски игнорирования/купирования зарождающихся процессов забвения или замены приоритетов.

Коммуникативная память о войне ушла в прошлое вместе с участниками тех событий и их детьми, но и при их жизни менялись акценты в оценках. Разными акторами формировались оценки истории, разнообразие которых проанализировано нами на примере публикаций 1990-х гг. Они ставили целью самоидентификацию потомков либо с прошлым, либо с настоящим, либо с будущим. Это объективный процесс, но одна и та же информация может сохранять стабильность и единство общества и разрушать его, в зависимости от системы координат, в которую она вписывается. Например, данные о людских потерях в годы войны.

Методы и информационная база

Проверим справедливость выводов З.М. Саралиевой и С.А. Судьина, что форма презентации исторических знаний имеет значение для их усвоения юношами и девушками (Саралиева и др., 2020, с. 106, 112). Гендерный аспект важен, потому что, несмотря на активность процесса феминизации в мире и РФ, женщины по-прежнему в большей степени участвуют в воспитании следующих поколений, и важно знать какое отношение к прошлому они могут передать будущим поколениям. Историческая память о прошлом — один из факторов, формирующих отношение к воинской службе у юношей.

Нами в данной статье были проанализированы результаты социологического исследования «Историческая память студентов о Великой Отечественной войне», организованного ННГУ им. Н.И. Лобачевского (З. Саралиева), ФНИСЦ РАН, Российским обществом социологов (Г. Широкалова) в 2025 г. Обработка данных выполнена по авторской программе «Vortex» Д. Шкуриным (УрФУ им. Б.Н. Ельцина).

О репрезентативности результатов социологических исследований, полученных на основе телефонных и поквартирных опросов, существуют противоположные мнения, поскольку не соблюдается принцип анонимности для респондентов. Наше исследование проводилось во время учебных занятий: студентов просили с личных гаджетов заполнить онлайн-анкету, поэтому ответы не корректировались преподавателями, что обеспечивало анонимность опрашиваемых, а следовательно,

практически не было отказов от участия в исследовании. Ответы на 74 вопроса поступали в общую базу, которая структурировалась по регионам, вузам и социальным характеристикам, заложенным в анкету.

В СССР были оккупированные, прифронтовые, тыловые регионы, и это отличие по-разному отразилось в исторической памяти населения (Саралиева, 2025). По этой причине было принято решение проводить анализ данных по отдельным субъектам. Почти из 10 тысяч респондентов из всех федеральных округов России для данной публикации нами выбран 2 341 студент Нижнего Новгорода, из которых 68,6 % девушки, 31,4 % юноши, что близко к распределению студентов России по гендерному признаку. Но для данной статьи значение имеет не соотношение гендерных групп, а их наполняемость, обеспечивающая выявление тенденций.

Результаты

Сначала представим общую характеристику отношения к истории Великой Отечественной войны (таблица 1).

Судя по ответам, юношам в большей степени интересна военная история середины XX века, что позволяет предположить их широкую включенность в поиски соответствующей информации и погруженность в контекст событий. Однако дальнейший анализ не дает оснований для столь однозначного вывода.

Сравнение ответов на вопрос «Как часто, общаясь с друзьями, сверстниками, родственниками вы обсуждаете события Великой Отечественной войны?» подтверждает наличие гендерных отличий. Практически никогда не беседуют на эти темы (округлим) 17 % девушек и 16 % юношей, разговаривают в связи с памятными датами, соответственно, 53 % и 43 %, периодически — 28 % и 36 %, часто — 2 % и 4 %. Разница долей «молчунов» (примерно каждый шестой) и объединенной группы «мало интересующихся и не интересующихся» (таблица 1) статистически малозначима, что подтверждает устойчивость мировоззренческой позиции. Девушкам чаще нужен повод для обсуждения этой темы, чему служат памятные даты. Но то, что практически половина респондентов не откликается на информационные компании, сопровождающие календарь побед и поражений, свидетельствует о недостаточном учете специфики молодежной аудитории.

Напомним, юноши, судя по ответам (таблица 1), больше интересуются событиями Великой Отечественной войны, следовательно, у них должен быть шире круг источников ее получения (таблица 2). Гендерные отличия действительно просматриваются: юноши чаще обращаются к научным исследованиям, мемуарам, документалистике...

Таблица 1

Интересует ли вас история Великой Отечественной войны?*

Варианты ответов/ Пол	Девушки	Юноши
Да, очень	24,4	33,9
Интересует	54,8	47,4
Мало интересуется	17,4	15,8
Не интересуется	3,4	2,9
ИТОГО	100,0	100,0

Пропуски: 0 из 2341 (0,0 %)

Таблица 2

Источники знаний о Великой Отечественной войне?*
% от числа опрошенных девушек и юношей**

Из каких источников вы получили знания о Великой Отечественной войне?	Девушки	Юноши
Школьные учебники	82,9	83,4
Учителя	88,1	80,8
Советские художественные фильмы	66,1	65,4
Рассказы родных	64,0	60,1
Исторические музеи	58,7	50,0
Художественная литература	56,1	45,0
Экскурсии по историческим местам, связанным с историей ВОВ	48,0	40,7
Современные художественные фильмы	44,8	42,6
Социальные сети в интернете	43,1	48,0
Советские документальные фильмы	42,6	48,1
Телепередачи	36,3	40,1
Преподаватели вуза	32,4	37,6
Современные документальные фильмы	32,2	41,0
Общение с ветеранами, знакомство с их воспоминаниями	29,2	24,3
Стенды, сайты учебного заведения	14,6	16,3
Сайты «Дорога памяти», «Память народа» и др.	11,9	8,2
Научные исследования	9,6	16,2
Мемуары полководцев	7,6	11,3
Радиопередачи	4,8	8,9
Другое	2,8	5,4
ИТОГО	776,0	773,3

* Пропуски: 0 из 2341 (0,0 %)

** Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов, сумма % в ИТОГО может быть больше 100 %.

В 2021 г. исследование по похожему инструментарию проводила О.К. Шиманская. Отличие, например, было в том, что у студентов спрашивали не только об источниках информации о Великой Отечественной войне, но и о степени доверия к ним. Прочитируем вывод авторов: «Место источника в иерархии далеко не всегда соответствует уровню доверия к нему. Так, современные художественные фильмы, занимающие место в средней части, по уровню доверия находятся гораздо ниже, а научные исследования и мемуары полководцев, оказавшиеся в нижней части, оказались значительно выше в шкале по уровню доверия» (Шиманская и др., 2025, с. 131). И эту особенность надо учитывать при формировании информационных полей.

В целом же институт школьного образования остается основным источником знаний о войне (но отношение к ним определяется и другими факторами!), и он более значим для девушек. Преподаватели вузов не вошли даже в первую десятку, уступая социальным сетям несколько позиций. Снижение авторитета вуза

как инфопространства объясняется не только количеством часов на всю историю России, в результате чего не раскрываются причинно-следственные зависимости событий в международном контексте, а напоминает пройденное в школе. К тому же современные преподаватели поставлены в условия конкуренции с многочисленными версиями истории, представленными в интернете, но не имеют возможности участвовать в ней в силу аудиторной нагрузки в 900 часов, состоящей порой из десятка дисциплин. По этой же причине не используются возможности сайтов учебных заведений и общероссийских «Дорога памяти», «Память народа»: креативные задания студентам и их проверка требуют больших временных затрат, но не дают баллов при оценке труда преподавателей.

Если сравнивать источники по гендерному признаку, то подтверждается более высокий общекультурный уровень девушек: они внимательней на занятиях, больше читают художественной литературы, чаще ходят на экскурсии и в музеи.

Рассказы родных названы четвертым источником из двадцати, причем девушки чаще беседуют с родными о событиях Великой Отечественной войны. Возможно, поэтому они больше осведомлены о семейном музее (таблица 3).

В среднем на одну девушку приходится 2,3, а на юношу — два ответа. Скорее всего это результат меньшей вовлеченности последних в межпоколенные отношения. Удивляет отсутствие фотографий участников войны в половине семей. Если у фронтовика было несколько детей, то вполне вероятно, что награды хранились у кого-то одного из них, также как военный билет, грамоты, дневники... Их невозможно скопировать, но нет проблемы для размножения снимков. Массовая миграция из сельской местности в города, небольшая жилплощадь городских квартир — все это может объяснить несохранность вещей, но не фотографий. Не следует ли из этого вывод, что «память вещей» замещается «памятью знаний»? Для ответа на этот вопрос обратимся к таблице 4.

Таблица 3

Вещи участников войны, хранящиеся в семьях респондентов*
% от числа опрошенных девушек и юношей**

Какие реликвии военных лет участников войны хранятся в вашей семье?	Девушки	Юноши
Письма	23,3	23,2
Фотографии	54,9	50,0
Награды	48,2	41,0
Документы	20,9	16,6
Военный билет	15,1	9,5
Грамоты/благодарности/статьи из газет	15,0	10,5
Вещи военных лет	13,1	13,2
Мемуары/воспоминания/дневники	7,7	7,4
Другое	3,9	5,3
Не хранятся	25,4	28,2
ИТОГО	227,3	204,9

* Пропуски: 0 из 2 341 (0,0 %)

** Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов, сумма % в ИТОГО может быть больше 100 %.

Таблица 4

Глубина знаний респондентов об участии родственников в Великой Отечественной войне, %

Насколько хорошо вы знаете об участии ваших родственников в войне?	Девушки	Юноши
Хорошо знаю	29,6	32,2
Знаю о некоторых эпизодах	56,9	56,0
Мои родственники в ВОВ не участвовали	4,2	4,0
Не знаю	9,3	7,9
ИТОГО	100,0	100,0

* Пропуски: 0 из 2 341 (0,0 %)

Самооценка юношей несколько выше, чем у девушек, и близка к оценке, которую они дали своему интересу к событиям о Великой Отечественной войне в целом при ответе на первый вопрос — 33,9 % (таблица 1). Девушки оценивают свою осведомленность о воевавших родственниках выше, чем знания о войне в целом: 29,6 % и 24,2 %. Конечно, высокая самооценка по шкале объективности знания явно завышена: ни один фронтовик не расскажет всего пережитого им на фронте, да и рассказанное будет воспринято/понято неадекватно реалиям того времени. Но в таблице 4 ключевым для нас является признание — «не знаю». Сейчас это уже каждый одиннадцатый–двенадцатый студент. Личная причастность, дающая эмоциональное отношение к событию, которое, как утверждают психологи, является важным фактором памятования, угасает, в лучшем случае заменяясь на объективные знания.

Проверим справедливость утверждений З.М. Саралиевой и С.А. Судына о большей эмоциональной вовлеченности девушек по сравнению с юношами в историю Великой Отечественной войны через знание респондентами музыкальных произведений, посвященных ей. В таблицу 5 включено десять наиболее часто называемых песен.

На вопрос не ответило 13,4 % студентов. Для открытых вопросов это небольшая доля: среди них всегда есть те, кто не знает ответа либо торопится заполнить анкету. Остальные написали более 80 наименований. Все песни из таблицы, кроме одной, написаны в военное время (включая войну с Японией 1938 года и советско-финскую войну) и звучат в эфире в первоначальном исполнении. Вероятно, личная причастность к событиям авторов и исполнителей придает им большую проникновенность, не заглушаемую современными спецэффектами, а следовательно, есть эмоциональность восприятия слушателями. В среднем одна девушка написала 3,1 название музыкального произведения, юноша — 2,5. Наибольшая разница между ними в оценках «Синего платочка», лиричность которого в большей степени трогает девушек.

В таблице 6 представлено 10 наиболее запомнившихся студентам фильмов о Великой Отечественной войне.

На этот вопрос не ответило 19,3 % респондентов. Каждая девушка в среднем назвала 2,8 фильма, юноша — 2,7. Выстроились определенные приоритеты: девушек сильнее затронул фильм «А зори здесь тихие», а «28 панфиловцев» чаще выбирали юноши.

Таблица 5

**Знание студентами песен, музыкальных произведений о Великой Отечественной войне,
% от числе опрошенных в зависимости от пола**

Напишите, какие песни, музыкальные произведения о Великой Отечественной войне вы знаете	Девушки	Юноши
Катюша (1938, слова: Михаил Исаковский, музыка: Матвей Блантер)	61,4	59,0
День Победы (1975, слова: Владимир Харитонов, музыка: Давид Тухманов)	34,2	29,0
Священная война (1941, слова: Василий Лебедев-Кумач, музыка: Александр Александров)	26,8	29,3
Темная ночь (1943, слова: Владимир Агатов, музыка: Никита Богословский, из фильма «Два бойца»)	29,1	22,4
Смуглянка (1940, слова: Яков Шведов, музыка: Анатолий Новиков, из фильма «В бой идут одни старики»)	19,0	14,2
Журавли (1969, слова: Расул Гамзатов, перевод: Наум Гребнев, музыка: Ян Френкель)	15,7	8,6
Синий платочек (1940, слова: Яков Галицкий и Михаил Максимов, музыка: Ежи Петербургский)	13,4	4,2
В землянке (1942, слова: Алексей Сурков, музыка: Константин Листов)	7,5	5,6
Жди меня (1942, слова: Константин Симонов, музыка: Матвей Блантер)	8,4	3,2
Три танкиста (1939, слова: Борис Ласкин, музыка: Дмитрий и Даниил Покрасс, из фильма «Трактористы»)	7,5	3,0

Таблица 6

**Список запомнившихся студентам фильмов о Великой Отечественной войне,
% от числе опрошенных в зависимости от пола**

Какие кинофильмы (телесериалы) о Великой Отечественной войне вам запомнились?	Девушки	Юноши
А зори здесь тихие (1972, Станислав Ростоцкий)	52,2	32,7
В бой идут одни старики (1973, Леонид Быков)	22,0	25,9
Т-34 (2019, Алексей Сидоров)	21,0	22,4
Они сражались за Родину (1975, Сергей Бондарчук)	12,8	12,4
Судьба человека (1959, Сергей Бондарчук)	13,0	13,0
Офицеры (1971, Владимир Роговой)	12,2	9,2
Иди и смотри (1985, Элем Климов)	7,9	10,3
28 панфиловцев (2016, Ким Дружинин, Андрей Шалопы)	5,5	12,4
Семнадцать мгновений весны (1973, Татьяна Лиознова)	6,8	9,2
Брестская крепость (2010, Александр Котт)	5,6	9,1

В общем списке названо более 110 фильмов. К 80-летию Победы было подготовлено 80 документальных проектов о сражениях и героях Великой Отечественной войны¹, но ни один из них не назван студентами. Естественны вопросы: для кого и для чего снимались эти фильмы, если они не известны молодежи? Почему они слабо представлены в телепространстве и кинотеатрах?

¹Подборка: 80 документальных проектов к 80-летию Победы. <https://smotrim.ru/brands/tag/275299> (дата обращения: 21.01.2025).

В 2025 г. Минпросвещения РФ разослало по регионам «Список золотой коллекции фильмов», в который вошли фильмы от мультиков для детсада до художественных и документальных фильмов для одиннадцатиклассников¹, что дает основания ожидать повышения значимости исторической памяти через эмоциональную составляющую. Правда, при наличии определенных условий. Среди них назовем: а) сеть (хотя бы детских) кинотеатров, которые есть в каждом крупном городе, будет включать в репертуар эти фильмы в соответствии с учебной программой и приглашать на них школы; б) «Пушкинская карта» будет выдаваться школьникам на те же десять лет, но с семи, а не с 14 лет, что позволит сделать посещение киносеансов обязательным в рамках классного часа, а кроме того, воспитывать общие интересы в учебном коллективе и семье, а не увеличивать аудиторию рокконцертов; в) у учителей будет время для обсуждения этих фильмов на классных часах. Сегодня же, когда в школы не принимают учителей, желающих работать на одну ставку, поскольку тогда не будет выполняться майский указ Президента о зарплате учителя не ниже средней по региону, а те, кто соглашается работать на две, вынуждены порой одновременно (!) вести занятия в двух классах, в течение урока переходя из одного класса в другой, о дополнительной воспитательной работе даже речи не может быть.

Вопрос «Считаете ли вы, что у вас достаточно знаний о Великой Отечественной войне?» специально был задан в середине анкеты, чтобы после ответов на конкретные вопросы респонденты более объективно оценили свой уровень знаний. Ответы на него представлены в таблице 7.

Можно было предположить, что у студентов шкала самооценки прежде всего основывается на степени соответствия их знаний, информации, приведенной в учебниках истории и оценках, полученных по соответствующим темам. Но, как видим, у девушек, наиболее склонных к гуманитарным дисциплинам и имеющих, как правило, высокие баллы гораздо выше, показатель значительно ниже, что свидетельствует о более критическом отношении к собственной информированности. Целевой группой для информационной работы в первую очередь могут быть те, кто выбрал ответ «Не совсем, надо бы больше...».

В последние годы как мантра повторяется призыв через воспитательную работу воспитать патриотизм. В таблице 8 приведем самооценку респондентов по предложенной шкале. Да, в какой-то степени распределение ответов коррелирует с оценкой собственных знаний о событиях Великой Отечественной войны. Но для более глубокого понимания взаимосвязей, обуславливающих интерес к ее событиям, было построено два «дерева» классификации для юношей и для девушек (рис. 1, рис. 2). Из числа предложенных к анализу показателей программа, на основе критерия хи-квадрат, отобрала те, которые создают наиболее значимые статистические различия на каждом уровне дерева.

Самым значимым параметром, влияющим на интерес к событиям Великой Отечественной войны и у девушек, и у юношей оказалась самоидентификация по шкале «патриотизма» при ответе на вопрос «Вы можете назвать себя

¹ Банк документов. <https://docs.edu.gov.ru/document/d78e8719835a79f54e3aabc2fe2cb736/> (дата обращения: 21.01.2025).

Таблица 7

Самооценка знаний о Великой Отечественной войне, %*

Считаете ли вы, что у вас достаточно знаний о Великой Отечественной Войне?	Девушки	Юноши
Да	18,9	29,2
Не совсем, надо бы больше, но...	30,4	24,5
Не совсем, но мне хватает	30,7	34,7
Нет	20,0	11,6
ИТОГО	100,0	100,0

Пропуски: 0 из 2 341 (0,0 %).

Таблица 8

Самооценка студентами уровня своего патриотизма, %*

Вы можете себя назвать патриотом?	Девушки	Юноши
Да	33,6	35,7
Скорее да, чем нет	51,8	45,6
Скорее нет, чем да	5,8	5,9
Нет	1,8	2,7
Затрудняюсь ответить	6,9	10,1
ИТОГО	100,0	100,0

* Пропуски: 0 из 2 341 (0,0 %).

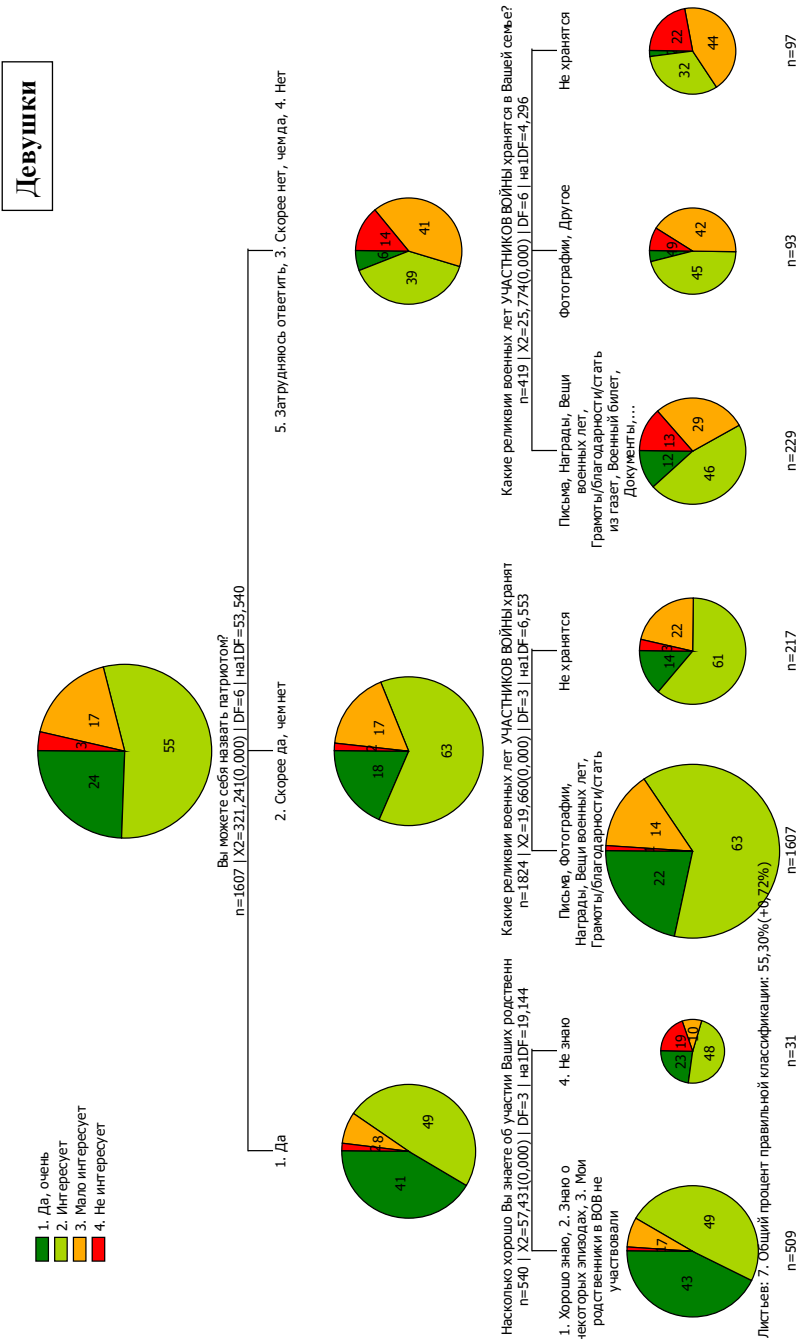
патриотом?». «Патриотов» чаще интересуют военные события. Выявляются и определенные гендерные различия: для девушек интерес к событиям Великой Отечественной войны связан со знаниями об участии родственников в этой войне и сохранении в семье реликвий тех лет. Для юношей интерес к войне определяется их профилем обучения — большой интерес к событиям Великой Отечественной войны характерен для обучающихся на гуманитарных и педагогических, а не технических и не естественно-научных специальностях. То есть интерес к военным событиям коррелирует с самооценкой степени патриотизма, а далее проявляются гендерные различия: если для девушек интерес к войне больше связан со знанием их семейной истории и вызванных ею личных переживаний, то для юношей интерес к этой теме определяется складом ума или профилем обучения.

Заключение

Итак, утверждать, что изменением информационного поля можно принципиально повысить уровень патриотизма, оснований нет. Ставка на приоритетность такого решения проблемы — самообман, последствия которого увеличивают риск разочарования, поскольку более сильный фактор — повседневность бытия. Запрос молодежи на социальную справедливость не удовлетворен, что доказывается ростом ностальгии по советскому времени. Фраза «советский учитель выиграл Отечественную войну» — поднимает статус советской школы, но ее заслуга в том, что она давала знания для реального вертикального социального старта каждому, условия же для него обеспечивались политической системой общества.

Гендерные особенности девушек и юношей, включая особенности их семейного воспитания, накладывают отпечаток на их отношение к событиям Великой Отечественной войны, что может быть использовано в индивидуальной работе

Взаимосвязь интереса к истории Великой Отечественной войны, патриотизма и сохранения семейных реликвий. Девушки
Интересует ли Вас история Великой Отечественной Войны?

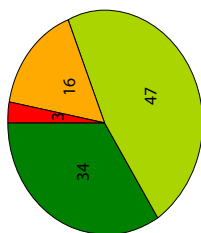

Взаимосвязь интереса к Великой Отечественной войне, патриотизма и профиля обучения. Юноши.

Интересует ли Вас история Великой Отечественной Войны?

Юноши

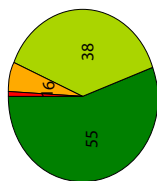
- 1. Да, очень
- 2. Интересует
- 3. Мало интересует
- 4. Не интересует

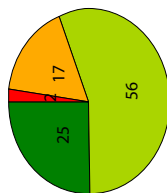
Вы можете себя назвать патриотом?

$n=734$ | $\chi^2=132,437(0,000)$ | $DF=6$ | на $1DF=22,073$

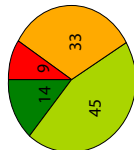
1. Да

2. Скорее да, чем нет

5. Затрудняюсь ответить, 3. Скорее нет, чем да, 4. Нет

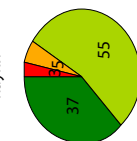

$n=262$

Ваш профиль обучения (для студентов и учащихся):

$n=335$ | $\chi^2=17,070(0,001)$ | $DF=3$ | на $1DF=5,690$

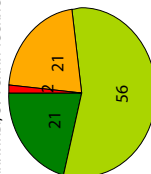
- 1. Педагогические науки, 11. Сельскохозяйственные науки, 12. Гуманитарные науки
- 2. Экономические науки, 3. Социальные науки, 4. Естественно-научные дисциплины, 5. Технические...

$n=93$

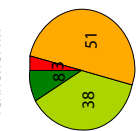
Листьев: 5. Общий процент правильной классификации: 54,63%(+7,22%)

- 1. Педагогические науки, 3. Социальные науки, 4. Естественно-научные дисциплины, 5. Технические...
- 2. Экономические науки, 5. Технические дисциплины, 6. Математика и Интернет-технологии

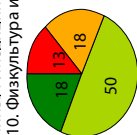
$n=242$

- 1. Педагогические науки, 3. Социальные науки, 4. Естественно-научные дисциплины, 7. Медицинские науки, 10. Физкультура и...
- 2. Экономические науки, 5. Технические дисциплины, 6. Математика и Интернет-технологии

$n=61$

- 1. Педагогические науки, 3. Социальные науки, 4. Естественно-научные дисциплины, 7. Медицинские науки, 10. Физкультура и...
- 2. Экономические науки, 5. Технические дисциплины, 6. Математика и Интернет-технологии

$n=76$

Рис. 2. Взаимосвязь интереса к Великой Отечественной войне, патриотизма и профиля обучения. Юноши

с этими группами. Но социализируются поколения в пространстве повседневности, задаваемом объективными обстоятельствами жизни: институтом семьи, СМИ, образованием, культурой, позже — трудовой сферой. Современная молодежь характеризуется рациональностью выбора, значимость которого будет возрастать по мере роста ответственности за свою судьбу. И приоритетными будут те знания, которые имеют прикладную ценность. Каково будет место в них исторической памяти о Великой Отечественной войне, зависит от их востребованности.

Список источников

Бойков, В. Э. (2011). Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования. *Социология власти*, 5, 44–52. EDN: OIHKYB

Вишневский, Ю. Р. (Ред.) (2025). *Память сильнее времени: итоги V волны мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020–2025 гг.)*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 592.

Саралиева, З. Х. (Ред.) (2025). *Великая Отечественная война в памяти молодого поколения*. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 617.

Саралиева, З. М., Пронина, Е. И., Широкалова, Г. С., Шкурин, Д. В. (2025). Историческая память студентов мегаполисов о Великой Отечественной войне. В *Координаты современной урбанистики: амбивалентность социального (к 115-летию Роберта Мертона)*: сборник научных статей: в 2 томах. Том 1. Системные дихотомии (с. 190–204). Москва: ИНФРА-М, 238. <https://doi.org/10.12737/2237242>

Саралиева, З. М., Судьин, С. А. (2020). Великая Отечественная война в памяти поколений: гендерный и возрастной аспекты. В *Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.)* (с. 105–113). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 352. EDN: YEFFVN

Шиманская, О. К., Колесов, Д. И., Рожин, А. А. (2025). Историческое знание и историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 (по материалам социологического опроса студентов). В *Единение народов России как вызов времени: прошлое и настоящее* [Электронный ресурс]: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной году 80-летия Победы в Великой Отечественной войне (с. 123–157). Нижний Новгород: НГЛУ, 174.

Широкалова, Г. С. (2021). Великая Отечественная... оправдаются ли надежды на «скрепы» исторической памяти? В *Современные тенденции развития молодежной среды: проблемы, вызовы, перспективы: материалы межвузовской научно-практической конференции* (с. 283–288). Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, типография «Белый цвет», 297. EDN: XDTCNW

References

Boikov, V. E. (2011). Historical memory in modern Russian society: the state and problems of formation. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of power]*, 5, 44–52. EDN: OIHKYB (In Russ.)

Vishnevsky, Y.R. (Ed.) (2025). *Pamiat silnee vremeni: itogi V volny monitoringa «Rossiiskoe studenchestvo o Velikoi Otechestvennoi voine» (2005–2010–2015–2020–2025 gg.)* [Memory is stronger than time: the results of the V wave of monitoring «Russian students about the Great Patriotic War» (2005–2010–2015–2020–2025)]. Ekaterinburg: Ural Publishing House. University, 592. (In Russ.)

Saraliev, Z.H. (Ed.) (2025). *Velikaia Otechestvennaia voina v pamiati mladogo pokoleniia [The Great Patriotic War in the memory of the younger generation]*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, 617. (In Russ.)

Saralieva, Z. M., Pronina, E. I., Shirokalova, G. S., & Shkurin, D. V. (2025). Historical memory of students of megacities about the Great Patriotic War. In *Koordinaty sovremennoi urbanistiki: ambivalentnost sotsialnogo (k 115-letiiu Roberta Mertona): sbornik nauchnykh statei: v 2 tomakh. Tom 1. Sistemye dikhotomii* [Coordinates of Modern Urbanism: the Ambivalence of the Social (on the 115th anniversary of Robert Merton): collection of scientific articles: in 2 volumes. Volume 1. Systemic dichotomies] (pp. 190–204). Moscow: INFRA-M, 238. <https://doi.org/10.12737/2237242> (In Russ.)

Saralieva, Z. M., & Sudin, S. A. (2020). The Great Patriotic War in the memory of generations: gender and age aspects. In *Spasibo pradedu za Pobedu...: monografiia po materialam monitoringa «Rossiiskoe studenchestvo o Velikoi Otechestvennoi voine» (2005–2010–2015–2020 gg.)* [Thanks to the great-grandfather for the Victory...: a monograph based on the monitoring materials «Russian students about the Great Patriotic War» (2005–2010–2015–2020)] (pp. 105–113). Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 352. EDN: YEFFVN (In Russ.)

Shimanskaya, O. K., Kolesov, D. I., & Rozhin, A. A. (2025). Historical knowledge and historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945 (based on the materials of a sociological survey of students). In *Edinenie narodov Rossii kak vyzov vremeni: proshloe i nastoiashchee* [Elektronnyi resurs]: Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi Godu 80-letia Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine [Unity of the Peoples of Russia as a Challenge of Time: Past and present [Electronic resource]: Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the Year of the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War] (pp. 123–157). Nizhny Novgorod: NGLU, 174. (In Russ.)

Shirokalova, G. S. (2021). The Great Patriotic War... will the hopes for the «staples» of historical memory be justified? In *Sovremennye tendentsii razvitiia molodezhnoi sredy: problemy, vyzovy, perspektivy: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern trends in the development of the youth environment: problems, challenges, prospects: materials of the interuniversity scientific and practical conference] (pp. 283–288). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, printing house «White Color», 297. EDN: XDTCNW (In Russ.)

Широкалова Галина Сергеевна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (СИ РАН ФНИСЦ РАН); <https://orcid.org/0000-0003-4089-5446> (Российская Федерация, г. Москва, 117218, улица Кржижановского, 24/35, к. 5. e-mail: shirokalova@list.ru).

Шкурин Денис Вадимович — кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, г. Екатеринбург, 620002, ул. Мира, 19; e-mail: kafedra_ps_urfu@mail.ru).

Galina S. Shirokalova — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Leading Researcher, The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS - FCTAS RAS), <https://orcid.org/0000-0003-4089-5446>. (24/35, room 5, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation, e-mail: shirokalova@list.ru).

Denis V. Shkurin — PhD (Soc.), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: kafedra_ps_urfu@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 316.36: 159.922.63

JEL classification: J1, I31

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-3-6>

Потребность в семье, детях и внуках через призму благополучной жизни и благополучной старости¹

Ю. Е. Шматова ^a^a Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Россия).<https://orcid.org/0000-0002-1881-0963>

Автор для корреспонденции: Ю. Е. Шматова (ueshmatova@mail.ru).

Аннотация. Повышение благополучия населения — ключевая цель государства, закрепленная в стратегических документах развития страны. Семейные отношения важны для человека. Общемировые тенденции демографического старения, кризиса психического здоровья, «эпидемии одиночества» актуализируют проблему поиска факторов риска благополучию, в т. ч. среди старшего поколения. В работе представлены выборочные итоги опроса 1 500 жителей Вологодской области в 2025 году с целью изучения ценности и роли семьи для благополучной жизни, в т. ч. в старости. Результаты: фактор семьи — значимый для благополучия и формирования позитивного образа старости, но его ценность с возрастом снижается, а одиночество и чувство ненужности возрастает. Для мужчины ценность семьи увеличивается в поздних возрастах. Чаще не удовлетворены семейными отношениями молодые девушки и пожилые люди. Для половины семья — цель долгой активной жизни и опора в старости, а старшее поколение незаменимо в воспитании внуков. Большинство хотят прожить старость в кругу семьи, но среди пожилых более счастливы супруги, проживающие отдельно от детей, внуков. Результаты могут быть применены для научного обоснования управленческих решений по повышению благополучия населения.

Ключевые слова: семья; благополучие; благополучная старость; одиночество.

The need for Family, Children, and Grandchildren Through the Prism of a Prosperous Life and a Happy Old Age

Yu. Shmatova ^a^a Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia).<https://orcid.org/0000-0002-1881-0693>

Corresponding author: Yu. Shmatova (ueshmatova@mail.ru).

Abstract. Improving the well-being of the population is a key state goal, enshrined in strategic development documents. Family relationships are important for people. Global trends of demographic aging, a mental health crisis, and a «loneliness epidemic» highlight the need to identify risk factors for well-being, including among the older generation. This paper presents selected results of a survey of 1,500 residents of the Vologda Oblast in 2025 to examine the value and role of family for a prosperous life, including in old age. Results: Family is a significant factor in well-being and the formation of a positive image of old age, but its value declines with age, while loneliness and feelings of uselessness increase. For men, the value of family increases in later life. Young women and older men are more likely to be dissatisfied with their family relationships. For half of the respondents, family is the goal of a long, active life and a support system in old age, and the older generation is indispensable in raising grandchildren. Most people want to live out their old age with their families, but among the elderly, spouses who live separately from their children and grandchildren are happier. The results can be used to scientifically substantiate management decisions to improve the well-being of the population.

Keywords: family, well-being, happy old age, loneliness

¹ © Шматова Ю. Е. Текст. 2026.

Введение

Согласно Указу Президента РФ от 07.05.2024 № 309, благополучие людей — одна из семи национальных целей развития России до 2036 г. (наряду с сохранением населения, поддержкой семьи и др.).

Понятие благополучия охватывает качество жизни и субъективное благополучие (Леонтьев, 2020). Под последним понимается собственное восприятие удовлетворенности жизнью в тесной связи с конструктами «счастье», «позитивный аффект». Благополучие человека всегда встроено в межличностный, социально-семейный или институциональный контекст.

Исследователи доказывают, что огромным, но пока не использованным потенциалом для улучшения качества жизни людей обладает поощрение любви в обществе (VanderWeele, 2025). При этом было выявлено, что большее значение для благополучия имеет проявление любви к другим людям, а не ее получение (Xi, 2026). В семье люди получают возможность быть нужным и любимым, заботиться друг о друге и получать поддержку и внимание.

Семья как социальный институт играет фундаментальную роль в формировании личности, социализации и обеспечении эмоционального, физического и социального благополучия на протяжении всей жизни. Еще в детстве ребенок усваивает в семье базовые ценности, нормы поведения и нравственности, навыки общения, формирует жизненные цели. Опыт отношений в родительской семье влияет на формирование личностного ресурса, готовности к созданию собственной семьи, удовлетворенности будущим браком. По мере старения значимость семьи возрастает, т. к. выход на пенсию, прекращение работы, ухудшение состояния здоровья, снижение мобильности и контактов требуют повышенного внимания и заботы со стороны близких.

Поскольку во всем мире наблюдаются тенденции старения населения и растущего кризиса психического здоровья (Lipson, 2022), актуализируется проблема повышения благополучия (в т. ч. психологического) у растущей доли пожилых людей, что требует поиска угроз и защитных факторов. Современные исследования показывают, что стабильные семейные отношения на протяжении всей жизни являются важнейшим предиктором благополучия в старости (Mäki, 2025), связаны с более высоким качеством жизни, меньшей заболеваемостью и долгой продолжительностью жизни (Wong & Waite, 2015), а конфликтные отношения или одиночество могут ухудшать психическое и физическое здоровье, повышать риск суицида в пожилом возрасте (Øien-Ødegaard et al., 2021; Любов, 2017).

Понимание ценности семьи для формирования благополучия в разные возрастные периоды позволит выявить группы риска (например, одинокие пожилые люди, семьи с конфликтными отношениями, разведенные и др.) и разрабатывать рекомендации для семей по укреплению взаимопонимания, сохранению брака, а также эффективные программы социальной поддержки уязвимых категорий. Таким образом, изучение этой темы имеет не только теоретическую, но и высокую практическую значимость для общества и системы социального обслуживания.

Обзор литературы

Учитывая высокую значимость для человека в его жизни романтических отношений, учеными была выявлена взаимосвязь между семейным положением

и самоощущением благополучия (Diener, 2000; Wood, 2009; Verbakel, 2012; Mäki, 2025). Наличие спутника жизни является краеугольным камнем эмоционального, социального и экономического благополучия (Wängqvist et al., 2016; Luuyckx et al., 2014), положительно связано с качеством жизни и удовлетворенностью ею, состоянием здоровья, заболеваемостью и смертностью (Wong & Waite, 2015).

Кроме того, супружество является одним из важнейших факторов здорового старения (Wood, 2009), т. к. поддерживающий партнер дает чувство эмоциональной безопасности, снижает уровень стресса и одиночества, положительно влияет на повседневные привычки в области питания, физической и медицинской активности (Mäki, 2025). Супружеские пары чаще ведут здоровый образ жизни, правильно питаются и больше занимаются спортом (Case, 2025). В свою очередь конфликтные или нестабильные союзы могут подтачивать как психическое, так и физическое здоровье. Финскими учеными было доказано, что именно стабильный брак связан с самым высоким уровнем благополучия в пожилом возрасте, причем независимо от образования супругов (Mäki, 2025). При этом доказано, что малообразованные люди развод воспринимают особенно болезненно (Mäki, 2025; Guo, 2022), что даже может привести к суициду (Øien-Ødegaard et al., 2021).

Поддержка со стороны семьи (Миронова, 2024; Козырева, 2016), чувство нужности, полезности (Максимова, 2015; Nonaka, 2023) и роль матери (Maman, 2022) также относятся к защитным факторам благополучия пожилых людей. А одиночество, социальная изоляция (Воронин, 2018; Zhang, 2023) и смерть супруга/супруги (Vooga, 2020; Carr, 2018), напротив, являются значимыми факторами риска.

Методика исследования

Цель данного исследования — изучить ценность семейных взаимоотношений и родственных связей в формировании субъективного благополучия и благополучной старости.

Информационная база. В основу исследования легли выборочные результаты социологического опроса «Благополучие населения», проведенного Вологодским научным центром РАН в 2025 г. среди совершеннолетних жителей региона. Метод — раздаточное анкетирование. Объем выборки — 1 500 человек в двух городах (Вологда и Череповец) и восьми муниципальных округах. Выборка репрезентативная, квотированная по полу (мужчины, женщины), возрасту (18–24 года, 25–34 года, 35–44 года, 45–54 года, 55–64 года, 65–74 года, старше 75 лет), типу поселения (город/село, сельские населенные пункты, малые и средние города), экономической активности населения (занятые, безработные, экономически неактивные). Ошибка выборки — не более 3 %.

Обработка и анализ исходной информации осуществлялись с помощью программного обеспечения Microsoft Office Excel и IBM SPSS Statistics (ver.22.0).

Результаты

Значительная часть опрошенных считает, что благополучие жизни неотъемлемо от понятия «счастливая семья». Выше доля таковых среди женщин (79 %; мужчин — 69 %), особенно в молодом возрасте (88 % девушек до 25 лет). Для сильного пола ценность семьи в разрезе благополучия возрастает чуть позже, к 25–34 годам,

когда они обзаводятся супругой и детьми. Однако, мы выявили, что по мере взросления отмечается снижение ценности семьи: у женщин — на четверть, у мужчин — на 20 %. Тем не менее для удовлетворенности жизнью три четверти женщин и две трети мужчин старше 65 лет нуждаются в крепкой и дружной семье.

Ценность счастливой семьи ожидаемо выше среди официально расписанных респондентов (81 %) и овдовевших (71 %), среди имеющих детей (76 %), а ниже — среди холостых, разведенных (62 %) и бездетных (67 %). Среди представителей старшего поколения (65+) значимость семьи выше у тех, кто проживает с супругом, детьми и внуками (73 %).

Испытываемое респондентом чувство одиночества не влияет на значимость семейных отношений. Но стабильные семейные узы являются значимым критерием благополучной жизни для тех, кто имеет в своем окружении человека, с которым можно поделиться проблемами (78 %), обратиться за помощью (81 %), кто ощущает свою полезность семье (81 % против 49 % не чувствующих) и окружающим людям (79 % против 63 %).

Примерно каждый десятый (12 %) опрошенный признался, что ему/ей в настоящий момент не хватает счастливой семьи, чтобы назвать свою жизнь благополучной (62 % — хватает). Среди девушек моложе 25 лет и женщин старше 75 этот показатель выше (18–19 %), как и среди холостых, разведенных, вдовых (23–26 % против 4 % состоящих в зарегистрированном браке, 14 % сожительствующих) и бездетных респондентов (22 % против 10 % родителей). Кроме того, мы выяснили, что доля лиц старшего возраста, проживающих совместно с детьми и внуками, но ощущающих нехватку «счастливой семьи», остается выше среднего показателя и составляет 16 %. Среди старшего поколения более счастливыми в семейном плане чувствуют себя семейные пары (73 %) и проживающие отдельно от младших поколений (63 %).

Зрелые мужчины (после 55 лет) чаще женщин признаются, что они счастливы в браке. После 75 лет практически трое из четырех сообщили об этом. Среди их ровесниц, напротив, лишь каждая вторая считает свою семейную жизнь удачной и лишь 40 % удовлетворены ею.

Примерно 15 % респондентов сообщили, что разочарованы личными отношениями и хотели бы достичь большего взаимопонимания с родными. Среди старшего поколения (18 % мужчин и 19 % женщин в возрасте 75+) и молодых девушек до 25 лет (20 %) их доля выше.

Каждый четвертый респондент считает, что проводит со своими родными недостаточно времени (среди юношей 18–24 лет — каждый третий, а ровесниц — 37 %). В целом можно отметить, что женщины вплоть до 55 лет чаще мужчин чувствуют потребность чаще видеться с семьей. После 75 лет потребность в этом снижается (23 % и 25 % соответственно). Согласно полученным данным, каждый десятый пожилой человек (старше 65 лет) либо вообще не общается с родственниками, либо делает это несколько раз в год. Для сравнения: среди более молодых доля таковых не превышает 1,5–3 %.

Более 35 % женщин и 28 % мужчин признались, что у них возникало чувство одиночества. Лишь в группе респондентов, рожденных в 70-е гг. XX века (на момент опроса им было 45–54 года), доля одиноких мужчин преобладает

над женщинами. С возрастом доля знакомых с одиночеством увеличивается среди всех респондентов после 35 лет, достигая пика в группе 75+ (каждый второй мужчина и 59 % женщин). После 65 лет также каждая вторая респондентка испытывает чувство одиночества.

Кроме того, отвечая на вопрос, чувствует ли себя респондент защищенным от одиночества, более 35 % старшего поколения (65+) ответили отрицательно, в группе 75+ доля таковых увеличивается еще больше: среди женщин — до 41 %, у мужчин — до 45 %.

Примерно каждый десятый (11 %) опрошенный признался, что у него нет близкого, способного выслушать и поддержать. Их доля увеличивается вдвое после 75-летнего рубежа (19 %), особенно среди мужчин (36 %). В то же время у трех из четырех пожилых вологжанок есть человек, с которым можно обсудить вопросы личного характера.

Наиболее нужными своей семье чувствуют себя молодые люди в возрасте 25–34 лет (примерно каждый четвертый). Чувство собственной «бесполезности» в этот период испытывают лишь 13 % мужчин и 7 % женщин. С возрастом их доля постепенно увеличивается, а после 55 лет это чувство начинает испытывать значительно большее число женщин (20 %) по сравнению с мужчинами (15 %), хотя в молодости ситуация была обратной.

Нами было выявлено, что респонденты, находящиеся в хороших семейных отношениях на момент опроса, значительно чаще выбирают позитивные суждения о старости: о появлении новых возможностей, о пользе своего опыта и профессионализма, о востребованности, о повышенном внимании и заботе окружающих, почете и уважении, меньше боятся наступления старости. В свою очередь оптимистичный образ старости, согласно исследованиям ученых, в будущем будет способствовать активному здоровому долголетию и удовлетворенностью жизнью.

Рассуждая о благополучной старости, каждый второй опрошенный житель Вологодской области счел необходимым критерием для ее достижения «хорошие отношения с семьей и родственниками». Среди женщин в целом этот показатель выше, но после 65 лет ценность семьи для благополучной старости теряет свою актуальность, в отличие от мужчин, которые, напротив, начинают осознавать значимость в позднем возрасте гармоничных и теплых отношений в семье, любящих и любимых близких рядом.

Примерно трое из четырех опрошенных хотели бы прожить свою старость среди членов своей семьи. Среди молодых девушек (до 25 лет) их доля составила 84 %, среди мужчин старше 75 лет — 88 %. Последнее может быть сопряжено с утратой потенциала здоровья и потребностью в заботе окружающих.

Наибольший удельный вес не желающих стареть в кругу своих родных детей и внуков выявлен среди мужчин до 25 лет (33 %) и 65–74 лет (33 %), женщин старше 75 лет (26 %); проживающих в гражданском браке (28 %) или вдовствующих (27 %, но и 1/4 официально расписанных), с низким уровнем образования; с высокой покупательной способностью (50 %) и достаточно удовлетворенных (8–10 баллов по 10-балльной шкале — 28 %) жизнью.

Если рассмотреть категорию респондентов старше 65 лет, то нами выявлено не чуть большее число не желающих жить со своей семьей в старости среди уже

проживающих самостоятельно (30 %), без жены/мужа и детей (по 28 %), и здоровых эмоционально (не имеющих симптомов тревожного или депрессивного расстройства) на момент проведения опроса. Среди проживающих совместно с детьми и внуками подавляющее большинство не хотели бы ничего менять. В то же время, 30 % женщин не хотят дальше проживать совместно со своими детьми и внуками.

Рассуждая о цели продолжительной жизни, респонденты чаще ставили максимальный балл (пять баллов по пятибальной шкале приравнено к ответу «имеет очень большое значение»), помимо варианта «наслаждаться жизнью» (58 %), позициям, связанным именно с их семьей. А именно: «общаться с внуками, правнуками» (58 %), «увидеть, каких успехов добьются мои дети» (55 %), «помогать своим детям, внукам» (53 %), «не хочется расставаться со своими родными и близкими» (53 %).

При этом, анализируя половозрастную структуру, можно сделать следующие выводы. Женщины в среднем чаще мужчин выбирают семейные жизненные приоритеты. С возрастом у обоих полов их ценность снижается (достигая минимума в группах 65–74-летних). Стремление помогать своим детям и внукам в качестве цели своего существования значительно уменьшается по мере взросления человека, особенно после 75 лет, как среди мужчин (38 %), так и женщин (48 %). Единственное, что демонстрирует рост в самой старшей группе лиц, это нежелание расставаться со своими родными и близкими (56 % женщин и 52 % их ровесников).

Примерно половина (48 %) опрошенных жителей Вологодской области считает, что пожилые родители незаменимы в качестве помощников по воспитанию внуков. Женщины во всех возрастах чуть чаще соглашались с этим утверждением, а особенно по достижении ими 75-летнего рубежа (47 % женщин и лишь 27 % мужчин). Примечательно, что факт наличия у респондента детей не влияет на признание пользы пожилых в данном вопросе в отличие от уровня жизни. Так, вологжане с высоким уровнем покупательной способности (71 % позволяющих себе купить все против 24 % тех, кому денег не хватает на еду и приходится занимать в долг) и оценивающие свою жизнь как благополучную (65 % против 35 % «неблагополучных») чаще соглашались с тезисом о важной роли бабушек и дедушек в воспитании внуков. Интересно, что респонденты старшего возраста (65+), проживающие с детьми и внуками (38 %), реже одиноких ровесников (46 %) убеждены в незаменимости роли пожилых в воспитании младшего поколения.

Семья, дети, внуки являются, по мнению каждого второго (48 %) опрошенного жителя региона, единственной опорой в старости, на которую можно рассчитывать. Женщины и респонденты-родители склонны так считать несколько чаще. Но после 75 лет диспропорция смещается в сторону мужчин (68 %, среди ровесниц лишь 40 %).

Именно семью и родственников подавляющее большинство респондентов (88 %) назвало наиболее «важным» (60 %) или «скорее важным» (28 %) источником поддержки в старости. При этом статистически значимых отличий в зависимости от пола, возраста, семейного положения, наличия детей и уровня образования и дохода нами не было обнаружено.

Обсуждение

Счастливые семейные узы крайне важны для ощущения благополучия, особенно среди женщин, но с возрастом их ценность у обоих полов снижается.

Большую неудовлетворенность близкими отношениями испытывают бездетные, холостые, разведенные, вдовы и женщины старше 75 лет. Отсутствие спутника жизни сказывается на семейном благополучии. В пожилом возрасте недостаток партнера (мужа/жены) играет важную роль в ощущении семейного счастья, и даже проживание совместно с детьми и внуками не компенсирует его отсутствие, не дает существенного преимущества в ощущении благополучия. Поэтому после 75 лет, учитывая большую продолжительность жизни женщин и гендерную диспропорцию в данной возрастной группе в их пользу, существенно снижается доля счастливых бабушек, несмотря на детей и внуков.

Каждый шестой опрошенный житель Вологодской области не удовлетворен отношениями с родными, а среди пожилых каждый пятый хотел бы их улучшить. Каждый четвертый респондент хотел бы чаще видеться с членами своей семьи, особенно женщины, преимущественно молодые.

Доля знакомых с чувством одиночества людей выше среди женщин и увеличивается с возрастом. После 75 лет резко сокращается доля имеющих близкого человека, способного выслушать и поддержать, в особенности среди пожилых мужчин, возможно, по причине ухода из жизни все большего числа друзей.

Активное участие женщин в жизни семьи — в быту, в воспитании детей и заботе о всех членах семьи — позволяет им чувствовать свою ценность. Тем болезненнее в пожилом возрасте они переживают утрату своей полезности, незаменимости, всеобщей потребности в их помощи и участии. Это говорит о возрастающей уязвимости лиц старшего возраста перед одиночеством, страхом остаться одному/одной, никому не нужными.

Нами отмечено, что у людей, которые находятся в гармоничной семейной атмосфере, формируется более позитивный образ старости.

Большая часть (три четверти) населения хотела бы прожить старость со своими детьми и внуками. Чаще так думают молодые девушки и мужчины старше 75 лет, а также респонденты-родители, в т. ч. пожилые, проживающие со своими детьми и внуками. Требуется дополнительное изучение тот факт, что треть из последней категории не удовлетворены совместным бытом и отношениями и хотели бы жить самостоятельно и отдельно.

Именно с семьей преимущественно связаны и приоритеты долгой активной жизни человека. Однако желание помогать детям и внуками, как цель жизненного пути, у женщин после 55-летнего возраста снижается.

Более половины опрошенных отмечают незаменимость пожилых в воспитании внуков. Когда старшее поколение живет вместе с детьми и внуками, самооценка их воспитательной функции становится менее выраженной.

Семья и родственники — важный источник поддержки в старости, на который, по мнению опрошенных, можно рассчитывать.

Заключение

Согласно проведенному анализу, ценность счастливых семейных отношений для ощущения благополучия находится на первом месте, но с возрастом их значимость снижается, уступая место проблемам здоровья, душевного равновесия и социальной защищенности. Отсутствие спутника жизни в большей степени

сказывается на семейном благополучии, чем наличие детей и внуков. С возрастом увеличиваются риски появления чувства одиночества и ненужности. Тем не менее главными двигателями активного долголетия для человека выступают именно семейные и родственные мотивы. Члены семьи воспринимаются важным источником поддержки в старости. Для пожилых людей близкие отношения, дающие возможность общения и взаимной поддержки, могут стать спасением и дать жизненный стимул. Таким образом, для поддержания благополучия в старости важно уделять внимание семейным отношениям, стремиться к созданию атмосферы взаимопонимания, поддержки и любви, учитывая интересы друг друга и находя общие занятия.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-78-10128, <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-10128, <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>

Список источников

Воронин Г. Л., Захаров В. Я., Козырева П. М. (2018). Одинокие пожилые: доживают или активно живут? *Социологический журнал*, 24, 3, 32–55. <http://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5992>

Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. (2016). Счастье и его детерминанты (статья 2). *Социологические исследования*, 1, 66–76.

Леонтьев Д. А. (2020). Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты. *Психологический журнал*, 41, 6, 86–95. <http://doi.org/10.31857/S020595920012592-7>

Любов Е. Б., Магурдумова Л. Г., Цупрун В. Е. (2017). Суицидальное поведение пожилых. *Суицидология*, 1 (26), 3–16.

Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Максимова М. М., Щеглова Д. К. (2015). Социально-экономические факторы, определяющие качество жизни лиц пожилого и старческого возраста. *Вестник АГАУ*, 6 (128), 189–163.

Миронова А. А. (2024). Родственная помощь как фактор субъективного благополучия пожилых людей. *Социологический журнал*, 30, 2, 53–81. <http://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.2.3>

Boora S., Jain A. (2020) Loneliness and social support of separated and widowed women: In relation to mental health. *Journal of Psychosocial Research*, 15(2):675–682. <http://doi.org/10.32381/jpr.2020.15.02.28>

Carr D. (2018) Mental health of older widows and widowers: Which coping strategies are most protective? *Aging & Mental Health*, 24(2):291–299. <http://doi.org/10.1080/13607863.2018.1531381>

Case B., Corbin I.M., Ivey R., Teubner J. (2025) Reconnecting our communities: Social flourishing on the far side of “our epidemic of loneliness and isolation. *International Journal of Wellbeing*, 15(4):1-28 <http://doi.org/10.5502/ijw.v15i4.4839>

Diener, E., Gohm, C. L., Suh, E., & Oishi, S. (2000). Similarity of the relations between marital status and subjective well-being across cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 31 (4), 419–436.

Guo L., Iacovou M., Huang J. (2022) Spousal absence and well-being: Evidence from China’s internal migration Wiley. *Population, Space and Place*, 28 (4). <http://doi.org/10.1002/psp.2513>

- Lipson S.K., Zhou S., Abelson S., Heinze J., Jirsa M., Morigney J., Patterson A., Singh M., Eisenberg D. (2022) Trends in college student mental health and help-seeking by race/ethnicity: Findings from the national healthy minds study, 2013–2021. *J. Affect. Disord.*, 306:138–147. <http://doi.org/10.1016/j.jad.2022.03.038>
- Luyckx, K., Seiffge-Krenke, I., Schwartz, S. J., Crocetti, E., & Klimstra, T. A. (2014). Identity configurations across love and work in emerging adults in romantic relationships. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 35 (3), 192–203.
- Mäki, M., Hägglund, A.E., Rotkirch, A. et al. (2025) Stable Marital Histories Predict Happiness and Health Across Educational Groups. *Eur J Population*, 41, 12. <https://doi.org/10.1007/s10680-025-09733-x>
- Maman R., Rand D., Avrech Bar M. (2022) A Scoping Review of the Maternal Role at Older Age; Perceptions and Occupations. *Int J Environ Res Public Health*, 3, 19(1), 492. <http://doi.org/10.3390/ijerph19010492>
- Nonaka K, Murayama H, Murayama Y, Murayama S, Kuraoka M, Nemoto Y, Kobayashi E, Fujiwara Y. (2023) The Impact of Generativity on Maintaining Higher-Level Functional Capacity of Older Adults: A Longitudinal Study in Japan. *Int J Environ Res Public Health*, 31, 20(11):6015. <http://doi.org/10.3390/ijerph20116015>
- Øien-Ødegaard, C., Hauge, L. J., & Reneflot, A. (2021). Marital status, educational attainment, and suicide risk: A Norwegian register-based population study. *Population Health Metrics*, 19(1), 33.
- VanderWeele T.J. Lee M.T. (2025) Love and human flourishing. *International Journal of Wellbeing*, 15(4):1-31 <http://doi.org/10.5502/ijw.v15i4.4663>
- Verbakel E. (2012). Subjective well-being by partnership status and its dependence on the normative climate. *European Journal of Population / Revue Européenne de Démographie*, 28(2), 205–232.
- Wängqvist, M., Carlsson, J., van der Lee, M., & Frisén, A. (2016). Identity development and romantic relationships in the late twenties. *Identity*, 16(1), 24–44.
- Wong, J. S., & Waite, L. J. (2015). Marriage, social networks, and health at older ages. *Journal of Population Ageing*, 8(1–2), 7–25.
- Wood, R. G., Avellar, S., & Goesling, B. (2009) *The effects of marriage on health: A synthesis of recent research evidence*. Nova Science, 68.
- Xi, J., Lee, M.T. (2026) Feeling Loved, Showing Love, and Flourishing: Implications of Survey Findings for the Practice of Leadership Across All Sectors. *Humanist Manag J.* <https://doi.org/10.1007/s41463-025-00216-z>
- Zhang P, Wang L, Zhou Q, Dong X, Guo Y, Wang P, He W, Wang R, Wu T, Yao Z, Hu B, Wang Y, Zhang Q, Sun C. (2023) A network analysis of anxiety and depression symptoms in Chinese disabled elderly. *J Affect Disord.*, 333, 535–542. <http://doi.org/10.1016/j.jad.2023.04.065>

References

- Agarkov, N.M. & Negrebetskiy, V.A. (2023). Psychological domain of patients with coronary heart disease who have suffered a new coronavirus infection in the early stages of recovery. *Sovremennyye problemy zdoravookhraneniya i meditsinskoy statistiki [Modern problems of health care and medical statistics]*, № 3, 243–256. (In Russ.)
- Voronin, G.L., Zakharov, V.Ya., & Kozyreva, P.M. (2018). Lonely Elderly People: Living Out Their Lives or Living Actively? *Sotsiologicheskij zhurnal. [Sociological Journal]*, 24, 3, 32–55. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5992> (In Russ.)
- Kozyreva, P.M., Nizamova, A.E., & Smirnov, A.I. (2016). Happiness and its determinants (Article 2). *Sotsiologicheskkiye issledovaniya [Sociological Research]*, 1, 66–76. (In Russ.)

Leontiev, D.A. (2020) Quality of life and well-being: objective, subjective and subjective aspects. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 41, 6, 86–95. <https://doi.org/10.31857/S020595920012592-7>(In Russ.)

Lyubov, Ye.B., Magurdumova, L.G., Tsuprun, V.Ye. (2017), Suicidal behavior in the elderly. *Suitsidologiya [Suicidology]*, 1 (26), 3–16. (In Russ.)

Maksimova, S.G., Noyanzina, O.Ye., Maksimova, M.M., & Shcheglova, D.K. (2015) Socio-economic factors determining the quality of life of elderly and senile people. *Vestnik AGAU [Bulletin of the AGAU]*, 6(128), 189–163. (In Russ.)

Mironova, A.A. (2024) Relative assistance as a factor in subjective well-being of older people. *Sotsiologicheskii zhurnal. [Sociological Journal]*, 30, 2, 53–81. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.2.3>(In Russ.)

Boora, S., Jain, A. (2020). Loneliness and social support of separated and widowed women: In relation to mental health. *Journal of Psychosocial Research*, 15(2):675–682. <https://doi.org/10.32381/jpr.2020.15.02.28>

Carr, D. (2018). Mental health of older widows and widowers: Which coping strategies are most protective? *Aging & Mental Health*, 24(2):291–299. <https://doi.org/10.1080/13607863.2018.1531381>.

Case, B., Corbin, I.M., Ivey, R., & Teubner J. (2025). Reconnecting our communities: Social flourishing on the far side of “our epidemic of loneliness and isolation. *International Journal of Wellbeing*, 15(4):1–28 <https://doi.org/10.5502/ijw.v15i4.4839>

Diener, E., Gohm, C. L., Suh, E., & Oishi, S. (2000). Similarity of the relations between marital status and subjective well-being across cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 31 (4), 419–436.

Guo, L., Iacovou, M., Huang, J. (2022). Spousal absence and well-being: Evidence from China’s internal migration Wiley. *Population, Space and Place*, 28 (4). <https://doi.org/10.1002/psp.2513>

Lipson, S.K., Zhou, S., Abelson, S. et al. (2022). Trends in college student mental health and help-seeking by race/ethnicity: Findings from the national healthy minds study, 2013–2021. *J. Affect. Disord.*, 306:138–147. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.03.038>.

Luyckx, K., Seiffge-Krenke, I., Schwartz, S. J., Crocetti, E., & Klimstra, T. A. (2014). Identity configurations across love and work in emerging adults in romantic relationships. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 35 (3), 192–203.

Mäki, M., Hägglund, A.E., Rotkirch, A. et al. (2025) Stable Marital Histories Predict Happiness and Health Across Educational Groups. *Eur J Population*, 41, 12. <https://doi.org/10.1007/s10680-025-09733-x>

Maman, R., Rand, D., & Avrech, Bar M. (2022) A Scoping Review of the Maternal Role at Older Age; Perceptions and Occupations. *Int J Environ Res Public Health*, 3, 19(1), 492. doi: 10.3390/ijerph19010492.

Nonaka K, Murayama H, Murayama Y, Murayama S, Kuraoka M, Nemoto Y, Kobayashi E, Fujiwara Y. (2023) The Impact of Generativity on Maintaining Higher-Level Functional Capacity of Older Adults: A Longitudinal Study in Japan. *Int J Environ Res Public Health*, 31, 20(11):6015. doi: 10.3390/ijerph20116015.

Øien-Ødegaard, C., Hauge, L. J., & Reneflot, A. (2021). Marital status, educational attainment, and suicide risk: A Norwegian register-based population study. *Population Health Metrics*, 19(1), 33.

VanderWeele, T.J. & Lee, M.T. (2025) Love and human flourishing. *International Journal of Wellbeing*, 15(4):1–31 <https://doi.org/10.5502/ijw.v15i4.4663>

Verbakel, E. (2012). Subjective well-being by partnership status and its dependence on the normative climate. *European Journal of Population / Revue Européenne de Démographie*, 28(2), 205–232.

Wängqvist, M., Carlsson, J., van der Lee, M., & Frisén, A. (2016). Identity development and romantic relationships in the late twenties. *Identity*, 16(1), 24–44.

Wong, J. S., & Waite, L. J. (2015). Marriage, social networks, and health at older ages. *Journal of Population Ageing*, 8 (1–2), 7–25.

Wood, R. G., Avellar, S., & Goesling, B. (2009) *The effects of marriage on health: A synthesis of recent research evidence*. Nova Science.

Xi, J., Lee, M.T. (2026) Feeling Loved, Showing Love, and Flourishing: Implications of Survey Findings for the Practice of Leadership Across All Sectors. *Humanist Manag J*. <https://doi.org/10.1007/s41463-025-00216-z>

Zhang, P., Wang, L., Zhou, Q. et al. (2023) A network analysis of anxiety and depression symptoms in Chinese disabled elderly. *J Affect Disord.*, 333, 535–542. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2023.04.065>

Шматова Юлия Евгеньевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН ВолНЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0002-1881-0963> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: ueshmatova@mail.ru).

Yulia E. Shmatova — PhD in economics, Senior researcher VolRC RAS; <https://orcid.org/0000-0002-1881-0963> (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, e-mail: ueshmatova@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 336.018(045)

JEL J11, J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-3-7>

Региональные аспекты репродуктивного поведения и семейные модели молодежи российской провинции: проблемы, парадоксы¹

И. А. Юрасов^а, Л. Н. Мордишева^б

^а Пензенский государственный университет (г. Пенза, Российская Федерация).

<https://orcid.org/0009-0001-2442-4452>

^б Пензенский государственный университет (г. Пенза, Российская Федерация).

<https://orcid.org/0000-0003-1491-0227>

Автор для корреспонденции: И. А. Юрасов (jurassow@yandex.ru).

Аннотация. Исходные данные анализа репродуктивного поведения заключаются в том, что оно является основой социально-демографических процессов. Предмет исследования — репродуктивное поведение молодежи. Цель исследования — выявление установок молодежи на формирование моделей семьи. Гипотеза исследования состоит в предположении, что репродукция формирует популярные семейные модели и на нее влияют региональные, этнические, социокультурные факторы, которые формируют демографические социокультурные парадоксы, такие как: отказ от многодетности людей, выросших в многодетных семьях, негативное влияние на многодетность модели ответственного родительства, связь религиозности и репродукции. Методами исследования являются количественные и качественные социологические методы, социологическое воображение, анализ и синтез. Основные результаты и научный вклад коллектива состоит в том, что были определены демографические и социокультурные проблемы и парадоксы репродуктивного поведения молодежи, которые выражаются во влиянии этнических факторов, исторической памяти этносов, модели ответственного родительства, в негативном влиянии материального благосостояния на репродуктивное поведение. Выводы и перспективы исследования заключаются в концептуализации типов репродуктивной идентичности, которые накладываются друг на друга и конкурируют друг с другом.

Ключевые слова: репродуктивное поведение; репродуктивная идентичность; парадоксы и проблемы репродуктивности.

Regional Aspects of Reproductive Behavior and Family Models of Young People in the Russian Provinces: Problems, Paradoxes

I. Yurasova^а, L. N. Mordisheva^б

^а Penza State University (Penza, Russian Federation).

<https://orcid.org/0009-0001-2442-4452>

^б Penza State University (Penza, Russian Federation).

<https://orcid.org/0000-0003-1491-0227>

Corresponding author: I. Yurasova (jurassow@yandex.ru).

Abstract. The initial data of the analysis of reproductive behavior consist in the fact that it is the basis of socio-demographic processes. The subject of the research is the study of reproductive behavior and the identification of young people based on it. The purpose of the study is to identify attitudes of young people towards the formation of family models. The hypothesis of the study is the assumption that reproduction forms popular family models and is influenced by regional, ethnic, socio-cultural factors that form demo-

¹ © Юрасова И. А., Мордишева Л. Н. Текст. 2026.

graphic socio-cultural paradoxes, such as: the rejection of large families by people who grew up in large families, the negative impact of the responsible parenting model on large families; the connections between religiosity and reproduction. The research methods are quantitative and qualitative sociological methods, sociological imagination, analysis and synthesis. The main results and scientific contribution of the team are that the demographic and socio-cultural problems and paradoxes of the reproductive behavior of young people were determined, which are expressed in the influence of ethnic factors, the historical memory of ethnic groups, the model of responsible parenting, and the negative impact of material well-being on reproductive behavior. The conclusions and prospects of the study lie in the conceptualization of types of reproductive identity that overlap and compete with each other.

Keywords: reproductive behavior; reproductive identity; paradoxes and problems of reproduction.

Введение

Репродуктивное поведение молодежи является базовым элементом структурирования демографических процессов во всех обществах. Репродуктивные установки и репродуктивное поведение определяют во многом страновую специфику демографической ситуации и выражаются в социально-психологической потребности в рождении, воспитании детей (Сененко, 2024).

Репродуктивное поведение населения является сложным многофакторным, многоаспектным явлением, охватывающим социальную, социально-экономическую, социально-психологическую, санитарно-гигиеническую, здравоохранительную сферы общества, и изучается в рамках социологии, экономики, социальной и общей психологии, демографии, медицины. Кроме того, репродуктивное поведение имеет ярко выраженную региональную специфику, на которую влияет тип региона, социально-экономическая обстановка, этнические и социокультурные особенности.

В качестве объекта настоящего исследования выступила провинциальная молодежь российских городов Приволжского федерального округа. Предметом стал анализ репродуктивного поведения и выявление базовых семейных моделей российской провинциальной молодежи. Объект исследования был определен на логическом допущении, что существуют некоторые отличия в репродуктивном поведении населения провинциальных и крупных городов-мегаполисов, и эти отличия затрагивают в первую очередь социокультурные факторы. Региональная специфика касается отличий в социально-экономической, социальной, социально-политической сферах. Дихотомия столичный/провинциальный выражает социокультурные аспекты. В провинциальные регионы могут входить: развитые, депрессивные, опорные регионы нового освоения. В столичные (Москва, Санкт-Петербург) и крупные региональные мегаполисы (Казань, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Челябинск, Уфа и др.) могут входить как развитые (опорные, такие как Москва, Санкт-Петербург, Казань), особые (Уфа, Челябинск, Воронеж, Пермь и др.). Деление на провинциальный и столичный основывается на факторе течения социального времени, то есть субъективно интерпретируемого временного отрезка, за который происходят или могут происходить определенные социальные процессы и явления.

Провинциальная специфика проявляется в более медленном, чем в столице и мегаполисе, течении социального времени (Юрасов & Танина, 2018). И практически все социальные процессы и явления в российских провинциальных регионах опаздывают по отношению к происходящим в столичных городах

на определенный промежуток времени, который может охватывать год/два или несколько лет.

Все существующие в России и за рубежом научные исследования опираются на анализ социальных, социально-экономических, социально-психологических факторов, препятствующих рождению детей. Но современная российская государственная демографическая политика исходит из того, что доминирующей моделью семьи должна стать семья многодетная, имеющая трех и более детей. Но репродуктивные установки большинства населения российских городов не ориентированы на модель многодетности. В основе репродуктивного поведения населения российских регионов лежит специфическая система ценностей, которая опирается на семейные ценности. Выбор между моделями малодетной и многодетной семьи определяется в первую очередь субъективным семейным макроклиматом. Традиционная иерархия ценностей российского населения складывается таким образом:

1. Семейный микроклимат.
2. Здоровье.
3. Материальное обеспечение.
4. Образование.
5. Профессия.

На первый взгляд, вся эта система ценностей никак не противоречит традиционным российским ценностям и должна продуцировать модель многодетной семьи. Но качественные исследования выявили множество парадоксов и проблем интерпретации социальных ценностей среди населения российских городов. Например, первая главная ценность «семейный микроклимат» понимается респондентами как «эмоциональная поддержка, привязанность», «супружеская любовь», «добрые отношения между супругами», «добрые, спокойные супружеские взаимоотношения». В большинстве исследуемых провинциальных российских регионов (в городах: Пенза, Саратов, Саранск, Ульяновск) доминирует модель осознанного идеального родительства, требующая слишком больших эмоциональных затрат, которых редко хватает на двух-трех детей. Эта распространенная модель идеального осознанного родительства сама по себе имплицитно отказ от многодетности, как слишком затратного эмоционального механизма.

Репродуктивное поведение российского населения формирует множественные репродуктивные идентичности, слабо связанные и конкурирующие между собой, которые предполагают семейную модель или совсем без детей, или с одним-двумя.

За рамками исследований остаются социокультурные проблемы и парадоксы, складывающиеся в современной российской репродуктивном поведении. Современные отечественные демографы не видят в нем сложные социокультурные парадоксы, такие как:

- нежелание многодетности со стороны молодежи, родившейся и выросшей в многодетных семьях;
- негативное влияние на многодетность модели идеального ответственного родительства, принятого в России, из-за серьезной эмоциональной нагрузки, которую современные молодые родители не желают возлагать на себя;
- неоднозначное влияние религиозной идентичности на репродуктивное поведение, когда один тип религиозности (нормативно-конфессиональный) позитивно

влияет на распространение модели многодетности, а другие никак не коррелируют с расширением модели многодетности;

- влияние на репродуктивные установки бедности, которая приводит к тому, что модель многодетности принята в семьях с низким уровнем материального достатка;

- негативное влияние на рождаемость ценностей потребительского общества, выражающегося в активном сверхнормативном потреблении;

- молодежные тенденции на ведение здорового образа жизни, поддерживающие стремление на сексуальность, получение сексуальных удовольствий, и, как следствие этого, негативное отношение к теме полового воздержания, которое объективно требуется при беременности и грудном вскармливании.

Все эти, на первый взгляд, позитивные тенденции в репродуктивных установках ведут к снижению популярности модели многодетной семьи. В современном российском обществе наблюдается противоречивая тенденция: желание любви, эмоциональной и сексуальной близости в семье с одной стороны, и рост рациональности и прагматизма в семейных отношениях — с другой.

Среди проблем, оставшихся за скобками социально-демографических исследований можно назвать влияние этнических факторов, исторической памяти этносов, когда некоторые из них, подвергавшиеся в своей истории геноциду (цыгане, евреи), или малочисленные народы, имеющие риск исчезновения, демонстрируют сознательную модель многодетности.

Обзор литературы

Репродуктивное поведение и тренды в нем активно изучались в отечественной общественной науке. Им занимались Р.И. Акьюлов. и А.И. Зараменских (2016), Э.Р. Галиева (2022), А.М. Иванишко (2024), С.Г. Ивченков и М.С. Ивченкова (2020), Д.А. Котов и Н.В. Грек (2020), В.В. Меньшикова и Н.В. Зыкова (2020), А.А. Пустарнакова (2021), Т.К. Ростовская и Е.Н. Васильева (2021) и многие другие.

Репродуктивное поведение представляет собой целостную систему действий, отношений и психических состояний личности, направленных на рождение или отказ от рождения ребенка любой очередности, в браке и вне брака, на формирование моделей семьи (Рыбаковский, 1978; 2011).

В структуре репродуктивного поведения Л.Л. Рыбаковский выделяет (2011):

1. Совокупность поведенческих актов и решений, непосредственно направленных на рождение ребенка.

2. Контрацептивное поведение, направленное на предотвращение зачатия.

3. Абортное поведение, цель которого является предотвратить нежелательное рождение.

Вариативность репродуктивного поведения регулируется относительно самостоятельными установками и мотивами.

Из-за социокультурной модернизации происходит закономерный процесс неизбежной естественной трансформации семьи и ее репродуктивного поведения; традиционная семья преобразуется в новые альтернативные семейные формы.

Материалы и методы

В качестве метода исследования использовались логические методы анализа, синтеза, оценки и интерпретации информации, вторичные методы анализа научной информации, первичные количественные и качественные (глубинные интервью, фокус-группы, наблюдения, включенное наблюдение, контент-анализ комментариев и публикаций в социальных сетях) методы социологических исследований, экспертный опрос, метод социологического воображения Ч.Р. Миллса. Количественный опрос охватывал 789 респондентов из городов Пенза, Саратов, Саранск, Ульяновск. В ходе исследования было проведено 31 глубинное интервью и шесть фокус-групп с представителями молодежи, людей среднего и старшего возрастов¹. Типичными респондентами стали молодые люди — 47 % респондентов и 53 % молодых женщин. Все респонденты были в возрасте 21–35 лет, то есть в активном детородном возрасте. Были опрошены 12 экспертов из системы науки и высшего образования, государственного управления и лидеров родительского сообщества. Исследование проводилось в марте-октября 2025 г.

Результаты

В качестве результатов настоящего авторского исследования репродуктивного поведения российской провинциальной молодежи были получены следующие данные:

1. Положительное влияние на формирование модели двудетности и многодетности является, во-первых, официальное юридическое оформление брачных отношений. Согласно данным, 32,8 % респондентов состоят в официально зарегистрированном браке, 27,3 % находятся в отношениях, какие можно интерпретировать как сожительство, которое тормозит деторождение.

2. Полнота родительской семьи положительно влияет на рождение (78,1 % воспитывались в полной семье).

3. Материальное благополучие родительской семьи (33,6 % респондентов выбрали ответ: «Денег было достаточно, но покупка автомобиля и квартиры была затруднительной», 37,5 % — «Денег хватало на продукты питания, но приобретение дорогостоящей техники было затруднительным»).

4. Количество детей в родительской семье, наличие братьев/сестер. (44,5 % воспитывались в семье, где было два ребенка).

5. Абстрактное эмоциональное желание иметь детей (57 % хотели иметь детей).

6. Отношение к абортам. 42,6 % отрицательно относятся к ним.

На первый взгляд, прослеживаются потенциально позитивные тенденции в репродуктивном поведении, которые должны были бы позитивно влиять на деторождение и привести к популярности модели многодетной семьи. Но факты не позволяют сделать эти выводы. Подавляющее большинство респондентов родились и воспитывались в полной родительской семье, 71,1 % выросли в материально благополучных условиях, их родительские семьи имели, как минимум, еще одного ребенка, то есть почти половина респондентов имеют брата или сестру,

¹Были проведены по одной фокус-группе с юношами и молодыми мужчинами 20–30 лет, по одной с девушками и молодыми женщинами, по одной фокус-группе с мужчинами и женщинами среднего возраста (36–46 лет) и по две фокус-группе с женщинами и мужчинами 50–65 лет.

почти половина или больше половины эмоционально хотят иметь детей и негативно относятся к искусственному прерыванию беременности. Но эти факторы не приводят к росту популярности модели многодетной семьи.

Больше половины респондентов (56,9 %) отметили снижение ценности брака в обществе. Основополагающими современными семейными ценностями провинциальной молодежи являются любовь и доверие (21,4 %), уважение друг к другу (21,3 %) и поддержка в трудные времена (17,7 %). Среди версий «свой вариант ответа» были названы: «умение выслушать», «мировоззрение», «искренняя любовь» и др. Для 48,2 % респондентов важнее всего в семейных отношениях является эмоциональная связь, для 43,1 % — общие цели и интересы. Также стоит отметить, что среди своих вариантов ответа респонденты указали «взаимопонимание и поддержка», «любовь», «все важно», «понимание», «взаимная любовь» и др. Таким образом, по мнению авторов, главными мотивами создания семьи у русской провинциальной молодежи является эмоциональное общение, любовь, доверие, но не деторождение. Современная модель семьи не предполагает деторождение в качестве базового мотива.

В качестве причин распада семьи 47,4 % респондентов назвали измену со стороны супруга(и); вариант «размолвки на почве пристрастия одного из супругов к спиртным напиткам, азартным играм, наркотикам и другим гипертрофированным потребностям» назвали 32,3 %; «непонимание друг друга», «разные жизненные ценности» назвали 25,7 % респондентов. Таким образом, физическая невозможность иметь детей или психологическое нежелание их иметь не были названы даже в минимальных долях от опрошенных, что еще раз свидетельствует о снижении на практике ценности детей в семье.

Обсуждение

Таким образом, все репродуктивные установки молодежи и популярные семейные модели не предполагают многодетности. При анализе данных глубинных интервью столичной молодежи (Москва, Санкт Петербург) было выявлено, что они более терпимо относятся к идеологии бездетности, чем провинциальная. Самой распространенной фразой стала: «Это выбор каждого». При этом на 15,3 % было больше негативных высказываний о многодетности. Стиль и образ жизни столичных регионов, крупных мегаполисов, ускорение социального времени приводят к тому, что в них сильнее выражается тенденция к малодетности, к отказу от деторождения, к идеологии child-free¹, хотя в провинциальных регионах эти модели поведения не пользуются популярностью, но не способствуют увеличению количества многодетных семей.

Среди учащейся молодежи (школы, колледжи) установки на многодетность присутствуют в основном у респондентов, имеющих низкие результаты в учебе, что еще раз косвенно доказывает тот факт, что желаемое количество детей снижается с ростом уровня образования. Этот факт может привести к снижению качества человеческого капитала в российском обществе.

¹ Закон о запрете пропаганды идеологии child-free № Ф3-412 от 23.11. 2024. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491336/ (дата обращения: 03.02.2026).

Фактор наличия успешной карьеры может двояко влиять на репродуктивное поведение супругов: с одной стороны, дает уверенность в завтрашнем дне, а с другой — зачастую порождает страх потери работы, статуса (чаще всего из-за длительного декретного отпуска, особенно, когда период между рождениями детей очень невелик или вообще отсутствует).

Основными ценностями и мотивами создания семьи являются любовь, эмоциональная близость, здоровье, материальное положение, наличие собственного жилья. Желание иметь много детей в их число не входит.

Все эти выводы не претендуют на оригинальность. Но интерпретация социологической информации, полученной в ходе качественных исследований, позволяет выявить парадоксы и проблемы в репродуктивном поведении провинциальной молодежи. К таким парадоксам следует отнести следующие социальные явления.

Во-первых, в ходе глубинных интервью и фокус-групп две женщины 32 и 25 лет, выросшие в многодетных семьях (пятеро детей) в сельской местности крайне отрицательно высказывались о многодетности. В качестве причин они называли отсутствие приватности, неимение собственной кровати до 14 лет, эмоциональную неразвитость и эмоциональную усталость родителей и, как следствие, высокий уровень конкуренции детей в многодетных семьях за любовь родителей, невозможность родителей материально и морально помогать своим детям. Среди пятерых детей два человека имеют крайне негативный опыт семейной жизни: разводы, алкоголизм одного из партнеров.

Во-вторых, хотя подавляющее большинство респондентов указывали среди важных факторов распространения модели многодетной семьи фактор материального обеспечения, это никак не подтверждается данными эмпирических исследований. Общество потребления создает крайне индивидуалистические ценности, ценности сверхнормативного потребления, гедонизма, сексуального разнообразия и сексуального удовольствия, которые просто блокируют распространение модели многодетной семьи и формируют гонку престижного потребления, в которой часто просто нет места детям (Бодриар, 2019).

В-третьих, религиозность человека, имеющая несколько видов: нормативно-конфессиональная, фольклоризированная, номадическая, виртуальная и маргинальная — практически никак не влияет на ценности многодетности. И только нормативно-конфессиональная религиозная идентичность, которая заключается в глубоком знании рациональных канонов и догм своей конфессии, в трезвом рациональном отношении к жизни, в стремлении и желании следовать основным морально-нравственным основам своей конфессии, может положительно влиять на рождаемость, на распространение модели многодетной семьи. Но, согласно данным, полученным авторами в ранних исследованиях, в российской провинции такой религиозной идентичностью обладают 64,5 % мусульман и 32 % православных (Мордишева и др., 2025). Таким образом, не вся религиозная вера способствует распространению модели многодетной семьи.

В-четвертых, так популярный среди российской молодежи, тренд на ЗОЖ поддерживает и усиливает тренды на сексуальность, негативное отношение к половому воздержанию, которое всегда необходимо в определенные периоды беременности и грудного вскармливания, тренд на гедонизм. Все они негативно

влияют на популярность модели многодетной семьи, приводят к желанию любви и эмоциональной близости в семье с одной стороны и росту рациональности и прагматизма в семейных отношениях с другой.

В-пятых, модель ответственного идеального родительства, так распространенная среди молодежи 30–35 лет, требует увеличения эмоциональных затрат, служит источником стресса, который блокирует популярность модели многодетной семьи.

Проблемами, которые авторам удалось обнаружить в ходе исследования и оставшиеся за скобками социально-демографических исследований, можно назвать влияние этнических факторов, когда многодетность является престижной в некоторых традиционных обществах Сибири, Северного Кавказа, и из-за этого престижа является распространенной в этих регионах; влияние исторической памяти этносов, которые пережили этнический геноцид, например, евреи, которые стремятся на протяжении последних восьмидесяти лет восстановить численность своей популяции до холокоста, хотя у последних более весомым является этнический фактор престижности многодетности.

Заключение

В российском обществе формируется репродуктивная идентичность, которая отягощается другими типами идентичностей — религиозной, этнической, региональной. Эти идентичности пересекаются между собой, один тип идентичности может усиливать репродуктивную идентичность, другой может ее блокировать.

Список источников

Акьюлов, Р. И., Зараменских, А. И. (2016). Репродуктивные установки молодежи как фактор демографической динамики. В *Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: материалы VII Уральского демографического форума с международным участием (2–3 июня 2016 г.)*, Т. 1, (с. 267–271). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 426. <https://doi.org/10.18720/HUM/2016.1.26>

Бодриар, Ж. (2019). *Общество потребления*. Москва: АСТ, 384.

Галиева, Э. Р. (2022). Репродуктивное поведение: теоретические подходы и современные сценарии. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2(53), 23–28. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.2.23-28>

Иванишко, А. М. (2024). *Дифференциация моделей семейных отношений в современной молодежной среде (на примере Пензенской области): диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук*. Пенза, 204. EDN QUOZPX.

Ивченко, С. Г., Ивченкова, М. С. (2021). Социально-экономический контент репродуктивного самопредопределения молодежи. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*, 2(14), 63–71. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-63-71>

Котов, Д. А., Грек, Н. В. (2020). Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных стратегий российской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3(157), 499–517. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1628>

Меньшикова, В. В., Зыкова, Н. В. (2020). Совершенствование механизмов регулирования репродуктивного поведения населения Архангельской области. *Социальные аспекты здоровья населения*, 66(4), 3. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-4-3>

Мордишева, Л. Н., Юрасов, И. А., Тимохина, Д. М., Луканина, Ю. Р. (2025). Исламская религиозная идентичность в контексте формирования общегражданской российской идентичности: социологический анализ *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, 3, 61–75. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2025-3-1>

Мордишева, Л. Н., Юрасов, И. А., Луканина, Ю. Р., Тимохина, Д. М. (2025). Социологический анализ православной религиозной идентичности: дискурс патриотизма и оппозиционности. *Теория и практика общественного развития*, 8 (208), 24–36. <https://doi.org/10.17816/tpor2025.8.24-36>

Пустарнакова, А. А. (2021). Социокультурные детерминанты репродуктивного поведения этнических групп. *Аспирантский вестник Поволжья*, 21 (3–4), 78–82. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.78-82>

Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н. (2021). Репродуктивные стратегии и практики россиян: по итогам всероссийского исследования. *Human Progress*, 2 (7), 11. <https://doi.org/10.34709/IM.172.11>

Рыбаковский Л. Л. (2011). Динамика населения России и ее компоненты в 2001–2025 гг. Социологические исследования, 12, 43–49. EDN: ONGKEN

Рыбаковский, Л. Л. (1978) *Методологические вопросы прогнозирования населения*. Москва: Статистика, 208.

Сененко, А. Ш., Армашевская, О. В., Соколовская, Т. А., Шелгунов В., А. (2024). Репродуктивные установки молодежи: региональное исследование. *Профилактическая медицина*, 27 (4), 74–81.

Филиппенко, В. А. (2024). Репродуктивное поведение молодежи: теория и ключевые факторы. *Вестник университета*, 8, 205–215. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-8-205-215>

Юрасов, И. А., Танина, М. А. (2018). Социальное самочувствие жителей провинциального города. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 18 (3), 260–264. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-3-260-264>

References

Akyulov, R. I. & Zaramenskikh, A. I. (2016). Reproductive attitudes of youth as a factor of demographic dynamics. In *Dinamika i inertsiyonnost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokolenii v Rossii i SNG: materialy VII Uralskogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem (2–3 iyunia 2016 g.)*, T. 1 [Dynamics and inertia of population reproduction and generation replacement in Russia and the CIS: Proceedings of the VII Ural Demographic Forum with International Participation (June 2–3, 2016), vol. 1], (pp. 267–271). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 426. <https://doi.org/10.18720/HUM/2016.1.26> (In Russ.)

Baudriard, J. (2019). *Obshchestvo potrebleniia [Consumer society]*. Moscow: AST, 384.

Galieva, E. R. (2022). Reproductive behavior: theoretical approaches and modern scenarios. *Kazanskii sotsialno-gumanitarnyi vestnik [Kazan Social and Humanitarian Bulletin]*. 2 (53), 23–28. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.2.23-28> (In Russ.)

Ivanishko, A. M. (2024). *Differentsiatsiia modelei semeinykh otnoshenii v sovremennoi molodezhnoi srede (na primere Penzenskoi oblasti) [Differentiation of family relations models in the modern youth environment (on the example of the Penza region)]*: dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences. Penza, 204. EDN QUOZPX. (In Russ.)

Ivchenkov, S. G. & Ivchenkova, M. S. (2021). Socio-economic content of youth's reproductive self-determination. *Vestnik Iuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University*

(NPI). *Series: Socio-economic Sciences*, 2(14), 63–71. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-63-71> (In Russ.)

Kotov, D. A. & Grek, N. V. (2020). Transformation of reproductive behavior in the context of life strategies of Russian youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 3(157), 499–517. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1628> (In Russ.)

Menshikova, V. V. & Zykova, N. V. (2020). Improving mechanisms to regulate reproductive behavior of the Arkhangelsk region population. *Sotsialnye aspekty zdorovia naseleniia [Social Aspects of Population Health]*, 66(4), 3. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-4-3> (In Russ.)

Mordisheva, L. N., Yurasov, I. A., Timokhina, D. M., & Lukanina, Y. R. (2025). Islamic religious identity in the context of the formation of a common Russian civil identity: sociological analysis. Povolzhskii region. *Obshchestvennye nauki [University Proceedings. Volga Region. Social Sciences]*, 3, 61–75. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2025-3-1> (In Russ.)

Mordisheva, L. N., Yurasov, I. A., Lukanina, Y. R., & Timokhina, D. M. (2025). Sociological analysis of orthodox religious identity: discussion of patriotism and opposition. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia [Theory and Practice of Social Development]*, 8(208), 24–36. <https://doi.org/10.17816/tpor2025.8.24-36> (In Russ.)

Pustarnakova, A. A. (2021). Sociocultural determinants of reproductive behavior of ethnic groups. Postgraduate *Aspirantskii vestnik Povolzhia*, 21(3–4), 78–82. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.78-82> (In Russ.)

Rostovskaya, T. K. & Vasilyeva, E. N. (2021). Reproductive strategies and practices of Russians: based on the results of an all-Russian study. *Human Progress*, 2(7), 11. <https://doi.org/10.34709/IM.172.11> (In Russ.)

Rybakovsky, L. L. (2011). The dynamics of the Russian population and its components in 2001–2025. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 12, 43–49. EDN: ONGKEH (In Russ.)

Rybakovsky, L. L. (1978). *Metodologicheskie voprosy prognozirovaniia naseleniia [Methodological issues of population forecasting]*. Moscow: Statistics, 208. (In Russ.)

Senenko, A. S., Armashevskaya, O. V., Sokolovskaya, T. A., & Shelgunov, V., A. (2024). Reproductive attitudes of youth: a regional study. *Profilakticheskaia meditsina [Preventive Medicine]*, 27(4), 74–81. (In Russ.)

Filippenko, V. A. (2024). Reproductive behavior of youth: theory and key factors. *Vestnik Universiteta*, 8, 205–215. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-8-205-215> (In Russ.)

Yurasov, I. A. & Tanina, M. A. (2018). Social wellbeing of residents of the provincial cities case. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaya seriia. Serii: Sotsiologiia. Politologiia [Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology]*, 18(3), 260–264. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-3-260-264> (In Russ.)

Юрасов Игорь Алексеевич — профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры «Менеджмент и государственное управление», Пензенский государственный университета; <https://orcid.org/0009-0001-2442-4452> (Российская Федерация, 440026, г. Пенза, Красная улица, 40, корп. 1; e-mail: jurassow@yandex.ru).

Мордишева Людмила Николаевна — доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Менеджмент и государственное управление», Пензенский государственный университета; <https://orcid.org/0000-0003-1491-0227> (Российская Федерация, 440026, г. Пенза, Красная улица, 40, корп. 1; e-mail: mordisheva@bk.ru).

Igor A. Yurasov — Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Professor of the Department of Management and Public Administration, Penza State University; <https://orcid.org/0009-0001-2442-4452> (40, Krasnaya St., building 1, Penza, 440026, Russian Federation; e-mail: jurassow@yandex.ru).

Lyudmila N. Mordisheva — Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Public Administration, Penza State University; <https://orcid.org/0000-0003-1491-0227> (40, Krasnaya St., building 1, Penza, 440026, Russian Federation; e-mail: mordisheva@bk.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

IV. ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ: ФАКТОРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ

УДК 314

JEL classification: J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-4-1>

Региональные различия поколенческих изменений показателей рождаемости¹

В.Н. Архангельский^a

^a МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>

Автор для корреспонденции: В.Н. Архангельский (archangelsky@yandex.ru).

Аннотация. Показатели для реальных поколений существенно расширяют возможности анализа рождаемости. Традиционно они рассчитываются и анализируются на основе данных переписи населения. Однако возможна и оценка этих показателей с использованием однолетних возрастных коэффициентов рождаемости. По России в целом такая оценка весьма корректна. Предшествующий анализ показывает, что она может быть корректна и для многих регионов. Проведенный анализ показал, что при общих тенденциях показателей рождаемости в реальных поколениях (снижение среднего числа рожденных детей в старших поколениях и повышение в более молодых, снижение среднего числа первых рождений (увеличение доли бездетных), снижение в старших поколениях и повышение у более молодых женщин доли родивших второго и третьего ребенка среди родивших ребенка предыдущей очередности) имеют место существенные региональные различия в величине этих изменений.

Ключевые слова: рождаемость; реальные поколения; очередность рождения; субъекты Российской Федерации.

Regional Differences in Generational Changes in Fertility Rates

V.N. Arkhangelskiy^a

^a Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>

Corresponding author: В.Н. Архангельский (archangelsky@yandex.ru).

Abstract. Indicators for real cohorts significantly expand the possibilities for fertility analysis. Traditionally, they are calculated and analyzed based on census data. However, it is also possible to estimate these indicators using annual age-specific fertility rates. This estimate is quite accurate for Russia as a whole. The preceding analysis shows that it may also be accurate for many regions. The analysis revealed that while general trends in fertility indicators for real cohorts (a decrease in the average number of children born in older generations and an increase in younger ones, a decrease in the average number of first births (an increase in the proportion of childless women), a decrease in older generations and an increase in younger women in the proportion of women giving birth to a second or third child among those giving birth to a child in the previous generation), there are significant regional differences in the magnitude of these changes.

Keywords: fertility; real generations; birth order; subjects of the Russian Federation

¹ © Архангельский В. Н. Текст. 2026.

Введение

В России имеют место весьма существенные региональные различия в уровне рождаемости. Их анализу посвящено значительное количество работ. Подробная оценка степени региональных различий рождаемости представлена в статьях Шубат О.М. (2019; 2021). Региональную дифференциацию рождаемости в России анализируют Казенин К. И. (2021), Родина О. А. (2023), Сеница А. Л. (2017), Федоров Г. М. (2021).

Среди недавних работ отметим статью Долгих Е. А. и Давлетшиной Л. А. (2024).

Исследованию региональных различий возрастной модели рождаемости посвящены работы Смулянской Н. С. (2017) и Домнича Е. Л. (2024).

Анализ региональных различий показателей рождаемости для реальных поколений, как правило, основывается на данных переписи населения. По данным переписи населения 2020 г., такой был сделан в одной из наших работ совместно с Козловой О. А. и Калачиковой О. Н. (2023).

В контексте данной работы особый интерес представляет статья Кишенина П. А. «Региональная дифференциация рождаемости в Российской Федерации: оптика реальных поколений» (2023). На основе фактических и прогнозируемых данных он рассматривает региональные различия итогового (к концу репродуктивного периода) среднего числа рожденных детей в поколениях женщин 1935–2000 гг. рождения (для более молодых поколений сделаны прогнозные оценки).

Традиционно показатели рождаемости в реальных поколениях рассчитываются по данным переписи населения. Их оценка может быть получена и на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости. При расчете суммарного коэффициента рождаемости они подсчитываются по всем возрастам за календарный год, т. е. суммирование происходит по столбцу (если возраст женщин в строках). Но суммирование однолетних возрастных коэффициентов рождаемости может производиться и по диагонали. В этом случае суммируемые возрастные коэффициенты рождаемости будут относиться к реальным поколениям. Например, за 2000 г. берется коэффициент рождаемости для возраста 15 лет, за 2001 г. — 16 лет, за 2002 г. — 17 лет, за 2003 г. — 18 лет и т. д. до конца репродуктивного периода. Так как в этом случае данные получаются не на основе непосредственно ответов женщин, а расчетным путем, то корректно говорить об оценке среднего числа рожденных детей в реальных поколениях женщин.

Анализ показывает, что в целом по России такая оценка достаточно надежна. Сложнее обстоит дело с такой оценкой по субъектам Российской Федерации. Миграция делает не вполне сопоставимыми, с точки зрения расчета показателей для реальных поколений, возрастные коэффициенты рождаемости. Иными словами, например, контингент женщин, которым в 2000 г. было 15 лет, не вполне сопоставим с контингентом женщин, которым в 2001 г. было 16 лет.

Регионы, для которых могут быть сравнительно корректно рассчитаны показатели рождаемости в реальных поколениях на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости, были определены нами ранее в одной из работ на основе сравнения расчетного и фактического среднего числа рожденных детей в реальных поколениях женщин в период между переписями населения 2002 и 2010 гг. (Архангельский, 2016). В число этих 47 регионов входят республики Башкортостан, Бурятия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Хакасия

и Чувашская; Алтайский, Пермский и Приморский края; Амурская, Архангельская, Астраханская, Белгородская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Липецкая, Мурманская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Ульяновская, Челябинская и Ярославская области, Еврейская автономная область.

Оценка показателей рождаемости в реальных поколениях была сделана на основе данных переписи населения 2010 г. и однолетних возрастных коэффициентов рождаемости за последующие годы (пересчитанных с учетом данных переписи населения 2020 г.). Выбор в качестве базовых показателей данных переписи населения 2010 г., а не 2020 г. обусловлен тем, что мы могли использовать базу данных переписи населения 2010 г. с распределением женщин по числу рожденных детей в одногодичной группировке по году рождения женщин. По данным переписи населения 2020 г., эти показатели есть только в пятилетней возрастной группировке женщин. Кроме того, анализ показывает, что данные переписи населения 2020 г. о распределении женщин по числу рожденных детей могут быть не вполне корректны. Оценочный расчет показателей рождаемости только на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости значительно ограничивает число поколений женщин, для которых он может быть сделан на региональном уровне. Возрастные коэффициенты рождаемости по субъектам Российской Федерации доступны только с 1989 г. и, следовательно, показатели могут быть рассчитаны только начиная с поколения женщин 1974 г. рождения (в 1989 г. им было 15 лет — начало репродуктивного возрастного периода).

Поколенческая динамика среднего числа рожденных детей

В поколениях женщин второй половины 1950-х — 1960-х гг. рождения существенно снижалось среднее число рожденных детей. В большинстве регионов, как и по России в целом, наименьший показатель был в поколениях женщин начала 1970-х гг. рождения. Если сравнивать наименьшее среднее число рожденных детей в этих поколениях с наибольшей его величиной в поколениях, начиная с 1955 г. р., то в целом по России снижение составило 0,31 (с 1,89 у женщин 1955 г. р. до 1,58 у женщин 1973 г. рождения).

Среди перечисленных выше регионов, наибольшее снижение среднего числа рожденных детей произошло в Еврейской автономной области (на 0,59) и Омской области (на 0,50). На 0,40 и более этот показатель снизился также в Республике Бурятия (на 0,48), Амурской (на 0,47) и Архангельской (на 0,47) областях, Республике Хакасии (на 0,44), Алтайском крае (на 0,44), республиках Коми (на 0,42) и Карелии (на 0,41), Курганской (на 0,41) и Смоленской (на 0,41) областях, республиках Марий Эл (на 0,40) и Чувашской (на 0,40), Приморском крае (на 0,40), Кировской области (на 0,40).

Наименьшим поколенческое снижение среднего числа рожденных детей было в Калининградской (на 0,27), Липецкой (на 0,27), Орловской (на 0,27) и Тверской (на 0,27) областях, Республике Татарстан (на 0,25).

Имеет место существенная взаимосвязь между максимальной величиной среднего числа рожденных детей у женщин поколений второй половины 1950-х гг.

рождения (начиная с поколения 1955 г. р.) и степенью ее снижения в поколениях начала 1970-х гг. рождения. Коэффициент корреляции составляет 0,80. Соответственно, произошло некоторое сокращение региональной дифференциации этого показателя: если по максимальной величине этого показателя в поколениях второй половины 1950-х гг. рождения коэффициент вариации составляет 7,8 %, то после его снижения в поколениях начала 1970-х гг. рождения — 6,6 %.

В более молодых поколениях женщин среднее число рожденных детей увеличивается. Если сравнивать этот показатель в поколении с наибольшей пока (на начало 2024 г.) его величиной с наименьшей величиной в поколениях первой половины 1970-х гг. рождения, то в целом по России его прирост составляет 0,12 (с 1,58 у женщин 1973 г. рождения до 1,70 у женщин 1982 и 1983 гг. рождения). В поколениях 1982–1984 гг. рождения среднее число рожденных детей вернулось к величине этого показателя у женщин 1965 г. рождения.

Наибольший (среди регионов, для которых осуществлялся расчет показателей) поколенческий прирост среднего числа рожденных детей имеет место в Курганской (на 0,30) и Костромской (на 0,27) областях (табл. 1).

0,15 и более этот прирост составляет также в Республике Карелии (на 0,24), Архангельской области (на 0,23), Алтайском крае (на 0,22), Свердловской (на 0,22), Кировской (на 0,21), Новгородской (на 0,21), Ярославской (на 0,21) и Ивановской (на 0,20) областях, Республике Коми (на 0,19), Пермском крае (на 0,18), Омской области (на 0,18), Республике Бурятия (на 0,17), Мурманской (на 0,17), Оренбургской (на 0,16), Псковской (на 0,16), Челябинской (на 0,16), Вологодской (на 0,15), Курской (на 0,15) и Самарской (на 0,15) областях.

Таблица 1

Группировка субъектов Российской Федерации по приросту среднего числа рожденных детей по сравнению с наименьшей величиной в поколениях начала 1970-х гг. рождения

Прирост среднего числа рожденных детей по сравнению с наименьшей величиной в поколениях начала 1970-х гг. рождения	Субъекты Российской Федерации
0,25 и более	Костромская и Курганская области
от 0,20 до 0,25	Республика Карелия, Алтайский край, Архангельская, Ивановская, Кировская, Новгородская, Свердловская и Ярославская области
от 0,15 до 0,20	республики Бурятия и Коми, Пермский край, Вологодская, Курская, Мурманская, Омская, Оренбургская, Псковская, Самарская и Челябинская области
от 0,10 до 0,15	республики Марий Эл и Хакасия, Приморский край, Амурская, Астраханская, Владимирская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская и Ульяновская области
менее 0,10	республики Башкортостан, Мордовия, Татарстан и Чувашская, Белгородская, Воронежская, Пензенская, Ростовская, Саратовская и Тамбовская области, Еврейская автономная область

Рассчитано по: данные Росстата.

С другой стороны, 0,05 и менее прирост среднего числа рожденных детей в республиках Башкортостан (на 0,05) и Мордовии (на 0,03).

Никакой связи между минимальной величиной этого показателя в поколениях 1970-х гг. рождения и ее последующим приростом не выявлено (коэффициент корреляции 0,00). Существует незначительная связь (коэффициент корреляции 0,29) между величинами снижения этого коэффициента в более старших поколениях и последующего его поколенческого прироста.

Как уже отмечалось, в целом по России уже произошел возврат среднего числа рожденных детей к его величине в поколении женщин 1965 г. рождения. В республиках Карелии и Коми, в Пермском крае, во Владимирской, Вологодской, Ивановской, Калининградской и Мурманской областях этот показатель у женщин 1983 г.р. был (на начало 2024 г.) таким, как у тех, кто на 20 лет старше, в Свердловской и Ярославской областях — как у женщин 1962 г. р., в Костромской и Курганской областях — как у женщин 1961 г. р.

Наибольшее (среди регионов, для которых осуществлялся расчет показателей) среднее число рожденных детей после его поколенческого повышения у женщин первой половины 1980-х гг. рождения в Республике Бурятия (2,07) и Курганской области (1,98) (табл. 2).

Свыше 1,75 оно также в Астраханской (1,86) и Оренбургской (1,86) областях, Республике Башкортостан (1,84), Пермском крае (1,84), Костромской области (1,82), Республике Хакасии (1,81), Архангельской области (1,81), Еврейской автономной области (1,81), Республике Коми (1,80), Амурской области (1,80), Алтайском крае (1,79), Свердловской области (1,79), Чувашской Республике (1,78),

Таблица 2

Группировка субъектов Российской Федерации по максимальному (после повышения) среднему числу рожденных детей у женщин первой половины 1980-х гг. рождения

Максимальное (после повышения) среднее число рожденных детей у женщин первой половины 1980-х гг. рождения	Субъекты Российской Федерации
1,90 и более	Республика Бурятия, Курганская область
от 1,80 до 1,90	республики Башкортостан, Коми и Хакасия, Пермский край, Амурская, Архангельская, Астраханская, Костромская и Оренбургская области, Еврейская автономная область
от 1,70 до 1,80	республики Карелия, Марий Эл, Татарстан и Чувашская, Алтайский край, Вологодская, Кировская, Омская, Свердловская и Челябинская области
от 1,60 до 1,70	Приморский край, Белгородская, Владимирская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Курская, Липецкая, Мурманская, Новгородская, Орловская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Тверская, Ульяновская и Ярославская области
менее 1,60	Республика Мордовия, Воронежская, Пензенская, Саратовская, Смоленская и Тамбовская области

Рассчитано по: данные Росстата.

Вологодской (1,78) и Кировской (1,78) областях, республиках Карелии (1,77) и Марий Эл (1,76), Омской области (1,76).

С другой стороны, менее 1,6 этот показатель в Саратовской (1,59), Воронежской (1,55), Тамбовской (1,55), Пензенской (1,54) и Смоленской (1,52) областях, Республике Мордовии (1,51).

Коэффициент вариации равен 6,9 %.

Поколенческие изменения среднего числа рожденных детей определяются двумя разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, снижается среднее число первых рождений, т. е. возрастает доля женщин, не имеющих ни одного рожденного ребенка. С другой стороны, в поколениях женщин второй половины 1970-х — 1980-х гг., после предшествующего поколенческого снижения, повышается среднее число вторых и третьих рождений.

Так как по некоторым субъектам Российской Федерации не собирались данные о родившихся по очередности рождения в какие-то годы в период с 2010 г., корректный оценочный расчет показателей рождаемости по очередности рождения в реальных поколениях для них невозможен. Среди рассматриваемых в этой работе регионов таковых 12 (Республика Бурятия, Алтайский и Пермский края, Владимирская, Вологодская, Курганская, Ростовская, Рязанская, Саратовская, Смоленская, Тамбовская и Тверская области). Другими словами расчет и анализ поколенческих показателей рождаемости по очередности рождения осуществлялся по 35 субъектам Российской Федерации.

Первые рождения

В целом по России снижение среднего числа первых рождений от поколений, начиная с 1955 г. р. до поколения 1983 г. р. (на начало 2024 г. им было 40 лет и если до конца репродуктивного периода у них еще произойдет некоторое повышение среднего числа первых рождений, то оно окажется совсем небольшим), составляет 0,09 (от 0,95 у женщин 1960 г. р. до 0,86 у женщин 1983 г. р.).

Среди рассматриваемых в этой работе регионов наибольшее снижение среднего числа первых рождений от поколений, начиная с 1955 г. р. до поколения 1983 г. р., имеет место в Республике Мордовии (на 0,14), Кемеровской (на 0,11) и Калужской (на 0,10) областях.

На 0,09 среднее число первых рождений снизилось в республиках Марий Эл и Хакасии, Приморском крае, Воронежской, Калининградской, Липецкой, Пензенской, Псковской и Челябинской областях, Еврейской автономной области; на 0,08 — в республиках Башкортостан и Татарстан, Астраханской, Белгородской, Мурманской, Омской, Орловской и Самарской областях.

Наименьшее поколенческое снижение этого показателя в Республике Коми (на 0,04), Архангельской (на 0,04) и Костромской (на 0,03) областях.

Связь между максимальной величиной среднего числа первых рождений в поколениях, начиная с 1955 г. р., и степенью снижения этого показателя до поколения 1983 г. р. очень слабая и причем обратная (коэффициент корреляции –0,19).

Среди регионов, для которых производились расчеты, в поколении женщин 1983 г. р. наименьшее среднее число первых рождений в Республике Мордовии (0,80) и Кемеровской области (0,84), а наибольшее — в Костромской области

(0,92), Республике Коми (0,91), Архангельской области (0,91), Республике Карелии (0,90), Амурской (0,90), Курской (0,90), Оренбургской (0,90) и Свердловской (0,90) областях (табл. 3).

Коэффициент вариации этого показателя в поколениях 1950-х гг. рождения составляет всего 0,8 %. В поколении 1983 г. р. он несколько больше — 2,8 %.

Вторые рождения

Для характеристики рождаемости по вторым и третьим рождениям в реальных поколениях женщин целесообразно использовать не средние числа рождений этих очередностей (так как они зависят от среднего числа рождений предыдущей очередности), а доли родивших второго и третьего среди родивших ребенка предыдущей очередности рождения.

В поколениях женщин второй половины 1950-х — 1960-х гг. рождения существенно снижалась доля родивших второго ребенка среди родивших первого. В целом по России наибольшая величина этого показателя в поколениях, начиная с 1955 г. р., была у женщин 1956 г. р. (72,9 %), а наименьшая после снижения — у женщин 1971 г. р. (54,2 %), т. е. снижение составило 18,7 процентных пункта.

В большинстве регионов наименьший показатель был в поколениях женщин начала 1970-х гг. рождения. Если сравнивать наименьшую долю родивших второго ребенка среди родивших первого в этих поколениях с наибольшей ее величиной (начиная с поколения 1955 г. р.), то среди регионов, для которых производились расчеты, снижение этого показателя более чем на 20 процентных пунктов произошло в Ульяновской области (на 24,6 п. п.), Еврейской автономной области (на 23,7 п. п.), Омской области (на 23,6 п. п.), Республике Карелии (на 23,2 п. п.), Ивановской области (на 23,1 п. п.), Республике Мордовии (на 23,0 п. п.), Архангельской (на 23,0 п. п.), Амурской (на 22,7 п. п.), Кировской (на 22,7 п. п.), Пензенской (на 22,1 п. п.), Костромской (на 21,5 п. п.), Курской (на 21,3 п. п.) и Белгородской (на 21,2 п. п.) областях, Республике Коми (на 21,1 п. п.), Ярославской (на 20,8 п. п.), Свердловской (на 20,7 п. п.) и Мурманской (на 20,5 п. п.)

Таблица 3

Группировка субъектов Российской Федерации по среднему числу первых рождений у женщин 1983 г. р.

Среднее число первых рождений у женщин 1983 г. р.	Субъекты Российской Федерации
0,90 и более	республики Карелия и Коми, Амурская, Архангельская, Костромская, Курская, Оренбургская и Свердловская области
0,88–0,89	Ивановская, Кировская и Ярославская области
0,86–0,87	республики Башкортостан, Хакасия и Чувашская, Приморский край, Астраханская, Белгородская, Мурманская, Новгородская, Омская, Орловская, Самарская, Ульяновская и Челябинская области, Еврейская автономная область
0,85 и менее	республики Марий Эл, Мордовия и Татарстан, Воронежская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Липецкая, Пензенская и Псковская области

Рассчитано по: данные Росстата.

областях, Приморском крае (на 20,3 п. п.), Новгородской (на 20,3 п. п.) и Псковской (на 20,2 п. п.) областях.

Наименьшим это снижение было в республиках Башкортостан (на 14,4 п. п.) и Татарстан (на 14,1 п. п.), Астраханской области (на 13,3 п. п.).

Взаимосвязь между максимальной величиной доли родивших второго ребенка среди родивших первого у женщин поколений второй половины 1950-х гг. рождения (начиная с поколения 1955 г. р.) и степенью ее снижения в поколениях начала 1970-х гг. рождения практически отсутствует. Коэффициент корреляции составляет 0,07.

Региональная дифференциация доли родивших второго ребенка среди родивших первого в тех поколениях несколько возросла: если по максимальной величине этого показателя в поколениях второй половины 1950-х гг. рождения коэффициент вариации составляет 6,5 %, то после его снижения в поколениях начала 1970-х гг. рождения — 9,8 %.

В более молодых поколениях женщин доля родивших второго ребенка среди родивших первого увеличивается. Если сравнивать этот показатель в поколении с наибольшей пока (на начало 2024 г.) его величиной с наименьшей величиной в поколениях первой половины 1970-х гг. рождения, то в целом по России прирост составляет 12,5 п. п. (с 54,2 % у женщин 1971 г. р. до 66,7 % у женщин 1984 г. р.).

Среди регионов, для которых осуществлялся расчет показателей, наибольший поколенческий прирост доли родивших второго ребенка среди родивших первого имеет место в Ярославской (на 18,7 п. п.), Орловской (на 16,5 п. п.), Новгородской (на 16,1 п. п.), Калининградской (на 16,0 п. п.), Ивановской (на 15,3 п. п.), Псковской (15,3 п. п.), Калужской (на 15,2 п. п.) и Челябинской (на 15,1 п. п.) областях (табл. 4).

С другой стороны, менее 10 процентных пунктов прирост этого показателя составил в Приморском крае (на 9,8 п. п.), Еврейской автономной области (на 8,7 п. п.), Амурской (8,0 п. п.) и Астраханской (на 7,1 п. п.) областях, Республике Башкортостан (на 5,5 п. п.).

Имеет место существенная связь между минимальной величиной доли родивших второго ребенка среди родивших первого в поколениях 1970-х гг. рождения и ее последующим приростом. Коэффициент корреляции равен -0,74. Иными словами чем ниже была величина этого показателя, тем большим был ее последующий прирост. Соответственно сократилась региональная дифференциация по доле родивших второго ребенка среди родивших первого. Если, как отмечалось выше, в поколениях начала 1970-х гг. рождения коэффициент вариации по этому показателю составляет 9,8 %, то в поколениях первой половины 1980-х гг. рождения с максимальной величиной этого показателя — 5,6 %. И это несколько меньше, чем в поколениях второй половины 1950-х гг. рождения (6,5 %).

В целом по России наибольшая (на начало 2024 г.), после повышения в молодых поколениях, доля родивших второго ребенка равна 66,7 % (у женщин 1984 г. рождения). Она вернулась к уровню, который фиксируется в поколении 1963 г. р.

Среди регионов, для которых осуществлялся расчет показателей, наибольшая доля родивших второго ребенка среди родивших первого после ее поколенческого повышения у женщин первой половины 1980-х гг. рождения в республиках Татарстан (74,6 %), Хакасии (74,1 %) и Чувашской (73,2 %), Оренбургской области

Таблица 4

Группировка субъектов Российской Федерации по приросту доли родивших второго ребенка среди родивших первого по сравнению с наименьшей величиной в поколениях начала 1970-х гг. рождения (процентные пункты)

Прирост доли родивших второго ребенка среди родивших первого по сравнению с наименьшей величиной в поколениях начала 1970-х гг. рождения	Субъекты Российской Федерации
15,0 процентных пункта и более	Ивановская, Калининградская, Калужская, Новгородская, Орловская, Псковская, Челябинская и Ярославская области
От 10,0 процентных пункта до 15,0 процентных пункта	республики Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Хакасия и Чувашская, Архангельская, Белгородская, Воронежская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курская, Липецкая, Мурманская, Омская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Свердловская и Ульяновская области
Менее 10,0 процентных пункта	Республика Башкортостан, Приморский край, Амурская и Астраханская области, Еврейская автономная область

Рассчитано по: данные Росстата.

(73,0 %), республиках Башкортостан (72,9 %) и Марий Эл (72,2 %), Челябинской области (72,2 %), Республике Коми (71,7 %), Астраханской (71,6 %), Кировской (70,4 %) и Костромской (70,0 %) областях (табл. 5).

С другой стороны, менее 65 % величина этого показателя в Псковской области (64,8 %), Приморском крае (64,7 %), Мурманской (64,5 %), Белгородской (63,9 %), Самарской (63,4 %), Курской (63,3 %), Липецкой (63,2 %), Ивановской (62,5 %), Воронежской (61,1 %) и Пензенской (61,1 %) областях.

Если в целом по России произошел возврат доли родивших второго ребенка среди родивших первого к ее величине в поколении женщин 1963 г. р., то в республиках Коми и Татарстан, Ивановской, Кемеровской, Липецкой, Мурманской и Челябинской областях — к величине показателя в поколении 1962 г. р.; в Калужской, Орловской и Псковской областях — к величине показателя в поколении 1961 г. р.; в Ярославской области — к величине показателя в поколении 1960 г. р.; в Калининградской области — к величине показателя в поколении 1959 г. р. С другой стороны, в Республике Башкортостан, Амурской области и Еврейской автономной области — только к величине этого показателя в поколении 1966 г. р..

Третьи рождения

В поколениях женщин второй половины 1950-х — 1960-х гг. рождения существенно снижалась доля родивших третьего ребенка среди родивших второго. В большинстве регионов наименьший показатель был в поколениях женщин второй половины 1960-х гг. рождения. Выше отмечалось, что по вторым рождениям наименьшая величина показателя была в поколениях начала 1970-х гг. рождения. Вероятно, речь идет примерно об одном и том же календарном периоде. Третьи рождения происходят в более старшем возрасте, чем вторые, и поэтому

Таблица 5

Группировка субъектов Российской Федерации по максимальной (после повышения) доле родивших второго ребенка среди родивших первого у женщин первой половины 1980-х гг. рождения (%)

Максимальная (после повышения) доля родивших второго ребенка среди родивших первого у женщин первой половины 1980-х гг. рождения (%)	Субъекты Российской Федерации
70,0 % и более	республики Башкортостан, Коми, Марий Эл, Татарстан, Хакасия и Чувашская, Астраханская, Кировская, Костромская, Оренбургская и Челябинская области
От 65,0 % до 70,0 %	республики Карелия и Мордовия, Амурская, Архангельская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Новгородская, Омская, Орловская, Свердловская, Ульяновская и Ярославская области, Еврейская автономная область
Менее 65,0 %	Приморский край, Белгородская, Воронежская, Ивановская, Курская, Липецкая, Мурманская, Пензенская, Псковская и Самарская области

Рассчитано по: данные Росстата.

наименьший показатель по третьим рождениям имеет место в более старших поколениях. Если сравнивать наименьшую долю родивших третьего ребенка среди родивших второго в этих поколениях с наибольшей ее величиной (начиная с поколения 1955 г. р.), то в целом по России она снизилась на 3,7 процентных пункта (с 27,6 % у женщин 1955 г. р. до 23,9 % у женщин 1965 г. р.).

Среди регионов, для которых производились расчеты, наибольшее снижение доли родивших третьего ребенка среди родивших второго произошло в Еврейской автономной области (на 16,6 п. п.), республиках Чувашской (на 11,0 п. п.), Коми (на 10,8 п. п.) и Башкортостан (на 10,6 п. п.), Архангельской (на 10,5 п. п.) и Амурской (на 10,0 п. п.) областях.

Сравнительно небольшим это снижение было в Калининградской (на 2,4 п. п.), Ивановской (на 2,3 % п. п.), Курской (на 2,2 п. п.), Калужской (на 2,1 % п. п.), Орловской (на 1,8 п. п.) и Ярославской (на 1,6 п. п.) областях.

Существует очень тесная взаимосвязь между максимальной величиной доли родивших третьего ребенка среди родивших второго у женщин поколений второй половины 1950-х гг. рождения (начиная с поколения 1955 г. р.) и степенью ее снижения в поколениях второй половины 1960-х гг. рождения. Коэффициент корреляции составляет 0,93.

Соответственно в тех поколениях существенно уменьшилась региональная дифференциация доли родивших третьего ребенка среди родивших второго: если по максимальной величине этого показателя в поколениях второй половины 1950-х гг. рождения коэффициент вариации составляет 23,9 %, то после его снижения в поколениях второй половины 1960-х гг. рождения — 17,1 %.

В более молодых поколениях женщин доля родивших третьего ребенка среди родивших второго увеличивается. Если сравнивать этот показатель в поколениях

с наибольшей пока (на начало 2024 г.) его величиной с наименьшей величиной в поколениях 1960-х гг. рождения, то в целом по России прирост составляет 8,5 процентных пункта (с 23,9 % у женщин 1965 г. р. до 32,4 % у женщин 1982 г. р.).

Среди регионов, для которых осуществлялся расчет показателей, наибольший поколенческий прирост доли родивших третьего ребенка среди родивших второго имеет место в Астраханской (на 16,7 п. п.), Мурманской (на 16,3 п. п.), Ульяновской (на 15,5 п. п.), Псковской (на 14,8 п. п.) и Костромской (на 14,5 п. п.) областях, Республике Карелия (на 14,4 п. п.) и Свердловской области (на 14,0 п. п.) (табл. 6).

Менее 10 процентных пунктов этот прирост составил в Белгородской (8,9 п. п.) и Воронежской (9,2 п. п.) областях, Республике Башкортостан (9,3 п. п.), Омской (9,7 п. п.), Курской (9,8 п. п.) и Орловской (9,9 п. п.) областях.

В поколениях первой половины 1980-х гг. рождения еще больше сократились региональные различия доли родивших третьего ребенка среди родивших второго. Коэффициент вариации составляет 11,0 %.

В целом по России наибольшая (после повышения) доля родивших третьего ребенка среди родивших второго составляет 32,4 % у женщин 1982 г. р. Практически такой же она была у женщин 1937 г. рождения (32,2 %).

Среди регионов, для которых осуществлялся расчет показателей, наибольшая доля родивших третьего ребенка среди родивших второго после ее поколенческого повышения у женщин первой половины 1980-х гг. рождения в Астраханской области (41,2 %), Еврейской автономной области (36,7 %), республиках Хакасии (36,1 %), Башкортостан (35,7 %) и Марий Эл (35,7 %), Оренбургской области (35,0 %), а наименьшая — в Самарской области (26,9 %), Республике Мордовии (26,7 %), Воронежской (26,3 %), Белгородской (25,9 %) и Пензенской (25,4 %) областях (табл. 7).

Таблица 6

Группировка субъектов Российской Федерации по приросту доли родивших третьего ребенка среди родивших второго по сравнению с наименьшей величиной в поколениях 1960-х гг. рождения (процентные пункты)

Прирост доли родивших третьего ребенка среди родивших второго по сравнению с наименьшей величиной в поколениях 1960-х гг. рождения	Субъекты Российской Федерации
15,0 процентных пункта и более	Астраханская, Мурманская и Ульяновская области
От 12,0 до 15,0 процентных пункта	республики Карелия, Коми, Марий Эл и Мордовия, Архангельская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Костромская, Липецкая, Новгородская, Оренбургская, Псковская, Свердловская, Челябинская и Ярославская области, Еврейская автономная область
От 10,0 до 12,0 процентных пункта	республики Татарстан, Хакасия и Чувашская, Приморский край, Амурская, Кировская, Пензенская и Самарская области
Менее 10 процентных пунктов	Республика Башкортостан, Белгородская, Воронежская, Курская, Омская и Орловская области

Рассчитано по: данные Росстата.

Таблица 7

Группировка субъектов Российской Федерации по максимальной (после повышения) доле, родивших третьего ребенка среди родивших второго у женщин первой половины 1980-х гг. рождения (%)

Максимальная (после повышения) доля родивших третьего ребенка среди родивших второго у женщин первой половины 1980-х гг. рождения (%)	Субъекты Российской Федерации
35,0 % и более	республики Башкортостан, Марий Эл и Хакасия, Астраханская и Оренбургская области, Еврейская автономная область
От 30,0 % до 35,0 %	республики Карелия, Коми, Татарстан и Чувашская, Приморский край, Амурская, Архангельская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Костромская, Липецкая, Мурманская, Новгородская, Омская, Псковская, Свердловская, Ульяновская и Челябинская области
Менее 30,0 %	Республика Мордовия, Белгородская, Воронежская, Ивановская, Кировская, Курская, Орловская, Пензенская, Самарская и Ярославская области

Рассчитано по: данные Росстата.

Заключение

Во всех регионах, для которых на основе предварительного анализа была определена возможность оценки показателей рождаемости для реальных поколений, происходило снижение среднего числа рожденных детей до поколений начала 1970-х гг. рождения и повышение его у более молодых женщин. Наибольший (среди анализируемых регионов) поколенческий прирост этого показателя имеет место в Костромской и Курганской областях, а наименьший — в республиках Башкортостан и Мордовии.

Поколенческая динамика среднего числа рожденных детей определяется двумя разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, в молодых поколениях продолжает снижаться среднее число первых рождений, т. е. возрастает доля женщин, не имеющих к концу репродуктивного периода ни одного рожденного ребенка (наибольшее снижение в Республике Мордовии, Калужской и Кемеровской областях). С другой стороны, в более молодых поколениях на смену снижению пришло повышение доли родивших второго и третьего ребенка среди родивших ребенка предыдущей очередности. Наибольший поколенческий прирост доли родивших второго ребенка среди родивших первого фиксируется в Калининградской, Новгородской, Орловской и Ярославской областях, а доли родивших третьего ребенка среди родивших второго — в Астраханской и Мурманской областях.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова.

Acknowledgements

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University

Список источников

- Архангельский, В. Н. (2016). Рождаемость в реальных поколениях — возможность оценить прошлое и заглянуть в будущее. В *Динамика и инерционность воспроизводства поколений в России и СНГ. Материалы VII Уральского демографического форума с международным участием*. Т.1. (с. 24– 38). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 426. EDN: XAUCWR
- Архангельский, В. Н., Козлова, О. А., Калачикова, О. Н. (2023). Региональные различия показателей рождаемости в реальных поколениях в России (по данным переписи населения 2020 года). *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 31 (спецвыпуск 2), 1165–70. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1165-1170>
- Долгих, Е. А., Давлетшина, Л. А. (2024). Статистический анализ региональных различий рождаемости населения в Российской Федерации. В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы* (с. 374– 382). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 651. <https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-3-2>
- Домнич, Е. Л. (2024). Возрастная структура рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России: региональные тренды, основанные на панельных данных. *Регионалистика*, 11 (3), 5–29. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.3.5>
- Казенин, К. И. (2021). Рождаемость в России в 2020 г.: региональная динамика. *Экономическое развитие России*, 28 (3), 50–54.
- Кишенин, П. А. (2023). Региональная дифференциация рождаемости в Российской Федерации: оптика реальных поколений. *Демографическое обозрение*, 10 (4), 86–120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18810>
- Родина О. А. (2023). Региональная вариация рождаемости и ее связь с социально-экономическим положением российских регионов. *Демографическое обозрение*, 10 (2), 63–103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17766>
- Синица, А. Л. (2017). Рождаемость в регионах России: конвергенция или дивергенция. *Регион: экономика и социология*, 94 (2). 152– 173. <https://doi.org/10.15372/REG20170207>
- Смулянская, Н. С. (2017). Классификация регионов России по возрастным моделям рождаемости. *Регион: экономика и социология*, 95 (3), 146–157. <https://doi.org/10.15372/REG20170307>
- Федоров, Г. М. (2021). О факторах и особенностях динамики и региональной дифференциации рождаемости в постсоветской России. *Региональные исследования*. 72 (2), 48–60. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-2-5>
- Шубат, О. М. (2019). Региональная конвергенция рождаемости в России. *Экономика региона*, 15 (3), 736–48. <https://doi.org/10.17059/2019-3-9>
- Шубат, О. М. (2021). Статистическая оценка снижения рождаемости в Российской Федерации: региональный аспект. *Вопросы статистики*, 28 (5), 39–48 <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-5-39-48>

References

- Arkhangelsky, V.N. (2016). Fertility in Real Generations: An Opportunity to Assess the Past and Look into the Future. In: *Dinamika i inercionnost' vosproizvodstva pokolenij v Rossii i SNG. Materialy VII Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem [Dynamics and Inertia of Generation Reproduction in Russia and the CIS. Proceedings of the VII Ural Demographic Forum with International Participation]*. Vol. 1. (pp. 24–38). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 426. EDN: XAUCWR (In Russ.)
- Arkhangelsky, V.N., Kozlova, O.A., & Kalachikova, O.N. (2023). Regional Differences in Fertility Rates in Real Generations in Russia (According to the 2020 Population Census). *Problemy social'noj gigieny, zdравоохранeniya i istorii mediciny [Problems of Social Hygiene, Healthcare, and*

History of Medicine], 31 (Special Issue 2), 1165–1170. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1165-1170> (In Russ.)

Dolgikh, E.A. & Davletshina, L.A. (2024). Statistical analysis of regional differences in fertility in the Russian Federation. In *Ustojchivost' demograficheskogo razvitiya: determinanty i resursy [Sustainability of Demographic Development: Determinants and Resources]* (pp. 374–382). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651. <https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-3-2> (In Russ.)

Domnich, E.L. (2024). Age structure of fertility in urban and rural populations in post-Soviet Russia: regional trends based on panel data. *Regionalistika [Regionalistics]*, 11(3). 5–29. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.3.5> (In Russ.)

Kazenin, K.I. (2021). Fertility in Russia in 2020: Regional Dynamics. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic Development of Russia]*, 28(3), 50–54 (In Russ.)

Kishenin, P.A. (2023). Regional Differentiation of Fertility in the Russian Federation: The Optics of Real Generations. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 10(4), 86–120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18810> (In Russ.)

Rodina, O.A. (2023). Regional Variation in Fertility and Its Relationship with the Socioeconomic Situation of Russian Regions. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 10(2), 63–103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17766> (In Russ.)

Sinita, A.L. (2017). Fertility in Russian Regions: Convergence or Divergence. *Region: ekonomika i sociologiya [Region: Economics and Sociology]*, 94(2). 152–173. <https://doi.org/10.15372/REG20170207> (In Russ.)

Smulyanskaya, N.S. (2017). Classification of Russian Regions by Age-Specific Fertility Patterns. *Region: ekonomika i sociologiya [Region: Economics and Sociology]*. 95(3). 146–157. <https://doi.org/10.15372/REG20170307> (In Russ.)

Fedorov, G.M. (2021). On the Factors and Features of the Dynamics and Regional Differentiation of Fertility in Post-Soviet Russia. *Regional'nye issledovaniya [Regional Studies]*. 72(2), 48–60. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-2-5> (In Russ.)

Shubat, O. M. (2019). Regional Fertility Convergence in Russia. *Ekonomika regiona [Regional Economy]*, 15(3), 736–748. <https://doi.org/10.17059/2019-3-9> (In Russ)

Shubat, O. M. (2021). Statistical Assessment of the Decline in the Fertility in the Russian Federation: A Regional Aspect. *Voprosy statistiki*, 28(5), 39–48 <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-5-39-48> (In Russ.)

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, заведующий сектором воспроизводства населения и демографической политики научно-исследовательской лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова; <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632> (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

Vladimir N. Arkhangelsiy — Candidate of Sciences (Economics), Head of the Population Reproduction and Demographic Policy Sector of the Research Laboratory of Population Economics and Demography, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632> (1, p.46, Leninsky Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.1; 316.36

JEL classification: J11, J12, J18

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-4-2>

Динамика рождаемости в Краснодарском крае за 2011–2024 гг.: основные тенденции и направления демографического роста¹

Е. Н. Васильева^а, Е. С. Васильев^б

^а Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

^б Научно-исследовательская автономная некоммерческая организация «Институт «Царьград»
(г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-8798-9880>

Автор для корреспонденции: Е. Н. Васильева (vasilevaen@yandex.ru).

Аннотация. Актуальность исследования определяется демографическими вызовами, влияющими на численность и структуру населения в регионах Российской Федерации. Краснодарский край занимает четвертое место в рейтинге регионов по качеству жизни за 2024 год (РИА Рейтинг). Фактически Краснодарский край является центром Юга России, в котором численность населения увеличивается за счет миграционных потоков, а не роста рождаемости. Цель нашего исследования — выявить факторы, влияющие на динамику рождаемости в регионе. Методологической базой исследования является теория демографической безопасности. Методы исследования — статистический анализ следующих показателей: численность населения, число рождений, очередность рождений по возрасту матери, суммарный коэффициент рождаемости, брачность, разводимость и т. д. Новизна исследования определяется выявленными тенденциями, что позволило определить возможные точки роста рождаемости в регионе.

Ключевые слова: демография; рождаемость; брачность; разводимость; численность населения.

Birth Rate Dynamics in the Krasnodar Region for 2011–2024: Key Demographic Growth Trends and Directions

Е. Vasileva^а, Е. Vasiliev^б

^а Institute of Social Demography (ISD) FCTAS RAS (Moscow, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

^б Autonomous Scientific research autonomous non-commercial organization «Institute «Tsargrad»
(Moscow, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-8798-9880>

Corresponding author: E. Vasileva (vasilevaen@yandex.ru).

Abstract. The relevance of this study is driven by the demographic challenges that shape the size and structure of the population across the regions of the Russian Federation. The Krasnodar Region ranks fourth in the Quality of Life Rating, 2024 (RIA Rating). In practice, the Krasnodar Region is the core of Southern Russia, where population growth is sustained by migration flows rather than an increase in the birth rate. The purpose of this study is to identify the factors influencing birth rate dynamics in the region. The methodological framework is based on the theory of demographic transition. The research methods include a statistical analysis of the following indicators: total population, number of births, birth order by maternal age, total fertility rate (TFR), marriage rates, divorce rates, etc. The novelty of the research lies in the trends identified through correlation analysis of the studied indicators, which allowed for the determination of potential growth points for the birth rate in the region.

¹ © Васильева Е. Н., Васильев Е. С. Текст. 2026.

Keywords: demography; fertility, marriage rate; divorce rate; population.

Введение

Актуальность исследования обусловлена сложной демографической ситуацией в регионах России. Сегодня перед управленческими кадрами стоят задачи по преодолению демографических вызовов, что определяет актуальность не только всероссийских исследований, но и анализа демографических показателей по отдельным регионам. Характерной особенностью демографической ситуации в Краснодарском крае является стабилизация численности населения, обеспечиваемая преимущественно миграционным притоком, а не естественным воспроизводством населения. Рождаемость в центре Юга России выше, чем в ряде регионов, но постепенно снижается, поэтому целью данного исследования выступает выявление факторов, детерминирующих динамику рождаемости в Краснодарском крае, что позволит обосновать меры семейной и демографической политики, которые было бы целесообразно ввести в исследуемом субъекте Российской Федерации.

Обзор литературы

Теория демографического перехода, разработанная в начале XX века (Landry, 1909), оказала существенное влияние на работы современных демографов (Реэр, 2014). В рамках теории демографического перехода рационально обосновываются факторы сокращения численности населения, но основные постулаты не включают поиск оптимальных механизмов восстановления уровня рождаемости до достаточного для естественного воспроизводства населения. Для нивелирования указанного упущения мы дополнили методологическую базу концепцией демографической безопасности и концепциями российских ученых, в которых исследуются тенденции (Калабихина и др., 2020) и перспективы трансформации современных демографических процессов. С целью выявления факторов, влияющих на изменение рождаемости, на основе статистических и социологических данных анализируются стратегии репродуктивного поведения (Андреев и др., 2025; Козлова и др., 2024). К факторам, их определяющим, относят брачность и разводимость (Архангельский и др., 2025; Ростовская, Синельников, 2025; Синельников, 2021), экономические и институциональные условия жизни семьи (Полтавская и др., 2024), данные о развитии инфраструктуры медицинского обеспечения (Васильева & Васильева, 2025) и т. д. В результате исследования, исходящего из предпосылки, что уровень рождаемости может не только снижаться, но и увеличиваться, необходимо исследовать тенденции рождаемости на конкретных временных отрезках.

Материалы и методы

На основе статистических данных за 2011–2024 гг. были просчитаны корреляции следующих показателей: численность населения, в том числе городского и сельского; число рождений; очередность рождений по возрасту матери; суммарный коэффициент рождаемости (СКР), в том числе по первым, вторым, третьим и др. рождениям; брачность; разводимость и т. д. Значимые корреляции, уровень в пределах от 0,79 до 0,99, проверялись с учетом достоверности

аппроксимации, анализировалась динамика показателей. Корреляция выше 0,92 рассматривалась как существенная зависимость, не требующая дополнительного обоснования, указывающая на тенденции развития демографических процессов, что позволило выявить направления совершенствования механизмов семейной и демографической политики.

Результаты

Формулировка гипотез исследования основывалась на предположении, что динамика рождаемости в Краснодарском крае сопоставима с процессами, протекающими в Российской Федерации, и обусловлена тем, что показатели рождаемости (число рождений и СКР) снижаются за счет увеличения среднего возраста матери при рождении первого ребенка, роста показателей разводимости, изменения структуры сельского и городского населения и т. д. На первом этапе исследования были систематизированы данные по изменению СКР за 2011–2024 гг. (табл. 1).

Анализ представленных данных позволяет сделать следующий вывод. В Краснодарском крае за период с 2011 по 2024 гг. СКР снизился на 3,4 %, в том числе в сельской местности уменьшился на 15,3 %, а в городской — увеличился на 5,7 %. Краснодарский край является крупным регионом, лидером по объему инвестиций, привлеченных в АПК, поэтому интересным является поиск ответа на вопрос, почему СКР в сельской местности региона снижается? Какие в целом тенденции рождаемости в регионе наблюдаются?

На втором этапе работы проанализированы изменения среднего возраста рождения первого и последующих детей. В таблице 2 сопоставлены «средний возраст матери» и «число рождений по очередности», значимые корреляции выявлены между увеличением среднего возраста матери и снижением числа рождений первого ребенка (рис. 1 — величина достоверности аппроксимации 0,81); увеличением среднего возраста матери и ростом числа рождения третьих и последующих детей (табл. 2, рис. 2).

На основе произведенных расчетов можно сделать вывод, что рост среднего возраста матери в Краснодарском крае негативно сказывается на численности рождений в целом, но растет число женщин, готовых к рождению третьих и последующих детей. В то же время существенный рост рождений третьих и последующих детей не компенсирует падения рождаемости в целом (табл. 3).

Таблица 1

Динамика изменения СКР в Краснодарском крае за период 2011–2024 гг.

Наименование показателя	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
СКР. Все население	1,576	1,697	1,721	1,80	1,834	1,822	1,707	1,663	1,608	1,602	1,624	1,521	1,532	1,523
СКР. Городское население	1,548	1,679	1,735	1,816	1,895	1,909	1,789	1,725	1,685	1,763	1,698	1,594	1,654	1,637
СКР. Сельское население	1,617	1,724	1,702	1,774	1,741	1,686	1,577	1,560	1,488	1,365	1,511	1,416	1,366	1,370

Источник: ЕМИСС государственная статистика. Суммарный коэффициент рождаемости. <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 02.02.2026).

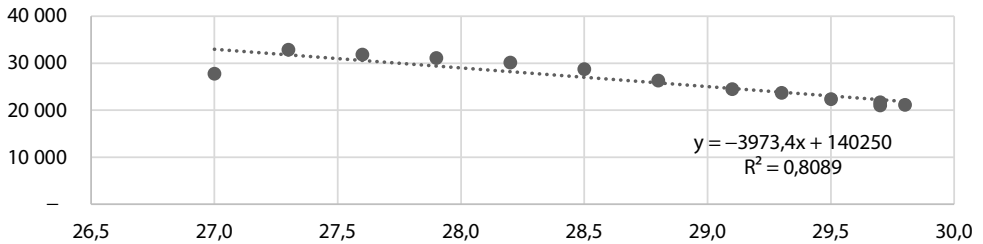

Рис. 1. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между увеличением среднего возраста матери в целом и снижением числа рождений первых детей (источник: сост. авторами по: ЕМИСС государственная статистика. Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения. <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 02.02.2026); ЕМИСС государственная статистика. Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 02.02.2026).

Таблица 2

Коэффициенты корреляции показателей «средний возраст матери», «число рождений по очередности»

Наименование показателя	Рожденные первые	Рожденные вторые	Рожденные третьи	Рожденные четвертые	Рожденные пятые и более
Средний возраст матери: по всем детям	−0,90	−0,47	0,81	0,96	0,98
Средний возраст матери: 1-го ребенка	−0,88	−0,40	0,83	0,96	0,97
Средний возраст матери: 2-го ребенка	−0,93	−0,60	0,70	0,91	0,94
Средний возраст матери: 3-го ребенка	−0,92	−0,59	0,70	0,91	0,94

Источник: рассчитано авторами на основе: ЕМИСС государственная статистика. Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения. <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 02.02.2026); ЕМИСС государственная статистика. Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 02.02.2026).

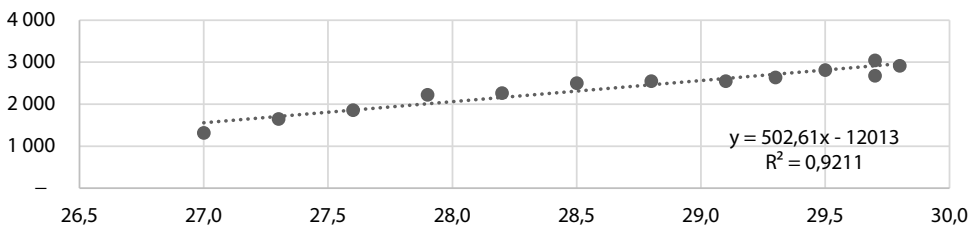

Рис. 2. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между увеличением среднего возраста матери в целом и снижением числа рождений третьих детей (источник: сост. авторами по: ЕМИСС государственная статистика. Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения. <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 02.02.2026); ЕМИСС государственная статистика. Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 02.02.2026).

В течение исследуемого периода произошло существенное перераспределение влияния показателей на общую рождаемость. Доля рождений первого и второго ребенка в суммарной численности рождений снизилась с 86,2 % до 73,1 %, в то время как влияние числа рождений третьего и последующих детей увеличилось с 13,8 % до 26,9 %. Иными словами, в то время как число рождений первого и второго ребенка в абсолютных показателях на протяжении исследуемого периода неуклонно снижалось, число рождений третьего и последующих детей заметно увеличилось. В абсолютных показателях число рожденных третьих и последующих детей увеличилось с 7 691 ребенка в 2011 году до 14 248 детей в 2023 году, т. е. выросло на 85,3 %. Таким образом, за последние 13 лет влияние многодетных семей в формировании рождаемости в Краснодарском крае многократно возросло.

На третьем этапе работы исследовалось влияние среднего возраста материнства и численности женщин фертильного возраста (табл. 4, табл. 5).

Изменения структуры распределения женщин по возрастным группам фертильного возраста свидетельствуют, что численность женщин в возрасте 15–34 лет снизилась на 10,1 %. В результате анализа характера изменений в пятилетних возрастных группах женщин фертильного возраста была выявлена прямая зависимость между снижением численности женщин в возрасте 25–29 лет и уменьшением числа рождений — коэффициент корреляции 0,95, величина достоверности аппроксимации 0,91 (табл. 6, рис. 3).

Таблица 3

Динамика изменения структуры рождаемости по очередности рождений, %

Наименование показателя	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Влияние рождения 1 и 2 ребенка на общую рождаемость	86,2	85,0	84,0	82,3	82,0	80,9	79,2	77,8	76,8	75,1	73,9	73,9	73,1
Влияние рождения 3 ребенка и последующих на общую рождаемость	13,8	15,0	16,0	17,7	18,0	19,1	20,8	22,2	23,2	24,9	26,1	26,1	26,9

Источник: рассчитано авторами на основе: ЕМИСС государственная статистика. Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения. <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 02.02.2026); ЕМИСС государственная статистика. Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 02.02.2026).

Таблица 4

Коэффициенты корреляции показателей «численность женщин фертильного возраста (15–49 лет)» и «средний возраст матери»

Наименование показателя	Средний возраст матери					
	По всем детям	1-го ребенка	2-го ребенка	3-го ребенка	4-го ребенка	5-го и последующих детей
Численность женщин фертильного возраста (15–49 лет)	–0,87	–0,88	–0,62	0,52	0,70	0,74

Источник: рассчитано авторами на основе: ЕМИСС государственная статистика. Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения. <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 02.02.2026); ЕМИСС государственная статистика. Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 02.02.2026).

Таблица 5

Изменение среднего возраста женщин фертильной группы и самой структуры возрастных групп за период 2012–2023 гг.

Наименование показателя	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Средний возраст женщин фертильной группы, лет	30,1	30,2	30,5	30,8	31	31,2	31,4	31,5	31,6	31,7	31,8	31,9	31,9
Возрастные группы, %:													
15–24 лет	27,0	25,9	24,6	23,4	22,2	21,1	20,4	19,9	19,8	19,8	20,0	20,3	20,9
25–34 лет	30,9	32,0	32,9	33,6	34,0	34,0	34,0	33,4	32,4	31,3	30,0	28,6	27,0
35–49 лет	42,0	42,1	42,5	43,0	43,8	44,8	45,6	46,7	47,8	49,0	50,0	51,1	52,1

Источник: рассчитано авторами на основе: ЕМИСС государственная статистика. Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения. <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 02.02.2026); ЕМИСС государственная статистика. Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 02.02.2026).

Таблица 6

Коэффициенты корреляции показателей «численность родившихся» и «численности женщин по пятилетним возрастным группам фертильного возраста»

Наименование показателя	Возрастные группы						
	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет	40–44 года	45–49 лет
Численность родившихся, чел.	–0,63	0,66	0,95	–0,12	–0,80	–0,69	–0,97

Источник: рассчитано авторами на основе: ЕМИСС государственная статистика. Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения. <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 02.02.2026); ЕМИСС государственная статистика. Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 02.02.2026).

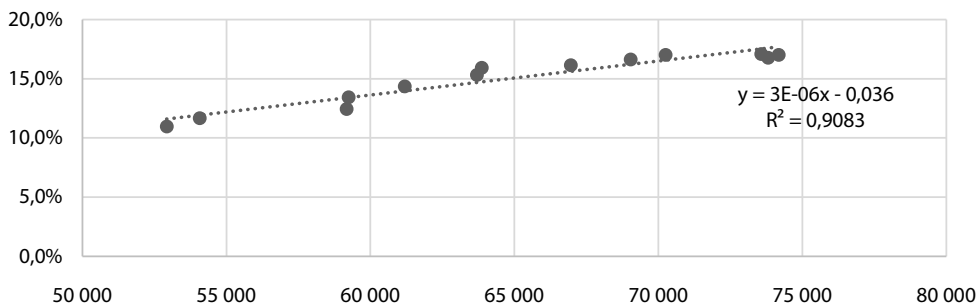

Рис. 3. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между снижением численности женщин в возрасте 25–29 лет и уменьшением числа рождений (источник: сост. авторами по: ЕМИСС государственная статистика. Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения. <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 02.02.2026); ЕМИСС государственная статистика. Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 02.02.2026).

Следовательно, можно констатировать, что данные изменения оказывают влияние на увеличение среднего возраста женщин при рождении детей, помимо фактического увеличения возраста материнства, зависящего не только от изменений структуры численности женщин фертильного возраста, но и увеличения возраста рождения первого ребенка.

Выявленная зависимость — свидетельство необходимости реализации политики поддержки рождения второго ребенка женщинами в возрасте до 30 лет и последующих детей у матери независимо от возраста, т. к. основное число рождений приходится на женщин в возрасте 27–30 лет (табл. 7), но в 30 лет и позже женщина находится в перспективном репродуктивном возрасте. В то же время рождение детей женщинами в возрасте старше 30 лет необходимо поддерживать отдельными мерами — например, региональными программами дополнительной медицинской помощи.

Рождение третьего ребенка откладывается все дальше по времени, увеличивая средний возраст матери при его рождении. За исследуемый период разница в среднем возрасте матери при рождении первого и второго ребенка выросла на 2,5 %, достигнув 4,1 года (табл. 8). Периоды между последующими рождениями наоборот уменьшились. Данная тенденция показывает, что период, в который женщины решают родить детей, сокращается.

Таблица 7

Средний возраст матери в целом и по очередности рождения детей в Краснодарском крае, 2011–2023 гг., лет

Наименование показателя	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2011/2023
Средний возраст матери: по всем детям	27,0	27,3	27,6	27,9	28,2	28,5	28,8	29,1	29,3	29,5	29,7	29,7	29,8	10,4 %
Средний возраст матери: 1-го ребенка	24,6	24,7	25	25,3	25,5	25,8	26,1	26,3	26,4	26,5	26,5	26,5	26,6	8,1 %
Средний возраст матери: 2-го ребенка	28,6	28,7	28,8	29	29,2	29,4	29,6	29,8	30,0	30,1	30,3	30,5	30,7	7,3 %
Средний возраст матери: 3-го ребенка	31,3	31,4	31,6	31,7	31,8	32	32,1	32,3	32,4	32,6	32,8	32,9	33,1	5,8 %
Средний возраст матери: 4-го ребенка	32,6	32,5	32,4	32,7	32,7	33	33,2	33,3	33,4	33,6	33,9	34,1	34,2	4,9 %
Средний возраст матери: 5-го и последующих детей	34,1	34,0	34,1	33,6	33,7	33,9	34,0	33,9	34,4	34,4	34,6	34,8	34,9	2,3 %

Источник: рассчитано авторами на основе: ЕМИСС государственная статистика. Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения. <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 02.02.2026).

На четвертом этапе проанализированы показатели разводимости (табл. 9). Анализируя динамику изменения показателя числа разводов на 1 000 браков за период 2011–2024 гг., приходится констатировать его увеличение на 43,0 %.

Согласно проведенным А.Б. Синельниковым исследованиям, чем выше статистика разводов, тем ниже вероятность рождения второго и последующих детей (Ростовская, Синельников, 2025; Синельников, 2021), следовательно, рост разводов в Краснодарском крае — один из факторов негативных тенденций рождаемости.

Обсуждение и выводы

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, снижается СКР в сельской местности. Во-вторых, укрепляется роль многодетных семей в формировании показателей рождаемости. В-третьих,

Таблица 8

Динамика изменения времени между рождениями детей, 2011–2023 гг., лет

Наименование показателя	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2012/2023
Разница в среднем возрасте матери при рождении 1-го и 2-го ребенка	4,0	4,0	3,8	3,7	3,7	3,6	3,5	3,5	3,6	3,6	3,8	4,0	4,1	2,5 %
Разница в среднем возрасте матери при рождении 2-го и 3-го ребенка	2,7	2,7	2,8	2,7	2,6	2,6	2,5	2,5	2,4	2,5	2,5	2,4	2,4	–11,1 %
Разница в среднем возрасте матери при рождении 3-го и 4-го ребенка	1,3	1,1	0,8	1,0	0,9	1,0	1,1	1,0	1,0	1,0	1,1	1,2	1,1	–15,4 %
Разница в среднем возрасте матери при рождении 4-го и последующих детей	1,5	1,5	1,7	0,9	1,0	0,9	0,8	0,6	1,0	0,8	0,7	0,7	0,7	–53,3 %

Источник: рассчитано авторами на основе: ЕМИСС государственная статистика. Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения. <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 02.02.2026).

Таблица 9

Динамика изменения количества разводов на 1 000 браков в Краснодарском крае, 2011–2024 гг.

Наименование показателя	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Число разводов на 1 000 браков	490	541	562	557	554	634	577	544	644	760	648	625	668	701

Источник: рассчитано авторами на основе: Краснодарский край в цифрах. 2015: Стат. сб. / Краснодарстат — Краснодар, 2016. — 307 с.; Краснодарский край в цифрах. 2017: Стат. сб. / Краснодарстат — Краснодар, 2018. — 306 с.; Краснодарский край в цифрах. 2020: Стат. сб. / Краснодарстат — Краснодар, 2021. — 274 с.; Краснодарский край в цифрах. 2024: Краткий стат. сб. / Краснодарстат — Краснодар, 2025. — 141 с.

средний период между рождением второго и последующих детей за период 2011–2023 гг. в регионе сократился (на 11,1 % — при решении о рождении второго ребенка, на 15,4 % — при решении о рождении третьего ребенка и на 53,3 % — при рождении четвертого и последующих детей). В-четвертых, брачность и разводимость существенно влияют на рождаемость, возраст рождения женщиной первого ребенка зависит от возраста вступления в брак, а разводы препятствуют рождению в Краснодарском крае второго и последующих детей.

Следовательно, меры семейной и демографической политики необходимо разрабатывать в сфере поддержки семей при рождении детей в сельской местности; предлагать новые меры поддержки женщин старше 30 лет при рождении детей; укреплять престиж многодетных семей, а также продолжать работу по профилактике разводов. Проведенный анализ не является исчерпывающим, исследовательская работа будет продолжена с целью более глубокого анализа причин снижения рождаемости в сельской местности.

Список источников

Андреев, Е. М., Чурилова, Е. В., Родина, О. А., Чертенков, К. О. (2025). Российская рождаемость в XXI веке и перспективы ее повышения. *Демографическое обозрение*, 12(2): 87–107. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27495>

Архангельский, В. Н., Золотарева, О. А., Кучмаева, О. В. (2025). Показатели вступления в первый брак в реальных поколениях: методические и аналитические возможности данных текущего учета. *Вопросы статистики*, 32(6): 57–77. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2025-32-6-57-77>

Васильева Е. Н., Васильева Е. Е. (2025). Факторы изменения численности населения в Российской Федерации в 2000–2021 гг. *Факторы и механизмы демографического развития: сб. науч. ст.* (с. 259–265). Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 832. <https://doi.org/10.17059/udf-2025-3-1>

Калабихина, И. Е., Банин, Е. П., Архангельский, В. Н., Абдуселимова, И. А., Клименко, Г. А., Колотуша, А. В., Николаева, У. Г., Шамсутдинова, В. Ш. (2020). Краткосрочное прогнозирование демографических тенденций на основе данных Google Trends. *Прикладная информатика*, 15(6): 91–118. <https://doi.org/10.37791/2687-0649-2020-15-6-91-118>

Козлова, О. А., Макарова, М. Н., Архангельский, В. Н. (2024). Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России. *Уровень жизни населения регионов России*, 20(1): 76–90. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_76_90

Полтавская, М. Б., Васильев, Е. С., Гуляев, С. Б. (2024). Современная российская семья: потребности и институциональные ресурсы поддержки (на примере Волгоградской области). *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки*, 17(4): 77–92. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-4-77-92>

Резз, Д. (2014) Экономические и социальные последствия демографического перехода. *Демографическое обозрение*, 1(4): 41–67. EDN: TTGXTX.

Ростовская, Т. К., Синельников, А. Б. (2025). Ценности брака как основа благополучия российских семей. *Вопросы управления*, 19(2): 6–16. EDN: BRNKHT.

Синельников, А. Б. (2021). Демографический переход и семейно-демографическая политика. *Социологические исследования*, 10: 83–93. DOI: 10.31857/S013216250017168-7.

Landry, A. (1909) Les trois théories principales de la population. *Scientia*, 3(6), article 121 [online]. <https://philpapers.org/rec/LANLTT> (Accessed: 16.01.2026).

References

- Andreev E., Churilova E., Rodina O., & Chertenkov K. (2025). Russian fertility in the 21st century and prospects for its increase. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 12(2): 87–107. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27495>. (In Russ.).
- Arkhangelskiy, V.N., Zolotareva, O.A., & Kuchmaeva, O.V. (2025). First Marriage Rates in Real Generations: Methodological and Analytical Potential of Current Registration Data. *Voprosy statistiki*. 32(6): 57–77. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2025-32-6-57-77> (In Russ.).
- Vasilieva E.N. & Vasileva E.E. (2025). Factors of population change in the Russian Federation in 2000–2021. In: *Faktory i mekhanizmy demograficheskogo razvitiya: sb. nauch. st. [Factors and Mechanisms of Demographic Development: Collection of Scientific Articles]*. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 832. (pp. 259–265). <https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-1> (in Russ.).
- Kalabikhina, I., Banin, E., Arkhangelskiy, V., Abduselimova, I., Klimenko, G., Kolotusha, A., Nikolaeva, U., & Shamsutdinova, V. Short-term forecasting of demographic trends based on Google Trends data. *Prikladnaya informatika [Journal of Applied Informatics]*, 15(6): 91–118. DOI: 10.37791/2687-0649-2020-15-6-91-118. (In Russ.).
- Kozlova, O. A., Makarova, M. N., & Arkhangelskiy, V. N. (2024). Methodological approach to assessing factor influence on fertility in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living standards of the population of Russian regions]*, 20 (1): 76–90. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90 (In Russ.).
- Poltavskaya, M.B., Vasiliev, E. S., & Gulyaev, S.B. (2024). Modern Russian family: needs and institutional support resources (case of Volgograd region). *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Soci-al'no-e konomicheskie nauki [Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]*, 17(4): 77–92. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-4-77-92>. (In Russ.).
- Reer, D. (2014) Economic and social consequences of demographic transition. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 1(4): 41–67. EDN: TTGXTX. (In Russ.)
- Rostovskaya, T. K. & Sinelnikov, A. B. (2025). Marriage values as the basis for the Russian families well-being. *Voprosy upravleniia [Management Issues]*, 19(2): 6–16. EDN: BRNKHT. (In Russ.).
- Sinelnikov, A.B. (2021). Demographic transition and family demographic policy. *Sociologicheskie issledovaniya*, 10: 83–93. <https://doi.org/10.31857/S013216250017168-7>. (In Russ.).
- Landry, A. (1909) Les trois théories principales de la population. *Scientia*, 3(6), article 121 [online]. <https://philpapers.org/rec/LANLTT> (Accessed: 16.01.2026).

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии (ИСД) ФНИСЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539> (Российская Федерация, 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35 корпус 5; e-mail: vasilevaen@yandex.ru).

Васильев Евгений Сергеевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательская автономная некоммерческая организация «Институт «Царьград»; <https://orcid.org/0000-0002-8798-9880> (Российская Федерация, 115093, г. Москва, Партийный пер., д. 1, к. 57, стр. 3; e-mail: evasilyevs@mail.ru).

Ekaterina N. Vasileva — Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography (ISD) FCTAS RAS; <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539> (24/35 Krzhizhanovskogo st., bld. 5, Moscow, 117218; Russian Federation, e-mail: vasilevaen@yandex.ru).

Evgeniy S. Vasiliev — PhD (Econ.), Researcher, Autonomous Scientific research autonomous non-commercial organization “Institute “Tsargrad”; <https://orcid.org/0000-0002-8798-9880> (1/57/3, Partiynyy lane, Moscow, 115093, Russian Federation, e-mail: evasilyevs@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.3(470+571)(045)

JEL classification: J13, J11, R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-4-3>

Факторы откладывания рождения первенца в мегаполисах России: социологический анализ поколения миллениалов и зумеров¹

И. А. Винокурова

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург, Россия).

Автор для корреспонденции: И.А. Винокурова (L0888@yandex.ru).

Аннотация. Исследование посвящено анализу факторов откладывания рождения первого ребенка в российских мегаполисах среди поколений миллениалов и зумеров. На основе анализа данных Росстата за 2012–2024 гг., результатов Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения и исследований ВЦИОМ выявлено, что средний возраст матери при рождении первенца в Москве составляет 27,8 года, что на 1,88 года выше общероссийского показателя. Методология включает вторичный анализ статистических данных и результатов социологических опросов. Установлено, что ключевыми факторами откладывания выступают экономические условия (73,4 % респондента указывают на недостаточные материальные возможности), жилищные проблемы (57,9 %) и стремление к самореализации (48,9 %). Научная новизна заключается в комплексном анализе межпоколенческих различий в репродуктивном поведении городского населения. Результаты применимы для корректировки демографической политики в крупных городах. Ограничением исследования является фокус на мегаполисах, что требует дальнейшего изучения региональных особенностей.

Ключевые слова: репродуктивное поведение; мегаполисы; миллениалы; зумеры; демографическая политика.

Factors of Postponement of the First Birth in Russian Megacities: A Sociological Analysis of the Millennial and Generation Z

I. Vinokurova

Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg, Russia)

Corresponding author: I. Vinokurova (L0888@yandex.ru).

Abstract. The study analyzes factors of first birth postponement in Russian megacities among millennials and Generation Z. Based on Rosstat data for 2012–2024, Selective Observation of Reproductive Plans, and VTsIOM surveys, it was found that the average age of mothers at first birth in Moscow is 27.8 years, which is 1.88 years higher than the national average. The methodology includes secondary analysis of statistical data and sociological surveys. Key postponement factors are economic conditions (73.4 % of respondents indicate insufficient financial resources), housing problems (57.9 %), and self-realization aspirations (48.9 %). Scientific novelty lies in comprehensive analysis of intergenerational differences in reproductive behavior of urban population. Results are applicable for demographic policy adjustments in large cities. The limitation is the focus on megacities, requiring further study of regional characteristics.

Keywords: reproductive behavior; megacities; millennials; generation z; demographic policy.

Введение

Трансформация репродуктивного поведения молодых поколений представляет собой одну из наиболее значимых демографических тенденций современной

¹ © Винокурова И. А. Текст. 2026.

России. За последние три десятилетия средний возраст матери при рождении первого ребенка увеличился с 24,6 года в 1994 году до 29,0 года в 2023 году, что составляет рост на 4,4 года (Щербакова, 2024). Особенно отчетливо этот процесс проявляется в мегаполисах, где средний возраст первых родов превышает общероссийский показатель на 1,88 года (Аксенова и др., 2019). Суммарный коэффициент рождаемости в 2024 году составил 1,410 детей на женщину, что существенно ниже уровня простого воспроизводства населения, равного 2,1 (Щербакова, 2024).

В.В. Радаев (2025) отмечает, что чем моложе поколение, тем реже в том же молодом возрасте наступают события-маркеры взрослости, означая, что для миллениалов и особенно для зумеров период взросления удлиняется. Эта тенденция особенно характерна для жителей крупных городов, где, по словам исследователя, у населения больше возможностей на самоопределение, а, следовательно, и возможностей отложить или растянуть некоторые общепринятые этапы взросления (Радаев, 2025). Andreev и др. (2021) подчеркивают, что средний возраст вступления в брак и деторождения значительно вырос, а бездетность становится все более распространенной, особенно в Москве.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания механизмов откладывания первых рождений для разработки эффективных мер демографической политики. Цель работы состоит в выявлении и систематизации факторов, определяющих календарный сдвиг рождения первенца среди миллениалов (1981–1996 годов рождения) и зумеров (1997–2012 годов рождения) в российских мегаполисах. Гипотеза исследования заключается в том, что откладывание первых рождений в мегаполисах детерминировано комплексом социально-экономических факторов, среди которых доминируют материальные и жилищные трудности, а также стремление к образованию и карьерному росту.

Обзор литературы и теоретические основы

Феномен откладывания рождений активно изучается в современной демографической науке. Р.Т. Фахрисламова (2014) справедливо отмечает, что именно распространение откладывания рождения детей в браке, пусть и на короткий срок, более позднее вступление в брак ведут к увеличению бездетного периода в жизни молодых женщин и мужчин. Исследовательница подчеркивает, что чем более широкий выбор предоставляет общество, тем менее обязательным становится брак, а желательность брака должна характеризоваться санкциями за позднее вступление в брак или безбрачие, такими как социальная изоляция или моральное осуждение (Фахрисламова, 2014).

В.Н. Архангельский и Т.А. Фадеева (2022) на основе анализа реальных поколений женщин 1970–х и 1980–х годов рождения показывают, что среднее число первых рождений в возрасте до 25 лет значительно снижается, тогда как в возрасте 25–29 лет и 30–34 повышается, что означает откладывание начала деторождения и смещение его к более старшим возрастам. К числу основных помех к рождению желаемого числа детей респонденты относят материальные трудности, жилищные трудности и неуверенность в завтрашнем дне, а у молодежи к ним добавляются еще две причины: отсутствие работы и отсутствие мужа или жены (Архангельский & Фадеева, 2022).

В.Н. Архангельский и др. (2021) конкретизируют, что среди причин откладывания рождения первого ребенка молодые респонденты в среднем выше всего оценили значимость необходимости более оплачиваемой работы, отсутствие материальных возможностей, отсутствие собственного жилья и необходимость завершить обучение. При этом исследователи справедливо замечают, что причины откладывания рождения ребенка психологического характера, такие как представление о том, что воспитание ребенка является достаточно трудным делом, требует много сил и времени, и желание хоть какое-то время пожить для себя, являются более долговременными и менее подвержены влиянию мер демографической политики (Архангельский и др., 2021).

В.А. Филиппенко (2024) подчеркивает, что на текущий момент существует проблема совмещения родительства и образа успешного карьериста, поэтому между ценностными аспектами существует конкуренция, при этом ценность семьи и родительства остается высокой, а потребность в детях снижается. Автор отмечает, что молодые люди хотят не только получить высокооплачиваемую должность, но и в целом иметь достаточно высокий социальный статус, возможность удовлетворения своих потребностей как личности, заниматься саморазвитием. К причинам, которые ограничивают деторождение, относятся прежде всего факторы недостаточной материальной обеспеченности, необходимость завершения обучения и построение карьеры (Филиппенко, 2024).

Специфика мегаполисного контекста подчеркивается Левченко и Баяндиной (2022), которые отмечают, что в больших городах внимание людей сосредоточено на работе, карьере, саморазвитии, социальном успехе, и мегаполис ориентирован на людей-одиночек, ведь свободному, независимому человеку легче успевать за его темпами. О.В. Бессчетнова (2025) развивает эту мысль, указывая, что именно высокая степень ответственности в условиях неопределенности и риска в сфере образования, труда и занятости, прагматичный подход к обеспечению своего будущего и жизни своих детей в условиях сильной социальной дифференциации заставляет молодых людей откладывать вступление в брак и рождение детей на более поздний возраст.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) о динамике рождаемости в России и Москве за период 2013–2024 гг., материалы выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 и 2017 гг., данные микропереписи населения 2015 г., а также результаты социологических исследований, проведенных в 2020–2025 гг., Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ) и другими организациями.

Методология исследования включает анализ возрастных коэффициентов рождаемости по очередности рождения, динамики среднего возраста матери при рождении детей разной очередности, сравнительный анализ показателей для мегаполисов и России в целом. Для выявления факторов откладывания первых рождений использовались данные опросов населения репродуктивного возраста о причинах отсрочки

деторождения, репродуктивных установках и жизненных приоритетах молодежи. Особое внимание уделялось межпоколенческим различиям в репродуктивном поведении миллениалов (1981–1996 гг. рождения) и зумеров (1997–2012 гг. рождения).

Результаты

Анализ демографической статистики свидетельствует о масштабном календарном сдвиге первых рождений в России и особенно в мегаполисах. Число родившихся детей в 2024 году составило 1 222,4 тысячи человек, что на 3,3 процента меньше, чем в 2023 году (Щербакова, 2024). При этом 56 процентов снижения обусловлено сокращением численности женщин репродуктивного возраста, а 44 процента связаны со снижением интенсивности рождаемости.

Как показано на рисунке 1, средний возраст матери при рождении первого ребенка демонстрирует устойчивую тенденцию к росту на протяжении последних трех десятилетий.

За период с 1994 по 2023 гг. средний возраст матери при рождении первенца увеличился с 24,6 до 29,0 года, то есть на 4,4 года. Это свидетельствует о фундаментальной трансформации модели репродуктивного поведения российских женщин. В мегаполисах этот показатель еще выше: в Москве в 2018 году средний возраст матери при рождении первого ребенка составлял 27,80 года, что на 1,88 года превышало общероссийский показатель 25,92 года (Аксенова и др., 2019).

Сдвиг календаря рождений проявляется также в изменении возрастной структуры рождаемости. Если ранее пик первых рождений приходился на возрастную группу 20–24 года, то в настоящее время он переместился на возраст 25–29 лет. Данные по Москве особенно показательны в этом отношении, что демонстрирует рисунок 2.

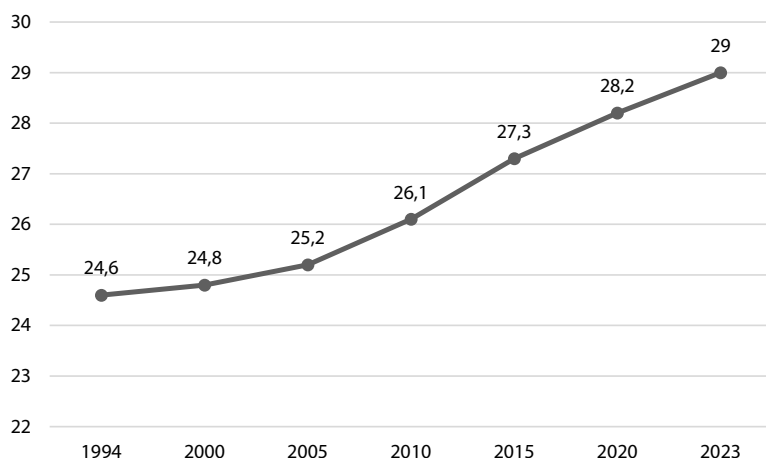

Рис. 1. Динамика среднего возраста матери при рождении первого ребенка в России, 1994–2023 гг., лет. (Источник: составлено авторами по данным Росстата и Демографического барометра НИУ ВШЭ (Щербакова, 2024).

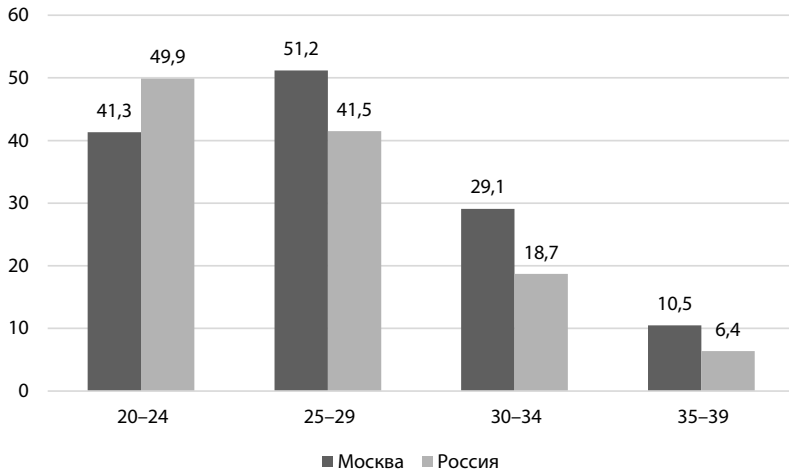

Рис. 2. Возрастные коэффициенты рождаемости первенцев в Москве и России, 2018 г., на 1 000 женщин. (Источник: составлено авторами по данным исследования рождаемости в Москве (Аксенова и др., 2019).

В Москве максимальная интенсивность первых рождений наблюдается в возрастной группе 25–29 лет (51,2 на 1 000 женщин), в то время как в России в целом пик приходится на возраст 20–24 года (49,9 на 1 000 женщин). Характерно, что в старших возрастных группах интенсивность первых рождений в Москве существенно выше общероссийских показателей: в возрасте 30–34 года московский показатель (29,1) превышает российский (18,7) в 1,56 раза, а в возрасте 35–39 лет — в 1,64 раза (10,5 против 6,4).

Важным индикатором откладывания рождений является также поведение в первые годы после заключения брака. По данным Аксеновой и соавторов (2019), в Москве только 76,5 % первых рождений происходят в браке за первые два года, тогда как в целом по России в городах этот показатель составляет 93,7 %, а по всей стране — 98,7 %. Это означает, что москвичи откладывают рождение детей даже после вступления в брак на более длительный срок, чем жители других регионов.

Andreev и др. (2021) отмечают, что изменения в паттерне тайминга первого (брачного) рождения начались раньше в городских районах по сравнению с сельской местностью, что подтверждает роль урбанизации как фактора трансформации репродуктивного поведения.

Анализ факторов откладывания первых рождений на основе социологических опросов позволяет выделить комплекс экономических, социальных и психологических детерминант. Рисунок 3 представляет структуру основных причин, препятствующих рождению первенца, по оценкам самих респондентов.

Данные для построения графика: столбчатая диаграмма, ось X — факторы, ось Y — процент ответивших (от 0 до 75 %). Данные: недостаточные материальные возможности — 73,4 %; необходимость более оплачиваемой работы — 65,8 %; жилищные трудности — 57,9 %; желание пожить для себя — 48,9 %; отсутствие

Рис. 3. Основные факторы откладывания рождения первого ребенка молодежью, % ответивших.
(Источник: составлено авторами по данным исследований Гудковой (2019), Архангельского и соавторов (2021))

партнера — 48,7 %; необходимость завершить образование — 42,3 %; трудности совмещения работы и ухода за ребенком — 36,2 %. Черно-белое оформление, горизонтальные столбцы.

Согласно результатам опросов, наиболее значимым фактором откладывания рождения первого ребенка выступают недостаточные материальные возможности, которые отметили 73,4 % респондентов. На втором месте находится необходимость более оплачиваемой работы (65,8 %), что тесно связано с первым фактором. Жилищные трудности и отсутствие собственного жилья указали 57,9 % опрошенных. Эти три экономических фактора формируют ядро препятствий к раннему деторождению.

Э.И. Гараева и Н.Б. Костина (2023) подчеркивают, что данный выбор осуществляется под влиянием следующих факторов: понимание ответственности за детей, неуверенность в завтрашнем дне, неуверенность в самом себе, желание посвятить свободное время себе либо партнеру, карьероориентированность. Авторы отмечают, что увеличение трудовой занятости женщин ведет к росту стоимости временных ресурсов, затрачиваемых на воспитание детей, и это становится важным фактором влияния на добровольный отказ женщин от деторождения, может приводить не только к отложенному родительству, но и к добровольному отказу от детей вообще (Гараева & Костина, 2023).

Значимым фактором является также желание пожить для себя, которое отметили 48,9 % молодых людей. Это отражает ценностную трансформацию молодых поколений, для которых характерна большая ориентация на самореализацию и личностное развитие. О. Калачикова и др. (2022) справедливо отмечают, что тяжелее всего молодежи дается решение о рождении первого ребенка, потому что это совершенно новый опыт, к которому необходимо готовиться во множестве аспектов, и к моменту рождения детей им хочется быть максимально готовыми.

Необходимость завершить обучение как фактор откладывания рождений указали 42,3 процента респондентов. Это особенно актуально для мегаполисов, где уровень образования населения традиционно выше, а период получения образования, включая магистратуру и аспирантуру, может растягиваться до 25–27 лет.

В.Н. Архангельский и Е.С. Зайко (2022) показывают влияние конъюнктурных факторов на решения о деторождении. В 2020 году в связи с пандемией COVID–19 значительно уменьшились показатели брачности, особенно по первым бракам, и вероятным следствием стало то, что прирост суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям в 2021 году был небольшим. При этом авторы предполагают, что негативное влияние снижения брачности в 2020 году на первые рождения в 2021 году отчасти компенсировалось положительным влиянием материнского (семейного) капитала на первого ребенка, введенного с 1 января 2021 года (Архангельский & Зайко, 2022).

Важным аспектом является межпоколенческая динамика репродуктивных установок. М.А. Зырянова (2022) отмечает, что в 2020 году наиболее низкие репродуктивные планы наблюдались у двух самых молодых возрастных когорт 1996–2000 и 2001–2005 гг. рождения, при этом среднее ожидаемое число детей у когорты 2001–2005 гг. рождения составило 1,68, у когорты 1996–2000 гг. рождения — 1,90. Автор подчеркивает, что решение о деторождении в условиях высокой степени рационализации современной модели репродуктивного поведения во многом зависит от восприятия настоящих и будущих социально-экономических обстоятельств, и контекстные макроэкономические условия влияют на формирование этого восприятия (Зырянова, 2022).

Д.М. Логинов (2025) приводит данные о том, что в представлениях только около 15 % опрошенных оптимальный возраст первого деторождения у мужчин составляет менее 25 лет, тогда как почти треть молодых людей склонны отодвигать этот возраст как минимум на уровень тридцатилетия. Кроме того, в постоянном незарегистрированном партнерстве пребывают 18 % опрошенных, а среди возрастной группы 23–27 лет и жителей мегаполисов актуализация такой практики максимизирована на уровне, превышающем 20 % (Логинов, 2025).

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о формировании принципиально новой модели репродуктивного поведения у миллениалов и зумеров, проживающих в российских мегаполисах. Откладывание рождения первенца становится массовым явлением, обусловленным комплексом взаимосвязанных факторов. Доминирующую роль играют социально-экономические детерминанты: недостаточное материальное обеспечение, отсутствие собственного жилья, необходимость получения образования и построения карьеры. Эти факторы создают объективные препятствия для раннего деторождения и формируют рациональную стратегию отсрочки рождения первенца до достижения определенного уровня материальной и социальной стабильности.

О.В. Бессчетнова (2025) точно характеризует эту ситуацию, утверждая: для того чтобы в дальнейшем не только сохранить, но и повысить свой социальный статус и уровень благосостояния, индивид должен сосредоточиться преимущественно

на карьере, а не на создании семьи и рождении детей. Мегаполисный контекст усиливает эти тенденции, предоставляя молодежи широкий спектр возможностей для самореализации в образовательной и профессиональной сферах, но одновременно создавая высокую конкуренцию и неопределенность, что способствует откладыванию семейных событий.

Важным выводом является то, что откладывание первых рождений не всегда связано с отказом от деторождения в принципе. По данным исследований, большинство молодых людей сохраняют позитивные репродуктивные установки и желание иметь детей в будущем. Однако разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей свидетельствует о существовании барьеров, препятствующих реализации репродуктивных намерений.

Межпоколенческие различия проявляются в дальнейшем смещении календаря рождений. Зумеры демонстрируют еще более поздний возраст оптимального первого деторождения по сравнению с миллениалами, что указывает на углубление тенденции откладывания. При этом уровень образования и карьерные амбиции молодых поколений продолжают расти, что создает дополнительные предпосылки для дальнейшего увеличения возраста рождения первенца.

Результаты исследования имеют важное значение для разработки демографической политики. Меры, направленные на повышение рождаемости, должны учитывать специфику факторов откладывания первых рождений и быть адресованы именно молодежи репродуктивного возраста в мегаполисах. Приоритетными направлениями являются улучшение жилищных условий молодых семей, повышение доходов, развитие инфраструктуры, позволяющей совмещать работу и родительство.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, откладывание рождения первенца является устойчивой тенденцией среди миллениалов и зумеров в российских мегаполисах, что проявляется в увеличении среднего возраста матери при рождении первого ребенка на 4,4 года за период 1994–2023 гг. и смещении пика первых рождений с возраста 20–24 лет на 25–29. Во-вторых, основными факторами откладывания выступают недостаточные материальные возможности, жилищные трудности, необходимость завершения образования и построения карьеры. В-третьих, мегаполисный контекст усиливает тенденцию откладывания вследствие более высоких требований к уровню образования и профессиональной реализации. Результаты исследования могут быть использованы при разработке адресных мер демографической политики, направленных на создание условий для более раннего деторождения в крупных городах. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом эффективности конкретных мер поддержки молодых семей и изучением долгосрочных последствий откладывания первых рождений для итоговой рождаемости поколений.

Список источников

Аксенова, Е. И., Архангельский, В. Н., Зинькина, Ю. В., Коротаев, А. В., Мурашко, Л. О., & Шульгин, С. Г. (2019). *Рождаемость в Москве: особенности, факторы, прогноз*. Москва: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 148.

Andreev, E. M., Churilova, E., & Jasilioniene, A. (2021). Partnership context of first births in Russia: The enduring significance of marriage. *European Journal of Population*, 38(1), 37–58. <https://doi.org/10.1007/s10680-021-09600-5>

Архангельский, В. Н., Васильева, Е. Н., Васильева, А. Е. (2021). Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации. *Logos et Praxis*, 20(3), 93–111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>

Архангельский, В. Н., Зайко, Е. С. (2022). Рождаемость и формирование семей в Московской агломерации в период пандемии COVID-19. *Здоровье мегаполиса*, 3(3), 6–16. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2022.v.3i3;6-16>

Архангельский, В. Н., & Фадеева, Т. А. (2022). Резервы повышения рождаемости в России: к методике оценки. *Уровень жизни населения регионов России*, 18(2), 163–174.

Бессчетнова, О. В. (2025). Семейные ценности и репродуктивные установки современной студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать. *Вопросы управления*, 19(2), 17–31.

Гараева, Э. И., & Костина, Н. Б. (2023). Отношение молодежи к добровольной бездетности в контексте обеспечения национальной безопасности. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 5(86), 151–161. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.015>

Гудкова, Т. Б. (2019). Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы. *Демографическое обозрение*, 6(4), 108–138.

Зырянова, М. А. (2022). Рождаемость и репродуктивные установки населения до и после ухудшения эпидемиологической ситуации. *Регионология*, 30(4), 903–923.

Калачикова, О., Козлова, О., & Архангельский, В. (2022). Религиозная детерминанта репродуктивных намерений россиян. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 40(4), 105–138.

Левченко, В. В., Баяндина, Я. О. (2022). Отношение к феномену чайлдфри современной молодежи: региональный аспект. *Вестник университета*, 12, 188–196. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-12-188-196>

Логинов, Д. М. (2025). Демографические ориентации молодежи, сформированные в условиях институциональной стабильности к началу 2020-х годов. *Мир России*, 34(3), 28–50. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-3-28-50>

Радаев, В. В. (2025). Откладывают ли молодые поколения свое взросление, и в чем это проявляется. *Демографическое обозрение*, 12(4), 4–44. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i4.30411>

Фахрисламова, Р. Т. (2014). Феномен женской бездетности в России: исторические и социальные предпосылки. *Социологический журнал*, 3, 23–42.

Филиппенко, В. А. (2024). Репродуктивное поведение молодежи: теория и ключевые факторы. *Вестник университета*, 8, 205–215.

Щербакова, Е. М. (2024). *Демографический барометр*. Институт демографии НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/demo/demography> (дата обращения: 20.01.2026).

References

Aksenova, E. I., Arkhangel'sky, V. N., Zin'kina, Yu. V., Korotaev, A. V., Murashko, L. O., & Shul'gin, S. G. (2019). *Rozhdaemost' v Moskve: osobennosti, faktory, prognoz [Fertility in Moscow: features, factors, forecast]*. Moscow: GBU «NII OZMM DZM», 148. (In Russ.)

Andreev, E. M., Churilova, E., & Jasilioniene, A. (2021). Partnership context of first births in Russia: The enduring significance of marriage. *European Journal of Population*, 38(1), 37–58. <https://doi.org/10.1007/s10680-021-09600-5>

Arkhangel'sky, V. N., Vasil'eva, E. N., & Vasil'eva, A. E. (2021). Reproductive intentions of modern Russian youth and assessment of their implementation opportunities. *Logos et Praxis*, 20(3), 93–111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10> (In Russ.)

Arkhangel'sky, V. N., & Zayko, E. S. (2022). Fertility and family formation in the Moscow agglomeration during the COVID-19 pandemic. *Zdorov'e megapolisa [Megapolis Health]*, 3(3), 6–16. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2022.v.3i3;6-16> (In Russ.)

Arkhangel'sky, V. N., & Fadeeva, T. A. (2022). Reserves for increasing fertility in Russia: towards an assessment methodology. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 18(2), 163–174. (In Russ.)

Besschetnova, O. V. (2025). Family values and reproductive attitudes of modern student youth: give birth or postpone. *Voprosy upravleniya [Management Issues]*, 19(2), 17–31. (In Russ.)

Garaeva, E. I., & Kostina, N. B. (2023). Youth attitudes towards voluntary childlessness in the context of ensuring national security. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]*, 5(86), 151–161. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.015> (In Russ.)

Gudkova, T. B. (2019). RReproductive intentions of Russians: motivation and constraining factors. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 6(4), 108–138. (In Russ.)

Zyryanova, M. A. (2022). Fertility and reproductive attitudes of the population before and after the deterioration of the epidemiological situation. *Regionologiya [Regionology]*, 30(4), 903–923. (In Russ.)

Kalachikova, O., Kozlova, O., & Arkhangel'sky, V. (2022). Religious determinant of reproductive intentions of Russians. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, Religion, Church in Russia and Abroad]*, 40(4), 105–138. (In Russ.)

Levchenko, V. V., & Bayandina, Ya. O. (2022). Attitude to the childfree phenomenon of modern youth: regional aspect. *Vestnik universiteta [University Bulletin]*, 12, 188–196. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-12-188-196> (In Russ.)

Loginov, D. M. (2025). Demographic orientations of youth formed under institutional stability by the early 2020s. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 34(3), 28–50. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-3-28-50> (In Russ.)

Radaev, V. V. (2025). Do young generations postpone their adulthood, and how does it manifest. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 12(4), 4–44. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i4.30411> (In Russ.)

Fakhislamova, R. T. (2014). The phenomenon of female childlessness in Russia: historical and social prerequisites. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, 3, 23–42. (In Russ.)

Filippenko, V. A. (2024). Reproductive behavior of youth: theory and key factors. *Vestnik universiteta [University Bulletin]*, 8, 205–215. (In Russ.)

Shcherbakova, E. M. (2024). Demograficheskii barometr [Demographic barometer]. Institut demografii NIU VShE [Institute of Demography HSE]. <https://www.hse.ru/demo/demography> (Accessed: 20.01.2026) (In Russ.)

Винокурова Ирина Алексеевна — соискатель кафедры государственного управления и политических технологий, Уральский институт управления — филиала РАНХиГС (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66 e-mail: L0888@ya.ru).

Irina A. Vinokurova— Candidate of the Department of Public Administration and Political Technologies, Ural Institute of Management, Branch of the RANEPa (66 Marta 8 str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation) e-mail: L0888@ya.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

Author declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.1

JEL classification: J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-4-4>

Рождаемость в воспроизводстве населения РФ и ее характеристика в ХМАО-Югре¹

С. В. Данилова ^a

^a Нижневартровский государственный университет (г. Нижневартовск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-8975-6845>

Автор для корреспонденции: С.В.Данилова (svaprel@yandex.ru).

Аннотация. В настоящем исследовании проанализирована рождаемость населения РФ и отдельно ХМАО-Югры в контексте понимания существенности в воспроизводственных процессах населения территории. Соответственно, предметом исследования становятся оценка рождаемости в воспроизводственных процессах территорий. Целью исследования является оценка рождаемости в воспроизводстве населения России и ХМАО-Югры. В округе продолжает формироваться естественный прирост населения, при сохранении естественной убыли в целом по России, благодаря возрастной и половой структуре населения. Исследование проводилось с применением сравнительного и структурного анализа абсолютных и относительных показателей рождаемости, размещенных в официальных источниках информации. Выявлено, что при естественной убыли населения РФ, сформировавшегося уровня рождаемости как ключевого процесса в воспроизводстве населения в округе недостаточно для обеспечения расширенного воспроизводства. Проведенное исследование может стать основой для последующих работ по оценке факторов, влияющих на рождаемость населения территорий.

Ключевые слова: воспроизводство населения; рождаемость; естественная убыль.

Birth rates in the reproduction of the Russian Federation's population and their characteristics in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug

S. Danilova ^a

^a Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-8975-6845>

Corresponding author: S. Danilova (svaprel@yandex.ru).

Abstract. This study analyzes the birth rate of the Russian Federation and the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra separately, in the context of understanding the significance of birth rates in the reproductive processes of the territory's population. Accordingly, the subject of the study is the assessment of birth rates in the reproductive processes of the territories. The purpose of the study is to assess the birth rates in the reproduction of the population of Russia and the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra. The region continues to experience natural population growth, despite the overall natural population decline in Russia, due to the age and gender structure of the population. The study was conducted using comparative and structural analysis of absolute and relative birth rates from official sources of information. It has been revealed that, given the natural population decline in the Russian Federation, the current level of birth rates, which is a key process in population reproduction, is insufficient to ensure expanded reproduction in the district. This study can serve as a foundation for further research on the factors influencing the birth rates in different territories.

Keywords: population reproduction; birth rate; natural population decline

Введение

Сложные экономические процессы, трансформация социальных механизмов в обществе, многолетняя модификация семейных ценностей под воздействием

¹ © Данилова С. В. Текст. 2026.

мировых тенденций, все большее развитие концепции самоидентичности индивида, оказали и оказывают существенное воздействие на воспроизводственные процессы населения. Вопросам темпов и уровня рождаемости населения в различные временные интервалы развития общества посвящены многочисленные труды как отечественных, так и зарубежных исследователей. Последние десятилетия при анализе рождаемости как вида воспроизводственного процесса учитываются не только биологические и фертильные качества населения, но присоединяется совокупность различных социальных и экономических условий. В классических работах на данную тему (Caldwell, 1982) обосновывалась контролируемая рождаемость через экономические возможности и социальные установки внутри семьи. Позднее к экономико-социальным установкам стали добавлять государственное политическое вмешательство через механизмы, например, финансового характера (Rivkin-Fish, 2010). Однако в современном обществе рождаемость все чаще становится результатом личного выбора, а не общественных установок (Lesthaeghe, 2014).

В контексте проводимого исследования интерес представляют работы, затрагивающие как общемировые проблемы воспроизводства населения, так и, в частности, сравнительные характеристики низкой рождаемости именно в РФ, обосновывающие, что процесс снижения рождаемости не уникален по своей природе (Щербакова, 2022). Исследование процесса рождаемости необходимо для составления демографических прогнозов и взаимозависимых стратегических документов (Шульгин & Данилова, 2022), но прогнозирование рождаемости является сложным процессом, который подвержен разнообразным факторам, зачастую сложно идентифицируемым (Козлова & Архангельский, 2021).

Особое место в исследовании влияния рождаемости как воспроизводственного процесса считаются работы ученых, направленных на выявление факторов, которые с различной степенью воздействия влияют как в целом на весь процесс воспроизводства населения, так и в частности на рождаемость. Кроме внутренних социальных установок, большинство ученых выделяют различные группы экономических факторов, которые возможно вычислить количественно (Зырянова (Шишкина) & Попова, 2018), а также совокупность мер государственной поддержки (Архангельский и др., 2017).

Целью переведенного исследования стал анализ рождаемости населения РФ и ХМАО-Югры, одного из экономически важных регионов России, с выявлением общих тенденций данного процесса в воспроизводстве населения как в отдельной территории, так и государства в целом. Проведенная работа позволит обосновать или опровергнуть гипотезу о необходимости расширенного воспроизводства населения не только в отдельных регионах, но и во всей стране для создания демографических условий экономического развития РФ и отдельных субъектов.

Обзор литературы

Учитывая основную роль рождаемости как основного процесса воспроизводства населения в условиях его старения при формировании устойчивых тенденций к естественной убыли в большинстве развитых и развивающихся стран, проблема управления рождаемостью становится одной из основных в целях дальнейшего развития любого государства. В нашей стране, согласно Указу Президента

РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹ и последовавшему за ним Единому плану по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на плановый период до 2036 года², одними из существенных условий дальнейшего развития государства и регионов по-прежнему останутся демографические вызовы.

Условно публикации отечественных исследователей, затрагивающие проблемы оценки рождаемости, можно разделить на две большие группы с учетом обозначенной цели настоящего исследования (хотя фактически публикации реально разделить на большее количество групп, например, через призму медицины, социологии, политологии, истории и т. п.).

К первой группе относятся многочисленные исследования, научные обзоры, в которых в целом анализируются проблематика, динамика рождаемости на всей территории РФ. Авторами выявлена проблема старения населения, формирование устойчивой естественной убыли и сокращение численности населения, вследствие снижения рождаемости населения и это при сокращении младенческой смертности, но при одновременном отставании от плановых показателей по продолжительности жизни (Щербакова, 2022). Сокращение рождаемости оценивается и через анализ рождаемости второго и последующих детей, особенно в сочетании с государственными мерами по стимулированию рождаемости, распространенными во всех субъектах РФ (Архангельский и др., 2017).

В работах современного периода часто исследуется проблема прогнозирования рождаемости у женщин фертильного возраста, что необходимо для формирования прогнозов развития. Отмечается, что в целом (предположительно под воздействием современных социальных установок, стремлении женщин фертильного возраста получить образование и закрепиться на рынке труда, боязни снижения дохода) разрыв между реальным и желаемым количеством детей незначителен, а это, естественно, оказывает влияние на уровень рождаемости (Архангельский и др., 2025).

При анализе уровня рождаемости, естественного воспроизводства населения в целом по стране интересны исследования, в которых проводится сравнительный анализ рождаемости в субъектах РФ, что прежде всего связано с разнообразием культурной и внутрисемейной самоидентичности народов, проживающих на территории РФ, а также историческими традициями. Региональная дифференциация рождаемости как в целом, так и по возрастным группам в стране высока (Архангельский и др., 2023).

Ко второй группе относятся исследования, направленные на анализ рождаемости отдельных регионов, что оправдано, как отмечено выше, сложными и уникальными факторами развития и становления отдельных субъектов в составе РФ. В частности, к большой группе работ, относятся труды исследователей, затрагивающих проблемы демографического развития северных регионов вообще

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 04.01.2026).

² Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на плановый период до 2036 года. URL: <https://clck.ru/3RA9r7> (дата обращения: 04.01.2026).

и рождаемости в частности. Выделение специфических факторов, оказывающих существенное воздействие на демографию, позволяет разрабатывать и применять особые подходы в управлении рождаемостью на данных территориях (Проворова и др., 2022). Отмечается, что в северных регионах зачастую достигнуто плато по рождаемости населения (Шульгин и др., 2022), а рост численности происходит посредством миграционных процессов. В целях стимулирования естественного роста численности населения органам власти на местах следует корректировать программные мероприятия на основании современных требований общества и федерального законодательства (Письменная & Рязанцев, 2025).

Таким образом, можно отметить, что многочисленные труды затрагивают как комплексные проблемы рождаемости в Российской Федерации, так и анализируют отдельные аспекты рождаемости в воспроизводстве населения территорий.

Материалы и методы

Исследование проводилось на основании статистических данных, характеризующих уровень рождаемости территорий и размещаемых на официальных открытых сайтах уполномоченных государственных органов. Обработка избранного материала проводилась с помощью табличных и графических методов, а также путем проведения сравнительного и структурного анализа показателей рождаемости.

Результаты и обсуждение

Рождаемость в России с учетом решения проблемы воспроизводства населения остается уже длительное время важнейшей проблемой. Длительность демографо-статистических наблюдений в РФ, как одного из самых древних видов сбора информации, позволяет утверждать, что численность населения России фертильного возраста в целом достаточная, но процесс рождаемости в воспроизводстве населения, недостаточно продуктивен.

В последние десятилетия рождаемость на территории РФ сокращается. Относительный показатель, прямо характеризующий рождаемость, стабильно снижается в целом по государству (рис. 1.)

Ежегодное снижение рождаемости по стране составляет в среднем 0,2–0,5 рождения в расчете на 1 000 чел. При сокращении рождаемости в среднем по всему государству, учитывая большую территорию и значительную численность населения, в отдельных субъектах присутствуют более высокие показатели рождаемости, чем в среднем по России. Например, в ХМАО-Югре уровень рождаемости существенно выше, чему способствует более молодая половозрастная структура местного населения и динамичные миграционные потоки, которые при некотором затухании в последние годы, продолжают быть положительными. Отклонение количества рождений в округе со средним государственным показателем в представленный период (рис. 1.) колеблется от 2,7 до 2,2 рождения на 1 000 чел. населения. Обратим внимание, что отклонение постепенно сокращается и при снижении общего уровня рождаемости, данная тенденция не характеризует динамику показателя рождаемости как положительную.

При сокращении рождаемости, оценка суммарного коэффициента рождаемости (СКР, коэффициент фертильности) выявляет аналогичные тенденции (рис. 2.)

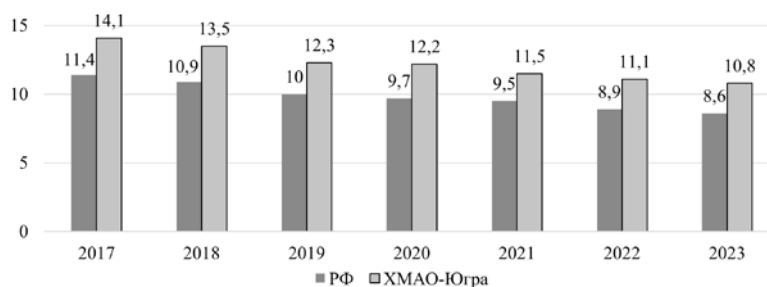

Рис. 1. Динамика рождаемости населения на 1 000 чел. населения. (Источники: сост. автором по: Демография. Население. Федеральная служба государственной статистики. <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781>; Управление федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре. <https://72.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 03.01.2026).

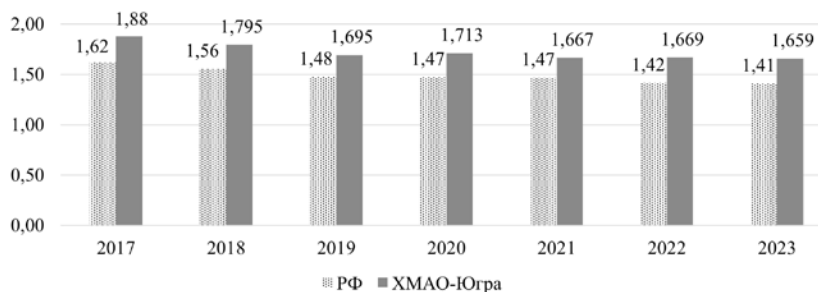

Рис. 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости (Источники: сост. автором по: Демография. Население. Федеральная служба государственной статистики. <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781>; Управление федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре. <https://72.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 03.01.2026).

СКР снижается, что характеризует фертильные намерения как недостаточные для обеспечения расширенного воспроизводства населения. Согласно законодательству РФ, уровень СКР к 2030 в среднем по РФ должен достигнуть 1,6¹. Однако обратим внимание, что по ХМАО-Югре требуемая величина достигнута и в среднем отклонение от общероссийской величины превышает 0,2 п. п.

На уровень рождаемости оказывает непосредственное воздействие численность женщин фертильного возраста. Оценка возрастных коэффициентов рождаемости позволяет оценить возрастные группы женщин, которые с высокой степенью вероятности внесут больший вклад в естественное воспроизводство населения (табл. 1).

Среди женщин в РФ традиционно по показателю рождаемости преобладают три возрастных группы: 20–24 года; 25–29 лет; 30–34 года. Следует отметить,

¹Постановление Правительства РФ от 28.01.2025 № 58 (ред. от 17.06.2025) «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» <http://government.ru/docs/all/157720/> (дата обращения: 05.01.2026).

Таблица 1

**Возрастные коэффициенты рождаемости, в среднем на 1 000 женщин
в соответствующем возрасте**

Возраст	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ХМАО-Югра							
15–19 лет	16,4	13,2	13,0	11,1	10,0	10,5	9,8
20–24 года	94,9	94,5	89,4	85,0	77,9	80,5	78,0
25–29 лет	118,1	116,8	107,6	111,0	111,5	112,3	110,1
30–34 года	81,1	83,2	76,8	79,9	79,2	77,5	78,7
35–39 лет	41,5	40,9	42,0	43,9	42,3	40,3	41,5
40–44 года	9,2	9,5	9,0	9,7	10,3	9,4	10,3
45–49 лет	0,4	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,6
РФ							
15–19 лет	18,4	16,1	14,6	14,1	13,5	13,4	12,4
20–24 года	81,2	78,4	74,8	73,6	70,6	65,7	63,1
25–29 лет	100,1	96,5	91,2	92,6	94,8	90,1	90,6
30–34 года	77,2	76,1	71,6	70,8	71,0	65,4	65,5
35–39 лет	39,2	39,7	38,7	39,2	40,1	37,6	38,3
40–44 года	8,7	8,9	8,9	9,2	9,5	9,3	9,7
45–49 лет	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6
50–54 года	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0

Источники: Демография. Население. Федеральная служба государственной статистики. <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781>; Управление федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре. <https://72.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 03.01.2026).

что в отдельные отчетные периоды число рождений у третьей группы выше, чем у первой. Указанная ситуация прямо свидетельствует об откладывании рождений детей в решении женщин (вероятно, в связи с желанием получить образование, проявить себя на рынке труда, боязнь снижения качества жизни). В ХМАО-Югре аналогично преобладают идентичные три возрастные группы, однако число рождений и в первой, и во второй группах значительно выше, чем в среднем по РФ (например, число рождений у женщин в возрасте от 25–29 лет в ХМАО-Югре выше на 20 ед., чем по среднероссийским данным).

Рождаемость как естественный биологический процесс формирует на определенной территории воспроизводство населения. На протяжении длительного периода в РФ происходит естественная убыль населения, что позволяет утверждать о недостаточности сформировавшегося уровня рождаемости для обеспечения не только расширенного, но и простого воспроизводства населения (табл. 2). Рождаемость должна компенсировать смертность населения, в противном случае естественная убыль приведет к старению населения, а также к стагнации многих общественно-экономических процессов и связей.

Относительный показатель естественной убыли населения РФ увеличивается (а естественная убыль населения в РФ стала устойчивой тенденцией с 1995 года, кроме 2012–2016 гг.). Высокие показатели смертности не компенсируются рождаемостью, а общий рост численности населения и под воздействием миграционных процессов не происходит. Определенное сдерживание естественной убыли населения России реализуется за счет более высокой рождаемости

Таблица 2

Естественный прирост (убыль) населения на 1 000 человек

Территория	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
РФ	–1,0	–1,5	–2,2	–4,8	–7,1	–4,0	–3,5
ХМАО-Югра	13,1	12,1	10,6	7,7	5,3	7,9	8,0
Отклонение	14,1	13,6	12,8	12,5	12,4	11,9	11,5

Источники: Демография. Население. Федеральная служба государственной статистики. <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781>; Управление федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре. <https://72.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 03.01.2026).

и низкой смертности отдельных субъектов РФ. В ХМАО-Югре естественный прирост населения сокращается значительными темпами, но в Югре СКР на уровне 1,6, что в целом соответствует уровню простого воспроизводства, но существенно ниже показателя расширенного воспроизводства (СКР должен быть не ниже 2,1).

Заключение

Сокращение рождаемости населения привело к естественной убыли, что негативно характеризует демографические процессы государства. Рост рождаемости у более старшей возрастной группы, увеличение продолжительности жизни населения¹ с возможностью дальнейшего участия на рынке труда, изменение среднего возраста россиян² ведут к общему старению населения. Соответственно, учитывая, что ранее применявшиеся государственные инструменты стимулирования рождаемости (например, материнский [семейный] капитал) не приносят необходимого стабильно высокого эффекта, органам власти следует трансформировать внедряемые инструменты управления рождаемостью. Можно предположить, что при популяризации многодетности, защиты материнства (отцовства) и детства, формировании в обществе устойчивых положительных установок о классических семейных ценностях в комбинации с государственной финансовой поддержкой на время ухода за детьми младшего возраста, следующие поколения (выросшие в подобных условиях) выведут воспроизводство населения на уровень расширенного.

Список источников

Архангельский, В. Н., Зинькина, Ю. В., Коротаев, А. В., Шульгин, С. Г. (2017). Современные тенденции рождаемости в России и меры семейной политики. *Социологические исследования*, 3, 43–50. EDN: YMFZPN

Архангельский, В. Н., Козлова, О. А., Калачикова, О. Н. (2023). Региональные различия показателей рождаемости в реальных поколениях в России (по данным переписи населения 2020 года). *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, S2, 1165–1170. <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1165-1170>

Архангельский, В. Н., Козлова, О. А., Калачикова, О. Н. (2025). Значимость исследований репродуктивных намерений населения для прогнозирования рождаемости. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 18(3), 223–235. <http://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.12>

¹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/88942.html> (дата обращения: 05.01.2026).

² Средний возраст населения. Россия URL: <https://statbase.ru/data/rus-median-age/?ysclid=mk1719ah7r550078566> (дата обращения: 05.01.2026).

Зырянова (Шишкина), М. А., Попова, Л. А. (2018). Факторный анализ процессов рождаемости в северных регионах России. *Север и рынок: формирование экономического порядка*, 3(59), 111–121. <http://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.3.2018.59.111-121>

Козлова, О. А., Архангельский, В. Н. (2021). Прогноз рождаемости в России: подходы, гипотезы, результаты. *Вестник РАН*, 91(9), 845–855. <http://doi.org/10.31857/S0869587321090061>

Письменная, Е. Е., Рязанцев, Н. С. (2025). Демографическая политика в Ханты-Мансийском автономном округе: состояние и точки роста. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 5(4), 97–116. <http://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.6>

Проворова, А. А., Губина, О. В., Уханова, А. А., Смиреникова, Е. В., Воронина, Л. В., Матвиенко, И. И. (2022). Факторы демографического развития регионов российской Арктики. *Фундаментальные исследования*, 5, 105–111 <http://doi.org/10.17513/fr.43263>

Шульгин, О. В., Данилова, С. В. (2022). Прогнозирование и моделирование демографических процессов: теоретический аспект. *Фундаментальные исследования*, 3, 42–46. <http://doi.org/10.17513/fr.43212>

Шульгин, О. В., Кутышкин А. В., Данилова, С. В. (2022). Исследование демографических процессов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. *Региональные проблемы преобразования экономики*, 6(140), 59–66. <http://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-6-59-66>

Щербакова, Е. М. (2022). Динамика населения России в контексте мировых тенденций. *Проблемы прогнозирования*, 4(193), 78–94. <http://doi.org/10.47711/0868-6351-193-78-97>

Caldwell, J. C. (1982). *Theory of Fertility Decline*. London: Academic Press, 386.

Lesthaeghe, R. (2014). The Second Demographic Transition: A Concise Overview of Its Development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111(51), 18112–18115. <http://doi.org/10.1073/pnas.1420441111>

Rivkin-Fish, M. (2010). Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of ‘Maternity Capital’. *Slavic Review*, 69(3), 701–724. <http://doi.org/10.1017/S0037677900012201>

References

Archangelskiy V. N., Zinkina Ju. V., Korotayev A. V. & Shulgin, S. G. (2017). Modern fertility trends in Russia and the impact of the pro-natalist policies. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 3, 43–50. EDN: YMFZPN (In Russ.)

Arkhangelskiy, V. N., Kozlova, O. A. & Kalachikova, O. N. (2025). The importance of research on reproductive intentions for fertility forecasting. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 18(3), 223–235. <http://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.12> (In Russ.)

Arkhangelsky, V. N., Kozlova, O. A. & Kalachikova, O. N. (2023). Regional differences in fertility rates in real generations in Russia (according to the 2020 population census). *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of social hygiene, public health and history of medicine]*, S2, 1165–1170. <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1165-1170> (In Russ.)

Caldwell, J. C. (1982). *Theory of Fertility Decline*. London: Academic Press, 386.

Kozlova, O. A. & Arkhangelskiy, V. N. (2021). Russian fertility forecast: approaches, hypotheses, and results. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, 91(9), 845–855. <http://doi.org/10.31857/S0869587321090061> (In Russ.)

Lesthaeghe, R. (2014). The Second Demographic Transition: A Concise Overview of Its Development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111(51), 18112–18115. <http://doi.org/10.1073/pnas.1420441111>

Pismennaya, E. E. & Ryazantsev, N. S. (2025). Demographic policy in the Khanty-Mansi autonomous district: status and potential for growth. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]*, 5(4), 97–116. <http://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.6> (In Russ.)

Provorova, A. A., Gubina, O. V., Ukhanova, A. A., Smirennikova, E. V., Voronina, L. V. & Matvienko, I. I. (2022). Factors of demographic development of Russian Arctic regions. *Fundamentalnye issledovaniya [Fundamental Research]*, 5, 105–111 <http://doi.org/10.17513/fr.43263> (In Russ.)

Rivkin-Fish, M. (2010). Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of 'Maternity Capital'. *Slavic Review*, 69(3), 701–724. <http://doi.org/10.1017/S0037677900012201>

Shcherbakova, E. M. (2022). Population Dynamics in Russia in the Context of Global Trends. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 4(193), 78–94. <http://doi.org/10.47711/0868-6351-193-78-97> (In Russ.)

Shulgin, O. V. & Danilova, S. V. (2022). Demography processes projection and simulation: theoretical aspect. *Fundamentalnye issledovaniya [Fundamental Research]*, 3, 42–46. <http://doi.org/10.17513/fr.43212> (In Russ.)

Shulgin, O. V., Kutyskin A. V. & Danilova, S. V. (2022). Study of demographic processes of Khanty-Mansiysk autonomous okrug –Yugra. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional problems of economic transformation]*, 6(140), 59–66. <http://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-6-59-66> (In Russ.)

Zyryanova (Shishkina), M. A. & Popova, L. A. (2018). Factor analysis of birth rate processes in Russian northern regions. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [The North and the Market: Forming the Economic Order]*, 3(59), 111–121. <http://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.3.2018.59.111-121> (In Russ.)

Данилова Светлана Витальевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономических и социально-гуманитарных наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории имитационного моделирования, Нижневартровский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0002-8975-6845> (Российская Федерация, 628600, г. Нижневартовск, ул. Мира, 3Б; e-mail: svaprel@yandex.ru).

Svetlana V. Danilova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics, Social Sciences and Humanities, Senior Researcher at the Research Laboratory of Simulation Modeling, Nizhnevartovsk State University; <https://orcid.org/0000-0002-8975-6845> (3B, Mira St., Nizhnevartovsk, 628600, Russian Federation, e-mail: svaprel@yandex.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All author declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314

JEL classification: J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-4-5>

Динамика рождаемости в крупнейших городах Дальнего Востока: межвременные взаимодействия¹

Е. Л. Домнич

Институт экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-1379-8053>

Автор для корреспонденции: Е. Л. Домнич (chaosraven@yandex.ru).

Аннотация. В исследовании на основании динамической модели панельных данных выполнен анализ межвременных взаимодействий общего коэффициента рождаемости в 15 крупнейших городах российского Дальнего Востока в 2002–2023 гг. Установлено, что механизм, позволяющий осуществлять автокорреляционные корректировки равновесного уровня рождаемости, сформировался лишь в четырех наиболее развитых городах — Владивостоке, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и Улан-Удэ. При этом рождаемость значительной части городов (Биробиджан, Уссурийск, Южно-Сахалинск, Якутск, Чита, Анадырь) развивалась безотносительно к предшествующей траектории развития. Исследование вносит вклад в пространственную детализацию тенденций демографического развития регионов России.

Ключевые слова: рождаемость; городское население; Дальний Восток; крупнейшие города; общий коэффициент рождаемости; динамическая модель панельных данных.

Crude Birth Rate Dynamics in the Largest Cities of the Far East: Intertemporal Interactions

Y. Domnich

Economic Research Institute FEB RAS (Khabarovsk, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-1379-8053>

Corresponding author: Y.Domnich (chaosraven@yandex.ru).

Abstract. Based on a dynamic panel data model, the study analyzes the intertemporal interactions of the total fertility rate in the 15 largest cities of the Russian Far East in 2002–2023. It has been established that the mechanism allowing for autocorrelation adjustments of the equilibrium birth rate has been formed only in the four most developed cities — Vladivostok, Khabarovsk, Komsomolsk-on-Amur and Ulan-Ude. At the same time, the birth rate of a significant part of the cities (Birobidzhan, Ussuriysk, Yuzhno-Sakhalinsk, Yakutsk, Chita, Anadyr) developed regardless of the previous development trajectory. The study contributes to the spatial detail of trends in the demographic development of Russian regions.

Keywords: birth rate; urban population; Russian Far East; largest cities; crude fertility rate, dynamic panel data model.

Введение

Динамическое моделирование рождаемости является основным инструментом современного анализа и прогнозирования рождаемости. Его центральной идеей является жесткая зависимость текущего уровня рождаемости от его значений в прошлые годы. Такая зависимость характерна для большинства временных рядов рождаемости в России и мире. Предполагается, что она отражает комплекс социальных, демографических, экономических, психологических

¹ © Домнич Е. Л. Текст. 2026.

и институциональных факторов, сложным образом воздействующих на рождаемость (Arroyo, Zhang, 1997; De Iaco, Maggio, 2016; Engelhardt et al., 2004; Irwin, 2000). Особую актуальность сегодня обретают пространственно-временная детализация и сравнительный анализ кратко- и долгосрочных тенденций изменения рождаемости, представленных в формализованном виде. Они позволяют получить достоверную характеристику и пространственной дифференциации уровня рождаемости, и эффекта мероприятий государственной пронаталистской политики, даже используя такой несовершенный индикатор интенсивности деторождения, как общий коэффициент рождаемости (ОКР) (Чернышев, 2022).

В России уровень рождаемости обладает значимыми региональными, временными, возрастными и сельско-городскими различиями (Домнич, 2024). Значительные различия долгосрочных тенденций воспроизводства населения показаны даже для крупнейших городов в рамках одного региона на примере Дальнего Востока (Домнич, 2025). Логично предположить, что в таких группах городов формируются различные механизмы кратко- и среднесрочной корректировки уровня рождаемости в ответ на изменение социально-экономических условий и меры государственной поддержки. Целью исследования является количественная оценка таких механизмов с использованием динамических моделей панельных данных. Предметом исследования являются межвременные взаимодействия уровня рождаемости в крупнейших городах Дальнего Востока в начале 21 в. Объектом исследования является ОКР населения 15 крупнейших городов Дальнего Востока в 2002–2023 гг.

Теоретические основы исследования

Почему рождаемость прошлых лет оказывает влияние на текущую интенсивность деторождения?

Считается, что рождение ребенка оказывает дифференцированное влияние на полезность (выгоду, благополучие) родителей на разных этапах жизненного пути (Umberson et al., 2010). Оно может иметь как краткосрочную полезность, приносящую немедленную выгоду — например, дети могут выступать в качестве стабилизаторов брака (Heaton, 1990), так и отложенную ценность, которая проявит себя в долгосрочной перспективе — например, дети как опекуны в старости (Becker, 1974). Вместе с тем рождение ребенка влечет дополнительные издержки в настоящем времени (увеличение объема домашней работы, потеря дохода и благосостояния, отсутствие досуга) и в будущем (например, психологический стресс, связанный с длительным периодом взросления) (Albertini et al., 2018). Соответственно, рассматриваются две базовые модели родителей — «нетерпеливые» и «терпеливые». «Нетерпеливые» родители воспринимают, главным образом, краткосрочные издержки и выгоды и склонны иметь больше детей. «Терпеливые» же родители ориентируются, прежде всего, на долгосрочные издержки и выгоды, будучи склонными заводить меньше детей (Francesconi, Heckman, 2016; Lawson, Mace, 2010; Luppi, 2016). Таким образом, на макроуровне тенденции рождаемости обретают память, позволяющую демографическому процессу воспроизводить себя в будущем на основании решений, принятых в прошлом.

При этом на репрезентативных родителей оказывают влияние внешние факторы, такие как экономическая ситуация и меры государственной поддержки рождаемости. Профессиональные демографы отмечают, что государственная поддержка рождаемости, как правило, не оказывает влияния на репродуктивные планы родителей (желание иметь больше детей), но сдвигает календарь рождения (снижает возраст материнства) (Архангельский и др., 2024; Захаров, 2016; Мотрич, 2020). Это создает дополнительные межвременные эффекты, отражающиеся в коэффициентах автокорреляционной функции. На Дальнем Востоке России сравнительный анализ динамики ОКР в крупнейших городах позволяет выделить четыре группы регионов (Домнич, 2025). Логично предположить, что межвременные взаимодействия уровня рождаемости в рамках каждой из групп также обладают выраженной спецификой (табл. 1).

Методика исследования

В исследовании выполнена оценка межвременных взаимодействий ОКР в крупнейших городах Дальнего Востока в 2002–2023 гг. на основании динамической авторегрессионной модели панельных данных

$$\Delta \ln \text{ОКР}_{it} = \beta_0 + \sum_{j=1}^5 \beta_j \Delta \ln \text{ОКР}_{it-j} + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где $\Delta \ln \text{ОКР}_{it}$ — первая разность логарифмов ОКР¹ региона i в год t , j — максимальное число лагов (5 лет), ε_{it} — идиосинкратическая ошибка уравнения.

В фокусе исследования автокорреляционные коэффициенты β_j , которые могут как положительно, так и отрицательно воздействовать на текущее значение ОКР. В первом случае имеет место автоматическая корректировка равновесного значения рождаемости в положительную сторону, во втором — в отрицательную сторону. Соответственно, интерес представляют соотношение статистически значимых положительных и отрицательных коэффициентов автокорреляции в рамках каждой группы городов, а также максимальная глубина лага.

Оценка уравнения (1), сопряженная с разрешением проблемы эндогенности, возможна с применением двух альтернативных вычислительных стратегий: разностного обобщенного метода моментов (D-GMM) и системного обобщенного метода моментов (S-GMM). Разностный обобщенный метод моментов решает проблему эндогенности взятием первой разности всех регрессоров с элиминацией фиксированных эффектов городов (Arellano, Bond, 1991). Системный обобщенный метод моментов предполагает введение дополнительных инструментов с их последующей трансформацией таким образом, чтобы они были некоррелированы с фиксированными эффектами городов (Arellano & Bover, 1995; Blundell, Bond, 1998). Результаты реализации D-GMM и S-GMM на официальном массиве данных по ОКР крупнейших городов ДФО² представлены в таблице 2.

¹ Тесты на единичный корень по методикам Харриса-Цавалиса и Хадри показали стационарность первой разности логарифмов ОКР, что делает их пригодными для динамического моделирования.

² Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения: 05.02.2026).

В случае, если результаты, полученные двумя методами, корреспондируют друг с другом (оба коэффициента статистически значимы и имеют один знак) и оба уравнения значимы по критерию Вальда, оценки межвременных взаимодействий считаются устойчивыми.

Результаты исследования

Расчеты показывают, что межвременных взаимодействий ОКР, которые были бы справедливы для всех 15 дальневосточных городов, не существует. Согласованных статистически значимых оценок уравнения (1) для полной выборки городов получить не удалось. Каждая группа городов обладает выраженной спецификой автокорреляционных эффектов рождаемости. Наибольшее число статистически значимых автокорреляционных эффектов установлено для группы 1, куда входят наиболее развитые города Дальнего Востока. При этом положительные автокорреляционные эффекты выявлены для первого, второго, третьего и пятого

Таблица 1

Состав и общая характеристика тенденций изменения рождаемости в группах крупнейших городов Дальнего Востока в 2002–2023 гг.

Группы городов	Состав	Отклонение от средних по стране тенденций
1	Владивосток, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Улан-Удэ	Минимальное
2	Биробиджан, Уссурийск, Южно-Сахалинск	Увеличенное
3	Артём, Благовещенск, Магадан, Находка, Петропавловск-Камчатский	Максимальное
4	Якутск, Чита, Анадырь	Нетипичные тренды

Источник: составлено по (Домнич, 2025).

Таблица 2

Результаты оценки динамических моделей панельных данных (1) для крупнейших городов ДФО в 2002–2023 гг.

Группы городов	Метод оценки	Константа	Лаговые эффекты					Число городов	Число наблюдений	χ^2 Вальда
			t-1	t-2	t-3	t-4	t-5			
полная выборка	D-GMM	0.017***	−0.038	0.056	0.089	−0.066	0.100**	15	225	10.09*
	S-GMM	0.017***	−0.033	0.056	0.090	−0.124*	0.063	15	240	13.00**
1	D-GMM	0.016***	0.326***	0.120***	0.144**	−0.192*	0.305***	4	60	36.01***
	S-GMM	0.016***	0.341***	0.140***	0.128**	−0.240**	0.291***	4	64	13.76***
2	D-GMM	0.011	−0.001	−0.015	0.099	0.120	0.088	3	45	2.94
	S-GMM	0.010	0.051	0.005	0.123	0.046	0.038	3	48	0.16
3	D-GMM	0.009***	0.049	0.038	0.348***	−0.014	0.093	5	75	10.05**
	S-GMM	0.009**	0.000	0.008	0.375***	0.013	0.027	5	80	190.69***
4	D-GMM	0.037***	−0.179**	0.088	−0.117***	−0.245	0.143***	3	45	2.28
	S-GMM	0.037***	−0.184**	0.103	−0.097***	−0.318*	0.131***	3	48	3.81

* — уровень значимости 10 %;

** — уровень значимости 5 %;

*** — уровень значимости 1 %.

Источник: расчеты автора.

лагов, а отрицательный эффект — для четвертого лага. Интересно, что для группы 2, где динамика ОКР не сильно отличается от группы 1 (Домнич, 2025), значимых межвременных эффектов не выявлено, а уравнения по обоим способам оценки оказались незначимыми. Для группы 3 статистически значим третий лаг, положительно влияющий на текущее значение ОКР. В группе 4 статистически значимое отрицательное влияние оказывают первый и третий лаги, а положительное — пятый лаг, но уравнения в целом незначимы.

Таким образом, экономически состоятельны только оценки для первой и третьей групп городов. Они показывают, что в четырех наиболее развитых городах Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Улан-Удэ), демографическое развитие которых происходит в русле общероссийских тенденций, в течение 2002–2023 гг. происходила положительная межвременная корректировка равновесного уровня рождаемости в краткосрочном периоде (от 1 до 3 лет) и противоречивая корректировка — отрицательная с лагом 4 года и положительная с лагом 5 лет — в долгосрочном периоде. Демографические процессы в этих городах обладают высокой степенью инерционности, что важно, например, при планировании мероприятий в рамках пронаталистской политики государства и общества. В то же время в пяти дальневосточных городах (Артём, Благовещенск, Магадан, Находка, Петропавловск-Камчатский), где динамика рождаемости отличается наибольшими отклонениями от средних по стране тенденций, значимый положительный отклик приходит лишь через три года и никогда больше. При этом уровень рождаемости в таких городах, как Биробиджан, Уссурийск, Южно-Сахалинск (группа 2) и Якутск, Чита, Анадьрь (группа 4), похоже, вовсе не обладает механизмами памяти, позволяющими предсказуемо воспроизводить демографическую динамику на основе прошлых событий (решений).

Заключение

В исследовании установлено, что динамика рождаемости в крупнейших городах российского Дальнего Востока в течение первых десятилетий 21 в. характеризуется значительной дифференциацией с точки зрения автокорреляционных механизмов межвременных взаимодействий. Выраженный автокорреляционный механизм кратко- и долгосрочной корректировки равновесного уровня рождаемости сформировался лишь в четырех наиболее развитых городах — Владивостоке, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и Улан-Удэ. При этом рождаемость значительной части городов (Биробиджан, Уссурийск, Южно-Сахалинск, Якутск, Чита, Анадьрь) развивалась безотносительно к предшествующей траектории развития. Исследование вносит вклад в пространственную детализацию тенденций демографического развития регионов России.

Список источников

Архангельский, В. Н., Золотарева, О. А., Кучмаева, О. В. (2024). Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 17(6), 77–97. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.4>

Домнич, Е. Л. (2024). Возрастная структура рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России: региональные тренды, основанные на панельных данных. *Регионалистика*, 2024, 11 (3), 5–29. <https://doi.org/10.14530/reg.2024.3.5>

Домнич, Е. Л. (2025). Общий коэффициент рождаемости в крупнейших городах Дальнего Востока в начале 21 в. В *Факторы и механизмы демографического развития [Текст]: сб. науч. ст.* (с. 473–480). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 832. <https://doi.org/10.17059/udf-2025-3-2>

Захаров, С. В. (2016). С скромными результатами пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2. *Демографическое обозрение*, 3 (4), 6–26. <http://dx.doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203>

Мотрич, Е. Л. (2020). Население Дальневосточного федерального округа: реалии и перспективы. *Регионалистика*, 7 (2), 64–71. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.2.64>

Чернышев, К. А. (2022). Демографическая динамика крупнейших городских агломераций России. *ЭКО*, 4, 81–93. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-4-81-93>

Albertini, M., Gähler, M., & Härkönen, J. (2018). Moving back to “mamma”? Divorce, intergenerational coresidence, and latent family solidarity in Sweden. *Population, Space and Place*, 24 (6): e2142. <https://doi.org/10.1002/psp.2142>

Arellano, M. & Bond, S. (1991). Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations. *Review of Economic Studies*, 58, 277–297. DOI: <https://doi.org/10.2307/2297968>

Arellano, M., Bover, O. (1995). Another look at the instrumental variable estimation of error-components models. *Journal of Econometrics*, 68, 29–51. [https://doi.org/10.1016/0304-4076\(94\)01642-D](https://doi.org/10.1016/0304-4076(94)01642-D)

Arroyo, C. R. & Zhang, J. (1997). Dynamic microeconomic models of fertility choice: A survey. *Journal of Population Economics*, 10 (1), 23–65. <https://doi.org/10.1007/s001480050030>

Becker, G.S. (1974). A theory of social interactions. *Journal of Political Economy*, 82 (6): 1063–1093. <https://doi.org/10.3386/w0042>

Blundell, R., Bond, S. (1998). Initial conditions and moment restrictions in dynamic panel data models. *Journal of Econometrics*, 87, 115–143. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0304-4076\(98\)00009-8](https://doi.org/10.1016/S0304-4076(98)00009-8)

De Iaco, S. & Maggio, S. (2016). A dynamic model for age-specific fertility rates in Italy. *Spatial Statistics*, 17, 105–120. <https://doi.org/10.1016/j.spasta.2016.05.002>

Engelhardt, H., Kögel, T., & Prskawetz, A. (2004). Fertility and women’s employment reconsidered: A macro-level time-series analysis for developed countries, 1960–2000. *Population Studies*, 58 (1), 109–120. <https://doi.org/10.1080/0032472032000167715>

Francesconi, M. & Heckman, J.J. (2016). Child development and parental investment: Introduction. *The Economic Journal*, 126 (596): 1–27. <https://doi.org/10.1111/econj.12388>

Heaton, T.B. (1990). Marital stability throughout the child-rearing years. *Demography* 27 (1): 55–63. <https://doi.org/10.2307/2061552>

Irwin, S. (2000). Reproductive Regimes: Changing Relations of Inter-dependence and Fertility Change. *Sociological Research Online*, 5 (1), 85–98. <https://doi.org/10.5153/sro.445>

Lawson, D.W. Mace, R. (2010). Optimizing modern family size. *Human Nature*, 21 (1): 39–61. <https://doi.org/10.1007/s12110-010-9080-6>

Luppi, F. (2016). When is the second one coming? The effect of couple’s subjective well being following the onset of parenthood. *European Journal of Population*, 32 (3): 421–444. <https://doi.org/10.1007/s10680-016-9388-y>

Umberson, D., Pudrovska, T., & Reczek, C. (2010). Parenthood, childlessness, and well-being: A life course perspective. *Journal of Marriage and Family*, 72 (3): 612–629. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00721.x>

References

- Albertini, M., Gähler, M., & Härkönen, J. (2018). Moving back to “mamma”? Divorce, intergenerational coresidence, and latent family solidarity in Sweden. *Population, Space and Place*, 24(6): e2142. <https://doi.org/10.1002/psp.2142>
- Arellano, M. & Bond, S. (1991). Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations. *Review of Economic Studies*, 58, 277–297. DOI: <https://doi.org/10.2307/2297968>
- Arellano, M., Bover, O. (1995). Another look at the instrumental variable estimation of error-components models. *Journal of Econometrics*, 68, 29–51. [https://doi.org/10.1016/0304-4076\(94\)01642-D](https://doi.org/10.1016/0304-4076(94)01642-D)
- Arkhangelsky, V.N., Zolotareva, O.A., & Kuchmaeva, O.V. (2024). Two approaches to assessing the effectiveness of demographic policy (using the example of federal maternity capital). *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, forecast]*, 17 (6), 77–97. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.4> (In Russ.)
- Arroyo, C. R. & Zhang, J. (1997). Dynamic microeconomic models of fertility choice: A survey. *Journal of Population Economics*, 10(1), 23–65. <https://doi.org/10.1007/s001480050030>
- Becker, G.S. (1974). A theory of social interactions. *Journal of Political Economy*, 82 (6): 1063–1093. <https://doi.org/10.3386/w0042>
- Blundell, R., Bond, S. (1998). Initial conditions and moment restrictions in dynamic panel data models. *Journal of Econometrics*, 87, 115–143. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0304-4076\(98\)00009-8](https://doi.org/10.1016/S0304-4076(98)00009-8)
- Chernyshev, K. A. (2022). Demographic dynamics of the largest urban agglomerations in Russia. *EKO [ECO]*, 4, 81–93. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-4-81-93> (In Russ.)
- De Iaco, S. & Maggio, S. (2016). A dynamic model for age-specific fertility rates in Italy. *Spatial Statistics*, 17, 105–120. <https://doi.org/10.1016/j.spasta.2016.05.002>
- Domnich, E.L. (2024). Age-specific fertility structure of urban and rural populations in post-soviet Russia: regional panel data trends. *Regionalistika [Regionalistics]*, 2024, 11(3), 5 — 29. <https://doi.org/10.14530/reg.2024.3.5> (In Russ.)
- Domnich, E.L. (2025). Crude Birth Rate in the Largest Cities of Russian Far East at the Beginning of the 21st Century. In *Faktory i mekhanizmy demograficheskogo razvitiia [Tekst]: sb. nauch. st. [Factors and mechanisms of demographic development [Text]: collection of scientific articles]* (pp. 473–480). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 832. <https://doi.org/10.17059/udf-2025-3-2> (In Russ.)
- Engelhardt, H., Kögel, T., & Prskawetz, A. (2004). Fertility and women’s employment reconsidered: A macro-level time-series analysis for developed countries, 1960–2000. *Population Studies*, 58 (1), 109–120. <https://doi.org/10.1080/0032472032000167715>
- Francesconi, M. & Heckman, J.J. (2016). Child development and parental investment: Introduction. *The Economic Journal*, 126(596): 1–27. <https://doi.org/10.1111/econj.12388>
- Heaton, T.B. (1990). Marital stability throughout the child-rearing years. *Demography* 27(1): 55–63. <https://doi.org/10.2307/2061552>
- Irwin, S. (2000). Reproductive Regimes: Changing Relations of Inter-dependence and Fertility Change. *Sociological Research Online*, 5(1), 85–98. <https://doi.org/10.5153/sro.445>
- Lawson, D.W. Mace, R. (2010). Optimizing modern family size. *Human Nature*, 21(1): 39–61. <https://doi.org/10.1007/s12110-010-9080-6>
- Luppi, F. (2016). When is the second one coming? The effect of couple’s subjective well being following the onset of parenthood. *European Journal of Population*, 32(3): 421–444. <https://doi.org/10.1007/s10680-016-9388-y>
- Motrich, E.L. (2020). The population of the Far Eastern Federal District: realities and prospects. *Regionalistika [Regionalistics]*, 7 (2), 64–71. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.2.64> (In Russ.)

Umberson, D., Pudrovska, T., & Reczek, C. (2010). Parenthood, childlessness, and well-being: A life course perspective. *Journal of Marriage and Family*, 72(3): 612–629. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00721.x>

Zakharov, S.V. (2016). Modest demographic results of the pronatalist family policy in the context of long-term evolution of fertility in Russia. Part 2. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 3(4), 6–26. <http://dx.doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203> (In Russ.)

Домнич Егор Леонидович - к. э. н., старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-1379-8053> (Российская Федерация, 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: chaosraven@yandex.ru).

Yegor L. Domnich — PhD (Econ.), Senior Research Fellow, Economic Research Institute FEB RAS; <https://orcid.org/0000-0002-1379-8053> (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russia; e-mail: chaosraven@yandex.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.18

JEL classification: J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-4-6>

Репродуктивные установки студенческой молодежи¹

А. А. Евграфова^а, Е. А. Кузнецова^б

^а Череповецкий государственный университет (г. Череповец, Россия).

<https://orcid.org/0009-0003-7097-8864>

^б Череповецкий государственный университет (г. Череповец, Россия).

<https://orcid.org/0009-0005-0276-0112>

Автор для корреспонденции: Е. А. Кузнецова (eakuznetcova3@chsu.ru).

Аннотация. Исследование посвящено изучению репродуктивных установок студентов Череповецкого государственного университета 18–25 лет. Цель работы — выявить особенности формирования отношения к деторождению в современных условиях. Гипотеза предполагает преобладание модели малодетной семьи и отложенного родительства. Методология основана на глубинном интервьюировании десяти информантов. Результаты показали доминирование установки на одного-двух детей и откладывание родительства до достижения финансовой стабильности. Научный вклад заключается в выявлении новой модели семейных ценностей, где рождение детей рассматривается как осознанный выбор после профессионального становления. Результаты могут применяться при разработке мер демографической политики. Ограничения исследования связаны с небольшой выборкой и изучением только женской аудитории.

Ключевые слова: репродуктивные установки; студенческая молодежь; демография; рождаемость.

Reproductive Attitudes of Student Youth

A. Evgrafova^a, E. Kuznetsova^b

^a Cherepovets State University (Cherepovets, Russia).

<https://orcid.org/0009-0003-7097-8864>

^b Cherepovets State University (Cherepovets, Russia). <https://orcid.org/0009-0005-0276-0112>

Corresponding author: E. Kuznetsova (eakuznetcova3@chsu.ru).

Abstract. The study examines reproductive attitudes among female students aged 18–25 at Cherepovets State University. The research aims to identify specific features of forming attitudes towards childbearing in modern conditions. The hypothesis suggests that the model of small families and postponed parenthood prevails. The methodology is based on in-depth interviews with 10 respondents. The results demonstrate a predominance of the preference for 1–2 children and postponing parenthood until financial stability is achieved. The scientific contribution lies in identifying a new model of family values where having children is considered a conscious choice made after professional development. The findings can be applied in developing demographic policy measures. The study limitations are related to the small sample size and focusing only on female participants.

Keywords: reproductive attitudes; student youth; demography; birth rate.

Введение

Демографические процессы — один из ключевых индикаторов социально-экономического развития общества. На протяжении веков численность, структура и динамика населения отражали глубинные трансформации: смену

¹ © Евграфова А. А., Кузнецова Е. А. Текст. 2026.

хозяйственных укладов, технологические прорывы, войны и другое. Историческая ретроспектива демонстрирует, что демографические тренды никогда не были линейными — они формировались под взаимодействием природных, экономических, политических и культурных факторов.

Сегодня, на фоне глобализации и цифровизации, демографические тренды все теснее связаны с репродуктивными установками. Это, по мнению А.И. Фарафоновой, П.А. Амбарова, система отношений и психических состояний личности, курс действий, направленных на рождение детей или отказ от них. Данные установки складываются под влиянием окружающей социальной среды, в которой формируются убеждения и отношение к чему-либо (Фарафоновой, 2016).

О.В. Богатырева (2016) считает, что средства массовой информации и массовой коммуникации претерпели существенные трансформации. Сегодня они выступают в роли универсального инструмента межкультурного взаимодействия, позволяя личности соприкоснуться с историческим, духовным и материальным наследием разных наций, поколений и государств.

Включив человека в систему информационных отношений, СМИ и МК:

- выстраивают определенную иерархию потребностей;
- предлагают готовые ценностно-смысловые и поведенческие модели для усвоения;
- постепенно трансформируют аксиологическую (ценностную) структуру общества.

Изучение репродуктивных установок студенческой молодежи в современной России актуально, поскольку они являются важным индикатором готовности к созданию семьи и определяют будущие демографические тенденции. В период активного личностного и профессионального становления у студентов формируются ключевые жизненные ориентиры, включая базовые решения о браке, количестве детей и подходах к воспитанию. Эти установки закладывают основу семейного поведения на всю жизнь и напрямую влияют на уровень рождаемости. Изучение репродуктивных планов студенческой молодежи получило широкое распространение в отечественной практике (Рустамова, 2025; Полякова и др., 2010; Багирова & Шубат, 2017).

Понимание этих особенностей позволяет государству и обществу разрабатывать более эффективные меры социальной поддержки. Молодежь не просто объект поддержки, но и активный субъект, чьи ценности и предпочтения напрямую формируют будущее демографическое и социально-экономическое развитие как регионов, так и страны в целом.

Обзор литературы

В контексте тематики исследования следует сказать несколько слов о репродуктивных установках человека. Трансформация репродуктивного поведения жителей нашей страны сопровождается несколькими характерными трендами, отражающими изменения демографической структуры общества. Во-первых, наблюдается устойчивый рост доли малодетных семей: число детей, приходящихся на одну женщину, заметно сокращается. Если ранее большинство женщин стремились иметь минимум двух-трех детей, то теперь все чаще встречаются случаи однопородных или даже бездетных пар.

Во-вторых, средний возраст матерей существенно увеличился. Женщины стали откладывать рождение первого ребенка до более зрелого периода жизни, предпочитая сначала сосредоточиться на получении образования, построении карьеры и достижении финансовой стабильности.

В целом отмечается снижение рождаемости как фактическое, так и прогнозируемое (табл. 1).

Низкий уровень рождаемости негативно сказывается на демографической ситуации, приводя к старению населения и уменьшению численности трудоспособных граждан. Это создает нагрузку на пенсионную систему, здравоохранение и социальную сферу, ограничивая потенциал экономического роста и снижая конкурентоспособность государства на международной арене. Недостаточная численность молодого поколения угрожает устойчивости национальной экономики и сохранению культурной преемственности поколений, ставя под угрозу стабильность и благополучие общества в долгосрочной перспективе.

Рассмотрим исследование, выполненное М.К. Рачицкой и О.А. Петровской (Рачицкая & Петровская, 2015). На основании статистической информации и анализа данных из различных источников исследователи пришли к следующему выводу: семья по-прежнему остается важной жизненной ценностью для россиян. При этом наблюдается устойчивая тенденция к более позднему рождению детей.

По мнению исследователей, семья сохраняет свою значимость и роль в обществе. Однако респонденты не стремятся создавать ее в ближайшей перспективе и не планируют рождение ребенка в течение следующих пяти лет. Эта ситуация соответствует общемировым тенденциям, включающим повышение среднего возраста вступления в брак и отсрочку момента появления первого ребенка.

Исторически репродуктивные установки менялись вместе с развитием цивилизации. Доиндустриальное общество ценило большую семью как гарантию выживания и экономического благополучия. Однако индустриализация привела к изменению демографического поведения: теперь дети стали восприниматься скорее как финансовое бремя, а репродуктивное поведение регулируется рациональностью, желанием обеспечить комфортное существование каждому ребенку.

В традиционной русской культуре высокая ценность придавалась созданию большой дружной семьи, заботе о старших поколениях и воспитанию достойных наследников. Современные же молодые россияне часто руководствуются иными принципами: стремятся сначала достичь определенных успехов в профессии,

Таблица 1

Демографический прогноз рождаемости населения

	2024	2025	2026	2027
Всего родившихся, тысяч человек				
Низкий вариант прогноза	1 158,2	1 110,4	1 094,4	1089,7
Средний вариант прогноза	1 171,7	1 153,1	1 143,1	1140,4
Высокий вариант прогноза	1 264,5	1 244	1 223,2	1211,1

Источник: Росстат «Родившиеся, умершие и естественный прирост населения, 2023»; Демографический прогноз составлен без учета населения, проживающего в новых регионах России (Донецкая Народная Республика (ДНР), Луганская Народная Республика (ЛНР), Запорожская и Херсонская области). <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 16.01.2026).

приобрести финансовую независимость и лишь затем задумываются о создании семьи и рождении детей.

Кроме того, меняется сама структура семьи. Сегодня многие пары предпочитают жить гражданским браком, длительное время остаются бездетными, делая карьеру и путешествуя по миру. Таким образом, традиционные взгляды уступают место новым формам организации личной жизни и деторождению.

Сегодня репродуктивные установки становятся предметом исследования социологии, психологии и даже экономики. Люди принимают решение о рождении ребенка исходя из финансовых возможностей, уровня образования, карьерных перспектив и личностных предпочтений. Для многих рождение ребенка связано не столько с продолжением рода, сколько с самореализацией, поиском смысла жизни и стремлением создать гармоничную среду для развития нового поколения.

Российские исследователи демографии обладают богатым опытом изучения предпочтительного количества детей различными социальными группами и сопоставления этих предпочтений с реальной ситуацией. В.Н. Архангельский отмечает, что центральным понятием отечественной школы является потребность личности в детях, которая непосредственно влияет на формирование репродуктивных установок (Архангельский, 2006). Именно внутренняя потребность в детях определяет, каким образом индивид планирует свое будущее, принимая решения о размере семьи и количестве будущих наследников.

А.И. Антонов, В.М. Медков считают, что репродуктивная установка рассматривается как важный психологический механизм регуляции поведения, характеризующий склонность личности придерживаться определенной линии действий, обусловленной положительными или негативными чувствами и мыслями по отношению к решению обзавестись определенным количеством детей (Антонов & Медков, 2005). Они выделили две основные группы репродуктивных установок: установки детности, регулирующие достижение главного результата репродуктивного поведения, и все установки, так или иначе связанные с практикой контрацепции. Эти установки формируются под влиянием множества факторов.

Е.В. Волченкова писала о необходимости отметить целый комплекс факторов, оказывающих непосредственное воздействие на репродуктивное поведение населения (Волченкова, 2014). Среди них выделяются:

- социально-демографические характеристики, такие как пол, возраст, семейное положение, этничность, религиозные убеждения, здоровье и образовательный уровень;

- экономическое положение и занятость;

- общие жизненные ценности и принятые нормы;

- качество бытовых условий проживания;

- действующая государственная демографическая политика, включающая и прямые меры поддержки (например, выплаты материнского капитала, пособия семьям с детьми), и косвенные стимулы (улучшение жилищных условий, качество медицинских услуг, налоговые льготы);

- уровень общей экономической и политической стабильности.

Итак, формируется картина влияния как внутренних, так и внешних обстоятельств на формирование и воплощение репродуктивных намерений. Важно

подчеркнуть, что степень воздействия каждого из перечисленных факторов обусловлена индивидуальным восприятием членов общества, зависящим от принятых ими норм, социальных ориентиров и конкретных нужд.

Материалы и методы

Для исследования использовался качественный подход, что, согласно В.В. Семеновой, необходимо прежде всего для изучения индивидуального аспекта социальной практики — реального опыта жизни конкретных людей в конкретных обстоятельствах (Семенова, 1998). В том числе через анализ индивидуального могут исследоваться и более широкие социальные проблемы, касающиеся социальных групп, движений или даже характера функционирования социальных институтов в конкретной социальной ситуации.

Среди данной категории методов выбор глубинного интервью является не просто удобным, а методологически необходимым для достижения цели исследования. Он позволяет выйти за рамки поверхностных ответов, вскрыть истинные мотивы и барьеры. Отсюда эмпирической базой являются результаты авторского исследования, проведенного в декабре 2025 г. на тему «Репродуктивные установки студенческой молодежи Череповецкого государственного университета». Использовалась целевая выборка, обращались к знакомым, чтобы отобрать участников на основе их пола (10 женщин) и возрастных характеристик (18–25 лет).

Результаты

Анализ десяти глубинных интервью, проведенных со студенческой молодежью Череповецкого государственного университета на тему репродуктивных установок, позволяет выявить ряд ключевых тенденций, ценностных ориентаций и барьеров, влияющих на репродуктивное поведение этого поколения.

1. Место семьи и детей в системе жизненных ценностей.

У большинства опрошенных людей семья и дети не занимают первостепенного значения. Приоритетами становятся образование, карьерный рост, финансовая стабильность и самореализация. Дети рассматриваются как часть жизни, которую можно запланировать только после достижения этих целей.

Однако есть и те, кто считает, что семья и карьера должны находиться в гармонии, или же придает семье ключевую значимость в своей жизни. Таким образом, можно сделать вывод, что среди студентов преобладает установка на отложенное родительство, при этом рождение детей воспринимается как следующий этап жизни, который возможен только после достижения определенного уровня личной, профессиональной и финансовой успешности.

Приведем некоторые высказывания информантов.

Дарья: «В идеальной картине семья должна занимать одно из главных. Но нельзя сказать, что нужно ставить семью на первое место, а там зарабатывать денег на второе. Я думаю, они должны быть где-то на равных, плюс-минус, в идеале, если мы про идеал говорим».

Дарья К.: «Наверное, если смотреть по популярности мнения, сейчас на первом месте карьера, а потом только уже семья, дети».

2. Идеальное и планируемое число детей.

Преобладает модель малодетности (1–2 ребенка). Наиболее часто называются двое детей, что аргументируется демографическим балансом («для воспроизводства населения»), психологическим комфортом детей («чтобы не было скучно») и социальной нормой.

Личные планы в основном совпадают с идеальной моделью. Лишь один информант Дарья выражает желание иметь троих детей, мотивируя это созданием большой семьи. Один информант сознательно не планирует детей.

На желаемое число детей влияет личный опыт информантов. Например, Надежда, будучи единственным ребенком, хочет двоих, чтобы им не было скучно: *«Наверное, все равно двое, потому что я в семье одна, и в какой-то мере это было... ну, ты живешь один, тебе скучно, у тебя нет того, с кем ты можешь поговорить или еще что-то. И детям будет не скучно, у меня будет, скажем так, не одно продолжение, а два продолжения».*

Анна рассуждает о том, что старшие дети в многодетных семьях, взвалившие на себя родительские обязанности, часто не хотят себе детей: *«В многодетной семье, зачастую, к сожалению, в России так происходит, что все родительские обязанности перекладывают на плечи старших детей, что ведет за собой отказ у старших, вообще нежелание иметь своих детей, потому что они уже себя опробовали, они уже поняли, что это такое, повторять они не хотят. Дети же, которые младшие в семье, то есть им уделяется больше внимания и зачастую меньше у них обязанностей, они хотят детей, они выросли в любви, у них все хорошо».*

Установка на малодетность у студентов является преобладающей. Репродуктивные планы носят осторожный характер и редко превышают стандартную модель из двух детей.

3. Барьеры на пути к рождению желаемого числа детей.

В ходе интервью удалось выяснить основные преграды к рождению большего количества детей, чем информанты планируют:

— Материально-экономические факторы. Это главный барьер, который отмечают практически все информанты. К ним относятся: нестабильная экономическая ситуация в стране; высокая стоимость жизни и содержания ребенка (одежда, питание, образование); дороговизна необходимых товаров (кровать, коляска, одежда); проблема с жильем (нехватка метража, недоступность ипотеки).

— Социально-бытовые факторы: нехватка мест в детских садах, школах, дефицит квалифицированных нянь и медперсонала (пример с отправкой недоношенных детей в другой город); страх потерять позиции на работе, сложности совмещения карьеры и родительства.

— Личностные и психологические факторы: осознание огромной ответственности за жизнь и благополучие другого человека; страх оказаться в одиночку с ребенком, упоминания о больших долгах по алиментам; проблемы с собственным здоровьем, препятствующие беременности и родам.

— Молодежь воспринимает рождение детей как высокоресурсный проект, сопряженный с серьезными материальными, социальными и психологическими рисками.

4. Мотивы рождения детей.

Внутренние мотивы рождения детей у информантов преобладают над внешними. К ним студенты относили:

- собственное желание;
- реализация материнского/отцовского инстинкта;
- продолжение рода;
- любовь к детям, желание создать уют, тепло семейного очага;
- страх одиночества в старости (озвучен косвенно);
- внешние, социальные мотивы воспринимаются скорее негативно;
- давление общества, ощущение долга перед семьей или человечеством;
- «статусность» наличия семьи в определенном возрасте;
- материнский капитал и льготы как мотив упоминаются, но не являются основными.

Можно сделать вывод, что доминирует ценностный подход к родительству. Дети рождаются не по принуждению, а из внутренней потребности в любви, продолжении рода и реализации себя в роли родителя.

Приведем некоторые высказывания студентов.

Надежда: «Просто собственное желание. Только оно, больше ничего».

Дарья: «Для меня лично это, во-первых, какое-то увековечивание, наверное. Ну то есть понятно, что в основном люди не знают, что у них было там до бабушек, до дедушек. Но все-таки там после меня будут мои дети, потом внуки. Внуки еще, может быть, даже меня помнить будут, когда меня уже в живых не будет, и это, не знаю, как надежда какая-то на светлое будущее, ну плюс дать этим новым людям что-то хорошее, что у тебя есть, чтобы это продолжить...».

Анна: «Ну, вообще просто само желание иметь продолжение рода. Также у кого-то это может быть как возможность сохранить семью, то есть, когда родители рожают ребенка для того, чтобы, например, укрепить ее. Например, были какие-то проблемы в отношениях, и ребенок уже является каким-то закреплением, чтобы там не разошлись и так далее. Ну и всё. Ну, также это финансовая помощь, то есть тот же материнский капитал в семьях с плохим достатком».

5. Отношение к абортам и незапланированной беременности.

В вопросах аборт и незапланированной беременности среди студенческой молодежи преобладает либеральное отношение. Подавляющее большинство респондентов рассматривают аборт как допустимую и оправданную медицинскую процедуру. Критериями ее оправданности выступают:

- неготовность к родительству (материальная, моральная, психологическая);
- риски для здоровья матери или плода;
- беременность в результате насилия;
- возраст (слишком молодые родители).

Важной составляющей этой позиции является нейтралитет и акцент на личном выборе. Многие участники подчеркивают, что решение об аборте — это личное дело женщины, которое не должно осуждаться обществом.

При этом существуют и более строгие взгляды. Резко негативно к аборту относится только Валерия, называя его «убийством». Тая и Карина в свою очередь допускают возможность аборта лишь по строгим медицинским или финансовым показаниям.

В сознании студенческой молодежи аборт легитимизирован как инструмент планирования семьи и решения кризисных ситуаций. Религиозные

и консервативные установки («аборт — это убийство») встречаются редко и не являются доминирующими.

Некоторые ответы на вопросы: «Что лично для вас означает аборт? Как вы к нему относитесь?»:

Надежда: «Отношусь я, наверное, нормально. Как бы это ни звучало, я очень много изучала эту тему. Это очень спорная тема, потому что как будто бы это уже человек, потому что он развивается, но при этом у него нет такого полного физического развития, и он является просто плодом. Если ситуация такова, что нужно сделать аборт именно по показаниям врачей, то его лучше сделать и не мучить себя тем, что ребенок может родиться нездоровым. И тем, что ему потом после рождения, например, мучиться с каким-то набором генетических заболеваний, которые, возможно, очень сложно контролировать именно в рамках медицины».

Карина: «Это как вынужденная мера вследствие каких-то жизненных обстоятельств или состояния здоровья».

Тая: «Если вообще нет денег, нет никакой заработной платы, нигде девушка не работает, мужчина тоже ни о чем, соответственно, аборт в этом случае нужен. А если у тебя все есть, то почему бы и нет?».

6. Восприятие движения чайлдфри.

Абсолютное большинство информантов демонстрирует толерантность и принятие по отношению к движению чайлдфри. Ключевые аргументы в пользу такой позиции:

- «Это личный выбор каждого».
- Уважение к индивидуальным решениям и образу жизни.
- Понимание возможных мотивов (карьера, негативный детский опыт, нежелание брать ответственность).

Наряду с принятием некоторые респонденты высказывают опасения о «печальной судьбе» и «социальной изоляции» чайлдфри в старости. Важным моментом является разграничение понятий: так, Софья справедливо отмечает, что чайлдфри — это не обязательно «ненависть к детям», а осознанное нежелание их иметь.

Софья: «Я считаю, что это движение не особо развито, и многие думают о том, что это значит, что это не только отказ, что они ненавидят детей. Такое мнение присутствует в соцсетях, но я думаю, что так говорят те, кто как раз не понимает всей ситуации, обвиняет как раз в том, что вот чайлдфри — это очень плохо, но я думаю, что чайлдфри — это просто нежелание рожать».

Идея сознательного отказа от деторождения в целом принимается современной студенческой молодежью как одна из жизненных стратегий. Основой этого принятия является принцип личного выбора и автономии человека. Но также некоторые респонденты считают, что приверженность к этому движению может измениться с возрастом.

7. Ожидания от государства.

В своих исследованиях ученые-демографы — А.Е. Иванова, Л.Л. Рыбаковский, В.Н. Архангельский — проанализировали текущую демографическую ситуацию и обосновали комплекс мер государственной поддержки рождаемости (Архангельский и др., 2016). По мнению экспертов, государство способно эффективно влиять на демографические процессы, в том числе на уровень рождаемости.

Запросы молодежи к государству в сфере семейной политики носят комплексный характер. Наиболее значимыми мерами поддержки респонденты считают:

- материальную поддержку: наиболее ожидаемая помощь — это выплаты и субсидии на конкретные нужды (подгузники, смеси, коляски, мебель) по аналогии с «Пушкинской картой»;
- развитие инфраструктуры: создание доступных мест в детсадах, а также улучшение медицинского обслуживания для матерей и детей;
- информационную и психологическую поддержку: развитие бесплатных школ родительства, курсов подготовки и просветительских программ, которые снимают страхи и дают практические знания;
- помощь с жильем: улучшение жилищных программ для молодых семей.

При этом респонденты четко выражают позицию, что государство не должно «заставлять» рожать, а помогать создавать благоприятные условия, для того чтобы это желание появилось.

Запрос к государству от студенческой молодежи не на прямую финансовую стимуляцию рождаемости, а на создание комплексной, доступной и качественной системы поддержки семей с детьми, которая снимет ключевые материальные и социальные барьеры, мешающие принятию решения о рождении ребенка.

8. Рождение детей: личный выбор или долг?

В вопросе о мотивации рождения детей подавляющее большинство респондентов считают этот шаг исключительно личным выбором. Их аргументация строится на принципах личной свободы: никто никому ничего не должен; рождение ребенка не долг, а добровольное решение; понятие долга применимо только к финансовым обязательствам.

Наряду с этой доминирующей позицией существует и другая. Некоторые участницы признают, что, несмотря на убеждение в личном выборе, они внутренне чувствуют давление общественных норм и в некоторой степени воспринимают родительство как некий ожидаемый от них долг.

Доминирует индивидуалистическая установка, согласно которой репродуктивное поведение является сферой личной ответственности и автономии человека, а не его обязанностью перед обществом или государством.

Некоторые высказывания респондентов на вопрос: «Как вы считаете, рождение детей — это в большей степени личный выбор человека или все же некий долг/предназначение перед семьей, обществом или даже человечеством в целом?»:

Елизавета: «Понятие «долг» можно употреблять только тогда, когда кто-то что-то у кого-то занял и должен вернуть. А так никто не должен ни семье, ни обществу, ни человечеству, это бред. Рождение ребенка — личный выбор каждого».

Карина: «Я думаю, это все же больше личное. Пока человек сам не будет лично готов к этому, то какие бы деньги ему не платили, какие бы ему золотые горы не обещали, он не решится и все равно будет об этом жалеть и будет несчастным. Личностная готовность преобладать будет всегда».

Дарья К.: «Вообще в большинстве случаев это долг, а, по идее, должно быть как личный выбор».

Так мы получаем живую картину ценностей, страхов и жизненных стратегий. Исследование выявило глубокий рационалистический и откладывающий подход

к планированию семьи. Рождение детей для современного студента не естественный, а осознанный этап. Установка на малодетность (1–2 ребенка) доминирует не как желаемый идеал, а как вынужденная адаптация к социально-экономическим реалиям, где основными барьерами выступают неуверенность в будущем, материальные трудности и дефицит доступной инфраструктуры.

Наиболее показательным оказалось амбивалентное отношение молодежи к государству. С одной стороны существует четкий запрос на системную поддержку: реальные меры, улучшающие жилищные условия, финансовую стабильность и доступность детских учреждений. С другой — категорическое неприятие любых форм директивного контроля или «демографической инженерии».

Студенты отстаивают приоритет личного выбора и автономии частной жизни, видя в государстве поставщика возможностей и условий для реализации собственных решений. Это подтверждает, что репродуктивные установки сегодня — это сложная смесь личных амбиций, экономического расчета и ценности индивидуальной свободы.

Заключение

Таким образом, в репродуктивных установках студенческой молодежи доминирует индивидуалистическая парадигма, согласно которой рождение детей рассматривается как результат личного, ответственного и планируемого вывода, свободного от диктата традиционных норм или обязанностей перед государством. Исследование наглядно демонстрирует сложную взаимосвязь между трансформирующимися жизненными ценностями молодежи, ее экономическими возможностями и эффективностью социальной политики. Полученные результаты, раскрывающие субъективную логику принятия решений, имеют практическую значимость и могут служить основой для разработки более адресных и эффективных мер, направленных не только на повышение рождаемости, но и на укрепление института семьи через поддержку осознанного и благополучного родительства.

Список источников

- Антонов, А. И., Медков, В. М. (2005). *Социология семьи: Учебник*. М.: ИН-ФРАМ, 304.
- Архангельский, В. Н. (2006). *Факторы рождаемости*. Москва: ТЕИС, 399.
- Архангельский, В. Н., Иванова, А. Е., Рыбаковский, Л. Л. (2016). Результативность демографической политики России. М.: Изд-во «Экон-Информ», 22.
- Багирова, А. П., Шубат, О. М. (2017). Семья и родительство сквозь призму мнений студентов. *Социологические исследования*, 7, 126–131. <https://doi.org/10.7868/S0132162517070145>
- Богатырева, О. В. (2016). Программирование репродукционных установок в сознании человека с точки зрения психологии. *Молодой ученый*, 3(107), 975–976.
- Волченкова, Е. В. (2014). Особенности репродуктивных установок современной молодежи. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*, 8, 21–25.
- Полякова, Н. М., Чернявский, И. Я., Габидулина, Т. В. (2010). Факторы репродуктивных установок студенческой молодежи. *Сибирский медицинский журнал*, 25 (4 (2)), 147–149.
- Рачицкая, М. К., Петровская, О. А. (2015). Движение чайдфри в молодежной среде. *Студенческий научный форум* <http://www.scienceforum.ru/2015/1052/8692> (дата обращения: 17.01.2026).

Рустамова, Г. М. (2025). Репродуктивные установки молодежи: анализ региональных исследований. *Казанский социально-гуманитарный вестник*, 3(70), 11–19. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.11-19>

Семенова, В. В. (1998). Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учебное пособие для студентов вуза. Москва: Добросвет, 289.

Фарафонова, А. И. (2016). Репродуктивные установки студенческой молодежи: проблемы и способы формирования. В *Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: Сборник статей*. Том 1. (с. 257–261). Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 426.

References

Antonov, A. I., & Medkov, V. M. (2005). *Sotsiologiya sem'i: Uchebnik [Sociology of the family: Textbook]*. INFRA-M, 304. (In Russ.)

Arkhangelsky, V.N. (2006) *Faktory rozhdaemosti [Fertility factors]*. Moscow: TEIS, 399. (In Russ.)

Arkhangelsky, V.N., Ivanova, A.E., & Rybakovsky, L.L. (2016). *Rezultativnost' demograficheskoi politiki Rossii [Effectiveness of Russia's demographic policy]*. Moscow: Ekon-Inform Publishing House, 22. (In Russ.)

Bagirova, A. P., & Shubat, O. M. (2017). Family and parenting in the light of the students views. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (7), 126–131. <https://doi.org/10.7868/S0132162517070145> (In Russ.)

Bogatyeva, O. V. (2016). [Programming of reproductive attitudes in human consciousness from the perspective of psychology. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*, (3(107)), 975–976. (In Russ.)

Farafonova, A. I. (2016). Reproductive orientations of student's youth: problems and methods of forming. In *Dinamika i inertsia proizvodstva naseleniia i zameshcheniia pokolenii v Rossii i SNG: Sbornik statei. Tom 1 [Dynamics and inertia of population reproduction and generation replacement in Russia and the CIS: Collection of articles. Vol. 1]* (pp. 257–261). Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniia RAN, 426. (In Russ.)

Polyakova, N.M., Cherniavsky, I.Ya., & Gabidulina, T.V. (2010) Factors of college youth attitude towards fertility. *Sibirskii meditsinskii zhurnal [Siberian Medical Journal]*, 25(4(2)), 147–149. (In Russ.)

Rachitskaya, M. K., & Petrovskaya, O. A. (2015). [Childfree movement among youth]. *Studentcheskii nauchnyi forum [Student Scientific Forum]*. <http://www.scienceforum.ru/2015/1052/8692> (Accessed: 17.01.2026). (In Russ.)

Rustamova, G. M. (2025). Reproductive attitudes of young people: analysis of regional studies. *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik [The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin]*, 3(70), 11–19. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.11-19> (In Russ.)

Semenova, V. V. (1998). *Kachestvennye metody: vvedenie v humanisticheskuiu sotsiologiyu: Uchebnoe posobie dlia studentov vuza [Qualitative methods: Introduction to humanistic sociology: Textbook for university students]*. Moscow: Dobrosvet, 289. (In Russ.)

Volchenkova, E. V. (2014). Peculiarities in reproduction attitudes of modern youth. *Vestnik Viat'skogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta [Herald of Vyatka State University]*, (8), 21–25. (In Russ.)

Евграфова Анастасия Алексеевна — студент кафедры социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет; <https://orcid.org/0009-0003-7097-8864> (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; e-mail: evgrafovanasta2005@gmail.com).

Кузнецова Елена Алексеевна — студент кафедры социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет; <https://orcid.org/0009-0005-0276-0112> (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; e-mail: eakuznetcova3@chsu.ru).

Anastasia A. Evgrafova - student of the Department of Sociology and Social Technologies, Cherepovets State University; <https://orcid.org/0009-0003-7097-8864> (5, Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: evgrafovanasta2005@gmail.com).

Elena A. Kuznetsova - student of the Department of Sociology and Social Technologies, Cherepovets State University; <https://orcid.org/0009-0005-0276-0112> (5, Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: eakuznetcova3@chsu.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.02 + 314.335.044 + 314.3

JEL classification: J11, J13, J24

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-4-7>

Детерминанты рождаемости в Российской Федерации: факторный анализ методом градиентного бустинга¹

М. С. Захарова^а, В. А. Колычева^б

^а Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).

^б Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).

<https://orcid.org/0000-0003-0619-4523>

Автор для корреспонденции: В. А. Колычева (v.kolycheva@spbu.ru).

Аннотация. Статья посвящена выявлению детерминант рождаемости в Российской Федерации. В теоретической части на базе трудов отечественных и зарубежных демографов определены факторы, влияющие на репродуктивное поведение населения. В качестве информационной основы была взята Российская база данных по рождаемости и смертности, составленная Центром демографических исследований Российской экономической школы. Для построения моделей была использована информация о коэффициентах рождаемости по возрасту матери и по порядку рождения, рассчитанных для однолетних возрастных групп, по регионам России за период 2013–2023 гг. Дизайн исследования предполагал построение нескольких эконометрических моделей для результирующих показателей: общий суммарный коэффициент рождаемости и суммарные коэффициенты рождаемости по очередности рождения для первых, вторых, третьих и последующих детей. В качестве объясняющих переменных были выбраны 15 показателей, характеризующих демографическую ситуацию и социально-экономическое положение регионов за 2012–2023 гг. на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы. В практической части на основе построения эконометрических моделей и использования градиентного бустинга выявлены наиболее значимые факторы, влияющие на суммарные коэффициенты рождаемости по очередности рождения.

Ключевые слова: суммарный коэффициент рождаемости; детерминанты; демографическая ситуация в Российской Федерации; человеческий капитал; градиентный бустинг.

Determinants of fertility in Russian Federation: Factor Analysis with Gradient Boosting

M. Zakharova^а, V. Kolycheva^б

^а Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

^б Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0003-0619-4523>

Corresponding author: V. Kolycheva (v.kolycheva@spbu.ru).

Abstract. The article is devoted to the identification of the determinants of fertility in the Russian Federation. In the theoretical part, based on the works of domestic and foreign demographers, the factors influencing the reproductive behavior of the population are identified. The Russian Fertility and Mortality database compiled by the Center for Demographic Research, New Economic School was used as the information base. To construct the models, information was used on fertility rates by maternal age and birth order, calculated for one-year age groups, by regions of Russia for the period 2013–2023. The design of the study assumed the construction of several economic models for the resulting indicators: the total fertility rate and the total fertility rates by birth order for the first, second, third and subsequent children. 15 indicators characterizing the demographic situation and socio-economic situation of the regions for 2012–2023 based on data

¹ © Захарова М. С., Колычева В. А. Текст. 2026.

from the Unified Interdepartmental Information and Statistical System were selected as explanatory variables. In the practical part, based on the construction of economic models and the use of gradient boosting, the most significant factors affecting the total fertility rates by birth order have been identified.

Keywords: total fertility rate; determinants; demographic situation in the Russian Federation; human capital; gradient boosting

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в России на протяжении последних лет наблюдается естественная убыль населения. Параметры демографической безопасности обозначаются в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Для достижения демографической безопасности страны необходимо преодоление тенденций естественного сокращения населения и улучшение показателей его воспроизводства. Кроме того, актуальность демографического вопроса в современной России, особенно в отношении рождаемости, подтверждают слова Президента РФ В.В. Путина в послании Федеральному собранию 2020 г.: «Судьба России, ее историческая перспектива зависят от того, сколько нас будет <...> от того, сколько детей родится в российских семьях».

Целью данной работы является выявление факторов, в наибольшей степени влияющих на рождаемость в России, а научной новизной выступает применение моделей градиентного бустинга для оценки вклада объясняющих переменных в прогнозирование рождаемости по очередности рождения.

Обзор литературы

Прежде всего обозначим, как последние исследования объясняют изменения рождаемости, к каким выводам приходили демографы, занимавшиеся данным вопросом, и какие конкретно факторы ими изучались.

При исследовании естественного воспроизводства населения следует учитывать, что детерминанты рождаемости можно определять на различных уровнях: на уровне индивида или супружеской пары (микроуровень), на уровне социальных отношений — социальное окружение индивидов (мезоуровень) и на уровне культурных и институциональных условий, в которых существуют индивиды (макроуровень).

Попробуем двигаться по уровням в описанном порядке, начиная с микроуровня. На фоне относительного равноправия обоих полов в общественной жизни А.Р. Хокшильд и Э. Мачун настаивают на его отсутствии в семейных отношениях и вводят в научный оборот термин «вторая смена» («second shift»), обозначающий двойную нагрузку женщин, которые совмещают профессиональные и домашние обязанности (Хокшильд & Мачун, 2020). Подтверждение влияния данного фактора находим в работе Н. Балбо, Ф.С. Биллари и М. Миллс, в которой обнаружено, что вероятность рождения второго ребенка выше в семьях с наибольшим и наименьшим гендерным неравенством в распределении семейных обязанностей (Balbo et al., 2013).

В работе В.Н. Архангельского, Ю.В. Зинькиной и С.Г. Шульгина показано, что в связи с обучением более образованные женщины откладывают материнство на более поздний срок по сравнению с менее образованными. Вследствие этого смещается календарь рождений, при этом суммарные коэффициенты рождаемости между этими категориями не различаются (Архангельский и др., 2019).

Согласно подходу М. С. Тольца, уровень рождаемости и количество браков тесно взаимосвязаны. Чаще всего дети рождаются в официальных семьях, созданных намеренно. Реже случается так, что скорое рождение ребенка становится причиной вступления в брак. Желание иметь детей может способствовать более раннему вступлению в брак, а отсутствие такого желания, соответственно, может привести к более позднему браку или его отсутствию (Тольц, 2020).

Интересно отметить следующую закономерность: в современной России у женщин, состоящих в повторном браке, наблюдается большее число детей, чем у состоящих в законном первом браке, что показано в работе А. Б. Синельникова. На 100 женщин, находящихся в законном первом браке, приходится 177 детей, во втором — 188. Неофициальные браки, в том числе повторные, характеризуются меньшим числом детей. Самые низкие показатели СКР у женщин, никогда не состоявших в браке (Синельников, 2019).

Вместе с тем социально-экономические и демографические факторы влияют на рождаемость с некоторым лагом. Так, например, А. Б. Синельников установил, что с лагом в один год на ежегодные изменения числа родившихся влияют изменения числа зарегистрированных браков (Синельников, 2009). Исследование Е. С. Вакуленко показало, что в краткосрочном периоде рождаемость в России с лагом 1–2 года реагирует на экономические кризисы: с зарплатой и ВВП — через один год, с уровнем безработицы — до двух лет (Вакуленко, 2023). Забегая вперед, отметим, что в связи с этим в нашей работе были проверены два типа моделей: с временным лагом один год и без лага. Коэффициент детерминации показал лучшее значение в первом случае, поэтому в дальнейшем будут описаны построенные модели с лагом один год.

Наконец, вопрос влияния высокого дохода и уровня человеческого развития на рождаемость остается открытым. Один из подходов объясняет снижение рождаемости тем, что люди, которые зарабатывают больше, сталкиваются с более высокими альтернативными издержками, если они решают посвятить время рождению и воспитанию детей вместо продолжения карьеры (Кумо, 2022). Представители другого подхода осторожно относятся к признанию отрицательной взаимосвязи между доходами и рождаемостью (Шубат & Багирова, 2018). Сомнения возникают из-за того, что в странах со схожей экономической динамикой темпы изменения рождаемости могут различаться.

Материалы и методы

В данном исследовании мы опираемся на факторный подход к изучению демографического развития, который фокусируется на сопоставлении рождаемости и социально-экономических показателей. При этом в нашем исследовании было как перепроверено влияние описанных в обзоре литературы факторов, так и протестировано воздействие новых.

В качестве информационной основы исследования была взята Российская база данных по рождаемости и смертности (РоБРиС), составленная Центром демографических исследований Российской экономической школы (ЦДИ РЭШ). Данные в РоБРиС рассчитаны на основе информации, предоставляемой Федеральной службой государственной статистики. Для построения моделей была использована информация о коэффициентах рождаемости по возрасту

матери и по порядку рождения, рассчитанных для однолетних возрастных групп, по регионам России за период 2013–2023 гг.

Дизайн исследования предполагает построение нескольких эконометрических моделей для следующих результирующих показателей: общий суммарный коэффициент рождаемости и суммарные коэффициенты рождаемости по очередности рождения для первых, вторых, третьих и последующих детей. В качестве объясняющих переменных были выбраны следующие 15 показателей, характеризующих демографическую ситуацию и социально-экономическое положение регионов за 2012–2023 гг. на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС):

1) реальный ВРП на душу населения, рассчитанный с использованием индексов физического объема валового регионального продукта (*grdp_per_soul*), тыс. руб.;

2) реальные денежные доходы населения, скорректированные по региональному ППС (*real_income*), руб./мес.;

3) доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (*poor_share*), %;

4) коэффициент Джини (*gini*) — показатель, который характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. Чем он ближе к единице, тем в большей степени доходы сконцентрированы в руках отдельных групп населения;

5) уровень безработицы, рассчитанный по методологии МОТ (*unemployment*) — отношение численности безработных в возрасте 15–72 к численности рабочей силы соответствующей возрастной группы, %;

6) средняя цена 1 м² общей площади квартир на вторичном рынке жилья, руб., скорректированная по региональному ППС (*flat_price*);

7) коэффициент брачности (*marriage*) — число зарегистрированных в течение календарного года браков на 1 000 населения;

8) коэффициент разводимости (*divorce*) — число расторгнутых в течение календарного года браков на 1 000 населения;

9) ожидаемая продолжительность жизни при рождении (*life_expectancy*) — значение средней продолжительности предстоящей жизни, прогнозируемое в предположении, что уровни смертности населения во всех возрастах в будущем останутся такими же, как в рассматриваемом году;

10) коэффициент миграционного прироста (*migration*) — сальдо миграции (разница между числом прибывших в регион и выбывших) на 1 000 населения;

11) уровень урбанизации (*urbanization*) — доля городского населения в численности всего населения, выраженная в %;

12) число врачей всех специальностей на 10 000 населения (*doctors*);

13) число лиц, совершивших преступления, на 10 000 населения (*crime*);

14) доля занятого населения в возрасте 25–64 лет, имеющего высшее образование в общей численности занятого населения соответствующей возрастной группы, % (*higher_education*);

15) обеспеченность детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных организациях — количество мест на 1 000 детей (*pre_school*).

Мы применили градиентный бустинг, который позволил получить показатели значимости рассматриваемых факторов для прогнозирования показателя

рождаемости. Это относительно новый подход, который раньше редко использовался в демографических исследованиях (Соловьев & Соловьев, 2018).

В рамках данного исследования метод градиентного бустинга применялся для получения оценок важности признаков и анализа того, какие из них оказывают большее влияние на рождаемость по порядку рождения. Для этих целей была выбрана библиотека *CatBoost*.

Для целей обозначения значимостей параметров в *CatBoost* содержится метод *feature_importance*, который оценивает их вклад в предсказание целевой переменной. Эта функциональность имеет решающее значение для понимания того, какие факторы оказывают наибольшее влияние на прогнозирование рождаемости, показывает то, как часто модель использует конкретный признак для предсказания, и насколько сильно он влияет на ее прогнозы.

Так как градиентный бустинг не подвержен влиянию мультиколлинеарности, был использован весь набор данных без разделения регионов на группы и удаления переменных. Для модели были установлены следующие параметры: *learning_rate* = 0.01, *n_estimators* = 1000, *max_depth* = 8. Модель обучалась на 80 % данных, тестирование проводилось на 20 %. Коэффициент детерминации на проверочном наборе данных составил 0,95 для СКР, 0,94 для СКР₁, 0,9 для СКР₂ и 0,89 для СКР₃₊. RMSE (квадратный корень из среднеквадратичной ошибки прогноза) составил 0,35 для СКР, 0,3 для СКР₁, 0,34 для СКР₂, 0,38 для СКР₃₊. Таким образом, модель лучше справилась с прогнозированием рождаемости первых детей.

Результаты

Рассмотрим результаты применения функции *feature_importance*, представленные на рис. 1, рис.2, рис 3, рис. 4.

Для прогнозирования суммарного коэффициента рождаемости детей всех порядков рождения (рис. 1) модель опиралась прежде всего на коэффициент брачности, уровень безработицы, ожидаемую продолжительность жизни, коэффициент Джини и миграцию. В построенных нами моделях три из перечисленных признаков оказались статистически значимы в большинстве моделей. В наименьшей степени важными для модели оказались показатели реальных доходов населения, высшее образование и ВРП на душу населения.

При прогнозировании рождаемости первых детей (рис. 2) модель в первую очередь использовала информацию о коэффициенте брачности. При этом наблюдается значительный разрыв между показателем значимости брачности и остальных факторов. Также важными для прогнозирования оказались ожидаемая продолжительность жизни, коэффициент Джини, коэффициент миграционного прироста и цена 1м² на вторичном рынке жилья. В наименьшей степени модель использовала информацию о коэффициенте разводимости, доли населения с доходами ниже прожиточного уровня и доли городского населения.

Перейдем к рассмотрению важности факторов для прогнозирования рождаемости вторых детей (рис. 3). Здесь также критически важным оказался коэффициент брачности, однако уже не наблюдается такой большой разрыв по сравнению с рождаемостью первых детей. На втором месте оказалась цена на вторичное жилье, что свидетельствует о важности этого фактора для расширения семьи. Также

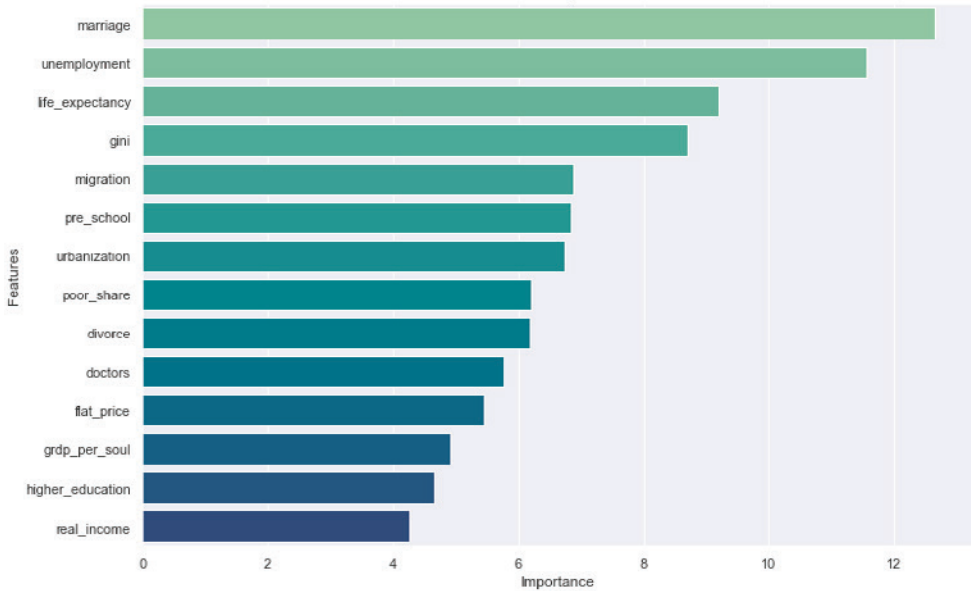

Рис. 1. Важность факторов для прогнозирования общего СКР CatBoost, расчеты авторов

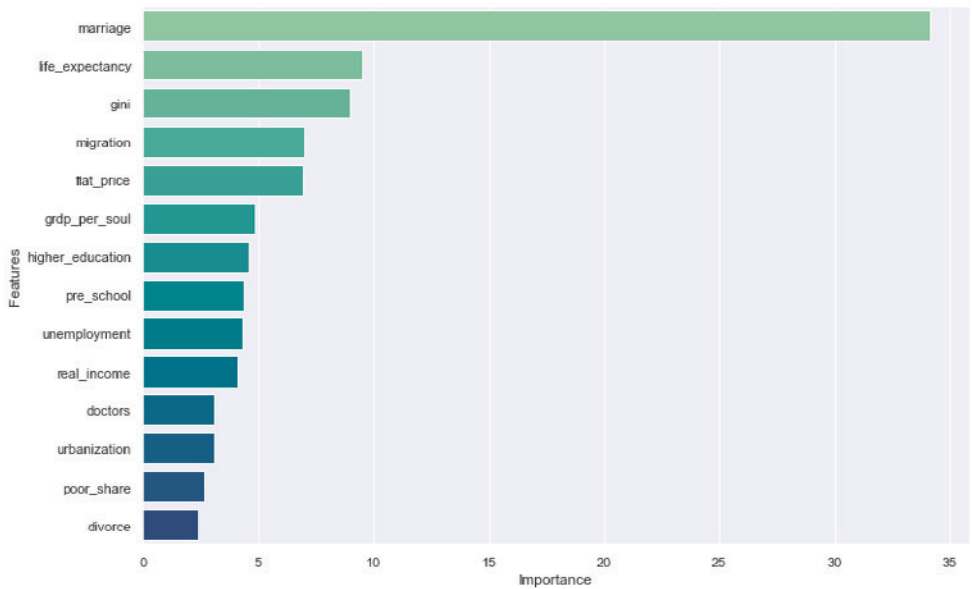

Рис. 2. Важность факторов для прогнозирования СКР, CatBoost, расчеты авторов

модель в большей степени основывала свои прогнозы на показателях ожидаемой продолжительности жизни, безработицы и миграционном приросте. В меньшей степени на прогнозы модели влияли коэффициент разводимости, реальный доход населения и доля населения с доходами ниже прожиточного минимума.

При прогнозировании рождаемости третьих и последующих детей модель опиралась прежде всего на уровень безработицы, реальный ВРП на душу населения, коэффициент урбанизации, долю населения с доходами ниже прожиточного минимума и коэффициент разводимости (рис. 4). Здесь оказались значимыми те факторы, которые в предыдущих случаях занимали последние места в рейтинге важности (урбанизация, ВРП, доля бедного населения). В меньшей степени модель пользовалась информацией о коэффициенте брачности, уровне образования населения и коэффициенте Джини.

Обсуждение

Приведем основные выводы, которые можно сделать на основе полученных результатов:

1. Градиентный бустинг подтвердил значимость коэффициента брачности для рождаемости первых, вторых детей и рождаемости в целом. Особенно важен этот фактор оказался для рождаемости первых детей.

2. Коэффициент Джини в рейтингах для СКР, СКР₁, СКР₂ занимает высокие позиции, что также может говорить о его значимости для рождаемости в современной России.

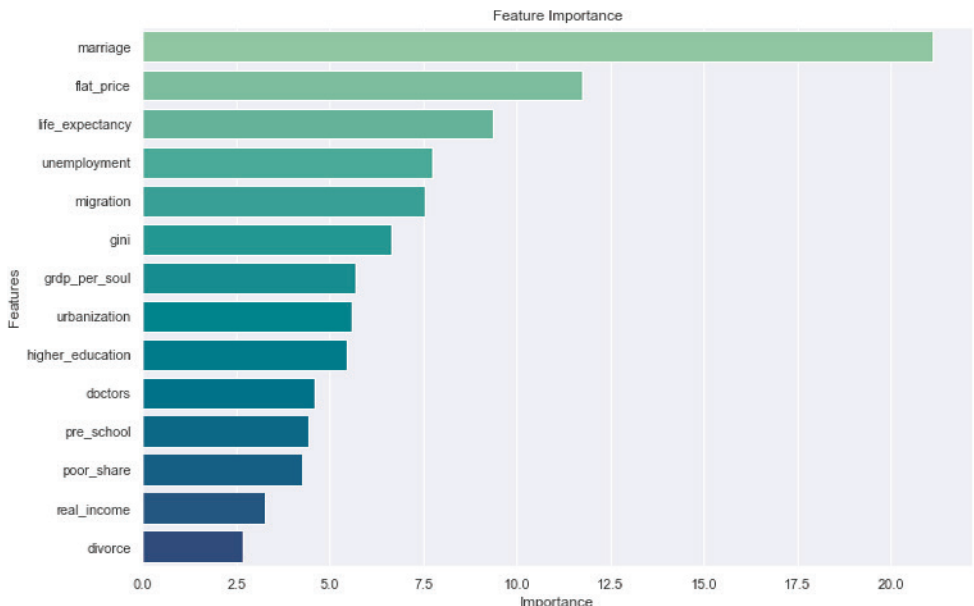

Рис. 3. Важность факторов для прогнозирования СКР₂ CatBoost, расчеты авторов

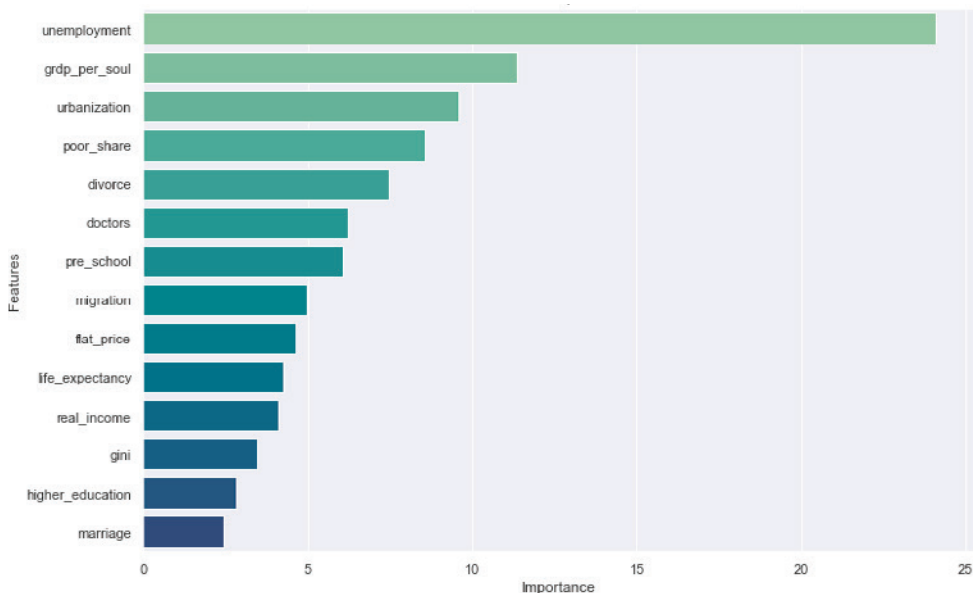

Рис. 4. Важность факторов для прогнозирования $СКР_{3+}$ CatBoost, расчеты авторов

3. Высокая значимость цен на жилье при прогнозировании рождаемости вторых детей подтверждает важность доступности жилья для расширения семьи. Фактор также оказался значим и для рождаемости первых детей. Однако для $СКР_{3+}$ цены не показали значимого влияния на прогнозы, что может быть связано с тем, что старшие дети съезжают от родителей, таким образом снижая потребность в расширении площади при рождении младших детей.

4. Урбанизация, как и доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, оказались важными факторами только при прогнозировании рождаемости третьих и последующих детей. Также для $СКР_{3+}$ модель в значительной степени опиралась на уровень безработицы, что может быть косвенным подтверждением связи между безработицей и распространённостью многодетных семей: при отсутствии работы у матери снижаются альтернативные издержки воспитания детей.

5. Продолжительность жизни входит в топ-3 фактора при прогнозировании $СКР$, $СКР_1$, $СКР_2$, что также может быть косвенным подтверждением концепции демографического перехода, согласно которой существует обратная связь между уровнем рождаемости и смертности.

Заключение

В данной работе мы смогли выделить наиболее значимые социально-экономические и демографические факторы, сказывающиеся на рождаемости детей определенных порядков рождения в современной России, что имеет большую ценность в качестве основы для разработки мер стимулирования рождаемости.

Благодарности

Работа В. А. Колычевой выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 131452274 «Человеческий капитал в России: информационная концепция, образование и рынок труда».

Acknowledgements

V. Kolycheva acknowledges Saint-Petersburg State University for a research project 131452274.

Список источников

Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г. (2019). Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии. *Народонаселение*, 22(1), 21–39. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00002>

Вакуленко, Е. С. (2023). Эффекты периода, возраста и когорты в динамике рождаемости россиян 1990–2021 гг. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, 258–281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2357>

Кумо, К. (2023). Зависит ли вероятность рождения ребенка от уровня благосостояния и его субъективного восприятия в российских домохозяйствах: в поиске ответов на извечные вопросы. *Демографическое обозрение*, 10(1), 44–78. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17260>

Синельников, А. Б. (2009). Трансформация семьи и развитие общества. *Демоскоп Weekly*, 373–374. <https://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/biblio01.php> (дата обращения: 29.01.2026).

Синельников, А. Б. (2019). Трансформация брака и рождаемости в России. *Народонаселение*, 22(2), 26–39. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00013>

Соловьев, А. И., Соловьев, С. А. (2018). О подходах к анализу демографических данных с использованием машинного обучения. *Современные информационные технологии и ИТ-образование*, 14(4), 947–959. <https://doi.org/10.25559/SITITO.14.201804.947-959>

Тольц, М. С. (2020). О влиянии брачного статуса на рождаемость. *Демоскоп Weekly*, 871–872. <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/nauka03.php> (дата обращения: 29.01.2026).

Хокшильд А. Р., Мачун Э. (2020). *Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме*. М.: Издательский Дом ВШЭ, 368.

Шубат, О. М., Багирова, А. П. (2018). Экономические детерминанты рождаемости в России: оценка потенциала воздействия. В *Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: IX Уральский демографический форум: международная научная конференция (8–9 июня 2018 г.)* (с. 461–473). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 704.

Balbo, N., Billari, F., Mills, Melinda. (2013). Fertility in Advanced Societies: A Review of Research. *European journal of population*, 29, 1–38. <https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y>

References

Arkhangelsky, V. N., Zinkina, Y. V., & Shulgin, S. G. (2019). Fertility differentiation according to female education levels in Russia: current situation and forecast scenarios. *Narodonaselenie [Population]*, 22(1), 21–39. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00002> (In Russ.)

Balbo, N., Billari, F., Mills, Melinda. (2013). Fertility in Advanced Societies: A Review of Research. *European journal of population*, 29, 1–38. [10.1007/s10680-012-9277-y](https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y).

Hochschild, A. R., Machung, A. (2020). *Vtoraia smena. Rabotaiushchie semi i revoliutsiia v dome [The Second Shift. Working Families and the Revolution at Home]*. Moscow: HSE Publishing House, 368. (In Russ.)

Kumo, K. (2023). Does the probability of having a child depend on the level of wealth and its subjective perception in Russian households: in search of answers to eternal questions. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 10(1), 44–78. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17260> (In Russ.)

Shubat, O. M., Bagirova, A. P. (2018). Economic Determinants of Russian Fertility: an Assessment of the Potential Impact. In *Demograficheskaya i semeinaya politika v kontekste tselei ustoychivogo razvitiia: IX Uralskii demograficheskii forum: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (8–9 iyunia 2018 g.)* [Proceedings of the Fifth Urals demographic forum with the international participation (June 8–9, 2018)] (pp. 461–473). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 704. (In Russ.)

Sinelnikov, A. B. (2009). Family transformation and social development. *Demoscope Weekly*, 373–374. <https://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/biblio01.php> (Accessed: 29.01.2026). (In Russ.)

Sinelnikov, A. B. (2019). Transformation of marriage and fertility in Russia. *Narodonaselenie [Population]*, 22 (2), 26–39. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00013> (In Russ.)

Solov'ev, A. I. & Solov'ev, S. A. (2018). On approaches to analyzing demographic data using machine learning. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie [Modern Information Technologies and IT-Education]*, 14 (4), 947–959. DOI: 10.25559/SITITO.14.201804.947–959 (In Russ.)

Tol'sc, M. C. (2020). The impact of marital status on fertility. *Demoscope Weekly*, 871–872. <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/nauka03.php> (Accessed: 29.01.2026). (In Russ.)

Vakulenko, E. S. (2023). Effects of Period, Age and Cohort in the Dynamics of the Birth Rate in Russia in 1990–2021. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 2, 258–281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2357> (In Russ.)

Захарова Мария Сергеевна — магистрант, образовательная программа «Информационная бизнес-аналитика», экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет; (Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, e-mail: 21mymay@gmail.com).

Колычева Валерия Андреевна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра статистики, учета и аудита, ведущий научный сотрудник, Центр эконометрики и бизнес-аналитики (ЦЭБА), экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет; <https://orcid.org/0000-0003-0619-4523> (Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, e-mail: v.kolycheva@spbu.ru).

Maria S. Zakharova — master's student, Saint Petersburg State University; (7–9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation, e-mail: 21mymay@gmail.com).

Valeria A. Kolycheva — Candidate of Economics, Associate Professor, Lead Research Fellow, Saint Petersburg State University; <https://orcid.org/0000-0003-0619-4523> (7–9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation, e-mail: v.kolycheva@spbu.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 305, 314

JEL J11, J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-4-8>

Экономические аспекты: «стоимость» ребенка и репродуктивные установки молодежи¹

Т. А. Камарова ^а, Н. В. Тонких ^б

^а Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-0087-9310>

^б Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-2957-7607>

Автор для корреспонденции: Т.А. Камарова (kta@usue.ru).

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам формирования репродуктивных установок молодежи. Цель исследования заключается в выявлении мнений молодежи о стоимости содержания ребенка и их взаимосвязи с репродуктивными планами. Предметом исследования являются репродуктивные установки молодого поколения в отношении желаемого и ожидаемого количества детей, исходя из их жизненных условий. В рамках статьи анализируется мнение молодежи о количестве детей, которое они хотели бы иметь при наличии всех необходимых условий, а также о количестве детей, которое они ожидают в контексте текущей жизненной ситуации. Проводится сравнительный анализ родительских установок в двух группах респондентов: первая группа включает молодых людей, считающих, что для содержания ребенка необходим высокий дополнительный доход, в то время как во вторую группу входят респонденты, полагающие, что высокий дополнительный доход для рождения ребенка не требуется. Авторами выдвинута гипотеза о существовании различий в репродуктивных установках молодежи, обусловленных мнениями о необходимых размерах дополнительных доходов для содержания ребенка. Основной метод исследования — социологический опрос, который был проведен в 2023 г. по стандартной технологии онлайн-анкетирования. Для реализации поставленных исследовательских задач из общего числа анкет были отобраны респонденты в возрасте от 20 до 35 лет, не имеющие детей, финальная выборка составила 760 респондентов. Результаты исследования позволили оценить репродуктивные установки в группах молодежи с различными мнениями о стоимости содержания ребенка. Обоснован вывод о необходимости развития информационной политики, направленной на повышение уровня осведомленности молодежи о доступных льготах, пособиях и возможностях, связанных с рождением ребенка и созданием семьи.

Ключевые слова: репродуктивные установки; рождаемость; молодежь; демография; содержание ребенка.

Economic Aspects: the «cost» of a Child and the Reproductive Attitudes of Young People

T. Kamarova ^а, N. Tonkikh ^б

^а Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0003-0087-9310>

^б Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0003-2957-7607>

Corresponding author: T.A. Kamarova (kta@usue.ru).

¹ © Камарова Т. А., Тонких Н. В. Текст. 2026.

Abstract. *This article examines current issues in the development of youth reproductive attitudes. The aim of the study is to identify young people's opinions on the cost of raising a child and how these opinions relate to their reproductive plans. The study examines the younger generation's reproductive attitudes regarding the desired and expected number of children, based on their living conditions. The article analyzes young people's opinions on the number of children they would like to have, given all the necessary conditions, as well as the number of children they expect given their current life situation. A comparative analysis of parental attitudes is conducted in two groups of respondents: the first group includes young people who believe that a high additional income is necessary to support a child, while the second group includes respondents who believe that a high additional income is not necessary to have a child. The authors hypothesize that differences exist in young people's reproductive attitudes based on their opinions on the amount of additional income necessary to support a child. The primary research method was a sociological survey conducted in 2023 using standard online questionnaire technology. To address the research objectives, respondents aged 20 to 35 who did not have children were selected from the total number of questionnaires, resulting in a final sample of 760 respondents. The study's results allowed us to assess reproductive attitudes in groups of young people with varying opinions regarding the cost of raising a child. This study substantiates the need to develop an information policy aimed at raising young people's awareness of available benefits, allowances, and opportunities related to having a child and starting a family.*

Keywords: reproductive settings; birth rate; youth; demography; child support.

Введение

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается демографический кризис, характеризующийся сокращением уровня рождаемости ниже простого воспроизводства, высокой смертностью, включая показатели среди трудоспособного населения, что в свою очередь способствует устойчивому сокращению численности населения и оказывает значительное влияние на безопасность государства. Одной из причин снижения рождаемости является трансформация ценностных приоритетов среди молодежи. Приоритетными ценностями современного молодого поколения становятся индивидуальное благополучие, удовлетворение собственных потребностей, карьерные достижения и путешествия, в то время как ценность родительства уходит на второй план. В связи с этим актуальность исследования репродуктивных планов молодежи, как социально значимой демографической группы, возрастает. Изменение ценностных ориентаций современной молодежи способствует тенденции откладывания рождения детей на более поздний срок или даже к полному отказу от родительства, что может привести к снижению репродуктивного потенциала населения. Вот почему репродуктивные стратегии молодежи требуют внимательного анализа и своевременного реагирования со стороны государственных структур. Актуальность данного исследования обусловлена также существующим устойчивым мнением среди молодежи о «высокой стоимости» содержания ребенка, что в свою очередь негативно влияет на принятие решения о рождении детей.

Цель исследования заключается в выявлении мнений молодежи о стоимости содержания ребенка и их взаимосвязи с репродуктивными планами. Предметом исследования являются репродуктивные установки молодого поколения в отношении желаемого и ожидаемого количества детей, исходя из их жизненных условий. С учетом цели исследования были поставлены задачи:

- проведение анализа мнений респондентов относительно необходимого уровня дополнительного дохода для рождения и содержания ребенка;

— сравнительный анализ мнений молодежи о желаемом и ожидаемом количестве детей в контексте текущей жизненной ситуации в двух группах респондентов. Первая группа включает молодых людей, которые полагают, что для обеспечения содержания ребенка необходим высокий дополнительный доход. Во вторую группу входят респонденты, считающие, что высокий дополнительный доход для рождения ребенка не требуется.

Авторами выдвинуты следующие рабочие гипотезы:

— у значительной части молодежи существует мнение о высокой стоимости содержания ребенка;

— мнения о количестве желаемых и ожидаемых детей в группах респондентов, считающих, что для содержания ребенка необходим высокий дополнительный доход, будут отличаться от мнений респондентов, полагающих, что высокий дополнительный доход для рождения ребенка не требуется.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы при развитии информационной политики, направленной на повышение уровня осведомленности молодежи о мерах демографической политики, доступных льготах, пособиях и возможностях, связанных с рождением ребенка и созданием семьи. Что в свою очередь сможет способствовать положительной коррекции репродуктивных планов молодежи.

Обзор литературы

Вопросы репродуктивных установок населения являются предметом научного исследования на протяжении длительного времени и приобретают особую актуальность в современных условиях. Ученые в своих работах исследуют репродуктивные установки (Якушина, 2025), уделяя повышенное внимание перспективным представлениям о желаемом количестве детей, которое рассматривается как оптимальное в идеальных условиях, и том количестве детей, которое реализуется в текущих социально-экономических обстоятельствах (Медведева и др., 2025), (Евстифеева, 2024), (Ярашева и др., 2025). Необходимость исследования репродуктивных планов населения важна для оценки прогнозирования рождаемости. Так, авторский коллектив в своих исследованиях дает оценку использования данных о репродуктивных намерениях населения для прогнозирования рождаемости в долгосрочной перспективе, что позволяет расширить методические основания прогнозирования рождаемости населения (Архангельский и др., 2025). Результаты исследования ученых имеют практическое значение для совершенствования эффективности семейно-демографической политики в России.

В исследованиях факторов, влияющих на уровень рождаемости выявлены различия в интенсивности влияния в зависимости от очередности рождения детей. Так, при рождении первого и второго ребенка ключевую роль играют экономические условия, такие как общая экономическая ситуация и уровень материального благополучия (доходов); для рождения третьего и последующих детей значительное влияние оказывают факторы, связанные с обеспечением жильем и трудоустройством (Козлова и др., 2024).

Л.Э. Панкратова и Т.В. Пермякова в своих работах провели ранжирование факторов реализации репродуктивных стратегий, выделив несколько групп:

«макрофакторы» включают меры государственной поддержки, наличие жилья, автомобиля и уровень материального обеспечения; «мезофакторы» охватывают влияние социального окружения и средств массовой информации; «микрофакторы» связаны с представлениями о психологической готовности к родительству (Панкратова & Пермякова, 2025).

О.В. Бессчетнова в исследованиях семейных ценностей и репродуктивных установок современной студенческой молодежи подчеркивает, что молодые люди откладывают вступление в брак и рождение детей на более поздний возраст из-за ряда факторов. К основным факторам, способствующим этому явлению, относятся высокая степень ответственности молодежи, обусловленная неопределенностью и рисками в сфере образования, труда и занятости, а также ответственный подход к обеспечению своего будущего и жизни своих детей (Бессчетнова, 2025).

Репродуктивные установки молодежи, как перспективной и потенциальной социально-демографической группы населения в контексте рождаемости, представляют особый интерес для научного сообщества. М.В. Мезенева подчеркивает значимость материального положения как ключевого аспекта, оказывающего влияние на особенности репродуктивного поведения молодых семей (Мезенева, 2010). Экономические аспекты, такие как отсутствие стабильного дохода и собственного жилья, являются существенными факторами, препятствующими реализации репродуктивных установок у учащейся молодежи, что отмечают О.И. Марар и Л.В. Коваль (2022).

Таким образом, можно отметить значительное количество научных работ, посвященных репродуктивным установкам молодежи, где важным аспектом при решении о рождении ребенка выступают экономические аспекты. Несмотря на большой пласт исследований о репродуктивных планах молодежи, отсутствуют исследования о влиянии стоимости содержания ребенка на репродуктивные установки молодежи.

Материалы и методы

В данной работе были использованы методы социологического исследования, включая онлайн-анкетирование, а также методы обобщения, сравнительного и сопоставительного анализа. Настоящая работа является продолжением цикла исследований по вопросам рождаемости и занятости. Эмпирической базой послужили данные социологического опроса, который был проведен в 2023 г. среди репродуктивного населения Российской Федерации, общая выборка составила 3 890 человек. Молодежь в нашей стране — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Для решения поставленных задач настоящего исследования из общей выборки были отобраны анкеты респондентов от 20 до 35 лет, не имеющих детей на момент опроса.

Для выявления мнений респондентов относительно необходимого уровня дополнительного дохода для рождения и содержания ребенка в анкете предусмотрен вопрос: «На ваш взгляд, какой дополнительный ежемесячный доход нужен вашей семье для рождения ребенка?». По результатам ответа на вопрос из общего количества респондентов были выделены две группы (табл. 2):

первая группа: респонденты с высоким доходом, т. е. респонденты, которые при ответе на вопрос выбрали варианты: 70–89 тыс. руб., 90–100 тыс. руб. и свыше 100 тыс. руб.;

вторая группа: респонденты с низким доходом, т. е. респонденты, которые при ответе на вопрос выбрали варианты — до 10 тыс. руб., 10–19 тыс. руб. и 20–29 тыс. руб.

Исследовательские задачи были рассмотрены как в общей выборке респондентов, так и в разрезе возрастных групп: 20–25 лет, 26–30 лет и 31–35 лет. Характеристика респондентов представлена в таблице 1.

Результаты

Результаты мнений респондентов о необходимом дополнительном размере дохода для рождения ребенка представлены в таблице 2. Можно отметить, что наибольшая доля респондентов считает, что дополнительный доход на содержание ребенка должен быть свыше 100 тыс. руб., данные ответы прослеживаются как среди всех респондентов, так и в структуре ответов в каждой исследуемой возрастной группе. Следует отметить, что среди респондентов в возрасте 20–25 лет ни один участник не выбрал вариант ответа «до 10 тыс. руб.», в то время как в возрастной группе 31–35 лет доля таких ответов составила 3,5 %.

Для выявления репродуктивных планов молодежи был задан вопрос: «Планируете ли вы рождение ребенка/детей?», по результатам ответов можно сделать вывод, что среди всех респондентов планируют рождение ребенка 68,8 %, не планируют — 25,4 %. Также было установлено, что среди респондентов в возрастных группах 20–25 лет и 26–30 лет доля тех, кто не планирует рождение ребенка составляет по 39,9 % в тех группах респондентов, которые считают, что на содержание ребенка необходим высокий дополнительный доход. В то же

Таблица 1

Характеристика респондентов, %

Показатель	Значение
Гендерная структура	
мужчины	62,2
женщины	37,8
Возрастная структура	
20–25	53,5
26–30	27,0
31–35	19,5
Семейная структура	
есть партнер/партнерша, встречаемся, но вместе не живем (не женаты)	15,1
женат/замужем (официальный брак, загс)	15,6
живу вместе с партнером (гражданский брак), считаем себя мужем и женой	6,6
живу вместе с партнером, но не считаем себя мужем и женой	7,1
не женат/не замужем (ни с кем не встречаюсь)	54,9
официально зарегистрированы, но живем раздельно	0,5
другое	0,2

Источник: составлено авторами по результатам социологического опроса.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «На ваш взгляд, какой дополнительный ежемесячный доход нужен вашей семье для рождения ребенка?», %

Показатель	Все респонденты	Респонденты в возрасте 20–25 лет	Респонденты в возрасте 26–30 лет	Респонденты в возрасте 31–35 лет
до 10 тыс. руб.	1,1	0,0	1,7	3,5
10–19 тыс. руб.	5,9	7,7	2,5	5,9
20–29 тыс. руб.	14,0	12,4	19,5	10,6
30–49 тыс. руб.	14,6	13,2	9,3	25,9
50–69 тыс. руб.	20,6	22,6	21,2	14,1
70–89 тыс. руб.	11,4	12,0	10,2	11,8
90–100 тыс. руб.	8,5	9,8	6,8	7,1
свыше 100 тыс. руб.	23,8	22,2	28,8	21,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами по результатам социологического опроса.

время среди респондентов указанных возрастных групп, считающих, что для содержания ребенка достаточно небольшого дополнительного дохода, доля тех, кто не планирует рождение ребенка, составляет 8,5 %, что в 4,7 раз меньше по сравнению с теми, кто полагает, что для содержания ребенка необходим высокий дополнительный доход (табл. 3). В возрастной группе 31–35 лет доля респондентов, не планирующих рождение ребенка составляет 23,5 % среди тех, кто считает, что достаточно небольшого дополнительного дохода на содержание ребенка, в то же время среди респондентов, считающих, что доход должен быть высоким, этот показатель незначительно ниже и составляет 17,6 %.

Для выявления желаемого количества детей и того количества детей, которое они собираются иметь, респондентам были заданы следующие вопросы: «Сколько детей вы хотели бы иметь при наличии всех необходимых условий?» и «Сколько всего детей вы собираетесь иметь в текущих условиях жизни?». Результаты анализа общей выборки показали, что желаемое количество детей отличается от того количества, которое респонденты ожидают с учетом всех жизненных обстоятельств. Так, 41,4 % респондентов указали, что желали бы двоих детей, но при этом только 23,3 % респондентов планируют иметь такое количество детей в текущих условиях жизни. Аналогичные результаты в отношении трех детей и более — то, что это желательное количество детей считают 10,8 %, а вот ожидают такое количество только 3,9 % всех респондентов.

Анализ репродуктивных установок среди респондентов, разделенных на группы в зависимости от их мнения о необходимом уровне дополнительного дохода для содержания ребенка (высокий или низкий), а также с учетом возрастных категорий, представлен в таблицах 4, 5 и 6.

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод, о том, что желательное количество детей, которое респонденты хотели бы иметь при всех необходимых условиях, существенно отличается от ожидаемого количества детей, которое они планируют в настоящих жизненных обстоятельствах. В частности, среди всех рассматриваемых категорий респондентов наблюдается преобладание доли тех,

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Планируете ли вы рождение ребенка/детей?», %

Показатель	Респонденты в возрасте 20–25 лет			Респонденты в возрасте 26–30 лет			Респонденты в возрасте 31–35 лет		
	Все респон- денты	Респон- денты с высо- ким дохо- дом*	Респон- денты с низ- ким дохо- дом**	Все респон- денты	Респон- денты с высо- ким дохо- дом*	Респон- денты с низ- ким дохо- дом**	Все респон- денты	Респон- денты с высо- ким дохо- дом*	Респон- денты с низ- ким дохо- дом**
ПЛАНИРУЮ	65,8	53,4	87,2	65,8	53,4	87,2	71,7	73,5	64,7
да, уже ждем/жду ребенка	3,4	1,0	0,0	3,4	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
да, планирую в бли- жайшие 2–3 года	12,4	9,7	19,1	12,4	9,7	19,1	18,8	20,6	17,6
планирую, но пока не знаю когда	50,0	42,7	68,1	50,0	42,7	68,1	52,9	52,9	47,1
НЕ ПЛАНИРУЮ	28,2	39,9	8,5	28,2	39,9	8,5	22,4	17,6	23,5
не планирую, не по- зволяет состояние здоровья	0,4	1,0	0,0	0,4	1,0	0,0	2,4	5,9	0,0
желания иметь де- тей не имел(а) и не имею, я сторонник бездетности	0,4	1,0	0,0	0,4	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
не планирую	27,4	37,9	8,5	27,4	37,9	8,5	20,0	17,6	23,5
ДРУГОЙ ОТВЕТ	6,0	6,8	0,0	6,0	6,8	0,0	5,9	2,9	11,8
трудно сказать	5,6	5,8	4,3	5,6	5,8	4,3	5,9	2,9	11,8
другое	0,4	1,0	0,0	0,4	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено автором по результатам социологического опроса.

Примечание: здесь и далее:

*респонденты с высоким доходом — это респонденты, которые на вопрос: «На ваш взгляд, какой дополнительный ежемесячный доход нужен вашей семье для рождения ребенка?» отметили варианты ответов: 70–89 тыс. руб., 90–100 тыс. руб. и свыше 100 тыс. руб.

**респонденты с низким доходом — это те респонденты, которые на вопрос: «На ваш взгляд, какой дополнительный ежемесячный доход нужен вашей семье для рождения ребенка?» отметили варианты ответов: до 10 тыс. руб., 10–19 тыс. руб. и 20–29 тыс. руб.

Таблица 4

Структура ответов респондентов в возрасте 20–25 лет о желательном и ожидаемом количестве детей в зависимости от оценок стоимости содержания детей, %

	Желаемое количество детей	Ожидаемое количество детей	Желаемое количество детей	Ожидаемое количество детей	Желаемое количество детей	Ожидаемое количество детей
Одного ребенка	23,9	20,1	21,4	12,6	27,7	27,7
Двух детей	46,6	24,8	50,5	31,1	48,9	23,4
Трех детей и более	11,1	3,0	7,8	1,0	10,6	2,1
Ни одного	2,6	21,8	3,9	30,1	0,0	12,8
Трудно сказать	15,8	30,3	16,5	25,2	12,8	34,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено автором по результатам социологического опроса.

Таблица 5

Структура ответов респондентов в возрасте 26–30 лет о желательном и ожидаемом количестве детей в зависимости от оценок стоимости содержания детей, %

Показатель	Все респонденты		Респонденты с высоким доходом		Респонденты с низким доходом	
	Желаемое количество детей	Ожидаемое количество детей	Желаемое количество детей	Ожидаемое количество детей	Желаемое количество детей	Ожидаемое количество детей
Одного ребенка	28,8	28,0	25,9	27,8	39,3	32,1
Двух детей	31,4	18,6	31,5	20,4	32,1	17,9
Трех детей и более	11,0	7,6	7,4	5,6	3,6	3,6
Ни одного	6,8	16,1	11,1	14,8	0,0	10,7
Трудно сказать	22,0	29,7	24,1	31,5	25,0	35,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено автором по результатам социологического опроса.

Таблица 6

Структура ответов респондентов в возрасте 31–35 лет о желательном и ожидаемом количестве детей в зависимости от оценок стоимости содержания детей, %

Показатель	Все респонденты		Респонденты с высоким доходом		Респонденты с низким доходом	
	Желаемое количество детей	Ожидаемое количество детей	Желаемое количество детей	Ожидаемое количество детей	Желаемое количество детей	Ожидаемое количество детей
Одного ребенка	25,9	23,5	35,3	26,5	29,4	35,3
Двух детей	41,2	25,9	47,1	20,6	29,4	29,4
Трех детей и более	9,4	1,2	5,9	2,9	11,8	0,0
Ни одного	8,2	20,0	0,0	20,6	17,6	17,6
Трудно сказать	15,3	29,4	11,8	29,4	11,8	17,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено автором по результатам социологического опроса.

кто считает желательным наличие двух, трех и более детей, по сравнению с долей ответов в аналогичных группах, указавших на ожидаемое количество двух, трех и более детей. Так, среди респондентов возрастной группы 20–25 лет, считающих, что для содержания детей необходим значительный дополнительный доход, доля тех, кто называет желательным для себя рождение двух детей, составила 50,5 %. Среди респондентов, считающих, что на детей достаточно небольшого дохода, этот показатель составил 48,9 %. В этих же группах респондентов наблюдаются различия в ожидаемом количестве детей: 19,4 % и 25,5 % соответственно указывают, что в текущих условиях ожидают рождения двух детей.

Результаты опроса вызывают обеспокоенность в контексте ответов респондентов, указывающих на намерение не иметь детей. Наибольшая частота выбора бездетности отмечается в группах респондентов 20–25 лет и 31–35 лет.

Заключение

По результатам проведенного исследования подтверждено устойчивое мнение среди молодежи о «высокой стоимости» содержания ребенка: 23,8 % всех респондентов считает, что для рождения ребенка необходим ежемесячный дополнительный доход свыше 100 000 руб.; среди респондентов в возрасте 22–25 лет эта доля составила 22,2 %, в возрасте 25–30 лет — 28,8 %, в возрастной группе респондентов в возрасте 26–30 лет — 21,2 %. В ходе исследования репродуктивных планов молодежи было установлено, что значительная доля респондентов, не планирующих рождение ребенка, относится к категории тех, кто считает, что для содержания ребенка требуется значительный дополнительный доход. Результаты исследования свидетельствуют о влиянии экономических факторов на принятие решений о рождении ребенка.

В ходе исследования было установлено, что среди представителей молодого поколения фактор «стоимости ребенка» оказывает значительное влияние на репродуктивные установки. Наблюдается прямая зависимость: чем выше респонденты оценивают необходимые дополнительные расходы, связанные с рождением ребенка, тем более выраженной становится разница между желаемым и ожидаемым количеством детей.

Полученные результаты подчеркивают необходимость реализации информационной кампании и разработки информационной политики, направленной на повышение уровня осведомленности молодежи о доступных льготах, пособиях и возможностях, связанных с рождением ребенка и созданием семьи. Несмотря на то, что в настоящее время уделяется большое внимание со стороны государства поддержке молодых семей, исследования, проведенные авторами, выявляют низкий уровень осведомленности среди молодежи о мерах государственной поддержки для детей и молодых семей (Камарова и др., 2025). Повышение осведомленности о таких мерах может способствовать смягчению экономических аспектов, связанных с восприятием стоимости содержания ребенка, что в свою очередь может положительно сказаться на репродуктивных установках молодежи.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №22-18-00614-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00614>).

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant (the project No. 22-18-00614-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00614>).

Список источников

Архангельский, В. Н., Козлова, О. А., Калачикова, О. Н. (2025). Значимость исследований репродуктивных намерений населения для прогнозирования рождаемости. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 18(3), 223–235. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.12>

Бессчетнова, О. В. (2025). Семейные ценности и репродуктивные установки современной студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать. *Вопросы управления*, 19(2), 17–31.

Евстифеева, Г. Г. (2024). Репродуктивные планы населения Владимирской области. В *Российская государственность в геополитическом пространстве XXI века: конкурен-*

ция, партнерство, ценности: материалы XI Научно-практической конференции по исследованию российской государственности (с. 125–132). Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 201.

Камарова, Т. А., Тонких, Н. В., Кокшарова, В. М. (2025). Оценка роли финансовой грамотности молодежи и государственной поддержки в контексте молодого родительства. *Вестник Евразийской науки*, 17(6). <https://esj.today/PDF/15ECVN625.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).

Козлова, О. А., Макарова, М. Н., Архангельский, В. Н. (2024). Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России. *Уровень жизни населения регионов России*, 20(1), 76–90. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90

Марар, О. И., Коваль, Л. В. (2022). Репродуктивные установки у учащейся молодежи (на примере Воронежского региона). *Регион: системы, экономика, управление*, 4(59), 81–89. <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2022-59-4-81-89>

Медведева, Е. И., Крошилин, С. В., Авачева, Т. Г. (2025). Ориентация молодежи на рождение детей: возможность достижения демографических показателей России. *Социальное пространство*, 11(2). <https://doi.org/10.15838/sa.2025.2.46.3>

Мезенева, М. В. (2010). Влияние материального положения на репродуктивные установки молодой семьи (на примере Вологодской области). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 1, 372–380. EDN: MVUBXR

Панкратова, Л. Э., Пермьякова, Т. В. (2025). Факторы реализации репродуктивных стратегий студентов. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 5(98), 54–64. <https://doi.org/10.69571/SSPU.2025.98.5.005>

Якушина, Н. В. (2025). Репродуктивные установки: проблема смещения ценностных ориентиров. В *Трансформация социальных коммуникаций в эпоху глобализации: Сборник статей международной научно-практической конференции* (с. 226–234). Орел: ООО «Горизонт», 235. EDN: BPNYTT

Ярашева, А. В., Кулешов, С. М., Козырев, Н. А. (2025). Факторы влияния на репродуктивные установки россиян: социологический срез. *Народонаселение*, 28(4), 69–79. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-4-68-79>

References

Arkhangelskiy, V. N., Kozlova, O. A., & Kalachikova, O. N. (2025). The importance of research on reproductive intentions for fertility forecasting. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 18(3), 223–235. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.12> (In Russ.)

Besschetnova, O. V. (2025). Family values and modern students reproductive attitudes: giving birth cannot be postponed. *Voprosy upravleniia [Management Issues]*, 19(2), 17–31. (In Russ.)

Evstifeeva, G. G. (2024). Reproductive plans of the population of the Vladimir region. In *Rossiiskaia gosudarstvennost' v geopoliticheskom prostranstve XXI veka: konkurentsia, partnerstvo, tsennosti: materialy XI Nauchno-prakticheskoi konferentsii po issledovaniiu rossiiskoi gosudarstvennosti [Russian statehood in the geopolitical space of the XXI century: Competition, partnership, values: Proceedings of the XI Scientific and Practical Conference on the Study of Russian Statehood]* (pp. 125–132). Vladimir: Vladimir branch of RANEPa, 201. (In Russ.)

Kamarova, T. A., Tonkikh, N. V., & Koksharova, V. M. (2025). Assessing the role of youth financial literacy and government support in the context of young parenthood. *Vestnik Evraziiskoi nauki [The Eurasian Scientific Journal]*, 17(6). <https://esj.today/PDF/15ECVN625.pdf> (Accessed: 30.01.2026). (In Russ.)

Kozlova, O. A., Makarova, M. N., & Arkhangel'skii, V. N. (2024). Methodological approach to assessing the factorial influence on fertility in Russia. *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 20(1), 76–90. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90 (In Russ.)

Marar, O. I., & Koval, L. V. (2022). Reproductive installations of student youth (by the example of the Voronezh region). *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie [Region: Systems, Economy, Management]*, 4(59), 81–89. <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2022-59-4-81-89> (In Russ.)

Medvedeva, E. I., Kroshilin, S. V., & Avacheva, T. G. (2025). Youth's attitudes toward having children: possibility of achieving Russia's demographic indicators. *Sotsial'noe prostranstvo [Social Area]*, 11(2). <https://doi.org/10.15838/sa.2025.2.46.3> (In Russ.)

Mezenева, M. V. (2010). Impact of material welfare on reproductive attitudes of a young family as exemplified by Vologda oblast. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, (1), 372–380. EDN: MVUBXR (In Russ.)

Pankratova, L. E., & Permiakova, T. V. (2025). Faktory realizatsii reproduktivnykh strategii studentov [Factors in the implementation of students' reproductive strategies]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [The Surgut State Pedagogical University Bulletin]*, 5(98), 54–64. <https://doi.org/10.69571/SSPU.2025.98.5.005> (In Russ.)

Yakushina, N. V. (2025). Reproductive attitudes: The problem of shifting value orientations]. In *Transformatsiia sotsial'nykh kommunikatsii v epokhu globalizatsii: Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Transformation of social communications in the era of globalization: Collection of articles of the international scientific and practical conference]* (pp. 226–234). Orel: Gori-umbrella LLC, 235. EDN: BPNYTT (In Russ.)

Yarasheva, A. V., Kuleshov, S. M., & Kozyrev, N. A. (2025). Factors influencing the reproductive attitudes of Russians: A sociological analysis. *Narodonaselenie [Population]*, 28(4), 69–79. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-4-68-79> (In Russ.)

Камарова Татьяна Александровна — кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет; <https://orcid.org/0000-0003-0087-9310> (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45; e-mail: kta@usue.ru).

Тонких Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет; <https://orcid.org/0000-0003-2957-7607> (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45; e-mail: nvvorob1@mail.ru).

Tatiana A. Kamarova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Ural State University of Economics; <https://orcid.org/0000-0003-0087-9310> (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli Str., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation, e-mail: kta@usue.ru).

Natalya V. Tonkikh — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Laboratory, Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics; <https://orcid.org/0000-0003-2957-7607> (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli Str., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation, e-mail: nvvorob1@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК: 316.36

JEL classification: J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-4-9>

Репродуктивные установки студенческой молодежи Северного Кавказа¹

Т. К. Ростовская^а, А. В. Пачин^б

^а Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

^б Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва, Россия)

<https://orcid.org/0009-0008-6441-6060>

Автор для корреспонденции: Т. К. Ростовская (rostovskaya.tamara@mail.ru)

Аннотация. Целью исследования является изучение особенностей репродуктивных установок студенческой молодежи регионов Северного Кавказа — регионов с традиционно высокой рождаемостью — путем выявления предпочтений респондентов относительно ожидаемого, желаемого и идеального числа детей, возраста заключения брака, возраста рождения детей, условий, необходимых для принятия решения о создании семьи и рождении детей. Согласно гипотезе исследования, респонденты считают наилучшим вариантом заключение брака и рождение детей в студенчестве, ориентированы на многодетную семью, однако для реализации своих репродуктивных планов нуждаются в финансовой стабильности и жилье. Удалось подтвердить решающую роль факторов финансового благополучия и жилья в реализации потребностей в семье и детях, ориентацию на заключение брака в студенческие годы, но не рождение детей, также не подтвердилась ориентация опрошенных на многодетность. Становится актуальным более углубленное изучение вопросов формирования репродуктивных установок у студенческой молодежи Северного Кавказа, в особенности — у членов студенческих семей.

Ключевые слова: студенческая молодежь; репродуктивные установки; брак; семья; дети.

Reproductive Attitudes of Students of the North Caucasus

T. Rostovskaya^а, A. Pachin^б

^а Institute of Social Demography, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

^б State Academic University of Humanities (Moscow, Russia)

<https://orcid.org/0009-0008-6441-6060>

Corresponding author: T. Rostovskaya (rostovskaya.tamara@mail.ru)

Abstract. The aim of the study is to study the peculiarities of the reproductive attitudes of students in the North Caucasus regions, regions with traditionally high birth rates, by identifying respondents' preferences regarding the expected, desired and ideal number of children, the age of marriage, the age of birth of children, the conditions necessary for making decisions about starting a family and having children. According to the hypothesis of the study, respondents consider marriage and having children as students to be the best option, they are oriented towards a large family, but they need financial stability and housing to realize their reproductive plans. It was possible to confirm the crucial role of financial well-being and housing factors in meeting the needs of families and children, the orientation towards marriage in student years, but not the birth of children, and the orientation of respondents towards having many children was also not confirmed. A more in-depth study of the formation of reproductive attitudes among students of the North Caucasus, especially among members of student families, is becoming relevant.

¹ © Ростовская Т. К., Пачин А. В. Текст. 2026.

Keywords. student youth; reproductive attitudes; marriage; family; children.

Введение

Вызовы в демографической ситуации, с которыми в настоящее время сталкивается Российская Федерация, широко освещаются в СМИ и активно обсуждаются в научных кругах. В фокусе внимания исследователей оказываются многочисленные демографические проблемы, особое место среди которых занимает изменение репродуктивных установок населения. На первый план выходит изучение репродуктивных установок молодежи, особенно студенческой молодежи, поскольку представители этой группы являются потенциальными родителями, их представления о семье и браке влияют на демографическую ситуацию в стране в целом. Многочисленные исследования показывают, что молодому поколению все чаще свойственно откладывать решение о создании семьи и рождении детей на неопределенный срок для обретения финансовой устойчивости и материального благополучия. Отложенное родительство снижает вероятность рождения в семье второго и последующих детей, что негативно отражается на общей демографической ситуации в стране.

Регионы Северного Кавказа выделяются на фоне остальных регионов России тем, что здесь суммарный коэффициент рождаемости выше, чем в других регионах и в целом по стране (например, в Чеченской Республике по итогам 2025 года он составил 2,596, в то время как в целом по России он был 1,374¹). С другой стороны, значения демографических показателей в регионах СКФО с каждым годом снижаются, что может быть связано в том числе и с изменениями репродуктивных установок жителей регионов.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что представители студенческой молодежи регионов Северного Кавказа чаще всего допускают заключение брака в студенчестве и готовы к рождению большого числа детей, однако препятствия на пути к созданию семьи в студенческие годы, связанные прежде всего с материальными трудностями и отсутствием собственного жилья, вынуждают их откладывать принятие решения о создании семьи и рождении детей на неопределенный срок.

Обзор литературы

Первые исследования репродуктивных установок населения начались в 30-х годах XX века в США — например, институтом общественного мнения Гэллага были опубликованы результаты опроса о том, сколько детей в семье американцы считают идеальным (Сивоплясова, 2022). К настоящему времени накоплены обширный теоретико-методологический и эмпирический материалы по теме репродуктивных установок индивидов, а также факторов, на них влияющих.

Сами по себе репродуктивные установки определяются по-разному. Например, А.И. Антонов определяет репродуктивные установки, как «психические состояния личности, обуславливающие взаимную согласованность разного рода

¹ Суммарный коэффициент рождаемости продолжил снижаться в 2025 году. Ведомости. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/23/1171174-summarnii-koeffitsient-rozhdaemosti-prodolzhit-snizhatsya> (дата обращения: 04.03.2025).

действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей» (Антонов & Медков, 1996). В. В. Бодрова под репродуктивными установками понимает систему «отношений и психических состояний личности, курс действий, направленных на рождение детей или отказ от них» (Бодрова, 2002). М. П. Зеленская и И. Б. Назарова считают, что репродуктивные установки — это «предвестник определенного (репродуктивного) поведения, связанного с поиском брачного партнера, созданием семьи и воспитанием детей, и в конечном итоге определяет картину воспроизводства населения и его качество» (Назарова & Зеленская, 2017). В целом в репродуктивные установки обычно включаются действия, отношения, общее психическое состояние человека, связанные с его отношением к браку, рождению и воспитанию детей (положительным или отрицательным) и в дальнейшем определяющие его репродуктивное поведение — ориентацию на создание семьи, рождение детей, или наоборот, отказ от создания семьи и откладывание беременности.

И для зарубежных, и для российских исследователей общепринятым считается выражать формирующую репродуктивную установку потребность в детях через систему трех показателей: идеальное, желаемое и ожидаемое число детей (Розенберг & Иванишко, 2021). Идеальное число детей определяет представления индивида о том, какое количество детей в семье является идеальным, если не учитывать конкретную жизненную ситуацию и личные предпочтения. Считается, что «данный показатель, по сути, отражает социальную норму детности, идеал семьи, формируемый в культуре и обществе». Желаемое число детей позволяет узнать, какое количество детей индивиду предпочтительнее иметь в семье согласно его личным наклонностям, но без учета личной биографии и конкретных жизненных обстоятельств. Наконец, ожидаемое число детей показывает, сколько детей «индивид «планирует» иметь в своей семье к концу своего репродуктивного периода» (Архангельский, 2006).

И зарубежные, и отечественные исследования репродуктивных установок индивидов позволяют заключить, что репродуктивные установки формируются и изменяются под воздействием внешних факторов. Снижение числа рождений на женщину связано с наличием конкурирующих целей, экономическими факторами, проблемами со здоровьем, доступностью детских садов и помощью по уходу за ребенком, а также сформированными социальными установками на родительство (Beaujouan & Berghammer, 2019). Установлено, что на размер семьи у молодого поколения влияют наследственность, условия социализации и наличие братьев и сестер в семье (Beaujouan & Solaz, 2019).

Обобщая опыт исследований репродуктивных установок, проведенных отечественными авторами, С. Ю. Сивоплясова выделяет пять основных направлений (Сивоплясова, 2022):

1. Взаимосвязь репродуктивных установок и уровня образования (Архангельский и др., 2020).
2. Взаимосвязь репродуктивных установок и материального благосостояния (Архангельский и др., 2021).
3. Взаимосвязь репродуктивных установок и реализации мер демографической политики (Попова & Шишкина, 2016).

4. Региональная специфика репродуктивных установок населения (Сиво-
плясова, 2022).

5. Мотивы осознанной бездетности (Белинская, 2018).

Исследования репродуктивных установок молодежи позволяют получить представление о том, какие факторы в наибольшей степени влияют на готовность молодых людей создать семью и родить детей. Можно привести в пример исследование Ю.Р. Вишневого, Я.В. Дидковской и О.Б. Зыряновой, установивших, что для молодого поколения ценность семьи сохраняется на довольно высоком уровне, при этом ярко выражена направленность на ответственное родительство: респонденты склонны откладывать заключение брака и рождение детей до того момента, пока не обретут финансовую устойчивость, собственное жилье и достаточно возможностей для самореализации. При наличии таких условий они готовы иметь более двух детей (Вишневский и др., 2024). Э. Наберкушина, О. Бессчетнова и О. Судоргин по результатам авторского исследования пришли к выводу, что молодое поколение, не отвергая ценность семьи и семейные ценности в целом, переосмысливает их значение с учетом текущих социальных, экономических и культурных реалий, в целом более терпимо относится к стереотипным представлениям о браке, рождении детей и традиционном распределении ролей в семье, а также активно поддерживает право на личное решение по ключевым вопросам семейной жизни (Наберушкина и др., 2024).

Учитывая неоднородность демографической ситуации в разных регионах Российской Федерации, что связано со специфическими особенностями каждого региона, возникает вопрос о том, насколько выявленные в ходе многочисленных исследований изменения репродуктивных установок молодежи, в том числе и студенческой молодежи, характерны для регионов Северного Кавказа? С одной стороны, традиционные семейные ценности, традиции многопоколенной семьи по-прежнему играют значимую роль в воспитании молодого поколения, формируя их представления о браке, семье и детях. С другой, регионы Северного Кавказа постепенно сталкиваются с той же самой проблемой, с которой столкнулись остальные регионы России — несмотря на высокий коэффициент рождаемости, его значение уменьшается год от года, что в свою очередь может быть связано в том числе и с изменениями репродуктивных установок студенческой молодежи.

Материалы и методы

С целью выявления ключевых особенностей репродуктивных установок студенческой молодежи регионов Северного Кавказа в период с октября 2025 по январь 2026 гг. был проведен анкетный опрос среди студентов учебных заведений среднего и высшего образования. География опроса включила в себя Ставропольский край, Карачаево-Черкесскую Республику, Республику Ингушетия, Республику Дагестан, Чеченскую Республику и Республику Северная Осетия — Алания. Общий объем выборочной совокупности составил 383 человека.

Исследование репродуктивных установок происходило через анализ ответов респондентов на вопросы об ожидаемом, желаемом и идеальном числе детей, предпочтительном возрасте вступления в брак и рождения детей, личной

готовности к заключению брака и рождению детей, необходимых условиях для создания семьи и рождения детей.

Результаты

Проведенный опрос показал, что чуть больше половины респондентов (56 %) ориентированы на то, чтобы в обозримом будущем создать семью, однако для принятия окончательного решения необходимо удовлетворение следующих условий: стабильный доход, наличие собственного жилья, наличие подходящего партнера/подходящей партнерши, достижение гармонии и взаимопонимания в отношениях, а также наличие постоянной работы (рис. 1).

Рассуждая о том, в каком возрасте лучше всего заключать брак, респонденты в большинстве своем выбрали интервалы «21–23 года» (35 %) и «24 года–26 лет» (36 %). Учитывая незначительную разницу в процентном соотношении между этими вариантами ответа, целесообразно говорить о едином интервале «21 год — 26 лет». Поскольку 21 год — это возраст студента третьего курса бакалавриата либо специалиста, можно заключить, что опрошенные положительно относятся к тому, чтобы заключать браки в период студенчества (рис. 2).

Более двух третей (87 %) респондентов планируют в будущем иметь детей. Факторы, влияющие на принятие респондентами решения о рождении детей, во многом идентичны тем, которые повлияли на принятие ими решения о создании семьи, однако в данном случае обладание личным автомобилем выступает более значимым фактором, чем наличие постоянной работы (рис. 3).

В то же самое время, лучшим возрастом для рождения детей большинство респондентов считают 24–26 лет. При этом, в отличие от возраста заключения

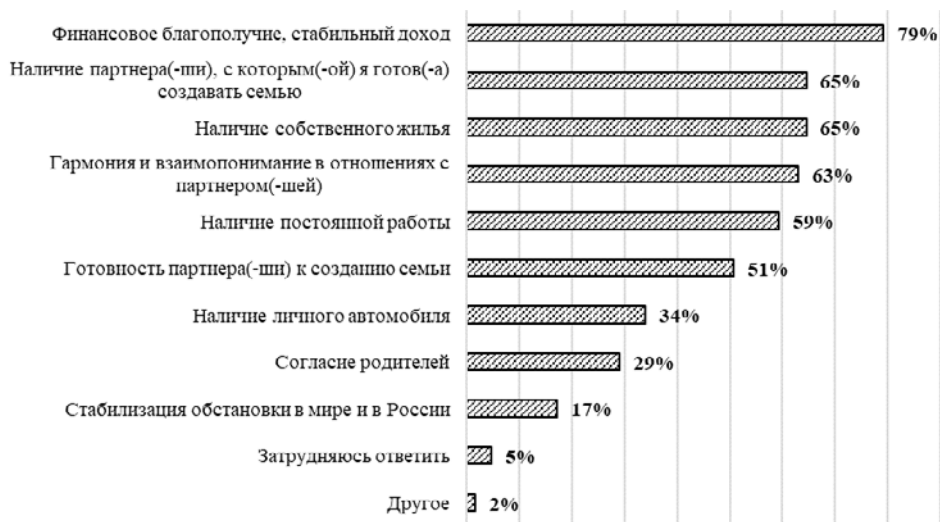

Рис. 1. Факторы, влияющие на принятие респондентами решения о том, чтобы создать семью, в % от числа опрошенных, планирующих создать семью (источник: составлено авторами по результатам исследования)

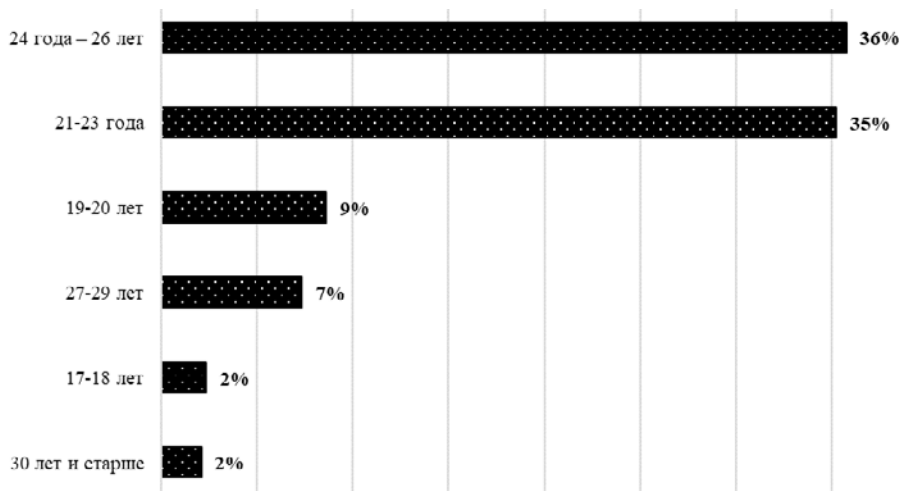

Рис. 2. Лучший возраст вступления в брак по мнению респондентов, в % от всех опрошенных (источник: составлено авторами по результатам исследования)

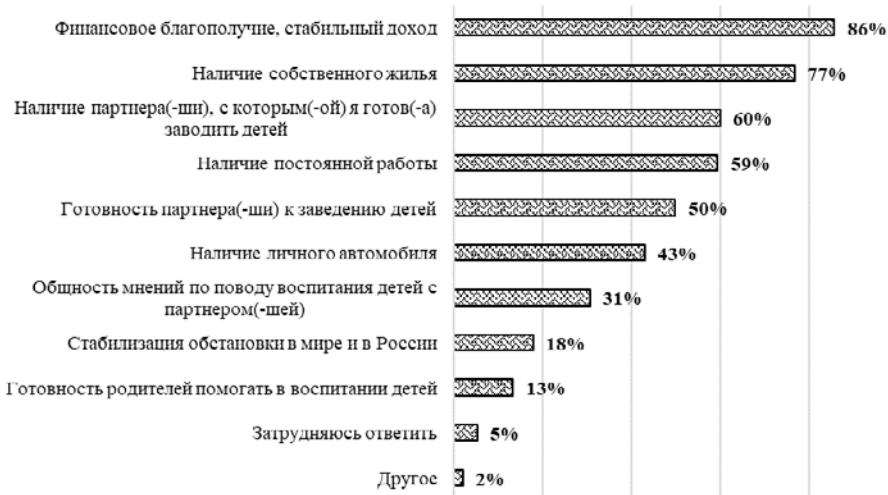

Рис. 3. Факторы, влияющие на принятие респондентами решения о том, чтобы иметь детей, в % от числа опрошенных, планирующих детей в будущем (источник: составлено авторами по результатам исследования)

брака, существует почти двукратный разрыв между вариантами «21–23 года» и «24–26 лет». Иными словами можно заключить, что вопрос о рождении ребенка опрошенные хотели бы отложить на период окончания обучения (рис. 4).

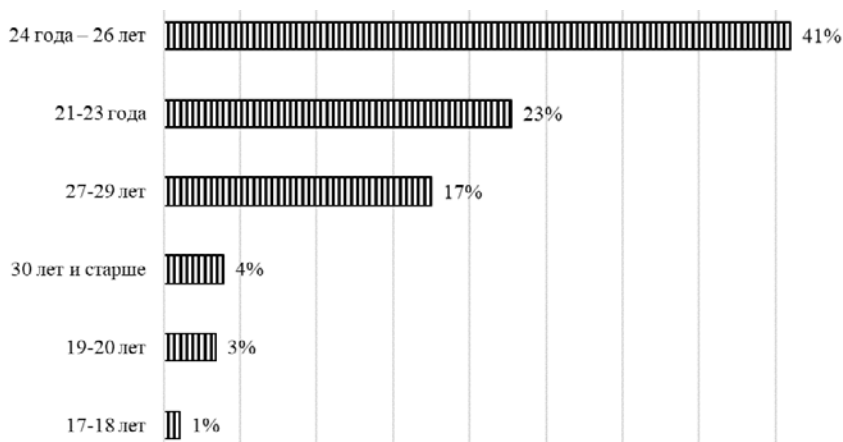

Рис. 4. Лучший возраст для рождения ребенка по мнению респондентов, в % от числа всех опрошенных (источник: составлено авторами по результатам исследования)

Большинство опрошенных (30 %) планируют иметь двоих детей в семье, при этом 28 % респондентов желали бы иметь троих детей. В то же самое время в качестве идеального числа детей респонденты в равной степени указывают и двоих, и троих детей (32 %). Тем самым можно заключить, что двухдетная модель семьи наиболее распространена среди респондентов, в то время как трехдетная семья выступает желательной при наличии сопутствующих факторов.

Обсуждение

Полученные результаты позволили частично подтвердить сформулированную нами гипотезу. Действительно, студенческий возраст (21 год и старше) считается респондентами наилучшим для заключения брака, однако рождение ребенка опрошенные скорее предпочли бы отложить до момента окончания обучения и получения образования. Главными условиями для принятия респондентами положительного решения о создании семьи и рождении детей действительно выступили преимущественно материальные факторы (постоянный доход, наличие жилья, постоянной работы, автомобиля), хотя социально-психологические — наличие надежной второй половинки и гармония в межличностных отношениях — играют не менее значимую роль. В то же время предположение об ориентации студенческой молодежи регионов Северного Кавказа на многодетную семью не подтвердилось: большинство опрошенных планируют иметь двоих детей, желательное и идеальное число детей, максимум трое.

Заключение

Полученные результаты актуализируют потребность в исследовании региональной специфики студенческой молодежи. Значимым становится изучение факторов, влияющих на восприятие семьи и семейных ценностей студенческой молодежи регионов Северного Кавказа, роли традиционных ценностей и религии в формировании репродуктивных установок. Положительное отношение

опрошенных к заключению брака в студенчестве делает перспективным проведение исследований, направленных на изучение репродуктивных установок той доли студенческой молодежи, которая уже успела заключить брак и создать семью во время обучения в университете — членов студенческих семей.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00140) на базе Института социальной демографии ФНИСЦ РАН.

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation (the project No 25-28-00140) on the basis of the Institute of Social Demography of the National Research Research Center of the Russian Academy of Sciences

Список источников

Антонов, А. И., А. И., Медков, В. М. (1996). *Социология семьи: учеб. пособие*. Москва: МГУ, 304.

Архангельский, В. Н. (2006). *Факторы рождаемости*. Москва: ТЕИС, 399.

Архангельский, В. Н., Ростовская, Т. К., Васильева, Е. В. (2021). Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект. *Женщина в российском обществе*, S, 3–24. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.1>

Архангельский, В. Н., Шульгин, С. Г., Зинькина, Ю. В. (2020). Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса. *Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Социология*, 20(3), 546–559. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-546-559>

Белинская, Д. В. (2018). Социальный портрет чайлдфри. *Вестник Тамбовского университета. Серия Общественные науки*. Т. 4. № 13. С. 12–19.

Бодрова, В. В. (2002). Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России. *Социологические исследования*, (6), 96–102.

Вишневы, Ю. Р., Дидковская, Я. В., Зырянова, О. Б. (2024) Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи. *Женщина в российском обществе*. № 1. С. 40–55. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202504.711-733>

Наберушкина, Э. К., Бессчетнова, О. В., Судоргин, О. А. (2024). Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения. *Журнал исследований социальной политики*, 22 (4), 697–714. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-4-697-714>

Назарова, И. Б., Зеленская, М. П. (2017). Репродуктивные установки студенческой молодежи: ценностный аспект (обзор эмпирических исследований). *Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Социология*, 17(4), 555–567. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567>

Попова, Л. А., Шишкина, М. А. (2016). Брачно-семейные и репродуктивные установки современной молодежи. *Проблемы развития территорий*, 5(85), 57–71. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.903-923>

Розенберг, Н. В., Иванишко, А. М. (2021). Репродуктивные установки молодежи Пензенской области: разрыв между ожидаемым и желаемым. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, (3), 109–117. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-3-10>

Сивоплясова С. Ю. (2022). Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 15(1), 223–242. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.12>

Beaujouan, E. & Berghammer, C. (2019). The Gap Between Lifetime Fertility Intentions and Completed Fertility in Europe and the United States: A Cohort Approach. *Population Research and Policy Review*, 38, 507-535. <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3>

Beaujouan, E. & Solaz, A. (2019). Is the Family Size of Parents and Children Still Related? Revisiting the Cross-Generational Relationship Over the Last Century. *Demography*, 56, 595-619. <https://doi.org/10.1007/s13524-019-00767-5>

References

Antonov, A. I. & Medkov, V. M. (1996). *Sociologiya sem'i: ucheb. posobie [Sociology of family]*. Moscow: Moscow State University, 304. (In Russ.)

Archangelsky, V. N. (2006). *Faktery rozhdaemosti [Fertility factors]*. Moscow: TEIS, 399. (In Russ.)

Archangelsky, V. N., Rostovskaya, T. K., & Vasileva, E. V. (2021). Influence of the standard of living on the reproductive behavior of Russians: gender aspect. *Zhenshhina v rossijskom obshchestve [Women in Russian Society]*, 5, 3-24. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.1> (In Russ.)

Archangelsky, V. N., Shulgina, S. G., & Zinkina, Yu. V. (2020). Reproductive behavior of Russian women as depending on their level of education. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov, Seriya: Sociologiya [RUDN Journal of Sociology]*, 20(3), 546-559. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-546-559> (In Russ.)

Beaujouan, E. & Berghammer, C. (2019). The Gap Between Lifetime Fertility Intentions and Completed Fertility in Europe and the United States: A Cohort Approach. *Population Research and Policy Review*, 38, 507-535. <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3>

Beaujouan, E. & Solaz, A. (2019). Is the Family Size of Parents and Children Still Related? Revisiting the Cross-Generational Relationship Over the Last Century. *Demography*, 56, 595-619. <https://doi.org/10.1007/s13524-019-00767-5>

Belinskaya, D. V. (2018). Social portrait of childfree. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Obshchestvennyye nauki*, 4(13), 12-19. (In Russ.)

Bodrova, V. V. (2002). Reproductive behavior as a factor of depopulation in Russia. *Sociologicheskie issledovaniya*, (6), 96-102. (In Russ.)

Naberushkina, E. K., Besschetnova, O. V., & Sudorgin, O. A. (2024). Family and family values in the perceptions of the younger generation. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki [The Journal of Social Policy Studies]*, 22(4), 697-714. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-4-697-714> (In Russ.)

Nazarova, I. B. & Zelenskaya, M. P. (2017). Reproductive attitudes of the student youth (a review of empirical studies). *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov, Seriya: Sociologiya [RUDN Journal of Sociology]*, 17(4), 555-567. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567> (In Russ.)

Popova, L. A. & Shishkina, M. A. (2016). Marriage and Family and Reproductive Attitudes of Today's Young People. *Problems of Territory's Development*, (85), 57-71. (In Russ.)

Rozenberg, N. V. & Ivanishko, A. M. (2021). Reproductive attitudes of the youth in Penza region: the gap between the expected and the desired. *Izvestiya vysshix uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennyye nauki [University Proceedings. Volga Region. Social Sciences]*, (3), 109-117. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-3-10> (In Russ.)

Sivoplyasova S. Yu. (2022). Reproductive attitudes of modern youth towards multi-child parenting: Patterns and contradictions. *Ekonomicheskie i social'nyye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and social changes facts trends forecast]*, 15(1), 223-242. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.12> (In Russ.)

Vishnevskij, Yu. R., Didkovskaya, Ya. V., & Zyryanova, O. B. (2024) Matrimonial and reproductive attitudes of youth in the context of young family safety. *Zhenshhina v rossijskom obshchestve [Women in Russian Society]*, (1), 40-55. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202504.711-733> (In Russ.)

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, директор Института социальной демографии ФНИСЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780> (Российская Федерация, 19333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1.; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Пачин Алексей Владиславович — аспирант 2 курса, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН); <https://orcid.org/0009-0008-6441-6060> (Российская Федерация, 119049, г. Москва, Мароновский пер., 26; e-mail: komradpa4in@yandex.ru).

Tamara K. Rostovskaya — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Social Demography of the National Research Research Center of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780> (6/1, Fotieva St., Moscow, 19333, Russian Federation; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Alexey V. Pachin — 2nd year postgraduate student, State Academic University of Humanities (GAUGN); <https://orcid.org/0009-0008-6441-6060> (26, Maronovsky Lane, Moscow, 119049, Russian Federation; e-mail: komradpa4in@yandex.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 159.9; 37.018.36

JEL classification: J12, J13, J24

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-4-10>

Представления о характеристиках демографического потенциала молодых мужчин с приобретенной инвалидностью¹

Т. К. Ростовская^а, Я. С. Рочева^б

^а Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

^б Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А.Альбрехта Министерства труда и социальной защиты РФ (г. Санкт-Петербург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-7162-8917>

Автор для корреспонденции: Т.К. Ростовская (rostovskaya.tamara@mail.ru).

Аннотация. Актуальность исследования связана с необходимостью принятия государственных мер в отношении молодых людей с приобретенной инвалидностью в возрасте до 35 лет включительно и направлена на реализацию приоритетных направлений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ в июле 2021 года, Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства, утвержденной научным советом «Демографические и миграционные проблемы России» ООН РАН в марте 2023 года. Методологическую основу составили концепции самосохранительного поведения, качества жизни, нормализации жизни инвалидов, а также социальные теории постмодерна и идеи неоменеджериализма в социальной политике и реабилитации. Результаты анкетного опроса 419 респондентов в возрасте 18–35 лет свидетельствуют о сохранении у данной группы устойчивой ориентации на официально зарегистрированный брак и родительство при одновременном влиянии ограничений, связанных со здоровьем и социально-экономическими факторами. Выявлена межпоколенческая преемственность семейных ценностей и значимая роль расширенной семьи в формировании жизненных установок. Делается вывод о наличии демографического потенциала молодых мужчин с приобретенной инвалидностью, реализация которого возможна при условии комплексной государственной поддержки, развития реабилитационных программ и формирования среды, способствующей ответственному отцовству и социальной интеграции.

Ключевые слова: молодые инвалиды; приобретенная инвалидность; демографический потенциал; ресурсный потенциал; комплексная реабилитация; социализация молодых инвалидов.

Perceptions of the Characteristics of the Demographic Potential of Young Men with Acquired Disabilities

T. Rostovskaya^а, Ya. Rocheva^б

^а Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

^б Federal Scientific and Educational Centre of Medical and Social Expertise and Rehabilitation n.a. G.A. Albrecht (St. Petersburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-7162-8917>

Corresponding author: T. Rostovskaya (rostovskaya.tamara@mail.ru)

Abstract. The relevance of the study is due to the need to develop and implement government measures for young people with acquired disabilities under the age of 35 years inclusive. The research is aimed at

¹ © Ростовская Т. К., Рочева Я. С. Текст. 2026.

achieving the priorities of the National Security Strategy of the Russian Federation (approved in July 2021) and the Strategy of Action to Preserve Men and Support Responsible Fatherhood (approved by the Scientific Council "Demographic and Migration Problems of Russia" of the United Nations Academy of Sciences in March 2023). The methodological framework is based on the concepts of self-preservation behavior, quality of life, normalization of the lives of people with disabilities, as well as postmodern social theories and the ideas of neomanagerialism in social policy and rehabilitation. The results of a survey of 419 respondents aged 18–35 indicate that this group maintains a stable orientation toward officially registered marriage and parenthood, despite limitations related to health and socio-economic factors. Intergenerational continuity of family values and the significant role of the extended family in shaping life attitudes were identified. The study concludes that young men with acquired disabilities possess demographic potential, the realization of which depends on comprehensive state support, the development of rehabilitation programs, and the creation of an environment conducive to responsible fatherhood and social integration.

Keywords: Young people with disabilities; acquired disability; marital behavior; reproductive behavior; responsible fatherhood; family institution; demographic potential; social adaptation; quality of life; family and demographic policy; rehabilitation; social integration.

Введение

Стратегическими национальными целями являются создание условий для приумножения населения, сбережения мужчин за счет предотвращения их преждевременной смертности, формирования социальной нормы/модели ответственного отцовства и укрепления института многопоколенной традиционной семьи как принципиально важного ресурса обеспечения национальной и демографической безопасности Российской Федерации. В данном контексте особого внимания требует социальная группа молодых мужчин с приобретенной инвалидностью, чьи жизненные стратегии формируются на пересечении медицинских, социальных и экономических факторов.

Проблема их социальной адаптации, семейной реализации и участия в воспроизводстве населения приобретает не только научное, но и стратегическое значение. Современная социокультурная динамика характеризуется размыванием устойчивых норм и ценностных ориентиров, плюрализмом жизненных моделей и ростом новых социальных групп риска, что подчеркивается в теориях постмодерна. В этих условиях молодые мужчины с инвалидностью оказываются в ситуации необходимости адаптации к усложняющейся социальной реальности при ограниченных ресурсах здоровья и социального статуса.

Актуальность исследования усиливается в связи с ростом числа мужчин, получивших инвалидность вследствие участия в боевых действиях и специальных военных операциях. В ответ на данные вызовы государством и научным сообществом реализуются комплексные инициативы, направленные на поддержку и социальную адаптацию данной категории граждан. Настоящее исследование направлено на оценку брачного и репродуктивного потенциала молодых мужчин с приобретенной инвалидностью, выявление факторов, определяющих их семейные стратегии, а также анализ барьеров, препятствующих реализации демографического ресурса.

Обзор литературы

Методологическую базу исследования представляют базисные положения концепции самосохранительного поведения, благополучия семьи, качества

жизни населения, нормализации жизни инвалидов. Детально основные положения методологии изложены в работе авторов (Ростовская и др., 2025), методологические аспекты проведения исследования также опубликованы в работе руководителя проекта (Ростовская, 2025).

В основу исследования легли следующие теоретические положения:

1. Теории постмодерна З. Баумана. Они фиксируют отсутствие в современной действительности устойчивых паттернов, кодексов и правил, которым можно было бы подчиняться и которые можно было бы выбрать в качестве надежных жизненных ориентиров. Кроме того, данные теории описывают плюрализм традиций, идеологий, ценностей и норм жизни, а также возникновение все новых социальных групп риска, не сумевших адаптироваться к условиям усложняющейся социокультурной динамики (Бауман, 1996).

2. Идеи неоменеджериализма в социальной политике. Они выражаются в рационализации и оптимизации использования ограниченных ресурсов в социальной сфере, привлечении управленческих технологий из коммерческого сектора в социальный, а также в измерении эффективности государственных решений (Антонов, 2024; Борисов, 1976).

3. Междисциплинарный подход к реабилитации. Он построен на основе биопсихосоциального подхода и теории социальной инклюзии (Р. Ленуар, А. Сен) (Rawal, 2008; Brik & Brown, 2025; Варяева, 2020).

4. Концепция независимой жизни (Г. Делонг) (Элланский, 1997; Дробот, 2011).

5. Концепция социальной поддержки в сообществе и реабилитации на основе сообщества (CBR) (World Health Organization, 2010; Lukersmith et al., 2013).

Материалы и методы

Методическую основу исследования составил Всероссийский анкетный опрос мужчин с приобретенной инвалидностью в возрасте от 18 до 35 лет¹. Выборка сформирована по принципу стратифицированного случайного отбора, что позволило воспроизвести обозначенную структуру генеральной совокупности. Критериями отбора респондентов выступили возраст, наличие приобретенной инвалидности и место проживания. Внутри каждой страты респонденты отбирались случайным образом, что позволило минимизировать систематическую ошибку отбора и обеспечить представительство генеральной совокупности. Общее количество опрошенных составило 419 человек, что обеспечивает ошибку выборки 5 %. Полученная выборка позволяет делать обоснованные выводы о характеристиках исследуемой популяции и минимизирует риски статистических искажений. Гипотеза исследования состоит в том, что активизация системного взаимодействия государства, гражданского общества, семьи, бизнеса, усиление информационного компонента семейно-демографической государственной политики позволит сохранить и повысить ресурсный потенциал молодых мужчин с приобретенной инвалидностью: трудовую и социальную активность, здоровьесбережение, благополучное супружество и ответственное отцовство.

¹ Всероссийский анкетный опрос респондентов с приобретенной инвалидностью в возрасте от 18 до 35 лет, N = 419 молодых мужчин, в 25 субъектах РФ. Рук. — д. соц. н., профессор Т. К. Ростовская.

Результаты

Результаты опроса показали, что молодые мужчины с приобретенной инвалидностью в целом ориентированы на создание семьи и рождение детей, хотя их брачное поведение имеет свои особенности.

Более половины опрошенных (54,2 %) никогда не состояли в браке, 28,8 % находятся в зарегистрированном браке. Среди женатых большинство состоят в первом браке (86,3 %). Те, кто пока не женат, чаще всего планируют вступить в брак в возрасте от 25 до 34 лет. Лишь 2,3 % заявили, что не собираются жениться.

Отношение к браку в целом традиционное: 72,1 % считают официальную регистрацию необходимой, почти половина настаивает на ее обязательности. Однако треть допускает заключение брака после совместного проживания, что говорит о некоторой гибкости взглядов. На момент опроса только 17,2 % имели постоянную партнершу для создания семьи.

Смысл брака респонденты видят в эмоциональной и практической поддержке, ответственности за супругу и детей, а также в возможности реализовать планы по рождению детей. Несмотря на то, что многие пока не женаты, ориентация на семью и отцовство остается выраженной.

Около трети участников опроса уже имеют детей. В большинстве случаев дети рождены в зарегистрированном браке (78,5 %), что подтверждает сохранение традиционной модели семьи.

Репродуктивные установки также носят в целом традиционный характер. Только 6,2 % категорически не хотят иметь детей. Более половины считают, что дети должны рождаться в официальном браке, однако часть допускает рождение детей и без регистрации отношений. Те, у кого детей пока нет, чаще планируют родительство в ближайшие 1–3 года.

Ценность отцовства связывается с укреплением семьи, желанием супруги иметь детей и стремлением избежать одиночества в старости. Среди тех, кто уже имеет детей, чаще звучат мотивы продолжения рода и желания иметь второго ребенка.

Основные препятствия для рождения детей связаны со здоровьем (25,2 %), материальными трудностями (21,6 %), жилищными условиями (17,5 %) и неуверенностью в будущем (17 %). Часть респондентов затруднилась назвать конкретные причины, что говорит о неопределенности жизненных перспектив.

Брачное поведение во многом формируется под влиянием семейных моделей, в которых выросли молодые мужчины с приобретенной инвалидностью. Большинство из них (68,8 %) воспитывались в полной семье — с матерью и отцом. Около четверти респондентов выросли в неполной семье. Единичные случаи связаны с проживанием без родителей или вне семьи (в государственных учреждениях). Традиционный уклад семьи, в которой вырос молодой инвалид с приобретенной инвалидностью, и воспитание в полной семье во многом воспроизводится в стратегии формирования собственной семьи.

Следует отметить еще одну тенденцию, что, помимо родителей, значительную роль в воспитании, по словам опрошенных, сыграли именно бабушки и дедушки (рис. 1).

Говоря о составе семьи в настоящее время, респонденты чаще всего указывали, что проживают с матерью и отцом. В то же время около трети отметили, что живут с собственной семьей — женой и детьми.

Состояние здоровья играет ключевую роль в реализации жизненных и семейных планов. У большинства установлена третья или вторая группа инвалидности. Причины инвалидности различны: военные травмы, заболевания, ДТП и другие обстоятельства. Наиболее распространены нарушения опорно-двигательного аппарата.

Члены семьи, оказавшие влияние на воспитание молодого инвалида, %

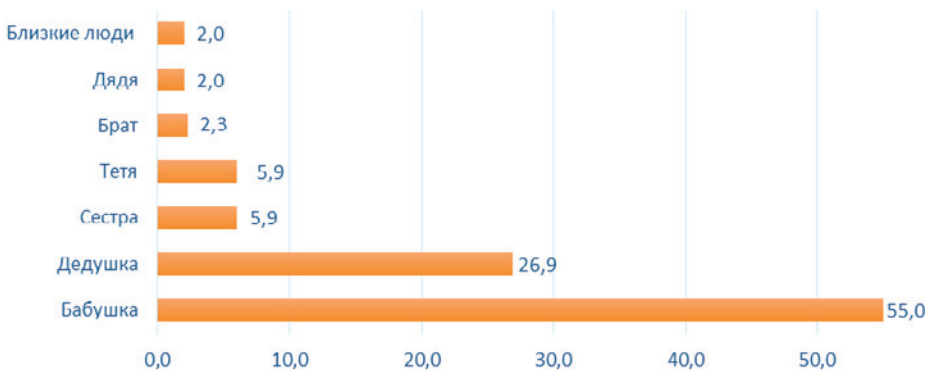

Рис 1. Члены семьи, оказавшие влияние на воспитание молодого инвалида, N = 419.

Члены семьи, проживающие с молодым инвалидом, %

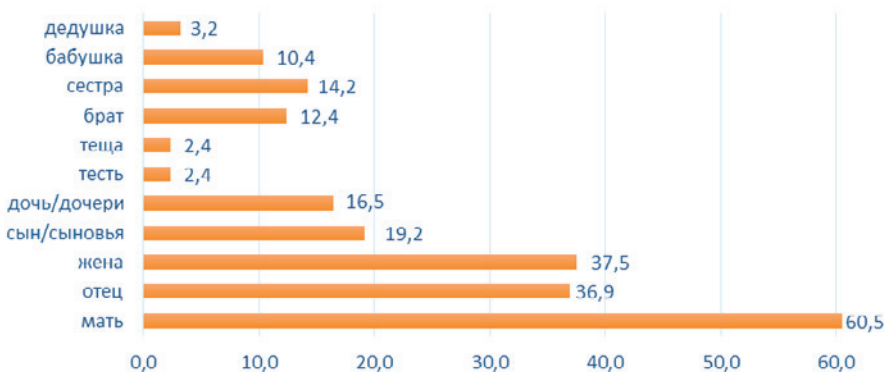

Рис 2. Члены семьи, проживающие с молодым инвалидом, N = 419

Наиболее серьезные ограничения касаются трудовой деятельности и мобильности, тогда как навыки самообслуживания и социального общения в меньшей степени нарушены. Это говорит о сохранении потенциала социальной интеграции.

В целом молодые мужчины с приобретенной инвалидностью сохраняют ориентацию на семью и отцовство. Однако для реализации этого потенциала необходимы благоприятные социальные, экономические и медицинские условия, а также эффективная система реабилитации и поддержки.

Проведенное исследование показывает, что молодые мужчины с приобретенной инвалидностью сохраняют устойчивую ориентацию на брак и родительство. Для большинства семья и дети остаются значимой жизненной ценностью, а официально зарегистрированный брак воспринимается как предпочтительная форма семейных отношений. Это свидетельствует о сохранении традиционных семейных установок и наличии демографического потенциала в данной группе.

Семейная среда, в которой выросли молодые мужчины с приобретенной инвалидностью, оказывает заметное влияние на их брачные установки и модели поведения. Преобладание опыта воспитания в полной семье способствует сохранению ориентации на традиционные семейные ценности, включая стремление к официальному браку и созданию собственной семьи.

Одновременно сохраняется значимая роль расширенной семьи, прежде всего бабушек и дедушек, в формировании жизненных установок. Тот факт, что часть респондентов уже проживает с супругой и детьми, свидетельствует о постепенной реализации этих установок на практике. В целом можно говорить о межпоколенческой передаче семейных ценностей и устойчивости ориентации на семейный образ жизни.

В то же время реализация брачных и репродуктивных планов во многом ограничивается состоянием здоровья, материальными трудностями, жилищными проблемами и общей неуверенностью в будущем. Таким образом, при наличии системной социальной, медицинской и экономической поддержки данная социальная группа способна активно реализовывать свои семейные и родительские стратегии и осуществлять демографический потенциал.

Проблема восстановления здоровья и социальной адаптации людей, получивших инвалидность во время участия в боевых действиях и специальных военных операциях, имеет большое значение как с научной, так и с практической точки зрения. 16–17 октября 2025 года в Санкт-Петербурге при поддержке Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Научного совета РАН, Федерального научно-образовательного центра медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А. Альбрехта Минтруда России состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Поддержка и социальная адаптация мужчин с приобретенной инвалидностью — участников специальной военной операции» (далее — Конференция).

Целью Конференции стал совместный поиск решения актуальных фундаментальных и прикладных проблем в области социальной адаптации, комплексной реабилитации молодых мужчин с установленной инвалидностью — участников СВО, а также роли мужчины в новых социальных реалиях.

В рамках Конференции состоялись пленарное и секционное заседания, на которых были представлены доклады руководителей региональных органов

законодательной и исполнительной власти, ведущих ученых, руководителей образовательных и научных организаций, представителей гражданского общества.

При проведении методического семинара «Практики поддержки и социальной адаптации мужчин с приобретенной инвалидностью — участников СВО» (Методический сборник, 2025) большой интерес среди участников Конференции вызвала презентация сборника материалов региональных практик о поддержке и социальной адаптации мужчин с приобретенной инвалидностью — участников СВО. В ответ на вызовы времени в различных регионах России формируется уникальный, требующий систематизации и распространения, опыт поддержки участников СВО с инвалидностью: от предоставления реабилитационных сертификатов и адаптации жилых помещений до разработки программ психологического сопровождения и профессиональной переподготовки.

Также отметим, что Институтом социальной демографии ФНИСЦ РАН разработан Всероссийский научно-исследовательский проект «Молодые мужчины с инвалидностью», реализация которого началась с января 2025 года при поддержке Российского научного фонда (грант № 25-28-00140). Основанием для настоящего исследования стал пилотный проект в рамках реализации Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства, который рассматривал необходимость разработки и принятия государственных мер поддержки молодых людей с приобретенной инвалидностью. Основная цель данного исследовательского проекта — «...оценка ресурсного, в том числе демографического, потенциала молодых мужчин с приобретенной инвалидностью и выявление факторов, его определяющих», — отметила Т. К. Ростовская, руководитель научного коллектива.

В настоящее время научным коллективом Института социальной демографии ФНИСЦ РАН готовится монография «Социальный феномен приобретенной инвалидности молодых мужчин в зеркале социологического измерения», которая будет издана во втором полугодии 2026 года и презентована на площадке Российской академии наук в рамках VII Всероссийского демографического форума с международным участием в декабре 2026 года.

Необходимость улучшения качества жизнедеятельности молодых мужчин с приобретенной инвалидностью, преодоление стратификации и стигматизации инвалидов, поиск путей их эффективной интеграции в социальное пространство является важной задачей национальной концепции социальной политики Российского государства.

Заключение

Проведенное исследование показало, что молодые мужчины с приобретенной инвалидностью в целом сохраняют традиционные установки в сфере брака и родительства. Для большинства из них семья, официально зарегистрированный брак и рождение детей выступают значимыми жизненными ценностями. Существенное влияние на формирование данных установок оказывает опыт воспитания в полной семье и межпоколенческая передача семейных норм и моделей поведения.

Одновременно выявлены факторы, ограничивающие реализацию брачных и репродуктивных планов: состояние здоровья, материальные трудности, жилищные проблемы и неопределенность жизненных перспектив. Несмотря на наличие

объективных ограничений, у данной группы сохраняется выраженный потенциал социальной интеграции, трудовой активности и ответственного отцовства.

Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью представляют значимый демографический ресурс. Его реализация возможна при условии системного взаимодействия государства, семьи, гражданского общества и бизнеса, развития программ медицинской, социальной и профессиональной реабилитации, а также формирования комплексной семейно-демографической политики, ориентированной на укрепление института семьи и поддержку ответственного отцовства.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00140) на базе Института социальной демографии ФНИСЦ РАН

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation (the project No 25-28-00140) on the basis of the Institute of Social Demography of the National Research Center of the Russian Academy of Sciences

Список источников

- Антонов, А. И. (2024). *Микросоциология семьи*. Москва: Инфра-М, 368.
- Бауман, З. (1996). *Мыслить социологически*. Москва: Аспект-пресс, 254.
- Борисов, В. А. (1976). *Перспективы рождаемости*. Москва: Статистика, 248.
- Варяева, М. В., Селиванова, О. А., Варяев, Д. Ю. (2020). Теоретический анализ понимания социальной инклюзии в Российской Федерации и за рубежом. *Успехи гуманитарных наук*, 9, 115–120.
- Дробот, О. С. (2011). Концепция независимой жизни как форма интеграции инвалидов в современном мире. *Ученые заметки ТОГУ*, 2 (1), 22–27.
- Ростовская, Т. К. (2025). Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью: методологические аспекты проведения исследования. *Факторы и механизмы демографического развития* (с. 812–818). Институт экономики УрО РАН, 832. <https://doi.org/10.17059/udf-2025-6-4>
- Ростовская, Т. К. (Отв. ред.). (2025). *Методический сборник материалов региональных практик о поддержке и социальной адаптации мужчин с приобретенной инвалидностью — участников специальной военной операции*. Москва: РУДН, 118.
- Ростовская, Т. К., Аполихин, О. И., Шабунова, А. А., и др. (2023). *Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства*. Вологда: ВолНЦ РАН, 26.
- Ростовская, Т. К., Фомина, О. Е., Рочева, Я. С. (2025). Современные отечественные и зарубежные парадигмы социальной работы и реабилитации мужчин с инвалидностью, включая участников специальной военной операции: научный обзор. *Экология человека*, 32 (6), 377–389. <https://doi.org/10.17816/humeco643579>
- Элланский, Ю. Г., Пешков, С. П. (1997). Вопросы реабилитации инвалидов в свете основных положений концепции социальной независимости. *Медико-социальная экспертиза и реабилитация*, 1, 24–28.
- Brik B.A., & Brown, C. T. (2025). A critical review of conceptualisation and measurement of social inclusion: Directions for conceptual clarity. *Social Policy and Society*, 1, 14. <https://doi.org/10.1017/S1474746425000302>
- Lukersmith, S., Hartley, S., Kuipers, P., Madden, R., Llewellyn, G., & Dune, T. (2013). Community-based rehabilitation (CBR) monitoring and evaluation methods and tools: A literature review. *Disability and Rehabilitation*, 35 (23), 1941–1953. <https://doi.org/10.3109/09638288.2013.770078>

Rawal, N. (2008). Social inclusion and exclusion: A review. *Dhauagiri Journal of Sociology and Anthropology*, 2, 161–180. <https://doi.org/10.3126/dsaj.v2i0.1362>

World Health Organization, UNESCO, International Labour Organization, & International Disability and Development Consortium. (2010). *Community-based rehabilitation: CBR guidelines*. World Health Organization. <https://www.who.int/publications/i/item/9789241548052>

References

Antonov, A. I. (2024). *Mikrosotsiologiya semyi [Microsociology of the family]*. Moscow: Infra-M, 368. (In Russ.)

Bauman, Z. (1996). *Myslit sotsiologicheskii [Thinking sociologically]*. Moscow: Aspekt-Press, 254. (In Russ.)

Borisov, V. A. (1976). *Perspektivy rozhdanosti [Prospects of fertility]*. Moscow: Statistika, 248. (In Russ.)

Brik B.A., & Brown, C. T. (2025). A critical review of conceptualisation and measurement of social inclusion: Directions for conceptual clarity. *Social Policy and Society*, 14. <https://doi.org/10.1017/S1474746425000302>

Drobot, O. S. (2011). The concept of independent life as the form of integration of disabled people in the modern world. *Uchenye zametki TOGU [Electronic scientific journal «Scientists notes PNU»]*, 2(1), 22–27. (In Russ.)

Ellanskiy, Yu. G., & Peshkov, S. P. (1997). Issues of rehabilitation of people with disabilities in the context of the main provisions of the concept of social independence. *Mediko-sotsial'naya ekspertiza i reabilitatsiya [Medical and Social Expertise and Rehabilitation]*, 1, 24–28. (In Russ.)

Lukersmith, S., Hartley, S., Kuipers, P., Madden, R., Llewellyn, G., & Dune, T. (2013). Community-based rehabilitation (CBR) monitoring and evaluation methods and tools: A literature review. *Disability and Rehabilitation*, 35(23), 1941–1953. <https://doi.org/10.3109/09638288.2013.770078>

Rawal, N. (2008). Social inclusion and exclusion: A review. *Dhauagiri Journal of Sociology and Anthropology*, 2, 161–180. <https://doi.org/10.3126/dsaj.v2i0.1362>

Rostovskaya, T. K. (2025). Young men with acquired disabilities: Methodological aspects of research implementation. In *Faktory i mekhanizmy demograficheskogo razvitiya [Factors and mechanisms of demographic development]* (pp. 812–818). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of RAS, 832. <https://doi.org/10.17059/udf-2025-6-4> (In Russ.)

Rostovskaya, T. K. (Ed.). (2025). *Metodicheskiy sbornik materialov regionalnykh praktik o podderzhke i sotsialnoy adaptatsii muzhchin s priobretennoy invalidnostyu — uchastnikov spetsialnoy voennoy operatsii [Methodological collection of regional practices on support and social adaptation of men with acquired disabilities — participants of the special military operation]*. Moscow: RUDN, 118. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Apolikhin, O. I., & Shabunova, A. A., et al. (2023). *Strategiya deystviy po sberezheniyu muzhchin i podderzhke otvetstvennogo otsovstva [Strategy of actions for saving men and supporting responsible fatherhood]*. Vologda: VolRC RAS, 26. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Fomina, O. E., & Rocheva, Ya. S. (2025). Modern domestic and foreign paradigms of social work and rehabilitation of men with disabilities, including participants of the special military operation: A scientific review. *Ekologiya cheloveka [Human Ecology]*, 32(6), 377–389. <https://doi.org/10.17816/humeco643579> (In Russ.)

Varyayeva, M. V., Selivanova, O. A., & Varyayev, D. Yu. (2020). Theoretical analysis of understanding social inclusion in the Russian Federation and abroad. *Uspekhi gumanitarnykh nauk [Modern Humanities Success]*, 9, 115–120. (In Russ.)

World Health Organization, UNESCO, International Labour Organization, & International Disability and Development Consortium. (2010). *Community-based rehabilitation: CBR guidelines*. World Health Organization. <https://www.who.int/publications/i/item/9789241548052>

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, директор Института социальной демографии ФНИСЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780> (Российская Федерация, 19333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1.; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Рочева Яна Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент, Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А. Альбрехта Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации; <https://orcid.org/0000-0002-7162-8917> (Российская Федерация, 195067, Санкт-Петербург, ул. Бестужевская, 50; e-mail rocheva_yana@mail.ru).

Tamara K. Rostovskaya - Dr. Sci. (Sociology), Professor, Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780> (6, Fotieva St., bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 119333; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Yana S. Rocheva — Can. Sci. (Sociology), Associate Professor, Federal Scientific and Educational Centre of Medical and Social Expertise and Rehabilitation n.a. G.A. Albrecht <https://orcid.org/0000-0002-7162-8917> (50, Bestuzhevskaya str., St. Petersburg 195067, Russian Federation; e-mail rocheva_yana@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

V. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БУДУЩЕЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РОДИТЕЛЬСТВУ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

УДК 316.35

JEL classification: I12, I18

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-5-1>

Загородный детский отдых в работах отечественных исследователей¹

Е. В. Апальков ^а, Н. А. Колбасин ^а, С. Е. Быкова ^а,
В. Р. Лопатина ^а, Л. В. Золотницкая ^б

^аУральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0009-0002-3389-6256>

^бСвердловский областной родительский комитет;

Свердловское областное отделение Национальной родительской ассоциации (г. Екатеринбург, Россия).

Автор для корреспонденции: С. Е. Быкова (bykova_svetlana_@mail.ru).

Аннотация. Статья представляет результаты обзора отечественных исследований детского загородного отдыха за 2020–2025 гг. Исходными данными выступают публикации по воспитательным, оздоровительным, инклюзивным, кадровым и социологическим аспектам деятельности детских оздоровительных лагерей. Цель исследования — систематизировать существующие научные подходы и эмпирические результаты для повышения доказательности решений Министерства образования Свердловской области в сфере организации отдыха детей. Методологическую основу составляет структурированный анализ литературы с выделением тематических блоков и сопоставлением выявленных проблем и предлагаемых решений. В результате формируется целостное представление о лагере как воспитательно-оздоровительной экосистеме и одновременно хозяйственной организации, выявляются ключевые узкие места — инфраструктура, доступность и инклюзия, кадровый дефицит, коммуникация с семьями. Научный вклад статьи заключается в предложении аналитической рамки, позволяющей использовать результаты исследований для уточнения региональных программ развития детского отдыха. Практическая значимость связана с возможностью применения обзора при подготовке управленческих решений и формировании повестки дальнейших эмпирических исследований.

Ключевые слова: детский загородный отдых; детские оздоровительные лагеря; региональная образовательная политика; доказательное управление; инклюзия.

Countryside Children's Recreation in the Works of Russian Researchers

E. Apalkov ^а, N. Kolbasin ^а, S. Bykova ^а, V. Lopatina ^а, L. Zolotnitskaya ^б

^аUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0009-0002-3389-6256>

^бSverdlovsk regional parents' committee;

Sverdlovsk regional division of the National parent's association (Ekaterinburg, Russia).

Corresponding author: S. Bykova (bykova_svetlana_@mail.ru).

Abstract. The article presents the results of a review of domestic studies of children's country recreation for 2020–2025. The initial data are publications on the educational, health, inclusive, personnel, and

¹ © Апальков Е. В., Колбасин Н. А., Быкова С. Е., Лопатина В. Р., Золотницкая Л. В. Текст. 2026.

sociological aspects of the activities of children's health camps. The purpose of the study is to systematize existing scientific approaches and empirical results in order to improve the evidence-based nature of decisions made by the Ministry of Education of the Sverdlovsk Region in the field of organizing children's recreation. The methodological basis is a structured analysis of the literature with the identification of thematic blocks and a comparison of the identified problems and proposed solutions. As a result, a holistic view of the camp as an educational and health ecosystem and, at the same time, an economic organization is formed, key bottlenecks are identified — infrastructure, accessibility and inclusion, personnel shortages, communication with families. The scientific contribution of the article lies in the proposal of an analytical framework that allows the use of research results to refine regional programs for the development of children's recreation. The practical significance is associated with the possibility of using the review in preparing management decisions and forming the agenda for further empirical research.

Keywords: children's country recreation; children's health camps; regional educational policy; evidence-based management; inclusion.

Введение

Право ребенка на отдых и оздоровление закреплено в российском законодательстве Федеральным законом от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Вместе с тем в стратегических документах и исследованиях подчеркивается, что раскрытие интеллектуального и творческого потенциала детей рассматривается как ключевое условие достижения национальных целей развития, а система детского отдыха — как один из инструментов реализации этих приоритетов (Арамян & Панченко, 2021).

В современных условиях детский загородный отдых рассматривается не только как социальная гарантия, но и как значимая сфера, в которой качество результата определяется согласованностью нормативных требований, финансовых механизмов, кадрового обеспечения и инфраструктуры. Проблема в области детского загородного отдыха привлекает внимание не только педагогов и психологов, но и представителей социально-политических направлений, экономистов и юристов, а также специалистов по вопросам туризма и медицины. В российской системе воспитания и развития подрастающего поколения детские оздоровительные лагеря выступают особой формой организованного летнего досуга. В результате современный подход к проектированию среды загородного лагеря все чаще выстраивается на основе экосистемной логики: ребенок трактуется не объектом воздействия, а субъектом отношений и деятельности, а лагерь осмысливается как целостная среда, стимулирующая инициативность, самоопределение и ответственность (Шевченко, 2023). Исследователи показывают, что результативность лагерной смены определяется не только инфраструктурой и регламентами, но и качеством социального взаимодействия — характером отношений в отряде и вожатым, вовлеченностью ребенка в совместный быт и принятием общих правил (Истомин, 2024).

Кроме того, лагерь — это социально-педагогическая среда профилактики и коррекции девиантного поведения: в условиях специализированных смен совместная деятельность, режим, поддерживающий стиль общения и целенаправленная воспитательная организация пространства рассматриваются как действенные факторы позитивных изменений у подростков группы риска (Жильцова & Коришева, 2021).

Одновременно сохраняется ряд ограничений, которые затрагивают доступность, качество и доверие к системе детского отдыха. Поэтому в исследованиях

родительского сообщества фиксируются аспекты запросов о безопасности и качественном питании, а также рост ожиданий к образовательному и воспитательному компоненту программ. Вместе с тем отмечаются «болевы́е точки» коммуникации с персоналом, включая дефицит информации о ребенке, слабую культуру общения и игнорирование жалоб, а также различия оценок в зависимости от типа и специализации лагеря (Танатова и др., 2024; Долгорукова & Шавырина, 2024).

Не менее остро обозначается кадровый вопрос: функционирование системы детского загородного отдыха напрямую зависит от квалифицированных кадров: вожатых, педагогов и медработников (Минакова, 2024; Стародубцев & Петрова, 2023). Возможным решением такой проблемы могла бы стать подготовка кадров на базе университетов, развитие оценки профессиональных компетенций, в том числе готовности к работе в неоднородных группах, а также укрепление корпоративной культуры лагерного коллектива как условия психологической безопасности среды (Парцына & Мешкова, 2024; Линкер и др., 2023; Стародубцев & Петрова, 2023).

Особое внимание к данной теме связано с инклюзией: исследования подчеркивают необходимость специальных инклюзивных смен и подготовки персонала и, кроме того, указывают на барьеры инфраструктуры и поддержки, осложняющие реализацию права на отдых для детей с инвалидностью и ОВЗ (Сёмочкина, 2024; Котова & Соловей, 2024).

Цель статьи — на основе анализа отечественных публикаций 2020–2025 гг. обобщить ключевые проблемные места и направления развития детского загородного отдыха в России как социально значимого института, обеспечивающего отдых, оздоровление и воспитательно-образовательный эффект. Задачи исследования заключаются в том, чтобы систематизировать результаты работ по государственному регулированию и доступности детских оздоровительных лагерей; выделить кадровые проблемы и варианты их решения, включая подготовку, наставничество и корпоративную культуру; обобщить подходы к инклюзии и комплексному оздоровлению; рассмотреть лагерь как экосистему и социальную среду, включая профилактику девиантного поведения.

Методология

В основе исследования лежит методология структурированного аналитического обзора, объединяющая количественный и качественный анализ научной литературы. На первом этапе был осуществлен поиск по ключевым словам и первичный отбор публикаций за период 2020–2025 гг. в российских базах данных (eLibrary, КиберЛенинка). Всего было идентифицировано и рассмотрено 59 научных статей. Ключевыми критериями включения в анализ стали: релевантность теме детского организованного отдыха/оздоровления, наличие эмпирической или аналитической составляющей и публикация в рецензируемом издании. Далее была применена аналитическая процедура: все 59 работ прошли контент-анализ с присвоением тематических меток. Это позволило выделить векторы исследований и определить наиболее проработанные и проблемные зоны.

Для детального качественного анализа было отобрано ядро из 20 наиболее цитируемых, репрезентативных и содержательных источников, которые составили

основу аргументации данного обзора. Далее было произведено расширенное аннотирование каждой статьи и сравнительный анализ.

Ограничения метода связаны с фокусом на вторичном анализе данных, что исключает генерацию новых эмпирических фактов.

Результаты

Анализ современных отечественных исследований позволил нам выделить следующие векторы изучения загородного детского отдыха: вопросы воспитания, социализации, образования, оздоровления детей, тема инклюзии и доступной среды в оздоровительных лагерях, организация и кадровое обеспечение детских оздоровительных лагерей, а также анализ мнений родительского сообщества.

Вопросы воспитания и образования в детских оздоровительных лагерях (далее — ДОЛ) подробно рассматриваются в психолого-педагогических исследованиях. Современный подход к проектированию воспитательной среды загородного лагеря базируется на идее экосистемы: ребенок рассматривается не как объект, а как субъект отношений и деятельности. Отсюда формируется требование к среде как к целостной системе, стимулирующей активность, инициативность, способность к самоопределению и принятию ответственности за собственный выбор (Шевченко, 2023). Лагерь выступает не только местом оздоровления, но и воспитательно-образовательным пространством, где отдых на природе сочетается с непринужденным обучением, социальной практикой и формированием жизненных навыков.

Важно отметить, что исследования, посвященные воспитательной функции ДОЛ, показывают, что решающим фактором их эффективности выступают не столько формальные условия пребывания, сколько характер межличностных отношений в отряде и вожатской команде. Именно структура повседневного взаимодействия, включенность ребенка в совместные дела, участие в коллективных инициативах и соблюдение единых правил способствуют формированию устойчивого ценностного отношения к здоровому образу жизни (Истомин, 2024). Регламентированный распорядок дня, совместный быт и необходимость координировать свои действия с другими создают условия для развития самостоятельности, ответственности, навыков самообслуживания, командного взаимодействия и конструктивного разрешения конфликтов.

Особое значение такая воспитательная работа приобретает в работе с так называемыми трудными детьми, подростками с девиантным поведением. Организованный отдых в загородных условиях рассматривается как эффективный инструмент педагогического воздействия на данную категорию несовершеннолетних (Жильцова & Корышева, 2021). В специализированных сменах создается целенаправленная воспитательная обстановка: включение подростка в здоровый детский коллектив, четкая регламентация режима дня, насыщенная совместная деятельность и поддерживающий стиль взаимодействия взрослых. Ключевым условием становится атмосфера доверия и принятия, в которой через совместные дела и позитивный пример сверстников подростки постепенно осваивают социально одобряемые нормы, учатся контролировать эмоциональные реакции и брать ответственность за собственные поступки. Психологические занятия и тренинги в условиях лагеря способствуют развитию навыков саморегуляции

и конструктивного общения; фиксируется снижение уровня агрессивности, уменьшение числа конфликтных ситуаций и укрепление навыков командного взаимодействия у подростков группы риска (Жильцова & Коришева, 2021).

В совокупности это позволяет рассматривать детские оздоровительные лагеря как уникальное пространство, где отдых ребенка сочетается с его физическим, когнитивным, социальным и нравственным развитием, а также с профилактикой и коррекцией девиантного поведения.

В отечественных исследованиях нередко поднимаются вопросы организации летнего загородного отдыха с точки зрения его влияния на здоровье детей. Анализ трудов специалистов по вопросам медицины свидетельствуют о том, что решающими факторами оздоровления выступают длительность смены, правильный режим дня, физическая активность на свежем воздухе, закаливание и рациональное питание. Авторы статей заявляют о необходимости совершенствования методик и организационных практик для достижения оздоровительного эффекта у большего числа детей в реальных условиях лагерной смены, подчеркивая необходимость внедрения оздоровительных процедур — физиотерапии, спелеотерапии, массажа, кислородных коктейлей, посещения сауны и бассейна и др. (Антонова и др., 2021; Седова, 2021; Богомолова и др., 2024). Современное понимание оздоровления выходит за рамки медицины и включает климатотерапию, дозированную активность и психологический комфорт. При этом отмечается, что медицинское обеспечение характеризуется кадровым дефицитом: только около 20 % ДОЛ имеют в штате психолога (Линкер и др., 2023).

Обеспечение комплексного оздоровления тесно переплетается с формированием доступной среды для детей с ограниченными возможностями здоровья, так как эффективная инклюзия невозможна без создания условий для полноценного восстановления детей с особыми потребностями (Гончаренко, 2022).

Социологическая оценка современного состояния отдыха детей-инвалидов и мнений родителей по вопросам организации отдыха демонстрирует, что существует система гарантированных правовых, экономических мер и мер социальной поддержки в отношении детей-инвалидов, но при этом наблюдается негативная тенденция в виде снижения доли детей-инвалидов, воспользовавшихся правом на отдых, на фоне увеличения общего количества детей-инвалидов. Исследователи анализируют содержание понятий «отдых» и «оздоровление» и их место в системе комплексной реабилитации детей-инвалидов. В работах подчеркивается необходимость особого подхода к организации отдыха детей-инвалидов с обязательным психолого-педагогическим сопровождением ребенка и его семьи. Авторы делают вывод, что инклюзивная смена требует специальной подготовки персонала, социальных работников и волонтеров, а проблема неширокого охвата детей-инвалидов отдыхом связана с низкой информированностью семей о возможностях организации загородного отдыха, а также плохой адаптированностью имеющихся программ к потребностям детей с особенностями развития (Сёмочкина, 2024; Котова & Соловей, 2024). Кроме того, педагоги и вожатые часто не имеют достаточной специализированной подготовки для работы с детьми с ОВЗ, что приводит к их формальной, а не подлинной интеграции. Для преодоления последней тенденции требуется внедрение универсальных педагогических

дизайнов, изначально ориентированных на разнообразие участников. Важным становится не только содержание курса, но и диагностика готовности будущего педагога к работе в неоднородных группах (Линкер и др., 2023).

Вопросы кадровой политики детских загородных лагерей рассматриваются в работах отечественных исследователей и в общем контексте. В ряде современных исследований подчеркивается, что устойчивое функционирование системы детского загородного отдыха напрямую зависит от состояния кадрового корпуса (Минакова, 2024; Стародубцев & Петрова, 2023). Отмечается устойчивый дефицит квалифицированных вожатых, педагогов и медицинских работников, связанный с сезонным характером занятости, слабой институционализацией лагерного стажа и размытыми карьерными траекториями. Это ведет к высокой текучести, затрудняет формирование стабильных команд и накопление профессионального опыта (Минакова, 2024).

Одним из ответов на эти вызовы становится развитие университетских форм подготовки. В учебные планы включаются специальные дисциплины, посвященные основам вожатской деятельности, а практика в детских лагерях используется как мост между теорией и реальной сменой. По итогам таких практик фиксируется рост умений по организации деятельности разновозрастных отрядов, выстраиванию авторитета, индивидуализации подхода к детям, а также более реалистичное представление студентов о нагрузке и ответственности вожатого (Парцына & Мешкова, 2024).

Психологическое благополучие персонала и корпоративная культура лагеря рассматриваются как важный фактор успешности смены. Показано, что результативность программ определяется не только качеством мероприятий, но и согласованностью действий администрации, воспитателей и вожатых, разделяемыми нормами и ценностями, уровнем взаимной поддержки в коллективе. Корпоративная культура описывается как рамка, задающая стандарты общения и влияющая на ощущение безопасности и доверия внутри лагерного сообщества (Стародубцев & Петрова, 2023).

В совокупности рассмотренные исследования позволяют трактовать персонал ДОЛ не как обслуживающий ресурс, а как ключевой фактор качества, безопасности и воспитательной результативности лагерной среды (Минакова, 2024; Стародубцев & Петрова, 2023). На основе проанализированных материалов авторами настоящего обзора делается обобщающий вывод о необходимости более системных механизмов поддержки сотрудников (наставничество, супервизия, профилактика выгорания), без которых трудно обеспечить устойчивое качество и безопасность лагерной среды.

Отметим не менее важное направление исследований, которые обращаются к анализу мнения родителей об организации детского загородного отдыха, определению факторов родительского выбора, ожиданий и опасений в данной сфере. Исследователи отмечают недостаточную информированность родителей о льготных путевках, а также бюрократические сложности при оформлении документов. Д. К. Танатова и ее коллеги, опираясь на результаты опросов родителей, делают вывод об их неудовлетворенности состоянием материальной базы учреждений, качеством питания, организацией досуга. Авторы исследования делают вывод о низкой удовлетворенности родителей детей льготных категорий летним загородным отдыхом, особенно недовольство отмечается

у многодетных и малоимущих семей (Танатова и др., 2024). Результаты исследования на базе всероссийского опроса родителей демонстрируют умеренно высокий уровень удовлетворенности качеством работы персонала детских загородных лагерей при выраженной зависимости оценок от типа, формы и специализации лагеря. Авторы установили, что болевые точки общения с персоналом лагеря у неудовлетворенных родителей состоят в отсутствии доступа к информации о ребенке, низкой культуре общения, игнорировании жалоб, конфликтах (Долгорукова & Шавырина, 2024; Реутова & Шавырина, 2025). В другом исследовании установлено возрастание требований со стороны родителей к образовательному компоненту, профессионализму педагогических кадров, безопасности и психологическому комфорту (Долгорукова & Реутова, 2024). Авторы делают вывод, что наибольшую значимость для детского отдыха и оздоровления имеют программы работы с детьми, включающие в себя воспитательный и образовательный компоненты, спортивные мероприятия, направленные на укрепление детского здоровья, а также условия проживания детей и качественное питание.

Заключение

Проведенный нами структурированный обзор отечественных публикаций 2020–2025 гг. показал, что эффективность детского загородного отдыха определяется согласованностью регулирования и финансирования, доступностью инфраструктуры, качеством воспитательной среды, а также кадровой устойчивостью. Наиболее устойчивыми узкими местами выступают межрегиональная неоднородность мер поддержки и охвата, повышение требований родителей к безопасности и коммуникации, дефицит подготовленного персонала и ограниченность медико-психологического сопровождения, особенно в инклюзивных сменах.

Научная новизна работы заключается в интеграции разрозненных результатов в управленчески применимую рамку «ограничение — механизм — условия реализации», позволяющую сопоставлять проблемы и меры. Практически целесообразны: унификация критериев доступности и качества, развитие систем подготовки и наставничества персонала, расширение психологической службы, модернизация безбарьерной среды и прозрачные каналы обратной связи с семьями.

Дальнейшие исследования необходимы для разработки валидных индикаторов результатов смен, оценки эффектов длительности смен и экономической эффективности мер, а также для межрегиональных сравнений.

Список источников

Антонова, А. А., Яманова, Г. А., Копьева, П. Ю., Шишов, С. А. (2021). Современные проблемы оздоровления детей и подростков в детских лагерях. *Международный научно-исследовательский журнал*, 12–2(114), 137–142. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.059>

Арамян, К. А., Панченко, О. Г. (2021). Стратегии развития детского отдыха и оздоровления: приоритеты управления. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 4–1, 4–30.

Богомолова, Е. С., Котова, Н. В., Мурзина, Е. А., Олюшина, Е. А. (2024). Эффективность летней оздоровительной работы в загородном стационарном детском лагере. *Российский педиатрический журнал*, 27(S3), 12–12. <https://doi.org/10.46563/1560-9561-2024-27-S3>

Гончаренко, М. А. (2020). Теоретические основы психолого-педагогического сопровождения детей в организации детского отдыха и оздоровления. *Вестник социально-гуманитарного образования и науки*, 1, 27–32.

Долгорукова, И. В., Реутова, М. Н. (2024). Особенности организации каникулярного отдыха детей в российской семье. *Социальная политика и социология*, 23–1(150), 7–14. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-1-7-14>

Долгорукова, И. В., Шавырина, И. В. (2024). Качество работы организаций отдыха и оздоровления детей в оценках родителей. *Society and Security Insights*, 7(1), 103–115. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2024\)1-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2024)1-07)

Жильцова, Ю. В., Корышева, С. Е. (2021). Особенности психолого-педагогической коррекции «трудных» подростков в условиях загородного лагеря. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, 7(197), 434–438. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.7.434-438>

Истомин, Р. А. (2024). Социальная среда детского оздоровительного лагеря как условие формирования ценностного отношения к физкультурно-рекреационной деятельности. В *XXVIII Царскосельские чтения: Материалы международной научной конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2024 года* (с. 256–260). Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 455. EDN: PEYNEK

Котова, Е. В., Соловей, Л. Б. (2024). Организация детского инклюзивного отдыха: общие тенденции и проблемы. *Наука и практика в образовании: электронный научный журнал*, 5(4), 113–122. https://doi.org/10.54158/27132838_2024_5_4_113

Линкер, Г. Р., Кругликова, Г. Г., Салаватова, А. М. (2023). Подготовка вожатых в вузе к работе в детском лагере в условиях инклюзивного образования. *Вестник Нижневартовского государственного университета*, 4, 81–93. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/23-4/08>

Линкер, Г. Р., Шубина, Е. Е. (2024). К проблеме патриотического воспитания детей в детском лагере. В *Теоретические и практические аспекты гуманитарных и общественных наук: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 28–30 ноября 2024 года* (с. 98–104). Москва: Изд-во ООО «СКИ», 311. EDN: NKQJG

Минакова, И. Г. (2024). Право детей на отдых и оздоровление: конституционно-правовое регулирование и перспективы развития. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 3(166), 42–44.

Парцына, М. А., Мешкова, И. В. (2024). Педагогический потенциал практики вожатого в лагере в подготовке студентов к профессиональной деятельности. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 9–4(96), 179–182. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-9-4-179-182>

Реутова, М. Н., Шавырина, И. В. (2025). Удовлетворенность качеством работы персонала организаций отдыха и оздоровления детей. В *Экономико-управленческий конгресс: сборник научных работ по итогам международного комплексного мероприятия, Белгород, 05–08 ноября 2024 года* (с. 1015–1018). Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 1080. EDN: DWMOEB

Седова, А. С. (2021). Оздоровление детей в период организованного отдыха (мнение родителей). *Здоровье населения и среда обитания*, 29(10), 47–52. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2021-29-10-47-52>

Седова, А. С. (2020). Анализ современных подходов к оценке эффективности отдыха детей и их оздоровления (научный обзор). *Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья*, 2, 24–37.

Сёмочкина, Н. Н. (2024). Отдых детей-инвалидов: социологическая оценка современного состояния и мнений родителей. *Социальная политика и социология*, 23–2(151), 71–80. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-71-80>

Стародубцев, М. П., Петрова, С. Г. (2023). Условия формирования корпоративной культуры коллектива детского оздоровительного лагеря в контексте средового подхода. *Научное мнение*, 12, 179–186. https://doi.org/10.25807/22224378_2023_12_179

Танатова, Д. К., Семочкина, Н. Н., Леонтьева, Т. В. (2024). Организация и качество отдыха детей льготных категорий в оценках родителей. *Society and Security Insights*, 7(1), 52–65. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2024\)1-04](https://doi.org/10.14258/SSI(2024)1-04)

Шевченко, К. В. (2023). Экосистемная модель среды загородного лагеря, воспитывающей субъектность детей. *Педагогическое образование в России*, 2, 32–37.

References

Antonova, A. A., Yamanova, G. A., Kopyeva, P. Y., & Shirshov, S. A. (2021). Today's Problems of Improving the Health of Children and Adolescents in Children's Camps. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International research journal]*, 12-2(114), 137–142. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.059> (In Russ.)

Aramyan, K. A. & Panchenko, O. G. (2021). Strategies for the Development of Children's Recreation and Tourism: Known and Unknown Resources. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]*, 4-1, 24–30. (In Russ.)

Bogomolova, E. S., Kotova, N. V., Murzina, E. A., Olyushina, E. A. (2024). Effectiveness of summer health work in a suburban stationary children's camp. *Rossiiskij pediatricheskij zhurnal [Russian Pediatric Journal]*, 27(S3), 12–12. <https://doi.org/10.46563/1560-9561-2024-27-S3> (In Russ.)

Goncharenko, M. A. (2020). Theoretical Bases of Psychological and Pedagogical Support of Children in the Organization of Children's Recreation and Health Improvement. *Vestnik social'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki [Bulletin of Social and Humanitarian Education and Science]*, 1, 27–32. (In Russ.)

Dolgorukova, I. V. & Reutova, M. N. (2024). Features of the Organization of Vacation Holidays for Children in a Russian Family. *Social'naya politika i sociologiya [Social Policy and Sociology]*, 23-1(150), 7–14. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-1-7-14> (In Russ.)

Dolgorukova, I. V. & Shavyrina, I. V. (2024). The Quality of Work of Children's Recreation and Health Organizations as Assessed by Parents. *Society and Security Insights*, 7(1), 103–115. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2024\)1-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2024)1-07) (In Russ.)

Zhiltsova, Y. V. & Korysheva, S. E. (2021). Features of Psychological and Pedagogical Correction of «Difficult» Teenagers in Conditions of Suburban. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta [Scientific Notes of P.F. Lesgaft University]*, 7(197), 434–438. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.7.p.434-438> (In Russ.)

Istomin, R. A. The social environment of a children's health camp as a condition for the formation of a value-based attitude towards physical education and recreational activities. In *XXVIII Carskosel'skie chteniya: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. V 2-h tomah, Sankt-Peterburg (23–24 aprelya 2024 goda) [XXVIII Tsarskoye Selo Readings: Proceedings of the International Scientific Conference. In 2 volumes, St. Petersburg (April 23–24, 2024)]* (pp. 256–260). Saint Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 455. EDN: PEYHEK (In Russ.)

Kotova, E. V. & Solovey, L. B. (2024). Organization of children's inclusive recreation: general trends and challenges. *Nauka i praktika v obrazovanii: elektronnyj nauchnyj zhurnal [Science and Practice in Education: Electronic Scientific Journal]*, 5(4), 113–122. https://doi.org/10.54158/27132838_2024_5_4_113 (In Russ.)

Linker, G. R., Kruglikova, G. G., & Salavatova, A. M. (2023). Preparing Counselors at University for Work in Children Camps in Inclusive Education. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Nizhnevartovsk State University]*, 4(64), 81–93. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/23-4/08> (In Russ.)

Linker, G. R. & Shubina, E. E. (2024). On the problem of patriotic education of children in a children's camp. In *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva (28–30 noyabrya 2024 goda)* [Theoretical and Practical Aspects of the Humanities and Social Sciences: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow (November 28–30, 2024)] (pp. 98–104). Moscow: Publishing house «SKI», 311. EDN: NKQQJG. (In Russ.)

Minakova, I. G. (2024). Children's right to rest and recreation: constitutional and legal regulation and development prospects. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management], 3(166), 42–44. (In Russ.)

Partsina, M. A. & Meshkova, I. V. (2024). Pedagogical Potential of the Practice of a Camp Counselor in Preparing Students for Professional Activities. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 9-4(96), 179–182. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-9-4-179-182> (In Russ.)

Reutova, M. N. & Shavyrina, I. V. (2025). Satisfaction with the quality of work of personnel of children's recreation and health organizations. In *Ekonomiko-upravlencheskiy kongress : sbornik nauchnykh rabot po itogam mezhdunarodnogo kompleksnogo meropriyatiya, Belgorod (5–8 noyabrya 2024 goda)* [Economic and Management Congress: a collection of scientific papers based on the results of the international comprehensive event, Belgorod (November 5–8, 2024)] (pp. 1015–1018). Belgorod: Belgorod State National Research University, 1080. EDN: DWMOEB (In Russ.)

Sedova, A. S. (2021). Child Health Improvement in a Summer Camp (Parental Opinion). *Zdorov' e naseleniya i sreda obitaniya* [Public Health and Life Environment], 29(10), 47–52. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2021-29-10-47-52> (In Russ.)

Sedova, A. S. (2020). Analysis of modern approaches to assessing the effectiveness of children's recreation and their recovery (scientific review). *Voprosy shkol' noy i universitetskoy meditsiny i zdorov' ya* [Questions of school and university medicine and health], 2, 24–37. (In Russ.)

Semochkina, N. N. (2024). Leisure of Disabled Children: Sociological Assessment of the Current State and Parental Views. *Social' naya politika i sociologiya* [Social Policy and Sociology], 23-2(151), 71–80. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-71-80> (In Russ.)

Starodubtsev, M. P. & Petrova, S. G. (2023). The Conditions for the Formation of the Corporate Culture of a Children's Health Camp Team in the Context of the Milieu Approach. *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion], 12, 179–186. https://doi.org/10.25807/2224378_2023_12_179 (In Russ.)

Tanatova, D. K., Semochkina, N. N., & Leontieva, T. V. (2024). Parents' Assessments of the Organization and Quality of Recreation of Children of Vulnerable Categories. *Society and Security Insights*, 7(1), 52–65. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2024\)1-04](https://doi.org/10.14258/ssi(2024)1-04) (In Russ.)

Shevchenko, K. V. (2023). Ecosystem Model of the Environment of a Country Camp, Educating the Subjectivity of Children. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2, 32–37. (In Russ.)

Апальков Егор Владимирович — магистрант, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: e.apalkov@mail.ru).

Колбасин Никита Алексеевич — магистрант, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: nikita200301222@gmail.com).

Быкова Светлана Евгеньевна — кандидат филологических наук, магистрант, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0009-0002-3389-6256> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: bykova_svetlana@mail.ru).

Лопатина Виктория Рауфовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-5377-0960> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: viktoria.khafizova@urfu.ru).

Золотницкая Людмила Викторовна — председатель Свердловского областного родительского комитета, ответственный секретарь Свердловского областного отделения Национальной родительской ассоциации (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, ул. Малышева, д. 33; e-mail: 89502034341@ya.ru).

Egor V. Apalkov — Master's student, School of Public Administration and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: e.apalkov@mail.ru).

Nikita A. Kolbasin — Master's student, School of Public Administration and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: nikita200301222@gmail.com).

Svetlana E. Bykova — PhD (Philol.), MA, School of Public Administration and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; <https://orcid.org/0009-0002-3389-6256> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: bykova_svetlana@mail.ru).

Viktoria R. Lopatina — candidate of Sociological sciences, associate professor of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, School of Public Administration and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; <https://orcid.org/0000-0002-5377-0960> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: viktoria.khafizova@urfu.ru).

Lyudmila V. Zolotnitskaya — Chairperson of the Sverdlovsk Regional Parents' Committee, Executive Secretary of the Sverdlovsk Regional Branch of the National Parents' Association (33, Malysheva St., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation; e-mail: 89502034341@ya.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 379.835

JEL classification I12, I21

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-5-2>

Детский загородный отдых в работах зарубежных исследователей¹

С.Е. Быкова^а, Л.В. Золотницкая^б

^а Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0009-0002-3389-6256>

^б Свердловский областной родительский комитет; Свердловское областное отделение Национальной родительской ассоциации (г. Екатеринбург, Россия).

Автор для корреспонденции: С.Е. Быкова (bykova_svetlana_@mail.ru).

Аннотация. Вопросы детского загородного отдыха вызывают интерес исследователей по всему миру, поскольку на современном этапе жизни общества всестороннее развитие и здоровье подрастающего поколения является несомненным приоритетом. В ходе работы было проанализировано 50 статей на тему загородного детского отдыха, опубликованных учеными из США, Канады, Великобритании, Аргентины, Румынии, Китая, Польши, Австралии, Испании и Японии за последние пять лет (с 2020 по 2025 гг.) в ведущих научных журналах. Проведенное исследование позволило установить основные научные тренды в данной области, выявить общие и различающиеся проблемные вопросы детского отдыха для нашей страны и зарубежных государств, установить актуальные социальные тенденции на основе их отражения в работах ученых.

Ключевые слова: детский загородный отдых; летний лагерь; детский летний отдых; оздоровление детей; организация детского досуга.

Children's country recreation in the studies of foreign researchers

S. Bykova^a, L. Zolotnitskaya^b

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0009-0002-3389-6256>

^b Sverdlovsk regional parents' committee; Sverdlovsk regional division of the National parent's association (Ekaterinburg, Russia).

Corresponding author: S. Bykova (bykova_svetlana_@mail.ru).

Abstract. The issues of children's country recreation generate researchers' interest all over the world, because the balanced growth and welfare of the younger generation are among undeniable priorities at the present stage of public life. Within our research we reviewed 50 articles to the subject of children's country recreation published by authors from USA, Canada, UK, Argentine, Romania, China, Poland, Australia, Spain and Japan for the period of the last five years (since 2020 to 2025) in the leading academic journals. Our analysis allowed us to identify the main scientific trends in this area. The similarities and differences in children's country recreation concerns for our country and foreign states became visible. The currant social trends were identified based on their reflection in the researchers' papers.

Keywords: children's country recreation; summer camp; children's summer recreation; children's health improvement; children's leisure organization.

Введение

Свое внимание на вопросах детского загородного отдыха сосредоточивают представители самых разных областей знаний: в их числе не только педагоги

¹ © Быкова С. Е., Золотницкая Л. В. Текст. 2026.

и психологи, но и специалисты в сфере медицины, IT-технологий, экономики, управления, социальной защиты, экологии, туризма. Детский отдых часто оказывается объектом междисциплинарных исследований, что наглядно демонстрирует его сложный и многогранный характер и делает его изучение одним из значимых направлений современной научной работы. Рассмотрим подробнее содержание зарубежного научного опыта.

Методы

Для исследования нами было отобрано 50 статей зарубежных исследователей, опубликованных с 2020 по 2025 гг. в ведущих научных изданиях и размещенных в открытом доступе в сети Интернет. Статьи были проанализированы с точки зрения отражения в них вопросов организации детского летнего отдыха и сгруппированы по тематическому признаку.

Результаты

В актуальных исследованиях детского загородного отдыха наглядно прослеживается его направленность на обучение и профориентацию. В рамках программ летних лагерей детям предлагается пройти обучение, при этом особое внимание уделяется точным и техническим наукам, IT-технологиям и робототехнике. Так, коллективы исследователей из США рассматривают обучение точным и техническим наукам в летнем лагере как способ повышения интереса учащихся к компьютерным наукам. Авторы обосновывают эффективность ситуативного обучения на основании деятельного подхода и утверждают, что участие в подобных программах оказывает воздействие на выбор карьерной траектории в будущем. Кроме того, акцент на устранение гендерного неравенства, существующего в области точных и технических наук, способствует привлечению девочек-подростков к будущей карьере в данной сфере, и летние образовательные программы способны изменить ситуацию к лучшему (Nite et al., 2020; Broder et al., 2023). Многочисленные IT-программы летнего отдыха становятся объектом исследовательского интереса: ученые анализируют в своих статьях безопасность в цифровом пространстве, ставшую острой проблемой в наши дни, как предмет обучения в ходе лагерной смены (Martin et al., 2024), использование искусственного интеллекта как компонент программы летнего отдыха (Katuka et al., 2023), развитие в области точных и технических наук в целом и программирование роботов (Tezza et al., 2020; Qu et al., 2022). Программы летнего образовательного отдыха проводятся при поддержке различных IT-компаний и университетов. Так, исследователи из США в своей работе представили опыт организации программы при участии компании Cyber.org, поддерживаемой Агентством по кибербезопасности и инфраструктуре (CISA). Данная инновационная лагерная программа предназначена для учащихся средних школ, не имеющих равного доступа к образовательным услугам. В ходе программы были организованы мастер-классы по основам кибербезопасности, осуществлялась групповая проектная деятельность в обстановке сотрудничества, конфиденциальности, интеграции и доступности. Авторы подчеркивают, что целью программы является привлечение учащихся с ограниченными компьютерными ресурсами в IT-сферу, и, следовательно,

программа носит социальный и профориентационный характер (Thomas et al., 2024). В исследовании коллектива ученых из США проводится анализ опыта организации летнего лагеря при Техасском университете. Авторы отмечают, что вузы заинтересованы в организации подобных программ и сотрудничестве со школами в целях привлечения будущих студентов. В ходе исследования установлено, что участники оказываются глубоко вовлечены в учебную деятельность, что стимулирует развитие их интеллектуальной сферы, а совместная работа над проектами способствует обучению сотрудничеству (Nite et al., 2024).

Коллектив американских ученых анализирует междисциплинарную лагерную программу, разработанную для привлечения молодежи, в сферу медицинского образования. Авторы исследуют влияние ознакомления подростков с профессиями в области фармацевтики, сестринского дела и стоматологии в ходе пребывания в летнем лагере. Исследователи констатируют повышение интереса участников программы к работе в сфере медицины в будущем, фиксируя по результатам анкетирования направленность подростков на выбор карьеры в области медицины (Butler et al., 2022).

Исследования зарубежных специалистов в области педагогики и психологии обращены на изучение влияния летнего отдыха на развитие эмоционально-волевой и когнитивной сферы детей, формирование межличностных отношений через взаимодействие со сверстниками и взрослыми на основании сформированного у них типа привязанности (Lubeznik-Warner, 2022). Коллектив ученых из США анализирует компоненты программы летнего лагеря, направленные на изменение поведения, навыков, отношений или ожиданий ее участников. Авторы делают вывод, что новаторская, активная программа лагеря, позволяющая развивать навыки совместной работы, его безопасная и поддерживающая социальная среда, способствующая взаимодействию людей из разных слоев общества, социально-эмоциональные навыки, приобретенные в ходе смены, оказывают значительное воздействие на модели поведения участников в будущем (Sibthorp et al., 2020).

Воздействие пребывания в детском летнем лагере изучается в ходе лонгитюдных исследований. Коллектив ученых из США проводит многолетние наблюдения за участниками лагерей с целью изучения отсроченного влияния такого опыта на дальнейшее развитие. Ученые на основе анкетирования исследуют зависимость между социально-эмоциональными навыками и посещением лагеря, длительностью пребывания в нем и оцениваемым самими участниками качеством пребывания. Благотворное влияние многократного посещения лагеря, как показали результаты исследования, способствует продолжению образования после окончания школы и повышению мотивации к учебной деятельности в целом (Spielvogel et al., 2024; Povilaitis et al., 2023).

Коллектив ученых из США проанализировал развитие социально-эмоциональных навыков в рамках творческих программ летнего лагеря. В ходе лагерной смены детям и подросткам предлагались участие в различных творческих мастерских и занятия на свежем воздухе. Авторы установили, что участие в подобных программах летнего отдыха способствует формированию навыков самоорганизации, самосознания, социальной осознанности, ответственного принятия решений и социального взаимодействия (Lotharius et al., 2024).

Острые проблемы цифровой зависимости и гиподинамии у детей и подростков становятся основанием для проведения исследований, устанавливающих связь между расстройствами психики и использованием гаджетов. Исследователи из США анализируют опыт проведения лагерных смен без гаджетов, так называемый цифровой детокс. Исследователи отмечают, что на первом этапе отказ от гаджетов ведет к возникновению симптомов цифровой абстиненции, выражающихся в тревожности и нарушениях сна. Однако в ходе лагерной смены было зафиксировано, что отказ от гаджетов способствует повышению физической и социальной активности, улучшению психологического самочувствия, развитию творческих способностей. Дети и подростки получают возможность сосредоточиться на единении с природой и общении со сверстниками. Большинство участников программы оценивает опыт как позитивный и высказывает намерение повторить опыт цифрового детокса за пределами летнего лагеря (Reed & Gies, 2025; Megret, 2024).

Коллектив исследователей из США анализирует влияние посещения летнего лагеря на отношение к физической активности. Была установлена связь изменений в паттернах физической активности с психологическими факторами, обоснована необходимость создания лагерных программ, направленных на повышение физической активности и изменение отношения к ней в положительную сторону. Авторы констатировали, что в процессе пребывания в летнем загородном лагере дети и подростки осваивают новые виды физической активности, а также в целом становятся более подвижными и деятельными (Agans et al., 2022).

Отмеченное нами частое обращение зарубежных исследователей к проблеме детского ожирения позволяет сделать вывод о масштабе данной проблемы. В работах ученых лагерь рассматривается как едва ли не панацея для остановки стремительно развивающейся пандемии детского ожирения. Авторы из США, Австралии и Румынии отмечают, что наибольший набор веса у детей и подростков происходит именно в каникулярное время в связи с тем, что они предоставлены сами себе в плане организации досуга и питания. В учебное время в школах предлагается относительно здоровый рацион питания и присутствует обязательная физическая активность. Кроме того, авторы отмечают, что проблема наиболее остро стоит в малообеспеченных слоях населения, для которых пребывание ребенка в лагере становится наилучшим решением для обеспечения питания и присмотра в каникулы. В исследованиях речь идет о том, что программы летнего отдыха все чаще ориентируются на коррекцию пищевого поведения, привитие правильных привычек питания, здорового образа жизни и двигательной активности (Tanasă et al., 2025; Tan, 2024; Brazendale et al., 2020; Eglitis et al., 2024; Larose et al., 2025).

В статьях многих зарубежных исследователей внимание уделяется вопросам инклюзии детей и подростков с ОВЗ. Так, коллективы авторов из США и Великобритании рассматривают летний лагерь как уникальную возможность позитивного развития детей и подростков с нарушениями зрения благодаря эмоционально безопасной среде, определяя ее как комбинацию инклюзии, общности, доверия, заботы и отсутствия травли и игнорирования. (Lepore-Stevens et al., 2024; Maher et al., 2025). Направленность программ лагеря на оздоровление ослабленных детей стала темой исследования ученого из Аргентины. В статье рассмотрен опыт организации летнего детского лагеря на базе кафедры физического

воспитания Национального университета Тукамана (Аргентина) с применением инновационной интегрирующей стратегии массового охвата детей с ослабленным здоровьем (Atar, 2022). Ученые из Канады посвятили свою статью опыту организации летнего детского лагеря для детей, страдающих неврологическими заболеваниями. Авторы позитивно оценивают роль лагерной программы в приобретении и развитии навыков взаимодействия со сверстниками, создании дружеских отношений, самосовершенствовании, обретении веры в себя (Simpson et al., 2024). Проблема включения в детские коллективы детей и подростков с СДВГ рассматривается коллективом ученых из США. Анализируя опыт организации терапевтической программы летнего лагеря, авторы делают вывод о благотворном влиянии среды лагеря на развитие навыков общения, самоконтроля и концентрации внимания (Neprily et al., 2023). В статье коллектива исследователей из США рассматриваются конкретные методики, применяемые для работы в рамках летнего лагеря с детьми и подростками, страдающими аутизмом. Авторы анализируют использование видеозанятий для обучения детей и подростков, страдающих аутизмом, повседневным и профессиональным навыкам. Ученые констатируют недооцененность данного метода и аргументированно подтверждают его эффективность при обучении детей с аутизмом навыкам взаимодействия и совместной игры (Kirkpatrick et al., 2024). Коллектив ученых из США в своей статье рассматривает опыт организации интенсивной программы летнего лагеря для детей, страдающих селективным мутизмом, с точки зрения ее доступности, целостности и эффективности. По результатам программы исследователями было установлено снижение уровня тревожности у детей и улучшение говорения, что позволяет сделать вывод об эффективности летнего лагеря как подхода к лечению селективного мутизма у детей (Haggerty et al., 2022).

Множество исследований летнего детского отдыха, находящихся в русле медицины, посвящено организации отдыха детей и подростков, страдающих сахарным диабетом. Авторы из Испании, Японии и Великобритании рассматривают опыт летнего лагеря для детей и подростков, страдающих сахарным диабетом 1 типа. Изучается воздействие лагерной программы не только на детей и подростков, принимавших в ней участие, но и на их родителей: изменение физических показателей, психологического состояния, уровня тревожности и показателей самооценки. Авторы отметили несомненное повышение качества жизни и улучшение самочувствия у детей и подростков после пребывания в лагере. Кроме того, заметное снижение уровня тревожности было отмечено у родителей. В ходе исследования установлено благотворное влияние поддерживающей среды летнего лагеря на уровень сахара крови, а также на психологическое состояние детей и подростков, их уверенность в себе и качество жизни (Anarte et al., 2020; Kondo et al., 2025; Hasan et al., 2021).

В работах зарубежных исследователей тесно переплетаются вопросы инклюзии и социальной поддержки в контексте изучения детского летнего отдыха. Коллектив исследователей из США проанализировал лагерную программу в рамках реализации мер поддержки детей из городских малообеспеченных семей в каникулярное время (Hopkins et al., 2023). Другой коллектив ученых из США рассматривает проблему привлечения детей и подростков — представителей

малообеспеченных слоев национальных и расовых меньшинств — к изучению точных и технических дисциплин. Тем самым привлекая проблемные категории населения к получению дальнейшего образования как возможности выйти на новый социальный уровень (Khalafalla et al., 2025). Польские исследователи в своей статье рассмотрели опыт организации христианского детского летнего лагеря в Исландии. Отличительной чертой программы является исключение технологий, гаджетов, интернета. Кроме того, данный лагерь выполняет еще и функцию социальной поддержки, предоставляя временное проживание детям и подросткам из малообеспеченных семей (Palec, Parczewska, 2025).

Вопросы выбора родителями формата летнего отдыха также являются объектом исследования. Ученые из США в своей статье рассматривают проблему ограничений, с которыми сталкиваются малообеспеченные семьи при организации летнего отдыха, и доступности летнего отдыха для детей из малообеспеченных семей. Подчеркивая важность загородного отдыха как первостепенного развивающего опыта для детей, авторы анализируют факторы принятия решений родителями в отношении детского лагеря, среди которых решающими оказываются политика лагеря в отношении профилактики инфекционных заболеваний и травматизма, организация присмотра и медицинской помощи во время смены (Wycoff et al., 2024).

В отличие от отечественных исследований, где инклюзивность понимается как включение в процесс обучения или отдыха детей и подростков с ОВЗ, зарубежные ученые выводят на первый план инклюзию различных групп населения. Исследователи из США рассматривают летний лагерь как возможность для позитивного развития детей, совершенствования социально-эмоциональных навыков, укрепления характера и стойкости, а также отмечают положительное влияние на учебу и работу в будущем, отмечая необходимость вовлечения в программы летнего отдыха представителей различных социальных слоев...

Кроме того, исследователи утверждают, что эффективность инклюзивных программ напрямую зависит от компетентности персонала и руководства лагеря (Spielvogel et al., 2023). Представители социальных наук обращаются к исследованию детских загородных лагерей с учетом специфики своей предметной области. Так, объектом изучения ученых из США стал альтернативный лагерь «Campdoria» (от «camp» — лагерь и «utopia» — утопия) для детей и подростков, представителей различных групп населения (детей и подростков с инвалидностью, представителей религиозных или этнических общностей). Авторы статьи обосновывают необходимость инклюзии и создание в общественном мнении ее позитивного образа через представление опыта данного лагеря в СМИ (Eagle et al., 2022). Вопросы равенства являются весьма актуальными в современном западном сообществе, и это не может не находить отражения в тематике исследований. Коллектив ученых из Канады анализирует работу летнего загородного лагеря с точки зрения деятельности вожатых. Авторы уделяют внимание изучению возможностей для позитивного развития детей и подростков в контексте лагеря (Baker et al., 2022).

Значительное число из проанализированных нами исследований посвящено обсуждению вопросов кадрового обеспечения функционирования детских загородных лагерей. В статьях нескольких коллективов ученых из США рассматривается влияние работы в летнем лагере на его персонал в профессиональном

и личностном плане. Исследователями проанализированы факторы, влияющие на профессиональный рост персонала лагеря, к которым они относят стиль управления лагерем, принципы командной работы и личную психологическую устойчивость. Исследователи анализируют мнение работодателей о сезонной занятости в летних лагерях, влияние сезонной работы на профессиональную компетентность сотрудников. Отдельное внимание уделяется молодежи, привлекаемой преимуществами сезонной работы вожатыми в свободное от учебы время и воздействием подобного опыта на будущую трудовую деятельность (Botting et al., 2021; Povilaitis et al., 2022; Povilaitis et al., 2024; Riley et al., 2021; Richmond et al., 2021).

Среди медицинских вопросов, волнующих исследователей в сфере детского отдыха, коллектив авторов из США поднимает проблему подготовки персонала лагеря к распознаванию анафилактического шока у детей и действиям в случае его наступления. Ученые отмечают, что среди детей, посещающих летний лагерь, нередки случаи возникновения пищевой аллергии, и зачастую они требуют немедленного реагирования со стороны окружающих взрослых (Schellpfeffer et al., 2020). Коллектив ученых из Канады рассматривает помещение детей в новую незнакомую среду и вовлечение их в активную деятельность как фактор возможного травматизма. Исследование посвящено разработке мер профилактики травм у детей во время активного отдыха, а также обеспечению оказания нелекарственной медицинской помощи на месте (Freedman et al., 2022), а коллектив ученых из США в своей статье констатирует, что активный отдых на природе часто ведет к повышению травматизма у детей, в частности, растет риск травм головы. Авторы выдвигают предложения по мерам создания контролируемого безопасного пространства в летнем лагере (Kolberg et al., 2020).

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на функционирование детских загородных лагерей. Исследователи из США изучили стратегии противодействия коронавирусной инфекции, примененные в лагерях длительного пребывания. Учитывая положительное влияние летних лагерей на повышение самооценки и развитие социальных навыков, закрытие летних лагерей во время пандемии коронавируса могло бы отрицательно сказаться на детском загородном развивающем досуге. Поэтому некоторые лагеря продолжали свою работу, применяя вполне успешные стратегии по предотвращению заражений (Kowalsky et al., 2022). Под воздействием ограничений на личные контакты появились виртуальные программы летних лагерей, когда развивающие и развлекательные мероприятия были доступны онлайн. По мнению исследователей, создание виртуального летнего лагеря, предоставляющего возможности для неформального изучения компьютерных технологий в рамках внешкольных программ летнего отдыха, может оказать положительное влияние на привлечение учащихся в сферу компьютерных наук (Browne, 2021; Braswell et al., 2021).

Заключение

При проведении анализа статей зарубежных ученых по проблеме детского загородного отдыха нами было отмечено повышенное внимание, уделяемое личностному и социальному развитию детей в контексте летнего лагеря, при поверхностном подходе к изучению нравственного развития, патриотического

воспитания и полном игнорировании вопросов досуга и развлечений. Анализ зарубежных исследований позволяет нам выделить основные тренды в сфере изучения детского летнего отдыха. К ним относятся: профориентация и обучение (особенно в области ИТ и точных наук), оздоровление детей с ОВЗ и ожирением, борьба с цифровой зависимостью, инклюзия и вопросы кадрового обеспечения.

References

- Agans, J., Garbo, C. & Panter, G. (2022). Short-Term Changes in Youth Physical Activity Behaviors and Attitudes: The Influence of Summer Camp. *Journal of park and recreation administration*, 40(3), 51–58. <http://doi.org/10.18666/JPra-2022-11513>
- Anarte, M.T., Carreira, M., Gea A.L. et al. (2020). Diabetes Summer Camp in children and adolescents with type 1 diabetes: Effects on well-being and quality of life. *Endocrinología, Diabetes y Nutrición*, 67(5), 326–332. <http://doi.org/10.1016/j.endinu.2019.08.002>
- Atar, C. (2022). The education of children's bodies: the Department of Physical Education of the National University of Tucuman and the camp for weak children (1948). *Coordenadas-revista de historia local y regional*, 9(1), 66–88.
- Baker, M. & Hannant-Minchel, J. (2022). «Both are equal, which is awesome»: exploring gendered discourses of Canadian summer camp experiences. *Annals of leisure research*, 25(3), 417–434. <http://doi.org/10.1080/11745398.2020.1848596>
- Botting, R.G. Ribbe, R.E. & Robinson G. (2021). Assessing the Impact of Summer Camp Employment on the Development of Workplace Skills. *Journal of outdoor recreation education and leadership*, 13(1), 82–95. <http://doi.org/10.18666/JOREL-2021-V13-I1-10620>
- Braswell, K.M., Johnson, J., Brown, B. et al. (2021). Pivoting During a Pandemic: Designing a Virtual Summer Camp to Increase Confidence of Black and Latina girls. *Proceedings of the 52nd ACM technical symposium on computer science education*, 686–691. <http://doi.org/10.1145/3408877.3432380>
- Brazendale, K., Beets, M.W., Weaver, R.G. et al. (2020). Turn up the healthy eating and activity time (HEAT): Physical activity outcomes from a 4-year non-randomized controlled trial in summer day camps. *Preventive medicine reports*, 17. <http://doi.org/10.1016/j.pmedr.2020.101053>
- Broder, E. D. Murphy, S. M. & Tinghitella R. M. (2023). STEM Summer Camp for Girls Positively Affects Self-Efficacy. *The American Biology Teacher*, 85(8), 432–439. <http://doi.org/10.1525/abt.2023.85.8.432>
- Browne, L. & Wycoff, T. (2021). Camps and COVID-19: What We Know, What We Don't Know, and Where We Go From Here. *Journal of outdoor recreation education and leadership*, 13(2), 73–78. <http://doi.org/10.18666/JOREL-2021-V13-I2-10661>
- Butler, L.M. & Ampadu, J.V. (2022). Impact of summer healthcare diversity camp on students' interest and pursuit of healthcare careers. *Currents in pharmacy teaching and learning*, 14(3), 318–324. <http://doi.org/10.1016/j.cptl.2022.01.012>
- Eagle, R.B. & Heller M. (2022). The camptopia experience: utopia and revolution in media representations of alternative youth sleepaway camps. *Social semiotics*, 32(1), 1–16. <http://doi.org/10.1080/10350330.2019.1681070>
- Eglitis, E., Singh, B., Olds, T. et al. (2024). Health effects of children's summer holiday programs: a systematic review and meta-analysis. *International Journal of Behaviour Nutrition and Physical Activity*, 21, 119. <http://doi.org/10.1186/s12966-024-01658-8>
- Freedman, D., Silberman, A.R., Friedberg D. et al. (2022). Musculoskeletal and Head Injuries in a Canadian Summer Camp: A Three-Year Surveillance Study. *Cureus Journal of medical science*, 14(4). <http://doi.org/10.7759/cureus.24358>

Haggerty, D. A., Carlson, J.S. & Kotrba A. (2022). Pilot Feasibility Study of an Intensive Summer Day Camp Intervention for Children with Selective Mutism. *Children-Basel*, 9(11), 1732. <http://doi.org/10.3390/children9111732>

Hasan, I., Chowdhury, A.B.M.A., Haque, M.I. et al. (2021). Changes in glycated hemoglobin, diabetes knowledge, quality of life, and anxiety in children and adolescents with type 1 diabetes attending summer camps: A systematic review and meta-analysis. *Pediatric diabetes*, 22(1), 124–131. <http://doi.org/10.1111/pedi.13147> (in Eng.)

Hopkins, L., Schier, H., May L. et al. (2023). Patterns of participation in summer programming among United States' elementary children from low-income urban households: Results from the project SWEAT study. *Preventive Medicine Reports*, 36 <http://doi.org/10.1016/j.pmedr.2023.102475>

Katuka, G.A., Auguste, Y., Song, Y. et al. (2023). A Summer Camp Experience to Engage Middle School Learners in AI through Conversational App Development. *Proceedings of the 54th ACM technical symposium on computer science education*, 1, 813–819. <http://doi.org/10.1145/3545945.3569864>

Khalafalla, M., Mulay,T. & Regalado, D.K. (2025). Empowering Underrepresented High School Students in STEM Through Hands-On Engineering Technology Summer Camps. *On Engineering Technology Summer Camps IEEE Transactions on Education*. July. <http://doi.org/10.1109/TE.2025.3588709>

Kirkpatrick, M., Tankersley, M.E., Ferrer, G.N.A. et al. (2024). Using a Video Activity Schedule to Teach Cooperative Games to Autistic Children in a Camp Setting. *Journal of developmental and physical disabilities*, 36(6), 1019–1037. <http://doi.org/10.1007/s10882-024-09966-4>

Kolberg, K., Saleem, N., Ambrose, M. et al. (2020). A Pediatric Head Injuries in Summer Camps. *Clinical pediatrics*, 59(4-5), 369–374. <http://doi.org/10.1177/0009922819901009>

Kondo, T., Senokuchi,T., Morinaga, J. et al. (2025). The benefits and accuracy of real-time continuous glucose monitoring in children and adolescents with type 1 diabetes attending a summer camp. *Journal of diabetes investigation*, 16(1), 154–162. <http://doi.org/10.1111/jdi.14337>

Kowalsky, R.H. Fine, S. & Eisenberg, M.A. (2020). Exclusion of SARS-COV-2 From Two Maine Overnight Camps July-August 2020. *Disaster medicine and public health preparedness*, 16(5), 1792–1794. <http://doi.org/10.1017/dmp.2021.86>

Larose, D., Chih-Shing Chen, M., Paracini, T. et al. (2025). Evaluation of the Power Up program: a health promotion program encouraging healthy lifestyle habits among youth in summer day camps—study protocol. *Frontiers in Public Health*, 13. <http://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1521438>

Lepore-Stevens, M. & Foster, E.A. (2024). It's Comfortable at Camp: Emotional Safety at a Summer Camp for Youth with Visual Impairments. *Journal of park and recreation administration*, 42(3). <http://doi.org/10.18666/JPra-2024-12372>

Lotharius, K. Finley,C. & Averkiou P. (2024). Social-Emotional Development in the Summer Art Camp Setting. *Cureus*, 16(7). <http://doi.org/10.7759/cureus.65448.e65448>

Lubeznik-Warner, R. P. (2022) Considering the Importance of Attachment in Outcomes: The Case of Summer Camp. *Journal of Youth Development*, 17(4), 8–25. <http://doi.org/10.5195/jyd.2022.1259>

Maher, A.J., Haegle,J.A. & Swanston D. (2025). The purpose and value of a summer camp for visually impaired young people. *British journal of visual impairment*, 43(3), 665–675. <http://doi.org/10.1177/02646196241261608>

Martin, F., Mushi, D., Bacak, J. et al. (2024). Elementary student experiences from digital safety immersion summer program. *Educational media international*, 61(3), 321–343. <http://doi.org/10.1080/09523987.2024.2389485>

Megret, C. (2024). No connectivity, better connections: teenagers' experiences of a phone-free summer camp in the United States. *Journal of adventure education and outdoor learning*, 24(1), 65–78. <http://doi.org/10.1080/14729679.2023.2211180>

- Neprily, K. & Climie, E. (2023). Happy Campers: Enhancing Social Competence in Adolescents with Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder at Summer Camp. *Journal of outdoor recreation education and leadership*, 15 (2), 1–15. <http://doi.org/10.18666/JOREL-2022-11350>
- Nite, S.B., Bicer, A., Currens, K.C. et al. (2020). Increasing STEM Interest through Coding with Microcontrollers. *IEEE frontiers in education conference (FIE 2020)*. <http://doi.org/10.1109/fie44824.2020.9274273>
- Nite, S.B., Gray, T.J., Lee, S. et al. (2024). Engaging Secondary Students in Computing and Cybersecurity. *Practice and experience in advanced research computing 2024, PEARC*. <http://doi.org/10.1145/3626203.3670624>
- Palec, M. & Parczewska T. (2025). Christian summer camp ástjörn in Iceland in the experiences of children. *Journal of Modern Science*, 2 (62), 671–687. <http://doi.org/10.13166/jms/207384>
- Povilaitis, V. & Sibthorp, J. (2022). Developmental Experiences in Seasonal Employment: A National Mixed-Methods Study of Camp Staff. *Journal of park and recreation administration*, 4 (4), 99–115. <http://doi.org/10.18666/JPra-2022-11485>
- Povilaitis, V., Sibthorp, J. & Richmond D. (2024). Camp Employment as a Developmental Setting for Emerging Adults: A National Mixed-Methods Study. *Journal of outdoor recreation education and leadership*, 13 (1), 64–81. <http://doi.org/10.18666/JOREL-2021-V13-I1-10545>
- Povilaitis, V., Warner, R. & Wheatley McGregor K. (2023). The Lasting Benefits of Multiyear Camp Programming for Youth from Low-Income Backgrounds. *Journal of Youth Development*, 18 (1), Article 7, 61–69. <http://doi.org/10.34068/JYD.18.01.07>
- Qu, J.R. & Fok, P.K. (2022). Cultivating students’ computational thinking through student-robot interactions in robotics education. *International journal of technology and design education*, 32 (4), 1983–2002. <http://doi.org/10.1007/s10798-021-09677-3>
- Reed, J.-M. & Gies, A. (2025). Digital Detox Among Adolescents at Summer Camp: Nursing Implications. *Journal of Christian Nursing*, February. <http://doi.org/10.1097/CNJ.0000000000001280>
- Richmond, D., Sibthorp, J. & Bialeschki M.D. (2021). Employer Perceptions of Seasonal Summer Camp Employment. *Journal of park and recreation administration*. 39 (4), 22–40. <http://doi.org/10.18666/JPra-2020-10355>
- Riley, M., Dickerson, J., Sibthorp, J. et al. (2021). Neither Camper Nor Staff: Understanding Counselor-in-Training Programs. *Journal of outdoor recreation education and leadership*, 13 (1), 23–39. <http://doi.org/10.18666/JOREL-2021-V13-I1-10581>
- Schellpfeffer, N.R., Leo, H.L., Ambrose, M. et al. (2020). Camp Leadership Perspectives on Food Allergy-Related Anaphylaxis Events and Training for Camp Staff: A National Survey of Summer Camps. *Journal of allergy and clinical immunology-in practice*, 8 (4), 1247. <http://doi.org/10.1016/j.jaip.2019.11.014>
- Sibthorp, J., Wilson, C., Povilaitis, V. et al. (2020). Active ingredients of learning at summer camp. *Journal of outdoor and environmental education*, 23 (1), 21–37. <http://doi.org/10.1007/s42322-019-00050-6>
- Simpson, J., Yantzi, N., Shute, T. et al. (2024). “Even if it’s flawed it’s still beautiful”: life lessons learned by adolescents with neurological conditions at summer camp. *Disability & society*, 39 (1), 16–39. <http://doi.org/10.1080/09687599.2021.1994372>
- Spielvogel, B., Froehly, M. & Ricks, M. (2023). Making Summer Camp Inclusive: Staff Perspectives from Two National YouthServing Organizations. *Journal of Youth Development*, 18 (2).
- Spielvogel, B., Lubeznik-Warner, R.P., Sibthorp, J. et al. (2024). A national longitudinal study examining social-emotional benefits of summer camp for early adolescents: Effects of attendance, dosage, and experience quality. *Journal of leisure research*. <http://doi.org/10.1080/00222216.2024.2424194>

Tan, Q., Nie, Y. & Son P. (2024). Preliminary Effectiveness of a One-Week Summer Day Camp for Improving Children's Health Behaviors and Psychosocial Well-Being Outcomes. *Children*, 11, 1097. <http://doi.org/10.3390/children11091097>

Tanasă, A.-R., Jovanović, S. & Dumitru M.-I. (2025). Analysis of decision factors when choosing a summer camp for minors (the case of Romania). *Revista Românească pentru Educație Multidimensională*, 17(1), 602–621. <http://doi.org/10.18662/rrem/17.1/967>

Tezza, D., Garcia, S. & Andujar M. (2020). Let's Learn! An Initial Guide on Using Drones to Teach STEM for Children. *Learning and collaboration technologies. Human and technology ecosystems LCT 2020, PT II*, 12206, 530–543 http://doi.org/10.1007/978-3-030-50506-6_36

Thomas, M., Elmore, E., Chavez, B. et al. (2024). Equitable Access to Cybersecurity Education: A Case Study of Underserved Middle School Students. *Proceedings of the 2024 conference innovation and technology in computer science education 1*, 625–632, <http://doi.org/10.1145/3649217.3653581>

Wycoff, T., Sibthorp, J. & Browne, L. (2024). Helping Families Access Summer Camp: Constraints and Associated Negotiation Strategies. *Journal of Outdoor Recreation Education and Leadership*, Online first, 2024, 1–20. <http://doi.org/10.18666/JOREL-2024-12202>

Быкова Светлана Евгеньевна — кандидат филологических наук, магистрант, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0009-0002-3389-6256> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: bykova_svetlana_@mail.ru)

Золотницкая Людмила Викторовна — председатель, Свердловский областной родительский комитет; ответственный секретарь, Свердловское областное отделение Национальной родительской ассоциации (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, ул. Малышева, д. 33; e-mail: 89502034341@ya.ru)

Svetlana E. Bykova — PhD (Philol.), MA, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; <https://orcid.org/0009-0002-3389-6256> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: bykova_svetlana_@mail.ru)

Liudmila V. Zolotnitskaya — Chairperson, Sverdlovsk regional parents' committee; Executive secretary, Sverdlovsk regional division of the National parent's association (33, Malysheva St., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation; e-mail: 89502034341@ya.ru)

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 373.2+159.923+004.738.5

JEL classification: J13, I12

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-5-3>

Осознанное родительство как педагогический тренд: формы взаимодействия дошкольного образовательного учреждения с семьями нового поколения¹

К. И. Горожанкина ^а, В. А. Калашникова ^б

^{а, б} Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение детский сад № 2 «Колокольчик» Старооскольского городского округа (г. Старый Оскол, Россия).

^а <https://orcid.org/0009-0007-0610-7393>

^б <https://orcid.org/0009-0007-6107-2437>

Автор для корреспонденции: В. А. Калашникова (42-v.kalashnikovav@mail.ru)

Аннотация. В данной статье отражено теоретическое обоснование и практическая разработка инновационных форм взаимодействия дошкольных образовательных учреждений с родителями нового поколения в контексте реализации концепции осознанного родительства. В данной статье раскрыт комплекс теоретических методов, включая анализ психолого-педагогической литературы, систематизацию и классификацию современных моделей родительства, а также прогностическое моделирование образовательной среды. Материалы исследования работы опираются на вторичный анализ социологических данных о трансформации семейных ценностей в России за 2020–2024 гг. Таким образом, в статье раскрыто содержание понятия «осознанное родительство» как сложного психологического конструкта. Выявлены характеристики родителей поколений Y и Z, обоснована неэффективность традиционных (директивных) форм взаимодействия, и предложены партнерские модели сотрудничества. Именно поэтому переход к осознанному родительству требует трансформации позиции педагога. Эффективное взаимодействие ДОО с семьями нового поколения возможно только при создании единого цифрового и психологического пространства, обеспечивающего отношения между всеми участниками образовательного процесса.

Ключевые слова: осознанное родительство; дошкольное образовательное учреждение; поколение Y; поколение Z; педагогическое взаимодействие; цифровая трансформация образования; семейная политика; партнерство семьи и школы.

«Conscious Parenting» as a Pedagogical Trend: Forms of Interaction Between Preschool Educational Institutions and New Generation Families

K. Gorozhankina ^а, V. Kalashnikova ^б

^{а, б} Municipal budget preschool educational institution kindergarten № 2 «Kolokolchik» of the Starooskolsky city district (Stary Oskol, Russia)

^а <https://orcid.org/0009-0007-0610-7393>

^б <https://orcid.org/0009-0007-6107-2437>

Corresponding author: V. Kalashnikova (42-v.kalashnikovav@mail.ru)

Abstract. This article presents the theoretical basis and practical development of innovative forms of interaction between preschool educational institutions and parents of the «new generation» in the context of implementing the concept of conscious parenting. It presents a set of theoretical methods, including an analysis of psychological and pedagogical literature, a systematization and classification of modern parenting models, and predictive modeling of the educational environment. The research materials are based on a secondary

¹ © Горожанкина К. А., Калашникова В. А. Текст. 2026.

analysis of sociological data on the transformation of family values in Russia for 2020–2024. Thus, the article reveals the concept of «conscious parenting» as a complex psychological construct. The characteristics of parents of Generations Y and Z are identified, the ineffectiveness of traditional (directive) forms of interaction is substantiated, and partnership models of cooperation are proposed. Therefore, the transition to conscious parenting requires a transformation of the teacher's position. Effective interaction between preschool educational institutions and new generation families is possible only through the creation of a unified digital and psychological space that facilitates relationships between all participants in the educational process.

Keywords: conscious parenting, preschool educational institution, generation Y, generation Z, pedagogical interaction, digital transformation of education, family policy, family and school partnership.

Введение

Современная демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется не только количественными показателями, но и глубокими качественными трансформациями института семьи. В рамках реализации национального проекта «Демография» особое внимание уделяется поддержке семей с детьми и повышению уровня родительских компетенций. Современные родители, относящиеся к поколению Y (миллениалам) и поколению Z (зумерам), демонстрируют значительные отличия от предшественников в аспектах воспитания, обусловленные спецификой собственных ценностных ориентаций и поведенческих установок. Появление и стремительное развитие феномена осознанного родительства как доминирующего педагогического тренда диктует острую потребность переосмысления традиционных моделей взаимодействия между дошкольными образовательными учреждениями и семьями.

Целью нашего исследования являются изучение трансформации института семьи в условиях современной демографической ситуации и разработка эффективных стратегий взаимодействия дошкольных образовательных учреждений с семьями, ориентированными на концепцию осознанного родительства. Исследование направлено на выявление ключевых аспектов воспитания нового типа родителей и предложение инновационных подходов, соответствующих современным требованиям, что позволит повысить эффективность работы дошкольного образовательного учреждения и положительно повлиять на развитие детей.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное выполнение ряда исследовательских задач и этапов:

1. Определить теоретические и методологические основы концепции осознанного родительства.
2. Проанализировать социально-психологический профиль современных родителей и оценить степень их приверженности принципу осознанного родительства.
3. Разработать и систематизировать инновационные формы работы ДОУ, отвечающие актуальным запросам современных родителей.

Теоретическая основа исследования включает:

1. Теорию культурно-исторического развития психики (Л.С. Выготский (1984), Б.Д. Эльконин (1994), А.В. Запорожец (1986), Л.И. Божович (1988), согласно которой воспитание и развитие ребенка зависят от культурных традиций и социального окружения.

2. Концепция осознанного родительства отечественных исследователей (Р.В. Овчарова (2005), М.О. Ермихин (2004), П.Ф. Каптерев (1999), И.С. Кон

(2003), Е.Г. Смирнова (2009), В.С. Собкин, Е.М. Марич (2013), Л.Б. Шнейдер (2011) и Т.А. Гурко (2018) подчеркивает значимость осознания родителями своей роли и ответственности перед детьми. Она включает понимание потребностей ребенка, развитие эмоциональной близости, создание благоприятной среды воспитания, обеспечение поддержки и внимания, воспитание самостоятельности и уверенности в себе, формирование здоровых привычек и позитивного отношения к жизни.

3. Теория совместной детско-родительской деятельности (Д.Б. Эльконин (1989), А.Я. Варга (2001), О.А. Карабанова (2019)) рассматривает воспитание как совместное творчество родителей и детей, направленное на достижение общих целей и решение жизненных задач. Подчеркивает активное участие родителей в образовании и воспитании ребенка, формируя ответственное и осознанное поведение.

Настоящее исследование проводилось методом качественного анализа литературных источников, эмпирических исследований (наблюдение) и интервью с представителями целевой аудитории. Выбор указанных методов позволил получить глубокое представление о текущих проблемах и перспективах развития осознанного родительства в России.

Результаты

Родительство — важный компонент человеческого общества, сложный феномен, имеющий эволюционную историю, культурные и индивидуальные особенности. Р.В. Овчарова считает, что родительство — это социально-психологический феномен, представляющий собой эмоционально и оценочно окрашенную совокупность знаний, представлений и убеждений относительно себя как родителя, реализуемую во всех проявлениях поведенческой составляющей родительства (Овчарова, 2003). Осознанное родительство не является просто набором воспитательных техник. Это интегральное образование личности, включающее когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. В отличие от традиционных моделей, основанных на интуитивном следовании опыту предков или жестком соблюдении социальных норм, осознанное родительство предполагает рефлексию собственных действий, понимание потребностей ребенка и принятие ответственности за его развитие.

Зарубежные исследователи связывают этот тренд с концепцией «Mindful Parenting» (Кабат-Зинн, 2012), которая базируется на принципе присутствия «здесь и сейчас» и эмоциональной саморегуляции родителя. В условиях высокого темпа жизни и информационного шума запрос родителей на получение качественной, научно обоснованной информации о развитии ребенка в ДОУ возрастает.

Психологи отмечают ряд факторов, способствующих формированию культуры осознанного родительства: уверенность в собственных силах, стремление учиться новому, готовность прислушиваться к мнению профессионалов, принятие решений, основанных на интересах ребенка, наличие личного примера поведения и взаимного уважения. Российское общество переживает период глубоких трансформаций, которые существенно меняют семейные устои и подходы к воспитанию (Овчарова, 2005). Современное родительство характеризуется новыми реалиями: семьи становятся более разнообразными (чаще встречаются неполные семьи, растет число повторных браков и разводов), цифровые технологии

играют все большую роль, а родители проявляют повышенный интерес к образованию. Дети сегодня с ранних лет погружены в мир гаджетов и онлайн-контента, что требует от родителей освоения новых способов взаимодействия и адаптации педагогов к этому цифровому поколению.

Анализ социально-психологического профиля современных родителей и оценки степени их приверженности принципу осознанного родительства основывается на исследованиях, проведенных среди представителей возрастной группы 20–35 лет (родители воспитанников МБДОУ ДС № 2 «Колокольчик»), имеющих детей дошкольного возраста. Были использованы следующие методы сбора данных: интервью с родителями проводились индивидуально с целью выяснения предпочтений, ожиданий и запросов молодых родителей относительно воспитания детей. Вопросы были направлены на выявление восприятия ими понятия «осознанное родительство», основных барьеров и возможностей для улучшения взаимодействия с дошкольными учреждениями. Каждое интервью длилось порядка 10–15 минут и проводилось в комфортной обстановке для свободного выражения мнений. Дополнительно использовался метод наблюдения для фиксации повседневных ситуаций взаимодействия родителей и детей, позволяя выявить реальные сценарии воспитания, типичные реакции взрослых и детские реакции на них. Наблюдения проводились как открытое (общение педагога с родителями и воспитанниками) и скрытое (фиксация взаимодействия без вмешательства). Методом наблюдения и интервью установлено — молодые родители демонстрируют растущий энтузиазм в стремлении к знаниям, активно посещая специализированные программы и тренинги для получения практических советов. Они отказываются от пассивной роли наблюдателя, предпочитая глубоко вовлекаться в образовательный и воспитательный процесс своих детей. Это приводит к формированию нового воспитательного стандарта, который предполагает высокую степень личной ответственности, эмоциональную зрелость и создание атмосферы взаимного доверия и понимания.

Однако вместе с этими позитивными тенденциями возникают серьезные проблемы. Обилие источников информации создает ситуацию информационного шума, усиливающего родительскую тревогу и сомнения в верности выбранных методов воспитания. Стремление давать ребенку все самое лучшее зачастую сопровождается повышенным уровнем стресса и страха ошибиться. Все это подчеркивает важность квалифицированной поддержки и помощи семьям, начиная от консультирования и заканчивая проведением специальных мероприятий, нацеленных на развитие навыков критического мышления и организацию эффективного взаимодействия между семьей и дошкольным учреждением (Гурко, 2013).

Концепция осознанного родительства базируется на нескольких основополагающих принципах, обеспечивающих гармоничное развитие ребенка и эффективное взаимодействие в семье. Принципы охватывают такие важные сферы, как самосознание (родители осознают свою миссию и обязательства по отношению к детям, систематически анализируя свои действия и взаимодействие с ними, чтобы определить как успешные практики, так и области, требующие улучшения) (Выготский, 1984), обучение и развитие (непрерывное совершенствование навыков воспитания через освоение профильной литературы, активное

участие в образовательных мероприятиях, семинарах, тренингах и получение экспертных рекомендаций от специалистов в области психологии и педагогики), эмпатию и эмоциональную поддержку (способность понимать чувства и потребности ребенка, создавая доверительную атмосферу в отношениях), коммуникацию с ребенком, создание безопасной среды, признание индивидуальности ребенка, гибкость и адаптивность (гибкость в подходах к воспитанию, адаптируемая к меняющимся семейным условиям и индивидуальным потребностям членов семьи), коллективное воспитание (комплексный подход к развитию ребенка предполагает активное вовлечение обоих родителей в процесс воспитания, налаживание продуктивного взаимодействия с образовательными учреждениями, медицинскими работниками и другими профильными специалистами, а также интеграцию семьи в социальное окружение).

В муниципальном бюджетном дошкольном образовательном учреждении детского сада № 2 «Колокольчик» Старооскольского городского округа успешно интегрированы современные подходы, соответствующие требованиям современного общества и запросам сегодняшних родителей. За счет грамотного внедрения инновационных методик и технологий удается создавать оптимальные условия для развития и воспитания детей. Вот некоторые из направлений, которые уже эффективно применяются:

1. Цифровая прозрачность образовательного процесса: использование специализированных платформ и мобильных приложений обеспечивает постоянное информирование родителей обо всем происходящем в группе. Благодаря видеоснимкам занятий и цифровым портфолио достижений родители чувствуют свое непосредственное участие в воспитательном процессе.

2. «Soft Skills» — формат клубной работы: замена традиционных лекций активными тренингами позволяет развивать эмоциональный интеллект родителей, формировать умение общаться без насилия и справляться со стрессовыми ситуациями. Такая форма работы снижает тревожность родителей и улучшает микроклимат в семьях.

3. Проектная работа с участием родителей («педагог — ребенок — родитель»): совместные проекты, построенные вокруг реальных интересов семей, обеспечивают высокий уровень вовлеченности родителей. Исследования показывают, что такая активность увеличивает удовлетворение родителей качеством предоставляемых услуг примерно на 40 % (онлайн-анкетирование).

4. Аналитика и персональные консультации: организация регулярного сбора обратной связи и предоставление консультаций узкими специалистами (психологами, дефектологами) непосредственно в стенах детского сада решают важную проблему доступности поддержки. Примерно 65 % опрошенных родителей подчеркнули необходимость наличия такого ресурса, причем значительная доля предпочитает дистанционный формат консультаций.

Эти меры позволили детскому саду стать центром, объединяющим усилия педагогов и родителей для оптимального развития детей, обеспечивая гармонию, комфорт и максимальную эффективность воспитательно-образовательного процесса.

Для успешной реализации концепции осознанного родительства важно правильно организовать работу с родителями. Ниже представлены направления сотрудничества, которые активно применяются в МБДОУ ДС № 2 «Колокольчик»:

1. Семинары и лекции для родителей проводятся специалистами, которые знакомят их с новейшими теориями и практиками воспитания, помогают разобраться в сложных ситуациях и выработать эффективные стратегии взаимодействия с ребенком.

2. Индивидуальные консультации предназначены для оказания персональной помощи родителям, испытывающим трудности в воспитании, подготовке ребенка к школе или решении конкретных проблем.

3. Семейные праздники и культурные мероприятия, направленные на укрепление внутрисемейных связей, развитие творческих способностей детей и обогащение знаний родителей.

4. Клубы общения, сообщества родителей, где они могут обмениваться опытом, оказывать взаимную поддержку и обсуждать актуальные темы.

5. Программы совместного досуга для детей и родителей, включающие творческие кружки (декоративно-прикладное творчество, рисование, лепка из глины и теста, театральное искусство, игра на музыкальных инструментах), спортивные секции (шахматы, аэробика, теннис, походы) и интеллектуально-развивающие занятия (научные лаборатории, ботанический сад, настольные игры, квест-игры, робототехника, посещение музеев и культурных мероприятий). Данные мероприятия предоставляют уникальную возможность для укрепления семейных отношений, формирования общих интересов и продуктивного времяпрепровождения в атмосфере творческой, спортивной или интеллектуальной деятельности.

6. Дистанционные форматы взаимодействия, такие как онлайн-семинары и виртуальные дискуссии, обеспечивают доступ к информации и оперативную обратную связь.

7. Организация курсов повышения квалификации для работников дошкольной организации включает ознакомление с актуальными трендами и совершенствование подходов к работе с детьми и их родителями.

8. Сотрудничество с добровольцами, волонтерами и общественными объединениями, которые готовы помогать семьям и способствовать улучшению жизни детей.

9. Индивидуальные планы и программы сопровождения для семей ориентируются на особенности развития и специфические запросы каждого ребенка.

10. Мониторинг результатов работы. Регулярно отслеживается и анализируется результативность деятельности. Проводится систематическая оценка эффективности реализованных инициатив, фиксируются достигнутые успехи и внедряются необходимые корректировки.

Примеры успешных кейсов из реального опыта семей детского сада № 2 «Колокольчик»:

Кейс 1: Семья Полянской Анны.

Анна обратилась в наш детский сад с беспокойством о поведении сына Тимофея (4 года). Мальчик часто капризничал, отказывался заниматься и проявлять инициативу. Анна прошла серию тренингов по осознанному родительству, научилась устанавливать контакт с сыном, выявлять его истинные желания

и мотивацию. Через полгода Тимофей стал активнее участвовать в занятиях, улучшились его социальные навыки, а мама отметила снижение собственного стресса и усталости.

Кейс 2: Семья Морозова Сергея.

Сергей обратился в нашу службу психологической поддержки, поскольку испытывал сложности в установлении контакта с сыном Артемом (5 лет). Работники детского сада помогли Сергею освоить техники активного слушания и невербальной коммуникации. Уже спустя два месяца Сергей отметил значительное улучшение взаимопонимания с сыном, повысился уровень его самооценки и снизилось количество конфликтов дома.

Кейс 3: Семья Курбановой Сават.

Сават посетила программу по осознанному родительству и приняла участие в проекте «Творческая мастерская», организованном нашим детским садом. Сават была обеспокоена низким интересом дочери Самии (6 лет) к творчеству и искусству. После прохождения курса дочь начала рисовать самостоятельно, участвовала в выставках рисунков, а Сават почувствовала гордость за успехи дочери и признала успех программы.

Таким образом, предложенные модели взаимодействия могут быть внедрены в деятельность дошкольных учреждений для повышения вовлеченности родителей в образовательный процесс и снижения уровня конфликтности в системе «педагог — родитель». Практическое применение концепции осознанного родительства осуществляется через программы семейного консультирования, курсы подготовки будущих родителей, образовательные проекты для семей с детьми разного возраста, организацию детских развивающих центров и семейных клубов. В рамках этих инициатив родителям предоставляется доступ к актуальной научной информации, методикам раннего развития, консультациям специалистов-психологов и педагогов.

При наличии положительных тенденций в развитии осознанного родительства реализация эффективных механизмов поддержки семей с детьми сталкивается с серьезными сложностями. Эти сложности обусловлены следующими факторами:

1. Нехватка кадров: недостаточное количество профессионалов (психологов, педагогов, консультантов), способных предоставить качественную помощь современным семьям.

2. Отсутствие централизованной стратегии: несмотря на отсутствие ранее комплексной федеральной политики, направленной на всестороннюю поддержку осознанного родительства, ситуация изменилась. По поручению Президента Российской Федерации в 2023 году была разработана специальная Программа просвещения родителей (законных представителей) детей дошкольного возраста, посещающих дошкольные образовательные организации¹. Ее цель — прививать ценности осознанного и ответственного родительства, оказывать поддержку семьям в вопросах образования, здравоохранения и социальной защиты, а также

¹ Программа просвещения родителей (законных представителей) детей дошкольного возраста, посещающих дошкольные образовательные организации / Т. П. Авдулова, И. А. Бурлакова, Е. И. Изотова, Т. В. Кротова, О. В. Никифорова, В. А. Новицкая, Г. Р. Хузеева, Р. И. Яфизова [и др.]: под ред. Е. И. Изотовой, Т. В. Кротовой. Москва, 2024. — 225.

обеспечивать информирование о мерах государственной поддержки семей с детьми. С 2024 года данная программа поэтапно вводится в отдельных регионах России, и предполагается, что к 2030 году она будет распространена повсеместно.

3. Ограниченный доступ к качественным ресурсам: родители часто испытывают трудности с поиском надежных и полезных образовательных материалов по воспитанию и развитию детей.

4. Родители сталкиваются с проблемой противоречивости онлайн-советов: обилие взаимоисключающих рекомендаций в интернете вызывает путаницу и неуверенность в их воспитательных стратегиях.

5. Высокая стоимость услуг: качественные профессиональные консультации, групповые занятия и образовательные программы часто требуют значительных финансовых вложений, что ограничивает доступ к ним для многих семей.

Заключение

Исследование показало, что современная демографическая ситуация в России накладывает отпечаток на институт семьи и порождает новый тип родительства, характеризующийся осознанностью и высоким уровнем ответственности. Концепция осознанного родительства получила широкое распространение и признана важнейшим инструментом поддержания благополучия семьи и устойчивого развития детей.

Основные итоги исследования:

- установлено, что российские родители молодого поколения стремятся глубже понять нужды и потребности своих детей, развивая собственный потенциал в качестве воспитателей;

- выявлены ключевые характеристики осознанного родительства, среди которых выделяются высокая требовательность к качеству информации, желание самостоятельного принятия решений и обращение к профессиональным ресурсам;

- выделено, что основными факторами, влияющими на становление осознанного родительства, являются информационно-технологическая среда, экономическая нестабильность и смена культурной парадигмы.

На основании проведенного исследования предлагаются следующие практические рекомендации:

1. Преобразовать традиционные подходы к работе с родителями в дошкольных учреждениях, создав пространство для открытого диалога и совместного планирования образовательных траекторий.

2. Разработать специализированные программы и курсы для повышения родительской компетентности и продвижения осознанного стиля воспитания.

3. Использовать цифровые платформы и сервисы для постоянного информирования и взаимодействия с родителями.

4. Способствовать привлечению специалистов широкого спектра профессий (психологи, педиатры, диетологи) для комплексного обслуживания семей.

Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на изучении следующих вопросов:

1. Оценка долговременных эффектов внедрения осознанного родительства на здоровье и социальную адаптацию детей.

2. Расширение масштабов исследований на региональные уровни для учета различий в менталитетах и культурах.

3. Разработка инструментариев диагностики уровня осознанности родителей и детей.

Применение полученных результатов способно существенно повысить качество взаимодействия семьи и образовательных учреждений, сформировать здоровую среду для воспитания детей и укрепить российскую семью как основной элемент гражданского общества.

Список источников

Божович, Л. И. (1988). О культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и ее значении для современных исследований психологии личности. *Вопросы психологии*, 5, 108—116.

Варга, А. Я. (2001). *Системная семейная психотерапия*. Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 144.

Выготский, Л. С. (1984). *Собрание сочинений: в 6 т. Том 4. Детская психология*. Москва: Педагогика, 432.

Гурко, Т. А. (Ред.) (2013). *Актуальные проблемы родительства в России*. Москва: Институт социологии РАН, 208. EDN: SDCQAF

Гурко, Т. А. (2018). Становление социологии семьи в России. *Социологические исследования*, 6, 40–52. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060041>

Кабат-Зинн, Д. (2012). *Mindfulness. Введение в практику осознанности. Как развивать присутствие в повседневности*. Москва: ООО «София Медиа», 114.

Ермихина, М. О. (2004). *Формирование осознанного родительства на основе субъективно-психологических факторов*: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.психол.н., 22. EDN: NMNIHL

Каптерев, П. Ф. (1999). *Родители и дети*. Москва: Совершенство, 224.

Карабанова, О. А. (2019). В поисках оптимального стиля родительского воспитания. *Национальный психологический журнал*, 3(35), 71–79. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0308>

Кон, И. С. (2003). *Ребенок и общество*. Москва: Аспект-Пресс, 304. EDN: RRMVED

Овчарова, Р. В. (2003). *Психологическое сопровождение родительства*. Москва: Издательство Института психотерапии, 319.

Овчарова, Р. В. (2005). *Психология родительства: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений*. Москва: Академия, 368.

Смирнова, Е. Г. (2009). *Психолого-педагогическое сопровождение формирования осознанного родительства в молодой семье*: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 24. EDN: NKQMUN

Собкин, В. С., Марич, Е. М. (2013). Современный родитель: отношение к образованию и воспитанию. *Труды по социологии образования*, 17(29), 40–55.

Шнейдер, Л. Б. (2011). *Семейная психология: Учебное пособие для вузов. 5-е изд.* Москва: Академический Проект, 736. EDN: SUHEOV

Эльконин, Б. Д. (1994). *Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского)*. М.: Тривола, 168.

Эльконин, Б. В. (1989). *Избранные психологические труды*. М.: Педагогика, 560.

References

Bozhovich, L.I. (1988). On the cultural and historical concept of L.S. Vygotsky and its significance for modern studies of personality psychology. *Voprosy psikhologii*, 5, 108–116.

Elkonin, B.D. (1994). *Vvedenie v psikhologiiu razvitiia (v traditsii kulturno-istoricheskoi teorii L.S. Vygotskogo) [Introduction to developmental psychology (in the tradition of L.S. Vygotsky's cultural and historical theory)]*. Moscow: Trivola, 168.

Elkonin, D. B. (1989). *Izbrannye psikhologicheskie trudy. [Selected psychological works]*. Moscow: Pedagogika Publ., 560.

Ermikhina, M. O. (2004). *Formirovanie osoznannogo roditelstva na osnove subiektivno-psikhologicheskikh faktorov [Formation of conscious parenting based on subjective and psychological factors]*: Abstract of the dissertation. for the job. learned. step. Candidate of Psychology, 22. EDN: NMNIHL

Gurko, T. A. (2018). The formation of family sociology in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 6, 40–52. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060041>

Gurko, T. A. (ed.) (2013). *Aktualnye problemy roditelstva v Rossii [Actual problems of parenthood in Russia]*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Kabat-Zinn, D. (2012). *Mindfulness. Vvedenie v praktiku osoznannosti. Kak razvivat prisutstvie v povsednevnosti [Mindfulness for beginners : reclaiming the present moment--and your life]*. Moscow: ООО «Sofia Media», 114.

Kapterev, P. F. (1999). *Roditeli i deti [Parents and children]*. Moscow: Perfection, 224.

Karabanova, O. A. (2019). In search of an optimal parenting style. *Natsionalnyi psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]*, 3(35), 71–79. <https://doi.org/10.11621/npi.2019.0308>

Kon, I. S. (2003). *Rebenok i obshchestvo [The child and society]*. Moscow: Aspect-Press, 304.

Ovcharova, R. V. (2003). *Psikhologicheskoe soprovozhdenie roditelstva [Psychological support of parenthood]*. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 319.

Ovcharova, R. V. (2005). *Psikhologiya roditelstva: Ucheb. posobie dlia studentov vysshih uchebnykh zavedenii [Psychology of parenthood: Study guide for students of higher educational institutions]*. Moscow: Akademiya 368.

Schneider, L. B. (2011). *Semeinaia psikhologiya: Uchebnoe posobie dlia vuzov. 5-e izd [Family psychology: A textbook for universities. 5th ed]*. Moscow: Academic Project, 736.

Smirnova, E. G. (2009). *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie formirovaniia osoznannogo roditelstva v molodoi seme [Psychological and pedagogical support for the formation of conscious parenting in a young family]*: Abstract of the dissertation. ... kand. psychological sciences. Yekaterinburg, 24. EDN: NKQMUN

Sobkin, V. S., & Marich, E. M. (2013). The modern parent: attitudes towards education and upbringing. *Trudy po sotsiologii obrazovaniia [Proceedings on the Sociology of Education]*, 17(29), 40–55.

Varga, A. Ya. (2001). *Sistemnaia semeinaia psikhoterapiia. Kratkii leksionnyi kurs [Systemic family psychotherapy. Short lecture course]*. St. Petersburg: Speech, 144.

Vygotsky, L. S. (1984). *Sobranie sochinenii: v 6 t. Tom 4. Detskaia psikhologiya. [Collected works: in 6 volumes. Volume 4. Child psychology]*. Moscow: Pedagogika Publ., 432.

Горожанкина Кристина Игоревна — воспитатель муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения детский сад №2 «Колокольчик» Старооскольского городского округа; <https://orcid.org/0009-0007-0610-7393> (Российская Федерация, 309504, г. Старый Оскол, мкр. Интернациональный,50; e-mail: kristivanova99@yandex.ru).

Калашникова Виктория Александровна — воспитатель муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения детский сад №2 «Колокольчик» Старооскольского городского округа; <https://orcid.org/0009-0007-6107-2437> (Российская Федерация, 309504, г. Старый Оскол, мкр. Интернациональный д.50; e-mail: 42-v.kalashnikovav@mail.ru).

Kristina I. Gorozhankina — educator, Municipal budget preschool educational institution kindergarten No. 2 «Kolokolchik» of the Starooskolsky city district; <https://orcid.org/0009-0007-0610-7393> (50, md. Internatsionalny, Sary Oskol, 309504, Russian Federation; e-mail: kristivanova99@yandex.ru).

Victoria A. Kalashnikova— educator, Municipal budget preschool educational institution kindergarten No. 2 «Kolokolchik» of the Starooskolsky city district; <https://orcid.org/0009-0007-6107-2437> (50, md. Internatsionalny, Sary Oskol, 309504, Russian Federation; e-mail: 42-v.kalashnikovav@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Средства ИИ в объеме 13,56 % использовались для быстрого составления плана работы, распределения глав и пунктов, облегчая подготовку предварительной структуры текста.

Use of AI tools declaration

AI tools were used in the amount of 13.56 % to quickly create a work plan, distribute chapters and points, facilitating the preparation of a preliminary structure of the text.

УДК 314.18

JEL classification: J13, I38, R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-5-4>

Деинституционализация как стратегия демографического развития: внедрение профессиональной семейной заботы для подростков группы риска в Приднестровье¹

К. В. Молодец

Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь, Приднестровье).

<https://orcid.org/0009-0004-2049-5386>

Автор для корреспонденции: К. В. Молодец (kv_molodec@mail.ru).

Аннотация. В контексте демографического кризиса Приднестровья интернатная система усугубляет риски социального неблагополучия. Цель — обосновать деинституционализацию как стратегию демографического развития и разработать модель профессиональной приемной семьи для подростков. Семейно-ориентированная модель, основанная на эмпирических данных, способна разорвать цикл сиротства. Методология — синтез анализа международного опыта, региональной статистики, законодательства и данных авторского опроса 60 семей выпускников интернатов (использован коэффициент ассоциации Юла). В статье выявлены доминирующие материально-жилищные проблемы и дефицит позитивных семейных моделей. Разработана адаптированная, экономически обоснованная дорожная карта реформы. Модель является комплексным ответом, трансформирующим затраты на интернаты в инвестиции в человеческий капитал. Область применения — органы власти и социальные службы Приднестровья.

Ключевые слова: деинституционализация; профессиональная приемная семья; социальное сиротство; демографическое развитие; подростки группы риска; Приднестровье.

Deinstitutionalization as a Strategy for Demographic Development: Implementation of Professional Family Care for At-Risk Adolescents in Pridnestrovie

K. Molodec

Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko (Tiraspol, Pridnestrovie).

<https://orcid.org/0009-0004-2049-5386>

Corresponding author: K. Molodec (kv_molodec@mail.ru)

Abstract. Within the context of Pridnestrovie's demographic crisis, the institutional care system exacerbates risks of social disadvantage. The aim is to substantiate deinstitutionalization as a strategy for demographic development and to design a model of professional foster care for adolescents. A family-oriented model, grounded in empirical data, is posited to break the cycle of orphanhood. The methodology synthesizes an analysis of international experience, regional statistics, legislation, and data from an author-conducted survey of 60 families comprised of institutional care graduates (utilizing Yule's association coefficient). The article identifies dominant material-housing problems and a deficit of positive family models. An adapted, economically viable reform roadmap has been developed. This model presents a comprehensive solution that transforms institutional maintenance costs into investments in human capital. The findings are intended for application by government authorities and social services in Pridnestrovie.

Keywords: deinstitutionalization; professional foster family; social orphanhood; demographic development; at-risk adolescents; Pridnestrovie.

¹ © Молодец К. В. Текст. 2026.

Введение

Настоящая статья посвящена теме деинституционализации системы опеки над детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, в Приднестровской Молдавской Республике (ПМР). Сущность проблемы носит комплексный характер, а именно: существующая интернатная система не обеспечивает успешной социализации и полноценного развития подростков, что ведет к потере человеческого капитала и усугубляет демографический кризис. Исследователи в Приднестровье отмечают, что «проблема социального сиротства и его последствий, включая одиночество, является серьезным препятствием для демографического развития» (Молодец, 2025, с. 652).

Демографический контекст Приднестровья, характеризующийся устойчивым спадом рождаемости и ростом смертности, требует переосмысления традиционных подходов к социальной политике. Исторический опыт показывает, что деформации в воспроизводстве населения имеют долгосрочные последствия и требуют комплексных ответных мер (Задкова, 2025). В таких условиях система опеки, ориентированная на изоляцию ребенка в учреждении, становится фактором, усугубляющим демографические риски. Исследования демографического поведения свидетельствуют, что стабильность и уверенность в будущем, формируемые в семейной среде, являются ключевыми для репродуктивных установок (Воронин, 2025).

Особую остроту проблеме придает уникальный социокультурный контекст Приднестровья. Официальное объявление 2024 года «Годом семейных ценностей» актуализировало вопросы формирования и поддержки семьи как фундаментальной ценности. Однако в дискурсе приднестровского научного сообщества недостаточно освещены проблемы культуры брачно-семейных отношений у социальных сирот — ключевой группы, от успешности интеграции которой в значительной мере зависит демографическое будущее региона. Только 22 % выпускников интернатных учреждений создают семьи, причем 7 % этих браков распадаются, что указывает на системные трудности в их социальной и семейной адаптации¹.

В связи с этим цель исследования заключается в том, чтобы на основе данных оригинального социологического исследования обосновать деинституционализацию как стратегический элемент демографической политики и разработать практическую модель внедрения профессиональной приемной семьи для подростков, адаптированную к выявленным потребностям и проблемам целевой группы. Для достижения цели решаются следующие задачи: проведен анализ теоретико-методологических основ деинституционализации и их связи с демографическим развитием. Дана критическая оценка текущего состояния системы опеки и попечительства в Приднестровье. На основе эмпирического исследования изучены семейные установки, ценности и проблемы социальных сирот, создавших семьи. Разработана поэтапная дорожная карта реформы, интегрирующая нормативные, организационные, финансовые аспекты и выводы эмпирического исследования.

¹ Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики. (2024). Международная конференция в рамках Года семьи и семейных ценностей. Официальный сайт Верховного Совета ПМР. <https://vspmr.org/news/supreme-council/mejdunarodnaya-konferentsiya-v-ramkah-goda-semji-i-semejnih-tsennostey.html> (дата обращения: 17.01.2026).

Материалы и методы

Методологическую основу работы составляют принципы системного и междисциплинарного анализа. Исследование опирается на комплексный подход, интегрирующий принципы историзма, системности и междисциплинарности, что позволяет рассматривать деинституционализацию как многоаспектный социально-демографический процесс (Баранов, 2025). Теоретическую базу составляют современные концепции деинституционализации, в частности, идея сдвига парадигмы «от институционального содержания детей к семейным формам воспитания как ключевому фактору гуманизации социальной сферы» (Цинченко, Орлова, 2020, с. 84). Концепция деинституционализации рассматривает переход от интернатного содержания к семейным формам воспитания в качестве приоритета гуманистической социальной политики и подтверждается данными о негативных последствиях воспитания в учреждениях для развития ребенка (Виноградова, Г. А., Бобкова, 2010, 2012; Дубровина, 1982) и мировым опытом (Бойко, 2014). Кроме того, теория социального сиротства, которая раскрывает генезис проблемы через анализ дисфункциональных «первичных» семей, где формируется личность будущих родителей, лишенных прав, также ведет к воспроизводству неблагополучия (Козлова, 2010). Помимо этого — парадигма профессиональной замещающей заботы, обосновывающая рассмотрение приемной семьи как особой социальной услуги, требующей профессиональной подготовки родителей, их сопровождения и адекватного вознаграждения (Сазонова, 2021; Бойко, 2014; Бесчестнова, 2008).

Эмпирическую базу составили: анализ документов и статистики (официальные документы ПМР, регламентирующие деятельность в сфере опеки; анализ демографической статистики региона); сравнительный анализ (изучение международного опыта деинституционализации). Социологическое исследование (авторский анкетный опрос 60 семейных пар, являющихся выпускниками интернатных учреждений ПМР, проведенный в 2024 году). Выборка целевая, репрезентирующая ключевую группу для исследования. Для первичной обработки информации применялся корреляционный анализ и коэффициент ассоциации Юла для альтернативных признаков. (табл. 1, табл. 2).

Таблица 1

Характеристика выборки исследования

Характеристика	Описание выборки
Целевая группа	Семейные пары, где хотя бы один супруг является выпускником интерната (социальным сиротой)
Объем выборки (N)	60 пар (120 человек)
Регион проведения	Приднестровье
Метод формирования выборки	Целевой отбор пар
Способ опроса	Анкетный опрос
Возрастной диапазон	20–35
Тип семьи	Нуклеарные молодые семьи
Наличие детей	Часть пар имеет детей (60 % от общего числа пар)

Таблица 2

Территориальное распределение респондентов (семейных пар) по районам Приднестровья

Район	Пар (N)	Сироты (М)	Сироты (Ж)	Всего человек (М+Ж)	Супруги без опыта сиротства (М)	Супруги без опыта сиротства (Ж)	Всего сирот (чел)	Всего супругов (чел)
Слободзейский	16	6	10	32	10	6	16	16
Тирасполь	15	5	10	30	10	5	15	15
Бендеры	11	4	7	22	7	4	11	11
Рыбница	7	2	5	14	5	2	7	7
Григориополь	5	2	3	10	3	2	5	5
Дубоссары	4	1	3	8	3	1	4	4
Каменский	2	1	1	4	1	1	2	2
ИТОГО	60	21	39	120	39	21	60	60

Источник: составлено автором по результатам социологического исследования.

Результаты***Анализ текущей системы и демографического контекста***

Система опеки в ПМР является централизованной, многоуровневой и сохраняет ярко выраженную ориентацию на институциональные формы устройства детей. Демографическая ситуация остается напряженной: в первом полугодии 2025 года число новорожденных сократилось на 20 %, а смертность выросла на 8,2 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Наиболее тревожная ситуация наблюдается в Каменском районе, где показатель рождаемости составил всего 0,5 на тысячу человек. Текущая демографическая динамика определяет логику реформы: уменьшение общего числа детей смещает акцент на семейное устройство подростков и детей с ОВЗ, для чего и предназначена профессиональная семья¹.

Результаты эмпирического исследования семейных установок

Исследование было нацелено на выявление особенностей культуры брачно-семейных отношений у социальных сирот, создавших семьи. Результаты показали, что эмоциональная основа брака остается ведущей: 92 % респондентов указали любовь как мотив создания семьи. Однако уже на этапе мотивации проявляется гендерное и социальное неравенство: 20 % женщин отметили материальную обеспеченность партнера как мотив. Только 35 % респондентов однозначно считают себя счастливыми в браке, что свидетельствует о хрупкости формирующихся отношений.

Анализ причин конфликтов выявил критическую роль материально-жилищных проблем (табл. 3).

¹ В ПМР фиксируется демографический спад: число новорожденных уменьшилось на 20 % за первое полугодие 2025 года, смертность выросла на 8,2 %. (2025, 4 ноября). Новостной портал. URL: <https://vestnikpmr.ru/1208-v-pmr-fiksiruetsya-demograficheskij-spad-chislo-novorozhdjonnykh-umenshilos-na-20.html> (дата обращения: 10.01.2026).

Таблица 3

Основные причины конфликтов в семьях социальных сирот (%)

Причина	Мужчины	Женщины
Материальные трудности	36,1	68,9
Отсутствие жилья	31,6	33,5
Вредные привычки супруга	6,4	31,3
Несходство характеров	41,3	33,4
Несправедливое распределение быта	11,3	28,2

Источник: составлено автором по результатам социологического исследования.

Данные о распределении домашних обязанностей подтверждают сохранение патриархальной модели. Женщины преимущественно в одиночку выполняют тяжелый и рутинный труд: приготовление пищи (81,25 %), уход за детьми (81,25 %).

Несмотря на трудности, ценностное ядро у респондентов традиционно: дети (98 %), любовь (86 %). Однако источники знаний о семье деформированы: лишь 13,8 % черпали образцы из родительской семьи, 50 % — из наблюдений за семьями сверстников. Большинство (68,9 %) планируют иметь двоих детей, но реализации планов мешают материальные и жилищные проблемы.

Представленная корреляционная матрица, основанная на социологических данных, отражает взаимосвязи между ключевыми переменными, характеризующими брачно-семейные установки и опыт социальных сирот — целевой группы исследования. Ее анализ в рамках научной работы позволяет углубить эмпирическое обоснование предлагаемой модели реформы. Во-первых, наблюдаются наиболее выраженные корреляции с переменными, связанными с материально-жилищной сферой. Отрицательная связь между материальными мотивами вступления в брак и ценностью любви указывает на внутренний конфликт между прагматичной необходимостью и эмоциональными ожиданиями. Положительная корреляция между полом и материальными конфликтами косвенно подтверждает данные таблицы 3, где женщины (68,9 %) значительно чаще мужчин (36,1 %) указывали материальные трудности как причину конфликтов. Таким образом, подчеркивается гендерное измерение экономической уязвимости. Отрицательные корреляции материальных мотивов и конфликтов с ценностями взаимопонимания, поддержки и заботы (ряд значений от -0,09 до -0,15) показывают, что финансовый стресс подрывает основу эмоциональных и кооперативных отношений в паре.

Во-вторых, большинство корреляций, связанных с позитивными установками и ценностями являются слабыми (близкими к нулю) или отрицательными. В таком случае важно подчеркнуть эмпирическую значимость тезиса о дефиците позитивных семейных моделей у социальных сирот. Отсутствие сильных связей между ценностями и ожиданиями говорит о разрыве между декларируемыми идеалами (любовь, дети) и реальными поведенческими паттернами, что повышает риски кризиса в отношениях.

В-третьих, помимо связи с материальными конфликтами, переменная «пол» демонстрирует положительную корреляцию с мотивом «любовь» (+0,16) и ценностью «забота» (+0,17). В контексте исследования интерпретация данных характеризует как более выраженную ориентацию женщин (возможно, из-за

социализации в интернатной системе) на эмоциональную и опекуную составляющие семьи, что контрастирует с выявленной патриархальной нагрузкой на них в быту (рис. 1).

Таким образом, семьи социальных сирот существуют в условиях двойной уязвимости: внешней (отсутствие жилья, низкий доход) и внутренней (дефицит позитивных моделей поведения, навыков разрешения конфликтов). Как следствие, высокий риск распада семьи и воспроизводства социального сиротства.

Обсуждение

Исследование, являясь первым специализированным опросом семей, столкнувшихся с сиротством в Приднестровье, сталкивается с рядом ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Важнейшим из них является отсутствие контрольной группы — семей, где ни один из супругов не был сиротой. В связи с чем нельзя с полной уверенностью

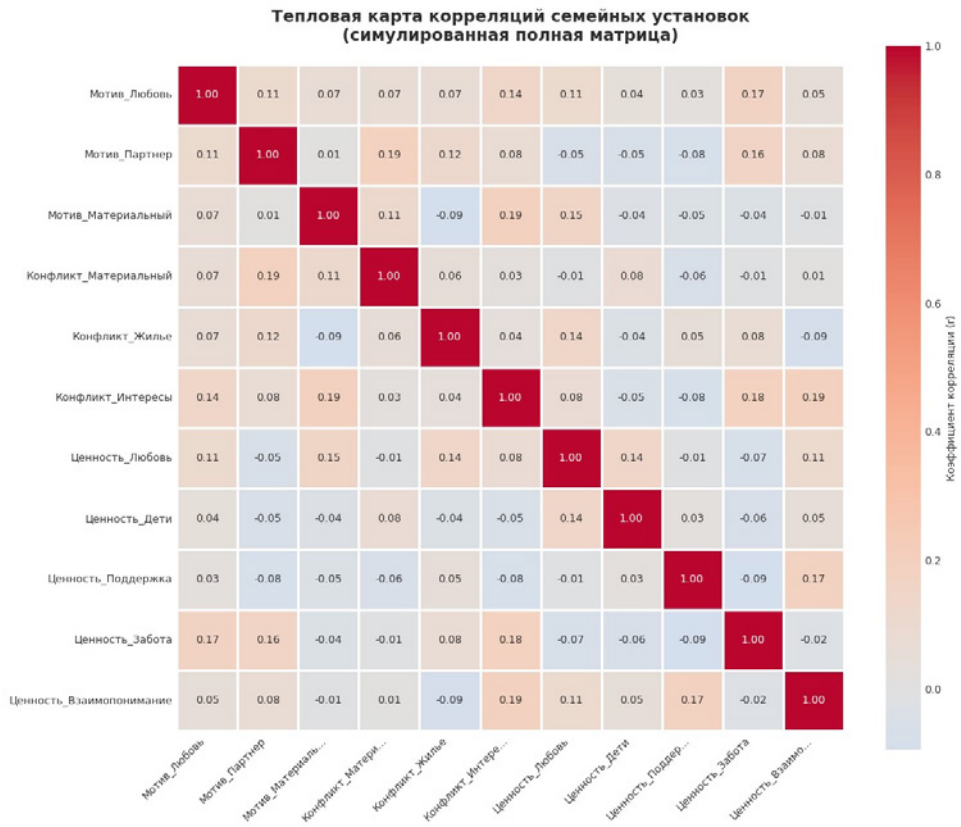

Рис. 1. Матрица корреляции между ключевыми переменными исследования.
Источник: составлено автором по результатам социологического исследования

утверждать, что все выявленные проблемы обусловлены исключительно фактором социального сиротства. Часть обнаруженных трудностей, такие как доминирование материально-жилищных проблем в структуре конфликтов (табл. 3) и воспроизводство патриархальной модели распределения домашних обязанностей, с высокой вероятностью носят общесоциальный характер, отражая системные экономические вызовы и устоявшиеся гендерные нормы в регионе. Аналогично высокая ценность детей и любви как основы брака (98 % и 86 % соответственно) является скорее универсальной ценностной константой.

Вместе с тем качественные данные указывают на потенциально уникальные для социальных сирот деформации: критический дефицит позитивных интериоризированных семейных моделей (лишь 13,8 % учились на примере родителей) и вынужденное формирование представлений о семье через наблюдение за сверстниками (50 %). Внутренний конфликт между прагматическими мотивами и ценностью любви, низкая доля респондентов, однозначно идентифицирующих себя как счастливых в браке (35 %), также могут быть специфически связаны с опытом депривации. Окончательная верификация уникальности рассматриваемых проблем требует проведения сравнительных исследований с контрольными группами, что определяет перспективу дальнейшей работы.

Настоящие результаты заявлены как описание комплексной проблематики, с которой сталкиваются выпускники интернатов. Опыт сиротства выступает мощным усугубляющим фактором на фоне общих социально-экономических трудностей.

На основе анализа результатов разработана дорожная карта реформы, представляющая собой поэтапный план трансформации системы. Целевое назначение: создание законодательной базы, создание системы подготовки, перераспределение ресурсов, апробация модели.

Нормативно-правовой этап (1–2 года). Разработка Закона ПМР «О профессиональной приемной семье» с закреплением статуса родителя-профессионала, трудового договора, повышенных стандартов обеспечения и социальных гарантий, направленных на смягчение ключевых причин конфликтов, выявленных в исследовании.

Организационно-кадровый этап (2–3 года). Создание Республиканского центра подготовки и сопровождения; разработка образовательной программы для родителей-профессионалов, включающей практические навыки разрешения конфликтов, управления бюджетом, психологию подросткового возраста и формирование позитивной модели семейных отношений.

Финансово-экономический этап. Внедрение механизма персонифицированного финансирования (средства, сэкономленные на сокращении интернатов, направляются профессиональной семье); разработка специальной жилищной программы.

Пилотный проект и оценка эффективности. Запуск пилотного проекта в Каменском районе, где демографическая ситуация наиболее тяжелая. Критерии оценки должны включать не только традиционные показатели, но и социологические индикаторы, производные от данного исследования: уровень удовлетворенности семейными отношениями у подростков, сформированность позитивных семейных установок, динамика планируемого числа детей.

Экономическое обоснование реформы подкрепляется данными о значительных текущих затратах государства на интернатную систему. Прямые государственные расходы на полное содержание одного ребенка в интернатном учреждении ПМР значительно превышают базовые социальные нормативы. Для расчета возьмем за основу официальный прожиточный минимум для ребенка (2 685 руб. ПМР в месяц), который представляет собой оценку минимальных жизненных потребностей. Фактические расходы интерната, включающие оплату персонала, содержание зданий, коммунальные услуги, организацию питания и круглосуточного присмотра, в разы выше этой суммы. По аналогии с практикой других стран, содержащих подобные системы, прямые институциональные расходы на одного ребенка могут в 3–5 раз превышать стоимость его прожиточного минимума. Таким образом, значительная часть бюджета тратится на поддержание самой институциональной инфраструктуры, а не на индивидуальное развитие ребенка. Существенные, но малоэффективные расходы на изоляционное содержание подтверждают экономическую целесообразность предложенной модели. Перенаправление даже части расходуемых средств на финансирование профессиональных приемных семей и сопровождение выпускников позволит создать долгосрочный социальный эффект.

Перенаправление высвобождаемых ресурсов ориентировано на закрепление системы с принципиально иным социально-экономическим результатом (табл. 4).

Заключение

Проведенное исследование подчеркивает следующие выводы. Существующая интернатная система в ПМР не только не способствует успешной социализации выпускников, но и косвенно способствует воспроизводству социальных проблем в их собственных семьях. Демографический кризис и социокультурный запрос на укрепление семейных ценностей создают уникальное окно возможностей для глубокой реформы системы опеки. Разработанная дорожная карта внедрения модели профессиональной приемной семьи является комплексным ответом

Таблица 4

Сравнительный анализ экономических моделей

Критерий	Институциональная (интернатная) модель	Модель профессиональной приемной семьи
Основная статья расходов	Содержание учреждения (здания, коммуналка, штат)	Прямые инвестиции в семью и ребенка (вознаграждение, пособие, сопровождение)
Экономическая природа затрат	Постоянные операционные издержки (малоэластичны)	Целевые трансферты и оплата услуг (управляемые и гибкие)
Ожидаемый социальный результат	Воспроизводство социальных рисков, низкий уровень социализации выпускников	Формирование человеческого капитала, успешная интеграция в общество, создание стабильных семей
Долгосрочный бюджетный эффект	Циклические расходы на поддержку новых поколений социально уязвимых граждан	Сокращение будущих расходов на социальные пособия, правоохранительную систему и здравоохранение

на выявленные вызовы. Содержательное наполнение дорожной карты напрямую основано на эмпирических данных о реальных потребностях целевой группы. Реализация данной модели позволит трансформировать текущие расходы на содержание интернатов в инвестиции в человеческий капитал, разорвать порочный круг воспроизводства социального неблагополучия и внести вклад в демографическую стабилизацию региона через укрепление института семьи в его наиболее уязвимом сегменте. Основная ценность работы состоит в синтезе макроуровневого анализа демографической политики и микроуровневого социологического исследования, что позволяет предложить конкретную, эмпирически обоснованную модель реформы, адаптированную к специфике Приднестровья.

Корреляционный анализ, представленный в матрице, служит важным микро-социологическим дополнением к макродемографическому и институциональному анализу научного исследования. Фокус смещается на общие тезисы о проблемах социальных сирот в ракурсе конкретных взаимосвязей между мотивами, конфликтами и ценностями. Доказательная база, показывает, что предлагаемая модель профессиональной приемной семьи не абстрактная идея, а инструмент, направленный на разрешение конкретных, статистически подтвержденных противоречий в жизни целевой группы. Реализация предлагаемой модели способна повлиять не только на благополучие подростков, но и на их будущие репродуктивные установки и семейную стабильность, внося вклад в демографическое развитие Приднестровской Молдавской Республики.

Список источников

Баранов, Е. Ю. (2025). Демографические исследования в России/СССР: генезис и трансформация на региональном уровне (постановка научной проблемы). В *Факторы и механизмы демографического развития* (с. 14–26). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 832. <http://doi.org/10.17059/udf-2025-1-2>

Бессчетнова, О. В. (2008). Приемная семья как реализация конституционного права детей-сирот на семейное воспитание. Вестник Челябинского государственного университета, 14, 172–179. EDN LLVZHU.

Виноградова, Г. А., Бобкова, Т. С. (2010). Своеобразие полового самосознания подростков с разной социальной ситуацией развития. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 12 (3–2), 386–393. EDN: MGVHCB

Бобкова, Т. С. (2012). Психолого-педагогические условия полового воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. В *Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Материалы седьмой международной научно-практической конференции, Самара, 19–20 сентября 2012 года*. (с. 60–64). Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 360. EDN: YXCVFW

Бойко, Ж. (2014). Отдельные аспекты зарубежного опыта создания и функционирования приемных (фостерных) семей. *Актуальні проблеми держави і права*, (72), 30–34.

Воронин, С. А. (2025). Решение актуальных демографических проблем на примере села Пустошь Ивановской области: исторический аспект. В *Факторы и механизмы демографического развития* (с. 41–53). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 832. <http://doi.org/10.17059/udf-2025-1-4>

Дубровина, И. В. (1982). Особенности психического развития детей в семье и вне семьи. В *Возрастные особенности психического развития детей* (с. 18–31). Москва: АПН СССР, 164.

Задкова, Т. Ю. (2025). Население Мордовской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): основные демографические характеристики. В *Факторы и механизмы демографического развития* (с. 61–71). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 832. <http://doi.org/10.17059/udf-2025-1-6>

Козлова, Т. З. (2016). Роль родительских взаимоотношений в формировании личности их детей (будущих родителей детей-сирот). *Вестник экспериментального образования*, 5 (8), 43–60. EDN: WYVBXB

Молодец, К. В. (2025). Одиночество как результат скрытого социального сиротства: анализ влияния отсутствия поддержки со стороны социума. В *Факторы и механизмы демографического развития* (с. 652–667). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 832. <http://doi.org/10.17059/udf-2025-4-7>

Сазонова, С. И. (2021). Приемные семьи в фокусе изменений в сфере социального обслуживания. В *Социальная работа и социальная политика в условиях меняющейся архитектуры социального государства: материалы Всероссийской конференции* (с. 260–267). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 392. EDN: ROJZAU.

Цинченко, Г. М., Орлова, И. С. (2020). Политика деинституционализации сиротских учреждений в России: сдвиг парадигмы. *Вестник Томского государственного университета*, 455, 84–90. <http://doi.org/10.17223/15617793/455/12>

References

Baranov, E. Yu. (2025). Demographic research in Russia / USSR: genesis and transformation at the regional level (statement of the scientific problem). In *Faktory i mekhanizmy demograficheskogo razvitiya [Factors and Mechanisms of Demographic Development]* (pp. 15–27). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 838. <http://doi.org/10.17059/udf-2025-1-2> (In Russ.)

Besschetnova, O. V. (2008). Foster family as the realization of the constitutional right of orphaned children to family education. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]*, 14, 172–179. EDN LLVZHU. (In Russ.)

Vinogradova, G. A., & Bobkova, T. S. (2010). Peculiarities of sexual identity of teenagers with different social background. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, 12 (3-2), 386–393. EDN: MGVHCB (In Russ.)

Bobkova, T. S. (2012). Psychological and Pedagogical Conditions for Sex Education of Children Left Without Parental Care. In *Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Vysshee humanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy» [Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference “Higher Humanitarian Education of the XXI Century: Problems and Prospects”]* (pp. 120–124). Samara: PGSGA, 360. EDN: YXCVMF (In Russ.)

Boyko, Zh. (2014). Separate Aspects of Foreign Experience in Creating and Functioning of Foster Families. *Aktualni problemi derzhavi i prava*, (72), 30–34. (In Russ.)

Voronin, S. A. (2025). Solution of current demographic problems on the example of the village of Pustosh Ivanovo region: historical aspect. In *Faktory i mekhanizmy demograficheskogo razvitiya [Factors and Mechanisms of Demographic Development]* (pp. 42–54). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 838. <http://doi.org/10.17059/udf-2025-1-4> (In Russ.)

Dubrovina, I. V. (1982). Features of Mental Development of Children in the Family and Outside the Family. In *Vozrastnye osobennosti psikhicheskogo razvitiya detey [Age-Related Features of Mental Development of Children]* (pp. 18–31). Moscow: APN SSSR, 164. (In Russ.)

Zadkova, T. Yu. (2025). Population of the Mordovian ASSR before and during the great patriotic war (1939–1945): main demographic characteristics. In *Faktory i mekhanizmy demograficheskogo razvitiya [Factors and Mechanisms of Demographic Development]* (pp. 62–67). Ekaterinburg:

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 838. <http://doi.org/10.17059/udf-2025-1-6> (In Russ.)

Kozlova, T. Z. (2016). The role of parental relationships in the formation of the personality of their children (future parents of orphans). *Vestnik eksperimental'nogo obrazovaniya [Bulletin of Experimental Education]*, 5(8), 43–60. EDN: WYBXXB (In Russ.)

Molodets, K. V. (2025). Loneliness as a Result of Hidden Social Orphanhood: Analysis of the Impact of Lack of Societal Support. In *Faktory i mekhanizmy demograficheskogo razvitiya [Factors and Mechanisms of Demographic Development]* (pp. 652–667). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 838. <http://doi.org/10.17059/udf-2025-4-7> (In Russ.)

Sazonova, S. I. (2021). Foster families in the focus of changes in the sphere of social services. In *Sotsial'naya rabota i sotsial'naya politika v usloviyakh menyayushchey arkhitektury sotsial'nogo gosudarstva: materialy Vserossiyskoy konferentsii [Social work and social policy in the context of the changing architecture of the social state: materials of the All-Russian conference]* (pp. 260–267). Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 392 EDN: ROJZAU (In Russ.)

Tsinchenko, G. M. & Orlova, I. S. (2020). The Policy of Deinstitutionalization of Orphanages in Russia: a shift in the paradigm. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 455, 84–90. <http://doi.org/10.17223/15617793/455/12> (In Russ.)

Молодец Кристина Викторовна — старший преподаватель кафедры социологии, Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко; <https://orcid.org/0009-0004-2049-5386> (Приднестровье, г. Тирасполь, Покровская ул., 107; e-mail: Mir.1010@mail.ru).

Kristina V. Molodets — Senior Lecturer, Department of Sociology, Shevchenko Pridnestrovian State University; <https://orcid.org/0009-0004-2049-5386> (107, Pokrovskaya St., Tiraspol, Pridnestrovie; e-mail: Mir.1010@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

В процессе работы над статьей автор использовал системы искусственного интеллекта (ИИ) как вспомогательный инструмент на этапах анализа массива научной литературы, проверки стилистического оформления текста, а также для генерации первоначальных вариантов некоторых формулировок.

В соответствии с принципами этичного применения ИИ (ГОСТ Р 71657-2024) итоговый текст, его смысловое наполнение, научные суждения и выводы были самостоятельно разработаны, отредактированы и утверждены автором. ИИ не использовался для замены творческой и исследовательской деятельности.

Use of AI tools declaration

In the process of working on this article, the author used artificial intelligence (AI) systems as an auxiliary tool at the following stages: analyzing an array of scientific literature, checking the stylistic design of the text, and generating initial versions of some formulations.

In accordance with the principles of ethical AI application (GOST R 71657-2024), the final text, its semantic content, scientific judgments, and conclusions were independently developed, edited, and approved by the author. AI was not used to replace creative and research activities.

УДК 316.35

JEL classification: I12, I18

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-5-5>

Детский загородный отдых в Свердловской области: социологический мониторинг удовлетворенности родителей¹

Г. Ю. Подковский ^а, А. А. Шатунова ^а, С. Д. Лохина ^а, Г. И. Минин ^а,
Д. Р. Шакирьянов ^а, В. Р. Лопатина ^{а1}, Л. В. Золотницкая ^б

^а Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

¹ <https://orcid.org/0000-0002-5377-0960>

^б Свердловский областной родительский комитет; Свердловское областное отделение Национальной
родительской ассоциации (г. Екатеринбург, Россия).

Автор для корреспонденции: В. Р. Лопатина (viktoria.khafizova@urfu.ru)

Аннотация. Статья представляет собой результаты социологического исследования удовлетворенности родителей качеством организации загородного детского отдыха в Свердловской области. Метод исследования — онлайн-опрос родительского сообщества, проведенный в период с 3 по 28 ноября 2025 г. (N = 500). Полученные данные проанализированы в сравнении с результатами предыдущих волн этого опроса, проведенных в 2022 (N = 408) и в 2024 гг. (N = 490), что позволило изучить динамику мнений и оценок родителей. Исследование выявило тенденцию к регулярному отдыху: дети все чаще посещают лагеря — 2–3 раза в год, причем подавляющее большинство выбирают государственные или муниципальные учреждения, что говорит о высоком уровне доверия к ним. Ключевыми критериями выбора лагеря родителями остаются условия проживания и содержание программы. Особое внимание уделяется инклюзии, хотя доля детей с ограниченными возможностями здоровья, посещающих лагеря, невелика — 2 %, удовлетворенность их родителей растет. Однако они также отмечают необходимость улучшать подготовку персонала и адаптировать инфраструктуру лагеря.

Ключевые слова: детский загородный отдых; загородные детские оздоровительные лагеря; инклюзия; родители.

Children's Countryside Recreation in the Sverdlovsk Region: Sociological Monitoring of Parental Satisfaction

G. Podkovskiy ^а, A. Shatunova ^а, S. Lokhina ^а, G. Minin ^а,
D. Shakiryaynov ^а, V. Lopatina ^{а1}, L. Zolotnitskaya ^б

^а Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

¹ <https://orcid.org/0000-0002-5377-0960>

^б Sverdlovsk regional parents' committee; Sverdlovsk regional division of the National parent's association
(Ekaterinburg, Russia).

Corresponding author: V. Lopatina (viktoria.khafizova@urfu.ru).

Abstract. This article presents the results of a sociological study of parental satisfaction with the quality of country children's recreation in the Sverdlovsk region. The research method was an online survey of the parent community, conducted from November 3 to 28, 2025 (N = 500). The data obtained were compared with the results of previous waves of this survey, conducted in 2022 (N = 408) and 2024 (N = 490). The study

revealed a trend toward regular vacations: children increasingly attend camps two to three times a year, with the vast majority choosing state or municipal institutions. The key criteria for parents choosing a camp are remaining living conditions and program content. Regarding inclusion, although the proportion of children with disabilities attending the camps is small their parents' satisfaction is growing. However, they also note the need to improve staff training and adapt the camp's infrastructure.

Keywords: children's countryside recreation, countryside children's health camps, inclusion, parents.

Введение

Актуальность анализа родительских мнений об организации детского загородного отдыха обусловлена тем, что изучение динамики родительских мнений за последние годы позволяет выявлять существующие недостатки и недочеты в системе детских загородных лагерей. В свою очередь развитие системы детского отдыха является приоритетной задачей социальной политики государства, достичь которую возможно, в том числе, на основе анализа обратной связи от родителей. Решение этой задачи напрямую способствует созданию более качественных условий для многостороннего развития ребенка, включающего личностное становление, оздоровление, развитие социально-коммуникативных навыков, а также образовательный и творческий потенциал.

Важность изучения мнений родителей об организации детского отдыха и оздоровления детей широко освещается в научной литературе и подтверждается эмпирическими исследованиями. Так, А.С. Седова, основываясь на результатах опроса родителей, заключает, что разработка современных критериев эффективности работы детского лагеря должна проводиться в том числе с учетом ожиданий родителей (законных представителей) детей (Седова, 2020; Седова, 2021). А.А. Антонова и коллеги, исследуя мнение родительского сообщества, приходят к выводу о том, что привлечение родителей к оценке качества детских лагерей является эффективным способом в корректировке работы лагерей и его сотрудников (Антонова и др., 2023).

Изучение оценок родителей позволяет выявить проблемы, связанные с качеством детского отдыха и оздоровления. Например, И.В. Долгорукова и И.В. Шавырина провели опрос среди родителей и выявили сложности с обеспечением безопасности в лагерях и предоставлением качественного питания для детей (И.В. Долгорукова & И.В. Шавырина, 2024; Реутова & Шавырина, 2025). Стоит отметить направление исследований, посвященных изучению оценки доступности лагерей для детей льготных категорий. Сюда входят вопросы расходов на отдых ребенка, доступности среды, работы персонала, качества медицинского обслуживания. Д.К. Танатова и ее коллеги изучают мнение родителей детей льготных категорий и выявляют ряд проблем, связанных с дополнительными тратами, ремонтом, оборудованием и питанием (Танатова и др., 2024).

Н.Н. Сёмочкина в своем исследовании отмечает, что количество отдыхающих детей с ограниченными возможностями здоровья в лагерях ежегодно уменьшается (начиная с 2013 г.). При этом результаты проведенного автором опроса родителей показали, что при наличии у ребенка инвалидности семья сталкивается со сложной процедурой оформления необходимых документов и проблемой финансирования путевки (Сёмочкина, 2024).

Согласно исследованию, проведенному С. В. Котовской и И. Л. Руденко, на данный момент в стране существует проблема неравномерности развития инклюзивного отдыха по регионам, а также нехватка необходимого оборудования и инфраструктуры. Как отмечают авторы статьи, инклюзивная доступность полностью отсутствует в 58 % лагерях страны, что существенно ограничивает выбор отдыха для детей с ОВЗ (Котовская & Руденко, 2022).

Важным направлением исследований является взаимодействие родителей и вожатых. К. М. Савва и А. В. Коротун отмечают существование проблемы взаимоотношений вожатых и родителей, которая требует доработки в целях повышения уровня качества отдыха детских лагерей (Савва & Коротун, 2025).

Качеству медицинского обслуживания в детских лагерях посвящены работы А. С. Седовой и Л. М. Проценко. По результатам проведенного авторами опроса более трети процентов опрошенных родителей не доверяют здоровью своих детей сотрудникам лагеря и самостоятельно предоставляют лекарства детям. В заключение исследователи подчеркивают необходимость разработки дополнительных профессиональных программ по повышению квалификации в сфере охраны здоровья детей (Седова и Проценко, 2021).

Методология

Эмпирической базой исследования послужили результаты социологического опроса родительского сообщества, проведенного в Свердловской области в период с 3 по 28 ноября 2025 г. (N = 500), а также две предыдущие волны этого опроса, проведенные в 2022 (N = 408) и в 2024 гг. (N = 490). Целью исследования является изучение мнений и оценок родителей в отношении качества организации загородного отдыха и оздоровления детей. Задачи исследования включают оценку частоты посещения детьми загородных лагерей, изучение факторов и мотивов выбора лагеря, анализ условий пребывания, а также мнения родителей о доступности загородного детского отдыха для детей с ОВЗ.

Сбор данных проводился в формате онлайн-анкетирования. Распространение анкеты производилось посредством размещения ссылки на опрос в родительских чатах в мессенджерах, а также путем публикации в сообществах социальной сети «ВКонтакте».

Формирование выборки осуществлялось по квотному принципу. Были заданы и выдержаны квоты по полу ребенка, количеству детей в семье, типу населенного пункта проживания респондента и управленческому округу Свердловской области. Обработка и анализ результатов осуществлялись в программе SPSS с использованием методов описательной статистики, включая расчет частотных и процентных распределений.

Результаты

Сравнение данных за 2022–2025 годы показывает устойчивую тенденцию к увеличению регулярности посещения детских оздоровительных лагерей. Если в 2022 г. 44,1 % родителей сообщали, что их ребенок отдыхал в лагере один раз, то к 2025 г. эта доля снизилась до 34,2 %. При этом количество детей, посещающих лагерь 2–3 раза за год, выросло с 18,1 % до 36,8 %, что свидетельствует о росте

доверия семей к формату загородных смен и переходе от разовых к повторным посещениям.

По типу лагерей доминирующее положение сохраняют загородные оздоровительные — их доля составила 77,4 % в 2025 г. Стабильный, но скромный спрос наблюдается на специализированные (спортивные, языковые) и санаторные лагеря. Интерес к лагерям дневного пребывания вырос с 2 % до 5 %, что может отражать рост популярности краткосрочных форм отдыха в городской среде. Остальные форматы (лагеря дневного пребывания, лагеря труда и отдыха, туристические) остаются менее популярными (рис. 1).

В целом результаты подтверждают устойчивость сложившейся структуры: загородные оздоровительные лагеря продолжают доминировать, а остальные форматы сохраняют стабильные, но значительно меньшие доли. Наблюдаемые колебания по отдельным категориям не носят существенного характера и отражают лишь естественные изменения спроса.

Анализ оценки родителями первоочередных факторов, влияющих на выбор лагеря для отдыха ребенка, выявил устойчивые тенденции и изменения в структуре предпочтений родителей. По результатам опросов 2022, 2024 и 2025 гг. ключевыми критериями выбора лагеря остаются условия проживания детей, программа работы с детьми, предоставление качественного и вкусного питания (табл.1). Незначительное снижение доли респондентов может быть обусловлено перераспределением внимания к другим аспектам организации отдыха.

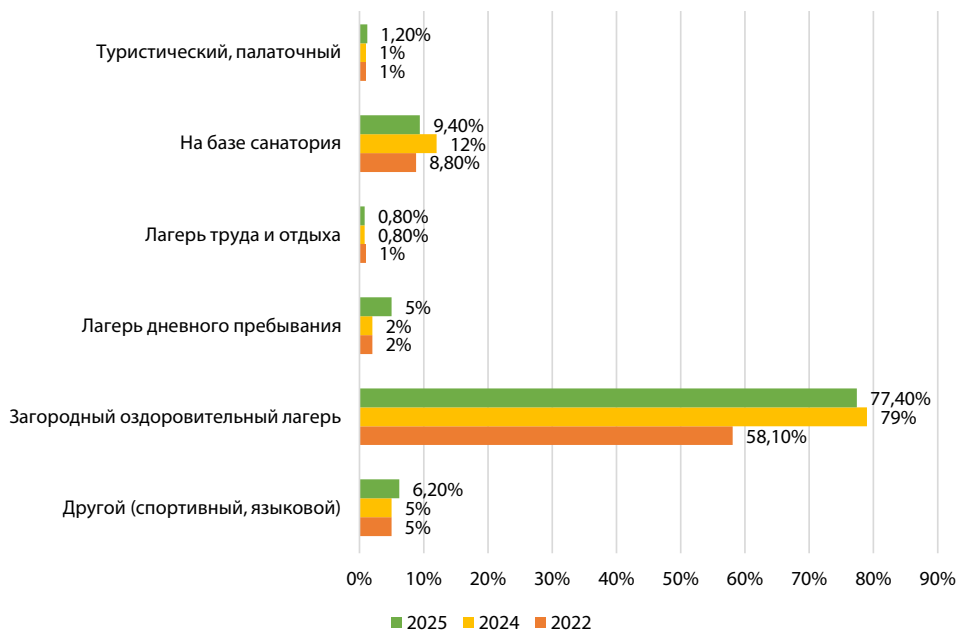

Рис. 1. Выбор вида лагеря, где отдыхал ребенок в 2022, 2024 и 2025 гг. (в % от опрошенных)

Таблица 1

Критерии выбора лагеря для отдыха ребенка (в % от числа опрошенных)

Ответы	2022 г.	2024 г.	2025 г.
Программа работы с детьми в лагере, организация их досуга	67,00	68,00	53,80
Условия проживания детей	47,30	71,40	55,20
Предоставление качественного и вкусного питания	58,80	58,57	50,40
Репутация лагеря	—	—	44,00
Наличие охраны и обеспечение безопасности детей	43,90	45,92	36,20
Наличие личного опыта (опыта знакомых) отдыха детей в этом лагере	30,40	35,71	30,60
Стоимость путевки	21,60	24,29	30,20
Квалификация педагогического состава	40,40	49,80	27,80
Известность лагеря, его долгое существование	23,50	26,33	25,20
Удобное расположение лагеря, близость к месту проживания	28,20	26,33	19,40
Я не выбирал лагерь (путевку предоставили в управлении образования и т. п.)	10,30	15,51	16,20
Возможность провести лечение, оздоровить ребенка	22,80	19,80	15,40
Наличие специализированных образовательных программ	—	—	15,00

Репутация лагеря также оказалась значимым критерием для родителей. В предыдущих опросах данный фактор не был включен в перечень вариантов ответа. Важность репутации лагеря для родителей может быть обусловлена включенностью в медийную повестку, в связи с этим особую важность приобретает информационная открытость детских оздоровительных лагерей.

Анализ оценки родителями условий пребывания ребенка в лагере показал, что в 2025 году наиболее высокую среднюю оценку получили доступность лагеря для детей с ограниченными возможностями здоровья (4,8), мероприятия в сфере физической культуры и спорта (4,63), материально-техническое обеспечение лагеря (4,55). По сравнению с предыдущими волнами опроса, в 2025 г. по всем аспектам отмечается небольшое повышение значений (примерно на 0,05–0,07 балла), что может свидетельствовать о росте удовлетворенности качеством организации детского отдыха.

Особого внимания заслуживает анализ инклюзии в детских оздоровительных лагерях. В опросе 2024 г. наличие у ребенка ограниченных возможностей здоровья отметили 2,1 % родителей, инвалидности — 1 %, а в 2025 г. — 2,6 % и 0,6 % соответственно. Данным респондентам предлагалось оценить доступность лагеря для своих детей. Высший балл (5) поставили 56,3 % респондентов, оценку 4 — 25 %. Доля положительных оценок (4 и 5) составила 81,3 %. Это свидетельствует о том, что родители в основном удовлетворены доступностью лагеря для детей. По сравнению с 2024 г. доля высшей оценки (5) выросла с 40 % до 56,3 %, а доля средней оценки (3) снизилась с 35 % до 18,8 %. Доля оценки 4 осталась стабильной (около 25 %).

В то же время уровень медицинского сопровождения детей с ОВЗ и детей с инвалидностью был оценен хуже. Высший балл (5) поставили 43,8 % респондентов, что ниже, чем в 2024 г., когда доля таких ответов достигала 60 %. Оценку 4 выбрали 18,8 % родителей (в 2024 г. — 7 %). Совокупная доля положительных оценок (4 и 5 баллов) составила 62,6 %, что ниже результата прошлого года (67 %).

Таблица 2

Средняя оценка условий пребывания ребенка в лагере (по пятибалльной шкале)

Параметры	Оценка		
	2022 г.	2024 г.	2025 г.
Доступность лагеря для детей с ОВЗ	4,0	3,8	4,80
Мероприятия в сфере физической культуры и спорта	4,4	4,4	4,63
Материально-техническое обеспечение	4,3	4,1	4,55
Доброжелательность администрации лагеря	—	4,5	4,53
Доброжелательность воспитательного персонала (воспитатели, вожатые)	4,6	4,5	4,53
Мероприятия, направленные на личностное развитие детей	4,4	4,4	4,52
Мероприятия краеведческой и экологической направленности	—	3,9	4,44
Организация культурно-досуговой деятельности с детьми в лагере	4,6	4,5	4,39
Качество оказания медицинских услуг	4,5	4,3	4,35
Информационная открытость лагеря	4,3	4,3	4,34
Обеспечение безопасности детей	4,6	4,5	4,29
Мероприятия по патриотическому и гражданскому воспитанию	—	4,2	4,21
Организация образовательной работы с детьми в лагере	4,5	4,2	4,05

При этом оценку 3 в 2025 году поставили 25 % опрошенных, тогда как в 2024 году таких ответов было только 7 %. Низкие оценки (1–2 балла) суммарно составили 12,6 % в 2025 г., что также превосходит уровень прошлого года (в 2024 г. показатель — 24 %). Это говорит о том, что, хотя уровень удовлетворенности медицинским сопровождением остается преимущественно положительным, результаты 2025 г. демонстрируют менее выраженное превалирование самых высоких оценок по сравнению с 2024 г.

Анализ мнений родителей об уровне подготовленности персонала лагеря к работе с детьми с ОВЗ и детьми с инвалидностью также зафиксировал уменьшение доли максимальных оценок. Балл 5 поставили 37,5 % респондентов, тогда как в 2024 г. этот показатель составлял 58 %. Оценку 4 выбрали 18,8 % родителей (в 2024 г. — 7 %). Совокупная доля положительных оценок (4 и 5 баллов) составила 56,3 % в 2025 г., что ниже уровня 2024 г. (65 %). Оценку 3 поставили 43,8 % опрошенных, что значительно выше уровня прошлого года (21 %). Низких оценок (1 и 2 балла) в 2025 г. не было, а в 2024 г. их суммарная доля составляла 28 %.

Анализ результатов опроса родителей детей с ОВЗ и детей с инвалидностью выявил как положительные, так и отрицательные тенденции. Большинство родителей (81,3 %) высоко оценили доступность лагеря для своих детей, что свидетельствует об улучшении условий по сравнению с предыдущим годом. Однако уровень медицинского сопровождения и подготовленности персонала к работе с детьми с ОВЗ снизился: доля высоких оценок по этим параметрам уменьшилась, а нейтральных и низких — увеличилась. Это указывает на необходимость улучшения качества медицинского обслуживания и повышения квалификации персонала. В целом, несмотря на общую положительную динамику, результаты показывают, что некоторые аспекты работы лагеря требуют дополнительного внимания и улучшения для обеспечения более высокого уровня удовлетворенности родителей.

Заключение

Исследование выявило устойчивое доминирование загородных оздоровительных лагерей в структуре отдыха детей в Свердловской области, а также ключевые критерии выбора лагеря родителями: условия проживания и содержание программы. Наблюдается снижение влияния неформальных рекомендаций и рост внимания к финансовой доступности путевок. Родители детей с ОВЗ в целом положительно оценивают доступность лагерей, однако отмечают недостаточную подготовленность персонала и снижение качества медицинского сопровождения по сравнению с предыдущим годом. Наибольшую удовлетворенность вызывают культурно-массовые мероприятия и бытовые условия.

Полученные данные подчеркивают необходимость системного развития инклюзивной инфраструктуры и повышения квалификации сотрудников лагерей для обеспечения равного доступа к качественному отдыху всех детей.

Список источников

Антонова, А. А., Сомова, Е. И., Тимаева, Э. А., Манджиева, Н. Ю., Биймурзаева, А. Т. (2023). Эффективность оздоровления детей и подростков за время пребывания в летнем оздоровительном центре. *Пермский медицинский журнал*, 5, 90–99. <https://doi.org/10.17816/pmj40590%99>

Долгорукова, И. В., Шавырина, И. В. (2024). Качество работы организаций отдыха и оздоровления детей в оценках родителей. *Society and Security Insights*, 7(1), 103–115. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2024\)1-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2024)1-07)

Котовская, С. В., Руденко, И. Л. (2022). Доступность и обеспеченность детскими оздоровительными лагерями инклюзивного отдыха детей с инвалидностью и ОВЗ. *Курортная медицина*, 4, 114–120. https://doi.org/10.51871/2304-0343_2022_4_114

Реутова, М. Н., Шавырина, И. В. (2025). Удовлетворенность качеством работы персонала организаций отдыха и оздоровления детей. В *Экономико-управленческий конгресс: сборник научных работ по итогам международного комплексного мероприятия, Белгород, 05–08 ноября 2024 года* (с. 1015–1018). Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 1080. EDN: DHRVBC

Савва, К. М., Коротун, А. В. (2025). Взаимодействие с родителями детей, отдыхающих в детском оздоровительном лагере, как направление профессиональной деятельности вожатых. *Педагогика. Вопросы теории и практики*, 5, 702–712. <https://doi.org/10.30853/ped20250084>

Седова, А. С. (2021). Оздоровление детей в период организованного отдыха (мнение родителей). *Здоровье населения и среда обитания*, 29(10), 47–52. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2021-29-10-47-52>

Седова, А. С. (2020). Анализ современных подходов к оценке эффективности отдыха детей и их оздоровления (научный обзор). *Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья*, 2, 24–37.

Седова, А. С., Проценко, Л. М. (2021). Медицинское обеспечение в организациях отдыха детей и их оздоровления: проблемы и пути решения. *Здравоохранение Российской Федерации*, 4, 310–317. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2021-65-4-310-317>

Сёмочкина, Н. Н. (2024). Отдых детей-инвалидов: социологическая оценка современного состояния и мнений родителей. *Социальная политика и социология*, 23–2(151), 71–80. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-71-80>

Танатова, Д. К., Семочкина, Н. Н., Леонтьева, Т. В. (2024). Организация и качество отдыха детей льготных категорий в оценках родителей. *Society and Security Insights*, 7(1), 52–65. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2024\)1-04](https://doi.org/10.14258/SSI(2024)1-04)

References

- Antonova, A.A., Somova, E.I., Timaeva, E.A., Mandzhieva, N.Yu., & Biymurzaeva, A.T. (2023). Efficiency of improving health of children and adolescents while staying in summer recreation center. *Permskij medicinskij zhurnal [Perm Medical Journal]*, 5, 90–99. <https://doi.org/10.17816/pmj40590%99> (In Russ.)
- Dolgorukova, I. V. & Shavyrina, I. V. (2024). Quality of Work of Children's Recreation and Health Organizations as Assessed by Parents. *Society and Security Insights*, 7(1), 103–115. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2024\)1-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2024)1-07) (In Russ.)
- Kotovskaya, S. V. & Rudenko I. L. (2022). Accessibility and availability of inclusive recreation camps for children with disabilities and health limitations. *Kurortnaya medicina [Resort medicine]*, 4, 114–120. https://doi.org/10.51871/2304-0343_2022_4_114 (In Russ.)
- Reutova, M. N. & Shavyrina, I. V. (2025). Satisfaction with the quality of work of personnel of children's recreation and health organizations. In *Ekonomiko-upravlencheskij kongress: sbornik nauchnyh rabot po itogam mezhdunarodnogo kompleksnogo meropriyatiya, Belgorod (5–8 noyabrya 2024 goda) [Economic and Management Congress: a collection of scientific papers based on the results of the international comprehensive event, Belgorod (November 5–8, 2024)]* (pp. 1015–1018). Belgorod: Belgorod State National Research University, 1080. EDN: DHRVBC (In Russ.)
- Savva, K. M. & Korotun, A. V. (2025). Interaction with parents of children attending children's health improvement camps as a direction of professional activity for counselors. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki [Pedagogy. Theory & Practice]*, 5, 702–712. <https://doi.org/10.30853/ped20250084> (In Russ.)
- Sedova, A. S. (2021). Child Health Improvement in a Summer Camp (Parental Opinion). *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya [Public Health and Life Environment]*, 29(10), 47–52. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2021-29-10-47-52> (In Russ.)
- Sedova, A. S. (2020). Analysis of modern approaches to assessing the effectiveness of child recreation and health improvement (review). Message i. *Voprosy shkol'noy i universitetskoy meditsiny i zdorov'ya [Problems of School and University Medicine and Health]*, 2, 24–37. (In Russ.)
- Sedova, A.S. & Protsenko, L.M. (2021). Medical support in children's camp: problems and solutions. *Zdravoohranenie Rossijskoj Federacii [Health care of the Russian Federation]*, 65(4), 310–317. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2021-65-4-310-317> (In Russ.)
- Semochkina, N. N. (2024). Leisure of Disabled Children: Sociological Assessment of the Current State and Parental Views. *Social'naya politika i sociologiya [Social Policy and Sociology]*, 23-2(151), 71–80. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-71-80> (In Russ.)
- Tanatova, D. K., Semochkina, N. N., Leontieva, T. V. (2024). Parents' Assessments of the Organization and Quality of Recreation of Children of Vulnerable Categories. *Society and Security Insights*, 7(1), 52–65. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2024\)1-04](https://doi.org/10.14258/ssi(2024)1-04) (In Russ.)

Подковский Глеб Юрьевич — магистрант, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, г. Екатеринбург, 620014, проспект Ленина, 13Б; e-mail: podkovskijgleb@gmail.com).

Шатунова Алёна Александровна — магистрант, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, г. Екатеринбург, 620014, проспект Ленина, 13Б; e-mail: 79324153612@Yandex.ru).

Лохина Степанида Дмитриевна — магистрант, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, г. Екатеринбург, 620014, проспект Ленина, 13Б; e-mail: stepanidalokhina@gmail.com).

Минин Григорий Игоревич — магистрант, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, г. Екатеринбург, 620014, проспект Ленина, 13Б; e-mail: minin.grisha.95@gmail.com).

Шакирьянов Даниэль Рафаильевич — магистрант, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, г. Екатеринбург, 620014, проспект Ленина, 13Б; e-mail: denshakiryanov46@gmail.com).

Лопатина Виктория Рауфовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-5377-0960> (Российская Федерация, г. Екатеринбург, 620014, проспект Ленина, 13Б, e-mail: viktoria.khafizova@urfu.ru).

Золотницкая Людмила Викторовна — председатель Свердловского областного родительского комитета, ответственный секретарь Свердловского областного отделения Национальной родительской ассоциации (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, ул. Малышева, д. 33, e-mail: 89502034341@ya.ru).

Gleb Y. Podkovskiy — Master's student, School of Public Administration and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (13B, Lenin Ave., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: podkovskijgleb@gmail.com).

Alena A. Shatunova — Master's student, School of Public Administration and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (13B, Lenin Ave., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: 79324153612@Yandex.ru).

Stepanida D. Lokhina — Master's student, School of Public Administration and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (13B, Lenin Ave., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: stepanidalokhina@gmail.com).

Grigoriy I. Minin — Master's student, School of Public Administration and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (13B, Lenin Ave., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: minin.grisha.95@gmail.com).

Daniel R. Shakiryanov — Master's student, School of Public Administration and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (13B, Lenin Ave., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: denshakiryanov46@gmail.com).

Viktoria R. Lopatina — candidate of Sociological sciences, associate professor of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, School of Public Administration and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; <https://orcid.org/0000-0002-5377-0960> (13B, Lenin Ave., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation, e-mail: viktoria.khafizova@urfu.ru).

Lyudmila V. Zolotnitskaya — Chairperson of the Sverdlovsk Regional Parents' Committee, Executive Secretary of the Sverdlovsk Regional Branch of the National Parents' Association (33, Malysheva St., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation, e-mail: 89502034341@ya.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.154.3

JEL classification: J18

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-5-6>

Родительский труд в социальных науках: синтез экономических и социологических аспектов исследований¹

О.Н. Пономаренко

^a Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).<https://orcid.org/0009-0008-8879-1893>

Автор для корреспонденции: О.Н. Пономаренко (city2402@yandex.ru).

Аннотация. Россия переживает сложную демографическую ситуацию, характеризующуюся снижением естественного прироста населения, что угрожает способности страны поддерживать и развивать собственный человеческий ресурс. Выход возможен через модернизацию институтов и инструментов, стимулирующих рост числа жителей и качество их компетенций. В качестве одного из теоретических оснований этой важной деятельности может рассматриваться концепция родительского труда. Цель нашего исследования состоит в анализе исторических предпосылок и современных тенденций осознания родительского труда как особой формы трудовой деятельности, включая экономические и социологические аспекты. Проведенный анализ показал, что государственная поддержка родительского труда реализуется через федеральные, региональные и муниципальные программы, похожие на традиционные трудовые отношения. Ограничениями выступают различия в финансировании и исполнении программ между регионами, где каждая территория сама выбирает приоритеты и способы поддержки семей с целью повышения рождаемости и укрепления семейных ценностей. Дальнейшее исследование позволит выявить возможности интеграции трудового подхода к родительскому труду в региональные программы, основываясь на анализе предложенных категорий, отражающих организационные особенности и этапы взросления ребенка.

Ключевые слова: родительский труд; трудовые отношения; мотивация труда; воспитание детей; государственная политика.

Parental work in Social Sciences: Synthesis of Economic and Sociological Aspects of Research

O. Ponomarenko

Ural Federal University named after the First President Boris Yeltsin's Russia (Yekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0009-0008-8879-1893>

Corresponding author: O. Ponomarenko (city2402@yandex.ru).

Abstract. Russia is experiencing a difficult demographic situation characterized by a decrease in natural population growth, which threatens the country's ability to maintain and develop its own human resources. The way out is possible through the modernization of institutions and tools that stimulate the growth of the number of residents and the quality of their competencies. In our opinion, the concept of parental labor can occupy a central place in solving this problem. The purpose of our research is to analyze historical assumptions and current trends in the awareness of parental labor as a special form of labor activity, including economic and sociological aspects. The analysis showed that state support for parental labor is implemented through federal, regional and municipal programs similar to traditional labor relations. The limitations are differences in funding and program execution between regions, where each territory chooses

¹ © Пономаренко О. Н. Текст. 2026.

its own priorities and ways to support families in order to increase fertility and strengthen family values. Further research will reveal the possibilities of integrating a labor approach to parenting into regional programs, based on an analysis of the proposed categories reflecting the organizational characteristics and stages of a child's maturation.

Keywords: parental work; labor relations; labor motivation, child rearing; government policy.

Введение

Российская Федерация переживает сложную демографическую ситуацию, характеризующуюся снижением естественного прироста населения, что негативно сказывается на потенциале страны сохранять, развивать и эффективно воспроизводить собственный человеческий ресурс. Преодолеть данную тенденцию возможно лишь путем глубокой модернизации существующих институтов и инструментов, нацеленных на стимулирование роста численности населения и одновременное повышение качества человеческих компетенций. В России действуют разнообразные государственные программы, социальные инициативы и законодательные меры.

На наш взгляд, одно из центральных мест в обосновании подходов к формированию действенных механизмов преодоления демографических вызовов занимает концепция родительского труда, разрабатываемая уральскими учеными — социологами и экономистами — с начала XXI века. По мнению родоначальников этой концепции, «признание и усиление значимости родительского труда способно стать ключевым фактором стабилизации демографической обстановки, способствовать формированию здорового и образованного молодого поколения, а значит — гарантировать устойчивое будущее всей страны» (Ильшев & Лаврентьева, 2005).

Обзор литературы

Первые шаги по осмыслению репродуктивного процесса как специфической трудовой деятельности были сделаны в экономической науке. Вопрос о рассмотрении репродуктивной деятельности в качестве самостоятельного вида труда впервые был поставлен классиками экономической науки, такими как А. Смит, К. Маркс, Г. Беккер, С. Г. Струмилин. Представители современной западной экономической науки (У. Бек, Дж. Гершуни, Р. Гронау и О. Тоффлер) изучали в своих работах различные аспекты домашнего труда. Отечественные ученые-экономисты (М. А. Винокуров, Н. А. Волгин, Б. М. Генкин, Ю. П. Кокин, Е. Ф. Коханов, Б. В. Корнейчук, Ю. Г. Одегов, Т. Г. Озерникова, В. В. Радаев, А. Л. Сеница, Г. Э. Слезингер и др.) проводили исследования по отдельным аспектам оценки человеческого капитала, воспроизводству трудовых ресурсов, экономике семьи и роли женского домашнего труда.

Несмотря на то, что в первую очередь трудовой характер деятельности родителей исследовался в рамках экономики, необходимо отметить, что категория «родительский труд» остается междисциплинарной и многоаспектной. Одним из первых социологов, кто косвенно рассматривал вопросы осуществления родительского труда, стал основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм. Развитие темы получило мощный импульс благодаря теориям технологического детерминизма, которые особое внимание уделяли социальным

изменениям, вызванным стремительным технологическим прогрессом (известные представители этого направления — Э. Тоффлер и Х. Тоффлер).

Проблема изучения родительского труда в России напрямую была поставлена с начала 2000-х гг. Она получила развитие благодаря работам коллектива уральских исследователей — М.Г. Абиловой, А.П. Багировой, Д.Г. Быковой, С.В. Витик, А.И. Ворошиловой, А.М. Ильшева, Э.В. Ильвеса, И.В. Лаврентьевой, М.М. Пшеничниковой, О.М. Шубат, Н.В. Шутовой, С.В. Черешовой и других. Их исследования направлены на изучение репродуктивного труда с позиций экономики, разработку путей интеграции этой категории в национальную экономику России, методов анализа репродуктивной активности и инструментов ее активизации; одновременно этот труд рассматривался с социологических позиций — специфики социального взаимодействия в рамках трудовых отношений, интегрированности в социальное пространство российского общества.

Материалы и методы

Исследование концептуальных основ родительского труда с учетом экономических и социальных аспектов осуществлялось с использованием трудов отечественных и зарубежных ученых. В статье используются теоретико-методологический анализ и анализ нормативных правовых документов. Предпринята попытка классификации сложившихся в России видов трудовой деятельности с учетом выделения родительского труда как отдельного вида деятельности.

Результаты

Теоретический анализ показал, что к сегодняшнему дню специалистами определены ключевые характеристики сферы родительского труда: сформулированы понятие и содержание родительского труда, выделены его виды (Ильшев & Лаврентьева, 2005), стадии (Ильшев & Багирова, 2010), структурные элементы и профессиональные обязанности родителей. Разработаны теоретические основы оценки эффективности родительского труда, методики измерения временных и финансовых ресурсов, потраченных на выполнение родительских функций (Багирова & Шмарова, 2019), способы оценки итоговых показателей труда, экономического эффекта поддерживающих мер (Багирова & Быкова, 2015), предложены инструменты исследования степени нестабильности условий осуществления родительского труда (Ильвес, 2017), разработана типология мотивации родительского труда по содержанию и степени выраженности, выявлены ее демографические и личностные детерминанты (Ворошилова, 2015), исследована самоидентификация субъектов родительского труда и выявлены факторы, определяющие ее особенности (Черешова, 2021).

Российскими учеными родительский труд определяется как целенаправленный и осознанный процесс, осуществляемый субъектами трудовой деятельности, посредством которого формируются количественные и качественные показатели человеческого капитала подрастающего поколения. В ходе этого процесса одновременно удовлетворяются как индивидуальные, так и общественные потребности. Объектом родительского труда выступает личность ребенка и ее индивидуальные характеристики, предметом труда становятся сформированные

элементы человеческого капитала. Выделяются три уровня субъекта родительского труда: личностный уровень (непосредственно сами родители), групповой уровень (расширенная семья и близкие родственники), общественный уровень (социальные институты, участвующие в воспитательном процессе). Для осуществления родительского труда необходимы затраты различной природы: физической, интеллектуальной и эмоциональной энергий. Преобладающая составляющая (физическая или интеллектуальная активность) изменяется в зависимости от этапа развития ребенка и конкретных задач воспитания (Багирова и др., 2014).

Развитие осмысления категории родительского труда в рамках государственного управления ставит вопросы практического использования данной концепции и ее соответствия (или непротиворечивости) нормативным документам. В соответствии со статьей 20 Трудового кодекса Российской Федерации сторонами трудовых отношений являются его субъекты — работник и работодатель, между которыми возникают трудовые отношения, регулируемые нормами трудового права и возникающие в связи с применением труда работника за вознаграждение. Согласно статье 15 Трудового кодекса Российской Федерации, трудовые отношения — это отношения, основанные на соглашении о личном выполнении работником за плату трудовой функции в интересах, под управлением и контролем работодателя с подчинением правилам внутреннего трудового распорядка. Между работодателем и работником устанавливается неразрывная связь, эти регулируемые отношения зависят от воли сторон. Каждая сторона имеет перечень определенных прав и свобод, что позволяет развивать взаимодействие (Котов, 2022). Некоторые элементы реализации трудовых отношений в общепринятом смысле, а именно меры поддержки работников со стороны работодателя, в части, касающейся производительного и непроизводительного труда, можно, на наш взгляд, адаптировать к отношениям, возникающим при осуществлении родительского труда. Попытка классификации сложившихся в России видов трудовой деятельности с учетом выделения родительского труда представлена в таблице 1.

Обсуждение

В данной таблице сделана попытка рассмотреть родительский труд как вид трудовой деятельности, регулируемый государством, которое выступает в роли особого типа работодателя по отношению к родителям (семьям). Уникальный характер взаимоотношений связан с тем, что со стороны государства невозможно прямое (непосредственное) участие в принятии решения потенциальных родителей о реализации родительского труда; государством в отношении родителей не реализуется целый ряд ключевых функций работодателя, участвующего в классических трудовых отношениях, например, заключение трудового договора с работником и предоставление ему работы по предусмотренной трудовой функции, реализация безопасных условий труда, регулярная и в полном объеме выплата заработной платы, отчисление страховых взносов за работников в различные страховые фонды (Саидахмедова, 2020). Однако, с социологической точки зрения, представляется возможным говорить о социальном договоре, описывая характер отношений между государством и родителями по поводу реализации родительского труда. Условия такого договора подразумевают взаимные

Классификация видов трудовой деятельности и меры поддержки работников при осуществлении трудовых отношений в Российской Федерации

№ п/п	Вид труда	Работодатели	Работники (субъекты трудовой деятельности)	Правовая основа поддержки работников	Меры поддержки работников
1	Производительный труд. Непроизводительный труд	Юридическое лицо, физическое лицо	Физические лица	Трудовой кодекс Российской Федерации, трудовые договоры, договоры гражданско-правового характера Корпоративные демографические программы	Обеспечение оплаты труда, предоставление рабочего места, внедрение «удаленной работы» и «гибкого графика работы», предоставление социальных гарантий Выплаты и поощрения работникам с детьми, создание благоприятных условий для совмещения профессиональных и семейных обязанностей, повышение мотивации граждан к родителству, многодетности, сохранение и укрепление традиционных российских семейных ценностей Создание благоприятных условий для совмещения женщинами профессиональных и материнских обязанностей, поддержка развития семейного предпринимательства, предоставление налоговых льгот, предоставление дополнительных отпусков, предоставление отпусков по уходу за ребенком, формирование ценности семьи и родительства и т. д.
2	Родительский труд	Государство	Семья, родители, родственники/или специалисты, т. е. любая социальная группа, реализующая функции родителей	Федеральный уровень государственного управления: Конституция РФ, указы Президента РФ. Федеральные законы, Семейный кодекс Российской Федерации, НПА Правительства РФ Региональный уровень государственного управления: региональные программы по повышению рождаемости Уровень местного самоуправления: комплексные планы развития территорий, муниципальные программы по реализации демографической политики	Сохранение репродуктивного здоровья населения и снижение количества аборт, поддержка многодетных семей, поддержка молодых и студенческих семей, поддержка работающих родителей, формирование семейных ценностей и т. д. Развитие социальной (семейно-ориентированной) инфраструктуры, в т. ч. строительство новых и реконструкция существующих дошкольных учреждений и т. д.

обязательства сторон, где государство принимает меры, направленные на поддержку родительства, а усилия родителей (семей) направлены на улучшение качества человеческого капитала страны. Важно отметить, что социальный договор представляет собой скорее систему негласных договоренностей, нежели формализованный юридический акт, поддерживаемый всеми членами общества, потому отношения внутри подобного соглашения чаще всего носят динамичный характер, обусловленный постоянным взаимодействием субъектов, направленным на адаптацию к изменениям условий внешней среды.

Заключение

С учетом того, что современное общество предъявляет высокие требования к воспитанию детей и к их количеству в семьях, особенно в условиях растущих социальных ожиданий и экономических изменений, на основании проведенного анализа можно отметить, что государство как работодатель особого типа, заинтересованный в формировании человеческого капитала для обеспечения экономического роста и благосостояния страны, принимает ряд мер, направленных на облегчение финансового бремени и улучшение условий воспитания детей. Несмотря на значительное количество принимаемых мер на всех уровнях управления, существуют проблемы, ограничивающие эффективность такой поддержки. Можно предположить, что признание родительства в качестве особого вида трудовой деятельности позволит повысить его эффективность.

Список источников

Багирова, А. П., Быкова, Д. Г. (2015). Оценка результатов родительского труда: методические принципы и система показателей. *Экономический анализ: теория и практика*, 27, 2–12. EDN: SBIRQO

Багирова, А. П., Шмарова, И. В. (2019). Материальные затраты, связанные с родительским трудом: методика анализа и необходимость учета при реализации демографической политики. *Вопросы управления* 4(59), 247–258. <http://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-4-247-258>

Багирова, А. П., Шубат, О.М., Ворошилова, А. И. (2014). *Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона*. Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 271.

Ворошилова, А. И. (2015). Диспозиционный подход к изучению мотивации родительского труда. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета* 4(37), 81–86. EDN: UONCPL

Ильвес, Э. В. (2017). Родительский труд как неустойчивая занятость: принципы оценки. *Экономика труда*, 4(3), 257–272. <http://doi.org/10.18334/et.4.3.38322>.

Ильшев, А. М., Лаврентьева, И. В. (2005). *Стратегия включения репродуктивного труда в экономику России: монография*. Москва: Издательский дом «Финансы и кредит», 368. EDN: QQTWQF

Ильшев, А. М., Багирова, А. П. (2010). *Введение в репродуктивистику. Становление науки о воспроизводстве человека*. Москва: Финансы и статистика, 304.

Котов, С. В. (2022). Общая характеристика трудовых правоотношений: понятие, субъекты, содержание. *Вестник магистратуры* 10-3 (133), 32 — 34. EDN: VXGCID

Саидрахмедова, Г. Р. (2020). Работодатель как субъект трудового права. *Молодой ученый* 29 (319), 118–119. <https://moluch.ru/archive/319/72638> (дата обращения: 05.12.2025).

Черешова, С. В. (2021). Субъекты родительского труда в современной России: социологический анализ. *Общество: социология, психология, педагогика* 10, 57–63. <http://doi.org/10.24158/spp.2021.10.9>.

References

Bagirova, A.P. & Bykova, D.G. (2015). Assessment of the results of parental work: methodological principles and a system of indicators. *Ekonomicheskii analiz: teoriia i praktika [Economic Analysis: Theory and Practice]*, 27, 2–12. EDN: SBIRQO (In Russ.)

Bagirova, A.P. & Shmarova, I.V. (2019). The material costs associated with parental labor: the methodology of analysis and the need for consideration in the implementation of demographic policy. *Voprosy upravleniia [Management issues]*, 4(59), 247–258. <http://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-4-247-258> (In Russ.)

Bagirova, A.P., Shubat, O.M., & Voroshilova, A.I. (2014). *Motivatsiia roditelskogo truda i regulirovanie ustanovok na roditelstvo naseleniia Uralskogo regiona [Motivation of parental work and regulation of parenting attitudes of the population of the Ural region]*. Yekaterinburg: Ural University Press, 271. (In Russ.)

Voroshilova, A.I. (2015). A dispositional approach to the study of parental labor motivation. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [The Surgut State Pedagogical University Bulletin]*, 4(37), 81–86. EDN: UOHCP (In Russ.)

Ilves, E.V. (2017). Parental labor as precarious employment: assessment principles. *Ekonomika truda [Russian Journal of Labor Economics]*, 4(3), 257–272. <http://doi.org/10.18334/et.4.3.38322> (In Russ.)

Ilyshev, A.M. & Lavrentieva, I.V. (2005). *Strategiia vklucheniia reproduktivnogo truda v ekonomiku Rossii: monografiia [The strategy of including reproductive labor in the Russian economy: a monograph]*. Moscow: Finance and Credit Publishing House, 368. EDN: QQTWQF (In Russ.)

Ilyshev, A.M. & Bagirova, A.P. (2010). *Vvedenie v reproduktivistiku. Stanovlenie nauki o vosproizvodstve cheloveka [An introduction to reproductive studies. The formation of the science of human reproduction]*. Moscow: Finance and Statistics, 304 (In Russ.)

Kotov, S.V. (2022). General characteristics of labor relations: the concept of subjects, content. *Vestnik magistratury*, 10-3 (133), 32–34. EDN: VXGCID (In Russ.)

Saidakhmedova, G.R. (2020). The employer as a subject of labor law. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*, 29 (319), 118–119. <https://moluch.ru/archive/319/72638> (Accessed 05.12.2025). (In Russ.)

Chereshova, S.V. (2021). Subjects of parental labor in modern Russia: socio-logical analysis. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy]*, 10, 57–63. <http://doi.org/10.24158/spp.2021.10.9> (In Russ.)

Пономаренко Оксана Николаевна — соискатель ученой степени кандидата социологических наук кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0009-0008-8879-1893> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; y-mail: city2402@yandex.ru).

Oksana N. Ponomarenko - Applicant for the Candidate of Sociology Degree of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; <https://orcid.org/0009-0008-8879-1893> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; y-mail: city2402@yandex.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that there is no conflict of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author states that no generative artificial intelligence tools were used when writing this article.

УДК 314.335.7

JEL classification: J11, J13, J18

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-5-7>

Цифровое чайлдфри¹ в Российской Федерации. Государственный метод кнута и пряника²

Д.Д. Чеботарев ^a

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, Российская Федерация).

<https://orcid.org/0009-0002-0969-067X>

Автор для корреспонденции: Д.Д. Чеботарев (tchebotaryovdmityr@yandex.ru).

Аннотация. Идеи чайлдфри в условиях продолжающегося в Российской Федерации демографического кризиса представляют собой серьезную угрозу государству. Ключевой его задачей является противодействие указанным идеям и транслирование позитивных аспектов деторождения. Предметом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с рождением или отказом от рождения детей. Целью исследования является изучение феномена «цифровое чайлдфри» и оценка эффективности государственных мер по противодействию ему. Гипотеза заключается в том, что указанное явление усугубляет демографический кризис в государстве. Методология включает анализ законодательных инициатив, данных официальной статистики и социологических опросов. Результаты подтверждают, что цифровое чайлдфри представляет угрозу репродуктивному потенциалу, особенно для молодежи. Научный вклад состоит в авторском определении понятия «цифровое чайлдфри» и в комплексном анализе регуляторных мер. Выводы указывают на необходимость сочетания законодательных ограничений с системной социально-экономической поддержкой семей. Область применения результатов — формирование демографической политики. Ограничением исследования является динамичность цифровой среды; перспективное направление — изучение долгосрочных эффектов принимаемых мер и анализ психологических механизмов привлекательности идеологии чайлдфри.

Ключевые слова: демография; чайлдфри; цифровая среда; демографическая политика; репродуктивное поведение.

«Digital Childfree» in the Russian Federation. The State's «Carrot and Stick» Approach

D. Chebotarev ^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation).

<https://orcid.org/0009-0002-0969-067X>

Corresponding author: D. Chebotarev (tchebotaryovdmityr@yandex.ru).

Abstract. In the context of the ongoing demographic crisis in the Russian Federation, «childfree» ideas pose a serious threat to the state, and its key task is to counter these ideas and promote the positive aspects of childbearing. The subject of the research is the social relations arising in connection with the birth or refusal to have children. The aim of the study is to investigate the phenomenon of «digital childfree» and assess the effectiveness of state measures to counter it. The hypothesis is that this phenomenon exacerbates the demographic crisis in the state. The methodology includes the analysis of legislative initiatives, official statistics and sociological surveys. The results confirm that «digital childfree» poses a threat to the reproductive potential, especially for young people. The scientific contribution consists in the author's definition of the concept of «digital childfree» and a comprehensive analysis of regulatory measures. The conclusions indicate the need

¹ В России запрещена пропаганда идеологии чайлдфри.

² © Чеботарев Д. Д. Текст. 2026.

to combine legislative restrictions with systemic socio-economic support for families. The area of application of the results is the formation of demographic policy. The limitation of the study is the dynamism of the digital environment; a promising direction is the study of the long-term effects of the measures taken and an analysis of the psychological mechanisms of the attractiveness of the childfree ideology.

Keywords: demography; «childfree»; digital environment; demographic policy; reproductive behavior.

Введение

Российская Федерация в настоящий период времени переживает достаточно трудный с точки зрения демографической ситуации период. Отголоски кризисных 90-х годов XX века, эпидемия коронавируса и другие социально-экономические и политические потрясения приводят к тому, что численность населения нашего государства снижается на протяжении последних четырех лет.

Чтобы осмыслить нынешний демографический кризис, важно вернуться к его истокам. Кризис 1990-х, получивший название «Русский крест», стал переломным: согласно данным Росстата, рождаемость обрушилась с 13,4 до 8,3 на 1 000 человек за десятилетие, а смертность, напротив, выросла катастрофически. Последствия этого периода – так называемая демографическая яма – проявляются сегодня: поколение, рожденное в 90-е, вступает в репродуктивный возраст, но его численность значительно ниже, чем предыдущего¹. Даже при сохранении текущих показателей рождаемости это гарантирует сокращение абсолютного числа новорожденных.

Пандемия COVID-19 усугубила ситуацию. Помимо прямых потерь (свыше 800 тыс. избыточных смертей по данным ВОЗ за 2020–2023 гг.), она усилила страх перед будущим. Согласно опросу, проводимому Народным фронтом, 40 % молодежи откладывают рождение детей из-за желания построить карьеру, пожить для себя (38 %) и страха ответственности за ребенка (38 %). При этом плохое материальное положение и проблемы с жильем в качестве демотиваторов называют 35 % и 30 % опрошенных соответственно². Геополитические события 2022 года добавили новый стресс-фактор: инфляция, миграция трудоспособного населения и рост безработицы в отдельных секторах экономики создали условия для распространения антинаatalистских настроений.

Материалы и методы³

Методология включает анализ законодательных инициатив (в частности, Федерального закона от 23 ноября 2024 года № 411-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴), данных официальной статистики Росстата и социологических

¹ Демограф объяснила снижение рождаемости в России. Лента.ру. <https://lenta.ru/news/2023/02/03/rozhdaemost/> (дата обращения: 10.01.2026).

² ТАСС. В ОНФ рассказали, из-за чего молодежь чаще всего откладывает рождение детей. <https://tass.ru/obschestvo/22738003> (дата обращения: 10.01.2026).

³ Раздел «Материалы и методы» составлен при помощи технологий искусственного интеллекта (ИИ).

⁴ О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23 ноября 2024 года № 411-ФЗ [Электронный ресурс]. Официальный сайт КонсультантПлюс: [справ.-правовая система]. <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2026).

опросов¹. Также применялся анализ контента сообществ в социальной сети «ВКонтакте» по состоянию на 2 декабря 2025 года.

Результаты

Помимо вышеуказанных факторов снижения численности населения, настоящим бичом третьего десятилетия XXI века стало так называемое явление чайлдфри (в переводе с английского *childfree* — свободный от детей). То есть по своей сути человек, являющийся приверженцем идеологии чайлдфри, осознанно «отказывается от деторождения» (Шурухнова, 2025), а также распространяет указанную идею среди своих друзей, сверстников, коллег и так далее. Данное явление пришло к нам из западных государств, в связи с чем некоторые авторы обозначают это «структурным кризисом семьи в западном обществе» (Купрюшин, 2025). Автор сразу хотел бы разграничить понятия «чайлдфри» и «бездетность», поскольку в некоторых случаях данные понятия могут пересекаться. Бездетность, в отличие от чайлдфри, предполагает невозможность иметь детей по состоянию здоровья мужчины или женщины (физическому или психическому), а также вследствие практических или жизненных трудностей, что диаметрально противоположно чайлдфри, при котором молодой человек способен, но не желает продолжать потомство.

Среди приверженцев идей чайлдфри можно выделить несколько типов людей:

1. Радикально настроенные граждане, которые видят в родительстве угрозу их личной свободе.
2. Прагматики, которые довольны жизнью без детей, но не отрицают возможность родительства в идеальных условиях (стабильная работа, собственное жилье), которых они пока не достигли.
3. Откладывающие, которые год за годом переносят решение о рождении ребенка на потом, пока это позволяет репродуктивный возраст.

Важно не путать чайлдфри с понятием «чайлдхейт» — первое строится на праве выбора, второе — на ненависти. В России этот феномен пересекается с глобальными трендами: чем выше образование и карьерные амбиции, тем позже человек задумывается о детях. К этому добавляется специфика нашего государства (как и некоторых постсоветских государств) — распад многопоколенных семей, поздние браки, экономическая неопределенность. Сегодня средний возраст женщины при рождении первого ребенка приближается к 27 годам — на пять лет больше, чем в 1990-е (Землянова & Чухарина, 2018). Чайлдфри становится крайним проявлением эпохи, где карьера и личные амбиции часто важнее традиционных семейных ценностей.

Очевидно, что данная проблема, которая лишь усугубляет демографическую ситуацию, не могла пройти мимо государства. Так, к примеру, С.А. Орлова справедливо отмечает, что: «Идеология чайлдфри непосредственно связана с демографической ситуацией в России» (Орлова, 2025). В этом плане достаточно четкое разъяснение позиции государства дает Федеральный закон от 23 ноября 2024 года №411-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона

¹ ТАСС. В ОНФ рассказали, из-за чего молодежь чаще всего откладывает рождение детей. <https://tass.ru/obschestvo/22738003> (дата обращения: 10.01.2026).

«Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 411-ФЗ). Поправки ужесточают контроль над распространением информации, связанной с пропагандой отказа от деторождения. Владельцы сайтов обязаны мониторить контент, СМИ и реклама не смогут продвигать подобные идеи, фильмы с подобной тематикой лишатся права проката, а защита детей от такой информации становится обязанностью государственных органов. Причиной этого, по словам Е. Ю. Горской, является то, что: «В последние годы в России сокращается рождаемость и увеличивается доля лиц старшего возраста» (Горская, 2025).

После принятия указанного закона ВЦИОМ провел опрос¹, где ключевым элементом было выяснение отношения граждан к санкциям за пропаганду отказа от детей. Молодые россияне активно отвергают штрафы за пропаганду чайлдфри, тогда как старшие поколения поддерживают подобные ограничения. Гендерных различий в восприятии этой проблемы почти нет, что отражает изменение традиционных ролей мужчин и женщин в семье. Несмотря на различия во взглядах, большинство населения полагает, что штрафы не окажут значимого влияния на демографические показатели.

К сожалению, огромный пласт информации об идеях чайлдфри, в том числе в части пропаганды таких идей, находится в интернете. Некоторые исследователи отмечают, что самым распространенным стоит считать влияние сети Интернет (Григорьева, 2025). Так, на 2 декабря 2025 года, несмотря на действующий Федеральный закон № 411-ФЗ, в социальной сети «ВКонтакте» автором было найдено более 10 сообществ, которые положительно относятся к указанным идеям. Однако, с учетом современных технологий, совершенно необязательно вступать в сообщества указанной тематики. Автор считает, что в данный момент набирает популярность так называемое цифровое чайлдфри, которое подразумевает под собой осознанное теневое распространение информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, оправдывающей прямо или косвенно отказ от деторождения. Это могут быть как непосредственные материалы, пропагандирующие деструктивные идеи отказа от рождения детей, за которые автор материалов может быть привлечен к установленной действующим законодательством ответственности, так и опосредованные, заключающиеся в неверной интерпретации семейных ценностей, литературы и кино, произведений искусства. В некоторых случаях это могут быть материалы, демонстрирующие вред идей чайлдфри, которые молодой человек, приверженный ввиду неустоявшегося психологического состояния к подростковому максимализму, может интерпретировать как переход к элитаризму идей, которые государство не поддерживает. Как мы видим, если в первом случае между деструктивной информацией (идеи чайлдфри) и потребителем (молодым человеком) есть посредник в виде распространителя деструктивной информации, то во втором этого посредника уже нет, и потребитель сам делает выводы, которые носят характер идеализации указанных идей.

¹ ВЦИОМ. Чайлдфри — и нужно ли с ними бороться? Аналитический обзор. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chaildfri-i-nuzhno-li-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 10.01.2026).

Психологические механизмы, позволяющие такому явлению, как цифровое чайлдфри, стать привлекательным для некоторой части молодежи, требуют отдельного анализа. Подростковый максимализм и поиск идентичности могут привести к тому, что государственные запреты будут восприниматься не как защита, а как посягательство на личную автономию, вызывая желание действовать вопреки запрету. Идеи чайлдфри, с учетом специфики подростковой психологии, могут стать ошибочным показателем принадлежности к просвещенному меньшинству, противостоящему конформистскому большинству. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и рациональные, а не только идеологические, основания симпатий к этим идеям. Страх перед экономической нестабильностью, отсутствие доступного жилья, недоверие к системе здравоохранения и образования — все это реальные барьеры для рождения и воспитания ребенка. Государству не стоит игнорировать эти страхи, списывая их на временные трудности молодежи, поскольку так оно рискует потерять доверие молодых людей, которые действительно пока находятся в начале своего карьерного и жизненного пути. Молодой человек, испытывая определенные жизненные трудности, может сделать вывод, что идеи чайлдфри являются более честными и соответствующими реальности, что, конечно же, является заблуждением.

Идею того, что с помощью цифровых технологий идеи чайлдфри получают еще большее распространение среди молодежи, поддерживает большое количество авторов различных научных работ, однако сам автор считает целесообразным сделать ремарку: сами цифровые технологии, в том числе информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, являются лишь площадкой распространения различных идей, в том числе деструктивных, причиной же распространения является информация, которая доносится с помощью цифровых технологий. К примеру, П.Г. Былевский отмечает, что «виртуализация продвигает престиж чайлдфри» (Былевский, 2025), С.В. Кривых и И.С. Петронюк обозначают информационные угрозы ключевыми проблемами проявления деструктивного поведения молодежи, к которому они в том числе отнесли «пропаганду извращений в виде чайлдфри» (Кривых & Петронюк, 2025), а И.А. Петрова и Е.А. Ильинская говорят о том, что «идеи фашизма, чайлдфри, ЛГБТ и т. д. быстро распространяются с помощью различных виртуальных сообществ» (Ильинская & Петрова, 2025). Однако, по мнению автора, количество указанных материалов в сети Интернет будет снижаться как вследствие принятия Федерального закона №411-ФЗ, так и вследствие блокировки некоторых западных социальных сетей, мессенджеров и игр (FaceTime, SnapChat, Roblox, YouTube и т. д.), которые, как, к примеру, FaceTime, «используются для совершения мошеннических и иных преступлений против наших граждан»¹, в том числе распространяли идеи чайлдфри среди подростков. Как отмечают некоторые исследователи, отслеживание размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации экстремистского характера, пропагандирующей чайлдфри «поможет отфильтровать вредоносный контент, обеспечит необходимую доказательственную базу» (Шилов, 2025).

¹ Роскомнадзор ввел ограничения против FaceTime. РИА Новости. <https://ria.ru/20251204/roskomnadzor-2059727820.html> (дата обращения: 14.01.2026).

Обсуждение

По мнению автора, метод кнута для запрета распространения идей чайлдфри государство применило совершенно обоснованно, и данный метод принесет положительные результаты. Однако, к сожалению, даже полный запрет всех ресурсов, так или иначе содержащих положительную информацию об идеях чайлдфри, не сможет полностью решить проблему, все равно будут находиться материалы, видеоролики, выступления, которые могут негативно воздействовать на мировоззрение индивида. Тем не менее автор убежден, что в настоящее время государство ступило на верный путь борьбы с этой деструктивной идеей, причем именно такими жесткими мерами, подразумевающими предусмотренную законодательством ответственность. Метод пряника, по мнению автора, в виде распространения положительного образа семьи, семейных ценностей и государственных мер поддержки для молодых семей в сети Интернет, безусловно, важен. Однако вряд ли он сможет оказать столь действенное решение, нежели вышеупомянутый метод кнута, подразумевающий жесткое государственное регулирование соответствующей информации, — особенности восприятия информации определенного числа молодых людей, склонных подвергать критике те идеи, которые лично им кажутся навязанными со стороны государства, могут, наоборот, привести к ухудшению ситуации.

Между тем для устойчивого демографического роста одной лишь борьбы с деструктивной информацией совершенно недостаточно. Метод пряника должен эволюционировать от простой пропаганды традиционных ценностей к созданию комфортной среды для семей с детьми. Автор имеет в виду системные меры, которые позволяют молодым семьям сделать выбор в пользу рождения нескольких детей экономически рациональным и социально престижным. Во-первых, это дальнейшее усиление и диверсификация финансовой поддержки: увеличение размера и расширение параметров использования материнского капитала, развитие программ семейной ипотеки, введение существенных налоговых вычетов. Во-вторых, немаловажную роль играет развитие соответствующей инфраструктуры: строительство современных детских садов и школ в шаговой доступности, поликлиник, парков и безопасных общественных пространств. В-третьих, необходим пересмотр трудовой культуры: внедрение гибкого графика, поддержка введения дистанционной (удаленной) работы для родителей или одного из родителей, борьба с дискриминацией женщин на рынке труда после их выхода из декрета. Кроме того, важно продолжать работу в образовательной и культурной сферах. По мнению автора, в образовательные программы необходимо осуществлять интеграцию тем осознанного родительства, финансового планирования семьи, конструктивного разрешения конфликтов. Популярная культура (кино, сериалы, блоги) должна не постулировать, а органично показывать успешные и счастливые многодетные семьи, делая этот образ привлекательным. Без этого фундамента любые запретительные меры будут иметь лишь ограниченный и кратковременный эффект.

На основе аналитических данных можно выделить несколько возможных путей развития событий. Сценарий с сохранением текущих тенденций указывает на то, что ужесточение законодательства ограничит публичную пропаганду антиродительских идей, однако не позволит полностью устранить феномен цифрового чайлдфри. Вместо этого он трансформируется, переместившись в закрытые

онлайн-пространства. Влияние глобальных социокультурных установок, таких как приоритет личной свободы и сознательная отсрочка создания семьи, сохранится, что вкупе со структурными экономическими и социальными факторами продолжит оказывать давление на демографические показатели, усугубляя их снижение.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать научный вывод относительно явления «цифровое чайлдфри» и его влияния на демографическую ситуацию в Российской Федерации, дано авторское понятие определению «цифровое чайлдфри», которым можно обозначить осознанное теневое распространение информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, оправдывающей прямо или косвенно отказ от деторождения. Анализ показал, что данное явление представляет существенную угрозу для репродуктивного потенциала нации, усиливая негативные тенденции, обусловленные предшествующими экономическими и социальными потрясениями. Современная коммуникационная среда, представленная преимущественно интернет-ресурсами, служит катализатором распространения идеологии добровольного отказа от деторождения среди молодого поколения.

Принятые государством правовые меры направлены на пресечение пропаганды антирепродуктивных установок посредством усиления контроля над информационной средой. Ожидается, что реализация комплекса правовых, образовательных и культурных мероприятий позволит стабилизировать демографическую обстановку и обеспечить условия для естественного роста численности населения Российской Федерации.

Благодарности

Автор выражает благодарность научному руководителю, доктору экономических наук, профессору Л. В. Москвцевой за консультативную поддержку и ценные замечания при подготовке исследования.

Acknowledgements

The author expresses his gratitude to the scientific supervisor, Doctor of Economics, Professor L. V. Moskvitseva for her advisory support and valuable comments during the preparation of the study.

Список источников

Былевский, П. Г. (2025). Угрозы манипулирования сознанием посредством цифровой виртуальной реальности. *Вестник современных цифровых технологий*, (22), 20–33.

Горская, Е. Ю. (2025). Место категории «семейный образ жизни» в правовом регулировании демографической политики России. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*, (7), 18–26. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.131.7.018-026>

Григорьева, А. А. (2025). Современное законодательство и законотворческая инициатива как инструмент защиты традиционных духовных и нравственных ценностей в России. В *Державинские чтения: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции* (с. 1092–1095). Москва: РПА Минюста России, 1306.

Землянова, Е. В., Чумарина, В. Ж. (2018). Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях. *Социальные аспекты здоровья населения*, 64 (6), 9. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2018-64-6-9>

Ильинская, Е. А., Петрова, И. А. (2025). Социально-культурный феномен виртуальных сообществ. *Общество: философия, история, культура*, (6), 173–178. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.6.22>

Кривых, С. В., Петронюк, И. С. (2025). Профилактика деструктивного поведения молодежи. *Современный ученый*, (5), 366–374.

Купрюшин, А. П. (2025). Деградация человеческих ценностей в социуме коллективного Запада. *Вестник Воронежского института экономики и социального управления*, (3), 36–38.

Орлова, С. А. (2025). Соматические права в контексте традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В *Державинские чтения: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции* (с. 1140–1144). Всероссийский государственный университет юстиции. Москва: РПА Минюста России, 1306.

Шилов, Ю. В. (2025). Общественный контроль в контексте государственно-гражданского взаимодействия. В *Осознание Культуры — залог обновления общества. Перспективы развития современного общества: материалы XXVI Всероссийской научно-практической конференции* (с. 67–69). Севастополь: ООО «Рибест», 284.

Шурухнова, Д. Н. (2025). Перспективы совершенствования административной ответственности за пропаганду отказа от деторождения (чайлдфри). В *Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции* (с. 519–524). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 1336.

References

Bylevsky, P. G. (2025). Threats of consciousness manipulation through digital virtual reality. *Vestnik sovremennykh tsifrovyykh tekhnologiy [Bulletin of Modern Digital Technologies]*, (22), 20–33. (In Russ.)

Gorskaya, E. Yu. (2025). The place of the «family lifestyle» category in the legal regulation of Russia's demographic policy. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*, (7), 18–26. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.131.7.018-026> (In Russ.)

Grigorieva, A. A. (2025). Modern legislation and legislative initiative as a tool for protecting traditional spiritual and moral values in Russia. In *Derzhavinskie chteniya: sbornik statey XVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Derzhavin Readings: Collection of Articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference] (pp. 1092–1095). Moscow: Russian Ministry of Justice, 1306. (In Russ.)

Ilinskaya, E. A. & Petrova, I. A. (2025). The socio-cultural phenomenon of virtual communities. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura [Society: Philosophy, History, Culture]*, (6), 173–178. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.6.22> (In Russ.)

Krivykh, S. V. & Petroniuk, I. S. (2025). Prevention of destructive behavior of young people. *Sovremennyy uchenyy [Modern Scientist]*, (5), 366–374. (In Russ.)

Kupryushin, A. P. (2025). Degradation of human values in the society of the collective West. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsialnogo upravleniya*, (3), 36–38. (In Russ.)

Orlova, S. A. (2025). Somatic rights in the context of traditional Russian spiritual and moral values. In *Derzhavinskie chteniya: sbornik statey XVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Derzhavin Readings: Collection of Articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference] (pp. 1140–1144). Moscow: Russian Ministry of Justice, 1306. (In Russ.)

Shilov, Yu. V. (2025). Public control in the context of state-civil interaction. In *Osoznanie Kulturny — zalog obnovleniya obshchestva. Perspektivy razvitiya sovremennogo obshchestva:*

materialy XXVI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Awareness of Culture is the key to the renewal of society. Prospects for the development of modern society: proceedings of the XXVI All-Russian Scientific and Practical Conference] (pp. 67–69). Sevastopol: Ribest LLC, 284. (In Russ.)

Shurukhnova, D. N. (2025). Prospects for improving administrative responsibility for propaganda of refusal of childbearing («childfree»). In *Aktualnye problemy administrativnogo i administrativno-protsessualnogo prava (Sorokinskie chteniya): sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current problems of administrative and administrative-procedural law (Sorokin readings): collection of articles based on the materials of the international scientific-practical conference] (pp. 519–524). Saint-Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1336. (In Russ.)

Zemlyanova, E. V. & Chumarina, V. Zh. (2018). Births' postponement by women in Russia within modern socio-economic context. *Sotsialnye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social Aspects of Public Health], 64(6), 9. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2018-64-6-9> (In Russ.)

Чеботарев Дмитрий Дмитриевич — аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал; <https://orcid.org/0009-0002-0969-067X> (Российская Федерация, 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, 3; e-mail: tchebotaryovdmitry@yandex.ru).

Dmitry D. Chebotarev — Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch; <https://orcid.org/0009-0002-0969-067X> (3, Internatsionalnaya St., Lipetsk, 398050, Russian Federation; e-mail: tchebotaryovdmitry@yandex.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта, кроме тех мест, где сделана соответствующая отметка.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article except for the places where the corresponding mark is made.

УДК 314.144

JEL classification: I 12, J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-5-8>

Родительские риски здоровью и развитию дошкольника: результаты когортного мониторинга в Вологодской области¹

Ю. Е. Шматова

Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-1881-0963a>

Автор для корреспонденции: Ю. Е. Шматова (ueshmatova@mail.ru)

Аннотация. Снижение рождаемости и сокращение численности детей актуализирует проблему укрепления их здоровья. Дошкольный период ребенка критически важен для формирования и правильного функционирования всех систем и органов, дальнейшего успешного обучения, развития интеллектуального, творческого и трудового потенциала. В работе представлены выборочные результаты когортного мониторинга семей с детьми в Вологодской области с целью выявления факторов риска здоровью дошкольника посредством расчета показателя относительного риска. Выборка — 1 174 семьи детей 3–7 лет из пяти когорт. Доказано пролонгированное воздействие на здоровье ребенка следующих факторов, заложенных до его рождения: осложненный акушерский анамнез, неполная семья, вредные условия труда родителей, воздействие электромагнитного излучения, молодой и зрелый возраст родителей, безответственное репродуктивное поведение, отказ от грудного вскармливания, медицинская неграмотность, вредные привычки, неправильное питание родителей. Здоровье мужчины более значимо, чем матери. Бедность и отсутствие доступа к эффективной медицинской помощи — главные управляемые факторы. Полученные результаты могут быть применены для научного обоснования и сопровождения управленческих решений по укреплению здоровья детей и формирования культуры ответственного родительства.

Ключевые слова: детское население; здоровье; развитие; факторы риска.

Parental Risks to the Health and Development of Preschoolers: Results of Cohort Monitoring in the Vologda Region

Yu. Shmatova

Federal State Budgetary Institution of Sciences Vologda
Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-1881-0693>

Corresponding author: Yu. Shmatova (ueshmatova@mail.ru)

Abstract. The decline in the birth rate and the reduction in the number of children make the issue of improving their health urgent. The preschool period of a child is critically important for the formation and proper functioning of all systems and organs, subsequent successful education, and the development of intellectual, creative, and labor potential. This paper presents selected results of cohort monitoring of families with children in the Vologda Oblast with the aim of identifying risk factors for preschooler health by calculating the relative risk indicator. The sample consists of 1,174 families with children aged 3–7 years from five cohorts. The prolonged impact of the following factors, formed before birth, on the child's health has been proven: complicated obstetric history, single-parent families, harmful working conditions of parents, exposure to electromagnetic radiation, young and mature age of parents, irresponsible reproductive behavior; refusal to breastfeed, medical illiteracy, bad habits, and unhealthy diet of parents. Men's health is more important than that of the mother. Poverty and lack of access to effective healthcare are key controllable factors. The

¹ © Шматова Ю. Е. Текст. 2026.

findings can be used to scientifically substantiate and support management decisions to improve children's health and foster a culture of responsible parenting.

Keywords: children, health, development, risk factors.

Введение

Достижение всестороннего благополучия населения является целью социальной и демографической политики большинства современных государств. В России это направление закреплено в национальных проектах, нацеленных на охрану здоровья, сбережение народа и раскрытие человеческого потенциала. Повышение рождаемости, укрепление здоровья членов общества и национальная безопасность тесно взаимосвязаны. Понимание этой связи позволяет выстраивать эффективную экономическую политику, ориентированную на устойчивое развитие страны. Объявление Президентом РФ 2024 года Годом семьи призвало сфокусироваться на поддержке семей с детьми, повышении рождаемости и защите материнства и детства. Но ключевая задача — сохранить и укрепить здоровье стремительно сокращающегося в последние годы детского населения. Ведь именно маленькие граждане России станут движущей силой будущего развития страны, что актуализирует проблему поиска управляемых факторов риска здоровью детей.

Помочь в этом могут лонгитюдные исследования, доказавшие свою эффективность. Так, результаты полувекового британского мониторинга (Now we are 50:..., 2008) когорт семей с детьми, подтвердили, что именно ранние периоды развития (антенатальный, младенчество и раннее дошкольное детство) закладывают основу здоровья и благополучия человека на всю оставшуюся жизнь.

Большинство исследований в этой области главными причинами утраты потенциала здоровья детей называют наследственные факторы и внутриутробные проблемы, исходящие в большей степени со стороны матери (ее здоровье, вредные привычки, осложнения беременности и родов и др.). Их последствия очевидны, как правило, на момент рождения или проявляются на первом году жизни.

В свою очередь, дошкольный возраст играет ключевую роль в закладывании основ физического и психического здоровья человека. В эти годы происходит бурный рост организма: активно развиваются органы и налаживается работа функциональных систем, формируются главные черты характера и отношение ребенка к самому себе и окружающему миру. Серьезную тревогу вызывает ухудшение в последние годы показателей здоровья детей школьного возраста в области функциональных расстройств, хронических заболеваний, в т. ч. социально значимых болезней (Бушуева, 2017). Поэтому важно сохранить и укрепить потенциал здоровья детей до момента поступления в школу, т. к. он критически значим для дальнейшего успешного обучения, развития интеллектуального и творческого потенциала человека, его будущего здоровья и благополучия в целом. Мы допускаем, что нарушения здоровья и отставание физического и нервно-психического развития ребенка в дошкольном периоде также могут быть связаны с неблагоприятным воздействием различных управляемых факторов еще до его рождения — и со стороны не только матери, но и отца.

По данным научных исследований, значительная доля родителей имеет невысокий воспитательный потенциал, сниженную медицинскую активность и мотивацию к здоровому образу жизни. Это является свидетельством инфантильности,

стремлением переложить ответственность за свое здоровье и своих детей на образовательные и медицинские организации, других родственников (Салагай, 2020). Считаем крайне важным включать родителей в осознанное здоровьесбережение детей, а для этого необходимо повышать их медицинскую грамотность и медицинскую активность, осознание личной ответственности за здоровье будущих детей. Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена потребностью углубленного изучения отдельных управляемых факторов риска здоровью ребенка со стороны матери и отца с целью формирования культуры ответственного родительства.

Обзор литературы

Среди научных работ, посвященных поиску причин снижения потенциала здоровья детей, сформированных на момент его рождения, можно выделить следующие крупные группы факторов риска: социально-демографические, медико-биологические, социально-экономические, медико-организационные, а также обусловленные условиями жизни (Белова, Соловьев, 2021).

Анализ научных исследований в сфере этиологии нарушений здоровья детей позволяет сделать вывод о первостепенном значении медико-биологических факторов, таких как заболевания будущей матери в период беременности и акушерская патология (Тап, 2018; Masukume, 2019). При этом они не только осложняют течение внутриутробного развития, приводя к серьезным нарушениям плода, но и продолжают свое негативное воздействие в более старшем возрасте (Бочарова, 2002). Так, например, дети, рожденные с помощью кесарева сечения, при диагностике когнитивных функций показали менее успешные результаты в пятилетнем возрасте, чем их ровесники, рожденные естественным путем (Blazkova). Было доказано, что беременность, осложненная диабетом матери, может привести к расстройствам аутистического спектра (Xiang, 2015), шизофрении, тревожным расстройствам, умственной отсталости (e Silva, 2021), нарушениям поведения и СДВГ (Xiang, 2018) у ребенка, что, конечно, остается с ним на всю жизнь. Сахарный диабет отца может наследоваться по мужской линии (Ding, et al., 2015). А психические нарушения у мужчины сопряжены с развитием проблем эмоционального и поведенческого характера у ребенка (Sokół-Szawłowska, 2020).

Ученые выявили, что зрелый возраст матери коррелирует с недоношенностью и врожденными пороками у ребенка. Однако некоторые исследователи отмечают, что данный фактор в сочетании с высоким уровнем образования и дохода, является защитным, повышая медицинскую грамотность, активность, ответственное отношение к своему здоровью, а также будущих детей (Архангельский, Калачикова, 2020). Ряд ученых констатирует, что зрелый возраст отца повышает риски развития у потомства психических и нейрокогнитивных расстройств (de Kluiver, et al., 2017; Brandt, et al., 2019).

Исследования выявили уровень преодоления стресса гораздо выше у детей более образованных родителей (Reiss, 2019). Позитивная роль высокого образовательного статуса родителей была установлена и в отношении формирования правильного пищевого поведения детей, несмотря на собственный высокий ИМТ (Parikka et al., 2015). Значимость образования матери находила подтверждение и для развития когнитивных навыков детей (Macmillan, Tominey, 2023).

Официальный брачный статус родителей обеспечивает уникальную семейную среду и является защитным фактором здоровья и развития детей, снижая уровень поведенческих проблем (Hveem et al., 2022). Неполная семья, одиночество матери, по данным отечественных ученых, выступает серьезным фактором риска нарушений нервно-психического развития (НПР) у детей 4–6 лет (Момот и др., 2022).

Ряд исследований демонстрирует, что социально-экономические родительские факторы и условия проживания в раннем детстве имеют значение для здоровья в более позднем и взрослом возрасте (Case et al., 2005; Currie, Schwandt, 2016). Дети малообеспеченных родителей чаще имеют плохое здоровье и более высокий уровень смертности (Кислицына, 2009; Sarathy, 2020). Доказано, что бедность будущего отца повышает риск рождения у него ребенка с низкой массой тела независимо от демографического статуса матери (Enstad, 2019). Было выявлено, что корреляция дохода родителей и состояния здоровья их ребенка появляется спустя первые два года жизни и остается сильной до 17 лет (Arooeu, Geofard, 2013). Кроме того, материальное неблагополучие в детстве связано с повышенным риском зависимости от психоактивных веществ и плохого физического здоровья во взрослом возрасте (Evensen et al., 2021; Казакова, 2022).

Многие научные работы выделяют группу факторов внешнего воздействия: окружающей среды, экологических условий и профессиональных вредных рисков, которые могут оказывать влияние на формирование и развитие ребенка во внутриутробный период (Фесенко, 2017; Koch, et al., 1990), приводить к развитию онкопатологии у детей и урогенитальным патологиям у мальчиков (Rodprasert, et al., 2021).

Ряд исследований посвящен влиянию такого фактора, как пренатальный стресс. Но в основном, как и в группе неблагоприятного воздействия окружающей среды, риски фиксируются в антенатальный период и период новорожденности. Однако есть исследование, доказавшее пролонгированное негативное влияние стресса беременной на репродуктивное здоровье детей (дочерей — в виде более раннего наступления менархе и сыновей — в виде снижения их репродуктивной функции в зрелом возрасте (Bräuner, 2021), на психоэмоциональную и когнитивную сферу, что проявляется не только в дошкольном, но и школьном периоде (Rogers, 2020).

Семья и родители закладывают в ребенке модель поведенческих стереотипов. Поэтому очень важным является изучение поведенческих родительских факторов риска. Так, было доказано, что повышение у родителей индекса массы тела приводит к формированию сердечно-сосудистых заболеваний (Labayen, 2010) и ожирению у ребенка (Novaes, 2008), в случае неправильного пищевого поведения отца наблюдалось его формирование и в последующих поколениях (Christoforou, 2020). Однако ученые утверждают, что на этот фактор можно воздействовать еще во время беременности, минимизируя будущие риски для ребенка.

Исследователи указывают, что долгосрочный эффект для здоровья ребенка, который действует вплоть до взрослой жизни, имеет курение матери во время беременности (Шигаев, 2016). При этом было выявлено, что у внуков курящей в период вынашивания ребенка женщины, чаще была диагностирована астма (Magnus, 2015). Ряд современных исследований доказали риск развития астмы у ребенка, чья мать находилась в состоянии пассивного курения во время беременности (Tanaka, 2020). Курение отца во время беременности сопряжено

с формированием синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) у его ребенка (Easey, 2021).

Таким образом, в научной литературе представлен широкий спектр неблагоприятных факторов здоровью ребенка, но в большей степени со стороны матери и во внутриутробный период его развития, либо во младенчестве. Исследования, посвященные пролонгированному воздействию факторов риска со стороны обоих родителей, заложенных еще до рождения ребенка на весь дошкольный период, представлены недостаточно.

Материалы и методы

Цель данного исследования — вычислить относительный риск комплекса родительских факторов, сформированных до рождения ребенка, но оказывающих пролонгированное воздействие на его здоровье и развитие в младшем и старшем дошкольном возрасте.

Информационную базу исследования составили выборочные данные пяти волн (1998, 2001, 2004, 2014 и 2020 гг.) проспективного когортного мониторинга здоровья детского населения Вологодской области, проводимого Федеральным Государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» с 1995 г. Из всей базы данных ($N = 1464$) были выбраны 1 174 семьи, из них 647 с детьми в возрасте 3–4 года и 527 из группы 6–7 лет. Первыми информантами выступали родители (чаще мать), опрошенные после рождения ребенка. Анкета включала ретроспективные вопросы об условиях и образе жизни семьи, состоянии здоровья родителей. Вторым источником данных об особенностях беременности и родов, развития и здоровья ребенка стали результаты анкетирования медицинских сотрудников (врачи — акушер-гинеколог, неонатолог, педиатр — заносили данные из медицинской карты роженицы и ребенка-участника когортного мониторинга). Были использованы интер- и интра-когортный способы анализа данных.

Для оценки силы пролонгированного воздействия родительских факторов риска здоровью и развитию ребенка в возрасте 3–7 лет, сформированных еще до его рождения, нами был рассчитан показатель относительного риска (ОР). Дополнительно были использован метод сравнительного анализа вероятности наступления неблагоприятных исходов в целевой и контрольной группе при наличии и отсутствии того или иного фактора.

Мы условно выделили четыре основных группы факторов со стороны родителей, сформированные еще до его рождения: социально-демографические (регион, пол, возраст, уровень образования, семейное положение); социально-экономические (уровень дохода, покупательная способность, жилищные условия); медико-биологические (самооценка состояния здоровья, акушерский анамнез, наличие заболеваний); поведенческие (репродуктивные установки, питание, кормление грудью, физическая активность, досуг, вредные привычки, медицинская активность и грамотность).

В перечень неблагоприятных исходов здоровья и развития дошкольника были включены результаты диспансеризации, проводимой в младшем (3–4 года) и старшем (6–7 лет) дошкольном возрасте: факт регистрации у ребенка 2 и выше группы

здоровья, частая заболеваемость (более пяти раз в год) и наличие хронических заболеваний, по поводу которых он состоит на диспансерном учете (ДУ). Дополнительно был оценен ОР отставания нервно-психического развития (НПР), диагностика отдельных заболеваний, повышенного или пониженного индекса массы тела (ИМТ).

Обработка и анализ исходной информации осуществлялись с помощью программного обеспечения Microsoft Office Excel и IBM SPSS Statistics (ver.22.0).

Результаты

Возраст отца старше 30 лет повышает риск отставания нервно-психического развития (НПР) его ребенка в младшем (ОР = 1,81), а матери старше 40 лет — в старшем дошкольном возрасте (ОР = 7,24). Молодой возраст отца (до 20 лет) сопряжен с вероятностным ухудшением группы здоровья их ребенка в изучаемом нами возрастном периоде (ОР = 1,20). У женщины, родившей на втором десятке жизни, отмечен повышенный риск развития у ее ребенка к 3–4 годам кариеса (ОР = 3,61) и неврологической патологии (ОР = 1,59).

Если женщина была не замужем на момент беременности и родов, то это может стать, согласно нашим расчетам, фактором риска задержки НПР ее ребенка в три–четыре года (ОР = 1,64) и еще больше в шесть–семь лет (ОР = 3,89), а также кардиологических нарушений (ОР = 1,95) и ЛОР-заболеваний (ОР = 1,68) в младшем дошкольном возрасте и неврологических отклонений (ОР = 1,84) в 6–7 лет.

Анализ воздействия экономических факторов продемонстрировал, что низкая покупательная способность доходов семьи в период, предшествующий рождению ребенка, сказывается на состоянии здоровья ребенка в старшем дошкольном возрасте, повышая риск постановки на диспансерный учет (ОР = 1,39), особенно в связи с нарушениями функционирования пищеварительной (ОР = 1,87) и нервной систем (ОР = 1,53).

Анализируя комплекс медико-биологических факторов, мы выяснили следующее. По нашим расчетам, со стороны будущей матери вред здоровью ребенка в раннем и старшем дошкольном возрасте может нанести наличие у нее еще до зачатия тех или иных заболеваний IV класса по МКБ-10 («Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ»). Так, диагностирование у женщины ожирения или диабета может снизить у ее ребенка в 3–4 года такой показатель, как группа здоровья (ОР = 1,18). А наличие в анамнезе женщины нарушений функционирования щитовидной железыкратно повышает вероятность развития эндокринной патологии у ее будущих детей к предшкольному возрасту (ОР = 8,18).

Но наибольший и долгоиграющий вред со стороны матери наносит неблагоприятный акушерский анамнез. Случаи мертворождения в прошлом повышают частоту заболеваемости (ОР = 1,25) и ухудшение группы здоровья (ОР = 1,16) ребенка, а также риск диагностирования у него бронхиальной астмы (ОР = 15,88) к моменту поступления в школу. Выкидыши, ранее пережитые женщиной, сопряжены с постановкой ребенка в старшем дошкольном возрасте на диспансерный учет по поводу того или иного хронического заболевания (ОР = 1,45).

Кроме того, пролонгировано на изучаемый нами период развития ребенка и негативное воздействие осложнений и особенностей текущей беременности, согласно полученным расчетам показателя относительного риска. А именно:

анемия и отеки во время ожидания ребенка могут повысить вероятность развития у него к 3–4 годам сердечно-сосудистой патологии (ОР = 1,60), а наличие белка в моче — кардиологических (ОР = 1,50) и ЛОР-заболеваний (ОР = 1,37), многоплодная беременность — аллергических реакций (ОР = 3,48), неврологических (ОР = 3,05) и ЛОР-заболеваний (ОР = 1,67), более частую заболеваемость (ОР = 1,25) и общее ухудшение группы здоровья к семи годам (ОР = 1,16). Негативные последствия вынашивания двойни могут приводить к развитию у них к 6–7 годам заболеваний ЦНС (ОР = 3,36), нарушениям функционирования органов зрения (ОР = 4,33) и бронхиальной астме (ОР = 12,98).

Стремительные роды выступают независимым фактором риска ожирения (ОР = 4,63, 95 % ДИ: 1,66–12,90) и постановки ребенка на диспансерный учет к дошкольному возрасту (ОР = 1,59), а использование в родах вакуум-экстрактора — ухудшение группы здоровья на протяжении всего дошкольного возраста (ОР = 1,16–1,18), аллергии в 3–4 года (ОР = 8,08), попадание на диспансерный учет (ОР = 1,91), чаще вследствие патологий ЛОР-органов (ОР = 1,25) в 6–7 лет.

Нами выявлено значительно большее негативное влияние на здоровье потомства показателей заболеваемости и болезненности будущего отца, нежели матери. Наличие в его анамнезе диагноза сахарного диабета (и других заболеваний эндокринной системы), туберкулеза, неврологических, мочеполовых (в т. ч. болезни почек), венерических заболеваний, патологии органов дыхания сопряжено с ухудшением группы здоровья ребенка (выше второй) в возрасте 3–7 лет (ОР = 1,19–1,25). Кроме того, эндокринные патологии и нарушения мочеполовой системы отца повышают частоту заболеваемости ребенка к 7 годам (ОР = 1,25).

Нами также выявлен риск развития у ребенка в дошкольном периоде ряда диагнозов в зависимости от конкретных заболеваний в анамнезе отца. Так, патологии нервной системы и органов чувств (ОР = 6,45) и венерические заболевания (ОР = 4,75) у мужчины повышают риск нарушения здорового функционирования деятельности пищеварительной системы его ребенка. Проблемы с ЖКТ отца в прошлом могут приводить к задержке НПР (ОР = 2,11) будущих детей, болезни почек — к неврологическим отклонениям (ОР = 3,17), а заболевания кожи — к сердечно-сосудистым патологиям у ребенка (ОР = 2,68).

Анализ удовлетворенности женщины системой медицинского сопровождения беременных показал, что отсутствие доступа будущей матери к врачам узких специальностей повышает риск постановки ее ребенка к моменту поступления в школу на диспансерный учет (ОР = 2,25), а необеспеченность ее необходимыми лекарственными препаратами, микроэлементами и витаминами может быть связана в будущем с низким индексом массы тела ребенка (ОР = 4,56).

Загрязнение окружающей среды и прямо, и опосредованно оказывает влияние на состояние здоровья населения. Нами установлено, что воздействие электромагнитного излучения в месте проживания семьи ребенка до его рождения может провоцировать у него в будущем (к достижению 6–7 лет) более частые обращения к врачам (ОР = 1,25), особенно по причине заболеваний ЛОР-органов (ОР = 3,39) и повышает вероятность ожирения (ОР = 9,19).

Риск развития у дошкольника заболеваний уха, горла, носа значительно возрастает, если его мать за три месяца до зачатия подвергалась на рабочем месте

повышенной загазованности (ОР = 1,71), воздействию радиации и СВЧ (ОР = 1,48), высоких температур (ОР = 1,47) или трудилась на конвейерном производстве (ОР = 1,61). Кроме того, последнее еще больше увеличивает риски развития патологии ЛОР-органов и в старшем дошкольном возрасте (ОР = 2,57).

Не меньшая угроза здоровью ребенка в дошкольном возрасте исходит и от неблагоприятных условий труда мужчины. Отмечается общее ухудшение группы здоровья (ОР = 1,18) ребенка к трехлетнему возрасту и риск повышения его массы тела (ОР = 5,74) к 6–7 годам, если его отец за год до его рождения работал с биологически опасными средами. А его контакт с химическими и токсическими веществами может быть связан с развитием аллергии (ОР = 2,41) и болезней ЖКТ (ОР = 2,16). Также нарушения работы пищеварительной системы у дошкольника коррелируют с трудовой деятельностью будущего отца в условиях загазованности (ОР = 2,07), а развитие астмы — с повышенной влажностью (ОР = 5,52).

Изучая влияние группы поведенческих факторов риска здоровью ребенка, мы оценили потенциальное воздействие некоторых аспектов репродуктивного поведения родителей, их медицинской активности и выявили следующее. У родителей, которые не считают нужным планировать беременность, отмечен повышенный риск высокой (более пяти раз в год) заболеваемости (ОР = 9,33) и дефицита веса (ОР = 3,21) у ребенка перед поступлением в школу. Будущие матери, игнорировавшие рекомендации гинеколога и не прошедшие скрининг во время беременности, чаще сталкивались с ухудшением показателя группы здоровья ребенка в три года (ОР = 2,73) и его постановкой на диспансерный учет (ОР = 3,73).

Что касается особенностей пищевого поведения, то отсутствие разнообразного и сбалансированного питания женщины в период беременности может быть связано с ухудшением группы здоровья ее ребенка к трехлетнему возрасту (ОР = 1,23). В случае отсутствия мгновенного прикладывания новорожденного к груди матери, у ребенка в младшем дошкольном возрасте отмечается повышенная общая заболеваемость (ОР = 1,65) и отставание НПР (ОР = 2,37).

Курение женщины до наступления беременности является, согласно расчетам относительного риска, независимым фактором развития у ее ребенка к 6–7 годам ожирения (ОР = 2,81), а ежедневное употребление отцом будущего ребенка алкоголя — ухудшения группы здоровья (ОР = 2,03).

Обсуждение

Таким образом, мы выявили пролонгированное воздействие на здоровье ребенка младшего и старшего дошкольного возраста ряда факторов, заложенных еще до его рождения. Наиболее серьезными из них являются осложненный акушерский анамнез, неполная семья в период беременности и родов, вредные условия труда обоих родителей (особенно отца) и воздействие электромагнитного излучения в месте проживания семьи. Состояние здоровья мужчины оказывает значительно большее влияние, чем матери, коррелируя с риском развития ряда диагнозов у его детей.

Молодой возраст обоих родителей может привести к некоторым нарушениям здоровья ребенка в младшем дошкольном возрасте. Риски более позднего отцовства нивелируются по мере роста и развития ребенка, что может быть обусловлено более высоким уровнем медицинской грамотности, ответственностью,

материальным достатком, а значит, доступом к широкому спектру услуг по здоровьесбережению. Тем не менее возраст будущего отца старше 30 лет повышает вероятность отставания НПР его ребенка в младшем дошкольном возрасте. Позднее материнство (после 40 лет) несет аналогичные риски, но чуть позже — к старшему дошкольному возрасту. Таким образом, с точки зрения здоровья будущего ребенка наиболее благоприятный возраст родителей для его зачатия находится в диапазоне 20–30 лет.

Материальное положение семьи, наряду с организацией эффективной и доступной медицинской помощи, в т. ч. в период беременности, являются значимыми и наиболее управляемыми факторами риска здоровью и развитию ребенка с точки зрения мер государственного вмешательства.

Безответственное репродуктивное поведение, неправильное питание, отказ матери от грудного вскармливания, медицинская неграмотность родителей, наличие у них вредных привычек также сопряжены с утратой здоровья их детей в дошкольном возрасте. А, значит, должны стать мишенью профилактики.

Заключение

Важно учитывать влияние широкого спектра факторов риска здоровью и развитию детей со стороны не только матери, но и отца. Необходимо разрабатывать программы, направленные на минимизацию и нейтрализацию потенциальных причин среди обоих полов, начиная с детского возраста, с целью сохранить и укрепить их потенциал здоровья, сформировать адекватное пищевое, репродуктивное, здоровьесберегающее поведение и медицинскую активность, воспитывать традиционные семейные ценности и ответственность за свою жизнь, семью, здоровье и развитие будущих детей. Это требует комплексного подхода с привлечением не только членов семьи, но и медиков, социологов, психологов, представителей государственных и общественных организаций, объединение усилий со стороны всех базовых социальных институтов.

Благодарности

Исследование выполнено по теме НИР «Человеческий потенциал современной России: факторы и механизмы воспроизводства».

Acknowledgements

The research was conducted on the research topic «Human potential of modern Russia: factors and mechanisms of reproduction».

Список источников

Архангельский, В. Н., Калачикова, О. Н. (2020). Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 5, 200–217. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.12>

Белова, О. С., Соловьев, А. Г. (2021). Направления профилактической психиатрии раннего детского возраста. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, 121(11–2), 60–66. <https://doi.org/10.17116/jnevro202112111260>

Бочарова, Е. А., Сидоров, П. И., Соловьев, А. Г. (2002). Влияние перинатальных факторов риска и соматического состояния на психическое здоровье ребенка дошкольного возраста. *Вестник РУДН, серия Медицина*, 4, 16–20. EDN: IJNFUT

Бушуева, Э. В., Смирнова, Е. И., Петров, А. Г. (2017). Особенности физического развития и заболеваемости детей от 3 до 7 лет. *Здоровье и образование в XXI веке*, 9, 34–37. EDN: YRJIKL

Казакова, Е. В., Соколова, Л. В. (2022). Социально-экономические факторы риска нарушений психологического здоровья детей. *Гигиена и санитария*, 101 (4), 441–448. <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2022-101-4-441-448>

Кислицына, О. А. (2009) Факторы здоровья детей младшего и среднего школьного возраста. *Социальные аспекты здоровья населения*, 1(9), 5. EDN JYALQJ.

Момот, Г. О., Крукович, Е. В., Герасименко, Е. В., Денисова, А. А. (2022). Факторы риска нарушений нервно-психического развития у детей дошкольного возраста. *Современные проблемы науки и образования*, 6–1, 104. <https://doi.org/10.17513/spno.32171>

Салагай, О. О., Сошкина, К. В. (2020). Концепция личной ответственности за сохранение здоровья: правовой аспект. *Журнал российского права*, 8, 94–104. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.097>

Фесенко, М. А., Сивочалова, О. В., Федорова, Е. В. (2017). Профессиональная обусловленность заболеваний репродуктивной системы у работников, занятых во вредных условиях труда. *Анализ риска здоровью*, 3, 92–100. <https://doi.org/10.21668/health.risk/2017.3.11>

Шигаев, Н. Н., Кром, И. Л., Еругина, М. В., Дорогойкин, Д. Л. (2016). Междисциплинарный анализ социально детерминированных рисков здоровья детского населения. *Современные проблемы науки и образования*, 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24246> (дата обращения: 05.02.2026).

Apouey, B, Geoffard, PY. (2013). Family income and child health in the UK. *J Health Econ*, 32 (4), 715–27. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2013.03.006>

Blazkova, B, Pastorkova ,A, Solansky, I, et all. (2020). The Impact of Cesarean and Vaginal Delivery on Results of Psychological Cognitive Test in 5 Year Old Children. *Medicina (Kaunas)*, 56(10), 554. <https://doi.org/10.3390/medicina56100554>

Brandt, J.S., Cruz Ithier, M.A., Rosen, T., Ashkinadze, E. (2019). Advanced paternal age, infertility, and reproductive risks: a review of the literature. *Prenat. Diagn*, 39(2), 81–87. <https://doi.org/10.1002/pd.5402>

Bräuner, EV, Koch, T, Juul, A, Doherty, DA, Hart, R, Hickey, M. (2021). Prenatal exposure to maternal stressful life events and earlier age at menarche: the Raine Study. *Hum Reprod.*, 36(7), 1959–1969. <https://doi.org/10.1093/humrep/deab039>

Case, A, Fertig, A, Paxson, C. (2005). The lasting impact of childhood health and circumstance. *J Health Econ.*, 24 (2), 365–389. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2004.09.008>

Christoforou, E.R., Sferruzzi-Perri, A.N. (2020). Molecular mechanisms governing offspring metabolic programming in rodent models of in utero stress. *Cell Mol Life Sci*, 77(23), 4861–4898. <https://doi.org/10.1007/s00018-020-03566-z>

Currie, J, Schwandt, H. (2016). Inequality in mortality decreased among the young while increasing for older adults, 1990–2010. *Science*, 352(6286), 708–712. <https://doi.org/10.1126/science.aaf1437>

de Kluiver, H., Buizer-Voskamp, J.E., Dolan, C.V., Boomsma, D.I. (2017). Paternal age and psychiatric disorders: a review. *Am. J. Med. Genet. B Neuropsychiatr. Genet.*, 174(3), 202–213. <https://doi.org/10.1002/ajmg.b.32508>

Ding, G.L., Liu, Y., Liu, M.E., et al. (2015). The effects of diabetes on male fertility and epigenetic regulation during spermatogenesis. *Asian J Androl*, 17(6), 948–53. <https://doi.org/10.4103/1008-682X.150844>

e Silva, R., Yu, Yo., Liew, Z., et al. (2021). Associations of Maternal Diabetes During Pregnancy With Psychiatric Disorders in Offspring During the First 4 Decades of Life in a Population-Based Danish Birth Cohort. *JAMA Netw Open.*, 4(10), e2128005. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2021.28005>

Easey, KE, Sharp, GC. (2021). The impact of paternal alcohol, tobacco, caffeine use and physical activity on offspring mental health: a systematic review and meta-analysis. *Reprod Health.*, 26;18(1), 214. <https://doi.org/10.1186/s12978-021-01266-w>

Enstad, S, Rankin, K, Desisto, C, Collins, JW Jr. (2019). Father's Lifetime Socioeconomic Status, Small for Gestational Age Infants, and Infant Mortality: A Population-Based Study. *Ethn Dis.*, 29(1), 9-16. <https://doi.org/10.18865/ed.29.1.9>

Evensen, M, Klitkou, ST, Tollånes, MC, et al. (2021). Parental income gradients in adult health: a national cohort study. *BMC Med.*, 19(1), 152. <https://doi.org/10.1186/s12916-021-02022-4>

Hveem, MR, Faulconer, SCM, Dufur, MJ. (2022). Comparing Children's Behavior Problems in Biological Married, Biological Cohabiting, and Stepmother Families in the UK. *Int J Environ Res Public Health.*, 19(24), 16543. <https://doi.org/10.3390/ijerph192416543>

Koch, R., Hanley, W., Levy, H., et al. (1990). A preliminary report of the collaborative study of maternal phenylketonuria in the United States and Canada. *Journal of inherited metabolic disease*, 13(4), 641-650.

Labayen, I, Ruiz, JR, Ortega, FB, et al. (2010). Intergenerational cardiovascular disease risk factors involve both maternal and paternal BMI. *Diabetes Care.*, 33(4), 894-900. <https://doi.org/10.2337/dc09-1878>

Macmillan, L., Tominey, E. (2023). Parental inputs and socio-economic gaps in early child development. *Journal of Population Economics*, 36, 1513-1543. <https://doi.org/10.1007/s00148-022-00917-x>

Magnus, MC, Håberg, SE, Karlstad Ø, et al. (2015). Grandmother's smoking when pregnant with the mother and asthma in the grandchild: the Norwegian Mother and Child Cohort Study. *Thorax*, 70(3), 237-43. <https://doi.org/10.1136/thoraxjnl-2014-206438>

Masukume, G, McCarthy, FP, Baker, PN, et al. (2019). Association between caesarean section delivery and obesity in childhood: a longitudinal cohort study in Ireland. *BMJ Open*, 9(3):e025051. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-025051>

Novaes, JF, Franceschini Sdo, C, Priore, SE. (2008). Mother's overweight, parents' constant limitation on the foods and frequent snack as risk factors for obesity among children in Brazil. *Arch Latinoam Nutr.*, 58(3), 256-64.

Now We Are 50: *Key Findings from the National Child Development Study*. (2008) Edited by J. Elliott and R. Vaitilingam. London: The Centre for Longitudinal Studies. https://www.researchgate.net/publication/320195056_Now_we_are_50_Key_findings_from_the_National_Child_Development_Study (Accessed: 18.01.2025)

Parikka, S., Mäki, P., Levälähti, E., et al. (2015). Associations between parental BMI, socioeconomic factors, family structure and overweight in Finnish children: A path model approach. *BMC Public Health*, 15, 271. <https://doi.org/10.1186/s12889-015-1548-1>

Reiss, F, Meyrose, AK, Otto, C, et al. (2019). Socioeconomic status, stressful life situations and mental health problems in children and adolescents: Results of the German BELLA cohort-study. *PLoS One*, 14(3):e0213700. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0213700>

Rodprasert, W., Toppari, J., Virtanen, H.E. (2021). Endocrine Disrupting Chemicals and Reproductive Health in Boys and Men. *Front Endocrinol (Lausanne)*, 12:706532. <https://doi.org/10.3389/fendo.2021.706532>

Rogers, A., Obst, Sh., Teague, S.J, et al. (2020). Association between maternal perinatal depression and anxiety and a meta-analysis. *JAMA Pediatr.*, 174(11):1082-1092. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2020.2910>

Sarathy, B, Morris, H, Tumin, D, Buckman, C. (2020). The Impact of Medical Financial Hardship on Children's Health. *Clin Pediatr (Phila)*, 59(14):1252-1257. <https://doi.org/10.1177/0009922820941644>

Sokół-Szawłowska, M. (2020). Paternal perinatal depression: cases. *Psychiatr Pol*, 54(6), 1123-1135. <https://doi.org/10.12740/PP/110610>

Tan, Y, Zhang, D, Mei, H, et al. (2018). Perinatal risk factors for obstructive sleep apnea syndrome in children. *Sleep Med.*, 52:145-149.

Tanaka, K, Arakawa, M, Miyake, Y. (2020). Perinatal smoking exposure and risk of asthma in the first three years of life: A prospective prebirth cohort study. *Allergol Immunopathol (Madr)*, 48(6), 530-536. <https://doi.org/10.1016/j.aller.2020.03.008>

Xiang, AH, Wang, X, Martinez, MP, et al. (2015). Association of maternal diabetes with autism in offspring. *JAMA.*, 313(14), 1425-1434. <https://doi.org/10.1001/jama.2015.2707>

Xiang, AH, Wang, X, Martinez, MP, et al. (2018). Maternal gestational diabetes mellitus, type 1 diabetes, and type 2 diabetes during pregnancy and risk of ADHD in offspring. *Diabetes Care.*, 41(12), 2502-2508. <https://doi.org/10.2337/dc18-0733>

References

Apouey, B, Geoffard, PY. (2013). Family income and child health in the UK. *J Health Econ*, 32(4), 715-27. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2013.03.006>

Arkhangelsky, V.N. & Kalachikova, O.N. (2020). Maternal age at first birth: dynamics, regional differences, determination. *Ekonomicheskie i sotsialnye pe-remeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social changes: facts, trends, forecast]*, 5, 200-217. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.12> (In Russ.)

Belova, O.S. & Soloviev, A.G. (2021). Preventive psychiatry directions of early childhood. *Zhurnal neurologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova [S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry]*, 121(11-2), 60-66. <https://doi.org/10.17116/jnevro202112111260> (In Russ.)

Blazkova, B, Pastorkova, A, Solansky, I, et al. (2020). The Impact of Cesarean and Vaginal Delivery on Results of Psychological Cognitive Test in 5 Year Old Children. *Medicina (Kaunas)*, 56(10), 554. <https://doi.org/10.3390/medicina56100554>

Bocharova, E.A., Sidorov, P.I., & Soloviev, A.G. (2002). Influence of perinatal risk factors and somatic condition on psychic health of preschool children. *Vestnik RUDN, seriia Meditsina [RUDN Journal of Medicine]*, 4, 16-20. EDN: IJNFUT (In Russ.)

Brandt, J.S., Cruz Ithier, M.A., Rosen, T., Ashkinadze, E. (2019). Advanced paternal age, infertility, and reproductive risks: a review of the literature. *Prenat. Diagn*, 39(2), 81-87. <https://doi.org/10.1002/pd.5402>

Bräuner, EV, Koch, T, Juul, A, Doherty, DA, Hart, R, Hickey, M. (2021). Prenatal exposure to maternal stressful life events and earlier age at menarche: the Raine Study. *Hum Reprod.*, 36(7), 1959-1969. <https://doi.org/10.1093/humrep/deab039>

Bushueva, E. V., Smirnova, E. I., & Petrov, A. G. (2017). Peculiarities of physical growth and morbidity of children in the age of 3 to 7 years. *Zdorove i obrazovanie v XXI veke [The Journal of Scientific Articles Health and Education Millennium]*, 9, 34-37. EDN: YRJIKL (In Russ.)

Case, A, Fertig, A, Paxson, C. (2005). The lasting impact of childhood health and circumstance. *J Health Econ.*, 24(2), 365-389. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2004.09.008>

Christoforou, E.R., Sferruzzi-Perri, A.N. (2020). Molecular mechanisms governing offspring metabolic programming in rodent models of in utero stress. *Cell Mol Life Sci*, 77(23), 4861-4898. <https://doi.org/10.1007/s00018-020-03566-z>

Currie, J, Schwandt, H. (2016). Inequality in mortality decreased among the young while increasing for older adults, 1990-2010. *Science*, 352(6286), 708-712. <https://doi.org/10.1126/science.aaf1437>

de Kluiver, H., Buizer-Voskamp, J.E., Dolan, C.V., Boomsma, D.I. (2017). Paternal age and psychiatric disorders: a review. *Am. J. Med. Genet. B Neuropsychiatr. Genet.*, 174(3), 202-213. <https://doi.org/10.1002/ajmg.b.32508>

Ding, G.L., Liu, Y., Liu, M.E., et al. (2015). The effects of diabetes on male fertility and epigenetic regulation during spermatogenesis. *Asian J Androl*, 17(6), 948-53. <https://doi.org/10.4103/1008-682X.150844>

e Silva, R., Yu, Yo., Liew, Z., et al. (2021). Associations of Maternal Diabetes During Pregnancy With Psychiatric Disorders in Offspring During the First 4 Decades of Life in a Population-Based Danish Birth Cohort. *JAMA Netw Open*, 4(10), e2128005. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2021.28005>

Easey, KE, Sharp, GC. (2021). The impact of paternal alcohol, tobacco, caffeine use and physical activity on offspring mental health: a systematic review and meta-analysis. *Reprod Health*, 26;18(1), 214. <https://doi.org/10.1186/s12978-021-01266-w>

Enstad, S, Rankin, K, Desisto, C, Collins, JW Jr. (2019). Father's Lifetime Socioeconomic Status, Small for Gestational Age Infants, and Infant Mortality: A Population-Based Study. *Ethn Dis*, 29(1), 9-16. <https://doi.org/10.18865/ed.29.1.9>

Evensen, M, Klitkou, ST, Tollånes, MC, et al. (2021). Parental income gradients in adult health: a national cohort study. *BMC Med*, 19(1), 152. <https://doi.org/10.1186/s12916-021-02022-4>

Fesenko, M.A., Sivochalova, O.V., & Fedorova, E.V. (2017). Occupational detection of diseases of the reproductive system in female workers engaged in harmful working conditions. *Analiz riska zdoroviu [Health Risk Analysis]*, 3, 92-100. <https://doi.org/10.21668/health.risk/2017.3.11> (In Russ.)

Hveem, MR, Faulconer, SCM, Dufur, MJ. (2022). Comparing Children's Behavior Problems in Biological Married, Biological Cohabiting, and Stepmother Families in the UK. *Int J Environ Res Public Health*, 19(24), 16543. <https://doi.org/10.3390/ijerph192416543>

Kazakova, E.V. & Sokolova, L.V. (2022). Socio-economic risk factors for psychological health disorders in children. *Gigiena i sanitaria [Hygiene and Sanitation, Russian Journal]*, 101(4), 441-448. <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2022-101-4-441-448> (In Russ.)

Kislitsyna, O.A. (2009) The main health determinants of junior and middle school age children. *Sotsialnye aspekty zdorovia naseleniia [Social Aspects of Population Health]*, 1(9),5. EDN JYALQJ. (In Russ.)

Koch, R., Hanley, W., Levy, H., et al. (1990). A preliminary report of the collaborative study of maternal phenylketonuria in the United States and Canada. *Journal of inherited metabolic disease*, 13(4), 641-650.

Labayen, I, Ruiz, JR, Ortega, FB, et al. (2010). Intergenerational cardiovascular disease risk factors involve both maternal and paternal BMI. *Diabetes Care*, 33(4), 894-900. <https://doi.org/10.2337/dc09-1878>

Macmillan, L., Tominey, E. (2023). Parental inputs and socio-economic gaps in early child development. *Journal of Population Economics*, 36, 1513-1543. <https://doi.org/10.1007/s00148-022-00917-x>

Magnus, MC, Håberg, SE, Karlstad Ø, et al. (2015). Grandmother's smoking when pregnant with the mother and asthma in the grandchild: the Norwegian Mother and Child Cohort Study. *Thorax*, 70(3), 237-43. <https://doi.org/10.1136/thoraxjnl-2014-206438>

Masukume, G, McCarthy, FP, Baker, PN, et al. (2019). Association between caesarean section delivery and obesity in childhood: a longitudinal cohort study in Ireland. *BMJ Open*, 9(3):e025051. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-025051>

Momot, G.O., Krukovich, E.V., Gerasimenko, E.V., & Denisova, A.A. (2022). Risk factors for disorders of neuropsychic development in preschool children. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia [Modern Problems of Science and education]*, 6-1, 104. <https://doi.org/10.17513/spno.32171> (In Russ.)

Novaes, JF, Franceschini Sdo, C, Priore, SE. (2008). Mother's overweight, parents' constant limitation on the foods and frequent snack as risk factors for obesity among children in Brazil. *Arch Latinoam Nutr*, 58(3), 256-64.

Now We Are 50: Key Findings from the National Child Development Study. (2008) Edited by J. Elliott and R. Vaithilingam. London: The Centre for Longitudinal Studies. https://www.researchgate.net/publication/320195056_Now_we_are_50_Key_findings_from_the_National_Child_Development_Study (Accessed: 18.01.2025)

Parikka, S., Mäki, P., Levälähti, E., et al. (2015). Associations between parental BMI, socioeconomic factors, family structure and overweight in Finnish children: A path model approach. *BMC Public Health*, 15, 271. <https://doi.org/10.1186/s12889-015-1548-1>

Reiss, F, Meyrose, AK, Otto, C, et al. (2019). Socioeconomic status, stressful life situations and mental health problems in children and adolescents: Results of the German BELLA cohort-study. *PLoS One*, 14(3):e0213700. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0213700>

Rodprasert, W., Toppari, J., Virtanen, H.E. (2021). Endocrine Disrupting Chemicals and Reproductive Health in Boys and Men. *Front Endocrinol (Lausanne)*, 12:706532. <https://doi.org/10.3389/fendo.2021.706532>

Rogers, A., Obst, Sh., Teague, S.J, et al. (2020). Association between maternal perinatal depression and anxiety and a meta-analysis. *JAMA Pediatr*, 174(11):1082-1092. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2020.2910>

Salagai, O.O.& Soshkina, K.V. (2020). The concept of personal responsibility for health: legal aspect. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 8, 94–104. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.097> (In Russ.)

Sarathy, B, Morris, H, Tumin, D, Buckman, C. (2020). The Impact of Medical Financial Hardship on Children's Health. *Clin Pediatr (Phila)*, 59(14):1252-1257. <https://doi.org/10.1177/0009922820941644>

Shigaev, N.N., Krom, I.L., Yerugina, M.V., & Dorogoikin, D.L. (2016). Interdisciplinary analysis of socially determined health risks of the child population. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia [Modern Problems of Science and education]*, 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24246> (Accessed: 05.02.2026). (In Russ.)

Sokoł-Szawłowska, M. (2020). Paternal perinatal depression: cases. *Psychiatr Pol*, 54(6), 1123–1135. <https://doi.org/10.12740/PP/110610>

Tan, Y, Zhang, D, Mei, H, et al. (2018). Perinatal risk factors for obstructive sleep apnea syndrome in children. *Sleep Med.*, 52:145-149.

Tanaka, K, Arakawa, M, Miyake, Y. (2020). Perinatal smoking exposure and risk of asthma in the first three years of life: A prospective prebirth cohort study. *Allergol Immunopathol (Madr)*, 48(6), 530–536. <https://doi.org/10.1016/j.aller.2020.03.008>

Xiang, AH, Wang, X, Martinez, MP, et al. (2015). Association of maternal diabetes with autism in offspring. *JAMA*, 313(14), 1425–1434. <https://doi.org/10.1001/jama.2015.2707>

Xiang, AH, Wang, X, Martinez, MP, et al. (2018). Maternal gestational diabetes mellitus, type 1 diabetes, and type 2 diabetes during pregnancy and risk of ADHD in offspring. *Diabetes Care*, 41(12), 2502–2508. <https://doi.org/10.2337/dc18-0733>

Шматова Юлия Евгеньевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН ВолНЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0002-1881-0963> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: ueshmatova@mail.ru).

Yulia E. Shmatova — PhD in economics, Senior Researcher VolRC RAS; <https://orcid.org/0000-0002-1881-0963> (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, e-mail: ueshmatova@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.172

JEL classification: J11, J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-6-1>

**Гибкие миграционные режимы
как современный инструмент регулирования рынка труда¹**

Т.М. Алимова

Ташкентский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
(г. Ташкент, Республика Узбекистан).

<https://orcid.org/0000-0003-2288-8365>

Автор для корреспонденции: Т.М.Алимова (tellaalimova@mail.ru).

Аннотация. В статье рассмотрен анализ гибких миграционных режимов как современного инструмента регулирования рынка труда в условиях глобализации и цифровой трансформации. Объектом исследования являются процессы трудовой миграции, предметом — институциональные механизмы гибких миграционных режимов. Цель работы состоит в оценке влияния современных режимов миграции на занятость, легализацию миграции и сбалансированность рынка труда. Гипотеза подразумевает, что гибкие режимы обеспечивают более высокую адаптивность миграционной политики к экономическим колебаниям. Методологическую основу составляют сравнительный анализ, кейс-стади и анализ нормативных актов. В работе выявлены ключевые преимущества и вызовы гибких режимов, а также обоснованы направления их внедрения в Республику Узбекистан. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов при разработке национальной миграционной политики. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом социально-интеграционных эффектов.

Ключевые слова: миграционные режимы; трудовые ресурсы; анализ; современные механизмы; миграция.

Flexible Migration Regimes as a Modern Instrument for Labor Market Regulation

T. Alimova

Tashkent Branch of Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov (Tashkent, Uzbekistan).

<https://orcid.org/0000-0003-2288-8365>

Corresponding author: T.Alimova (tellaalimova@mail.ru).

Abstract. The article analyzes flexible migration regimes as a modern instrument for regulating the labor market under conditions of globalization and digital transformation. The object of the study is labor migration processes, while the subject is the institutional mechanisms of flexible migration regimes. The aim of the study is to assess their impact on employment, the legalization of migration, and labor market balance. The hypothesis assumes that flexible regimes ensure greater adaptability of migration policy to economic fluctuations. The methodological framework includes comparative analysis, case studies, and the analysis of regulatory acts. The study identifies the key advantages and challenges of flexible migration regimes and substantiates directions for their implementation in the Republic of Uzbekistan. The practical significance of the research lies in the possibility of using the results in the development of national migration policy. Prospects for further research are associated with the analysis of socio-integration effects.

Keywords: migration regimes; labor resources; analysis; modern mechanisms; migration.

¹ © Алимова Т. М. Текст. 2026.

Введение

В условиях масштабной глобализации и стремительного развития цифровых технологий мобильность рабочей силы становится одним из ключевых факторов экономического роста и конкурентоспособности стран. Причинами миграции могут являться более высокий уровень оплаты и условий труда у принимающей стороны, комфортные жилищные условия, необходимость в высококвалифицированных кадрах, уровень образования, медицины и других социальных обеспечений для граждан, а также политическое положение и наиболее благоприятные природно-климатические условия. В то же время международный рынок труда характеризуется структурным дисбалансом и нестабильностью.

В некоторых секторах одновременно существует дефицит рабочей силы, связанный с сезонной или проектной занятостью, а в других регионах рабочая сила в избытке и возникают проблемы нехватки рабочих мест и безработицы. Из исследования Международной организации труда было выявлено, что в странах мира в период с 2022 по 2023 гг. находились 167,7 миллиона иностранных мигрантов. Их количество превышает число мигрантов в 2013 г. более чем на 30 миллионов человек. Однако значительный рост наблюдался в основном в период с 2013 по 2019 гг. В период с 2023 по 2025 гг. также замечен рост процента мигрантов в страны со стабильной и нейтральной политической ситуацией. Большинство трудящихся мигрантов сосредоточено в странах с высоким уровнем дохода, на долю которых пришлось 68,4 % от общего числа (114,7 миллиона), а 17,4 % (29,2 миллиона) — в странах с уровнем дохода выше среднего¹.

В 2025 г. странами с наибольшим показателем миграционного прироста населения стали США (1 230 663 человека) и Сирийская Арабская Республика, в которую иммигрировало на 421 693 человека больше, чем выехало из страны. Страной с самым низким уровнем чистой миграции стал Пакистан со значением –1 235 336 человек. За ним следуют Индия с чистой миграцией в размере –495 753 человека и Бангладеш с зарегистрированной чистой миграцией в размере –402 100 человек².

Традиционные методы регулирования мобильности населения: квоты, политика протекционизма, налоговые льготы, визовый режим, продолжительная процедура получения гражданства, завышенные требования к оформлению документов — чаще всего оказываются жесткими в быстро меняющейся экономической среде. В результате возникает необходимость внедрения гибких миграционных режимов, которые способствуют более эффективному и сбалансированному регулированию рынка труда с возможностью быстро реагировать на спрос рабочей силы и минимизировать риски ограниченности трудовых ресурсов в стране. К современным методам миграционной политики относятся балльные системы отбора квалифицированных кадров, специальные режимы для цифровых и проектных работников, совершенствование налоговой системы, создание модернизированных предприятий и организаций с внедрением современных технологий, для работы с которыми необходимы высококвалифицированные специалисты.

¹ ООН, МОТ: Беженцы и мигранты <https://news.un.org/ru/news/topic/migrants-and-refugees> (дата обращения: 20.01.2026).

² Ежегодный показатель миграции стран мира «Annual Net Migrations by Country in 2025», <https://database.earth/population/migration/2025> (дата обращения: 20.01.2026).

Кроме того, создаются образовательные центры при организациях для обучения и дальнейшего трудоустройства узкоспециализированных работников. Данные методы способны стать инструментом для сбалансированного регулирования рынка труда и минимизации рисков перенасыщения рынка, безработицы или недостатка кадров.

Целью работы является выявление современных миграционных режимов, условий для внедрения, их способности оказывать влияние на эффективность миграционной политики и последствий использования современных методов регулирования миграционных процессов.

Объектом исследования стали процессы трудовой миграции и механизмы миграционной политики. Предметом исследования являются гибкие миграционные режимы как институциональные и регулятивные инструменты воздействия на рынок.

Научная новизна исследования заключается в синтезе теоретических и прикладных аспектов гибких режимов с формированием практико-ориентированных рекомендаций по их адаптации в условиях трансформации рынка труда. Практическая значимость заключается в предложении конкретных инструментов и критериев оценки, которые могут быть использованы политиками и работодателями для сбалансирования интересов национального рынка труда и потребностей экономики.

Обзор литературы

На основе классических исследований миграции в научной литературе сформировались устойчивые представления о видах миграции. Э. Равенштейн (Ravenstein, 1885) в конце XIX в. заложил основы теории миграции, связывая причины мобильности населения прежде всего с развитием рынка труда и промышленными центрами. В начале XX в. В. Зомбарт (2005) выделил предпринимательскую (селективную) и массовую миграции, отражающие различия между добровольным экономическим переселением и перемещением крупных групп населения по политическим, религиозным или колониальным причинам. Существенный вклад внес и Г. Фэйрчайлд (Fairchild, 1913), предложивший культурно-политическую типологию миграции, тем самым обозначив колонизационные и экспансионистские формы миграционных перемещений. В середине XX в. Н. Гонзалес (González, 1961) дополнил данные подходы классификацией миграции по временным характеристикам, выделив сезонные, временные и постоянные перемещения. Исследования сформировали теоретическую основу для формирования современных концепций миграционных процессов.

Материалы и методы

Методология работы базируется на сравнительном, институциональном, кейс-стади и системном анализе. В качестве научной базы исследования были использованы официальные страницы электронных источников Национального агентства по статистике Республики Узбекистан и Федеральной службы государственной статистики, национальные нормативные акты, рецензируемые исследования и научные статьи.

Результаты

Правовой режим — официально установленный порядок правового регулирования, отражающий совокупность юридических и организационных средств, используемых для закрепления социально-правового состояния объектов воздействия, и направленный на обеспечение их устойчивого функционирования (Кудин, 2021). Миграционный режим — это устоявшиеся взаимосвязи между различными факторами, институтами, которые формируют миграционную ситуацию в мире или в отдельной стране. Это реформы, ориентированные на регулирование трансграничного движения населения и его последствий.

Миграционный режим основывается на иммиграционной и интеграционной политике. На формирование миграционного режима влияет политическая ситуация конкретной страны. Выбор модели миграционного режима (рыночная американская модель или модель «государства всеобщего благосостояния» (европейско-континентальная)) зависит от приоритетов государства в сферах социальной защиты и регулирования рынка труда. Кроме того, миграционные процессы имеют ряд особенностей, которые возникают в результате влияния на них соответствующих факторов. Следовательно, миграционные процессы подразделяются на виды, характерные для определенных регионов и сфер деятельности.

На данный момент принято классифицировать миграционные потоки по причинам и особенностям. В зависимости от пространственного охвата выделяют внешнюю (международную), внутреннюю и транзитную миграции, отражающие различия в направлениях и масштабах перемещения населения. По временным характеристикам миграция подразделяется на постоянную, временную, маятниковую и сезонную, что позволяет учитывать длительность и цикличность миграционных потоков. Существенное значение имеет целевой (причинный) подход, в рамках которого различают трудовую, образовательную, миграцию с целью проживания, а также иные формы, обусловленные социально-экономическими мотивами. Дополняют современные концепции классификации миграции рекреационные перемещения и миграции, вызванные природно-климатическими причинами, что отражает возрастающую роль качества жизни, экологических факторов и климатических изменений в формировании современных миграционных процессов. Для координации миграционных потоков были разработаны механизмы, обеспечивающие умеренное трансграничное движение трудовых ресурсов.

В зависимости от целей государственной политики различаются: либеральные и рестриктивные миграционные режимы; селективные режимы, ориентированные на привлечение высококвалифицированных специалистов; временные (циркулярные) миграционные режимы; гуманитарные режимы, применяемые в отношении беженцев и лиц, нуждающихся в международной защите; регионально-дифференцированные режимы, учитывающие особенности отдельных территорий и отраслей экономики. Миграционный режим выступает инструментом практической реализации государственной миграционной политики.

Внедряя миграционный режим, следует учитывать нестабильность и колебания экономической конъюнктуры, глобальные демографические сдвиги и технологическую трансформацию рынка труда (Троянская & Тюрина, 2021).

Рынок труда представляет собой сложную экономическую систему, на которой пересекаются интересы работодателей, работников и государства. Регулирование рынка труда охватывает широкий спектр мер, направленных на обеспечение занятости, справедливых условий труда, социальной защиты, а также адаптации к структурным изменениям экономики. Государственное вмешательство необходимо в силу несовершенства рыночных механизмов, а также для предотвращения социальной нестабильности и неравенства на рынке труда.

В результате миграции рынок труда становится объектом двойного регулирования: государство ведет политику занятости граждан и контролирует привлечение иностранных работников. Для таких процессов и требуется разработка специальных инструментов, которые способны учитывать экономические потребности, демографическую структуру и уровень безработицы.

Миграционная политика влияет на структуру занятости, уровень безработицы, распределение трудовых ресурсов по отраслям и регионам, а также на уровень заработной платы и конкурентоспособность национального рынка труда. С одной стороны, приток иностранных работников может компенсировать дефицит рабочей силы в секторах с сезонной или временной безработицей, стимулировать экономическую активность и способствовать инновациям (Ravenstein, 1885). С другой стороны, избыток миграционных потоков без оптимизированных механизмов интеграции может привести к конкуренции за рабочие места с местным населением, снижению зарплат и возникновению социальной напряженности. В результате ужесточения барьеров для интеграции мигрантов, а именно: заключение временных контрактов с рабочими, недостаточная защита прав приезжих, отсутствие возможности раскрытия трудового потенциала — рынок труда сталкивается с расширением теневого сектора.

Государства стремятся искать баланс между востребованностью иностранных работников и защитой интересов местного населения, чтобы минимизировать риски социального исключения и одновременно обеспечить экономическую эффективность регулирования рынка труда (Антропов, 2020).

По данным Национального комитета по статистике Республики Узбекистан, в январе — сентябре 2025 г. количество граждан, выехавших на работу за границу, выросло в 1,38 раза по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, увеличившись на 512 тыс. человек. По данным Министерства занятости и сокращения бедности, при населении страны в 37,8 млн человек общая численность трудовых ресурсов в январе — сентябре 2025 г. достигла 20,35 млн человек (+1,9 %), из которых занятое население составило 14,81 млн человек (+4,1 %). В формальном секторе экономики было занято 8,58 млн человек (+17 %), в неформальном — 4,38 млн человек (снижение на 26,9 %). При этом в службы занятости за поиском работы обратились 760 тыс. человек. По состоянию на третий квартал 2025 г., уровень безработицы составил 4,9 %, что на 0,8 процентного пункта ниже по сравнению с аналогичным периодом 2024 г.¹

¹ Число трудовых мигрантов из Узбекистана. <https://uz.sputniknews.ru/20251112/chislo-trudovyx-migrantov-uzbekistana-uvlechilos-53421829.html> (дата обращения: 20.01.2026).

В Узбекистане въезд и пребывание иностранных граждан регулируются визовыми правилами (включая электронные визы) и документами о гражданстве¹, а сами иностранцы и лица без гражданства обладают равными правами перед законом при временном или постоянном проживании на территории страны. Государство также устанавливает сроки действия идентификационных карт для постоянных жителей-иностранцев, создавая правовые ограничения для их пребывания. Для узбекистанцев выезд за границу, в том числе на ПМЖ, осуществляется по разрешительному порядку, что позволяет государству контролировать зарубежные миграционные потоки. В вопросах трудовой миграции Узбекистан ориентируется на циркулярные и регулируемые формы, создавая условия для законной работы за рубежом, повышая профессиональную подготовку граждан и поддерживая их после возвращения. Заключаются международные соглашения по вопросам миграции и открываются информационные центры для релокантов.

Проблема состоит в несоответствии темпов создания рабочих мест числу молодых специалистов, обладающих высоким мобильным потенциалом, что ведет к значительной трудовой миграции за рубеж. Несмотря на ежегодное создание сотен тысяч новых рабочих мест, часть населения, особенно молодежь, продолжает искать работу за границей. Узбекистан последовательно реализует государственную политику, направленную на обеспечение занятости граждан и эффективное регулирование трудовой миграции, рассматривая трудоустройство как внутри страны, так и за ее пределами в качестве одного из ключевых направлений социально-экономического развития. Задачи, направленные на обеспечение трудоустройства населения закреплены в Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 гг.², в которой рассмотрено внедрение программ повышения производительности труда в отраслях промышленности; развития промышленной кооперации между крупными отраслями и региональными предприятиями; поддержки создания центров профессионального обучения за рубежом для повышения квалификации и адаптации граждан к иностранным рынкам труда; обеспечения трудовых и социальных прав осужденных и лиц, отбывших наказание; регулирования трудовой миграции и развития организованной миграции на основе двусторонних и многосторонних межправительственных соглашений (рис. 1).

В результате системной работы по организованному трудоустройству граждан за рубежом рынок труда диверсифицируется, а выезд осуществляется преимущественно на высокооплачиваемые рабочие места. Несмотря на сокращение числа трудовых мигрантов по сравнению с 2016 г., объем денежных переводов вырос с 3,8 млрд долларов до 15,8 млрд долларов по итогам десяти месяцев 2025 г.³ В настоящее время сформированы заказы на 140 тыс. специалистов, однако сохраняется потребность в подготовке кадров с необходимыми языковыми и профессиональными навыками.

¹ Иммиграция Узбекистана. <https://rus.ozodi.org/a/za-polgoda-v-uzbekistan-pereehalo-bolee-1000-inostrantsev/33057347.htm> l(дата обращения: 20.01.2026).

² Указ Президента Республики Узбекистан, от 28.01.2022 г. № УП-60, <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (дата обращения: 20.01.2026).

³ Трудоустройство граждан Узбекистана за рубежом <https://www.gazeta.uz/ru/2026/01/15/migration/> (дата обращения: 15.01.2026).

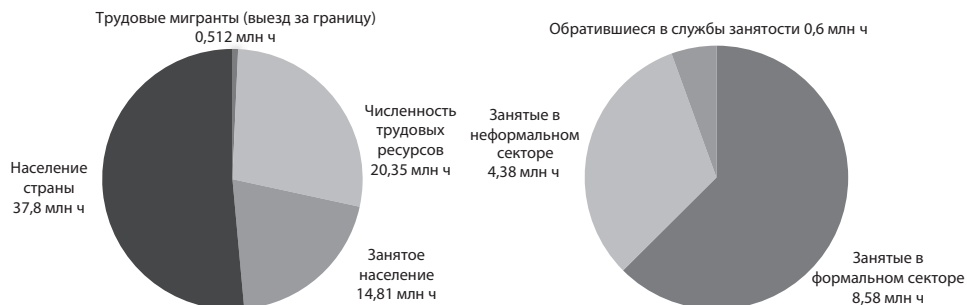

Рис. 1. Статистика трудовых ресурсов Республики Узбекистан (источник: сост. авторами по: Численность населения Республики Узбекистан на 2025 г. Национальный комитет по статистике Республики Узбекистан <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography> (дата обращения: 01.01.2026).

Для устранения неудобств, связанных с рассредоточенностью миграционных услуг, поставлена задача их упорядочения и унификации по принципу «единого окна»: в Учтепинском районе Ташкента будет создан «Центр подготовки к трудовой деятельности за рубежом», в Термезе — единый центр миграционных услуг, в Яшнабадском районе столицы совместно с международными компаниями откроются школы немецкого и японского языков. На платформе «Хорижда иш» уже предоставляются 25 видов услуг, которыми с начала текущего года воспользовались 524 тыс. граждан. При этом подчеркнута необходимость дальнейшей цифровизации сервисов и внедрения технологий искусственного интеллекта, включая биометрическую идентификацию, мониторинг зарубежных вакансий в режиме реального времени, дистанционное консультирование, а также создание в Агентстве миграции круглосуточного ситуационного центра для оперативной помощи гражданам¹.

Реализация подобных механизмов требует опоры на уже сформировавшуюся международную практику внедрения современных технологий в сферу миграционного контроля и администрирования. Опыт Российской Федерации демонстрирует широкий спектр инструментов цифровизации миграционного регулирования. С 1 декабря 2025 года на пограничных пунктах страны введен сбор биометрических данных у иностранных граждан для формирования цифровых профилей и контроля их пребывания на территории РФ. «Концепция государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 гг.»², утвержденная указом Президента, предусматривает использование технологий искусственного интеллекта для обработки больших массивов данных, автоматизацию стандартных административных процедур, развитие интернет-порталов взаимодействия органов власти и мигрантов, а также расширение механизмов идентификации личности. Применение цифровых систем направлено на повышение прозрачности и эффективности миграционного учета, снижение рисков нарушений законодательства и обеспечение национальной безопасности. Одновременно соз-

¹ Задачи и планы в сфере трудовой миграции. <https://president.uz/ru/lists/view/8687> (дата обращения: 18.11.2025).

² Концепция миграционной политики РФ на 2026–2030 гг. (дата обращения: 20.01.2026).

даются условия для упрощения легальной трудовой миграции и привлечения квалифицированных специалистов.

В течение последних лет государственная миграционная политика России была ориентирована на упрощение получения патентов, разрешительных документов и гражданства для отдельных категорий иностранцев, а также на внедрение электронных визовых инструментов. По данным ФСБ, в 2024 г. иностранные граждане совершили 16,6 млн визитов в Россию, из которых 5,8 млн были связаны с трудовой деятельностью; при этом МВД в феврале 2025 г. оценивало численность нелегальных мигрантов в 670 тыс. человек. После теракта в «Крокус Сити Холле» в марте 2024 года миграционный режим был существенно ужесточен: введены ограничения по срокам пребывания для граждан безвизовых стран, запущен реестр контролируемых лиц, расширены требования по предварительной биометрической идентификации через приложение ruID и усилен цифровой контроль за мигрантами в отдельных регионах.¹ В целом новая концепция сохраняет преемственность предыдущего курса, сочетая задачи социально-экономического развития с приоритетами безопасности и усилением контрольных механизмов.

В экономике выделяют три основных сектора: сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг. В аграрных странах крупнейшим сектором занятости является сельское хозяйство, в котором задействована в основном молодежь, готовая работать в различных сферах рынка труда в странах с более высоким уровнем дохода (Gold et al., 2019). Можно предположить, что трудовая миграция теоретически способна обеспечить соответствие между избытком рабочей силы в развивающихся странах и промышленно развитых с вакантными рабочими местами.

Существуют альтернативные способы производства товаров и услуг, поэтому привлечение и найм работников-мигрантов — это лишь один из вариантов, доступных фирмам и работодателям. Альтернативные варианты могут включать в себя повышение привлекательности рабочих мест для местных жителей, использование трудосберегающих механизмов, увеличение заработной платы и разработку KPI-системы.

Следует отметить, что не государство, а работодатели нуждаются в найме трудовых мигрантов, так как считают этот вариант наименее трудозатратным. Перед государством, в свою очередь, стоит задача предоставления разрешения или о запрете найма рабочих из-за рубежа, а также о дальнейшем регулировании их деятельности на своей территории. В прошлом веке была развита постоянная миграция, при которой большая часть работников не возвращались на родину, а в результате быстрой адаптации и обустройства получали статус постоянного иммигранта или поселенца и в конечном счете гражданство без разрешения работодателей (Зомбарт, 2005). Сегодня же большинство мигрантов, пересекающих национальные границы в поисках работы, являются временными работниками, которые могут никогда не получить постоянного вида на жительство или гражданства в странах назначения.

Гибкие миграционные режимы представляют собой совокупность инструментов регулирования трудовой миграции, ориентированных на адаптацию

¹ Новая концепция государственной миграционной политики до 2030 г. <https://www.kommersant.ru/doc/8122048> (дата обращения: 20.01.2026).

миграционных потоков к текущим потребностям рынка труда и снижение сопутствующих экономических и социальных рисков. К их числу относятся временные и сезонные режимы занятости, основанные на срочных контрактах и отраслевых квотах, при которых пребывание мигрантов ограничивается фиксированным сроком и привязывается к конкретным секторам, прежде всего сельскому хозяйству, строительству и сфере услуг. Распределение разрешений осуществляется ежегодно с учетом дефицита рабочей силы.

Циркулярная миграция подразумевает повторяющиеся въезды и выезды мигрантов без намерения постоянного поселения, с акцентом на временную занятость и возвращение на родину. Данные режимы реализуются реинтеграционными мерами, включающими гранты, профессиональное обучение и налоговые льготы для возвращающихся работников с целью снижения безработицы и использования приобретенного за рубежом опыта в странах происхождения (Bal'oni et al., 2024). Балльные режимы отбора квалифицированных мигрантов основываются на оценке кандидатов по формализованным критериям — возрасту, уровню образования, профессиональной квалификации, знанию языка, опыту работы и наличию предложения от работодателя. При этом достижение установленного порога баллов дает право на получение визы или разрешения на работу. Ускоренные визовые процедуры для высококвалифицированных специалистов (например, в IT-сфере или инженерии) позволяют выдавать разрешения в течение нескольких недель вместо месяцев для оперативного закрытия дефицитных вакансий. Организованная трудовая миграция строится на двусторонних и многосторонних межгосударственных соглашениях, в рамках которых стороны согласуют квоты, механизмы привлечения мигрантов, условия труда и социальную защиту релокантов, а также процедуры репатриации и совместного контроля, способствуя снижению нелегальной миграции.

Цифровые миграционные режимы включают электронные визы, оформляемые онлайн в течение нескольких дней, сбор биометрических данных (отпечатки пальцев, фотографии, голос) на границе или через специализированные приложения, а также онлайн-реестры мигрантов, позволяющие проверять статус разрешений, использовать QR-коды вместо бумажных документов и автоматизировать миграционный учет, упрощая административные процедуры и повышая прозрачность контроля.

Гибкие миграционные режимы существенно трансформируют рынок труда, обеспечивая его гибкость и баланс между спросом и предложением рабочей силы. Они позволяют странам оперативно реагировать на сезонные или отраслевые дефициты, заполняя вакансии без долгосрочных обязательств. В результате структура рабочей силы становится более диверсифицированной: доля временных работников растет в строительстве, сельском хозяйстве и услугах, освобождая местных жителей для стратегических отраслей, хотя это иногда приводит к временному давлению на зарплату в низших сегментах рынка.

Одним из ключевых преимуществ гибких режимов становится их роль в легализации трудовой миграции, что напрямую снижает теневой сектор экономики. Временные визы, квоты и онлайн-реестры упрощают оформление, мотивируя мигрантов выходить из нелегального поля, где они уязвимы для эксплуатации.

Влияние на производительность труда проявляется через приток квалифицированных кадров по балльным и ускоренным системам, где отбираются специалисты с высоким потенциалом, стимулируя инновации и рост ВВП на душу населения. Циркулярная миграция дополнительно усиливает эффект — мигранты возвращаются с навыками, накопленными за рубежом, повышая локальную экспертизу без утечки мозгов. Фискальные эффекты гибких режимов положительны в долгосрочной перспективе: мигранты вносят налоги и социальные взносы во время работы, генерируя чистый приток в бюджеты на уровне 1–3 % ВВП в странах-реципиентах. Переводы мигрантов в страны происхождения (до 10 % их доходов) поддерживают экономику стран-доноров, снижая бедность и стимулируя потребление, хотя краткосрочные расходы на интеграцию требуют эффективного управления. Баланс выгоден при правильной калибровке квот.

В сравнении с традиционными жесткими режимами, ориентированными на постоянное ПМЖ или семейную реунификацию, гибкие миграционные модели выгодно отличаются по административным издержкам и скорости процедур: вместо месяцев ожидания визы выдаются онлайн за дни или недели, снижая бюрократию на ~40 % за счет цифровизации и квот. Это делает системы более эффективными, освобождая ресурсы миграционных служб для контроля, а не бумажного делопроизводства. Гибкость проявляется в высокой адаптивности к нуждам рынка труда: квоты корректируются ежегодно по отраслям, балльные системы привлекают таланты под конкретные вакансии, в отличие от традиционных подходов, которые не придают особого внимания колебанию экономической среды. А современные гибкие режимы оперативно реагируют на кризисы, такие как пандемии или рецессии, масштабируя потоки без долгосрочных обязательств.

Уровень нелегальной миграции в результате внедрения гибких режимов падает на ~25 %, поскольку доступность при получении виз (сезонные визы, e-visa) перекрывает каналы теневого сектора, в то время как традиционные барьеры провоцируют нарушения законодательства. Цифровой контроль с биометрией усиливает прослеживаемость, делая нелегалов легко идентифицируемыми. Страны с гибкими режимами становятся более привлекательными для трудовых мигрантов благодаря прозрачности, скорости и защите прав, повышая приток на 15–30 % по сравнению с бюрократичными системами. Примером являются Канада с системой «Express Entry» и ОАЭ с сезонными программами.

Наконец, устойчивость к неожиданным обстоятельствам выше у гибких моделей. За счет амортизации в период демографических спадов (старения населения) и экономических колебаний экономика имеет больше возможностей для восстановления без последующих социальных рисков, в отличие от традиционных, в которых сформированный массив лиц с постоянным статусом проживания приводит к росту институциональной нагрузки и усложняет антикризисное регулирование.

Узбекистан обладает значительным потенциалом для внедрения гибких миграционных режимов, поскольку страна является одним из ведущих экспортеров рабочей силы в Центральной Азии, с ежегодными потоками эмигрантов в 2–3 миллиона человек, преимущественно направляемыми в Россию, Казахстан и другие страны ЕАЭС. Этот потенциал обусловлен высокой зависимостью экономики от ремиттансов, составлявших 14 % ВВП за 2024 г. по данным Всемирного

банка, и необходимостью оптимизировать миграционные потоки для снижения рисков нелегальной эмиграции, повышения квалификации возвращающихся и стимулирования внутреннего рынка труда. Внедрение временных, сезонных, циркулярных и балльных систем позволит не только монетизировать человеческий капитал, но и решить внутренние проблемы безработицы среди молодежи, которая может достичь 6 % по прогнозам на текущий год, путем организации подготовительных центров и реинтеграционных программ.

Институциональные ограничения и структурные барьеры являются ключевым фактором, сдерживающим эффективность регулирования миграционных процессов. Фрагментированность нормативно-правовой базы, при которой функции в сфере миграции распределены между Министерством занятости, Министерством внутренних дел и Министерством иностранных дел, приводит к дублированию полномочий и увеличению административных издержек, включая многоэтапные процедуры регистрации. Срок их выполнения может достигать одного месяца. Недостаточный уровень цифровизации, отсутствие единого национального реестра мигрантов, а также слабая межведомственная координация снижают управляемость миграционных потоков и повышают их чувствительность к внешним институциональным изменениям, в том числе корректировкам визового и миграционного режима принимающих государств. Еще одним ограничением являются недостаток разработанных механизмов мониторинга въехавших мигрантов и коррупционное поведение при выдаче разрешений (Brettell & Hollifield, 2015).

Приоритетными отраслями для внедрения гибких режимов являются текстильная и легкая промышленность, строительство, сельское хозяйство и развивающийся ИТ-сектор, где дефицит сезонной рабочей силы достигает 20–30 % ежегодно. В текстильном секторе, экспортирующем продукцию на два млрд долларов, циркулярные контракты на 3–6 месяцев в Россию позволят набирать опыт по современным стандартам производства, повышая конкурентоспособность экспорта продукции Республики Узбекистан. В строительстве и агросекторе сезонные квоты способны правильно распределить трудовые ресурсы во время высокой потребности в рабочей силе, а балльные системы для ИТ-специалистов привлекут заказы из глобальных аутсорсинговых компаний, интегрируя местных программистов в цепочки с ОАЭ и Турцией.

Цифровизация — ключевой драйвер институциональной трансформации миграционного администрирования. Расширение системы электронных виз на трудовые категории с использованием биометрической идентификации на пограничных пунктах и мобильных приложений для отслеживания статусов в режиме реального времени способно сократить сроки процедур выдачи разрешения с нескольких недель до 24–48 часов. Интеграция миграционного контроля с цифровыми платформами и сервисами, включая «Госуслуги» Российской Федерации, создает условия для выдачи мигрантам цифровых идентификаторов (QR-кодов) для въезда. Снижается объем бумажного документооборота и сокращаются риски фальсификации данных. Применение аналитических инструментов на основе искусственного интеллекта, в свою очередь, позволяет прогнозировать дефицит рабочей силы по профессиональным группам и вносить обоснованные изменения в параметры миграционного квотирования. Практическим подтверждением

данного подхода является введение с 30 июня 2025 г. обязательной цифровой предварительной регистрации для иностранных граждан, въезжающих в Российскую Федерацию по безвизовому режиму, не позднее чем за 72 часа до прибытия через приложение «Госуслуги RuID». Обязательная цифровая предварительная регистрация распространяется на граждан государств СНГ и других стран, имеющих соглашения о безвизовом въезде с Россией.

Обновление межгосударственных механизмов должно сопровождаться развитием организованных форм трудовой миграции на национальном уровне. Данное направление подразумевает формирование сети региональных центров подготовки в городах Узбекистана: Фергане, Самарканде и Андижане. Более 150 тыс. граждан ежегодно смогут проходить бесплатные курсы русского языка, профессиональной переподготовки (строительство, сварочные специальности, IT) и правовой ориентации¹. Финансирование программ осуществляется за счет отчислений в размере 1 % от объема денежных переводов через специализированный фонд. Региональные центры подготовки кадров будут выполнять функции хабов по привлечению трудоспособного населения на контрактной основе с предоставлением страховых гарантий и механизмов репатриации.

Несмотря на институциональные и экономические преимущества, гибкие миграционные режимы сопряжены с рядом социальных рисков. К их числу относится сегрегация возвращающихся мигрантов, формирующих локальные анклав в малых и средних городах (Castles et al, 1993). Последствиями являются усиление этнической напряженности и увеличение нагрузки на социальную и коммунальную инфраструктуры. Минимизировать риски возможно путем введения интеграционных квот, обязательных курсов гражданского образования и механизмов территориального распределения возвратившихся.

Еще одной угрозой при использовании балльных систем отбора может стать утечка квалифицированных кадров. Риск возрастает при отсутствии комплексных реинтеграционных инструментов (Scholten, 2022). Эффективными мерами компенсации могут служить целевые гранты при возвращении, налоговые льготы сроком до трех лет и приоритетное трудоустройство в отраслях с перспективой карьерного роста. Инструментом оптимального распределения рабочей силы является диверсификация направлений трудовой миграции и развитие внутренних программ занятости в сферах зеленой энергетики и туризма.

Отдельного внимания заслуживает защита прав трудовых мигрантов. В Республике Узбекистан в течение первых шести месяцев 2025 г. было выявлено 16 случаев принудительного труда, восстановлены трудовые права 135 граждан. Об этом сообщил руководитель информационной службы Министерства занятости и сокращения бедности Джамолитдин Каландаров. Были приняты меры, которые способствовали восстановлению в должности 254 незаконно уволенных сотрудников и взысканию более 31 миллиарда сумов заработной платы для 7 349 граждан. В результате 387 несчастных случаев на работе пострадали 416 человек, из них 303 получили тяжелые травмы, 12 — легкие и 101 человек

¹ Курсы русского языка для мигрантов. <https://nuz.uz/2024/11/01/zapusk-intensivnyh-kursov-russkogo-yazyka-dlya-trudovyh-migrantov-iz-srednej-azii/> (дата обращения: 20.01.2026).

погиб. И это только в сфере строительства¹. Современные методы решения данной актуальной проблемы базируются на развитии горячих линий, мобильных дипломатических патрулей и внедрении смарт-контрактов на основе блокчейн-технологий с автоматизированными выплатами. Но, естественно, данные решения требуют соответствующих расходов. Кроме того, расширение цифровых миграционных режимов сопровождается технологическими рисками: утечкой биометрических данных и кибератаками на государственные реестры. Поэтому необходимо внедрение стандартов защиты информации, сопоставимых с общим регламентом по защите данных (General Data Protection Regulation), проведение ежегодных аудитов, применение методов шифрования и механизмов децентрализованной верификации данных.

Практическая реализация гибких миграционных режимов требует комплексных законодательных изменений. В первую очередь необходимы поправки в закон Республики Узбекистан «О трудовой миграции» (2020)², направленные на легализацию отраслевых квот, циркулярных виз, балльных систем отбора и цифровых реестров мигрантов. Указанные изменения должны содержать информацию об упрощении регистрации сроком до 48 часов, а также об усилении ответственности за нелегальное вербование и посредническую деятельность. Еще можно внедрить институциональные реформы путем совершенствования деятельности Агентства миграции при кабинете министров Республики Узбекистан, привлекая к участию представителей бизнеса, неправительственных организаций и региональных органов власти. Агентство миграции имеет большое значение при внедрении гибких миграционных режимов, так как оно отвечает за ежегодное планирование квот на основе данных рынка труда, демографических прогнозов и аналитики миграционных потоков.

Также на текущий 2026 г. запланирован запуск национального портала migro.uz, предусматривающий интеграцию с экосистемой ЕАЭС и использование AI-матчинга вакансий, QR-виз и аналитических дашбордов для мониторинга показателей. Пилотное внедрение портала будет проводиться для 50 тыс. пользователей, которое позволит отработать функционал и оценить институциональную готовность системы.

Межгосударственное сотрудничество с Российской Федерацией, Казахстаном, Турцией и ОАЭ требует закрепления обновленных договорных обязательств, которые должны будут фиксировать ежегодные квоты на уровне до 500 тыс. человек, единые стандарты подготовки мигрантов, создание совместного фонда реинтеграции объемом до 98 млн долларов, а также процедуры арбитражного разрешения трудовых споров.

Заключение

Мониторинг и оценка эффективности реализации предлагаемых мер целесообразно осуществлять на основе системы ключевых показателей. К числу

¹ Несчастные случаи на производстве <https://nuz.uz/2024/07/24/bolee-chetverti-neschastnyh-sluchaev-na-rabochem-meste-prihoditsya-na-sferu-stroitelstva/> (дата обращения: 20.01.2026).

² Постановление Президента Республики Узбекистан, от 17.10.2024 г. № ПП-367, 24.10.2024, <https://lex.uz/en/docs/7170468> (дата обращения: 20.01.2026).

приоритетных ключевых показателей эффективности (KPI) относятся уровень легализации миграции (запланированный показатель ~70 %), рост объема денежных переводов до 8,7 %, возвращаемость мигрантов на уровне ~65 % и сокращение нелегальной миграции на ~30 %.

Указанная система должна сопровождаться ежегодной публикацией отчетов, независимым аудитом и возможностью корректировки инструментов. Пилотный запуск в период с 2026 по 2027 гг. создаст основу для масштабирования модели к 2030 г. и интеграции Узбекистана в глобальные цепочки организованной трудовой миграции. Внедрение гибких режимов труда создаст предпосылки для обеспечения устойчивой интеграции в международные рынки труда и трансформации трудовой миграции в ключевой фактор долгосрочного социально-экономического развития.

Список литературы

Антропов, В. В. (2020). Международная трудовая миграция: современные тенденции и экономические последствия. Зарубежный опыт. Социально-трудовые исследования, 41(4), 155–167. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-41-4-155-167>

Зомбарт, В. (2005). Собрание сочинений в 3 Т. Т. 1: Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. Москва: Наука, 636. <https://djvu.online/file/hvAMeQvX1kCt9> (дата обращения: 20.01.2026).

Кудин, О. В. (2021). Проблемы миграции и совершенствование миграционного законодательства в Российской Федерации. Вестник экономической безопасности, 5, 112–123. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-5-112-123>

Троянская, М. А., Тюрина, Ю. Г. (2021). Формирование цифрового профиля налогоплательщика. АНИ: экономика и управление, 2(35), 364–367.

Bal’oni, E., Costa, A., & Hudson, J. (2024). Transnational Labour Mobility Regimes. *Work in the Global Economy*, 4(1), 2–10. <https://bristoluniversitypressdigital.com/view/journals/wge/4/1/article-p2.xml> (Accessed: 05.02.2026.)

Brettell, C., & Hollifield, J. F. (Eds.). (2015). *Migration Theory: Talking Across Disciplines* (3rd ed.). New York & London: Routledge, 364.

Castles, S., de Haas, H., Miller, M. J. (1993). *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* (5th ed.). New York: Guilford Press, 328.

Fairchild, H. P. (1913). *A World Movement and Its American Significance*. New York, NY, United States: The Macmillan Company, 455.

Gold, S. J., Nawyn, S. J., et al. (2019). *Routledge International Handbook of Migration Studies* (2nd ed.). London, United Kingdom: Routledge, 560.

González, N. L. (1961). Family Organization in Five Types of Migratory Wage Labor. *American Anthropologist*, 63, 1264–1280.

Herm, A., Abbaszade, A., Allahveranov, A. et al. (2024). Migration Textbook, 408. www.icmpd.org/file/download/61121/file/MOBILAZE-2-Migration%2520Textbook_MOBILAZE_EN_WEB.pdf (Accessed: 20.01.2026).

Ravenstein, E. G. (1885). The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 48(2), 167–235

Scholten, P. (Ed.). (2022). *Introduction to Migration Studies: An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity*. Dordrecht, Netherlands: Springer Nature, 495.

References

- Antropov, V. V. (2020). International labor migration: current trends and economic consequences. Foreign experience. *Sotsialno-trudovye issledovaniia [Social and Labor Studies]*, 41 (4), 155–167. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-41-4-155-167> (In Russ.).
- Bal’oni, E., Costa, A., & Hudson, J. (2024). Transnational Labour Mobility Regimes. *Work in the Global Economy*, 4 (1), 2–10. <https://bristoluniversitypressdigital.com/view/journals/wge/4/1/article-p2.xml> (Accessed: 05.02.2026.)
- Brettell, C., & Hollifield, J. F. (Eds.). (2015). *Migration Theory: Talking Across Disciplines* (3rd ed.). New York & London: Routledge, 364.
- Castles, S., de Haas, H., Miller, M. J. (1993). *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* (5th ed.). New York: Guilford Press, 328.
- Fairchild, H. P. (1913). *A World Movement and Its American Significance*. New York, NY, United States: The Macmillan Company, 455.
- Gold, S. J., Nawyn, S. J., et al. (2019). *Routledge International Handbook of Migration Studies* (2nd ed.). London, United Kingdom: Routledge, 560.
- González, N. L. (1961). Family Organization in Five Types of Migratory Wage Labor. *American Anthropologist*, 63, 1264–1280.
- Herm, A., Abbaszade, A., Allahveranov, A. et al. (2024). Migration Textbook, 408. www.icmpd.org/file/download/61121/file/MOBILAZE-2-Migration%2520Textbook_MOBILAZE_EN_WEB.pdf (Accessed: 20.01.2026).
- Kudin, O. V. (2021). Migration issues and improvement of migration legislation in the Russian Federation. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti [Herald of Economic Security]*, 5, 112–123. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-5-112-123> (In Russ.).
- Ravenstein, E. G. (1885). The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 48 (2), 167–235
- Scholten, P. (Ed.). (2022). *Introduction to Migration Studies: An Interactive Guide to the Literatures on Migration and Diversity*. Dordrecht, Netherlands: Springer Nature, 495.
- Sombart, W. (2005). *Sobranie sochinenii v 3 t. T. 1: Burzhua: k istorii dukhovnogo razvitiia sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka [Collected Works in 3 Volumes. Vol. 1: Bourgeois: On the Spiritual History of the Modern Economic Man]*. Moscow: Nauka, 636. <https://djvu.online/file/hvAMeQvX1kCt9> (Accessed: 20.01.2026). (In Russ.)
- Troyanskaya, M. A. & Tyurina, Y. G. (2021). Formation of the Digital Profile of the Taxpayer. *ANI: ekonomika i upravlenie [ANI: Economics and Management]*, 2 (35), 364–367. (In Russ.)

Алимова Тэлла Максудовна — студент, факультет «Экономика и бизнес», Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова; <https://orcid.org/0000-0003-2288-8365> (Республика Узбекистан, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, ул. Шахриабод, 3; e-mail: tellaalimova@mail.ru).

Tella M. Alimova—student, Faculty of Economics and Business, Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics; <https://orcid.org/0000-0003-2288-8365> (3, Shakhriabad str., Mirzo-Ulugbek district, Tashkent, Republic of Uzbekistan; e-mail: tellaalimova@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи частично применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author states that she has partially used Artificial Intelligence (AI) tools in preparing this article.

УДК 331.556.4

JEL classification: J61

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-6-2>

Феномен обратных трансграничных денежных переводов новой китайской миграции¹

Е. Б. Бедрина ^а, Еэрлань Алаи ^б

^а Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-7420-7499>

^б Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

Автор для корреспонденции: Е. Б. Бедрина (Bedrina1967@mail.ru).

Аннотация. Целью данного исследования является изучение феномена обратных трансграничных денежных переводов как одной из характеристик новой китайской миграции. Объектом исследования выступает новая китайская миграция, предметом — обратные трансграничные денежные переводы. Использованы методы кабинетных исследований, наблюдений и социологические опросы. В результате исследования выявлены причины обратных трансграничных денежных переводов и их роль в социально-экономической адаптации китайских мигрантов в стране приема. Сделан вывод о том, что со временем новая китайская миграция может изменить традиционное представление о миграционных потоках.

Ключевые слова: новая китайская миграция; миграция высококвалифицированных специалистов; обратные трансграничные денежные переводы.

The phenomenon of reverse cross-border remittances of the “new” Chinese migration

E. Bedrina ^а, Y. Alai ^б

^а Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation).

<https://orcid.org/0000-0002-7420-7499>

^б Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Corresponding author: E. Bedrina (Bedrina1967@mail.ru).

Abstract. The aim of this study is to examine the phenomenon of reverse cross-border remittances as one of the characteristics of «new» Chinese migration. The object of the study is «new» Chinese migration, and the subject is reverse cross-border remittances. Desk research and sociological surveys were used. The study identified the causes of reverse cross-border remittances and their role in the socioeconomic adaptation of Chinese migrants in the host country. It is concluded that, over time, «new» Chinese migration may change traditional understandings of migration flows.

Keywords: «New» Chinese migration; migration of highly skilled specialists; reverse cross-border remittances

Введение

Как правило, международная миграция ассоциируется с трансграничными денежными переводами трудовых мигрантов, которые являются, с одной стороны, целью миграции, с другой стороны, важнейшим инструментом поддержания семей, оставшихся на родине (Murard, 2016), а также служат важнейшим источником социально-экономического развития стран Глобального Юга (Бедрина & Фаизова,

¹ © Бедрина Е. Б., Алаи Е. Текст. 2026.

2020; Сапир & Чистякова, 2022). Со временем объемы трансграничных денежных переводов, особенно в страны со средним и низким уровнем дохода, увеличиваются. Даже в период COVID-19, когда введенные барьеры сильно ограничили перемещение людей между странами, рост трансграничных денежных переводов не прекратился, а лишь замедлился, что еще раз подтвердило тезис о их антициклическом характере (Bořja, 2012).

Однако в случае новой китайской миграции наблюдается абсолютно иная картина — денежные потоки, как правило, устремляются в страны приема китайских мигрантов, а отправителями выступают члены семей, оставшиеся на родине. Исследователи такие трансграничные денежные переводы называют обратными, в противоположность традиционным, представляющих часть заработной платы, которую мигранты отправляют тем или иным способом своим семьям, оставшимся на родине.

К сожалению, в силу их относительно небольшого размера, эти трансграничные денежные потоки мало изучены, однако у исследователей они прочно ассоциируются с новой китайской миграцией. Попробуем разобраться, является ли данный феномен парадоксом или имеет объективные причины.

Материалы и методы

Для изучения феномена обратных трансграничных денежных переводов воспользуемся кабинетными исследованиями, наблюдением и социологическими опросами, а именно, данными, полученными в ходе интервью с китайскими трудовыми мигрантами первого поколения в городах Новой Зеландии (N = 45) (Ran & Liu, 2023) и полуструктурированных интервью, проведенных нами в городе Екатеринбурге в сентябре — октябре 2024 года и январе 2025 года в местах занятости китайских трудовых мигрантов (N = 22), выделив группу так называемых новых китайских мигрантов и их отличительные особенности во взаимодействии с соотечественниками.

Результаты

Новая китайская миграция

Как известно, новая китайская миграция начинается после провозглашения политики реформ и открытости, проводимых в Китае с 1978 года, когда многие барьеры, ограничивающие мобильность населения, были сняты, и с континентального Китая начали выезжать трудовые мигранты в различные страны мира. Так, Анохина (2012а) связывает новую китайскую миграцию с переполненностью территорий в связи с ростом населения, высоким уровнем безработицы, особенно молодежной, повышением доступности информации, наличием исторически сложившихся, в том числе, нелегальных каналов трудовой миграции и народной веры в миграцию за рубеж, как в путь к успеху.

Традиционно потоки трудовых мигрантов из Китая сильно дифференцированы, в них принимают участие различные группы населения: торговцы и мелкие предприниматели, опирающиеся на семейный бизнес, рабочие, завербованные по контрактам на поставку рабочей силы, сельскохозяйственные работники,

торговцы и предприниматели, участвующие в совместных инвестиционных проектах с правительством Китая (строительство предприятий, дорог, газопроводов и т. п.). После 1978 года в этих потоках увеличивается доля высококвалифицированных работников, специалистов, представителей ИТ-сектора, студентов, обучающихся в зарубежных вузах. Именно эту группу и принято называть новыми китайскими мигрантами (Kuang, 2008; Анохина, 2012b; Игошева, 2020; Добрынина, 2023).

Именно уровень образования и квалификации становится главной отличительной характеристикой новых китайских мигрантов. К примеру, А. В. Поданева (2017) отмечает, что новые китайские мигранты были более образованными и материально обеспеченными людьми. Е. Ю. Каткова (2018), описывая китайское комьюнити в Австралии, также отмечает высокий уровень образования его членов и их концентрацию в стратегических отраслях экономики. Е. Б. Бедрина, Е. Алаи и О. А. Козлова (2025) подчеркивают, что новые мигранты, в отличие от традиционных, более образованны, лучше знают язык страны приема, активнее взаимодействуют с местным населением.

Хотя первоначально в общей численности китайских мигрантов группа новых оказалась небольшой, со временем она стала увеличиваться и даже может оказаться преобладающей, о чем свидетельствует опыт развитых стран с высоким уровнем дохода.

Обратные трансграничные денежные переводы и их причины

В период культурной революции к китайцам, находящимся за рубежом, относились негативно. В 1978 году ЦК КПК, провозгласив курс на реформы и открытость, выпустил документ, регламентирующий отношение к зарубежным китайцам. В рамках данного документа предоставлялась гарантия сохранности переводов зарубежных китайцев, получаемых их семьями, оставшимися в Китае (Анохина, 2012а, с. 75). Тем самым правительство Китая демонстрировало лояльность к своим соотечественникам, оказавшимся за рубежом. Однако направление трансграничных денежных переводов новых китайских мигрантов оказалось неожиданным.

Интервью, проведенное с китайскими мигрантами в городах Новой Зеландии, показало, что большинство респондентов (мигранты первого поколения) получают денежную помощь из Китая от родителей, а не переводят денежные средства на родину. Это, как правило, молодые китайцы, чьи родители находятся в среднем возрасте (Ran & Liu, 2023).

Наше исследование, проведенное в городе Екатеринбурге в сентябре — октябре 2024 года и январе 2025 года (N = 22), также подтвердило наличие феномена обратных семейных денежных переводов. Новые китайские мигранты отмечали, что регулярно получают небольшие переводы от родителей на различные праздники и дни рождения. Молодые респонденты обращали внимание, что чувствуют себя более уверенно в чужой стране, так как знают, что в случае необходимости, родители готовы оказать им материальную помощь. Денежные переводы от родителей позволяют китайским молодым мигрантам быстрее адаптироваться и поддерживать комфортные условия существования в стране приема, они часто расходуются на получение образования, аренду или покупку недвижимости.

Исследователи объясняют феномен обратных трансграничных денежных переводов несколькими обстоятельствами. Во-первых, происхождением новых мигрантов из городских семей со средним достатком. Это обстоятельство означает, что материальные мотивы миграции, в случае с новыми мигрантами, не являются преобладающими, а мигранты рассматривают переезд в другую страну, как возможность получения качественного образования и международного опыта в зарубежных компаниях. Во-вторых, китайскими традициями, в соответствии с которыми родители остро чувствуют ответственность за поведение и благополучие детей (Bian et al., 2022). В-третьих, особенностями азиатского менталитета, позволяющего благосклонно относиться к подаркам в виде денег. В-четвертых, благосклонным отношением к такой помощи со стороны самих мигрантов, которые часто являются единственными наследниками своих родителей, в силу периода ограничения рождаемости, проводимого в Китае с 1979 года до 2015 года под лозунгом «Одна семья — один ребенок» (Ran & Liu, 2023). В-пятых, родители данную помощь часто воспринимают как семейные инвестиции, рассчитывая на старости перебраться поближе к детям, либо надеясь на благополучное возвращение детей на родину.

Необходимо отметить, что китайские семьи являются важными участниками миграционных процессов. Дело в том, что семейные ценности и забота о близких лежат в основе древнейшей китайской философии — конфуцианства, до сих пор пользующегося большой популярностью в Китае и на нравственных принципах которого выросло не одно поколение. В тоже время исследователи отмечают наличие межпоколенческих сдвигов в вопросах воспитания детей, особенно у жителей городов, которые выражаются в акцентировании на академических достижениях детей, помощи в их адаптации и усилении родительской ответственности (Bian et al., 2022). Благодаря этому между членами семьи, разделенными миграцией, сохраняются очень близкие отношения. Кроме того, современное правительство Китая не только стимулирует миграцию за рубеж, прежде всего образовательную, но и прилагает много усилий для возвращения граждан на родину, разрабатывая различные программы для трудоустройства вернувшихся мигрантов, оказывая помощь в создании стартапов, приобретении недвижимости и инвестировании в различные проекты (Сяоин & Абжаппарова, 2021). Понимая свои перспективы на родине, китайские мигранты, даже самые успешные, часто рассматривают миграцию как временное явление.

Кроме того, феномен обратных денежных переводов новых китайских мигрантов связан с инвестиционным характером миграции, который, к примеру, преобладает в США (Оганесян, 2020), в силу экономической ситуации в стране-реципиенте и склонности китайцев к занятию предпринимательством. Обычно в странах приема мигранты из Китая открывают сеть китайских ресторанов, кафе, клубов, магазинов или туристических агентств (Чжоу, 2024), но это могут быть и предприятия по производству одежды, текстиля, ювелирных изделий, электроники (Каткова, 2018).

Обсуждение и заключение

Таким образом, обратные трансграничные денежные переводы новых китайских мигрантов хорошо вписываются в китайские обстоятельства, они тесным

образом увязываются с морально-этическими представлениями современных городских китайцев и хорошо сочетаются с предпринимательской моделью миграции, свойственной гражданам Китая. Ограниченность исследования связана с немногочисленной численностью новых китайских мигрантов в современных миграционных потоках. Со временем новая китайская миграция будет расти, и в силу численности населения Китая она может изменить традиционное представление о миграционных потоках. В этом мнении мы солидарны с американским исследователем Р. Скеeldoном (2004). На сегодняшний день обратные трансграничные денежные переводы мигрантов — это лишь небольшой поток финансовых ресурсов, имеющий локальное значение, но по мере нарастания потоков новых китайских мигрантов тема обратных денежных переводов будет актуализироваться.

Благодарности

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. №0327-2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026 №0327-2024-0009 «Mechanisms for regulating the economic behavior of the population in the context of structural changes».

Список источников

Анохина, Е. С. (2012a). «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. Томск: Томский государственный университет, 248.

Анохина, Е. С. (2012b). Китайские диаспоры и «новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии. *Вестник Томского государственного университета*, 361, 62–65.

Бедрина, Е. Б., Алаи, Е., Козлова, О. А. (2025). «Традиционная» и «новая» миграция из Китая на региональном рынке труда: количественный и качественный анализ. *Экономика региона*, 21 (3), 886–901. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-22>

Бедрина, Е. Б., Фаизова, А. Р. (2020). Трансграничные денежные переводы мигрантов как фактор социально-экономического развития территории исхода. В *Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов. Сборник статей XI Уральского демографического форума: в 2-х томах (04–05 июня 2020)* (с. 225–232). Институт экономики Уральского отделения Российской Академии Наук, 275.

Добрынина, М. И. (2023). Китайская миграция в условиях модернизации: российский вектор. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 29(1), 149–157. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2023-29-1> 149-157

Игошева, М. А. (2020). Этническое предпринимательство китайской диаспоры «новой миграции» на примере экономически развитых стран. *Гуманитарий Юга России*, 9(4), 224–234. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.4.17>

Каткова, Е. Ю. (2018). Роль китайской диаспоры в формировании новой иммиграционной политики Австралии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 18(3), 642–655. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-642-655>

Оганесян, А. (2020). Участие КНР в современных миграционных процессах: особенности и основные направления. *Вестник Пермского университета. Политология*, 14(2), 76–87. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-2-77-87>

Поданева, А. В. (2017). Китай под предлогом миграции: постепенное проникновение на Запад. *Проблемы современной науки и образования*, 26(108), 94–98.

Сапир, Е. В., Чистякова, А. А. (2022). Денежные переводы трудовых мигрантов: социально-экономические риски и возможности регулирования. *Теоретическая экономика*, 11(95), 77–88.

Сяоин Л., Абжаппарова А. А. (2021). Особенности образовательной миграции китайской молодежи. *Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология*, 2(135), 38–50. <https://doi.org/10.32523/2616-6887/2021-135-2-38-50>

Чжоу, Ю. (2024). Миграция и эмоциональная адаптация китайских мигрантов в Европе: особенности и вызовы. *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 13, 1(46), 205–210.

Bian, Q., Chen, Y., Greenfield, P. M., & Yuan, Q. (2022). Mothers' experience of social change and individualistic parenting goals over two generations in urban China. *Frontiers in Psychology*, 12, 487039. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.487039>

Borja, K. (2012). What Drives Remittances to Latin America? A Review of the Literature. *International Journal of Business and Social Science*, 3(17), 33–44.

Kuang, E. M. M. (2008). The new Chinese migration flows to Africa. *Social Science Information*, 47(4), 643–659. <https://doi.org/10.1177/0539018408096452>

Murard, E. (2016). Consumption and Leisure: The Welfare Impact of Migration on Family Left Behind, IZA Discussion Papers, No. 10305, Institute for the Study of Labor (IZA), Bonn, 34

Ran, G. J. & Liu, L. S. (2023). Re-constructing reverse family remittances: The case of new Chinese immigrant families in New Zealand. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 49(1), 313–331. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2021.1999221>

Skeldon, R. (2004). China: From Exceptional Case to Global Participant. *Migration Information Source*. <http://www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?ID=219> (Accessed: 02.02.2026)

References

Anohina, E. S. (2012a). «Novaya» kitajskaya migraciya i politika KNR po ee regulirovaniyu. [«New» Chinese Migration and China's Policy on Its Regulation]. Tomsk: Tomsk State University, 248. (In Russ.)

Anokhina, E. S. (2012b). Chinese diasporas and the «new» Chinese migration in the countries of Southeast Asia. *Bulletin of Tomsk State University [Tomsk State University Journal]*, 361, 62–65. (In Russ.)

Bedrina, E. B. & Faizova, A. R. (2020). Cross-border remittances of migrants as a factor in the socio-economic development of the territory of origin. In *Instituty razvitiya chelovecheskogo potenciala v usloviyah sovremennyh vyzovov. sbornik statey XI Uralskogo demograficheskogo foruma: v 2-h tomah (04–05 iyunya 2020)* [Institutions of human potential development in the context of modern challenges. Collection of articles of the XI Ural Demographic Forum: in 2 volumes (June 04–05, 2020)] (pp. 225–232). Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 275. (In Russ.)

Bedrina, E.B., Alay Y., & Kozlova, O.A. (2025). Traditional and Emerging Chinese Migration in the Labour Market of Sverdlovsk Oblast (Russia): A Quantitative and Qualitative Analysis. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 21(3), 886–901. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-22> (In Russ.)

Bian, Q., Chen, Y., Greenfield, P. M., & Yuan, Q. (2022). Mothers' experience of social change and individualistic parenting goals over two generations in urban China. *Frontiers in Psychology*, 12, 487039. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.487039>

Borja, K. (2012). What Drives Remittances to Latin America? A Review of the Literature. *International Journal of Business and Social Science*, 3(17), 33–44.

- Dobrynina, M. I. (2023). Chinese Migration in Conditions of Modernization: The Russian Vector. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Transbaikalian State University Journal]*, 29(1), 149–157. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2023-29-1-149-157> (In Russ.)
- Igosheva, M. A. (2020). Ethnic Entrepreneurship of the Chinese Diaspora “New Migration” on the Example of Economically Developed Countries. *Gumanitarii Yuga Rossii [Humanities of the South of Russia]*, 9(4), 224–234. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.4.17> (In Russ.)
- Katkova, E. Yu. (2018). Chinese diaspora's role in formation of Australian new immigration policy. *Vestnik Rossiyskogo universiteta drujby narodov. Seriya: Mejdunarodnye otnosheniya [Vestnik RUDN. International relations]*, 18(3), 642–655. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-642-655> (In Russ.)
- Kuang, E. M. M. (2008). The new Chinese migration flows to Africa. *Social Science Information*, 47(4), 643–659. <https://doi.org/10.1177/0539018408096452>
- Murard, E. (2016). Consumption and Leisure: The Welfare Impact of Migration on Family Left Behind, IZA Discussion Papers, No. 10305, Institute for the Study of Labor (IZA), Bonn, 34
- Oganesyan, A. (2020). Participation of the people's republic of China in modern migration processes: particular qualities and main directions. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science]*, 14(2), 76–87. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-2-77-87> (In Russ.)
- Podaneva, A. V. (2017). China under the pretext of migration: gradual penetration into the West. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya [Problems of Modern Science and Education]*, 26(108), 94–98. (In Russ.)
- Ran, G. J. & Liu, L. S. (2023). Re-constructing reverse family remittances: The case of new Chinese immigrant families in New Zealand. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 49(1), 313–331. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2021.1999221>
- Sapir, E. V. & Chistyakova, A. A. (2022). Remittances from migrant workers: socio-economic risks and regulatory opportunities. *Teoreticheskaya ekonomika [Theoretical economics]*, 11(95), 77–88. (In Russ.)
- Skeldon, R. (2004). China: From Exceptional Case to Global Participant. *Migration Information Source*. <http://www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?ID=219> (Accessed: 02.02.2026).
- Xiaoyin, L. & Abzhapparova, A. A. (2021). Features of educational migration of Chinese youth. *Vestnik Evraziyskogo nacionalnogo universiteta im. L.N. Gumileva. Se-riya: Politicheskie nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Tyurkologiya [Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series]*, 2(135), 38–50. <https://doi.org/10.32523/2616-6887/2021-135-2-38-50> (In Russ.)
- Zhou, Yu. (2024). Migration and emotional adjustment of Chinese migrants in Europe: features and challenges. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration]*, 13, 1(46), 205–210. (In Russ.)

Бедрина Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499> (Российская Федерация, 620014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: Bedrina1967@mail.ru).

Алаи Еэрлань — аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: aray.yerlan@inbox.ru).

Elena B. Bedrina — PhD (Econ.), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-7420-7499> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Bedrina1967@mail.ru).

Yerlan Alai — Postgraduate Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Ekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: aray.yerlan@inbox.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314/316

JEL classification: J11, O15, R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-6-3>

Ценностные ориентиры молодых таджиков в России¹

Ш. Н. Буттаев^а, И. Б. Бритвина^б, П. А. Шумилова^в

^а Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0009-0006-3516-6213>.

^б Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-2862-4408>

^в Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-8899-8546>

Автор для корреспонденции: Ш. Н. Буттаев (sh.n.buttaev@urfu.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования ценностных ориентиров молодых граждан Республики Таджикистан, имеющих опыт трудовой и образовательной миграции в Российской Федерации. Исходными данными послужили материалы анкетного опроса 293 респондентов. Предметом исследования являются ценностные ориентиры и миграционные установки молодежи, а целью — выявление их роли в формировании жизненных стратегий в условиях миграции. Гипотеза исследования заключается в том, что ценностные ориентиры молодых таджиков сочетают традиционные семейно-религиозные установки с прагматической ориентацией на социально-экономическую стабильность. Методологическую основу составил количественный социологический подход с использованием описательной статистики и теоретической интерпретации. Результаты показывают доминирование семейных ценностей, высокую значимость материальной безопасности и сохранение традиционных гендерных ролей при одновременной адаптации к принимающему обществу. Научный вклад состоит в эмпирическом уточнении структуры ценностных ориентиров молодежи миграционного происхождения. Результаты могут быть использованы в миграционной и молодежной политике.

Ключевые слова: ценностные ориентиры; молодежь таджикского происхождения; трудовая и образовательная миграция; миграционные установки; социокультурная адаптация.

Value Orientations of Young Tajiks in Russia

Sh. Buttaev^а, I. Britvina^б, P. Shumilova^в

^а Ural Federal University named after the first President of Russia, B.N. Yeltsin (UrFU), (Ekaterinburg, Russia).
<https://orcid.org/0009-0006-3516-6213>.

^б Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).
<https://orcid.org/0000-0003-2862-4408>.

^в Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).
<https://orcid.org/0000-0001-8899-8546>

Corresponding author: Sh. Buttaev (sh.n.buttaev@urfu.ru).

Abstract: This article presents the results of a sociological study of the value orientations of young citizens of the Republic of Tajikistan who have experience of labor and educational migration to the Russian Federa-

¹ © Буттаев Ш. Н., Бритвина И. Б., Шумилова П. А. Текст. 2026.

tion. The initial data was obtained from a questionnaire survey of 293 respondents. The subject of the study is the value orientations and migration attitudes of young people, and the goal is to identify their role in shaping life strategies in the context of migration. The research hypothesis is that the value orientations of young Tajiks combine traditional family and religious attitudes with a pragmatic orientation towards socio-economic stability. The methodological basis was a quantitative sociological approach using descriptive statistics and theoretical interpretation. The results show the dominance of family values, the high importance of material security, and the preservation of traditional gender roles while adapting to the host society. The scientific contribution consists in the empirical clarification of the structure of value orientations among young people of migrant origin. The results can be used in migration and youth policy.

Keywords: value orientations; youth of Tajik origin; labor and educational migration; migration attitudes; sociocultural adaptation.

Введение

В последние десятилетия трудовая миграция стала значимым фактором социально-экономического развития как стран отправления, так и стран приема мигрантов. Миграционные процессы в современной России приобретают все более устойчивый и структурированный характер, что актуализирует необходимость анализа не только экономических аспектов миграции, но и ценностных оснований миграционного поведения. Особое значение в этом контексте приобретает молодежь миграционного происхождения, поскольку именно в молодом возрасте формируются базовые жизненные стратегии, ценностные ориентиры и установки, определяющие характер социальной адаптации и дальнейшие траектории жизненного пути.

Молодые граждане Республики Таджикистан являются одной из наиболее многочисленных и социально мобильных групп мигрантов в Российской Федерации. В то же время в научных исследованиях данная категория, как правило, рассматривается в обобщенном виде, без выделения молодежи как самостоятельной социально-демографической группы. В результате остается недостаточно разработанным вопрос о ценностных ориентирах молодых таджиков и их роли в формировании миграционных стратегий и моделей поведения.

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной эмпирической изученностью ценностных ориентиров молодых таджиков, находящихся в условиях миграции в России. Несмотря на значительный масштаб миграции из Республики Таджикистан, большинство существующих работ опирается преимущественно на статистические данные либо исследует трудовую миграцию в целом, не фиксируя возрастную специфику и не используя материалы специализированных социологических опросов молодежи.

Между тем именно молодые таджики находятся на этапе формирования ценностных ориентиров, жизненных планов и миграционных установок, что делает их принципиально важным объектом социологического анализа. Проведение целенаправленного социологического опроса данной социальной группы позволяет получить первичные эмпирические данные о структуре их ценностей, отношении к семье, труду, образованию, правовому статусу и будущему месту проживания.

Особую актуальность исследованию придает тот факт, что в выборку включены респонденты с опытом как трудовой, так и образовательной миграции. Это позволяет рассматривать молодежь миграционного происхождения как социально

дифференцированную группу, ориентированную на различные модели миграционного поведения, и расширяет аналитические возможности исследования.

В рамках настоящего исследования под ценностными ориентирами понимается относительно устойчивая система социальных и личностных ценностей, определяющих жизненные приоритеты, нормативные ожидания и направленность социальных действий индивида. Ценностные ориентиры выполняют регулятивную функцию, определяя модели жизненных стратегий, трудовой мотивации и миграционного поведения.

Цель исследования — выявить особенности ценностных ориентиров молодых таджиков и определить их роль в формировании миграционных установок и жизненных стратегий в условиях миграции в Российской Федерации.

Таким образом, обращение к анализу ценностных ориентиров молодых таджиков, находящихся в условиях миграции в Российской Федерации, является научно обоснованным и актуальным направлением исследования. Недостаточная эмпирическая изученность данной социально-демографической группы обуславливает необходимость комплексного анализа ценностных ориентиров и миграционных установок молодежи миграционного происхождения.

Обзор литературы

Анализ научных публикаций позволяет констатировать, что проблема ценностных ориентиров таджикской молодежи до настоящего времени остается недостаточно изученной. В большинстве рассмотренных работ ценности структурируются как относительно устойчивые установки и иерархии предпочтений, фиксируемые с помощью опросников и шкал (Тавакалова, 2015; Пономарева и др., 2024; Евдокимов & Пономарева, 2021). Такой подход позволяет выявить структуру ценностей, однако в меньшей степени отражает их регулятивную функцию в жизненном выборе и повседневных стратегиях молодежи.

В отличие от этого, понятие ценностных ориентиров акцентирует внимание не столько на декларируемых ценностях, сколько на тех ценностно нагруженных целях и нормах, которые фактически направляют социальное поведение, миграционные решения и стратегии адаптации. В ряде работ этот аспект затрагивается косвенно. Так, в исследованиях аккультурации (Хожиев & Галяпина, 2023) ценности проявляются через выбор стратегий взаимодействия с принимающим обществом, а не через их прямое измерение.

Аналогично, в антропологическом анализе миграции¹ ценностные ориентиры реконструируются через представления о «хорошей жизни» и социально одобряемых жизненных траекториях, хотя сами авторы не используют данный термин в явном виде.

Таким образом, существующие исследования преимущественно описывают ценностные ориентации как систему установок, тогда как ценностные ориентиры выступают не в качестве самостоятельной аналитической категории, а реконструируются через описания практик и поведенческих стратегий. Это позволяет

¹ Борисова, Е. (2025). Парадоксы миграции из Таджикистана в Россию: локализация «хорошей жизни» за рубежом. Novastan. <https://novastan.org/en/tajikistan/the-paradoxes-of-migration-from-tajikistan-to-russian-interview-with-elena-borisova/> (дата обращения: 28.01.2026).

утверждать, что переход от анализа ценностных ориентаций к анализу ценностных ориентиров открывает возможность более глубоко рассмотреть, каким образом ценности трансформируются в конкретные модели поведения и социального выбора таджикской молодежи в условиях миграции и социальной нестабильности.

Теоретико-методологические основы исследования

Ценностные ориентиры молодых таджиков в России формируются под влиянием взаимодействия традиционных культурных норм, миграционного контекста и коммуникативных процессов. Теоретическая база исследования опирается на шесть подходов: модель аккультурации Дж. Берри, круг базовых ценностей Ш. Шварца, культурные измерения Г. Хофстеде, теорию структуризации Э. Гидденса, концепцию сегментной ассимиляции А. Портеса и М. Чжоу, а также концепцию кросс-культурной адаптации Й. Кима.

Модель аккультурации Дж. Берри выделяет четыре стратегии: интеграцию (сохранение собственной культуры при активных контактах с принимающим обществом), ассимиляцию, сепарацию и маргинализацию (Berry, 1997). Эти стратегии используются как аналитическая рамка для описания поведения мигрантов из Таджикистана.

Круг базовых ценностей Ш. Шварца включает десять универсальных ценностей, организованных в континуум: от традиции, конформности, безопасности и благочестия (коллективистские ценности) до самоусиления и гедонизма (индивидуалистические ценности) (Schwartz, 1992). Для молодых таджиков наиболее выражены ценности доброты, безопасности и благочестия, что превышает показатели российской молодежи.

Культурные измерения Г. Хофстеде показывают, что «Таджикистан и Россия существенно различаются по коллективизму при схожей дистанции власти» (Hofstede, 1980). Для молодых таджиков это создает конфликт между групповой лояльностью внутри диаспоры и индивидуалистическими нормами российского общества (Борисова, 2025).

Теория структуризации Э. Гидденса позволяет рассматривать взаимодействие *agency* и *structure*: молодые таджики активно воспроизводят традиции через социальные институты диаспоры (например, мечети, студенческие объединения), одновременно адаптируясь к новым социальным условиям (Giddens, 1984).

Концепция сегментной ассимиляции А. Портеса и М. Чжоу выделяет три траектории: прямая ассимиляция, выборочная ассимиляция и сегментированная ассимиляция с ограниченной социальной мобильностью (Portes & Zhou, 1993). Для таджиков в России студенты, как правило, демонстрируют выборочную ассимиляцию, тогда как трудовые мигранты формируют сегментированные анклав (Борисова, 2025).

Также концепция кросс-культурной адаптации Й. Кима рассматривает адаптацию как коммуникативный процесс, включающий три ключевых компонента: подготовленность (компетенции и мотивация), контакты с принимающим обществом (*host communication*) и связи внутри этнической группы (*ethnic communication*) (Kim, 2001). Согласно Й. Киму, «стресс адаптации снижается через «адаптивную трансформацию», то есть переход от этноцентризма к межкультурной идентичности, обычно за 3–5 лет». В случае молодых таджиков

основными препятствиями являются языковой барьер и дискриминация, а ресурсами — знание русского языка и поддержка диаспоры, что ускоряет адаптацию ценностных ориентиров (Борисова, 2025).

Молодые таджики в России адаптируют традиционалистские ценности через процессы коммуникативной интеграции (Й. Ким) в условиях сегментированной ассимиляции (А. Портес), сочетая сохранение культурных ориентиров с успешной социальной и трудовой адаптацией.

Методологическую основу исследования составляет количественный социологический подход. Эмпирическая база сформирована на основе структурированного анкетного опроса молодых таджиков, имеющих опыт трудовой и образовательной миграции в Российской Федерации. Опрос был проведен под научным руководством профессора УрФУ И. Б. Бритвиной при участии авторов статьи с последующим анализом полученных данных методами описательной статистики и качественной интерпретации.

В опросе приняли участие 293 респондента. Большинство участников относится к молодому трудоспособному возрасту (18–25), однако в выборке присутствуют также респонденты старше 25 лет. Гендерный состав отражает общую структуру миграционных потоков из Республики Таджикистан: преобладают мужчины, женщины представлены меньшей долей выборки, часть респондентов не указала свой пол. Что касается образовательного уровня, большинство респондентов имеют среднее специальное образование, часть завершила среднее общее образование, а меньшая часть имеет или получает высшее образование.

Анализ полученных данных позволил комплексно рассмотреть миграционный опыт, ценностные ориентиры, социальные установки и информационные практики молодых таджиков, имеющих опыт работы в Российской Федерации.

Результаты

Согласно данным исследования, мужчины составляют подавляющее большинство участников (86 %), женщины представлены меньшей долей выборки (11 %), а не указали пол около 3 %. Это отражает преимущественно мужской характер трудовой миграции из Таджикистана в Россию.

Анализ возрастного состава показал, что основная часть респондентов находится в молодом трудоспособном возрасте: 18–20 лет — 14 %; 21–22 года — 27 %; 23–25 лет — 33 %, старше 25 лет — 24 %, а около 2 % не указали возраст. Данные свидетельствуют, что основная масса трудовых мигрантов — молодые люди, ориентированные на активную профессиональную деятельность и физический труд. Большинство участников в настоящий момент заняты оплачиваемым трудом (91 %), временно не работают или безработные — 6 %, а около 3 % не предоставили ответ.

Анализ образовательного уровня показал, что большинство респондентов имеют среднее специальное образование (44 %), среднее или начальное образование — 39 %, обучение в вузе без завершения — 10 %, высшее образование — 6 %, а не указали уровень образования около 2 %. Это соответствует характеру занятости — преимущественно физической и технической работе.

В рамках исследования был проанализирован опыт повторных поездок молодых таджиков в Российскую Федерацию. Большая часть респондентов (около 41 %)

посещала страну два-три раза, тогда как почти треть совершала лишь однократную поездку. Более четверти участников обладали устойчивым опытом миграции, связанным с более чем тремя поездками (около 28 %). Все респонденты ответили на этот вопрос, что свидетельствует о высокой вовлеченности участников и надежности полученных данных.

Для более детального анализа миграционного опыта респондентов был рассмотрен максимальный период их проживания, работы и учебы в России. Среднесрочный опыт оказался наиболее характерным: около 40 % респондентов находились в стране примерно один год, треть — два-три года. Краткосрочные поездки менее шести месяцев встречались относительно редко, а длительный опыт, превышающий три года, имели лишь отдельные участники. Небольшая доля респондентов затруднилась оценить продолжительность своего пребывания, что отражает специфику миграционного времени и особенности фиксации профессионального опыта среди молодежи.

Как показывает исследование, наибольшее число участников (37 %) впервые выезжали работать в Россию в возрасте 18–19 лет, при этом значительная часть (30 %) начинала профессиональную деятельность в стране в возрасте около 20–21 года. Менее четверти респондентов имели опыт работы в России до 18 лет или после 22 лет.

В ходе исследования респондентов спрашивали о положительных аспектах жизни в России, которые могли бы быть переняты в Таджикистане.

Большая часть участников не смогла выделить конкретные элементы для переноса (около 58 %), тогда как значительная часть (около 40 %) отметила различные практики и подходы, которые, по их мнению, заслуживают внимания. Лишь незначительная доля респондентов оставила вопрос без ответа.

В продолжение анализа респондентов спрашивали о том, какие аспекты жизни в России могли бы быть переняты в Таджикистане и какие совсем не подходят. Большинство участников (около 60 %) затруднились определить, что именно стоит перенимать или что не подходит, тогда как значительная часть (около 38–40 %) отметила различные практики, заслуживающие внимания или вызывающие сомнение. Лишь незначительная доля респондентов оставила вопросы без ответа.

Анализ желания лично перенимать элементы российской жизни показал, что значительная часть участников (около 42 %) не видит в этом необходимости, при этом четверть респондентов выразила конкретные пожелания. Эти данные свидетельствуют о разнообразии восприятия опыта России и о том, что ценностные ориентиры молодежи относительно практик в принимающей стране могут быть различными.

Важным аспектом исследования стали миграционные намерения респондентов. Доля тех, кто рассматривает возможность переезда в Россию на постоянное место жительства, сопоставима с числом участников, не планирующих такой шаг, тогда как оставшиеся затруднились с ответом. Это отражает выраженную неоднородность миграционных установок и отсутствие доминирующей стратегии среди молодежи.

При этом отношение к получению российского гражданства оказалось более положительным: большинство респондентов выражают заинтересованность в расширении правового статуса в принимающей стране, хотя часть участников ранее

не задумывалась над этой возможностью. Преобладает ориентация на двойное гражданство, что отражает стремление сочетать социально-экономические и правовые преимущества России с сохранением национальной и гражданской идентичности.

С целью выявления базовых жизненных приоритетов респондентов интересовали центральные ценности, без которых жизнь представляется им бессмысленной. Подавляющее большинство участников выделили детей и семью как основную жизненную ценность, при этом значительную роль играют материальное и финансовое благополучие, сохранение здоровья, безопасность и стабильность. Наряду с этим респонденты отмечали уверенность в завтрашнем дне, дружеское общение, признание со стороны окружающих, интересную работу и возможности повышения образования. Менее приоритетными оказались достижение высокого социального положения и возможность путешествовать. Незначительная доля участников указала иные варианты или затруднилась с ответом.

В целом полученные данные демонстрируют, что молодые таджики настроены на семейно ориентированные ценности, при этом сохраняется высокая значимость материальной стабильности, здоровья и безопасности. Это свидетельствует о комплексном и прагматичном восприятии жизненных приоритетов, где традиционные ценности сочетаются с ориентацией на социально-экономическое благополучие.

В контексте сохранения национальной идентичности респондентов интересовал вопрос соблюдения таджикских традиций. Анализ показал высокую приверженность респондентов религиозным и культурным практикам: большинство отмечают соблюдение основных религиозных праздников, владение навыками приготовления национальных блюд, соблюдение поста в месяц Рамадан и регулярное совершение молитвы. Часть участников также посещает мечеть, однако эта практика менее распространена.

Помимо доминирующих религиозных практик, респонденты проявляют интерес к более символическим формам культуры: изучение истории своего народа, участие в народных гуляниях и национальных мероприятиях, чтение литературы на родном языке и соблюдение национального стиля в одежде. Эти проявления менее характерны для большинства респондентов, что отражает преобладание повседневных религиозных и базовых культурных практик в структуре их идентичности.

Дальнейший анализ ценностно-нормативных ориентаций показал, что ключевым ориентиром поведения для большинства участников являются семейные традиции (около 62 %). Значительно меньшая часть респондентов ориентируется на мнение авторитетных политических лидеров, индивидуальное понимание ситуации, мнение окружающих или информацию из медиа и сети Интернет. Незначительная доля участников затруднилась с ответом или не предоставила его.

Таким образом, семья выступает основным институтом социализации, формирующим поведенческие установки молодых таджиков, тогда как влияние внешних политических или медийных факторов остается сравнительно ограниченным.

Анализ гендерных ценностей показал, что представления о мужских и женских качествах существенно различаются. Для мужчин наибольший приоритет имеют смелость и храбрость, порядочность, способность зарабатывать деньги, уважение к старшим и стремление помогать семье. Среди этих характеристик смелость и храбрость выступают доминирующей ценностью, в то время как такие

качества, как терпеливость, покорность, хозяйственность и религиозность, играют менее значимую роль.

Для женщин ключевыми ориентирами являются порядочность, любовь к детям, хозяйственность, терпеливость и доброта, тогда как экономическая функция и проявление смелости для них менее значимы. Образованность также оценивается как важная, но занимает сравнительно низкую позицию среди женских качеств.

Сравнительный анализ выявил устойчивое традиционное деление ролей: мужчины воспринимаются прежде всего как добытчики и защитники, женщины — как хранительницы домашнего очага. При этом порядочность и честность выступают универсальными ценностями для обоих полов, хотя для женщин они имеют более высокий приоритет. Интеллектуальные качества, такие как ум и образованность, занимают относительно низкие позиции для мужчин и женщин, а традиционные женские качества — хозяйственность, покорность и любовь к детям — значительно важнее для женщин, чем для мужчин.

Таким образом, данные исследования подтверждают сохранение глубоко укоренившихся гендерных стереотипов среди таджикской молодежи, при этом универсальные моральные ценности остаются значимыми для обоих полов.

В ходе исследования была изучена степень владения респондентами русским языком, что является ключевым фактором их социальной и профессиональной адаптации в принимающей стране. Анализ показал, что большая часть участников обладает достаточно высоким уровнем языковой компетенции: значительная доля свободно использует русский язык как в устной, так и в письменной форме, еще одна часть хорошо понимает речь и способна поддерживать устное общение. Около пятой части респондентов испытывает определенные трудности при формулировании ответов, а крайне малая доля не владеет языком или не предоставила информацию. В целом почти четыре пятых респондентов могут эффективно использовать русский язык для повседневного общения и восприятия письменной информации, что свидетельствует о высоком уровне языковой адаптации и создает предпосылки для успешного включения в российскую социально-трудовую среду.

В логическом продолжении анализа были изучены информационные интересы респондентов в цифровом пространстве. Наибольший интерес у участников вызывают мировые новости и события глобального масштаба, значительная часть также проявляет интерес к спортивным событиям и использует интернет для поиска работы. Информация регионального характера, культурные события и мероприятия, художественные фильмы, возможности новых знакомств, кулинарные программы и исторические события интересуют меньшую, но заметную часть респондентов. Бизнес- и образовательная информация имеет умеренную значимость, а рекламные материалы — наименьшую. Совокупно категории «другое», «не знаю» и отсутствие ответа охватывают крайне малую часть выборки.

Таким образом, полученные данные демонстрируют высокий уровень языковой и информационной адаптации респондентов, а также разнообразие интересов, что отражает их активное включение в социальную и профессиональную среду, а также в цифровое пространство.

Респондентам было предложено указать язык, на котором они читают или просматривают информацию в интернете. Большинство участников используют

одновременно таджикский язык и другие языки, включая русский, английский и иные иностранные языки. Примерно пятая часть респондентов ограничивается исключительно таджикским языком, а около одной восьмой — предпочитает использовать только русский язык. Лишь крайне малая часть участников обращается к другим иностранным языкам, и единицы не предоставили ответа.

В исследовании также рассматривались каналы получения информации в цифровой среде. Наибольшую роль в информационном потреблении играют мессенджеры, которые используют более половины респондентов (55,2 %). На втором месте по распространенности находятся информационные сайты (48,8 %), а видеоплатформы, прежде всего YouTube, применяются примерно третьей частью участников (33,8 %). Каналы блогеров и иные источники информации встречаются еще реже (по 15,3 %). Небольшая доля респондентов не дала ответа на этот вопрос (10 %).

В продолжение анализа рассматривались критерии выбора предпочтительного места работы. Наиболее значимым фактором для респондентов оказался уровень заработной платы (79,2 %). Второе место по значимости занимает уважительное отношение работодателя к работникам (46,8 %), наличие социального пакета, включающего питание, медицинское обслуживание и жилье, важно для значительной части участников (38,6 %). Безопасность условий труда учитывается примерно третьей респондентов (29 %), а сплоченный и дружелюбный коллектив важен для четверти участников исследования (26,6 %). Менее значимыми оказались возможности обучения и профессионального развития (20,5 %), четкий и понятный график работы (16 %), интересный характер труда (15,4 %) и отсутствие сверхурочной занятости (6,1 %). Прочие ответы, включая альтернативные варианты и пропуски, составляют менее 5 % выборки.

Анализ повседневной жизни молодых таджиков показал, что организация свободного времени преимущественно ориентирована на семейные и социальные формы взаимодействия, а также на цифровые и развлекательные практики. Наиболее популярной активностью является общение с родителями и родственниками (62 %), значительная часть респондентов проводит время с использованием мобильных устройств (52 %), во встречах с друзьями и сверстниками (49 %). Среди других видов досуга выделяются прогулки по городу (33 %), пассивный отдых, включая сон и пребывание дома (32 %), прослушивание музыки (26 %) и отдых на природе (26 %). Менее распространены использование стационарных компьютеров или ноутбуков для выхода в интернет (22 %), личные хобби (13 %) и посещение массовых мероприятий (менее 10 %). Самыми непопулярными оказались чтение художественной литературы (6,5 %) и культурные мероприятия, включая посещение музеев, театров и концертов (5 %).

Что касается места проживания, родительские семьи респондентов преимущественно живут в городских и полугородских условиях — в городах (40 %) и поселках городского типа (41 %), тогда как сельская местность составляет около 17 %. Среди самих участников большая часть проживает в российских городах (90 %), лишь незначительная доля — в сельской местности (8 %), около 2 % не предоставили ответ. Эти данные свидетельствуют о высокой степени урбанизации как среди мигрантов, так и их семей, что влияет на социальные и культурные практики.

Важным аспектом исследования стали условия совместных поездок в Россию. Большинство респондентов приезжали по одному (30 %), значительная часть сопровождала друзей или знакомых (28 %) либо брата или сестру (24 %). Реже отмечались поездки с другими родственниками, такими как дяди и тети (12 %), или с родителями (11 %), при этом около 2 % участников не предоставили ответ. Эти данные отражают разнообразие социальных связей и стратегий миграции среди таджикских молодых трудовых и образовательных мигрантов.

Респондентам был задан вопрос о сфере их работы в России в настоящий момент или при последней поездке. Большинство участников указали строительство как сферу деятельности (40 %). Далее следуют сфера обслуживания (24 %), транспорт (15 %) и производство (12 %). Остальные сферы работы составляют около 6 %, не предоставили ответ 4 %. Эти данные показывают, что таджикские трудовые мигранты преимущественно заняты в секторах, требующих физического труда и практических навыков, таких как строительство и сфера обслуживания, в то время как меньшее число участников работает на транспорте или в производственной отрасли.

По языковым предпочтениям при заполнении анкеты 55 % участников использовали русский язык, 45 % — таджикский, пропусков не зафиксировано. Превалирование русского языка может свидетельствовать о степени адаптации в российской социально-трудовой среде. Владение русским языком распределилось следующим образом: свободно читают и пишут на русском 43 %, хорошо общаются устно 37 %, понимают речь, но испытывают трудности с ответом 17 %, совсем не владеют языком 2 %.

Что касается интересов в интернете, наибольший интерес вызывают мировые новости и события (66 %). Далее следуют спортивные события (42 %), поиск работы (39 %), региональные новости (32 %), культурные события (22 %) и художественные фильмы (21 %). Новые знакомства и кулинарные ресурсы интересуют около 15 %, исторические события, криминальные происшествия, образовательная информация и бизнес-данные — 9–11 % от ответивших.

Вопрос о языке, на котором респонденты читают и смотрят информацию в интернете, показал, что большинство используют одновременно таджикский язык и другие языки (60 %). Часть участников ограничивается только таджикским языком (22 %), только русским языком пользуются 13 %, другими иностранными языками — 2 %. Эти данные свидетельствуют о высокой мультиязычности аудитории и готовности использовать как родной, так и иностранный язык для получения информации.

Что касается каналов получения информации, мессенджеры являются ведущим инструментом (53 %). Среди них наиболее популярны ВКонтакте, Telegram и WhatsApp (46 % от пользователей мессенджеров), далее следуют таджикские каналы (23 %), всероссийские новости (14 %) и локальные новости (12 %). Специализированный канал ТОПОР (Telegram) использовали около 9 %, остальные соцсети, развлекательные и спортивные каналы — менее 10 %.

Помимо мессенджеров, респонденты активно пользуются различными сайтами: новостными ресурсами — 31 %, таджикскими сайтами — 24 %, платформой E1 — 21 %, Яндекс Дзен — 9 %, остальными сайтами — менее 10 %.

Следует отметить, что значительная часть респондентов не указала конкретные ресурсы: для сайтов — это 63 %, для мессенджеров — 58 %. Это может отражать разнообразие индивидуальных предпочтений или ограниченный интерес к активному использованию конкретных онлайн-платформ.

В рамках исследования респондентам был задан открытый вопрос о том, какие аспекты жизни в России они считают полезными для заимствования в Таджикистане. Около 41 % участников предоставили конкретный ответ, тогда как более половины (59 %) оставили вопрос без ответа, что может указывать на неопределенность мнений или недостаток наблюдений за положительными аспектами российской жизни.

Среди конкретных ответов наибольшее внимание респонденты уделяли организации и порядку (41 % от ответивших). Они отмечали важность системности, соблюдения правил и структурированности в различных сферах жизни. Образование упоминалось в 14 % ответов, что отражает ценность образовательных практик и возможностей профессионального развития.

Инфраструктурные и социальные аспекты, такие как общественный транспорт и более свободная социальная среда, получили по 7 % упоминаний. Чистота в городах была отмечена в 7 % ответов, указывая на внимание к эстетике городской среды и соблюдению санитарных норм. Качественная медицина и наличие рабочих мест получили по 5 % упоминаний, а использование интернет-технологий, система добрососедства и современная городская среда — по 4 %. Менее распространенные ответы, включая дисциплину, ответственность, отношение к здоровью, уважение к ветеранам и условия труда, встречались менее чем у 2 % респондентов.

В совокупности данные демонстрируют, что респонденты прежде всего ценят структурированность, социальную дисциплину и развитую инфраструктуру, а также образовательные и медицинские практики. Это отражает стремление к заимствованию в Таджикистане практик, способствующих повышению качества жизни, общественного порядка и социальной ответственности.

Заключение

Молодые таджики в России формируют комплексные ценностные ориентиры, где традиционные семейные и религиозные ценности сочетаются с прагматической ориентацией на социально-экономическое благополучие и профессиональное развитие. Их опыт миграции и адаптации проявляется через сохранение культурных практик, использование языковых и информационных ресурсов, а также гибкие стратегии включения в принимающее общество. Ценностные ориентиры формируются как динамическая система, результат взаимодействия традиционной культуры, миграционного контекста и коммуникативных процессов.

Список источников

Пономарева, И. В., Валеева, Г. В., Воронина, Н. М. (2024). Исследование ценностной сферы мигрантов из стран Центральной Азии в контексте их психологической аккультурации. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: педагогика. Психология. Социокинетика*, 30(1), 42–50. <http://doi.org/10.34216/2073-1426-2024-30-1-42-50>

Евдокимов А. И., Пономарева И. В. (2021). Культурные ценности российской молодежи и мигрантов из стран Центральной Азии. *Теория и практика общественного развития*, (2 (156)), 26–31. <http://doi.org/10.24158/tipor.2021.2.3>

Тавакалова, М. К. (2015). Трансформация ценностных ориентаций молодежи в сфере образования. *Вестник педагогического университета*, (3–2 (64)), 91–94. EDN: VZSNED

Хожиев, Ж. Ж., Галяпина, В. Н. (2023). Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации и адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана в России. *Психологические исследования*, 16 (90), 4. <http://doi.org/10.54359/ps.v16i90.1436>

Berry, J. W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46 (1), 5–68. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x>

Giddens, A. (1984). *The Constitution of Society: Outline of the Structuration Theory*. Cambridge: Polity Press, 448. <https://archive.org/details/constitutionofso0000gidd> (Accessed: 31.01.2026).

Hofstede, G. (1980). Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills: Sage, 624. <https://archive.org/details/culturesconsequence0000hofs> (Accessed: 31.01.2026).

Kim, Y. Y. (2001). *Becoming Intercultural: An Integrative Theory of Communication and Cross-Cultural Adaptation*. Thousand Oaks: Sage, 342. <https://archive.org/details/becomingintercul0000kimy> (Accessed: 31.01.2026).

Portes, A., & Zhou, M. (1993). The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 530 (1), 74–96. <https://doi.org/10.1177/000271629353000106>

Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25, 1–65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)

References

Ponomareva, I. V., Valeeva, G. V., & Voronina, N. M. (2024). Study of the value sphere of migrants from central Asia as a factor of socio-psychological adaptation. *Vestnik kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika [Vestnik Of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetiks]*, 30 (1), 42–50. <http://doi.org/10.34216/2073-1426-2024-30-1-42-50>

Евдокимов А.И. & Пonomareva I.V. (2021). Cultural values of Russian youth and migrants from Central Asian countries. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia [Theory and practice of social development]*, (2 (156)), 26–31. <http://doi.org/10.24158/tipor.2021.2.3>

Tavakalova, M. K. (2015). Transformation of youth value orientations in the field of education. *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta [Herald of the Pedagogical University]*, (3–2 (64)), 91–94. EDN: VZSNED

Khozhiev, J. J. & Galyapina, V. N. (2023). Perceived security, acculturation strategies, and adaptation of labor migrants from Uzbekistan and Tajikistan in Russia. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 16 (90), 4. <http://doi.org/10.54359/ps.v16i90.1436>

Berry, J. W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46 (1), 5–68. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x>

Giddens, A. (1984). *The Constitution of Society: Outline of the Structuration Theory*. Cambridge: Polity Press, 448. <https://archive.org/details/constitutionofso0000gidd> (Accessed: 31.01.2026).

Hofstede, G. (1980). Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills: Sage, 624. <https://archive.org/details/culturesconsequence0000hofs> (Accessed: 31.01.2026).

Kim, Y. Y. (2001). *Becoming Intercultural: An Integrative Theory of Communication and Cross-Cultural Adaptation*. Thousand Oaks: Sage, 342. <https://archive.org/details/becomingintercul0000kimy> (Accessed: 31.01.2026).

Portes, A., & Zhou, M. (1993). The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 530(1), 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293553000106>

Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25, 1–65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)

Буттаев Шахбозхон Насилохонович — аспирант, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0009-0006-3516-6213> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: sh.n.buttaev@urfu.ru).

Бритвина Ирина Борисовна — доктор социологических наук, доцент, профессор, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0003-2862-4408> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: irina.britvina@urfu.ru).

Шумилова Полина Андреевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0001-8899-8546> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: polina.shumilova@urfu.ru).

Shahbozhon N. Buttaev — Postgraduate Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; <https://orcid.org/0009-0006-3516-6213> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: sh.n.buttaev@urfu.ru).

Irina B. Britvina — Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Professor at the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; <https://orcid.org/0000-0003-2862-4408> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: irina.britvina@urfu.ru).

Polina A. Shumilova — Cand. Sci. (Sociological), Senior Lecturer at the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; <https://orcid.org/0000-0001-8899-8546> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: polina.shumilova@urfu.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 331.538-054.72(470.54)+331.556.4

JEL classification: J61, K37, O15

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-6-4>

Трудоустройство мигрантов в Свердловской области: проблемы и перспективы¹

А.А. Евтюгина^а, П.П. Решетняк^б

^а Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/000-0003-0776-7661>

^б Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург, Россия).

Автор для корреспонденции: А.А. Евтюгина(alena.seven@mail.ru).

Аннотация. В статье анализируется влияние трудовой миграции на экономику страны. Целью статьи является анализ текущей ситуации с трудоустройством мигрантов в Свердловской области. Рассматриваются правовые аспекты трудоустройства иностранных граждан. Указываются проблемы и перспективы, влияющие на трудоустройство иностранных граждан. Доказывается, что для успешного развития региона необходима сбалансированная миграционная политика, учитывающая экономические и социальные аспекты. В статье использовались методы анализа, сопоставления, обобщения и интерпретации научных, нормативных и статистических данных, что позволило выявить особенности организации трудовой деятельности мигрантов. Статья полезна для изучения миграционных процессов, трудового права и экономики.

Ключевые слова: трудовая миграция; трудоустройство мигрантов; Свердловская область; миграционное законодательство; иностранные граждане; низкоквалифицированный труд.

Migrant Employment in the Sverdlovsk Region: Problems and Prospects

A. Evtyugina^a, P. Reshetnyak^b

^a Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia), <https://orcid.org/000-0003-0776-7661>

^b Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Corresponding author: A. Evtyugina (alena.seven@mail.ru).

Abstract. This article analyzes the impact of labor migration on the country's economy. Its purpose is to analyze the current employment situation for migrants in the Sverdlovsk Region. It examines the legal aspects of foreign national employment, highlighting the challenges and prospects affecting foreign national employment. It demonstrates that a balanced migration policy that takes into account economic and social aspects is essential for the region's successful development. The article used methods of analysis, comparison, generalization and interpretation of scientific, normative and statistical data, which made it possible to identify the features of the organization of labor activities of migrants. This article is useful for studying migration processes, labor law, and economics.

Keywords: labor migration; migrant employment; Sverdlovsk Oblast; migration legislation; foreign citizens; low-skilled labor.

Введение

В современном мире трудовая миграция стала глобальным явлением, оказывающим значительное влияние на экономику и социальную сферу принимающих стран. Российская Федерация, являясь одним из ключевых центров притяжения рабочей силы на постсоветском пространстве, сталкивается с необходимостью регулирования сложных процессов, связанных с трудоустройством иностранных

¹ © Евтюгина А. А., Решетняк П. П. Текст. 2026.

граждан. Актуальность данной темы обусловлена возрастающим числом мигрантов, стремящихся реализовать свой трудовой потенциал в России, и потребностью российского рынка труда в дополнительных кадрах, особенно в отраслях, не пользующихся популярностью у местного населения.

Свердловская область, как крупный промышленный и экономический регион, представляет собой яркий пример территории, где вопросы трудовой миграции стоят особенно остро. Изучение проблем и перспектив трудоустройства мигрантов в данном регионе позволяет не только понять локальные особенности миграционных процессов, но и выявить общие тенденции, характерные для России в целом.

Целью данной работы является анализ текущей ситуации с трудоустройством мигрантов в Свердловской области, выявление основных проблем, с которыми сталкиваются иностранные работники и работодатели, а также рассмотрение перспектив развития данной сферы в ближайшем будущем. В задачи исследования входят: рассмотрение нормативно-правовой базы, регулирующей трудовую деятельность мигрантов; анализ статистических данных и региональной специфики; оценка влияния последних изменений в законодательстве и внешнеполитической обстановки; прогнозирование возможных изменений на рынке труда для иностранной рабочей силы.

Обзор литературы

Вопросы миграции, адаптации мигрантов в принимающем обществе всегда были актуальны для научной общественности. Многие отечественные исследователи обращались к данной теме: А. В. Гайдуков, А. С. Матвеевская, А. С. Скобельцына, В. В. Назаров, В. И. Мукомель, В. Ю. Назаров, Г. Д. Гриценко, Г. С. Иванов, Е. В. Нехода, Н. В. Савельев, Н. Н. Соловьева, О. С. Петрова, С. Калдерон, С. Г. Жестянников, Т. А. Прудникова, Т. В. Куприна, Т. Ф. Маслова, Т. М. Балыхина.

Правовую основу исследования по миграционному вопросу составляют ключевые законодательные акты Российской Федерации. Конституция РФ (ст. 37) и Трудовой кодекс (ст. 3), закрепляющие права на труд и принцип недискриминации по расовому, половому и религиозному принципам. Основным документом, регулирующим трудовую деятельность иностранных граждан, является Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», устанавливающий порядок получения документов (патента, разрешения на работу).

Анализ статистических данных и государственных программ позволяет оценить масштабы и динамику миграционных процессов. Данные Росстата указывают на значительный рост миграционного потока в 2024 г. Стратегические ориентиры в этой сфере позволяют изучить Концепцию миграционной политики на 2025–2030 гг., прогнозирующую сохранение притока иностранной рабочей силы для поддержания экономической стабильности.

Статистический и аналитический контекст миграционных процессов представлен в работах К. О. Ромодановского и В. И. Мукомеля, указывающих, что Россия является одним из лидеров по привлечению иностранной рабочей силы, при этом основную долю мигрантов составляют граждане стран СНГ (Ромодановский & Мукомель, 2015). Региональная специфика Свердловской области и Уральского

федерального округа (УрФО) рассматривается в работах А.А. Саломатовой, Н.П. Неклюдовой, С.К. Садыковой, П.О. Седининой (Саломатова, 2025). Их исследования подтверждают, что основными странами исхода мигрантов для региона являются Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан и другие государства Центральной Азии и Закавказья, а сферы занятости сосредоточены в основном в области низкоквалифицированного ручного труда.

В статье А.А. Евтюгиной и А.В. Савиной выделены пять типов трудовых мигрантов, включая как высококвалифицированных специалистов, так и лиц, занятых нелегальной деятельностью, характерных не только для Свердловской области, но и для других регионов страны (Евтюгина & Савина, 2023).

Отдельный блок исследований посвящен проблемным аспектам. И.В. Воробьева анализирует уязвимое положение мигрантов, занятых неформально, без социальной поддержки со стороны государства, и связанные с этим социальные риски (Воробьева, 2020). Е.Я. Варшавская и М.Б. Денисенко изучают мобильность иностранных работников на российском рынке труда (Варшавская & Денисенко, 2014). Вопросы социально-культурной адаптации и толерантности в принимающем обществе рассматривает Т.М. Балыхина в ряде работ (Балыхина, 2013).

Материалы и методы

В качестве материалов использованы нормативно-правовые акты, регулирующие трудовую деятельность иностранных граждан, официальные статистические данные органов государственной власти Свердловской области, Конституция, Трудовой кодекс, материалы идеологов по вопросам миграции, а также материалы известных исследователей, изучающих феномен трудовой миграции. В ходе исследования применялись методы анализа, сопоставления, обобщения, интерпретации научных, нормативных и статистических данных, что позволило выявить особенности организации трудовой деятельности мигрантов и определить ключевые проблемные зоны в региональной трудовой практике, а также перспективы трудоустройства иностранных граждан в регионе.

Результат

Правовой аспект трудоустройства мигрантов

В условиях глобализации трудовая миграция является неотъемлемой частью экономической сферы Российской Федерации. Согласно данным специалистов, ежегодно на территорию страны прибывает около двух миллионов мигрантов с целью трудоустройства. Это обусловлено тем, что Россия предлагает широкий спектр возможностей для выполнения работы, не требующей квалификации, которая не представляет интереса для местного населения. Наибольший спрос на иностранную рабочую силу наблюдается в крупных мегаполисах, таких как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Краснодар, Тюмень и других крупных городах.

В современных условиях внутренняя и внешняя миграции стали более доступными, что увеличило поток специалистов в крупные регионы. Повышение спроса на неквалифицированные профессии ведет к привлечению иностранных граждан

из стран, где такой труд не является актуальным, либо же, наоборот, перенасыщен. Учитывая большую территорию РФ, наличие вакансий на рынке труда и нежелание российских граждан соглашаться на существенно низкий заработок, иностранные граждане имеют весьма широкие перспективы получения работы в России.

Опираясь на статистические данные, в 2024 г. миграционный прирост составил 568,5 тыс. человек. По сравнению с 2023 г. количество прибывающих иностранцев увеличилось в 2,8 раза. Такой прирост мигрантов вполне можно объяснить, поскольку с 2019 по 2025 гг. активно проводятся государственные меры, направленные на повышение численности иностранных граждан в стране.

Следует отметить, что Россия занимает первое место среди европейских стран и второе место в мире после Соединенных Штатов Америки по численности иностранных граждан, которые занимаются трудовой деятельностью. Большая часть мигрантов — выходцы из Содружества Независимых Государств (СНГ), около 82 % (Ромодановский & Мукомель, 2015). Хорошо известно, что люди всегда меняли свое место жительства, миграционные потоки не прекращались никогда. Почему же они покидают свою родину и становятся мигрантами?

В исследованиях выделяются следующие типы трудовой миграции:

- 1) граждане, меняющие место своего проживания на постоянной основе;
- 2) люди, работающие по контракту, имеющие конкретные сроки пребывания на территории другой страны;
- 3) профессионалы своего дела, обладающие высокой квалификацией, имеющие высшее образование;
- 4) граждане, трудящиеся нелегально;
- 5) люди, вынужденные покинуть свое привычное место обитания ввиду какой-то образовавшейся проблемы (беженцы) (Евтюгина & Савина, 2023).

Известно, что в октябре 2025 г. президент В.В. Путин подписал указ, в котором определена концепция миграционной политики страны с 2025 по 2030 гг. В документе указывается, что прирост иностранных граждан сохранится в ближайшие пять лет и связывается это прогнозирование с потребностью иностранных работников для сохранения экономической стабильности в стране. В Трудовом кодексе Российской Федерации (ст. 3) определено: «Каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав. Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения и т. д.». Установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничение прав работников, которые определяются свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральным законом, либо обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите, в целях решения иных задач внутренней и внешней политики государства, не является дискриминацией.

Конституция Российской Федерации (ст. 37) гласит, что каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, а также право на защиту от безработицы.

В России, как и в других странах, иностранным гражданам, чтобы устроиться на работу, необходимо соблюдать определенные требования и правила. Причем правила трудовых отношений должны соблюдать и мигранты, и принимающая сторона, т. е. работодатель.

К обязательным пунктам относится разрешение на работу (патент) для безвизово проживающих граждан, оформление трудового договора, а также миграционная карта. Для того чтобы определить потребность государства в трудоустройстве иностранных граждан, проводятся исследования в регионах и устанавливается доля мигрантов, осуществляющих хозяйственную или экономическую деятельность (Кравец, 2017). В случае, если не соблюдаются условия устройства безвизового мигранта, то на юридическое лицо накладывается штраф в размере от 250 тыс. до 800 тыс. рублей либо административное приостановление деятельности на срок от 14 до 90 суток.

Подчеркнем, что порядок осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности на территории Российской Федерации определяется Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Согласно данному документу, работодатель и заказчик работ (услуг) имеют право привлекать и использовать иностранных работников при наличии разрешения на привлечение и использование иностранных работников, а иностранный гражданин имеет право осуществлять трудовую деятельность в случае, если он достиг возраста восемнадцати лет, при наличии разрешения на работу или патента (Кравец, 2017). Но данный закон не распространяется на категории иностранных граждан, которые постоянно или временно проживают в Российской Федерации и являются участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию. Также к данной категории относятся сотрудники дипломатических представительств, работники иностранных юридических компаний; лица, выполняющие монтажные работы; журналисты, аккредитованные в Российской Федерации; обучающиеся в Российской Федерации в профессиональных образовательных организациях и участники СВО.

Осуществление мигрантами трудовой деятельности на территории Свердловской области

Большая часть иностранцев прибывает из республик Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан, Азербайджан и Армении (Саломатова, 2025). По словам начальника отдела иммиграционного контроля Управления по вопросам миграции Свердловской области подполковника Константина Волкова, 51 % иностранных граждан, приехавших в 2024 г. в Россию, указали целью пребывания работу. За этот же год гражданство получили около 6 тыс. человек, т. е. некоторые из них стремятся обосноваться в РФ для постоянного проживания. Работают мигранты в основном в тех областях, где преобладает ручной труд, например, грузчиками, каменщиками, штукатурами, монтажниками и т. д., а также выбирают такие профессии, как дворник, таксист, курьер, продавец, разнорабочий и пр.

Правила пребывания, трудоустройства, обучения мигрантов в РФ периодически меняются. По данным Министерства труда, Свердловская область является

последним регионом, ужесточившим меры по приему на работу мигрантов. Так, с 2026 г. работодатели не должны будут принимать иностранных граждан на работу в 22 сферах, и именно в тех, где спрос на иностранных работников значительно выше, чем в других. В Свердловской области такой закон еще не вступил в силу, но по словам сотрудника отдела этноконфессиональных отношений Департамента внутренней политики Свердловской области Е.Ю. Пастухова, в ближайшее время это произойдет. Также известно, что в Уральском федеральном округе большое количество областей запретили трудовую деятельность мигрантам: ЯНАО, ХМАО-Югра, Челябинская, Тюменская и Курганская области приняли ряд мер для ограничения трудоустройства иностранных граждан в низкоквалифицированных профессиях, которые не находят отклика у местного населения.

Прецедентными случаями по всей России являются ограничения по работе в таких регионах, как Краснодарский край (99 видов работ были запрещены в 2024 г.), Тверская область (запрет по 82 направлениям на январь 2025 г.), а также Севастополь (77 видов деятельности). Нововведения по трудоустройству мигрантов отмечаются в комментариях Министерства труда (рис.1).

Эта инициатива не распространяется на жителей Казахстана, Беларуси, Армении и Киргизии, имеющих возможность работать без патента. Отметим, что такие ограничения существенно влияют на экономику государства, поскольку рабочей силы стало значительно меньше. Иностранцы не смогут создавать частные домашние хозяйства, заниматься продажей товаров, оказывать услуги и нанимать работников для оказания услуг.

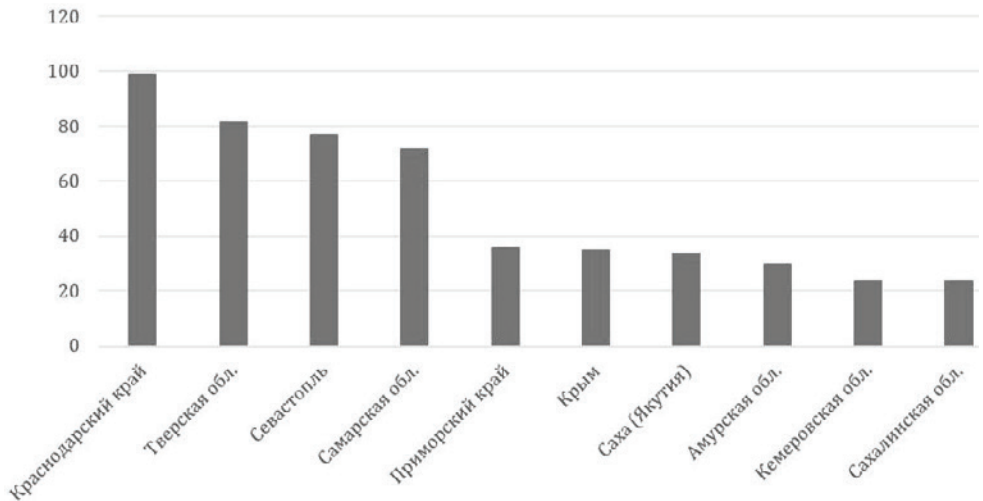

Рис. 1. 10 регионов России с ограничением трудовой деятельности иностранных граждан на 2024 г. (источник: Министерство труда России. 9(<https://mintrud.gov.ru/employment/migration/649>) (дата обращения: 01.02.2026)

Какие существуют проблемы трудоустройства мигрантов в 2025 году?

Во-первых, прошедший 2025 г. был кризисным для иностранных граждан, поскольку государство предприняло ряд мер, соблюдение которых необходимо для легального трудоустройства. К примеру, большая часть иностранных граждан, занимающихся трудовой деятельностью в регионах, преследуют цель заработать денежные средства для перевода семьям. Но из-за закрытия некоторых банковских счетов возможность переводить деньги на родину стала маловероятной, следовательно, утратился интерес к трудовой деятельности. Санкции, наложенные в ходе специальной военной операции, также повлияли на рынок труда. Закрытие крупных компаний, замена многих организаций и переход на отечественный рынок сократили рабочие места.

Во-вторых, оформление разрешительных документов, обязательные медосмотры влияют на приток мигрантов на российский рынок, поскольку иностранцы вынуждены нести большие финансовые расходы. Как и прежде, за любое административное, уголовное нарушение законов существуют ограничения и запрет на въезд мигранта в РФ, получение разрешения на работу, а тем более получение гражданства РФ. Необходимо сказать, что все документы должны быть переведены на русский язык или быть составлены на нем и соответствовать нормам документной лингвистики (Занина & Евтюгина, 2020).

В-третьих, миграционная политика затрагивает одну из главных особенностей получения гражданства — знание русского языка, истории, основ государства и права. Проверка знаний, как и прежде, осуществляется путем сдачи комплексного экзамена (теста), включающего русский язык, историю России и правовые основы. Русский язык сдается по всем видам речевой деятельности: чтение, говорение, письмо, аудирование и лексика/ грамматика (пять субтестов) и представляет основную трудность для людей, не владеющих языком. Этот критерий усложняет прием на работу во многих сферах, запрещающих трудоустройство беспатентовых мигрантов в качестве рабочей силы, еще и потому, что сдать комплексный экзамен для иностранцев весьма проблематично. Раньше во всех регионах РФ пунктов тестирования было очень много, в том числе и нелегальных, выдававших сертификаты для получения патента, РВП, ВНЖ, гражданства. Для того чтобы устранить коррупцию, ограничить пребывание нелегальных мигрантов на территории страны, так называемые пункты тестирования были закрыты государством, а вместе с ними закрыты и центры тестирования, работающие при государственных вузах, перечень которых устанавливает правительство Российской Федерации. К примеру, в Екатеринбурге Центр тестирования иностранных граждан остался один — на базе Уральского федерального университета. И только успешно сдавшие комплексный экзамен в этом центре иностранные граждане могут получить сертификат на патент (разрешение на работу), необходимый для трудоустройства (Бувака, 2024).

Как видно из вышесказанного, весьма усложнилась для мигрантов сдача комплексного экзамена для получения патента. Особенно ситуация обостряется весной, когда начинается сезон строительных работ, резко увеличивается приезд иностранцев в Екатеринбург. Одному Центру тестирования (УрФУ) достаточно сложно охватить весь поток мигрантов, желающих сдать экзамены. А главное, зачастую мигранты, потратившие последние деньги для приезда на заработки,

вынуждены возвращаться домой, так и не устроившись на работу, в то время как страна остро нуждается в рабочей силе.

В-четвертых, обращаясь к данным экспертов, можно выделить часть работодателей, которые предпочитают нанимать рабочих из числа граждан стран СНГ, въехавших в Российскую Федерацию легально, но не имеющих разрешения на работу или патент. Кроме того, значительная часть мигрантов продолжает работать без трудового договора, на условиях устной договоренности с работодателем. Такое неформальное трудоустройство не позволяет работникам рассчитывать на меры социальной поддержки и ставит их в полную зависимость от работодателя. Эксперты опасаются за увеличение преступности среди иностранных граждан, так как они находятся в таком уязвимом положении и часто не имеют возможности обеспечить себя или вернуться домой (Воробьева, 2020).

Но необходимо сказать о том, что появилась возможность упрощенного получения гражданства для иностранных граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации. Однако проблема остается до конца нерешенной, поскольку поддержку получают лишь граждане из дружественных стран, а экономика России страдает от дефицита кадров, из-за которого сложно не только государству, но и обществу. Экономика стремительно падает, инфляция и реальные расходы на жизнь становятся проблемой для всех, в том числе и для иностранных граждан.

Проблема трудоустройства мигрантов существует десятилетия. За это время нормативно-правовая база так и не сформировалась и остается подвижной, усложняя прием на работу иностранных граждан. Это обусловлено не только внешними факторами, затрагивающими знание языка, истории и основ государства, но и толерантностью, которая, как часто бывает, не наблюдается среди местного населения. Все эти проблемы решались разными способами. Временные трудящиеся мигранты не допускались в общество, лишаясь тем самым перспектив интеграции; им запрещалось сохранять собственную культуру, традиции. Вместе с тем проводилась политика и иного плана, когда в обществе сохранялась и культура, и язык, и убеждения новых членов общества — мигрантов. Но в любом случае ручной труд всегда оставался на плечах иностранных граждан, которые соглашались на низкооплачиваемую работу. И для того чтобы сохранить рабочие места, от местного населения, как и от иностранных граждан, требуются базовые условия, которые не соблюдаются основной частью населения (Балыхина, 2013).

Перспективы трудоустройства мигрантов на 2026 год

Анализ документов, исследований, мнений экспертов дает возможность предположить, что, несмотря на активную модернизацию и автоматизацию, тяжелая промышленность будет испытывать дефицит кадров, не требующих высокой квалификации, следовательно, работодателями будут востребованы иностранные граждане, выполняющие мелкую ручную работу.

В сфере услуг и питания ожидается изменение спроса на работников-мигрантов из-за ужесточения требований к квалификации, получению патента, ВНЖ, гражданства. Возникнет дефицит кадров, а поиск потенциальных рабочих и служащих замедлит и существенно ограничит мелкое предпринимательство в России.

Необходимо сказать, что к 2026 г. ожидается рост спроса не только на чернорабочих, но и на специалистов, способных работать с современными материалами и технологиями, при условии, что их будут дополнительно обучать. Сфера ЖКХ, которая характеризуется частой сменой кадров, останется одним из основных источников низкоквалифицированного труда (дворники, подсобные рабочие, сотрудники служб эксплуатации) (Воробьева, 2020).

Сохранится и привязка патентов к региону, которая позволит трудоустраивать мигрантов на определенной территории, в том числе и в Свердловской области. Цифровизация и биометрический учет, электронный документооборот позволят обеспечить легальное трудоустройство мигрантов, делая рынок прозрачным. Безусловно, такое нововведение коснется и недобросовестных работодателей, пытающихся при приеме людей на работу обойти закон.

Таким образом, несмотря на проблемы во взаимодействии с иностранными гражданами, в Свердловской области, в России в целом необходимо формировать модель, при которой мигранты будут заполнять вакансии в отраслях с относительно низкой социальной престижностью и тяжелыми условиями труда. Для высококвалифицированных иностранных специалистов необходимо проработать дополнительные меры, мотивирующие их работать в России. И, безусловно, государственным органам, корректирующим в соответствии с нормативными актами документы, надо предусмотреть создание условий для адаптации и социализации мигрантов, детей мигрантов в новом социуме.

Заключение

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что процесс трудоустройства мигрантов в Свердловской области и в России в целом является сложным и многоаспектным явлением, на которое влияют экономические, правовые и политические факторы. С одной стороны, регион с развитой промышленностью и сферой услуг продолжает испытывать потребность в привлечении иностранной рабочей силы, особенно для выполнения задач, требующих низкой квалификации и значительных физических усилий. С другой — наблюдается устойчивая тенденция к ужесточению миграционного законодательства и повышению требований к легализации и интеграции мигрантов, что создает дополнительные препятствия для их трудоустройства.

Основными проблемами на современном этапе являются: сложности с оформлением разрешительных документов и высокие финансовые и временные затраты; ограничение доступа мигрантов к определенным сферам деятельности; влияние международных санкций на рынок труда; ужесточение требований для получения гражданства. Эти факторы не только осложняют жизнь самим мигрантам, но и создают кадровый дефицит в важных для региона отраслях, потенциально замедляя экономическое развитие.

Перспективы на 2026 год и последующие периоды видятся противоречивыми. Ожидается, что спрос на низкоквалифицированных работников в таких сферах, как ЖКХ, строительство и логистика, сохранится. Однако этот спрос будет все больше сталкиваться с регуляторными ограничениями. Одновременно с этим цифровизация процессов учета и контроля, привязка патентов к регионам могут

способствовать повышению прозрачности рынка труда и борьбе с нелегальной занятостью. Возможным направлением развития могло бы стать создание более гибких механизмов легализации и адаптации мигрантов, сочетающих интересы региональной экономики и требования национальной безопасности.

Следовательно, для формирования сбалансированной и эффективной системы трудоустройства мигрантов в Свердловской области необходима взвешенная государственная политика, обеспечивающая правовую защищенность иностранных работников и заполнение вакансий, а также способствующая успешной социальной и культурной интеграции иностранных граждан в российское общество. Дальнейшее развитие ситуации будет во многом зависеть от того, насколько гибко и оперативно органы власти смогут реагировать на меняющиеся вызовы и потребности регионального рынка труда.

Список источников

Балыхина, Т. М. (2013). Масштабная миграция: очужденность или толерантность? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, 4, 5–12.

Бувака, Н. А. (2024). Эволюция законодательства Российской Федерации в области подтверждения иностранцами владения русским языком. *Диалог*, 2 (28), 72–74.

Варшавская, Е. Я., Денисенко, М. Б. (2014). Мобильность иностранных работников на российском рынке труда. *Социологические исследования*, 4, 63–73.

Воробьева, И. В. (2020). Трудовые мигранты в России: проблемы занятости иностранных трудовых работников. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 1, 90–95. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-1-85-95>

Евтюгина, А. А., Савина, А. В. (2023). Современный портрет трудового мигранта. В *Сборнике докладов XVIII Международной конференции «Российские регионы в фокусе перемен»* (с. 341–344). Екатеринбург: Ажур, 1261.

Занина И. А., Евтюгина А. А. (2022). Обучение русскому языку иностранных граждан: законодательные сложности. В *Материалы 27-й Международной научно-практической конференции «Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании»* (с. 52–56). Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 495.

Кравец, И. П. (2017). Правовое регулирование государственной миграционной политики. *Вестник Волжской государственной академии водного транспорта*, 52, 227–232.

Неклюдова, Н. П., Садыкова, С. К., & Сединкина, П. О. (2024). Внешняя трудовая миграция в Свердловской области из стран Центральной Азии: сравнительный анализ. В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы : Сборник научных статей* (с. 534–541). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 651. <https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-9>

Ромодановский, К. О., & Мукомель, В. И. (2015). Регулирование миграционных процессов: проблемы перехода от реактивной к системной политике. *Общественные науки и современность*, 5, 5–18.

Саломатова, А. А. (2025). Оценка концентрации миграционных потоков Уральского федерального округа. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*, 18 (12), 2515–2526.

References

- Balykhina, T. M. (2013). Scale migration: alienation or tolerance? *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsialnost* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Questions of Education: languages and specialty], 4, 5–12.
- Bouvaka, N. A. (2024). Evolution of the legislation of the Russian federation in the field of confirmation of foreigners' proficiency in the Russian language. *Dialog*, 2(28), 72–74.
- Kravets, I. P. (2017). Legal regulation of the state migration policy. *Vestnik Volzhskoi gosudarstvennoi akademii vodnogo transporta* [Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport], 52, 227–232.
- Neklyudova, N. P., Sadykova, S. K., & Sedinkina, P. O. (2024). External labour migration from central Asian countries to Sverdlovsk oblast: comparative analysis. In *Ustoichivost demograficheskogo razvitiia: determinanty i resursy* [Sustainability of demographic development: determinants and resources] (pp. 534–541). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651. <https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-5-9>
- Romodanovsky, K. O., & Mukomel, V. I. (2015). Regulating migration processes: problems of transition from reaktive to systematic policy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 5, 5–18.
- Salomatova, A. A. (2025). Assessment of migration flows the concentration in the Ural federal district *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], 18(12), 2515–2526.
- Varshavskaya, E. Ya., & Denisenko, M. B. (2014). Foreign workers mobility in Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 4, 63–73.
- Vorobyova, I. V. (2020). Labor migrants in Russia. Issues of the foreign workers employment. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofia. Sotsiologiya. Iskustvovedenie»* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies], 1, 90–95. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-1-85-95>
- Yevtyugina, A. A., & Savina, A. V. (2023). A modern portrait of a migrant worker. In *Sbornike dokladov XVIII Mezhdunarodnoi konferentsii «Rossiiskie regiony v fokuse peremen»* [Collection of reports of the XVIII International Conference «Russian Regions in the focus of change»] (pp. 341–344). Yekaterinburg: Azhur, 1261.
- Zanina I. A., & Evtugina A. A. (2022). Teaching Russian to foreign citizens: legislative difficulties. In *Materialy 27-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Innovatsii v professionalnom i professionalno-pedagogicheskom obrazovanii»* [Proceedings of the 27th International Scientific and Practical Conference «Innovations in Professional and vocational teacher Education»] (pp. 52–56). Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University, 495.
- Евтюгина Алла Александровна** — доктор педагогических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», <https://orcid.org/000-0003-0776-7661> (Российская Федерация, г. Екатеринбург, 620091, пр. Космонавтов, 26; e-mail: alena.seven@mail.ru).
- Решетняк Полина Петровна** — студент, Институт ИПО, ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Российская Федерация, г. Екатеринбург, 620091, пр. Космонавтов, 26; e-mail: polinaresetnak92576@gmail.com)
- Alla A. Evtugina** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Ural State Pedagogical University (FGAOU VO «Ural State Pedagogical University»), <https://orcid.org/000-0003-0776-7661> (26, Kosmonavtov Ave., Ekaterinburg, 620091, Russian Federation; e-mail: alena.seven@mail.ru).
- Polina P. Reshetnyak** — student, Institute of IPO, Ural State Pedagogical University (Российская Федерация, г. Екатеринбург, 620091, пр. Космонавтов, 26; e-mail: polinaresetnak92576@gmail.com).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.7

JEL classification: O15

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-6-5>

Особенности миграционного поведения населения Свердловской области¹

О.А. Козлова ^а, О.А. Пышминцева ^б

^{а, б} Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

^а <https://orcid.org/0000-0002-0448-3519>

^б <https://orcid.org/0000-0002-5710-9459>

Автор для корреспонденции: О.А. Пышминцева (pyshmintseva.aa@uiec.ru)

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ миграционного поведения населения Свердловской области на основе статистических данных за 2015–2024 гг. и результатов социологического опроса 9 и 11 классов пяти муниципальных образований. Выявлено снижение пространственной мобильности населения внутри региона, обусловленное исчерпанием миграционного потенциала периферии. На территории осталось менее мобильное население. При этом подрастающее поколение демонстрирует высокий миграционный потенциал, который может как остаться нереализованным, так и начать воплощаться в жизнь. Основным выталкивающим фактором школьники называют ограниченные возможности самореализации и трудоустройства в родном городе, а также отмечают низкий уровень жизни. С целью снижения угрозы оттока молодежи необходимы меры по развитию социальной инфраструктуры, повышению уровня жизни на территории, расширению возможностей для самореализации молодежи, созданию современных рабочих мест и организации целевого обучения.

Ключевые слова: миграционное поведение; население; внутренняя миграция; Свердловская область.

Peculiarities of Migration Behavior of the Population of the Sverdlovsk Oblast

O. Kozlova ^а, O. Pyshminseva ^б

^{а, б} Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

^а <https://orcid.org/0000-0002-0448-3519>

^б <https://orcid.org/0000-0002-5710-9459>

Corresponding author: O. Pyshminseva (pyshmintseva.aa@uiec.ru)

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the migration behavior of the population of the Sverdlovsk region based on statistical data for 2015–2024 and the results of a sociological survey of grades 9 and 11 in five municipalities. A decrease in spatial mobility of the population within the region has been revealed, due to the exhaustion of the migration potential of the periphery. The territory has a less mobile population. At the same time, the younger generation demonstrates a high migration potential, which can either remain unfulfilled or begin to be realized. Students point to limited opportunities for self-realization and employment in their hometown as the main «pushing» factor, and also note the low standard of living. In order to reduce the threat of youth outflow, measures are needed to develop social infrastructure, improve living standards in the Territory, expand opportunities for youth self-realization, create modern jobs and organize targeted training.

Keywords: migration behavior, population, internal migration, Sverdlovsk oblast.

¹ © Козлова О. А., Пышминцева О. А. Текст. 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена несколькими разнонаправленными трендами последних лет. Так, миграционные процессы в Свердловской области за последнее десятилетие (2015–2024 гг.) демонстрируют сложную динамику, обусловленную экономическими, социальными и внешнеполитическими факторами. Анализ статистических данных позволяет выделить несколько временных периодов, каждый из которых характеризуется различиями в тенденциях.

Так, период 2015–2018 гг. характеризовался снижением миграционного прироста и фиксацией отрицательного миграционного сальдо. Например, в 2018 г. миграционное сальдо составило 1,3 тыс. чел. на фоне растущего миграционного оборота (с 236,6 тыс. чел. в 2015 г. до 242,9 тыс. чел. в 2018 г.). Рост оборота был обусловлен усилением межрегиональной мобильности населения, однако отток населения стал превышать его приток.

В период 2019–2021 гг., наоборот, наблюдался рост положительного миграционного сальдо (с 6,3 тыс. чел. до 8 тыс. чел.), который обеспечивался увеличением притока иностранных мигрантов и сокращением межрегиональной миграции населения.

В 2022 г. статистикой снова был зафиксирован миграционный отток населения (–5 тыс. чел.), вызванный активным миграционным перемещением населения в другие регионы и страны на фоне экономических санкций и геополитических изменений.

В 2023–2024 гг. наблюдался восстановительный период: рост положительного миграционного сальдо (1,1 тыс. чел. в 2023 г. и 15,5 тыс. чел. в 2024 г.) на фоне снижения общего миграционного оборота. Этот рост был обеспечен за счет снижения числа выбывающих с территории области.

В связи с довольно неравномерным по временным периодам распределением миграционных потоков существует необходимость анализа современных трендов внутрирегиональных миграционных потоков на уровне муниципальных образований Свердловской области, а также определение и систематизация факторов, влияющих на миграционное поведение населения в Свердловской области.

Обзор литературы

Современные исследования в области оценки и анализа миграционного поведения населения характеризуются переходом от анализа статистических показателей к изучению стратегий миграционного поведения, при этом наблюдается интеграция количественных и качественных методов.

Так, в работе И. Наумова и А. Бычковой (2025) акцентируется внимание на пространственных эффектах миграции с использованием комплекса эконометрических методов. Это позволило авторам выявить зоны концентрации миграционных потоков и определить факторы, влияющие на миграционные намерения и перемещения внутри региона.

В некоторых исследованиях применяется центрo-периферийный подход к анализу демографических и миграционных процессов, рассматривая миграцию как механизм перераспределения человеческого капитала из периферии в административные центры региона, а оттуда в крупнейшие агломерации России (Зубаревич,

2008; Балабан, 2025). Также проводится оценка диспропорций, складывающихся между региональным центром и внутрирегиональной периферией (Мкртчян, 2024).

В исследовании Н. Мкртчян отмечается тенденция снижения в развитых странах внутренней миграции и иных форм пространственной мобильности. Из основных причин миграционного поведения исследователем выделяется старение населения, поскольку молодежь более мобильна, а увеличение доли пожилого населения снижают общие показатели миграции. Также отмечается снижение экономического эффекта от переезда в связи с развитием дистанционной формы занятости и транспортной инфраструктуры, что способствует росту других видов миграции: маятниковой и вахтовой (Мкртчян, 2025).

Одним из важных направлений в исследованиях миграции становится маятниковая миграция, что определяется усложнением структуры миграционной мобильности, оказывающей двойственное влияние на территорию региона. С одной стороны, это позволяет жителям малых городов реализовывать экономические интересы, осуществляя трудовую деятельность на территории других муниципальных образований. С другой стороны, происходит стягивание трудовых ресурсов в крупные города, приводит к региональному дисбалансу рынка труда и социально-экономического развития муниципальных образований (Бедрина и др., 2018; Соколова, 2023; Захарченко & Пить, 2020).

В последние годы появилось много работ с использованием социологических данных по изучению миграционного поведения населения. Так, в исследованиях А. Неустроевой и А. Барашковой установлена тесная связь миграционных настроений с длительностью проживания населения в данном поселении (Неустроева & Барашкова, 2024). Е. Соколова выявила взаимосвязь между миграционными настроениями и уровнем удовлетворенности условиями жизни населения на территории проживания (Соколова, 2025), Н. Неклюдова, Е. Бедрина и О. Козлова с целью выявления особенностей адаптации мигрантов из стран Центральной Азии на региональном рынке труда провели исследования, выполненные на основе данных социологического опроса мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана — основных стран-доноров трудовых ресурсов для Свердловской области (Неклюдова и др., 2024).

Широкий спектр научных исследований по изучению миграционного поведения населения свидетельствует о высокой актуальности данной темы и требуют комплексных исследований с целью выявления региональной специфики миграционного поведения населения.

Материалы и методы

Методологическая база исследования основана на синтезе статистического анализа данных Росстата и анализа результатов социологического опроса среди молодежи (школьники 9 и 11 классов, студенты СПО) по факторам профессионального выбора и образовательным стратегиям.

Для выявления ключевых аспектов миграционного поведения населения в муниципальных образованиях Свердловской области была разработана классификация МО на основе матричного подхода с учетом двух показателей: сальдо внутрирегиональной миграции и интенсивности миграционного оборота.

На основе результатов социологического опроса проведена оценка миграционных установок школьников выпускных классов на ближайшую перспективу и определение степени их привязанности к территории проживания. Исследование проведено сотрудниками Института экономики УрО РАН в I квартале 2025 года методом онлайн-анкетирования школьников на платформе «Яндекс.Формы». Объем выборки составил 1 615 респондентов (9 классы — 1 173 человека, 11 классы — 442 человека) из пяти моногородов Свердловской области (Верхняя Пышма, Ревда, Кушва, Красноуральск, Серов).

Результаты

В период 2015–2024 гг. в Свердловской области произошли существенные структурные изменения по направлениям миграции (рис.1). Миграционный оборот снизился на 30 % и в 2024 году составил 166 тыс. человек. Несмотря на это, его показатель остается высоким, что свидетельствует о сохранении значительной мобильности населения.

Основным миграционным потоком по направлениям остается внутрирегиональная миграция. Однако за девять лет ее объем сократился почти в два раза, составив к 2024 г. 76 тыс. человек. Основными причинами резкого снижения мобильности внутри региона являются: исчерпание миграционного потенциала периферии (на территориях осталось менее мобильное население) и развитие локальных рынков труда благодаря градообразующим предприятиям и розничной торговле, что создает возможности для занятости и удерживает определенную часть трудоспособного населения на территории.

Вследствие этого доля внутрирегиональной миграции в общем миграционном обороте снизилась с 60,2 % в 2015 г. до 45,6 % в 2024 г.

На втором месте находится межрегиональная миграция. Ее доля в общем обороте снизилась с 34,7 % в 2015 г. до 29,7 % в 2024 г. (на 5 п. п.), а миграционный оборот по этому направлению сократился на 40 %. Данное снижение свидетельствует о затухании межрегиональных миграционных потоков. Отметим, что на протяжении почти всего периода (за исключением 2024 г.) межрегиональная миграция имела отрицательное сальдо, свидетельствуя о том, что регион

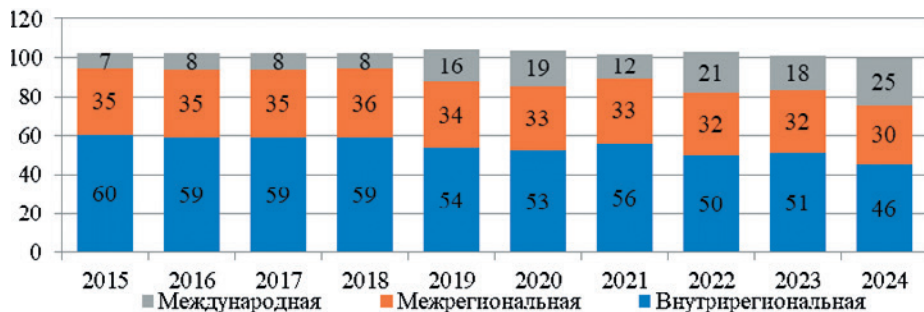

Рис. 1. Структура миграции Свердловской области по направлениям за период 2015–2024 гг., % от миграционного оборота (сост. по: База данных показателей муниципальных образований. https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst65 (дата обращения: 15.01.2026)

в течение длительного времени терял коренное население и не привлекал достаточного количества нового из других регионов России.

На третьем месте находится международная миграция. Ее вклад в общий миграционный оборот значительно вырос — на 17,5 п. п. по сравнению с 2015 г., достигнув в 2024 г. 24,8 %, что говорит о высокой привлекательности региона для иностранных, прежде всего, трудовых, мигрантов. Международная миграция вносит значительный вклад в восполнение трудоспособного населения, частично компенсируя убыль, вызванную межрегиональными перемещениями населения не в пользу региона.

Анализ внутрирегиональной миграции в разрезе муниципальных образований (МО) Свердловской области показал, что в 2015 г. наблюдалась высокая миграционная подвижность населения, а к 2024 г. интенсивность миграционного оборота во многих муниципальных образованиях снизилась.

В 2015 г. миграционная убыль населения отмечалась в 56 МО, а к 2024 г. — уже в 29 МО. Однако анализа сальдо миграции недостаточно: необходимо оценивать, какие процессы происходят на территории, какова интенсивность миграционных оборотов и какая нагрузка от миграционной подвижности ложится на постоянное население.

В результате анализа сальдо миграции и интенсивности миграционных оборотов авторами была предложена классификация муниципальных образований, которые были разделены на четыре группы:

1. МО с миграционной убылью населения и высокой интенсивностью миграционных оборотов.
2. МО с миграционной убылью населения и низкой интенсивностью миграционных оборотов.
3. МО с миграционным приростом населения и высокой интенсивностью миграционных оборотов.
4. МО с миграционным приростом населения и низкой интенсивностью миграционных оборотов.

Так, в 2015 г. в группу с миграционной убылью населения и высокой интенсивностью миграционных оборотов входили 35 МО. К 2024 г. только 11 МО остались в этой же группе, в то время как 24 улучшили свои показатели: в 11 МО снизилась миграционная активность, но миграционная убыль населения продолжается; 10 МО переместились в группу с низкой интенсивностью миграции и миграционным приростом; три МО (Белоярский ГО, Камышловский ГО и Режевской ГО) перешли в группу с высокой интенсивностью миграции и миграционным приростом (табл.1).

Значительная и устойчивая миграционная убыль населения в данной группе наблюдается преимущественно на сельских и отдаленных территориях. За девять лет объем миграционной убыли в указанных муниципальных образованиях (МО) составил:

1. Гаринский ГО — 600 чел., или в среднем миграционная убыль составляла 1,6 % от постоянного населения ежегодно.
2. Махнёвский МО — 800 чел. (в среднем –1,4 % ежегодно).
3. Таборинский МО — 303 чел. (в среднем –1,1 % ежегодно).

Таблица 1

**Особенности внутрирегиональной миграции муниципальных образований
Свердловской области с учетом коэффициентов интенсивности миграции
и миграционного прироста/оттока в 2015 и 2024 гг.**

Коэффициент интенсивности миграционного оборота*	Муниципальное образование		Особенности
	2015	2024	
Миграционная убыль			
Высокая интен- сивность мигра- ционного оборота (более 60 чел. на 1 000 населения)	35 МО	11 МО	Миграционные процессы на данных территориях характери- зуются высокой подвижностью населения, что сопровожда- ется значительным сокращением его численности (миграци- онной убылью). Возрастают риски демографического дисбаланса, а именно — старения населения и последующего обезлюживания террито- рии, что ведет к утрате человеческого капитала. Убыль населения приводит к кризису в системах здравооо- хранения и образования, утрате культурного кода и локальной идентичности, а также к деградации и неэффективности ин- фраструктуры. Это связано с тем, что инфраструктура изна- чально была рассчитана на большее количество людей, а за- траты на ее обслуживание ложатся на оставшееся население
Низкая интенсив- ность миграци- онного оборота (менее 60 чел. на 1 000 населения)	21 МО	18 МО	Миграционные процессы на определенной территории харак- теризуются низкой интенсивностью и сокращением населения за счет миграционной убыли. Это свидетельствует о стагнации таких территорий, которая ха- рактеризуется затяжными негативными процессами в экономи- ке, где миграция в основном представлена оттоком населения. Из-за низкой миграционной подвижности и убыли населения происходит сжатие локальных рынков, повышается неэффек- тивность инфраструктуры, возрастает необходимость опти- мизации социальных объектов и деформируется возрастная структура населения
Миграционный прирост			
Высокая интен- сивность мигра- ционного оборота (более 60 чел. на 1 000 населения)	9 МО	10 МО	Миграционные процессы на определенной территории харак- теризуются высокой интенсивностью и миграционным приро- стом, что свидетельствует о ее привлекательности. К положительным последствиям относятся насыщение рынка труда квалифицированными специалистами, омоложение воз- растной структуры населения и устойчивый рост экономики. Основными негативными последствиями высокой миграци- онной активности являются чрезмерная нагрузка на инфра- структуру: возрастает нагрузка на дороги и общественный транспорт, системы ЖКХ, что приводит к нехватке мест в дет- ских садах, школах и поликлиниках, а также к росту напря- женности на рынке жилья. Кроме того, возникает социальная и этнокультурная напря- женность, связанная с необходимостью социально-культурной адаптации местного населения к мигрантам

Низкая интенсивность миграционного оборота (менее 60 чел. на 1 000 населения)	5 МО	29 МО	Миграционные процессы в данной группе свидетельствует об управляемом характере миграции, не приводящей к чрезмерным нагрузкам на инфраструктуру и население. Приток активного трудоспособного населения способствует смягчению демографического спада и омоложению возрастной структуры. Данный тип миграции является наиболее сбалансированным и управляемым для территории, что при грамотной государственной политике создает условия для гармоничного и устойчивого развития

Примечание: *Коэффициент интенсивности миграционного оборота на 1 000 чел. постоянного населения рассчитывается как отношение миграционного оборота (число прибывших + число выбывших) в абсолютном выражении к среднегодовой численности постоянного населения.

Источник: сост. по: База данных показателей муниципальных образований. https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst65 (дата обращения: 15.01.2026).

4. Ивдельский ГО — 1,9 тыс. чел., Тугулымский ГО — 1,7 тыс. чел., Сосьвинский ГО — 1,2 тыс. чел.; Слободо-Туринский МО — 1,1 тыс. чел. (в среднем у всех –0,9 % ежегодно).

5. Нижнетуринский ГО — 1,9 тыс. чел.; ГО Пелым — 285 чел. (в среднем –0,8 % ежегодно).

6. Каменский ГО — 1,3 тыс. чел., или 0,5 % от постоянного населения ежегодно.

7. МО Алапаевское — 9 242 чел., Шалинский ГО — 869 чел., Пышминский ГО — 688 чел. (в среднем у всех — 0,4 % ежегодно).

Миграционные процессы на данных территориях характеризуются высокой подвижностью населения, что сопровождается значительным сокращением его численности. Возрастают риски демографического дисбаланса. В основном уезжают люди трудоспособного возраста, с семьями и детьми, в поисках лучших условий труда и более высокого заработка.

Так, в Гаринском ГО за девять лет численность населения трудоспособного возраста и моложе сократилась почти вдвое. Во всех муниципальных образованиях (МО) доля населения старше трудоспособного возраста в 2024 г. превышает среднеобластной уровень в среднем на 16 %.

Основной причиной является экономический фактор — дефицит вакансий на рынке труда и низкий уровень жизни населения. В указанных муниципальных образованиях сложился дисбаланс на рынке труда. Так, коэффициент напряженности в 2024 г. в среднем составил 2,8. Это означает, что на 10 вакансий приходится 28 официально зарегистрированных безработных (при среднеобластном показателе 0,21). Кроме того, в этих муниципальных образованиях среднемесячная заработная плата в среднем на 35 % ниже среднеобластного уровня.

Из-за неблагоприятной экономической конъюнктуры, сложившейся на данных территориях, жители переезжают в муниципальные образования, относящиеся к Екатеринбургской агломерации, что влечет перегрузку социальной и транспортной инфраструктуры.

Во вторую группу с миграционной убылью населения и низкой интенсивностью миграционных оборотов в 2015 г. входило 21 МО, а в 2024 году — уже 18 МО.

Такая ситуация в основном характерна для северных территорий: эти территории мало привлекательны для постоянного проживания, и население, которое еще

там осталось, постепенно уезжает. Данные процессы свидетельствуют о стагнации экономической и социальной жизни на территории с преобладанием, как следствие, оттока жителей. Данные негативные процессы идут в течение девяти лет в пяти муниципальных образованиях области: в ГО Карпинск — миграционная убыль населения составила 1,6 тыс. чел., в среднем миграционная убыль составляла 1,6 % от постоянного населения ежегодно; в Ивдельском ГО — 1,9 тыс. чел. (0,9 %); в ГО Красноуральск — 0,8 тыс. чел. (0,3 %); в Серовском ГО — 2,9 тыс. чел. (0,3 %), в ГО Верхняя Тура — 112 чел. (0,1 %).

Необходимо отметить, что к 2024 г. наблюдалось снижение миграционной убыли населения муниципальных образований в обеих группах, что свидетельствует об истощении миграционного потенциала населения. Наиболее мобильное трудоспособное население уже уехало. Оставшееся население — пожилые люди и население с низкой мобильностью, которые дорожат сложившимися социальными связями и местом своего проживания, несмотря на существующий разрыв в уровне жизни по сравнению с другими муниципальными образованиями области.

В третью группу с миграционным приростом населения и высокой интенсивностью миграционного оборота в 2015 г. входили девять МО, а в 2024 г. — 10 МО.

Миграционные процессы на этих территориях характеризуются высокой интенсивностью и миграционным приростом, что свидетельствует о их привлекательности. Как следствие, идет устойчивый рост экономики, развитие рынка труда, привлечение квалифицированных рабочих и специалистов, омоложение возрастной структуры населения.

Однако имеются и определенные негативные последствия высокой миграционной активности, к которым можно отнести чрезмерную нагрузку на социальную и транспортную инфраструктуру, систему ЖКХ, приводящие к нехватке мест в детских садах, школах и поликлиниках, а также к росту цен на рынке жилья. Кроме того, возникает социальная и этнокультурная напряженность, связанная с необходимостью адаптации местного населения и мигрантов к совместному проживанию на территории городов.

Наибольший миграционный прирост характерен в основном для городов, входящих в Екатеринбургскую агломерацию (ЕГА). Так, в топ-5 по наибольшему миграционному приросту вошли: ГО Верхняя Пышма +15,7 тыс. чел. (в среднем ежегодный прирост за счет миграции составлял 1,8 %); ГО Среднеуральск +3,9 тыс. чел. (в среднем 1,6 % ежегодно); Арамилский ГО +2,9 тыс. чел. (в среднем 1,4 % ежегодно); Сысертский ГО +6 тыс. чел. (в среднем 0,9 % ежегодно); Березовский ГО +4 тыс. чел. (в среднем 0,5 % ежегодно).

В четвертую группу с миграционным приростом населения и низкой интенсивностью миграционного оборота в 2015 г. входили пять МО, а в 2024 г. — уже 29 МО.

Миграционные процессы в данной группе свидетельствуют об управляемом характере миграции, не приводящей к чрезмерным нагрузкам на инфраструктуру и население. Приток активного трудоспособного населения способствует смягчению демографического спада и омоложению возрастной структуры.

Так, в топ-5 по наибольшему миграционному приросту в данной группе вошли: МО «город Екатеринбург» + 56 тыс. чел., или в среднем ежегодный прирост за счет миграции составлял 0,4 %; ГО Заречный +1,4 тыс. чел.; Березовский ГО +4 тыс. чел.

(в среднем 0,5 % ежегодно); ГО Рефтинский + 231 чел. (в среднем 0,2 % ежегодно); ГО Богданович + 529 чел., ГО Белоярский +436 чел., ГО Нижняя Салда + 156 чел. (в среднем 0,12 % ежегодно).

Еще одной особенностью внутрирегиональной миграции является ярко выраженные возрастное и гендерное различие. В 2023 г. основную долю населения, активно участвующего во внутрирегиональной миграции, составляли лица трудоспособного возраста — около 70 % (в 2015 г. — 72,3 %). Из них наиболее активными в перемещении были молодые люди в возрасте 15–19 лет (16,5 % от всей внутрирегиональной миграции) и 20–24 лет (10,9 %). Для этих возрастных групп основной целью переезда была учеба с последующим трудоустройством. Наиболее активными направлениями учебной миграции стали Екатеринбург, Нижний Тагил и Серов, где широко представлены учреждения СПО и ВО. Для возрастной группы 25–44 лет основной целью в миграционных установках является переезд в другое муниципальное образование с более высоким уровнем жизни и развитым рынком труда (30 %). Отметим, что около 20 % от всей внутрирегиональной миграции приходится на детей в возрасте 0–14 лет. Эта миграция является пассивной, так как дети переезжают вместе с родителями (табл. 2).

Оценить миграционные установки и локальную идентичность молодого поколения, позволили результаты проведенного социологического опроса (рис. 2).

Среди девятиклассников желание реализовывать свои карьерные перспективы в другом городе выразили 47,1 %, а 10,5 % респондентов решили остаться в родном городе после получения образования. Желание учиться и работать на местных предприятиях высказали выпускники девятых классов (16,9 %), из них больше всех

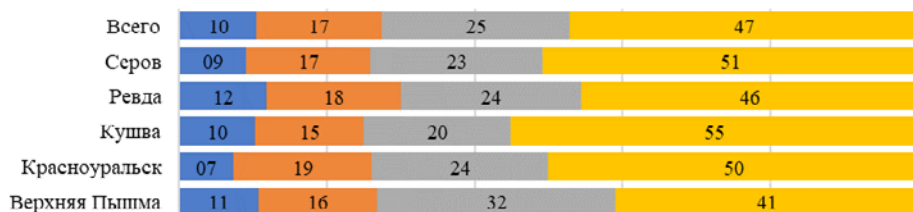
Таблица 2

Возрастная структура внутрирегиональной миграции Свердловской области за 2015 и 2023 гг.

Возраст мигрантов	Всего		Мужчины		Женщины	
	2015	2023	2015	2023	2015	2023
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
моложе трудоспособного	18,4	20,7	20,9	23,1	16,4	18,7
трудоспособном	72,3	68,0	72,8	68,9	71,9	67,2
старше трудоспособного	9,2	11,3	6,3	7,9	11,7	14,1
15–19	16,5	16,5	16,1	15,8	16,8	17,0
20–24	13,0	10,9	11,6	10,4	14,1	11,4
25–29	12,8	6,4	11,0	5,6	14,3	7,1
30–34	11,0	8,1	10,7	7,5	11,2	8,6
35–39	7,3	9,1	8,0	9,0	6,8	9,2
40–44	4,8	6,5	5,6	7,0	4,2	6,1
45–49	3,4	5,0	4,1	5,7	2,8	4,4
50–54	3,2	3,9	3,5	4,4	2,9	3,4
55–59	3,2	3,4	3,2	3,5	3,2	3,3
60–64	2,8	3,5	2,8	3,6	2,8	3,4
65 и старше	4,7	7,4	3,5	5,9	5,7	8,7

Примечание: нет данных за 2024 г.

Источник: База данных показателей муниципальных образований. https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst65 (дата обращения: 15.01.2026).

- Да, я планирую получить профессиональное образование в другом городе или регионе РФ, но хотел бы вернуться работать в свой родной город
- Да, я планирую получить профессиональное образование и работать на одном из предприятий родного города
- На данный момент не определился
- Нет, я не связываю свою жизнь и профессиональную деятельность со своим городом

Рис. 2. Распределение ответов среди девятиклассников на вопрос: «Планируете ли вы связать свою профессиональную деятельность с каким-либо предприятием вашего города?», % от числа респондентов (источник: сост. авторами)

проявили интерес к такому направлению развития своей профессиональной деятельности девятиклассники из Красноуральска — 18,8 % и Ревды — 18,2 %. При этом самый низкий уровень склонности к релокации характерно для городов, которые находятся близко к Екатеринбургу: Верхняя Пышма — 41 % и Ревда — 45,6 %.

Основными причинами отъезда из города девятиклассники называют: высокие карьерные и образовательные возможности (32,5 %), отсутствие нужной специальности (33 %) и желание самореализоваться (20 %).

Среди одиннадцатиклассников усиливается миграционный потенциал. Так, 53,8 % респондентов уже потенциально готовы безвозвратно покинуть свой город и реализовывать свою профессиональную деятельность в другом городе, 28,5 % респондентов еще не определились с профессиональными планами, а 17,6 % связывают свою профессиональную деятельность с родным городом. Причем если для одиннадцатиклассников Верхней Пышмы склонность к релокации не очень актуальна (всего 27,6 %), то для Красноуральска, Серова и Кушвы она очень ярко выражена (62,3–72,0 %).

Весьма низкий миграционный потенциал среди одиннадцатиклассников в Верхней Пышме связан с близостью к Екатеринбургу и наличием на территории крупнейшего работодателя (УГМК). Они видят реальные перспективы для карьеры и высокое качество жизни, не покидая город.

Другая ситуация для северных моногородов: школьники настроены на трудовую миграцию, демонстрируя разрыв между профессиональными намерениями и локальным рынком труда. В особенности в Серове и Красноуральске очень низкий процент респондентов, которые выразили желание работать на местном предприятии (6,2 % и 4 % соответственно).

Основными причинами миграции одиннадцатиклассники называют: желание самореализоваться (50 %); более высокий уровень жизни и значительный шанс трудоустроиться в других городах (33,2 %); отсутствие нужных специальностей в родном городе (15,2 %),

Рис. 3. Распределение ответов среди одиннадцатиклассников на вопрос: «Планируете ли вы связать свою профессиональную деятельность с каким-либо предприятием вашего города?», % от числа респондентов (источник: сост. авторами)

Заключение

На основе проведенного анализа миграционных процессов за период 2015–2024 гг. в разрезе муниципальных образований Свердловской области можно сделать следующие выводы:

1. Происходит трансформация структуры расселения населения: наблюдается снижение миграционной активности на периферии вследствие исчерпания миграционного потенциала населения при сохранении миграционного прироста в зоне Екатеринбургской агломерации. При этом наблюдается процесс субурбанизации и миграции из малых городов в ближайшие центры, что подчеркивает смену вектора расселения.

2. Внутрорегиональная миграция характеризуется ярко выраженными возрастными и гендерными различиями миграционных установок. Так, в 2023 г. доля молодежи (15–34 года), активно участвующей во внутрорегиональной миграции, составила 49,4 % (2015 г. — 53,3 %). Миграционная убыль женщин в период 2015–2023 гг. с территорий, не входящих в агломерацию, практически в два раза выше, чем мужчин, что свидетельствует о деформации локальных рынков труда и половозрастной структуры населения на территориях, подверженных миграции.

3. Молодое поколение активно проявляет мотивационные установки после окончания школы к смене места дальнейшего профессионального обучения и занятости. Недостаток внимания к данному процессу региональных и муниципальных властей, разработки целенаправленной политики по закреплению молодежи на территории (создание условий для обучения и трудоустройства, развитие городской среды, в том числе культурно-досуговых учреждений, повышение уровня и качества жизни населения) приведет к дальнейшему ухудшению демографической

ситуации на территории области, стягиванию населения в города Екатеринбургской агломерации и обезлюживанию периферийных территорий.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР по госзадаанию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. №0327-2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026 №0327-2024-0009 «Mechanisms for regulating the economic behavior of the population in the context of structural changes.»

Список литературы

Балабан, М. О. (2025). Выделение периферийных территорий России по показателям демографического развития на конец 2010-х годов. *Демографическое обозрение*, 12(3), 29–58. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i3.28496>

Бедрина, Е. Б., Козлова, О. А., Ишуков, А. А. (2018). Методические вопросы оценки маятниковой миграции населения. *Ars Administrandi*, 10(4), 631–648. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-4-631-648>

Захарченко, А. А., Пить, В. В. (2020). Корреляция размера заработной платы и симпатии к городу проживания в контексте миграционных установок населения. *Социально-экономические явления и процессы*, 15(1(108)), 52–64. [https://doi.org/10.20310/1819-8813-2020-15-1\(108\)-52-64](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2020-15-1(108)-52-64)

Зубаревич, Н. (2008). Кто выиграет конкуренцию за человеческие ресурсы? Российское экспертное обозрение, 1, 12–16. EDN UTPOSD.

Мкртчян, Н. В. (2024). Пространственная картина центрo-периферийных миграционных взаимодействий в России. *Региональные исследования*, 1(83), 19–33. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-1-2>

Мкртчян, Н. В. (2025). Динамика внутренней миграции в развитых странах: обзор исследований. *Демографическое обозрение*, 12(3), 4–28. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i3.28495>

Наумов, И. В., Бычков, А. А. (2025). Оценка влияния факторов на пространственное распределение миграционных потоков в регионе. *Регион: экономика и социология*, 3(127), 194–224. <https://doi.org/10.15372/REG20250308>

Неклюдова, Н. П., Бедрина, Е. Б., & Козлова, О. А. (2024). Мигранты из стран Центральной Азии на рынке труда Свердловской области в зеркале социологического исследования. *Экономика региона*, 20(1), 135–149. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-9>

Неустроева, А. Б., Барашкова, А. С. (2024). Внутрорегиональная миграция в Якутии: причины и стратегии поведения населения. *Социологические исследования*, 1, 40–50. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010045>

Соколова А. А. (2025). Отношение к региону и миграционные настроения населения: межрегиональные различия. *Социальное пространство*, 11(2). <https://doi.org/10.15838/sa.2025.2.46.8>

Соколова, А. А. (2023). Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России. *Проблемы развития территории*, 27(4), 52–70. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.4.126.4>

References

Balaban M. (2025). Identification of peripheral territories in Russia based on the indicators of demographic development in the 2010s. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 12(3), 29–58. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i3.28496> (In Russ.)

Bedrina, E. B., Kozlova, O. A., & Ishukov, A. A. (2018). Methodological issues of assessing pendulum migration of the population. *Ars Administrandi*, 10(4), 631–648. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-4-631-648> (In Russ.)

Mkrtchian, N. V. (2024). Spatial pattern of center-peripheral migration interactions in Russia. *Regional'nye issledovaniia [Regional Studies]*, 1(83), 19–33. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-1-2> (In Russ.)

Mkrtchyan N. (2025). Dynamics of internal migration in developed countries: a review of studies. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 12(3), 4–28. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i3.28495> (In Russ.)

Naumov, I.V., Bychkova, A.A. Assessment of the influence of factors on the spatial distribution of migration flows in the region. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, 3(127), 194–224. <https://doi.org/10.15372/REG20250308> (In Russ.)

Neklyudova H. П., Bedrina E. Б., & Kozlova O. A. (2024). Central Asian Migrants in the Labour Market of Sverdlovsk Oblast: A Sociological Study. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, 20(1), 135–149. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-9> (In Russ.)

Neustroeva, A. B., & Barashkova, A. S. (2024). Intraregional migration in Yakutia: causes and strategies of population behavior. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (1), 40–50. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010045> (In Russ.)

Sokolova, A. A. (2023). Scale of commuting in Russian regions. *Problemy razvitiia territorii [Problems of Territory's Development]*, 27(4), 52–70. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.4.126.4> (In Russ.)

Sokolova, A. A. (2025). Attitudes toward the region and migration sentiments: Interregional differences. *Sotsial'noe prostranstvo [Social Area]*, 11(2). <https://doi.org/10.15838/sa.2025.2.46.8> (In Russ.)

Zakharchenko, A. A., & Pit, V. V. (2020). Correlation of wages and sympathy to the city of residence in the context of migration attitudes of the population. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy [Socio-Economic Phenomena and Processes]*, 15(1(108)), 52–64. [https://doi.org/10.20310/1819-8813-2020-15-1\(108\)-52-64](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2020-15-1(108)-52-64) (In Russ.)

Zubarevich, N. (2008). Kto vyigraet konkurentsiu za chelovecheskie resursy? [Who will win the competition for human resources?]. *Rossiiskoe ekspertnoe obozrenie [Russian Expert Review]*, (1), 12–16. (In Russ.)

Козлова Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-0448-3519> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: kozlova.oa@uiec.ru).

Пышминцева Ольга Александровна — младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-5710-9459> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: pyshmintseva.oa@uiec.ru).

Olga A. Kozlova– Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Center for Socio-Economic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-0448-3519> (29 Moskovskaya str., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: kozlova.oa@uiec.ru).

Olga A. Pyshmintseva– Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-5710-9459> (29 Moskovskaya str., Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: pyshmintseva.oa@uiec.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 316.35

JEL classification: J23, O18, R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-6-6>

Актуальные тенденции возвратной миграции соотечественников, проживающих за рубежом, в Российскую Федерацию¹

Д. С. Кононова

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0009-0005-1303-8547>

Автор для корреспонденции: Д. С. Кононова (konon99@bk.ru).

Аннотация. Исходными данными послужили результаты мониторинга Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников с 2019 по 2024 гг. Предмет исследования: процесс возвратной миграции соотечественников в Российскую Федерацию. Целью исследования является систематизация процесса возвратной миграции в Россию за период с 2019 по 2025 гг. с выявлением ключевых тенденций и структурных особенностей. Гипотезой исследования является предположение о том, что социальные потрясения последних лет привели к существенной трансформации масштабов, каналов и географической структуры возвратной миграции, а также выявили противоречия между индивидуальными стратегиями мигрантов и стратегическими целями государственной политики. В использовании проведен сравнительный анализ представленного Министерством внутренних дел Российской Федерации мониторинга Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников с 2019 по 2024 гг. Результаты исследования показали значительное уменьшение численности возвратных мигрантов, сохранение устойчивых предпочтений в пользу ряда российских регионов, а также рост количества возвратных мигрантов из Германии и стран Балтии. Научный вклад заключается в изучении трансформации возвратной миграции на фоне геополитических изменений.

Ключевые слова: возвратная миграция; соотечественники; Государственная программа; реинтеграция; страны ближнего и дальнего зарубежья.

Current Trends in the Return Migration of Compatriots, Living Abroad, in the Russian Federation

D. Kononova

Ural Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg, Russia)

<https://orcid.org/0009-0005-1303-8547>

Corresponding author: D. Kononova (konon99@bk.ru).

Abstract. The initial data were the results of monitoring the State Program to facilitate the voluntary resettlement of compatriots from 2019 to 2024. Subject of the study: the process of return migration of compatriots to the Russian Federation. The aim of the study is to systematize the process of return migration to Russia for the period from 2019 to 2025, identifying key trends and structural features. The hypothesis of the study is the assumption that the social upheavals of recent years have led to a significant transformation of the scale, channels and geographical structure of return migration, as well as revealed contradictions between the individual strategies of migrants and the strategic goals of public policy. The article provides a comparative analysis of the monitoring provided by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the State Program to assist the voluntary resettlement of Compatriots from 2019 to 2024. The results of the study

¹ © Кононова Д. С. Текст. 2026.

showed a significant decrease in the number of returning migrants, the preservation of stable preferences in favor of a number of Russian regions, as well as an increase in the number of returning migrants from Germany and the Baltic states. The scientific contribution is to study the transformation of return migration against the background of geopolitical changes.

Keywords: return migration, compatriots, State program, reintegration, countries of the near and far abroad

Введение

В условиях геополитических и социально-экономических трансформаций, которые затронули мировое сообщество в начале 2020-х гг. вопросы управления миграционными потоками, а также сохранение человеческого капитала становятся стратегически важны. Россия находится в центре миграционных потоков: с одной стороны, государство привлекает значительное количество иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности. С другой стороны, за пределами России проживают от 10 до 40 миллионов представителей русского сообщества. Поддержка возвратной миграции за счет привлечения представителей русского сообщества, которые длительное время проживают за рубежом, в настоящее время необходимый ресурс стратегического развития, с помощью которого можно компенсировать демографические проблемы и принести новые компетенции в кадровое обеспечение российской экономики (Евтушенко и др., 2024). Существующие масштабы и высокое развитие человеческого потенциала российского сообщества, проживающего за рубежом, обуславливают сохраняющуюся на протяжении практически 20 лет задачу по стимулированию возвращения и дальнейшей интеграции в российское общество. Основным механизмом, позволяющим соотечественнику вернуться на историческую родину, является участие в государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом (далее — Государственная программа).

На современном этапе, связанном с последствиями пандемии и кардинальными изменениями международного контекста, формируется поле для дискуссий относительно существующих механизмов управления возвратной миграции, а также оценки масштабов возвратной миграции. Обобщая вышесказанное, можно отметить следующую научную проблему данного исследования: недостаточная изученность трансформации процесса возвратной миграции соотечественников, проживающих за рубежом, на территории Российской Федерации с 2019 по 2024 гг.

Таким образом, научная проблема данного исследования заключается в недостаточной изученности качественной трансформации процесса возвратной миграции соотечественников в РФ в период после 2019 г., ее детерминант и последствий для эффективности государственного управления. Цель исследования: на основе системного анализа официальных статистических данных за 2019–2024 гг. выявить и охарактеризовать ключевые тенденции и структурные изменения в возвратной миграции соотечественников, реализуемой в рамках Государственной программы, и оценить их соответствие формирующимся стратегическим приоритетам миграционной политики.

Гипотезой исследования является предположение о том, что социальные потрясения последних лет привели к существенной трансформации масштабов, каналов и географической структуры возвратной миграции, а также выявили

противоречия между индивидуальными стратегиями мигрантов и стратегическими целями государственной политики.

Научная новизна исследования заключается в проведении оценки трансформации возвратной миграции соотечественников в Российскую Федерацию на фоне насыщенной событийной политики социально-экономических и геополитических изменений. Практическая значимость результатов заключается в выработке возможных направлений работы по совершенствованию государственного управления миграционными процессами.

Обзор литературы

Обращаясь к анализу научной литературы, стоит отметить, что возвратная миграция на протяжении длительного времени рассматривалась как нечто второстепенное в структуре миграционных процессов. Данная тенденция поменялась в последние два десятилетия, и возвратная миграция стала рассматриваться исследователями в контексте, предполагающем, что возвращение мигрантов с накопленным социальным, человеческим и экономическим капиталом может стать позитивным катализатором изменений в стране исхода (Rajan, 2023). Пандемия COVID-19, повлекшая за собой разрывы миграционных цепочек и массовые вынужденные возвращения, в свою очередь, актуализировала вопрос устойчивости реинтеграции возвратных мигрантов, а также долгосрочных траекториях государственного управления данным миграционным процессом.

Рассмотрение зарубежной литературы показывает несколько векторов развития фокуса внимания исследователей. Первый вектор связан с анализом мотивации и факторов возвращения в страну исхода. Исследуется комплекс причин, которые побуждают мигрантов вернуться домой: от позитивных (достигнуты цели миграции, накоплен капитал) до выталкивающих стрессовых ситуаций (кризис, военные действия). Исследование опыта индийских медицинских сестер, вернувшихся из стран Персидского залива, показывает, что сформированная профессиональная идентичность, условия труда и карьерные траектории влияют не только на решение о возвращении, но на повторное желание вернуться в более благополучную экономическую обстановку (Tsujita et al., 2023). Аналогичная ситуация фиксируется в Непале: человеческий капитал, приобретенный за годы проживания за рубежом, определяет постадаптационные стратегии занятости и социальной мобильности в родной стране (Thapa Magar et al., 2025).

Следующий вектор исследований направлен на изучение процессов реинтеграции возвратных мигрантов в стране исхода. Авторами выстраиваются стратегии адаптации, выявляются сложности и успехи социальной, культурной и экономической реинтеграции. Исследования возвратных мигрантов в Польше и Литве показывают феномен «ностальгии по стране миграции», что осложняет психологическую адаптацию в родной стране (Parutis, 2026). Результаты масштабного сравнительного анализа траекторий возвратных мигрантов в Непале, Таиланде и Молдове подчеркнули неоднородность постреинтеграционного опыта, усилие социального неравенства и аграрной дифференциации (Sugden et al., 2025).

Третий вектор зарубежных исследований связан с анализом проводимой государственной политики по привлечению и оказанию содействия в переселении своих

граждан на родину. Проведенный контент-анализ миграционной политики Ганы показывает слабую конкретизацию влияния миграции на стратегическое государственное управление, что снижает эффективность проводимой политики по возвратной миграции (Kutor et al., 2025). Данное исследование указывает на складывающееся противоречие между декларативным признанием важности возвратной миграции и слабой проработкой инструментария поддержки и стимулирования.

Переходя к российским исследованиям, стоит отметить, что рассмотрены проблемы, возникающие в ходе инкорпорации соотечественников в экономические и социальные структуры российского общества (Красинец, 2022). Фиксируются пространственные особенности переселения соотечественников: в приграничных областях (Шахова и Щеглова, 2021), а также в промышленном регионе (Долженко, Антонов, 2021). Изучается вопрос адаптации и интеграции мигрантов, в том числе в контексте возвращения соотечественников и возможности получения земельных участков (Винокурова и др., 2023).

В продолжение изучения темы социальной адаптации мигрантов стоит отметить современные исследования российских социологов, изучающих данную проблематику. Осмысление процесса социальной адаптации мигрантов в российском обществе остается в фокусе внимания отечественных социологов (Леденева, 2024; Бритвина & Шумилова, 2024).

Российскими социологами сформировано направление изучения возвратной миграции в странах СНГ: Киргизии, Таджикистана, Узбекистане. Значительное количество иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность в России, соответственно, значителен поток возвратной миграции. Авторами рассматриваются факторы возвращения, экономические стратегии после переезда, а также существующие проблемы социальной реинтеграции и устойчивости после возвращения (Осадчая и др., 2024; Раимдодов и др., 2023; Юдина & Осадчая, 2024). Отдельное внимание уделяется потенциалу диаспор для поддержки мигрантов (Осадчая & Вартанова, 2023).

Исследуются вопросы проводимой политики поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. Отдельные работы обращаются к социологической оценке эффективности мер поддержки непосредственно молодых соотечественников (Васильева, Зерчанинова, 2022).

Несмотря на изученность вопроса возвратной миграции в зарубежных и российских исследованиях, стоит обратить внимание на отсутствие исследований по масштабам и динамике потока возвратных мигрантов из числа соотечественников, проживающих за рубежом, в Российскую Федерацию на фоне геополитических и экономических трансформаций последних лет, что подтверждает актуальность проводимого исследования.

Материалы и методы исследования

Данное исследование основано на вторичном анализе официальных статистических данных о мониторинге реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, проведенных Министерством внутренних дел Российской Федерации в 2019–2024 гг.

Методологический инструментарий включает сравнительный анализ, который позволяет проанализировать происходящие изменения в рамках процесса возвратной миграции. Ключевым ограничением является отсутствие подробной описательной части к проводимому мониторингу, благодаря которому можно выявить изменения механизмов государственного управления процессов возвратной миграции (отчеты преимущественно представлены в графическом виде). Также в отчетах последних лет не конкретизированы социально-демографические характеристики соотечественников, что не позволяет в полной мере сформировать представление о данной категории возвратных мигрантов.

Результаты

Проведенный анализ позволяет сформировать представление о ключевых трендах возвратной миграции соотечественников в период эпидемиологических и геополитических вызовов. Так, за период с 2019 по 2024 гг. наблюдается снижение количества переселившихся соотечественников в рамках реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, практически в пять раз. В 2019 г. итоговое количество прибывших соотечественников составило 25,7 тыс. человек, в 2024 г. — 5,5 тыс. человек. Резкое снижение количества соотечественников, прибывших в Россию, можно наблюдать в 2020 г., что связано с введением ограничительных мер по защите населения от коронавирусной инфекции. В 2021 г. был зафиксирован, наоборот, рост количества возвратных мигрантов-соотечественников — 18 266 человек. После 2022 г. наблюдается только снижение количества заявителей. К началу 2025 г. количество прибывших соотечественников достигло исторического минимума.

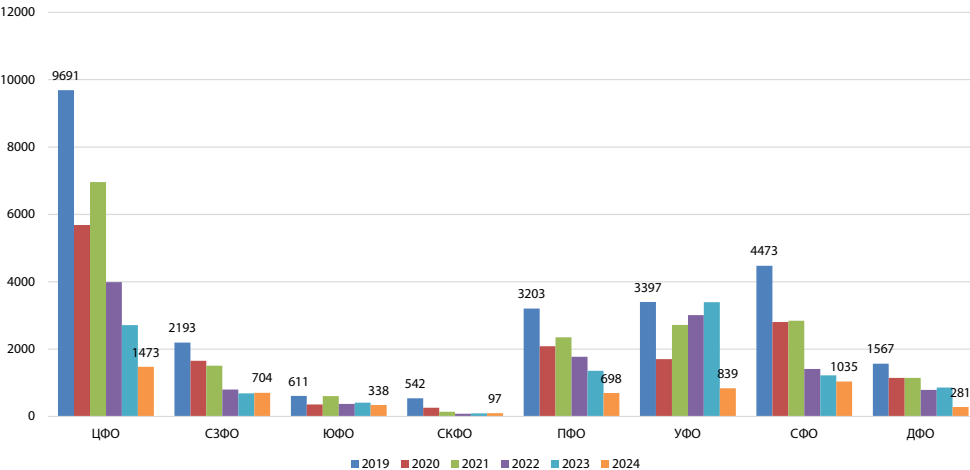

Рис. 1. Динамика возвратной миграции соотечественников в разрезе федеральных округов Российской Федерации (источник: сост. авторами по статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации в период с 2019 по 2024 гг.)

Изменились также каналы участия в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Стоит отметить, у граждан есть две возможности участия: подача заявления в зарубежной стране (как правило, в стране проживания), а также на территории Российской Федерации. Второй случай релевантен для соотечественников, которые переехали на территорию Российской Федерации и уже получили документы для легализации правового статуса (разрешение на временное проживание и вид на жительство). В 2019 г. соотношение между количеством соотечественников, подавших заявление об участии в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, за пределами Российской Федерации практически было одинаковым с количеством соотечественников, подавших указанное заявление на территории Российской Федерации (50,4 % и 49,6 % соответственно). К 2024 г. большинство соотечественников подавали заявление на территории иностранных государств — практически 86,2 % от общего количества подавших заявления.

На протяжении всего периода наблюдается устойчивый интерес соотечественников к переселению на определенные территории в Российской Федерации. Граждане стабильно выбирают регионы, входящие в состав Центрального федерального округа, Уральского федерального округа, Сибирского федерального округа и Приволжского федерального округа. В число субъектов-лидеров по привлекательности соотечественников можно выделить Челябинскую, Тульскую, Новосибирскую, Калининградскую и Воронежскую области. Существующая модель запроса соотечественников на переселение в определенные регионы свидетельствует о низкой эффективности поддержки заселения территорий, имеющих приоритетное значение, прежде всего в Дальневосточный федеральный округ. Несмотря на предлагаемые меры поддержки для соотечественников, доля Дальневосточного федерального округа в структуре иных федеральных округов остается в диапазоне от 2,5 % до 5,8 %.

Анализируя страны исхода соотечественников, которые прибыли на территорию России в указанном периоде, стоит отметить, что большинство переезжают из стран ближнего зарубежья — Казахстана, Таджикистана, Киргизии, Армении и Узбекистана.

Наибольшее количество соотечественников стабильно прибывают в Российскую Федерацию из Казахстана (среднее значение 27,0 тыс. человек ежегодно). Наименьшие значения прибытия соотечественников из Казахстана было зафиксировано в 2022 и 2023 гг. В 2024 г. поток возвратных мигрантов из Казахстана возрос до рекордного значения 32,3 тыс. человек. Резкое снижение численности возвратных мигрантов из Таджикистана произошло к концу 2024 г. — всего на территорию России прибыли 12,3 тыс. человек. В период с 2019 по 2023 гг. среднее значение возвратных мигрантов из данной страны составляло 29,4 тыс. человек. Можно предположить, что на снижение потока соотечественников из Таджикистана повлияли меры по ужесточению миграционной политики в России. Снижается также численность возвратных мигрантов из Армении. При этом наблюдается устойчивый рост количества возвратных мигрантов из Киргизии.

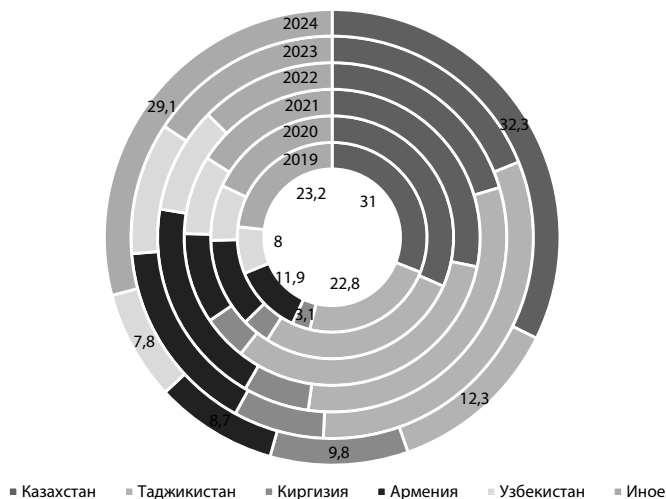

Рис. 2. Распределение основных стран исхода возвратных мигрантов, переехавших в Российскую Федерацию с 2019 по 2024 гг. (источник: сост. автором по статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации в период с 2019 по 2024 гг.)

В данных мониторинга также в разрезе стран представлена графа «Иное», где отражены страны, статически не столь значимые, но важные для понимания текущих трендов. К примеру, значительно выросла доля возвратных мигрантов в общей структуре прибывших возвратных мигрантов из Германии. С 2019 по 2023 гг. возвратные мигранты даже не входили в отображаемую структуру прибывших соотечественников. В 2024 г. доля возвратных мигрантов, прибывших в Россию, сразу составила 8,6 %. Виден также проявляющийся интерес на переезд в Россию соотечественников из стран Балтии. В 2019 г. суммарная доля возвратной миграции составляла 0,2 %, в 2024 г. — 1,2 %. К 2024 г. значительно возросло количество возвратных мигрантов из Туркменистана, с нулевых позиций сразу до 10 %.

Обсуждение

Выявленные тенденции говорят о глубинных изменениях в процессе возвратной миграции соотечественников, проживающих за рубежом, в Россию, выходящих за пределы простой констатации факта сокращения объемов переезжающих и указывающих на изменение государственного регулирования и индивидуальных стратегий индивидов.

Во-первых, произошло кардинальное изменение структуры каналов участия соотечественников. Большая часть соотечественников подает заявления на территории иностранных государств. Ранее Государственная программа сочетала в себе два подхода: привлечение возвратных мигрантов, которые длительное время проживают в другой стране, а также инкорпорацию уже присутствующего в стране населения, которое ассимилировалось, но не получило гражданство Российской Федерации. В 2024 г. стало понятно, что канал подачи

заявления в России практически не востребован, что говорит в целом об уже-сточении миграционного законодательства, ускоренного пандемией и геополитическими изменениями. Повышение контроля за миграционными потоками является общемировым трендом, однако российский кейс содействия возвратной миграции скорее направлен на формирование желательного потока из зарубежных стран, нежели похож на программу миграции, ориентированную на попытку привлечения граждан, накопивших значительный капитал (человеческий, культурный, экономический).

Во-вторых, выявлено противоречие между пространственными предпочтениями возвратных мигрантов в определенные регионы и стратегическими целями государственной политики по заселению территории Дальневосточного федерального округа. С одной стороны, это подчеркивает, что миграционные стратегии детерминированы экономическими причинами, и соотечественники действуют прагматично, выбирая территории с удобной транспортной доступностью и развитым рынком труда. С другой стороны, актуализируется проблема пространственного неравенства регионального развития в России. При существующем инструментарии государственной поддержки территория Дальнего Востока не становится центром притяжения человеческого капитала.

В-третьих, большая часть потока возвратной миграции из стран ближнего зарубежья. Строго говоря, в российском поле сложился уникальный опыт: при значительном проживании русскоязычных граждан в странах СНГ переезд для них не является актом возвращения, скорее соединение с родиной предков или желание самореализации в России. Структура возвратной миграции только начинает расти к 2024 г., чему пример количество прибывших из Германии и стран Балтии. Пока это зарождающийся и, возможно, нестабильный тренд. Остается неясным, является ли данный тренд переосмыслением Государственной программы в качестве репатриационной программы, геополитических событий или усиления диаспоральных структур. При этом сохраняющиеся цифры по количеству возвратных мигрантов из стран СНГ подчеркивают вторичность идеологических и социально-культурных мотивов переезда и первичность экономических, выраженных в желании доступа к более развитому рынку труда в России и иной инфраструктуре. Причины возвратной миграции как соотечественников из стран дальнего, так и ближнего зарубежья представляют собой отдельный научно-исследовательский интерес.

Также остается дискуссионным вопрос о сокращении масштабов возвратной миграции с использованием Государственной программы, как механизма переезда. Уменьшение практически в пять раз количества переехавших соотечественников с 2019 по 2024 гг. нельзя объяснить исключительно внешними потрясениями, существуют также и внутренние причины. В этой связи является перспективным изучение институциональных барьеров, с которыми сталкиваются соотечественники при участии в Государственной программе.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает происходящую трансформацию процесса возвратной миграции соотечественников, проживающих за рубежом, в Россию в рассматриваемом периоде. Возвратная миграция сократилась практически в пять

раз, что свидетельствует о высокой зависимости данного процесса от внешних социальных потрясений, а также потенциальных институциональных барьерах. Изменились каналы подачи заявлений об участии в Государственной программе — большинство соотечественников начинают переезд с обращения в консульские учреждения в стране исхода, что также говорит о структурных сдвигах управления миграционными процессами.

Рассмотрена структура наиболее востребованных территорий — лидируют практически одни и те же субъекты, что также показывает определенную территориальную несбалансированность. Несмотря на значительные меры поддержки, соотечественники не стремятся переехать на Дальний Восток, а выбирают более доступные территории с развитым рынком труда.

Новый тренд последних лет — рост потребности на переезд соотечественников из стран дальнего зарубежья, например, Германии и стран Балтии. На фоне сохраняющихся стабильно высоких показателей возвратной миграции из стран СНГ, цифры по дальнему зарубежью достаточно незначительны. При этом нельзя игнорировать такую важную и социально значимую тенденцию. В этой связи в качестве перспективных направлений исследований являются углубленное изучение мотивации и барьеров для разных групп соотечественников, а также анализ постпереселенческих траекторий их реинтеграции.

Список источников

Бритвина, И. Б., Шумилова, П. А. (2024). Социальное управление в сфере культурной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в российское сообщество. *Вопросы управления*, 18(5), 88–101. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-88-101>

Васильева, Е. И., Зерчанинова, Т. Е. (2022). Нужна ли наша поддержка молодым российским соотечественникам, проживающим за рубежом? *Управленческое консультирование*, 2(158), 81–92. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-2-81-92>

Винокурова, А. В., Ардалянова, А. Ю., Сердюков, К. Н., Яковлев, А. И. (2023). «Новые дальневосточники» в принимающем региональном сообществе: социологический анализ (на материалах Приморского края). *Восточный вектор: история, общество, государство*, 2, 38–47. <https://doi.org/10.18101/2949-1657-2023-2-38-47>

Долженко, Р. А., Антонов, Д. А. (2021). Миграции населения в Свердловской области: проблемы и решения. *Народонаселение*, 24(4), 175–189. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.14>

Евтушенко, А. Э., Чевтаева, Н. Г., Кононова, Д. С., & Агумбаева, А. Е. (2024). Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда. *Вопросы управления*, 18(5), 69–87. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-69-87>

Красинец, Е. С. (2022). Возвратная миграция в Россию: тенденции прошлого и реалии настоящего. *Народонаселение*, 25(1), 105–117. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.9>

Леденева, В. Ю., Назаров, Р. Р. (2024). Социологический анализ адаптации узбекских мигрантов на московском рынке труда в условиях интеграции с ЕАЭС. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 17(3), 300–316. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.303>

Осадчая, Г. И., Вартанова, М. Л. (2023). Оценка потенциала диаспоры в формировании социально-экономического благополучия мигрантов из Армении в России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 16(6), 208–222. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.12>

Осадчая, Г. И., Волкова, О. А., Оставная, А. Н. (2024). Возвратная миграция в Кыргызскую Республику: факторы и оценка положения. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*, 17(1), 71–88. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-71-88>

Раимдодов, У. С., Шарипова, А. Г., Солиева, Л. Ф. (2023). Возвратная миграция в Таджикистан: реалии настоящего и тенденции. *Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет)*, 2(80), 94–107. EDN EOZPNR.

Шахова, Е. В., Щеглова, Д. К. (2021). Изучение процессов возвратной миграции населения в приграничных регионах Российской Федерации. *Society and Security Insights*, 4(1), 40–48. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2021\)1-021](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)1-021)

Юдина, Т. Н., Осадчая, Г. И. (2024). Социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 17(1), 215–227. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.12>

Kutor, S. K., Ofori, D. O., & Arku, G. (2025). Planning and Managing Migration Within the Framework of the Migration–development Nexus: A Content Analysis of Ghana’s National Migration Policy. *Migration and Development*, 14(1), 123–148. <https://doi.org/10.1177/21632324241306819>

Parutis, V. (2026). The Bittersweet Return ‘Home’? Discourses of Nostalgia for the Country of Migration Among Returnees to Poland and Lithuania. *Population, Space and Place*, 32(1). <https://doi.org/10.1002/psp.70203>

Rajan, S. I. (2023). Re-emerging from a Hiatus: Migrants and Migration in a Post-Pandemic World. *Migration and Development*, 12(1), 7–12. <https://doi.org/10.1177/21632324231219977>

Sugden, F., Crivellaro, F., Kharel, A., Kuznetsova, I., Masotti, M., & Pagogna, R. (2025). Long-term trajectories of return migration: Agrarian differentiation and class mobility in Nepal, Moldova, and Thailand. *Migration Studies*, 13(1). <https://doi.org/10.1093/migration/mnaf040>

Thapa Magar, D., Pandit, R., & Rola-Rubzen, M. (2025). Factors Influencing Return Migration and Post-Return Occupational Choices among Returnee Labour Migrants in Nepal. *Int. Migration & Integration*. <https://doi.org/10.1007/s12134-025-01332-3>

Tsujita, Y., Oda, H., & Rajan, S. I. (2023). Intention to Emigrate Again and Destination Preference: A Study of Indian Nurses Returning from Gulf Cooperation Council Countries. *Migration and Development*, 12(1), 91–110. <https://doi.org/10.1177/21632324231194766>

References

Britvina, I. B., & Shumilova, P. A. (2024). Social management of cultural integration of migrants from central Asian countries into the Russian community. *Voprosy upravleniia [Management Issues]*, 18(5), 88–101. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-88-101> (In Russ.)

Dolzhenko, R. A., & Antonov, D. A. (2021). Migration of the population in the Sverdlovsk region: problems and solutions. *Narodonaselenie [Population]*, 24(4), 175–189. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.14> (In Russ.)

Evtushenko, A. E., Chetvaeva, N. G., Kononova, D. S., & Agumbaeva, A. E. (2024). State regulation of external labor migration in the conditions of labor market shortage. *Voprosy upravleniya*, 18(5), 69–87. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-69-87> (In Russ.)

Krasinets, E. S. (2022). Return migration to Russia: trends of the past and the realities of the present. *Narodonaselenie [Population]*, 25(1), 105–117. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.9> (In Russ.)

Kutor, S. K., Ofori, D. O., & Arku, G. (2025). Planning and Managing Migration Within the Framework of the Migration–development Nexus: A Content Analysis of Ghana’s National Migration Policy. *Migration and Development*, 14(1), 123–148. <https://doi.org/10.1177/21632324241306819>

Ledeneva, V. Yu., & Nazarov, R. R. (2024). Potentials of integration of Uzbekistan and EAEU: sociological dimension of state regulation of labor migration. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya [Vestnik Of Saint Petersburg University. Sociology]*, 17(3), 300–316. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.303> (In Russ.)

Osadchaya, G. I., & Vartanova, M. L. (2023). Assessment of the potential of the Diaspora in shaping the socio-economic well-being of migrants from Armenia in Russia. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 16(6), 208–222. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.12> (In Russ.)

Osadchaya, G. I., Volkova, O. A., & Ostavnaya, A. N. (2024). Return migration to the Kyrgyz Republic: factors and assessment of the situation. *Vestnik Iuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]*, 17(1), 71–88. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-71-88> (In Russ.)

Parutis, V. (2026). The Bittersweet Return Home? Discourses of Nostalgia for the Country of Migration Among Returnees to Poland and Lithuania. *Population. Space and Place*, 32(1). <https://doi.org/10.1002/psp.70203>

Raimdodov, U. S., Sharipova, A. G., & Solieva, L. F. (2023). Return migration to Tajikistan: current realities and trends. *Vestnik universiteta (Rossiisko-Tadzhikskii (Slavianskii) universitet) [University Bulletin (Russian-Tajik (Slavonic) University)]*, 2(80), 94–107. EDN EOZPNR. (In Russ.)

Rajan, S. I. (2023). Re-emerging from a Hiatus: Migrants and Migration in a Post-Pandemic World. *Migration and Development*, 12(1), 7–12. <https://doi.org/10.1177/21632324231219977>

Shakhova, E. V., & Shcheglova, D. K. (2021). Study of return migration processes in the border regions of the Russian Federation. *Society and Security Insights*, 4(1), 40–48. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2021\)1-021](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)1-021) (In Russ.)

Sugden, F., Crivellaro, F., Kharel, A., Kuznetsova, I., Masotti, M., & Pagogna, R. (2025). Long-term trajectories of return migration: Agrarian differentiation and class mobility in Nepal, Moldova, and Thailand. *Migration Studies*, 13(1). <https://doi.org/10.1093/migration/mnaf040>

Thapa Magar, D., Pandit, R., & Rola-Rubzen, M. (2025). Factors Influencing Return Migration and Post-Return Occupational Choices among Returnee Labour Migrants in Nepal. *Int. Migration & Integration*. <https://doi.org/10.1007/s12134-025-01332-3>

Tsujita, Y., Oda, H., & Rajan, S. I. (2023). Intention to Emigrate Again and Destination Preference: A Study of Indian Nurses Returning from Gulf Cooperation Council Countries. *Migration and Development*, 12(1), 91–110. <https://doi.org/10.1177/21632324231194766>

Vasilyeva, E. I., & Zerchaninova, T. E. (2022). Do young Russian compatriots living abroad need our support? *Upravlencheskoe konsultirovanie [Administrative Consulting]*, 2(158), 81–92. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-2-81-92> (In Russ.)

Vinokurova, A. V., Ardalyanova, A. Yu., Serdyukov, K. N., & Yakovlev, A. I. (2023). «New Far Easterners» in the host regional community: a sociological analysis (based on the materials of Primorsky Krai). *Vostochnyi vektor: istorii, obshchestvo, gosudarstvo [Oriental Vector: History, Society, State]*, 2, 38–47. <https://doi.org/10.18101/2949-1657-2023-2-38-47> (In Russ.)

Yudina, T. N., & Osadchaya, G. I. (2024). A sociological assessment of the sustainability of the reintegration of migrants returning from Russia to Kyrgyzstan. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 17(1), 215–227. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.12> (In Russ.)

Кононова Дарья Сергеевна — аспирант кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиала РАНХИГС, <https://orcid.org/0009-0005-1303-8547> (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, email: konon99@bk.ru).

Darya S. Kononova - postgraduate student at the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, <https://orcid.org/0009-0005-1303-8547> (66, Marta 8 str., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation, e-mail: konon99@bk.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 334.021

JEL classification: I 25

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-6-7>

Влияние межкультурной миграции на результативность в бизнес-среде¹

Т.В. Куприна^а, А.Д. Байрамова^б

^а Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Россия).

<http://orcid.org/0000-0002-8184-2490>

^б Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0009-0005-7403-1904>

Автор для корреспонденции: Т.В. Куприна (tvkuprina@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития таких универсальных навыков (soft skills), как межкультурная коммуникативная компетентность и владение иностранным языком, являющихся основой эффективности экономической деятельности организации. В частности, предлагается кейс компании «Сима-ленд». Целью исследования является подтверждение необходимости развития универсальных навыков для совершенствования процессов межкультурной коммуникации. Для реализации поставленной задачи была разработана специальная методика подготовки менеджеров по закупкам, работающих с компаниями из КНР. В частности, на основе анализа профессионально ориентированных источников был составлен глоссарий специфических терминов, характерных для данной сферы, разработан цикл занятий. Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что специальная подготовка менеджеров по закупкам для общения с представителями КНР будет способствовать снижению проблемного поля коммуникации и повышению результативности в бизнес-среде. Перспективы развития методики включают: адаптацию курса под онлайн-формат с сохранением сценарной основы и возможностью масштабирования (модульные кейсы, интерактивные тренажеры), разработку системы уровней диагностики сформированности профессиональной коммуникативной компетентности, углубление отраслевой специализации кейсов (логистика, e-commerce-платформы, сырьевые поставки и др.).

Ключевые слова: универсальные навыки (soft skills); менеджер по закупкам; обучение; межкультурная коммуникация.

The Impact of Intercultural Migration on Business Performance

T. Kuprina^а, A. Bayramova^б

^а Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

<http://orcid.org/0000-0002-8184-2490>

^б Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

<http://orcid.org/0009-0005-7403-1904>

Corresponding author: T. Kuprina (tvkuprina@mail.ru).

Abstract. The article examines the development of soft skills such as intercultural communication competence and foreign language proficiency, which are fundamental to an organization's economic performance. Specifically, a case study of the Sima-Land company is presented. The aim of the research is to confirm the need to develop soft skills to improve the processes of intercultural communication. To achieve the goal, a specialized training methodology was developed for procurement managers working with Chinese companies. Specifically, based on an analysis of professionally relevant sources, a glossary of specific terms characteristic

¹ © Куприна Т. В., Байрамова А. Д. Текст. 2026.

of the field was compiled, and a series of training sessions was developed. The results support the hypothesis that specialized training for procurement managers communicating with Chinese representatives will help reduce bottlenecks of communication and improve performance in the business environment. Prospects for developing the methodology include: adapting the course to an online format while maintaining the scenario-based framework and the ability to scale (modular cases, interactive simulators), developing a system for level-based diagnostics of the development of professional communication competence, and deepening the industry specialization of cases (logistics, e-commerce platforms, raw materials supplies, etc.).

Keywords: soft skills; procurement manager; training; intercultural communication.

Введение

В современном мире Россия и Китай рассматривают друг друга как ключевых партнеров при реализации глобальной инициативы «Один пояс, один путь» с целью укрепления геоэкономического партнерства.

Российско-китайское сотрудничество охватывает ряд отраслей: энергетическую, инвестиционную, технологическую, торгово-экономическую. В частности, Китай по-прежнему сохраняет статус крупнейшего торгово-экономического партнера России, обеспечивая устойчивый спрос на российские энергоносители, металлы, лесоматериалы и сельскохозяйственную продукцию. В то же время Россия постепенно наращивает экспорт не только сырьевых товаров, но и продовольствия, высокотехнологичного оборудования, продукции военно-промышленного комплекса и химической промышленности. Совместные промышленные кластеры, создаваемые в приграничных регионах, формируют новые цепочки добавленной стоимости, способствуя углублению экономической интеграции (Черняев, 2025).

Данная ситуация осложняется проблемами недопонимания представителей другой культуры, что меняет задачи и условия межкультурной коммуникации в российско-китайском деловом взаимодействии. С одной стороны, прежние универсальные модели, основанные на западных стандартах, теряют эффективность, что требует готовности к прямому диалогу в рамках культурной логики партнера. С другой стороны, такая усложненность создает потенциал для более устойчивого партнерства: отказ от иллюзии единого стандарта переводит взаимодействие от поверхностного следования правилам к глубокому пониманию ценностей и коммуникативных ожиданий другой стороны. В этих условиях повышаются требования к системной подготовке специалистов: государство формирует институциональную инфраструктуру (образовательные программы, культурные центры), компании внедряют регулярное обучение (UNESCO, 2009). Однако конечная ответственность за успешность межкультурного взаимодействия ложится на самого специалиста, чья способность к адаптации становится ключевым конкурентным преимуществом (Mendenhall et al., 2018).

Таким образом, на первый план выходит проблема не только узкопрофессиональных навыков, связанных с процессом закупки товаров, но и один из важнейших универсальных навыков (soft skills) — умение коммуницировать и адаптировать свое поведение и вести переговоры в стиле делового общения партнеров.

Гипотезой нашего исследования является предположение, что специальная подготовка менеджеров по закупкам для общения с представителями КНР будет способствовать снижению проблемного поля процессов межкультурной коммуникации и повышению результативности в бизнес-среде.

Обзор литературы

Изучение миграционных процессов с экономической и демографической точек зрения осуществляется достаточно давно, в то время как межкультурная составляющая рассмотрена недостаточно широко. Как отмечает О.А. Леонтович, любые транскультурные миграции являются также и процессами межкультурной коммуникации. Проблемы, связанные с коммуникацией при контакте культур, вечны, они волновали человечество с незапамятных времен (Леонтович, 2003).

Однако взаимодействие культур тесно связано и с коммуникативными конфликтами, основанными на следующих аспектах (Лебедько и др., 2013):

1) непонимание в процессе межкультурной коммуникации запрограммировано естественными факторами: типологическими характеристиками самой культуры — этноцентризмом, наличием со-культур, субкультур и идиокультур и др;

2) естественными когнитивными процессами (концептуализацией, категоризацией, стереотипизацией, асимметричным восприятием и др.), приводящими к коммуникативным неудачам разного уровня, начиная с когнитивного диссонанса и заканчивая серьезными межэтническими конфликтами.

Рассмотрим кейс с деятельностью менеджеров по закупкам продукции из КНР для компании «Сима-ленд». Традиционно эффективность деятельности менеджера по закупкам оценивается по системе количественных и качественных показателей (KPI — Key Performance Indicators). Они оценивают уровень достижения целей, включающих выручку, количество клиентов, качество обслуживания и др.

Так, Т.Ю. Синюк, М.Т. Белов, Д.И. Кудрявцев, обобщая труды зарубежных авторов, Abdul Rahman, Normala, Mohammad Hassan Abolbashari, Elizabeth Chang, Omar Khadeer Hussain, Morteza Saberi отмечают, что необходимо учитывать зону ответственности, мониторинг и контроль показателей эффективности менеджеров по закупкам, требования заинтересованных сторон. В то же время Chiangpan Chao указывает на необходимость учета и требований самих менеджеров по закупкам, а Rana Tassabehji, Andrew Moorhouse — на степень организационной поддержки и внутреннего признания их роли. В целом совокупность выше указанных показателей могла бы помочь пониманию и оценке профессиональных навыков сотрудников и эффективности деятельности на уровне узкопрофессиональных навыков (hard skills) (Синюк и др., 2020).

С нашей точки зрения, необходимо учитывать и международный контекст деятельности менеджеров по закупкам, что требует развития одного из универсальных навыков делового общения: умения коммуницировать с представителями другой культуры с учетом их традиций, обычаев и на их языке.

Однако проведение сравнительного культурологического анализа осложняется высокой динамикой трансформации национальных деловых культур в условиях глобализации, цифровизации и миграции (Бауман, 2008). Например, российские и китайские коммуникативные практики гибридизируются, особенно в международном бизнес-контексте, поэтому их нельзя воспринимать как статичные системы. Тем не менее основой для преодоления коммуникативных барьеров остается понимание исторически сложившихся культурных кодов, обладающих значительной устойчивостью (Лотман, 2000).

Проведенный анализ особенностей культур доказывает, что культурные различия — это не формальность. Культурные различия напрямую определяют эффективность каждого шага, например, в цепочке закупок (House, 2004). Коммуникативный срыв на любом из этапов является не случайной ошибкой, а закономерным следствием действия выявленных ценностно-коммуникативных противоречий. Эти противоречия формируют зоны потенциальной конфликтности, проявляющиеся:

а) в степени контекстности коммуникации, где российский баланс вербальных и невербальных сигналов сталкивается с китайской системой имплицитных смыслов;

б) временной перспективе, где стратегическое терпение и долгосрочная ориентация китайской культуры контрастирует с более ситуативным подходом российской стороны;

в) балансе индивидуального и коллективного, где последовательный китайский коллективизм противостоит уникальному российскому гибриду сетевого индивидуализма и формального коллективизма;

г) стратегиях управления «лицом», где интегративный подход китайской стороны принципиально отличается от более конфронтационной в определенных ситуациях российской модели.

Выявленные культурные особенности крайне важны для практического управления коммуникацией. Глубокое понимание этих основ позволяет разрабатывать рабочие стратегии адаптации и сводить к минимуму вероятность коммуникационных провалов.

Профессия менеджера по закупкам в сфере B2B-взаимодействия с Китаем, по своей сути, является межкультурной (Van Weele, 2014). Ее ключевая специфика заключается не только в решении логистических или финансовых задач, но и в необходимости выстраивания устойчивых коммуникативных мостов с партнерами. Именно в этой профессиональной среде, где под угрозой могут быть миллионные контракты, наиболее остро проявляется потребность в специально сформированной межкультурной компетенции, позволяющей преодолевать барьеры и эффективно взаимодействовать в кросс-культурном пространстве.

Данные рекрутинговых платформ свидетельствуют о стабильно высоком спросе на таких специалистов, многократно превышающем предложение. Эта тенденция продолжилась и усилилась в 2024–2025 гг. По данным исследования «Авито Работа» (Стяглова, 2025), общий спрос на специалистов, владеющих китайским языком, увеличился в 2,4 раза за зимний период 2024–2025 гг. В частности, за год значительно выросло число вакансий для специалистов по закупкам (+155 %), где знание языков является ключевым требованием. Конкуренция за квалифицированных специалистов крайне высока: на одну вакансию менеджера по закупкам с китайским приходится в среднем лишь 2–3 резюме, соответствующих базовым требованиям. При этом в общей структуре вакансий с языковыми требованиями китайский язык стабильно занимает значимую долю (около 4 %), уступая только английскому, что подчеркивает его востребованность в конкретных секторах, таких как логистика и закупки.

Следует отметить, что кадровый дефицит обусловлен не просто нехваткой лиц, владеющих китайским языком, а острой нехваткой специалистов, способных

интегрировать лингвистические навыки в профессиональную деятельность с учетом межкультурного контекста. Это создает двойственную ситуацию: компании месяцами не могут найти компетентного сотрудника, а потенциальные кандидаты с языковой подготовкой не могут трудоустроиться из-за отсутствия практических профессионально-коммуникативных компетенций.

Яркой иллюстрацией служит ситуация в компании «Сима-ленд», одном из крупнейших российских оптовых ритейлеров. При ежемесячном обороте в сегменте закупок такой прибыльной ниши, как зоотовары из Китая, достигающей десятков миллионов рублей, функциональная нагрузка легла на одного ключевого менеджера. В течение шести месяцев компания безуспешно пыталась найти ему помощника. Кандидаты демонстрировали либо недостаточный для ведения самостоятельных переговоров уровень языка, либо неспособность к уверенному коммуникативному поведению в межкультурной среде — излишнюю стереотипность, робость или, напротив, бестактную прямолинейность, неприемлемую для китайских партнеров. Следствием стала профессиональная деформация и выгорание ключевого сотрудника, что на долгое время приостановило одно из наиболее доходных направлений деятельности компании, срыву поставок и прямым финансовым потерям.

Следовательно, на первый план выходит специализированная подготовка кадров для конкретных отраслей производства и услуг.

Результаты и обсуждение

Для реализации поставленной задачи, нами была разработана специальная методика подготовки менеджеров по закупкам, работающих с компаниями из КНР. Для этого, проанализировав ряд учебно-методических пособий и словарей по профессиональной тематике, мы пришли к выводу, что ни одно из них не удовлетворяет в полной мере требованиям подготовки специалистов, работающих в данной сфере (Сунцова & Куприна, 2025).

Прежде всего нами был разработан глоссарий, содержащий лексику данной сферы деятельности. Ядром глоссария является многоэтапная модель верификации, обеспечившая отбор, проверку и уточнение каждой лексической единицы. Обязательным финальным этапом стала экспертиза носителей языка — китайских профессионалов в сфере торговли, что гарантирует релевантность, аутентичность и практическую ценность глоссария для формирования профессионально-коммуникативной компетенции. Разработка модели глоссария включала следующие этапы:

1. Анализ потребностей, что позволило перейти от абстрактного «делового китайского» к конкретному «китайскому для менеджера по закупкам». Для сбора эмпирических данных были использованы два взаимодополняющих метода: анкетирование и интервью. В интервью участвовали как коллеги из компании «Сима-ленд», столкнувшиеся с острой практической необходимостью в таких кадрах, так и специалисты из других российских компаний. По итогам данного этапа был сформирован ранжированный список ключевых профессиональных сценариев: установление контакта и первичный запрос, обсуждение спецификаций продукта, торг и согласование цены/МОQ, обсуждение и согласование оплаты,

согласование условий поставки и логистики, запрос и оценка образцов, упаковка и маркировка, урегулирование споров и рекламаций, оперативное решение проблем, стратегическое взаимодействие и рутина.

Параллельно под каждый сценарий были выявили конкретные коммуникативные задачи. Так, для спецификации продукта необходимо: уточнение материала, размеров, цвета, технологии, срока годности; для стратегического взаимодействия и рутины — поддержка отношений, демонстрация надежности, визиты, встречи и др.

Далее был изучен корпус текстов объемом 522 лексические единицы, куда вошли рабочая переписка (письма, диалоги в WeChat), коммерческие предложения, спецификации и рекламации. Анализ был направлен на выявление не только отдельных лексем, но и устойчивых речевых моделей, стратегий аргументации и культурных маркеров. По итогам анализа мы сформировали глоссарий и, что наиболее важно, базу аутентичных речевых моделей, структурированную по сценариям.

Чтобы добиться максимальной аутентичности и действенности предлагаемых языковых инструментов, мы провели заключительную стадию внешней валидации, в которой приняли участие семь носителей китайской деловой культуры из числа постоянных партнеров. Цель — оценить, насколько выявленные речевые модели и формулировки являются не только лингвистически правильными, но и культурно уместными.

Таким образом, было подтверждено, что прямые и конфронтационные формулировки оценивались как менее эффективные. Предложенные в рамках нашего глоссария альтернативные, более мягкие и совместные, формулировки были единогласно одобрены китайскими респондентами как предпочтительные, особенно в таких деликатных сценариях, как обсуждение проблем с качеством или задержек поставок.

В итоговый вариант глоссария мы добавили только те речевые модели, которые были одобрены носителями-экспертами как эффективные, уважительные и аутентичные для современной китайской деловой практики, что обеспечило его максимальную практическую ценность и культурную адекватность.

Таким образом, глоссарий организован по тематико-ситуативному принципу и содержит 450 ключевых единиц, сгруппированных вокруг профессиональных сценариев. Каждая словарная статья включает не только перевод, но и аутентичные примеры употребления с межкультурными комментариями, основанными на данных опроса китайских поставщиков.

На основе составленного глоссария была создана методика обучения менеджеров по закупкам «Сима-ленд», реализованная через серию профессиональных кейсов (запрос коммерческого предложения, обсуждение условий поставки, согласование логистики, урегулирование рекламаций и др.). Каждый кейс включал анализ исходной ситуации, работу с аутентичными или адаптированными материалами, самостоятельную продукцию деловых писем и последующий разбор (Сунцова & Куприна, 2025).

Для фиксации динамики использовался комплекс качественных методов: наблюдение за ходом выполнения заданий, анализ черновики и финальных версий текстов, а также интервью с участниками. Это позволило выявить изменения не только в языковой правильности, но и в стратегиях профессионального общения,

использовании терминологии, выборе тональности и учете межкультурных факторов.

В итоге на уровне методики была осуществлена качественная валидация модели: проверялась не только корректность содержания, но и реальная применимость предложенной методики обучения к задачам формирования профессионально-коммуникативной компетенции менеджеров по закупкам.

Разбор реальных кейсов из практики включал анализ примеров из рабочей переписки компании «Сима-ленд», что обеспечивало высокую степень аутентичности и практической значимости обучения. Одновременно это позволяло соотносить учебные действия участников с реальными коммуникативными стандартами компании и фиксировать степень приближения их речевого поведения к профессиональной норме.

В учебный процесс естественным образом была интегрирована система сбора эмпирических данных, которая состояла из следующих компонентов: входное и итоговое тестирование мы проводили в формате устного экзамена — комплексной ролевой игры, объединявшей элементы всех четырех кейсов. Все диалоги записывались на аудио для последующего сравнительного анализа беглости речи, использования профессиональной лексики и применения межкультурных стратегий. Данный метод оценки, включая аудиозапись речевых образцов для последующего экспертного анализа, соответствует принципам тестирования речевой деятельности, описанным в современной литературе по языковому тестированию, например, у Г. Фулчера (Фулчер, 2007).

По завершении курса с каждым участником проводилось структурированное интервью, направленное на выявление субъективной оценки произошедших изменений. Задавались вопросы о росте уверенности в общении с китайскими партнерами, понимании культурных нюансов, ощущении готовности к решению типовых профессиональных задач и общем восприятии эффективности предложенной методики. Сводные результаты экспериментального обучения представлены в таблице 1.

Важным подтверждением практической результативности методики стали изменения в реальной рабочей деятельности участников, зафиксированные по итогам курса. Один из менеджеров, обладавший исходным уровнем A2, в период проведения эксперимента смог самостоятельно провести полный цикл небольшой закупки у китайского поставщика: от первичного запроса коммерческого предложения до согласования условий оплаты и отгрузки без привлечения третьих лиц в качестве посредников. Второй участник, имевший в штате ассистента-переводчика, по собственным словам, перестал обращаться к нему «по каждому поводу» и начал самостоятельно формулировать и отправлять базовые запросы на китайском языке (уточнение наличия товара, запрос прайс-листа, вопросы по срокам отгрузки), оставляя переводчику лишь более сложные и нестандартные ситуации.

Эти изменения непосредственно соответствуют заявленной цели — сформировать у менеджеров начальный уровень профессионально-коммуникативной автономии в типичных ситуациях закупочной деятельности. Тем самым методика продемонстрировала не только рост учебных показателей, но и реальное снижение зависимости менеджеров от посредников в повседневной коммуникации с китайскими партнерами.

Таблица 1

Сводные результаты экспериментального обучения (по участникам)

Критерий	Участник 1 (A2)	Участник 2 (A1)	Общий вывод
Усвоение профессиональной лексики	Активное использование 40+ единиц глоссария в устной речи, в т. ч. инициативно	Использование 25+ единиц, преимущественно в письменных заданиях, с частичным переходом в устную речь	Глоссарий освоен как рабочий инструмент решения задач, а не как формальный список слов
Применение межкультурных стратегий	Осознанное применение смягчённых формулировок в ~80 % конфликтных симуляций	Переход от прямолинейности к использованию конструкций типа «我们考虑一下» с пониманием их имплицитного смысла	Сформированы базовые навыки этнорелятивизма и управления «лицом» в условиях китайского бизнес-контекста
Эффективность в решении кейсов	Самостоятельное решение 4 из 5 кейсов к концу курса	Решение 3 из 5 кейсов при консультативной поддержке по языку	Формат case study способствовал формированию алгоритмизированного подхода к типовым профессиональным задачам
Субъективная оценка (по интервью)	Отмечен рост уверенности в переписке и переговорах, снижение страха ошибки	Появление понимания «правил игры», осознание значения невербальных и прагматических сигналов	Методика удовлетворила прагматическую потребность в «инструменте решения задач», а не только в «знаниях о языке»

Источник: Составлено авторами по результатам исследования.

Заключение

Перспективы развития методики включают — расширение выборки за счет включения слушателей с различным опытом работы в сфере ВЭД и на разных уровнях владения языком; адаптацию курса под онлайн-формат с сохранением сценарной основы и возможностью масштабирования (модульные кейсы, интерактивные тренажеры); разработку системы уровневой диагностики сформированности профессиональной коммуникативной компетентности (в том числе с опорой на концепцию культурного интеллекта); углубление отраслевой специализации кейсов (логистика, e-commerce-платформы, сырьевые поставки и др.).

В совокупности проведенный анализ позволяет заключить, что интегративная модель, реализованная через case-study и профессионально-ориентированный глоссарий, показала свою эффективность в условиях пилотного эксперимента, обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития и масштабирования.

Список источников

- Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Санкт-Петербург: Питер, 240.
- Лебедько, М. Г., Дударёнок, С. М. (2013). Миграция как процесс межкультурной коммуникации: развитие взаимопонимания контактирующих культур. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке*, 4, С. 103–109.
- Леонтович, О. А. (2003). *Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию*. Волгоград: Перемена, 399.

Лотман, Ю. М. (2000). *Семiosфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 704.

Синюк, Т. Ю., Белов, М. Т., Кудрявцев, Д. И. (2020). Предпосылки формирования ключевых показателей эффективности деятельности менеджера по закупкам. *Естественно-гуманитарные исследования*, 29 (3), 305–310.

Стяглова, А. (2025). Возросла востребованность в сотрудниках со знанием китайского языка. *Первый ульяновский журнал для бизнеса и о бизнесе*. <https://uldelo.ru/news/2025/03/10/b-vozrosla-vostrebovannost-v-sotrudnikakh-so-znaniem-kitaiskogo-yazyka-b> (дата обращения: 10.01.2026).

Сунцова, А.Д, Куприна, Т. В. (2025). Китайский язык для менеджеров по закупу: актуальность и перспективы развития. В *Материалы ежегодной международной конференции преподавателей, студентов и аспирантов* (18 апреля 2025 г.). (с. 338–347). Екатеринбург: ООО «Издательский Дом «Ажур», 835. 978-5-91256-740-7_2025_017.pdf

Черняев, М. (2025). Россия и Китай: двусторонние отношения в условиях формирования многополярности. *Российский Совет по международным делам*. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-dvustoronnie-otnosheniya-v-usloviyakh-formirovaniya-mnogopolyarnosti/> (дата обращения: 22.01.2026).

Fulcher, G. & Davidson, F. (2007). *Language Testing and Assessment: An Advanced Resource Book*. London; New York: Routledge, 91.

House, R. J., Hanges, P. J., & Javidan M. (2004). *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 818.

Mendenhall, M. E., Osland, J. S, & Bird, A. (2018). *Global Leadership: Research, Practice, and Development*. New York; London: Routledge, 404.

UNESCO World Report: Investing in Cultural Diversity and Intercultural Dialogue (2009). Paris: UNESCO Publishing, 420.

Van Weele, A. J. (2014). *Purchasing and Supply Chain Management*. Andover: Cengage Learning EMEA, 603.

References

Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost' [Fluid Modernity]*. Sankt-Peterburg: Piter, 240. (In Russ.)

Chernyaev, M. (2025). Russia and China: Bilateral Relations in the Context of Emerging Multipolarity. *Russian International Affairs Council*. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-dvustoronnie-otnosheniya-v-usloviyakh-formirovaniya-mnogopolyarnosti/> (Accessed: 22.01.2026). (In Russ.)

Fulcher, G. & Davidson, F. (2007). *Language Testing and Assessment: An Advanced Resource Book*. London; New York: Routledge, 91.

House, R. J., Hanges, P. J., & Javidan M. (2004). *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 818.

Lebedko, M. G. & Dudarenok, S. M. (2013). Migration as a process of intercultural communication: development of mutual understanding of contacting cultures. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i Dal'nem Vostoke [Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East]*, 4,103–109. (In Russ.)

Leontovich, O.A. (2003). *Rossiya i SSHA: Vvedeniye v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu [Russia and the USA: Introduction to Intercultural Communication]*. Volgograd: Peremena, 399. (In Russ.)

Lotman, YU. M. (2000). *Semiosfera [Semiosphere]*. Sankt-Peterburg: Iskustvo-SPB. 704. (In Russ.)

Mendenhall, M. E., Osland, J. S, & Bird, A. (2018). *Global Leadership: Research, Practice, and Development*. New York; London: Routledge, 404.

Sinyuk, T. Yu., Belov, M. T., & Kudryavtsev, D. I. (2020). Prerequisites for the formation of key performance indicators of a purchasing manager. *Natural Sciences and Humanities*, 29(3), 305–310. (In Russ.)

Styaglova, A. (2025). The demand for employees with knowledge of Chinese has increased. *Pervyy ul'yanovskiy zhurnal dlya biznesa i o biznese [Ulyanovsk's first business magazine]*. <https://uldelo.ru/news/2025/03/10/b-vozroslo-vostrebovannost-v-sotrudnikakh-so-znaniem-kitaiskogo-yazyka-b> (Accessed: 10.01.2026). (In Russ.)

Suntsova, A.D. & Kuprina, T.V. (2025). Chinese for purchasing managers: relevance and development prospects. In *V Materialy yezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii prepodavateley, studentov i aspirantov (18 aprelya 2025 g.). [Proceedings of the annual international conference of teachers, students and postgraduate students (April 18, 2025)]* (pp. 338–347). Ekaterinburg: OOO Izdatelskiy Dom Azhur, 835. (In Russ.)

UNESCO World Report: *Investing in Cultural Diversity and Intercultural Dialogue* (2009). Paris: UNESCO Publishing, 420.

Van Weele, A. J. (2014). *Purchasing and Supply Chain Management*. Andover: Cengage Learning EMEA, 603.

Куприна Тамара Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент, кафедра иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <http://orcid.org/0000-0002-8184-2490> (Российская Федерация, 620002 г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

Байрамова (Сунцова) Анастасия Дмитриевна — магистрант, кафедра иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; <http://orcid.org/0009-0005-7403-1904>. (Российская Федерация, 620002 г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: sia.suntsova@gmail.com).

Tamara V. Kuprina — Cand Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. <http://orcid.org/0000-0002-8184-2490> (19, Mira St., Yekaterinburg, Russian Federation, 620002; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

Anastasia D. Bayramova (Suntsova) — master degree student, Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. <http://orcid.org/0009-0005-7403-1904> (19, Mira St., Yekaterinburg, Russian Federation, 620002; e-mail: sia.suntsova@gmail.com).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.7+331.5+332.1

JEL classification: 314.7+331.5+332.1

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-6-8>

Особенности трудовой миграции на Дальнем Востоке России¹

С. Н. Найден^а, С. П. Курьян^б, П. С. Бравок^в

^{а, б, в} Институт экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск, Российская Федерация).

^а <https://orcid.org/0000-0002-1647-7853>

^б <https://orcid.org/0009-0001-5808-9293>

^в <https://orcid.org/0000-0003-4196-6840>

Автор для корреспонденции: С. Н. Найден (nayden@ecrin.ru).

Аннотация. В статье на основе статистических данных за 2018–2024 гг. анализируется ситуация на рынке труда Дальневосточного федерального округа (ДФО) в составе 11 регионов. Установлено, что сохраняется проблема недостатка кадров на фоне сокращения численности потенциальной рабочей силы. В качестве источника пополнения рабочей силы рассматриваются международная и межрегиональная трудовые миграции. Выявлены их масштабы, динамика и функциональная роль. Определено, что присутствие трудовых мигрантов в ДФО растет, их численность напрямую зависит от размера экономики дальневосточных регионов. Иностранная рабочая сила в основном заполняет массовые вакансии с тяжелыми или малопrestижными условиями труда. Межрегиональные трудовые мигранты представлены в более широком профессиональном спектре и в значительной степени заполняют потребность в квалифицированных кадрах. Наибольшая зависимость от внешних источников рабочей силы в течение всего периода характерна для таких северных регионов ДФО, как Камчатский край, Чукотский АО, Магаданская область, а в последние годы также для Республики Саха (Якутия) и Амурской области, где реализация масштабных инфраструктурных и промышленных проектов обусловила максимальную долю мигрантов в общей занятости.

Ключевые слова: Дальний Восток России; миграция; рынок труда; дефицит кадров; межрегиональные трудовые мигранты; международные трудовые мигранты.

Peculiarities of Labor Migration in the Russian Far East

S. N. Nayden^а, S. P. Kuryan^б, P. S. Bravok^в

^{а, б, в} Economic Research Institute FEB RAS (Khabarovsk, Russian Federation)

^а <https://orcid.org/0000-0002-1647-7853>

^б <https://orcid.org/0009-0001-5808-9293>

^в <https://orcid.org/0000-0003-4196-6840>

Corresponding author: S. N. Nayden (nayden@ecrin.ru).

Abstract. Based on statistical data for 2018–2024, this article analyzes the labor market situation in the Far Eastern Federal District (FEFD), which comprises 11 regions. It establishes that the problem of labor shortages persists amid a shrinking potential workforce. International and interregional labor migration are examined as a source of labor force replenishment. Their scale, dynamics, and functional role are identified. It is determined that the presence of migrant workers in the FEFD is growing, and their numbers are directly related to the size of the economies of the Far Eastern regions. Foreign labor primarily fills high-volume vacancies with difficult or low-prestige working conditions. Interregional labor migrants represent a wider professional spectrum and largely meet the demand for skilled personnel. The highest dependence on exter-

¹ © Найден С. Н., Курьян С. П., Бравок П. С. Текст. 2026.

nal labor sources throughout the entire period was characteristic of such northern regions of the Far Eastern Federal District as Kamchatka Krai, Chukotka Autonomous Okrug, Magadan Oblast, and in recent years also of the Republic of Sakha (Yakutia) and Amur Oblast, where the implementation of large-scale infrastructure and industrial projects determined the maximum share of migrants in total employment.

Keywords: Russian Far East; migration; labor market; labor shortage; interregional labor migrants; international labor migrants.

Введение

Российский рынок труда сталкивается со структурными демографическими ограничениями, ключевыми из которых являются сокращение населения в трудоспособных возрастах и сопутствующее старение рабочей силы (Красинец & Шевцова, 2023). Дальний Восток России, приоритетное развитие которого происходит в рамках реализации национальных стратегических целей и масштабных инвестиционных проектов¹, испытывает влияние демографических ограничений, в том числе спад рождаемости, сохранение высоких показателей смертности, низкой продолжительности жизни и миграционных тенденций (Рыбаковский и др, 2020). В результате трансформации возрастной структуры населения, когда сокращается численность трудоспособных граждан и растет доля лиц старших возрастов, особую актуальность приобретают вопросы обеспечения территории трудовыми ресурсами (Белоусова & Грицко, 2025.) Исследования показывают, что для достижения предполагаемых стратегических целей развития экономики дальневосточных регионов собственного объема рабочей силы недостаточно (Белоусова & Грицко, 2024). Несмотря на реализацию мер социальной и экономической поддержки, на Дальнем Востоке сохраняется устойчивый отрицательный демографический тренд, в основном за счет естественной убыли населения. Сложившийся уровень естественного воспроизводства пока не в состоянии переломить тенденцию сокращения населения (Аганбегян, 2021; Мотрич, 2022; Грицко, 2025). Возможным источником пополнения рабочей силы продолжает оставаться трудовая миграция, формированию и поддержке которой на Дальнем Востоке уделяется особое внимание в виду малонаселенности и сложности освоения территорий (Синтез..., 2011; Бурлаев, 2018; Галлямова, 2013).

Трудовые ресурсы ДФО

Начиная с 2013 г. развитие Дальнего Востока России объявлено стратегической национальной целью на весь XXI в.², ознаменовав новый виток в преобразовании макрорегиона, который предполагает два взаимосвязанных направления. «Первый — дальнейшее развитие экспортной инфраструктуры для наращивания масштабов внешнеторговых операций российских экспортеров на восточном направлении. Второй — переход от увеличения государственного инвестирования в производственные и инфраструктурные проекты к внедрению институциональных новаций на Дальнем Востоке, которые призваны сделать

¹Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2020 г. № 2464-р. <https://docs.cntd.ru/document/565853199> (дата обращения: 29.01.2026).

²Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ / Администрация Президента РФ. 2013. 12 декабря. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057/page/1> (дата обращения: 29.01.2026).

регион процветающим и современным за счет улучшения человеческого капитала, привлечения населения и частного предпринимательства» (Минакир, 2017). Дальневосточный федеральный округ (ДФО) в 2018 г. пополнился двумя субъектами — Республикой Бурятия и Забайкальским краем¹, тем самым расширив масштабы государственной поддержки развития региональных экономик и реализации инфраструктурных проектов, что создало мультипликативный эффект распространения специальных мер поддержки населения и отраслей социальной сферы. Последнее имеет существенное значение для всех дальневосточных территорий, испытывающих убыль населения и, соответственно, низкую воспроизводимость трудовых ресурсов.

К 2024 г. под влиянием демографических и миграционных факторов численность рабочей силы на Дальнем Востоке России сократилась на 148,0 тыс. человек, или 3,4 %, по сравнению с 2018 г.². При этом возрастная структура рабочей силы изменилась в сторону сокращения доли молодых специалистов (20–29 лет) на 5,9 % при увеличении доли работников средних (40–49 лет) и старших возрастов (60–69 лет) на 3,0 % и 2,2 % соответственно (рис. 1). В результате средний возраст рабочей силы в целом по ДФО в 2024 г. составил 42,1 года, что на 1,6 года выше, чем в 2018 г.

Современные тенденции последних трех лет способствовали увеличению спроса на труд в связи расширением отдельных производств³, переориентацией ключевых направлений внешней торговли на Восток и азиатские рынки сбыта (Минакир, 2023), реализацией крупных инфраструктурных объектов, развитием импортозамещения и увеличением государственных заказов (Маньшин & Моисеева, 2023, а также «масштабной реаллокацией рабочей силы (ее перераспределению между целыми отраслями и индивидуальными предприятиями)» (Капелюшников, 2024).

Несмотря на долгосрочный тренд сокращения численности рабочей силы, в том числе за счет уменьшения безработных, потребность работодателей в кадрах продолжает расти. Текущая ситуация на рынке труда макрорегиона характеризуется сохранением значительной напряженности, формируемой на фоне двух устойчивых и взаимосвязанных трендов: усиливающегося дефицита трудовых ресурсов и продолжающегося сокращения уровня безработицы до исторически низких значений. По данным платформы по трудоустройству hh.ru, около 65 % работодателей ДФО отмечают серьезный дефицит специалистов различной квалификации⁴, а для большинства компаний ситуация оценивается как критическая или близкая к таковой. Общая численность требуемых работников на вакантные рабочие места только в 2024 г. составила 187,4 тыс. чел., увеличившись на 132,4 % относительно 2018 г. (табл. 1).

¹ О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849: Указ Президента Российской Федерации от 03.11.2018 № 632. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201811040002> (дата обращения: 29.01.2026).

² Численность рабочей силы. <https://fedstat.ru/indicator/34061> (дата обращения: 28.01.2026).

³ Карлова Н., Пузанова Е. Адаптация промышленности к новым условиям на рынке труда: результаты опроса предприятий. Май 2025. https://cbr.ru/Content/Document/File/176558/analytic_note_20250505_dip.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

⁴ Кирьянова М. Кадровый голод на Дальнем Востоке, и как его утоляют. <https://dvobozrenie.ru/news/deficit-kadrov-2025/> (дата обращения: 29.01.2026).

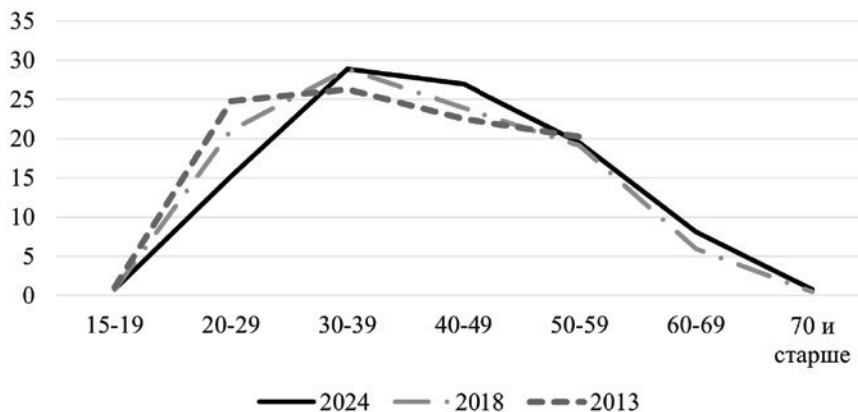

Рис. 1. Возрастная структура рабочей силы на Дальнем Востоке, % (источник: сост. авторами по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. ФСГС. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 28.01.2026))

Таблица 1

Основные показатели рынка труда в 2024 г. (в среднем за год)

Территория	Численность рабочей силы		Заявленная потребность в работниках		Численность безработных		Потенциальная рабочая сила	
	тыс. чел.	к 2018 г., %	тыс. чел.	к 2018 г., %	тыс. чел.	к 2018 г., %	тыс. чел.	к 2018 г., %
ДФО	4171,3	-3,4	187,4	+132,4	121,5	-55,3	79,9	-17,5
Республика Бурятия	429,0	-5,8	11,7	+127,1	19,4	-54,0	25,6	+20,0
Республика Саха (Якутия)	526,5	+5,2	18,5	+136,8	26,6	-23,3	11,8	+39,3
Забайкальский край	475,5	-10,6	18,6	+150,0	23,6	-56,6	10,3	-15,6
Камчатский край	168,0	-6,3	8,6	+69,5	3,4	-61,1	1,6	-26,1
Приморский край	992,3	-4,6	49,9	+132,9	21,0	-62,4	15,2	-15,0
Хабаровский край	715,6	-1,8	35,2	+170,2	11,2	-59,1	3,7	-65,4
Амурская область	408,2	-0,3	17,9	+180,8	5,2	-77,1	6,1	-40,6
Магаданская область	78,4	-10,8	7,3	+91,7	2,0	-54,4	0,3	-90,6
Сахалинская область	271,2	-2,1	11,2	+56,0	6,5	-56,2	3,6	-12,5
Еврейская авт. область	76,1	-3,9	4,0	+156,4	2,1	-62,9	1,6	-73,7
Чукотский авт. округ	30,4	+0,1	4,3	+155,5	0,5	-50,2	0,2	-8,3

Источник: сост. авторами по: Численность рабочей силы. <https://fedstat.ru/indicator/34061>; Численность требуемых работников списочного состава на вакантные рабочие места на конец отчетного квартала с 2017 г. <https://www.fedstat.ru/indicator/57768>; Итоги выборочного обследования рабочей силы. ФСГС. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 28.01.2026).

Максимальный прирост потребности заявили в Амурской области (+180,8 %), Хабаровском крае (+170,2 %), Еврейской автономной области (+156,4 %), Чукотском автономном округе (+155,5 %), Забайкальском крае (+150,0 %). Даже в случае повсеместного привлечения на рынок труда всех безработных, едва ли удастся

покрыть сложившуюся кадровую потребность. Сохраняется проблема сокращения источников пополнения рабочей силы за счет местного населения, численность которого постепенно снижается. Как следствие, численность потенциальной рабочей силы¹ в ДФО за семь лет сократилась на 17,5 % (или на 17,0 тыс. человек к 2018 г.). Практически исчерпаны трудовые ресурсы в Магаданской области (–90,6 %, или –3,4 тыс. человек), Еврейской автономной области (–73,7 %; –4,3 тыс. чел.), Хабаровском крае (–65,4 %; –7,0 тыс. чел.) и Амурской области (–40,6 %; –4,2 тыс. чел.). Среди субъектов ДФО объем недоиспользованного трудового потенциала вырос только в регионах, где сложился положительный естественный прирост, как в Республике Саха (Якутия) (+39,3 % +3,3 тыс. чел.), и активизировались процессы расширения видов трудовой деятельности, как в Республике Бурятия (+20,0 %; +4,3 тыс. чел.), где относительно высокий объем занятости в неформальном секторе, ориентированном на традиционное сельское хозяйство, непроизводственную сферу торговли и услуг (Голенкова и др., 2022). Таким образом, рынки труда дальневосточных регионов характеризуются дисбалансом между потребностями бизнеса и реальной численностью экономически активного населения, а также исчерпанием возможностей экстенсивного привлечения рабочей силы за счет внутренних источников.

Трудовая миграция в ДФО

В условиях недостатка кадров экономика, как правило, демонстрирует большую склонность к импорту трудовых ресурсов (Кашепов, 2024). Это подтверждается ростом численности, как иностранных работников, так и временных межрегиональных трудовых мигрантов в ДФО (табл. 2).

В 2024 г. в макрорегионе работали 231,1 тыс. иностранных работников, что на 11,8 % больше, чем в 2018 г. Доля иностранных рабочих в общем числе занятых наиболее высока (свыше 9,0 %) в течение всего периода исследования в Магаданской и Сахалинской областях, а также в Камчатском крае, а в последние несколько лет и в Амурской области.

Масштабы привлечения иностранной рабочей силы тесно связаны со спецификой и размером экономик дальневосточных регионов (Изотов & Мотрич, 2019). Данная зависимость наглядно представлена на рисунке 2А. Так, наименьшее число иностранных мигрантов с 2018 по 2024 гг. сохранялось в Чукотском автономном округе и Магаданской области — моносырьевых регионах с менее емким рынком труда, занимающих третье и четвертое места в рейтинге дальневосточных регионов по величине валового регионального продукта². Еврейская автономная область и Республика Бурятия, имеющие наименьшие значения созданной добавленной стоимости, также характеризовались низкими значениями занятости иностранных работников. В то же время Приморский и Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области, обладающие более крупной экономикой, являлись

¹ «Потенциальная рабочая сила — незанятые лица, которые выражают заинтересованность в получении работы за оплату или прибыль, однако сложившиеся условия ограничивают их активные поиски работы или их готовность приступить к работе». Источник: Методологические пояснения Росстат. <https://27.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5.8.html> (дата обращения: 28.01.2026).

² В среднем в 2018–2023 гг.

Таблица 2

Численность трудовых мигрантов в ДФО, тыс. чел.

Вид миграции	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Международная миграция	206,7	242,2	165,1	220,7	229,8	241,0	231,1
Межрегиональная миграция	94,9	110,4	113,9	112,9	122,7	124,4	134,9

Источник: сост. авторами по: Среднегодовая численность трудовых ресурсов. <https://www.fedstat.ru/indicator/36730>; Итоги выборочного обследования рабочей силы. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: январь 2026 г.)

лидерами по абсолютному числу иностранных мигрантов: в каждом из регионов ежегодно работало более 32,0 тыс. человек. В Хабаровском и Приморском краях с диверсифицированной экономикой иностранные работники были распределены по широкому спектру отраслей, включая строительство, торговлю и предоставление услуг, сельское и лесное хозяйство, логистику, добычу полезных ископаемых и т. д. В Сахалинской области основной спрос представляла «инфраструктура добычи и логистики вывоза нефтегазовых проектов, реализуемых международным консорциумом инвесторов, и обслуживающие ее предприятия, которые привлекают как высококвалифицированных работников, так и трудовых мигрантов с низкой квалификацией для строительных работ» (Изотов & Мотрич, 2019, с. 133).

В Амурской области, где реализуются крупномасштабные инвестиционные проекты в нефтегазовой отрасли и транспортно-логистической сфере, до 85,0 % иностранных работников в 2024 г. были сосредоточены именно в строительстве¹. Высокую зависимость Амурской области от притока мигрантов подтверждает то, что строительная отрасль региона с 2019 г. полностью освобождена от правительственных ограничений, устанавливающих допустимую долю участия иностранных граждан². Республика Саха (Якутия), обладая самым большим размером экономики в ДФО, с 2019 по 2025 гг. демонстрировала средние значения занятости иностранных мигрантов. Для реализации проектов республика опиралась в большей степени на межрегиональных трудовых мигрантов, чья численность почти вдвое выше количества иностранных работников.

В каждом регионе ДФО сложилась индивидуальная динамика занятости иностранных рабочих с пиками и спадами в разные годы. Объединяющим для всех регионов стал лишь общий спад в 2020 г., что обусловлено пандемийными ограничениями, затронувшими отрасли занятости мигрантов, и режимом въезда иностранных граждан (Денисенко & Мукомель, 2020). Наблюдаемая волатильность занятости иностранной рабочей силы напрямую связана с жизненным циклом крупных инвестиционных проектов, которые являются основным драйвером спроса на труд иностранных мигрантов. Максимальная потребность на рабочих формируется на этапе строительства, создавая массовый приток трудовых

¹ Губернатором установлен запрет на работу иностранцев по патентам. <https://uzn.amurobl.ru/posts/print.php?id=416463> (дата обращения: октябрь 2025 г.)

² Допустимая доля участия иностранных граждан в строительстве введена в 2019–2026 гг. Источник: Постановление Правительства РФ от 14.11.2018 № 1365 «Об установлении на 2019 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности», а также аналогичные документы, принимаемые в последующие годы.

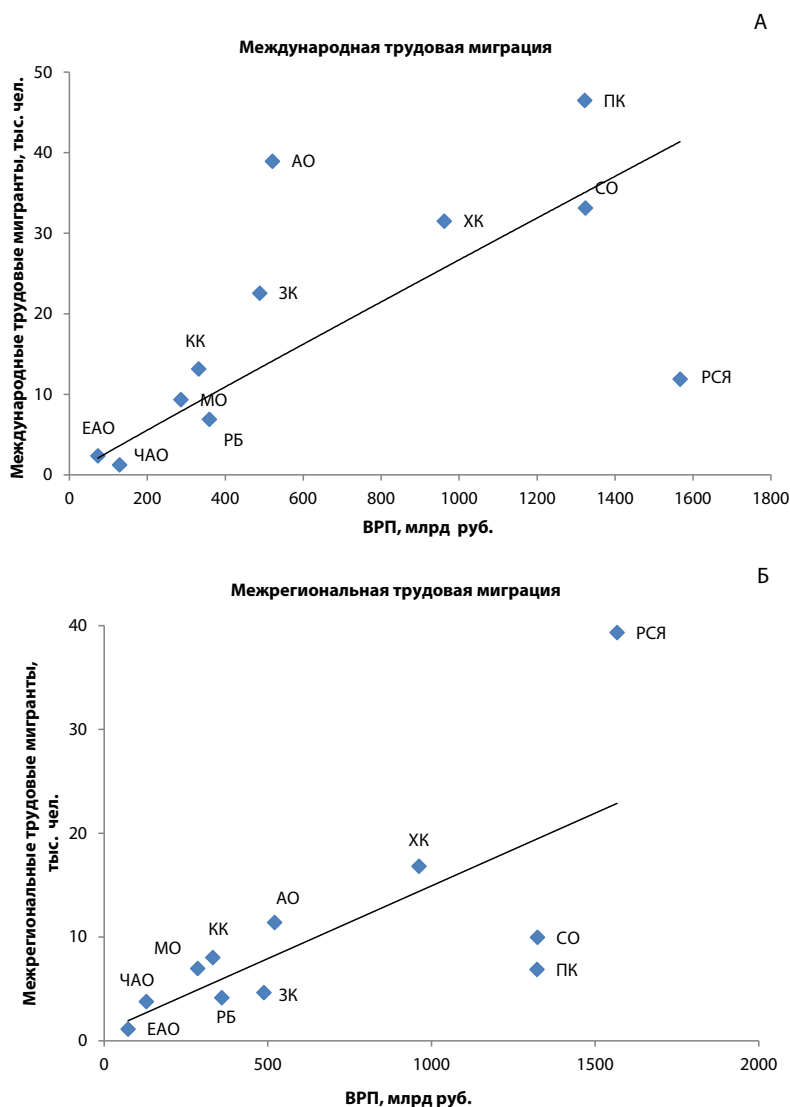

Рис. 2. ВРП и численность трудовых мигрантов в субъектах ДФО РФ (источник: сост. авторами по: Валовая добавленная стоимость по отраслям экономики субъектов Российской Федерации. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; Итоги выборочного обследования рабочей силы URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.02.2026 г.)¹

¹На рисунке представлены средние значения численности трудовых мигрантов и ВРП за 2018–2023 гг. Примечание: РБ — Республика Бурятия, РСЯ — Республика Саха (Якутия), ЗК — Забайкальский край, КК — Камчатский край, ПК — Приморский край, ХК — Хабаровский край, АО — Амурская область, МО — Магаданская область, СО — Сахалинская область, ЕАО — Еврейская автономная область, ЧАО — Чукотский автономный округ.

мигрантов как из-за рубежа, так и из других регионов России, тогда как при переходе к эксплуатационной фазе, потребность сокращается и сопровождается оттоком работников (Курьян & Мотрич, 2025). Например, в Забайкальском крае с 2020 г. наблюдался непрерывный рост числа иностранных рабочих, что связано с активным развитием инфраструктуры и новых производств на базе месторождений железа, золота, урана, угля¹ и т. д. В то же время сокращение их численности в Республике Саха (Якутия) более чем на 10 тыс. человек в 2024 г., вероятно, обусловлено завершением строительных и пусконаладочных работ на объектах добывающей, энергетической, транспортной и социальной инфраструктуры².

К крупным проектам, на которые в 2024 г. привлекались иностранные работники, относятся строительство Амурского газохимического комплекса и Амурского газоперерабатывающего комплекса, второй очереди космодрома «Восточный», комплекса по производству метанола (Амурская область), горно-обогатительного комбината на месторождении «Малмыжское» (Хабаровский край), частной Тихоокеанской железной дороги, соединяющей Эльгинское угольное месторождение в Якутии с морским портом Эльга в Хабаровском крае, а также транспортно-перегрузочного комплекса по перевалке угля в порте Эльга, ТЭЦ-4 в Хабаровске, горно-обогатительного комбината на Талманском месторождении, обогатительной фабрики по переработке полиметаллических руд месторождения «Нойон-Тологой» (Забайкальский край) и т. д.³

Помимо строительства, иностранные мигранты заняты в сельском и лесном хозяйствах, рыбной промышленности, обрабатывающей и добывающей отраслях, торговле, автосервисе, сфере услуг, транспортировке и хранении и т. д. Иностранная рабочая сила удовлетворяет кадровые потребности, как правило, на рабочих должностях, не требующих высокого уровня квалификации, таких как арматурщик, бетонщик, продавец, подсобный рабочий, моряк, вальщик леса, повар и т. д.⁴. В целом данное профессионально-отраслевое распределение иностранной рабочей силы соответствует структуре занятости, сложившейся в других регионах России (Мукомель, 2017; Мкртчян & Флоринская, 2018), где мигранты концентрируются в сегментах с относительно низким порогом входа и высокой

¹ Ежегодный отчет о результатах деятельности Правительства Забайкальского края за 2021, 2022, 2023 гг. <https://media.75.ru/chitinsk/documents/127081/160-r-ot-29-04-2022.pdf>; <https://zaksobr-chita.ru/documents/download/7834>; <https://media.75.ru/documents/191817/220-r-ot-22-05-2024.pdf> (дата обращения: февраль 2026 г.)

² Отчет исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия) о результатах деятельности за 2023 год: утвержден распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) от 01.02.2024 № 99-р. <https://yakutia-daily.ru/wp-content/uploads/2024/02/prilozhenie-v-rasporiazheniyu-№99-r.pdf> (дата обращения: февраль 2026 г.)

³ Работодатели стали чаще выбирать механизм квотирования при привлечении иностранной рабочей силы. <https://mintrud.gov.ru/employment/migration/651> (дата обращения: январь 2026 г.); Приказ Минтруда России № 1 от 09.01.2024 «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей) для привлечения иностранных работников, прибывающих в РФ на основании визы, на 2024 год» (дата обращения: январь 2026 г.)

⁴ Приказ Минтруда России № 1 от 09.01.2024 «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей) для привлечения иностранных работников, прибывающих в РФ на основании визы, на 2024 год» (дата обращения: январь 2026 г.)

долей ручного труда. Высококвалифицированные иностранные специалисты также присутствуют на рынке труда дальневосточных регионов, однако их число остается незначительным по сравнению с массовыми рабочими профессиями. Например, в Хабаровском крае в 2019 г. работали 127 высококвалифицированных иностранных специалистов, а в последующие два года их численность сократилась до 16–20 человек¹.

Межрегиональная трудовая миграция (временная), хотя и менее масштабная, чем международная, вносит существенный вклад в покрытие кадрового дефицита. В 2024 г. в ДФО было трудоустроено 134,9 тыс. межрегиональных трудовых мигрантов, что на 42,2 % больше, чем в 2018 г. (табл. 2). Около 35,0 % из них направлялось в Республику Саха (Якутия). Рост прибытий в Якутию связан с реализацией проектов крупных российских компаний, активно привлекающих кадры из других российских регионов (Мишук, 2020). Удельный вес таких работников достиг 11,0% к 2024 г. Значительные миграционные потоки также принимали Хабаровский край (около 15,0 % от общего числа прибывших в ДФО) и Амурская область (11,0 %). В сравнении с данными регионами Камчатский край, Магаданская область и Чукотский автономный округ привлекали меньшее число межрегиональных мигрантов, но их доля в общей занятости существенна и, по данным на 2024 г., варьировала от 7,1 % в Камчатском крае до 12,4 % в Чукотском автономном округе.

Численность межрегиональных мигрантов, так же как и международных, зависит от размера экономики дальневосточного региона (рис. 2Б). Исключением является Приморский край, который, несмотря на больший масштаб экономики, привлекал почти столько же межрегиональных трудовых мигрантов, сколько и Магаданская область, что объясняется различиями в структуре экономик. Диверсифицированная экономика Приморского края с крайне низкой долей добывающей промышленности², развитой торговлей и сферой услуг обуславливает преобладание постоянной занятости населения. Напротив, экономика Магаданской области, основанная на освоении рассредоточенных месторождений³, определяет доминирование вахтовой занятости и пространственной организации труда как наиболее экономически целесообразной (Гильтман и др., 2020).

Межрегиональные трудовые мигранты в ДФО участвовали в реализации тех же крупных инвестиционных проектов, перечисленных выше, что и иностранные работники, но чаще заполняли вакансии, требующие более высокого уровня квалификации и человеческого капитала. Ключевыми отраслями трудоустройства межрегиональных мигрантов являются нефтегазовая и горнодобывающая промышленности, сельское и лесное хозяйства, рыболовство и рыбоводство, энергетика, логистика и т. д. В добывающей промышленности ДФО доля таких работников составляла 30–35 %, достигая особенно высоких значений в Чукотском автономном округе, в Камчатском крае, Магаданской и Амурской областях⁴.

¹ ИРС на рынке труда. <https://sz27.ru/content/ирс%20на%20рынке%20труда> (дата обращения: февраль 2026 г.)

² В 2023 г. — 0,6 % ВРП

³ В 2023 г. — 55,2 % ВРП

⁴ Резник И. Как на Дальнем Востоке решают проблемы кадрового дефицита. <https://plus.rbc.ru/>

Для привлечения квалифицированных кадров в регионах ДФО реализуется государственная программа повышения мобильности трудовых ресурсов. В рамках программы работники с необходимым образованием и опытом переезжают в ДФО из других регионов России и трудоустраиваются на рабочие места, которые не заполняются местными трудовыми ресурсами¹. Как правило, в рамках программы переезжали квалифицированные рабочие, инженерно-технические специалисты, руководители, медицинские работники². В 2024 г. больше всего специалистов, 151 человек, переехали в Хабаровский край³; в другие регионы меньше: в Камчатский край — 65, Амурскую область — 50⁴, Забайкальский край — 30⁵, в Чукотский автономный округ — 27⁶, Сахалинскую область — 18⁷, Республику Бурятия — 5 специалистов⁸.

«Программа повышения мобильности трудовых ресурсов зарекомендовала себя как инструмент точечного и целевого, а не массового привлечения квалифицированных дефицитных кадров. Ее целевая установка предопределяет ограниченный масштаб реализации, что отражается в незначительных, в контексте общей потребности макрорегиона в кадрах, показателях притока специалистов» (Курьян & Мотрич, 2025).

Заключение

Таким образом, экономика ДФО функционирует в условиях кадрового дефицита, что закономерно формирует спрос на внешние источники пополнения рабочей силы. За рассматриваемый период отмечен рост числа трудовых мигрантов, прибывающих как из-за рубежа, так и из других регионов России. Масштабы присутствия трудовых мигрантов напрямую зависят от специфики и размера региональных экономик, а также этапа реализации крупных инвестиционных проектов, которые предъявляют наиболее массовый спрос на труд. Наблюдается

news/66c34f777a8aa9a5a9d7812f (дата обращения: февраль 2026 г.)

¹ Вниманию работодателей! Проводится отбор для включения в региональную программу повышения мобильности трудовых ресурсов. https://mintrud.49gov.ru/press/news/?id_4=84942 (дата обращения: октябрь 2025 г.)

² Постановление Правительства Забайкальского края от 17.07.2024 № 347 «О внесении изменений в региональную программу Забайкальского края «Повышение мобильности трудовых ресурсов»»; В Бурятию для работы привлекли 150 квалифицированных специалистов. <https://ulan.mk.ru/social/2024/02/14/v-buryatiyu-dlya-raboty-privlekli-150-kvalificirovannykh-specialistov.html> (дата обращения: октябрь 2025)

³ Итоги реализации программы. https://sz27.ru/content/итоги_реализации_программы (дата обращения: январь 2026 г.)

⁴ Отчет о реализации национальных проектов на территории Амурской области. <https://mpk.amurobl.ru/upload/iblock/ee7/1zhd2rg6wol7zr31u3j29ajdtmhrvzov.pdf> (дата обращения: октябрь 2025 г.)

⁵ Рекордный приток населения зафиксировали в одном регионе России. <https://lenta.ru/news/2025/03/28/rekordnyu-pritok-naseleniya-zafiksirovali-v-odnom-regione-rossii/> (дата обращения: октябрь 2025 г.)

⁶ На Чукотку в 2024 году по нацпроекту привлекли более 25 квалифицированных кадров. <https://finance.rambler.ru/business/54040446-na-chukotku-v-2024-godu-po-natsproektu-privlekli-bolee-25-kvalifitsirovannykh-kadrov/> ru (дата обращения: октябрь 2025)

⁷ Исполнение региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов. <https://tzn.sakhalin.gov.ru/rabotodatelej/povyshenie-mobilnosti-trudovykh-resursov/potrebnost-rabotodatelej/> (дата обращения: октябрь 2025)

⁸ Информация о результатах деятельности Агентства за 2024 г. https://egov-buryatia.ru/azan/activities/operations_results/ (дата обращения: октябрь 2025)

функциональное разделение: иностранная рабочая сила компенсирует абсолютную нехватку кадров, заполняя массовые вакансии с тяжелыми или малопрестижными условиями труда, тогда как межрегиональные мигранты представлены в более широком профессиональном спектре, занимая, в том числе, более квалифицированные и высокооплачиваемые позиции. Наибольшая зависимость от внешних трудовых ресурсов характерна для северных регионов Дальнего Востока и Амурской области, где в последние годы реализуются наиболее масштабные инфраструктурные и промышленные инвестиционные проекты. В данных регионах доля трудовых мигрантов в общей занятости достигает наиболее высоких значений.

Список источников

- Аганбегян, А. Г. (2021). Как восстановить сохранность народа России. *Народонаселение*, 24(2), 4–18. <http://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.1>
- Белоусова, А. В., Грицко, М. А. (2024). Оценка перспективных потребностей экономики в трудовых ресурсах: сценарные эксперименты для Дальнего Востока России. *Регионалистика*, 11(6), 46–63. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.6.46>
- Белоусова, А. В., Грицко, М. А. (2025). Влияние возрастной структуры на экономический рост: оценка демографического дивиденда для Дальнего Востока России. *Регионалистика*, 12(6), 155–175. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2025.6.155>
- Бурлаев, Е. А., Дьяченко, В. Н., Мотрич, Е. Л., Фещенко, Н. В. (2018). *Население Дальнего Востока России: проблемы и тенденции*. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 71.
- Галлямова, Л. И. (2013). Дальний Восток в общероссийском пространстве: исторический опыт освоения и особенности развития региона. *Вестник ДВО РАН*, 4, 9–17.
- Голенкова, З. Т., Цэцэнбилэг, Ц., Бадараев, Д. Д., Голиусов, Ю. В., Самба, А. Д.-Б. (2022). Региональная специфика неформальной занятости в России и Монголии. *Восточный вектор: история, общество, государство*, 1, 24–37.
- Грицко, М. А. (2025). Демографическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы. *Власть и управление на Востоке России*, 2(111), 18–25.
- Денисенко, М. Б., Мукомель, В. И. (2020). Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии. *Демографическое обозрение*, 7(3), 84–107. <http://dx.doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637>
- Изотов, Д. А., Мотрич, Е. Л. (2019). Иностранная рабочая сила Дальнего Востока России. *Проблемы прогнозирования*, 5(176), 130–140.
- Капелюшников, Р. И. (2024). *Эскалация вакансий на российском рынке труда (динамика, структура, триггеры)*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 60.
- Кашепов, А. В. (2024). Рынок труда и занятость в России в 2020–2024 гг. *Социально-трудовые исследования*, 4(57), 43–52. <http://dx.doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-43-52>
- Красинец, Е. С., Шевцова, Т. В. (2023). Трудовая иммиграция и рынок труда в современной России: проблемы взаимодействия. *Народонаселение*, 26(4), 52–62. <http://dx.doi.org/10.19181/population.2023.26.4.5>
- Курьян, С. П., Мотрич, Е. Л. (2025). Миграция населения на Дальнем Востоке России: тенденции 2024–2025 гг. *Регионалистика*, 12(5), 131–147. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2025.5.131>
- Маньшин, Р. В., Моисеева, Е. М. (2023). Влияние международной трудовой миграции на сбалансированность региональных рынков труда. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 3(4), 209–230. <http://dx.doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13>

Минакир, П. А. (2017). Ожидания и реалии политики «поворота на Восток». *Экономика региона*, 13 (4), 1016–1029.

Минакир, П. А. (2023). Внешнеторговый фактор экономики форс-мажора: пространственный маневр. *Пространственная экономика*, 19 (1), 7–19. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.1.007-019>

Мишук, С. Н. (2020). Динамика внутренней и международной трудовой миграции на Дальнем Востоке России. *Наука. Культура. Общество*, 1, 68–74.

Мкртчян, Н. В., Флоринская Ю. Ф. (2018). Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 1 (37), 186–193. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9>

Мотрич, Е. Л. (2022). Современные демографические процессы на Дальнем Востоке России. *Власть и управление на Востоке России*. 2022, 4 (101), 59–68. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68>

Мукомель, В. И. (2017). Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда. *Статистика и экономика*, 6, 69–79. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>

Рыбаковский, Л. Л., Рыбаковский, О. Л., Фадеева, Т. А. (2020). Восточный вектор — приоритетное направление демографического развития России. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*, 4 (101), 45–54. <http://dx.doi.org/10.22204/2587-8956-2020-101-04-45-54>

References

Aganbegyan, A.G. (2021). How to restore the safety of the people of Russia. *Narodonaselenie [Population]*, 24 (2), 4–18. <http://dx.doi.org/10.19181/population.2021.24.2.1>. (In Russ.)

Belousova, A. V. & Gritsko, M. A. (2025). The Impact of Age Structure on Economic Growth: Assessing the Demographic Dividend for the Russian Far East. *Regionalistica [Regionalistics]*, 12 (6), 155–175. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2025.6.155>. (In Russ.)

Belousova, A.V. & Gritsko M.A. (2024). Assessment of the Economy's Prospective Labor Resources Needs: Scenario Experiments for the Russian Far East. *Regionalistica [Regionalistics]*. 11 (6), 46–63. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.6.46> (In Russ.)

Burlaev, E. A., Dyachenko, V. N., Motrich, E. A. & Feschenko, N. V. (2018). *Naseleniye Dal'nego Vostoka Rossii: problemy i tendentsii [The Population of the Russian Far East: Problems and Tendencies]*, Khabarovsk: ERI FEB RAS, 71. (In Russ.)

Denisenko, M. B. & Mukomel, V. I. (2020). Labor migration in Russia during the coronavirus pandemic. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*, 7 (3), 84–107. <http://dx.doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637> (In Russ.)

Galliamova, L.I. (2013). Far East in the All-Russian Space: Historical Experience of Development and Peculiarities of the Region's Development. *Vestnik DVO RAN [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences]*, 4 (170), 9–17. (In Russ.)

Golenkova, Z. T., Tsetsenbileg, T., Badaraev, D. D., Goliusova, Yu. V. & Samba, A. D.-B. (2022). Regional Specifics of Informal Employment in Russia and Mongolia. *Vostochnyy vektor: istoriya, obshchestvo, gosudarstvo [Oriental Vector: History, Society, State]*, 1, 24–37. (In Russ.)

Gritsko, M. A. (2025). Demographic Dynamics in the Far East of Russia: Stable Trends and New Challenges *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii [Power and Administration in the East of Russia]*, 2 (111), 18–25. (In Russ.)

Izotov, D. A. & Motrich, E. L. (2019). Foreign labor force in the far east of Russia. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 5 (176), 130–140. (In Russ.)

Kapeliushnikov, R. (2024). *Eskalatsiya vakansiy na rossiyskom rynke truda (dinamika, struktura, trigger)* [Vacancy escalation in the Russian labor market (dynamics, structure, triggers)]. Moscow : HSE Publishing House, 60 (In Russ.)

Kashepov, A.V. (2025). Labor market and employment in Russia in 2020–2024. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya* [Social & Labor Research], 57 (4), 43–52. <http://dx.doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-43-52>. (In Russ.)

Krasinets, E. S. & Shevtsova, T.V. (2023). Labor immigration and labor market in modern Russia: interaction problems. *Narodonaselenie* [Population], 26 (4), 52–62. <http://dx.doi.org/10.19181/population.2023.26.4.5> (In Russ.)

Kuryan, S .P. & Motrich, E. L. (2025). Population Migration in the Russian Far East: Trends in 2024–2025. *Regionalistika* [Regionalistics], 12 (5), 131–147. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2025.5.131> (In Russ.)

Manshin, R.V. & Moiseeva, E. M. (2023). The Impact of International Labor Migration on the Balance in Regional Labor Markets. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniia* [DEMIS. Demographic Research], 3 (4), 209–230. <http://dx.doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13>.

Minakir, P. A. (2017). «Turn to the East» Policy: Expectations and Reality. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 13 (4), 1016–1029 (In Russ.)

Minakir, P.A. (2023). The Foreign Trade Factor of the Force Majeure Economy: A Spatial Manoeuvre. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], 19 (1), 7–19. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.1.007-019> (In Russ.)

Mishchuk, S.N. (2020). Dynamics of internal and international labor migration in the Russian Far East. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], 1, 68–74. (In Russ.)

Mkrtchyan, N. V. & Florinskaya Yu. F. (2018). Labor Migration in Russia: International and Internal Aspects. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 1 (37), 186–193. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9> (In Russ.)

Motrich, E. L. (2022). Modern demographic processes in the Russian Far East. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 4 (101), 59–68. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68> (In Russ.)

Mukomel, V. I. (2017). Migrants at the Russian Labor Market: Occupations, Mobility, Intensity of Labor and Wages. *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics], 6, 69–79. <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79> (In Russ.)

Rybakovsky, L. L., Rybakovsky, O. L. & Fadeeva, T. A. (2020). The Eastern Vector Is a Priority Area of Russia's Demographic Development. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences]. 4 (101), 45–54. <http://dx.doi.org/10.22204/2587-8956-2020-101-04-45-54> (In Russ.)

Найден Светлана Николаевна — доктор экономических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, Институт экономических исследований ДВО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-1647-7853> (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: nayden@ecrin.ru).

Курьян Снежана Павловна — младший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН; <https://orcid.org/0009-0001-5808-9293> (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: kuryan@ecrin.ru).

Бравок Полина Сергеевна — младший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН; <https://orcid.org/0000-0003-4196-6840> (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: bravok@ecrin.ru).

Svetlana N. Naiden— Dr. Sci. (Econ.), professor of RAS, deputy director for research, Economic Research Institute FEB RAS; <https://orcid.org/0000-0002-1647-7853> (153, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: nayden@ecrin.ru).

Snezhana P. Kuryan — Junior Researcher, Economic Research Institute FEB RAS; <https://orcid.org/0009-0001-5808-9293> (153, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: kuryan@ecrin.ru).

Polina S.Bravok — Junior Researcher, Economic Research Institute FEB RAS; <https://orcid.org/0000-0003-4196-6840> (153, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: bravok@ecrin.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 528.94(314.7)

JEL classification: J6

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-6-9>

Современные тренды миграции населения в городах России с числом жителей 100 и более тысяч человек¹

И.И. Соловьев

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-2150-7284>

Автор для корреспонденции: И.И. Соловьев (soloivan@mail.ru)

Аннотация. В статье на основе данных официальной статистики проведен сравнительный анализ миграции населения в больших (от 100 до 250 тыс. чел.), крупных (от 250 до 500 тыс. чел.), крупнейших (от 500 до 1 000 тыс. чел.) городах и городах-миллионерах России за 2000–2023 гг. Исследованием охвачено более 160 городов. Выявлены основные современные тренды миграционного прироста городов данных категорий по пяти периодам: 2000–2004, 2005–2009, 2010–2014, 2015–2019, 2020–2023 гг.

Ключевые слова: миграция населения; Россия; города; пространственный анализ.

Current trends in population migration in Russian cities with populations of 100,000 or more

I. Soloviev

North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

<https://orcid.org/0000-0003-2150-7284>

soloivan@mail.ru

Abstract. The article, based on official statistics, provides a comparative analysis of population migration in large (from 100,000 to 250,000 people), large (from 250,000 to 500,000 people), largest (from 500,000 to 1,000,000 people) cities and cities with over a million people in Russia for 2000–2023. The study covers more than 160 cities. The main modern trends in migration growth of cities in these categories are identified for 5 periods: 2000–2004, 2005–2009, 2010–2014, 2015–2019, and 2020–2023.

Keywords: population migration, Russia, cities, spatial analysis.

Введение

В современной России миграционные процессы играют все большую роль в формировании трудоресурсного потенциала и смягчении демографического кризиса. Миграционный компонент для большинства городов страны является основной в поддержании или росте численности населения (Белозеров и др., 2022).

В сложившихся условиях приобрело особую актуальность изучение миграционной привлекательности городов, оказывающей положительное влияние на их демографическое развитие.

Среди исследований по данной проблематике отметим работы Т.Н. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой, А.И. Трейвиша и др. (Нефедова, 2014; Аверкиев и др., 2016; Махрова и др., 2016; Петухов, 2017; Петухов & Горидько, 2017; Петухов, 2018; Мкртчян & Гильманов, 2023; Мкртчян, 2024). Учеными была установлена закономерность высокой миграционной аттрактивности крупных городов и городских агломераций с численностью населения 250 тыс. чел. и выше (Аверкиев и др., 2016).

¹ © Соловьев И. И. Текст. 2026.

Важным индикатором миграционной аттрактивности городов является устойчивость миграционного прироста, рассматриваемого за длительный хронологический ряд. Примером такого исследования, охватывающего 1994–2023 гг., является статья В.С. Белозерова и его соавторов (Белозеров и др., 2025).

Научной новизной нашего исследования является попытка выявления новейших трендов миграционного прироста городов с численностью населения 100 и более тыс. чел., а также акцентирование внимания на проведении пространственного анализа путем сравнения городов разных категорий по людности и выполняемым функциям.

Цель исследования заключается в рассмотрении динамики территориальных особенностей миграционного прироста городов России с числом жителей 100 и более тыс. чел.

Материалы и методы

Информационной основой исследования послужили данные официальной статистики, разрабатываемые Росстатом, представленные сведениями о численности населения больших, крупных, крупнейших городов и городов-миллионов, а также их миграционного прироста за 2000–2023 гг.

По этим данным были рассчитаны совокупные показатели миграционного прироста (в чел.) за четыре пятилетки (2000–2004; 2005–2009; 2010–2014; 2015–2019 гг.) и одну четырехлетку (2020–2023 гг.), а также коэффициенты миграционного прироста (в ‰) в среднем в год за период.

Разделение хронологического ряда на периоды позволяет исключить аномальные годы по миграционному приросту и тем самым адекватно проследить закономерности динамики данного показателя.

По причине отсутствия данных в исследовании не учитываются города новых регионов России (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области). Нет сведений по миграционному приросту за 2000–2002 гг. по городам Тобольску, Нижневартовску, Шахтам, Уссурийску, Миассу, Щелково, Копейску, за 2001 г. — Грозному, за 2002 г. — Новороссийску, Назрани, Артему и Армавиру, за 2003–2005 гг. — Сургуту, за 2004–2005 гг. — Хасавюрту и Дербенту, за 2020–2023 гг. — Одинцово и Ногинску.

Результаты и обсуждение

Большинство городов категорий крупных, крупнейших и городов-миллионов являются административными центрами субъектов Российской Федерации, выполняющими полифункциональные функции. Наименьшая доля столичных городов среди больших и крупных городов. В первой группе преобладают нестоличные города, являющиеся крупными индустриальными центрами.

Нисходящий тренд доли городов с миграционным приростом является преобладающим в первой четверти XXI в. Число городов с миграционным приростом увеличивалось (на 30,8 п. п.) только во второй пятилетке (2005–2009 гг.) рассматриваемого времени, когда стихла вынужденная миграция и произошло восстановление главной роли экономических детерминантов в миграционном движении населения, определяющих наибольшую миграционную аттрактивность больших, крупных, крупнейших городов и городов-миллионеров (рис. 1).

Начиная с третьей пятилетки (2010–2014) обозначилась тенденция снижения доли миграционно привлекательных городов, усилившаяся влиянием пандемии COVID-19 в 2020–2023 гг., что привело к оттоку населения из крупных городов России. В период со второй пятилетки по последнюю четырехлетку доля городов рассматриваемых категорий с миграционным приростом понизилась на 36,8 п. п. При этом в 2015–2019 гг. впервые более половины рассматриваемых городов стали испытывать миграционную убыль населения. В 2015–2019 гг. и 2020–2023 гг. городов с миграционным приростом отмечалось только 46,2 % и 45,5 % соответственно.

В этих условиях количество городов с численностью жителей 100 и более тыс. чел. в России практически не меняется. Их насчитывалось в первой — третьей пятилетках 164–165 ед., в четвертой пятилетке — 171 ед. и в последней четырехлетке 169 ед.

Традиционно самые крупные города являются наиболее привлекательными для мигрантов, что находит выражение в более высоком показателе доли поселений с миграционным приростом и преобладании городов-миллионеров с положительным сальдо миграции (рис. 2). Во все периоды удельный вес городов-миллионеров с миграционным приростом был выше, чем по общей совокупности рассматриваемых городов. Наибольшее превышение этого показателя отмечалось в третьей пятилетки (2010–2014 гг.), а наименьшее в последний период (2020–2023 гг.).

Несмотря на миграционную аттрактивность, не во всех городах-миллионерах отмечался миграционный прирост, за исключением второй пятилетки (2005–2009 гг.). Миграционная убыль зафиксирована в первой пятилетке в Перми

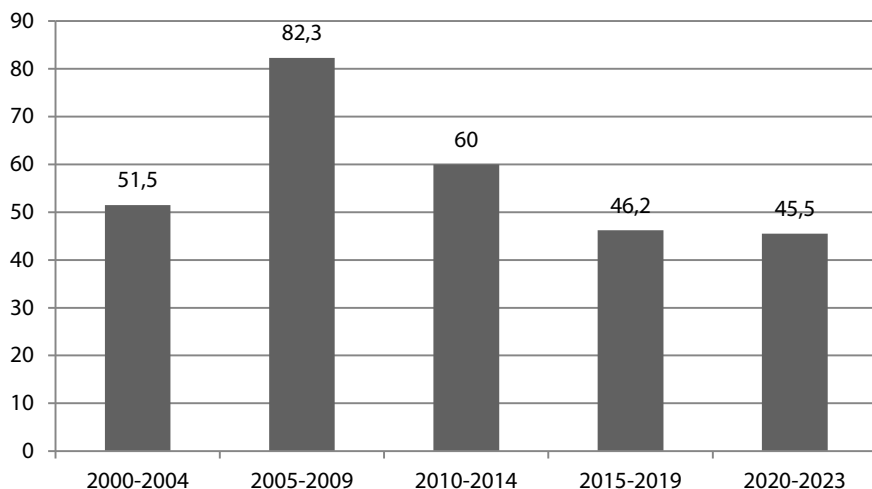

Рис. 1. Доля больших, крупных, крупнейших городов и городов-миллионеров России с миграционным приростом в 2000–2023 гг. (источник: сост. автором по: Миграционный прирост населения по городам с числом жителей 100 тыс. человек и более. <https://www.fedstat.ru/indicator/36719> (дата обращения: 13.03.2025); Численность постоянного населения на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 13.03.2025))

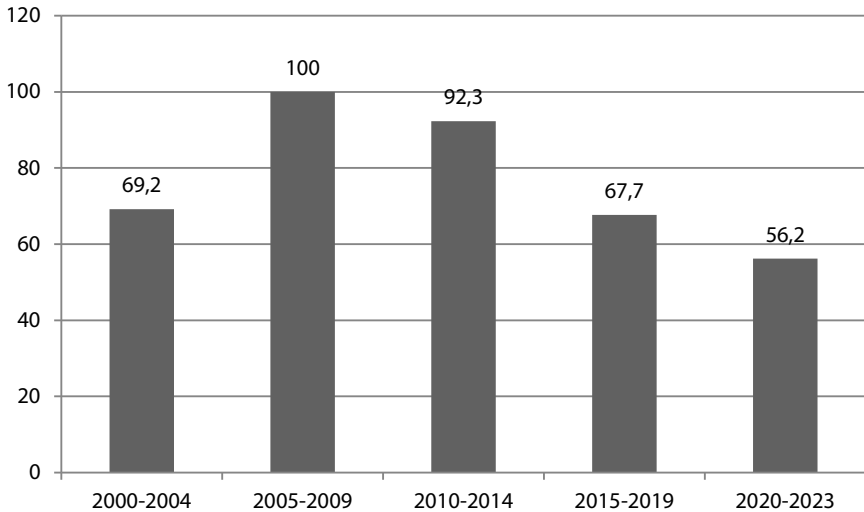

Рис. 2. Доля городов-миллионеров России с миграционным приростом в 2000–2023 гг.

(источник: сост. автором по: Миграционный прирост населения по городам с числом жителей 100 тыс. человек и более. <https://www.fedstat.ru/indicator/36719> (дата обращения: 13.03.2025);

Численность постоянного населения на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 13.03.2025)

(–1,14 ‰ в среднем за период), Новосибирске (–1,16 ‰), Самаре (–1,98 ‰) и Омске (–3,44 ‰), в третьей пятилетке — Ростове-на-Дону (–1,94 ‰), в четвертой пятилетке — Волгограде (–0,49 ‰), Челябинске (–0,66 ‰), Нижнем Новгороде (–1,17 ‰), Самаре (–2,98 ‰), Омске (–4,35 ‰), в последней четырехлетке — Нижнем Новгороде (–0,11 ‰), Перми (–0,17 ‰), Новосибирске (–0,89 ‰), Самаре (–0,98 ‰), Екатеринбурге (–1,85 ‰), Омске (–3,48 ‰), Челябинске (–3,65 ‰). Таким образом, наиболее неустойчивый миграционный прирост характерен для Омска, Самары, Челябинска и Перми.

Крупнейшие города России являются также аттрактивными для мигрантов, о чем свидетельствует преобладание в их составе поселений с миграционным приростом (рис. 3). Исключение составили первая пятилетка и последняя четырехлетка, когда среди категории данных городов, преобладала миграционная убыль. В ковидный период доля крупнейших городов с миграционным приростом просела в наибольшей степени (до 28,6 ‰), по сравнению с городами других категорий.

Преобладающая миграционная убыль за рассматриваемый временной отрезок характерна для крупнейших городов России, не являющихся региональными столицами, — Набережных Челнов и Тольятти, которые не выдерживают конкуренцию за мигрантов со столицами своих регионов — Казанью и Самарой. Устойчивой миграционной убылью отличается Махачкала: из-за высокого демографического потенциала Республики Дагестан и отстающего социально-экономического развития. Отрицательное сальдо миграции характерно для многих крупнейших городов Азиатской России — Владивостока, Иркутска и Барнаула,

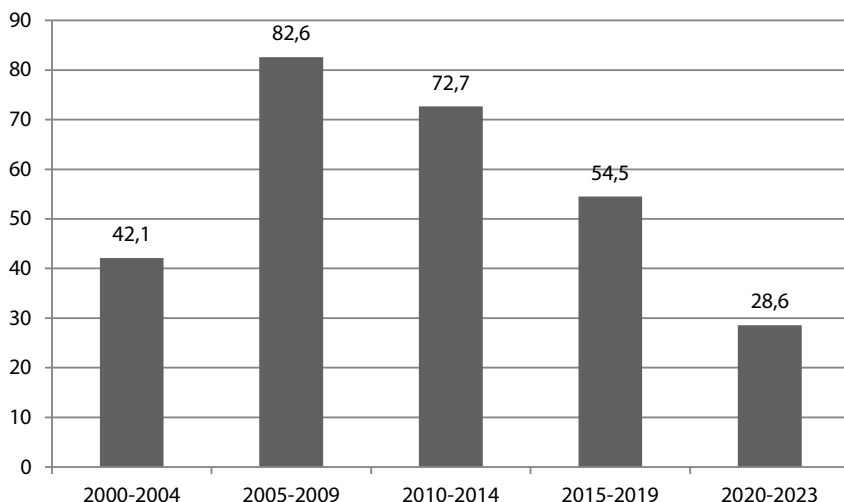

Рис. 3. Доля крупнейших городов России с миграционным приростом в 2000–2023 гг.

(источник: сост. автором по: Миграционный прирост населения по городам с числом жителей 100 тыс. человек и более. <https://www.fedstat.ru/indicator/36719> (дата обращения: 13.03.2025);

Численность постоянного населения на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 13.03.2025)

что в т. ч. связано с удаленностью данных территорий. Напротив, в большинстве городов данной категории, расположенных в Европейской России, преимущественно наблюдается миграционный прирост (кроме Оренбурга, Саратова и Липецка). В последнем из них миграционный отток характерен, в т. ч. за счет активной миграции в пригородные зоны.

Близкие значения рассматриваемого показателя с предыдущей категорией городов зафиксированы в группе крупных городских поселений, за исключением последней четырехлетки, когда в крупнейших городах удельный вес поселений с миграционной убылью был на 12,9 п. п. выше (рис. 4). Это объясняется менее негативным влиянием пандемии COVID-19 на миграционный отток в менее крупных городах.

Устойчивой миграционной убылью населения отличаются крупные города столиц северокавказских республик — Владикавказ, Грозный и Нальчик (из-за оттока населения в третьей пятилетке выбыл из числа крупных городов), а также административный центр депрессивной Курганской области и крупнейший город за полярным кругом Мурманск (влияние в т. ч. природно-климатического фактора). Преобладающий отток населения характерен для областных столиц, расположенных в зоне влияния Московской мультимиллионной городской агломерации — Брянска, Смоленска, Тулы, из административных центров Русского Севера — Вологды и Архангельска (схожая ситуация с Мурманском), а также крупных промышленных центров, не обладающих «столичным статусом», — Нижнего Тагила и Волжского. В Сибири отток населения наблюдается из Улан-Удэ, Братска и Комсомольска-на-Амуре (последние два выбыли из числа крупных городов).

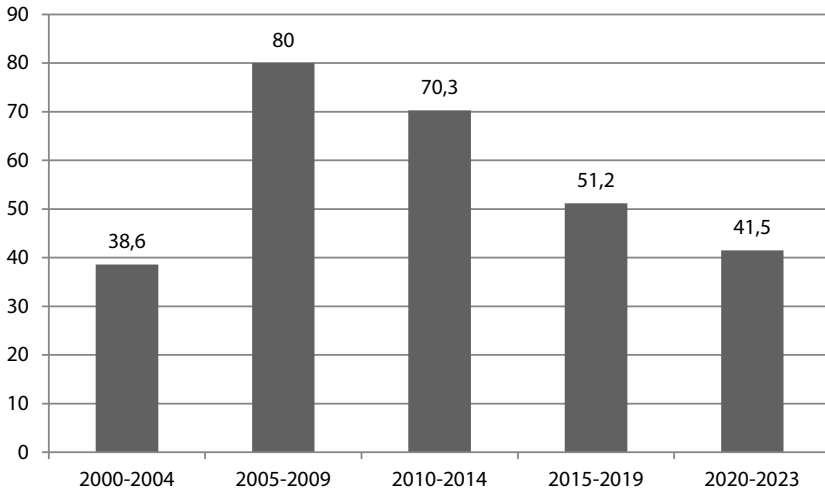

Рис. 4. Доля крупных городов России с миграционным приростом в 2000–2023 гг.

(источник: сост. автором по: Миграционный прирост населения по городам с числом жителей 100 тыс. человек и более. <https://www.fedstat.ru/indicator/36719> (дата обращения: 13.03.2025);

Численность постоянного населения на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 13.03.2025)

Для значительной части больших городов на современном этапе характерно преобладание поселений с миграционной убылью (рис. 5). Исключение составили первые две пятилетки (2000–2009 гг.), когда преобладали города с положительным сальдо миграции. Большие города в первой пятилетке по доле поселений с миграционным приростом занимали второе место после городов-миллионеров, опережая по этому показателю категории крупных и крупнейших городов. Однако во второй пятилетке по удельному весу городов с положительным сальдо миграции их опередили также крупнейшие города и почти догнали крупные города. В последующие две пятилетки (2010–2019 гг.) большие города по этому показателю уступали всем рассматриваемым группам поселений. Ситуация изменилась в период пандемии COVID-19, когда по доле городов с миграционным приростом они вновь вышли на второе место, уступив только городам-миллионерам. К тому же в больших городах в этот период, в отличие от более крупных поселений, произошел рост доли городов с миграционным приростом на 10,7 п. п., что определилось большей привлекательностью для мигрантов менее крупных городов. Таким образом, для больших городов за рассматриваемое время отмечалось два периода роста показателя доли городов с миграционным приростом — 2005–2009 и 2020–2023 гг.

Устойчивая миграционная убыль характерна для следующих больших городов, не выполняющих столичные функции: Димитровграда, Нижнекамска, Муром, Находки, Ленинск-Кузнецка (выбыл из числа больших городов), Новомосковска, Камышина и Норильска. Немного лучше ситуация, но тем не менее также характеризующаяся преобладающим миграционным оттоком, сложилась во многих

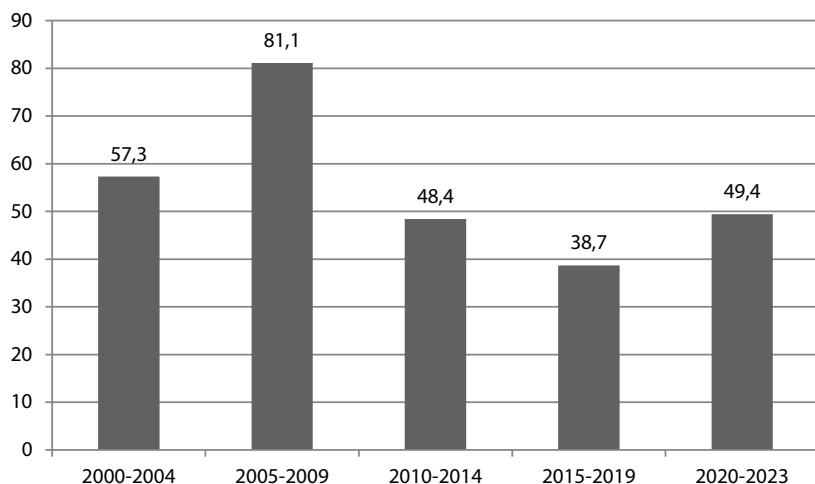

Рис. 5. Доля больших городов России с миграционным приростом в 2000–2023 гг.

(источник: сост. автором по: Миграционный прирост населения по городам с числом жителей 100 тыс. человек и более. <https://www.fedstat.ru/indicator/36719> (дата обращения: 13.03.2025); Численность постоянного населения на 1 января. <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 13.03.2025))

больших городах, не являющихся центрами регионов, а именно: в Сызрани, Новочеркасске, Златоусте, Прокопьевске, Шахтах, Бийске, Арзамасе, Хасавюрте, Миассе, Волгодонске, Ачинске, Северодвинске, Ноябрьске, Орске, Новошахтинске, Ельце, Рубцовске, Невинномысске, Коврове, Старом Осколе, Салавате, Рыбинске, Каменске-Уральском, Нефтеюганске, Ангарске, Березниках и Новом Уренгое. Такая же картина сложилась и в следующих региональных столицах: Благовещенске, Элисте, Петропавловске-Камчатском, Майкопе и Черкесске. В эту группу городов можно включить и административный центр Северо-Кавказского федерального округа — Пятигорск.

Важной тенденцией последних двух периодов является наметившаяся тенденция миграционной убыли в некоторых городах Подмосковья, относящихся к Московской городской агломерации (Подольск, Орехово-Зуево, Щелково, Коломна, Электросталь, Серпухов, Пушкино, Сергиев Посад).

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Преобладающий нисходящий тренд снижения численности городов с миграционным приростом будет иметь негативные последствия для демографического развития рассматриваемых населенных пунктов. Уже в 2015–2019 гг. более половины больших, крупных, крупнейших городов и городов-миллионеров отличались миграционным оттоком населения. Эта ситуация ухудшилась в связи с пандемией COVID-19 и новыми геополитическими изменениями 2020–2023 гг. и будет оказывать негативное влияние на опорный каркас расселения России, приводя к деградации его узловых элементов.

2. В последние годы в России становится все меньше городов, привлекательных для мигрантов, что связано со снижением демографического потенциала внутрироссийских территорий миграционных доноров, а также спадом миграционной аттрактивности для международных мигрантов и возрастающей конкуренцией за мигрантов между главными миграционными реципиентами. Перестали притягивать мигрантов даже некоторые города Московской области, которые находятся в зоне влияния столицы России.

3. Миграционная привлекательность в наибольшей мере присуща городам федерального значения, городам-миллионерам и полифункциональным столицам регионов, за исключением периферийных административных центров республик и областей Крайнего Севера. Противоположная ситуация характерна для крупных индустриальных центров, не являющихся административными центрами, и, как правило, отличающихся меньшей людностью населения.

4. В сложившихся условиях наиболее эффективными в демографическом отношении будут являться стратегии развития городов, направленные на повышение конкурентоспособности за привлечение мигрантов.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-27-00057, <https://rscf.ru/project/25-27-00057/>

Acknowledgements

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25-27-00057, <https://rscf.ru/project/25-27-00057/>

Список источников

Аверкиева, К. В., Антонов, Е. В., Кириллов, П. Л., Махрова, А. Г., Медведев, А. А., Неретин, А. С., Нефедова, Т. Г., Трейвиш, А. И. (2016). *Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России*. М.: Новый хронограф, 504.

Белозеров, В. С., Акинин, Д. Г., Зольникова, Ю. Ф. (2025). Динамика миграционных процессов в городах России в постсоветский период. *Наука. Инновации. Технологии*, (4), 41–66.

Белозеров, В. С., Соловьев, И. А., Щитова, Н. А., Сопнева, Н. В. (2022). Типология городов-центров городских агломераций по характеру демографического развития (на примере Европейской России). *Известия РАН. Серия Географическая*, (5), 1–11.

Махрова, А. Г., Нефедова, Т. Г., Трейвиш, А. И. (2016). Поляризация пространства Центрально-Российского мегалополиса и мобильность населения. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, (5), 77–85.

Мкртчян, Н. В. (2024). Стягивание населения России в крупные города и их пригороды. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2 (63), 241–248. http://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_241-248

Мкртчян, Н. В., Гильманов, Р. И. (2023). Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 68 (1), 44–63. <http://doi.org/10.21638/spbu07.2023.103>

Нефедова, Т. Г. (2014). Миграционная аттрактивность городов как индикатор трансформации постсоветского городского пространства России. *Наука. Инновации. Технологии*, (2), 106–135.

Петухов, Н. А. (2017). Преимущества крупных городов при миграции населения. *РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция*, (3), 125–130.

Петухов, Н. А. (2018). Миграционная привлекательность городов — административных центров Российской Федерации. *Вестник ЮРГТУ (НПИ)*, (4), 8–15.

Петухов, Н. А., Горидько, Н. П. (2017). Миграционная привлекательность крупных российских городов. *РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция*, (4), 156–165.

References

Averkieva, K. V., Antonov, E. V., Kirillov, P. L., Makhrova, A. G., Medvedev, A. A., Neretin, A. S., Nefedova, T. G. & Treivish, A. I. (2016). *Mezhdú domom... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii [Between home... and home. Returnable spatial mobility of the Russian population]*. M.: New chronograph, 504. (In Russ.)

Belozеров, V.S., Akinin, D.G. & Zolnikova, Yu.F. (2025). Dynamics of Migration Processes in Russian Cities in the Post-Soviet Period. *Nauka. Innovacii. Texnologii [Science. Innovations. Technology]*, (4), 41–66. (In Russ.)

Belozеров, V.S., Soloviev, I.A., Shchitova, N.A. & Sopneva, N.V. (2022). Typology of Cities-Centers of Urban Agglomerations by the Nature of Demographic Development (using European Russia as an example). *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, (5), 1–11. (In Russ.)

Makhrova, A.G., Nefedova, T.G. & Treyvish, A.I. (2016). Polarization of the Space of the Central Russian Megalopolis and Population Mobility. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya [Lomonosov Geography Journal]*, (5), 77–85. (In Russ.)

Mkrtychyan, N.V. (2024). The Attraction of Russia's Population to Large Cities and Their Suburbs. *Zhurnal Novoj e'konomicheskoy associacii [Journal of the New Economic Association]*, 2 (63), 241–248. http://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_241-248 (In Russ.)

Mkrtychyan, N.V. & Gil'manov, R.I. (2023). Large Russian Cities and Their Suburbs as Centers of Attraction for Internal Migrants. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle [Vestnik of Saint-Petersburg University. Earth Sciences]*, 68 (1), 44–63. <http://doi.org/10.21638/spbu07.2023.103> (In Russ.)

Nefedova, T.G. (2014). Migration Attractiveness of Cities as an Indicator of the Transformation of Russia's Post-Soviet Urban Space. *Nauka. Innovacii. Texnologii [Science. Innovations. Technology]*, (2), 106–135. (In Russ.)

Petukhov, N.A. (2017). Advantages of Large Cities in Population Migration. *RISK: Resources. RISK: Resursy'. Informaciya. Snabzhenie. Konkurenciya [RISK: Resources, Information, Supply, Competition]*, (3), 125–130. (In Russ.)

Petukhov, N.A. (2018). Migration Attractiveness of Cities — Administrative Centers of the Russian Federation. *Vestnik Iuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki [Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences]*, (4), 8–15. (In Russ.)

Petukhov, N.A. & Goridko, N.P. (2017). Migration Attractiveness of Large Russian Cities. *RISK: Resursy'. Informaciya. Snabzhenie. Konkurenciya [RISK: Resources, Information, Supply, Competition]*, (4), 156–165. (In Russ.)

Соловьев Иван Алексеевич — доктор географических наук, доцент, профессор департамента географии и геоинформатики, Северо-Кавказский федеральный университет; <https://orcid.org/0000-0003-2150-7284> (Российская Федерация, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; e-mail: soloivan@mail.ru).

Ivan A. Soloviev — Dr. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Professor of the Department of Geography and Geoinformatics, North-Caucasus Federal University; <https://orcid.org/0000-0003-2150-7284> (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation; e-mail: soloivan@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All author declares that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 336.018(045)

JEL classification: O15, R23

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-6-10>

Миграции и миграционные связи регионов Урала¹

К. А. Чернышев

Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
(г. Москва, Российская Федерация).

<https://orcid.org/0000-0003-3543-4776>

Автор для корреспонденции: К. А. Чернышев (kochern81@gmail.com).

Аннотация. В статье анализируются межрегиональные миграционные связи регионов Урала по данным Всесоюзной переписи 1989 г., Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг. на основе информации о месте рождения. Объектом исследования является «Большой Урал», включающий Республику Башкортостан, Удмуртскую Республику, Пермский край, Свердловскую, Челябинскую, Оренбургскую, Курганскую и Тюменскую области (с Ханты-Мансийским — Югрой и Ямало-Ненецким автономными округами). Методика исследования основана на расчете коэффициента интенсивности миграционных связей и коэффициента результативности миграционного обмена, адаптированных к переписным данным. Показано, что основные направления межрегиональных миграционных связей Урала сохраняются на протяжении всего рассматриваемого периода. Внутри макрорегиона наиболее интенсивные связи формируются между соседними территориями, а также в направлении Тюменской области как ключевого полюса притяжения населения. Во внешних связях выявлена смена ведущих направлений расселения уроженцев Урала: от регионов северного освоения в конце советского периода к крупнейшим агломерациям европейской части России в постсоветский период.

Ключевые слова: межрегиональная миграция; интенсивность миграционных связей; пожизненная миграция; переписи населения; Урал.

Migrations and Migration Linkages of the Ural Regions

K. Chernyshev

Institute of Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS
(Moscow, Russian Federation).

<https://orcid.org/0000-0003-3543-4776>

Corresponding author: K. Chernyshev (kochern81@gmail.com).

Abstract. The article analyzes interregional migration linkages of the Ural regions based on data from the 1989 All-Union Population Census and the 2002, 2010, and 2021 All-Russian Population Censuses, using information on place of birth. The object of the study is the “Greater Ural,” which includes the Republic of Bashkortostan, the Udmurt Republic, Perm Krai, Sverdlovsk, Chelyabinsk, Orenburg, Kurgan, and Tyumen oblasts (including the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra and the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). The methodology is based on the calculation of the migration intensity coefficient and the coefficient of migration exchange effectiveness, adapted to census data. The study shows that the main directions of interregional migration linkages of the Ural have remained stable throughout the entire period under consideration. Within the macroregion, the most intensive migration links are formed between neighboring territories, as well as in the direction of Tyumen Oblast as a key population attraction pole. In external migration linkages, a shift in the leading settlement directions of Ural natives is revealed: from regions of northern development in the late Soviet period to the largest agglomerations of the European part of Russia in the post-Soviet period.

Keywords: interregional migration, intensity of migration ties, lifetime migration, population censuses, the Ural region.

¹ © Чернышев К. А. Текст. 2026.

Введение

Географическое положение Уральского макрорегиона определяет особую роль в организации внутрироссийских миграционных процессов между западной и восточной экономическими зонами страны. Высокая интенсивность миграционного обмена характерна для Урала и определяется его местом в схеме перераспределения населения СССР и Российской Федерации (Горбачев, 2008). Для советского периода изучения миграции населения данные текущего статистического учета практически не имели альтернативы, сохранив свое доминирующее положение в исследованиях миграции и в последующие десятилетия. Однако современные исследования подчеркивают необходимость критического отношения к текущей миграционной статистике и использованию различных источников миграционных данных (Мкртчян, 2020).

Возвращение в программу переписей населения вопроса о месте рождения дало возможность использовать и эти источники при изучении пожизненной миграции. Под последней понимаются перемещения населения, выявленные на основе несовпадения мест рождения и проживания. Переписные данные рассматриваются как значимый инструмент ретроспективного анализа миграции и перераспределения населения (Воробьева и др., 2016; Ахметова, 2021). Заметным вкладом в изучение миграции по данным переписей населения были работы С. И. Абылкаликова, в которых предлагается вариант регионализации территории страны и рассматриваются направления пожизненных миграций за длительный период времени (например, Abylkalikov, 2016). Цель предлагаемого в нашей работе исследования состоит в выявлении миграционных связей регионов Урала на основе данных переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2021 гг. Методика расчетов показателей межрегиональных миграционных связей в основном заимствована из работ представителей научной школы Л. Л. Рыбаковского, использовавших в качестве источников данные текущего учета (Рыбаковский, 1973), и реализована на примере Уральского макрорегиона. Осуществление регионализации такой крупной территории связано с вопросом определения границ Урала. Имеются примеры исследований внутрироссийской миграции (Зайончковская, 2012), где в качестве основных территориальных единиц анализа выступают федеральные округа, несмотря на изменчивость и неоднозначный состав данного типа территориальных образований, при формировании которых нарушалась целостность территориальных общностей людей. В нашей работе макрорегион рассматривается в границах Уральского экономического района и Уральского федерального округа.

Методы и данные

Информационной базой выступили таблицы всесоюзной и всероссийских переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2021 гг. «Население по месту рождения», а также рассчитанные на их основе матрицы показателей пожизненной миграции для всех регионов России. Анализ ведется для регионов Большого Урала в следующем составе: Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Пермский край, Свердловская, Челябинская, Оренбургская, Курганская и Тюменская области (включая Ханты-Мансийский — Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа). Для сопоставимости расчетов данные контингентов мигрантов объединялись по двум

столичным макрорегионам, а также регионам, включавшим в 1989 г. автономные области или округа. Важно учитывать, что слабые результаты переписи 2021 г. в части миграционной составляющей подвергаются обоснованной критике экспертного сообщества (Чудиновских, 2025). Это снижает доверие к рассчитанным показателям межрегиональной пожизненной миграции для данной переписи.

Для описания двусторонних миграционных связей используются показатели — коэффициент результативности миграционного обмена (КРМО) и коэффициенты интенсивности миграционных связей (КРМС) (Рыбаковский и др., 2019).

Для оценки асимметрии двусторонних миграционных связей используется коэффициент результативности миграционного обмена между регионами i и j , вычисляемый как отношение числа выбывших из i в j к числу прибывших из j в i . В терминах переписных данных по месту рождения показатель *КРМО* рассчитывается как:

$$KRM_{ij} = M_{ij} / M_{ji}.$$

В расчетах *КРМО* не рассматривались встречные межрегиональные миграционные контингенты менее 2 000 чел.

КИМС по прибытию в регион j из региона i определяется как нормированная доля уроженцев i среди населения j относительно доли населения i в совокупности сравниваемых территорий:

$$KIMS_{ij} = (M_{ij} / N_j) / (N_i / N),$$

где M_{ij} — численность населения, проживающего в регионе j и родившегося в регионе i ; N_j — численность населения региона j ; N_i — численность населения региона i ; N — численность населения совокупности территорий расчета.

Значения *КИМС* больше 1,0 означают относительную «перепредставленность» уроженцев i в составе населения j .

Рассмотрим по отдельности межрегиональные миграционные связи регионов Урала с другими частями России и взаимодействие внутри Уральского макрорегиона.

Результаты и обсуждение

Проанализируем внешние по отношению к Уралу миграционные связи изучаемых регионов. Крупнейшие контингенты уроженцев Урала, проживавших в неуральских регионах России на протяжении всего рассматриваемого периода 1989–2021 гг. сосредотачиваются в двух типах территорий. Во-первых, в столичных агломерациях, прежде всего в Москве и Подмосковье, являющихся главным центром притяжения межрегиональных мигрантов. Во-вторых, в соседних с Уралом регионах, в особенности в поволжских субъектах РФ (Татарстан и др.). При этом значение столичного макрорегиона в течение постсоветского периода возросло.

В населении регионов Урала во всех переписях присутствовали крупные контингенты уроженцев соседних территорий Поволжья и Волго-Вятского региона, а также выходцы из центральных частей страны. В конце советского периода наиболее

многочисленными были контингенты кировчан, проживавших в Свердловской (143,8 тыс. чел.) и Пермской областях.

В 1989 г. контингент уроженцев Кировской области, проживавших в Свердловской области, был крупнейшим среди несоседних межрегиональных миграционных направлений, за исключением столичных регионов. К 2021 г. структура крупнейших неуральских контингентов изменилась — наиболее значительной стала численность уроженцев Омской области и Дагестана, проживающих в Тюменской области.

Переход от абсолютных размеров к относительным показателям позволяет более точно выявить закономерности межрегиональной миграции. При анализе внешних связей регионов Урала по коэффициентам интенсивности миграционных связей (КИМС > 10) выявляется ограниченный, но устойчивый набор направлений. Во всех переписях такие значения характерны для входящих потоков из Кировской области в Удмуртскую Республику и Пермский край.

По результативности миграционного обмена внешние связи регионов Урала на протяжении всего периода 1989–2021 гг. характеризуются выраженной неравномерностью по ряду направлений. В конце советского периода наибольшие значения КРМО были сформированы в связях с удаленными регионами страны — Севером и Дальним Востоком. Численность уроженцев уральских регионов, проживающих за их пределами, многократно превышала встречные контингенты выходцев из данных территорий, проживающих на Урале. Это отражало накопленный результат масштабных переселении советского периода. Максимальные значения показателя в 1989 г. были для пар «Башкирская АССР — Якутская АССР», «Оренбургская область — Якутская АССР», «Башкирская АССР — Мурманская область». В 2002 и 2010 гг. происходит смещение лидирующих направлений в сторону главных агломераций в европейской части страны. Переписью 2021 г. наиболее неравномерный обмен был зафиксирован для миграционных связей Курганской, Оренбургской областей и Удмуртии с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью.

Рассмотрим межрегиональные миграционные связи внутри Уральского макрорегиона. По данным всех четырех переписей, крупнейшие контингенты связаны с переселениями между многонаселенными регионами — из Башкортостана, Свердловской и Челябинской областей в Тюменскую область, а также с устойчивыми соседскими связями между соседними территориями. Внутри макрорегиона именно Тюменская область выступает основным центром притяжения

Таблица 1

**Наиболее высокие значения КИМС по прибытию в регионы Урала
из неуральских регионов (более 10)**

Год переписи	Регион рождения	Регион проживания	КИМС
1989	Кировская область	Пермский край	12,06
1989	Кировская область	Удмуртская Республика	11,17
2002	Кировская область	Пермский край	12,40
2002	Кировская область	Удмуртская Республика	11,33
2010	Кировская область	Пермский край	13,19
2010	Кировская область	Удмуртская Республика	12,28
2021	Кировская область	Пермский край	13,07
2021	Кировская область	Удмуртская Республика	13,88

Таблица 2

Наиболее высокие значения КИМС по прибытию между регионами Урала (более 10)

Год переписи	Регион рождения	Регион проживания	КИМС
1989	Курганская область	Челябинская область	17,63
2002	Курганская область	Челябинская область	18,06
2010	Курганская область	Челябинская область	22,14
2010	Курганская область	Свердловская область	11,69
2010	Удмуртская Республика	Пермский край	10,61
2021	Курганская область	Челябинская область	27,45
2021	Курганская область	Свердловская область	15,12
2021	Курганская область	Тюменская область	14,39
2021	Удмуртская Республика	Пермский край	12,80

населения. Контингент уроженцев Башкортостана, проживающих в Тюменской области в 2002, 2010, 2021 гг., являлся самым крупным в России среди пар регионов, не имеющих общей границы, уступая лишь отдельным переселениям в Московский регион.

Расчет КИМС по прибытию показывает, что на протяжении рассматриваемого периода максимальные значения КИМС внутри Урала формируются в соседских парах. Наиболее устойчиво и с нарастающей интенсивностью выделяется связка «Курганская область — Челябинская область», где КИМС возрастает от 17,63 в 1989 г. до 27,45 в 2021 г. Высокие значения показателя также зафиксированы для миграции из Курганской области в Свердловскую и Тюменскую области, что отражает как географическую близость, так и долговременное положение Курганской области как локального регион-донора. В западном сегменте Урала устойчиво воспроизводится интенсивная связка «Удмуртская Республика — Пермский край».

Расчет КРМО регионов Урала на протяжении всего рассматриваемого периода показывает несбалансированность обмена между регионами: в первую очередь миграционные потери в пользу Тюменской области как ключевого полюса притяжения населения. Наиболее высокое значение КРМО (23,36) было зафиксировано переписью 1989 г. для миграции из Башкирской АССР в Тюменскую область. По данным переписи 2021 г., для Курганской области этот показатель составляет 10,33 раза, для Республики Башкортостан — 7,04 раза. Тем самым несбалансированность миграционных связей с Тюменской областью сохраняется на протяжении всего рассматриваемого периода.

Заключение

Анализ данных переписей населения 1989–2021 гг. показал, что миграционные связи регионов Урала характеризуются высокой устойчивостью и значительной интенсивностью взаимодействия как внутри макрорегиона, так и с отдельными неуральскими регионами России. Во всех рассмотренных переписях Урал сохраняет роль одного из ключевых элементов системы межрегиональной миграции страны, выполняя функцию связующего звена между западными и восточными экономическими зонами.

Внутри Уральского макрорегиона наиболее интенсивные миграционные связи формируются между соседними территориями. По величине КИМС по прибытию на протяжении всего периода выделяется связка «Курганская область — Челябинская область», в которой значения показателя стабильно возрастают. Расчет КРМО выявляет выраженную неравномерность связей внутри макрорегиона, прежде всего в пользу Тюменской области (включая Ханты-Мансийский — Югру и Ямало-Ненецкий автономные округа), выступающей центром притяжения населения. Во внешних связях регионов Урала представлены значительные контингенты как уроженцев Урала, проживающих за его пределами, так и выходцев из других регионов России. В конце 1980-х гг. максимальные значения КРМО были характерны для связей с регионами Севера и Дальнего Востока, тогда как в постсоветский период они смещаются в сторону крупнейших столичных агломераций страны.

Таким образом, Урал на протяжении всего рассматриваемого периода выступает как зона интенсивных межрегиональных перемещений населения и относительно целостное миграционное пространство.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02962, <https://rscf.ru/project/25-28-02962/>

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-02962, <https://rscf.ru/project/25-28-02962/>

Список источников

Ахметова, Г. Ф. Местные уроженцы и мигранты в структуре населения России и Башкортостана. ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. 1 (2), 86–95. <http://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.7>

Воробьева О. Д., Топилин А. В., Гребенюк А. А., Лебедева Т. В. (2016). Анализ миграционных процессов по данным переписей населения в России. Экономика региона. 12 (1), 175–188. <http://doi.org/10.17059/2016-1-13>

Горбачев, О. В. (2008). Средний Урал на миграционной карте России (1990-е). Документ. Архив. История. Современность, 9, 216–225. EDN: QZEIFB

Зайончковская Ж.А. Федеральные округа на миграционной карте России. Регион: экономика и социология. 2012, 3, 3–18.

Мкртчян, Н. В. (2020). Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. Демографическое обозрение, 7 (1), 83–99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>

Рыбаковский, Л. Л. (1973). Региональный анализ миграций. Москва: Статистика, 147.

Рыбаковский, Л. Л., Кожевникова, Н. И., Савинков, В. И. (2019). Межрайонные миграционные связи, их особенности и измерение. Уровень жизни населения регионов России, 15 (3), 25–35. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10070>

Чудиновских, О. С. (2025). К вопросу о возможности изучения миграции по материалам Всероссийской переписи населения 2020 г. Демографическое обозрение, 12 (2), 4–34. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27489>

Abylkalikov, S.I. (2016). Migration activity and adaptation of Russian regional populations. Regional Research of Russia, 6 (4), 357–365. <http://doi.org/10.1134/S207997051604002X>

References

- Abylkalikov, S. I. (2016). Migration activity and adaptation of Russian regional populations. *Regional Research of Russia*, 6 (4), 357–365. <https://doi.org/10.1134/S207997051604002X>
- Akhmetova, G. F. (2021). Natives and migrants in the population structure of Russian and Bashkortostan. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniia [DEMIS. Demographic Research]*, 1 (2), 86–95. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.7> (In Russ.)
- Chudinovskikh, O. S. (2025). On the issue of the possibility of studying migration based on the materials of the 2020 all-Russia population census. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 12 (2), 4–34. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27489> (In Russ.)
- Gorbachev, O. V. (2008). The middle Urals on the migration map of Russia (1990). *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost' [Document. Archive. History. Modernity]*, (9), 216–225. EDN: QZEIFB (In Russ.)
- Zaionchkovskaia, Zh. A. (2012). Federal districts on the Russian migration map. *Region: ekonomika i sotsiologiia*, (3), 3–18. (In Russ.)
- Mkrtschian, N. V. (2020). Problems in the statistics of internal Russian migration caused by changes in accounting methods in 2011. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 7 (1), 83–99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821> (In Russ.)
- Rybakovskii, L. L. (1973). *Regional'nyi analiz migratsii [Regional analysis of migrations]*. M: Statistika, 147. (In Russ.)
- Rybakovskii, L. L., Kozhevnikova, N. I., & Savinkov, V. I. (2019). Interdistrict migration relations, their features and measurement. *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 15 (3), 25–35. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10070> (In Russ.)
- Vorobeva, O. D., Topilin, A. V., Grebeniuk, A. A., & Lebedeva, T. V. (2016). The analysis of migration processes in Russia according to the census. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, 12 (1), 175–188. <https://doi.org/10.17059/2016-1-13> (In Russ.)

Чернышев Константин Анатольевич — кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; <https://orcid.org/0000-0003-3543-4776> (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6., к. 1; e-mail: kochern81@gmail.com).

Konstantin A. Chernyshev — Cand. Sci. (Geogr.), Docent, Leading Researcher, Institute of Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0003-3543-4776> (6 Fotievoy St., bldg. 1, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: kochern81@gmail.com).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314:316.7

JEL classification: Z13, J11

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-6-11>

Цифровые каналы адаптации молодых мигрантов в стране приема (на примере мигрантов из Таджикистана в России)¹

П. А. Шумилова ^а, Н. О. Колчин ^б

^а Уральский Федеральный Университет (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-8899-8546>

^б Уральский Федеральный Университет (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0009-0003-3704-1332>

Автор для корреспонденции: П. А. Шумилова, (polina.shumilova@urfu.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты опроса молодых мигрантов из Таджикистана ($N = 293$) в России (Екатеринбург, 2026), проведенного методом анкетирования. В результате были выявлены статистически значимые связи между неформальными цифровыми практиками молодых таджиков, приехавших в Россию, и их ценностными ориентациями, сохранением культурных традиций и интеграционными установками. Анализ данных показал несколько направлений влияния цифровых практик на адаптационные показатели мигрантов в зависимости от интернет-платформы и типа контента: культурно-демонстративное, связанное с таджикоязычными ресурсами и платформами с визуализированным контентом; индивидуально-секулярное, ассоциированное со спортивным и общероссийским новостным контентом; прагматично-интеграционное, обнаруженное у пользователей российской социальной сети. Ключевым выводом является то, что выявленные адаптационные сценарии характеризуются гибридной и нелинейностью и зависят от неформальных цифровых практик мигрантов.

Ключевые слова: адаптация мигрантов; иноэтничные мигранты; цифровая социология; Таджикистан; Россия.

Digital Channels for the Adaptation of Young Migrants in the Receiving Country (Using the example of Migrants from Tajikistan in Russia)

P. Shumilova ^а, N. Kolchin ^б

^а Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-8899-8546>

^б Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0009-0003-3704-1332>

Corresponding author: P. Shumilova, (polina.shumilova@urfu.ru).

Abstract. The article presents the results of a survey of young migrants from Tajikistan ($N = 293$) in Russia (Yekaterinburg, 2026) conducted by the questionnaire method. As a result, statistically significant links were identified between the informal digital practices of young Tajiks who came to Russia and their value orientations, preservation of cultural traditions and integration attitudes. The data analysis showed several areas of influence of digital practices on the adaptation indicators of migrants, depending on the Internet platform and type of content: culturally demonstrative, associated with Tajik-language resources and platforms with visualized content; individually secular, associated with sports and nationwide news content; pragmatic and integrative, found among users of russian social media networks. The key conclusion is that

¹ © Шумилова П. А., Колчин Н. О. Текст. 2026.

the identified adaptation scenarios are characterized by hybridity and non-linearity, depending on the informal digital practices of migrants.

Keywords: adaptation of migrants, non-ethnic migrants, digital sociology, Tajikistan, Russia.

Введение

Современные демографические тенденции, характеристиками которых являются старение и убыль населения, а также изменение структуры социума и сокращение его трудоспособной страты, предъявляют новые вызовы социально-экономическому развитию многих развитых стран, включая Российскую Федерацию. В таких условиях сохраняет значимую роль миграция как существенный фактор восполнения человеческого капитала и обеспечения устойчивого развития страны¹. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение адаптационного потенциала молодых иноэтничных и инокультурных мигрантов, чье успешное включение в принимающее сообщество становится залогом социальной стабильности и экономического развития страны. В рамках представленного исследования успешная адаптация мигрантов понимается как комплексный процесс взаимодействия приезжих с принимающим сообществом, результатом которого является усвоение социальных, культурных, правовых норм, ценностей, языка новой страны при одновременном непротиворечивом сохранении собственной идентичности.

Сегодня процессы цифровизации, пронизывающие все сферы жизни, кардинально меняют и способы адаптации мигрантов. Цифровая среда перестает быть средством доминирующей коммуникации с родиной и диаспорой, формирующей транснациональные сообщества, удерживающие мигрантов в родной культуре (Глик-Шиллер и др., 1995; Клепикова, Мурманцев, 2023), а превращается в активное пространство адаптации — через принятие новых ценностных установок и гибридных идентичностей в стране приема (Васильев и др., 2019). Несмотря на обширную литературу по миграции, исследования, связывающие конкретные цифровые практики мигрантов с процессами адаптации в принимающем сообществе, остаются фрагментарными. Существующие работы фокусируются на явлении цифровых диаспор (Brinkerhoff, 2009; Волков & Курбатов, 2021) и на общих вопросах интеграции. Важные результаты можно видеть в исследованиях государственных платформ, приложений, реестров и пр. (Аленкар, 2023; Шишкин, 2023), выявляющие большое значение цифровизации управления миграцией, а также проблемы цифровых компетенций приезжих. Интересные данные представлены в исследовании структурной интеграции в области поиска работы и жилья мигрантами, отражающие влияние слабых связей, которые формируются среди мигрантов в сети Интернет, с тем чтобы минимизировать негативные аспекты этих процессов (Тимошкин и др., 2025). Однако на сегодня еще не сформировалась база исследований, в полной мере раскрывающих влияние использования цифровых инструментов на адаптацию и интеграцию иноэтничных приезжих. Данная статья направлена на то, чтобы восполнить этот пробел, фокусируясь на анализе неформальных

¹Московский аналитический центр. Ключевые показатели: Демография. <https://ac.mos.ru/dashboards/key-indicators/demography/> (дата обращения: 03.02.2026); Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Демографический прогноз России до 2046 года. <https://demogr.hse.ru/mirror/pubs/share/943055611.pdf> (дата обращения: 01.01.2026).

цифровых практик, связанных с потреблением тематического контента среди молодых мигрантов из Таджикистана в России.

Актуальность работы обусловлена тем, что миграция из стран Центральной Азии на протяжении долгого времени является структурным элементом российского сообщества и экономики. Изучение формирующихся сегодня адаптационных особенностей молодежи, как когорты с большим периодом трудовой активности, позволяет прогнозировать процессы включения мигрантов в принимающий социум, что напрямую связано с решением задач как рынка труда, так и в сфере демографической и социальной политики. Цель представленного исследования — выявить связи между неформальными цифровыми практиками иноэтничных мигрантов в России и их ценностными ориентациями, сохранением культурных традиций и интеграционными установками. Под неформальными цифровыми практиками в данном случае подразумевается потребление того или иного контента в зависимости от тематики цифровых платформ, на которых он размещен. Гипотеза исследования заключается в том, что цифровые каналы по-разному влияют на процесс адаптации мигрантов через формирование различных комплексов ценностных ориентаций, степени сохранения культурных традиций и интеграционных установок.

Эмпирическую базу исследования составили данные анкетирования 293 трудовых мигрантов из Таджикистана, проведенного в Екатеринбурге в 2026 году. Акцент был сделан на молодой когорте от 18 до 35 лет, как наиболее активных пользователей цифровых технологий. Анкета включала в себя вопросы, соответствующие блокам: социально-демографический, цифровые практики и медиапотребление, культурная и религиозная идентичность, планы на будущее и интеграционные установки. В работе представлены результаты дескриптивного и сравнительного анализов, которые были использованы для описания общего портрета выборки и составления распределений по нескольким переменным. Для выявления связей между потреблением контента различных интернет-каналов и ценностными установками, культурными традициями и интеграционными установками использовался корреляционный анализ с применением коэффициентов Пирсона (ϕ -коэффициент), а уровень статистической значимости (p -value) устанавливался на уровне ошибки $p < 0.05$.

Результаты

Исследования показали отсутствие единообразного воздействия контента цифровых каналов на адаптационные показатели мигрантов в принимающем сообществе. В результате составления корреляционной матрицы, связывающей шкалы цифровых практик (выбор сайтов, социальных сетей и каналов в мессенджерах как источниках информации) и адаптационные показатели, была выявлена избирательная связь между указанными цифровыми медиа и практиками поддержания своей национальной культурной и религиозной идентичности. Прежде всего стоит отметить очевидную роль цифровых платформ на таджикском языке, которые работают как усилители этнокультурной солидарности. Наблюдается значимая положительная корреляция между их использованием и ценностью семейных традиций (V Крамера = 0,304, $p = 0,004$), а также участием

в национальных праздничных гуляниях ($\phi = 0.329, p = 0.001$). Однако оказалось интересным то, что связь потребления контента на родном языке с регулярным посещением мечети отсутствует, а с регулярным совершением молитвы выражена статистически слабо ($\phi = 0.189, p = 0.048$). Это позволяет предположить, что цифровые предпочтения в большей степени коррелируют с внешними, социально проявляемыми культурными практиками, чем с интимной религиозностью. Instagram (продукт компании «Мета», которая признана экстремистской организацией в России, деятельность организации запрещена на территории РФ) был ассоциирован с приверженностью к национальному стилю в одежде ($\phi = 0.203, p = 0.034$), что может указывать на связь потребления визуализированного контента с установкой на внешнюю (видимую) репрезентацию своей этнической идентичности. Спортивные каналы показали значимые отрицательные корреляции с несколькими традиционными практиками: отмечание религиозных праздников ($\phi = -0.251, p = 0.008$) и умение готовить блюда национальной кухни ($\phi = -0.212, p = 0.026$). Это с одной стороны объясняется тем, что что все потребители спортивного канала являются мужчинами, а с другой стороны — наличием индивидуализированной и секулярной ориентации, что формирует дистанцию от традиций, направленных на коллективное действие.

Обнаружено, что новостийные каналы по-разному воздействуют на адаптационные процессы у мигрантов. Например, потребление контента российского локального новостного канала «Е1» (новости г. Екатеринбурга и Свердловской области) положительно связано с чтением литературы на таджикском языке ($\phi = 0.230, p = 0.016$). А вот всероссийские новости, также как и спортивные каналы, отрицательно коррелируют с умением готовить блюда национальной кухни ($\phi = -0.221, p = 0.020$). Это может быть признаком ослабления связи с повседневными, бытовыми культурными практиками у мигрантов, погруженных в информационный поток принимающего общества, что свидетельствует о формировании сложной, неоднородной адаптационной системы приезжего. При этом чтение международных новостей (BBC) значимо коррелирует с соблюдением национального стиля в одежде ($\phi = 0.335, p = 0.000$), что может характеризовать мигрантов, как включенных в глобальный информационный поток и выбирающих внешние проявления культурной принадлежности.

Значимым стало обнаружение сильной связи между использованием российской социальной сети «ВКонтакте» как источника информации и признаками позитивной адаптации мигранта, выраженной в чувстве социальной стабильности и доверия к принимающему сообществу. К таким относится прежде всего уверенность в будущем ($\phi = 0.243, p < 0.05$), т. к. является фактором личностной устойчивости в принимаемом сообществе. Однако было выявлено, что пользование VK демонстрирует отрицательную корреляцию с желанием получить российское гражданство ($\phi = -0.216, p = 0.024$) и положительную связь с ответом «не знаю» $\phi = 0.294, p = 0.002$, что говорит о негативной связи со стремлением к формально-правовой интеграции. Второй элемент продуктивной адаптации — это внимание к интересной работе, что коррелирует с потреблением образовательного контента ($\phi = 0.296, p < 0.01$).

Таблица 1

Сводная таблица значимых корреляций между неформальными цифровыми практиками мигрантов и показателями их адаптации в российском сообществе

Цифровая практика (независимая переменная)	Показатель адаптации (зависимая переменная)	Корреляционный коэффициент
Сайты на таджикском языке	Ценность семейных традиций	$V = 0.304$
Сайты на таджикском языке	Гуляния по поводу нац. праздников	$\phi = 0.329$
Сайты на таджикском языке	Регулярная молитва	$\phi = 0.189$
Instagram (продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России, деятельность организации запрещена на территории РФ)	Соблюдение нац. стиля в одежде	$\phi = 0.203$
Спортивные каналы	Отмечание религиозн. праздников	$\phi = -0.251$
Спортивные каналы	Умение готовить нац. блюда	$\phi = -0.212$
Новости E1.ru (локальные)	Чтение лит-ры на тадж. языке	$\phi = 0.230$
Всероссийские новости	Умение готовить нац. блюда	$\phi = -0.221$
ВВС (международные новости)	Соблюдение нац. стиля в одежде	$\phi = 0.335$
Соцсеть «ВКонтакте»	Уверенность в будущем	$\phi = 0.243$
Соцсеть «ВКонтакте»	Желание получить гражд-во РФ	$\phi = -0.216$
Образовательный контент	Внимание к интересной работе	$\phi = 0.296$

Таким образом, представленный анализ позволил выявить несколько направлений влияния цифровых практик на адаптационные показатели мигрантов: смешанная траектория, которая основывается на специфике содержания новостей; траектория внешней (визуальной) репрезентации, которая помогает поддерживать и демонстрировать идентичность с родной культурой; индивидуалистическая секулярная траектория.

Заключение

Представленные результаты показывают то, что цифровая среда является активным участником процесса адаптации и интеграции мигрантов в обществе приема, а не только инструментом связи с родиной, чаще рассматривающейся как фактор формирования транснациональных характеристик и сохранения идентичности с обществом исхода. Цифровая среда имеет нелинейное и избирательное влияние на молодых таджиков в России.

Анализ полученных данных демонстрируют наличие нескольких адаптационных траекторий, коррелирующих с конкретными цифровыми практиками, связанными с потреблением различного контента. Так, таджикоязычные платформы способствуют проявлению социально-репрезентативных аспектов культуры (семейные ценности, коллективные праздники), но слабо связаны с религиозностью. Национальная цифровая среда поддерживает те элементы родной культуры, которые имеют публичное, коммуникативное измерение и укрепляют внутригрупповую солидарность. Другая траектория, связанная с визуализированным контентом и интересом к глобальным новостям, характеризуется акцентом на внешних, демонстративных элементах идентичности (национальный стиль в одежде), что указывает на значимость символического поддержания этнокультурного «я».

Еще одно направление влияния контента связано с потреблением информации о спорте и отчасти всероссийских новостей, характеризуется отходом от коллективных религиозных и бытовых практик. Следующая траектория представлена у пользователей социальной сети «ВКонтакте». Она сочетает признаки успешной социально-психологической адаптации (уверенность в будущем, доверие к обществу), с отсутствием стремления к формально-правовой интеграции (получение гражданства). Это позволяет интерпретировать влияние «ВК» как ресурса для эффективной повседневной интеграции, который при этом не трансформируется в долгосрочные правовые обязательства. Отдельно стоит отметить дифференцированное влияние новостного контента на развитие сложной гибридизации. Потребление локальных («E1.ru») и международных новостей коррелирует с двумя разнонаправленными характеристиками адаптации: от укрепления связей с родным языком до минимизации бытовых культурных навыков, что показывает сложный и нелинейный характер современной адаптации мигрантов в принимающем сообществе.

Таким образом, можно сказать, что цифровая среда является активным агентом адаптации современного мигранта в стране приема. Она содержит в себе инструментарий, выбор которого определяет различные сценарии адаптации: от укрепления этнокультурной солидарности до индивидуализированной интеграции в новое сообщество. Ключевым выводом является то, что адаптация мигрантов под влиянием цифровых платформ носит мозаичный характер, зависимый от контекста и специфики потребляемого контента и цифровых практик.

Список источников

Аленкар, А. (2023). Аналитический обзор: место современных технологий в интеграции мигрантов. В *Миграционная обсерватория. Сборник публикаций 2023–2024 гг.* (с.195–205). Вена, 110. <https://www.pragueprocess.eu/ru/resources/repository/33-reports/492-migracionnaa-observatoria-sbornik-publikacij-2023-24> (дата обращения: 03.02.2026).

Brinkerhoff, J. M. (2009). *Digital diasporas: Identity and transnational engagement*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/s153759270999257x>.

Васильев, В., Еременкова, Ю., Ермохина, А., Солдатенков, И., & Никифоров, А. (2019). Роль цифровых технологий в адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в современной России. *Вопросы этнополитики*, 3, 122–144. <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2019-3-122-144>

Волков, Ю. Г., Курбатов, В. И. (2021). Цифровая диаспора: новые горизонты медиаадаптации мигрантов. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки*, 14(6), 21–31. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-21-31>

Schiller, N. G., Basch, L., & Blanc, C. S. (1995). From immigrant to transmigrant: Theorizing transnational migration. *Anthropological Quarterly*, 68(1), 48–63. <https://doi.org/10.2307/3317464>

Клепикова, Л. В., Мурманцев, В. С. (2023). Транснационализм как новая перспектива изучения современного общества. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 1(63), 46–53. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-1/46-53>

Тимошкин, Д., Ермаков, Т., Иванов, К., Тарасов, П., Жарков, М., Потехин, А. (2025). Опыт анализа «цифровых следов» процесса структурной интеграции мигрантов в России с помощью нейросети BERT. *Социологическое обозрение*, (1), 332–355. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-332-356>

Шичкин, И. А. (2023). Трансформация занятости и социальной защиты трудовых мигрантов в процессе развития информационно-коммуникационных технологий. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, 13 (11А), 201–215. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.99.39.021>

References

Alencar, A. (2023). Analytical review: The place of modern technologies in the integration of migrants. In *Migratsionnaia observatoriia. Sbornik publikatsii 2023–2024 gg. [Migration Observatory. Collection of publications 2023–2024]* (pp. 195–205). Vena, 110. <https://www.pragueprocess.eu/ru/resources/repository/33-reports/492-migracionnaa-observatoria-sbornik-publikacij-2023-24> (Accessed: 03.02.2026). (In Russ.)

Brinkerhoff, J. M. (2009). *Digital diasporas: Identity and transnational engagement*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/s153759270999257x>

Schiller, N. G., Basch, L., & Blanc, C. S. (1995). From immigrant to transmigrant: Theorizing transnational migration. *Anthropological Quarterly*, 68(1), 48–63. <https://doi.org/10.2307/3317464>

Klepikova, L. V., & Murmantsev, V. S. (2023). Transnational approach as a new perspective on modern society. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanities research in the Russian Far East]*, 1(63), 46–53. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-1/46-53> (In Russ.)

Shichkin, I. A. (2023). Transformation of employment and social protection of labor migrants in the process of development of information and communication technologies. *Ekonomika: vchera, segodnia, zavtra [Economics: Yesterday, Today, Tomorrow]*, 13(11А), 201–215. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.99.39.021> (In Russ.)

Timoshkin, D., Ermakov, T., Ivanov, K., Tarasov, P., Zharkov, M., & Potekhin, A. (2025). Experience in analyzing the «digital traces» of the process of structural integration of migrants in Russia using the BERT neural network. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, (1), 332–355. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-332-356> (In Russ.)

Vasilev, V., Eremenkova, Iu., Ermokhina, A., Soldatenkov, I., & Nikiforov, A. (2019). role of digital technologies in the adaptation of labor migrants from Central Asia in contemporary Russia. *Voprosy etnopolitiki [Ethnopolitics Issues]*, (3), 122–144. <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2019-3-122-144> (In Russ.)

Volkov, Iu. G., & Kurbatov, V. I. (2021). Digital diaspora: New horizons of media adaptation of migrants. *Vestnik Iuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki [Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences]*, 14(6), 21–31. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-21-31> (In Russ.)

Шумилова Полина Андреевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, <https://orcid.org/0000-0001-8899-8546> (Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19, polina.shumilova@urfu.ru).

Колчин Никита Олегович — студент третьего курса направления «Реклама и связи с общественностью», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, <https://orcid.org/0009-0003-3704-1332> (Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19, Kolchin.Nikita@at.urfu.ru).

Polina A. Shumilova — PhD in Sociology, Senior Lecturer, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; <https://orcid.org/0000-0001-8899-8546> (19 Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation, e-mail: polina.shumilova@urfu.ru).

Nikita O. Kolchin — a third-year advertising and public relations student at the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; <https://orcid.org/0009-0003-3704-1332> (19 Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation, e-mail: Kolchin.Nikita@at.urfu.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

VII. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

УДК 614.1:314.114

JEL classification: C15, I18, J17

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-7-1>

Особенности групповой возрастной динамики смертности трудоспособного населения Республики Беларусь в 1990–2019 гг.¹

О.В. Агиевец^а, А.П. Романова^б, Д.А. Чернов^в

Белорусский государственный медицинский университет (г. Минск, Республика Беларусь).

^а <https://orcid.org/0009-0008-8249-5727>

^б <https://orcid.org/0009-0005-8174-5534>

^в <https://orcid.org/0000-0002-5797-0118>

Автор для корреспонденции: О.В. Агиевец (agievets.o.v@gmail.com).

Аннотация. Исходные данные: абсолютная численность умерших и среднегодовая численность населения трудоспособного возраста в Беларуси по пятилетним возрастным группам в 1990–2019 гг. Предмет исследования — смертность населения трудоспособного возраста Беларуси (15–64 года) в 1990–2019 гг. Цель работы — определить и обосновать возрастные границы групп риска смертности трудоспособного населения на основании математико-статистического моделирования динамики повозрастной смертности трудоспособного населения Республики Беларусь в 1990–2019 гг. Методы исследования: исторический, логический, математико-статистический. На основании проведенного математико-статистического моделирования осуществлена оценка моделей динамики смертности пятилетних возрастных групп трудоспособного населения Республики Беларусь в 1990–2019 гг., определены и обоснованы возрастные границы групп риска смертности трудоспособного населения. Результаты исследования внедряются в дальнейшие научные разработки по исследованию смертности трудоспособного населения и разработке мер целевого воздействия, направленных на снижение смертности.

Ключевые слова: возрастная смертность; смертность трудоспособного населения.

Features of Age-group Mortality Dynamics of the Working-age Population of the Republic of Belarus in 1990–2019

A. Ahiyevets^a, A. Romanova^b, D. Chernov^c

Educational Institution «Belarusian State Medical University» (Minsk, Republic of Belarus).

^a <https://orcid.org/0009-0008-8249-5727>

^b <https://orcid.org/0009-0005-8174-5534>

^c <https://orcid.org/0000-0002-5797-0118>

Corresponding author: A. Ahiyevets (agievets.o.v@gmail.com).

Abstract. Source data: absolute number of deaths and average annual number of working-age population of the Republic of Belarus by five-year age groups in 1990–2019. Subject of the study: mortality of the working-age population of the Republic of Belarus (15–64 years) in 1990–2019. Objective of the work: to establish and justify the age boundaries of mortality risk groups for the working-age population based on mathematical and statistical modeling of the dynamics of age-specific mortality of the population of the Republic of Belarus

¹ © Агиевец О. В., Романова А. П., Чернов Д. А. Текст. 2026.

in 1990–2019. Research methods: historical, logical, mathematical and statistical. Mathematical and statistical modeling and evaluation of the models of the dynamics of 5-year age groups of the working-age population of the Republic of Belarus in 1990–2019 were carried out. The age boundaries of mortality risk groups for the working-age population were established and justified. The results of the study are being implemented in further scientific research on the study of mortality in the working-age population and the development of targeted measures aimed at reducing mortality.

Keywords: age-related mortality; mortality of the working-age population.

Введение

Смертность населения как медико-демографический показатель здоровья населения, наряду с показателями заболеваемости, инвалидности и физического развития, отражает реакцию населения на социально-экономические и политические изменения, кризисные периоды развития общества и в значительной мере обусловлена уровнем развития здравоохранения и самосохранительным (здоровьесберегающим) поведением населения. В силу особенностей сбора и регистрации данных, смертность, а точнее ее показатели, продолжают оставаться не только наиболее объективными, но и наиболее часто используемыми при оценке общественного здоровья, эффективности деятельности системы здравоохранения, ее отдельных организаций и органов управления.

В государственной программе Республики Беларусь «Здоровье народа и демографическая безопасность» одним из целевых показателей эффективности ее реализации закреплен коэффициент смертности трудоспособного населения, что особо актуализирует проведение исследований, направленных на выработку предложений и мер, направленных на снижение рисков смертности трудоспособного населения. Научно обоснованный анализ показателей смертности является основой, информационной базой для определения приоритетов и принятия управленческих решений, направленных на сохранение и укрепление здоровья, снижения смертности населения трудоспособного возраста.

Демографический переход (от традиционного типа воспроизводства, характеризующегося высокой смертностью и высокой рождаемостью, к современному, характеризующемуся низкой смертностью и низкой рождаемостью) сопровождается старением населения. Информативность традиционных показателей меняется в связи с процессами, происходящими в обществе. В условиях демографического старения снижается ценность грубых (общего, частных) показателей смертности населения, так как увеличение в структуре населения лиц пожилого и старческого возраста оказывает влияние на уровень и возрастную структуру показателя смертности (Романова & Красько 2020).

Нивелирование искажения показателей смертности заложено в величине возрастных групп: чем меньше группа, тем слабее искажение. Такие показатели рассчитываются традиционно для пятилетних возрастных групп. Их количествократно возрастает в случае исследования смертности в одногодичных возрастных группах. Такой объем полученных данных громоздок и сложно поддается оценке и анализу. В связи с этим исследователи находятся в поиске оптимального числа и возрастных границ групп исследования и используют различные подходы к их комплектованию: формирование групп с десятилетним интервалом, деление на три группы младшего, среднего и старшего трудоспособного населения

(причем возрастные границы в разных исследованиях могут различаться); произвольное деление на группы трудоспособного населения на усмотрение автора.

Цель работы — на основании математико-статистического моделирования динамики повозрастной смертности населения Республики Беларусь в 1990–2019 гг. установить и обосновать возрастные границы групп риска смертности трудоспособного населения.

Обоснование возрастных групп риска смертности трудоспособного населения

Смертность трудоспособного населения России и Беларуси определена как угроза демографического развития территорий, что обуславливает непрерывное снижение численности населения, трансформацию возрастной структуры в неблагоприятную сторону и потенциальные социально-экономические трудности. По результатам масштабного исследования смертности населения Республики Беларусь в 1959–2018 гг. было показано, что ресурсом снижения смертности является смертность трудоспособного населения (Романова & Красько 2020). Большинство авторов единодушны в необходимости разработки и проведения превентивных мер, направленных на снижение смертности трудоспособного возраста, проведения профилактических мероприятий, разработки мер по выявлению контингента с высоким риском развития заболеваний и осложнений (Шабунова и др., 2012; Цыбин и др., 2007; Боровая, 2014; Антипов & Антипова, 2014; Берендеева & Сизова, 2020).

В этом контексте продолжает оставаться актуальным изучение смертности и ее динамики малочисленных групп населения, в меньшей степени испытывающих изменения возрастной структуры в силу их небольшой численности. Существует обратно пропорциональная зависимость, состоящая в том, что чем меньше численность группы, тем больше количество таких групп в популяции. Повозрастные показатели смертности рассчитывают для пятилетних возрастных групп и только трудоспособное население в диапазоне 15–64 года включает 10 таких групп: 15–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54, 55–59, 60–64 года. Анализ повозрастных показателей смертности отнесен к наиболее точным. Однако многочисленное количество возрастных групп с пятилетним интервалом не способствует удобству такого анализа и делает его достаточно громоздким.

Существует много классификаций возрастов и установление на их основе возрастных групп, которые с изменением уровня развития общества, социально-экономических условий, ведущих к изменению ряда социальных характеристик, в частности, продолжительности жизни, претерпевали изменения. Общим подходом является выделение трудоспособного, экономически активного, и нетрудоспособного населения. В такой классификации в отношении трудоспособного населения выделяют трудовой период, охватывающий юность — 16–24 года, зрелость — 25–44 года и позднюю зрелость — 45–64 года. В демографии в основу классификации возрастов трудоспособного населения положен принцип востребованности трудовых ресурсов страны. Определяют ранний рабочий возраст — 15–24 года, главный рабочий возраст — 25–44 года и средний возраст — 45–59 года (Цыганков & Жаркова, 2009; Гринина, 1972).

В соответствии со сведениями об естественном движении населения в Беларуси распределение умерших проводилось по группам с десятилетним интервалом:

с возраста 20 лет и старше и до возраста 20 лет с пятилетним интервалом и выделением возрастной группы до одного года (Романова & Красько, 2020).

При анализе смертности трудоспособного населения в государствах — членах СНГ, учитывая различные границы начала и окончания трудовой деятельности в этих странах, в группе изучения лиц в возрасте 15–59 лет выделены три равнозначных по количеству входящих пятилетних групп: младшая группа в диапазоне от 15 до 29 лет, средняя группа в диапазоне от 30 до 44 лет и старшая группа — диапазон от 45 до 59 лет (Максимова и др., 2006).

Национальный статистический комитет Республики Беларусь изучает данные об экономически занятом населении по возрастам 15–29, 30–39, 40–49, 50–59 лет и 60–74 года, а номинальный средний заработок работников по возрастным группам до 25 лет, 25–29 лет, 30–39, 40–49, 50–59 лет, 60 лет и старше.

Таким образом, формирование укрупненных групп трудоспособного населения проводится по разным критериям: с 10-летним интервалом (20–29, 30–39, 40–49, 50–59, 60–69), чаще по критерию возрастной иерархии: 15–29 (младшая группа населения трудоспособного возраста), 30–49 (средняя группа населения трудоспособного возраста), 50–64 (старшая группа населения трудоспособного возраста) или устанавливаются произвольно.

Использование большого количества исследуемых групп затрудняет аналитическую работу и порой не позволяет объективно оценить достигнутые результаты. Количество исследуемых групп, равно как и их возрастные рамки, должно быть оптимальным для использования в практическом здравоохранении при расчете показателей.

Материалы и методы

Материалы исследования: умершие и среднегодовая численность трудоспособного населения Республики Беларусь (15–64 года) по пятилетним возрастным группам (15–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54, 55–59, 60–64) в 1990–2019 гг. Хронологический период исследования составил 30 лет (1990–2019 гг.). Источники — формы государственной статистической отчетности и официальные данные расчетов по первичным данным органов статистического учета, полученные из Национального архива Республики Беларусь, статистических ежегодников за 1900–2019 гг., Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Предмет исследования — смертность населения трудоспособного возраста Республики Беларусь (15–64 года) в 1990–2019 гг.

Исследование осуществлялось на основании методологии использования данных (data-driven, «следование за данными»). Использована пуассоновская линейная модель регрессии с точками перелома (кусочно-линейная модель), показывающая динамику интенсивности событий во времени. В качестве зависимой переменной применялся логарифм соответствующего показателя смертности пятилетней возрастной группы.

При проведении регрессионного анализа динамики смертности и построении моделей использован программный комплекс Join-point Regression Program, который построен на уравнении параметризации и выдает полный интерфейс в виде графического, формульного и табличного представления модели.

Выполнено математико-статистическое моделирование динамики смертности пятилетних возрастных групп трудоспособного населения Республики Беларусь в 1990–2019 гг. Выбранная модель кусочно-линейной регрессии наиболее точно описывает динамику смертности (Kim et al., 2008). Интерпретация динамики смертности в рамках разработанных моделей основывалась на оценке темпа ежегодного прироста повозрастных показателей смертности, выраженного в %, что позволило установить число, хронологические границы периодов, направленность и скорость изменения повозрастных показателей смертности в этих границах для каждой пятилетней возрастной группы.

Результаты

За период 1990–2019 гг. уровень смертности снизился во всех пятилетних возрастных группах трудоспособного населения (далее ТН), $p < 0,05$.

Степень снижения уровня смертности пятилетних групп ТН за 30 лет разнилась. По мере увеличения возрастного ценза пятилетних групп степень снижения становилась меньше. Снижение смертности более, чем в два раза наблюдалось в возрастном диапазоне 15–29 лет независимо от пола. Показатель смертности (далее — ПС) возрастной группы (далее — ВГ) 15–19 лет снизился в 2,2 раза, $p < 0,05$, ВГ 25–29 лет — в 2,3 раза, $p < 0,05$, а ВГ 20–24 года — в три раза, $p < 0,05$. ПС ВГ 30–34 снизился в 1,5 раза, $p < 0,05$, ВГ 55–59 лет — в 1,2 раза, $p < 0,05$, а снижение ПС ВГ составило 0,75 %, $p < 0,05$ (рис. 1).

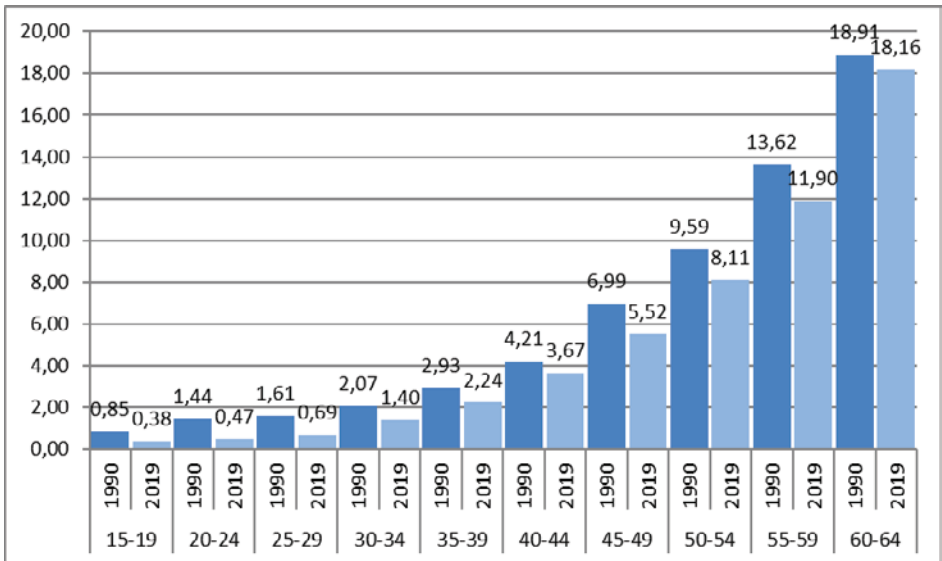

Рис. 1. Показатели смертности пятилетних возрастных групп трудоспособного населения в 1990 и 2019 гг., % (источник: сост. авторами по: Данные Национального статистического комитета Республики Беларусь о численности умерших и среднегодовой численности населения трудоспособного возраста Республики Беларусь за 1990–2019 гг. <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101200003> (дата обращения: 01.12.2025))

Критериями для оценки моделей выступили основные характеристики динамики смертности: средневзвешенные темпы ежегодного прироста (далее — ТЕП) смертности в 30-летней ретроспективе; снижение уровня смертности в 30-летней ретроспективе; различия максимальных и минимальных уровней смертности в хронологических рамках исследования и в 1990 и 2019 гг.; периодизация (число выделенных моделями периодов динамики).

Сформулированы дополнительные критерии для оценки моделей динамики смертности: 1) характеристика динамики роста в 30-летней ретроспективе: тип 1 — рост в хронологических границах одного периода; тип 2 — рост в хронологических границах двух последовательных периодов со снизившимся, $p < 0,05$, или неизменным, $p > 0,05$, ТЕП ПС; 2) характеристика динамики снижения в 30-летней ретроспективе: тип 1 — снижение в хронологических границах одного периода; тип 2 — снижение в хронологических границах двух последовательных периодов с возросшим, $p < 0,05$, отрицательным ТЕП ПС; 3) характеристика смены динамики смертности от роста к снижению (смена «рост — снижение» (тип 1), смена «рост — стабилизация — снижение» (тип 2), смена «рост — рост — снижение» (тип 3).

Средневзвешенный отрицательный ТЕП ПС за 1990–2019 гг. ВГ в интервале 15–19 лет статистически значимо разнился с ТЕП пятилетних возрастных групп в интервале 30–64 лет, $p < 0,05$. При этом не было таких различий с ТЕП ПС возрастных групп 20–24 и 25–29 лет, $p > 0,05$. Не было статистически значимых различий и с отрицательными ТЕП ПС ВГ в интервале 25–64 года, $p > 0,05$.

В группах возрастного диапазона 15–34 года абсолютная численность умерших к 2019 году снизилась в 1,5 раза и более, причем в группе 15–19 лет в размере 3,6 раза, в группе 20–24 года в размере 4,3 раза, в группе 25–29 лет в размере 2,9 раза, в группе 30–34 года в 1,6 раза. ПС ВГ в этом возрастном диапазоне снизился к 2019 году более, чем в 1,5 раза, и максимальное снижение отмечено в ВГ 20–24 года в 3,1 раза. Если абсолютная численность умерших в возрасте 35–39 и 50–54 года снизилась менее, чем в 1,5 раза, а в возрасте 40–44 года на 148 человек, то ВГ 45–49, 55–59 и 60–64 года выросла. ПС ВГ в этом возрастном диапазоне снизился к 2019 году менее, чем в 1,5 раза, и минимальное снижение отмечено в ВГ 60–64 года на 0,75 %.

Наибольший размах ПС от максимальных до минимальных в хронологических рамках исследования отмечен в ВГ 20–24 года в размере 4,3 раза, $p < 0,05$; ВГ 25–29 лет в размере 3,8 раза, $p < 0,05$; ВГ 15–19 лет и ВГ 30–34 года в 2,8 раза, $p < 0,05$, то есть в два и более раза, $p < 0,05$. В возрастном диапазоне 34–64 года максимальный ПС превышал минимальный менее, чем в 2 раза, $p < 0,05$.

По три периода динамики смертности выделили модели трех групп в возрастном диапазоне 15–29 лет и 50–54 года. Четыре периода смертности выделила модель возрастной группы 30–34 года. По пять периодов выделили модели динамики смертности возрастных групп 35–39, 45–49, 55–59 и 60–64 года. Модель динамики смертности населения в возрасте 40–44 года выделила шесть периодов, причем два последовательных периода стабилизации, $p > 0,05$, смертности (2005–2008, 2008–2011) отмечены с 2005 по 2011 гг. То есть в совокупности кривая динамики смертности в течение шести лет находится в развороте на снижение, характеризуя отсутствие динамики, $p < 0,05$, в связи с чем эти два периода рассмотрены как один период (рис. 2).

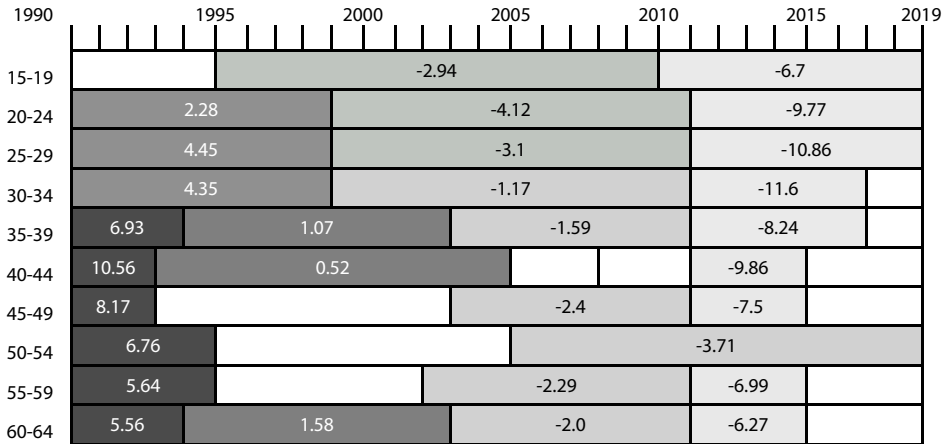

Рис. 2. Модели динамики смертности пятилетних возрастных групп трудоспособного населения Республики Беларусь в 1990–2019 гг., % (источник: сост. авторами по: Данные Национального статистического комитета Республики Беларусь о численности умерших и среднегодовой численности населения трудоспособного возраста Республики Беларусь за 1990–2019 гг. <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101200003> (дата обращения: 01.12.2025))

Итак, всего четыре пятилетних возрастных группы ТН имели три периода динамики смертности в 1990–2019 гг.: пятилетние группы в возрастном диапазоне 15–29 лет и ВГ 50–54 года. Четыре периода динамики смертности наблюдалось у ВГ ТН 30–34 года, остальные пятилетние группы имели пять периодов динамики.

Один период роста смертности (тип 1) выделили модели динамики смертности всех пятилетних групп, за исключением ВГ 35–39, 40–44 и 60–64 года (тип 2) — рост в хронологических границах двух последовательных периодов с неизменным, $p > 0,05$. Период роста у ВГ 15–19 отсутствовал. Совокупная продолжительность двух периодов роста смертности составила у ВГ 40–44 года (16 лет), ВГ 35–39 и 60–64 года, у которых рост смертности в хронологических границах модели продолжался на протяжении 14 лет.

Одним периодом снижения смертности в 1990–2019 гг. характеризовалась динамика смертности ВГ 40–44 и 50–54 года (тип 1). Причем продолжительность периода четыре года была наиболее короткой, а 50–54 года составила 14 лет, вплоть до окончания исследования. Динамика снижения смертности по типу 2 наблюдалась у ВГ в возрастном диапазоне 15–39 лет, 55–64 года и ВГ 45–49 лет. Динамика снижения смертности сопровождалась максимально длительным общим периодом (24 года) снижения ПС ВГ 15–19 лет. 20 лет длился также с возрастающим ТЕП общий период снижения смертности у ВГ 20–24 и 25–29 лет и в течение 14 лет с неизменным отрицательным ТЕП –3,72 (–4,5; –2,94) %, $p = 0,001$. Совокупная продолжительность периодов снижения смертности типа 2 снижалась по мере увеличения возрастного ценза группы и была наиболее короткой у ВГ 60–64 года (12 лет).

Периодом стабилизации смертности ВГ 15–19 лет отмечено начало исследования (1990–1995). Стабилизация смертности на протяжении четырех лет (2015–2019) установлена для пятилетних групп в возрастном диапазоне 40–49 и 55–59 лет. Наиболее продолжительное отсутствие изменений смертности в виде ее стабилизации, $p = 0,362$, продемонстрировала ВГ 45–49 лет на протяжении 10 лет (1993–2003) и 50–54 года (10 лет), 55–59 лет (7 лет) и 40–44 года (6 лет).

Обсуждение

Уровни смертности пятилетних возрастных групп ТН и степень их снижения в хронологических рамках исследования различались. По мере увеличения возрастного ценза пятилетних групп ПС возрастали в соответствии с законом Гомперца — Мейкема (Гаврилов & Гаврилова, 1991). Так, ПС ВГ 60–64 года превышал ПС ВГ 15–19 в 1990 году в 22,2 раза, $p < 0,05$, а в 2019 году в 20,3 раза, $p < 0,05$.

В хронологических границах исследования размах значений максимальных и минимальных ПС ВГ различался. Их различия в три и более раза, $p < 0,05$, отмечены у групп в возрастном диапазоне 15–29 лет, причем в ВГ 20–24 года максимальные и минимальные показатели различались в 4 раза, $p < 0,05$. У ВГ 30–34 года независимо от пола они различались в 2,3 раза, $p < 0,05$, а у всех групп в возрастном диапазоне 35–64 года менее, чем в два раза, $p < 0,05$.

Средневзвешенные отрицательные ТЕП ВГ 20–24, 25–29, 30–34 за 1990–2019 гг. не имели различий, $p > 0,05$, а уровень смертности в хронологических рамках исследования снизился в два и более раза, $p < 0,05$. Модели выделили по три периода динамики смертности, а смертность ВГ 30–34 года в 1990–2019 гг. завершилась периодом стабилизации два года, $p = 0,701$. Динамика смертности пятилетних групп в возрастном диапазоне 20–34 года включила один период роста смертности (1 тип), за исключением ВГ 15–19 лет, у которой период роста смертности отсутствовал. Модели всех групп в возрастном диапазоне 15–34 года демонстрировали 2 тип снижения смертности через два последовательных периода с увеличением ТЕП ПС. Динамика смертности ВГ характеризовалась 1 типом смены направления динамики (смена «рост — снижение»), за исключением ВГ 15–19 лет, где такая смена не отсутствовала.

Средневзвешенные отрицательные ТЕП ВГ 45–49, 50–54, 55–59 за 1990–2019 гг. не имели различий, $p > 0,05$; в хронологических рамках исследования уровень смертности снизился менее, чем в два раза, $p < 0,05$. Максимальные и минимальные ПС различались менее, чем в два раза, $p < 0,05$. Модели выделили по пять периодов динамики смертности, за исключением ВГ 50–54 года, модель динамики смертности которой включила три периода. Динамика смертности пятилетних групп в возрастном диапазоне 45–59 лет включила два периода роста смертности со снижением ТЕП ПС (2 тип). Модели всех групп в возрастном диапазоне 45–59 лет демонстрировали 2 тип снижения смертности: в двух последовательных периодах с увеличением ТЕП ПС, за исключением ВГ 50–54 года, снижение смертности которой проходило по 1 типу (один период). Динамика смертности ВГ характеризовалась 2 типом смены направления динамики (смена «рост — стабилизация — снижение»).

Средневзвешенные отрицательные ТЕП ВГ 35–39, 40–44 и 60–64 года за 1990–2019 гг. не имели различий, $p > 0,05$; в хронологических рамках исследования уровень смертности снизился менее, чем в два раза, $p < 0,05$. Минимальные и максимальные ПС отличались менее, чем в два раза, $p < 0,05$. Моделирование позволило выделить по пять периодов динамики смертности. В возрастном диапазоне 35–44 и 60–64 года динамика смертности пятилетних групп показала два периода роста смертности со снижением ТЕП ПС (2 тип). Модели динамики смертности выявили 2 тип снижения смертности через два последовательных периода с увеличением ТЕП ПС, за исключением ВГ 40–44 года, снижение смертности которой проходило по 1 типу (один период). Динамика смертности ВГ характеризовалась первым типом смены направления динамики (смена «продолжительный рост — снижение»), за исключением ВГ 40–44 года смена направления кривой на снижение происходила через два периода стабилизации, объединенных в один период, общей продолжительностью шесть лет.

Заключение

Установлено уменьшение уровня смертности в течение 30-летнего периода всех пятилетних возрастных групп, степень уменьшения показателей смертности снижалась по мере возрастания возрастного ценза группы.

Разработаны критерии оценки типов динамики смертности: по характеру течения периода роста смертности (два типа), по характеру течения периода снижения смертности (два типа) и по характеру смены динамики смертности (три типа).

По результатам оценки (с применением критериев оценки) и анализа моделей динамики смертности пятилетних возрастных групп трудоспособного возраста научно обосновано формирование трех укрупненных возрастных групп трудоспособного населения: 15–34 года (группа низкого риска смертности), 45–59 лет (группа высокого риска смертности), 35–44 и 60–64 года (группа очень высокого риска смертности).

Сформированные возрастные группы риска смертности рекомендованы для дальнейшего исследования, что позволит осуществить разработку целевых (по возрастному критерию) мероприятий по снижению смертности трудоспособного населения.

Список источников

- Антипов, В. В., Антипова, С. И. (2014). Преждевременная и предотвратимая смертность: возможности и реалии в Беларуси. *Медицинские новости*, 6, 49–52. EDN: SGRXZF
- Берендеева, А. Б., Сизова, О. В. (2020). Анализ факторов смертности населения в трудоспособном возрасте в регионах Российской Федерации методом моделирования. *Теоретическая экономика*, 4 (64), 11–24. <https://doi.org/10.52957/2221-3260>
- Боровая, Т. В. (2014). О состоянии смертности трудоспособного населения и мерах по ее снижению. *Здоровье и окружающая среда*, 24 (2), 41–44. EDN: ZBJYRD
- Гаврилов, Л. А., Гаврилова, Н. С. (1991). *Биология продолжительности жизни*. М.: Наука, 280.
- Григина, О. В. (1973). Программно-методические основы комплексных социально-гигиенических исследований. *Труды Второго Московского государственного медицинского института им. Н. И. Пирогова*, 19, 14–32.

Максимова, Т. М., Белов, В. Б., Роговина, А. Г. (2006). Динамика смертности населения трудоспособного возраста в странах СНГ. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 3, 3–8. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-1-18-26>

Романова, А. П., Красько, О. В. (2020). *Модели динамики смертности населения Беларуси на рубеже XX–XXI вв.* Минск : БелМАПО, 660.

Цыбин, А. А., Гулицкая, Н. И., Глинская, Т. Н. (2007). Динамика и оценка территориальных особенностей смертности населения Республики Беларусь по причинам. *Вопросы организации и информатизации здравоохранения*, 1, 44–48. EDN: ZDLVJP

Цыганков, В. А., Жаркова, С. Л. (2009). Классификация и систематизация трудоспособного возраста по возрастным группам. *Омский научный вестник*, 79 (4), 67–70.

Шабунова, А. А., Шахотько, Л. П., Боброва, А. Г., Малиничева, Н. А. (2012). Смертность трудоспособного населения России и Беларуси как угроза демографическому развитию территорий. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 20 (2), 83–94. EDN: OWWIML

Kim, H. J., Yu, B., Feuer, E. J. (2008). Inference in segmented line regression: a simulation study. *J. of Stat. Comput. and Simul.*, 78 (11), 1087–1103.

References

Antipov, V. V., & Antipova, S. I. (2014). Premature and preventable mortality: possibilities and reality in Belarus. *Meditsinskie novosti [Medical News]*, (6), 49–52. EDN: SGRXZF (In Russ.)

Berendeeva, A. B., & Sizova, O. V. (2020). Analysis of factors of mortality of population in the labor age in the regions of the Russian Federation by the model of modeling. *Teoreticheskaya ekonomika [Theoretical Economics]*, 4(64), 11–24. <https://doi.org/10.52957/2221-3260> (In Russ.)

Borovaia, T. V. (2014). Status mortality of able-bodied population and measures for its reduction. *Zdorov'e i okruzhaiushchaia sreda*, 24(2), 41–44. EDN: ZBJYRD (In Russ.)

Gavrilov, L. A., & Gavrilova, N. S. (1991). *Biologiya prodolzhitel'nosti zhizni [Biology of life span]*. Moscow: Nauka, 280. (In Russ.)

Grinina, O. V. (1973). Programmatic and methodological foundations of complex socio-hygienic research. *Trudy Vtorogo Moskovskogo gosudarstvennogo meditsinskogo instituta im. N. I. Pirogova [Proceedings of the Second Moscow State Medical Institute named after N. I. Pirogov]*, 19, 14–32. (In Russ.)

Kim, H. J., Yu, B., & Feuer, E. J. (2008). Inference in segmented line regression: A simulation study. *Journal of Statistical Computation and Simulation*, 78(11), 1087–1103.

Maksimova, T. M., Belov, V. B., & Rogovina, A. G. (2006). Dynamics of mortality of able-bodied population in cis countries. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*, (3), 3–8. (In Russ.)

Romanova, A. P., & Kras'ko, O. V. (2020). *Modeli dinamiki smertnosti naseleniia Belarusi na rubezhe XX–XXI vv. [Models of population mortality dynamics in Belarus at the turn of the XX–XXI centuries]*. Minsk : BelМАПО, 660. (In Russ.)

Shabunova, A. A., Shakhot'ko, L. P., Bobrova, A. G., & Malinicheva, N. A. (2012). Able-bodied population mortality in Russia and Belarus as a threat to the demographic development of the territories. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 20(2), 83–94. EDN: OWWIML (In Russ.)

Tsybin, A. A., Gulitskaia, N. I., & Glinskaia, T. N. (2007). and assessment of territorial features of population mortality by causes in the Republic of Belarus. *Voprosy organizatsii i informatizatsii zdravookhraneniia [Issues of Healthcare Organization and Informatization]*, (1), 44–48. (In Russ.)

Tsygankov, V. A., & Zharkova, S. L. (2009). Classification and systematization of the able-bodied population in age groups. *Omskii nauchnyi vestnik [Omsk Scientific Bulletin]*, 79(4), 67–70. EDN: ZDLVJP (In Russ.)

Агиевец Олег Викторович — заведующий сектором, Министерство здравоохранения Республики Беларусь; аспирант, Белорусский государственный медицинский университет; <https://orcid.org/0009-0008-8249-5727> (Республика Беларусь, 220030, г. Минск, ул. Мясникова, 39; 230083, г. Минск, пр. Дзержинского, 83; e-mail: agievets.o.v@gmail.com).

Романова Анна Петровна — доктор медицинских наук, доцент, ученый секретарь, профессор кафедры организации здравоохранения, Белорусский государственный медицинский университет; <https://orcid.org/0009-0005-8174-5534> (Республика Беларусь, 230083, г. Минск, пр. Дзержинского, 83; e-mail: anna_59@tut.by).

Чернов Денис Анатольевич — кандидат медицинских наук, проректор по идеологической и воспитательной работе, Белорусский государственный медицинский университет; <https://orcid.org/0000-0002-5797-0118> (Республика Беларусь, 230083, г. Минск, пр. Дзержинского, 83; e-mail: chernov_denis78@mail.ru)

Aleh V. Ahievets — MD, Head of Sector, Ministry of Health of the Republic of Belarus; Postgraduate Student, Belarusian State Medical University; <https://orcid.org/0009-0008-8249-5727> (39, Myasnikova St., Minsk, 220030; 83, Dzerzhinsky Ave., Minsk, 230083, Republic of Belarus; e-mail: agievets.o.v@gmail.com).

Anna P. Romanova — MD, PhD, DSc, Associate Professor, Scientific Secretary, Professor of the Department of Healthcare Organization, Belarusian State Medical University; <https://orcid.org/0009-0005-8174-5534> (83, Dzerzhinsky Ave., Minsk, 230083, Republic of Belarus; e-mail: anna_59@tut.by).

Denis A. Chernov — MD, PhD, Vice-Rector for Ideological and Educational Work, Belarusian State Medical University; <https://orcid.org/0000-0002-5797-0118> (83, Dzerzhinsky Ave., Minsk, 230083, Republic of Belarus; e-mail: chernov_denis78@mail.ru)

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 616.6(571.122)

JEL classification: I15, J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-7-2>

Предикторы идиопатического мужского бесплодия в условиях промышленного Севера России: прогностическая модель на основе микроэлементного профиля¹

О. С. Белик ^a

^a Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Окружная клиническая больница» (г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация).

<https://orcid.org/0009-0006-7835-7685>

Автор для корреспонденции: О. С. Белик (belik.o.s@mail.ru).

Аннотация. Идиопатическое мужское бесплодие (ИМБ) представляет значительную проблему для репродуктивного здоровья, особенно в экологически неблагоприятных регионах, таких как Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО-Югра). Предметом исследования выступает микроэлементный статус как потенциальный патогенетический фактор ИМБ. Цель работы — выявить специфические дисбалансы микроэлементов в эякуляте, волосах и крови и построить на их основе прогностическую модель. В проспективном исследовании «случай — контроль» участвовали 70 мужчин с ИМБ и 50 фертильных мужчин. Методом ICP-MS проведен анализ микроэлементов. Результаты выявили достоверные различия между группами. Наиболее информативными маркерами стали уровни магния, свинца, селена и йода в волосах, селена в сыворотке и фосфора в эякуляте. Финальная логистическая модель, включающая шесть предикторов, продемонстрировала высокую прогностическую точность ($AUC = 0.987$). Научный вклад заключается в первом описании комплексного регион-специфичного микроэлементного профиля ИМБ и создании высокоточной диагностической модели. Выводы работы открывают путь для разработки персонализированных протоколов таргетной коррекции. Ограничением является перекрестный дизайн, требующий дальнейшей валидации модели.

Ключевые слова: идиопатическое мужское бесплодие; микроэлементы; прогностическая модель; северный регион.

Predictors of Idiopathic Male Infertility in the Industrial North of Russia: A Prognostic Model Based on the Trace Element Profile

O. Belik ^a

^a Budget institution of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra «District Clinical Hospital» (Khanty-Mansiysk, Russian Federation).

<https://orcid.org/0009-0006-7835-7685>

Corresponding author: O. Belik (belik.o.s@mail.ru).

Abstract. Idiopathic male infertility (IMI) is a significant reproductive health problem, especially in environmentally disadvantaged regions such as the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Ugra (KhMAO-Ugra). The subject of the study is the trace element status as a potential pathogenetic factor of IMI. The aim is to identify specific trace element imbalances in ejaculate, hair, and blood and to build a prognostic model based on them. A prospective case-control study included 70 men with IMI and 50 fertile men. Trace elements were analyzed using ICP-MS. The results revealed significant differences between the groups. The most informative markers were the levels of magnesium, lead, selenium, and iodine in hair; selenium in serum, and phosphorus in ejaculate. The final logistic model, which included six predictors, demonstrated high prognostic accuracy ($AUC = 0.987$). The scientific contribution lies in the first description of a comprehensive region-specific

¹ © Белик О. С. Текст. 2026.

trace element profile of IMI and the creation of a high-precision diagnostic model. The conclusions pave the way for developing personalized protocols for targeted correction. A limitation is the cross-sectional design, requiring further validation of the model.

Keywords: Idiopathic male infertility; trace elements; prognostic model; northern region

Введение

Нарушения мужской фертильности представляют собой серьезную медико-социальную проблему, оказывающую прямое влияние на демографическое благополучие любой страны. Современный демографический кризис в Российской Федерации (РФ) обусловлен комплексом причин, среди которых значимую роль играет рост числа бесплодных браков. Согласно глобальным оценкам, мужской фактор вносит вклад в структуру бесплодия в паре примерно в 50 % случаев, что сопоставимо с вкладом женского фактора (Agarwal et al., 2021). Данные государственной статистики РФ фиксируют тревожную динамику: за последние двадцать лет количество зарегистрированных случаев мужского бесплодия в стране увеличилось на 114 % (Лебедев и др., 2019). При этом общий уровень его регистрации остается заметно ниже среднемировых показателей. Данное расхождение, вероятно, свидетельствует о системной проблеме гиподиагностики, обусловленной недостаточной осведомленностью, сложностями в выявлении причин и, как следствие, ограниченностью эпидемиологического надзора за этим заболеванием. Особую сложность представляет идиопатическое мужское бесплодие (ИМБ), диагноз которого устанавливается при отсутствии выявленных стандартными методами причин нарушения сперматогенеза. Доля ИМБ в структуре мужского бесплодия, по различным оценкам, достигает 30–60 % (Minhas et al., 2025). Это делает поиск его патогенетических основ и объективных биомаркеров приоритетной задачей.

В последние годы все большее внимание уделяется роли микроэлементного дисбаланса в патогенезе ИМБ. Эссенциальные элементы, такие как цинк, селен, медь, являются кофакторами ферментов, критически важных для синтеза тестостерона, антиоксидантной защиты и стабильности ДНК сперматозоидов (Chao et al., 2023). В то же время токсичные металлы (свинец, ртуть) обладают прямым гонадотоксическим действием, индуцируя оксидативный стресс (Giulioni et al., 2025). Особую значимость этот вопрос приобретает для жителей регионов с экстремальными климатогеографическими условиями и специфической геохимической обстановкой, каким является Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО-Югра). Сочетанное воздействие эндемичного дефицита ряда элементов, особенностей питания и потенциального техногенного загрязнения формирует уникальный преморбидный фон (Луговая & Степанов, 2024; Скальный & Киричук, 2020).

Анализ сыворотки крови отражает краткосрочные изменения, в то время как исследование волос дает информацию о кумулятивной экспозиции за несколько месяцев. Наиболее же релевантной для оценки локальной среды сперматозоидов является концентрация элементов в эякуляте (Chen et al., 2025). Таким образом, комплексный анализ трех биосред представляется наиболее адекватным подходом. При этом отсутствуют работы, в которых на основе такого подхода с применением методов многомерной статистики строились

бы прогностические модели для диагностики ИМБ в контексте северного промышленного региона.

Цель настоящего исследования — выявить специфический для ХМАО-Югры профиль дисбаланса микроэлементов в эякуляте, волосах и сыворотке крови у мужчин с ИМБ и построить на его основе многопараметрическую прогностическую модель для стратификации риска и определения патогенетических мишеней для терапии.

Материалы и методы

Дизайн исследования и участники. В период с 2021 по 2025 гг. проведено проспективное сравнительное исследование типа «случай — контроль». В исследование включено 120 мужчин в возрасте от 20 до 45 лет, постоянно проживающих в ХМАО-Югре не менее пяти лет. Основную группу составили 70 пациентов с верифицированным диагнозом идиопатической олиго-, астено- и/или тератозооспермии по критериям ВОЗ (2021), состоящие в бесплодном браке ≥ 12 месяцев. Группу контроля образовали 50 фертильных мужчин с подтвержденной нормоспермией, сопоставимых по возрасту и длительности проживания в регионе. Критерии исключения: варикоцеле, урогенитальные инфекции, эндокринные нарушения, генетические причины бесплодия, пороки развития репродуктивной системы, декомпенсированные соматические заболевания, прием микроэлементных препаратов за шесть месяцев до исследования. Протокол одобрен локальным этическим комитетом, от всех участников получено информированное согласие.

Забор и подготовка биологических образцов. Эякулят получали путем непродолжительного (2–4 дня) воздержания. После центрифугирования спермоплазму аликвотировали и хранили при $-80\text{ }^{\circ}\text{C}$. Венозную кровь забирали натощак, сыворотку получали стандартным методом. Волосы длиной 3–4 см состригали с затылочной области.

Определение микроэлементного состава. Количественный анализ проводили методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой (ICP-MS) на спектрометре NexION 300D (PerkinElmer, США) в аккредитованной лаборатории. В спермоплазме определяли 12 элементов (K, Ca, Mg, P, Fe, Zn, Cu, Se, Mn, Hg, Pb, Cd), в сыворотке — 12 (K, Ca, Mg, Fe, Zn, Cu, Se, I, Mn, Co, Cr, Mo), в волосах — 15 (K, Na, Ca, Mg, P, Fe, Zn, Cu, Se, I, Mn, Co, Cr, Hg, Pb). Контроль качества осуществляли с использованием сертифицированных референтных материалов.

Статистический анализ. Анализ выполняли в программах Statistica 13.3 и MedCalc v.22.013. Количественные данные, не соответствующие нормальному распределению (критерий Шапиро-Уилка), представлены как медиана и интерквартильный размах [Q1; Q3]. Для сравнения групп использован U-критерий Манна-Уитни. Диагностическая ценность элементов оценена с помощью ROC-анализа (расчет AUC, чувствительности, специфичности, порогового значения). Для построения прогностической модели использован пошаговый бинарный логистический регрессионный анализ. В модель включались переменные, преобразованные в бинарные на основе оптимальных порогов ROC-анализа. Качество модели оценивали по критерию Хосмера-Лемешоу, псевдо- R^2 Найджелкерке, AUC и точности классификации. Уровень статистической значимости установлен при $p < 0.05$.

Результаты

Клинико-антропометрические характеристики групп представлены в таблице 1. Группы были сопоставимы по возрасту, росту и массе тела ($p > 0.05$), однако у пациентов с ИМБ достоверно чаще отмечался более высокий индекс массы тела (ИМТ).

Сравнительный анализ микроэлементного состава выявил статистически значимые различия между группами во всех трех биосредах. В эякуляте мужчин с ИМБ были снижены концентрации фосфора, цинка, меди и селена. В волосах пациентов с ИМБ зафиксировано повышение уровней магния, цинка, ртути и свинца на фоне снижения железа, меди, селена и йода. В сыворотке крови значимые различия обнаружены только для цинка и селена, уровни которых также оказались ниже в основной группе.

Результаты ROC-анализа для элементов с $p < 0.05$ показали, что наибольшей дискриминационной способностью ($AUC > 0.80$) обладали: уровень магния в волосах ($AUC = 0.897$), йода в волосах ($AUC=0.831$), свинца в волосах ($AUC = 0.818$) и фосфора в эякуляте ($AUC = 0.797$).

На следующем этапе был проведен пошаговый логистический регрессионный анализ. В итоговую прогностическую модель вошли шесть предикторов (табл. 2).

Таблица 1

Характеристика пациентов исследуемых групп

Показатели	Обследуемые группы мужчин (n=120)		p
	Группа I (ИМБ, n=70) Me [Q1; Q3]	Группа II (Контроль, n=50) Me [Q1; Q3]	
Возраст, лет	34.0 [29.8; 39.8]	34.0 [26.8; 39.0]	0,3821
Рост, см	176.0 [173.0; 178.8]	176.0 [173.0; 178.0]	0,9531
Масса тела, кг	84.5 [78.8; 94.8]	83.0 [78.0; 86.0]	0,1047
ИМТ, кг/м ²	27.4 [25.7; 29.7]	26.5 [25.4; 27.1]	0,0260

Таблица 2

Независимые предикторы идиопатического мужского бесплодия в многовариантной модели логистической регрессии

Предиктор (биосреда, критерий)	Коэффициент (β)	p	Отношение шансов (OR)	95 % ДИ для OR
Mg в волосах >90,3 мкг/г	5,024	<0,001	152,04	10,18 — 2270,34
Se в сыворотке ≤0,099 мкг/мл	3,669	0,026	39,13	1,55 — 988,19
Se в волосах ≤0,53 мкг/г	3,494	0,009	32,91	2,39 — 452,53
Pb в волосах >0,849 мкг/г	3,424	0,015	30,68	1,92 — 489,57
P в эякуляте ≤886 мкг/проба	2,338	0,055	10,36	0,95 — 112,82
Fe в волосах ≤29,73 мкг/г	1,837	0,089	6,28	0,76 — 52,01
Константа	-8,456	<0,001	—	—

Наибольшую независимую прогностическую силу продемонстрировали повышенный уровень магния в волосах ($OR = 152.04, p < 0.001$) и сниженный уровень селена в сыворотке крови ($OR = 39.13, p = 0.026$) и волосах ($OR = 32.91, p = 0.009$). Включение в модель сниженного уровня фосфора в эякуляте и железа в волосах улучшило ее общую точность.

Итоговая модель показала высокую прогностическую эффективность (табл. 3). Ее дискриминационная способность, оцененная по площади под ROC-кривой, составила $AUC = 0.987$ (95 % ДИ: $0.946-0.999$). Модель корректно классифицировала 95.8 % участников, демонстрируя чувствительность 98.6 % и специфичность 92.0 %. Тест Хосмера-Лемешоу ($p = 0.999$) подтвердил адекватную калибровку модели.

Обсуждение

Проведенное исследование впервые представило комплексный анализ микроэлементного статуса в трех биологических средах у мужчин с ИМБ, проживающих в условиях ХМАО-Югры. Ключевым методологическим преимуществом работы является наличие контрольной группы, сформированной из фертильных жителей региона, что позволило выявить отклонения от регионального оптимума, а не от общенациональных референсов. Это особенно важно для северных регионов с уникальной геохимической ситуацией.

Выявленный микроэлементный профиль характеризуется триадой нарушений: 1) сочетанный дефицит эссенциальных элементов (P, Se, I, Fe, Cu); 2) дисрегуляция гомеостаза Mg и Zn; 3) накопление токсичных металлов (Pb, Hg). Каждый из вошедших в модель предикторов имеет патогенетическое обоснование. Дефицит селена, ключевого компонента антиоксидантной системы глутатионпероксидазы, ослабляет защиту сперматозоидов от оксидативного стресса, который дополнительно потенцируется токсичным действием свинца и ртути (Русецкая и др., 2019). Выявленное снижение неорганического фосфора в эякуляте может косвенно указывать на нарушение функции предстательной железы и семенных пузырьков, ответственных за состав семенной плазмы. Наиболее мощным предиктором оказалось повышение уровня магния в волосах, что может отражать глубокое нарушение его тканевого распределения, индуцированное комплексным воздействием северного стресса (климатического, экологического, производственного) (Корчина и др., 2023).

Таблица 3

Качество классификации итоговой многопараметрической логистической модели

Параметр	Значение
Псевдо- R^2 (Найджелкерке)	0,893
Тест согласия (Хосмер-Лемешоу), p	0,999
Площадь под ROC-кривой (AUC)	0,987
95 % ДИ для AUC	0,946–0,999
Общая точность классификации, %	95,80
Чувствительность, %	98,60
Специфичность, %	92,00
Положительная прогностическая ценность, %	94,50
Отрицательная прогностическая ценность, %	97,90

Построенная многопараметрическая модель, интегрирующая эти разнонаправленные нарушения, продемонстрировала исключительно высокую диагностическую точность ($AUC = 0.987$). Практическая значимость модели заключается в том, что для эффективной стратификации риска достаточно анализа всего шести параметров, что делает подход экономически целесообразным для внедрения в клиническую практику. Модель служит не только диагностическим, но и терапевтически ориентированным инструментом, указывая на конкретные мишени для коррекции (антиоксидантная поддержка, детоксикация, нормализация минерального обмена).

К ограничениям исследования можно отнести его перекрестный дизайн, который не позволяет установить причинно-следственные связи, и относительно небольшой объем выборки, требующий валидации результатов на независимой когорте. Перспективным направлением будущих исследований является проведение сравнительного анализа в других северных промышленных регионах (например, в Ямало-Ненецком автономном округе) для выявления универсального «ядра» микроэлементных нарушений при ИМБ в схожих экологических условиях.

Заключение

1. Впервые описан специфический микроэлементный профиль идиопатического мужского бесплодия у жителей ХМАО-Югры, характеризующийся сочетанным дефицитом эссенциальных элементов (P, Se, I, Fe, Cu), дисрегуляцией обмена магния и цинка и накоплением токсичных металлов (Pb, Hg).

2. На основе комплексного анализа эякулята, волос и сыворотки крови построена высокоточная прогностическая логистическая модель ($AUC = 0.987$), интегрирующая шесть ключевых маркеров (Mg, Se, Pb, Fe в волосах; Se в сыворотке; P в эякуляте). Модель обладает высокой чувствительностью (98.6 %) и специфичностью (92.0 %).

3. Выделенные предикторы отражают конкретные патогенетические звенья ИМБ: антиоксидантную недостаточность (дефицит Se), токсическую нагрузку (избыток Pb), нарушения минерального гомеостаза (дисрегуляция Mg) и возможную дисфункцию добавочных половых желез (дефицит P в эякуляте). Полученные результаты закладывают научную основу для перехода от эмпирической терапии к персонализированной таргетной коррекции микроэлементного дисбаланса у мужчин с ИМБ в условиях северного промышленного региона.

Благодарности

Автор выражает благодарность коллективу лаборатории вспомогательных репродуктивных технологий БУ «Окружная клиническая больница» за техническую поддержку в проведении исследования.

Acknowledgements

The author is grateful to the team of the Assisted Reproductive Technologies Laboratory of the District Clinical Hospital for technical support in conducting the study.

Список источников

Корчина, Т. Я., Шарифов, М. И., & Корчин, В. И. (2023). Элементный состав волос у жителей г. Ханты-Мансийска, страдающих артериальной гипертензией. *Микроэлементы в медицине*, 24(4), 52–61.

Лебедев, Г. С., Голубев, Н. А., Шадеркин, И. А., Шадеркина, В. А., Аполихин, О. И. и др. (2019). Мужское бесплодие в Российской Федерации: статистические данные за 2000–2018 годы. *Экспериментальная и клиническая урология*, 4, 4–13. <https://doi.org/10.29188/2222-8543-2019-11-4-4-12>.

Луговая, Е. А., Степанова, Е. М. (2024). Дисбаланс химических элементов в организме жителей циркумполярного региона как отражение геохимических факторов среды. *Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки*, 3(1), 153–159.

Русецкая, Н. Ю., Федотов, И. В., Кофтина, В. А., Бородулин, В. Б. (2019). Соединения селена в редокс-регуляции воспаления и апоптоза. *Биомедицинская химия*, 65(3), 165–179. <https://doi.org/10.18097/PBMC20196503165>.

Скальный, А. В., Киричук, А. А. (2020). *Химические элементы в экологии, физиологии человека и медицине*. Москва: РУДН. 209 с.

Agarwal, A., Baskaran, S., Parekh, N., Cho, C.L., Henkel R. et al. (2021). Male infertility. *Lancet*, 397(10271), 319–333. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)32667-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)32667-2)

Chao, H.-H., Zhang, Y., Dong, P.-Y., Gurunathan, S., Zhang, X.-F. (2023). Comprehensive review on the positive and negative effects of various important regulators on male spermatogenesis and fertility. *Frontiers in Nutrition*, 9, 1063510. <https://doi.org/10.3389/fnut.2022.1063510>

Chen, J., Tan, W., Chen, Z., Zhang, L., Yu, Y. et al. (2025). Associations of semen essential/non-essential elements with the risk of male infertility: A systematic review and meta-analysis. *Toxicology Letters*, 412, 102–113. <https://doi.org/10.1016/j.toxlet.2024.11.001>

Giulioni, C., Falsetti, F., Maurizi, V., Del Giudice, F., Crocetto, F., Imbimbo, C. et al. (2025). The impact of heavy metals exposure on male fertility: a scoping review of human studies. *Journal of Basic and Clinical Physiology and Pharmacology*, 36(2-3), 129–137. <https://doi.org/10.1515/jbcpp-2024-0123>

Minhas, S., Boeri, L., Capogrosso, P., Del Giudice, F., Crocetto, F. et al. (2025). European Association of Urology Guidelines on Male Sexual and Reproductive Health: 2025 Update on Male Infertility. *European Urology*, 87(5), 601–616. <https://doi.org/10.1016/j.eururo.2024.10.006>

References

Agarwal, A., Baskaran, S., Parekh, N., Cho, C.L., Henkel R. et al. (2021). Male infertility. *Lancet*, 397(10271), 319–333. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)32667-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)32667-2)

Chao, H.-H., Zhang, Y., Dong, P.-Y., Gurunathan, S., Zhang, X.-F. (2023). Comprehensive review on the positive and negative effects of various important regulators on male spermatogenesis and fertility. *Frontiers in Nutrition*, 9, 1063510. <https://doi.org/10.3389/fnut.2022.1063510>

Chen, J., Tan, W., Chen, Z., Zhang, L., Yu, Y. et al. (2025). Associations of semen essential/non-essential elements with the risk of male infertility: A systematic review and meta-analysis. *Toxicology Letters*, 412, 102–113. <https://doi.org/10.1016/j.toxlet.2024.11.001>

Giulioni, C., Falsetti, F., Maurizi, V., Del Giudice, F., Crocetto, F., Imbimbo, C. et al. (2025). The impact of heavy metals exposure on male fertility: a scoping review of human studies. *Journal of Basic and Clinical Physiology and Pharmacology*, 36(2-3), 129–137. <https://doi.org/10.1515/jbcpp-2024-0123>

Korchina, T. Ya., Sharifov, M. I., Korchin, V. I. (2023). Elemental composition of hair in residents of Khanty-Mansiysk suffering from arterial hypertension. *Mikroelementy v meditsine [Trace Elements in Medicine]*, 24(4), 52–61. (In Russ.)

Lebedev, G.S., Golubev, N.A., Shaderkin, I.A., Shaderkina, V.A., Apolikhin, O.I. et al. (2019). Male infertility in the Russian Federation: statistical data for 2000–2018. *Experimental and clinical urology*, 4, 4–13. <https://doi.org/10.29188/2222-8543-2019-11-4-4-12>. (In Russ.)

Lugovaya, E.A., Stepanova, E.M. (2024). Imbalance of chemical elements in the body of circumpolar region residents as a reflection of environmental geochemical factors. *Trudy Kolskogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Estestvennye i humanitarnye nauki [Transactions of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural and Human Sciences]*, 3(1), 153–159. (In Russ.)

Minhas, S., Boeri, L., Capogrosso, P., Del Giudice, F., Crocetto, F. et al. (2025). European Association of Urology Guidelines on Male Sexual and Reproductive Health: 2025 Update on Male Infertility. *European Urology*, 87(5), 601–616. <https://doi.org/10.1016/j.eururo.2024.10.006>

Rusetskaya, N.Y., Fedotov, I.V., Koftina V.A., Borodulin V.B. (2019). Selenium compounds in redox regulation of inflammation and apoptosis. *Biomedical Chemistry*, 65(3), 165–179. <https://doi.org/10.18097/PBMC20196503165>. (In Russ.)

Skalny, A.V., Kirichuk, A.A. (2020). *Khimicheskie elementy v ekologii, fiziologii cheloveka i meditsine [Chemical elements in ecology, human physiology and medicine]*. Moscow: RUDN. 209 p. (In Russ.)

Белик Олег Сергеевич — врач-уролог лаборатории вспомогательных репродуктивных технологий женской консультации перинатального центра, Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Окружная клиническая больница»; <https://orcid.org/0009-0006-7835-7685> (Российская Федерация, 628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Калинина, д. 40; e-mail: belik.o.s@mail.ru).

Oleg S. Belik — urologist of the laboratory of assisted reproductive technologies of the women's consultation of the perinatal center, Budget institution of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra «District Clinical Hospital»; <https://orcid.org/0009-0006-7835-7685> (40, Kalinina St., Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation; e-mail: belik.o.s@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 314.44

JEL classification: I18

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-7-3>

Реализация мероприятий по реабилитации и адаптации инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья через систему проектного управления и программно-целевой подход (на примере Пермского края)¹

Э.И. Ванаева ^а, Д.А. Калугина ^б, А.С. Палаухин ^в

^а Уральский институт управления-филиал РАНХиГС (г. Екатеринбург, Свердловская область).

<https://orcid.org/0009-0008-7029-0425>

^б Уральский институт управления-филиал РАНХиГС (г. Екатеринбург, Свердловская область).

<https://orcid.org/0009-0006-7835-1259>

^в Уральский институт управления-филиал РАНХиГС (г. Екатеринбург, Свердловская область).

Автор для корреспонденции: Э.И. Ванаева (vanaeva-ei@ranepa.ru).

Аннотация. Исследование успешного опыта реабилитации и адаптации инвалидов и лиц с ОВЗ в регионах позволит распространить и развить современные управленческие подходы в данной сфере в других субъектах Российской Федерации. Проведенные авторами системный анализ и анализ документов позволили установить, что реализация стратегии через систему взаимосвязанных проектов способствует достижению измеримых показателей расходования выделенных средств. Можно сделать вывод, что применение программно-целевого подхода на базе функционирования проектного офиса в сфере реабилитации, абилитации и адаптации инвалидов позволит перейти от экстенсивного наращивания мощностей к интенсивной технологической и управленческой модернизации. Перспективы авторы видят в исследовании внедрения цифровых платформ, сетевых моделей взаимодействия и современных стандартов абилитации и адаптации, что позволит регионам обеспечить равный доступ к социальным благам для всех категорий граждан, независимо от состояния их здоровья и места проживания.

Ключевые слова: реабилитация; абилитация; проектное управление; программно-целевой метод; проектный офис.

Implementation of Measures for Rehabilitation And Adaptation of Disabled People and People with Disabilities Through the Project Management System and the Program-Targeted Approach (using the Perm Territory as an example)

E. Vanaeva ^а, D. Kalugina ^б, A. Palauhin ^в

^а Ural Institute of Management, a branch of the RANEPa (Yekaterinburg, Sverdlovsk Region).

<https://orcid.org/0009-0008-7029-0425>

^б Ural Institute of Management, a branch of the RANEPa (Yekaterinburg, Sverdlovsk Region).

<https://orcid.org/0009-0006-7835-1259>

to the Ural Institute of Management, a branch of the RANEPa (Yekaterinburg, Sverdlovsk Region).

Author for correspondence: E.Vanaeva (vanaeva-ei@ranepa.ru).

Abstract. A study of the successful experience of rehabilitation and adaptation of disabled people and persons with disabilities in the regions will make it possible to disseminate and develop modern management approaches in this area in other constituent entities of the Russian Federation. The systematic analysis and analysis of documents carried out by the authors made it possible to establish that the implementation of the strategy through a system of interconnected projects contributes to the achievement of measurable

¹ © Ванаева Э. И., Калугин Д. А., Палаухин А. С. Текст. 2026.

indicators of the expenditure of allocated funds. It can be concluded that the application of a program-targeted approach based on the functioning of a project office in the field of rehabilitation, habilitation and adaptation of disabled people will make it possible to move from extensive capacity building to intensive technological and managerial modernization. The authors see prospects in the study of the introduction of digital platforms, network models of interaction and modern standards of habilitation and adaptation will allow the regions to ensure equal access to social benefits for all categories of citizens, regardless of their state of health and place of residence.

Keywords: rehabilitation; habilitation; project management; program-target method; project office.

Введение

Одной из актуальных проблем современного здравоохранения является реабилитация и адаптация инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья. В то же время это одно из ключевых направлений современной социальной политики. Ее результативность проявляется в степени включенности человека в образовательные, трудовые и общественные практики, в уровне самостоятельности, доступности инфраструктуры и услуг, а также в показателях качества жизни. Для региональной системы государственного и муниципального управления данная сфера выступает индикатором эффективности межведомственного взаимодействия и качества предоставления государственных услуг.

Теоретические подходы социальной интеграции лиц с инвалидностью представлены в работах А.В. Мудрика, Е.И. Холостовой, Л.В. Мардахаева, И.А. Григорьевой, В.Н. Ярской-Смирновой и др. Проблематика медико-социальной экспертизы, реабилитации и абилитации рассматривается в исследованиях О.Н. Владимировой, В.А. Бронникова, М.И. Григорьевой, С.Н. Пузина и др. Вопросы государственного управления социальной сферой, организации межведомственного взаимодействия и контроля результативности социальных программ анализируются в трудах Г.В. Атаманчука, Л.В. Сморгунуова, А.И. Соловьева и др. Вместе с тем вопросы практической организации и контроля на региональном уровне изучены недостаточно.

Таким образом, целесообразность изучаемой темы авторы статьи видят в прикладной проработке организации реабилитации и адаптации лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья с учетом цифровой трансформации и проектного управления на материалах конкретного субъекта Российской Федерации. В данной связи результативным является опыт Пермского края, где сформирована сеть учреждений и программ поддержки.

Проектный подход к реабилитации инвалидов в Пермском крае

Среди работ по проблематике реабилитации, абилитации и адаптации лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья следует отметить работы В.В. Андриановой и М.А. Асташкиной (2022) «Индивидуальные программы реабилитации и абилитации в обеспечении права на труд и охрану здоровья инвалидов», И.В. Михайлова «Модернизация социальной защиты в Российской Федерации: проблемы и перспективы телемедицины в практике медико-социальной экспертизы» (Михайлов и др., 2022).

В отечественных (Смычек 2020; Белогузова & Митина, 2022) и зарубежных (Giardino et al, 2010) исследованиях выделяются несколько моделей организации поддержки социальной адаптации. Модель управления случаем (*case*

management) предполагает закрепление ответственного координатора, который формирует индивидуальный план, связывает получателя услуг с различными организациями и контролирует достижение промежуточных результатов. Модель комплексной реабилитации опирается на междисциплинарную команду (врач, психолог, специалист по социальной работе, инструктор ЛФК, эрготерапевт и др.) и последовательность этапов: оценка — планирование — реализация — переоценка. Модель реабилитации на уровне сообщества (*community-based rehabilitation*) акцентирует использование ресурсов местного сообщества и доступность услуг вблизи места проживания.

Работе с инвалидами Пермского края посвящены работы «Система реабилитации людей с инвалидностью: социологический анализ (на материалах Пермского края)» (Бронников & Григорьев, 2022) и «Стандартизация услуг по медико-социальной реабилитации и абилитации инвалидов в Пермском крае» (Бронников & Григорьева, 2020).

При написании статьи использованы следующие методы: системный анализ, статистический анализ, анализ документов. Анализ документов проведен как целенаправленное исследование официальных управленческих и отчетных материалов, отражающих цели, инструменты и результаты реализации региональных мероприятий по реабилитации, абилитации и адаптации инвалидов. Эмпирическую базу составили — доклад Министерства социального развития Пермского края за 2023 г.¹ и отчет о деятельности ГБУ ПК «Центр комплексной реабилитации инвалидов» за 2024 г.² Процедура анализа включала извлечение целевых показателей и фактических результатов, их сопоставление (план/факт) и интерпретацию управленческих механизмов проектного офиса.

Реализация мероприятий по реабилитации и адаптации лиц с инвалидностью и ОВЗ осуществляется сетью государственных учреждений. Флагманом региональной системы является ГБУ ПК «Центр комплексной реабилитации инвалидов» (ЦКРИ), возглавляемый В.А. Бронниковым.

ЦКРИ выполняет не только функцию прямого оказания услуг, но и роль ресурсно-методического центра. Учреждение реализует инновационные подходы, такие как ранняя помощь, роботизированная механотерапия и дистанционная абилитация и адаптация. В структуру ЦКРИ входят отделения в г. Перми и филиалы в крае (например, в г. Краснокамске), что обеспечивает территориальную доступность услуг.

Также в систему входят учреждения социального обслуживания (например, ГБУ ПК «Пермский центр социального обслуживания»), предоставляющие услуги на дому и в полустационарной форме, геронтологические центры и психоневрологические интернаты, которые трансформируются в современные социальные дома.

ЦКРИ реализует мультидисциплинарный подход, при котором реабилитационные услуги предоставляются не разрозненно, а в рамках комплексных программ, включающих:

¹ Доклад Министерства социального развития Пермского края за 2023 год. <https://minsoc.permkrai.ru/dokumenty/331181/> (дата обращения: 27.01.2026).

² ГБУ ПК «Центр комплексной реабилитации инвалидов». Отчет о результатах деятельности за 2024 год (ОРД за 2024 г.). <https://disk.yandex.ru/i/2Bjfs9y2rSQT0g> (дата обращения: 27.01.2026).

- социально-медицинскую реабилитацию: физиотерапию, ЛФК, механотерапию, массаж;
- социально-психологическую реабилитацию: диагностику, консультирование, тренинги;
- социально-педагогическую и логопедическую помощь;
- социально-бытовую адаптацию: обучение навыкам самообслуживания (эрготерапия);
- профессиональную ориентацию: содействие в выборе профессии.

Важным элементом содержания деятельности является цифровизация процессов: в ЦКРИ реализуется программа цифровой трансформации, предусматривающая создание Единой цифровой платформы управления реабилитационным процессом, внедрение электронных медицинских карт и телемедицинских технологий. Это направлено на решение проблемы информационной разобщенности и повышение прозрачности маршрута реабилитанта.

Реализация государственной программы «Социальной поддержка жителей Пермского края»¹ осуществляется через систему проектного управления и программно-целевой подход. Для координации деятельности по достижению стратегических целей в 2024 году создан проектный офис, функционирующий на базе отдела развития и стратегического планирования.

Проектный офис выполняет следующие функции: методическую поддержку разработки и реализации проектов, мониторинг выполнения проектов и программ, координацию взаимодействия участников проектов, обобщение и распространение лучших практик проектного управления, подготовку отчетности о реализации стратегических документов.

В состав проектного офиса входят начальник отдела развития, специалисты по проектному управлению, аналитики, координаторы проектов. Руководит проектным офисом заместитель директора по развитию. Общая численность сотрудников проектного офиса — шесть человек.

Организационная структура управления реализацией стратегии включает несколько уровней. На верхнем уровне находится стратегический комитет под председательством директора учреждения. В состав комитета входят заместители директора, главный бухгалтер, заведующие отделениями, руководители ключевых проектов. Стратегический комитет проводит заседания ежеквартально, рассматривает вопросы выполнения стратегических целей и показателей, принимает решения о корректировке стратегии и планов.

На среднем уровне функционируют проектные комитеты по каждому крупному проекту или программе. Проектный комитет включает руководителя проекта, членов проектной команды, представителей заинтересованных подразделений. Проектный комитет проводит заседания ежемесячно, контролирует ход выполнения проектных работ, принимает оперативные решения по возникающим проблемам.

¹ Постановление Правительства Пермского края от 03.10.2013 № 1321-п (ред. от 24.02.2025) «Об утверждении государственной программы Пермского края «Социальная поддержка жителей Пермского края». <https://docs.cntd.ru/document/494904086?ysclid=mm8rtr9dzw187719203> (дата обращения: 02.03.2026).

На нижнем уровне работают проектные команды, осуществляющие непосредственное выполнение проектных работ и мероприятий. Проектная команда формируется из сотрудников учреждения на временной основе с сохранением основных функциональных обязанностей. Участие в проектной команде учитывается при оценке эффективности деятельности сотрудника и установлении стимулирующих выплат.

Проектный офис позволяет организовать процесс реализации стратегии в виде портфеля стратегических проектов. В 2024–2025 гг. было реализовано восемь крупных проектов, направленных на достижение стратегических целей.

Проект 1 «Расширение инфраструктуры абилитации» направлен на увеличение пропускной способности учреждения. Руководитель проекта — заместитель директора по социальной части. Срок реализации — 2024–2025 гг. Бюджет — 25 млн рублей.

Основные мероприятия проекта: реконструкция помещений второго этажа для размещения дополнительных залов абилитации и адаптации (2024 г., стоимость 12 млн рублей), приобретение дополнительного оборудования для оснащения новых залов (2024–2025 гг., стоимость восемь млн рублей), набор дополнительного персонала для работы на новых местах (2025 г., расходы на оплату труда — пять млн рублей в год).

Результаты проекта по итогам 2024–2025 гг.: завершена реконструкция помещений площадью 400 кв. м, закуплено оборудование на сумму восемь млн рублей (в том числе пять тренажеров для лечебной физкультуры, три аппарата физиотерапии, две массажные кушетки), принято на работу 15 дополнительных специалистов (три инструктора ЛФК, два массажиста, два физиотерапевта, восемь медицинских сестер). Увеличено количество мест для реабилитации со 120 до 168 (прирост 40 %). Прирост объема услуг составил 35 % (с 12 000 до 16 200 услуг в год).

Проект 2 «Роботизированная абилитация» направлен на внедрение высокотехнологичных методов восстановления двигательных функций. Руководитель проекта — врач-абилитолог, кандидат социологических наук. Срок реализации — 2024–2026 гг. Бюджет — 12 млн рублей.

Мероприятия проекта: приобретение роботизированного комплекса для механотерапии верхних конечностей (2024 г., стоимость четыре млн рублей), приобретение роботизированного комплекса для механотерапии нижних конечностей и тренировки ходьбы (2025 г., стоимость восемь млн рублей), обучение специалистов работе на роботизированных комплексах (2024–2025 гг., стоимость 500 тыс. рублей), разработка протоколов применения роботизированной абилитации для различных категорий абилитантов (2025–2026 гг.).

Результаты проекта: в 2024 г. приобретен и введен в эксплуатацию роботизированный комплекс для верхних конечностей, обучено восемь специалистов. В 2025 г. прошли абилитацию с использованием роботизированного комплекса 142 пациента с нарушениями функции верхних конечностей. У 87 % пациентов отмечено значимое улучшение двигательных функций по результатам стандартизированных тестов.

В 2025 г. закуплен роботизированный комплекс для нижних конечностей, в настоящее время осуществляется монтаж и пусконаладочные работы, планируется ввод в эксплуатацию в январе 2026 г. Проходят обучение 12 специалистов.

Разработаны протоколы применения роботизированной механотерапии для пациентов после инсульта, с черепно-мозговой травмой, рассеянным склерозом, травмами спинного мозга.

Проект 3 «Виртуальная абилитация» направлен на использование технологий виртуальной реальности для когнитивной и двигательной абилитации. Руководитель проекта — психолог, кандидат психологических наук. Срок реализации — 2024–2025 гг. Бюджет — 3,5 млн рублей.

Мероприятия проекта: приобретение системы виртуальной реальности для когнитивной абилитации (2024 г., стоимость 1,5 млн рублей), приобретение системы виртуальной реальности для двигательной абилитации (2024 г., стоимость один млн рублей), обучение специалистов применению VR-технологий (2024 г., стоимость 300 тыс. рублей), разработка программ виртуальной абилитации (2024–2025 гг., стоимость 700 тыс. рублей).

Результаты проекта: приобретено и введено в эксплуатацию оборудование виртуальной реальности, обучено 15 специалистов (психологи, инструкторы ЛФК, эрготерапевты). Разработано 12 программ виртуальной абилитации для различных целей: тренировки памяти и внимания, восстановления навыков ориентации в пространстве, тренировки координации движений, преодоления фобий, релаксации и управления стрессом.

За 2025 г. услуги виртуальной абилитации получили 238 абилитантов. Исследование эффективности показало значимое улучшение когнитивных функций у 82 % пациентов, улучшение координации и равновесия — у 76 % абилитантов. Пациенты высоко оценили привлекательность метода, отмечая интересность и увлекательность занятий.

Проект 4 «Телереабилитация» направлен на развитие дистанционных форм предоставления абилитационных услуг. Руководитель проекта — заместитель директора по развитию. Срок реализации — 2025 — 2026 годы. Бюджет — четыре млн рублей.

Мероприятия проекта: разработка технического задания на создание системы телереабилитации (2025 г.), приобретение оборудования для телемедицинских консультаций (2025 г., стоимость 1,5 млн рублей), разработка программного обеспечения для дистанционного взаимодействия (2025–2026 г., стоимость два млн рублей), разработка методических материалов для телереабилитации (2025 г.), пилотный запуск с ограниченным числом пациентов (2026 г.), полномасштабное внедрение (2026 г.).

Результаты проекта на текущий момент: разработано техническое задание, определяющее функциональные требования к системе. Закуплено оборудование для 10 рабочих мест специалистов (компьютеры с веб-камерами высокого разрешения, гарнитуры, программное обеспечение для видеоконференций). Ведется разработка специализированного программного обеспечения, интегрированного с электронной медицинской картой.

Разработаны методические рекомендации по проведению дистанционных консультаций психолога, логопеда, специалиста по социальной работе. Обучено 25 специалистов проведению телеконсультаций. Планируется начало пилотного проекта в феврале 2026 г. с участием 50 реабилитантов, проживающих в отдаленных территориях Пермского края.

Проект 5 «Цифровая платформа» направлен на создание комплексной информационной системы управления реабилитационным процессом. Руководитель проекта — начальник отдела информационных технологий. Срок реализации — 2025–2027 гг. Бюджет — восемь млн рублей.

Мероприятия проекта: разработка концепции и архитектуры цифровой платформы (2025 г.), приобретение серверного оборудования и программного обеспечения (2025 г., стоимость 2,5 млн рублей), разработка программных модулей платформы (2025–2026 гг., стоимость четыре млн рублей), интеграция с существующими информационными системами (2026 г.), тестирование и пилотная эксплуатация (2026 г.), обучение пользователей (2026–2027 г., стоимость 500 тыс. рублей), промышленная эксплуатация (2027 г.).

Результаты проекта на текущий момент: разработана концепция цифровой платформы, определяющая функциональную структуру, технологический стек, план-график разработки. Проведены конкурсные процедуры на приобретение оборудования и разработку программного обеспечения, заключены контракты с поставщиками и разработчиками.

Закуплено серверное оборудование производительностью, достаточной для обработки данных 3 000 пользователей, система хранения данных объемом 50 терабайт, средства резервного копирования. Начата разработка первых модулей платформы: модуль электронной медицинской карты, модуль планирования реабилитационных мероприятий, модуль мониторинга состояния пациента.

Проект 6 «Развитие кадрового потенциала» направлен на повышение квалификации специалистов и привлечение молодых кадров. Руководитель проекта — начальник отдела кадров. Срок реализации — 2024–2026 гг. Бюджет — шесть млн рублей.

Мероприятия проекта: организация обучения специалистов по программам повышения квалификации и профессиональной переподготовки (2024–2026 гг., ежегодно 50 специалистов, стоимость три млн рублей), организация стажировок в ведущих реабилитационных центрах России (2024–2026 гг., ежегодно 10 специалистов, стоимость 1,5 млн рублей), проведение внутренних обучающих мероприятий (семинары, мастер-классы, конференции) (2024–2026 гг., стоимость 500 тыс. рублей), внедрение программы поддержки молодых специалистов (грантовая поддержка, наставничество) (2024–2026 гг., стоимость один млн рублей).

Результаты проекта за 2024–2025 гг.: обучение прошли 95 специалистов (в 2024 году — 45 человек, в 2025 году — 50 человек). Основные программы обучения: «Физическая реабилитация» (20 человек), «Эрготерапия» (15 человек), «Когнитивно-поведенческая терапия» (12 человек), «Роботизированная механотерапия» (8 человек), «Применение виртуальной реальности в реабилитации» (10 человек), «Менеджмент в здравоохранении» (восемь человек), «Управление качеством медицинской помощи» (5 человек), прочие программы (17 человек).

Организованы стажировки 20 специалистов в ведущих реабилитационных центрах: Федеральный центр мозга и нейротехнологий ФМБА России (Москва) — пять специалистов, Российский научный центр медицинской реабилитации и курортологии (Москва) — четыре специалиста, Федеральный центр травматологии, ортопедии и эндопротезирования (Барнаул) — три специалиста, Региональный сосудистый центр (Пермь) — восемь специалистов.

Проведено 24 внутренних обучающих мероприятия: 12 семинаров с приглашенными экспертами, восемь мастер-классов ведущих специалистов учреждения, две научно-практические конференции, два круглых стола. Общее количество участников внутренних обучающих мероприятий — более 350 человек (с учетом повторного участия).

Внедрена программа грантовой поддержки молодых специалистов. За 2024–2025 гг. гранты получили восемь молодых специалистов в возрасте до 30 лет для участия в профессиональных конкурсах, конференциях, прохождения обучения. Размер гранта — от 30 до 100 тыс. рублей в зависимости от цели. Все получатели грантов продолжают работу в учреждении.

Проект 7 «Межведомственная интеграция» направлен на развитие сетевого взаимодействия с партнерскими организациями. Руководитель проекта — заместитель директора по организационно-методической работе. Срок реализации — 2024–2026 гг. Бюджет — 1,5 млн рублей.

Мероприятия проекта: заключение соглашений о сотрудничестве с медицинскими, образовательными, социальными организациями (2024–2025 гг.), разработка и внедрение механизмов межведомственного взаимодействия (маршрутизация пациентов, обмен информацией) (2025 г.), создание регионального реабилитационного консилиума (2025 г.), организация совместных мероприятий (конференции, семинары) (2024–2026 гг., стоимость один млн рублей), участие в региональных и федеральных программах (2024–2026 гг.).

Результаты проекта за 2024–2025 гг.: заключены соглашения о сотрудничестве с 22 организациями, в том числе с восемью медицинскими организациями (городские поликлиники, городская больница, региональный сосудистый центр, областной наркологический диспансер, детская краевая клиническая больница), пятью образовательными организациями (коррекционные школы, профессиональные училища), четырьмя организациями службы занятости, пятью общественными организациями инвалидов.

Разработаны и внедрены стандартные процедуры межведомственного взаимодействия: направление на реабилитацию из медицинских организаций, обратная связь о результатах реабилитации, совместное ведение пациентов, требующих комплексного подхода, консультативная помощь специалистов учреждения для пациентов медицинских организаций.

Создан региональный реабилитационный консилиум в составе представителей ГБУ ПК «ЦКРИ», медицинских организаций, Министерства социального развития, Министерства здравоохранения Пермского края. Консилиум проводит заседания ежеквартально, рассматривает сложные случаи, требующие мультидисциплинарного подхода, вырабатывает рекомендации по организации реабилитации.

Организовано восемь совместных мероприятий с партнерами: три региональные научно-практические конференции, два обучающих семинара для специалистов учреждений социального обслуживания Пермского края, два круглых стола по актуальным вопросам реабилитации, один выездной семинар для специалистов отдаленных территорий.

Учреждение приняло участие в федеральном проекте «Старшее поколение» национального проекта «Демография»¹, в рамках которого оказаны реабилитационные услуги гражданам старше 65 лет. Участие в проекте позволило дополнительно получить субсидию из федерального бюджета в размере 4,5 млн рублей на приобретение оборудования.

Проект 8 «Система менеджмента качества» направлен на внедрение стандартизированной системы управления качеством услуг. Руководитель проекта — заместитель директора по медицинской части. Срок реализации — 2025–2026 гг. Бюджет — два млн рублей.

Мероприятия проекта: разработка документации системы менеджмента качества (политика в области качества, руководство по качеству, стандартные операционные процедуры) (2025 г.), обучение персонала принципам системы менеджмента качества (2025 г., стоимость 500 тыс. рублей), внедрение процессного подхода к управлению (2025–2026 гг.), внедрение системы ключевых показателей эффективности (2025 г.), создание службы внутреннего аудита качества (2025 г.), прохождение добровольной сертификации на соответствие стандарту ISO 9001 (2026 г., стоимость 800 тыс. рублей).

Результаты проекта на текущий момент: разработаны основные документы системы менеджмента качества — политика в области качества, руководство по качеству, описание 15 ключевых процессов учреждения (управление, предоставление услуг, управление ресурсами, мониторинг и анализ). Обучение по программе «Система менеджмента качества медицинских организаций» прошли 35 сотрудников, включая всех руководителей.

Внедрен процессный подход, в рамках которого определены владельцы процессов, установлены взаимосвязи между процессами, разработаны показатели результативности процессов, организован мониторинг процессов. Разработана система ключевых показателей эффективности на уровне учреждения, подразделений, отдельных специалистов. Создана служба внутреннего аудита качества в составе трех аудиторов, обученных методам внутреннего аудита. В 2025 г. проведено четыре внутренних аудита, по результатам выявлено 12 несоответствий, все устранены в установленные сроки.

Мониторинг и контроль реализации стратегии осуществляется на нескольких уровнях. На уровне отдельных проектов руководители проектов ежемесячно представляют отчеты о ходе выполнения работ, достигнутых результатах, возникших проблемах, планах на следующий месяц. Отчеты рассматриваются на заседаниях проектных комитетов.

На уровне портфеля проектов проектный офис ежеквартально готовит сводный отчет о реализации всех проектов, анализирует отклонения от плана, готовит предложения по корректировке. Отчет рассматривается на заседании стратегического комитета.

На уровне стратегии в целом ежегодно проводится оценка выполнения стратегических целей и показателей. Оценка включает анализ достижения целевых

¹Федеральный проект «Старшее поколение» национального проекта «Демография» (описание/паспорт проекта) <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/3> (дата обращения: 27.01.2026).

значений показателей, факторный анализ отклонений, оценку эффективности реализованных мероприятий, выработку предложений по корректировке стратегии. Результаты оценки представляются учредителю и обсуждаются на ученом совете учреждения.

По итогам 2024–2025 гг. достигнуты следующие результаты реализации стратегии. Показатель «Количество граждан, получивших реабилитационные услуги» увеличился с 1 240 до 1 450 человек (прирост 17 %), целевое значение на 2025 г. — 1 400 человек (выполнение 104 %). Показатель «Доля получателей услуг с положительной динамикой функционального состояния» составил 82 % при целевом значении 80 % (выполнение 102,5 %).

Показатель «Уровень удовлетворенности получателей услуг» достиг 94 % при целевом значении 92 % (выполнение 102 %). Показатель «Укомплектованность штата» составил 100 % (целевое значение 98 %, выполнение 102 %). Показатель «Доля специалистов, прошедших обучение по современным реабилитационным технологиям» — 52 % при целевом значении 50 % (выполнение 104 %).

Показатель «Обеспеченность современным реабилитационным оборудованием» увеличился с 65 % до 78 % (прирост 13 процентных пунктов) при целевом значении 75 % (выполнение 104 %). Финансовые показатели: объем финансирования вырос со 152 млн рублей (2023 г.) до 165 млн рублей (2025 г.), прирост 8,5 %.

В целом выполнение целевых показателей стратегии на 2025 г. составило 103 %, что свидетельствует об эффективности реализации стратегических документов. Темпы достижения стратегических целей соответствуют запланированным, учреждение находится на траектории достижения целевых параметров 2030 г.

Вместе с тем в ходе реализации стратегии выявлен ряд проблем и рисков. Основные проблемы: дефицит квалифицированных кадров на рынке труда, особенно специалистов в области эрготерапии, физической реабилитации; сложности с привлечением молодых специалистов в связи с относительно невысоким уровнем заработной платы в социальной сфере; задержки поставок импортного реабилитационного оборудования в связи с санкционными ограничениями; сложности интеграции различных информационных систем при создании цифровой платформы.

Основные риски: риск недофинансирования стратегических проектов при ухудшении экономической ситуации; риск роста стоимости оборудования и строительных работ в связи с инфляцией; риск увеличения текучести кадров при повышении конкуренции на рынке труда; риск технологического отставания при недостаточных темпах внедрения инноваций.

Для минимизации рисков разработан комплекс мероприятий: диверсификация источников финансирования за счет развития внебюджетной деятельности, участия в грантовых конкурсах, привлечения спонсорской помощи; поиск отечественных аналогов импортного оборудования, развитие сотрудничества с российскими производителями; совершенствование системы мотивации персонала, создание привлекательных условий для работы молодых специалистов; поэтапная реализация цифровых проектов с возможностью корректировки при возникновении технических сложностей.

Заключение

На примере Пермского края показано, что сочетание программно-целевого подхода и проектного управления, институционально закрепленное через работу проектного офиса, переводит развитие региональной системы реабилитации из логики преимущественно экстенсивного наращивания мощностей в логику интенсивной модернизации. Экстенсивный компонент проявляется в проектах расширения инфраструктуры и увеличения пропускной способности, тогда как интенсивный — во внедрении технологических и управленческих решений (роботизированная механотерапия, VR-абилитация, телереабилитация, создание цифровой платформы, стандартизация и система менеджмента качества). Проектный офис обеспечивает связность проектов в портфеле, регулярный мониторинг показателей и управляемость ресурсов, что делает результаты воспроизводимыми и измеримыми. Тем самым применение программно-целевого подхода на базе функционирования проектного офиса в сфере реабилитации, абилитации и адаптации инвалидов позволяет перейти от экстенсивного наращивания мощностей к интенсивной технологической и управленческой модернизации.

Список источников

- Андрианова, В. В., Асташкина, М. А. (2022). Индивидуальные программы реабилитации и абилитации в обеспечении права на труд и охрану здоровья инвалидов. *Аграрное и земельное право*, 11 (215), 65–68. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_11_65
- Белогузов, И. И., Митина, К. А. (2022). Тенденции и перспективы развития комплексной реабилитации инвалидов в регионе. В *Инновации в диагностике, лечении, медико-социальной экспертизе, реабилитации: взгляд молодежи: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых (19–20 мая 2022 г.)* (с. 60–65). Санкт-Петербург: Изд-во «Айсинг», 298. EDN: QYNZVW
- Бронников, В. А., Григорьева, М. И. (2021). Система реабилитации людей с инвалидностью: социологический анализ (на материалах Пермского края). *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*, (1), 125–141. <http://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.1.10>
- Бронников, В. А., Склянная, К. А., Григорьева, М. И. (2020). Стандартизация услуг по медико-социальной реабилитации и абилитации инвалидов в Пермском крае. *Медико-социальная экспертиза и реабилитация*, 23 (4), 28–38. <http://doi.org/10.17816/MSER55292>
- Голубкова, П. А., Бурыкина, Н. М. (2021). Организационные основы реабилитации инвалидов в РФ. В *О влиянии государства на развитие демографических процессов: Пятнадцатая международная научно-практическая конференция. Сборник докладов и тезисов участников конференции* (с. 125–134). Ярославль: Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 624. EDN: JYXXDY
- Михайлов, И. В., и др. (2020). Модернизация социальной защиты в Российской Федерации: проблемы и перспективы телемедицины в практике медико-социальной экспертизы. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 28(S2), 1123–1130. <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1123-1130>
- Смышчѐк, В. Б. (2020). Медицинская реабилитация: история становления, современное состояние, перспективы развития. *Физическая и реабилитационная медицина*, 2 (2), 7–17. <http://doi.org/10.26211/2658-4522-2020-2-2-7-17>
- Giardino, A. P., Darnell, D., & Samaniego, C. (2023). Case management. In *StatPearls* [Internet]. StatPearls Publishing. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32965885/> (Accessed: 30.01.2026). PMID: 32965885.

World Health Organization. (2010). *Community-based rehabilitation: CBR guidelines*. Geneva: World Health Organization. <https://www.who.int/publications/i/item/9789241548052?ysclid=mlfa9l8mye282977348> (Accessed: 30.01.2026).

References

Andrianova, V. V., & Astashkina, M. A. (2022). Individual rehabilitation and habilitation programs in ensuring the right to work and health protection of disabled people. *Agrarnoe i zemel'noe pravo [Agrarian and Land Law]*, 11 (215), 65–68. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_11_65 (In Russ.)

Beloguzov, I. I., & Mitina, K. A. (2022). Trends and prospects for the development of comprehensive rehabilitation of disabled people in the region. In *Innovatsii v diagnostike, lechenii, mediko-sotsial'noi ekspertize, reabilitatsii: vzgliad molodezhi: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh (19–20 maia 2022 g.) [Innovations in diagnosis, treatment, medical and social expertise, rehabilitation: the view of youth: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Young Scientists (May 19–20, 2022)]* (pp. 60–65). Saint Petersburg: Publishing house «Aising». EDN: QYHZVW (In Russ.)

Bronnikov, V. A., & Grigor'eva, M. I. (2021). Rehabilitation system for persons with disabilities: sociological analysis (the case of the Perm krai). *Vestnik PNPu. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki [PNPU Sociology and Economics Bulletin]*, (1), 125–141. <http://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.1.10> (In Russ.)

Bronnikov, V. A., Skliannaia, K. A., & Grigor'eva, M. I. (2020). Standartization of medical and social rehabilitation services in Perm region. *Mediko-sotsial'naia ekspertiza i reabilitatsiia [Medical and Social Expert Evaluation and Rehabilitation]*, 23(4), 28–38. <http://doi.org/10.17816/MSER55292> (In Russ.)

Giardino, A. P., Darnell, D., & Samaniego, C. (2023). Case management. In *StatPearls* [Internet]. StatPearls Publishing. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32965885/> (Accessed: 30.01.2026). PMID: 32965885.

Golubkova, P. A., & Burykina, N. M. (2021). Organizational foundations of rehabilitation of disabled people in the Russian Federation. In *O vlianii gosudarstva na razvitie demograficheskikh protsessov: Piatnadsat'naia mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia. Sbornik dokladov i tezisov uchastnikov konferentsii [On the Influence of the State on the development of demographic processes: The Fifteenth International Scientific and Practical Conference. Collection of reports and abstracts of the conference participants]* (pp. 125–134). Yaroslavl: Educational Institution of trade unions of higher education «Academy of Labor and Social Relations, 624. (In Russ.)

Mikhailov, I. V., et al. (2020). Modernization of social protection in the Russian Federation: problems and prospects of telemedicine in the practice of medical-social expertise. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdavookhraneniia i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History Of Medicine]*, 28(S2), 1123–1130. <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1123-1130> (In Russ.)

Smychek, V. B. (2020). Medical rehabilitation: history of formation, modern condition, prospects of the development. *Fizicheskaiia i reabilitatsionnaia medicina [Physical and Rehabilitation Medicine]*, 2 (2), 7–17. <http://doi.org/10.26211/2658-4522-2020-2-2-7-17> (In Russ.)

World Health Organization. (2010). *Community-based rehabilitation: CBR guidelines*. Geneva: World Health Organization. <https://www.who.int/publications/i/item/9789241548052?ysclid=mlfa9l8mye282977348> (Accessed: 30.01.2026).

Ванаева Эльнара Ильфатовна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

<https://orcid.org/0009-0008-7029-0425> (Российская Федерация, 620063, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: vanaeva-ei@ranepa.ru).

Калугина Диана Александровна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры регионального и муниципального управления, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; <https://orcid.org/0009-0006-7835-1259> (Российская Федерация, 620063, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: diana-kalugina@yandex.ru).

Палаухин Андрей Сергеевич — магистрант кафедры регионального и муниципального управления, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; (Российская Федерация, 620063, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: andrey.palaukhin1996@mail.ru).

Elnara I. Vanaeva - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; <https://orcid.org/0009-0008-7029-0425> (66, 8 Marta Str., Ekaterinburg, 620063, Russian Federation; e-mail: vanaeva-ei@ranepa.ru).

Diana A. Kalugina — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional and Municipal Administration, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; <https://orcid.org/0009-0006-7835-1259> (66, 8 Marta Str., Ekaterinburg, 620063, Russian Federation; e-mail: diana-kalugina@yandex.ru).

Andrey S. Palaukhin - master's student of the Department of Regional and Municipal Management, Ural Institute of Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (66, 8 Marta Str., Ekaterinburg, 620063, Russian Federation; e-mail: andrey.palaukhin1996@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools.

УДК 658.5:616.12

JEL classification: I18, O31, R58

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-7-4>

Мировой и российский опыт патентных инноваций в сфере здравоохранения для удаленных и труднодоступных территорий¹

О. А. Ерёмченко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация).

<https://orcid.org/0000-0001-5964-9080>

Автор для корреспонденции: О. А. Ерёмченко (tatrics@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу патентных инноваций в сфере медицинских устройств и приборов, ориентированных на применение в удаленных и труднодоступных территориях, в контексте современных демографических вызовов. Предметом исследования является патентный ландшафт медицинских технологий, связанных с мобильной диагностикой, мониторингом и телемедицинской поддержкой. Цель работы — оценить глобальные и российские тенденции патентной активности и выявить их соответствие демографическим потребностям удаленных и труднодоступных, в том числе сельских территорий. Гипотеза исследования заключается в том, что существующая структура патентных разработок недостаточно учитывает территориальную и демографическую специфику российских регионов. Методологическую основу составляют патентная аналитика, сравнительный и структурно-логический анализ на основе данных патентной базы Orbit за 2017–2026 гг. Полученные результаты показывают высокую глобальную инновационную активность при ограниченной представленности решений, ориентированных на удаленные и труднодоступные территории России. Научный вклад состоит в выявлении потенциальных демографических эффектов внедрения мобильных и телемедицинских технологий. Результаты могут быть использованы при разработке мер государственной политики в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: медицинские устройства; телемедицина; здравоохранение; патентный анализ; демографические эффекты.

Global and Russian Experience in Patent Innovations in Healthcare for Remote and Hard-to-Reach Areas

O. Eremchenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-5964-9080>

Corresponding: O. Eremchenko (tatrics@mail.ru).

Abstract. The article examines patent innovations in the field of medical devices and equipment intended for use in remote and hard-to-reach territories in the context of contemporary demographic challenges. The subject of the study is the patent landscape of medical technologies related to mobile diagnostics, health monitoring, and telemedicine support. The aim of the study is to assess global and Russian trends in patent activity and to identify the extent to which they correspond to the demographic needs of remote and hard-to-reach, including rural, territories. The research hypothesis is that the existing structure of patent developments in the medical technology sector insufficiently accounts for the territorial and demographic specificities of Russian regions. The methodological framework is based on patent analytics, as well as comparative and structural-logical analysis using data from the Orbit patent database for the period 2017–2026. The results indicate high global innovative activity alongside the limited representation of solutions specifically designed for remote and

¹ © Ерёмченко О. А. Текст. 2026.

hard-to-reach territories of the Russian Federation. The scientific contribution of the study lies in identifying the potential demographic effects of the implementation of mobile and telemedicine technologies. The findings may be used in the development of public policy measures in the healthcare sector.

Keywords: medical devices; telemedicine; healthcare; patent analysis; demographic effects.

Введение

В современных условиях, характеризующихся демографическими вызовами, стоящими перед государственной политикой, обеспечение доступности и высокого качества медицинской помощи в сельских и отдаленных территориях приобретает особую значимость. Для России, отличающейся значительной территориальной протяженностью и наличием пространств, находящихся за пределами устойчивого доступа к развитой инфраструктуре, вопросы организации здравоохранения на удаленных и труднодоступных территориях приобретают не только социальное, но и стратегическое значение.

Как показывают результаты ряда исследований, доступ к своевременной и качественной медицинской помощи способствует выравниванию регионов по уровню жизни, снижению дифференциации показателей ожидаемой продолжительности жизни, сохранению кадрового потенциала сельских территорий и формированию предпосылок для устойчивого пространственного развития (Hayes et al., 2025), (Блинова и др., 2020). Кроме того, наличие медицинской инфраструктуры и возможности получения первичной и специализированной помощи выступают важным фактором демографического поведения населения, включая принятие решений о рождении детей и снижении миграционного оттока (Jiang & Huang, 2023) (Костюкова, 2025).

В России на протяжении последних десятилетий фиксируется устойчивая депопуляция сельских территорий и малых поселений (Рыбаковский, 2024). Среди ее ключевых причин, наряду с ограниченными возможностями трудоустройства, низким уровнем оплаты труда, карьерными и инфраструктурными ограничениями, значимое место занимает недостаточная доступность медицинской помощи. Жители малонаселенных и труднодоступных районов имеют статистически более низкое качество диагностики, ограниченный доступ к профилактике заболеваний и, как следствие, меньшую ожидаемую продолжительность жизни по сравнению с городским населением (Чернышев и др., 2022).

Как отмечают Е.В. Каракулина и соавторы, организация сельского здравоохранения для оказания медико-санитарной помощи имеет ряд специфических особенностей: территориальная удаленность населенных пунктов от районных больниц, малочисленность населения, централизация специализированной медицинской помощи на базе многопрофильных медицинских организаций в городах (Каракулина и др., 2023). В этих условиях, дополненных дефицитом медицинских кадров, территориальной разобщенностью населенных пунктов и высокой стоимостью стационарной инфраструктуры, все большую роль начинают играть медицинские устройства и приборы, ориентированные на мобильность, автономность и удаленное использование. Их инновационный потенциал, в свою очередь, может быть оценен через уровень патентной активности и структуру патентного ландшафта, отражающего направления технологического развития и приоритеты стран и компаний-разработчиков. При этом

в существующих исследованиях преимущественно рассматриваются организационные и клинико-экономические аспекты развития здравоохранения, тогда как системный анализ патентной активности медицинских устройств для удаленных и труднодоступных территорий и ее соотнесение с демографическими потребностями остается недостаточно представленным.

В этой связи целью настоящей статьи является оценка российского и зарубежного патентного ландшафта медицинских устройств и приборов, ориентированных на применение в удаленных и труднодоступных территориях, в том числе на селе, а также выявление основных направлений их разработки. Результаты исследования могут быть использованы при формировании мер государственной политики в сфере здравоохранения, поддержки медицинских инноваций и пространственного развития.

Обзор литературы

В научных исследованиях, посвященных проблематике медицинского обеспечения населения удаленных и труднодоступных территорий, в последние годы доминирует акцент на необходимость внедрения в повседневную практику цифровых и дистанционных решений. Существенная часть работ фокусируется на анализе потенциала телемедицины как инструмента преодоления пространственных, инфраструктурных и кадровых ограничений системы здравоохранения (Лагутин и др., 2023; Гришина и др., 2024). При этом подчеркивается, что территориальная удаленность, низкая плотность населения и слабая транспортная инфраструктура формируют устойчивые барьеры в получении своевременной медицинской помощи, что делает традиционные модели организации здравоохранения малоэффективными для таких территорий (Моисеева и др., 2025).

Особый импульс развитию телемедицинских технологий был придан в период пандемии COVID-19, когда дистанционные форматы оказания медицинской помощи продемонстрировали свою практическую применимость и масштабируемость. Телемедицина рассматривается уже не только как временная антикризисная мера, но и как долгосрочный элемент трансформации медицинской помощи, особенно актуальный для сельских и труднодоступных территорий (Вдоушкина и др., 2024).

Практическая реализация телемедицины на удаленных территориях непосредственно связана с развитием специализированных медицинских устройств и приборов, обеспечивающих непрерывность медицинского наблюдения и снижение рисков для здоровья населения в условиях территориальной изоляции. Такие приборы и устройства включают диагностические устройства (портативные электрокардиографы, УЗИ-аппараты, цифровые стетоскопы), мониторинговые решения (глюкометры, пульсоксиметры, кардиомониторы), а также коммуникационные средства (телемедицинские терминалы, стационарные и мобильные телемедицинские станции) (Халыева, 2025). Исследователи подчеркивают, что именно комплексное использование этого оборудования обеспечивает повышение доступности и качества медицинской помощи. Отдельное направление исследований связано с развитием телесестринства, предполагающего применение цифровых и ИКТ-технологий для оказания сестринской

помощи, дистанционного мониторинга состояния пациентов и координации деятельности медицинского персонала (Бакаева и др., 2022).

Практическая значимость мобильных и телемедицинских решений подтверждается результатами региональных исследований и кейс-стади. Так, в работе, посвященной повышению доступности первичной медико-санитарной помощи жителям труднодоступных районов Арктической зоны Республики Саха (Якутия), подчеркивается эффективность функционирования Республиканского центра мобильных бригад, действующего с 2023 г. (Афанасьева и др., 2025). Наряду с региональными инициативами в литературе рассматриваются результаты реализации федеральных программ развития медицинского обеспечения удаленных территорий. В частности, мероприятия федерального проекта «Первичная медико-санитарная помощь», реализованные в 2017–2023 гг., способствовали развитию сети сельского здравоохранения в субъектах Дальневосточного федерального округа (Каракулина и др., 2023).

Вместе с тем существующие работы преимущественно сосредоточены на организационных и клинико-экономических аспектах здравоохранения, тогда как системный анализ технологического развития медицинских устройств и приборов остается недостаточно представленным. Для комплексной оценки инновационной активности и выявления перспективных направлений разработки целесообразно использовать патентную аналитику, которая отражает как научные достижения, так и прикладные решения, потенциально пригодные для применения в удаленных и труднодоступных территориях. Такой анализ особенно важен с точки зрения демографической политики, поскольку качество и доступность медицинской помощи напрямую влияют не только на показатели заболеваемости и смертности, но и на сохранение кадрового потенциала, сокращение миграционного оттока и формирование условий для устойчивого развития удаленных и труднодоступных территорий.

Применение патентного анализа позволяет определить ключевые технологические кластеры, оценить интенсивность разработок, выявить лидеров по странам и организациям, а также проследить динамику внедрения мобильных и телемедицинских решений. Так, в статье «Квантовые технологии в здравоохранении: анализ кейсов и перспектив» (Кобякова и др., 2025) показано, что патентный ландшафт квантовых сенсоров, вычислений и решений кибербезопасности позволяет оценить потенциал технологий для повышения точности диагностики, автономности и функциональности медицинских устройств. В рамках настоящего исследования методы патентного анализа будут использованы для выявления ключевых направлений технологического развития медицинских устройств и приборов, ориентированных на применение в удаленных и труднодоступных территориях для повышения доступности медицинской помощи и достижения демографических целей устойчивого развития.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является комплексный подход, сочетающий методы патентной аналитики, статистического анализа и структурно-логического обобщения. Ключевым источником эмпирических данных выступают

патентные документы, отражающие результаты научно-технической деятельности в области медицинских устройств и приборов, ориентированных на применение в удаленных и труднодоступных территориях. Патентная информация рассматривается как индикатор инновационной активности, позволяющий оценить научно-технологические заделы и прикладную ценность разрабатываемых решений.

Информационную базу исследования составили данные патентной базы Orbit за десятилетний период (2017–2026 гг.). В рамках анализа были сформированы выборки, отражающие совокупность технических решений, относящиеся к медицинским устройствам и приборам в целом, и отдельно — их часть, непосредственно отнесенная к устройствам и приборам, применимым в условиях ограниченной транспортной доступности, дефицита медицинского персонала и необходимости дистанционного мониторинга состояния пациентов. Анализ проводился как для общемирового массива патентных семейств, так и для технологий, получивших правовую охрану на территории Российской Федерации. Следует отметить, что в соответствии с правилами представления информации в Orbit, в этой базе данных анализируются не отдельные документы, а патентные семейства, которые представляют собой совокупность взаимосвязанных патентных заявок и патентов, поданных в различных юрисдикциях и относящихся к одному и тому же техническому решению.

Для интерпретации полученных результатов применялись элементы сравнительного анализа и экспертного обобщения, что позволило сопоставить выявленные технологические тренды с задачами повышения доступности медицинской помощи и демографической устойчивости удаленных и труднодоступных территорий.

К числу методологических ограничений исследования следует отнести тот факт, что патентная аналитика фиксирует преимущественно формализованные результаты научно-технической деятельности и в меньшей степени отражает организационные и сервисные инновации в здравоохранении, а наличие патентной охраны не является подтверждением фактического внедрения технологий в практику. Дополнительным ограничением является временной лаг между подачей патентной заявки и последующим использованием разработки, что может снижать актуальность оценки отдельных технологических трендов, а также зависимость результатов от выбранных поисковых образов, что требует осторожности при интерпретации полученных выводов.

Результаты

Для анализа глобального патентного ландшафта в патентной базе данных Orbit использовался поисковый образ ((medical device+ OR medical equipment+ OR diagnostic device OR portable medical OR point of care OR POC device+ OR wearable sensor+ OR mobile medical unit+ OR remote monitoring device+ OR telemedicine device+)/TI/AB/CLMS/OBJ/ICLM AND (EPD >= 2017)). По состоянию на 13.01.2026 г., по данному запросу было обнаружено 234 121 патентное семейство, из которых 153 150 являлись действующими.

Распределение патентных семейств по годам отражает устойчивый рост интенсивности разработок в области медицинских приборов и диагностических решений. Страновой анализ выявляет абсолютное лидерство Китая: в его юрисдикции правовую охрану получили 108 331 техническое решение, что составляет более

70 % всей выборки. В тройку стран-лидеров также входят США и Япония, доля которых составляет соответственно 21 % и 16,7 %. Россия по данному показателю занимает пятнадцатую позицию с 4 114 действующими патентными семействами.

Анализ технологических областей показывает, что рассматриваемые инновации, помимо медицинских технологий, относятся также к телекоммуникациям, методам измерений, компьютерным технологиям, химическому инжинирингу, а также электрическим машинам, аппаратам и энергетике. Наиболее распространенным кодом Международной патентной классификации является A61B — «Диагностика; хирургия; опознание личности».

В числе топ-30 ключевых патентообладателей мира в области медицинских устройств и приборов представлены 19 компаний (Boston Scientific Scimed, Canon Medical Systems, Medtronic и др.), восемь вузов и университетских клиник (Nanjing University, Zhejiang University, клиника West China Hospital и др.) и три научных медицинских института.

Выборка патентных семейств, действующих на территории России, показала, что в целом технологические направления, лидирующие в общемировом масштабе, актуальны и для России. Анализ патентообладателей в области медицинских устройств и приборов в России демонстрирует доминирование зарубежных правообладателей. Наибольшую активность демонстрируют транснациональные компании, прежде всего Philips, а также Roche Diabetes Care, Becton Dickinson, Ethicon, Alcon и Coloplast, патентующие в России преимущественно коммерчески зрелые и клинически ориентированные решения. Отечественные патентообладатели представлены главным образом вузами и федеральными научно-медицинскими центрами, включая Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, Белгородский государственный национальный исследовательский университет и Национальный медицинский исследовательский центр травматологии и ортопедии им. академика Г.А. Илизарова, чья патентная активность носит более фрагментарный и узкоспециализированный характер.

В качестве примера российских инноваций в области оказания медицинской помощи, разработанных российскими научно-исследовательскими организациями, приведем следующие изобретения и полезные модели: эндопротез вертлужного компонента тазобедренного сустава (СГТУ им. Ю.А. Гагарина); направлятель для малоинвазивных корригирующих остеотомий первой плюсневой кости (НМИЦ ТО им. Р.Р. Вредена и НИИ скорой помощи им. И.И. Джanelидзе); система управления процессом дистракционного остеосинтеза (НМИЦ ТО им. академика Г.А. Илизарова); роботизированное устройство комплексной дезинфекции рабочей поверхности медицинского оборудования (НИУ БелГУ). На разработанную в НМИЦ ТО им. академика Г.А. Илизарова систему управления процессом дистракционного остеосинтеза подана заявка на получение патента в Европейское патентное ведомство, а также международная заявка в ВОИС, что свидетельствует о высоком потенциале практического применения инновации и за пределами Российской Федерации.

В целом сложившаяся структура отражает технологическую зависимость российского рынка медицинских устройств и ограниченность масштабируемых отечественных разработок, что имеет значение для доступности медицинских

технологий в сельских и труднодоступных территориях и, как следствие, для демографической устойчивости этих регионов.

На втором этапе анализа был использован поисковый образ (((medical device+ OR medical equipment+ OR diagnostic device OR portable medical OR point of care OR POC device+ OR wearable sensor+ OR mobile medical unit+ OR remote monitoring device+ OR telemedicine device+)/TI/AB/CLMS/OBJ/ICLM AND (aging OR elderly OR older adult+ OR chronic disease+ OR long-term care OR primary healthcare OR community healthcare)/TI/AB/CLMS/OBJ/ICLM) AND (EPD >= 2017)), обнаруживший 2 020 патентных семейств в глобальном срезе, из которых 1 435 являлись действующими. Такой поисковый образ позволил выделить патентные решения, ориентированные на медицинское обслуживание пожилых людей и пациентов с хроническими заболеваниями, включая устройства для первичной и долгосрочной помощи, мониторинга состояния и телемедицинской поддержки.

Усеченный поиск показал, что ведущей страной среди стран по числу защищенных патентами технологий является Китай, однако в число лидеров попали также США, Индия, Япония, Южная Корея. Среди мировых патентообладателей медицинских устройств и приборов представлены как клинические учреждения (клинические центры китайской Народной освободительной армии), университеты и научные институты (Nanjing University, University of Science & Technology Beijing и др.), так и промышленные компании и биотехнологические стартапы (Mitsubishi Electric, Toshiba и др.). Россия является страной приоритета для 11 технологий, попавших в эту выборку. В частности, к ним относятся портативный компрессорный ингалятор с подогревом аэрозоля (ООО «Небулайзер») и устройство для напоминания о приеме инсулина (Д. Б. Матвеев).

Такая структура отражает сочетание фундаментальных исследований, клинических практик и коммерческих разработок, обеспечивая развитие технологий, повышающих автономность, функциональность и доступность медицинской помощи для населения пожилого возраста и пациентов с хроническими заболеваниями в различных регионах мира.

Обсуждение

Анализ патентного ландшафта показывает рост разработок медицинских устройств, ориентированных на пожилых людей и пациентов с хроническими заболеваниями. На мировом уровне лидируют страны, активно инвестирующие в инновационные технологии здравоохранения, такие как Китай, США, Индия, Япония и Южная Корея. Структура патентообладателей — сочетание клинических учреждений, университетов, научных институтов, промышленных компаний и биотехнологических стартапов — свидетельствует об интеграции фундаментальных исследований с прикладными и коммерческими разработками, что обеспечивает потенциал для внедрения технологий в практику.

На российском рынке сохраняется технологическая зависимость от зарубежных разработок, при этом отечественные патентообладатели представлены в основном вузами и федеральными научно-медицинскими центрами. Ограниченность масштабируемых отечественных разработок снижает доступность современных медицинских технологий в удаленных и труднодоступных районах, что может

сказываться на показателях здоровья населения, уровне заболеваемости и миграционном оттоке.

Использование современных мобильных и телемедицинских устройств создает потенциал для повышения доступности качественной медицинской помощи в малонаселенных регионах. Если эти технологии будут внедрены и адаптированы в российских условиях, это может способствовать сохранению кадрового потенциала сельских территорий, снижению вынужденной миграции и стимулированию демографической активности, включая решения о рождении детей. Международные тенденции в разработке медицинских технологий для пожилых и хронически больных пациентов могут служить ориентиром для России в поддержке демографической устойчивости регионов.

Заключение

Проведенный патентный анализ показал высокую глобальную инновационную активность в области медицинских устройств, ориентированных на пожилых людей и пациентов с хроническими заболеваниями. Вместе с тем демографическая и территориальная специфика удаленных и труднодоступных территорий России недостаточно отражена в патентном ландшафте. Выявлены потенциальные демографические эффекты внедрения мобильных и телемедицинских технологий: сокращение территориального неравенства в доступе к диагностике, снижение зависимости пожилых жителей от стационарных учреждений, повышение ранней выявляемости хронических и социально значимых заболеваний, а также опосредованное улучшение качества и продолжительности жизни. Развитие отечественной патентной активности с целевой ориентацией на задачи медицинского обеспечения удаленных и труднодоступных территорий может стать важным элементом устойчивого развития системы здравоохранения. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на оценке эффективности внедрения технологий в конкретных регионах и их влиянии на демографические показатели.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания РАНХиГС при Президенте РФ.

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the state assignment of the RANEPa.

Список источников

Афанасьева, Л. Н., Никитина, А. М., Спиридонова, Ю. Е. и др. (2025). Повышение доступности первичной медико-санитарной помощи в труднодоступных регионах: опыт Республики Саха (Якутия). *Первичная медико-санитарная помощь*, 2(2), 27–33. <https://doi.org/10.15829/3034-4123-2025-50>

Бакаева, С. Р., Цурцумия, Д. Б., Селиверстов, П. В., Шаповалов, В. В. (2022). Место телемедицины в современном здравоохранении. *Медицинская сестра*, 24 (2), 30–34. <https://doi.org/10.29296/25879979-2022-02-08>

Блинова, Т. В., Вьяльшина, А. А., Русановский, В. А. (2020). Отношение сельского населения к своему здоровью и доступности медицинской помощи. *Экология человека*, 27 (12), 52–58. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2020-12-52-58>

Вдоушкина, Е. С., Бородулина, Е. А., Поваляева, Л. В., Жилинская, К. В., Зубакина, С. А., Бахметьева, Н. А. (2024). Телемедицина и информационные технологии в здравоохранении: опыт и перспективы. *Врач*, 35 (2), 70–74. <https://doi.org/10.29296/25877305-2024-02-13>

Гришина, Л. А., Данилов, А. В., Каташина, Т. Б. (2024). Телемедицинские технологии как механизм обеспечения доступности и качества медицинской помощи: организационные и правовые аспекты. *Бюллетень Национального НИИ общественного здоровья им. Н. А. Семашко*, 28 (1), 29–34. <https://doi.org/10.25742/NRIPH.2024.01.005>

Каракулина, Е. В., Поликарпов, А. В., Голубев, Н. А., Тарасова, Н. В., Латышова, А. А. (2023). Развитие инфраструктуры сельского здравоохранения регионов Дальневосточного федерального округа. *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*, 2, 625–647. <https://doi.org/10.24412/2312-2935-2023-2-625-647>

Кобякова, О. С., Ерёмченко, О. А., Канев, А. А., Куракова, Н. Г. (2025). Квантовые технологии в здравоохранении: анализ кейсов и перспектив. *Врач и информационные технологии*, 1. 6–21. https://doi.org/10.25881/18110193_2025_1_6

Костюкова, В. В., Медведева, Е. С., Первицкая, А. В., Сагандыкова, Д. К. (2025). Факторы, влияющие на рождаемость в современной России. *Молодой ученый*, 3 (554), 273–275.

Лагутин, М. Д., Чигрина, В. П., Самофалов, Д. А. и др. (2023). Анализ применения телемедицинских технологий в Российской Федерации в 2019–2022 гг. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 31 (2), 264–269. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-2-264-269>

Моисеева, К. Е., Белохов, Н. В., Симченко, Н. А. и др. (2025). Оценка доступности медицинской помощи жителям сельской местности. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 33 (3), 391–400. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-3-391-400>

Рыбаковский, О. Л. (2024). Депопуляция в регионах Европейской России в 1992–2024 гг. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 4 (4), 139–151. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8>

Халлыева, С. С. (2025). Медицинское оборудование, используемое в телемедицине. *Наука и мировоззрение*, 47, 128–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskoe-oborudovanie-ispolzuemoe-v-telemeditsine> (дата обращения: 20.01.2026).

Чернышев, В. М., Воевода, М. И., Стрельченко, О. В., Мингазов, И. Ф. (2022). Сельское здравоохранение России: состояние, проблемы, перспективы. *Сибирский научный медицинский журнал*, 42 (4), 4–14. <https://doi.org/10.18699/SSMJ20220401>

Hayes, K., Coxon, K. & Bye, R. A. (2025). Rural and remote health care: the case for spatial justice. *Rural and Remote Health*, 25 (1), 8580. <https://doi.org/10.22605/RRH8580>

Jiang, H. & Huang, Y. (2023). How do urban public health services affect rural migrant women's fertility intentions? *BMC Health Services Research*, 23 (1), 219. <https://doi.org/10.1186/s12913-023-09219-8>

References

Afanasyeva, L. N., Nikitina, A. M., Spiridonova, Yu. E., et al. (2025). Improving the availability of primary health care in hard-to-reach regions: the experience of the Sakha Republic (Yakutia). *Pervichnaya mediko-sanitarnaya pomoshch [Primary Health Care (Russian Federation)]*, 2 (2), 27–33. <https://doi.org/10.15829/3034-4123-2025-50> (In Russ.)

Bakaeva, S. R., Tsurtsumiya, D. B., Seliverstov, P. V. & Shapovalov, V. V. (2022). The place of telemedicine in modern healthcare. *Meditsinskaya sestra [The Nurse]*, 24 (2), 30–34. <https://doi.org/10.29296/25879979-2022-02-08> (In Russ.)

Blinova, T. V., Vyalshina, A. A. & Rusanovskiy, V. A. (2020). Self-perceived health, availability of medical care and health attitudes among rural population in Russia. *Ekologiya cheloveka [Human Ecology]*, 27 (12), 52–58. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2020-12-52-58> (In Russ.)

Chernyshev, V. M., Voevoda, M. I., Strelchenko, O. V. & Mingazov, I. F. (2022). Rural healthcare in Russia: state, problems, and prospects. *Sibirskiy nauchnyy meditsinskiy zhurnal [The Siberian Scientific Medical Journal]*, 42 (4), 4–14. <https://doi.org/10.18699/SSMJ20220401> (In Russ.)

Grishina, L. A., Danilov, A. V. & Katashina, T. B. (2024). Telemedicine technologies as a mechanism for ensuring the availability and quality of medical care: organizational and legal aspects. *Byulleten Natsionalnogo NII obshchestvennogo zdorovya im. N. A. Semashko*, 28 (1), 29–34. <https://doi.org/10.25742/NRIPH.2024.01.005> (In Russ.)

Hayes, K., Coxon, K. & Bye, R. A. (2025). Rural and remote health care: the case for spatial justice. *Rural and Remote Health*, 25 (1), 8580. <https://doi.org/10.22605/RRH8580>

Jiang, H. & Huang, Y. (2023). How do urban public health services affect rural migrant women's fertility intentions? *BMC Health Services Research*, 23 (1), 219. <https://doi.org/10.1186/s12913-023-09219-8>

Karakulina, E. V., Polikarpov, A. V., Golubev, N. A., Tarasova, N. V. & Latyshova, A. A. (2023). Development of rural healthcare infrastructure in the regions of the Far Eastern Federal District. *Sovremennye problemy zdavookhraneniya i meditsinskoj statistiki*, 2, 625–647. <https://doi.org/10.24412/2312-2935-2023-2-625-647> (In Russ.)

Khalyleva, S. S. (2025). Medical equipment used in telemedicine. *Nauka i mirovozzrenie [Science and Worldview]*, 47, 128–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskoe-oborudovanie-ispolzuemoe-v-telemeditsine> (Accessed: 20.01.2026). (In Russ.)

Kobyakova, O. S., Eremchenko, O. A., Kanev, A. A. & Kurakova, N. G. (2025). Quantum technologies in healthcare: analysis of cases and perspectives. *Vrach i informatsionnye tekhnologii [Medical Doctor and It]*, 1, 6–21. https://doi.org/10.25881/18110193_2025_1_6 (In Russ.)

Kostyukova, V. V., Medvedeva, E. S., Pervitskaya, A. V. & Sagandykova, D. K. (2025). Factors affecting fertility in modern Russia. *Molodoy uchenyy*, 3 (554), 273–275. EDN: LOACRN (In Russ.)

Lagutin, M. D., Chigrina, V. P., Samofalov, D. A. et al. (2023). The analysis of application of telemedicine technologies in the Russian Federation in 2019–2022. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*, 31 (2), 264–269. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-2-264-269> (In Russ.)

Moiseeva, K. E., Belokhov, N. V., Simchenko, N. A. et al. (2025). The evaluation of accessibility of medical care of rural residents. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*, 33 (3), 391–400. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-3-391-400> (In Russ.)

Rybakovskiy, O. L. (2024). Depopulation in the regions of European Russia in 1992–2024. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]*, 4 (4), 139–151. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8> (In Russ.)

Vdoushkina, E. S., Borodulina, E. A., Povalyaeva, L. V., Zhilinskaya, K. V., Zubakina, S. A. & Bakhmetyeva, N. A. (2024). Telemedicine and information technologies in healthcare: experience and prospects. *Vrach*, 35 (2), 70–74. <https://doi.org/10.29296/25877305-2024-02-13> (In Russ.)

Ерёменко Ольга Андреевна — старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; <https://orcid.org/0000-0001-5964-9080> (Российская Федерация, 119606, г. Москва, проспект Вернадского, 84; e-mail: tatrics@mail.ru).

Olga A. Eremchenko — Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; <https://orcid.org/0000-0001-5964-9080> (84, Vernadskogo Prospekt, Moscow, 119606, Russian Federation, e-mail: tatrics@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

Author declares that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 331.44

JEL classification: J24

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-7-5>

**Анализ основных факторов «предрасположенности к увольнению»
среднего медицинского персонала Свердловской области:
по материалам прикладного социологического исследования¹**

К. В. Кузьмин ^а, Л. Е. Петрова ^б, В. С. Харченко ^в

^а Свердловский областной медицинский колледж (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-9063-4642>

^б Екатеринбургская академия современного искусства (институт) (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0003-2981-916X>

^в Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-0909-6550>

Автор для корреспонденции: К. В. Кузьмин (konstantinkuzmin1966@gmail.com).

Аннотация. В статье представлены результаты социологического опроса среднего медицинского персонала государственных организаций здравоохранения Свердловской области, проведенного осенью 2023 г., с целью оценки значимости факторов, провоцирующих возникновение ситуации «предрасположенность к увольнению». Методы анализа данных: одномерный, двухмерный и сравнительный. Наиболее значимым фактором формирования ситуации «предрасположенность к увольнению» является несправедливость оплаты труда (66,4 % опрошенных отметили, что зарплата не меняется, а обязанности и объем работы постоянно растут). Половина опрошенных указала на то, что часто у них появляются мысли, соответствующие эмоциональному выгоранию, а на постоянный стресс на работе указали 56 %. Почти 43 % постоянно или часто думают о том, чтобы уйти в частную медицину. Чуть более половины опрошенных заявили о существовании дисбаланса работы и личной жизни, причем 31 % утверждает, что сталкиваются с ним «постоянно» или «часто». В наименьшей степени значимы такие факторы, как удаленность работы от дома (11,2 %), конфликты в коллективе (12,9 %) и отсутствие перспектив применить навыки, умения и опыт на работе (13 %). Комплексный анализ факторов «предрасположенности к увольнению» дает возможность влиять на принятие решений и поступки работников с целью снижения текучести кадров в медицинской организации.

Ключевые слова: средний медицинский персонал; текучесть кадров; факторы, провоцирующие «предрасположенность к увольнению».

**Analysis of the Main Factors of “Predisposition to Dismissal” of Nursing Staff
in the Sverdlovsk Region: Based on Materials from Applied Sociological Research**

K. Kuzmin ^а, L. Petrova ^б, V. Kharchenko ^в

^а Sverdlovsk Regional Medical College (Yekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-9063-4642>

^б Yekaterinburg Academy of Modern Art (Institute) (Yekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0003-2981-916X>

^в Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

¹ © Кузьмин К. В., Петрова Л. Е., Харченко В. С. Текст. 2026.

Abstract. *The article presents the results of a sociological survey of mid-level medical personnel of state healthcare organizations in the Sverdlovsk region, conducted in the fall of 2023, with the aim of assessing the significance of factors provoking the emergence of a situation of “predisposition to dismissal”. Data analysis methods: univariate, bivariate, and comparative analysis. The most significant factor in determining the propensity to quit is pay inequity (66.4 % of respondents reported that their salaries remain stagnant, while their responsibilities and workload are constantly increasing). Half of respondents indicated that they frequently experience thoughts consistent with emotional burnout, while 56 % reported constant stress at work. Nearly 43 % constantly or frequently consider leaving the private medical field. Just over half of respondents reported experiencing work-life imbalance, with 31 % stating they experience it «constantly» or «often.» Factors cited as least significant included distance from home (11.2 %), conflict within the workplace (12.9 %), and a lack of opportunities to apply skills, abilities, and experience at work (13 %). A comprehensive analysis of «dismissal propensity» factors makes it possible to influence employee decision-making and actions in order to reduce staff turnover in a healthcare organization.*

Keywords: nursing staff; staff turnover; factors that provoke a “predisposition to dismissal”.

Введение

Одной из ключевых характеристик современного состояния российского здравоохранения является не только хронический дефицит врачей и среднего медицинского персонала, но и текучесть квалифицированных кадров, угрожающая стабильности работы медицинских организаций, приводящая к неравномерности распределения нагрузки, нарушению социально-психологического климата в коллективах и снижению качества трудовых ресурсов (Макаров и др., 2021). Текучесть кадров наносит серьезный экономический ущерб за счет дополнительных затрат на поиск, подбор, адаптацию, обучение или переобучение, последующее развитие вновь принятых работников (Волнухин, 2017; Харченко и др., 2024).

Стоит заметить, что исследований, посвященных изучению динамики и оценке масштабов текучести кадров в медицинских организациях, немало. Однако анализ причин увольнений как врачебного, так и среднего медицинского персонала, как правило, вращается вокруг описания традиционных «больных мест» — таких, как старение кадров, недостаточная оплата труда, напряженный график работы, удаленность места работы, неудовлетворительная оснащенность рабочего места, конфликты в коллективе и пр. (Беляев, 2018; Латышова и др., 2020; Новокрещенова и др., 2019).

В целом причины увольнений зачастую анализируются постфактум, по данным кадровой статистики — как уже свершившаяся данность, показатели которой статичны и неизменны; при этом детальный анализ факторов, провоцирующих увольнения и смену работниками места работы, то есть формирующих «предрасположенность к увольнению» (Хаустов, 2014), как правило, оказывается вне поля зрения исследователей. Особенность нашего подхода — сбор субъективных оценок, анализ «с точки зрения деятеля». Представляется, что такая работа применительно к среднему медперсоналу проведена впервые.

Значимость сбора субъективных мнений в том, что это латентные показатели: статистика измеряет результат действия (увольнение), однако в его основе,

как правило, лежит самооценка, в том числе — восприятие тех или иных объективных процессов (уровень оплаты труда, условия работы и пр.) в контексте личных обстоятельств и субъективных ожиданий. Восприятие работы в широком оценочном континууме — это данные для принятия управленческих решений.

Методологическая рамка исследования — социальный конструкционизм, в частности, теорема У. Томаса, утверждающая, что в человеческом поведении последствия определяются не реальностью, а мнением человека о ней — «если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях» (Мертон, 2006). Р. Мертон, развивая высказанную У. Томасом мысль, замечал, что люди реагируют не только на объективные особенности ситуации, но и на придаваемые им значения, и по этой причине их последующее поведение и некоторые его последствия отчасти определяются приписанным ситуации значениям (Гарбар, 2012). Иными словами, восприятие, к примеру, средним медицинским персоналом уровня оплаты своего труда как «недостаточного», может противоречить объективным статистическим данным, но, несмотря на это, являться предиктором решения об увольнении.

Материалы и методы

С целью значимости факторов, провоцирующих возникновение ситуации «предрасположенность к увольнению» среднего медицинского персонала, работающего в государственных медицинских организациях Свердловской области, в октябре — декабре 2023 г. было опрошено посредством онлайн-анкетирования 1 745 человек из числа среднего медицинского персонала, работающего в учреждениях, подведомственных Министерству здравоохранения Свердловской области. В основу проведенного исследования лег принцип достижимой выборки, составившей 3,87 %; ошибка выборки — 2,3 %, что свидетельствует о достаточно высокой степени надежности полученных данных. Методы анализа: одномомерный, двухмерный и сравнительный.

По стажу работы в здравоохранении почти половина участников опроса (47,9 %) имеет стаж свыше 21 года; пятая часть (21,7 %) — от 11 до 20 лет; 13,3 % — от 6 до 10 лет; средний медицинский персонал со стажем работы до 5 лет составлял 17,1 %. Чуть больше четверти работает в медицинских организациях Екатеринбурга (26,5 %); каждый 6-й опрошенный (17,7 %) — в крупных городах (Нижний Тагил, Первоуральск, Каменск-Уральский, Серов); свыше 2/5 (42,6 %) — в малых городах; 13,2 % составили участники опроса, проживающие в сельской местности Свердловской области. Участников опроса можно охарактеризовать как персонал, не склонный к повышенной трудовой мобильности, — 43,3 % опрошенных ни разу в своей карьере не меняли место работы, а 41,2 % — только 1–2 раза; о частой смене мест работы (три и более раз) заявили 15,5 % респондентов.

Определены следующие задачи исследования: 1) выявить основные факторы, провоцирующие «предрасположенность к увольнению»; 2) определить значимость их влияния на формирование готовности к увольнению средних медицинских работников.

Результаты

Участникам исследования предлагалось оценить значимость влияния тех либо иных факторов, провоцирующих возникновение ситуации «предрасположенность к увольнению» и выраженных в сконструированных составителями онлайн-анкеты соответствующих утверждениях (табл. 1), по шкале с шестью значениями («никогда», «очень редко», «иногда», «время от времени», «часто», «всегда») с учетом того, насколько часто или редко респондентам доводилось их слышать от своих коллег либо самим задумываться об этом.

Почти каждый пятый опрошенный (22 %) указал на то, что «часто» или «всегда» его преследуют мысли, что его «карьера долгое время стоит на месте и нет

Таблица 1

Факторы, провоцирующие ситуацию «предрасположенность к увольнению»

№ п/п	Фактор	Выражен в утверждении
1.	Отсутствие карьерных изменений, перспектив	«Моя карьера столько лет стоит на месте. Никакого продвижения по службе»
2.	Отсутствие возможностей применения имеющегося, накопленного опыта	«У меня нет никаких перспектив применить свои навыки, умения и опыт на работе»
3.	Отсутствие признания, поощрения за работу	«Мой вклад в работу вообще никем не ценится. Ощущаю свою полную невостребованность»
4.	Несправедливость в оплате труда — дисбаланс между объемом работы и зарплатой	«Зарплата не меняется, а обязанности и объем работы только растут»
5.	Выгорание персонала	«Надоело все, кручусь как белка в колесе. Полностью выгорел»
6.	Ориентация на работу в частной медицине	«Может быть, пойду в частную медицину, там зарплата повыше и условия труда получше»
7.	Отношения с начальством	«Не могу больше работать с моим начальником, ко всему придирается. Встречаю его и всякое желание работать пропадает»
8.	Обесценивание значимости труда среднего медперсонала со стороны врачей	«Врачи вообще не ценят медсестринский труд, относятся к нам как к пустому месту»
9.	Напряженность в коллективе	«Не могу больше работать в этом коллективе: постоянные конфликты, личные дразги, выяснение отношений»
10.	Стресс на работе	«Все время на работе испытываю стресс. Эмоционально истощен. Уже трясет от вида недовольных пациентов, всякое желание работать пропадает»
11.	Разочарование в содержании работы	«Никакого интереса к работе больше не испытываю. И зачем я подался в медицину, надо было выбрать другую профессию»
12.	Дисбаланс работы и личной жизни	«Хочу больше времени проводить с семьей. Дети растут, а я их вообще не вижу. Муж (жена) постоянно недоволен из-за моего графика работы»
13.	Дорога на работу	«Слишком далеко ездить. Пока натраешься в транспорте — никакой работы уже не хочется. Давно пора поискать работу поближе к дому»

Источник: утверждения адаптированы авторами в соответствии со спецификой изучаемых групп респондентов.

никакого продвижения по службе» (фактор № 1). Чаще всего такие мысли возникают у работников со стажем от одного года до двух лет (28,4 % от общего числа опрошенных в данной группе) и от шести до десяти лет (30,7 %). Ощущение «застоя в карьере» постоянно ощущает почти каждый второй работник медицины катастроф (46,2 %) и двое из пяти работников станций скорой медицинской помощи/станций переливания крови (41,9 %). Лишь треть респондентов (35,1 %) указала на то, что ощущение «конца карьеры» у них никогда не возникает.

Только 13 % опрошенных отметили, что «часто» или «всегда» думают о том, что у них «нет никаких перспектив применить свои навыки, умения и опыт на работе» (фактор № 2); время от времени такие мысли посещают 22 % респондентов; у большинства же такое ощущение либо не появляется «никогда» (42,9 %), либо появляется «очень редко» (22,1 %). Ощущение бесперспективности применения собственного опыта относительно чаще возникает у работников санаторно-курортных учреждений (30,8 %) и станций скорой медицинской помощи/станций переливания крови (22,6 %); реже всего — у работников диспансерных учреждений (4,3 %) и учреждений охраны материнства и детства (7,2 %).

Трое из десяти опрошенных (29 %) «часто» или «всегда» задумываются о том, что «их вклад в работу вообще никем не ценится», и они «ощущают свою полную невостребованность» (фактор № 3); треть респондентов (34 %) думают об этом «время от времени». Такие мысли чаще всего возникают у работников со стажем от одного года до двух лет (40 %) и от шести до десяти лет (35,8 %). Полную невостребованность и отсутствие сторонней оценки вклада в работу медицинской организации ощущает почти половина работников санаторно-курортных учреждений (46,2 %), станций скорой медицинской помощи/станций переливания крови (45,2 %) и медицины катастроф (46,2 %).

Две трети опрошенных (67 %) «часто» или «всегда» думают о том, что их «зарплата не меняется, а обязанности и объем работы только растут» (фактор № 4). Такие мысли чаще всего посещают работников со стажем от одного года до двух лет (72,7 %), от шести до десяти лет (72,8 %) и от 11 до 20 лет (70,9 %). Наиболее остро несправедливость в оплате труда ощущают работники санаторно-курортных учреждений (84,6 %), медицины катастроф (84,6 %) и станций скорой медицинской помощи/станций переливания крови (79 %). Только пятая часть участников опроса (20,2 %) об этом не задумывается или задумывается очень редко.

Половина участников опроса (50,2 %) заявила о том, что «часто» или «всегда» испытывает чувство профессионального выгорания (фактор № 5); лишь четверть респондентов (25,2 %) об этом задумывается «очень редко» или «иногда», а периодически («время от времени») мысль о том, что «я кручусь как белка в колесе», появляется у 11,5 % персонала медицинских организаций. Ощущение выгорания никогда не появляется лишь у 13,1 % (!) респондентов. Мысли о профессиональном выгорании чаще всего возникают у работников медицины катастроф (77 %), станций скорой медицинской помощи/станций переливания крови (62,9 %) и санаторно-курортных учреждений (61,6 %).

Около 43 % участников опроса отметили, что «часто» или «всегда» думают о том, чтобы уйти в частную медицину (фактор № 6); каждый четвертый (25,1 %) думает об этом «иногда» или «время от времени»; только треть опрошенных

(32,2 %) о такой альтернативе не задумывается или думает «очень редко». При этом о возможности перехода в частную медицину постоянно думают 77 % работников медицины катастроф и 61,3 % работников станций скорой медицинской помощи/станций переливания крови.

Более половины опрошенных (55 %) никогда не сталкивались или сталкивались «очень редко» со сложностями во взаимодействии со своим непосредственным руководителем (фактор № 7); «всегда» либо «часто» думают о том, что «не могут больше работать со своим начальником», 22 % участников опроса. Мысли о невозможности найти общий язык с непосредственным начальником относительно чаще возникают у работников санаторно-курортных учреждений (30,8 %) и станций скорой медицинской помощи/станций переливания крови (29 %).

Половина участников опроса (51 %) отметила, что «никогда» или «очень редко» сталкиваются с ситуациями, когда возникают мысли о том, что «их труд со стороны врачей не ценится» (фактор № 8); о том, что врачи «часто» или «всегда» относятся к среднему медицинскому персоналу, как к пустому месту, заявили 25,7 % опрошенных. Чаще всего ощущение недооценки медсестринского труда со стороны врачей возникает у работников учреждений охраны материнства и детства (36,2 %) и санаторно-курортных учреждений (30,8 %).

С конфликтами в коллективе (фактор № 9) «всегда» или «часто» сталкиваются только 13 % опрошенных; мысли о том, что больше нет желания работать в своем коллективе из-за «постоянных конфликтов, личных дразг и выяснения отношений», «время от времени» или «иногда» приходят на ум 22 % респондентов.

О постоянном стрессе, испытываемом на работе, и «эмоциональном истощении» заявила почти треть опрошенных (31,4 %); каждый четвертый (24,5) выбрал варианты ответа «иногда» или «время от времени» (фактор № 10). Относительно чаще мысли о том, что «уже трясет от вида недовольных пациентов и пропадает всякое желание работать», возникают у работников со стажем от шести до десяти лет (36,7 %) и от 21 года до 30 лет (35,6 %). Ощущение постоянного стресса, связанного с работой, чаще всего присутствует у работников станций скорой медицинской помощи/станций переливания крови (40,3 %) и санаторно-курортных учреждений (38,5 %). Лишь пятая часть респондентов (21,4 %) заявила, что никогда не сталкивается со стрессовыми ситуациями на работе.

Об утрате интереса к работе в сфере здравоохранения и разочаровании в выбранной профессии (фактор № 11) «часто» или «всегда» думает почти четверть опрошенных (23,5 %); почти столько же (24,2 %) приходят к этой мысли «иногда» или «время от времени»; никогда или крайне редко задумывается об этом только половина респондентов. Полное отсутствие интереса к работе отметили почти треть работников со стажем от шести до десяти лет (32,2 %) и двое из пяти работников станций скорой медицинской помощи/станций переливания крови (40,3 %).

О постоянном дисбалансе работы и личной жизни (фактор № 12) заявили трое из десяти опрошенных (30,7 %); четверть участников опроса (24 %) думают о том, что хотели бы проводить больше времени с семьей, «время от времени» или «иногда»; 45 % не задумываются или думают об этом «очень редко». При этом о желании «больше времени проводить с семьей» и «постоянном недовольстве близких

из-за графика работы» заявила почти половина работников станций скорой медицинской помощи/станций переливания крови (48,4 %).

Большая часть (72 %) участников опроса не испытывают сложностей с тем, как добираться до работы, и не высказывают желания сменить работу на ту, которая может быть ближе к дому (фактор № 13); лишь 11 % опрошенных испытывают серьезные сложности с тем, где расположена их работа, и хотели бы ее сменить. В то же время мысли необходимости смены работы из-за ее удаленности от дома относительно чаще возникают у работников санаторно-курортных учреждений (23,1 %) и станций скорой медицинской помощи/станций переливания крови (22,6 %). В зависимости от географического расположения медицинской организации мысли о необходимости смены работы из-за ее удаленности от дома несколько чаще возникают у работников медицинских организаций, расположенных в Екатеринбурге (15,5 %).

В целом, исходя из результатов проведенного исследования, можно построить рейтинг влияния тех либо иных негативных факторов, способствующих возникновению у средних медицинских работников ситуации «предрасположенность к увольнению» (рис. 1).

Рис. 1. Оценка влияния негативных факторов на возникновение ситуации «предрасположенность к увольнению» (по мнению опрошенных; $n=1745$) (сост. авторами по результатам исследования)

Обсуждение

Изучение факторов, провоцирующих возникновение ситуации «предрасположенность к увольнению», является крайне важным при анализе возможностей сокращения текучести кадров среднего медицинского персонала в государственном здравоохранении. Увольнения, как правило, не представляют собой единовременного действия, ограниченного подачей соответствующего заявления, а включают в себе относительно длительный процесс, когда решение о смене места работы принимается не спонтанно, а является результатом той индивидуальной ситуации, которая постепенно конструируется у конкретного работника под воздействием целого ряда негативных факторов.

При этом факторы «предрасположенности к увольнению» могут быть разделены на: 1) управляемые (величина заработной платы, условия труда, перспективы профессионального роста и т. п.); 2) частично управляемые (удовлетворенность коллективом, взаимоотношениями, формами мотивации труда и пр.); 3) неуправляемые (географическая удаленность, преклонный возраст работника и др.). Целенаправленно воздействуя на две первые группы факторов, представляется возможным существенно снизить текучесть кадров в медицинской организации (Фаизова, 2019).

Заключение

Увольнения среднего медицинского персонала из государственных учреждений здравоохранения, являясь характерной чертой общего процесса текучести кадров, представляют собой комплексную картину, не ограниченную изучением непосредственных причин увольнений, а включающую в себя те факторы и условия работы, которые прямо и/или косвенно воздействуют на принятие решений и поступки работников.

По результатам проведенного исследования сделаны следующие выводы:

1. Наиболее распространенным негативным фактором, провоцирующим возникновение ситуации «предрасположенность к увольнению», является несправедливость оплаты труда (несоответствие нагрузки и размера зарплаты): две трети опрошенных отметили, что часто у них появляется мысль, что зарплата не меняется, а обязанности и объем работы только растут (66,4 %).

2. Каждый второй опрошенный отметил, что достаточно часто появляются мысли, соответствующие эмоциональному выгоранию. На постоянный стресс на работе указали 56 % участников опроса, причем 31 % об этом думает часто или постоянно.

3. Почти 43 % опрошенных думают о том, чтобы сменить место работы, уйдя в частную медицину, так как там и условия труда лучше, и зарплата выше.

4. Чуть более половины заявили о дисбалансе работы и личной жизни, причем 31 % утверждает, что с этим сталкивается постоянно или часто.

5. В наименьшей степени на появление ситуации «предрасположенность к увольнению» оказывают влияние такие факторы, как удаленность работы от дома (11,2 %), конфликты в коллективе (12,9 %) и отсутствие перспектив применить навыки, умения и опыт на работе (13 %).

Благодарности

Исследование выполнено в рамках выполнения Плана государственного задания Министерства здравоохранения Свердловской области (2023 г.).

Acknowledgements

The study was carried out as part of the implementation of the State Task Plan of the Ministry of Health of the Sverdlovsk Region (2023).

Список источников

Беляев, С. А. (2018). Проблемы обеспеченности населения средним медицинским персоналом. *Карельский научный журнал*, 7, 1(22), 91–94. EDN: YXJFZC

Волнухин, А. В. (2017). Факторы, определяющие приверженность медицинского персонала негосударственной поликлинике. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки*, 1(41), 110–118. DOI: 10.21685/2072-3032-2017-1-12

Гарбар, А. А. (2012). Текучесть кадров как неорганизованная форма трудовой мобильности. *Наука и современность*, 16-2, 105–111. EDN: ROQNZJ

Латышова, А. А. Несветайло, Н. Я., Люцко, В. В. (2020). Основные тенденции динамики обеспеченности средним медицинским персоналом в Российской Федерации за период 2015–2019 гг. *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*, 4, 341–353. <http://doi.org/10.24411/2312-2935-2020-00117>

Макаров, С. В., Гайдаров, Г. М., Алексеевская, Т. И., Алханова, Н. С., Алексеева, Н. Ю. (2021). Социологические аспекты текучести медицинских кадров. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 29(5), 1207–1213. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-5-1207-1213

Мертон, Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура*. Москва: АСТ: Хранитель, 873.

Новокрещенова, И. Г. Чунакова, В. В., Семикина, Н. А., Аранович, Л. М. (2019). Актуальные проблемы обеспечения здравоохранения Российской Федерации специалистами со средним медицинским образованием (аналитический обзор). *Саратовский научно-медицинский журнал*, 15(4), 909–916. EDN: PXWWZS

Фаизова, Э. Ф. (2019) Причины текучести кадров и способы ее предотвращения. *Инновации и инвестиции*, 11. 156–159. EDN: YMQNAX

Харченко, В. С., Кузьмин, К. В., Петрова, Л. Е. (2024). Факторы адаптации среднего медицинского персонала в государственных организациях здравоохранения: по результатам эмпирического исследования в Свердловской области. *Кадровик*. 10, 107–114. EDN: YNAGXK

Хаустов, Д. С. (2014). Теорема Томаса: жизнь одной идеи. *Идеи и идеалы*, 2, 3(21), 38–45. EDN: SOBHLX

References

Belyaev, S. A. (2018). Problems of availability of population by medium medical personnel. *Karel'skiy nauchnyy zhurnal [Karelian scientific journal]*, 7, 1(22), 91–94. (In Russ.)

Volnukhin, A. V. (2017). Factors determining the commitment of medical staff to non-state outpatient's clinics. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Medicinskie nauki [University proceedings. Volga region. Medical sciences]*, 1(41), 110–118. <http://doi.org/10.21685/2072-3032-2017-1-12> (In Russ.)

Garbar, A. A. (2012). Personnel turnover as an unorganized form of labor mobility. *Nauka i sovremennost' [Science and modernity]*, 16-2, 105–111. EDN: ROQNZJ (In Russ.)

Latyshova, A. A., Nesvetaylo, N. Ya., & Liutsko, V. V. (2020) Main trends in the dynamics of provision of secondary medical personnel in the Russian Federation for the period 2015–

2019. *Sovremennye problemy zdavoohranenija i medicinskoj statistiki [Current problems of health care and medical statistics]*, 4: 341–353. <http://doi.org/10.24411/2312-2935-2020-00117> (In Russ.)

Makarov, S. V., Gaydarov, G. M., Alekseevskaya, T. I., Apkanova, N. S., & Alekseeva, N. Yu. (2021). The sociological aspects of medical employee turnover. *Problemy social'noj gigieny, zdavoohranenija i istorii mediciny [Problems of social hygiene, public health and history of medicine]*, 29(5), 1207–1213. <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-5-1207-1213> (In Russ.)

Merton, R. (2006). *Social'naja teorija i social'naja struktura [Social Theory and Social Structure]*. Moscow: AST: Khranitel, 873 (In Russ.)

Novokreshchenova, I. G., Chunakova, V. V., Semikina, N. A., & Aranovich, L. M. (2019) Actual problems of provision of Russian healthcare with specialists with secondary medical education (analytical review). *Saratovskij nauchno-meditsinskij zhurnal [Saratov Journal of Medical Scientific Research]*, 15(4), 909–916. EDN: PXWWZS (In Russ.)

Faizova, E. F. (2019) Reasons for staff turnover and ways to prevent it. *Innovacii i investicii [Innovation & investment]*, 11, 156–159. EDN: YMQHAX (In Russ.)

Kharchenko, V. S., Kuzmin, K. V., & Petrova, L. E. (2024) Factors of adaptation of nursing staff in state healthcare organizations: based on the results of an empirical study in the Sverdlovsk region. *Kadrovik [Personnel officer]*, 10, 107–114. EDN: YNAGXK (In Russ.)

Khaustov D. S. (2014) Thomas theorem: the life one idea. *Idei i idealy [Ideas and ideals]*, 2, 3(21), 38–45. EDN: SOBHLX (In Russ.)

Кузьмин Константин Викторович — кандидат исторических наук, доцент, руководитель Координационного научно-методического центра по социальной работе в системе здравоохранения Свердловской области, ГБПОУ «Свердловский областной медицинский колледж»; <https://orcid.org/0000-0002-9063-4642> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 2а; e-mail: konstantinkuzmin1966@gmail.com).

Петрова Лариса Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социокультурного развития территории, МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства (институт)»; <https://orcid.org/0000-0003-2981-916X> (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, ул. Культуры, д. 3; e-mail: petrova@eaca.ru).

Харченко Вера Сергеевна — кандидат социологических наук, заведующая кафедрой медиакоммуникаций, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина»; <https://orcid.org/0000-0002-0909-6550> (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; e-mail: vskharchenko@urfu.ru).

Konstantin V. Kuzmin — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Coordinating Scientific and Methodological Center for Social Work in the Healthcare System of the Sverdlovsk Region, Sverdlovsk Regional Medical College; <https://orcid.org/0000-0002-9063-4642> (2a, Repina St., Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, e-mail: konstantinkuzmin1966@gmail.com).

Larisa E. Petrova — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Professor of the Department of Sociocultural Development of the Territory, Yekaterinburg Academy of Modern Art (Institute); <https://orcid.org/0000-0003-2981-916X> (3, Kul'tury St., Yekaterinburg, 620012, Russian Federation, e-mail: petrova@eaca.ru).

Vera S. Kharchenko — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Department of Media Communications, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; <https://orcid.org/0000-0002-0909-6550> (51, Lenina Pr., Yekaterinburg, 620075, Russian Federation, e-mail: vskharchenko@urfu.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 364-7, 304.44

JEL classification: I38, J14, J11

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-7-6>

Доступная среда: демографические тренды и потребности маломобильных групп населения¹

О. А. Мирошниченко^а, Ю. Ю. Ивашкина^б

^а ФГБУ «Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А.Альбрехта» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации.
(г. Санкт-Петербург, Россия).

<http://orcid.org/0000-0002-6327-1567>

^б ФГБУ «Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А.Альбрехта» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации.
(г. Санкт-Петербург, Россия).

<https://orcid.org/0009-0009-2127-3028>

Автор для корреспонденции: О.А. Мирошниченко (info@frcds.ru).

Аннотация. На основе анализа научных исследований, нормативной документации, проведения полуструктурированного интервью определена необходимость создания различных аспектов доступной среды (архитектурной, информационной, когнитивной, цифровой) для инвалидов и маломобильных групп населения. На основании статистических данных Федеральной службы государственной статистики определена численность маломобильных групп населения, нуждающихся в создании условий доступной среды, рассчитаны прогнозные значения с учетом демографических процессов.

Ключевые слова: инвалид; маломобильные группы населения; доступная среда; архитектурная доступность; информационная доступность; когнитивная доступность; цифровая доступность.

Accessible Environment: Demographic Trends and Needs of Low-Mobility Groups of the Population

O. Miroshnichenko^a, Yu. Ivashkina^b

^a «G.A.Albrecht Federal Scientific and Educational Center for Medical and Social Expertise and Rehabilitation» of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation (St.Petersburg, Russia)

<http://orcid.org/0000-0002-6327-1567>

^b «G.A.Albrecht Federal Scientific and Educational Center for Medical and Social Expertise and Rehabilitation» of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation (St.Petersburg, Russia)

<https://orcid.org/0009-0009-2127-3028>

Corresponding author: O. Miroshnichenko (info@frcds.ru).

Abstract. Based on the analysis of scientific research, regulatory documentation, and semi-structured interviews, the need to create various aspects of an accessible environment (architectural, informational, cognitive, and digital) for people with disabilities and people with limited mobility has been identified. Based on statistical data from the Federal State Statistics Service, the number of low-mobility groups of the population in need of creating an accessible environment has been determined, and forecast values have been calculated taking into account demographic processes.

Keywords: person with a disability; people with limited mobility; accessible environment; architectural accessibility; information accessibility; cognitive accessibility; digital accessibility

¹ © Мирошниченко О. А., Ивашкина Ю. Ю. Текст. 2026.

Введение

В Российской Федерации проводится планомерная работа по адаптации городской и социальной инфраструктуры для обеспечения равных возможностей доступа инвалидов и маломобильных лиц к объектам общественного пользования. Доля доступных объектов социальной инфраструктуры возрастает, но темпы роста еще недостаточны. За период от 2011 до 2021 гг. обеспечено увеличение количества доступных для инвалидов и других маломобильных групп населения приоритетных объектов социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры в общем количестве приоритетных объектов почти в пять раз (с 5 472 до 26 752 ед. от общего количества — свыше 38 тыс. приоритетных объектов), а их доли с 14,4 % в 2011 г. до 74,2 % в 2021 г. (Чернякина & Колюка, 2023; Чернякина, 2024; Ковлен и др., 2017).

После ратификации Российской Федерацией в 2012 году Конвенции о правах инвалидов была принята государственная программа «Доступная среда» и осуществлены системные изменения в 25 федеральных законах в сфере социальной защиты населения, культуры, транспорта, жилищных правоотношений, сформулированы новые задачи и ответственность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В настоящее время законодательство Российской Федерации включает более 1 700 нормативных правовых актов федерального, регионального и муниципального уровней, регламентирующих различные аспекты создания доступной среды в 26 отраслях (Ковалев и др., 2023).

Нормативное регулирование и сложившаяся практика в сфере формирования доступной среды в большей степени учитывает потребности инвалидов. Именно инвалидам органы государственной и муниципальной власти всех уровней и организации независимо от их организационно-правовых форм должны обеспечить условия для беспрепятственного доступа к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур: жилым, общественным и производственным зданиям, строениям и сооружениям, объектам туристской индустрии, к местам отдыха и предоставляемым в них услугам. Таким образом, все выстраивается вокруг обеспечения прав инвалидов на доступность инфраструктуры и услуг, что отражает приоритетность данного направления в социальной политике государства, реализуя принцип «что удобно инвалидам — удобно всем». При этом категория «маломобильные граждане», к которым относятся как лица старше трудоспособного возраста, родители с детьми от 0 до 6 лет, временно нетрудоспособные граждане, получившие бытовые, спортивные травмы, остается вне правового регулирования. Одновременно, оценка демографических трендов позволяет прогнозировать запросы населения не только на сегодняшний день, но и на будущее, что позволяет повысить качество жизни. Данное исследование показало, что фактически каждый третий житель Российской Федерации нуждается в доступной среде, что определяет потребность в адаптации как физической, так и информационной и цифровой среды.

Цель исследования

Определить численность маломобильных групп населения (МГН), нуждающихся в создании условий доступной среды, рассчитать прогнозные значения с учетом демографических процессов.

Материалы и методы исследования

Материалами для исследования послужили статистические данные Федеральной службы государственной статистики, данные, полученные в результате интервьюирования, научные исследования, нормативные правовые акты, нормативно-технические документы и национальные стандарты в сфере доступной среды.

Проведено полуструктурированное интервью инвалидов и пожилых с нарушениями интеллекта (N=73), осуществлен факторный анализ, применена ранговая корреляция Спирмена.

Результаты и обсуждение

С точки зрения концептуального подхода понятие «доступная среда» рассматривается как беспрепятственные и безопасные условия, способствующие независимому образу жизни маломобильных групп населения, включающие в себя беспрепятственный доступ к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры, а также беспрепятственное использование информации (Галиева & Щербенко, 2018).

Теоретико-методологический анализ понятийного аппарата, подходов к пониманию сущности и составляющих доступной среды позволил выделить типы и виды доступности (Новожилова, 2025; Пономаренко, 2022; Терскова & Мирюкова, 2020; Енин, 2020).

Доступность объектов:

- архитектурная (доступность конструктивных элементов зданий и сооружений, земельных участков, территорий общего пользования, доступность транспорта;
- информационная доступность (средства связи, информирования, навигации и сигнализации для инвалидов и МГН; цифровая доступность; когнитивная доступность; информация о доступности объектов и услуг).

Организационная доступность (доступность услуг):

- оказание услуг инвалидам и МГН;
- профессиональная этика в отношении к инвалидам и МГН.

К категориям населения, испытывающим затруднения при самостоятельном передвижении, получении услуг, необходимой информации или при ориентировании в пространстве, следует отнести: инвалидов, лиц старших возрастов, беременных женщин, родителей с малолетними детьми, которые пользуются для перемещения детскими колясками, детей дошкольного возраста, людей с нарушением интеллекта, слабослышащих, а также людей с временным нарушением здоровья (спортивные, бытовые травмы, послеоперационный период и др.).

Эти категории граждан особенно нуждаются в адаптации среды, обеспечение доступности для них становится одним из показателей качества и комфорта жизни как возможности для удовлетворения повседневных потребностей в социальной активности и безопасности, увеличения мобильности и занятости.

Рассмотрим численность и потребности некоторых категорий маломобильных граждан.

Значительная доля и прогнозируемый рост числа граждан возраста старше трудоспособного, глубины старения (соотношение населения старше 80 лет к общей численности пожилого населения 65+) и индекса старости (соотношение

людей в возрасте 65+ к детским и подростковым возрастам до 15 лет) требуют особого внимания к вопросам доступности инфраструктуры и услуг (Яркина, 2023; Доброхлеб, 2022; Ахметова, 2025).

Например, результаты проекта «Старшее поколение» направлены на реализацию региональных программ «Активное долголетие», которые включают образовательные проекты, культурно-досуговые мероприятия, творческие программы, занятия физической культурой и спортом, волонтерской деятельностью. Данные задачи невозможно решить без формирования архитектурной доступности инфраструктуры и цифровой среды, адаптированной с учетом возрастных ограничений жизнедеятельности для данной категории лиц.

Ряд исследований демонстрируют, что доступная среда помогает людям старше трудоспособного оставаться активными участниками общества, что также отражается на продолжительности жизни и здоровье. В частности, на активность влияют не только созданные условия архитектурной доступности (пандусы, занижение бордюрного камня на тротуарах и проезжей части, наличие лифтов и т. д.), но и условия для активности в использовании информационно-коммуникационных технологий и сети Интернет, а значит, и необходимость адаптации цифровой среды (цифровая, когнитивная, информационная доступность) (Абусева и др., 2025).

К примеру, результаты исследований ученых Китая выявили значительную положительную взаимосвязь между использованием интернета и позитивным отношением к старению среди пожилых людей в Китае. Показатели здоровья — самооценка, физическое и психическое здоровье — были определены как ключевые модераторы, при этом более здоровые взрослые получали больше пользы от использования интернета (Wang X., 2025). Таким образом, подтверждено, что использование интернета пожилыми людьми значительно улучшает самооценку здоровья. При этом социальная активность выступает опосредующим фактором в этой взаимосвязи, в то время как социальная поддержка усиливает благотворное влияние социальной активности на самооценку здоровья (Li PQ others, 2025).

Исследование, включающее полуструктурированное интервью инвалидов и пожилых с нарушениями интеллекта ($N = 73$, старше трудоспособного возраста $N = 39$), показало активное использование респондентами цифровых устройств и интернета (91 % респондентов имеют смартфон, 65 % — настольный компьютер или ноутбук, 53 % — планшет). В пользовании некоторых респондентов находятся умные колонки (18 %) и умные часы (9 %). Высокоскоростное подключение к интернету в домашних условиях — у 76 % опрошенных. Большинство опрошенных ответили, что интернет для них является источником развлечений (использование музыкальных сервисов, онлайн-кинотеатров, игровых порталов) и средством связи с близкими, друзьями в социальных мессенджерах (по 81 % ответов). Более половины (58 %) указали в своих ответах, что ищут информацию в поисковых системах.

Факторный анализ переменных, являющихся составляющими самодостаточности (способность выполнять повседневные жизненные задачи, способность самостоятельно решать жизненные проблемы, способность управлять финансами), выделил фактор «самостоятельность», объясняющий 79,2 % всей дисперсии. В ходе анализа выявлена ранговая корреляция Спирмена между факторными значениями фактора «самостоятельность» и переменной «цифровая активность

респондентов» ($p = 0,42$ при $p < 0,05$). Это позволяет предположить наличие определенной зависимости деятельности лиц с нарушением интеллекта, связанной с использованием цифровых технологий для реализации своих потребностей, от уровня их способности ставить перед собой определенные цели и добиваться их достижения собственными силами.

Таким образом, можно однозначно отнести граждан старше трудоспособного возраста к нуждающимся не только в создании условий архитектурной доступности, но и в формировании цифровой, когнитивной, информационной доступности, что существенно влияет на качество и продолжительность жизни.

Следующая категория населения, нуждающаяся в формировании доступной среды — беременные женщины, дети младшего возраста (0–6 лет), родители, использующие детские коляски и другие средства мобильности. Реализация Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г. и плана мероприятий по ее реализации, принятые в 2025 г., национального проекта «Семья», включающего федеральные программы «Многодетная семья», «Поддержка семьи», «Охрана материнства и детства», «Семейные ценности и инфраструктура культуры», направлены на стимулирование рождаемости и многодетности. Важным фактором для семей с детьми является наличие комфортной безбарьерной среды социальной, медицинской, образовательной и культурной инфраструктур, благоустроенных общественных пространств, оборудованных в том числе для активного семейного и детского отдыха, транспорта, доступного для перевозки родителей с детьми в детских колясках (Калинина & Безрукова, 2025; Безрукова & Самойлова, 2025).

Анализ демографических показателей помогает рассчитать долю нуждающихся в формировании условий доступной среды. Согласно официальной информации Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 31 декабря 2023 года, численность инвалидов в Российской Федерации составляет 11 040 86 человек, что соответствует 7,6 % от общей численности населения в стране; старше трудоспособного возраста — 34 593 400 человек, (23,7 %); прогноз к 2030 году — 32 932 700 человек (23,0 %).

Ежегодно родившихся — 1 181 600 человек (в возрасте до трех лет включительно — 3 544 800 человек (2,4 %). Общая численность населения, нуждающегося в доступной среде, составляет 49 179 064 человека (около 34,0 % от общей численности населения), фактически каждый третий житель Российской Федерации (рис. 1, рис. 2).

Оценка прогнозных показателей инвалидизации демонстрирует: устойчивое снижение с 2017 г. (12 751,0 тыс. чел.) и к 2030 г. — стабилизация на уровне 11 648,2 тыс. чел. В группе населения старше трудоспособного возраста отмечается колебание в диапазоне: максимум — 37 989 тыс. чел. (2019) и минимум — 31 860,9 тыс. чел. (2025).

Но именно формирование доступной среды может стать важным позитивным фактором, оказывающим влияние на демографическую ситуацию в стране, поскольку способствует снижению негативных последствий старения населения, увеличению занятости, социальной активности, мобильности и в целом повышению качества жизни не только инвалидов, но и маломобильных групп населения.

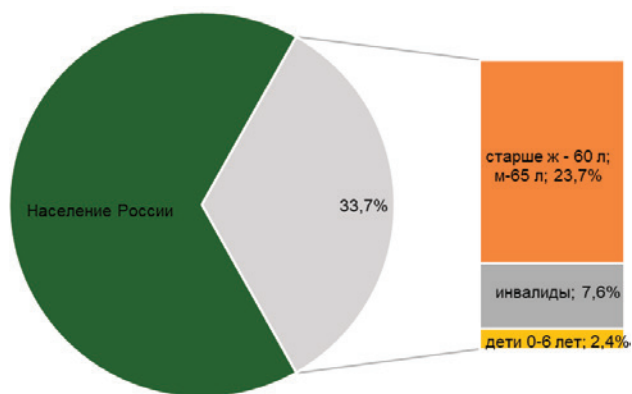

Рис. 1. Соотношение общей доли населения и групп, нуждающихся в доступности объектов и услуг (источник: сост. авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.02.2025))

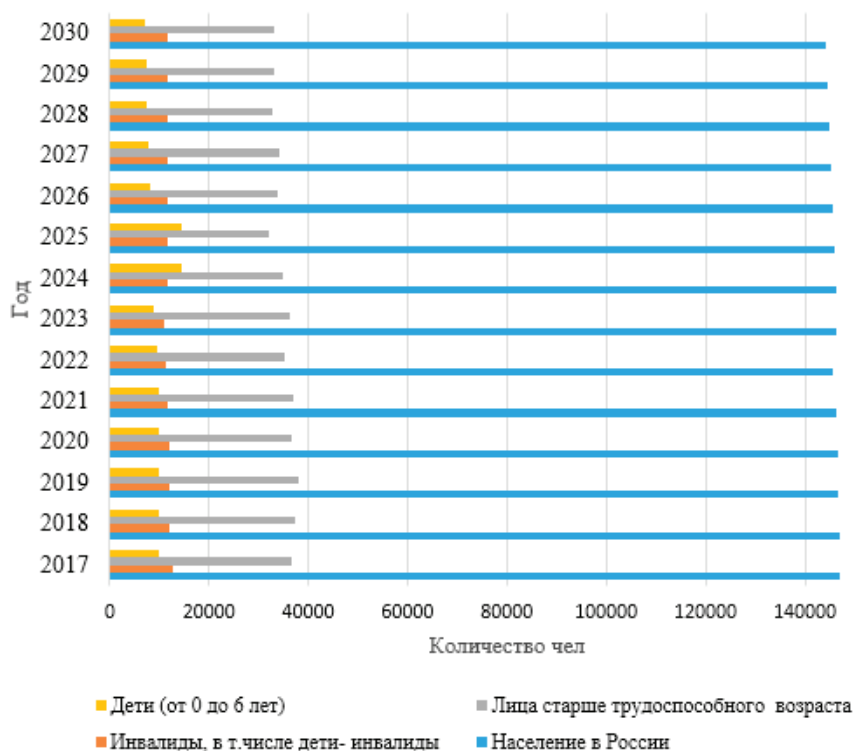

Рис. 2. Соотношение общей численности населения и нуждающихся в доступной среде (прогноз до 2030 г.) (источник: сост. авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.02.2025))

А реализация Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г. и плана мероприятий по ее реализации, принятые в 2025 г., национального проекта «Семья», включающего федеральные программы «Многодетная семья», «Поддержка семьи», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры», могут существенно повлиять не только на формирование качественной, безбарьерной, безопасной, дружелюбной и доступной социальной инфраструктуры в сфере образования и физической культуры, здравоохранения, культуры и досуга, социального обслуживания, с учетом потребностей маломобильных групп населения и потенциального увеличения их количества, но и стать одним из факторов устойчивого развития общества.

Заключение

Результаты исследования подтверждают, что потребности в формировании доступной среды испытывает фактически треть населения России, а оценка прогнозных показателей показывает увеличение численности маломобильных граждан. Что обосновывает необходимость продолжения работы по принятию последовательных мер, направленных на обеспечение архитектурной доступности и эффективности цифровых решений с учетом потребностей в информационной, цифровой, когнитивной доступности для инвалидов и маломобильных граждан с учетом демографических процессов.

Список источников

- Абусева, Г. Р., Бадтиева, В. А., Барсуков, А. В. и др. (2025). *Физическая и реабилитационная медицина: Национальное руководство. Краткое издание*. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 704. <https://doi.org/10.33029/9704-9011-2-PRM-2025-1-70>.
- Ахметова, Г. Ф., Утяшева, И. Б. (2025). Пожилое население Башкортостана: социально-демографические характеристики, тенденции смертности и миграции. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 5 (1), 54–75. <https://doi.org/0.19181/demis.2025.5.1.4>.
- Безрукова, О. Н., Самойлова, В. А. (2025). Отцовство в семьях с детьми с инвалидностью. В *Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти: докл. VII всероссийского социологического конгресса* (с. 542–1546). Москва: Российское общество социологов, 3707. EDN: PRKNOW
- Галиева, М. Р., Щербенко, Е. В. (2018). Формирование концепции доступной среды в России. В *Наука XXI века: актуальные вопросы, инновации и векторы развития: Международная (заочная) научно-практическая конференция* (с. 414–420). Минск, Беларусь: Научно-издательский центр «Мир науки», 434. EDN: XMXXCH
- Доброхлеб, В. Г. (2022). Демографическое старение в России и новая социальная реальность. *Народонаселение*. 25 (2). 66–76. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.6>.
- Енин, Д. В. (2020). Исследование понятия «доступность» в контексте соблюдения прав инвалидов. *Транспорт Российской Федерации*, 3-4(88-89), 15–19.
- Калинина, Н. В., Безрукова, О. Н. (2025) Социальные проблемы многодетных семей. *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*, 4, 215–221.
- Ковалев, В. А., Мирошниченко, О. А., Ивашкина, Ю. Ю., Мирошниченко, О. А., Кудря, О. С. (2023). *Состояние нормативной правовой базы субъектов Российской Федерации в сфере до-*

ступной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения: аналитический доклад. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт усовершенствования врачей-экспертов, 320.

Ковлен, Д. В., Адхамов, Б. М., Мерзликин, А. В., Пономаренко, Г. Н. (2017). Разработка клинических рекомендаций по физической и реабилитационной медицине: современное состояние вопроса. *Современные проблемы науки и образования*, 4, 34–289.

Новожилова, О. А. (2025). Доступная среда для молодых инвалидов в Санкт-Петербурге: социологический анализ. *Дискурс*, 11 (1), 90–102. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-90-102>.

Пономаренко, Г. Н. (2022). Восстановительная медицина: фундаментальные основы и перспективы развития. *Физическая и реабилитационная медицина*, 4 (1), 8–20. <https://doi.org/10.26211/2658-4522-2022-4-1-8-20>.

Терскова, С. Г., Мирюкова, М. А. (2020). Процесс формирования доступной среды для лиц с ОВЗ и инвалидностью как приоритетное направление социальной политики: социологический анализ. *Общество: социология, психология, педагогика*, 2 (70), 38–44.

Чернякина, Т. С., Колюка, О. Е. (2023). Оценка состояния среды жизнедеятельности инвалидов в Российской Федерации. В *Профилактическая медицина-2023: Сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции с международным участием* (с. 300–307). Санкт-Петербург: ФГБОУВО «Северо-Западный государственный медицинский университет имени И. И. Мечникова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 308.

Чернякина, Т. С., Свинцов, А. А., Шестаков В. П. и др. (2024). Реализация государственной политики по выполнению положений Конвенции о правах инвалидов в Российской Федерации. *Физическая и реабилитационная медицина*, 6 (2). 60–71. <https://doi.org/10.26211/2658-4522-2024-6-2-60-71>.

Яркина, В. К., Ажгихин, С. Г. (2023). Проблемы формирования доступной среды для инвалидов и маломобильных граждан пожилого возраста и поиск направлений их решения. *Наукосфера*. 2-1. 156–159.

Wang, X. (2025). Internet use and attitude toward aging among Chinese older adults: the mediating role of health. *Front Public Health*, 15:12:1442075. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1442075>

Li, PQ, Sun, GY, Zhao, XX, Hu, ZX, Gan, KP. (2025). Internet use and self-rated health among Chinese older adults: the role of social engagement and social support. *Front Public Health*, 5;12:1504940. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1504940>

References

Abuseva, G. R., Badtieva, V. A., Barsukov, A.V. et al. (2025). *Fizicheskaja i reabilitatsionnaja meditsina: Natsionalnoe rukovodstvo. Kratkoe izdanie [Physical and rehabilitation Medicine: National Guidelines. Short edition]*. Moscow: GEOTAR-Media, 704. <https://doi.org/10.33029/9704-9011-2-PRM-2025-1-70> (In Russ.)

Akhmetova, G. F. & Utyasheva, I. B. (2025). The elderly population of Bashkortostan: socio-demographic characteristics, mortality and migration trends. DEMIS. *Demograficheskie issledovaniia [DEMIS. Demographic research]*, 5 (1), 54–75. <https://doi.org/0.19181/demis.2025.5.1.4> (In Russ.)

Bezrukova, O. N. & Samoilova, V. A. (2025). Fatherhood in families with children with disabilities. In *Sotsiologiya i obshchestvo: formirovanie i funktsionirovanie obshchestvennoi pamiati: dokl. VII vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa [Sociology and Society: the formation and functioning of public memory: Proceedings of the VII All-Russian Sociological Congress]* (pp. 542–1546). Moscow: Russian Society of Sociologists, 3707. EDN: PRKNOW (In Russ.)

Chernyakina, T. S. & Kolyuk, O. E. (2023). Assessment of the living environment of the disabled in the Russian Federation. In *Profilakticheskaja meditsina-2023: Sbornik nauchnykh trudov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Preventive*

Medicine-2023: Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference with international participation] (pp. 300–307). Saint Petersburg: I.I. Mechnikov Northwestern State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, 308. (In Russ.)

Chernyakina, T. S., Svintsov, A. A., & Shestakov, V. P., and others (2024). Implementation of the state policy on the implementation of the provisions of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities in the Russian Federation. *Fizicheskaja i reabilitatsionnaja meditsina [Physical and Rehabilitation Medicine]*, 6 (2), 60–71. <https://doi.org/10.26211/2658-4522-2024-6-2-60-71>. (In Russ.)

Dobrokhleb, V. G. (2022). Demographic aging in Russia and the new social reality. *Narodonaselenie*, 25 (2), 66–76. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.6> (In Russ.)

Enin, D. V. (2020). The study of the concept of «accessibility» in the context of respect for the rights of persons with disabilities. *Transport Rossiiskoi Federatsii [Transport of the Russian Federation]*, 3-4(88-89), 15–19. (In Russ.)

Galieva, M.R. & Shcherbenko, E.V. (2018). Formation of the concept of an accessible environment in Russia. In *Nauka XXI veka: aktualnye voprosy, innovatsii i vektory razvitiia: Mezhdunarodnaia (zaochnaia) nauchno-prakticheskaja konferentsiia [Science of the XXI century: current issues, innovations and development vectors: International (correspondence) scientific and practical conference]* (pp. 414–420). Minsk, Belarus: Scientific Publishing Center «Mir Nauki», 434. EDN: XMXXCH (In Russ.)

Kalinina, N. V. & Bezrukova, O.N. (2025) Social problems of large families. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniia [Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research]*, 4, 215–221. (In Russ.)

Kovalev, V. A., Miroshnichenko, O. A., Ivashkina, Yu. Y., Miroshnichenko, O. A., & Kudrya, O.S. (2023). *Sostoianie normativnoi pravovoi bazy subiektov Rossiiskoi Federatsii v sfere dostupnoi sredy dlia invalidov i drugih malomobilnykh grupp naseleniia analiticheskii doklad [The state of the regulatory legal framework of the subjects of the Russian Federation in the field of accessible environment for the disabled and other low-mobility groups of the population analytical report]*. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of Advanced Medical Experts, 320. (In Russ.)

Kovlen, D. V., Adhamov, B. M., Merzlikin, A.V., & Ponomarenko, G. N. (2017). Development of clinical recommendations on physical and rehabilitation medicine: the current state of the issue. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia [Modern Problems of Science and Education]*, 4, 34–289. (In Russ.)

Li, PQ, Sun, GY, Zhao, XX, Hu, ZX, Gan, KP. (2025). Internet use and self-rated health among Chinese older adults: the role of social engagement and social support. *Front Public Health*, 5;12:1504940. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1504940>

Novozhilova, O. A. (2025). An accessible environment for young people with disabilities in St. Petersburg: a sociological analysis. *Diskurs [Discourse]*, 11 (1), 90–102. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-90-102> (In Russ.)

Ponomarenko, G.N. (2022). Restorative medicine: fundamental principles and development prospects. *Fizicheskaja i reabilitatsionnaja meditsina [Physical and Rehabilitation Medicine]*, 4 (1), 8–20. <https://doi.org/10.26211/2658-4522-2022-4-1-8-20> (In Russ.)

Terskova, S. G. & Miryukova, M. A. (2020). The process of creating an accessible environment for people with disabilities as a priority area of social policy: a sociological analysis. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy]*, 2 (70), 38–44. (In Russ.)

Wang, X. (2025). Internet use and attitude toward aging among Chinese older adults: the mediating role of health. *Front Public Health*, 15:12:1442075. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1442075>

Yarkina, V. K. & Azhgikhin, S. G. (2023). The problems of creating an accessible environment for the disabled and the elderly with limited mobility and the search for ways to solve them. *Naukosfera*, 2-1, 156–159. (In Russ.)

Мирошниченко Оксана Анатольевна — кандидат психологических наук, директор Федерального ресурсного (информационно-методического) центра по формированию доступной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г. А. Альбрехта Минтруда России; <http://orcid.org/0000-0002-6327-1567> (Российская Федерация, 194044, Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр., д. 11, 8(812) 542-83-75, e-mail: info@frcds.ru).

Ивашкина Юлия Юрьевна — заместитель директора Федерального ресурсного (информационно-методического) центра по формированию доступной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г. А. Альбрехта Минтруда России; <https://orcid.org/0009-0009-2127-3028> (Российская Федерация, 194044, Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр., д. 11, 8 (812) 542-83-75, e-mail: info@frcds.ru).

Oksana A. Miroshnichenko — Cand. Sci (Psychol), Director Federal Resource (Information and Methodological) Center for the Formation of an Accessible Environment for People with Disabilities and Other People with Limited Mobility, Federal State Budgetary Institution «G.A. Albrecht Federal Scientific and Educational Center for Medical and Social Expertise and Rehabilitation» of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation; <http://orcid.org/0000-0002-6327-1567>. (11, Bolshoy Sampsonievsky pr., St. Petersburg, 194044, Russian Federation, e-mail: info@frcds.ru).

Yulia Yu. Ivashkina — Deputy Director Federal Resource (Information and Methodological) Center for the Formation of an Accessible Environment for People with Disabilities and Other People with Limited Mobility, Federal State Budgetary Institution «G.A. Albrecht Federal Scientific and Educational Center for Medical and Social Expertise and Rehabilitation» of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation; <https://orcid.org/0009-0009-2127-3028> (11, Bolshoy Sampsonievsky pr., St. Petersburg, 194044, Russian Federation, e-mail: info@frcds.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 614.2 / 314.4 / 618

JEL classification: I 12, J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-7-7>

Результаты медико-социологического исследования в прогнозировании перинатальных рисков¹

И. Н. Разварина

Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-9377-1829>

Автор для корреспонденции: И. Н. Разварина (irina.razvarina@mail.ru)

Аннотация. По данным Росстата, в России продолжается снижение рождаемости. Данный факт актуализирует проблему углубленного изучения перинатальных факторов риска здоровью плода и новорожденного ребенка. Вместе с тем анализ существующих методов прогнозирования заболеваемости ребенка до рождения показывает, что данная тема требует дополнительного изучения и совершенствования. В работе представлены результаты медико-социального мониторинга здоровья и развития детей (1998, 2001, 2004, 2014 и 2020 гг.), проведенного ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» совместно с Департаментом здравоохранения Вологодской области с целью выявления факторов риска здоровью ребенка и связи с конкретными патологиями до и после рождения. Выборка составила 1 037 пар мать — новорожденный ребенок. В результате выявлены медико-биологические, социально-демографические, социально-экономические, поведенческие и факторы окружающей среды, которыми необходимо дополнить существующие методы оценки рисков развития перинатальной заболеваемости и исхода родов. Учет антенатальных (с 22 недели беременности до начала родов), интранатальных (в процессе родов) и постнатальных (в первую неделю жизни ребенка) не только со стороны матери, но и отца позволит более качественно сгруппировать беременных по уровням риска, контролировать тактику ведения родов и минимизировать неблагоприятные исходы.

Ключевые слова: новорожденный ребенок; перинатальные факторы; относительный риск; мониторинг детского здоровья; уровень риска; неблагоприятный исход.

Results of a medical and sociological study in predicting perinatal risks

I. Razvarina

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-9377-1829>

Corresponding author: I. Razvarina (irina.razvarina@mail.ru)

Abstract. According to Rosstat data, the birth rate in Russia continues to decline. This fact highlights the relevance of in-depth study of perinatal risk factors for the health of the fetus and newborn child. At the same time, analysis of existing methods for predicting child morbidity before birth shows that this topic requires further research and improvement. The paper presents the results of medical-social monitoring of children's health and development (1998, 2001, 2004, 2014, and 2020), conducted by the Federal State Budgetary Scientific Institution «Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» in collaboration with the Health Department of the Vologda Region, aimed at identifying risk factors for child health and their association with specific pathologies before and after birth. The sample consisted of 1037 mother-newborn pairs. As a result, medical-biological, socio-demographic, socio-economic, behavioral, and environmental factors were identified, which should be incorporated into existing methods for assessing risks of perinatal morbidity and birth outcomes. Accounting for antenatal (from the 22nd week of pregnancy until

¹Разварина И. Н. Текст. 2026.

the onset of labor), intranatal (during labor), and postnatal (in the first week of the child's life) factors—not only from the mother's side but also the father's—will enable better grouping of pregnant women by risk levels, control of labor management tactics, and minimization of adverse outcomes.

Keywords: newborn child, perinatal factors, relative risk, child health monitoring, risk level, adverse outcome.

Введение

В России наблюдается рост перинатальной заболеваемости, смертности, растет число беременных с высоким перинатальным риском. В связи с этим показатели мертворождаемости и ранней неонатальной смертности внесены в отчеты, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 25.04.2019 г. № 139 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Актуальной задачей остается сокращение случаев мертворожденности и перинатальной патологии, что актуализирует постоянный поиск решений. Проблема оценки степени риска внутриутробной патологии плода, неблагоприятных исходов родов, заболеваний новорожденных, по данным отечественных ученых-практиков, заключается в невозможности точной оценки антенатального и интранатального состояния плода только инструментальными методами (Фатхуллина и др., 2021). В этой связи, с нашей точки зрения, важен комплексный междисциплинарный подход. В частности, дополнение существующих методик прогнозирования неблагоприятного исхода беременности углубленным выявлением факторов риска с помощью медико-социальных мониторинговых исследований (Fleische et al, 2023). В свою очередь полученные результаты позволят дополнить структуру критериев для оценки состояния здоровья ребенка до и после рождения.

В числе факторов риска для физического и нервно-психического развития ребенка здоровье будущих родителей имеет первостепенное значение. Актуальность подтверждается и исследованиями ученых, отмечающих увеличение отдельных показателей заболеваемости беременных женщин к 2025 г.: частоты анемий (+11,33 %), гестационного диабета (+79,38 %), преэклампсии (+29,73 %) (Соколовская & Ступак, 2022).

В отношении отцов статистика менее информативна. В то же время отметим, что роль отцовских факторов в оценке репродуктивного процесса остается второстепенной, за исключением генетической патологии (Никитин, 2019). Тем не менее, по данным мониторинга «Изучение условий формирования здоровья и развития детей», несмотря на значительное снижение доли мужчин-отцов с наличием поведенческих, физиологических, социально-демографических, связанных с профессиональной деятельностью, и психологических факторов риска здоровью ребенка с 1998 по 2020 гг., количественные показатели остаются достаточно высокими (Разварина и др., 2022).

Анализируя существующие методики оценки перинатальной заболеваемости, получено, что как в предыдущих, так и в существующих методах факторы риска со стороны отца учтены недостаточно. Чаще всего учитываются данные показатели со стороны матери. Дополняют актуальность совершенствования прогнозирования благоприятного и неблагоприятного перинатального исхода данные медицинской статистики, подтверждающие высокие показатели перинатальной патологии и смертности новорожденных детей (Стеценко и др., 2022).

В исследовании ученых Вологодского научного центра расширен не только спектр факторов риска здоровья ребенка в перинатальный период, но и рассчитан относительный риск влияния определенного фактора риска на конкретное патологическое состояние.

Обзор литературы

Проблема оценки перинатальных рисков актуальна и для большинства стран мира. Еще в середине 20 века зарубежными учеными были определены положительные связи между осложнениями в родах и неблагоприятными исходами беременности. Основным фактором перинатальной смертности было определено состояние матери. Разработаны технологии прогнозирования перинатальных исходов, которые имеют практическое применение. Спектр методов разнообразен: инструментальные, лабораторные, шкалы балльной оценки. Тем не менее, большая часть существующих методов оценки состояния плода, по мнению исследователей, не имеет прогностической значимости, и их применение не обеспечивает стопроцентной достоверности прогнозирования (Стеценко и др., 2022).

В медицинских организациях шкала прогнозирования перинатального риска была введена Приказом Минздрава СССР от 22 апреля 1981 г. № 430 «Об утверждении инструктивно-методических указаний по организации работы женской консультации» (с изменениями и дополнениями).

В настоящее время применяется шкала В.Е. Радзинского на основе разработки О.Г. Фроловой, Г.С. Мучиевым и Е.И. Николаевой в 1981 г. и усовершенствованная в 2021 г. Она содержит пять групп факторов со стороны матери, которые воздействуют на исход в родах (В.Е. Радзинский и др., 2021).

С.А. Князевым с соавторами представлен способ прогнозирования перинатальной заболеваемости (патент РФ № 2369331). В нем определены социально-биологические факторы риска, акушерско-гинекологического анамнеза, экстрагенитальных заболеваний матери, а также осложнения беременности, оценка состояния плода. Выявленным факторам присваивают балльные оценки с помощью «Модифицированной шкалы прогнозирования перинатальной заболеваемости». Причем со стороны отца учитываются только определенные факторы: возраст 40 лет и более, профессиональные вредности, наличие вредных привычек: курения, алкоголизации (Оразмурадов и др., 2010).

Значимой темой в научных исследованиях причин и условий развития перинатальной патологии становится именно структура перинатальных факторов (Беженарь и др., 2020; Мухамадиева и др., 2020). Предполагаем, что, чем больше спектр и качественная характеристика выявленных рисков, тем качественнее диагностика, превентивные меры и возможность рождения здорового ребенка.

Исследователями отмечается специфичность диагностики заболеваний у женщин репродуктивного возраста из-за физиологической особенности женского организма, характеризующейся изменением функционирования систем и органов во время беременности (Аргунова, 2023).

В отношении мужчин репродуктивного и трудоспособного возраста, по данным медико-социальных исследований, настораживает выявленная частота преждевременного старения, увеличение неблагоприятных социально-гигиенических,

социально-психологических характеристик, низкого уровня медицинской активности и информированности по вопросам здорового образа жизни (Васильева и др., 2012).

Продолжая тему, важно отметить, что клинические наблюдения подтвердили вывод о ведущей роли отцовских факторов в патологии будущего потомства (Никитин, 2019).

Материалы и методы

Цель данной работы — представить результаты относительного риска родительских факторов, повышающих развитие у плода и новорожденного ребенка перинатальной патологии и неблагоприятного исхода родов. Задача — предложить включение выявленных факторов риска со стороны родителей в структуру критериев оценки перинатальной патологии и прогнозирования неблагоприятных исходов родов.

Информационная база — выборочные данные проспективного когортного мониторинга детского здоровья 1998, 2001, 2004, 2014, 2020 гг. (Шматова и др., 2025).

В качестве респондентов были привлечены врачи (акушеры-гинекологи, неонатологи, педиатры) и родильницы. Обследовано 1 037 детей и матерей. Оценка силы взаимосвязи фактора с отдельными параметрами состояния здоровья ребенка производилась с помощью расчета показателя относительного риска (ОР). ОР рассчитывался как отношение наступления неблагоприятного исхода для здоровья в экспонированной группе (подвергшейся воздействию фактора риска) к аналогичному риску в неэкспонированной группе (не подвергшейся воздействию) на основе четырехпольной таблицы сопряженности: фактор риска (есть/нет) × неблагоприятный исход (есть/нет). $RRRRRRR = AAAA \cdot (CCCC + DDDD) CCCC \cdot (AAAA + BBBB)$. Если ОР больше 1, то действие изучаемого фактора повышает риск развития неблагоприятного исхода, и чем больше значение ОР, тем вероятность выше. Если ОР меньше 1, то фактор защитный и снижает вероятность утраты показателя здоровья. В каждом случае обязательно оценивается статистическая значимость относительного риска, исходя из значений 95 % доверительного интервала (ДИ). Отметим, что ОР не несет информации о величине абсолютного риска, а демонстрирует силу связи между воздействующим фактором и отставанием в развитии (Шматова и др., 2023).

Обработка и анализ исходной информации осуществлялись с помощью программного обеспечения Microsoft Office Excel и IBM SPSS Statistics (ver.22.0). В результатах представлены факторы, которые продемонстрировали связь (негативную или защитную) с показателями субъективной тревоги и депрессии.

Результаты

Рассмотрим полученные результаты в разрезе факторов риска. Нужно отметить, что негативного влияния отдельных заболеваний матери на состояние плода не выявлено, вместе с тем положительная связь прослеживается между патологией мочевыводящих путей и появлением отеков во время беременности. Наличие в медицинском анамнезе роженицы такого симптома, как ожирение, перенесенные женщиной в прошлом преждевременные роды, повышают риск оперативного родоразрешения в два и более раз, мертворождения в анамнезе — в четыре и более раз.

Наличие в акушерском анамнезе стремительных родов, многоплодной беременности, неправильного предлежания плода, недоношенности или переношенности, увеличивают риск рождения ребенка с патологиями, врожденными пороками. Рождение ребенка с помощью экстракорпорального оплодотворения (2020 г. р.) наносит, по данным нашего мониторинга, наибольший (в группе медико-биологических акушерских факторов) вред здоровью новорожденного (в 2,9 раза). Эклампсия в 3,4 раза увеличивает риск задержки внутриутробного развития (ОР=3,39, 95 % ДИ: 1,51–7,61). По данным опроса акушеров-гинекологов, число диагнозов «эклампсия» до 2014 г. имело тенденцию к снижению (в 1998 г. — у 6 % респонденток, в 2001 г. — у 4 %, в 2004 г. — у 2 %, в 2014 — у 1,2 %). С 2020 г. наблюдается повышение значения показателя до 2,2 %, причем во все годы исследования имели место смертельные исходы (по одному мертворождению), кроме 2020 г.

У рожениц в возрасте 20 и менее лет в два раза выше риск развития таких симптомов, как снижение гемоглобина, отечность, что в свою очередь повышает риск внутриутробного страдания плода и развития патологий при рождении.

В то же время у женщин старше 35 лет повышен риск оперативного родоразрешения. Причем чем старше будущая мать, тем риск выше.

Считаем, что важно отметить и опосредованное влияние на здоровье будущего ребенка некоторых условий: семейного положения, состояния экологии в месте проживания, профессиональных вредностей.

В частности, заслуживает внимание семейный статус матери. У разведенных, овдовевших и одиноких женщин в два раза выше риск развития ЗВУР плода, в 1,7 раза — отклонений в психофизическом развитии новорожденного ребенка.

Экологически напряженная обстановка по качеству воды и воздуха во время беременности способствует появлению отеков и оперативного родоразрешения. Фактор загрязненного воздуха коррелирует также с вероятностью применения кесарева сечения при родах (увеличивает риск на 60 %). Электромагнитное излучение выше допустимых значений почти в три раза повышает риск рождения ребенка с отклонениями в развитии, врожденными пороками и заболеваниями.

По данным об экологической обстановке за период проведения исследования, с 1998 г. отмечается улучшение показателей во всех территориях Вологодской области. Количество респондентов, оценивающих состояние экологии в месте проживания как «хорошие», выросла в 2,7 раза (в Череповце — в 3,4 раза (с 9 до 30 %), в Вологде и районах — в 2,2 раза в среднем (с 20 до 46 %), количество отрицательных мнений снизилось в областной столице в три раза, в Череповце — в пять раз, в округах, напротив, повысилось в 2,3 раза.

У будущих мам, профессия которых была связана с воздействием химических, токсических веществ, с биологической опасностью, риск кесарева сечения повышен на 80 %. Профессиональная вредность «запыленность» способствует развитию у малыша врожденных пороков в среднем на 60 % (табл. 1). Особое внимание хотелось бы уделить воздействию психического напряжения на рабочем месте за год до родоразрешения. Каждая третья женщина испытывала вышеназванное влияние по результатам мониторинга в 1998 г. Положительно, что количество их в последующие годы исследования снизилось (каждая четвертая женщина). Тем не менее, считаем, что показатель достаточно высокий. Качественная

Таблица 1

**Влияние профессиональных вредностей на развитие осложнений беременности
и заболеваний новорожденного**

Профессиональные вредности	Данные акушерского анамнеза			Заболевания новорожденных
	Снижение гемоглобина	Пастозность	Оперативное родоразрешение	
Воздействие химических веществ	—	—	1,74 (1,22–2,46)	—
Воздействие пыли	—	—	—	1,59 (1,17–2,16)
Радиоактивное излучение	1,46 (1,15–1,85)	1,80 (1,27–2,56)	—	—
Биологическое загрязнение	—	—	1,89 (1,35–2,64)	—

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения 1998, 2001, 2004, 2014, 2020 гг.».

характеристика показывает, что большинство будущих матерей, испытывающих психоэмоциональное напряжение, работают в образовании, здравоохранении, занимают руководящие посты или являются индивидуальными предпринимателями. У них воздействие перинатального стресса обуславливает повышение во время вынашивания ребенка патологии мочевыводящей и половой систем на 26 %, анемии — на 24 %, варикозного расширения вен, сахарного диабета, вегетососудистой дистонии, в отличие от тех, чья беременность проходит в комфортных условиях. Течение беременности почти половины женщин, испытывающих психическое напряжение на рабочем месте, осложнялось токсикозом, что на 10 процентов больше, чем среди остальных респонденток.

Интересен факт, что будущие мамы, испытывающие воздействие перинатального стресса, более медицински активны, чем остальные респондентки: 2/3 придерживались здорового образа жизни, включали в рацион витамины, практически половина от 40 % до 46 % прошли углубленную диагностику у гинеколога и репродуктолога, 11 % прекратили курить, сбалансировали рацион питания.

Рассматривая материальную обеспеченность семьи за год до рождения ребенка, получили, что низкая обеспеченность сказывается на здоровье будущей мамы, осложняет ее беременность. Так, развитие анемии и отеков чаще встречается у респонденток с низкой покупательной способностью (повышая риск на 33 % и 80 % соответственно) и неблагоприятными, по их оценке, жилищными условиями (на 43 % и в два раза соответственно). Вероятнее всего, это вызвано отсутствием возможности полноценного питания, перенаселенностью в месте проживания. Опосредованно данные условия могут сказаться на здоровье плода и ребенка, но в нашем исследовании такой связи не выявлено.

Анализируя состояние здоровья отца, подчеркнем, что влияние значимо уже с пренатального периода, как на ребенка, так и на исход родов, в частности, применения родоразрешающих операций. Получено, что сахарный диабет провоцирует задержку внутриутробного развития плода, развитие асфиксии в родах. Нарушение веществ по типу эндокринной патологии снижает в три раза рождение естественным путем. У новорожденных детей, отцы которых страдали венерическими патологиями, заболеваниями мочевыделительной системы, туберкулезом, диагностировано снижение оценки по шкале Апгар до двух баллов. Риск применения

родоразрешающих операций в пять раз выше, если отец ребенка перенес туберкулез, и в три раза, если страдает эндокринными нарушениями (табл. 2).

Обратим внимание на воздействие хронических заболеваний отца на новорожденного ребенка. Если отец ребенка имеет хронические патологии кожи и подкожной клетчатки, то более чем в 11 раз повышен риск развития у будущего ребенка идентичных заболеваний, в четыре раза — желтухи новорожденных. Хронические заболевания пищеварительной системы отца провоцируют развитие отклонений со стороны сердечно-сосудистой системы детей в возрасте от 0–7 дней. Формирование урологических проблемы у мальчиков в 12 раз выше, если отец перенес хроническую патологию мочеполовых органов (табл. 3).

Обращает внимание неоднозначность влияния такого фактора риска, как возраст будущего папы. До 30 лет он является защитным от заболеваний, врожденных пороков развития у новорожденного ($OP=0,71$). Вероятность развития врожденных отклонений, в том числе пороков сердечно-сосудистой системы, у новорожденного увеличивается в три раза, если мужчине больше 40 лет ($OP=3,05$).

Находясь на рабочем месте в условиях загазованности за год до рождения ребенка, отец подвергает будущее потомство риску развития заболеваний ЦНС (в 10 раз — асфиксии в родах (в три раза); в условиях воздействия химических и токсических веществ — в пять раз развитие гипертензионного синдрома).

Таблица 2

Влияние факторов риска со стороны отца на протекание родов и состояние новорожденного

Данные медицинского анамнеза отца	Задержка внутриутробного развития	Оперативное родоразрешение	Асфиксия	Оценка по шкале Апгар от 2–6 баллов
Инсулинозависимый сахарный диабет	8,13 (1,98–33,36)		16,78(4,00–70,45)	
Эндокринная патология		3,35 (1,62–6,95)		
Инфекции, передаваемые половым путем				2,83 (2,59–3,10)
Туберкулез		5,54 (4,83–6,37)		2,83 (2,59–3,09)
Заболевания мочевыводящих путей				2,08 (1,43–3,02)

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения 1998, 2001, 2004, 2014, 2020 гг.».

Таблица 3

Влияние хронической патологии со стороны отца на ребенка в возрасте семи дней

Системы организма мужчины-отца с наличием хронической патологии	Патологические симптомы со стороны ребенка			
	Неонатальная гипербилирубинемия	Отклонения со стороны костно-мышечной системы	Отклонения со стороны сердечно-сосудистой системы	Урологические проблемы у мальчиков
Покровная	4,09 (1,15–14,61)	11,25(1,55–81,75)		
Пищеварительная			3,75(1,34–10,45)	
Мочеполовая				12,49(1,67–93,47)

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения 1998, 2001, 2004, 2014, 2020 гг.».

Радии и электромагнитное излучение сверхвысокой частоты, оказывая воздействие на отца, в шесть раз увеличивают возможность развития патологии центральной нервной системы у ребенка.

Вредные привычки рассматриваются учеными как наиболее изученные факторы развития неблагополучия детского здоровья (Easey et al., 2021).

Еще до момента рождения вдыхание никотина отцом наносит серьезный вред плоду в период внутриутробного развития. Одним из критериев становится оценка по шкале Апгар при рождении, усиливая риск снижения показателей состояния новорожденного ребенка по шкале Апгар менее семи баллов практически в два раза.

Обсуждение

Таким образом, проведенное исследование позволяет выделить и углубленно проанализировать некоторые факторы риска со стороны будущих родителей за год до рождения ребенка: возраст, наличие соматических заболеваний и заболеваний, перешедших в хроническую форму, профессиональные вредности, экологическая обстановка в месте проживания семьи, подверженность психоэмоциональному напряжению. Причем удалось с помощью расчета относительного риска установить достоверную взаимосвязь между воздействием того или иного фактора и конкретным нарушением состояния плода, диагнозом новорожденного ребенка, осложнением родов, применением родоразрешающей операции.

Заключение

Практическая значимость в том, что выявленные факторы управляемые. Их можно выявить и предотвратить влияние на этапе прегравидарной подготовки. Полученные результаты могут стать дополнительной информационной базой для разработки комплексной междисциплинарной методики оценки перинатальных рисков.

Перспектива заключается в дальнейшем изучении факторов риска в развитии и рождении ребенка, в повышении объективной оценки неблагоприятного исхода родов и, как следствие, своевременном профилактическом и лечебном сопровождении для рождения здорового ребенка.

Благодарности

Исследование выполнено по теме НИР «Человеческий потенциал современной России: факторы и механизмы воспроизводства» № FMGZ-2025-0014. Проект «Мониторинг благополучия детского населения».

Acknowledgements

The research was supported by «The study was carried out under the research topic «Human Potential of Modern Russia: Factors and Reproduction Mechanisms» No. FMGZ-2025-0014. Project «Monitoring the Well-Being of the Child Population».

Список источников

- Аргунова, И. А. (2023). Узкие специалисты как «локомотивы» кесарева сечения. *Российский вестник акушера-гинеколога*, 23 (3), 110–116. <https://doi.org/10.17116/rosakush202323031110>
- Беженарь, В. Ф., Иванова, Л. А., Григорьев, С. Г. (2020). Беременность «высокого риска» и перинатальные потери. *Акушерство и гинекология*, 3, 42–7. <https://doi.org/10.18565/aig.2020.3.42-47>

- Васильева Т. П., Глик М. В., Магомедов А. Т., Качковский Д. Л., Чумаков А. С., Уткин Е. Ю. (2012). Медицинская информированность, медицинская активность, личностные качества мужчин активного репродуктивного и трудоспособного возраста с учетом признаков преждевременного старения. *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко*, 4, 32–34. <https://doi.org/10.18565/aig.2020.3.42-47>
- Мухамадиева, С. М., Мирзабекова, Б. Т., Пулатова, А. П. (2020). Причины перинатальной смертности и пути их снижения в современных условиях. *Вестник Академии медицинских наук Таджикистана*, 10(2), 202–9.
- Никитин, А. И. (2019). Факторы отца и здоровье потомства. *Медицина: теория и практика*, 4 (S):388. EDN: PRATWT
- Оразмурадов, А. А., Кибардина, Н. В., Князев, С. А. и др. (2010.) Современные возможности прогнозирования перинатальной заболеваемости. *Вестник РУДН. Серия: Медицина*, 5, 13–21.
- Радзинский, В. Е. и др. (2021). *Предиктивное акушерство*. М.: Медиабюро Статус Презенс, 520.
- Разварина, И., Шматова, Ю. Е., (2022). Распространенность факторов риска здоровью ребенка со стороны отца, результаты мониторинга. *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*, 27(3), 65–75. [https://doi.org/10.14258/zosh\(2022\)3.05](https://doi.org/10.14258/zosh(2022)3.05)
- Соколовская, Т. А., Ступак, В. С. (2022). Заболеваемость беременных женщин в Российской Федерации: тенденции и прогнозы. *Российский вестник акушера-гинеколога*, 22(5):7–14. <https://doi.org/10.17116/rosakush2022220517>
- Стеценко, Н. А., Фаткулина, И. Б., Файзуллина, Л. А. и др. (2022). Современные подходы к оценке степени перинатального риска. *Акушерство, Гинекология и Репродукция*, 16(4):438–449. <https://doi.org/10.17749/2313-7347/ob.gyn.rep.2022.285>
- Фаткулина, И. Б., Стеценко, Н. А., Фаткулина, Ю. Н., Галеева, С. А. (2021). Методы прогнозирования перинатальных исходов в современном акушерстве. *Архив акушерства и гинекологии им. В. Ф. Снегирева*, 8(2), 75–80. <https://doi.org/10.17816/2313-8726-2021-8-2-75-80>
- Шматова, Ю. Е., Разварина, И. Н., Гордиевская, А. Н. (2023). Интеркогортный анализ родительских факторов риска развитию ребенка на первом году жизни. *Анализ риска здоровью*, 2, 115–129. <https://doi.org/10.21668/health.risk/2023.2.11>
- Шматова, Ю. Е., Разварина, И. Н., Гордиевская, А. Н. (2025). Доступность медицинской помощи до рождения и в первые 6 лет жизни ребенка как фактор риска здоровью и развитию: опыт когортного мониторинга. *Социальное пространство*, 11(1). <https://doi.org/10.15838/sa.2025.1.45.1>
- Easey, K.E. & Sharp, G.C. (2021). The impact of paternal alcohol, tobacco, caffeine use and physical activity on offspring mental health: a systematic review and meta-analysis. *Reprod Health*, 18(1):214. <https://doi.org/10.1186/s12978-021-01266-w>
- Fleischer, A.E. & Albright, R.H. (2024). Prospective Surgical Cohort Analysis. *Clin Podiatr Med Surg*, 41(2):281-290. <https://doi.org/10.1016/j.cpm.2023.07.005>

References

- Argunova, I.A. (2023). Specialists consultants as «locomotives» for caesarean section. *Rossiiskii vestnik akushera-ginekologa [Russian Bulletin of Obstetrician-Gynecologist]*, 23 (3), 110–116. <https://doi.org/10.17116/rosakush202323031110> (In Russ.)
- Bezhenar, V.F., Ivanova, L.A., & Grigoriev, S.G. (2020). High-risk pregnancy and perinatal losses. *Akusherstvo i Ginekologiya*, 3, 42–7. <https://doi.org/10.18565/aig.2020.3.42-47> (In Russ.)
- Easey, K.E. & Sharp, G.C. (2021). The impact of paternal alcohol, tobacco, caffeine use and physical activity on offspring mental health: a systematic review and meta-analysis. *Reprod Health*, 18(1):214. <https://doi.org/10.1186/s12978-021-01266-w>

Fatkullina, I.B., Stetsenko, N.A., Fatkullina, Yu.N., & Galeeva, S.A. (2021). Methods of forecasting perinatal outcomes in modern obstetrics. *Arkhiv akusherstva i gi-nekologii im. V. F. Snegireva [V. F. Snegirev Archives of Obstetrics and Gynecology]*, 8(2), 75–80. <https://doi.org/10.17816/2313-8726-2021-8-2-75-80> (In Russ.)

Fleischer, A.E. & Albright, R.H. (2024). Prospective Surgical Cohort Analysis. *Clin Podiatr Med Surg*, 41(2):281-290. <https://doi.org/10.1016/j.cpm.2023.07.005>

Mukhamadiyeva, S.E, Mirzabekova, B.T., & Pulatova, A.P. (2020). Causes of perinatal mortality and ways to reduce them in modern conditions. *Vestnik Akademii meditsinskikh nauk Tadzhikistana [Bulletin of the Academy of Medical Sciences of Tajikistan]*, 10(2), 202-9. (In Russ.)

Nikitin, A. I. (2019). Factors of the father and the health of the offspring. *Meditsina: teoriia i praktika [Medicine: Theory and Practice]*, 4(S):388. EDN: PRATWT (In Russ.)

Orazmuradov, A.A., Kibardina, N.V., Knyazev, S.A. et al. (2010.) Modern possibilities for predicting perinatal morbidity. *Vestnik RUDN. Seriya: Meditsina [RUDN Journal of Medicine]*, 5, 13–21. (In Russ.)

Radzinsky, V.E. et al. (2021). *Prediktivnoe akusherstvo [Predictive obstetrics]*. M.: Media Bureau Status Presentation, 520. (In Russ.)

Razvarina, I., & Shmatova, Yu.E. (2022). Prevalence of risk factors for the child's health on the part of the father. monitoring results. *Zdorove cheloveka, teoriia i metodika fi-zicheskoi kultury i sporta [Health, Physical Culture and Sports]*, 27(3), 65–75. [https://doi.org/10.14258/zosh\(2022\)3.05](https://doi.org/10.14258/zosh(2022)3.05) (In Russ.)

Shmatova Yu.E., Razvarina I.N., Gordievskaya A.N. (2025). Access to health care before birth and in the first six years of a child's life as a risk factor for health and development: Cohort monitoring experience. *Sotsialnoe prostranstvo [Social area]*, 11(1). <https://doi.org/10.15838/sa.2025.1.45.1> (In Russ.)

Shmatova, Yu.E., Razvarina, I.N., & Gordievskaya, A.N. (2023). Inter-cogort analysis of parental risk factors for child development in the first year of life. *Analiz riska zdoroviu [Health Risk Analysis]*, 2, 115–129. <https://doi.org/10.21668/health.risk/2023.2.11> (In Russ.)

Sokolovskaya, T.A., & Stupak, V.S. (2022). Morbidity of pregnant women in the russian federation: trends and prognosis. *Rossiiskii vestnik akushera-ginekologa [Russian Bulletin of Obstetrician-Gynecologist]*, 22(5):7-14. <https://doi.org/10.17116/rosakush202220517> (In Russ.)

Stetsenko, N.A., Fatkullina, I.B., Fayzullina, L.A. et al. (2022). Modern approaches to assessing the degree of perinatal risk. *Akusherstvo, Ginekologiya i Reproduktsiya [Obstetrics, Gynecology and Reproduction]*, 16(4):438-449. <https://doi.org/10.17749/2313-7347/ob.gyn.rep.2022.285> (In Russ.)

Vasilyeva T.P., Glik M. V., Magomedov A. T., Kachkovsky D. L., Chumakov A. S., & Utkin E. Yu. (2012). Medical awareness, medical activity, and personal qualities of men of active reproductive and working age, taking into account signs of premature aging. *Biulleten Natsionalnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorovia imeni N. A. Semashko [Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health]*, 4, 32–34. <https://doi.org/10.18565/aig.2020.3.42-47> (In Russ.)

Разварина Ирина Николаевна — научный сотрудник, ФГБУН ВолНЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0002-9377-1829> (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: irina.razvarina@mail.ru).

Irina N. Razvarina — researcher VolRC RAS; <https://orcid.org/0000-0002-1881-0963> (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, e-mail: irina.razvarina@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК: 613.99; 618.2-084

JEL classification: I18, J13

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-7-8>

Концепция «салутогенного дизайна» и реальность ее применения в медико-социальных учреждениях Свердловской области¹

Н.И. Смородова^а, Н.Л. Струин^б

^а «Уральский государственный медицинский университет» (г. Екатеринбург, Россия).

^б Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<http://orcid.org/0000-0002-4843-601X>

Автор для корреспонденции: Н.Л. Струин (struin.nl@uiec.ru).

Аннотация. Теория салютогенеза, или «салутогенного дизайна» (далее — Дизайн), своим смыслом видит то, что определенные ресурсы, поддерживающие физиологическое состояние регуляторных систем гомеостаза с целью адаптации к изменяющимся условиям внешней среды, позволяют обеспечивать необходимое противостояние и устойчивость к воздействию болезней. Реализация этих ресурсов как раз и формирует принцип когерентности, направленный на три основные приоритета жизнедеятельности человеческого организма: поддержку гомеостаза и физического состояния (а); повышение понятности различных жизненных ситуаций и принятия их (в); формирование у человека желания и мотивации на необходимость сопротивляться болезни (с). В статье приводится разбор концепции салютогенеза и возможность ее реализации в медико-социальных учреждениях Свердловской области. Реализация данной концепции, по мнению органа государственного управления в сфере здравоохранения Свердловской области, применительно к перинатальным центрам позволит динамично икратно увеличить рождаемость в регионе, а также будет способствовать продолжительности жизни населения в Свердловской области и качеству предоставления медицинской помощи. В статье также анализируются отношение к концепции Дизайна разных групп населения, полученные путем анонимного опроса, включая медицинский персонал лечебных учреждений Свердловской области, определены приоритеты и возможные риск-факторы реализации концепции Дизайна, в том числе и возможные противоречия к требованиям Роспотребнадзора, изложенные в санитарном законодательстве.

Ключевые слова: салютогенез; медико-социальные учреждения; дизайн; проектирование; Роспотребнадзор.

The concept of “Salutogenic Design” and the Reality of its application in Medical and Social Institutions of the Sverdlovsk Region

N. Smorudova^a, N. Struin^b,

^a «Ural State Medical University» (Ekaterinburg, Russia)

^b Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

<http://orcid.org/0000-0002-4843-601X>

Corresponding author: N. Struin (struin.nl@uiec.ru)

Abstract. The theory of salutogenesis or “Salutogenic Design” (hereinafter referred to as Design) sees its meaning in the fact that certain resources that support the physiological state of the regulatory systems of homeostasis in order to adapt to changing environmental conditions make it possible to provide the necessary resistance and resistance to the effects of diseases. The implementation of these resources precisely

¹ Смородова Н. И., Струин Н. Л. Текст. 2026.

forms the principle of coherence, aimed at the three main priorities of the life of the human body: support of homeostasis and physical condition (a); increasing the understanding of various life situations and accepting them (c); the formation in a person of desire and motivation for the need to resist the disease (c). The article provides an analysis of the concept of salutogenesis and the possibility of its implementation in medical and social institutions of the Sverdlovsk region. The implementation of this concept, in the opinion of the public health authority of the Sverdlovsk region, in relation to perinatal centers, will allow a dynamic and multiple increase in the birth rate in the region, and will also contribute to the life expectancy of the population in the Sverdlovsk region and the quality of medical care. The article also analyzes the attitude towards the Design concept of different population groups, obtained through an anonymous survey, including medical staff of medical institutions in the Sverdlovsk region, identifies priorities and possible risk factors for the implementation of the Design concept, including possible contradictions to the requirements of Rospotrebnadzor set out in sanitary legislation.

Keywords: salutogenesis; medical and social institutions; design; Rospotrebnadzor.

Введение

Термин «салиютогенный дизайн» известен как компонент развития архитектуры зданий и иных учреждений здравоохранения, обеспечивающих лечение и паллиативный уход за больными людьми. Сама теория салиютогенеза начала свое развитие в конце 1960-х гг., основателем ее стал Аарон Антоновски (Antonovsky, 1967). Позднее, на рубеже нового тысячелетия, Алан Дилани (Dilani, 2005) применил ее в планировании городских пространств, прежде всего медицинских учреждений. Это и было началом «салиютогенного дизайна».

Сама теория салиютогенеза была нужна для описания влияния социального и природного воздействий на здоровье населения, использование этого влияния для создания и/или развития медико-социальных учреждений, например, в части озеленения и формирования территорий этих медико-социальных учреждений для восстановления психологического здоровья и улучшения качества жизни и реабилитации пациентов. При этом реализуемые по конкретной ситуации эмоции совсем не являются поверхностными и имеют реальные долгосрочные последствия (Antonovsky, 1979).

Теория салиютогенеза исходит из того, что все основные компоненты здоровья — эмоциональное, психическое и соматическое, у людей обусловлены способностью адаптироваться к изменению жизненных обстоятельств (Твилле и др., 2025), а также комфортной окружающей среде проживания (Хальфин и др., 2024). Поэтому важно четко зафиксировать понимание того, что салиютогенез — это просто способ понимания системы и способов позитивного оздоровления, принципиально не учитывающий различий между индивидуумами, а также разницу в диагнозах и обстоятельствах недомогания и т. д. (Antonovsky, 1996). Но здесь имеет место и иной процесс — силы, мешающие способности человека к адаптации, оказывают прямое влияние на развитие патологического процесса. Фактически происходит включение человека в болезнь на фоне снижения личных ресурсов и способности организма справиться с потенциальными вызовами болезни при высоком уровне воздействия окружающей среды (Antonovsky, 1987).

Показательно и наглядно это было видно в ситуации с COVID-19, когда патоген не только активно культивировался в среде с недостаточной способностью к резистентности, вызывая заболевание, но и одновременно косвенно влиял через систему различных общественных ограничений на физическое и/или психическое

здоровье людей, из-за чего у них значительно ухудшалась способность здоровьесбережения и возникали проблемы с потенциальным выздоровлением.

Поэтому сегодня салютогенез важен для понимания и управления различными косвенными и сложными факторами при оценке состояния популяционного благополучия и здоровья/болезней и возможной минимизации факторов риска для состояния здоровья.

Согласно данным литературных источников, этими факторами могут быть чистота и борьба с патогенами (Dancer, 2004), фактор естественного освещения и дизайн звукового ландшафта (Howes et al. 2013), обустройство внутренней среды в психиатрических учреждениях (Devlin, 1992).

Эстетические изменения дизайна в учреждениях, прежде всего, паллиативной помощи, могут значительно улучшить показатели здоровья и повысить качество жизни, точнее, дожития, для пациентов таких учреждений (Клочко & Ясенецкая, 2020).

Насколько ключевые аспекты салютогенеза могут оказать позитивное влияние на повышение рождаемости в регионе, с точки зрения принятия этой новации в здравоохранении региона потенциальными родителями, и будет рассмотрено в статье.

Результаты

Для оценки ситуации с возможностью реализации концепции салютогенеза в медико-социальных учреждениях Свердловской области, организации планировочной и функциональной модели их работы для достижения заявленных Министерством здравоохранения Свердловской области целей в виде динамичного и кратного увеличения рождаемости^{1, 2} авторами был проведен анализ литературных источников, а также организовано анкетирование граждан по оценке влияния ключевых аспектов салютогенеза по адаптации пациентов в учреждениях.

Согласно теории салютогенеза (Antonovsky, 1972; Dilani, 2005), его главный принцип достижения желаемого эффекта — когерентность, т. е. формирование ощущения управляемости и осмысленности жизни через чувство связи между различными аспектами жизни, понимание их взаимосвязи и способность видеть в них целостность.

По мнению Antonovsky A. (1979), компонентами, формирующими когерентность, являются:

- понятность — окружающий мир разумен, а происходящие события своей жизни человек может понять и предвидеть;
- подконтрольность — когда человек корректен в оценке своих способностей для преодоления трудностей в жизни и самостоятельного управления событиями в ней;
- осмысленность — принятие значимости жизни и реализация усилий по достижению своих целей.

¹ В родильных домах появятся «золотые» палаты. Татьяна Савинова презентовала новый формат родовых комнат. <https://www.e1.ru/text/health/2025/11/20/76131227/> (дата обращения: 29.10.2025).

² «Сима-ленд» изменит дизайн восьми клиник для беременных. Рендеры царских и античных родовых палат. <https://66.ru/news/entertainment/286237/> (дата обращения: 19.01.2026).

Индивидуальный уровень чувства когерентности не является для человека постоянной величиной и его изменение происходит, когда адаптация человека к обстоятельствам и переживаниям ниже требуемого для ситуации уровня реагирования, потенциал его физического и психического здоровья значительно снижается (Calhoun, 1970; Salmivalli, 2001).

При подготовке анкеты мы исходили из понимания эффекта когерентности как цельного явления, когда сама среда существования человека функционально ориентирована на обеспечение здоровьесбережения (Хальфин и др., 2024). И тогда главное функциональное требование здравоохранения — эффективное медицинское сопровождение пациентов (безусловно, с учетом современной кадровой ситуации в здравоохранении) в координации со средой существования (а точнее, материально-технической базой учреждения) обеспечат минимальные по риск-фактору для здоровья пациентов лечебно-оздоровительные процедуры, ограничение и контроль за внутрибольничной инфекцией и т. д.

Безусловно, при таком восприятии синергического эффекта здравоохранения, как системы поддержания и укрепления здоровья, большое значение приобретает комплекс архитектурно-планировочных решений как в интерьере, так и в экстерьере, прицельно направленных на повышение жизненных ресурсов человека.

В таблице 1 приведены приоритетные вопросы (по закрытому типу) анкеты для оценки основными группами опрошенных лиц достижения возможного эффекта когерентности при заявленной реализации салютогенеза (Дизайна) в медицинских учреждениях Свердловской области.

Многие вопросы в анкете фактически дублируют друг друга, пусть и в измененной редакции. Это сделано для уточнения искренности и объективности респондентов в части более полного понимания отношения к реализации салютогенеза в медико-социальных учреждениях Свердловской области.

Как видно из приоритетных мнений, приведенных в таблице 1, опрошенных людей беспокоят вопросы обеспечения безопасности и возможности соблюдения санитарно-эпидемиологических требований применительно к перинатальным центрам, которые изложены в санитарных правилах СП 2.1.3678-20¹, поскольку в родильных домах (отделениях), перинатальных центрах возможен прием рожениц с подозрением на инфекционные заболевания или появление иных риск-факторов (недостаточность персонала, нарушение порядка и медицинской технологии предоставления помощи, нарушение стандартов оснащения и пр.).

Формирование массива конкретных приоритетных мнений при опросе во многом подогрело сообщения СМИ о смерти девяти новорожденных в Кемеровской области^{2, 3}, поэтому опрошенные лица четко формируют запрос на безопасность

¹ Санитарные правила СП 2.1.3678-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к эксплуатации помещений, зданий, сооружений, оборудования и транспорта, а также условиям деятельности хозяйствующих субъектов, осуществляющих продажу товаров, выполнение работ или оказание услуг» (зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2020 №61953). https://sudact.ru/law/postanovlenie-glavnogo-gosudarstvennogo-sanitarnogo-vracha-rf-ot_1363/ (дата обращения: 14.01.2026).

² «Утром — здоров, вечером — мертв»: почему в главном роддоме Новокузнецка погибли девять младенцев <https://dzen.ru/a/aWYN7oKtrj69ZswN> (дата обращения: 14.01.2026).

³ Человечности нет? Откровения экс-сотрудника роддома, где погибли 9 младенцев. <https://kuzbass.aif.>

Таблица 1

Таблица оценки мнений по группам населения о реализации концепции салютогенеза в медицинских учреждениях Свердловской области (с удельным весом учета приоритетных мнений)

Вопросы	Граждане (n = 143)			Медики (n = 46)			Всего (n = 189)		
	да	нет	не знаю	да	нет	не знаю	да	нет	не знаю
1. Приоритет для региона: медицинские кадры или дизайн учреждений?	130 91 %	6	7	43 93,4 %	—	3	173 91,5 %	6	10
2. Дизайн приоритетен для роддома?	18	98 68,5 %	27	6	38 82,6 %	2	24	136 71,9 %	29
3. Дизайн приоритетен для паллиативного учреждения?	116 81,1 %	7	20	43 93,4 %	—	3	159 84,1 %	7	23
4. Дизайн позволяет обеспечить безопасность среды в ЛПУ?	32	90 62,9 %	21	—	35 76,1 %	11	32	125 66,1 %	32
5. Дизайн помогает позитиву пациента?	97 67,8 %	12	34	31 67,4 %	9	6	128 67,7 %	21	40
6. Дизайн помогает пациенту справиться с болезнью?	102 71,3 %	12	29	29 63 %	5	12	131 69,3 %	17	41
7. Дизайн позволяет увеличить продолжительность жизни?	82 57,3 %	32	29	26 56,5 %	6	14	108 57,1 %	38	43
8. Дизайн создает проблемы для медперсонала?	116 81,1 %	6	24	40 86,9 %	2	4	156 82,5 %	8	28
9. Дизайн создает проблемы для противоэпидемической безопасности?	120 83,9 %	3	20	43 93,4 %	—	3	163 86,2 %	3	23
10. Для ЛПУ сегодня важно:									
чистота	140 97,9 %	—	3	42 91,3 %	—	4	182 96,2 %	—	7
безопасность	139 97,2 %	—	4	44 95,6 %	—	2	183 96,8 %	—	6
достаточность персонала	135 94,4 %	6	2	45 97,8 %	—	1	180 95,2 %	6	3

среды и укомплектованность персонала, а не на внешние факторы. Ведь в условиях недостаточности персонала, особенно санитарок, функции которых «делегированы» среднему медицинскому персоналу, не в полном объеме будет обеспечено выполнение такого простого требования, как «влажная уборка помещений (обработка полов, мебели, оборудования, подоконников, дверей)». Она должна осуществляться не менее двух раз в сутки с использованием моющих и дезинфицирующих средств.

Важно отметить и такой момент, который регламентирован отраслевым нормативным документом — приказом Министерства здравоохранения РФ от 20.10.2020 г. № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология»¹, исполнение которого должно обеспечивать медицинскую технологическую безопасность.

Таким образом, восприятие населением Свердловской области заявлений должностных лиц региона о подходах к повышению рождаемости в регионе через реализацию концепции салютогенного дизайна является достаточно критичным.

Заключение

Правительство всеми силами стремится стимулировать рождаемость: увеличение материнского капитала, пособий, введение выплат беременным школьницам и студенткам, введенные в 2025 году.

Сегодня, когда губернаторы регионов настроены только на то, чтобы давать 100–200 тыс. рублей для того, чтобы молодые студентки рожали, — это не решение демографической проблемы, а малоэффективный ключевой показатель эффективности губернатора или KPI (Key Performance Indicators), который лишь позволяет губернатору остаться (как минимум) на том рейтинговом месте, которое он занимает, или повысить (как максимум) этот рейтинг.

Ради этого и делаются всякие вбросы в информационное пространство, рассказы чиновников о своих идеях в этом плане и «жизнерадостные» заявления и обещания, мало имеющие основания для достижения желаемого результата², прежде всего как некая мотивация в части повышения воспроизводства населения Свердловской области.

При этом падение суммарного коэффициента рождаемости, то есть числа детей на семью, в регионе продолжается.

Критичность такого восприятия действий чиновников отмечается не только по результатам проведенного анкетирования, но и по реакциям и обсуждению читателей на приведенные новостийные публикации³.

Безусловно, все подобные действия не про демографию, не про семью и не про женщину, а про симуляцию демографической политики — чиновники не знают, что делать с низкой рождаемостью, никто из них не хочет разбираться в проблеме и заниматься ее решением.

Реализация салютогенеза, по мнению опрошенных нами людей, сегодня наиболее приоритетна, может быть, в первую очередь для учреждений паллиативной помощи и хосписов, т. к. позволит действительно достичь выраженный эффект когерентности — преодоление человеком текущей немощи и болезни, что потенциально связано с увеличением срока дожития.

¹ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20.10.2020 г. № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология». <https://sudact.ru/law/prikaz-minzdravavrossii-ot-20102020-n-1130n/> (дата обращения: 14.01.2026).

² В родильных домах появятся «золотые» палаты: Татьяна Савинова презентовала новый формат родовых комнат URL: <https://www.e1.ru/text/health/2025/11/20/76131227/> (дата обращения: 29.10.2025).

³ «Сима-ленд» изменит дизайн восьми клиник для беременных. Рендеры царских и античных родовых палат URL: <https://66.ru/news/entertainment/286237/> (дата обращения: 19.01.2026).

Список литературы

Громова, А. С., Литвинова, О. Г. (2021). Проектирование хосписов в концепции салютогенеза. *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*, 23(2), 9–23. <https://doi.org/10.31675/1607-1859-2021-23-2-9-23>

Клочко, А. Р. (2024). Предпосылки развития и тенденции в архитектуре хосписов Китая. *Строительство: наука и образование*, 14(3), 57–69. <https://doi.org/10.22227/2305-5502.2024.3.57-69>

Клочко, А. Р., & Ясенецкая, И. Г. (2020). Современные тенденции в архитектурном проектировании хосписов. *Строительство: наука и образование*, 10(2), 1–18. <https://doi.org/10.22227/2305-5502.2020.2.2>

Твилле, П. С., Севаян, Л. Г., Трункова, К. С. (2025). От теории к практике: историческое развитие понятия «салютогенез» и внедрение салютогенного дизайна в медицинские организации в контексте повышения пациентоориентированности. *Здоровье мегаполиса*, 6(1), 108–118. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i1>

Хальфин, Р. А., Мадьянова, В. В., Татаринова, Т. А., Твилле, П. С. (2024). Салютогенный дизайн как технология здоровьесбережения: перспективы внедрения в систему общественного здравоохранения. *Здоровье мегаполиса*, 5(1), 16–28. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i1>

Antonovsky, A. (1967). Breakdown: A needed fourth step in the conceptual armamentarium of modern medicine. *Social Science & Medicine*, 6(5), 537–544. [https://doi.org/10.1016/0037-7856\(72\)90070-4](https://doi.org/10.1016/0037-7856(72)90070-4)

Antonovsky, A. (1979). *Health, stress and coping*. Jossey-Bass, 255. <https://archive.org/details/healthstresscopi00antorich/page/n1/mode/2up> (Accessed: 01.02.2026).

Antonovsky, A. (1996). The salutogenic model as a theory to guide health promotion. *Health Promotion International*, 11(1), 11–18. <https://www.femteconline.org/TECH-REPORTS/Salutogenesis.pdf> (Accessed: 01.02.2026).

Calhoun, J. B. (1970). Population density and social pathology. *California Medicine*, 113(5), 54–58. PMID: 18730425 PMCID: PMC1501789

Dancer, S. J. (2004). How do we assess hospital cleaning? A proposal for microbiological standards for surface hygiene in hospitals. *Journal of Hospital Infection*, 56(1), 10–15. <https://doi.org/10.1016/j.jhin.2003.09.017>

Devlin, A. S. (1992). Psychiatric ward renovation: Staff perception and patient behavior. *Environment and Behavior*, 24(1), 66–84.

Dilani, A. (2005). A new paradigm of design and health in hospital planning. *World Hospitals and Health Services*, 41(4), 17–21. PMID: 16512058

Salmivalli, C. (2001). Feeling good about oneself, being bad to others? Remarks on self-esteem, hostility, and aggressive behavior. *Aggression and Violent Behavior*, 6(4), 375–393. [https://doi.org/10.1016/S1359-1789\(00\)00012-4](https://doi.org/10.1016/S1359-1789(00)00012-4)

References

Antonovsky, A. (1967). Breakdown: A needed fourth step in the conceptual armamentarium of modern medicine. *Social Science & Medicine*, 6(5), 537–544. [https://doi.org/10.1016/0037-7856\(72\)90070-4](https://doi.org/10.1016/0037-7856(72)90070-4)

Antonovsky, A. (1979). *Health, stress and coping*. Jossey-Bass, 255. <https://archive.org/details/healthstresscopi00antorich/page/n1/mode/2up> (Accessed: 01.02.2026).

Antonovsky, A. (1996). The salutogenic model as a theory to guide health promotion. *Health Promotion International*, 11(1), 11–18. <https://www.femteconline.org/TECH-REPORTS/Salutogenesis.pdf> (Accessed: 01.02.2026).

Calhoun, J. B. (1970). Population density and social pathology. *California Medicine*, 113(5), 54–58. PMID: 18730425 PMCID: PMC1501789

Dancer, S. J. (2004). How do we assess hospital cleaning? A proposal for microbiological standards for surface hygiene in hospitals. *Journal of Hospital Infection*, 56(1), 10–15. <https://doi.org/10.1016/j.jhin.2003.09.017>

Devlin, A. S. (1992). Psychiatric ward renovation: Staff perception and patient behavior. *Environment and Behavior*, 24(1), 66–84.

Dilani, A. (2005). A new paradigm of design and health in hospital planning. *World Hospitals and Health Services*, 41(4), 17–21. PMID: 16512058

Gromova, A. S., & Litvinova, O. G. (2021). Salutogenesis concept for hospice design. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Arkhitekturno-Stroitel'nogo Universiteta. Journal of Construction and Architecture*, 23(2), 9–23. <https://doi.org/10.31675/1607-1859-2021-23-2-9-23> (In Russ.)

Khalfin, R. A., Mad'ianova, V. V., Tatarinova, T. A., & Tville, P. S. (2024). Salutogenic design as health preservation technology: prospects for implementation in public health. *Zdorov'e megapolisa [City-Healthcare]*, 5(1), 16–28. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i1> (In Russ.)

Klochko, A. R. (2024). Development background and trends in hospice architecture in China. *Stroitel'stvo: nauka i obrazovanie [Construction: Science and Education]*, 14(3), 57–69. <https://doi.org/10.22227/2305-5502.2024.3.57-69> (In Russ.)

Klochko, A. R., & Iasenetskaia, I. G. (2020). Modern trends in architectural design of hospices. *Stroitel'stvo: nauka i obrazovanie [Construction: Science and Education]*, 10(2), 1–18. <https://doi.org/10.22227/2305-5502.2020.2.2> (In Russ.)

Salmivalli, C. (2001). Feeling good about oneself, being bad to others? Remarks on self-esteem, hostility, and aggressive behavior. *Aggression and Violent Behavior*, 6(4), 375–393. [https://doi.org/10.1016/S1359-1789\(00\)00012-4](https://doi.org/10.1016/S1359-1789(00)00012-4)

Tville, P. S., Sevanyan, L. G., & Trunkova, K. S. (2025). From theory to practice: the historical development of salutogenesis and its implementation in medical settings as an element of patient-centered care. *Zdorov'e megapolisa [City-Healthcare]*, 6(1), 108–118. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i1> (In Russ.)

Смородова Надежда Игоревна — студент, Уральский государственный медицинский университет Минздрава России (Российская Федерация, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3; e-mail: garda_n@inbox.ru).

Струин Николай Львович — кандидат медицинских наук, доцент, Уральский государственный медицинский университет; старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, <http://orcid.org/0000-0002-4843-601X> (Российская Федерация, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3; 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: struin.nl@uiecr.ru).

Nadezhda I. Smorodova — student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Ural State Medical University of the Ministry of Health of Russia (3, Repina St., 620028, Ekaterinburg Russian Federation; e-mail: garda_n@inbox.ru).

Nikolay L. Struin — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Ural State Medical University; Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, <http://orcid.org/0000-0002-4843-601X> (3, Repina St., 620028, Ekaterinburg; st. 29, Moskovskaya, 620014, Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: struin.nl@uiecr.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that there is no conflict of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 614.2

JEL classification: I18; J11; O18

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-7-9>

Здравоохранение в демографически изменяющемся обществе: от кризисных тенденций к устойчивым решениям¹

Э. Р. Шарипова ^а, Н. Л. Большакова ^б

^а Уфимский университет науки и технологий (г. Уфа, Россия).

<https://orcid.org/0009-0005-4075-9489>

^б Уфимский университет науки и технологий (г. Уфа, Россия).

<https://orcid.org/0000-0001-5202-0642>

Автор для корреспонденции: Э. Р. Шарипова (capitankieraku@gmail.com).

Аннотация. В статье анализируются теоретико-методологические основания и практические возможности трансформации системы здравоохранения в контексте демографических изменений, обусловленных процессами старения населения, модификацией структуры заболеваемости и возрастающим институциональным давлением на медицинскую и социальную сферы. Обосновывается, что современные научные и управленческие подходы отражают сдвиг от преимущественно реактивных стратегий преодоления кризисных явлений к формированию устойчивых, профилактически ориентированных и междисциплинарных моделей организации здравоохранения, базирующихся на принципах долгосрочного стратегического планирования, доказательной политики и оптимизации распределения ресурсов. Показано, что результативность данных моделей определяется степенью согласованности демографического анализа, институциональных преобразований и внедрения инновационных управленческих и организационных механизмов, направленных на поддержание и укрепление общественного здоровья в условиях структурной трансформации современного общества.

Ключевые слова: здравоохранение; демографические изменения; старение населения; общественное здоровье.

Healthcare in a Demographically Transforming Society: from Crisis Trends to Sustainable Solutions

E. Sharipova ^а, N. Bolshakova ^б

^а Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia).

<https://orcid.org/0009-0005-4075-9489>

^б Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia).

<https://orcid.org/0000-0001-5202-0642>

Corresponding author: E. Sharipova (capitankieraku@gmail.com)

Abstract. The article examines the theoretical and methodological foundations, as well as the practical opportunities, for transforming the healthcare system in the context of demographic change driven by population ageing, shifts in morbidity patterns, and increasing institutional pressure on medical and social sectors. It is argued that contemporary scientific and governance approaches reflect a transition from predominantly reactive strategies aimed at managing crisis phenomena toward the development of sustainable, prevention-oriented, and interdisciplinary models of healthcare organization. These models are grounded in principles of long-term strategic planning, evidence-based policy, and the optimization of resource allocation. The study demonstrates that the effectiveness of such models depends on the degree of coherence

¹ Шарипова Э. Р., Большакова Н. Л. Текст. 2026.

between demographic analysis, institutional transformation, and the implementation of innovative managerial and organizational mechanisms designed to maintain and strengthen public health amid the structural transformation of modern society.

Keywords: healthcare; demographic change; population ageing; public health.

Введение

Демографические трансформации в современном обществе все в большей степени осмысляются не как второстепенный фон социальных изменений, а как фундаментальный структурный фактор, последовательно модифицирующий институциональные контуры государства, режимы солидарности, конфигурации социальных рисков и нормативные ожидания граждан. В данном контексте система здравоохранения выступает одной из наиболее чувствительных и уязвимых сфер общественного устройства: именно здесь демографическая динамика наиболее отчетливо проявляется в виде возрастающего давления на инфраструктуру, изменения эпидемиологического профиля заболеваемости, перераспределения ресурсов и усложнения этических дилемм. При этом формирующаяся напряженность не сводится к проблематике «недостатка финансирования» или «дефицита кадров». Скорее, она отражает более глубокое противоречие между исторически сложившейся логикой функционирования института здравоохранения и новой социальной реальностью, формируемой старением населения, снижением рождаемости, ростом хронической заболеваемости, а также трансформацией моделей семейной поддержки и неформальной заботы. Е. С. Ремесник, А. А. Ладыгин отмечают, что не только экономический уровень развития влияет на здоровье, но и здоровье влияет на экономику. Имея хорошее здоровье, хочется работать, творить, развиваться, что в свою очередь повышает качество жизни и, как следствие, ее уровень (Ремесник & Ладыгин, 2023).

В социологической перспективе здравоохранение целесообразно рассматривать как специфическую форму институционализированной заботы, реализующую одновременно медицинские, социальные и символические функции. Медицинская функция связана с лечением и профилактикой заболеваний; социальная — с воспроизводством трудоспособности, снижением социальной уязвимости и поддержанием жизненных шансов; символическая — с воспроизводством доверия к государству и формированием ощущения защищенности в условиях неопределенности. Демографические изменения усиливают нагрузку на каждую из указанных функций и одновременно повышают вероятность их взаимной несогласованности. Так, расширение доступности медицинской помощи может вступать в противоречие с потребностью в длительном и индивидуализированном сопровождении пациентов старших возрастных групп; ориентация на высокотехнологичные решения — с задачей обеспечения равного доступа; приоритет экономической эффективности — с ожиданиями социальной справедливости и нормативными требованиями к гуманистическому характеру медицинской помощи. Так, А. В. Лядова отмечает, что основным трендом изменений на межличностном уровне выступает переход к индивидуальной модели коммуникации вследствие активного расширения медицинских платформ и сетевизации (Лядова, 2023).

Теоретические подходы к анализу здравоохранения в условиях демографически изменяющегося общества развиваются по нескольким направлениям.

В рамках институциональной социологии подчеркивается, что устойчивость системы определяется не только объемом доступных ресурсов, но и способностью правил, норм и организационных практик адаптироваться к долгосрочным структурным сдвигам. В традиции социологии риска аналитический акцент смещается на то, каким образом общество перераспределяет вероятность заболеваний и сопряженных с ними потерь, конструируя механизмы страхования, компенсации и социальной защиты. В концепциях социального государства здравоохранение трактуется как ядро публичной заботы, а кризисы в данной сфере интерпретируются как индикаторы изменения границ ответственности между государством, рынком и семьей. Одновременно критические направления обращают внимание на риск редукции демографических изменений до универсального объяснительного ресурса, используемого для легитимации сокращения обязательств государства: риторика «неизбежного старения» в таком случае становится инструментом нормализации ограничительных мер и снижения нормативных стандартов публичной ответственности.

Актуальность теоретического рассмотрения данной проблематики обусловлена тем, что демографические изменения обладают кумулятивным характером: разворачиваясь постепенно, они формируют системные последствия, отличающиеся высокой инерционностью и ограниченной обратимостью. По мнению А.И. Яшук, если система здравоохранения реагирует на них преимущественно в режиме краткосрочного «ремонта», принимаемые решения нередко оказываются фрагментарными, воспроизводят либо усиливают социальные неравенства и, в конечном счете, подрывают доверие населения к институтам публичной заботы (Яшук, 2024).

Для адекватного анализа ситуации необходима концептуальная основа, способная объединить несколько уровней рассмотрения. Эта основа должна охватывать макроуровень (структуру институтов и распределение ответственности), мезоуровень (режимы управления и организационные практики) и микроуровень (повседневные стратегии заботы о здоровье и взаимодействие между врачом и пациентом). Только такой многоуровневый подход позволит не просто зафиксировать признаки кризиса, но и выявить глубинные механизмы, которые его поддерживают, что, в свою очередь, послужит основой для разработки принципов по-настоящему устойчивых решений.

В качестве центральной исследовательской проблемы в настоящей работе формулируется следующий вопрос: каким образом демографические изменения трансформируют социальные функции здравоохранения, и какие теоретические основания позволяют мыслить устойчивость системы не как сохранение прежних форм, а как адаптивную способность института поддерживать справедливость, доверие и эффективность в условиях долговременного структурного давления? Логика статьи выстраивается вокруг предположения, согласно которому устойчивые решения в здравоохранении формируются не посредством простого наращивания ресурсов или внедрения отдельных управленческих технологий, а через переопределение институциональных границ ответственности, укрепление связности между уровнями медицинской помощи и развитие профилактической рациональности, учитывающей социальные детерминанты здоровья. Ожидаемый результат теоретического анализа состоит в уточнении критериев,

позволяющих определить, какие направления реформирования могут быть признаны устойчивыми в социологическом смысле, то есть способными снижать воспроизводство кризисов, а не только компенсировать их последствия.

Обзор литературы

В теоретическом осмыслении здравоохранения в условиях демографически трансформирующегося общества принципиальное значение приобретают исследования, позволяющие фиксировать не только непосредственные организационно-управленческие дисфункции системы, но и выявлять глубинные социальные механизмы, воспроизводящие кризисные тенденции. В этом контексте продуктивной аналитической оптикой выступает социология риска, поскольку демографическое старение связано не только с количественным ростом потребности в медицинской помощи, но и с качественным преобразованием структуры неопределенностей, с которыми сталкиваются как население, так и государственные институты.

Ключевая теоретическая концепция для анализа позднего модерна, сформулированная Ульрихом Беком в работе «Общество риска: на пути к другому модерну», основана на утверждении, что современность теперь институционально выстраивается вокруг рисков. Это означает, что механизмы, отвечающие за производство, распределение и управление этими рисками, стали доминировать над традиционными моделями, основанными на распределении богатства и ресурсов (Бек, 2000). Риск в данной перспективе трактуется как социально конструируемая вероятность ущерба, возникающая вследствие технологического развития, усложнения социальной организации и усиления взаимозависимостей. Применительно к демографическим изменениям данная логика позволяет интерпретировать старение населения как процесс, трансформирующий не только масштаб нагрузки на систему здравоохранения, но и нормативную основу ее регулирования. В этих условиях система вынуждена смещаться от реактивного реагирования на отдельные заболевания к управлению распределенными, долгосрочными и кумулятивными рисками, связанными с хроническими состояниями, инвалидизацией и потребностью в длительном сопровождении.

Если подход Бека задает общий горизонт анализа, то концептуализация социального неравенства в здоровье позволяет уточнить, почему демографические трансформации оказывают асимметричное воздействие на различные группы населения. В этом отношении показательной является работа Майкла Мармота «Разрыв в здоровье: вызов неравного мира. Аргументация», в которой последовательно разворачивается идея социальных детерминант здоровья — условий жизни, труда и доступа к ресурсам, определяющих вероятность заболевания, динамику его течения и качество получаемой медицинской помощи (Marmot, 2017). Мармот демонстрирует, что различия в исходах здоровья обусловлены не только собственно медицинскими факторами, но и социальным положением индивидов и групп: уровнем дохода, образованием, жилищными условиями, характером занятости, доступностью инфраструктуры и возможностями контроля над собственной жизненной траекторией. Суть этого теоретического вывода заключается в том, что система здравоохранения, ориентированная в основном на лечение, не может устранить корневые, структурные причины неравенства. Причина

кроется в том, что эти источники находятся вне сферы действия клинической практики. Для проблематики демографически изменяющегося общества это обстоятельство приобретает особую значимость: старение оказывается социально стратифицированным, то есть включается в жизненный опыт людей неравномерно — в зависимости от накопленных ресурсов, условий труда и качества социальной среды. Следовательно, устойчивость здравоохранения должна мыслиться в межсекторной логике, опирающейся не только на медицинские интервенции, но и на социальную поддержку, инфраструктуру ухода и целенаправленное снижение неравенств в качестве жизни.

Переход от общего объяснительного уровня к более операциональному уровню теоретического проектирования особенно отчетливо проявляется в работе Джеффри Роуза «Больные индивиды и больные популяции» (Rose, 2001). Роуз вводит различие между стратегией высокого риска, ориентированной на выявление и лечение индивидов с повышенной вероятностью заболевания, и популяционной стратегией, предполагающей снижение факторов риска на уровне всей совокупности населения. В его логике индивидуальная профилактика является необходимой, однако принципиально ограниченной: она не способна радикально изменить общую картину заболеваемости, если социальная среда продолжает массово и регулярно воспроизводить риски. Именно поэтому популяционная профилактика рассматривается как ключевой механизм устойчивого снижения заболеваемости. В контексте демографического старения данная концепция приобретает особую актуальность, поскольку хронические заболевания и возраст-ассоциированные риски требуют не только клинического контроля, но и структурных мер, поддерживающих здоровье на протяжении всей жизненной траектории. Иными словами, речь идет о смещении акцента от эпизодического лечения к управлению траекториями здоровья, где профилактика выступает не моральным призывом к индивидуальной самодисциплине, а институционально обеспеченной системой предотвращения осложнений и поддержания функциональной самостоятельности.

Следует подчеркнуть, что обсуждение устойчивых решений в сфере здравоохранения затруднительно без анализа более широкого институционального контекста социального государства, поскольку именно он задает границы ответственности государства, рынка и семьи. В этом отношении фундаментальной остается работа Гёсты Эспинг-Андерсена «Три мира капиталистического государства всеобщего благосостояния», в которой предложена типология режимов благосостояния — либерального, консервативно-корпоративистского и социал-демократического (Esping-Andersen, 1990). Автор показывает, что различия между ними проявляются не только в объемах социальной поддержки, но и в способах институционального закрепления прав граждан, механизмах перераспределения и воспроизводстве социального неравенства. Для социологии здравоохранения данная рамка важна тем, что позволяет увидеть — устойчивость медицинской системы не является универсальной технической задачей, одинаково решаемой в любых национальных условиях. Напротив, она определяется тем, в каком «мире благосостояния» функционирует общество, какие формы универсализма признаются легитимными, какие механизмы приоритизации считаются допустимыми и насколько приемлемы компенсаторные меры, направленные на поддержку

уязвимых групп. Стоит отметить, что тем самым концепция Эспинг-Андерсена позволяет теоретически связать демографическое старение с проблематикой справедливости и легитимности, демонстрируя, что устойчивые решения в здравоохранении неизбежно опираются на более широкий общественный договор о пределах социальной ответственности.

В совокупности рассмотренные работы формируют связный теоретический каркас, позволяющий анализировать здравоохранение в демографически изменяющемся обществе не как изолированную отрасль, а как социальный институт, одновременно управляющий рисками, воспроизводящий либо сглаживающий неравенства, определяющий границы социальной справедливости и адаптирующийся к изменению структуры населения. В силу этого переход от кризисных тенденций к устойчивым решениям следует интерпретировать не как набор разрозненных реформ, а как институциональную адаптацию, в рамках которой профилактика, координация и социальная поддержка выступают не вспомогательными элементами, а центральной логикой функционирования системы.

Материалы и методы

Поскольку статья имеет преимущественно теоретико-аналитический характер, в качестве ее материала выступают концептуальные модели и исследовательские традиции социологии здравоохранения, демографии и социальной политики. Методологическая рамка работы основана на принципе аналитического синтеза, предполагающем сопоставление, критическую интерпретацию и согласование различных теоретических перспектив, каждая из которых акцентирует отдельное измерение рассматриваемой проблемы. Применение данного подхода позволяет избежать редукционизма, при котором демографические трансформации объясняются исключительно экономическими факторами, а кризисные явления в здравоохранении интерпретируются преимущественно как следствие управленческих просчетов.

В качестве базового методологического основания используется институциональный анализ, рассматривающий здравоохранение как относительно устойчивую систему правил, норм и практик, регулирующих распределение медицинских услуг, закрепление статусов профессиональных групп и формирование ожиданий граждан. В рамках данного подхода ключевое значение приобретает понятие институциональной устойчивости — способности института сохранять свои социальные функции в условиях изменения внешней среды. В отличие от узкотехнических трактовок устойчивости (например, как финансовой сбалансированности), социологическое понимание включает поддержание легитимности, доверия и предсказуемости институционального порядка.

Дополнительной теоретической опорой выступает социология риска, позволяющая концептуализировать здоровье как сферу управляемых неопределенностей. Риск в данном контексте определяется как вероятность наступления неблагоприятных событий (заболевания, инвалидизации, преждевременной смертности), распределенная социально неравномерно и структурно связанная с условиями жизни. Демографические изменения, увеличивая долю групп с повышенными рисками, трансформируют механизмы социальной защиты и актуализируют новые

конфликты справедливости, связанные с распределением ресурсов и доступом к медицинской помощи. Так, Г.О. Нишнианидзе и М.Д. Черкашин отмечают, что большинство неопределенных событий, вызывающих риск, полностью прогнозируемы и контролируются, однако устранить их невозможно. В таких условиях неопределенность выступает конструирующим признаком, то есть продуцирует риски, влияющие на все сферы общественной жизни (Нишнианидзе & Черкашин, 2022).

Наконец, в работе используются элементы структурно-функционального анализа, позволяющие рассматривать здравоохранение как подсистему общества, выполняющую одновременно интегративные и компенсаторные функции. Это методологически значимо для объяснения того, почему кризисы в сфере здравоохранения нередко быстро перерастают в кризисы доверия: они затрагивают не только непосредственные практики оказания медицинской помощи, но и более широкие ожидания граждан относительно социальной роли государства и гарантий общественного благополучия.

Ограничения выбранного подхода обусловлены тем, что теоретический анализ не ставит своей целью измерение конкретных показателей эффективности, качества или доступности медицинской помощи. Вместо этого он ориентирован на выявление институциональных логик и структурных противоречий, которые обеспечивают устойчивость и воспроизводимость кризисных тенденций. Такой исследовательский выбор представляется оправданным, поскольку демографические изменения относятся к категории «длинных процессов», а их последствия не сводятся к краткосрочным статистическим колебаниям и требуют интерпретации в более широком социально-историческом контексте.

Результаты

Демографически трансформирующееся общество целесообразно рассматривать как социальную структуру, в рамках которой изменяется не только численное соотношение возрастных когорт, но и конфигурация потребностей, жизненных стратегий и нормативных ожиданий. Старение населения означает увеличение доли людей, для которых здоровье перестает быть эпизодическим вопросом и становится устойчивым измерением повседневности. Вследствие этого система здравоохранения вынуждена адаптироваться к новым условиям: ее функциональная задача смещается в сторону длительного сопровождения, профилактики осложнений и поддержания качества жизни, а не исключительно купирования острых состояний.

В данном контексте проявляется принципиально значимый институциональный сдвиг. Исторически доминирующая модель здравоохранения во многих обществах формировалась вокруг логики лечения и восстановления, тогда как актуальная демографическая реальность требует логики поддержки, мониторинга и управления хроническими состояниями. С социологической точки зрения этот переход может быть интерпретирован как смена парадигмы медицинской помощи — от краткосрочной к длительной, от событийной к процессуальной. Он затрагивает организацию медицинского труда, механизмы финансирования, распределение компетенций между уровнями оказания помощи, а также символический статус пациента. Если пациент «острого случая» нередко воспринимается

как временный объект вмешательства, то пациент с хроническим заболеванием становится постоянным участником системы, нуждающимся в координации, последовательности и межуровневом взаимодействии. По мнению исследователей М.Д. Тинасилова и А.Р. Уркумбаевой, в рамках модели здравоохранения крайне важно создание эффективной системы мотивации пациента, формирующей его ответственность за собственное здоровье и стимулирующей здоровый образ жизни (Тинасилов & Уркумбаева, 2021).

Демографические изменения одновременно усиливают напряжение между различными социальными функциями здравоохранения. С одной стороны, институт призван обеспечивать доступность и универсальность медицинской помощи, поддерживая нормативную идею равных жизненных шансов. С другой стороны, он сталкивается с необходимостью приоритизации, поскольку ресурсы ограничены, а совокупный объем потребностей возрастает. В этой точке формируются кризисные тенденции, которые нередко ошибочно трактуются как следствие управленческих ошибок, хотя в действительности они отражают структурный конфликт между универсализмом и селективностью распределения медицинских благ.

Кризис здравоохранения в демографически трансформирующемся обществе часто описывается как исключительное состояние, требующее экстренных мер. Однако теоретический анализ позволяет утверждать, что кризис способен приобретать форму устойчивого режима функционирования. Под устойчивым кризисом следует понимать состояние системы, при котором напряжение не устраняется посредством отдельных реформ, а воспроизводится на новом уровне, принимая различные институциональные формы: рост очередей, перегрузку первичного звена, снижение доверия, а также конфликты вокруг доступности высокотехнологичной помощи.

Причина этого заключается в том, что демографические изменения не действуют как единичный фактор. Они усиливают взаимосвязанные процессы: рост хронической заболеваемости, увеличение потребности в долговременном уходе, усложнение клинических маршрутов, расширение ожиданий населения в отношении медицинских услуг. Одновременно трансформируются формы социальной поддержки: семьи сокращаются по размеру, межпоколенческие связи могут ослабевать, а нагрузка по уходу за пожилыми перераспределяется между родственниками, рынком и государством. В результате здравоохранение начинает выполнять функции, частично выходящие за пределы его классической компетенции, но социально воспринимаемые как «обязанность системы» и включаемые в поле общественных требований.

Важным итогом теоретического рассмотрения является вывод о том, что кризисные тенденции в здравоохранении не могут быть объяснены исключительно дефицитом ресурсов. Даже при увеличении финансирования система способна сохранять нестабильность, если воспроизводится разрыв между институциональными ожиданиями и реальными практиками. Так, при официальной декларации пациентоориентированности, но сохранении формально-бюрократической организационной культуры возникает эффект символической модернизации без трансформации повседневных взаимодействий. Подобный разрыв снижает доверие и превращает реформы в источник дополнительного напряжения, а не в механизм стабилизации.

По мнению С.Е. Ячина и В.В. Карпунковой, институт медицины находится в состоянии кризиса, который не следует приравнять к полному краху. Этот кризис, скорее, является призывом к действию: система государственного здравоохранения должна адаптироваться, изменив свои классические подходы и условия оказания помощи (Ячин & Карпункова, 2022). Демографически трансформирующееся общество актуализирует потребность в переходе от модели «реакции на болезнь» к модели «управления траекториями здоровья». Под траекторией здоровья в данном случае понимается последовательность состояний человека во времени, включающая периоды относительного благополучия, ухудшения, стабилизации и восстановления. В условиях роста хронических заболеваний ключевой задачей становится удержание траекторий в зоне устойчивости, предотвращение осложнений и сохранение автономии индивида.

Реализация данного подхода предполагает укрепление первичного звена, развитие профилактики и институционализацию координации между уровнями медицинской помощи. Однако социологически важно подчеркнуть, что профилактика не может быть сведена к индивидуальной дисциплине и моральному самоконтролю. Она требует инфраструктурных и организационных условий, делающих профилактическое поведение социально осуществимым. Когда профилактика превращается в нормативный призыв без механизмов поддержки, она становится источником стигматизации: ответственность переносится на индивида, тогда как структурные причины ухудшения здоровья остаются вне аналитического и политического внимания.

Отметим, что управление траекториями здоровья предполагает иную модель взаимодействия врача и пациента. В ситуации хронических состояний пациент выступает не пассивным объектом лечения, а активным участником процесса, принимающим решения, соблюдающим режим, отслеживающим симптомы и интерпретирующим изменения состояния. В этих условиях особое значение приобретает коммуникация, поскольку длительное сопровождение невозможно без доверия, согласования ожиданий и взаимного понимания. Следовательно, устойчивые решения включают развитие коммуникативной компетентности системы здравоохранения — ее способности объяснять, договариваться и поддерживать пациента в длительной перспективе, а не ограничиваться назначением медицинских вмешательств.

Обсуждение

Полученные теоретические результаты позволяют предложить альтернативную интерпретацию кризисных тенденций в сфере здравоохранения в контексте демографически трансформирующегося общества. Кризис в данном случае следует рассматривать не как случайное отклонение от нормативного состояния системы, а как структурно детерминированную форму проявления несоответствия между исторически сложившейся институциональной моделью и изменившимися параметрами социальной реальности. Демографические сдвиги — прежде всего старение населения и увеличение распространенности хронических заболеваний — объективно усиливают потребность в длительном сопровождении пациентов, развитии профилактических практик и обеспечении устойчивой

межорганизационной координации. Вместе с тем значительная часть национальных систем здравоохранения продолжает функционировать в логике эпизодического лечения, фрагментированного управления и слабой связности уровней оказания помощи. Возникающее противоречие воспроизводит системную перегрузку, снижает институциональное доверие и усиливает социальные неравенства в доступе к медицинским услугам и различия в их качестве.

Принципиальное значение для дальнейшего анализа имеет уточнение содержания понятия устойчивости. Если устойчивость интерпретируется преимущественно как финансовая сбалансированность, управленческие решения закономерно сводятся к мерам бюджетного ограничения, усилению контроля, стандартизации и повышению административной управляемости. Однако в социологическом измерении устойчивость предполагает не только ресурсную обеспеченность, но и воспроизводство справедливости, легитимности и социальной приемлемости института. Система может сохранить финансовое равновесие, оставаясь при этом социально нестабильной, если население воспринимает ее как несправедливую, недоступную либо дискриминирующую. Напротив, система может испытывать значительное ресурсное давление, но сохранять устойчивость за счет высокого уровня доверия, прозрачности регулятивных процедур и эффективной координации между ключевыми акторами.

Учитывая демографические изменения, которые объективно порождают запрос на пересмотр распределения ресурсов и установление новых приоритетов, важнейшей задачей становится согласование различных взглядов на справедливость. Необходимо обеспечить, чтобы механизм расстановки приоритетов не превратился в инструмент, который систематически маргинализирует и исключает наименее защищенные слои населения. Следовательно, устойчивые управленческие решения предполагают создание механизмов, обеспечивающих рациональное распределение ресурсов при одновременном сохранении уважения к достоинству каждого человека. Реализация данного подхода возможна лишь при наличии публично артикулированных и социально понятных критериев принятия решений, а также при развитии форм гражданского участия в обсуждении принципов распределения и допустимых границ ограничений.

Исходя из вышеперечисленного, можно отметить, что достижение устойчивости требует межсекторного подхода. Состояние здоровья в демографически трансформирующемся обществе определяется не только медицинскими вмешательствами, но и совокупностью социальных условий жизни, включая инфраструктуру ухода, доступность социальной поддержки, параметры городской среды и механизмы поддержки семей. В этой связи устойчивость системы здравоохранения во многом зависит от ее способности к институциональному взаимодействию с социальной политикой, системой долговременного ухода, практиками городского развития и смежными институтами поддержки. При этом следует избегать крайностей: здравоохранение не должно растворяться в социальной политике, однако и не может сохранять автономность в форме изоляции от иных сфер. Наиболее продуктивной представляется стратегия формирования связной и интегрированной системы, в рамках которой медицинские и социальные компоненты взаимно дополняют друг друга, сохраняя собственные профессиональные основания и зоны ответственности.

Заключение

Демографические сдвиги трансформируют систему здравоохранения не только в количественном измерении, усиливая нагрузку на инфраструктуру и кадровые ресурсы, но и в качественном — переопределяя социальные функции данного института и логику его воспроизводства. Наблюдаемые кризисные тенденции целесообразно интерпретировать как проявление структурного противоречия между доминированием эпизодической (событийной) модели лечения и объективной потребностью в длительном сопровождении пациентов, развитии профилактических практик и эффективной координации медицинской помощи.

Устойчивость системы здравоохранения в социологическом понимании определяется ее способностью поддерживать нормативно значимые основания функционирования — справедливость распределения ресурсов, институциональное доверие и связность уровней помощи при одновременном учете социально-экономических детерминант здоровья. Следует отметить, что проведенный анализ позволяет утверждать, что формирование устойчивых решений в сфере здравоохранения возможно при условии «пересборки» социального контракта, укрепления профилактической рациональности и институционализации межсекторного взаимодействия.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка моделей институциональной устойчивости, учитывающих демографическую стратификацию процессов старения, а также трансформацию практик семейной поддержки, ухода и распределения соответствующих функций между домохозяйствами и публичными институтами.

Список источников

- Бек, У. (2000). Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 381.
- Лядова, А. В. (2023). Цифровизация сферы здоровья современного человека и общества в социологической перспективе. В *Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всероссийской научной конференции (16–18 ноября 2023 года)*. (с. 834–838). Санкт-Петербург: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2010. EDN AYOWXF.
- Нишнианидзе, Г. О., Черкашин, М. Д. (2022). Общество риска: сущность и содержание понятия. В *Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: Сборник научных статей 12-й Всероссийской научно-практической конференции (22–23 сентября 2022 года)* (с. 261–266). Курск: Юго-Западный государственный университет, 443. EDN PSADTY.
- Ремесник, Е. С., Ладыгин, А. А. (2023). Новые вызовы и запросы для национальной системы здравоохранения в цифровую эру. *Теория и практика общественного развития*, 10 (186), 173–180. <http://doi.org/10.24158/tipor.2023.10.20>
- Тинасилов, М. Д., Уркумбаева, А. Р. (2021). Разные модели систем здравоохранения в государствах. *Наука и инновационные технологии*, 3 (20), 206–213. <https://doi.org/10.33942/sit1852>
- Ячин, С. Е., Карпункова, В. В. (2022). Институциональный кризис: имеет ли он место быть в области медицинских практик? *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, 11(3А), 41–49. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.24.63.008>
- Яшук, А. И. (2024). Влияние демографических процессов на человеческое развитие. *Вестник Брестского государственного технического университета*, 1 (133), 204–207. <https://doi.org/10.36773/1818-1112-2024-133-1-204-207>

- Esping-Andersen, G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Cambridge: Polity Press, 257.
- Marmot, M. (2017). The Health Gap: The Challenge of an Unequal World: the argument. *International Journal of Epidemiology*, 46(4), 1312–1318. <http://doi.org/10.1093/ije/dyx163>
- Rose, G. A. (2001). Sick individuals and sick populations. *International Journal of Epidemiology*, 30(3), 433–434. <https://doi.org/10.1093/ije/30.3.427>

References

- Beck, W. (2000). *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modern [Risk Society: on the way to another modernity]*. Moscow: Progress-Tradition, 381. (In Russ.)
- Lyadova, A.V. (2023). Digitalization of the sphere of modern human health and society in a sociological perspective. In *Rossiiskoe obshchestvo segodnia: tsennosti, instituty, protsessy: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (16–18 noiabria 2023 goda) [Russian Society today: values, Institutions, processes: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (November 16–18, 2023)]*. (pp. 834–838). Saint Petersburg: Scientia Publishing House, LLC, 2010. EDN AYOWXF (In Russ.)
- Nishnianidze, G.O. & Cherkashin, M. D. (2022). Risk society: the essence and content of the concept. In *Trendy razvitiia sovremennogo obshchestva: upravlencheskie, pravovye, ekonomicheskie i sotsialnye aspekty: Sbornik nauchnykh statei 12-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (22–23 sentiabria 2022 goda) [Trends in the development of modern society: Managerial, legal, economic and social aspects: Collection of scientific articles of the 12th All-Russian Scientific and Practical Conference (September 22–23, 2022)]* (pp. 261–266). Kursk: Southwest State University, 443. EDN PSADTY (In Russ.)
- Artisan, E.S. & Ladygin, A. A. (2023). New challenges and demands for the national health care system in the digital era. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia [Theory and Practice of Social Development]*, 10 (186), 173–180. <http://doi.org/10.24158/tipor.2023.10.20> (In Russ.)
- Tinasilov, M.D. & Urkumbayeva, A. R. (2021). Different models of healthcare systems in states. *Nauka i innovatsionnye tekhnologii [Science and Innovative Technologies]*, 3 (20), 206–213. <https://doi.org/10.33942/sit1852> (In Russ.)
- Yachin, S.E. & Karpunkova, V. V. (2022). The institutional crisis: does it occur in medical practices? *Kontekst i refleksii: filosofii o mire i cheloveke [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]*, 11(3A), 41–49. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.24.63.008> (In Russ.)
- Yaschuk, A.I. (2024). The impact of demographic processes on human development. *Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Vestnik of Brest State Technical University]*, 1 (133), 204–207. <https://doi.org/10.36773/1818-1112-2024-133-1-204-207> (In Russ.)
- Esping-Andersen, G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Cambridge: Polity Press, 257.
- Marmot, M. (2017). The Health Gap: The Challenge of an Unequal World: the argument. *International Journal of Epidemiology*, 46(4), 1312–1318. <http://doi.org/10.1093/ije/dyx163>
- Rose, G. A. (2001). Sick individuals and sick populations. *International Journal of Epidemiology*, 30(3), 433–434. <https://doi.org/10.1093/ije/30.3.427>

Шарипова Элина Рамилевна — магистрант первого года обучения по направлению «Социальная работа в сфере семейно-демографической политики», Институт гуманитарных и социальных наук; Уфимский университет науки и технологий; <https://orcid.org/0009-0005-4075-9489> (Российская Федерация, 452320, г. Дюртюли, ул. Матросова, 6; e-mail: capitankieraku@gmail.com).

Большакова Наталья Леонидовна — старший преподаватель кафедры «Социальная работа», Институт гуманитарных и социальных наук; Уфимский университет науки и технологий; <https://orcid.org/0000-0001-5202-0642> (Российская Федерация, 450106, г. Уфа, Дуванский б-р, 26; e-mail: BolshakovaNL@mail.ru).

Elina R. Sharipova — first-year Master's student in the program Social Work in the Field of Family and Demographic Policy, Institute of Humanities and Social Sciences; Ufa University of Science and Technology; <https://orcid.org/0009-0005-4075-9489> (6, Matrosova St., Dyurtyuli, 452320, Russian Federation; e-mail: capitankieraku@gmail.com).

Natalya L. Bolshakova — Senior Lecturer, Department of Social Work, Institute of Humanities and Social Sciences; Ufa University of Science and Technology; <https://orcid.org/0000-0001-5202-0642> (26, Duvansky Blvd., Ufa, 450106, Russian Federation; e-mail: BolshakovaNL@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 614.2 : 305

JEL classification: I18, I12, J16

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-7-10>

Актуальные направления охраны здоровья населения Беларуси с учетом особенностей жизненного цикла женщин и мужчин¹

В.И. Юодешко ^a, Е.А. Богданович ^b

^{a, b} НИИ труда Минтруда и соцзащиты (г. Минск, Республика Беларусь).

Автор для корреспонденции: Е.А. Богданович (bogdanovich1016@gmail.com).

Аннотация. Статья посвящена обоснованию приоритетных направлений государственной политики в сфере охраны здоровья населения Беларуси на 2026–2030 гг. через призму гендерного и возрастного подходов. Цель — определить проблемные зоны здоровья женщин и мужчин на разных этапах жизни для формирования адресных мер. Работа основана на анализе динамики национальных статистических показателей, данных социологических исследований, а также на обзоре научной литературы и международных документов. Выделены наиболее актуальные аспекты, требующие программных решений: психическое здоровье подростков, питание девочек-подростков и беременных, здоровье женщин в период менопаузы, сверхсмертность мужчин трудоспособного возраста, здоровье людей с инвалидностью, вовлечение мужчин в репродуктивное здоровье, онкологический скрининг. Статья носит обзорно-аналитический характер. Перспективным направлением дальнейших исследований является углубленное изучение эффективности внедряемых гендерно-ориентированных программ и барьеров в доступе к услугам для уязвимых групп населения.

Ключевые слова: охрана здоровья; гендерный подход; жизненный цикл; социально значимые заболевания.

Current Areas of Public Health Protection in Belarus, Considering the Life Cycle Characteristics of Women and Men

V. Yuodeshko ^a, E. Bogdanovich ^b

^{a, b} Labor Research Institute of the Ministry of Labor and Social Protection (Minsk, Republic of Belarus).

Corresponding author: E. Bogdanovich (bogdanovich1016@gmail.com).

Abstract. This article is dedicated to the justification of priority areas of state policy in the field of public health in Belarus for 2026–2030 through the lens of gender and age approaches. The objective is to identify problem areas for women's and men's health at different stages of life in order to formulate targeted measures. The work is based on an analysis of the dynamics of national statistical indicators, sociological research data, as well as a review of scientific literature and international documents. The most pressing aspects requiring policy solutions are highlighted: adolescent mental health, nutrition of adolescent girls and pregnant women, women's health during menopause, excess mortality among working-age men, the health of people with disabilities, men's involvement in reproductive health, cancer screening. This article is of a review and analytical nature. A promising area of research is an in-depth study of the effectiveness of implemented gender-oriented programs and barriers to accessing services for vulnerable groups.

Keywords: health care; gender approach; life cycle; socially significant diseases.

Введение

Включение гендерного и возрастного подхода в охрану здоровья является стратегической необходимостью для решения демографических, экономических и социальных вызовов, стоящих перед Беларусью.

¹ Юодешко В. И., Богданович Е. А. Текст. 2026.

Отход от универсальных моделей в пользу дифференцированных стратегий для женщин и мужчин на разных этапах жизни — это путь к увеличению продолжительности здоровой жизни женщин и мужчин и укреплению человеческого капитала страны.

Базовым уровнем для обеспечения эффективной системы охраны здоровья является признание объективных биологических и физиологических различий между мужчинами и женщинами, которые напрямую определяют специфические профили заболеваемости и репродуктивные потребности, требующие различных медицинских подходов.

Преодоление устойчивого гендерного разрыва в продолжительности жизни, достигающего в Беларуси 10–11 лет не в пользу мужчин, требует особого внимания. В качестве главных проблем здесь выступают сверхсмертность мужчин трудоспособного возраста от управляемых факторов — внешних причин и неинфекционных заболеваний, а также культурные стереотипы о мужественности, препятствующие своевременному обращению за медицинской помощью. Решение этой проблемы лежит в разработке и внедрении целенаправленных гендерно-ориентированных программ профилактики, способных преодолеть стереотипы и вовлечь мужчин в заботу о собственном здоровье.

Сохранение репродуктивного здоровья населения, являющееся приоритетом демографической политики Беларуси, не может быть достигнуто без учета особенностей жизненного цикла каждого из полов. Это требует функционирования целостной системы, которая инвестирует в здоровье девочек-подростков как в основу здоровья будущих матерей, обеспечивает непрерывное медицинское сопровождение женщины на всех этапах реализации репродуктивных планов и целенаправленно включает мужчин, признавая прямое влияние их здоровья на фертильность и благополучие потомства. Только такой комплексный подход создает условия для осознанного родительства и устойчивого демографического развития.

Эффективность противодействия хроническим неинфекционным заболеваниям, составляющим главную причину смертности в Беларуси, напрямую зависит от профилактической работы, основанной на гендерно-возрастных особенностях развития болезней, поскольку пики развития основных хронических болезней (сердечно-сосудистые, онкологические, диабет) приходятся на разные периоды жизни у женщин и мужчин и обусловлены разными физиологическими триггерами.

Гендерные различия в заболеваемости и клинической картине болезней, а также в обращении за медицинской помощью изложены в работах как белорусских (Новик и др., 2020), так и российских (Драпкина & Ким, 2023; Зинькина & Коротаев, 2021) исследователей. Также отмечена необходимость и важность развития и реализации гендерно-ориентированного подхода в охране здоровья населения в Беларуси (Кот, 2024).

Кроме того, в рамках выполнения своих международных обязательств, Беларусь, как участница Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, обязана обеспечивать женщинам доступ к медицинским услугам с учетом их специфических потребностей на всех этапах жизни. Это также соответствует принципам Целей устойчивого развития (ЦУР 3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте»

и ЦУР 5 «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек»).

Таким образом, учет жизненного цикла в охране здоровья является необходимым практическим инструментом для укрепления демографической безопасности посредством сохранения репродуктивного здоровья женщин и мужчин, сокращения смертности от хронических неинфекционных заболеваний.

Результаты

Анализ динамики показателей, характеризующих гендерное равенство в области здоровья, включая национальные индикаторы Целей устойчивого развития и другие данные национальной статистики, позволил выделить наиболее актуальные аспекты физического и психического здоровья женщин и мужчин на разных этапах жизни, требующие особого внимания в ближайшей перспективе.

Укрепление психического здоровья подростков

На протяжении 2015–2024 гг. в Беларуси ежегодно регистрируются от 15 до 17,5 тыс. пациентов в возрасте 0–17 лет с впервые в жизни установленным диагнозом «психические расстройства». Уровень первичной заболеваемости психическими расстройствами детского населения не снижается, а среди девочек и девушек зафиксирован его рост на 16,5 % (с 674,8 до 786,2 случая на 100 000 детского населения женского пола)¹. Подростковый возраст входит в группу риска, в то время как психическое здоровье в подростковом возрасте закладывает основу для психического и физического благополучия во взрослой жизни. Своевременная и квалифицированная психологическая помощь является важным элементом профилактики суицидов, что соответствует государственным задачам по сохранению жизни и здоровья населения.

Важность и актуальность охраны психического здоровья подрастающего поколения подчеркивается не только белорусскими (Голубева и др., 2023; Игумнов & Григорьева, 2007), но и российскими (Жигинас, 2015; Чичерин и др., 2024) исследователями.

Эта проблема признается и на международном уровне. Комплексным планом действий в области психического здоровья на 2013–2030 гг.², обновленным ВОЗ в 2022 г., предлагается включать конкретные вопросы охраны психического здоровья в приоритетные направления политики и планы в области здравоохранения, включая здоровье детей и подростков. Отмечается необходимость принятия мер по предупреждению психических расстройств и укреплению психического здоровья на ранних этапах жизни, так как до 50 % случаев психических расстройств у взрослых возникают в возрасте до 14 лет.

Одним из приоритетных направлений стратегии «Здоровый старт здоровой жизни: стратегия охраны здоровья и благополучия детей и подростков в Европейском регионе ВОЗ (2026–2030 гг.)», принятой в октябре 2025 г., определено психическое

¹ Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации Белстата. <http://dataportal.belstat.gov.by/> (дата обращения: 08.01.2026).

² Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013–2030 гг. / ВОЗ. <https://iris.who.int/server/api/core/bitstreams/55ba54af-e159-48a6-904a-01926821aef8/content> (дата обращения: 08.01.2026).

здоровье: борьба с растущим уровнем стресса, тревожности и депрессии среди молодежи и обеспечение доступа к надлежащей помощи и поддержке¹.

Профилактика анемии среди девочек-подростков и беременных

По данным национальной гендерной статистики, в настоящее время у 20,4 % подростков в возрасте 16–19 лет наблюдается недостаток веса, при этом недостатку массы тела значительно чаще подвержены девочки-подростки — 26,9 %. За период 2015–2024 гг. доля подростков с недостаточным весом в целом увеличилась на 2,3 процентных пункта, в том числе среди девочек — на 3,6 п. п., среди мальчиков — на 1,2 п. п.²

Несбалансированное питание оказывает неблагоприятное влияние на развитие и здоровье детей и подростков и является одной из главных причин увеличения количества неинфекционных болезней. Около 30 % хронических заболеваний у подростков связано с неправильным питанием (Абдуллаев & Улужаева, 2021).

Согласно данным национальной статистики по показателю ЦУР 2.2.3, за период 2015–2024 гг. распространенность анемии среди беременных увеличилась с 22,4 % до 24,9 %³ (значения несколько выше среднеевропейских). Анемия у беременных является основным фактором риска материнской и младенческой смертности, преждевременных родов и отставания в развитии детей. Рациональное питание во время беременности способствует профилактике осложнений у матери, обеспечивает оптимальные условия роста и развития плода.

Рациональное и сбалансированное питание является одной из главных составных частей здорового образа жизни, фактором продления активного периода жизнедеятельности. Оно обеспечивает рост, нормальное развитие и жизнедеятельность человека, способствует улучшению здоровья и профилактике заболеваний. Осуществление мероприятий, способствующих улучшению качества питания девочек-подростков и беременных, является эффективной мерой для здоровья следующих поколений.

Поддержка здоровья и качества жизни женщин в период перименопаузы и постменопаузы

Средняя продолжительность жизни женщин в Беларуси к 2024 г. выросла до 79,8 года⁴. Поскольку возраст наступления менопаузы кардинально не меняется (в среднем 51 год), длительность постменопаузы в среднем составляет 30–40 % от общей продолжительности жизни женщины.

Менопауза вызывает различные симптомы, отрицательно сказывающиеся на качестве жизни женщин в периодах перименопаузы и постменопаузы. Менопаузальные

¹ Правительства стран Европы и Центральной Азии приняли новую стратегию ВОЗ, чтобы обеспечить каждому ребенку здоровый жизненный старт / ВОЗ. <https://www.who.int/europe/ru/news/item/29-10-2025-governments-across-europe-and-central-asia-adopt-new-who-strategy-to-give-every-child-a-healthy-start-in-life> (дата обращения: 08.01.2026).

² Веб-портал «Гендерная статистика». <https://gender.belstat.gov.by/home/> (дата обращения: 08.01.2026).

³ Национальная платформа представления отчетности по показателям ЦУР <https://sdgplatform.belstat.gov.by/> (дата обращения: 08.01.2026).

⁴ Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации Белстата. <http://dataportal.belstat.gov.by/> (дата обращения: 08.01.2026).

симптомы развиваются у 80 % женщин (Доброхотова и др., 2017; Гребенникова и др., 2024). Гормональные изменения, связанные с менопаузой, могут влиять на физическое, эмоциональное, психическое и социальное благополучие. ВОЗ считает, что социальная, психологическая и физическая поддержка здоровья в период менопаузального перехода и после менопаузы должна быть неотъемлемой частью медицинского обслуживания¹. Комплексный подход к ведению пациенток в пери- и менопаузальном периоде улучшает качество жизни женщин.

В Беларуси с 2016 г. женщины в возрасте 50 лет и старше составляют более 40 % от общего числа женского населения страны, и их доля поступательно растет², поэтому вопросы сохранения здоровья, жизненной активности и работоспособности этой части женского населения страны приобретают особое значение.

Сохранение здоровья мужчин 40 лет и старше

Средняя продолжительность жизни мужчин в Беларуси существенно ниже, чем женщин. В 2024 г. она составила 69,3 года³. В течение продолжительного времени в стране наблюдается сверхсмертность мужчин в трудоспособном возрасте, она более чем в четыре раза превышает смертность среди женщин.

Основными причинами высокой смерти мужчин в возрасте 40 лет и старше являются предотвратимые неинфекционные заболевания: болезни системы кровообращения, онкологические заболевания, внешние причины. Существенное негативное влияние на здоровье мужчин оказывают социальные стереотипы, влияющие на склонность к рискованному поведению и мешающие своевременному обращению за медицинской помощью (Семутенко и др., 2014; Мухамеджан & Алчинбаев, 2024).

Данная проблема признана на международном уровне. Резолюцией EUR/RC68/R4 Европейского регионального комитета ВОЗ от 19 сентября 2018 г. принята Стратегия в поддержку здоровья и благополучия мужчин в Европейском регионе ВОЗ, которая призывает государства наращивать потенциал и действия систем здравоохранения, чтобы обеспечить для мужчин доступ к услугам на протяжении всей жизни, а также содействовать вовлечению мужчин в заботу о своем здоровье⁴.

Целевые проекты (скрининги, информационные кампании о факторах риска, программы по отказу от курения и алкоголя, повышение медицинской грамотности мужского населения, формирование культуры ответственного отношения к своему здоровью и др.) позволяют снизить преждевременную смертность мужчин.

Сохранение здоровья и жизни мужчин в возрасте 40 лет и старше напрямую влияет на сохранение квалифицированных кадров для экономики, сокращение числа неполных семей и сиротства по причине смерти одного из родителей,

¹ Менопауза/ВОЗ. <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/menopause> (дата обращения: 08.01.2026).

² Рассчитано по данным Интерактивной информационно-аналитической системы распространения официальной статистической информации Белстата. <http://dataportal.belstat.gov.by/> (дата обращения: 08.01.2026).

³ Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации Белстата. <http://dataportal.belstat.gov.by/> (дата обращения: 08.01.2026).

⁴ Стратегия в поддержку здоровья и благополучия мужчин в Европейском регионе ВОЗ/ВОЗ. <https://iris.who.int/server/api/core/bitstreams/1491757f-b718-4cb6-a13f-a0d1125a7f72/content> (дата обращения: 08.01.2026).

сокращение гендерного дисбаланса среди пожилого населения, снижение числа вдов и одиноких женщин в старшем возрасте. Коррекция факторов, негативно влияющих на мужское здоровье, не только улучшит здоровье мужчин, но и в конечном итоге обеспечит оздоровление общества в целом.

**Обеспечение доступности услуг по охране общего и репродуктивного здоровья
для женщин и мужчин с инвалидностью**

В Беларуси более 540 тыс. человек имеют инвалидность¹, что составляет примерно 6 % населения страны. После заметного снижения первичной инвалидности взрослого населения в период 2016–2021 гг. наметилась негативная тенденция ее роста: с 61,1 случая на 10 000 человек населения в 2021 г. до 71,6 — в 2024 г. Растет и уровень детской инвалидности (с 158,4 случая на 10 000 человек детского населения в 2015 г. до 230,0 — в 2024 г.)².

В соответствии со статьей 3 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» одним из основных принципов государственной политики Республики Беларусь в области здравоохранения является приоритетность медицинского обслуживания инвалидов. Вместе с тем, согласно результатам социологического опроса людей с инвалидностью, проведенного НИИ труда Минтруда и соцзащиты в августе — сентябре 2022 г., 40,7 % респондентов заявило об улучшении доступности медицинской помощи и услуг в поликлиниках, амбулаториях, больницах и др. за последние пять лет, 41,7 % отметили, что доступность осталась прежней, 7,1 % сочли, что доступность ухудшилась.

Около трети респондентов (34,2 %) отметили, что информация о репродуктивном здоровье, планировании семьи и контрацепции стала более доступной для инвалидов за последние пять лет. Около четверти (28,6 %) сочли, что ситуация осталась прежней, 1,9 % отметили ухудшение доступности такой информации.

Более половины респондентов (51 %) включили улучшение медицинского обслуживания для лиц с инвалидностью в число актуальных направлений работы для более полной реализации инвалидом их прав наравне с другими гражданами.

Актуальность проблемы оказания медицинских услуг инвалидам, включая охрану их репродуктивного здоровья, обусловлена необходимостью широкого охвата всех аспектов их благополучия — физического, психологического и социального. Однако многие аспекты медико-социальной проблемы, в особенности вопросы репродуктивного здоровья, остаются на сегодняшний день недостаточно изученными (Мухамадиева и др., 2020).

В 2016 г. Беларусь ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов (Закон Республики Беларусь от 18 октября 2016 г. № 424-З «О ратификации Конвенции о правах инвалидов»). Статья 25 Конвенции прямо закрепляет право инвалидов на наивысший достижимый уровень здоровья без дискриминации по признаку инвалидности. Статья включает обязательство обеспечивать инвалидам тот же набор, качество и уровень услуг и программ по охране здоровья, что и другим лицам, в том числе в области сексуального и репродуктивного здоровья.

¹ Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2024. С. 132.

² Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации Белстата. <http://dataportal.belstat.gov.by/> (дата обращения: 08.01.2026).

Реализация указанного направления, таким образом, направлена как на выполнение международных обязательств, так и на достижение целей национальной политики в области инклюзии.

Кроме того, многие люди с инвалидностью являются активными участниками рынка труда. Поддержание их общего здоровья является вкладом в сохранение трудовых ресурсов и, соответственно, в экономику страны (Новикова, 2023).

Вовлечение мужчин в программы подготовки к родам и партнерских родов

В последние годы в Беларуси все большую популярность приобретает присутствие партнера при рождении ребенка. Доля партнерских родов в Беларуси невелика (общая статистика по стране отсутствует), но с ростом осведомленности растет и количество таких случаев. По приблизительным подсчетам белорусских медиков, рожать вдвоем желает каждая десятая семейная пара, ожидающая ребенка¹.

Партнерская поддержка во время беременности и в родах обеспечивает психоэмоциональный комфорт, уверенность в благополучном исходе родов, снижает частоту управляемых осложнений (Сидоренко & Аринчина, 2019).

Постоянное присутствие партнера во время родов рекомендуется ВОЗ для обеспечения положительного опыта родов².

Чтобы вовлечь мужчин в программы подготовки к родам, необходимо подчеркнуть их роль как активных партнеров, а не пассивных наблюдателей, предоставить им конкретные знания и навыки для поддержки женщины и участия в процессе родов. Важно проводить совместную подготовку, включая посещение специализированных курсов, где мужчины могут научиться техникам массажа, дыханию и способам оказания психологической поддержки.

Новые подходы к консультированию женщин (семей) в состоянии репродуктивного выбора и сохранению беременности

В Беларуси наблюдается положительная динамика сокращения частоты абортов. За период 2015–2024 гг. она снизилась с 12,7 до 6,8 аборта на 1 000 женщин репродуктивного возраста (15–49 лет). Вместе с тем в 2024 г. было выполнено 14,4 тыс. операций искусственного прерывания беременности³.

Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» обязывает организации здравоохранения создать условия и обеспечить проведение предабортного психологического консультирования женщин, обратившихся за проведением искусственного прерывания беременности (ч. 2 ст. 27).

Предабортное консультирование проводится с соблюдением требований законодательства в сфере оказания психологической помощи, то есть при наличии согласия женщины на ее оказание (ч. 1 ст. 18 Закона Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 153-З «Об оказании психологической помощи»).

¹ Роды вдвоем / Беларусь сегодня. <https://www.sb.by/articles/rody-vdvоеm-.html> (дата обращения: 08.01.2026).

² Рекомендации ВОЗ по уходу в интранатальный период для формирования положительного опыта родов / ВОЗ. <https://iris.who.int/server/api/core/bitstreams/775f2a1f-a922-49db-9bd4-c48e5b36ed73/content> (дата обращения: 08.01.2026).

³ Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации Белстата. <http://dataportal.belstat.gov.by/> (дата обращения: 08.01.2026).

Согласно Инструкции о проведении семейного предабортного консультирования, утвержденной приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 ноября 2021 г. № 1409, предабортное консультирование не проводится в случае желания женщины, обратившейся за проведением искусственного прерывания беременности, самостоятельно решать вопрос о материнстве, согласно ч. 1 ст. 27 Закона «О здравоохранении».

В Беларуси обеспечен практически 100 % охват женщин предабортным психологическим консультированием. В результате проводимой работы ежегодно увеличивается удельный вес женщин, принявших решение сохранить беременность. По данным Минздрава, эффективность предабортного консультирования по республике в последние годы составляет 30–33 %.

Практика предабортного психологического консультирования показала не только свою эффективность, но и необходимость продолжения совместной работы психологов и акушеров-гинекологов в этом направлении, так как в женские консультации ежегодно обращаются тысячи женщин, желающих прервать беременность (Вербицкая и др., 2020; Дрозд, 2020). Внедрение новых подходов к консультированию женщин (семей) в состоянии репродуктивного выбора является своевременной, экономически целесообразной и социально ответственной мерой.

Повышение осведомленности населения о раннем выявлении онкологических заболеваний, специфических для женщин и мужчин (рак молочной железы, шейки матки, предстательной железы), а также вакцинации от ВПЧ девочек целевых возрастных групп, в том числе проживающих в сельской местности

Смертность от новообразований находится на втором месте среди причин смертности в Беларуси. Она возросла с 184,5 на 100 тыс. человек в 2015 г. до 201,6 на 100 тыс. человек в 2019 г.¹ При этом смертность от новообразований почти в два раза выше среди мужчин, чем у женщин.

Рак молочной железы, шейки матки и предстательной железы входят в число наиболее распространенных и социально значимых видов онкологии в Беларуси. Для данных локализаций существуют доступные методы скрининга (маммография, ПАП-тест на основе жидкостной цитологии, ПСА-тест), которые позволяют выявлять болезнь на I–II стадиях, когда лечение наиболее эффективно. Если болезнь диагностирована на ранней стадии, и пациент своевременно получил необходимое лечение, то в 90 % случаев он выздоравливает.

Но медицинские технологии бессильны без обращения пациента. Необходимо непрерывное и всестороннее информирование населения о значении и пользе скрининга рака с учетом психологических и социальных факторов, влияющих на участие в скрининге (Волчек, 2024). Целевая информационная кампания должна быть направлена на непосредственное влияние на поведенческие факторы, мотивируя население на заботу о своем здоровье.

В соответствии с приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 4 апреля 2025 г. № 389 «Об утверждении порядка организации

¹ Национальная платформа представления отчетности по показателям ЦУР <https://sdgplatform.belstat.gov.by/> (дата обращения: 08.01.2026).

и проведения ранней диагностики предопухолевых и опухолевых заболеваний отдельных локализаций» утверждены инструкции о порядке организации и проведения ранней диагностики предопухолевых и опухолевых заболеваний молочной железы, предстательной железы, шейки матки с обеспечением информационного сопровождения программ ранней диагностики в рамках диспансеризации.

Самой распространенной причиной развития рака шейки матки является вирус папилломы человека. Вакцинация девочек-подростков является первичной профилактикой, направленной на устранение причины рака, а не на его раннее обнаружение.

Важным представляется широкое информирование населения о возможностях раннего выявления онкологических заболеваний, а также вакцинация от ВПЧ, предотвращающая развитие рака шейки матки и других заболеваний, вызываемых ВПЧ.

Заключение

Анализ проблемных аспектов позволил определить следующие актуальные направления охраны здоровья населения Беларуси на 2026–2030 гг. с учетом особенностей здоровья и образа жизни женщин и мужчин на разных этапах жизни:

- реализация комплекса проектов и инициатив, ориентированных на поддержание психологического здоровья подростков, сбалансированного питания девочек-подростков и беременных женщин, здоровья и качества жизни женщин в период пери- и постменопаузы, здорового образа жизни мужчин 40 лет и старше, общего и репродуктивного здоровья женщин и мужчин с инвалидностью;

- реализация мер в сфере охраны репродуктивного здоровья посредством развития служб планирования семьи и вовлечения мужчин в программы подготовки к родам и партнерских родов;

- реализация комплекса информационно-просветительских мер, направленных на содействие профилактике и раннему выявлению специфических для женщин и мужчин онкологических заболеваний.

Список источников

Абдуллаев, Г. Р., Улухужаева Н. Н. (2021). Правильное питание детей и подростков — залог здоровья. *Scientific progress*, 2 (2), 647–651.

Вербицкая, М. С., Вербицкий, В. С., Савицкая, В. М., Коротких, О. В., Коташевич, В. И. (2020). Предабортное консультирование в женских консультациях и его роль в отказе пациенток от прерывания беременности. *Медицинский журнал*, 3, 55–58.

Волчек, В. С. (2024). Совершенствование программы скрининга и раннего выявления злокачественных новообразований: механизмы повышения качества и эффективности реализации. *Проблемы здоровья и экологии*, 21 (2), 117–127. <https://doi.org/10.51523/2708-6011.2024-21-2-14>

Голубева, Т. С., Осипчик, С. И., Гребень, Н. Ф., Ёжиков, Д. Э. (2023). Показатели психического здоровья детского населения Республики Беларусь. *Вопросы организации и информатизации здравоохранения*, 3, 15–23.

Гребенникова, Г. А., Джаимбетова, А. П., Рослякова, А. В. (2024). Оценка качества жизни женщин в периоде менопаузального перехода. *Репродуктивная медицина (Центральная Азия)*, 3, 92–100. <https://doi.org/10.37800/RM.3.2024.92-100>

Доброхотова, Ю. Э, Боровкова, Е. И., Нариманова, М. Р. (2017). Улучшение качества жизни пациенток в пери- и постменопаузе. *Русский медицинский журнал*, 26, 1961–1964.

Драпкина, О. М., Ким, О. Т. (2023). Половые и гендерные различия в здоровье и болезни. Часть I. Эволюционная. *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*, 22 (8), 68–79. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3657>

Дрозд, О. А. (2020). Преабортное консультирование: психологическая помощь или давление. В *Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: субъект-субъектная коммуникация как фактор социализации индивида: материалы V Международной научной конференции, Минск, 23–24 октября 2020 года.* (с. 84–87). Минск: БГУ, 111. EDN NOSRNU

Жигинас, Н. В. (2015). Психическое здоровье подростков как социальная задача общества. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 11 (164), 100–103.

Зинькина, Ю. В., & Коротаев, А. В. (2021). Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин: обзор генетических, социальных и ценностных факторов. *Демографическое обозрение*, 8(1), 106–126. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i1.12395>

Игумнов, С. А., Григорьева, Н. К. (2007). Охрана психического здоровья детей и подростков Беларуси: проблемы и перспективы. *Медицинский журнал*, 2007, 2, 1–5.

Кот, У. В. (2024). Здоровье мужчин и женщин в контексте демографической и гендерной политики в Республике Беларусь. В *Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы: сборник научных статей в двух томах. Т. 2.* (с. 338–342). Институт экономики НАН Беларуси. Минск: Право и экономика, 560.

Мухамадиева, С. М., Олимова, Ф. А., Рустамова, М. С., Пулатова, А. П. (2020). Медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья женщин-инвалидов с ограниченными возможностями опорно-двигательной системы. *Вестник Академии медицинских наук Таджикистана*, 10(1), 62–70. <https://doi.org/10.31712/2221-7355-2020-10-1-62-70>

Мухамеджан, М. Б., Алчинбаев, М. К. (2024). Обзорная статья: мужское здоровье — проблемы, вызовы и стратегии улучшения. *Universum: медицина и фармакология: электрон. научн. журн.*, 9 (114), 30–33. <https://7universum.com/ru/med/archive/item/18204> (дата обращения: 31.12.2025).

Новик, И. И., Писарик, В. М., Craig, Brett J., Rakovac, Ivo. (2020). Различия между мужчинами и женщинами в моделях обращения за медицинскими услугами. *Вопросы организации и информатизации здравоохранения*, 4, 76–83.

Новикова, С. И. (2023). Политика Республики Беларусь по профессиональной реабилитации, абилитации и трудовой активности инвалидов. *Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*, 1 (115), 12–19.

Семутенко, К. М., Чешик, И. А., Шаршакова, Т. М. (2014). Основные факторы, определяющие состояние здоровья мужчин. *Вопросы организации и информатизации здравоохранения*, 2, 36–46.

Сидоренко, В. Н., Аринчина, Н. Г. (2019). Партнерская поддержка как профилактика осложнений во время беременности и в родах. *Медицинские новости*, 4, 17–20.

Чичерин, Л. П., Щепин, В. О., Загоруйченко, А. А. (2024). Тенденции психического здоровья детей и подростков России. *Здравоохранение Российской Федерации*, 68(2), 123–130. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2024-68-2-123-130>

References

Abdullaev, G. R. & Ulukhuzhaeva, N. N. (2021). Proper nutrition of children and adolescents is the key to health. *Scientific progress*, 2 (2), 647–651. (In Russ.)

Chicherin, L. P., Shchepin, V. O., Zagoruychenko, A. A. (2024). Trends in the mental health in children and adolescents in Russia. *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii [Health Care of the Russian Federation]*, 68(2), 123–130. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2024-68-2-123-130> (In Russ.)

Dobrokhotova, Yu. E., Borovkova, E. I., & Narimanova, M. R. (2017) Improving the quality of life of peri- and postmenopausal patients. *Russkiy meditsinskiy zhurnal [Russian Journal of Woman and Child Health]*, 26, 1961–1964. (In Russ.)

Drapkina, O. M. & Kim, O. T. (2023). Sex and gender differences in health and disease. Part I. Evolutionary. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika [Cardiovascular Therapy and Prevention]*, 22 (8), 68–79. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3657> (In Russ.)

Drozd, O. A. (2020). Pre-abortion counseling: psychological help or pressure. In *Psikhosotsialnaia adaptatsiia v transformiruiushchetsia obshchestve: subiekt-subieektnaia kommunikatsiia kak faktor sotsializatsii individa: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Minsk, 23–24 oktiabria 2020 goda [Psychosocial adaptation in a transforming society: subject-subject communication as a factor of individual socialization : Proceedings of the V International Scientific Conference, Minsk, October 23-24, 2020]*. (pp. 84-87). Minsk: BSU 111. EDN NOSRNU (In Russ.)

Golubeva, T. S., Osipchik, S. I., Greben, N. F., & Yozhikov, D. E. (2023). Indicators of mental health of child population in the republic of Belarus. *Voprosy organizatsii i informatizatsii zdravookhraneniya [Issues of healthcare organization and informatization]*, 3, 15–23. (In Russ.)

Grebennikova, G. A., Dzhaibetova, A. P., & Roslyakova, A. V. (2024). Assessment of the Quality of Life of Women during the Menopausal Transition. *Reproduktivnaya meditsina (Tsentralnaya Aziya) [Reproductive Medicine]*, 3, 92–100. <https://doi.org/10.37800/RM.3.2024.92-100> (In Russ.)

Igumnov, S. A. & Grigorieva, N. K. (2007). Mental Health Protection of Children and Adolescents in Belarus: Problems and Prospects. *Meditsinskiy zhurnal [Medical Journal]*, 2007, 2, 1–5. (In Russ.)

Kot, U. V. (2024). The Health of Men and Women in the Context of Demographic and Gender Policy in the Republic of Belarus. In *Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty i perspektivy: sbornik nauchnykh statey v dvukh tomakh. T. 2. [Strategy for the development of the Belarusian economy: challenges, tools and prospects: a collection of scientific articles in two volumes. Vol. 2]* (pp. 338-342). Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus. Minsk: Law and Economics, 560. (In Russ.)

Mukhamadiev, S. M., Olimova, F. A., Rustamova, M. S., & Pulatova, A. P. (2020). Medical and social aspects of the reproductive health of disabled women with limited capabilities of the musculoskeletal system. *Vestnik Akademii meditsinskikh nauk Tadzhikistana [Bulletin of the Academy of Medical Sciences of Tajikistan]*, 10 (1), 62–70. <https://doi.org/10.31712/2221-7555-2020-10-1-62-70> (In Russ.)

Mukhamedzhan, M. B. & Alchinbaev, M. K. (2024). Review article: Men's health — problems, challenges, and improvement strategies. *Universum: meditsina i farmakologiya [Universum: medicine and pharmacology]*, 9 (114), 30–33. <https://7universum.com/ru/med/archive/item/18204> (Accessed: 31.12.2025). (In Russ.)

Novik, I. I., Pisarik, V. M., Craig, Brett J., & Rakovac, Ivo. (2020). Differences between men and women in patterns of seeking medical services. *Voprosy organizatsii i informatizatsii zdravookhraneniya [Issues of healthcare organization and informatization]*, 4, 76–83. (In Russ.)

Novikova, S. I. (2023). Policy of the Republic of Belarus on Vocational Rehabilitation, Habilitation, and Labor Activity of Persons with Disabilities. *Vesti BDPU. Seryya 2 [BSPU Bulletin. Series 2]*, 1, 12–19. (In Russ.)

Semutenko, K. M., Cheshik, I. A., & Sharshakova, T. M. (2014). The Main Factors Determining the Health of Men. *Voprosy organizatsii i informatizatsii zdravookhraneniya [Issues of healthcare organization and informatization]*, 2, 36–46. (In Russ.)

Sidorenko, V. N. & Arinchina, N. G. (2019). Partner support as a prevention of complications during pregnancy and childbirth. *Meditsinskie Novosti [Medical News]*, 4, 17–20. (In Russ.)

Verbitskaya, M. S., Verbitsky, V. S., Savitskaya, V. M., Korotkikh, O. V., & Kotashevich, V. I. (2020). Pre-abortion counseling in antenatal clinics and its role in patients' refusal to terminate a pregnancy. *Meditsinskiy zhurnal [Medical Journal]*, 3, 55–58. (In Russ.)

Volchek, V. S. (2024). Improving the program of screening and early detection of malignant neoplasms: mechanisms for improving the quality and effectiveness of implementation. *Problemy zdorovya i ekologii [Health and Ecology Issues]*, 21(2), 117–127. <https://doi.org/10.51523/2708-6011.2024-21-2-14> (In Russ.)

Zhiginas, N. V. (2015). Adolescent mental health as a social task of society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]*, 11(164), 100–103. (In Russ.)

Zinkina, Yu. V. & Korotaev, A. V. (2021). The gap in life expectancy between men and women: a review of genetic, social, and value factors. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 8(1), 106–126. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i1.12395> (In Russ.)

Юодешко Виктория Иосифовна — кандидат экономических наук, заведующий центром социально-демографических исследований, НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (Республика Беларусь, 220004, г. Минск, проспект Победителей, 23, корпус 2; e-mail: v.yuodeshko@gmail.com).

Богданович Елена Анатольевна — старший научный сотрудник центра социально-демографических исследований, НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (Республика Беларусь, 220004, г. Минск, проспект Победителей, 23, корпус 2; e-mail: bogdanovich1016@gmail.com).

Viktoriya I. Yuodeshko — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Center for Social and Demographic Research, Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus (23, Pobediteley Ave., Building 2, Minsk, 220004, Republic of Belarus; e-mail: v.yuodeshko@gmail.com).

Elena A. Bogdanovich — Senior Researcher of the Center for Social and Demographic Research, Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus (23, Pobediteley Ave., Building 2, Minsk, 220004, Republic of Belarus; e-mail: bogdanovich1016@gmail.com).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

УДК 3176.3, 316.35, 316.36

JEL classification: J12, J13, J17

<https://doi.org/10.17059/udf-2026-7-11>

Современная российская демографическая ситуация в контексте наследия А.В. Чаянова

Д. В. Степанов ^a

^a Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет
(г. Москва, Россия).

<https://orcid.org/0009-0000-3859-3006>

Автор для корреспонденции: Д.В. Степанов (Stepanovdv@my.msu.ru).

Аннотация. Демографический кризис в России характеризуется устойчивым падением СКР ниже уровня простого воспроизводства, несмотря на многократное увеличение государственных расходов на поддержку семей. В статье выдвигается гипотеза о том, что ключевой причиной депопуляции является не бедность, а разрушение института общесемейной трудовой деятельности и замещение самоэксплуатации на благо семейного «мы» отчужденным наемным трудом. Теоретическую основу исследования составляет наследие А.В. Чаянова, дополненное концепциями самотрансценденции (А. Маслоу, П.А. Сорокин). Эмпирически верифицировано существование «современного порога Чаянова» — уровня душевого дохода (около 33 тыс. руб./мес. по данным 2023 г.), после которого связь между доходом и вероятностью многодетности становится отрицательной. На микроданных Росстата ($N = 12\,847$ домохозяйств) построены логистические регрессии, подтверждающие, что тип занятости модифицирует этот порог и является более сильным предиктором многодетности, чем уровень дохода. Международное сравнение с Турцией и арабскими странами показывает универсальность механизма: пока семья сохраняет производственную функцию, рождаемость удерживается выше уровня воспроизводства. Предложена новая парадигма демографической политики, ориентированная на создание условий для общесемейной деятельности вместо монетарной компенсации издержек.

Ключевые слова: Чаянов; самоэксплуатация; трудопотребительский баланс; самотрансценденция; семейное «мы»; порог рождаемости; семейный бизнес.

The Contemporary Russian Demographic Situation in the Context of A.V. Chayanov's Legacy

D. Stepanov ^a

^a Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology (Moscow, Russia).

<https://orcid.org/0009-0000-3859-3006>

Corresponding author: D.V. Stepanov (Stepanovdv@my.msu.ru).

Abstract. The demographic crisis in Russia is characterized by a sustained decline in the total fertility rate (TFR) below the replacement level, despite a manifold increase in government spending on family support. The article hypothesizes that the key cause of depopulation is not poverty but the destruction of the institution of family-based productive labor and the replacement of self-exploitation for the sake of the familial “We” with alienated wage labor. The theoretical foundation of the study is A.V. Chayanov’s legacy, supplemented by concepts of self-transcendence (A. Maslow, P.A. Sorokin). The existence of a “contemporary Chayanov threshold” is empirically verified — a level of per capita income (about 33 thousand rubles/month according to 2023 data) above which the relationship between income and the probability of having many children becomes negative. Using Rosstat microdata ($N = 12,847$ households), logistic regressions are constructed that confirm that the

type of employment modifies this threshold and is a stronger predictor of large family size than income level. An international comparison with Turkey and Arab countries shows the universality of the mechanism: as long as the family retains its productive function, fertility remains above replacement level. A new paradigm for demographic policy is proposed, aimed at creating conditions for family-based activity instead of monetary compensation of costs.

Keywords: Chayanov; self-exploitation; labor-consumer balance; self-transcendence; familial We; fertility threshold; family business.

Введение

Демографическая ситуация в Российской Федерации, несмотря на многолетние усилия государства и беспрецедентные по масштабам финансовые вливания, продолжает оставаться крайне напряженной. Суммарный коэффициент рождаемости, который в 2015 году составлял 1,78, к апрелю 2026 года снизился до 1,357, тогда как для обеспечения хотя бы простого воспроизводства населения необходимо значение не ниже 2,12. Это падение происходит на фоне действия программы материнского капитала, многочисленных федеральных и региональных пособий, льготной ипотеки для семей с детьми и целого ряда национальных проектов, прямо или косвенно направленных на стимулирование рождаемости. Возникает фундаментальное противоречие, которое в научной литературе все чаще именуют «парадоксом рождаемости»: рост государственных расходов на поддержку семей не только не приводит к увеличению числа детей, но и сопровождается устойчивым снижением репродуктивных показателей.

Данное противоречие не может быть удовлетворительно объяснено в рамках доминирующей сегодня неоклассической экономической парадигмы, восходящей к работам нобелевского лауреата Гэри Беккера (Беккер, 1993). Согласно его «новой экономической теории семьи», рождение ребенка рассматривается как результат рационального выбора, в котором семья сопоставляет предельные издержки и предельные выгоды. Из этой логики с неизбежностью следует, что рост доходов должен стимулировать спрос на детей, подобно тому как он стимулирует спрос на любые другие «блага длительного пользования». Однако эмпирические данные на макроуровне демонстрируют обратную закономерность: чем выше уровень экономического развития страны, тем ниже в ней рождаемость. Более того, даже в странах с наиболее развитой системой государственной поддержки семей — например, в Швеции или Норвегии, где пособия и социальные услуги для родителей многократно превышают российские, — трехдетная модель семьи так и не стала массовой.

Эти факты заставляют усомниться в универсальности беккерианской модели и указывают на необходимость поиска альтернативных теоретических рамок. Мы полагаем, что ключ к разрешению данного противоречия был предложен еще в первой трети XX века выдающимся российским экономистом А.В. Чаяновым (Чаянов, 1989). В его теории трудового крестьянского хозяйства центральное место занимают понятия самоэксплуатации и трудопотребительского баланса, которые позволяют объяснить, почему в семейном хозяйстве мотивация труда принципиально отличается от мотивации наемного работника и почему эта мотивация оказывает прямое влияние на репродуктивное поведение.

Цель настоящей работы состоит в эмпирической верификации чаяновской модели применительно к современной российской семье и в доказательстве тезиса о том, что выход из демографического кризиса невозможен без возрождения общесемейной экономической деятельности, основанной на принципах самотрансценденции и самоэксплуатации во имя семейного «мы». Соответственно, основная гипотеза исследования формулируется следующим образом: в современной России существует аналог чаяновского «порога демографического насыщения» — уровень душевого дохода, при достижении которого вероятность рождения третьего и последующих детей перестает расти и начинает падать.

Критика формальной экономической теории семьи и «парадокс рождаемости»

Для того чтобы понять глубинные причины демографического кризиса, необходимо сначала отразексировать теоретические ограничения господствующей парадигмы. Гэри Беккер предложил рассматривать семью как своего рода «малую фабрику» по производству человеческого капитала (Беккер, 1993). В рамках этой модели дети интерпретируются как «блага длительного пользования», удовлетворяющие определенные потребности родителей (психологические, статусные, страховые), но требующие при этом колоссальных затрат — как прямых, так и косвенных, связанных с упущенным доходом родителей, особенно матери. Время родителей, согласно Беккеру, является ключевым ограниченным ресурсом, альтернативные издержки которого растут по мере увеличения заработной платы в экономике, что автоматически повышает «цену» каждого ребенка. Наконец, семья, руководствуясь принципом рациональной максимизации полезности, осуществляет выбор между «количеством» и «качеством» детей: инвестируя в образование, здоровье и развитие одного-двух детей, она отказывается от рождения третьего и последующих.

Однако при попытке применить беккериянскую логику для анализа современных демографических процессов и, что еще важнее, для построения демографических прогнозов и разработки политических мер исследователь сталкивается с непреодолимыми эмпирическими противоречиями. На микроуровне, то есть при сравнении разных семей внутри одной страны в один и тот же момент времени, действительно наблюдается положительная связь между доходом и числом детей: более обеспеченные семьи могут позволить себе больше детей. Это, казалось бы, подтверждает беккериянскую модель. На макроуровне — при сравнении разных стран или при анализе динамики одной страны во времени — обнаруживается устойчивая отрицательная корреляция между уровнем экономического развития и суммарным коэффициентом рождаемости. Чем выше ВВП на душу населения, тем меньше в среднем детей рождается в стране. Этот «парадокс рождаемости» не может быть объяснен простой ссылкой на рост альтернативных издержек, поскольку даже в странах с наиболее щедрой государственной поддержкой семей, где эти издержки в значительной степени компенсируются, рождаемость остается ниже уровня простого воспроизводства.

Более глубокая критика формального подхода была предложена Карлом Поланьи в его фундаментальном труде «Великая трансформация», опубликованном в 1944 году (Поланьи, 2002). Поланьи убедительно показал, что капиталистическая

рыночная экономика представляет собой историческую аномалию, в которой произошло так называемое разукоренение экономической деятельности из социальной ткани. В традиционных, докапиталистических обществах экономические отношения были встроены в систему родства, религии, моральных обязательств и реципрокного обмена; рынок существовал, но не являлся доминирующей формой интеграции хозяйства. С приходом индустриального капитализма рынок стал претендовать на то, чтобы подчинить себе все сферы жизни, превратив в фиктивные товары те элементы, которые по своей природе товарами не являются, а именно труд, землю и деньги (Поланьи, 2002). Превращение труда в товар, по Поланьи, означает, что человеческая деятельность отчуждается от личности и подчиняется законам спроса и предложения.

Этот процесс имеет прямое отношение к кризису семьи. В докапиталистических формациях семья была основной производственной ячейкой, труд родителей и детей был слит воедино, а результаты этого труда непосредственно обеспечивали жизнедеятельность семейной общности. С переходом к наемному труду эта связь была безвозвратно разорвана: экономическая деятельность взрослых членов семьи была выведена за пределы дома, а дети из активных участников производительного процесса превратились в пассивных иждивенцев. Беккериянская модель не видит в этом никакой трагедии — она просто констатирует, что цена ребенка выросла, и семья рационально сокращает его потребление. Однако с точки зрения субстантивной экономики Поланьи, ориентированной на обеспечение жизнедеятельности, произошла катастрофа: был уничтожен тот вид деятельности, который оправдывал и стимулировал многодетность. Совместный труд перестал быть «клеем», скрепляющим поколения, и был заменен совместным досугом и потреблением, которые в силу своей природы не способны породить такую же степень солидарности и потребность в расширении семьи. Именно здесь мы подходим к теоретическому наследию А.В. Чаянова, которое предлагает принципиально иную, субстантивную оптику для анализа экономической функции семьи.

Самозексплуатация и трудопотребительский баланс в теории Чаянова

Теоретическое наследие Александра Васильевича Чаянова представляет собой наиболее глубокую и последовательную попытку построения экономической теории семейно-трудового хозяйства, функционирующего по законам, принципиально отличным от законов капиталистического предприятия (Чаянов, 1989). Чаянов начинает с фундаментального методологического разграничения этих двух типов хозяйственных единиц. Капиталистическое предприятие характеризуется тем, что функции собственника, управляющего и работника в нем, как правило, разделены; целью деятельности является максимизация чистой прибыли на вложенный капитал, а издержки производства включают заработную плату наемных работников, которая выступает внешним ограничением для предпринимателя. В случае систематической убыточности такое предприятие ликвидируется или перепрофилируется. Семейно-трудовое крестьянское хозяйство устроено принципиально иначе: здесь, по точному выражению Чаянова, «и голова, управляющая хозяйством, и рабочие руки принадлежат одному и тому же

человеку» (Чаянов, 1989, с. 203). Семья одновременно является собственником ресурсов, трудовым коллективом и потребителем произведенного продукта.

Из этого фундаментального отличия вытекает ряд ключевых следствий. Во-первых, в семейном хозяйстве отсутствует категория «зароботная плата» в ее капиталистическом смысле: доход семьи является единым и неделимым трудовым доходом, который не распадается на необходимый продукт (зарплату) и прибавочный продукт (прибыль). Весь доход поступает в общий семейный бюджет и служит единой цели — удовлетворению потребностей семьи. Во-вторых, мотивация труда в семейном хозяйстве не является мотивацией предпринимателя: крестьянин не стремится к бесконечному накоплению капитала ради самого накопления, его цель не максимизация абстрактной прибыли, а достижение равновесия между затратами труда и удовлетворением потребностей семьи. В-третьих, семейное хозяйство способно функционировать с отрицательной бухгалтерской прибылью, поскольку в нем отсутствует статья расходов на заработную плату; крестьянская семья способна «самоэксплуатироваться», то есть интенсифицировать свой труд до такой степени, которая была бы немыслима для наемного работника, чтобы удержаться на плаву в неблагоприятных экономических условиях (Чаянов, 1989).

Понятие самоэксплуатации является, пожалуй, самым ярким и одновременно самым трудным для восприятия в современной экономической культуре вкладом Чаянова. В марксистской традиции эксплуатация всегда означала присвоение собственником средств производства прибавочной стоимости, созданной трудом наемного рабочего, то есть отношения власти и отчуждения. Чаянов вкладывает в этот термин совершенно иной смысл: самоэксплуатация — это способность и готовность семейного работника к добровольному, осознанному напряжению своих физических и умственных сил за пределами той нормы, которая была бы приемлема для наемного работника (Чаянов, 1989). Источником этой способности является не внешнее принуждение (хотя нужда, безусловно, выступает фоном), а внутренняя мотивация, направленная на обеспечение жизнедеятельности своей семьи — того самого семейного «мы». Крестьянин эксплуатирует сам себя не для обогащения капиталиста, а для того, чтобы его дети были сыты, дом был в порядке, а хозяйство передано по наследству.

Если самоэксплуатация — это способность, то трудопотребительский баланс — это механизм, определяющий границы и направления приложения этой способности. Чаянов строит свою модель, опираясь на аппарат предельного анализа, но наполняет его специфическим субстантивным содержанием. Он вводит две основные функции: функцию предельной тягости труда $MD(Y)$, которая показывает, как субъективно оценивается крестьянином добыча каждого дополнительного рубля годового дохода (по мере роста дохода и усталости работника «цена» добычи следующего рубля монотонно возрастает), и функцию предельной полезности дохода $MU(Y)$, которая показывает, какую субъективную ценность для семьи представляет каждый дополнительный рубль дохода (по мере насыщения базовых потребностей полезность дополнительного рубля монотонно убывает). Точка пересечения этих двух кривых Y_0 и есть точка трудопотребительского равновесия, в которой субъективная оценка тягости добычи

последнего рубля в точности равна субъективной оценке полезности этого рубля для семьи.

Теперь мы подходим к самому важному для нашего исследования аспекту чаяновской теории — связи трудопотребительского баланса с демографическим поведением семьи. Чаянов показал, что количество детей в семье не является экзогенной переменной, а непосредственно встроено в эту модель равновесия. Рождение ребенка одновременно воздействует на обе кривые: появление нового члена семьи увеличивает совокупные потребности, что повышает предельную полезность дополнительного дохода (кривая MU сдвигается вправо/вверх). Одновременно ребенок — это не только новый «едок», но и потенциальный «работник»; в крестьянском хозяйстве дети довольно рано включаются в посильную трудовую деятельность, что означает, что с течением времени кривая тягости труда MD для всей семьи может сдвинуться вниз. Наличие детей, особенно в многодетной семье, является своеобразной инвестицией, которая в будущем облегчит труд родителей (Чаянов, 1989). Именно поэтому в аграрном обществе, где доминирует семейно-трудовое хозяйство, этот баланс объективно смещен в сторону многодетности, а Чаянов эмпирически зафиксировал, что при достижении определенного уровня дохода (в его расчетах — эквивалент 67 рублей годового дохода на крестьянскую семью) потребность в детях как в дополнительных рабочих руках резко снижается, что представляет собой «порог демографического насыщения».

В современном индустриальном и постиндустриальном обществе происходит фундаментальный сдвиг, разрушающий экономические основания многодетности. Основной формой занятости становится наемный труд вне домашнего хозяйства, то есть экономическая деятельность взрослых членов семьи отделяется от сферы потребления и воспитания детей. Детский труд законодательно запрещен и вытеснен из общественного производства, вследствие чего дети из помощников и будущих работников превращаются исключительно в иждивенцев, требующих колоссальных и постоянно растущих затрат времени и денег.

Самотрансценденция и семейное «мы» как надындивидуальный субъект

Для того чтобы заполнить теоретический пробел, оставленный формальной экономической теорией, и объяснить, почему одни семьи готовы к самоэксплуатации и многодетности, а другие — нет, необходимо обратиться к социологическим и психологическим категориям самотрансценденции и семейного «мы». Термин «самотрансценденция» прочно вошел в научный лексикон благодаря работам двух выдающихся мыслителей XX века — Абрахама Маслоу и Питирима Сорокина, которые, двигаясь с разных сторон, пришли к схожему выводу о том, что подлинное человеческое существование не сводится к удовлетворению эгоистических потребностей. В своих поздних работах, пересматривая знаменитую «пирамиду потребностей», Маслоу пришел к выводу, что самоактуализация — стремление к реализации своего личностного потенциала — не является конечной целью человеческого развития. Над ней надстраивается уровень самотрансценденции, то есть потребности выйти за пределы собственного «я», ощутить связь с чем-то большим, посвятить себя служению другим людям, идее или общему делу (Maslow, 1999). Маслоу описывал людей, достигших этого

уровня, как тех, кто «живет ради цели, более важной, чем они сами»; они менее озабочены личным престижем и материальным накоплением, а их мотивация смещается от «дефицита» к «бытию» и «соучастию». Применительно к семье самотрансценденция означает, что родители начинают воспринимать свои действия, включая тяжелый труд, не как жертву, а как естественное проявление своей сущности в рамках семейной общности.

Питирим Сорокин в последние годы жизни, получив грант от мецената Эли Лилли, посвятил себя масштабному исследованию феномена альтруизма и «энергии неэгоистической любви» (Сорокин, 1992). Он пришел к выводу, что альтруистическая любовь является мощнейшей созидательной силой, способной трансформировать личность и общество. В отличие от утилитарного обмена услугами, альтруистическая любовь не ждет немедленного вознаграждения, она расширяет «я» индивида, включая в него «значимых других». В контексте семьи это означает, что родители идентифицируют себя со своими детьми, и благополучие детей становится частью их собственного благополучия; затраты на ребенка перестают восприниматься как чистые издержки и становятся инвестициями в продолжение собственного «я» в будущем. Синтезируя идеи Маслоу и Сорокина, мы вводим центральную для нашего исследования категорию «семейного «мы» — не как метафору, а как обозначение реального социально-психологического феномена возникновения надындивидуального субъекта, обладающего собственной идентичностью, целями и мотивацией.

Семейное «мы» формируется в результате трех взаимосвязанных процессов. Во-первых, это совпадение ценностно-целевых установок супругов, которое представляет собой не просто компромисс между двумя эгоизмами, а выработку общей картины мира и общих жизненных стратегий; как отмечал А. И. Антонов, совместимость целей мужа и жены встречается достаточно редко (не более чем в 15–20 % семей) и является ключевым фактором устойчивости брака (Антонов и др., 2002). Во-вторых, это совместная деятельность, поскольку семейное «мы» не возникает из абстрактных чувств, а выковывается в процессе общего труда, преодоления трудностей и ведения совместного хозяйства; именно здесь лежит ключ к пониманию экономической функции семьи, поскольку совместная деятельность создает общий продукт (не только материальный, но и социальный — например, воспитанных детей), который присваивается всей семьей, а не отдельным индивидом. Когда семейное «мы» сформировано, экономическое поведение семьи радикально меняется: критерием эффективности становится не максимизация индивидуального дохода, а поддержание и развитие семейной целостности, вследствие чего то, что с позиций индивидуального эгоизма выглядит как самоэксплуатация, с позиции семейного «мы» воспринимается как естественная и осмысленная деятельность.

Исходя из вышеизложенного, мы формулируем центральную гипотезу нашего эмпирического исследования: в современной России существует аналог чаяновского порога демографического насыщения — уровень душевого дохода, при достижении которого вероятность рождения третьего и последующих детей в семье перестает расти и начинает падать, причем этот порог существенно модифицируется типом занятости семьи, тогда как вовлеченность в общесемейную

производительную деятельность является более сильным предиктором многодетности, чем уровень дохода.

Методология эмпирического исследования

Для проверки выдвинутой гипотезы нами было спроектировано и реализовано комплексное эконометрическое и социологическое исследование, состоящее из двух взаимодополняющих этапов. Первый этап представлял собой вторичный анализ репрезентативных микроданных государственной статистики с целью выявления «современного порога Чаянова» и оценки влияния типа занятости на его величину. В качестве эмпирической базы были использованы микроданные «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах» (ВНДН) Росстата за 2022 и 2023 гг. Данное обследование охватывает около шестидесяти тысяч домохозяйств во всех субъектах Российской Федерации и является одним из наиболее надежных источников информации о доходах, составе и социально-демографических характеристиках населения. Выбор этого источника обусловлен его репрезентативностью, детализацией данных о доходах, наличием демографической информации о количестве и возрасте детей в домохозяйстве, а также доступностью для научных исследований по официальному запросу. После фильтрации (наличие супружеской пары, возраст матери 20–49 лет, дети до 18 лет) получена выборка $N = 12\,847$ домохозяйств. Зависимая переменная — наличие трех и более детей (MNOGODET). Основная независимая — душевой денежный доход в месяц (логарифмированная шкала LN_INCOME). Контрольные переменные: тип населенного пункта, образование матери, тип занятости семьи (оба наемные работники; один самозанятый/владелец бизнеса; ЛПХ >20 % бюджета; смешанный), федеральный округ. Для моделирования использована бинарная логистическая регрессия с квадратичным членом LN_INCOME².

Второй этап — авторское исследование «Трудовые стратегии и репродуктивные установки» (март — апрель 2026 г.): онлайн-опрос 2 500 респондентов (квоты по округам и типу занятости) и 40 глубинных полуструктурированных интервью.

Эконометрическое моделирование «порога Чаянова»

Дескриптивный анализ, результаты которого представлены в таблице 1, демонстрирует классическую для большинства развитых стран картину: домохозяйства с большим числом детей имеют более низкий душевой доход. Однодетные семьи в среднем располагают доходом 44 850 рублей в месяц, двухдетные — 42 100 рублей, трехдетные — 31 600 рублей, а семьи с четырьмя и более детьми — всего 24 900 рублей. Однако этот простой анализ не позволяет ответить на ключевой вопрос о направлении причинно-следственной связи: является ли низкий доход причиной многодетности (в традиционных обществах дети экономически выгодны, и бедные семьи рожают больше) или ее следствием (родители вынуждены сокращать занятость, ухаживая за большим количеством детей). Ответ на этот вопрос может дать только регрессионный анализ, позволяющий учесть влияние других факторов. Выбор порога многодетности в три ребенка обусловлен тем, что именно этот уровень необходим для обеспечения хотя бы простого воспроизводства населения (Борисов, 1976).

Таблица 1

**Распределение домохозяйств с детьми до 18 лет по числу детей
и среднему душевому доходу (данные ВНДН, 2023 гг., N = 12 847)**

Число детей в домохозяйстве	Доля в выборке, %	Средний душевой доход, руб./мес. (стандартное отклонение)	Медианный душевой доход, руб./мес.
1 ребенок	48,2	44 850 (18 200)	41 500
2 детей	42,1	42 100 (16 500)	39 200
3 детей	8,5	31 600 (13 800)	28 500
4 и более детей	1,2	24 900 (11 200)	22 100

Источник: расчеты автора по данным ВНДН-2023.

На языке нашей теории это означает, что до определенного момента рост дохода увеличивает шансы семьи стать многодетной — вероятно, за счет того, что снимаются ограничения крайней бедности, — но после прохождения некоторого порога дальнейший рост дохода начинает действовать как антистимул к многодетности, и шансы иметь третьего ребенка начинают падать. Расчет точки максимума по формуле $x = a/(2b)$ дал значение натурального логарифма дохода, равное 5,04, что в рублевом выражении составляет приблизительно 154 000 рублей на домохозяйство в месяц. При среднем размере многодетной семьи в выборке 4,7 человека душевой «порог Чаянова» составляет примерно 32 800 рублей в месяц.

Анализ подгрупп, разделенных по типу занятости, показал, что для наемных работников порог выражен очень четко, вершина кривой вероятности достигается при относительно низком доходе (около 33 000 рублей), после чего вероятность резко падает, что подтверждает, что для абсолютного большинства семей, живущих на зарплату, рост дохода не конвертируется в рост рождаемости после достижения определенного уровня. Напротив, для семей, вовлеченных в семейный бизнес или личное подсобное хозяйство, вершина кривой сдвинута вправо — в зону более высоких доходов, что означает, что в этих семьях «порог насыщения» наступает позже, а доход, получаемый от общесемейной деятельности, дольше сохраняет свою положительную связь с многодетностью. Это можно интерпретировать следующим образом: в семейном бизнесе деньги не просто тратятся на потребление, а реинвестируются в общее дело, частью которого являются и дети, поэтому предельная полезность дополнительного дохода остается высокой дольше. Шансы на многодетность у владельцев семейного бизнеса примерно в 2,1 раза выше, а у семей, сильно зависящих от ЛПХ, — примерно в 3,5 раза выше, чем у семей, где оба супруга являются наемными работниками, что представляет собой прямое статистическое подтверждение гипотезы о том, что общесемейная деятельность является мощным предиктором многодетности.

Результаты авторского социологического опроса, представленные в таблице 2, демонстрируют колоссальный разрыв между разными типами трудовой кооперации семьи. У «атомизированных наемных работников», то есть тех, кто работает отдельно и вне дома, среднее желаемое число детей составляет всего 1,8, а доля желающих иметь трех и более детей — лишь 11 процентов. У «кооперированных наемных работников», работающих в одной сфере или помогающих друг другу, эти показатели выше — 2,2 и 24 процента соответственно, что свидетельствует о том,

что даже в рамках наемного труда сам факт наличия общего дела и совместной деятельности повышает репродуктивные установки. Самозанятые и фрилансеры занимают промежуточное положение (2,1 ребенка, 23 процента). Однако наиболее впечатляющие результаты демонстрируют семьи, вовлеченные в общесемейную деятельность: владельцы семейного бизнеса и фермеры имеют среднее желаемое число детей 2,9, а доля желающих трех и более детей — 54 процента; семьи, для которых личное подсобное хозяйство является значимым источником дохода, — 3,2 ребенка и 62 процента соответственно. Таким образом, разрыв между «атомизированными наемными работниками» и «общесемейной деятельностью» составляет 1,1–1,4 ребенка в среднем желаемом числе и почти пятикратную разницу в доле ориентированных на многодетность.

Для выявления независимого вклада каждого фактора в формирование желаемого числа детей была построена множественная линейная регрессия, стандартизированные коэффициенты которой представлены в таблице 3. Модель объясняет 31 процент вариации желаемого числа детей, что для социологических

Таблица 2

Желаемое число детей в зависимости от типа трудовой кооперации семьи

Тип трудовой деятельности семьи	Доля группы в выборке, %	Среднее желаемое число детей	Доля респондентов, желающих 3+ детей, %
1. «Атомизированные наемные работники» (работают раздельно, вне дома)	52	1,8	11
2. «Кооперированные наемные работники» (работают в одной сфере или помогают друг другу)	16	2,2	24
3. Самозанятые / фрилансеры	17	2,1	23
4. Семейный бизнес / фермеры	8	2,9	54
5. ЛПХ как значимый источник дохода	7	3,2	62
Вся выборка	100	2,0	18

Источник: авторское исследование «Трудовые стратегии», 2025.

Таблица 3

Факторы желаемого числа детей

Предиктор	Стандартизированный коэффициент Beta	Значимость (p)
Тип занятости (1 — наемный работник, 5 — ЛПХ/бизнес)	0,34	<0,001
Вовлеченность детей в семейный труд (индекс)	0,29	<0,001
Степень религиозности	0,22	<0,001
Проживание в сельской местности	0,19	<0,001
Уровень образования (обратная связь)	–0,15	0,002
Душевой доход	0,08	0,045
Возраст	–0,05	0,112

Источник: авторское исследование, 2026.

исследований является хорошим результатом. Двумя самыми сильными предикторами оказались тип занятости ($Beta = 0,34$) и вовлеченность детей в семейный труд ($Beta = 0,29$); оба этих фактора высоко значимы ($p < 0,001$). Религиозность ($Beta = 0,22$) и проживание в сельской местности ($Beta = 0,19$) также вносят существенный вклад, но их влияние заметно слабее. Уровень образования демонстрирует обратную связь ($Beta = -0,15$). И наконец, душевой доход, хотя и является статистически значимым предиктором ($p = 0,045$), имеет стандартизированный коэффициент всего 0,08, то есть его влияние в четыре раза слабее, чем у типа занятости. Это ключевой вывод: не деньги сами по себе, а способ их зарабатывания и организации жизни семьи является решающим фактором формирования многодетных установок.

Качественный анализ 40 глубинных интервью позволил выделить три устойчивых нарратива, объясняющих связь между трудом и деторождением. Первый нарратив, который мы условно назвали «конвейер жизни», доминирует среди наемных работников с одним-двумя детьми и пронизан ощущением усталости, бессмысленности и дефицита времени; работа воспринимается как внешняя, отчужденная необходимость для зарабатывания денег, которая «съедает» все ресурсы. Второй нарратив, названный «общее дело», доминирует в семьях с бизнесом и ЛПХ, имеющих трех и более детей: здесь работа не противопоставляется семье, а является ее естественным продолжением; трудности воспринимаются как общие вызовы, которые сплывают; дети не обуза, а младшие партнеры и помощники. Третий нарратив, «потерянный рай», встречается в разных группах и выражает ностальгию по совместному труду в детстве (обычно у бабушек и дедушек в деревне) и осознание его утраты в собственной семье.

Международные параллели: уроки Турции и арабских стран

Для проверки универсальности выявленных закономерностей был проведен сравнительный анализ стран Ближнего Востока и Северной Африки, в особенности Турции, которые на протяжении последних десятилетий демонстрировали демографическую динамику, резко контрастирующую с общемировыми трендами (Caldwell, 1982; Goode, 1963). В то время как Россия завершила демографический переход к низкой рождаемости уже к 1970 г. (Антонов & Борисов, 2006), Турция сохраняла суммарный коэффициент рождаемости выше 2,0 вплоть до 2015 года: в 1960–1965 гг. он составлял 6,20, в 1980–1985 — 4,20, в 2000–2005 — 2,50 и только в 2023 году снизился до 1,51. Ключом к пониманию этой аномалии является экономическая модель, получившая название «Анатолийские тигры»: в 1980–2000-е годы экономический рост Турции был обеспечен не столько крупными государственными корпорациями или филиалами транснациональных корпораций, сколько взрывным ростом малых и средних предприятий в консервативных провинциях Центральной и Восточной Анатолии, которые были почти исключительно семейными.

Экономическая логика семейного бизнеса в Турции включала мобилизацию семейного капитала и труда (бизнес создавался на сбережения расширенной семьи, в нем работали родственники, а доверие внутри клана заменяло

дорогостоящие формальные контракты), низкие транзакционные издержки, прямую связь труда и благосостояния семьи (доход от бизнеса напрямую поступал в семейный бюджет, и его рост воспринимался как результат совместных усилий) и, что самое важное, воспроизводство многодетной модели, поскольку в этих условиях рождение сыновей было не просто данью традиции, а рациональной экономической стратегией диверсификации и экспансии бизнеса. Эта модель поддерживалась мощной системой институтов, включая вакуфы (благотворительные фонды, служащие механизмом межпоколенческого перераспределения богатства), неформальный институт «васта» (использование личных и семейных связей для получения работы и контрактов) и исламскую этику труда, которая подчеркивает важность труда для обеспечения благосостояния семьи и общины, а не для максимизации индивидуальной прибыли. Однако в 2010–2025 годах в Турции и арабских странах произошло «великое схождение» — стремительное падение рождаемости до уровня 1,5 и ниже, вызванное ускоренной урбанизацией и нуклеаризацией семьи, ростом доли наемного труда в корпоративном секторе, эмансипацией женщин и ростом уровня образования, а также кризисом традиционных институтов. Универсальный вывод, который следует из этого сравнительного анализа, заключается в том, что как только семья перестает быть производительной единицей, демографический коллапс становится неизбежным независимо от культурных и религиозных традиций (Caldwell, 1982).

Заключение

Проведенное комплексное исследование позволяет сформулировать четыре основных вывода. Во-первых, демографический кризис в современной России — это кризис отчуждения труда от семьи, а не кризис бедности, поскольку рост дохода наемных работников после достижения уровня около 33 тысяч рублей на человека в месяц устойчиво снижает вероятность рождения третьего ребенка (Чаянов, 1989). Во-вторых, общесемейная деятельность, включая семейный бизнес и личное подсобное хозяйство, является самым сильным предиктором многодетности: ее влияние в четыре раза превышает влияние уровня дохода, а желаемое число детей в таких семьях на 1,1–1,4 ребенка выше. В-третьих, международный опыт Турции и арабских стран подтверждает универсальность этого механизма: пока семья сохраняет производственную функцию, рождаемость остается выше уровня воспроизводства (Caldwell, 1982). В-четвертых, политика монетарных пособий исчерпала свой потенциал, и необходима смена парадигмы: вместо компенсации издержек — создание институциональных условий для общесемейной деятельности, включая налоговые льготы, признание родительского труда и семейную ипотеку.

Список источников

Антонов, А. И., Медков, В. М., Архангельский, В. Н. (2021). *Демографические процессы в России XXI века*. Москва: МАКС Пресс, 2002. 320.

Антонов, А. И., Борисов, В. А. (2006). *Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики*. Москва: Ключ-С, 2006. 192. EDN: QOPDUV

- Беккер, Г. С. (1993). Экономический анализ и человеческое поведение. *THESIS*, 1(1), 24–40.
- Борисов, В. А. (1976). *Перспективы рождаемости*. Москва: Статистика, 1976. 248.
- Поланы, К. (2002). *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. Санкт-Петербург: Алетейя, 320. EDN: VUMQIR
- Сорокин, П. А. (1992). *Человек. Цивилизация. Общество*. Москва: Политиздат, 1992. 543. EDN: DLKMYG
- Чаянов, А. В. (1989). *Крестьянское хозяйство: Избранные труды*. Москва: Экономика, 492.
- Caldwell, J.C. (1982) *Theory of Fertility Decline*. London: Academic Press, 386.
- Goode, W. (1963). *World Revolution and Family Patterns*. New York: Free Press, 432.
- Maslow, A.H. (1999) *Toward a Psychology of Being*. 3rd ed. New York: Wiley, 272.

References

- Antonov, A.I., Borisov, V.A. (2006). *Dinamika naseleniya Rossii v XXI veke i prio-ritety` demograficheskoy politiki [Population Dynamics in Russia in the 21st Century and Priorities of Demographic Policy]*. Moscow: Klyuch-S, 2006. 192 p. EDN: QOPDUV (In Russ.)
- Antonov, A.I., Medkov, V.M., Arkhangelsky, V.N. (2021). *Demograficheskie proces-sy` v Rossii XXI veka [Demographic Processes in Russia in the 21st Century]*. Moscow: MAKS Press, 2002. 320 p. (In Russ.)
- Becker, G.S. (1993). Economic Analysis and Human Behavior. *THESIS*, 1(1), 24–40. (In Russ.)
- Borisov, V.A. (1976). *Perspektivy` rozhdadnosti [Fertility Prospects]*. Moscow: Statistika, 1976. 248 p. (In Russ.)
- Caldwell, J.C. (1982). *Theory of Fertility Decline*. London: Academic Press, 386 p.
- Chayanov, A.V. (1989). *Peasant Farming: Selected Works*. Moscow: Ekonomika, 492 p. (In Russ.)
- Goode, W. (1963). *World Revolution and Family Patterns*. New York: Free Press, 432 p.
- Maslow, A.H. (1999). *Toward a Psychology of Being*. 3rd ed. New York: Wiley, 272 p.
- Polanyi, K. (2002). *Velikaya transformaciya: politicheskie i e`konomicheskie istoki nashego vremeni [The Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time]*. Saint Petersburg: Aleteiya, 320 p. EDN: VUMQIR (In Russ.)
- Sorokin, P.A. (1992). *Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]*. Moscow: Politizdat, 1992. 543 p. EDN: DLKMYG (In Russ.)

Степанов Данил Вадимович — магистрант кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; <https://orcid.org/0009-0000-3859-3006> (Российская Федерация, 119224, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 33; e-mail: Stepanovdv@my.msu.ru).

Danil V. Stepanov — Master's student at the Department of Sociology of Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University; <https://orcid.org/0009-0000-3859-3006> (1, Leninskie Gory, building 33, Moscow, 119224, Russian Federation; e-mail: Stepanovdv@my.msu.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Г 54 **Основные тренды в демографических событиях: проблемы и решения [Текст]:** сб. науч. ст. / ред. д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А. П. Багирова, д-р ист. наук, проф. Г. Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И. А. Кулькова, д-р филос. наук, проф. Б. Ю. Берзин, д-р экон. наук Н.В. Кривенко, канд. экон. наук Е.Б. Бедрина, канд. экон. наук Н. П. Неклюдова, О.А. Пышминцева; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. — Электрон. текст. дан. (9,41 Мб). — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2026. — 916 с. — 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). — Текст: электронный.

ISBN 978-5-94646-713-1

Сборник научных статей обобщает результаты исследований, посвящённых многогранным проблемам демографического развития и поиску путей их решения. В фокусе внимания авторов — историческая ретроспектива демографических процессов, их взаимосвязь с социально-экономическим развитием регионов, социологические и психологические аспекты естественного движения населения. Значительное место в издании занимают вопросы динамики рождаемости, факторы, определяющие репродуктивное поведение, и новые подходы к родителству в современной демографической политике. Отдельные разделы сборника освещают актуальные тренды в миграции и миграционной политике, а также роль системы здравоохранения в преодолении современных демографических вызовов. Издание адресовано широкому кругу специалистов: экономистам, демографам, социологам, психологам, историкам, работникам здравоохранения, представителям органов власти, а также преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется вопросами демографического развития.

УДК 314
ББК 60.7 (2 Рос)

Научное издание

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ В ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Сборник статей

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол Ученого совета № 9 от 24.03.2026. Рег. № 09(26) (протокол редсовета № 2 от 23.03.2026)

Редактирование: Т. Н. Ваулина
Компьютерная верстка Н. Р. Хамидуловой

Электронное издание
1 оптический компакт-диск

Издание поставляется на одном CD-ROM диске и может быть использовано в локальном и сетевом режимах.

Подписано к использованию 02.06.2026.
Объем 9,41 Мб. Уч.-изд. л. 62.
Тираж 10 шт.

Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 32 Mb RAM; свободное место на HDD 16 Mb;
Windows 95/98; программа просмотра файлов .pdf; дисковод CD-ROM 2-х и выше; мышь.

Издатель: Институт экономики УрО РАН.
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, тел. +7(343) 371-45-36
Сайт: www.uiiec.ru; e-mail: lavrakova.ug@uiiec.ru.

Изготовитель: ООО «Сигнум»
620034, г. Екатеринбург, ул. Готвальда, 3, оф. 115.
тел.: +7 (343) 351-74-33.

